

Лев Толстой

Литературное наследство

В двух книгах этого тома печатаются статьи и документальные публикации, подготовленные в связи с пятидесятилетием смерти Толстого.

Читатели найдут здесь «Слово о Толстом» Леонида Леонова, доклад В. В. Ермилова «Толстой-художник», прочитанный на Международной конференции в Венеции, очерк мировоззрения Толстого, написанный В. Ф. Асмусом, статьи о значении художественных открытий Толстого для русской и мировой литературы, обзоры основных итогов изучения Толстого в советское время.

В разделе «Из истории творчества» публикуются рукописи Толстого, относящиеся к его крупнейшим художественным и публицистическим произведениям—повестям «Казаки» и «Холстомер», романам «Война и мир» и «Анна Каренина», статьям «Царство божие внутри вас», «Рабство нашего времени» и др. Здесь же печатается начало незавершенного рассказа «Записки священника».

Публикация 1145 пословиц и поговорок, приведенных в сочинениях Толстого, впервые во всей полноте демонстрирует масштабы и постоянство интереса писателя к одной из наиболее богатых форм языкового творчества народа.

В биографической части тома помещены три очерка жизни Толстого, составленные со слов писателя его женой, 34 неизвестных письма Толстого и группа еще не бывших в печати мемуаров о нем.

Выдающийся интерес представляет дневник М. С. Сухотина. Записи дневника содержат новые и важные свидетельства острого интереса, с каким следил Толстой за событиями революции 1905—1907 гг.

Впервые на русском языке появляется замечательная статья старшей дочери Толстого Татьяны Львовны «О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода».

В работе «Политическая борьба вокруг смерти Толстого» публикуются документы, извлеченные из архивов царской полиции; в их числе — листовки социал-демократов, одна из которых написана Я. М. Свердловым.

Из документов советского времени печатается неизданная лекция А. В. Луначарского 1928 г. «Толстой и наша современность».

В томе 200 художественных и документальных иллюстраций в тексте и 4 вклейки.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

КНИГА ВТОРАЯ

РЕДАКЦИЯ
И. И. АНИСИМОВ (главн. ред.), Д. Д. БЛАГОЙ,
А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Ю. Г. ОКСМАН, Р. М. САМАРИН,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА,
и Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 1

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

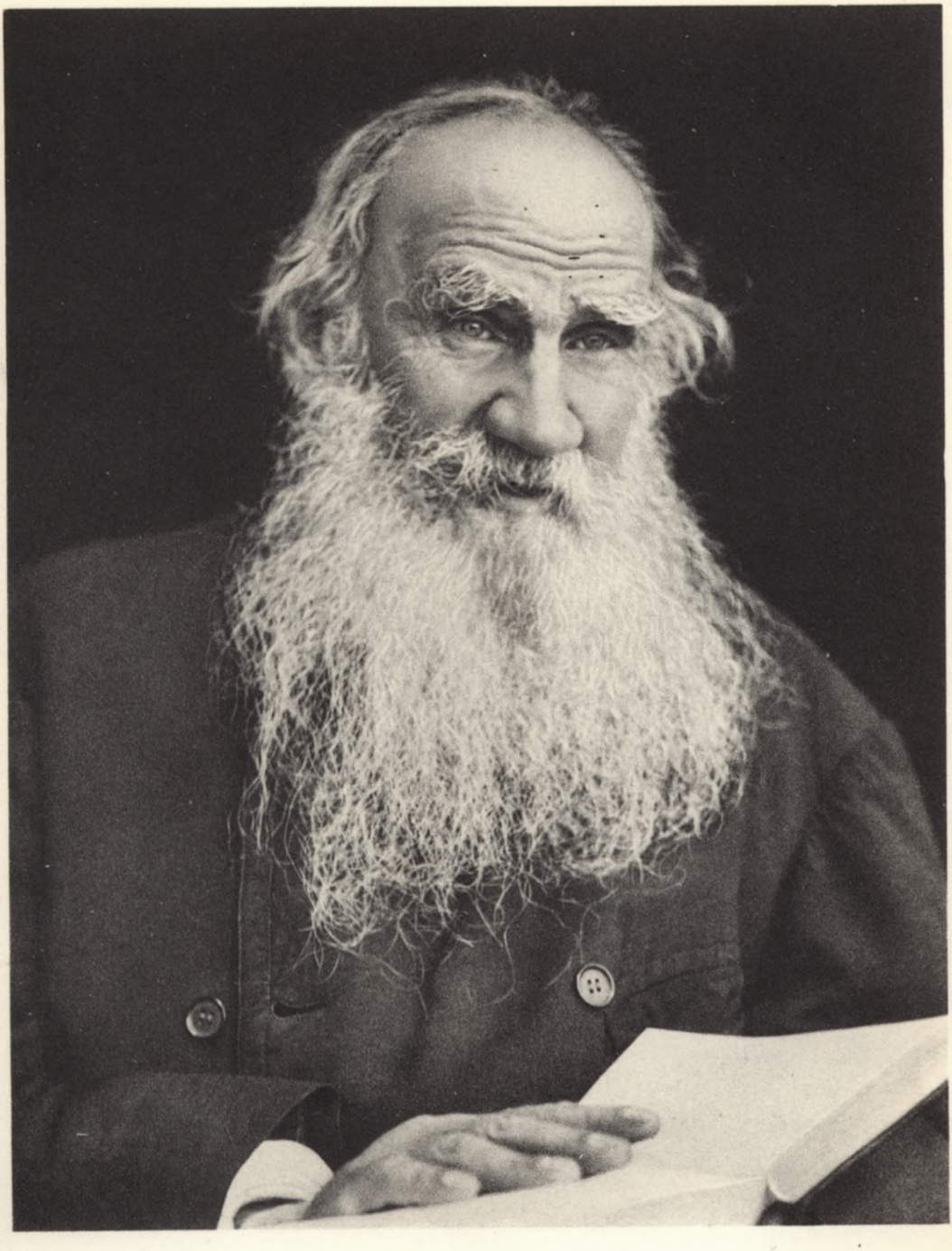
ЛЕВ ТОЛСТОЙ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 1

Редактор тома *С. А. Макашин*

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЫЙ



Л. Н. ТОЛСТОЙ

Фотография, 1910 г.

Музей Толстого, Москва

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ

ИЗ РУКОПИСИ ВОСПОМИНАНИЙ ХУДОЖНИКА П. Ф. ВИМПФЕНА О ТОЛСТОМ

Публикация Л. Н. Кузиной

Публикуемые воспоминания представляют собой единую рукопись (автограф) художника П. Ф. Вимпфена (1865—1938), относящуюся к 1936 г. и озаглавленную «Лев Толстой в моих воспоминаниях. Период 1840—1880—1909 гг.». По содержанию она делится на две самостоятельные части. Первую составляют записки Марии Степановны Воейковой (рожд. Стромиловой, ум. в 1904 г.)— бабушки художника, которые он, по его словам, «целиком как были» включил в текст своих мемуаров. Вторая часть содержит воспоминания самого Вимпфена.

Учитывая эту особенность, мы сочли целесообразным печатать рукопись Вимпфена в виде двух самостоятельных публикаций.

Записки М. С. Воейковой, воспроизведенные Вимпфеном, относятся к раннему периоду жизни Толстого. «Л. Н. Толстой,— пишет Вимпфен,— через Голицыных был с нами в родстве, а мой прадед Воейков состоял опекуном Л. Н.〈...〉 Молодым человеком наш великий писатель 〈...〉 бывал у нее 〈М. С. Воейковой〉 вместе с Юшковой и Ергольской (тетки Л. Н. Толстого)».

Воспоминания Воейковой представляют собой несколько разрозненных, не связанных между собой эпизодов. Возможно, что они были извлечены мемуаристкой из материалов «Семейной хроники», которую она вела в течение многих лет. Отдельные главы этой хроники находятся в настоящее время в ЦГАЛИ, (ф. Л. С. Бороздны, № 707 оп. 1, ед. хр. 24—25), но в этих главах отсутствуют упоминания о Толстом. Автограф воспоминаний Воейковой, которым располагал Вимпфен, не дошел до нас.

Записки Воейковой — наиболее ценный раздел публикуемой рукописи. Они рассказывают о молодых годах жизни Толстого, мало освещенных в мемуарной литературе.

Особенно интересны приведенные Воейковой суждения Толстого о крестьянской реформе и студенческом движении. Развернутых высказываний Толстого об этих крупнейших общественных и политических событиях начала 60-х годов не сохранилось, и об его оценке их можно судить лишь по отдельным, часто кратким замечаниям. Факты, сообщенные Воейковой, дают в этом отношении нечто новое.

По своему основному тону мнения Толстого, записанные Воейковой, не расходятся с тем, что было им высказано в письмах, например в письме к Герцену (март 1861 г.) о реформе или к С. А. Рачинскому (август 1862 г.) «о славной молодежи» и «студенческой истории».

В противовес встречающимся в литературе утверждениям, мемуары Воейковой убеждают, что в начале 60-х годов Толстой не был «чужд политики». Нельзя оставаться молчаливым свидетелем произвола самодержавия: «не молчать, а кричать нужно»— цитирует Воейкова слова Толстого, сказанные им по поводу избиения студентов в Москве в октябре 1861 г.

Записки содержат также некоторые неизвестные до сих пор сведения из биографии Толстого (знакомство его с молодым П. А. Кропоткиным, с художником Г. Г. Гагариным и др.).

Воспоминания Воейковой публикуются полностью. Мы освободили их лишь о вводных фраз, добавленных Вимпфеном, как например: «по словам моей бабушки» «вот что пишет М. С. Воейкова» и т. п. Сняты также названия, которые он дал главам воспоминаний Воейковой.

Вимпфен датирует записки Воейковой 1840—1860 гг., но основные из сообщаемых им фактов относятся к началу 60-х гг.

* * *

Воспоминания самого П. Ф. Вимпфена, составляющие, как указано выше, второй раздел его рукописи, посвящены встречам художника с Толстым, которые происходили с перерывами в 80—90 и 900-х гг.

В первых главах Вимпфен передает свои детские впечатления от Толстого, которого он видел, будучи 7—8-летним ребенком, в доме бабушки (Воейковой) и у своей матери. В юношеские годы он сам посещал Толстого. Эти посещения относятся к 1886—1887 гг. Далее следуют записи о встречах в 1895, 1899, 1901 гг. и, наконец, описание последнего посещения Толстого в 1909 г.

Все встречи с Толстым, о которых рассказывает Вимпфен, происходили в Москве в доме Толстого в Хамовниках.

Для своих воспоминаний Вимпфен пользовался сохранившимися у него записями, сделанными им во время или вскоре после бесед с Толстым. «Я записывал встречи с Толстым *и его слова почти дословно*»,— пишет он. Действительно, на страницах воспоминаний Вимпфена мы находим ряд записей высказываний Толстого. Однако задача, которой ограничил себя Вимпфен — «правдиво рассказать, в чем имя Льва Николаевича и как именно имело увязку с событиями в нашей семье»,— суживает и снижает интерес его мемуаров. Так, большое место отводится происходившим в семье Воейковых-Вимпфенов распрям имущественного характера. Толстой хорошо знал действующих лиц этой драмы и, по словам Вимпфена, проявлял к ней внимание.

Художник приводит несколько слышанных им от Толстого рассказов о членах семьи Воейковых и утверждает, что Толстой посоветовал ему описать события из жизни Воейковых. Вимпфен сделал это в повести под названием «Порабощенные». Эту повесть,— пишет Вимпфен,—Л. Н. прочел и «нашел интересной». В печати повесть не появлялась, и дальнейшая судьба рукописи не известна. Не дошла до нас и другая повесть Вимпфена на ту же тему, более позднего происхождения, также посылавшаяся Толстому.

Вимпфен не только бывал у Толстого, но и переписывался с ним. Его письма к Толстому хранятся в Архиве Толстого в Москве, ответы Толстого напечатаны в Юбилейном издании (тт. 76, 80, стр. по указателю). Толстой посылал Вимпфену свои сочинения религиозного содержания (по словам Вимпфена, эти книги не сохранились) и фотографические карточки (теперь в Архиве Толстого). Вимпфен делился с Толстым и своими исканиями смысла жизни и религиозными сомнениями.

Воспоминания Вимпфена *печатаются в отрывках*. Отобраны записи, содержащие высказывания Толстого о его собственных произведениях: «Народных рассказах», «Власти тьмы», «Анне Карениной»; о появлении пасквиля на «Воскресение» под названием «Понедельник графа Худого» и об отношении к этому Толстого; отзывы Толстого о Горьком, Репине и др.

Мемуары Вимпфена не отличаются особыми литературными достоинствами, но язык их не лишен некоторой образности, в чем сказалась профессия автора. Он дает ряд портретов Толстого, зарисовок окружающей его обстановки, вид его комнаты и т. п.

Публикуемые отрывки расположены в хронологическом порядке событий, изображаемых Вимпфеном. Первым мы помещаем отрывок о «Народных рассказах» Толстого. Эпизод извлечен Вимпфеном из записей М. С. Воейковой, очевидно, не включенных ею в воспоминания, которые мы печатаем.

Воспоминания П. Ф. Вимпфена печатаются по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, (ф 508, оп. 1, ед. хр. 247).

ТОЛСТОЙ

Фотография 1892 г. с дарственной надписью П. Ф. Вимпфену: «Лев Толстой 20 янв. 1907» Справа помета неустановленного лица, подтверждающая принадлежность фотографии Вимпфену

Архив Толстого, Москва

ВОСПОМИНАНИЯ М. С. ВОЕЙКОВОЙ

1840—1860-е гг.

Ергольская и Юшкова, мои приятельницы, привозили Л. Н. с собой к нам в дом на Малую Дмитровку; когда он у нас бывал,— было весело. Он был так остроумен, так находчив, что в его присутствии делалось весело, легко, и это было потому, что он был очень прямодушен, что думал и считал за правду,— высказывал всегда и притом с такою простотой и меткостью. У него это выходило экспромтно, но, очевидно, все бывало заранее обдумано, и имелось составленное мнение. При случае же он высказывал, что думал, не считаясь с тем, какое впечатление произведут его слова на собеседника, хотя любил «казаться умным» и чтобы его умом восхищались. А так как он был на самом деле так умен, то, разумеется, имел все права рассчитывать на то, что называется admiration *. Происходило это как-то невольно, само собою. Правду, как он ее понимал, он без стеснения высказывал, хотя эта правда в обществе шла часто в разрез с тем, что признавалось и принималось обществом, но мы прощали молодому графу Толстому его смелость и особенно, когда он бывало «отольет пулю».

Вот, например, что произошло на моей памяти, кажется, с молодым А. Араповым. У него зашел разговор с ним об освобождении в нашем присутствии. Кажется, это было в год или на другой освобождения крестьян. Толстой возразил Арапову, что, по его мнению, освобождение не имеет смысла никакого, такое, каким оно преподнесено, что «кандалы только ослаблены».

— А что вы хотите,— сказал Арапов,— быть может, чтобы вашему народу дали такую свободу, какую он не поймет никогда, не только наяву, а даже во сне?..

— Но я, кажется, ничего не сказал такого, чтобы из моих слов вывести столь оригинальное заключение,— возразил граф Толстой.— Уж если хотите, на ваши слова могу ответить: вы напрасно считаете наш народ таким отсталым и дикарем, что он не поймет и не различит настоящей свободы от бутафорной... и не сумеет воспользоваться, потому что, поверьте, народ понимает свое положение, жизнь и свободу не хуже нас с вами. Однако и то правда, что во сне, как вы, так я, и он — народ — более свободны. А когда народ почувствует свободу наяву,— вопрос? И в том виноват не народ, а мы, что до сих пор держим его в состоянии рабства.

Арапов что-то возразил, не помню хорошенько что. Толстой отчеканил:

— Ну и увидите, не пройдет пятьдесят лет, как тот народ, которого вы считаете тупым и отсталым, покажет себя.

— Тем хуже, в конце концов, для нас с вами,— возразил Арапов.

— А вот с этим я совершенно согласен! — подхватил Толстой, улыбаясь улыбкой победителя, и добавил: — мы договорились!

Потом, обращаясь к присутствовавшим, сказал:

— А что вы скажете? Может быть, согласны с Monsieur Араповым?

Я переглянулась с графиней Толстой, с которой сидела рядом. Разумеется, поняв друг друга, мы промолчали, потому что неловко было «затискивать в мешок» и без того жалкого Арапова.

Другой случай мне вспоминается такой: был бал у Новосильцевых. На бале было много московских красавиц, была и Россет, которой молодой граф Толстой идеально увлекался. Молодежь танцевала и веселилась. Моя дочь Любенька, недавно сделанная фрейлиной, одно время увлекалась

---

* восхищение (франц.).

уже известным писателем Толстым. В первой паре полонеза шла моя дочь с великим князем Александром. Россет танцевала с гр. Толстым. Во вторую пару они поменялись, и вот как: моя дочь знала, что «Léon le grand», как в нашем интимном кружке его называли, интересуется, даже увлекается Россет. Великий князь подошел к гр. Толстому и сказал:

— Граф, дама ваша будет моей, n'est ce pas? *

— Хорошо,— отвечал граф Толстой,— только с условием, чтобы ваша была моей!..

Нам понравился такой каламбур, но дочь моя, которая всегда отличалась находчивостью, сказала:

— Легкомыслие ваше — легкомыслие наше! — И протянула руку Льву Николаевичу, который пошел с нею, а великий князь с Россет, которой, кажется, было решительно все равно с кем.

* * *

Помню, что уже тогда кто-то из придворных (Тучков Пав. Ал. или Закревский — один из этих двух) подстрекнули сказать о Толстом государю Александру II. Мой муж Петр Петрович [1] знал об этом через Толстых и на аудиенции у императора сказал:

— Ваше величество! Молодой граф Толстой пылкий, увлекающийся, но он не злоумышленник, каким хотят его изобразить.

Александр II, который знал моего мужа и помнил, как наследником обучался верховой езде у Воейкова, когда ездил в его взводе, ответил:

— Знаю, знаю... большой талант, а таланту можно простить... даже если бы...,— государь не договорил, что «если бы», и сказал,— если его увидишь, скажи ему, чтобы он остерегался не меня, а окружающих...

Правда, что при таком темпераменте, каким обладал молодой граф Толстой, не было нисколько удивительно, что он «попадал», но, кажется, он-то совершенно искренно мало или вовсе не интересовался и не заботился о том, сколько «грехов» его снесут, куда и кому?..

Толстой был правдив, прямодушен, упрям и заносчив в молодые годы свои, но обладал замечательной искренностью и честностью в поступках. Он был стоек и тверд в убеждениях, которым никогда не изменял. Граф Л. Н. Т. был чувствителен, впечатлителен, краснел иногда от застенчивости, но в то же время он был очень резок.

В нашем флигеле, на Малой Дмитровке, в Успенском переулке, жил одно время граф Соллогуб, автор «Тарантаса», который часто заходил к нам. Как-то зашел разговор о том, что «авторское самолюбие» есть у каждого писателя. Соллогуб сказал, что ему лично это чувство чуждо.

Гагарин, иллюстрировавший «Тарантас», заметил, что если это бывает, то большая редкость и огромное достоинство.

— Н-никакого! — резко возразил гр. Л. Н.,— потому что авторское самолюбие, если на него есть право, и должно быть. Скажите, пожалуйста, покажите мне их, этих смиренников паче гордости? Где они?

— Да вот хотя бы первый — вы, граф,— сказал князь Гагарин, указав на гр. Соллогуба.

— Не поверю,— отвечал Толстой,— во-первых, уже потому, что знаю, как графу было приятно получить свой «Тарантас» с вашей иллюстрацией, князь. Сознайтесь, граф, вам это было приятно во всяком случае? И позвольте вас спросить, как вы назовете, что это такое, как не результат польщенного авторского самолюбия? Возразите что-нибудь?

— Ничего я вам не возражу,— ответил Соллогуб мягко.— Различно смотрят в этих случаях. Мое авторское самолюбие в этом случае, конечно, не пострадало, наоборот — не скрою: мне было приятно. Назовите как

---

* не правда ли? (франц.).

хотите это чувство, я уже сказал, что чувство авторского самолюбия мне не присуще.

— Однако, если бы на ваш «Тарантас» вместо прекрасной иллюстрации изобразили бы карикатуру и высмеяли бы его, вы не остались бы польщены, как теперь?..

— Так или иначе,— сказал Соллогуб,— авторское самолюбие не увиливает от критики, а до некоторой степени подчиняет себя ей.

— Вздор! Ерунда! — возразил гр. Толстой.— Вы меня извините, но я не понимаю, к чему вся эта мистификация ощущений?

Наш знакомый Давыдов, присутствовавший при этом разговоре и вмешавшийся в него, сказал:

— По-моему, «авторское самолюбие» бывает двоякое: у одних на него есть право, как сейчас сказал граф, это прерогатив таланта по его существу, а мелкое тщеславное самолюбие — совсем другое, удел ничтожеств, мыслящих о себе высоко. Талант скромен, поэтому не выставляет напоказ свое «самолюбие». Вот как у вас, граф,— обратился он в сторону Соллогуба.— Именно у вас, — еще раз подчеркнул он.

Граф Толстой при этих словах густо покраснел, однако больше не возражал, чего мы ожидали, что он сделает. Он, казалось нам, не желал больше вести дебат на тему «авторского самолюбия» или же был согласен с Давыдовым, хотя остался недоволен словами последнего. И так было всегда, когда с ним в чем-нибудь не соглашались: он становился «на дыбы» или упорно молчал, красноречиво молчал, как бы желая сказать: «Как вы хотите, я не изменю своего мнения!».

Кто-то из наших знакомых выразился о Толстом очень метко: «Толстого можно изобразить в красках, но гений его останется недоступен».

* * *

13 октября в двенадцать часов дня 1861 г. в Москве произошло весьма печальное событие: избиение студентов Московского университета на улицах Москвы, которое я подробно описала в записках моих под названием «Семейная хроника». Я только что возвратилась из Субботино (имение Петра Петровича Воейкова). Первая сообщила Петру Петровичу об этом Анона Березникова. Она вбежала в кабинет Петра Петровича со словами: «Chèr oncle, sur la Tverskoy, vous ne pouvez pas vous figurer ce qui est arrivé. La police et les gendarmes attrapent les étudiants et les battent»*.

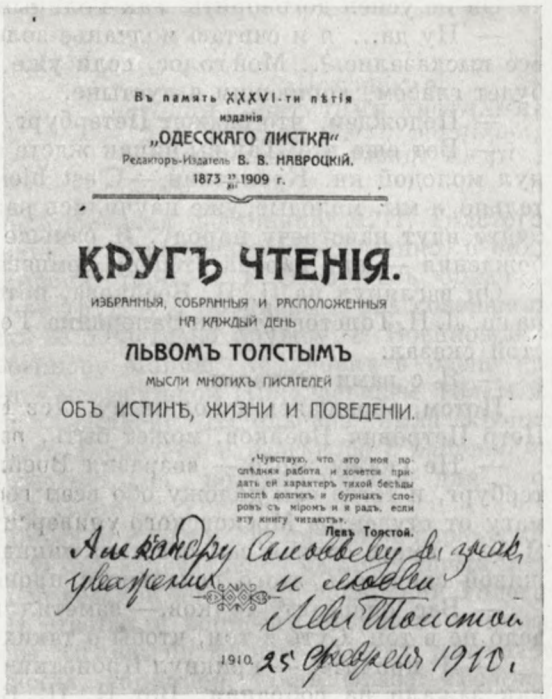
Петр Петрович вскочил, оделся и пошел пешком на Тверскую площадь. Глазам его представилось действительно ужасное зрелище. Полиция и жандармы били студентов, разгоняя их нагайками. Вот об этой-то истории, наделавшей столько шуму и возбудившей почти все общество против действий генерал-губернатора Павла Алексеевича Тучкова, инициатора побоища, говорили во всех кругах общества очень много, и возмущение долгое время не могло стихнуть. Как-то у нас был вечер. Было несколько человек из близкого нам кружка. Между ними были: наш родственник князь Валерьян Голицын, бывший декабрист [2], и молодой еще Петр Кропоткин. Был Безобразов [3], Голохвастов [4] и студент Раевский [5], подававший от имени студентов Московского университета Петру Петровичу Воейкову докладную записку для передачи ее государю на высочайшее благоусмотрение с жалобой на действия правительства и с описанием подробным вышеозначенного инцидента избиения студентов. На другой же день после принятия доклада студента Раевского и студентов Московского университета Воейков поехал к Тучкову для личных с ним объяснений и на вопрос: «Что же вы намерены делать?» — ответил:

* Дорогой дядюшка, вы не можете себе представить, что произошло на Тверской. Полиция и жандармы хватают студентов и избивают их (франц.).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОЛСТОГО НА КНИГЕ «КРУГ ЧТЕНИЯ» (ОДЕССА, 1910):

«Александру Соловьеву в знак уважения и любви. Лев Толстой 25 февраля 1910 »

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



Въ память XXXVI-ти лѣтія изданія „ОДЕССКАГО ЛИСТКА"

Редакторъ-Издатель В. В. НАВРОЦКІЙ.

1873 — 1909 г.

КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

ИЗБРАННЫЙ, СОБРАННЫЙ И РАСПОЛОЖЕННЫЙ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ

МЫСЛИ МНОГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ОБЪ ИСТИНѢ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНІИ.

«Чувствую, что это моя последняя работа и хочется придать ей характеръ тихой бесѣды послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ съ міромъ и я радъ, если эту книгу читаютъ».

Левъ Толстой.

Александру Соловьеву в знак уважения и любви

Лев Толстой

1910. 25 февраля 1910.

— Передать бумагу министру.

Тучков опустил глаза и не произнес ни слова. После некоторого молчания он взял со стола из кипы бумаг, лежавших перед ним, одну бумагу и, подавая ее Воейкову, сказал:

— Московские дамы принимают большое участие в студентах и разезжают по различным городским частям и привозят студентам папиросы и разные кушанья. Вот имя одной из них, о которой я получил донесение.

В бумаге стояло имя родной моей сестры Любови Стефановны Бороздны [6]. Бороздна действительно всегда покровительствовала учащейся молодежи. Она находилась во время *погрома* студентов в Москве и сама отвозила в Сретенскую часть, где был дом, который она занимала, арестованным студентам полные корзины икры, сыра, хлеба и папирос. Указание Тучковым именно на мою сестру, когда почти все дамы общества делали то же самое, было не что иное, как *угроза* и *вызов*.

На упомянутом вечере у нас присутствовал и граф Лев Николаевич Толстой.

Князь Кропоткин очень горячился и высказывался резко, хотя и был годами моложе других. Голицын молчал, а Раевский сказал, видимо, с трудом сдерживая порыв негодования:

— Как нас обезличили! Когда Исаков (попечитель университета) не удостоил даже *прочесть* наше обращение, а Филарет (митрополит) не принял нас как *бунтовщиков*, чего еще хотите? Вот нас принял и выслушал *один* Петр Петрович.

Граф Л. Н. Толстой заметил, что Валерьян Голицын молчит. Может быть, это его удивляло, и он желал выяснить, что означало это молчание. Он обратился к Голицыну и сказал:

— Prince, est il possible que toute cette histoire ne vous engage à s'avouer vos...*

* Князь, возможно ли, чтобы вся эта история не заставила вас признать себя... (франц.).

Он не успел договорить, как Голицын его перебил:

— Ну да... я и считаю молчанье золотом, граф! Кажется, достаточно все высказались?.. Мой голос, если уже не слушают голос большинства, будет гласом, вопиющим в пустыне.

— Подождем, что скажет Петербург.

— Вот еще что! Так вы никак ждете еще оттуда «амнистий»? — крикнул молодой кн. Кропоткин.— C'est bien ridicule *, старцам не простительно, а мы, молодые, уже научились разбираться и разочарованы в том, будто идут навстречу народу. Я раньше тоже думал, что реформа освобождения — для народа, теперь сомневаюсь.

Он взглянул на П. П. Воейкова, который молчал, бросая взгляды то на гр. Л. Н. Толстого, то на Валерьяна Голицына. Кропоткину граф Толстой сказал:

— Я с вами согласен.

Потом, обращаясь к Голицыну, Лев Николаевич высказал мысль, что Петр Петрович Воейков, может быть, разделяет его взгляд *«молчания»*.

— Не скажу этого,— возразил Воейков.— Вот на днях я еду в Петербург, и тогда сам доложу обо всем государю. Министру я передал бумагу от студентов Московского университета. Только этого недостаточно. Я буду иметь случай сам осветить инцидент в глазах его величества как живой свидетель этого печального происшествия.

— Вас опередит Тучков,— заметил гр. Л. Н. Толстой.— Впрочем дело не в том. Суть в том, чтобы о таких случаях не молчать, а кричать.

— И кричите! — крикнул Кропоткин раздраженно,— вам рот зажмут, как зажали на собрании. Вот П. П. Воейков это знает и подтвердит. Его в комитете как прижали министры и эти члены Совета — ces propriétaires en masse**. Подите-ка потолкуйте с ними!

— А все-таки позвольте заметить,— сказал студент Раевский,— Петр Петрович не промолчал.

— Он не молчал... да,— сказал Валерьян Голицын,— а к чему это привело? Извините, Петр Петрович,— продолжал он, обращаясь к Воейкову,— если позволю себе высказаться, чтобы граф Л. Н. не объяснил наше молчание малодушием. Мы декабристы, и молчать нам не к лицу, но все же может закрасться сомнение. Даже ведь вам, Петр Петрович, было поставлено на вид (государем), что *Москва* — ни первая, ни вторая, ни даже третья — не отозвалась на его призыв (манифест). Ведь это нисколько не секрет! И сколько вам стоило усилий, чтобы убедить его и чтобы, наконец, получить амнистию для московских дворян? Петр Петрович, этим я хочу сказать, что один в поле не воин.

— Что ж,— сказал граф Л. Н. Толстой,— зато Петр Петрович исполнил долг и может быть спокоен.

— Совесть моя — да,— сказал Воейков,— но долг, как я его понимаю, его я еще не исполнил до конца.

Воейков подразумевал, что тот проект, который им был предложен, касающийся реформы и имевший целью *реально* улучшить положение крестьян землею, не был принят большинством дворян и одобрен; напротив, он вызвал протест и осуждение в *вольнодумстве* и даже якобы в «политической неблагонадежности».

— Это во всяком случае зависело и зависит не от вас,— сказал гр. Л. Н. Толстой.— Вы сделали главное: вы поступили по совести.

Вскоре события доказали, что гр. Л. Н. *точно* предугадал относительно Тучкова, который действительно поспешил опередить Воейкова и расписал его «красным» в Петербурге. Это была месть за «студенческую историю», в которой Воейков сыграл роль «неблагонадежного».

---

* Это очень смешно (франц.).

** сплошь землевладельцы (франц.).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П. Ф. ВИМПФЕНА

1886

А. В. ДМОХОВСКАЯ. ИСТОРИЯ С «ЛЕТУЧИМИ ЛИСТКАМИ». Л. Н. ТОЛСТОЙ И М. С. ВОЕЙКОВА, ОБЪЯСНЕНИЯ МЕЖДУ НИМИ

Ан. Вас. Дмоховская[7] была восторженная поклонница Л. Н. Толстого. Она могла забыть все на свете и совершенно необдуманно, в силу увлечения перескочить всяческие препятствия ⟨...⟩ Отдавшись однажды такому порыву увлечения, забыв про дружбу к Воейковым, она совершила поступок, который мог разрушить ее 30-летнюю дружбу с Воейковой и Бороздной, поставив бабушку Воейкову Марию Стефановну в очень неловкое и двусмысленное положение перед Львом Николаевичем Толстым. Дело заключалось в следующем. Анастасия Васильевна была крепко глуха ⟨...⟩ При беседах интимного характера в разговоре с бабушками употреблялась бумага («летучие листки»), на которой писали для Дмоховской, а она, прочтя, отвечала устно ⟨...⟩

Много таких листков, разбросанных по столу после интимной переписки, лежали в беспорядке, позабытые. В них запечатлелся целиком почти весь разговор бабушки Воейковой с Дмоховской по поводу сочинений Толстого, его рассказов для народа. В ответах и вопросах бабушки, которые она писала, выявлялось, каковы ее взгляды на многие из этих рассказов Толстого ⟨...⟩ В одном листе стояла, например, такая фраза: «Толстой после „Войны и мира", „Анны Карениной" ушел от нас, может быть, навсегда. Сделавшись учителем народным, он проникнут стремлением оторвать от себя часть своей души, чтобы облагородить чувства этого народа, но он забывает, что учить народ, взяв примеры „из его быта", риск большой ⟨...⟩».

Несколько подобных листов попали в карман А. В. Дмоховской и были прочитаны у Толстых в их доме ⟨...⟩*.

Впоследствии вот что я прочел в записках бабушки, какое у нее было объяснение с Толстым ⟨...⟩

«Сегодня вечер, был у нас Л. Н. и спросил, есть ли у нас 13 том его сочинений (народные рассказы), читала ли я их?

Взглянув на Толстого, я сразу поняла вопрос, но сделав вид равнодушной, сказала:

— Прочла. Я и моя дочь. Ан. Вас. привезла, и мы читали вместе.

— Какое ваше мнение о них?— спросил Толстой.

— Они прекрасны, как все, что вами написано.

— Вы уклончивы. Вы не все договариваете,— произнес Л. Н.,— почему вы не скажете прямо?

— Я говорю, что думаю. Я всегда говорю, что думаю и не иначе.

— И все-таки не досказываете.

Я пристально взглянула на Толстого.

— Если вам что-нибудь передавала А. В. Дмоховская,— ответила я,— то не вам, а мне приходится вас спросить, что она вам говорила?

Толстой сделал нетерпеливый жест. Мне показалось — ему было неловко от такого вопроса. Постановка вопроса указывала на то, что мне все известно. Но откуда? Как? Л. Н., помолчав, сказал:

— Мне не хотелось бы входить в подробности, я бы желал их избегнуть. Знаю одно: вы осуждаете в принципе мои „народные рассказы". Зачем их я пишу, и почему не пишу романы вроде „Анны Карениной".

* Далее опускаем подробный рассказ Вимпфена о том, как это стало известно Воейковой, которую А. В. Дмоховская ни о чем не предупредила.— *Ред.*

На это отвечу вам: меня гораздо больше занимает жизнь народа, как и чем он живет, „чем люди живы", нежели темы прошлого. Искать надо правду, основу веры, т. е. понимания смысла жизни, и искать все это надо в народе. Вот почему я пишу рассказы, которые вам так не нравятся».

1886

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ»

В ту же зиму мой знакомый просил меня передать Толстому статью «Биконсфильд и социализм».

Как сейчас помню, был вечер. Горели огни, когда я вошел в Хамовнический дом Толстого и в передней ждал. Он был наверху. У него собралось много гостей. Вижу перед глазами Толстого, спускающегося с лестницы, уставленной растениями и устланной ковром. Он сходит медленною поступью, с набросанным на плечи синим халатом поверх рубашки-блузы, обутый в башмаки с завязочками на шнурках, беззвучно ступая по мягким ступеням. На голове волосы в беспорядке, кажутся растрепанными. В этот раз он мне напоминает того Толстого, которого изобразил Крамской, только много старше. Спустившись и поздоровавшись, он меня попросил пройти с ним в комнату направо от входа через парадную дверь, в стене которой тогда существовала дверь из передней. Когда мы взошли, на столе горела лампа под зеленым абажуром и лежала развернутая книга Шекспира с костяным ножом для разреза. Круглый красного дерева стол, несколько венских стульев кругом, к стене шкаф с книгами, с одной стороны стола — полукруглый диванчик, у одной из стен — кровать простая, железная, покрытая байковым одеялом, с одной на ней подушкой,— вот все, что помещалось в этой комнате в 1886 году.

Мы сели у стола.

— Сегодня у меня много народу,— сказал Л. Н.,— и болит голова.

В руках у него я заметил сверток.

— Я прочел вашу рукопись «Биконсфильд». Ну разве так пишут! Ноет, воет из своей каморки. Если уж писать, так надо говорить о том, что делать, а не только ныть и тыкать, указывая, что у нас плохого. Вот ваша рукопись! — И он протянул в трубку свернутую статью.

— Отдайте автору и можете прямо сказать, что, по-моему, он *ничего* не сказал.

Мне сделалось неловко. Я чувствовал досаду на то, что взялся за дело, за которое лучше бы не браться. Л. Н. моментально уловил это.

— Все бывает,— сказал он,— и первая неудача ведет иногда к полной удаче потом. Мысль, которую проводишь, когда пишешь, ее должно четко округлить. Надо, чтобы она действовала на того, кто читает. Короче, сильнее, убедительнее писать, не заботиться о форме и слоге. Это второстепенное.

— А я хотел вас просить, Лев Николаевич, меня просили...— нерешительным тоном начал я.

— Говорите короче, в чем дело?

— Меня просят вас попросить сказать несколько слов о Вронском. Нам видите ли в гимназии задана тема для сочинения: «Вронский — характеристика», и мы не справимся. Никто не схватывает характерную черту этого героя и не умеет дать надлежащую характеристику. Написали несколько сочинений, и никуда не годятся.

— Да и незачем было писать. Я сам все уже позабыл, что там написал, ответил Л. Н.— Удивляюсь! На что все это понадобилось: разбирать Вронского и вообще «Анну Каренину»? Пусть бы лучше разбирали «Власть тьмы».

Так ничего я и не добился от Толстого в этот раз.

1899 г. Год, кажется, в который в «Ниве» появился роман «Воскресение»

РОМАН «ВОСКРЕСЕНИЕ».
«ПОНЕДЕЛЬНИК ГРАФА ХУДОГО».
СОВЕТ ТОЛСТОГО ПО СЕМЕЙНОМУ ВОПРОСУ

Зимний вечер. Дом Толстого в Хамовниках освещен. Вхожу в переднюю. Там суетятся лакеи во фраках. Прошу доложить Л. Н. о себе. Сначала ответ такой: «Граф Л. Н. не так здоровы. Они сегодня не принимают!»

ТОЛСТОЙ
Рисунок И. Е. Репина, 1891 г.
Музей Толстого, Москва

Настаиваю на том, чтобы обо мне доложили, заметив по манере служителей, что говорят неправду. Через несколько минут ответ: «Лев Николаевич просят вас наверх, только их нельзя долго утруждать разговором: они не так здоровы». Буквально так!

Л. Н. в это время действительно был не совсем здоров. Было это в год, когда он приезжал из Ясной Поляны. Болезнь значительно, впрочем, преувеличивалась. Помню, что им только что был написан роман «Воскресение» и что кто-то занес мне брошюру под заглавием «Понедельник графа

Худого», что герой этого романа был переделан из Нехлюдова в Простудова, а Катюша Маслова — в Чухонскую. Пошленькая пасквиль, совсем не остроумная, ходившая по рукам и, как это водится, вызвавшая праздные перешептывания и пересуды, иногда переходившие в комариный концерт или жужжание майских жуков. Под впечатлением только что прочитанного романа «Воскресение» я пошел в Хамовники. Слышавшие и передававшие о болезни Толстого относили ее и ее истинную причину (припадки болезни печени) к тому факту, будто на него неблагоприятно подействовала эта книжка, написанная на его роман «Воскресение» и что поэтому вряд ли меня к нему допустят, что Софья Андреевна, на которую обычно падали все беды и обвинения даже там, где она нисколько не могла быть виновницею, теперь ревниво оберегает покой мужа, и что сам Толстой вовсе не в том настроении, чтобы принимать посетителей. Находятся много таких, которые специально под различными предлогами являются к нему «проверять», какое действие на него, Толстого, производит критика вроде автора упомянутого романа графа Худого.

Я, поднявшись наверх в зал бельэтажа, ждал Льва Николаевича недолго. Он показался, входя в зал через дверь, ведущую в его кабинет наверху, через так называемые «катакомбы». На нем была синего цвета холщовая рубаха-блуза. На ногах надеты туфли, одна рука засована за поясремень. Войдя в зал совершенно бодрый, он подошел ко мне, протянул руку и сказал:

— Сядемте. Что-то долго вас не было видно?

И сам тут же сел у овального стола против меня, близ рояля. Я заговорил, осведомившись о его здоровье. На лице Л. Н. не отражалась болезнь, а также признаков того, что он не в духе. Напротив, он казался спокоен и несколько «величествен», что чувствовалось в том, как он себя держал, и в интонации голоса: я очень привык различать их и судить по ним, в каком настроении Лев Николаевич. Когда заговорили о романе «Воскресение», Толстой не намекнул ни словом, ни взглядом о тех «интригах», которые были рассеяны. Так и должно было ожидать. А когда я заговорил о его здоровье, он сделал движение плечами и произнес:

— Совершеннейший вздор! Я не болен. Раздуто все. И все мне очень надоело. Надо изменить все, все до основания, в самом корне. Больше писать не придется ни о Нехлюдове, ни о Корчагиных. Если уж говорить и писать...— он сделал паузу и посмотрел вперед себя, как будто глядел в глубь необъятного пространства, в беспредельную даль.

— А ведь, пожалуй, не доберутся до того, о чем я хотел бы написать в последний раз,— произнес Толстой.

Я посмотрел на Л. Н. в полном молчании. В своей обычной спокойной позе философа, каким его изобразил Репин, сидел Толстой. Из-под густых, нависших бровей сверкали при ламповом освещении два огненных, пронзающих, блестящих, как солнечный луч, глáза. Покойный, очень покойный склад губ, видневшийся из-за спустившихся усов и бороды, волнами облегшей грудь и шею, действовал приятно своею твердою и одновременно мягкою складкою; но выражение нижней части лица, где покоилась такая мягкость, мало гармонировало с остротою взгляда серых глаз. Однако решительно привлекательный ensemble давал ту характерную черту в лице Толстого, которая ни в молодости, ни в зрелости и ни в старости не покидала его 〈...〉

1901

Прихожу к Л. Н. как-то за советом по «семейному» вопросу.

— Сын, говорю, подрастает. Надо думать о его образовании. Художественный труд дает мало 〈...〉 Я не служу 〈...〉 Мать сердита за же-

нитьбу, а жена говорит: «Ты должен позаботиться, у тебя растет сын» ⟨...⟩ Вот я хочу подать заявление в Дворянское депутатское собрание. Что вы скажете мне на это, Лев Николаевич?

Толстой сдвинул брови, значительно молчал, потом проговорил:

— Понимаю. Мать вашу трудно убедить, и трудно вам добиться от нее чего хочет ваша жена.

Вместо ответа я вынул из кармана бумагу и, подавая Толстому сказал:

— Вот прочтите, Лев Николаевич.

Взял, внимательно прочел, что было написано, и говорит:

— Вы отлично сделали, указав на возмутительные действия правительства 4 марта и на избиение студентов казаками у Исаакиевского собора[8]. Это мне напомнило 1861 год, когда на московских улицах произошло такое же избиение студенчества и когда один ваш дед Петр Петрович Воейков принял от них петицию. Но от этого ваше дело в своем основании успеха иметь не будет ⟨...⟩

В другой раз забредаю вечером к Льву Николаевичу Толстому. На этот раз показать свои работы акварелью, и беседуем с ним об искусстве. Ему особенно нравился мой «Крестьянский мальчик в поле», пифферари * и «Крестьянская семья в избе».

— У вас превосходная техника. Примените ее к новым жизненным сюжетам. В деревне вы найдете большой материал для этого. Знакомы ли вы с художником Орловым?

— Я знаю его сына.

— Пишите, как пишет Орлов. Он реально и правдиво изображает жизнь народа в деревне... и все, чем «болеет» она, все притеснения, которые она терпит...

У Льва Николаевича сидел Репин, которому он показал мои работы. Известно, что Репин написал с Толстого портрет, изображающий Л. Н. сидящим в кресле с раскрытой книгой в руке. Мне однажды пришлось видеть в доме Толстого в столовой точь-в-точь такой портрет. Я был уверен, что перед моими глазами подлинник работы Репина. Оказалось, портрет была превосходная копия и, если не ошибаюсь, кисти Татьяны Львовны Толстой.

Разговор зашел, кем-то из присутствующих поднятый, про Алексея Максимовича Горького. Толстой меня спросил, знаком ли я с Горьким.

— Нет,— ответил я,— и, помнится, сказал так: — я сожалею, что не пришлось ни разу с ним встретиться.

— Вы бы сошлись.

— Почему вы так думаете?

— А потому, что у вас жилка, которая должна ему в вас понравиться.

— Именно?

— Вы не столько народник, сколько естественно, «по природе» кусочек этого народа, и влюблены в него.

— В кого это? В Алексея Максимовича?

— Ну и в него, т. е. в его писания,— и в народ.

— Я сказал, в народ.

Тут был и Репин, как я уже сказал. Но он не слышал ничего, о чем мы говорим, занятый разговором с Егором Ивановичем Поповым, художником-академиком, моим другом и учителем по живописи.

Толстой сказал, когда Репин вошел:

— Вот еще человек, имеющий с Горьким общее.

Я сказал:

— Да, я нахожу между ними внутреннее сходство.

— А как вы думаете, в чем именно оно заключается?

Я замешкался в ответе.

* *Пифферари — бродячие музыканты в Италии, преимущественно пастухи. —Ред.*

— Тут нечего думать,— резко сказал Толстой.— Разве они не плоть и кровь народа? Вот им и хорошо. Вот они и веселы, и понимают отлично друг друга. И работают заодно. И в глазах Л. Н. метнула искра, та особенность взгляда, которая, как молния, сверкнет, обожжет, как огонь. Во взгляде этом Толстого выразилось нечто глубоко-глубоко запечатленное внутри, остающееся неразрешенным, неосвобожденным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петр Петрович *Воейков* (1802—1871) — московский предводитель дворянства (1856—1862), муж М. С. Воейковой.

[2] Очевидно, Воейкова называет Валерьяна Голицына по ошибке. Валерьян Михайлович Голицын умер в 1859 г.

[3] Владимир Павлович *Безобразов* (1828—1889) — географ и экономист, преподаватель политической экономии, противник крепостничества, сторонник буржуазных реформ. В период подготовки реформ был одним из организаторов политико-экономического комитета Русского географического общества. В записных книжках и дневниках Толстого 1855—1856 гг. несколько раз встречается имя Безобразова: в записи от 15 ноября 1856 г. упоминается «собрание литераторов и ученых» у Безобразова, на котором присутствовал Толстой; в записи от 27 декабря 1856 г.—«вечер у Безобразова» и т. д.

[4] По-видимому, один из сыновей Д. П. Голохвастова, двоюродного брата Герцена,— Дмитрий Дмитриевич (ум. 1890), земский деятель, или Павел Дмитриевич (1838—1892), историк, писатель, изучавший древнерусскую историю, литературу и народное творчество. Для точного комментария дневники Толстого этих лет не дают материала. Судя по письмам и дневникам Толстого последующих лет, более близкое знакомство у него было с П. Д. Голохвастовым. Они часто встречались. Толстой сочувствовал переделке Голохвастовым былин для книг народного чтения (см. т. 62, с. 3,18—19, 21—22, 79 — 80, 114).

[5] Николай Николаевич *Раевский* (1839—1876) — студент физико-математического факультета Московского университета (1858—1862); в 1861 г. активный участник студенческих волнений. В 1863 г. поступил на военную службу. Принимал участие в Герцоговинском восстании и был убит в сражении под Алексинацем.

[6] Любовь Степановна *Бороздна*, рожд. Стромилова (1813—1894) — художница-акварелистка, ученица В. А. Тропинина и К. П. Брюллова. Этюды и акварели ее хранятся в Отделе рисунков Гос. Третьяковской галереи.

[7] Анастасия Васильевна *Дмоховская* (рожд. Воронец)—знакомая Толстого, мать революционера из кружка «долгушинцев» Льва Адольфовича Дмоховского, умершего в иркутской тюрьме в 1881 г.

[8] Речь идет о студенческой демонстрации у Казанского (а не Исаакиевского) собора в Петербурге 4 марта 1901 г., вызванной опубликованием «Временных правил об отдаче студентов в солдаты за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных».

ТОЛСТОЙ В 1880-е ГОДЫ
ЗАПИСКИ И. М. ИВАКИНА

Вступительная статья С. Л. Толстого*
Публикация Н. Н. Гусева и В. С. Мишина

Мои родители Л. Н. Толстой и С. А. Толстая вместе со своим постепенно умножающимся потомством со дня их свадьбы в 1862 г. вплоть до осени 1881 г. жили в деревне Ясная Поляна в 15 километрах от Тулы. К 1881 г. у них, кроме умерших в малолетстве трех детей, было пять сыновей и две дочери, а именно: Сергей, Татьяна, Илья, Лев, Мария, Андрей и Михаил.

Как в деревне дать образование детям?

Этот вопрос был разрешен тем, что в Ясную Поляну приглашались гувернеры и гувернантки, учителя и учительницы. Некоторые из них жили в яснополянской усадьбе, другие приезжали из Тулы. Так, в учебные сезоны 1878—1879—1880 гг. приезжали раз в неделю гимназисты старших классов; приезжали также учитель музыки и учитель рисования. Педагогов у детей Толстого было много, и с увеличением семьи увеличивалось и их число.

Еще задолго до 1881 г. моими родителями было решено: когда Сережа (то есть я) пройдет курс классической гимназии и экстерном выдержит «экзамен зрелости», дающий право на поступление в университет, тогда вся семья переедет на зиму в Москву, Сережа будет учиться в университете, Илья и Лев поступят в гимназию, а Таня, моя старшая сестра, будет выезжать «в свет». Моя мать, сестра и я стремились в Москву, подобно чеховским трем сестрам, а отец после перелома в своем мировоззрении в конце 1870-х годов думал об этом с тревогой. Но он не мог отказаться от давнишнего своего же решения и разбить мечты моей матери и нас — старших его детей — и все мы на переезд в Москву смотрели как на решенное дело.

Зима 1880—1881 г. была последней зимой в Ясной Поляне. В продолжение этой зимы я должен был приготовиться к «экзамену зрелости», а братья — Илья и Лев — к поступлению в гимназию. Математике, русскому, географии и истории нас учил любимый нами учитель В. И. Алексеев, живший в Ясной Поляне с 1877 г., а для подготовки меня и моих братьев Ильи и Льва по греческому и латинскому языкам отец в сентябре 1880 г. пригласил Ивана Михайловича Ивакина, автора публикуемых записок.

И вот в Ясной Поляне появился молодой человек среднего роста, по общему виду тщедушный, белокурый, с редкой бородкой, бледный, тонкокостный, с серыми глазами и необыкновенно тонкими пальцами. Он произвел хорошее впечатление как на моего отца, так и на мою мать.

1 сентября 1880 г. в письме к Н. Н. Страхову отец пишет: «Вчера приехал из Москвы — ездил за учителем и гувернанткой. Учителя филолога, прекрасного человека нашел» (т. 63, с. 21—22). 26 сентября 1880 г. он опять писал Страхову: «У меня новый кандидат филолог — умный, хороший малый. Я нынче очень нескладно рассказывал ему кое-что о вашей новой статье, и очень мне было радостно видеть

---

* Настоящая статья была написана Сергеем Львовичем *Толстым* (1863—1947) в конце 1930-х или в начале 1940-х гг. Она предназначалась для второго «толстовского» тома «Летописей Государственного Литературного музея». В этом издании предполагалась публикация воспоминаний И. М. Ивакина.— *Ред.*

его удивление и восторг» (т. 63, с. 24). Вероятно, упоминаемая новая статья Страхова — одна из глав его будущей книги «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886); до выхода в свет Страхов публиковал ее в виде журнальных статей.

В том же, 1880, или 1881 г. в письме к С. А. Юрьеву Лев Николаевич писал: «...многое хочется и сказать вам, и спросить у вас. Часть этого расскажет вам и спросит у вас живая грамота, живущий у нас кандидат филологического факультета Московского университета прекрасный и очень умный человек Иван Михайлович Ивакин» (т. 63, с. 39—40).

Моя мать в своих записках отметила: «28 октября ⟨1880 г.⟩ в Туле был концерт Николая Рубинштейна, и все мы поехали его слушать: Лев Николаевич, Сергей Николаевич, я, Таня, Сережа, Илюша и вновь поступивший очень милый, образованный и оказавшийся очень полезным филолог И. М. Ивакин». Далее она говорит про него: «Прекрасный преподаватель и человек, флегматик с очень тоненькими, худыми пальцами. В нем было что-то смешное и трогательное» («Моя жизнь». Рукопись.— АТ).

Ивакин происходил из старинной мелкокупеческой семьи. Из дела канцелярии проректора Московского университета о зачислении его в число студентов видно: «Иван Михайлович Ивакин родился в Москве 1 октября 1855 г. Родители его были: отец — мещанин Михаил Федорович Ивакин, 3-й гильдии купец, мать — Анна Филатовна, дочь московского мещанина Ф. Д. Зернова, бывшего также купцом 3-й гильдии. Ивакин прошел гимназический курс до 8-го класса включительно в Первой московской классической гимназии; в 8-м классе остался на второй год и перешел в VI классическую гимназию, где успешно окончил курс весной 1876 г. В том же году он поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, курс которого окончил по первому разряду весной 1880 г. при очень хорошем поведении и отличных успехах». Об этом он получил временное свидетельство, а кандидатский диплом получил по написании им кандидатской диссертации 29 мая 1881 г.

24 июня 1880 г. он просил канцелярию университета выдать ему его метрическое свидетельство для предъявления в Одесский округ, куда намеревался поступить преподавателем, но это ему не удалось, и вместо этого он поступил домашним учителем к детям Толстого.

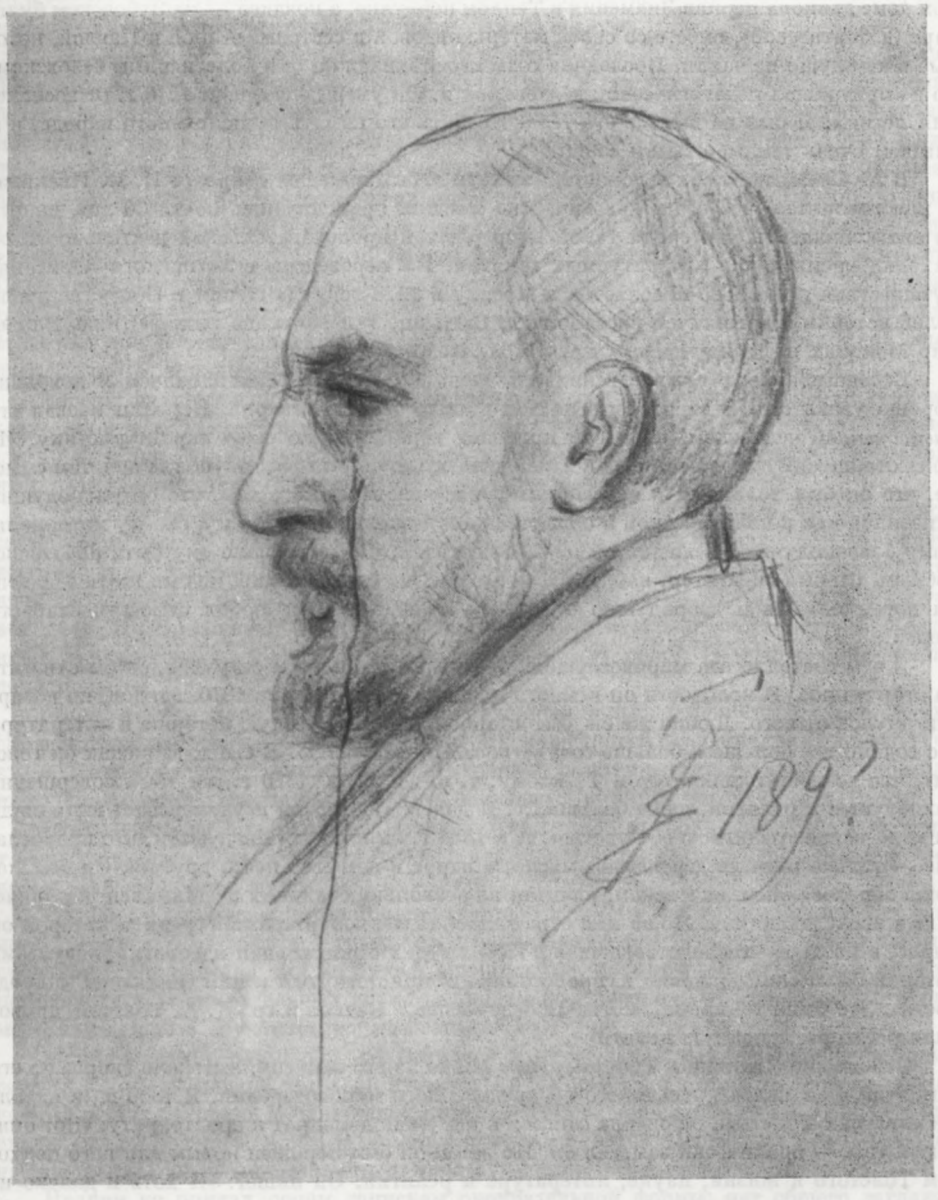
Мои отношения с Иваном Михайловичем были скорее товарищеские, чем отношения ученика к учителю, и я с ним дружил, несмотря на то, что, бывши в то время под влиянием народнического направления идей В. И. Алексеева, не всегда был согласен с его скептическим взглядом на жизнь.

Благодаря моим занятиям с Ивакиным и Алексеевым весной 1881 г. я выдержал так называемый «экзамен зрелости» и осенью того же года поступил в университет на физико-математический факультет, отделение естественных наук.

Осенью 1881 г. вся наша семья переехала на зиму в Москву; Ивакин также вернулся в Москву и, как видно из «Краткого исторического очерка пятидесятилетия 3-й Московской классической гимназии (1839—1889)», занял место преподавателя русского языка в параллельных классах этой гимназии. В 1884 г. ему сверх того было предоставлено преподавать географию, также в параллельных классах.

После нашего переезда в Москву мои отношения с Иваном Михайловичем не прекратились. Я с ним видался зимой в Москве, а летом в Ясной Поляне, где он давал уроки моим младшим братьям.

В 1883 г. мы с ним попутешествовали. Мы задумали вдвоем поехать в Самару на лодке, а оттуда в самарское имение моего отца. Мы купили обыкновенную лодку и 15 мая поплыли, но, проплавав четыре дня, добрались только до Оки. В Коломне мы продали лодку и продолжали наше путешествие уже на пароходах — по Оке до Нижнего и по Волге до Самары, а оттуда по железной дороге и на лошадях в имение. Ивакин оказался добрым товарищем и совсем не столь тщедушным, каким казался с первого взгляда. Он греб не хуже меня и легко переносил мелкие невзгоды — усталость, ночевку на песчаной отмели под дождем, непривычную пищу и т. п. В то время он еще не был тем болезненным человеком, каким стал впоследствии.



С. Л. ТОЛСТОЙ
Рисунок Т. Л. Толстой, 1890-е гг.
Музей Толстого, Москва

Видался я с Ивакиным и в последующие годы, но все реже и реже. Наши дороги разошлись, и мы жили каждый своей жизнью. В Москве он долгое время жил в маленьком доме дьякона церкви Знамения в Теплом переулке, а позднее — на Зубовском бульваре (д. Матвеевой), вместе со своей матерью-вдовой и сестрами Анной и Павлой, которые в нем души не чаяли. Последние годы своей жизни он был болезненным человеком, но не прекращал педагогической деятельности. Он умер 26 февраля 1910 г. от воспаления легких. Я был на выносе его тела. Почтить его память пришло много народа, и я слышал очень теплые отзывы о нем.

В № 48 «Московских ведомостей» за 1910 г. был помещен некролог И. М. Ивакина. В нем говорится, что его педагогические занятия продолжались почти 30 лет, вплоть до его кончины, и что среди такой непрерывной преподавательской деятельности он находил время и для литературных занятий. Им переведены с латинского «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году» («Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских», 1891, кн. 3) и написана книга «Князь Владимир Мономах и его поучение», часть I. М., 1910.

Вследствие моих приятельских отношений с Иваном Михайловичем я довольно хорошо узнал его. В своих записках он пишет, что его товарищ Корелин назвал его *равнодушным* человеком, и он сам признает верной такую свою характеристику. Из моих отношений с ним я пришел к заключению, что он был равнодушным не в том смысле, что он был холодным и невосприимчивым человеком, а в том, что он равнодушно относился как к политической и общественной деятельности, так и к своему материальному благополучию. В жизни он не был деятелем, что не мешало ему быть работоспособным. Он был спектатор, наблюдатель жизни. Он был правдив, не был ни тщеславен, ни корыстолюбив и добродушно относился к людям, хотя любил отмечать слабости людей.

В чем состояло его мировоззрение? Я думаю, что он сам затруднился бы ответить на этот вопрос. В молодости он немного хлебнул демократизма 1870-х годов, но вскоре отвернулся от него. Любил же он быт старой Москвы, русскую историю и литературу и с годами все больше и больше сочувствовал православию. В своих записках он говорит, что до поступления его к Толстому, т. е. до осени 1880 г., он «был совершенно равнодушен к религии, даже больше...». И далее: «Гимназия и университет вытравили из меня всякое религиозное чувство». А в 1888 г. он пишет: «Мы думаем, что православие — только риза да деревянное масло, а вдруг в нем есть нечто другое». Он был хорошо образованным человеком, начитан на нескольких языках и занимался историческими исследованиями. Но на нем отражалась та мелкобуржуазная среда, в которой он вырос, а позднее—господствовавшая в 1880-х годах официальная идеология, лозунгами которой были самодержавие и православие с пристегнутым к ним понятием «народности». Это было то время, когда Победоносцев, Катков и гр Д. А. Толстой проводили резко реакционную политику.

Отношение Ивакина к Толстому, как видно из его записок, вытекало скорее из его симпатий и антипатий, чем из его неопределенного мировоззрения. В 1880 г., в начале знакомства с Толстым, он сперва отнесся к нему как демократ к аристократу: «Вот они, графы-то!» — иронически заметил он. Но затем он был поражен новым для него подходом Толстого к жизни, науке, литературе и религии. Он пишет: «Я хоть и далеко не всегда соглашался с ним, но каждому его слову внимал чуть не с благоговением. Ни один обед, ни один чай, ни одна беседа для меня даром не проходила. Он каждый раз высказывал что-нибудь новое, интересное, или даже на известное умел взглянуть иногда с такой точки зрения, о которой я и не подозревал. Право, он, сам того не замечая, точно открывал передо мной новый умственный мир... Хорошего было здесь то, что я принялся учиться, как редко учился».

С течением времени Ивакин стал склоняться к консервативным взглядам, получившим большое распространение во второй половине 1880-х годов, и отдаляться от Толстого. В 1885 г. и последующих годах он уже к нему относится иначе, чем в 1880—1881 гг. Так, в 1888 г. он говорит: «Я откровенно сказал, что и в прежнее время‹ ..› я не очень верил в правоту толстовских толкований евангелия, являл, по словам самого Льва Николаевича, только „холодное сочувствие“, а теперь и вовсе разуверил-

ся,— все в учении его как-то неясно, неопределенно, да во многих случаях он и сам не следует тому, чему учит. Все это заставляет видеть в нем человека только умственного,который быть руководителем в жизни не может».Понятно после этого признание Ивакина, что он не умел говорить с Толстым с глазу на глаз.

В общем записки Ивакина нельзя не признать новым вкладом в жизнеописание Толстого. Записки относятся к 1880—1889 гг., т. е. к тем годам жизни Толстого, относительно которых не сохранилось почти никаких других мемуарных и дневниковых источников для его биографии. Ивакин не только правдиво описывает образ жизни Толстого в данный период, его отношение к семье и к последователям, но и рассказывает о его работе над художественными произведениями («Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», народные рассказы), записывает мнения Толстого о различных литературных произведениях. Читатель найдет здесь высказывания Толстого о творчестве Пушкина и Грибоедова, Гоголя и Тургенева, Некрасова и Островского, Гл. Успенского и Салтыкова-Щедрина, а также отзывы о Диккенсе, Мопассане, Золя и других иностранных писателях. Попутно Ивакин дает зарисовки некоторых современников, знавших Толстого, и передает их отзывы о писателе.

Будучи человеком образованным, Ивакин сумел зафиксировать в своих записках также многое из умственных интересов Толстого, что было бы трудно сделать человеку другой складки. Его записки ценны также потому, что в них удачно схвачен своеобразный разговорный язык Толстого, что редко удавалось мемуаристам.

Что касается датировки воспоминаний Ивакина, то надо заметить, что его записки составились из отдельных кусков, писанных в разные годы и в различной форме. Его воспоминания, видимо, писались им главным образом под свежим впечатлением виденного и слышанного, а живя в Ясной Поляне летом 1885 г., он с 24 июня по 16 августа вел дневник. При общей обработке воспоминаний эти записи были автором объединены, поставлены в хронологическую связь между собой и в некоторых местах дополнены.

Во многих случаях события, встречи, разговоры и высказывания Толстого, зафиксированные в мемуарах Ивакина, нашли свое отражение и в дневниках и в письмах Толстого. На некоторые из таких совпадений сделаны ссылки в примечаниях, что позволяет вполне точно датировать те или иные эпизоды, о которых рассказывает Ивакин.

Записки Ивана Михайловича Ивакина были мною приобретены после его смерти у его сестер Анны Михайловны и Павлы Михайловны; от меня они перешли в собственность Литературного музея.

Беловая рукопись, с которой перепечатан основной текст воспоминаний Ивакина представляет собою сшитую тетрадь белой бумаги размером 14 × 11 см, с водянистыми строчками. Переписана она не рукою Ивакина, но на некоторых страницах имеются поправки и вставки отдельных слов, сделанные его почерком. В рукописи 333 пронумерованных листа. Рукопись эта не озаглавлена.

Кроме беловой рукописи, сохранилась и первоначальная.* Черновая рукопись состоит из шести сшитых тетрадок бумаги того же образца и формата; написана почерком Ивакина; рукопись начинается с дневника 1885 г. записью 24 июня: «Вчера я приехал в Ясную Поляну». В ней 311 пронумерованных листов. Первый лист не нумерован; на нем написано: «Воспоминания о Ясной Поляне (1885—1889)»*.

Ивакин не придал своим запискам окончательной формы: нет общего заглавия, нет разделения на отделы и главы, и записки обрываются на незначительном эпизоде. Заглавие, которое мы ставим,—*Воспоминания о Толстом*,— по-видимому, соответствует желанию автора, так как он при переписке своих записок исключил из первоначальной редакции все то, что не относится к Толстому.

---

* В настоящее время местонахождение рукописей воспоминаний Ивакина —беловой и черновой — неизвестно. Но у Н. Н. Гусева сохранилась изготовленная по заказу С. Л. Толстого машинописная копия полного текста беловой рукописи. По этой копии и подготовлена настоящая публикация.— *Ред.*

‹ВОСПОМИНАНИЯ О ТОЛСТОМ›*

I

В один из дней первой половины декабря 1876 г. стояла хмурая, мокрая погода, по улицам были лужи, грязный снег. Я шел в университет по Моховой от Охотного ряда и вдруг на углу Никитской, переходя на другую сторону, увидал остановившуюся среди улицы карету, а в карете человека, который к кому-то громко обращался с вопросом, можно ли теперь застать кого в университете. Я не обратил внимания на это, хотя и видел, как затем карета проследовала дальше, повернула на двор нового университетского здания, куда шел и я. Идя двором, я видел, как из кареты вылез человек в хорошей шубе, стал на лестнице и, видимо, поджидал меня... Я подошел.

— Вы студент? — спросил он, должно быть, усомнившись в моем студентском звании, так я был плохо одет да и не по сезону, в каком-то плохом осеннем пальтишке.

— Да, студент.

— Что, ректора видеть можно?

— Вероятно, можно.

И мы вошли оба внутрь. Я разделся, с кем-то встретился и разговорился и только мельком видел, как товарищ мой Долгов разговаривает с тем же человеком. Потом, смотрю, что распрощались, швейцар отворил дверь, и человек этот ушел.

— А ведь барин-то служил в военной службе,— заметил, ни к кому в особенности не обращаясь, швейцар, когда захлопнулась дверь.

— Знаете, это кто? — спросил подошедший ко мне Долгов.

— Кто?

— Лев Толстой.

— О чем вы с ним говорили?

— Надо ему учителя для школы... Я было указал на своего дядю Сергея Михайловича Бородина...

Признаюсь, встреча произвела на меня впечатление скорей неблагоприятное: я, как и большинство тогдашней молодежи, мнил себя демократом, и человек в карете и хорошей шубе не мог не оскорбить моих демократических чувств, хотя бы и Л. Толстой.

II

Мог ли я думать, что мне придется когда-нибудь жить под одним кровом с Л. Толстым, с которым я встретился так внезапно? А вышло между тем именно так.

Прошло четыре года. Я кончал курс ‹...›

Хотя я и не очень прельщался службой, но делать что-нибудь все ж таки было надо, и меня привлекал юг — стал проситься в Одесский округ. Как-то очень скоро пришло извещение, что я назначен преподавателем древних языков в Симферополь. Я выслал документы и стал ждать... Ждал я целое лето, и в конце августа в ответ на мою телеграмму из округа

---

* При подготовке настоящей публикации редакция произвела в воспоминаниях Ивакина ряд сокращений: сохранив все, что связано непосредственно с Толстым (записи его мыслей, его встречи, беседы и т. д.), редакция исключила большинство записей, в которых передаются высказывания о Толстом третьих лиц (Н. Ф. Федорова, В. Ф. Орлова и др.), а также несколько записей, не имеющих отношения к Толстому (о Л. Д. Урусове и др.). Кроме того, исключена полностью III глава, посвященная описанию Ясной Поляны: по сравнению с многочисленными уже опубликованными мемуарами, эта глава не дает ничего нового.— *Ред.*

ТОЛСТОЙ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ В ХАМОВНИЧЕСКОМ ДОМЕ
Рисунок Н. Н. Ге, 1884 г.
Дом-музей Толстого в Хамовниках, Москва

меня известили, что на мое место назначен кто-то из тамошних стипендиатов...

В то самое утро, когда я получил это извещение, неожиданно приходит ко мне мой товарищ Корелин и говорит, что Толстому нужен домашний учитель.

— Я вспомнил, что вы, кажется, без места, и указал на вас.

— Какому Толстому — министру [1] или писателю?

— Писателю. Он заходил в университет, а у моей жены там знакомый делопроизводитель, через него-то Толстой и узнал мой адрес и был у меня... Мы говорили о вас...

— Что же вы говорили?

— Я говорил, что у меня на примете есть человек хороший и для него годный, но в нем один недостаток,— равнодушие...

Равнодушие! Корелин, наверное, разумел равнодушие к материальному обеспечению, к чему он сам был уж очень неравнодушен, на чем, может быть, даже зарвался и раньше времени умер. Лучшей рекомендации для меня не могло и быть. Сколько молодого народу было в то время неравнодушно — кто устраивал заговоры, кто взрывал поезда и стрелял в жандармов, кто просто хотел устроиться получше да попрочнее... Я знаю, что до меня у Толстых учили гимназисты из Тулы, из которых один был неравнодушен к комфорту (он и слово-то комфорт произносил, говорят, как-то смачно, в нос), а другой, приезжий, гостивший до меня летом, рассчитывал, как бы, поступив к Толстым, не прогадать, боже сохрани, на службе... А тут вдруг равнодушие! Это пахло, пожалуй, чем-то новым, интересным, а художественный аппетит у Льва Николаевича был, как я после убедился, колоссальный; глоталось все, и, когда нужно, проглоченное являлось на свет божий и снова послушно ложилось на бумагу... Л. Н. бывал даже не прочь подбить другого на какой-нибудь эксперимент, чтобы посмотреть, что из этого будет, не выйдет ли чего-нибудь интересного... Едва ли я ошибусь, сказав, что отчасти благодаря такой рекомендации я попал в интересные люди.

— Вы сходите к нему,— продолжал Корелин,— он остановился на Тверской, в доме вице-губернатора [2].

Корелин ушел, и я тотчас же отправился на Тверскую. Вхожу, спрашиваю о Толстом, говорят: сейчас доложим.

«Вот они, графы-то!» — подумалось мне...

Служитель, однако, скоро вернулся и сказал, что граф просит к себе.

Я вошел в комнату, где граф был не один. Сам он сидел за письменным столом, а около него были Красовский [3], показавшийся мне похожим на шута и ставший впоследствии, кажется, губернатором томским, и П. А. Берс [4], шурин графа, будущий издатель «Детского отдыха».

Граф поднялся от письменного стола и пошел мне навстречу. Я назвал себя.

— Ах, извините, Иван Михайлович, я в халате...

Боже, как показалось мне это извинение скверно! Я уже ради своих демократических чувств не терпел церемоний, а тут вдруг извинение перед мальчишкой, худым, бледным, в каком-то коротеньком пиджачке, извинение явно неискреннее, фальшивое. Меня резануло по сердцу.

— Как ваш товарищ любезен! — продолжал граф, когда мы сели у стола...— Вы поступите к нам, будете заниматься с троими... Старший мой сын Сергей, дельный, усердный, но не умеет, что называется, показать товар лицом... Судя по вашим летам, он будет скорей вам товарищем. Он готовится к выпускному экзамену. Вы будете заниматься с ним древними языками... Средний, Илья,— у этого начинают развиваться половые наклонности, он все бегает на кухню — с ним, как и с младшим Левой,

вы будете заниматься тоже древними языками... И он заговорил что-то о гувернерстве и нравственном влиянии...

— Я не могу быть гувернером,— сказал я,— и как я могу вам поручиться, что буду иметь нравственное влияние? Учителем я быть могу, но гувернером нет.

— Я знаю, что вы не согласитесь быть гувернером, — спохватился граф,— да этого и не надо: влияние, коли оно будет, то хорошо, а коли нет — делать нечего... Жить вы будете у нас, тысяча рублей в год. Жить в деревне не то, что в городе, одежда, например, в деревне нужна не такая, как в городе...

Далее мы заговорили о службе. Я рассказал, что хотел уехать служить в Одесский округ, но не удалось. Он мне отвечал, что молодому человеку вредно начинать со службы.

— Как же быть,— возразил я,— ведь чтобы делать что-нибудь вне службы, надо иметь в себе много сути...

— Вы говорите о службе, точно о молотилке, которая, что ни попади, все сотрет — и зерно, и, извините, г... Вы слишком скромны!

Сказать по правде, говоря про *суть*, я разумел адвокатов, докторов, которые и без службы благодаря, как мне казалось, талантам и знанию зарабатывают много денег; сказал спроста, а он, видимо, понял по-своему.

Я — равнодушный, я, когда все другие поступили куда-нибудь на службу, оставшийся не у дел, вдруг говорю, что надо много иметь сути, чтобы заниматься чем-нибудь, помимо службы! Выходило, что служба — это деятельность, на которую годен, пожалуй, и отброс (с чем я доселе согласен),— воображаю, как повысило это мои фонды!

— Так вы согласны ехать к нам,— продолжал Л. Н.,— но что ваши родные? У вас есть матушка?

— Мать, как только услышала, что мне выходит дело, прямо сказала: ступай...

— Да, женщины всегда так говорят... Итак, мы с вами покончили, и я очень рад. Вы у нас заступите место m-r Neff'a [5]. Прекрасный человек,— прибавил он, взглянув на своего шурина Берса, которому m-r Neff, очевидно, был известен,— уехал теперь во Францию.

После я узнал, что моему предместнику была фамилия не Neff, а какая-то другая, что, замешанный в смуте после франко-прусской войны (он был коммунар), он бежал под ложным именем в Россию и что вернулся он во Францию, потому что в 1880 г. вышла амнистия. В 1885 г. он был уже в Тунисе, кажется, издавал там газету. Я видел даже присланную им его фотографию. Ученый багаж его был, кажется, невелик, но память по себе он оставил неплохую; его, видимо, любили, а Сергей называл живым и остроумным.

— Я на все ваши условия согласен, Лев Николаевич, но согласны ли будете вы на мои, граф? — спросил и я в свою очередь.

Он спросил, на какие. Я сказал, что мне надо две недели сроку, чтобы съездить на юг, что к 13 сентября буду у них в имении. Время тогда было тревожное; на юге тревожно было в особенности, и я, сам того не зная, заинтересовал графа еще более. Он было спросил, зачем, но я не сказал, потому что и ехал-то просто так, чтобы взглянуть на Крым. Предоставлялось место в 1000 рублей, и сделать это было возможно.

Граф согласился, сказал только, чтобы я телеграфировал с дороги, когда выслать за мной лошадей, и своим угловатым малоразборчивым почерком на каком-то подвернувшемся клочке написал адрес: Московско-Курской дороги станция Козловка-Засека, и я ушел.

С графом я говорил просто и смело, но на улице на меня нашло невольное раздумье. Как я буду жить у Толстых? Как буду дышать, есть, пить,

разговаривать с таким великим человеком, каким мне представлялся Толстой? Я и был рад и вместе с тем чего-то робел.

Я, конечно, не мог еще знать, что по моем уходе Толстой сказал бывшим у него гостям: «Этот молодой человек мне нравится, но, вероятно, не долго поживет: у него, видимо, чахотка». Это он мне после сказал, но мне все же показалось немного удивительным, что он так скоро покончил дело с незнакомым и неизвестным человеком, который, сказать правду, не мог внушить с первого раза особенного доверия. Доверие его я объясняю только тем, что он заинтересовался мной: я несколько раздразнил его любопытство, его художественный аппетит.

В тот же день я уехал на юг. Пробыл в Севастополе две недели, жил у моего товарища Петра. Из Севастополя поехали мы с ним вдвоем — он в Москву, я в Ясную Поляну. Ехать было весело. На день мы остановились в Харькове, где я купил себе одежду, думая, что неловко явиться в графский дом в коротеньком пиджачке, какой носил я в Москве (его в Ясной Поляне Татьяна Львовна прозвала кофточкой). После оказалось напрасно: надобности не представлялось, а щеголять в длинном, модном английском сюртуке в деревне так, ни почему, казалось мне еще неловче, чем в «кофточке»... Из Харькова я телеграфировал о себе в Ясную Поляну.

Мы миновали Курск, Орел, Мценск. Дело близилось к вечеру. За Мценском, на станции Сумароково, я заметил господина, вошедшего в наш вагон, с седой бородой, впереди артельщик нес его саквояж и плед. Мы только что отпили чай, но перед чаем пили все пиво, и под лавкой у нас звенели две пивные бутылки. Памятуя, что Тула близко, я пива от Мценска не пил... Двинулись мы из Сумарокова, проехали станции две. Вошел кондуктор проверять билеты, взял мой.

— Вы до Козловки? — спросил он,— а тут один господин спрашивал — вон они сидят там, в конце вагона — нет ли кого еще до Козловки.

Еще в Сумарокове, увидав господина с седой бородой, мне подумалось уж не Толстой ли это. Оказалось, что это он и есть.

— Иван Михайлович,— вдруг крикнул он мне,— вы здесь, а мы и не видим друг друга! Я пересяду к вам сейчас...

Я, слыша звон бутылок под лавкой, поскорей ответил:

— У нас, Лев Николаевич, не очень удобно: пили чай, так разлили; мокро на диване.

И пересел к нему.

Немудрено, что он попал в один со мною поезд, даже в один вагон, но помнится, я спрашивал, зачем он был в Сумарокове. Он ответил, что присмотреть имение... После об этом имении никогда и помину не было, оно точно кануло в воду.

Не помню, с чего начался разговор. Помню только, что он похвалил меня за аккуратность — приезжаю как раз в срок... Потом зашла речь о совершившемся недавно в Москве открытии памятника Пушкину, о знаменитой речи Достоевского [6]... «Ну, что ж, какое она на вас произвела впечатление?» — спросил он, но сам о ней ничего не сказал... Затем заговорили о профессорах. Я сказал, что я слушал Соловьева...

— Я по поводу одной своей работы перечитал его историю [7],— сказал Л. Н.— Он, конечно, человек почтенный, но тупица...

О Владимире Соловьеве он сказал, что он был у них в Ясной Поляне, привез свою диссертацию, но что, по его мнению, философствовать в такие молодые годы рано, это можно делать только поживши. После я видел в Ясной Поляне и даже впервые прочел эту подаренную Соловьевым книгу с надписью: «Гр. Льву Николаевичу Толстому сей незрелый плод в ожидании лучшего» [8].

Когда зашла речь о нигилистах, я откровенно ему сказал, что, по-моему, это люди, у которых на рубль амбиции и на грош амуниции. Он,

кажется, и это готов был понять по-своему, но отнесся, как будто, недоверчиво. Я сказал, что кое-кого знаю из них, потому что между моими товарищами по гимназии были замешанные в процессе 193-х.

— У меня был товарищ,— сказал я,— он перешел из московской гимназии в орловскую, через него-то я и знаю, например, об учении «богочеловеков», о Маликове, который жил в Орле[9].

ДОМ ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Акварель П. А. Сергеенко, 1895 г. Наклеена на обложку его книги «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой», подаренной П. П. Гнедичу

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

— Маликова и я знаю,— сказал Л. Н.,— он был в Ясной Поляне... У нас живет учителем некто Василий Иванович Алексеев[10], прекрасный человек; он знакомый Маликову... Живет он у нас не один, а с женою Маликова, но мы все считаем ее за его жену...

Не помню, почему заговорили мы о музыке, и я начал изъявлять свой восторг перед Шопеном и Бетховеном. Он тоже сказал, что слышал недавно, как пела одна барышня и играл на скрипке один из их знакомых, молодой человек Нагорнов[11], хвалил их, но — как я теперь понимаю — говорил это лишь затем, чтобы не обидеть противоречием незнакомого еще человека. Я ему сказал, что так обязан ему за то наслаждение, которое испытывал, читая его произведения.

— Что ж в этом? — отвечал он.— И певица где-нибудь в кафешантане поет и показывает ляжки. Что ж тут хорошего?

Это было для меня неожиданно, и я прикусил язык. Он, к удивлению, заговорил о евангелии, о начале евангелия от Иоанна [12].

— Перевести греческое λόγος — *слово*, это слишком церковно,— сказал он,— я перевожу *разумение*... Выходит, в основе было разумение, и разумение было вместо бога, и разумение-то — это *то* есть член русского языка — было бог...

Он даже прибавил, что член в русском языке он открыл, и как-то пропустил мимо ушей мое замечание, что член есть и в болгарском языке. Я плохо его понимал: мне было совсем неизвестно, чем он был занят. В то время в газетах прошли слухи, что он занят романом «Декабристы» [13], и я недоумевал, почему он говорит о евангелии от Иоанна.

Разговор скоро у нас иссяк, и он заговорил с сидевшим на мешке мужиком об общинном владении.

Так мы доехали до Козловки. Я распрощался с Петром, который, провожая меня, вышел на тормоз.

— Так я остальной твой багаж завезу в Москве,— сказал он мне.

— Какой багаж? — спросил Л. Н.

— Грязное белье, Лев Николаевич, он завезет ко мне домой в Москву.

— Ничего, давайте сюда и белье, зачем везти в Москву!

И он схватил узел, в котором действительно было грязное белье, и когда ушел поезд со станции, мы перебрались на противоположную платформу, где Л. Н. ждала графиня с гувернанткой. Признаюсь, забота о моем грязном белье несколько меня удивила.

Граф отрекомендовал меня. Мы сели на катки [14] и поехали по какой-то мудреной, как мне показалось тогда, дороге в Ясную Поляну.

В доме был огонь. Дети спали. На столе был ужин и чай. В зале было развешано много портретов. Я посмотрел и не мог воздержаться от мысли: «Вот они, графы-то!».

Явилась графиня, налила нам чаю. Речь зашла о классическом образовании. Помнится, я упомянул о Ричле [15] как о гениальном ученом, которого, казалось мне, все должны знать. Л. Н. ответил: «Не знаю, не слыхал!» — но классическое образование защищал — и защищал, как могу теперь судить, только потому и таким тоном, что кто его знал, тот наверное и тогда бы сказал, что говорит он так лишь затем, чтобы не задеть как-нибудь незнакомого человека. Отпив чай, он проводил меня в назначенную мне комнату.

Не знаю, конечно, что думал он обо мне в то время, но думаю,что встреча со мной в вагоне не была так интересна для него, как встреча в Москве у вице-губернатора. Я проштрафился и восторгом перед Шопеном и Бетховеном, и благодарностью за то наслаждение, которое получил от его сочинений,— последнее-то уж хуже всего! Это было для него не ново, не интересно! Я был наивен, я не знал, что было и за меня кое-что — например, поездка моя на юг, откуда я вернулся не один, а с приятелем, на котором он успел заметить необычную в наших краях соломенную шляпу, узел с бельем, за который он так жадно ухватился... Графиня наверное взглянула на меня неблагосклонно.

Потушив лампу, я лег и долго не мог заснуть. Все думалось, что в доме такого великого человека мне не удержаться, что за мое умственное убожество, которое, как я был уверен, я выказал в разговорах с графом в вагоне и дома за чаем, меня завтра же прогонят. Усталость взяла, однако, свое, и я заснул.

Проснулся я рано. В доме встала только прислуга. Была середина сентября, но погода стояла ясная, сухая. Я вышел в цветник, где отцветали левкои и мак, потом в парк, аллеи которого уже покрылись желтою стланью опавших листьев. Гулял я часа два и потом присел у крокета на скамейку. Утренняя хлопотня стала сильнее: из дома в людскую и обрат-

но ходили лакеи, мужики, бабы. Из дома вышел и Илюша, мой будущий ученик, о котором отец мне сказал еще в первое наше свидание, что он все бегает на кухню. Мы познакомились и пошли наверх пить чай—в знакомое мне зало. Там, оказалось, уже находился мой будущий соучитель Василий Иванович Алексеев и два других моих ученика — Сережа и Леля. Когда упомянул Л. Н. в вагоне о Василии Ивановиче, я почему-то вообразил его изящным, щегольски одетым человеком, но в зале увидел совсем другое: небольшой, худощавый, с редкой клинообразной бородкой, белокурый, он мало имел в себе изящного и, несмотря на блузу, был скорее похож на послушника из монастыря...

Пока мы пили чай, стали появляться какие-то девицы в белых платьях. Я думал, что это все гувернантки — после оказалось, что в числе их была Татьяна Львовна. Чувствовалось крайне натянуто и неловко. Я торопился допить свой чай и пригласил Василия Ивановича пойти погулять ⟨...⟩

Между тем встал и сам Л. Н. Он справился, где я. Мы как раз в это время пришли домой. Помнится, он пригласил меня в кабинет, куда я вошел чуть не с благоговейным трепетом, и заговорил о своей работе... Как все мне было ново и чуждо!

В то же утро Василий Иванович попробовал было позаняться с Илюшей из алгебры. Проба была неудачна: ученик не стал заниматься, учитель рассердился, обозвал его негодяем и ушел. Вскоре явился из кабинета Л. Н., сказал, что надо бы начинать заниматься с понедельника (я прибыл в ночь с пятницы на субботу), что Илюша вероятно ничего не знает, и под видом спрашиванья Илюши начал экзаменовать меня... Надо было с русского перевести на греческий фразу со словом *меч*. Я перевел *меч*—μάχαιρα — (да оно так и следовало, ибо и фраза-то была для упражнения в первом склонении), Л. Н. заметил, что меч по-гречески ξίφος... Было не очень приятно, хотя чувство благоговения и заглушило мелькнувшее во мне на мгновение неприятное чувство.

В тот же день за обедом (я был приятно изумлен, что обед такой обильный и хороший) Л. Н. рассказал мне, что у них живет некто Александр Петрович [16], который переписывает его сочинения, даже сам пишет стихи.

— Кто же он такой? — спросил я.

— Так, ходит всюду, поживет где месяц, где два... Пришел нынешним летом сюда и живет теперь у нас. И как странно вышло: пришел он с купанья; у него спрашивают паспорт... Говорит, что паспорт он оставил на берегу, где купался... Мы уж думали, что у него и паспорта нет. Нет, оказалось — есть: сходил, вернулся и принес...

В сочинениях Л. Н. упоминает про этого Александра Петровича. После узнал его хорошо и я.

Вечером, когда стало совсем темно, Л. Н. повел меня в кабинет и начал показывать свой перевод и толкование Евангелия от Иоанна, самое начало: «В основе было разумение, и разумение было насупротив или вместо бога, и разумение-то было бог...

Он, помнится, опять говорил мне неодобрительно о церковном толковании и переводе и спросил:

— Вас это не затрагивает с религиозной стороны?

— Нет, я и по-французски-то учился по книге Ренана...

Я был тогда совершенно равнодушен к религии, даже больше... все мне было в его работе ново, малопонятно, но мне нравилось, что тут, в кабинете графа, священные книги явились для меня не каким-нибудь сухим, скучным сборником подлежащей отмене чепухи (гимназия глубоко вкоренила в нас отвращение к ним), а источником живой глубокой истины, выраженной тонким философским языком, который иногда так неуклюж и груб в латинском и даже, пожалуй, немецком, лютеровом переводе. Мне

нравилось, что под словом «логос» я не принуждаюсь разуметь второе лицо святой троицы, а понималось «разумение, разум». Мне нравилось, что ἐγένετο, γέγονεν * переводятся не как-нибудь грубо factae sunt или gemacht, а имеют негрубый, тонкий философский смысл. Помню, когда Л. Н. заставил (уж не экзаменуя, а беседуя как равный с равным) меня перевести место: бога нигде никто не видел,— в какой пришел он восторг, когда я Perfectum ἑώρακεν в простоте души перевел, как нас учили: не видел и теперь не видит!

— Как это хорошо,— воскликнул он,— это-то мне и нужно!

Я, конечно, еще не знал, что и зачем это-то ему нужно.

По своей живости он в тот же вечер, преувеличив все, наговорил обо мне графине, и она тоже возымела лестное понятие о моей учености. Старшая дочь его Татьяна, с которой у меня скоро завязались какие-то шутливо-бранчливые отношения, даже с досадою мне сказала: «Что-то уж больно вас папа расхваливает!». Суть была в том, что он сам знал мало по-гречески [17] (вероятно столько же, сколько впоследствии по-еврейски [18] и по-китайски [19]), и большим при его способности увлекаться показалось ему то, что было очень обыкновенных размеров ⟨...⟩

III

. . . . . **

IV

Так прошел мой первый день в Ясной Поляне. Я познакомился почти со всеми обитателями, графиня даже любезно заметила, что считает меня членом семейства, но я все-таки чувствовал себя неловко. Не знаю, эта неловкость не оставляла меня никогда, как ни близко, по-видимому, я сошелся впоследствии с семейством Л. Н. Нельзя объяснить этого даже разницей в общественном положении — в семействе брата его Сергея Николаевича чувствовалось свободнее.

Потом дни потекли заведенным порядком. Василий Иванович составил расписание. Ввиду того, что мне надо было писать кандидатское рассуждение, уроки мои назначены были после завтрака. Вставал я к 9 часам, мои ученики несколько раньше. Кофе доставался поэтому мне холодный, а то и совсем не доставался — я пил чай или молоко... Затем начиналось вставание в высшей сфере: часам к 10—11 сходил Л. Н. вниз, в кабинет, одеваться. К этому времени в передней обыкновенно уже набирался разного рода люд: кто попросить леску, кто совета, кто деньжонок... Часто являлись и просто незнакомые люди с разных сторон: кто идя в Киев на богомолье, кто возвращаясь домой из Иерусалима; иной благородного звания человек даже предъявлял свой вид, говорил, что по расстроенным обстоятельствам идет из Петербурга в Одессу, где якобы предвидится заработок, и заходил, между прочим, в Ярославль, где, как ему сообщали, имелось в виду одно место, но ничего не вышло... Каких, каких только людей у графа не перебывало! Он беседовал с каждым, старался — надо отдать ему справедливость — удовлетворить, по возможности, каждого. Когда у него не хватало денег, он частенько прибегал ко мне в комнату, просил взаймы у меня.

---

* начало́ быть, произошло (греч.).

** Опускается глава III, посвященная внешнему описанию яснополянской усадьбы и дома Толстых.—*Ред.*

Управившись с этим народом, он шел или пить кофе с графиней, которая в это время успевала уже встать, или ненадолго гулять и пил кофе после прогулки. Тут обыкновенно происходило утреннее свидание детей с родителями. Разговоры за кофе были или пустячные, или чаще обычные, про то, что занимало самого Л. Н. Поднимались споры — графиня противоречила, он возражал... Затем он брал чашку чая и уходил в кабинет работать.

В 12 часов мы с детьми завтракали, а затем до двух часов время проводилось, как кто хотел: кто шел на охоту, кто гулять в парк, в лес, зимой кататься на коньках.

С двух часов начинались мои занятия <...>

Часа в три, в четыре, занимаясь с детьми, бывало слышишь, как хлопнет в передней дверь... Это Л. Н., кончив писать, шел на предобеденную прогулку. Ходил он сначала с ружьем, на случай, если попадет дичь, но не помню, чтобы что приносил. Видимо, под влиянием его новых воззрений у него пропадала любовь к охоте... Раз, например, он приходит с прогулки и говорит, что видел рябчика... Но рябчик сидел так близко, что совестно было стрелять...

Потом он уж и совсем перестал брать ружье, ходил так...

В 5 часов звонили к обеду.

Приехал я заморенным, худым (тем более, что летом сильно прихворнул), а через год благодаря житью в прекрасной усадьбе, на хороших харчах, когда явился в Москву,— «Ишь как тебя граф-то раскормил»,— заметила двоюродная сестра, с которой я долго не видался... Да и сам Л. Н., в августе пророчивший мне скорую смерть от чахотки, в ноябре уже говорил смеясь: «Да вы — крепыш: вас долбней не убьешь!».

После обеда еще позаняться приходилось час или два, а затем дети пили чай и расходились спать. Часов около девяти пили чай взрослые. Это время я очень любил: оно было самое интересное. Приходил Л. Н., рассказывал, что он делал, что написал, кого видел, встретил. Начинались разговоры, чего-чего я только не переслушал! Раз он был, например, в Туле, вернулся только уже после обеда. Дети кончили чай. Он приходит в залу и говорит: «Илюша, Таня, идите сюда, слушайте чудеса!». Был тут и я... И он рассказал, как из тульского тюремного замка совершил смелый, трудный побег арестант Яков Федоров... Надо было послушать этот живописный, энергический, точно выкованный рассказ — было нечто удивительное! Жалею, что я не догадался тогда записать: даже в не совершенно точной записи, наверное, многое бы от него осталось... Ложились мы довольно поздно — к часу, а то и позднее <...>

В среде Толстых мало было семейственности, того живого, непрерывного общения детей и родителей, без которых как-то трудно представить настоящую семью,— это я заметил довольно скоро. В самом деле, утром дети пили кофе и чай с бонной, гувернанткой, гувернером, затем садились учиться, родители в это время спали. К 12 часам родители начинали пить кофе, дети с бонной, гувернанткой, гувернером завтракали, а утреннее свидание их с родителями ограничивалось поцелуями. После завтрака маленькие дети, правда, гуляли, ездили кататься и бывали с матерью, но далеко не всегда, а отца в это время было не видно: он уходил писать. Казалось, единящим звеном до известной степени мог быть обед, но и это только казалось, потому что то отец опаздывал, то Илюша не приходил вовсе, а маленькие дети, или — как выражалась графиня — малыши, обедали отдельно...

На образование детей Толстые не жалели средств: нам двоим платили 2000 р., гувернантке 900 р., да бонне-англичанке рублей 300; кроме того, из Тулы приезжали каждую неделю учитель музыки, да учитель ри-

сования. Но лично отец с матерью на детей обращали мало внимания. Это мне показалось особенно странно во Л. Н., который далеко не бесследно прошел в истории русской народной школы...

Эта странность, конечно, не сразу же бросилась в глаза — на первых порах мне все было так ново, все возбуждало только восторг и восхищение...

Если бы на философской бирже котировать то, что было в моей голове тогда, когда я кончил университет, то ценного оказалось бы очень и очень мало — так что-то вроде чего-то, какая-то плохенькая смесь с закваской не то гегельянства, не то дарвинизма. Лев Николаевич, конечно, это видел... По утрам, сойдя в кабинет одеваться, он часто призывал туда и меня. Помню, например, раз он завел речь о Дарвине и его теории. Я говорю *завел речь* — это значит, что он начал вытряхивать из меня все, что можно было вытряхнуть. Он дал мне понять, что для вопросов нравственных теория эта имеет мало значения, не имеет даже никакого, потому что прогресс возможен только во внешней жизни, а во внутренней его нет и быть не может.

Я хоть и далеко не всегда соглашался с ним, но каждому его слову внимал чуть не с благоговением. Ни один обед, ни один чай, ни одна беседа для меня даром не проходила. Он каждый раз высказывал что-нибудь новое, интересное, или даже на известное умел взглянуть иногда с точки зрения, о которой я и не подозревал. Право, он, сам того не замечая, точно открывал передо мной новый умственный мир... Хорошего было здесь то, что я принялся учиться, как редко учился. Я слушал в университете лекции по немецкой философии, но «Критику чистого разума» впервые увидал в Ясной Поляне и начал ее штудировать во французском переводе. Тогда только что вышел Шопенгауэров «Мир как воля и представление» в переводе Фета, и Страхов, конечно, его прислал...[20]

— Прочитайте Шопенгауэра,— сказал мне Л. Н., давно с ним знакомый,— это вам прибавит много крови!

Я стал читать, и невольно мне вспомнилось, как назад тому несколько месяцев я отвечал на экзамене по философии именно о Шопенгауэре, получил пятерку, и только теперь понял, что, кроме имени Шопенгауэра, я в его философии в сущности не знал ничего. Немало перечитал я и других книг: «Кризис западной философии» Соловьева, «История политических учений» и «Наука и религия» Чичерина[21], не говоря о многих сочинениях, касающихся истории раскола, христианства, Библии: например, Щапова, Ренана, Рейса...[22] Как вообще тускло стало казаться мне то, что слышал я в университете! Как бывало неприятно, когда слова Л. Н. тонули в заурядной болтовне его жены, детей, гостей! С какой досадой смотрел я на детей, которые словно и знать не хотели, что их отец, Л. Н. Толстой — неоценимый писатель, честь и слава Русской земли, и как отрадно было мне слышать раз за обедом, когда Л. Н., очевидно довольный мною, сказал мне:

— Вы как раз по нас!

С Василием Ивановичем у нас только и разговора было, что про него. Я, например, слышал от него, будто покойный государь Александр Николаевич, проезжая в Ливадию, хотел видеться с графом, и о желании его было дано знать в Ясную Поляну... Поезд подъезжает, останавливается, стоит — графа нет. Поезд будто бы постоял, постоял да так ни с чем и отправился дальше в Ливадию. Трудно представить, чтобы свидание должно было произойти именно так, как рассказывалось, и чтобы граф оказался так ненужно невежлив[23].

Верил сам Василий Иваныч рассказу или передавал просто так, по известного рода привычке, я не знаю, но, к чести своей, должен прибавить,

что далеко не это пленяло меня в Л. Н., далеко не за *это* я любил и люблю его. Я любил и люблю его за ту атмосферу свежести и бодрости, пытливости и искания, которую всегда он приносил с собою. С радостью, бывало, уезжаешь от Толстых, где, повторяю, меня никогда не покидало чувство неловкости, стеснения,— и что ж? На другой же день начинаешь замечать, что чего-то недостает, сам сознаешь, что недостает-то именно этой толстовской атмосферы. Я любил и люблю Л. Н. за многое, и он это чувствовал, раз даже выразил это постороннему лицу — В. Ф. Орлову [24]:

—Я знаю, Иван Михалыч любит меня робко, стыдливо!

ТОЛСТОЙ В КРУГУ СЕМЬИ
Фотография. Ясная Поляна, 1892 г.
Музей Толстого, Москва

Гимназия и университет вытравили из меня всякое религиозное чувство. Проезжая из Крыма в Ясную Поляну, я не шутя думал, что главнейшая цель жизни — пожить получше, или, как я выразился своему товарищу Петру, над чем он смеялся, сорвать розу в январе. Я омертвел душой, и если хоть несколько ожил, этим я обязан только Л. Н. и никому больше, несмотря ни на какие его заблуждения и ошибки, несмотря на то, что толстовцем отнюдь назвать себя не могу и никогда им не был; Л. Н. раз мне даже сам сказал и справедливо, что я к его воззрениям изъявляю лишь «холодное сочувствие». Нам и в гимназии и в университете говорили о народной словесности, но... но вот перед собой я увидел человека, нет — великого писателя, который действительно любил ее, действительно умел ценить краткость, меткость, простоту народной речи, а — главное — умел этой речью пользоваться. Вслед за ним и я в своем маленьком ничтожном деле, при писании кандидатской диссертации, старался по возможности избегать искусственности, вычурности литературного языка, и сколько раз при переводе Апулеевой сказки об Амуре и Психее слова и обороты простого разговорного, даже мужицкого языка облегчали и выручали меня!..

«История русского языка и литературы только в том и состоит, что писатели откидывали все искусственное, наносное, условное и приближались к безыскусственному и простому,— сказал он мне однажды, когда зашла речь о русском языке.— После Ломоносова в этом отношении сделал шаг вперед Карамзин, после Карамзина — Пушкин».

Мысль, конечно, не новая, но выразил ли ее кто другой так коротко, так ясно и просто?

Да, я многим был обязан Л. Н., я любил и люблю его, но, несмотря на это, в нем было и нечто такое, что не могло меня не тяготить. Покойный В. Ф. Орлов говорил мне, что он на своем веку знал трех сыщиков, сыщиков по духу, по натуре,— это приятель его Сергей Нечаев, затем настоятель нового Афона о. Иерон и... Л. Толстой. Я не знал ни Нечаева, ни о. Иерона, но о Толстом, хоть это сказано, может быть, и чересчур сильно, а все же правда тут есть. Он был до крайности и любознателен и любопытен. Вернее сказать, он обладал неутолимым художественным аппетитом. Он вечно инстинктивно высматривал пищу для творчества, вечно искал и находил интересных людей: изучит, проглотит одного, смотришь — на смену ему есть уж другой. По-моему, это была в нем основная черта. Хорошо знала о ней и графиня. Когда семья переехала в Москву, она раз мне сказала, что для Л. Н. люди интересны на стороне, им он помогает, их любит...

«— А что вокруг него, то ему неинтересно. Люди в Ржановом доме ему интересны, а вот мальчишка у нас на дворе такой же, как и в Ржановом доме [25], он ему неинтересен, его Л. Н. не замечает — оттого, что он здесь, у нас на дворе...»

Интересных людей у него было, конечно, бессчетное множество, ряд их не прерывался.

Ему очень хотелось знать, зачем я ездил в южную Россию. Время тогда было тревожное, и он вначале, кажется, подозревал, не социалист ли я, не член ли какого-нибудь революционного комитета. Я уже говорил, как жадно он ухватился за мой саквояж с грязным бельем: наверное он думал, что не только саквояж, но и голова моя полным полна динамита. Признаюсь, несмотря на все мое к нему благоговение, он вначале досаждал-таки мне сильно. После вечернего чая иногда, бывало, хочется посидеть одному, что-нибудь почитать — приходит он, садится, начинает выспрашивать... Как москвич, никогда долго не живший в деревне, я по временам скучал, особенно вечером, когда нечего было делать. И ходишь, бывало, по привычке, как маятник, из угла в угол, думаешь про Москву... Лев Николаевич заметил мое хождение — пошли расспросы, о чем я думаю... А то иногда сидишь вечером, читаешь или пишешь что-нибудь,— вдруг чьи-то быстрые, быстрые шаги чуть слышно направляются в коридоре к моей комнате, отворяется дверь — на пороге Л. Н. с любезной улыбкой:

— А я хотел застать вас врасплох!

Это заставило меня быть всегда настороже. Читаешь ли, пишешь ли что, все бывало думаешь: а ну он придет? И заранее приготовишься при малейших признаках появления замести все следы, спрятать все во мгновение ока и сделать вид, что сидишь сложа руки.

Помню, с какой осторожностью я читал «Анну Каренину». Мне вообще не хотелось, чтобы он знал, что́ я читаю: пойдут разговоры, расспросы, а что касается собственно его-то романа... Раз он мне именно об «Анне Карениной» сказал с недовольным видом:

— Да, я описывал, как барыня влюбилась в офицера.

А в другой раз, по поводу, помнится, также «Анны Карениной», когда графиня заметила: «Ведь ты теперь считаешься первым»,— он с раздражением ответил:

— Ах, оставь, матушка, пожалуйста,— до сих пор я только белиберду писал!

Так я говорю, что касается собственно его-то романа, то предосторожность-то моя не излишня была, хотя бы из деликатности. Сочинений своих он, кажется, никогда не перечитывал, а Василий Иванович передавал, что граф ему раз прямо сказал, что перечитывать их ему противно... Как-то странно было читать роман рядом с той же комнатой, где в это время сидел тот самый человек, который написал его — даже почему-то с трудом верилось, что это он написал!..

Приглядевшись поближе, Л. Н. скоро увидел, что революционного во мне ничего нет, взамен того он нашел во мне большое сходство со своим знакомым — Н. Н. Страховым и раз за обедом прямо мне это высказал и прибавил, что по всей вероятности я буду ученым, литератором. Я сказал, что очень этому был бы рад. Он ответил, что быть ученым в университетском смысле хорошего мало, и он думает, что я буду ученым иного характера... Я вспомнил свои горевания по окончании университета, теперь выходило, что горевать не о чем: я слышу не комплимент, а разом два — и почувствовал себя на верху блаженства! Но спустя несколько времени пришлось разочароваться: Л. Н. хоть и уважал и любил Страхова, но, имея в виду, что он не умеет энергично в спорах с ним отстаивать свои мнения, мне же заметил:

— Страхов, как трухлявое дерево: ткнешь палкой, думаешь, будет упорка, ан нет, она насквозь проскочила!

Весь конец 1880 и начало 1881 г. Л. Н. занимался разработкой Евангелия. Греческому языку он учился чуть ли не у какого-то семинариста, который иногда плел, по его словам, черт знает что...

Должно быть, у него существовали какие-то отношения и к тульским классикам — по крайней мере об одном из них, кажется, о Гайчмане, он был невысокого мнения: «Он знает из Платона „Апологию“ или „Критона“, а разверни какой-нибудь диалог еще тут, смотришь, он ни тпру, ни ну!?»

Как бы то ни было, Л. Н. мало знал по-гречески и некоторое участие в своей работе заставлял принимать и меня. Общительность у него была удивительная: о своей работе он постоянно говорил, взглядов и результатов не скрывал. Я знал кое-кого из пишущей братии — о, как те на него были непохожи! Те, бывало, боятся, что их подслушают и украдут, что они отыскали, подозрительно озирались, словом, доходили до комизма— настоящие толстовские антиподы...

Утром, призвав меня в кабинет, он часто показывал мне то, что удалось написать еще накануне.

С самого первого раза мне показалось, что, начиная работать над Евангелием, Л. Н. уже имел определенное заглавие (я еще не успел узнать, что они изложены были в двух его рукописных сочинениях — в разборе Макариева «Богословия» и в трактате «Государство и церковь» [26]). Научная филологическая точка зрения, если и не была вполне чужда ему, то во всяком случае оставалась на втором, даже на третьем плане... Помню, я как-то встретил проф. Иванова [27] и разговорился про толстовский перевод «Учения двенадцати апостолов» [28].

— Это перевод удивительный в смысле отдаленности от подлинника,— сказал мне Иванов.— Это не перевод, а скорее перифраз — филологу поэтому нечего с ним и делать: как будешь его критиковать, как его учтешь? В переводе учесть можно, но в перифразе нельзя.

— С этим можно не только согласиться, но прибавить, что таковы же толстовские переводы и из Евангелия. Историческую, чудесную, легендарную сторону в Евангелии, как известно, он совершенно устранил, считал неважной, ненужной.

«Какой интерес знать, что Христос ходил на двор? — говорил он.— Какое мне дело, что он воскрес? Воскрес — ну и господь с ним! Для меня важен вопрос, что мне делать, как мне жить?»

Он очень не жаловал Ренана, да, кажется, и Штрауса за то, что они обращали свое внимание именно на фактическую сторону в Новом завете. Ренана он не любил еще и за то, что от «Vie de Jésus» отдавало будто бы парижским бульваром, за то, что Ренан называл Христа promeneur и charmant docteur*[29], за то, что в переводах его из Евангелия все «так гладко, что не верится, что и в подлинниках так»...

Он имел в виду только нравственную, этическую сторону, но и в этом отношении был крут: Евангелие должно было лишь подтвердить уже составленные взгляды, иначе Л. Н. не церемонился и с текстом. При всем моем благоговении к нему, я с первого же шага почувствовал натяжку[30]. Иногда он прибегал из кабинета с греческим Евангелием ко мне, просил перевести то или другое место. Я переводил, и в большинстве случаев выходило согласно с общепринятым церковным переводом. «А вот такой-то и такой-то смысл придать этому нельзя?» — спрашивал он и говорил, как хотелось бы ему, чтоб было... И я рылся по лексиконам, справлялся, чтобы только угодить ему, неподражаемому Л. Н. ...

Большая часть работы по Евангелию прошла на моих глазах; нередко мне приходилось перечитывать написанное сейчас же, как только он оканчивал. Как рад он был, если что скажешь насчет его работы, особенно если не согласишься с ним (несогласие он относил насчет того, что я бессознательно проникнут церковностью)! Он весь превращался в слух, так и впивался в тебя... Иное дело, если кто начинал оспаривать его взгляды в корне, в основе, тут не обходилось без крика, и громче всех кричал Л. Н.

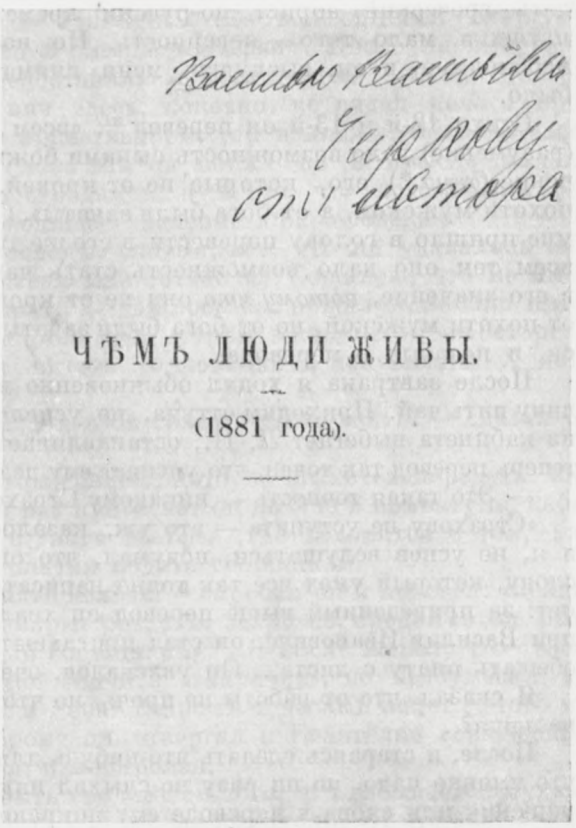
Несимпатичная сторона в Новом завете состоит, по-моему, в темноте и проблематичности очень многих и несомненно важных мест... Одно из них, трудное и для перевода и для толкования, представляет начало Евангелия от Иоанна, над которым Л. Н. трудился немало. Общепринятое толкование церкви то, что тут говорится о временах первобытных, временах, так сказать, библейского золотого века, когда между божеством и людьми могли еще существовать непосредственные отношения. Все это было когда-то в прошлом...

Льву Николаевичу претил церковный взгляд, он хотел понять это место не исторически. В личного бога он не верил, а в «логосе» — «слове», или, как перевел он, «разумении» — он видел этико-метафизическую сущность человека. Ἐν ἀρχῇ** он понимал в смысле не времени, а сущности, основы... Но как понять редкое сочетание πρὸς τὸν θεόν? *** По лексиконам он знал, что в Евангелии Матфея есть место: ἡ ἀξίνη πρὸς τὴν ῥίζαν τῶν δένδρον κεῖται! **** (III, 10), где выражение πρὸς τὴν ῥίζαν удовлетворительно переводится *при корне*. У Матфея это понятно, но что значит: слово или разумение было при боге? Переводчики спокон веков изворачивались кто как умел: в Вульгате стоит apud Deum *****, у Лютера bei Gott, в Остромировом евангелии: «Искони бе слово, и слово бе *от* бога, и бог бе слово, се бе искони *у* бога»; в теперешнем церковнославянском тексте: «слово бе к богу...» Лучше всего передано, по-моему, в последнем переводе по-славянски — по крайней мере хоть непонятность-то в нем не закрашена. Лев Николаевич в лексиконах нашел для πρὸς значение не только *при*, но и *против*, или, употребляя народную форму, *насупротив*... Это *насупротив*, пожалуй, уж недалеко

---

* странник и пленительный учитель (франц.).
** В начале (греч.).
*** у бога (греч.).
**** секира при корне дерев лежит (греч.).
***** у бога (лат.).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОЛСТОГО НА ШМУЦТИТУЛЕ XII ТОМА ЕГО СОЧИНЕНИЙ (М., 1886): «Василью Васильевичу Чиркову от автора»
Архив Толстого, Москва



и от *вместо*, особенно если понатянуть... И логос-слово, и бог, по толкованию церкви, сливаются одно с другим, у Л. Н. логос-разумение — становится вместо бога, устраняет его... πάντα δί αὐτῶν ἐγένετο * и пр. по церковному толкованию значит, что все произошло через логос-слово, или — как великолепно выразился Филарет — бог словом своим изрек мир к бытию, но как понял это Л. Н.? Сколько помню, да и едва ли ошибаюсь, он привлек на помощь метафизику немецкого идеализма: все произошло через разумение — это значит, что этико-метафизическая сущность, или разумение создали из себя мир в формах пространства и времени — Иоанн Богослов и автор «Критики чистого разума» подают, таким образом, друг другу руки! Но как понять: ἐν αὐτῷ ζοὴ ἦν ** — в нем жизнь была? А это значит: во власти его жизнь была... Перевод всего этого места я привел выше. Разыскав по словарям, что в позднейшем греческом языке ἐῖναι — быть — иногда равносильно γίγνεσθαι — становиться, он после поправил это место так: «В основе *стало* разумение, и разумение *стало* насупротив, или вместо бога, и разумение-то стало бог. Оно стало в основу вместо бога. Все через него произошло, и помимо него не произошло ничего, что *живет*. Во власти его жизнь *стала*, и жизнь эта стала свет людям, и свет во тьме является, и тьма его не охватывает».

Что γέγονε из *произошло* он переправил в *живет*, это для меня понятно, но почему аорист κατέλαβεν *** он перевел временем настоящим:

* все произошло через него (греч.).
** в нем была жизнь (греч.).
*** объяла (греч.).

«охватывает»? Я не раз ему указывал, что в этом именно месте передать греческий аорист по-русски временем настоящим, по-моему, — натяжка, мало того — неверность. Но настоящее ему было, очевидно, необходимо, и он, выслушав меня внимательно, все же оставлял, как было.

Стихи 12-й и 13-й он перевел [31]: «всем тем, которые поняли его, оно (разумение) дало возможность сынами божьими сделаться по вере в значение (ὄνομα *) его, которые не от кровей, не от похоти плотской, не от похоти мужской, а от бога были зачаты». Он показал мне свой перевод — мне пришло в голову перевести в его же духе, но так: «а кто его принял, всем тем оно дало возможность стать чадами божиими — веровавшими в его значение, *потому что* они не от кровей, не от похоти плотской, не от похоти мужской, но от бога были зачаты». Я перевел так, да, признаться, и позабыл о переводе.

После завтрака я ходил обыкновенно во флигель к Василию Ивановичу пить чай. Приходим оттуда, не успели войти в переднюю, смотрю — из кабинета выбегает Л. Н., останавливает нас и начинает говорить, что теперь перевод так точен, что уясняет ему дело еще больше.

— Это такая точность — никакому Страхову не уступит,— говорил он.

«Страхову не уступит» — это уж, казалось, высшая степень похвалы, и я, не успев вслушаться, подумал, что она относится к Иоанну Богослову, который умел все так точно написать, как Страхов. Оказалось — нет: за приведенный выше перевод он хвалил меня. Мало того, тут же, при Василии Ивановиче, он стал приглашать меня к совместной работе, обещать плату с листа... Он увлекался, очевидно...

Я сказал, что от работы не прочь, но что же говорить о плате, ничего не видя?..

После, и стараясь сделать что-нибудь для него, я не раз спрашивал, что именно надо, но ни разу не слыхал никаких указаний. Одно, два выражения или слова в переводе ему понравились, пришлись кстати, и вот этого было довольно, чтобы его горячая натура вся вспыхнула мыслью о совместной работе. Помнится, впрочем, что к Рождеству я успел кое-что сделать, но едва ли он что-нибудь извлек из моей работы.

Не менее, чем над этим местом в Евангелии Иоанна, затруднялся и трудился Л. Н. и над беседой с Никодимом. До этого времени я никогда не только не вникал, но и не думал об этой беседе. Когда занимался ею Л. Н., занялся и я и подивился ее непонятности... Прошло тому уже четверть века, и, перечитывая ее снова, вижу, что впечатление то же... [32] Если кто не родится свыше ἄνωθεν — но что значит родиться свыше? Дальше как будто пояснено: «если кто не родится от *воды* и духа». От какой воды, от какого духа? Непонятное объяснено столь же непонятно! Далее говорится, что никто не всходил на небо, кроме как сошедший с неба сын человеческий, что как Моисей вознес змию в пустыне, так надо быть вознесену сыну человеческому... Не хочется даже выписывать дальше — так все и теперь темно, странно, загадочно, выражения все такие, как будто их нарочно выбирают с тем, чтобы что-то неясное, хоть может быть и высокое (высокое все же чуется) затемнить, сделать совсем непонятным... Церковь видела здесь указание на крещение водою, на свидетельство Христа о самом себе, о своем божественном посланничестве, на пророчество о том, что ему придется пострадать на кресте, и стать искупительной жертвой за человеческий род, даже на последний суд при втором пришествии...

Для Л. Н. толкования церкви, само собою разумеется, не были убедительны. Он давал свои... Ἐὰν μήτις γεννεδῇ ἐξ ὕδατος καὶ πνεύματος **— родится от духа — с этим еще справиться можно, но родится от воды?

* имя (греч.).

** Если кто не родится от воды и духа (греч.).

Что это значит? Разыскав по лексиконам, что ὕδωρ в книгах Нового завета иногда значит jede Flüssigkeit des menschlichen Körpers*, предполагал понять это слово в смысле малафьи[33]. Много ли выиграло понимание этого места — предоставляю судить другим... «Как Моисей вознес змию». Лев Николаевич здесь, конечно, не видел ничего пророческого и понял в смысле нравственном: так надлежит быть вознесену и сыну человеческому — слова эти он понял не в смысле намека или пророчества о крестном страдании, а в том, что логосу, или разумению, принадлежит руководящее значение для человека...

Все свои заметки, все переводы, словом, все, что ни удавалось ему написать, он, бывало, показывал мне тотчас же. Сожалею, что не имел в то время привычки записывать — нашлось бы, пожалуй, немало интересного. Помню, раз призвал он меня утром в кабинет и с восторгом начал по черновой рукописи читать толкование к искушению Христа в пустыне.

– Я после этого нашел и для себя самого смысл жить! — сказал он мне в заключение.

Много трудился он над выражением, которое он хотел передать: как *свободу* имеющий... А то один раз прибегает он ко мне в комнату из кабинета и указывает то место в главе Матфея, где говорится о том, как Христос чудесным образом уплатил подати сборщикам.

— А вот так это место понять нельзя?— спросил он и перевел: «пойди, закинь уду, поймай рыбу, и раскрыв рот, т. е. *закричав*, продай ее на рынке и вырученные деньги отдай сборщикам»[34]. Я после нашел, что ἀνοίξας τὸ στόμα** действительно может значить «закричав», но недоумевал, зачем ему нужно à la Штраус или Ренан счищать чудесный налет с этого места — ведь чудесную же сторону он отвергал в Евангелии совершенно, мало того — знать ее не хотел, игнорировал.

Мне не раз приходилось быть свидетелем того, что называется муками рождения произведений. Иногда у Л. Н. не выходило. «Я это знаю,— говорил он,— не выходит — уж лучше бросить, оставить на время». И он в таком случае бросал, приказывал оседлать лошадь и уезжал. Зато, если выходило, он являлся из кабинета веселый, сияющий. Помню, объяснение к притче о сеятеле ему ужасно как нравилось. «Одно слово — игрушечка!» — говорил он и Василию Ивановичу.

Общителен он был необыкновенно не с одним со мною. Я вначале чувствовал недоумение, не понимал... Потом я стал чувствовать натяжки, хотя к церковному толкованию и переводу был совершенно равнодушен... Во всяком случае уважение мое было безгранично. Семья относилась — как относилась семья? Графиня больше не соглашалась, бывало постоянно спорила, хотя уважение к тому, с чем она не соглашалась, было и в ней, против чего она спорила... Лев, сын, был еще мал. Илья (хотя отец и любил его, по-видимому, больше других, потому что он-де на меня похож) — Илья был слишком занят охотой и беганьем на кухню, да он и по природе был не таков, чтобы интересоваться «разумением» жизни, а Сергей — этот прямо объявил:

— Разумение — это просто чепуха [35].

V

Жизнь в Ясной Поляне разнообразилась приездом гостей. Помню, что первым, известным мне уже по журналам гостем, был Стасов. Он заранее прислал телеграмму, что приедет тогда-то, и мне было любопытно взглянуть на человека, имя которого мне уже давно было известно по

* всякая жидкость человеческого тела (нем.).
** открыв у ней рот (греч.).

журналам. В доме стали его ожидать; Л. Н. за обедом сказал даже, что будет просить его не сообщать ничего печатно о своем пребывании в Ясной.— «А то он примется, пожалуй, описывать, как мы живем — пьем, едим, обедаем», — напрасные слова, в «Историческом вестнике», появилось сообщение Стасова [36]. Он приехал ночью. На другой день, когда мы сели завтракать, в залу быстро вошел длинный большой господин и неожиданно спросил меня:

— Это вы играли вальс в шесть восьмых?

Играл не я, а Сережа, и, признаюсь, эта стремительность показалась мне странной. За обедом гость много говорил об искусстве и сообщил между прочим Л. Н., что один марш у Мусоргского был написан в темпе, как мужики шагают по глубокому снегу — ему пришло это в голову при виде действительно шагавших по снежным сугробам мужиков. Лев Николаевич, помню, это очень одобрил*. Вечером в кабинете он читал Стасову свои объяснения на Евангелие. Лежа в постели, я слышал громкий их спор, вероятно, по поводу этих разъяснений... Стасов, кажется, приезжал, между прочим, с тем, чтобы выпросить каких-нибудь рукописей для петербургской Публичной библиотеки. Графиня согласилась дать рукопись «Военных рассказов», только Стасов по своей безалаберности, уезжая, забыл ее, так она и осталась в Ясной. Графиня рассказывала после, что взамен ее она послала Стасову деревенской пастилы [38].

Другой гость, постоянный, приезжавший каждую субботу, был кн. Урусов, тульский вице-губернатор. Впрочем, в сентябре и, кажется, далее он не появлялся в Ясной Поляне, потому что ездил за границу. Это был, правда, немолодой уже, но внешне безукоризненный человек, с манерами и говором аристократа. Жена его пребывала с дочерьми в Париже, потому что — как он раз мне сказал — там климат лучше, вернее, кажется, он жил с нею не в ладу. Это был ярый поклонник и последователь Л. Н., но его поклонением и последованием Л. Н. иногда тяготился. «Для меня он составляет большое обременение»,— раз он сказал при всех... Но князь этого не замечал, да, признаться, и заметить было трудно, потому что в его присутствии Л. Н. недовольства и виду не показывал, а графиня— так та была к нему всегда очень любезна. Приезжал он обыкновенно в субботу к обеду, беседовал, благоговейно слушал Л. Н., ходил с ним на прогулки. Помню, как-то около Крещенья, в одну из суббот, была сильная метель, и около Ясной Поляны замерз какой-то человек (о нем, впрочем, писал Сергей Петров Гарбузов [39]). Об этом стало нам известно только на утро в воскресенье. Лев Николаевич велел заложить лошадь, и мы с Сережей поехали за замерзшим. Он действительно лежал у дороги, близ занесенной снегом кучи щебня или песку. Мы привезли его в деревню, внесли в пустую, холодную избу. Пришел Л. Н., начал с Сережей оттирать, пришел Урусов и тоже оттирал... Я не оттирал, я не мог побороть неприятного чувства, но Урусов поборол — поборол ли бы он, если бы не пример Л. Н.?

Лев Николаевич, занимаясь Евангелием, и между писателями предпочитал таких, которые учили, как жить... Урусов в Париже, кажется, несколько позабыл яснополянские заветы, увлекся спиритизмом и привез Л. Н. «L'Evangile spirite»**. Помню, Л. Н. сильно критиковал эту книгу, упирал на то, что она кроме известного да пустяков не дает ничего... Мы

* Сколько понимаю, Стасов говорил об «Интермеццо для оркестра», которое навеяно было Мусоргскому в деревне в один из зимних праздничных дней. Не желая, вероятно, делать крюк, толпа мужиков пошла по занесенному снегом полю напрямик. Вышло и не скоро и не споро: приходилось вязнуть в снегу, выкарабкиваться и опять вязнуть... А в это время по настоящей торной дороге показалась группа поющих баб, которым весело было глядеть на вязнущих мужиков...[37]— *Прим. И. М. Ивакина.*

** «Евангелие спиритов» (франц.).

с Василием Ивановичем накинулись тоже... Урусов сконфуженно молчал, не пытаясь даже оправдаться 〈...〉

Реже бывал в Ясной Поляне брат Л. Н. — Сергей Николаевич Толстой. Ни лицом, ни сложением, ни фигурой братья не были схожи, ни — прибавлю — темпераментом и убеждениями. Мало того, редко можно было встретить столь мало схожих. Когда они сходились вместе, не проходило минуты и смотришь — уже сцепились. «Льву Николаевичу хорошо,— говорил Сергей Николаевич,— он может с мужиком ладить: мужик надует его на 100 р., а он, Лев Николаевич, его опишет, получит за это 500 р.— чистый барыш!». Но далеко не все, написанное братом, одобрял Сергей Николаевич.

«Раз пришлось мне читать вслух „Кавказский пленник"... „Жил на Кавказе барин, звали его почему-то манерным, плохим..."» [40].

О работах брата по Евангелию — и говорить нечего: Сергей Николаевич отвергал их совсем, и споры главным образом касались их. Когда Л. Н. затеял Общество трезвости [41], Сергей Николаевич опять-таки взглянул на это как на нечто ненужное: «Без рюмки водки желудок у меня плохо варит». Когда Л. Н. выражал вегетарианские воззрения, Сергей Николаевич говорил: «Что же в том, что мы убиваем животных? Ведь мы дохнýть не можем без того, чтобы не погубить миллионы организмов!» По-видимому, он затеянное Л. Н. дело считал пустяками, увлечением, каких в жизни Л. Н. было не мало...

«Я помню, Левочка увлекался тем, чтобы жить в деревне, как мужики, жениться на крестьянке, подбил других. Другие были готовы, даже попортили несколько девок, а сам он взял да женился на Софье Андреевне — и отлично по-моему сделал!..»

Братья не схожи были и по женитьбе: Л. Н. и мечтал, может быть, жениться на крестьянке, но женился на дочери придворного доктора Берса, а Сергей Николаевич, этот аристократ, барин (мне иногда думается, не есть ли тургеневский Павел Петрович Кирсанов список с Сергея Николаевича), мечтал жениться на сестре Софьи Андреевны, а женился на простой цыганке из табора... Они сходились и не могли не спорить, но это значит только одно — они и любили и уважали друг друга. Лев Николаевич называл воззрения брата дикими, но уважал их за то, что они у него свои, не начитанные, а Сергей Николаевич говорил мне в Москве раз весною, что с отъездом Л. Н. он не знает куда деваться — нет живого человека!

〈1885〉

24 июня. Вчера я приехал в Ясную Поляну [42]. Сегодня видел ее всю и всех ее обитателей.

За чаем толковал с Л. Н. и Татьяной Андреевной [43] о воскрешении Николая Федоровича [44]. Это воскрешение Л. Н. сопоставил с теорией брата своего Сергея Николаевича, которая заключается в том, что мир состоит из частиц, изменяющих формы своего сочетания в бесконечности пространства и времени, и что, следовательно, возможна и такая комбинация, что раз уничтожившееся снова придет в прежнюю форму. Разница та, что у Николая Федоровича все предоставляется сознательной деятельности человечества, а у Сергея Николаевича — простому процессу.

25 июня. Вечером, вернувшись с прогулки из Ясенков [45], я нашел в сборе почти всех в зале. Лев Николаевич читал о себе статью из какой-то английской газеты, где довольно верно переданы его взгляды.

26 июня. Идя домой из леса, встретил Л. Н. Он сказал, что пишет все по поводу политической экономии, — о ренте и т. д. [46], сообщил о сочинениях американца Джорджа [47], который со многими положениями этой

науки не согласен. В книге «Progress and poverty»* он приходит к тому заключению, что для того, чтобы покончить со многими экономическими неурядицами, надо *национализировать* земельную собственность, отменив все налоги, прямые и косвенные.

— Политико-экономы,— продолжал Л. Н.,— сами сбиваются с толку, говорят, сами не зная что; например, толкуя собственно о государстве, они говорят о человеке вообще... Я многим из так называемых консерваторов толковал, что вопросы политико-экономические в настоящее время находятся в таком же положении, в каком был в начале нынешнего столетия крестьянский вопрос.

26—29 ⟨июня⟩. Со Л. Н. беседовать приходилось мало. Впрочем, раз за чаем говорили про Мэтью Арнольда [48] по поводу того, что у него есть мысли, сходные с мыслями Л. Н. «Свободомыслие одного века есть обычное воззрение века последующего»,— мысль, не показавшаяся мне новой, но она очень нравится Л. Н.

Лев Николаевич с графиней и Илюшей сидел за утренним чаем под липками, около крокета. Илюша заметил, что около Ясной Поляны мало дичи. Лев Николаевич возразил на это, что дичи и вообще никогда не бывает много. У него был на Кавказе знакомый казак Ерошка, которого он в повести «Казаки» вывел под именем Епишки [49]. «Утром уходил он на охоту,— говорил Л. Н.,— брал с собой двух собак, все снасти и приспособления для охоты и для ловли дичи — и все-таки при всех тогдашних удобствах для охоты не убивал много».

— В нравственном отношении Ерошка был не зверь, а животное,— продолжал Л. Н., увлекаясь воспоминаниями,— убить человека ему было нипочем. Ермолов [50] раз послал его в горы убить одного немирного горца. Он отлично говорил по-татарски, одевался по-тамошнему, пришел кунаком в аул, убил в сакле ночью горца и убежал. Приходит к Ермолову. «Ну, что? с чем ты?» — «Я его вот так поманил пальцем в сторону, вынул из кармана и показал кисть руки».

— А то был еще чеченец Балта́ [51]. Этот занимался кражей и пьянством. Украдет где-нибудь лошадь, продаст и сейчас приезжает в город, нанимает двух музыкантов, покупает рому и пьет, пока не пропьет всего. Раз пришел он к русским, видит — играют в деньги. У Балты́ не было ни гроша, зато был тут у него кунак. Он видит, что на кону́ стоит что-то рублей 20—25. Занял он у кунака 20 к., разменял на медь, подошел к игрокам, загремел медью в кармане и кричит: «Хочешь на все?» — «Сам думаю, коли не моя возьмет, пистолет со мною, выстрелю в кого-нибудь и убегу». Согласились — кон взял Балта́. Опять пошло пьянство и музыка, а потом безденежье. Когда выходили деньги, он доставал навертку, наверткой проделывал дыру в двери конюшни, отмыкал изнутри крючок или задвижку, уводил лошадь, продавал, и опять начиналось пьянство и музыка.

30 ⟨июня⟩. Был князь с армянской физиономией — Абамелек-Лазарев [52]. Мне его отрекомендовали кандидатом филологом Петербургского университета. Рассказывал о бое быков в Мадриде, где он был в нынешнем году в мае, но не очень интересно — все известно по книгам.

Был в Ясенках, беседовал с тамошним кабатчиком, который хвалил «Чем люди живы» и заявил мне сомнение в учебных успехах Илюши и объявил, что даже знает о нашей поездке с Сережей на лодке.

К нему пришел мужик с бабой. Услыхав, что мы говорим об Л. Н., мужик сказал, что у них в Малахове есть старичок, *балясник*.

— Все к графу хочет сходить, да боится, что в шею выгонят. А уж та-

---

* «Прогресс и бедность» (англ.).

кой — страсть! Начнет рассказывать,— три дня не отойдешь от него. Где-где ни бывал — и на Кавказе и в Турции. Двенадцать лет от господ бегал, а как вышла воля, вернулся. Такой балясник! Хочет сходить, да сумлевается, как примет граф — может, в шею выгонит, а может, водочки поднесет.

Я обнадежил, сказал, чтобы он не боялся, приходил: граф наверное рад будет его видеть. Я ошибался: когда я рассказал о нем, графу, как будто даже стало неприятно.

С. А. ТОЛСТАЯ
Рисунок Л. О. Пастернака, 1901 г.
Музей Толстого, Москва

В этот же день в кабинете у Л. Н. неожиданно встретил какого-то Файнермана [53], нарочно прибывшего из Киева. Он еврей, но — по словам его — благодаря Л. Н. уверовал во Христа.

Вечером, после чаю, до полуночи беседовали с графом. Между прочим, он говорил о том, что теперь старикам приходится идти впереди молодежи. Молодежь — или революционеры, или из разряда людей, которым все наплевать, а «на наш, мол, век хватит!» У молодежи последнего разряда — полнейшее отсутствие духовных интересов, отсутствие чутья, такта. Армянский князь, например (он уже успел уехать), на поле выходит в кольце, в котором два камня по 150 р. каждый. Другой (но кто, не было сказано) стоит на крыльце, манит своих ребят, а лакей в это время ползает по земле, чистит ему сапоги.

— Да в былое время,— продолжал Л. Н.,— декабристы за стыд бы это сочли, да сочли бы за стыд и вообще в гвардии. Такой же взгляд был тогда и в армии. А теперь дошло бог знает до чего! Люди только и стараются

оскотинить насилием других людей для того, чтобы, в конце концов, и самим оскотиниться.

Отсутствие духовных интересов среди молодежи лучше всего сказывается любовью к картежной игре.

1 июля. Утром видел еврея, который ночевал у Л. Н. Когда Л. Н. пришел в кабинет одеваться, речь зашла о политической экономии и о Джордже.

Еврей говорил, чтобы всю землю отдать мужикам. Лев Николаевич указывал на неудобство — наверное ничего не выйдет. Кому отдать и как отдать? Крестьянин, поступивший в лакеи, получив землю, сам работать не станет, будет сдавать. Гораздо лучше проект Джорджа о национализации земли: устранить все другие подати и налоги и брать высокую пошлину с земли, которая будет принадлежать правительству. Земля будет давать только излишек (ренту) в пользу того, кто сидит на ней. Джордж, впрочем, вычисляет, что и тогда землепашец не останется в убытке, потому что не будет других косвенных налогов. Налог должен составлять, по крайней мере, 80% , а 20% останется в пользу землепашца.

Лев Николаевич ушел писать, я его видел только за обедом.

После обеда толковал с евреем, который старался мне показать, что есть два рода насилия: один для личного блага, незаконный, другой—для общего блага, законный. Так как главная заповедь Христа касается жизни общей в любви, труде и согласии, то при достижении такой высокой цели не надо смущаться насилием, потому что оно законно. Я спросил, согласен ли он с учением Л. Н. Он отвечал, что да, и когда я сказал, что Л. Н. коренным пунктом своего учения ставит непротивление злу, он не согласился. Пришел Л. Н., потом Стахович [54]. Заговорили опять о насилии. Объясняя Стаховичу, что́ такое насилие, Л. Н. рассердился и стал кричать, как никогда. Затем стих, а еврей все продолжал гнуть к тому, что есть и законное насилие.

Вечером, после чаю, были общие разговоры. Говорили о русском языке, об остатках, какие в нем существуют и до сих пор. Свекры́ вместо свекровь сказала недавно Л. Н. какая-то приходившая в Ясную Поляну старуха. Говорили о легендах и мифах, до сих пор ходящих в народе. Ходят они зачастую в обрывках, как и пословицы. Петрович [55], приезжавший недавно в Ясную Поляну, сообщил Л. Н. тему для «Чем люди живы». В Ясной Поляне он пел и богатырские песни. Слушая их, один яснополянский мужик заметил о Петровиче:

— Хорошо ему, немцу, на сытое-то брюхо петь!

И Л. Н. стоило труда уверить мужика, что тот поет по-русски. Так эти песни стали чужды в здешних местах народу! Петрович же рассказал миф такого рода. Сидел бог на камешке среди моря и стал молотом ударять по камешку. Выскочила искра — стала ангелом. Поклонился ангел и отошел. Выскочила другая искра — стал другой ангел, поклонился богу и отошел. И натворил бог ангелов много, а потом ушел. Пришел дьявол, сел на место бога, стал высекать искры, и стали из искр делаться дьяволы. Затем у ангелов с дьяволами начинается борьба; дьяволы почти одолевают ангелов, но является главный божий воевода Мик и побеждает дьяволов.

«Не износится лицо без стыда»,— сказал я как-то Петровичу пословицу.— «Как платье без пятна», — досказал он.

Это сообщил Л⟨ьву⟩ Н⟨иколаевичу⟩ как бы в доказательство того, что и пословицы наши зачастую ходят не в полном виде.

Не помню почему, заговорили о яснополянской покровительнице животных, старухе Агафье Михайловне [56]. Лев Николаевич сказал, что она любит животных по-буддийски: кормит и призирает собак; ошпарят петуха — и петуха шпареного не забудет. Внутри нее такой мир идей и чувств, пережить который дай бог какому-нибудь Шопенгауэру, только

мир-то этот несравненно лучше, искреннее. Рассказывал Л. Н. о ней, как она передавала ему о часах, которые пустил у нее в ход Илюша.

— Ночью-то я, батюшка, не сплю, лежу, да слушаю. И все-то они точно говорят мне: «кто ты? что ты? кто ты? что ты?»

Еще лет 50 тому назад (она помнит Л. Н. грудным ребенком) пошла она к доктору лечиться. Тот и спрашивает: «Что у тебя болит?» — «Да так, батюшка,— отвечает,— точно будто береза в животе растет».

Стала раз у ней собака Милка беспокоиться. «Пошла я, батюшка, в Бабурино (за 4 версты) для нее за кавалерами. Гляжу, а за мной идет их целая стая, да такие все мужики... Куда, думаю, ей такие — я и сама не рада была». Людей она любит не так сильно, как животных,— на этих остановились, кажется, все ее симпатии. Войти к ней — сейчас же увидишь почти на пороге какую-то серую массу, которая начинает шевелиться. Это собаки, прикрытые ее юбкой или шалью.

Я не помню, почему мы завели речь о рассказе «Свечка» [57]. «Я слышал его от пьяных мужиков, с которыми мне пришлось ехать из Тулы. Он мне понравился именно своею грубою простотою — так и пахнет мужицкими лаптями!»

Мы перешли из залы в гостиную к графине. Продолжая разговор о литературе, мы заговорили о романах и Вальтер-Скотте. Лев Николаевич выразил ему неодобрение и припомнил, что когда Вальтер-Скотт умер, то один из знакомых сказал:

— Ну, слава богу, по крайней мере теперь не будут меня спрашивать, читал ли я его последний роман!

С романов естественно было перейти к любви. «Это баловство от нечего делать,— говорил Л. Н.— Люди живут бог знает в каких условиях, соблазны на каждом шагу, дела никакого нет, и вот начинается дурь. Дурью начиняет себя девушка, так что стоит только кому-нибудь явиться, ее с этой дури разрывает, точно с пороха, и начинается чепуха. От этой чепухи надо отличать *присуху*, как говорят в народе, когда люди привязались один к другому, но между ними стоят неодолимые препятствия. Это — величайшая мука. Любви желать — желать холеры, и нужно удивляться людям, которые ищут этой холеры и находят в этом какое-то удовольствие. Иное дело — любовь между мужем и женой, когда люди сживутся между собой. Но и это не есть счастие, а есть то же, что воздух, вода, т. е. одно из необходимых условий человеческой жизни».

3 июля. За обедом Лев Николаевич, не помню почему, вспомнил о мистере Лонге, миссионере, который прожил в Индии 20 лет [58]. Найдя что-то одинаковое в быте индусов и русских, он посетил Россию, познакомился с Л. Н. в Москве и приехал в Ясную Поляну. Глуп он был ужасно. Каждый раз, отдавая долг общительности, за чаем на ужасном французском языке он говорил графине: «Madame, avez-vous été à Paris?»*. Рассказывал, что, крестя индусов, они в то же время оставляли им многоженство. Будучи лет 45, он казался гораздо старше: индийский климат дает знать себя англичанам! Они не хотят применяться к местным условиям, приезжают со всеми своими привычками — с бифштексом, боксом и пр. Потому-то они в Индии и не *выводятся*: кто из англичан женится, тот будто бы уезжает в Англию.

За вечерним чаем шла речь о литературе и писателях.

— На вазе разные арабески вперемешку, амуры, цветы и т. д., все красиво, но для чего? какая в этом цель? — говорил Л. Н. — Так же и писатели (английские). Горе и радость, веселье и страдание в романах, все вперемешку,— к чему все это, какая цель? Русские считают нужным читать Пушкина, Тургенева, Толстого, и этой-то дребеденью заслоняют

* Сударыня, были ли вы в Париже? (франц.).

книги, которые для людей действительно нужны. Мысль есть самое важное в человеке; сообразно мысли живут и поступают люди. Стало быть, хороша та книга, которая говорит мне, что мне делать. А люди стараются из книги сделать какую-то забаву, игрушку. Это все равно, что хлеб: хлеб существует затем, чтобы его есть, а кто скажет, что он существует для того, чтобы помягче на нем сидеть, это бессмыслица, чепуха. Английские романисты именно и сделали из книги такую игрушку; их произведения — в сущности бесцельная игра света и теней, например, у Брэддон, у которой к тому же романы, как и у многих английских писателей, носят печать фабричности, несмотря на мастерство языка [59]. Даже такой тупой и ограниченный человек, как Э. Золя, и то лучше: у него есть цель, а не пустая игра цветов. Цель эта, например, в «Семействе Ругонов» состоит в том, чтобы проследить дегенерацию фамильных черт — что-то напоминающее Дарвинову теорию. Это дает ему опору, несмотря на всю ложность исходной точки зрения, и вот отчасти почему он читается во всей Европе; мы, сидя в Ясной Поляне, горим нетерпением прочесть его новый роман. Тургенев до самой смерти так и занимался в сущности пустяками. Я чувствовал это еще тогда, и это впоследствии возбудило даже его неудовольствие на меня. Настоящее лучшее его произведение — «Записки охотника». Тут есть прямая цель. А после ему, очевидно, стало нечего писать, и пошла ужасная чепуха. Я помню, как Анненков, главный критик, я и другие собрались у Панаева читать «Рудина» [60]. Я чувствовал что это чушь и больше ничего... Лаврецкий, Базаров — и это все мне тоже не нравится. Лучше всего «Новь»: тут выведено что-то реальное, соответствующее жизни. А в Рудине, Лаврецком, Базарове — ничего нет: что говорит Базаров, то только разве и хорошо. Да и быть ничего не могло: ведь те движения, представителями которых являются Рудин, Лаврецкий, совершились только в умственной сфере, в поступки не переходили, оттого-то и не могли дать содержание художественному произведению, тогда как «Новь» могла. Повесть Тургенева «Живые мощи» — прелестный рассказ, который был написан, очевидно, давно; он отдал его в печать по просьбе и то со стыдом, потому что там есть что-то похожее на религиозную идею, со стыдом потому, что за повесть такого характера Белинский бранил, а в Тургеневе воспоминание о сороковых годах было свежо. Художественная форма хороша только там, где она необходима. В моем маленьком деле я чувствую, что могу лучше всего выразить свои мысли именно этим путем — я ее и употребляю и для интеллигентной публики у меня есть прямое средство.

4 июля. Утром, когда я хотел взять Джорджа, чтобы прочесть о Мальтусе, пришел Л. Н. в кабинет одеваться. Он сказал, что после Джорджа Мальтус стал для него ничто — о нем он уже не может и говорить серьезно. Его теория об умножении населения и продуктов сделана для английской аристократии; что, мол, есть, того не переделаешь — так живите, как живете! А в сущности это писатель бездарный, которого не принимали ни в один журнал, пока он не написал своего «Опыта о населении» [61]. С той поры начинается его успех и слава. Если иметь в виду только бессовестную эксплуатацию природы человеком, пожалуй, тут и была бы правда. Но дело в том, что сюда, именно в отношение людей друг к другу, к земле и к ее продуктам, входит элемент бесконечного, который изменяет все. С умножением людей умножаются и средства для прожития: на двух десятинах троим легче жить, чем двоим. «Это все равно, как на корабле,— говорит Джордж,— выйдут припасы, по-видимому, все кончено. Но это не так: стоит приподнять пол, и внизу увидишь еще много припасов»...

Когда я спросил, где же с умножением людей им помещаться, Л. Н. определенного ничего не сказал.

«КНЯЗЬ БЛОХИН»
Рисунок Т. Л. Толстой, 1891 г.
Музей Толстого, Москва

— Из-за чего же я бьюсь,— продолжал он,— я вижу кругом людей, которые запутались во всей этой чепухе. Ко мне приходят профессора или — как назвала их одна барыня (Олсуфьева) — волхвы. Они пережили гимназическую и университетскую пору, стали магистрами и докторами, лет по 10—15 профессорствуют, читают все, что напишут другие, европейские волхвы. Ведь это не шутка. Ну и что же в их писаньях? Кроме путаницы я ничего не нашел. Разбирать всю эту путаницу по пунктам — на это не хватит целой жизни. Я беру самые корешки и вижу, что именно тут-то и нет ничего. Благодаря Джорджу, Мальтус для меня теперь не существует. Кто положит предел человеческой мысли? Мы сами дивимся на удивительные открытия, но только дело в том, что общественный строй в своем теперешнем виде остается далеко позади всего этого.

5 июля. Видел купца-раскольника, приезжавшего к Л. Н., который толковал ему об «Учении двенадцати апостолов».

Лев Николаевич косил часа два. Я наблюдал за ним из-за деревьев, когда он уже кончил: положил брусок в брусницу, вскинул по-мужицки на плечо косу и тихо, задумчиво направился домой. Я вышел, он меня увидал.

— А я только что думал о том, что скоро придется умирать, — сказал он.— Хороша смерть, когда жил не как мы, которые наедаемся бог знает до чего, в то время, как другим нечего есть.

Он вспомнил о Николае Федоровиче, как он живет. Он уважает, любит его больше всякого и удивляется, что тот от него отшатывается.

— Николай Федорович говорит, что между людьми братства потому нет, что нет общего дела; будь оно, было бы и братство; делом этим он считает воскрешение. Я же говорю, что братство может быть и без общего дела, пожалуй, просто вследствие того ужаса нашего положения, который есть прямой результат отсутствия братства. Он этого не хочет понять.

У него есть пункт помешательства, которого у меня, должно быть, нет. Я ему говорил: поставьте вы общее дело целью, не определяя его точно... Но с философской точки зрения его построение правильно, он прав, ставя человечеству такую задачу, если только отодвигать ее исполнение в бесконечность времени.

После вечернего чаю Стахович в гостиной читал свои стихотворения, а я со Л. Н. слушал из залы. Стихи, видимо, были недурны, но читались напыщенно.

— Когда так читают,— сказал Л. Н.,— мне всегда хочется залезть под диван.

6 июля. Сегодня вечером, разговорившись о спиритических явлениях, Л. Н. стал горячо ставить их на одну доску с чертовщиной: «Почему я должен верить в какой-то бишопизм или гипнотизм? В таком случае надо верить и бабе-знахарке и мужику, который подал Сергею Николаевичу (брату) жалобу на соседа, что тот у себя на зло ему держит в сундуке семь чертей. Есть область серьезного и область суеверия, человеку надо чувствовать разницу между тем и другим. Если человек пустится в область суеверия, ему некогда будет заниматься даже своим прямым делом. Все такого необычного рода явления имеют один характер: они связаны с *внутренним* человеком, с его внутренней организацией. Явления, которые можно понимать, даже, например, гипнотизм, доступны исследованию— в гипнотизме, например, влияние на нервы блестящих поверхностей. Но явления, связанные с внутренним строем человека, наблюдать нельзя, потому что чем было бы их наблюдать? Явления материальные доступны опыту, явления духовные — нет. Душе тогда пришлось бы разглядывать себя как бы в зеркале и свое отражение в нем схватывать, но возможно ли это?»

7 июля. Вчера за обедом Л. Н. говорил, что когда он косил, загремел гром, закачались от ветра деревья, и ему вдруг стало почему-то жутко.

— Но я вспомнил, что может мне сделать гроза? Разве убить — и только. А это — я и вчера вам (т. е. мне) говорил — самое желательное для меня. Значит, я боюсь того, чего желаю. Как только я подумал это, сейчас же во мне пропала всякая жуткость.

Сегодня после обеда я увидел под окном человека с виду очень странного. Он был очень бедно одет: в рваных валенках, рваном полушубке, поверх которого было надето что-то еще, и в старой не то шляпе, не то фуражке. Лицо с бородой, добродушное. Я догадался, что это должно быть так называемый *Чинов окончил* [62], о котором я слыхал уже много раз, о котором Л. Н. даже упоминает в своих сочинениях.

Он не замедлил со мной заговорить и отрекомендовался мне как «служащий, поставщик военного провианта светлейший военный князь Григорий Федотов Блохин».

Он желал увидать графа, чтобы попросить позволения пообедать и переночевать. Лев Николаевич как раз подоспел к нам; подошла и Ольга Николаевна Тиблен, гувернантка у Татьяны Андреевны.

Чинов окончил когда-то служил, и у него тот пункт помешательства, что за службу ему следует получить награду от царя — деньги, имения, крестьян. Лев Николаевич повел нас всех в свой кабинет, велел мне с Ольгой Николаевной взять по карандашу, по листу бумаги, а сам начал со свойственным ему уменьем задавать сумасшедшему чудаку вопросы. Мы записывали <...>

По уходе этого чудака Л. Н. сказал мне, что и мы все в сущности таковы же — только это квинтэссенция; все мы тоже убеждены, что нам надо откуда-то получать для свободного прожития, а что другие должны на нас работать...

Вечером Л. Н. стал читать книгу Иова; читал довольно долго, было скучно, хотя и не все в этом сознавались. Я сказал откровенно, что на мой взгляд она скучна и многословна. Лев Николаевич старался показать ее значение; это протест человека, который по жизни безупречен, против бога за то, что он посылает на него беды одну хуже другой. Прежде, при патриархах, благословением за безупречную жизнь считались стада, потомства, рабы; Книга Иова идет дальше, она берет человека безупречного, в котором сильно побуждение к добру, но на которого бог обрушивает всевозможные бедствия. Он ропщет на бога — за что же это? стоит ли быть безупречным? и за всем тем не теряет своих стремлений к добру. Это, во-первых, протест, т. е. лирическое выражение ропота на бога за несправедливо посланные испытания; во-вторых, знамение совершившегося переворота в нравственном мире еврейского народа, того завершенного Христом переворота, благодаря которому добро стало заключать награду уже в самом себе, т. е. книга имеет значение историческое. О Ветхом завете Л. Н. заметил вообще, что там много красот эпических, чувствуется, crudité *, например, в эпизоде о Ревекке [63].

Мы вышли в сад, где, забыв Ветхий завет, он опять стал говорить об экономистах. Они с Миллем во главе о меркантильной системе говорят, что это нечто такое, что удивляешься, как люди могли писать подобную чушь.

— Точно то же можно теперь сказать и о Милле. Я прежде выражал недовольство, что пришлось жить в Москве, но теперь вижу, что в жизни всякого человека случается именно то, чему должно случиться, и что жизнь слагается именно так, как ей должно сложиться.

Это было ответом на мои слова, что его теория о деньгах является совершенно новой и что причиной этого было, вероятно, его пребывание в Москве [64].

9 июля. Лев Николаевич косил часа с три.

— Так хорошо косил, сделал много,— сказал он,— так славно устал — хочу купаться.

После чаю зашла речь о нашем образовании. Лев Николаевич говорил, что такое святое дело, как образование и знание вообще, переплетено с самыми мерзкими целями, которые с делом знания общего ничего не имеют, и потому образование теперь скорей развращение.

Придя в кабинет, относительно закона сохранения силы он, не помню, по какому поводу, сказал, что тут собственно нет никакого открытия. То же-де говорит и Страхов [65].

10 июля. Сережа (старший сын) все что-то писал сегодня, пока я корректировал «Два старика» [66]. После он дал мне прочесть свои писания; оказалось — рассказы и очерки. Недурно.

Вечером нашли мы Татьяну Андреевну что-то чрезвычайно грустной. Она все жаловалась на судьбу и на бога, говорила, что все на свете игрушки и что жить не стоит того, что ей приятно делать все назло богу— он хочет так, а я сделаю по-своему.

Зашел вопрос о том, можно ли располагать чужой и своей жизнью, чужой даже в том случае, если об этом просят. Лев Николаевич говорил, что для него это было всегда вопросом неразрешимым. Ольга Николаевна Тиблен сказала, что можно располагать, когда это явно лучший исход. Лев Николаевич возразил:

— Этого сказать нельзя. Быть может, человек, который просит о прекращении жизни, скажет что-нибудь или сделает важное и значительное — как за это ручаться? Притом же страдание не есть такое бедствие, которое даже при высокой степени должно вести к прекращению жизни.

---

* непристойность (франц.).

Эпиктет говорит: если у тебя лихорадка — вот тебе случай показать твердость духа [67]. Из всех явлений жизнь есть самое важное и таинственное.

Говорили о молодости, о том, как человек изменяется в другие возрасты жизни.

— Перемены, собственно, нет,— сказал Л. Н.,— изменяется форма, а не сущность. Я, каков прежде был, таков и теперь остался — и пошл, и глуп, и гадок; изменение разве в степени.

— От жизни нельзя требовать, чего она не может дать,— говорил Л. Н., очевидно, имея в виду прежнюю тему.— Иначе будешь похож на князя Блохина, который все ждет откуда-то получения. Что ни сделай ему, какие средства ни употреби для его удовлетворения, он все-таки будет несчастен, потому что сошел с ума на том, что ему должно явиться получение в три миллиона. Точно так же несчастлив и человек, который предъявляет к жизни такие требования, какие предъявлять нельзя. Да и какое право мы имеем на это? Разве такое же, как и князь Блохин на получение миллионов. Так называемые несчастия не настолько ужасны, как кажется.

— Я помню, в Брюсселе я зашел к Лелевелю [68],— сказал Л. Н., — о нем сказал мне Герцен. Я спросил о нем в лавочке. Мне с восторгом и уважением указали, где он живет. Я вошел, вижу — грязно, на двери вместо молотка что-то вроде чернильницы, бедность, вонь, противный запах от старческой урины. Отворяю дверь — в комнате книги, пыль, сор. Лелевель — седой, почтенный старик — сейчас же со мной разговорился, с живостью начал толковать о политике, доказывать, что Смоленск — исконный польский город. Что же после этого несчастия?

Когда мы пошли провожать Татьяну Андреевну во флигель, где она жила, она продолжала толковать, что все на свете пустяки, что бог хочет так, а я нет.

— Назло ему сделаю, как мне хочется; он послал засуху, а я у себя в огороде и цветнике возьму да и буду поливать — на ж тебе!??

— Да ты, Таня, когда жара, возьми уж лучше да поставь барометр на дождь — и утешайся, что сделала назло богу! — сказал Л. Н.

12 июля. Сегодня ходил гулять с гувернанткой m-me Seuron [69]. Она мне рассказывала, что прошлый год какой-то доктор Лазарев, наслышавшись о школе и о лечении в Ясной Поляне, посетил графа. Он ожидал будто бы видеть у него простоту и тишину, а увидал нечто другое — и роскошь, и гостей. Ходил смотреть школы — школы нет; спросил, сколько кроватей в лечебнице — оказалось, что нет и самой лечебницы. Разочарованный, он будто бы и уехал-то утром, не простясь ни с кем, а после в одной из газет появилась статья, где говорилось, что у графа слово расходится с делом [70].

Вечером Л. Н. читал присланную ему из Минусинска любопытную рукопись крестьянина Тимофея Бондарева [71].

14 июля. Сегодня вечером читали почтовый яснополянский ящик [72]. Статьи были разные — глупые и нет, скучные и веселые. Прохаживались все больше насчет меня и miss Gibson и насчет того, как я хожу пастись на крыжовник... Когда уже все почти разошлись спать, Л. Н. мне сказал, что Чертков думает прислать ему статью из газеты «Pall Mall» о лондонском разврате [73].

— Мне всегда казалось,— сказал Л. Н.,— что у англичан дело обстоит не совсем благополучно. Читая их романы, мне всегда думалось, что авторы что-то скрывают, в чем-то лицемерят, про что-то не договаривают. Правдивый Диккенс у них считается, например, писателем неприличным. Миросозерцание русского народа, в противоположность английскому и другим, человечней. Замечательно, что русский человек чтит царя, как никто, и в то же время считает и его человеком!

15 июля. После чаю графиня заговорила о корректурах. Лев Николаевич сказал, что он читал некоторые листы и что, например, описание охоты в «Анне Карениной» ему понравилось.

— Все правдиво, нет фальши, но читал я в «Войне и мире» описание, как Наташа была в театре, и так мне стало противно! Это бог знает что!

Лев Николаевич велел принести записную книжку и стал читать кое-какие выдержки — слова, выражения, рассказы, слышанные им у Петровича. Оказывается, что «Два старика» рассказал ему Петрович, «но бестолково, так же, как и фабулу повести „Чем люди живы“».

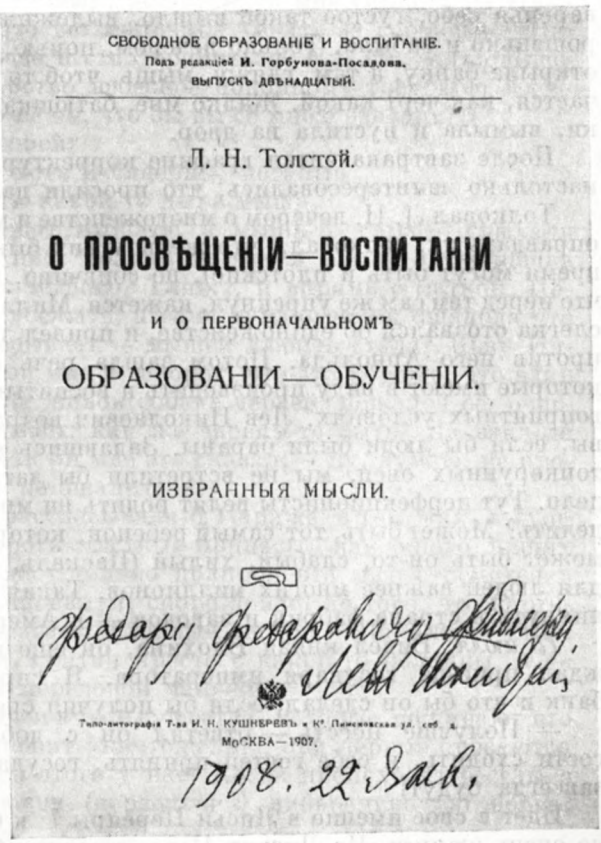
Петрович — старик, приезжавший в Москву лет пять тому назад. Он ремеслом сапожник, с малых лет занимался с дядей сапожным делом; дядя-то и научил его многому. Лев Николаевич увидал его в Москве, а так как Петрович собирался идти в Киев, то он и пригласил его в Ясную Поляну.

Я раз сказал, что охота — варварство. Лев Николаевич согласился, но сказал, что трудно ему было уйти от этого, что отец и дед его были охотники, и все в доме привыкли считать охоту за что-то важное.

— Недавно как-то я видел, как собаки гнались за зайцем. Ну как! думаю, поймают,— жалко. Но слава богу — не поймали.

Раз, гуляя, он услыхал выстрел и догадался, что стрелял Илюша (после так и оказалось, Илюша убил зайца). Он нарочно пошел другой дорогой, чтобы только не видеть убитой дичи.

Сегодня вечером Илюша, только что успевший приехать с охоты, и Леля отправились на охоту за волками. Когда они ушли, Л. Н. мне сказал:


СВОБОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ И ВОСПИТАНІЕ.
Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.
ВЫПУСКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Л. Н. Толстой.

О ПРОСВѢЩЕНІИ—ВОСПИТАНІИ

И О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ

ОБРАЗОВАНІИ—ОБУЧЕНІИ.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ.

Типо-литография Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул. соб. д.
МОСКВА—1907.

Федору Федоровичу Фидлеру.
Лев Толстой.
1908. 22 Янв.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОЛСТОГО НА КНИГЕ «О ПРОСВЕЩЕНИИ — ВОСПИТАНИИ И О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ — ОБУЧЕНИИ» (М., 1907):

«Федору Федоровичу Фидлеру. Лев Толстой. 1908. 22 янв.» Литературный музей, Москва

— Это мой грех. Леля — этот еще ничего, но на Илюшу так глядеть противно!

Перед тем, как ложиться спать, я выходил в сад. Лев Николаевич был в кабинете. Заслышав мои шаги, он вышел и сказал, показывая колодку с натянутым на ней башмаком из толстой холстины и кожаной подошвы:

— Вот чем я горжусь! Посмотрите — вы еще моей работы не знаете. И все будет стоить полтора рубля.

Косит он каждый почти день. Луг скосил, принялся за рожь. В субботу (13 июля) не приходил даже обедать,— велел девочкам принести чего-нибудь на место.

За обедом он упоминал о своих поездках за границу.

— Другие думают, что надо читать Шекспира, Гёте, Пушкина и прочую дребедень; так же думают, что надо побывать непременно где-нибудь в Париже, Лондоне. А там то же, что и у нас, с небольшой разве разницей. Настоящая заграница — по деревням, и от деревень за границей у меня остались приятные воспоминания.

16 июля. Недавно Л. Н. разговорился со мной о газетах.

— Вы только подумайте — из десяти человек от девяти вы наверное услышите то, что вычитано из газет. Страхов мне как-то говорил, что по общей моде и один американец стал писать жизнь Христа. И вот, описывая, кажется, вход в Иерусалим, он заметил, что в Иерусалиме про Христа еще ничего не знали, потому что «вероятно, газета не успела выйти». Он писал — и не мог себе представить, как это так можно жить без газеты!

Вчера видел Агафью Михайловну, о которой немало говорил еще так недавно Л. Н. Все беспокоится о собаках.

— Да что, батюшка, я уж мышей стала жалеть. Сварила я намедни варенья себе, густое такое вышло, выложила в банку, а покрыть-то хорошенько и забыла. Только вечером, попью, думаю, чайку с вареньицем, открыла банку, а там, гляжу, мышь, чтоб те пусто задавило, сидит, ворочается, как черт какой. Жалко мне, батюшка, стало, вынула я его из банки, вымыла и пустила на двор.

После завтрака читал графине корректуры из «Войны и мира». Дамы настолько заинтересовались, что просили дальше читать уж так.

Толковал Л. Н. вечером о многоженстве и мормонах [74], желая как будто оправдать их, толковал, что жены у них бывают духовные (хотя в то же время могут быть и плотские), но сбивчиво, невразумительно, тем более, что перед тем сам же упрекнул, кажется, Милля [75] за то, что тот несколько слегка отозвался об единоженстве, и привел даже слова полемизирующего против него Арнольда. Потом зашла речь о секте перфекционистов [76], которые имеют в виду производить и воспитывать детей при наиболее благоприятных условиях. Лев Николаевич возражал, что они были бы правы, если бы люди были бараны. Задавшись мыслью развести, например, тонкорунных овец, мы не встретили бы затруднений. Но люди — иное дело. Тут перфекционисты велят родить ни много, ни мало, но как это определить? Может быть, тот самый ребенок, который, по их мнению, лишний, может быть он-то, слабый, хилый (Паскаль, Ньютон, Эпиктет), и будет для людей важнее многих миллионов. Такая теория только и могла возникнуть в стране фабрик и заводов — в Америке!

17 июля. Видел князя Блохина, он еще вчера пришел из Тулы, где ждал приезда государя императора. Я спросил, зачем ему открытый банк и что бы он сделал, если бы получил средства.

— Получше поесть,— ответил он с доброй, милой усмешкой,— в гости сходить, к себе гостей принять, государь император у меня тогда завсегда будут!

Идет в свое имение в Лисьи Переяры [77] к брату, который, видимо, его не очень жалует. Из Лисьих Переяров он пойдет снова в Тулу.

— Государь император приедут. Без них, знаете ли, никак невозможно получать. А приедут — тогда другое дело!

18 июля. Приехала княгиня Урусова [78] с тремя дочерьми: Ирой, Мэри и Стасей. Это отцветшая, но бойкая, с непринужденными манерами и разговором женщина. Дочери — старшая красива, похожа на отца, бывшего тульского вице-губернатора, младшие скорей дурны; говорят все три по-русски как будто с усилием: им, очевидно, ловчей говорить по-французски или по-английски. Заграницей от них так и пахнет. Мне было немного странно видеть, как русские девушки на русском языке говорят словно не по-русски — с некоторым эмфазом, жестами, напоминающими как будто француженок на сцене.

Княгиня за обедом, услыхав, что Л. Н. еще шьет сапоги (он перед обедом действительно шил, он носит теперь обувь своей работы), сказала, что в какой-то французской газете была по поводу этого статья «Comte Tolstoy cordonnier»*, желающая уяснить, какой в этом смысл для России. Предлагали будто бы то же и Ренану, но он отказался.

Между тем подоспел Л. Н., и речь сейчас же зашла о вегетарианстве.

— Наступит время,— сказал он,— когда докторам придется открыть, что бульон для маленьких детей вреден. Я помню, в детстве, когда меня заставляли есть бульон, мне всегда было неприятно.

Сам он почти с самого моего приезда мяса не ест. Я не ем только птиц. Помню, что вскоре по приезде я за обедом не стал по обыкновению есть цыплят.

— И я хотел было взять, но по вашему примеру не стану,— сказал он, и с той поры не ест уже мяса вообще.

Агафья Михайловна, идя от собак, жаловалась мне сегодня на Илюшу, на его грубость и на то, что нет мальчика ходить за собаками. «Намедни, батюшка, пришел он сюда и стал браниться. Ну, уж, Илья Львович,— говорю я,— дай бог царство небесное покойному государю Александру Николаевичу — коли б не он, что бы вы со мною сделали?!»

Рассказывала опять про мышей:

— Они ведь хорошенькие, хоть и скверны, поганые.

Развелись у ней в комнате в какой-то дыре мыши.

— Слышу я, батюшка, пищат мышата, а мышь-то сама — слыхали когда? — так и клохчет около них. Только смотрю я раз, на полу кошка с чем-то играет. Никак, мол, с мышью? Гляжу, и впрямь с маткой. Подержала я кошку, дала мыши убежать, а сама думаю: что я ошалела что ли, или за грехи господь наказывает — мышей любить стала? Льву Николаевичу и говорю про то. А он мне и говорит, что это хорошо, что один индийский святой увидал раз на живой собаке червей, пожалел ее, очистил от червей, а сам потом думает: как же червям-то быть? Да взял да и червей мясом накормил [79]. Как он мне это сказал,— ну, думаю, не прогневался еще на меня господь, не ошалела я.

Вечером княгиня Урусова рассказывала о Париже, о том, как, в сущности, бедны французы, как дороги съестные припасы, как много нищих в Париже. Земля, будто бы, дает только полпроцента, все стремится в город, играет на бирже. Дело, пожалуй, скоро дойдет до того, что картофель будет в цене наравне с часами. Главный расход в Париже — стол. Говорили об упразднении бога, снятии креста с какой-то колонны. Лев Николаевич назвал французов передовой нацией.

— Это эмбрионы (находящиеся в теле существа, которые пожирают его по смерти): как скоро что подлежит уничтожению, они первые бросаются уничтожать. Как еще далеко до этого у нас! Когда происходят беседы в лакейской и Александр Петрович (переписчик) либерально заговорит,

* «Граф Толстой — сапожник» (франц.).

например, о мощах, то сейчас же, кто ему возражает, приводит это в связь с убийством государя. Если убийство не хорошо, то дурно и то, что не почитают мощей, и выходит путаница!

Говорил он о том ужасном рабстве, в котором живут европейские государства. Никакой Чингис-хан не налагал такого ярма, какое налагается на людей в свободных государствах. В России еще тем хорошо, что хоть не хвалятся свободой, ну а другие-то, европейцы-то, что? Одна воинская повинность стоит чего! Люди, точно какие-то бараны. В одном селе взбунтовались мужики; было их человек триста. Был у них исправник молодец. «Не нужно мне ни команды, ничего,— думает он,— я их и так усмирю». Приезжает в село, велит приготовить два воза розог, зовет бунтовщиков в ригу и приказывает им перепороть друг друга. Бунт стих. То же самое и в Европе, и везде. Чем бы понять всю глупость своего положения, люди наперебой стараются перепороть друг друга: «Эй, парень, иди пороться-то что ль!» Ученые и неученые, профессора и другие только и жаждут, чтобы их как можно скорее перепороли. Когда удалили Муромцева [80] из университета, студенты поднесли ему адрес. Отвечать пришлось профессорам. Усов [81], Бугаев[82] и еще кто-то были призваны к Капнисту [83] — это не то, что исправник, это дурак и больше ничего — и Капнист делал им выговор, а из них Бугаеву шестьдесят лет! То же и насчет воинской повинности. В Москве один кишиневский помещик отказался от присяги и службы. Это всем показалось необычно — как это он не кинулся в воду вслед за другими по-бараньи, а сказал: «Дайте мне подумать своим разумом, нужно ли это».

Говорили о русских нигилистах. Чертков, бывший офицер, рассказывал Л⟨ьву⟩ Н⟨иколаевичу⟩, как содержался один политический преступник в Петропавловской крепости. Им, будто бы, было не велено ходить в одну камеру, но Чертков узнал как-то, что в ней содержится человек почти уж при смерти, но содержится ужасно — то не истопят камеру, в ней мороз, то натопят до 30°. По праву офицера, Чертков велел было перевести его в другую камеру, но подчиненные пришли в ужас, донесли высшему тюремному начальству; то его распекло и донесло на него куда-то еще выше. Его стали было еще распекать, но узнав, каков он есть, Чертков, немного смягчились и взяли с него слово молчать о том, что он видел.

19 июля. Вчера за обедом княгиня Урусова по поводу вегетарианства упомянула о Вл. Соловьеве, который тоже не ест мяса.

— Какой он философ, я не могу назвать философом человека, за которым так и бегают дамы. В нем нет ничего серьезного: это philosophe des dames*.

Вечером Л. Н. пришел в залу со своим сапожным струментом и стал дошивать ботинки, глубокомысленно, серьезно приметывать подошву. Старшую из дочерей кн. Урусовой Мери стали просить сыграть что-нибудь. Она заиграла из Шумана.

— Хорошо, очень хорошо,— говорил Л. Н., не переставая шить.

Она заиграла из Мендельсона.

— Прекрасно, прекрасно! Браво! — говорил Л. Н. и начал просить сыграть этюды или мазурку из Шопена.

Княжна сыграла чисто, с выражением, даже с подчеркиванием. Она не скрывает, что муштрует себя в музыке сильно.

— Это чисто парижская манера играть Шопена,— говорил Л. Н., а сам все шил. Музыка, видимо, доставляла ему удовольствие немалое.

20 июля. Говоря о Соловьеве, княгиня Урусова упомянула за обедом о Каро [84]. Это тоже philosophe des dames. Он спиритуалист, но положительных мнений не имеет. Студенты — его враги, дамы и их мужья —

* дамский философ (франц.).

друзья. Лев Николаевич сказал, что где Соловьев излагает чужое, там он хорош — и только.

Затем перешли к англичанам.

— Трое: Льюис, Милль и Спенсер,— сказал Л. Н.,— для меня — ничто. Они, не хорошо сказать, но... это почти идиоты, только владеющие пером. Милль — он поймает мысль и начинает разводить ее, на ста страницах разводит то, что можно сказать на двух. Сюда, пожалуй, можно причислить и Дарвина. Теория его не нова. Кювье системой своей дал возможность разобраться во множестве научных фактов. Дарвин предложил *метод* для научного исследования, и для зоолога он имеет значение. Но как он может относиться к вопросам нравственным, к философии, не понимаю. Данилевский, написавший книгу «Россия и Европа», страстно любящий заниматься естественными науками, написал книгу, и, по словам Страхова, от Дарвиновой теории после его возражений не останется ничего [85].

После обеда Л. Н., княгиня, я и другие пошли гулять на шоссе. Возвращаясь домой, заговорили о Vogué [86]. Графиня назвала его трусом: говорит не то, что думает, хочет пролезть в Академию [87]. Он любит русскую литературу, умеет говорить по-русски, женат на Анненковой. Попасть в Академию — общая черта французских литераторов, исключая молодых. Мопассан, например, говорил, что он пойдет скорей à maison de tolérance*, чем в Академию.

— Хоть я и терпеть не могу русской литературы,— сказал Л. Н.,— но какой она молодец по своей независимости! Во французских литераторах это почти общее. Александр Дюма — умница, талантлив, я все его читал — и вижу, что что-то в нем неладно, какой-то его ломает бес!

— Английские романисты,— говорил Л. Н., уже когда мы вернулись, продолжая разговор о литераторах,— лгуны больше французских: герои у них все паиньки... «Подражание Христу» [88] — я от многих умных людей слышал, что это — превосходно, но признаюсь, ничего там не нашел. Замечательно, что переводил эту книгу Сперанский[89] и теперь Победоносцев. Удивительный человек — этот Победоносцев! Со временем, когда жизнь его станет достоянием господ Бартеневых [90], он будет личностью замечательной. Я познакомился с ним еще давно [91]. Это был молодой, длинный, сухой человек; он не произвел на меня особого впечатления. Потом рассказывал мне о нем Маликов[92], он когда-то был слушателем Победоносцева, потом по политическому подозрению попал в крепость и писал оттуда к нему письмо. Победоносцев, что можно, сделал. Маликов был освобожден и после долго был с ним в переписке по поводу разного рода политических и религиозных вопросов. Когда было возбуждено дело 1 марта, Л. Н. писал к государю письмо и хотел, чтобы оно дошло к государю через Победоносцева. Победоносцев отказался. Он даже высказал Страхову, который вручил было ему письмо для передачи, что казнить, по его убеждению, надо, только не публично, а тайно. Он прислал Л. Н. письмо.

— Трудно сказать, сколько в этом письме он умел совместить ужасных вещей,— заметил Л. Н.,— пишет бог знает что: например, мой Христос — не ваш Христос; ваш Христос— Христос мира и любви; мой — силы и власти [93].

С письма по поводу 1 марта перешли к нигилистам вообще. Княгиня Урусова рассказала, что повешенный в прошлом году Ашенбреннер был, будто бы, сначала помилован; потом спохватились, подослали кого-то рассердить его, он ударил, и тогда уже его повесили [94]. Лев Николаевич

---

* в дом терпимости (франц.).

сказал, что то же и он слышал, что и Мышкина [95] точно так же подобными мерами довели до того, что тот, кажется, кого-то прибил <...>

22—23 июля. Княгиня Урусова уехала, а Л. Н. нездоров, выходил в залу в вязаной фуфайке, суконных брюках, чего прежде за ним не водилось.

К вечеру ему, по-видимому, стало лучше. Когда мы пришли наверх пить чай, он что-то говорил о десятичной системе, а потом, не помню почему, перешел к русской грамматике. Согласился со мной, что *мышь* и мужского и женского рода, а *занавес* и *занавесь* два различных слова: занавес в театре (занавес взвился), а Пушкин будто бы написал ошибочно занавесь взвилась (но где?); занавесь — занавеска.

Дамы заговорили об уехавшей княгине Урусовой. Л. Н. сказал, что от нее осталась нехорошая *отрыжка* в смысле воспоминания. Она будто бы женщина развращенная, хотя по природе хорошая, на деле добрая, отличная мать: дочери ее до сих пор остались *детьми* в смысле полной чистоты и невинности. Но парижская жизнь наложила на нее печать, а все стремления парижской жизни клонятся к тому, чтобы все, что есть мерзкого в человеке, нарядить в костюм хороших слов и выдать за что-то хорошее. Она тип замечательный, тип умной, энергичной женщины, очень хорошей по природе, но развращенной теми ужасными условиями, в которых она жила.

— Я видел,— заметил Л. Н. — в первый день за обедом, когда пришел Илюша, как она на него взглянула — я это знаю отлично! И с этого времени она мне стала противна. И — главное — после сама же сказала мне: «Какой у вас молодец Илюша!»

Со стороны дам пошли затем словечки вроде упоминания о графине Потоцкой, знакомой княгини Урусовой, которая живет тоже в Париже, с легким намеком на лесбийские игры.

24 июля. После обеда ходил в Козловку, заплутался в лесу и пришел домой, когда уже стемнело.

Лев Николаевич, окруженный барышнями, читал в зале корректуры вслух — статью по народному образованию.

— Справедливо, прекрасно! — сказал он, кончив читать,— нет, в самом деле, какая возможна программа? И кто составляет программы? В училище или в университете назначают столько-то часов, положим, истории... И выходит бог знает что. А делается это с целью не образовательной, а иной — вот как латинский язык: чтобы отвлечь от нигилизма.

— Благодарствуйте, Лев Николаевич,— говорил Л. Н., кланяясь другому, воображаемому Л. Н.,— справедливо вы написали, хорошо!..

За чаем Л. Н. высказывал те же мысли, какие есть в его статьях по образованию. У магометан, евреев, в средние века в Западной Европе, в былое время у нас («Домострой») образование имело цель религиозную, можно было сказать, для чего оно, и стало быть имело право существовать. А теперь — какая цель образования? Никакой. Один говорит об образовании, что хорошо классическое, другой— реальное. Страхов очень умно писал, что развивает ум главным образом реальное.

— Я пришел к Каткову,— говорил Л. Н.,— они там построили Лицей, спросил их о древних языках, и они мне дельного не сказали решительно ничего. Нынешнее образование — мода, как, например, шляпа — цилиндр, серьезных основ оно не имеет. Зачем насиловать ребенка в том, к чему он неспособен? Это все равно, что, например, ему вместо определенной свойственной ему пищи давать разные вещи — хлеб, свечку... Именно это-то и происходит в нашем образовании. Ребенок сам непосредственным чутьем знает, что ему нужно, и к тому и стремится. Формализм нынешних гимназий на душу учащихся действует убийственно. Я помню, когда я писал статью для «Ясной Поляны», в Туле был директор гимназии

Горяин [96], человек хороший, свободомыслящий, — продолжал Л. Н.,— он подбирал себе и людей такого же рода—Марков, мой оппонент, был в их числе [97]. Их бывшие ученики вспоминают о них с любовью; между учениками и учителями было живое единение, любовь.

И увлекшись воспоминаниями, Л. Н., чтобы характеризовать Горяина, рассказал, какой был с ним случай. Проезжал Тулой государь и давал

Т. Л. ТОЛСТАЯ
Рисунок И. Е. Репина, 1891 г
Музей Толстого, Москва

обед. Приглашены были выдающиеся лица города, в том числе и директор гимназии Горяин, ошибкой. Приходит, его спрашивают, кто он. Адъютант извиняется, что директор не был в числе приглашенных, произошла ошибка. Уйти казалось Горяину неловким — это уронит его во мнении учеников. Оставалось до выхода государя и начала обеда всего несколько минут. Горяин замешался в толпу и, как только государь вышел, он сейчас же сел на первое попавшееся место. Кто-то остался без места, но все как-то сейчас же устроилось.

— Мне это ужасно нравится,— сказал Л. Н. — Сам бы я ни за что так не догадался поступить!

Речь зашла потом о «Ревизоре» и «Горе от ума». Последнюю комедию Л. Н. не одобрил за то, что она оставляет читателя равнодушным к действующим лицам: «Платон Михалыч разве — этот хорош. В Чацком что-то недосказанное; идея хороша — представить в этом ужасном обществе умного, свежего человека, декабриста. Когда нужно бывает в произведение вставить лицо, автор обыкновенно вставляет себя. Как противоположность другим лицам — Фамусову, Молчалину и другим — Грибоедову нужно было вставить лицо — он вставил себя: надо же было ему взглянуть на других лиц с какого-нибудь возвышения. Он взял себя, и в комедии вышло, что он есть он. Чацкий неопределенен. Но ведь и Грибоедов тоже был неопределенен. Я знал многих декабристов и помню, что о Грибоедове у них не сохранилось никаких традиций как о человеке чужом. Он с ними со всеми был знаком, играл на фортепиано — и только, а душевного участия к ним в нем не было. Оттого и Чацкий так же неопределенен, как и сам автор. Чтобы тип вышел определенен, надо, чтобы отношения автора к нему были ясны.

Не помню, по какой связи перешли к разговору о портретах, но связь какая-то была, и Л. Н. высказал мысль, что всякий человек, рисуя с оригинала, до известной степени рисует себя. Это говорит и Прянишников и другие. У кого нос закорючкой, тот и на чужом портрете сделает его до известной степени таким же. «Я помню,— продолжал Л. Н.,— когда Крамской окончил мои портреты, был ужасно доволен и выставил их вот здесь в зале, прося меня самого выбрать, какой лучше. Я отвечал пошлостью, что не знаю своего лица. Он сказал: „Неправда, всякий лучше всех знает свое лицо". И в самом деле, в этом случае в человеке есть какая-то внутренняя интуиция, он знает свое лицо».

«Тургенев раз сказал, что когда тема разговора бывает одна, это значит, что разговор интересен, а когда перескакивает с предмета на предмет, то неинтересен,— в заключение вечера заметил Л. Н.,— у нас сегодня была тема одна, значит, разговор был интересен».

Я забыл сказать, что, разговаривая о народном образовании, Константин Александрович Ислявин [98] защищал существующую систему, а, возражая ему, я возвысил голос и стал чуть не кричать. Идя спать, я попросил у него извинения. Лев Николаевич нагнал нас и, услыхав, в чем дело, сказал, обращаясь к Ислявину:

— Образование — самое священное, святое дело. Поэтому, когда говорят о нем или в видах правительства, или просто для разговора, это — кощунство. Это — самое святое дело, о нем надо и говорить серьезно.

25 июля. Утром пришел Л. Н. в рубашке, подштанниках, подпоясанный фартуком, как сапожник, и стал просить Сережу показать подошву.

— Покажи сапог, мне надо посмотреть, как срезать подметки, в какую сторону их скосить,— говорил он, осматривая его сапог.

А вчера всех, у кого обувь не в порядке, просил обращаться к нему.

Читал наделавшую шуму статью в «Pall Mall» о лондонском разврате («The maidentribute of modern Babylon»). Старо и все известно даже у нас в Москве. Прочел половину письма Оболенского [99] по поводу неправильной размежовки земель в Черниговской губернии и экзекуции над крестьянами. Больно и возмутительно.

Вечером приехали Стаховичи [100]. Я ушел к себе, сел просматривать «Газету Гатцука». Неожиданно приходит Л. Н.

— Что читаете, Иван Михалыч?

— «Газету Гатцука», Лев Николаевич.

— Я уже этот номер читал. А посмотрите, как славно сапожки я себе подшил — каблук широкий, покойный. Ужасно нравится!..

Он показал мне дурные рисунки к «Двум старикам». Я спросил, неужто они ему нравятся. Он ответил, что нет.

— Зато как вам удались эти «Старики», Лев Николаевич,— сказал я.

— Да, бывает временем — приходит такое расположение писать. А то как теперь, и рад бы писать, да нет, ничего не выходит.

26 июля. Лев Николаевич сегодня за чаем толковал со Стаховичем-père в своем духе, но осторожно, безнадежно. Сказал, между прочим, что дворянство осрамилось страшно. Теперь, когда возбуждено столько серьезных вопросов, желание его воротиться к екатерининским временам глупо. Одно время он хотел даже написать сказку, вроде Щедрина, о том, как был царь, у которого советники были все глупые. Стал другой царь, а прежние советники ушли куда-то. Начал другой царь спрашивать, каковы были советники у прежнего царя. Кто говорит, что они были глупые, а кто — нет. Тогда царь сказал: кто из глупых откликнется, тем по двугривенному. Все глупые сейчас же и откликнулись...

27 июля. После обеда целой компанией со Л. Н. во главе ходили в Засеку, бегали вперегонки. Лев Николаевич веселился, не отставая от других, шутил, острил, прыгал через платок...

Я пришел домой усталый. За чаем говорил со Стаховичем-père о драматическом искусстве, о Поссарте [101], о его манере играть Шейлока. Он не видал Поссарта, но мои рассказы показались ему не новы. Он мне что-то рассказал о Марио [102], Рашели, Садовском, Сальвини, которых видел и даже лично знал. Лев Николаевич говорил, что Гоголь, Островский дали прекрасные, правдивые вещи,— но все это слишком мало, случайно, все это мало захватывает.

— Представляю себе,— прибавил он,— чем мог бы быть театр. Что, драма «Ян Гус» [103] не с вами? — обратился он ко мне.

Я спросил, почему он вспомнил о ней. Он ответил, что думал, не выходит ли она из круга обычных драматических произведений.

К. А. Ислявин прекрасно играл из «Дон-Жуана», «Гугенотов», Чайковского.

28 июля. За обедом Л. Н. заговорил о том, что такое чистота. Это дело нехорошее, потому что основывается на труде других. Люди хвалятся, что они чисты, но какая это чистота? Чистота может быть у крестьянки, которая вымыла, вычистила избу и т. д., но это не чистота, когда за деньги я заставляю работать на себя других.

— Есть люди нужные и ненужные. Я, Лев Николаевич, например, не нужен, а мужик Андриан [104] на кухне, он нужен, потому что, не будь его, все станет: некому будет принести воды, наколоть дров.

Одна из дочерей Стаховича возразила, что на место Андриана найдутся тысячи других, а на ваше место...

— На место Юлии Пастраны [105] тоже никого не найдется,— ответил Л. Н.

29 июля. Заходил к Л. Н. в кабинет, застал за работой, шьет сапоги на маленькую ногу, но не очень удачно — вышло не по мерке.

— Посмотрите, как все это сначала грубо,— говорил он мне, показывая подошву,— а потом, как все сделается, станет хорошо. Хороши тем эти сапоги, что это первые, которые я шил без посторонней помощи.

Зимой, когда я читал «Антигону», мне, помнится, понравилось несколько стихов. Я о них сказал Л. Н., да и забыл про то. Сегодня за чаем он меня спрашивает:

— Что ж, вы меня только подразнили греческой трагедией, а так мне и не сказали какие-то знаменитые пять стихов из «Антигоны»?

Я отвечал, что читал их уже давно и теперь, признаться, не помню. Оказалось, что и он в прежнее время тоже читал греческие трагедии, читал усердно, но ничего не помнит.

— Драматические произведения как-то у меня выходят из памяти,— сказал он.— Теперь потеряна девственность критического чутья. Можно поверить в свежесть, непосредственность суждений Сергея Николаевича (брата), Татьяны Андреевны (свояченицы), которые иногда поражают дикостью взглядов, но которые говорят то, что думают и чувствуют, но поверить тому, что говорит какой-нибудь Чичерин [106] о Шекспире, Чичерин, который, в сущности, ничего не может чувствовать и любить, нельзя. Да и что в Шекспире? Прошлый год Усов (профессор) стал мне говорить, чтобы я прочел Шекспира по-немецки. Я стал читать «Макбета», читал внимательно, но не нашел ничего. Мотив, где Макбету приходится в своем деле раскаиваться, затрагивается Шекспиром несколько раз и затрагивается весьма слабо... Прянишников [107] то же говорит о «Лире»: приходит какой-то король, ставят трон, потом войско вокруг, идут в степь — к чему это? Ничего не понимаю! Читать Шекспира и Пушкина, знать и говорить о них стало то же, что исповедоваться. Попробуйте сказать, что в «Отелло» ничего нет, вас каменьями закидают. Искусство шло все суживаясь и суживаясь и теперь наконец сошло на нет. А театр мог бы иметь важное значение, если б давал не «Ревизора» какого-нибудь, а что-нибудь более важное.

Он опять пожалел, что драма «Ян Гус» осталась в Москве: она, быть может, представляет нечто хорошее, потому что сюжет-то самый весьма значителен.

— Сожалею, что не прочитал ее,— заметил Л. Н. — Если бы теперь писать драму, следовало бы писать драму «Нигилист», сопоставить новое с окружающим старым, тогда бы драма могла захватить, заинтересовать всех. Но возможна, конечно, драма и с более широким сюжетом.

— «Газета Гатцука» — первая газета в мире,— сказал Л. Н., подходя после разговора о драме к столу, где лежали разбросанные номера этой газеты,— там я всегда нахожу самые интересные для меня вещи. Вот, например, сейчас нахожу: программа махди [108].

И он погрузился в чтение, а я ушел.

30 июля. За кофе Л. Н. говорил, что черниговская история, о которой писал Оболенский в письме, сильно преувеличена. Файнерман передавал ее в более скромном виде. Кузминский (свояк) [109] догадывается, что Плеве выехал в Чернигов по этому поводу. Лев Николаевич негодовал на либералов, которые раздувают подобные истории. Мы ведь все только и делаем, что сечем мужиков. Через это сеченье у нас есть и кофе и все. Приди сюда мужики и начни рубить дубки, под которыми мы распиваем кофе, мы сейчас же позовем станового, урядника и начнется то же сечение. Либеральничать в газетах по этому поводу — значит сваливать с больной головы на здоровую.

— Я помню, раз я был у Аниты Хомяковой [110] — муж у нее либерал, славянофил, христианин. А на суде мужика приговорили высечь за то, что около пчельника он скосил хомяковскую траву, а у Хомякова гостиная, гобелены...

Часов около 12 ночи явились два молодых человека — Шаховской [111] и Ольденбург [112] — идут в Оптину пустынь. Вероятно, по случаю прибытия этих двух ученых юношей (Ольденбург кончил в Петербургском университете — он, кажется, специалист по русской словесности) Л. Н. разговорился про ученых и про кабинетную науку. Наука, которой все так гордятся, вещь очень условная. Мы знаем — и прежде была наука, в Греции, например, и после оказалось, что девять десятых этой науки — чепуха. Почему я должен верить, что нынешняя наука чем-нибудь лучше? А с этой нынешней наукой сопряжены выгоды — ученым давай лаковые ботинки! Если нужно звезды считать, так можно считать и в лаптях.

31 июля. Читал (в рукописи) повесть Л. Н. «История одной лошади» [113].

Перед обедом ходил ко Л. Н. в кабинет благодарить — в такой восторг привела меня повесть! Он шил сапоги, сказал, что и ему жалко, что не кончено.

— Только я точно мертвый писатель — поправить дело нельзя. Но у меня для интеллигентной публики есть в этом роде — я жене обещал кончить начатый года три тому назад рассказ «Смерть Ивана Ильича» [114].

Л. Л. ТОЛСТОЙ
Рисунок И. Е. Репина, 1891 г.
Музей Толстого, Москва

Это в таком же роде. А в рассказе этом намедни, когда я перечитывал, показалось мне ужасно смешно, как мерин говорит, что он в первый раз узнал, что у людей слезы соленые. Я сам-то забыл — писал уж давно, лет 25 назад — и показалось ужасно смешно. Рассказ написан был очень быстро, но так и остался и останется не отделан — нечего делать! В голове у меня — сколько помню — была ужасно ясная, живая картина смерти мерина, очень она меня трогала! Но параллель мне кажется немного искусственной.

Зазвонили к обеду в третий раз. Мы с Л. Н. пошли и, помнится, по поводу собак, сновавших под столом между ногами, Л. Н. заметил, что собаки вообще дольше трех секунд не могут выдержать взгляд человека.

— Что-то тут есть,— прибавил он.— Я в Москве на Смоленском бульваре производил опыты. Там есть дом Филиберта, где огромные собаки лают из-за решетки. Я пробовал глядеть — и удачно.

После обеда все со Л. Н. пошли гулять в Засеку. Сережа потащил было и меня, но я около самой Засеки ускользнул в кусты и вернулся домой.

Погода прохладная; день солнечный. Кажется, горят леса: окружности задернуты точно дымкой, а солнце повисло на небе золотисто-красным кругом.

После прихода всей гулявшей компании началось пение — пела Татьяна Андреевна, играл Константин Александрович и Сережа. Потом начались — я хотел сказать — танцы, нет, началась танцовальная вакханалия с таким громом и треском, что я удивлялся, как только выдержал пол.

*5 августа**. Утром за кофе Л. Н. сказал:

— В Германии есть поверье, что когда Пасха сойдется со днем — забыл какого святого, тогда начнутся всякие бедствия; 1886-й год будет именно такой: этот день сойдется с днем Пасхи.

— Что же будет? — спросила Татьяна Андреевна.— Революция?

— Нет, я нарочно; что будет, неизвестно. Но положение для того, у кого есть глаза, до такой степени очевидно натянуто — хуже чем перед отменой крепостного права!

За обедом Л. Н. спросил:

— Слыхали вы, Иван Михалыч, и вы, господа филологи (т. е. Шаховской и Ольденбург), такой оборот: гриб не любит, *чтобы долго ходить*?

Конечно, никто не слыхал — должно быть, он слышал от мужиков.

Над окрестностями все та же дымка, солнце по-прежнему висит на небе, точно золотисто-багровый круг. Кто говорит — горят леса, кто — торфяные болота. В воздухе слышится легкий запах гари.

Один из гостей рассказывал вечером, как во время коронации [115] его чуть не прибили: он попал в свалку, и народ начал было уже каламбурить — мы за царя кровь прольем!

Кузминский рассказывал, что в Петербурге на Невском толпы народа безобразничали ужасно, так что полиция придумала хитрость — распустила слух, что умер Вильгельм и что на третий день иллюминации не будет. Обер-полицмейстера Грессера под предлогом качания чуть было совсем не испортили — тут тоже был каламбур действием.

— A practical joke **,— сказал Л. Н. по-английски.— В религиозных сборищах этого быть не может — там тихо. Я помню, в Охотном ряду, где собираются спорить с раскольниками — прежде собирались в Кремле, а теперь там эти собрания уничтожены, споры теперь происходят при церкви в Охотном ряду,— священник там прехитрый: когда я был, он служил вечерню, потом читал что-то о Иерусалиме, измучил всех, всем не до спора— так, когда я там был, я заговорил, разгорячился, увлекся— военный писарь, умница удивительный, остановил меня, просил наблюдать порядок... А тут в собрании какой-то был концерт, стояли жандармы. Один увидал толпу, подъехал, стал разгонять. Какой-то мещанин — толпа не обращала внимания на слова жандарма — услыхал и говорит жандарму: «ты слезь-ка с лошади-то, да послушай, про что тут говорят». И жандарм отъехал, не говоря ни слова. Ужасно мне это понравилось! [116]

С жандарма разговор перешел на остроги. У какого-то Кривцова с крестьянами судбище постоянное. Он подпер плотиною пруд, вода за-

---

* *Так в копии: 5 августа раньше 2 августа.— Ред.*

** Шутка действием (англ.).

лила крестьянские земли. Крестьяне жаловались и спустили воду из пруда. Нагрянуло начальство. Мужики сговорились никого не выдавать. Взяли двоих, и они должны были безвинно отсидеть в остроге год восемь месяцев. Семьи их, конечно, разорились.

Когда тюрьмы переполнены, арестантов пересылают из одной тюрьмы в другую. Из Тулы, например, пересылают в Архангельск, из Риги — в Тулу. Каково это мужику, которому, может быть, оставалось досидеть всего несколько дней?

Не знаю, почему в конце вечера зашла речь о женских курсах. Лев Николаевич говорил, что хорошо то, что они дают девушкам оттенок простоты: в них уж нет заботы только о воротничках и тряпках. Я возразил, что зато они возбуждают другие, по-моему, худшие интересы, с подкладкой — Поссарт, Сальвини, книжки. Он согласился и сказал, что если между курсистками и заслуживают внимания, так это — Армфельд [117], Перовская и подобные им, но что другие, как только коснется дела, так и сходят на нет. Есть еще тип — безвестной труженицы где-нибудь в деревне, среди мужиков, как одна какая-то в Тульской губернии,— тип ужасно редкий. Бросить бомбу — тут еще может быть увлечение, но быть учительницей в селе где-нибудь, добросовестно делать там свое дело, любить его — на это нужна огромная душевная высота. Такие ужасно редки. Есть и такие, которые свихнулись благодаря науке.

— Юнге [118] была у меня и говорит: «Все это так, а вот Сеченов говорит, что это иллюзия. Ну, как Сеченов-то прав?» Что делать с такими — голова у них совсем не в порядке!

Прежде всего надо жить в любовном единении с людьми. В этом радость, в этом лучшее наслаждение. Это самая большая реальность. А рассуждать о том, что солнце может быть через миллион лет погаснет — это иллюзия. Вводить подобного рода рассуждения в такие вопросы значит уничтожать реальность, потому что и самое солнце-то иллюзия, а тем более рассуждения о том, что может быть с ним через миллион лет.

Татьяна Андреевна в шутку сказала, что пойдет в курсистки.

— А ты прежде узнай разные страшные слова,— сказал ей Л. Н.,— например, психомоторные центры. Это очень хорошо: где просто говорят «душа», там ты говори: психомоторные центры.

— Если услышишь — говорят страшные слова,— сказал Л. Н. уж серьезно,— знай, что тут, кроме пустяков, ничего нет.

Кузминские завтра собираются в Тулу — Татьяна Андреевна хочет купить сыну своему Мише сапоги, да опасается, как бы не обиделся дядя Лева, который сшил ему сапоги, но неудачно. Лев Николаевич рассмеялся.

— Я хочу ему купить сапожки для двора,— говорила она, точно оправдываясь.

— А мои годятся не *для двора*, а разве *ко двору*.

— Но и твои сапоги годятся, пожалуй, для воздуха...

— Да уж для воздуха-то непременно годятся! — засмеялся в ответ Л. Н.

Днем сегодня он дал мне прочесть письмо Страхова [119], буду ли я с ним согласен, потому-де, что я тоже критик, со Страховым схожусь. В письме указывается, что в «Упустишь огонь» не развито, почему один мужик прощает другого, и оттого впечатление слабо; такого же рода изъян находит он и в «Свечке». Сам Страхов занят теперь Ренаном и Тэном [120] — очень уж много *против* них накопилось!

2 августа. Сегодня Л. Н. ушел с крокета с чайником и стаканом в кабинет, по крайней мере я видел, как он прошел куда-то мимо моего окна по саду в рабочем фартуке с проймами.

Когда я пишу это, слышно, как он стучит в кабинете по подошве сапога.

Опять полупрозрачная, молочно-дымчатая завеса над окрестностью; ближние леса чернеют плотной, густой, точно из металла слитою массой, очертания дальних чуть видны.

По поводу того, что графиня сегодня за чаем заговорила о процентах с 5000 р., Л. Н. передал, что́ рассказывал ему Прянишников, художник. У Прянишникова есть в Вологодской губернии брат, управляет заводом. Какой-то человек задумал с семьей идти богу молиться в Соловецкий монастырь. Отправляясь, он отдал на хранение свои деньги, тысяч тридцать, брату Прянишникова, который положил их в банк; и на них выросло что-то около полутора тысяч. Когда тот человек вернулся с богомолья, Прянишников-брат возвратил ему капитал и проценты. Тот понять не мог, откуда могли взяться еще полторы тысячи и спрашивает: откуда они? у кого-нибудь да взяты! И так и отказался взять их: не надо мне их — бог с ними! «В глуши еще сохраняется этот здравый взгляд на дело: если явились деньги, то у кого-нибудь они да взяты же!»

Скоро разговор принял литературное направление — коснулись критики, вероятно, по поводу прочитанного мною вчера письма Страхова. Я не очень лестно отозвался о критике, которая особенно в прежнее время в русском обществе имела такое значение. Не было и не могло быть критики в нашем смысле, когда в Греции рапсоды пели «Илиаду», у нас сказители — былины, не было и не могло быть потому, что и «Илиада» и былины и без того были понятны народу. Комментаторы и критики «Илиады» явились позднее, в период Александрийский... Если в литературе есть критика, какова русская, это явный признак, что литература не есть живое, органическое явление. У нас критика признается чем-то важным. Русская песня, сказка, легенда не требует комментарий, а «Моцарт и Сальери» требует...

Верны или нет были мои мысли, но Л. Н. тоже сказал:

— Я думал, толкуют про критику, что тут что-нибудь есть, старался понять, что тут важного, и оказалось, что ничего!

Кузминский спросил о каком-то Савихине [121], который что-то написал. Это молодой человек, крестьянин, подражает Немировичу-Данченко, писателю, о коем не без насмешки как-то давно Л. Н. сказал мне, что у него, во всех писаниях, отпущен один мужик, обязанный забавлять читателя.

— Черткова нет, теперь все затихло,— сказал Л. Н.,— вот приедет он — всех расшевелит! Надо, например, напечатать рассказ Беликова «Филарет Милостивый» [122]. Это молодой человек, православный, был на Афоне... Направлений только по-видимому много, а на самом деле их мало! Если спросить у «Русской мысли», «Отечественных записок», «Русского вестника» о направлении в смысле миросозерцания, они едва ли сумеют сказать, каково оно. А эти издания «Посредника» хороши тем, что тут есть одно цельное миросозерцание, которое обнимает все — и науку, и искусство, и государство, так что, когда и меня не будет, оно не уничтожится...

Я заметил, что такие произведения как «Филарет Милостивый» очень плохи по обработке. Лев Николаевич сказал, что на это надо смотреть сравнительно.

— На Крестах [123] есть изба, куда за копейку пускают ночевать — сходите! Странники лежат там — кто на нарах, кто на полатях, кто где, и их много. Раз я зашел туда, смотрю — двое что-то читают. Оказалось, что эти двое — странники, идут из Киева, а читают житие, кажется, Пантелеймона — какая это чепуха! Тут и исцеления, и царица какая-то,—

словом, видно, что все построено на действительных фактах, но все перемешано, и в результате ничего!

— Вам бы обработать этот сюжет,— сказал я.

— Некогда.

— Как же,— вмешалась вдруг графиня, — а когда же сапоги-то шить?

Лев Николаевич, действительно, нынче весь день шил сапоги и, кажется, не писал ничего.

На другой день мы втроем — Сережа, я и Константин Александрович Ислявин уехали в гости к Сергею Николаевичу Толстому в Пирогово, верст за тридцать. Из Пирогова я уезжал в Москву и вернулся в Ясную Поляну только к 10 августа.

10 августа. Поутру приходил Л. Н. ко мне и сказал, что Софья Андреевна меня и Сережу упрекала за долгое отсутствие. Пришел он с корректурными листами (статьи по воспитанию) и сказал:

— Вот так сочинения Толстого! Молодец Толстой! как все справедливо!..

И он прочел мне о том, что спрашиванье учеников есть насилие над ними, мучение, что экзамены вредны...

Затем я не видал его целый день. Говорили, что он уехал пахать. Он вернулся уже к вечеру. Я сказал, что к нему есть письмо.

— Да, это от того гимназиста, который был у меня. Их было трое [124] — не при вас это было? Двое славные, третий попроще. Один из них настоящий <?>, а другой революционер — высокий, с правильным лицом, все молчит; очевидно, у него что-то есть, и ему все хочется то, что он слышит, намотать на что-то свое. Он старше первого, в восьмом классе, но отстал от него и чувствует инстинктивно, что в том есть что-то такое, на что можно опереться.

И Л. Н. прочел мне письмо гимназиста, который просит его поддержки и присылки сочинений на время.

— Какая это славная вещь — крестьянская работа! — говорил он мне за вечерним чаем.— Ни один мускул не остается без упражнения! Иное дело — пахать, иное — косить, молотить, подавать. Везде упражняются разные мускулы. У меня теперь немного ломит руки.

Я свел речь на литературу и спросил, не от Dupuy [125] ли было к нему письмо из Парижа. Оказалось, было и от Dupuy.

— В его книге я читал про себя, и мне понравилось то, что он рассматривает автора в связи с его убеждениями. У Страхова это не то; это есть только у Громеки [126] да у Dupuy. Другие критики, например, Vogué, любят отрезать от автора кусочек, а надо брать всего человека, как он есть, хорош он или дурен. Я уверен, что Золя никогда бы так не отнесся — у него бог знает какая каша в голове!

О Мопассане Л. Н. отозвался, что это громадный талант. Я не был знаком с его сочинениями и спросил:

— Если талант характеризует себя особенною точкой зрения, то какова же она у Мопассана?

— Никакой особенной, но бывают эпохи, когда это-то именно отсутствие всего ложного предвещает нечто новое. Мы это знаем по себе — у нас были люди, у которых тоже не было особенной точки зрения.

Он рассказал затем содержание одного из романов Мопассана, где выведена девушка, вышедшая замуж за аристократа. Он красив, с блестящими глазами, серьезен; она влюбляется, выходит за него замуж. Мало-помалу оказывается, что он и развратен и груб, и она должна все переносить [127]. Последние части не так хороши, как начало: тут много ненужного, и в самой развязке есть что-то байроновское, и в конце концов ставится вопросительный знак.

— Когда запутаешься, так лучше, удобнее всего поставить этот вопросительный знак в цветах, который что-то заставляет предполагать, но, в сущности, не значит ничего.

О Доде Л. Н. сказал, что его не любит, а о Золя, что он хотя и талант, но *писальная машина*.

В Ясной Поляне возникали нередко словечки, которые могли бы привести в недоумение даже опытного человека. Сегодня я слышал, например, об *анковском пироге*. Почему формы жизни, которым придают главное значение, получили название «анковский пирог», мне так и осталось неизвестным, не говоря уж о странном эпитете «анковский» [128].

— Когда говоришь о самых важных, существенных вопросах, то приходится слышать толки о формах жизни, которые признаются как бы за нечто самое священное — тогда *анковский пирог* дурен,— сказал Л. Н. в ответ на какое-то замечание Татьяны Андреевны, не имевшее никакого отношения ни к Золя, ни к литературе вообще.

Ходили слухи, что приезжавший с месяц тому назад еврей Файнерман хочет принять православие. Льва Николаевича спросили, хорошо ли это. Он сильно замялся, заговорил про обстоятельства Файнермана, про его положение, но заговорил слабо, неубедительно и свел речь на другое. Среди молодежи лет пятнадцать назад появилось стремление вырваться из условий окружающей среды. Гимназист, приславший сегодня письмо, и Лазарев [129] это показывают. Лазарев — сын мужика, который был вроде управляющего. Его сына приставили к господам для охоты, вместе с барскими детьми стали учить. Он стал учиться — чего они не поймут, поймет он. Дальше — больше; способности, видят, большие; отдали его в гимназию. Он учился там до 7 класса, а потом вместе с другими товарищами за 2 месяца до экзамена заявил директору, что учиться больше не желает, вышел и отправился в народ. Он судился в процессе 193-х, сослан на родину под надзор, а потом за «дурное направление» отправлен в Сибирь на поселение на 3 года. В Москве он целый почти год сидел в остроге. Лев Николаевич был у него раза три. Бодрей он никогда себя не чувствовал, чем в это время. Он говорил, что в деревне ему уж становилось тошно, а тут впереди ждут новые впечатления, новая жизнь. Он просил достать ему компас. Лев Николаевич достал и спрашивает: «Для чего вам это? уж не для побега ли?». Он ответил, что на пути все может быть — этапные начальники бывают всякие, пожалуй, бить, притеснять станут.

Так кончился разговор о том, хорошо ли, что Файнерман хочет креститься.

11 августа. Видел Л. Н. за завтраком, спрашивал, как идет его литературная работа.

— Писать не пишу, но много обдумываю. Напал я на предмет-то такой — на вопрос о государстве. У меня бывают настроения периодами: бывает настроение осеннее, летнее, зимнее, весеннее. Вы застали меня здесь — я работал и летом. А прежде, когда я писал эти «Войны и миры», я думал, что летом делать ничего нельзя, все охотился и писал только по зимам.

Видел сегодня Файнермана, по-видимому, приехал креститься.

Сережа за обедом, труня надо мною, сказал, что я тоже острю:

— Я сказал, что на свете все чепуха, а Иван Михайлович подхватил и сказал, что, стало быть, чепуха и то, что вы говорите.

Лев Николаевич засмеялся:

— Вот что значит филолóг (он так и сказал филолóг) — знает все силлогизмы. Упражнённый!

В кабинете я нашел «Ill. ustrated London News» и спросил у Л. Н., откуда это у него.

— Это присылает Тане miss Lake (бывшая гувернантка). Я сегодня все просматривал его: там свадьба Беатрисы etc. ... Я иногда думаю: хорошее сочинение можно бы написать — сделать анализ номера какой-нибудь газеты, хоть «Русских ведомостей», например, разобрать его весь: распоряжения правительства, известия о новоизобретенном составе,— всю эту чепуху [130].

За чаем кто-то помянул про смерть.

ТОЛСТОЙ

Рисунок И. Н. Крамского 1885—1887 гг. по фотографии 1884 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

— Когда я был молод,— сказал Л. Н.,— мне страшно было лишиться всего окружающего, страшно, как перед темнотою — светло, светло, и вдруг темнота! Страшно казалось лишиться света, чувства жизни, дыхания...

Не помню почему перешли к речи об отношении родни в крестьянстве. Л. Н. и тут свел дело на религиозную почву.

— Теперь по всей России стон стоит от жалоб родителей на то, что дети их не почитают, а мужей — что жены от них бегают. Этого прежде не было. Корень в том, что ослабело религиозное начало. Самое живое-то начало в религии высохло, и остались только крестины, молебны и пр.

Взамен того развилась роскошь; железные дороги этому страшно способствовали. Прежде, например, семейство Берсов (т. е. его тестя) жило, как живет самая обыкновенная чиновничья семья, как не стала бы жить теперь. Вся квартира состояла из одного какого-то коридора, дверь с лестницы вела прямо в столовую, кабинет самого владыки был — негде повернуться, барышни спали на каких-то пыльных, просиженных диванах, нынешний англичанин m-r Water-closet назывался тогда еще по-русски. Теперь это было бы немыслимо. Немыслимо, чтобы к доктору больные ходили по животрепещущей лестнице, проваливались, чтобы в комнате висела люстра, о которую мог задеть головой даже среднего роста человек, так что больной, если не провалится на лестнице, то непременно расшибет себе голову о люстру — все это теперь считается невозможным, а это-то и есть роскошь. Мужик Тимофей Филиппов, дворник [131], разжаловался, что пошла роскошь да дороговизна, а, отдавая дочь, сам задал бал в 7000 рублей. «Ваш покойный батюшка,—говорил мне один,— не теснил еще нас, дай бог царство небесное, а определил оброк со двора 40 р. ассигнациями. Приходит мой отец домой, задумался и говорит: 40 рублей, а где их выберешь? А нынче 40 рублей нипочем!..»

В четверг приедет Чертков с Бирюковым. Илюша сказал, что Бирюков похож лицом на меня.

— Нет, не лицом,— возразил Л. Н.,— а всей манерой напоминает вас: человек он большого образования, учился в Морской академии... Ну, да я сказал, что он с вами похож, так мне неловко хвалить...

Лев Николаевич эти два дня как-то особенно мил, любезен, добр.

12 августа. Вечером читал корректуры из «Войны и мира». Лев Николаевич сел поодаль и слушал, как я читал графине про Пьера и пожар в Москве.

— Представьте, ничего не помню. Мне читают, как Пьер спасает девочку, а что дальше — решительно не знаю,— сказал Л. Н. во время чтения.— Чтобы представить суматоху, надо, чтоб Пьер не нашел ее родителей.

Он ушел, а потом, когда я дочитал, он вернулся с былинами Алексея Толстого.

— Ненавижу это — хуже выдумать нельзя!— сказал он.— Ничего не может выдержать ровно — начнет высоко, а кончит куплет уж водевильно. У Некрасова — у того тон всегда выдержан от начала до конца, у того чутья больше...

Тургенев тоже будто бы терпеть не мог Алексея Толстого. Раз за границей он толковал о Л. Н. и громко повторил: Толстой. Соллогуб с Алексеем Толстым, думая, что говорят про них, подошли, но Тургенев отрезал:

— Да Лев Толстой, а не Алексей Толстой!..

— У Диккенса, Щедрина есть манера говорить не самому, а вместо себя заставлять говорить какое-то комическое лицо,— заметил Л. Н., видимо не одобряя этой манеры.— Это же есть и у Алексея Толстого. Тургенев, Пушкин — те говорили от себя. Пушкин ясно, чисто говорил от себя — как я есть Пушкин Александр Сергеич, говорю, как дал мне бог...

Затем Л. Н. прочел нравящееся ему стихотворение Некрасова «Эй, Иван». Стихотворения Некрасова первого периода отзываются фальшью, в последних он нашел истинный путь. Он породил целую толпу подражателей, например, как Златовратский.

— Я не могу его читать! Человек он ничего, хороший, но подкладка всей его гражданской скорби — литературная слава. Это нехорошо. Я помню, у нас на Козловке провалилось полотно железной дороги. Взяли рабочих из Бабурина. И вот в какой-то газете явилась корреспонденция, где в ужасных красках описывался быт бабуринских крестьян.

Ну я ли не знаю здешних крестьян и все их нужды? С первых же слов стало видно, как лжет, как мало знаком писавший с их бытом. Но для либеральничающих читателей эта-то ложь и представляет самую интересную вещь...

Сегодня, когда Л. Н. пахал, к нему пришли по какому-то делу два мужика. Он говорит им: «Погодите, кончу пахать, тогда потолкуем». А мужик постарше отвечает: «Давайте я покуда попашу, а вы с ним переговорите».

— Так это было просто, что оставалось только согласиться, — сказал Л. Н.— И ничего, ни слова не спросили, зачем я пашу. Так им это кажется просто; пашет человек, ну и пусть его пашет! Ах, как дурно все мы делаем, что не пашем!

13 августа. Вечером графиня стала бранить Каткова подлецом.— За что ты его бранишь? — спросил Л. Н. Графиня сказала, что за поступок его со Л. Н., когда печаталась «Анна Каренина».

— Действительно, тогда вышло смешно,— сказал Л. Н.— Я писал роман, посылал в Москву, мне присылали, вот как теперь, корректуры, дело шло хорошо. Я уж кончал работу, видел, кажется, и самого Каткова, говорил с ним, что если он не напечатает окончания у себя в журнале, я его напечатаю отдельно. Потом выслал рукопись. Жду день — ничего, другой — ничего. Пишу Костеньке (Ислявину, который у Каткова был секретарем редакции) — ничего, посылаю телеграммы — ничего. Еду сам в Москву. Ужасно я был взволнован — молод еще, глуп был — ужасно потому, что — большая работа, окончание всего, что было задумано. Увидался с Костенькой. Он говорит мне, что все это — ничего, торопиться нечего, все устроится само собой. Я поверил, уехал, жду неделю, две, три — ни слова. Тогда я потребовал рукопись назад. Мне возвратили, и она была напечатана отдельно.

— Но ведь Катков по рукописи, кажется, сделал выборку и напечатал в «Русском вестнике»,— заметил я.

— Да, он это сделал [132].

15 августа. Кузминский (вероятно) привез в Ясную Поляну новый роман Золя. Лев Николаевич читал его.

— Ну, «Germinal» твой плох,— сказал он Кузминскому,— такая богатая тема — и обработана так плохо! Пропасть ненужного, ложного. Про рабочего, например, который кашляет будто бы чуть не 30 лет какою-то чернотой,— это ложь. Тут я вижу во всем Золя, который выдумывает, но не вижу картины.

Кузминский сказал, что дальше у Золя пойдет в духе Л. Н.

— Я думаю, уже не читал ли он твое «В чем моя вера?»

— Весьма возможно,— сказал Л. Н.

Затем началась ругань по поводу вегетарианства. Софья и Татьяна Андреевны упрекали Л. Н. за то, что он сбил всех девочек с толку, научил их не есть мясо — они едят уксус с маслом, стали зеленые и худые... Лев Николаевич оправдывался. Он-де тут, в сущности, не причем; он только был рад пробуждению сознания, стремлению испытать лишение во имя убеждения; поступки-то по убеждению и составляют главное отличие человека от животного. Он не думал, что из-за этого может возникнуть такая неприятность...

Дамы не скупились на выражения: слышалось sottes * по адресу девочек, дурак — по адресу самого Л. Н., который посмеивался тихо в сторонке. Словом, было много шуму из ничего 〈...〉

16 августа. Телеграмма за телеграммой — едут гости.

---

* глупые (франц.).

Вечером я увидел приехавших — и Черткова и Бирюкова. Чертков — длинный, худощавый, бледный человек, во всей его фигуре как будто что-то мертвенное, сухое. Такие бывают пасторы у немцев. Я слушал, как он говорил с Л. Н.,— скука! «Два старика», оказывается, цензурой запрещены. Лев Николаевич стал придумывать, куда бы их послать.

— В «Вестник Европы» или в «Русскую мысль»? Куда, Иван Михалыч, по-вашему? — вдруг он спросил меня, точно я и в самом деле мог ему посоветовать.

Я почему-то сказал, что в «Русскую мысль» лучше.

— Нет, лучше по-моему в «Ниву» — у ней огромный круг читателей, и есть средства. В «Северном вестнике» боюсь — они, пожалуй, бедны средствами, а мне обыкновенно платили по 500 рублей за лист...

Наставал срок моего отъезда, и мы, молодежь, на прощанье пошли гулять — ходили по парку, аллеям, на пруд; погода стояла чудесная.

Часов около двенадцати я с гуляющими распростился и пошел спросить, готова ли лошадь. Смотрю, навстречу Л. Н., графиня, Чертков, Бирюков,— вышли тоже прогуляться.

— Вы идете на конюшню, постойте, пойду и я,— сказал Л. Н.,— а то кучера теперь спят, и вы не добьетесь толку.

Мы было пошли, но как раз послышался стук подъезжавшего экипажа. Я забрал свои вещи, попрощался — со Л. Н. мы даже расцеловались — и утром был уже в Москве.

Толстые в этот год приехали в Москву, кажется, только к ноябрю [133] По крайней мере первую весть о них подал мне переписчик Александр Петрович в начале ноября. Он явился ко мне, и оказалось, что летнее бездействие Л. Н., за которое упрекала его графиня, было мнимое, было только затишьем перед периодом творчества. Концом лета, видимо, кончилось и летнее настроение Л. Н.; он бросил шить сапоги и написал произведение, о котором в августе я не слыхал ничего даже в намеке, а он не любил скрывать то, что пишет.

Произведение это называлось «Сказка об Иване дураке». Александр Петрович мне ее принес. В ней с такой удивительной силой, с такой рельефностью выражены были теоретические взгляды автора, что я пришел в восторг. Я читал ее и другим — приходили в восторг и другие. Правда, слышались голоса про основную идею, но дивная форма одолевала все.

Затем я получил и «Двух стариков», о которых слышал в августе, что они запрещены. Александр же Петрович сообщил кое-что и о Л. Н. Какой-то молодой человек, начитавшись новых его произведений, отказался от присяги и военной службы [134]. Дело дошло до министра, который и распорядился отослать его в Закаспийский округ, находящийся на особом положении. Мать и брат его бросились хлопотать, писали будто бы и ко Л. Н. Но что Л. Н. мог сделать? Заставить отказаться от присяги и службы он мог, но утешить мать и брата — чем мог бы он утешить? И вот он целые полчаса плачет навзрыд...

В конце ноября случайно я встретил на улице и его самого. Увидав меня, он окликнул с извозчика и, видимо, обрадованный, выскочил из саней. Он ехал в фотографию сниматься. Сообщил, что Софья Андреевна только что вернулась из Петербурга. «Сказку об Иване дураке» и «Двух стариков» разрешили.

— Я рад, что разрешили сказку,— сказал он,— она будет напечатана в двенадцатом томе, оттуда проникнет в народ! Вы спешите, я тоже спешу. Прощайте, заходите!

Я зашел к Толстым через день и застал у них Черткова и Константина Александровича Ислявина. Несмотря на то, что был уже седьмой час,

они еще только обедали. Я присел к столу, разговор шел о последних произведениях Л. Н., ради которых графиня ездила в Петербург. Она говорила, что если сказку распространять, то те, которые дозволили ее печатать, пожалуй, пронюхают и запретят.

Я думаю, что Александр Петрович говорил Л. Н., как мне нравится сказка, и потому, вероятно, и он, обращаясь ко мне, сказал:

— Софья Андреевна ужасно этим занята, это на ее попечении — лучше сказку не пропагандировать.

Я понял, что двенадцатый том еще не готов.

— Что поделываете, Иван Михалыч? — спросил он затем.— Не открыли ли чего? Я, представьте, за все это время не открыл решительно ничего. Прежде я мог перед вами похвалиться Джорджем, Арнольдом, а теперь — ничего. Перечитываю только Диккенса.

За все это время он был занят литературной работой, и немудрено, что ничего не открыл, я знал, как он работает.

Когда кончили обедать, мы с Сережей и Константином Александровичем ушли в гостиную.

— Замечательна в сказке отделка, мельчайшая филигранная работа,— говорил мне К. А., — но про основную идею Софья Андреевна справедливо заметила, что не будь науки, искусства, словом, того, представителем чего является черт на вышке, не было бы и самой сказки, самого Л. Н.

В это время подошел к нам и сам Л. Н. вместе с Чертковым.

— И откуда вы только взяли своего черта на вышке? — сказал я ему.

— Мне пришло в голову на купальной дороге как-то вдруг,— отвечал он,— и я сам расхохотался!

Чертков привез на рассмотрение, не помню, чью, повесть «Аполлон Тирский» [135]. Стали читать. Начал Л. Н.— скука и чепуха, продолжала графиня — то же, за графиней читал я — то же. При всей своей снисходительности Л. Н. отозвался о повести, что она скучна и непонятна; я сказал, что она годится разве в печку; не понравилась она и Черткову.

Графиня была занята своим, а Л. Н. своим — это обнаружилось, когда мы сели за чай. Он заговорил о Файнермане, что это крепкий человек, сжег за собой все корабли.

— Вы знаете,— обратился он ко мне,— к нему в Ясную Поляну приехала его жена, типом похожая на курсистку. Я наблюдал их отношения — он держал себя по отношению к ней так, что коли, мол, хочешь жить, как я, я буду с тобой жить, он был к ней даже несколько суров!

Файнерман, видимо, мало кого еще занимал, и мы было заговорили о чем-то другом, но Л. Н. продолжал свое.

— Какой человек — этот Файнерман! Он даже обовшивел, а это хорошо. Обовшиветь у нас считается чем-то стыдным, а вы знаете — мужики говорят, что вошь нападает с тоски, с заботы,— это обыкновенное поверье... Я помню, мне один мужик прелестно рассказывал, как он выучился читать. Бывало, говорит, пойду пахать, пропашу борозду, остановлюсь, лягу на траве и начну твердить. Приду домой, надо с бабой спать ложиться, а я все твержу. Да что ты, черт, уёму на тебя нет! а я все свое... Так что же? Даже обовшивел весь!..

Я не курю, но К. А. Ислявин, добродушный, веселый, легкомысленный старик, стал подтрунивать надо мною в гостиной, точно я и вправду завзятый курильщик. Кажется, это и самому Л. Н. дало мысль покурить. Он встал, и мы, кроме К. А. Ислявина, вышли в переднюю.

— Я теперь потому вышел в переднюю, что не хочу курить в столовой, да жарко там,— заметил Л. Н.

— Да вы уж лучше не курите вовсе,— сказал я.

— Это шаг к тому.

— А вы не курите? — спросил меня Чертков.

— Нет, не курю — Константин Александрович шутит.

— Удивительный это человек — Константин Александрович! Жить весь век в пустяках, сладко есть, пить, даже блудить,— и все это в приличных формах. Это ужасно! — сказал Л. Н.

В это время в переднюю вошел посыльный из типографии и подал корректуры. Лев Николаевич, перейдя в столовую, стал читать с Чертковым корректурные листы «Азбуки», а я — листы «Так что же нам делать?», те главы, где говорится про науку и искусство.

После чтения я не удержался — сказал, что главы эти возбуждают и будут возбуждать возражения, но что сказка с чертом на вышке хороша именно тем, что когда дойдешь до каланчи, то возражений не бывает, а все только смеются от души[136].

— Не все,— сказал Л. Н.,— многим она не понравится. Страхов, например, не хвалит ее[137]. Странный это человек Страхов! Деревья есть такие: дерево стоит, но середины в нем нет — она вся выедена. Так же и Страхов: в нем вся середина выедена наукой, философией.

Затем Л. Н. принес мне четыре картинки сытинского издания[138], показывал превосходный рисунок Репина «Вражье лепко, а божье крепко»[139] и рассказал, какие видел он у Черткова фотографии с бывших на выставке в Вене картин Верещагина. Первая изображает Христа, занятого плотничной работой, а его мать Мария окружена его братьями и одного кормит. Вторая изображает воскресение Христа: вдали бегут воины, а из дыры, с испуганным лицом, украдкой вылезает Христос; третья — казнь Рысакова и Перовской: спереди солдаты спиной к зрителю, вдали виселицы; четвертая — расстреливание англичанами индусов; к пушке привязан старик, вдали идет ряд таких же пушек и привязанных к ним людей[140].

— Первые две картины — прямо скандал, в них ничего нет,— заметил Л. Н.— Я знаю, это школы знаменитого богослова Шлейермахера[141]. Третья — тоже: не будь подписи, ничего бы тут нельзя было и разобрать, художнику следовало бы изобразить весь ужас этого дела, а у него и солдаты, смотрящие на казнь, поставлены к зрителю спиной. Но четвертая — превосходная. Если что и удается ему — это изображение ужаса войны, тут он мастер, и картина достигает цели!

— Я уж вам говорил, что я не открыл ничего,— сказал он мне немного погодя.— В последнее время я только перечитывал романы Диккенса — «Крошка Доррит», «Холодный дом». По-моему, Диккенс еще вполне не оценен. Мы Диккенса не знаем, но какая это сила! Прежде эти романы мне казались тяжелы и скучны, но теперь — нет. Что это за силач! У него на сцене десять лиц, и вы, читая, ни про одно не забываете: каждое так и бьет вам в глаза! Все эти английские учреждения являются у него в ироническом свете, все одето такой иронией!.. Герои у него, по-моему, не лорды и т. п., а ободранные, с лицом попорченным оспой,— люди — вот его настоящие герои. Его роман «Оливер Твист» — прекрасный; я помню, я несколько раз рассказывал его детям и всегда имел успех.

— Англичане его упрекают, что он больше бил на внешность, на внешние смешные стороны людей,— заметил Чертков.

— Он описывает одного господина, господин этот с первого взгляда казался красив, но потом являлся другим: когда смеялся, усы его опускались как-то вниз, губы поднимались вверх; когда сидел — подправлял под себя подушки... Словом, по описанию внешности вы прямо видите, что он и зол, и жесток, и самовластен,— вот вам и описание внешности!

— Вы имеете понятие о Фрее? — вдруг обратился Л. Н. ко мне.

Я сказал, что да.

— Он был у меня в Ясной Поляне — что это за интересный человек! О чем ни заговорит, на все у него совсем новая точка зрения, так и видно, что приехал бог знает откуда, из той страны, где все пробуют, нельзя ли как еще лучше жить. Он познакомил меня с позитивизмом, и мы сошлись

— Что же тут общего? — спросил я.

— Видите, позитивизм есть разный. Есть научный — вот это Литтре [142], Вырубов [143], а то есть религиозный, воззрения которого близки к моим! И какой это сильный человек! Жена у него — та едва ли не

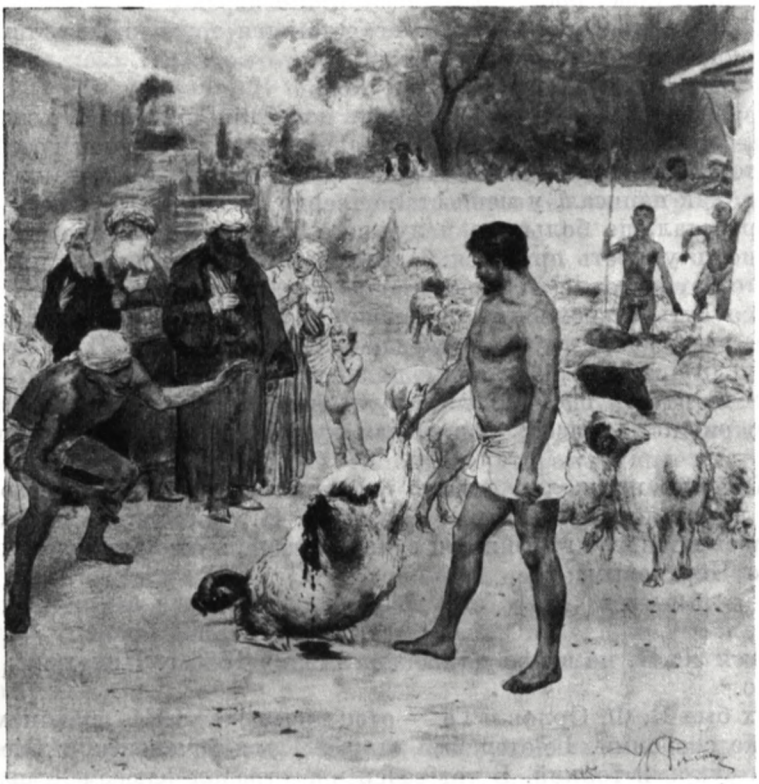


ИЛЛЮСТРАЦИЯ И. Е. РЕПИНА К СКАЗКЕ «ВРАЖЬЕ ЛЕПКО, А БОЖЬЕ КРЕПКО»
Раскрашенная литография, 1886 г.
Музей Толстого, Москва

крепче его [144]. В Америке они жили бог знает как — в сарае из дырявых досок, где не бывало выше 6°, да с двумя детьми. И она — ничего. О ваших знакомых, живших в Америке, он не высокого мнения, например, о Маликове, но о Василии Ивановиче отзывается с уважением. Василий Иванович Алексеев,— обратился Л. Н. к Черткову, поясняя,— был у нас учитель, ездил в Америку, потом вернулся назад... И как это странно, он из небогатой дворянской семьи, отец у него помещик, женат на крестьянке; в семье у них был этот старинный дух — читались дома жития святых. Эти жития, как говорил мне сам Василий Иванович, определили весь склад его мысли, сообщили ей религиозный оттенок. С ними он пошел в университет, с ними попал на революционную деятельность, с ними остался и теперь.

— Я помню,— сказал Л. Н., когда речь перешла на современные воззрения большинства — я помню, я приехал с Кавказа в Петербург диким офицером [145] и попал в кружок литераторов. Мне сразу стало ясно, что у Боткина, Анненкова и других есть какая-то своя вера, которой я сначала не понимал. Стоило кому-нибудь из них начать бобе́, бобе́, бобе́, другой, даже не дослушав, сейчас же начинал отвечать ему своими бобе́, бобе́, бобе́. Я и сам заразился этим бобе́, бобе́... Им у меня попорчен, например, рассказ «Люцерн», где гармония мира и т. д. А теперь ото всего этого на моих глазах не осталось ничего, точно никогда не бывало. Если и осталось, так разве у историков, там, пожалуй, еще существует гегельянство с бобе́, бобе́, бобе́, но и то уж стало переходить в эволюционизм. Пройдет еще немного, и от этого не останется тоже ничего, точно всего этого никогда и не было.

Я и Чертков согласились.

— Я рад, что мне удалось написать последние главы [146], хоть и с трудом,— продолжал Л. Н.— Пока я не написал их, не коснулся науки, все как-то был не уверен в себе, все как-то думалось: а ну, как это не так? А теперь, как написал, у меня стало твердо — так ли, не так ли, а я над этим поработал, до большего и лучшего мне уж не доработаться, с тем уж, видно, и умереть придется. Помните, Руссо, кажется, в предисловии к «Vicaire Savoyard» [147] говорит прекрасно в этом именно роде.

— Вся суть современных воззрений на отношения людей между собою — в разделении труда,— сказал в заключение Л. Н.— Это основа. Это вы услышите ото всех: один должен делать одно, другой — другое, а в этом-то и есть громадное заблуждение!

Было около 11 часов; уезжавшая куда-то графиня уже успела вернуться.

— Как мне ни жалко с вами расставаться, а делать нечего — надо: надо по принципу спать идти,— сказал Л. Н., простился с нами и ушел.

Посидев немного с графиней и гувернанткой, я откланялся и тоже ушел вместе с Чертковым.

⟨1886⟩

Затем я Л. Н. не видал до начала января 1886 г. Попал я к Толстым случайно.

У них был В. Ф. Орлов и Ге — отец и сын [148]. Л. Н. познакомил меня сейчас же с обоими. Ге-отец был старый, лысый человек, с блестящими глазами, сухой и тонкий. В тот вечер он страдал флюсом — подбородок был укутан шарфом.

Когда мы уселись, Л. Н. спросил, давно ли я видел Николая Федоровича Федорова. Я сказал, что давно.

— А он нынче, как я слышал, у Пругавина [149], собрались читать статью Льва Толстого «Наука и искусство» [150], о которой я понятия не имею. Но мне все-таки интересно было бы знать его мнение, потому что оно мне дорого.

С графиней сидели какие-то дамы пожилые или девицы, очевидно, почитательницы Л. Н. Кажется, по их почину Л. Н. предложил читать очерк Глеба Успенского в «Русской мысли» [151].

Все перешли в зал. Стала читать графиня. С первых же строк мне стало скучно. Лев Николаевич слушал-слушал и тоже сказал:

— Нет, грех Глебу Успенскому так писать. Вот сколько уже прочитано, а я все еще не знаю, как этот мужик жил... Он просто тут сочиняет. Баба, если муж ушел на сторону (в повести мужик ушел в извоз), не станет жить одна — незачем ей; она тоже обыкновенно уходит в люди. Да такого житья у мужиков я нигде-то не видал. Нет, тут он просто сочиняет.

Ге подтвердил.

Наконец, ко всеобщему удовольствию, повесть Успенского кончилась. Пошли садиться за чай.

— Что значит, когда человеку нечего сказать путного,— сказал Л. Н.— Все осудили без исключения. А ведь нельзя сказать, чтобы Глеб Успенский не умел писать, техника у него громадная. Я бы предложил прочесть рассказ Хмелевой «Кружевница» [152]. У Хмелевой нет почти никакой техники, мало уменья писать, она никогда до сих пор и не писала, но если сравнить с этой вещью Глеба Успенского, это как небо от земли!

Стали читать. Кое-что хорошо, но длинно; в одном месте, где злая ключница преследует Машу, клевещет на нее, наконец, заставляет барыню выгнать ее из дому, а потом отдать за мужика, известного всей деревне за пьяницу, меня тронуло. В общем было скучно, но все же лучше повести Глеба Успенского. После чтения я разговорился с Ге-отцом.

— Какой это силач! — сказал он про Л. Н.— Он вчера мне читал свой рассказ «Три старика» [153] — удивительная вещь! Я и приехал-то затем, чтобы повидаться с ним, а то ведь почти постоянно живу у себя в имении в Черниговской губернии.

Он повел меня в кабинет Л. Н., где он жил.

— Пойдемте, я вам покажу свои эскизы к «Чем люди живы» [154].

— Куда вы? — спросил Л. Н.

— Вот хочу ему показать свои рисунки.

— Да, да, ему надо показать. Пойдемте все вместе.

В кабинете Л. Н. стоял мольберт, на нем были рисунки к рассказу, по стене над диваном тоже. На первом рисунке — ангел в тот момент, когда он не хочет взять душу у родительницы; на втором — ангел, стремглав летящий с неба на землю, на третьем — сцена у часовни. Всего было девять рисунков.

— Я целый год занимаюсь этим,— сказал Ге.— Долго обдумывал и думаю, что это к делу идет. Важно уловить надлежащий момент в рассказе. Вот мне вчера пришел в голову еще эскиз, который, по-моему, нужен. Это — сцена, когда мужики собрались на сходку, толкуют, что́ делать с ребятами, и ничего не выходит, а баба взяла обоих малюток и дает им грудь.

Я согласился, что это удачно.

— Когда я увидал работу Николая Николаевича,— сказал Л. Н.,— для меня ожила и моя-то собственная работа, я ее как будто сызнова стал переживать. Я не знаю, куда девать музыку, но это,— он указал на рисунки,— это необходимое дополнение к рассказу вообще. Писатель что-то создает, но картины-то собственно еще нет, есть только ее возможность, и вот эту-то возможность художник осуществляет на самом деле. Вот и Ге (он в это время вышел зачем-то из кабинета) рисует «Тайную вечерю» [155], и у него есть собственный текст, который дает мысль и характер картине. У него и к этим эскизам есть свой текст. Вот смотрите (эскиз — ангел в сиянии, его окружают люди), какой смысл этого рисунка: если бы это было какое-нибудь греческое божество, то надо было бы его поставить вдали от людей и так, чтобы на людях виден был страх перед ним... А здесь божество изображено в сиянии *среди* людей, и проявляется-то оно тогда, когда проявляется в людях любовь, а не страх. А вот смотрите — ангел летит стремглав с неба: это для него (т. е. для Ге) значит сомнение, которое как только залетит к свету, к истине, так сейчас же и падает вниз. У него свой собственный текст.

Когда Ге вернулся, мы заговорили о Щедрине. Я сказал, что у него нет нутра, нет живого центра; оттого-то, при громадном таланте, из его писаний ничего не выходит.

— Ничего не выходит и не выйдет,— сказал и Ге,— у него нет этого центра и не будет. Он никого и ничего не любит, я ведь хорошо его знаю. Есть такие люди, у которых этот центр завален бог знает до чего... Вот и Тургенев — у него тоже не было этого центра. Есть такие люди.

Когда речь зашла о современном обществе, об интеллигентной его части, я откровенно высказал свое мнение, что иногда оно меня поражает дикостью взглядов, низменностью интересов.

— Вы не знаете Апухтина? — спросил меня Л. Н. — Апухтин теперь это — светило, про него теперь говорят. Я помню, я был еще молодым и раз видел тонкого, бледного кадета. Это-то и был Апухтин. После он где-то служил, жизнь вел бог знает какую, писал бойкие стихи между прочим... Вдруг теперь мой Илюша приносит мне его стихи, которыми восхищается. Они даже напечатаны, кажется, в «Русской мысли»: «Год в монастыре» [156].

Тут я вспомнил, что летом действительно видел у Илюши тетрадку с этими стихами и даже кое-что читал.

— Этот Апухтин где-то потом служил, жил бог знает как, ел, пил, растолстел до того, что еле умещается на извозчике, заражен содомским грехом — и пишет «Год в монастыре»! Я читал их. Это что-то вроде Пушкина, но форма без сравнения ниже. До Пушкина формы не было, Пушкин ее дал и всех ослепил формой. А тут — ничего! Слова — и поэзии никакой! И его переписывают барышни теперь, как прежде Пушкина, спрашивают, читали ли вы Апухтина, восхищаются, а в нем нет совершенно ничего! Людям, очевидно, нужна тут только забава — ты нас потешь и оставь в покое!

Ге между тем стал раздеваться, а потом лег, прося нас продолжать беседу. Но мы с Орловым стали прощаться. Лев Николаевич пошел нас провожать.

— Приходите,— сказал он нам,— мне хотелось бы прочитать вам мои последние вещи... Это бы надо поскорей, а то я думаю уехать в Ясную Поляну — как-то тяжко тут!

Мы расцеловались с ним и ушли.

На масленице я видел на гулянье Софью Андреевну с ее, как она называла, «малышами» Андрюшей и Мишей, приглашала меня. Я пришел к ним вечером в тот же день.

Графиня сидела у себя наверху, переписывала какую-то повесть Л. Н. Внизу была Татьяна Львовна, Трескин [157] и Вера Сергеевна (племянница) [158]. Было как-то скучно, неловко. Пришел Л. Н., худой, говорит нездоровым голосом, спросил, как поживаю, и куда-то ушел. Мы опять остались вчетвером, опять стало скучно, неловко. Кто-то предложил идти кататься с горы; я поддержал. Гора была в саду, воздух чудесный, ночь теплая. Мне было весело смотреть, как мои бывшие ученицы (племянницы Льва Николаевича, сестры Веры Сергеевны) [159] катались с горы в огромной корзине, в каких дворники возят снег. Корзину вкатывали на гору, а я спускал вниз...

Потом пошли домой. Наверху уже готовили чай. Стали было играть в веревочку, поиграли-поиграли, но скоро бросили. Я пошел в гостиную, где с Сергеем Николаевичем (братом) сидел Л. Н., и спросил, как идет издание народных книжек.

— Отлично,— отвечал Л. Н.,— уже теперь разошлось миллион книжек. А с картинками хуже — святейший синод находит некоторые изображения неправославными... Как вам нравится Сократ (т. е. книжка сытинского издания о Сократе)? [160]

Я сказал, что хорошо.

— Представьте, всем нравится — мужикам очень нравится греческий философ.

Я сказал, что имя это наверное не чуждо народу — существует лубочная картинка XVI или XVII века «Марк Аврелий», а не то, что Сократ.

— А я теперь занимаюсь легендами Афанасьева [161],— сказал он.— Сколько я там нашел материала! Но все в обломках. Если составить как следует эти обломки, то что может выйти!.. Эти легенды все из обломков, один обломок здесь, другой надо искать в другом месте, все равно как в «Чем люди живы» в передаче Петровича. Начаты они, но ни одна не докончена... Я уж кой-чем воспользовался, написал три маленьких вещицы и одну большую [162], нет ли у вас материалу в этом роде?

Я указал на житие Николы святоши [163]. Он сказал, что слышал про него и обещал принять к сведению. Мария Николаевна (сестра) [164], сидевшая с графиней за чаем, подозвала меня к себе и сказала, что ей приятно было посмотреть на мое здоровое, свежее лицо — «а то нынче все молодежь бледная да испитая!» В прошлом году она ездила в Ревель лечиться... Я сказал, что нигде не чувствую себя так хорошо, как в Москве.

— Почему же?

— Потому что чувствую себя на месте; в другом городе все как будто не на месте.

— Да,— сказал Л. Н.,— у всякого должно быть место, вы чувствуете себя на месте в Москве, я — в Ясной Поляне.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ Н. Н. ГЕ К РАССКАЗУ «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ»
Фотокопия, 1886 г.

Он стал угощать меня чаем, предложил апельсин. В зале между тем устанавливались столы — гости собирались играть в винт, а на одном столе уже играли. Я заглянул в гостиную — и там собирались винтить. Словом, повсеместный винтеж, точно лихорадка, начал постепенно овладевать гостями. Все стали рассаживаться, всюду показались колоды, точно это было последним прибежищем... Раньше всех засела винтить молодежь, народ в 19—21 год. Затем начали усаживаться дамы и девицы... Мне стало и досадно и скучно; я сошел вниз.

Маленькие девочки, дочери Оболенского и Сергея Николаевича, оделись ехать домой. Пришел в переднюю Л. Н., а за ним графиня... Она подошла к раскрытой двери и стала. Кто-то заметил, как бы ей не простудиться.

— Она в самом деле вышла простудиться,— сказал Л. Н., закуривший в передней папироску,— т. е. прохладиться, проветриться — так говорят мужики. Еще они говорят: человек легкомысленный, т. е. у кого *легкие* мысли, кто не заботится о завтрашнем дне — «довлеет дневи злоба его». Вот вы — человек не легкомысленный в этом хорошем смысле,— неожиданно заключил он, обратясь ко мне...

О Файнермане слышно будто бы только хорошее. Все, кто ни приедет из Ясной Поляны, говорят одно и то же. Он все будто бы раздает. Осуждают его только за то, что морит жену: есть у них с женой чай, понадобится кому — он сейчас же все отдает...

На масленице мне пришлось быть в балагане и видеть имевшую довольно большой успех пьесу «Анчутка беспятый» [165]. Мне она тоже понравилась. Я спросил Л. Н., не видал ли он «Анчутку».

— Видел и не одобряю. Как это можно — сколько в Москве народу, есть университет, и никого не нашлось написать что-нибудь получше. Я уверен, задайте вы своим ученикам хоть 3-го класса написать пьесу для балагана, те лучше напишут!

Погодя немного, я постарался незаметно ускользнуть домой 〈...〉

* * *

Снабженный письмом к графине и условиями, которые написал Лебедев от ее имени [166], я 22 июня 〈1886 г.〉 был уже в Туле.

В Ясную Поляну я ехал на извозчике. Дорога прелестная — сначала идет по местности холмистой, а потом начинаются леса, самая Засека. Светло-зеленые поля, темно-зеленый лес, тишь, от которой я уж отвык в Москве, благоухание... Я не узнал полей: в прошлом году они были сухи и серы, в этом, благодаря дождям,— свежи и зелены, овсы были чуть не по колено, рожь — по плечо, трава — по пояс.

Выехав из Тулы, я вдруг ощутил знакомую неловкость — в Басове даже велел остановиться в трактире попить чайку; в 10 часов все-таки приехал в Ясную Поляну.

Подъезжаю к дому — никого нет. Я стал отдавать извозчику деньги. Лев Николаевич появился вдруг, точно из земли вырос.

— Иван Михалыч! Вот хорошо, что приехали. Как я рад!

Видно было, что и точно он рад.

— Пойдемте пить чай, наши еще не встали.

Я прошел в комнату сыновей, повидался сначала с ними. Когда я пришел в залу, Л. Н. сидел за самоваром один.

— А вы, несчастные, всё в Москве,— сказал он.— Как поживаете? Что ваши, как матушка?

У меня все было благополучно. Я в свою очередь спросил, как все у них, как он.

— Я сейчас кое-что написал, написал то, что нужно, и чувствую себя хорошо. Написать, когда является расположение, это не то, что — дай-ка я сяду да стану сочинять,— отвечал он мне.

Я сказал, что у меня письмо к графине насчет его рукописей, что Николай Федорович будет крайне рад, если графиня и он согласится отдать их на хранение в Музей.

— Я очень рад сделать Николаю Федоровичу приятное, и Софья Андреевна тоже согласна...

На этом разговор о рукописях и кончился.

Мы заговорили о Даниле Ачинском. Лев Николаевич сказал, что не знает, куда девались у него книги, которые он собирал: между ними было и это житие с грубым изображением самого Данилы [167].

— Были, знаете, такие жития разных людей, не признанных церковью, и житий таких было много. Я помню, я их собирал... Надо мне спросить в Туле, там есть один, который тоже занимался собиранием их... Николай Федорович,— продолжал он,— за что-то на меня сердится? Он высокого разбора души человек, но сектант. Что не подходит под его теорию воскрешения, то он знать не хочет. Он — сектант, но человек каких ужасно мало.

Затем он заговорил о прежнем, что занимало его и зимою в Москве — стал рассказывать о Файнермане. Файнерман почти уж год живет в Ясной Поляне, живет у мужика в избе, помогает работой другим, денег за это не берет, за это его кормят...

— Приехала к нему жена,— продолжал Л. Н.,— вроде курсистки — недурная собою, но натура дюжинная, не понимает, что та жизнь, которую он ведет, и есть настоящая жизнь... А она им недовольна, хочет поступить на какие-то курсы, бог знает что и зачем. Мы все говорим: дела нет; да дела везде сколько хочешь, в работе нуждаются люди! И Файнерман помогает — избу крыть, дрова колоть, косить, загородку загородить... Вот нынче у нас дело — городить изгородь, надо будет кольев нарубить, привезти... Это мы с ним сегодня сделаем. Вот настоящее дело. И его за это все любят, начиная с Софьи Андреевны и кончая последней бабой на деревне: Борисыч, Борисыч, несут яиц, молока... Вот настоящее дело, а мы думаем, что оно в обеспечивании себя... Он имел хорошее влияние на детей моих, особенно на Илью: они увидели на нем возможность устроить жизнь по-другому, применить к делу то, чем он живет. Илья меня особенно радует... Настоящая жизнь это — ходить с сумкой; недаром и пословица есть: от тюрьмы да от сумы не отказывайся. По-моему, ходить с сумкой безо всякого сравнения лучше, чем, например, жить в лакеях.

Вошел лакей Михаил Фомич со сливками.

— Ей-ей, я променяю свою жизнь на хождение с сумкой,— продолжал Л. Н.— Служить в лакеях, как Михайло, учительствовать, как вы, писать романы, как я, это, по-моему, без сравнения хуже, чем ходить с сумой, побираться. Я ужасно держусь за свою теорию сумки... А Михайло вот все думает, что надо обеспечить себя и семью,— разве можно обеспечить?

— Ну, я сделаюсь болен, ваше сиятельство,— сказал лакей, когда Л. Н. замолчал и стал пить кофе.— Кому я тогда нужен? Как же мне себя не обеспечить?

Лев Николаевич опять заговорил о преимуществах хождения с сумой, а лакей стал толковать, что это спаси бог,— как же тогда на меня смотреть будут?

Вошел Сережа (сын), разговор коснулся чего-то другого, и Л. Н. скоро ушел. Мы заговорили про Василия Ивановича, как он живет в Самаре, про Бибикова, про то, что нынешней весной не удалось сдать землю в самарском имении. Между тем чай мы кончили и пошли в Чепыж.

— Скука тут какая! — неожиданно сказал он мне.— А все папенька! Вчера начали косить, устали, измаялись. Это бы все ничего, а скверно

то, что чувствуешь, что, если что сделаешь не по его, он осуждает... Я прожил в Самаре целый месяц, и как я чувствовал себя там легко — не было этого осуждающего глаза! А то вчера мы косили и выпили по две рюмки водки. Я ему про это сказал; он стал говорить, что это хоть и делают мужики, но это дурно — нам надо в мужицкую работу вносить хорошие начала, а не брать дурных: водка — лишнее. Ужасно тяжело так жить — чувствуешь, что осуждают тебя на каждом шагу. Мы косили вчера двумя артелями; я на завтра даже хочу перейти в другую артель: в нашей такая скука и так неприятно!

До завтрака мы гуляли довольно долго, толкуя все о жизни в Ясной Поляне, о последних произведениях Л. Н. Когда мы вернулись, графиня сидела уже в зале. Я спросил, как она поживает.

— Живем, — отвечала она, — и барствуем, и крестьянствуем, и уж не знаю что!

Я передал ей письмо. Она сказала, что привезет рукописи в Москву осенью и отдаст в Музей с тем, чтобы их разобрали и привели в порядок.

После завтрака я пошел к Сереже в комнату. Было воскресенье, когда читали почтовый ящик и выдавали номер «Яснополянских ведомостей». Редактировались они Сережей, он и занялся писанием разного вздора для них. Неожиданно вошел Кузминский. Сережа спросил его, правда ли, что вчера вечером был разговор по поводу водки.

Кузминский сказал, что большого разговора не было, но Л. Н. говорит, что это при работе лишнее и, по его мнению, даже дурно: вино есть начало нравственно дурных поступков, человек начинает терять сознание того, что нужно и что лишнее — больше ничего.

— Я вчера приходил к вам во время косьбы,— продолжал Кузминский,— ужасно в вашей артели тяжелая атмосфера и притом злобная, вот чем нехорошо!

— Да,— заметил и Сережа,— у нас нельзя косить: скука — это ужас что такое! Я перейду завтра в другую артель.

К обеду из Ясенков явился Илья и его приятель Альсид [168], сын гувернантки m-me Seuron. Этот был что-то красен, и сам Л. Н., помнится, спрашивал за обедом, что они делали в Ясенках, а после обеда Леля прямо сказал Альсиду.

— А вас заметили, что вы в Ясенках пили водку. Пили бы да так, чтобы заметно не было, или отправились-то под каким-нибудь предлогом, я всегда так делаю, а то папа́ и заметил...

Альсид обругал его, сказал, что когда он ездит в Ясенки, ему никто ничего не говорит, а тут он вздумал лезть читать наставления...

Лев Николаевич после обеда исчез, и я спросил, где он. Оказалось — уехал в лес рубить колья для чьей-то изгороди.

Вечером я гулял по парку. Возвращаясь, вижу — графиня изо всей мочи звонит [169], призывая Л. Н., который велел звать себя к вечернему чаю и почтовому ящику.

Он скоро явился, седой, красный, в драном сером коротком пальто, в шляпе. Я спросил, как его работа.

— Ездили с Файнерманом колья рубить. В лесу так славно, вы представить себе не можете! А вы погуляли? — спросил он меня тоном, в котором против его воли как будто прозвучала чуть-чуть заметная ирония и упрек, и сейчас же обратился к Альсиду.

— Сделайте такую мне милость, свезите к Борисычу дров, он просил связку, а то хлебы поставили, а топить нечем. Я послал было Ваську, но это ему (т. е. Файнерману) будет неприятно, свезите вы...

Альсид побежал.

— Бедный, бедный Борисыч,— сказал Л. Н.

На крыльце стояли две его племянницы и дочь Маша.

— Чем Борисыч — бедный, папà? — спросила Маша.

— Жена у него плохая. Пустая она, совсем пустая, как вы три.

— Оттого-то она нам должно быть и нравится,— с каким-то милым трогательным добродушием отвечала Маша.

Между тем в зале уже собрались почти все, стали читать почтовый ящик, потом сели пить чай.

Лев Николаевич сказал мне, что читает теперь Макса Мюллера о религиях [170].

ТОЛСТОЙ и Н. Н. ГЕ
Рисунок Н. П. Ульянова, 1944 г.
Музей Толстого, Москва

— Обыкновенно разные Спенсеры думают, что религий много,— сказал он,— а их всего только пять и в каждой есть книги: у будистов Трипитаки, у христиан своя и т. д.

Мне это было не ново.

— А что, вы продолжаете не есть мяса? — вдруг спросил он меня.

Я сказал, что ем, но иногда оно мне надоедает, вообще ем менее прежнего.

— Вы, я знаю, коренной вегетарианец,— почему-то сказал он,— я вот уж почти год не ем мяса и чуствую себя отлично. Думать, что мясо почему-то необходимо,— вздор. Это мнение науки, а наука всегда рада ухватиться за всякую нелепость. Полмира не ест мяса и живет, а тут вдруг вообразили, что мясо необходимо.

Зашла речь об Островском, который умер в мае [171], и я сказал, что мне его жалко.

— И мне его жаль,— заметил Л. Н.,— оригинальный был писатель, очень оригинальный... Я перед самой его смертью послал ему полные свои сочинения и письмо, не знаю, читал ли он... [172]

И он вдруг перешел на другое.

— Ах Борисыч! Ужасное положение у него с женою! — И он заговорил, что жена Файнермана не хочет жить так, как живет он, по-божьи, что жить по-божьи ей представляется чем-то диким,— не то, что революционная деятельность. Он прежде был революционер, она — тоже; они и сошлись-то будто бы только потому и были готовы на все — в тюрьму, в каторгу, на виселицу.

— Это битая дорожка революционеров,— продолжал Л. Н.,— на нее она готова, а как только зайдет дело о том, чтобы жить по-божьи, на это — нет, она не способна.

Татьяна Андреевна сказала, что у ней ведь ребенок, как же жить ей так, как живет муж, надо и то и другое; работать с ребенком не пойдешь, а как их будет не один — и подавно. Кузминский заметил, что если, как говорит Л. Н., есть заповедь не иметь собственности, то есть и другая заповедь — жить с женой, а как жене жить с мужем, коли он не кормит жену.

— Мне кажется, что муж должен содержать жену,— прибавил он.

Лев Николаевич говорил, что он доставал и достанет себе нужное, могла бы и она надеть сумку — ступай побираться. У нас восемьдесят миллионов так живут, нечего смотреть, что какая-нибудь сравнительно маленькая часть живет иначе.

— Муж хочет жить по-божьи, как живет большинство у нас; он хочет жить по правилу, а она по исключению; что разумней, жить по правилу или по исключению?

Я заметил, что соединить правило *не имей своего* и *живи для других* с правилом *живи с женой* всегда мне казалось трудным, даже невозможным.

— Кто проникнут религиозным началом, тому это не трудно и возможно,— отвечал Л. Н.,— кто любит всех, будет любить и жену. На фоне всеобщей любви он выделит и любовь к жене, но только на фоне всеобщей любви... Я не удивляюсь, что жена Файнермана с ним не согласна. Было бы удивительно, если бы женщина пошла на это. Если бы нашлась такая пара, это было бы чудом, и влияние этого было бы громадно!

Я сказал, что жестоко требовать от нее, что требует Л. Н., и Татьяна Андреевна прибавила: как жить ей с ребенком? У них зимой, говорят, иной день не было и хлеба, жили они в холодной избе, у каждой бабы найдется то, чего недостает у них.

Лев Николаевич возражал, что крестьяне тут не образец. Это люди, только необходимостью поставленные в положение кормить своим трудом других — не больше. А и у них, как у нас, есть глупое, непонятное теперь для него желание обеспечить себя, а обеспечение — вздор. Надо жить по-божьи в настоящем, а что будет впереди — как это узнать?

— Для революционеров жить по-божьи и все, что не имеет этой революционной помпы, представляется чем-то ужасным. А подумайте: что легче — жить так, т. е. не иметь своего, работать на других, ходить с сумой, или принять на себя последствия революционной деятельности? Конечно, жить по-божьи и легче, и приятней.

Я сказал, что ходить с сумой — не всегда выходишь себе кусок хлеба и не везде, привел слышанные мною от Николая Федоровича рассказы о китайцах — в Китае рабочие на коленях молят о работе, и ее нет, и они мрут...

— Ну и что же? — сказал Л. Н.— Пришла смерть, и умер человек Лучше умереть, живя по-божьи, а не как-нибудь иначе... Да ведь о Ки-

тае это пишут, и кто говорит, сам хорошо не знает, что там в Китае, а в России, я знаю, живут так люди.

— Но едва ли вы этой смерти пожелаете не только для людей близких вам — для жены, детей, но даже для отдаленного от вас человека — ну, для меня, например...

Он помолчал, а потом сказал, что это крайность, до которой не нужно бояться дойти, а что Файнермана кормят хорошо,— он сыт был всю зиму.

Кузминский, возвращаясь к прежнему, сказал, что для него все-таки остается непонятно, как мужу не содержать жены.

— Муж добывает себе, сколько ему нужно, чтобы быть сытым, отчего же не может этого жена? — спросил Л. Н.

— Но у жены ребенок, где же ей идти побираться или идти работать? — заметила Татьяна Андреевна.

— Он жене отдает все пополам,— сказал Л. Н.

Он стал затем говорить, что на себя всякий добудет, добудет и женщина, что больше и не нужно. Выходило так, что добыть всякий на себя, положим, добудет, но как же дети? Муж добывает излишнее, если добывает больше, чем ему надо. Но Кузминский заметил, что если он добывает на семью, что надо, то это не излишнее.

Я ушел, мне стало скучно.

В павильоне, где отвели мне место, пришел ко мне Сережа. Он стал завидовать мне, говорил, что я сам себе царь, человек вольный, а он подневольный. У меня была с собою водка — я задернул занавески, и мы выпили по рюмке. Я спросил, чего ему еще нужно. Он отвечал, что жить тут для него трудно — постоянно осуждения ему надоели.

— Вот вы сейчас задернули занавески-то, а жить постоянно за занавеской, постоянно остерегаться, что тебя осудят,— разве это легко? Вчера мы выпили на сенокосе, узнал папенька, начинает толковать. В Москве в концерт — и то надо идти украдкой, а узнает он, сейчас почувствуешь, что он тебя осуждает. Как я славно жил в Самаре, как было легко! Хоть бы жениться, что ли, да зажить своим домком, уехать отсюда.

Я спросил, зачем он косит.

— В пику папеньке. Он считает это важным делом, а я считаю это в нашем положении забавой, дядюшка Сергей Николаевич называет это даже кощунством над трудом, ну и хочу ему показать, что хоть это для меня и забава, а работать я могу не хуже его и других.

Признаюсь, как утренний его разговор со мною, так и теперешний был для меня неожиданностью.

23 июня. Сегодня наши со Л. Н. во главе отправились косить рано — в половине пятого. Потом вернулись и после кофе отправились опять. Явились к завтраку. Лев Николаевич ел одну только тюрю.

Днем я ходил гулять в лес и гулял до обеда, хотя и был дождь.

В середине обеда (Л. Н. не было, он не приходил с покоса) пришел Илюша и шепнул мне, что в той артели, где нынче косит Сережа, купили четверть и задали выпивку — Илюша, вероятно, и сам принял в ней участие. Отец не знает.

Вечером, после косьбы, пришли и Л. Н. и Сережа.

— Что ж вы к нам, Иван Михаычч, не приходили, где мы косим?— спросил Л. Н.

Я промолчал — мне было совестно идти к ним, когда они были все-таки за работой.

Лев Николаевич долго просматривал письма; какой-то американец прислал за перевод «Войны и мира» 1000 франков, кто-то прислал стихи, а Фрей — письмо из Лондона [173].

Потом он начал рассказывать о косьбе.

— Нынче в ведро, из которого мы пили квас, попал таракан. Мы пили, не замечая его. Увидал мужик таракана в ведре, стал вытаскивать, а Василий Михеев и говорит мужику: что ловить-то, глотай с ним, авось не больно велик!

— Поставил Файнерман к дереву косу, а она упала.— «Ишь,— сказал Василий Михеев, — с дождя-то, видно, ко сну клонит — задремала!» ⟨...⟩

На другой день, когда мы беседовали с Сережей, приходит Кузминский, начинает снова про жену Файнермана говорить, что Л. Н. с Файнерманом пошли ее чуть ли не уговаривать.— *А что уговаривать — надо накормить*, вот и все,— прибавил он. Осуждал Л. Н. и его теорию сумки: ему хорошо иметь возможность не прилагать к делу своих убеждений, его впрочем иначе и вообразить нельзя, и это очень хорошо, а Файнерман приложил их к делу, и вышла чепуха...

После этого Сережа мне сказал, что у них Орлов. Я побежал в залу. Там, оказалось, не он один, а еще и три его ученика, один из них восточный человек, черный, с черными блестящими глазами. Говорил больше он — глупо и неуклюже. Явился от Файнермана Л. Н., казалось, он был не очень доволен приездом гостей. Я впрочем скоро ушел спать.

25 (*среда*). Лев Николаевич вышел уже косить часов в девять, сыновья в пять.

За завтраком был разговор с m-me Seuron. Она путешествовала по всей Европе, была в Иерусалиме, Бейруте, доезжала до Третьего cascade по Нилу, прожила семь недель в Каире...

Орлов, оказалось, ходил сегодня тоже на покос, ворошил сено палкой. После завтрака стал собираться дождик, явился Л. Н.

— Вот беда-то, Иван Михалыч! — сказал он мне.

— Дождик-то? Это ничего: сено черно, зато каша бела!

— Да, это правда.

И он заговорил, продолжая, вероятно, разговор с Орловым, о скептиках; скептик похож на вертящийся волчок, который до тех пор только и вертится, пока его подгоняют кнутиком,— сравнение, взятое им из Киркегора, из статьи «Афоризмы эстетика» *.

— Ужасно это верно и остроумно! — заметил он, как будто посматривая на меня.

Ученик Орлова, черный восточный человек, приехал изучить кустарную промышленность в России с тем, чтобы завести ее на Кавказе. Лев Николаевич выразил ему неодобрение.

— У всех этих кавказцев на первом плане всегда только внешность — кинжал с серебряной насечкой, шашка... Так и в этих делах, музей и т. д. — одна внешность.

Я заметил, что что же вводить кустарный промысел на Кавказе, там и свой есть. Лев Николаевич подтвердил. Да и как такие вещи вводить? Я помню в Сапожковском уезде стали делать молотилки, потом стали в Епифанском и других уездах. Явились формы, как с ними обращаться, как их продавать... Он купит молотилку, ездит по уезду, молотит ею, а потом какому-нибудь хозяину продаст... Все это органически тесно между собою связано... А музей кустарный — из него ничего не выходит, и вводить ничего нельзя.

Мы вышли на крыльцо. Лев Николаевич взял свои грабли, вскинул их на плечо, и мы вчетвером пошли на покос. Мужики еще не отдыхали; бабы в ярких красных платках и платьях сидели под деревом. Один из мужиков начал говорить Л. Н., что он ему что-то проспорил... Бабы взялись за грабли; дали грабли и Орлову. Мужик стал расставлять баб,

---

* «Вестник Европы», 1886, май.— *Прим. И. М. Ивакина.*

где начинать грести... Я один оказался без дела, мне стало неловко, и я ушел.

Пришел я домой и стал читать Данилевского. Орлов наработал немного,— смотрю, через несколько времени он уж и идет. Мы было пошли с ним гулять, но загремел гром, и он, не слушая моих уверений, что гроза скоро перестанет, опрометью бросился домой.

Вечером ко Л. Н. был неожиданный визит — явился из Москвы техник, чтобы, повидавшись с ним, решить некоторые вопросы и сомнения [174]. Был и восточный человек, и мы с Файнерманом. Все вышли на балкон у кабинета... Техник толковал о Михайловском и других пустяках. Льву Николаевичу было скучно; я тоже на время отошел... Когда я подошел снова, Л. Н. рассказывал о знакомом мне по его прежним рассказам Балте [175]; как раз мирные черкесы преследовали немирных в виду пушки, которая была в ведении брата Л. Н. Немирные ускакали далеко, а мирные были на расстоянии пушечного выстрела.— «Балта и стал просить брата: ах, выстрели пожалуйста (по мирным, т. е. по нашим) только для того, чтобы когда приедет домой, рассказывать, как убили людей из пушки... Смерть человека для него была решительно ничего...»

Заговорил восточный человек; я снова отошел. Кажется, разговор в это время коснулся жгучего для Ясной Поляны вопроса об отношениях жены и мужа. По крайней мере Л. Н., когда я подошел, сравнивал жену с дровами: в ком есть искра, тот может эти дрова зажечь или по крайней мере высушить... Файнерман с своей стороны заявил, что всякий должен исполнять волю божию, а воля божия в том, чтобы распространять род человеческий 〈...〉

Беседа эта была в некотором роде прощальная, подали лошадь, и трое учеников Орлова сели ехать на Козловку.

Мы ушли пить чай. Явился техник, и разговорились про образование. Лев Николаевич сказал, что образование не зависит от места. Много есть людей, которые учились и в Геттингене и везде, но и тот, кто всю жизнь прожил где-нибудь в Телятинках, не хуже их. Один имел общение с профессорами — глупыми и умными; другой с соседями — глупыми и умными, видел природу — словом, это одно и то же. Думать, что умственное развитие получишь где-нибудь там-то и там-то, это то же, что думать что религиозное настроение можно получить только в церкви. Это большое заблуждение. Он привел в пример Епишку, которого вывел в «Казаках» под именем Ерошки, и назвал его образованным человеком: он знал, как живут кабаны и фазаны, знал всю окружающую природу.

— Если определить его точнее, то его можно назвать пантеистом: природа была для него чем-то живым. Он был большого ума и образования человек.

Мы вышли с Орловым в сад, ходили и сидели в темных аллеях, прошли на дорогу к пруду, потом на луг, куда выгоняют деревенское стадо. Возвращаясь, смотрим, техник идет на Козловку. Было темно, стало накрапывать. Почуя дождь, Орлов бегом бросился домой. Мы поговорили с техником, я пригласил его к себе в Москву, немного его проводил. Я прямо ему сказал, что в Ясной Поляне сами плохо знают, как жить, и напрасно приходят в нее люди с вопросом, как жить. Дождь стал сильнее; я немного измок...

26 июня. Я еще не встал, смотрю, идет Орлов. В главной аллее, слышим, стук экипажа — это приехала графиня, уладив свои издательские дела, и везла новую англичанку; с ней приехал и Ге-сын *.

* Графиня на некоторое время уезжала в Москву главным образом для того, чтобы начать новое издание сочинений Льва Николаевича вроде 〈изданий〉 Стасюлевича, которое должно было стоить рублей 7 р. 50—9. — *Прим. И. М. Ивакина.*

Орлов не потерял охоты работать. Он без околичностей взял Лелину косу, вскинул ее на плечо и — странно было смотреть на него в сюртуке и брюках — отправился косить. Я повел его к Воронке, в артель, где косил Сережа. Подходим — косцы спят под тенью молодой, кудрявой березы. Первым проснулся мужик, увидав нас, стал и других будить. Стали подниматься другие, спросонков сердито взглядывая по сторонам. Пошли на места. Начал передний мужик, прокосив плешь, подвинулся вперед, за ним начал другой, третий... Последним пошел Орлов...

Он и на этот раз не работал много. Не успел я чем-то заняться, он постучался. Мы пошли туда, где косил Л. Н. с Ге. Они кончили и готовились идти завтракать.

— Что же вы вчера ушли от нас? — спросил меня Л. Н.

Я отвечал, что захотелось погулять с Орловым по саду, скучно стало слушать разговор их с техником, а потом, встретив его, когда он шел на станцию, немного его проводил...

— Вам скучно слушать,— сказал он,— а мне-то каково?

После завтрака Орлов не пошел косить. Мы с ним пересматривали письма ко Л. Н. Каких-каких только нет! И хвалебные, и просительные, и такие, где авторы просят разрешить сомнения. Какой-то Ковнер из Сибири пишет, что когда-то занимался литературой, похитил из банка 168 тысяч, о мотивах похищения знает Ф. М. Достоевский, что он обладает талантом — может, например, играть в шахматы,— нельзя ли перебраться в Ясную Поляну [176]. Собрание писем Достоевского было тут же в кабинете. Я справился — о мотивах ни слова...

После обеда мы отправились с Орловым гулять в Ясенки, зашли в трактир выпить пива. Ко мне подходит трактирщик и спрашивает:

— Что так давно не были у нас?

Я, признаться, удивился, что он меня знает, потому что мне и прежде бывать в Ясенках приходилось редко, и я отвечал, что в Ясной Поляне не жил, жил в Москве.

Он заговорил про толстовские издания: прошлый год он читал три книжки, а теперь книжек у него нет, должно быть, новых не вышло. Я спросил, видают ли они здесь Льва Николаевича.

— Теперь, когда в поле работа, не видать, а по весне проходил часто,— отвечал трактирщик,— тут он у нас брал овес мужикам, поручился: коли они не заплатят, так он свои отдаст. Рублей на сто взяли.

Мы расплатились и стали было прощаться, как вдруг он спросил:

— А Исаак где?

— Разве вы его знаете? — спрашиваю.

— Как же не знать?

Я спросил, любят ли его здешние мужики.

— Нет, и священники очень жалуются, что смущает народ. Нет, не любят.

— Но говорят, что ему помогают, кто принесет яиц, кто молока...

— За что ему помогать-то?

— Он другим помогает — помогают и ему.

— Хорошо ему жить за графской-то шеей, он поди-ка вон на Городню * помогать... небось!..

Вечером за чаем заговорили мы с Ге о косьбе.

— Для меня косить — то же, что ездить верхом,— сказал я.

Ге начал оспаривать. В это время проходит Л. Н. и, как после говорил мне Орлов, услыхав мои слова, с болью на меня оглянулся.

---

* Деревня недалеко от Ясной Поляны, очень бедная.— *Прим. И. М. Ивакина.*

27 июня. Утром мы встретили Л. Н. на крыльце с мужиками и Файнерманом. Он холодно и как будто нехотя поздоровался со мной и с Орловым.

Ходили с Орловым гулять. Он рассказывал, как устраивалась сибиряковская община на Кавказе. Сибиряков [177] предложил устроить ее там

Н. Н. ГЕ ЧИТАЕТ СВОИ ЗАПИСКИ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК» Л. Я. ГУРЕВИЧ

Рисунок Л. О. Пастернака, 1894 г.

Подарен художником Толстому в день его восьмидесятилетия. Внизу дарственная надпись: «Дорогому Льву Николаевичу от любящего его Л. Пастернака. 1908 г. Авг. 28-го. Москва»

Музей Толстого, Москва

где у него несколько тысяч десятин земли — в Самаре и на Кавказе. Как на специалиста в этом отношении Толстой указал на Орлова, который и стал настаивать, чтобы поселенцы выкупили землю. Пошли интриги, недоверие... Поставлено было поселенцам условие — иметь семью. Кто решался ехать без всяких условий, и у тех будто бы бывали минуты сомнения, и те иногда говорили: «вот она, Христова-то вера!». И Сибиряков и Орлов, по его словам, были тут вне всего, действовали только в интересах дела, а Озмидов — с личным интересом, Толстой — иногда с неприятным недоверием.

Мы вернулись. Орлов засел в кабинете и стал перебирать и перечитывать письма ко Л. Н. Мне было скучно смотреть на это, я ушел в лес и решил непременно уехать сегодня в ночь. Гулял я с час, возвращаюсь, смотрю, Орлов по-прежнему сидит в кабинете и перечитывает письма... До обеда было еще долго, я позвал его в сад.

Орлов начал говорить, что косить так, как косит Л. Н., значит убивать себя, оттого-то он и стал такой черный, истощенный; это вместо дела значит выдумывать себе дело, чтобы заглушить внутренние страдания, в чем сознается и сам он: «когда работаешь, все забываешь!». «И потом, как они косят? Плешинами. Начал я грести вчера, гляжу — в одном месте не выкошено, в другом,— говорю Л. Н.: „Что же это?" — „Да,— отвечает он,— это оттого, что плохо косят"... Да еще там мужик один — явно льстит ему: в древние времена были пророки и святые, и вам бы, Лев Николаевич, за ваше милосердие...». «Мне стало совестно,— продолжал Орлов, — я отвернулся... Надо ему сказать, чтобы он перестал...»

Орлов вчера косил со Л. Н., но его стало только часа на три по непривычке да и по духу, вероятно, который царит в этой артели. Нынче он не пошел.

Обедали мы только с гувернантками: графиня была не знаю где, а Л. Н. на покосе. M-me Seuron нам сказала, что ее Альсид косит в той артели, где и Сережа, там хорошо: мужики веселы, бабы красивые, а в другой — там царит святость.

— Впрочем бог знает, кто будет на небе! — прибавила она.

После мне Орлов сказал, что ей, как и нам, очевидно, что-то не по себе, что-то ее давит. Не знаю, право, по себе ей или не по себе, но как ни хороша Ясная Поляна, как ни зелена, как ни тениста, а уезжать пора. Этот пенитенциарный дух становится тяжел и мне, человеку чужому, и я поневоле соглашаюсь с Сережей, который мечтает завестись своим домком. Мы с Орловым окончательно решили сегодня уехать.

Лев Николаевич вернулся к вечернему чаю уже поздно. Он стал рассказывать, что сегодня в Телятинках он нашел подтверждение своим мыслям, что работы везде сколько угодно, что на безработицу жалуются не по нужде, а по жадности. Человек, получавший сто рублей, не пойдет на какую-нибудь работу и будет жаловаться, что нет работы.

— В Телятинках мне надо было поводить лошадь. Я спросил, нет ли кого. Вышло два здоровых мужика — в такую-то рабочую пору они сидят дома и сидят по лени! Они слывут здесь ворами — да, коли будешь сидеть дома в рабочее время, то, разумеется, придется украсть лошадь или корову!

Около дороги Л. Н. встретил мальчик с симпатичной физиономией, худой, лет одиннадцати, просил дать еще книжек — у него было три, да он прочитал их... Встретился мужик из Телятинков, жаловался на нового управляющего... В это время на лошади в красной феске появился человек.

— Я не могу сказать, какую вдруг почувствовал я к нему неприязненность, но я преодолел себя; он слез с лошади, и мы разговорились. Он проводил меня до деревни и рассказал, как он несчастлив с женой, которая теперь уехала к отцу Амвросию [178]. Я спросил, в чем же его несчастие — он стал говорить о недостатках своей жены, и оказалось, что недостатки эти — те самые, какие я вижу и в своей жене, и в Татьяне Андреевне, и в Файнермане — жалуется, что нет средств и т. д. «Ну, коли только это,— говорю ему я,— так все уладится, и не надо тут отца Амвросия». Вся бедность, нищета мужиков происходит главным образом от недостатка единения, взаимной помощи. Правда, что десять процентов придется

здесь на долю угнетения правительства, десять на водку, десять на попов, но семьдесят — на долю недостатка в помощи друг другу.

Сегодня какой-то мужик в Ясной Поляне городил изгородь от скотины, но не догородил всего, оставил часть, принадлежащую брату,— от этого пропадает и земля, потому что от изгороди при пахоте надо будет отступать по аршину по крайней мере с обеих сторон. Лев Николаевич сказал ему про это, принялся с ним городить сам, пришел и брат мужика и кто-то еще, и загородили все, как следует.

— Стоит только дать толчок, и все будет как следует,— прибавил Л. Н. 〈...〉

Скоро мы с Орловым ушли в павильон, а немного погодя пришел и Л. Н. Он с упреком сказал Орлову, что мы как будто его избегаем (Сережа и прежде сказал мне, что папенька говорит, будто мы избегаем его и ходим все вместе, точно заговорщики), что он хотел что-то сказать. Сказать было, должно быть, нечего, он помолчал, помолчал и только попросил Орлова передать ученикам, чтобы они на теперешнее поселение на Кавказе смотрели не на как постоянное, но как на переходную ступень... Переходную к чему, он не сказал, но мне подумалось — к сумке и нищете... О Василии Ивановиче, на которого мы с Орловым указывали для поселения, Л. Н. сказал, что он едва ли годится... Говорить стало больше не о чем, было неловко. Лев Николаевич поднялся.— «Ну, если едете, так прощайте; если остаетесь — то до завтра!» Мы сказали, что едем. Он поцеловался с Орловым, потом со мною и ушел. Скоро и мы ушли из Ясной Поляны 〈...〉

В декабре — я этого совершенно не ожидал — пришел ко мне раз вечером Л. Н. Толстой.

— Что поделываете? — спросил он меня, — от Орлова я слышал, что вы занимаетесь Эпиктетом, Марком Аврелием...

Я отвечал, что Марком Аврелием, действительно, занимаюсь, перевел около десяти книг [179].

— Ну, а язык у вас какой? Надо, чтобы его понимал и мужик.

— Язык бывает только тогда, когда все отделано, а теперь языка нет, —отвечал я и спросил, где теперь Орлов.

— Он в Москве, на Кавказ было поехал, но вернулся... У него тот недостаток, что он уж слишком занят копаньем в себе... Поехал, потом стал думать, зачем ехать, когда можно быть полезным и тут, и вернулся, теперь он здесь... В марте все-таки думает опять уехать.

— А у Василия Ивановича,— продолжал он,— все несчастья — перемерли дети, девочки; очень он этим огорчен. Я недавно писал ему, хочу нынче опять писать... [180] Сибиряков — он до смешного мне верит, или старается верить во все, во что я верю, и далее не идет — как-то слышал от меня, что Василий Иванович — хороший человек, ухватился за него и теперь предлагает ему место учителя у себя в Самаре — один предмет 300 рублей, два предмета 600 рублей и, кроме того, еще 10 десятин земли — условия идеальные!

Я заметил, что мы с Орловым еще летом про это же говорили, но что сам он, Л. Н., был против...

— Неужели? Когда же это, совсем не помню!.. 〈...〉

Он упомянул, не помню почему, что слышал от Грота [181] о товарище моем Гилярове [182], что теперь философов много, и они хотят издавать журнал.

Я сказал, что знаю многих из них, только какой же может выйти журнал? Философы эти так различны, выйдет разве сборник.

— Они и хотят издавать сборник, где бы помещались переводы лучших философских произведений прошлого времени, чего ж лучше? Но при этом хотят издавать и журнал... Сборник я им советовал издавать, а

журнал нет! Какой же это в самом деле будет журнал, если все будут идти кто в лес, кто по дрова?.. Мне это напоминает анекдот моего знакомого Жемчужникова [183], которому принесли раз суп, а в супе волосы. Он посмотрел и говорит: «Я люблю, чтобы мне подавали суп отдельно, а волосы тоже отдельно!»

— А здесь, кроме волос, сколько еще другого подадут с супом! — заметил и я.

И он заговорил, что и в нашей и в западноевропейской науке главный недостаток — условность языка. Как настроено, в каком диапазоне, так оно и идет: настроено все хорошо, в правдивом диапазоне, все хорошо и идет; настроено фальшиво, все так фальшиво и пойдет. Ученые книги пишутся именно фальшиво, в фальшивом диапазоне: нельзя прочесть двух страниц без того, чтобы не спросить, что автор разумеет под тем-то и под тем-то.

Он опять спросил, что́ я поделываю. Я отвечал, что почитываю его знакомых — Хомякова и Аксакова. Он не одобрил славянофилов, сказал, что Достоевский под конец выше всего начал ставить народ и христианским считать только то, что было русское; привел место, кажется из Кольриджа, что тот, кто истину ставит ниже народности, тот кончит тем, что поставит свое мнение выше всего [184].

«Что мне не нравится во всех славянофилах — это церковность. Они все заражены ею!..»

«Сытин и другие издатели хотят теперь издавать книги получше — „Милорда", „Пана Твардовского" [185], „Арифметику" Меморского [186], например,— говорил мне он далее и, по-видимому, неспроста.— Надо работать для людей. Кто может, отчего ж тут не позаняться? Эти книжки изданы бог знает как... Исправить орфографические ошибки, поправить явную нелепицу — и то хорошо. Кто может, пусть идет дальше: может поправить не только нелепицу, но изменить к лучшему и содержание. Я ищу теперь таких людей, нет ли у вас? А то, например, „Арифметика" Меморского теперь так печатается, что по ней учиться нельзя!»

Я обещал посодействовать, но спросил и его, отчего бы ему не написать что-нибудь для театра.

— Я вчера был в «Скоморохе» — чушь и дребедень давалась ужасная!..

— А я как раз тут-то теперь и работаю,— отвечал он, усмехаясь,— поправляю теперь корректуры [187]. Вчера случайно сошлись у меня Юрьев и Стороженко [188], я им читал — плакали, рыдали — вот как! А вы думаете, я буду зевать?

— Что же это такое?

— Драма «Коготок увяз — всей птичке пропасть». Вышло — это смешно сказать — удивительно хорошо! Юрьев относился крайне строго, но и ему понравилось.

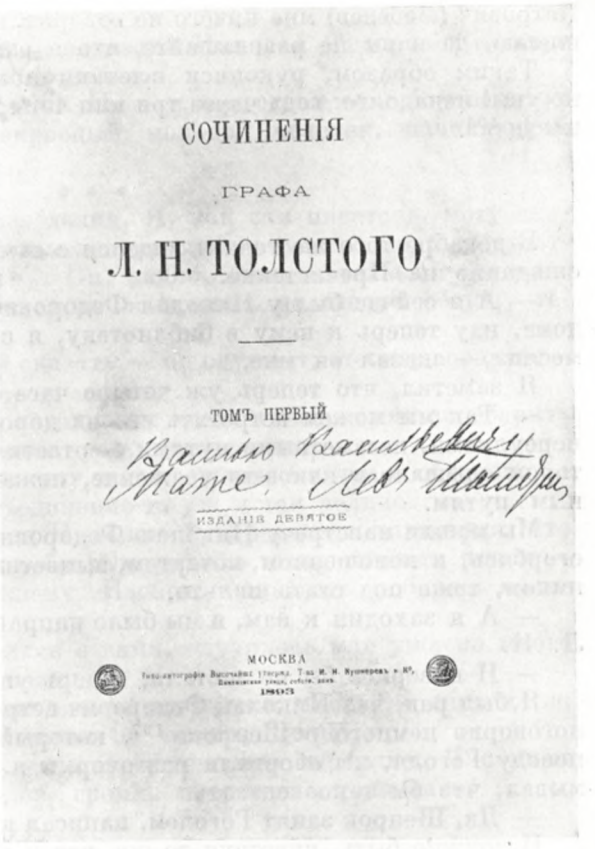
— Что ж, она пойдет на театре?

— Непременно, жду с часу на час Лентовского [189]. В цензурном отношении затруднений не предвижу — ничего такого нет, из крестьянского быта, прелюбодеяние... [190]. Обыкновенно думают, что эпические писатели не могут писать драм, а вышло удивительно хорошо!

Он встал, чтобы идти домой, потому что его ждал обед — было уж более пяти часов. Ко мне он зашел от Николая Федоровича, к которому заносил книгу Билля о Будде [191], но не застал его дома...

— Любопытно бы знать, где он бывает,— сказал мне Л. Н.,— не у девок же! А если не у девок, то где же именно?

Я отвечал, что спрашивать его об этом я никогда не смел, и упомянул о рукописях. Оказалось, что Софья Андреевна в Москву их не привезла.


СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТОГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Василью Васильевичу Мате. Лев Толстой

ИЗДАНІЕ ДЕВЯТОЕ

МОСКВА

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОЛСТОГО НА ПЕРВОЙ ТОМЕ ЕГО «СОЧИНЕНИЙ», (М., 1893):

«Василью Васильевичу Мате. Лев Толстой»

Архив Толстого, Москва

— Надо это дело сделать, нам надо вместе подействовать на Софью Андреевну. Сережа теперь в Ясной Поляне, надо что-нибудь сделать!

Я просил написать, чтобы привезли. Он обещал.

⟨*1887*⟩

В сентябре 1887 г. графиня Софья Андреевна приезжала в Москву. В одно из воскресений, когда я пришел в библиотеку, Николай Федорович мне сказал, что рукописи Толстого в библиотеке, привезла сама графиня [192]. Но с ними, оказалось, было не без хлопот. В письме к директору (Дашкову) [193] она назвала его *милостивый государь*, а не *ваше превосходительство*; кроме того, Катков еще при жизни писал, зачем взяли в Петербургскую библиотеку рукопись его Евангелия [194] (хотя писал и вопреки закону, ибо библиотека цензуре не подчинена, в ней все без урезок и вымарок), так директор-то еще и боится взять, не будет, пожалуй, наград. «Когда отдаешь что в учреждение, надо все-таки помнить, что с его стороны встретятся непременно затруднения для принятия, ибо каждый начальник до известной степени враг того учреждения, где служит. У нас директор придает значение только тому, что приносит непосредственную денежную пользу, и больше он ни о чем не думает. „Вот, кабы рукописи Михаила Никифоровича [195], — мы бы взяли“,— говорит он,— и нельзя его очень-то и винить: надо ж ведь и графине знать, с кем имеет дело, к чему ж оскорблять?.. Впрочем, это мои предположения: Дмитрий

Петрович (Лебедев) мне ничего не говорит, что-то от меня таит, я не спрашиваю, да и вы не разглашайте, что я вам сказал...»

Таким образом, рукописи все-таки попали в Румянцевский музей, но увы! ненадолго: года через три или четыре графиня взяла их почему-то назад [196].

* * *

В декабре того же года я виделся с самим Толстым, встретил его неожиданно на Пречистенке.

— А я сейчас был у Николая Федоровича, заходил к нему, не застал дома, иду теперь к нему в библиотеку, я с ним не видался уже с марта месяца,— сказал он мне.

Я заметил, что теперь уж четыре часа, библиотека заперта.

— Так мы можем встретить его на дороге: он пойдет где-нибудь тут, переулками, незаметными путями,— ответил на это Л. Н. голосом, в котором слышалось какое-то уважение, пожалуй, зависть к этим незаметным путям.

Мы пошли навстречу Николаю Федоровичу — смотрим, он и сам идет, сгорбясь, в поношенном, потертом, выцветшем пальто с бобровым воротником, тоже под стать пальто.

— А я заходил к вам, и мы было направились в библиотеку,— начал Л. Н.

— И наверное бы не застали; теперь уж поздно...

Я был рад, что Николай Федорович встретился так скоро, потому что, поговорив немного о Шенроке [197], который был у Толстого недавно по поводу Гоголя, мы оборвали разговор, и я, чувствуя неловкость, придумывал, что бы такое сказать.

— Да, Шенрок занят Гоголем, написал книгу о нем, и очень хорошо...

И должно быть, чувствуя то же, что и я, Л. Н. заговорил о том, что Гоголь забытый писатель.

Я рад видеть Л. Н., люблю его, расположен и он ко мне, но странно — встретишься с ним, перекинешься пятью, шестью фразами и чувствуешь, что говорить больше нечего, делается как-то неловко. Странно, что бывает это постоянно, что неловкость и недостаток разговорного материала чувствую не только я, но и он...

— Пойдемте назад, мне можно к вам? — спросил он Николая Федоровича, видя, что тот встретил его как будто без особого удовольствия.— Может быть, вы утомились, вам надо отдохнуть? — говорил несколько упавшим голосом, точно влюбленный, ожидающий ответа.

— Нет, отчего же, ничего...

И мы пошли все назад.

— Ну теперь вы здоровы? — сказал Николай Федорович,— мы слышали, что вы были больны...

— Этого я не признаю; было то, чему быть должно.

— Болезнь быть не должна,— строго ответил Николай Федорович.

— А я все хотел зайти к вам в библиотеку, да все некогда. Есть у меня много книг, мне присылают, все хочу отдать вам в библиотеку. Есть один интересный писатель — итальянец (он назвал фамилию), написавший очень хорошую книгу «Conossenza e progresso» *, есть она у вас?

— Надо справиться...

— Вы читаете по-итальянски, Иван Михалыч? — спросил меня Толстой.

---

* «Знание и прогресс» (итал.).

— Стал читать неожиданно...

— Да,— с какой-то радостью подхватил Николай Федорович,— взял книгу и стал читать, а прежде не читал...

— Так же, как и я,— сказал Л. Н.,— я вам отдам ее... А у вас был мой знакомый Леман [198], прекрасный молодой человек, начинающий литератор...

— Да, был.

— Он читал мне свои произведения. Я, как сам писатель, могу сказать, что в них есть отрицательные достоинства — чувство меры, отсутствие всего ложного, фальшивого... Он, видно, самостоятельный человек, стремится сам собою доработаться до воззрений, не следуя общему течению...

— Ну про него этого нельзя сказать — он слушает, что ему говорят,— заметил Николай Федорович.

— Да, как умный человек, он слушает всех, чтобы потом переварить в себе. Он очень серьезно занят воздухоплаванием.

Николай Федорович сказал, что все это клонится не к общению, а к разъединению людей. А разъединение-то уж и так велико.

Толстой внезапно впал в тон Николая Федоровича и заговорил, что вот изобрели порох, и все будто бы думали, что теперь войнам конец — ан, ничего, все стало по-прежнему. Изобрели динамит, роборит, мелинит, и тоже ничего!

— С тех пор, как мы виделись с вами, случилось или ужасно много или не случилось ничего,— сказал Л. Н.

— Что же именно случилось, если случилось много? — спросил я.

— Так, ужасно много,— ответил он неопределенно.

Мы дошли Остоженкой до угла Зачатьевского переулка. Я с ними простился, а они пошли дальше, громко продолжая толковать.

* * *

— Ну, что, как вы вчера с Толстым? — спросил я Николая Федоровича на другой день.

— Да сначала было трудно, а потом разговорились — ничего! Мы долго ходили после вас: он меня провожал, потом я его провожал, потом он опять меня... Домой я так уж и не заходил — мне нужно было в одно место. Толковали и ничего, размолвки не было: уступчив он был удивительно! Конечно, если б мы походили подольше, то вышли бы и размолвки,— прибавил он с улыбкой.

— А вы вчера встретили его холодно.

— Это правда, встретил его холодно, но расстались хорошо. Он приглашал к себе.

— Вы сходите.

— Да, надо будет... ⟨...⟩

⟨1888⟩

Дня через два я пришел в Публичную библиотеку [199]. Занимался я тогда иностранцами, писавшими о России, и кого-то из них читал. Вдруг слышу знакомый голос, оглядываюсь — Толстой!

Он довольно холодно, как мне показалось, поздоровался со мной. Я подумал, не расспрашивал ли его и вправду Василий Иванович о той свадьбе, где он был посаженым отцом. Может быть так, а может быть, мне только показалось.

О Василии Ивановиче Толстой мне сказал, что он был у него вчера, а сегодня уехал по делам училища в Петербург.

— Орлов поразил меня, Лев Николаевич,— сказал я.— Как же? поехал на дело, поехал, по-видимому, с таким увлечением, так много мне говорил о будущей своей деятельности, а приехал и — запил!

— Да, слышал и я, но все это из третьих рук...

Он спросил письмо Белинского к Гоголю [200], взял его с собою и сейчас же ушел, но перед уходом сказал Николаю Федоровичу:

— Что ж вы ко мне-то? И Иван Михайлович тоже? Вот бы вы вместе как-нибудь...

— Уж мы как-нибудь вместе: я буду действовать на Николая Федоровича,— ответил я.

После его ухода мне что-то жалко стало его.

— Он как будто не в себе, нездоров и расстроен,— сказал я Николаю Федоровичу и спросил, когда ж мы пойдем к нему.

Николай Федорович наотрез отказался.

— Ах, я и забыл — что бы мне попросить у него для нас тринадцатый-то том!— [201] спохватился он,— ведь он сам должен был бы принести, а вот не догадался! Мы все для него делаем, что можем, а ему как будто все равно... ⟨...⟩

⟨1889⟩

В 1889 г. по поводу университетского «праздника Татьяны» Толстой напечатал статью, где отзывался неблагосклонно о дебоше и пьянстве в этот день [202].

Я был в Эрмитаже собственно с целью посмотреть, какое действие произвела статья. Прихожу — все тихо, степенно, народу мало, шуму мало, пьяных нет.

— А нынче куда тише, и народу не столько, как прежде,— говорит какой-то господин другому.

— Подействовала статья: хотят разойтись, ан и не выходит. Как палка в спицах колеса, не дает ходу.

Я подумал это и сам. Смотрю, за одним из столов сидит с компанией мой товарищ Долгов, машет к себе, сует листок.

—Вот, смотрите-ка: отповедь Толстому!

Я прочел на листке:

Целый век мы так прожили,
Что в Татьянин день кутили
Калина
Малина и. т. д.

Прочел и неосторожно сказал, что стихи кажутся мне пошлы. Оказалось, что стихи эти самого Долгова, но он — благодушный человек — не обратил на мои слова внимания.

Подошел Якуб-акушер, тоже товарищ, боже, как мы разошлись! У Долгова, очевидно, было больше общего с его новыми знакомыми, чем со мною; Якуб прильнул ко мне только потому, что другого, более подходящего человека, не было. Считая, кого нет, мы не досчитались двоих — умерли. Перебирая, с кем мы кончили курс, позабыли точное число товарищей...

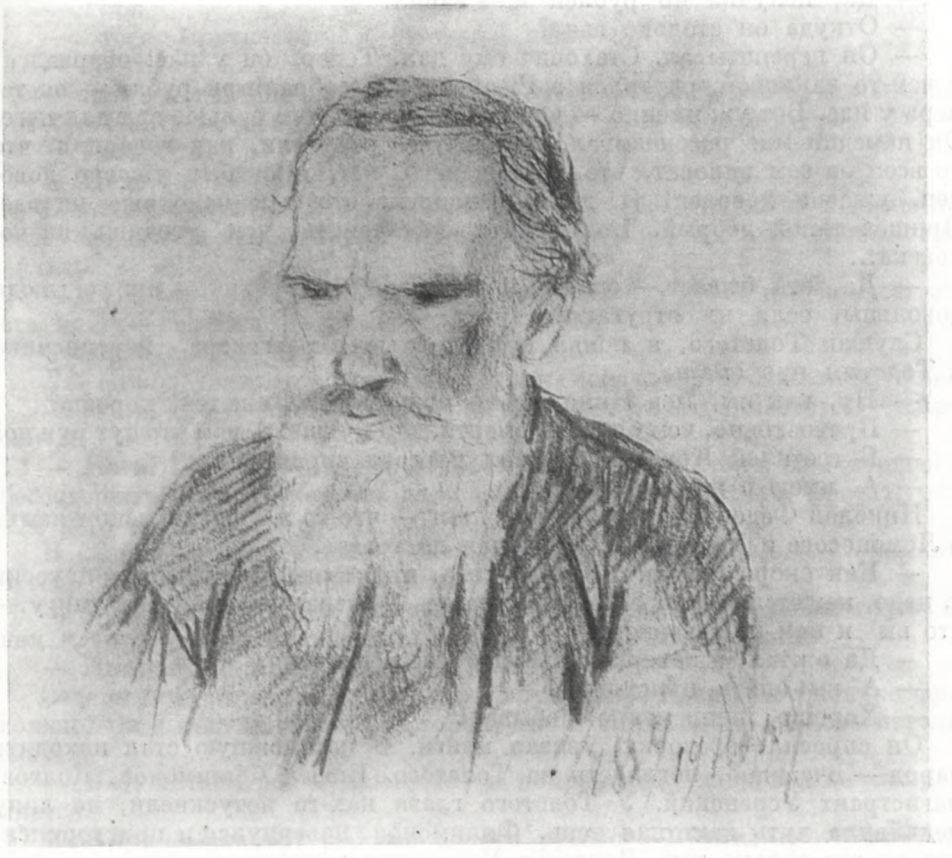
Становилось однако людней, шумней, пьяней. Послышалось «Gaudeamus», песни, топот пляски. Появился на столе седоволосый Кожевников [203], благодарил за честь, выражал благие пожелания и надежды. Словом, под конец пошло все по-прежнему... Мне стало скучно потому, что я увидел, что статья имела действие самое незаметное.

На другой день приходит ко мне толстовский переписчик Александр Петрович. Оказывается, вчера, когда я был в Эрмитаже, у Толстых был Фет — было угощение, омары...

— Вы вот только студентам запрещаете праздновать да есть омары,— сказал будто бы переписчик Толстому, с которым у него были своеобразные отношения,— а если у вас самих едят омары — так это ничего!

Толстой будто бы покраснел, стал ссылаться на семью.

Вчера будто бы разнесся слух, что студенты хотят явиться к Толстому, устроить что-то вроде враждебной демонстрации. Всполошилась



ТОЛСТОЙ
Рисунок Т. Л. Толстой, 1889 г.
Музей Толстого, Москва

полиция, поставила городовых... Толстой, к его чести, отнесся будто бы к этому недоверчиво, слегка, а сестра его Марья Николаевна испугалась и поспешила убраться восвояси [204]. На другой день Толстой получил два письма, в одном говорилось, что студенты пьют за прежнего Толстого, в другом, анонимном и открытом, грубо заявлялось: ты думаешь, что только ты один нашел истину и т. д.

* * *

Раз я иду из гимназии и встречаю близ театра Корелина. Он спросил, бываю ли я в Публичной библиотеке и не могу ли справиться, нет ли там двух нужных ему итальянских книг.

Я обещал. Захожу — Николай Федорович, по обыкновению, роется в карточках. Я сказал об итальянских книгах.

— А знаете, кто здесь? — спросил он.

— Кто?

— Толстой. Он сейчас отсюда вышел, скоро вернется.

Он действительно скоро пришел. Увидав меня, видимо обрадовался и сейчас же заговорил.

— А вы знаете — Александр Петрович...

— Запил?

— Да, получил 40 рублей и — запил.

— Откуда он столько взял?

— Он переписывал. Стахович ему дал. Теперь он у нас: оборвался, в чем-то нанковом, очутился в Ржановке. Я собрал три рубля — он теперь у нас. Вот уж именно — чем больше денег, тем больше зла для него. Он намедни мне рассказывал, как вы его отругали, как говорили, что во всем он сам виноват, что дела у него нет, и он был ужасно доволен, ужасно доволен! Я даже удивился: это так непохоже на вас. Пришел такой добрый. Вот подите, как узнать, чем угодишь на человека...

— Да, это бывает,— сказал и Николай Федорович,— иногда люди довольны, если их отругают.

Слушая Толстого, я понял суть и смысл разговора переписчика с Толстым про омары.

— Ну, как вы, Лев Николаевич, поживаете? Кажется, хорошо?

— Превосходно, чем ближе к смерти, тем лучше. А вам что тут нужно?

— Встретился Корелин, просил навести справку.

— А, имею о нем понятие...

Николай Федорович принес ему книг — что-то на французском языке о Ломоносове и Державине. Он начал листовать.

— Как скоро доходит дело до того, чтобы изобразить по-французски ч, надо, кажется, перебрать весь алфавит,— сказал он, смотря в книгу,— что вы к нам не завернете?

— Да отстал, а теперь как будто уж и неловко.

— А вы опять пристаньте!

— Хорошо, непременно побываю.

Он спросил веревочку, увязал книги. В каталожную стал находить народ — очевидно, поглядеть на Толстого. Вошел Филимонов, Долгов, магистрант Успенский. У Толстого глаза как-то потускнели, по лицу мелькнула чуть заметная тень. Филимонов повернулся и притворился, что он это только так, Долгов с Успенским затихли в уголке.

— Так вы, надеюсь, придете.

— Приду, Лев Николаевич, непременно. А я Лелю вашего видел — какой он большой стал!

— Да, славный малый выходит. А Илья, вы знаете,— отец [205].

— Знаю, и поздравляю вас. Знаю, что и Сережа в Петербурге...

— Да, к сожалению, в Петербурге. У него тот недостаток (и глаза его стали снова тускнеть), что он существующий порядок признает хорошим, правильным. В Петербурге в этом утвердится больше, чем где-нибудь.

Я был рад, что увидал его добрым и свежим ⟨...⟩

* * *

⟨*16 марта 1889*⟩ — А, Иван Михалыч, как умно вы сделали, что пришли. Вот на ловца и зверь бежит! — говорил Толстой, встречая меня и, по-видимому, и в самом деле обрадовавшись.

У него сидели Озмидов [206], Львов [207] и какой-то студент и по английскому каталогу отбирали сто книг для чтения, «чтобы человек мог рассеять окружающий его мрак» [208]. Они отмечали, я слушал.

— Эпиктет,— читал студент.

— Это в первый отдел — книг учительных,— заметил Л. Н.

— Гораций.

— Этого не надо. А по-вашему, Иван Михалыч?

— По-моему тоже не надо,— сказал я, потому что был всегда совершенно равнодушен к Горацию.

— Шекспир.

— Этого я с удовольствием бы исключил, но нельзя...

— Гёте.

— Этого, признаться, я бы тоже исключил...

— Кант.

— Этого надо. Кто хочет достичь высшей философской точки зрения, тот без Канта не обойдется. Я бы прибавил еще Шопенгауера.

— Гольдсмит.

— Надо, непременно надо: это прелестно!

Лев Николаевич на секунду вышел. С его собеседниками, которые дотоле безмолвствовали, вдруг произошла метаморфоза: они точно осмелились.

— Ведь это такая каша в голове получится у того, кто прочтет эти сто книг,— заметил Львов.

Озмидов сказал что-то в этом роде.

Лев Николаевич вернулся. Собеседники снова затихли. Пошли пить чай.

— Ну, а из русских, Лев Николаевич, кого же вы поместите? — спросил я.

— Кого? Гоголь — больше некого! Тургенева не стоит: он совершенно бессодержателен... А вот мне дали читать нового писателя, просят, чтоб я в него вник.

В словах звучала какая-то неподражаемо-тонкая ирония. Новый писатель, о котором шла речь, был Чехов.

За чаем Л. Н. дал мне читать рассказ «Арина» [209] (он любил слушать, как я читаю вслух), но вскоре тихонько взял у меня книгу.

— Нет, что-то плохо!

Содержание рассказа для чтения вслух было, правда, несколько фривольно. Он с книгой отошел в сторону, но и читая один, немного погодя, сказал:

— Нет, читаю, все думаю, что он поправится, а он все не поправляется.

Мне припоминается рассказ одного русского музыкального критика о Дюбюке [210]. Дюбюк знал Шумана в бытность его в сороковых годах в Москве, но мы и глядеть на него не хотели, и я (Дюбюк) в том числе! Все мы занимались его женою [211] (она славилась как пианистка), а о нем никто и не думал, а игранные ею его сочинения никому не нравились... и тот же Дюбюк через 30 лет, играя Шумановы вещи, не мог удержаться от восторженных восклицаний: восхитительно, бесподобно, божественно!.. Шуман еще не признанный и Шуман признанный оказались величинами различными. Так важно было мнение толпы даже для знатока, каков был Дюбюк. То же видел я и в Толстом: признанный, оцененный толпою Чехов (увы!) и для него стал иным... [212]

Он принес тетрадь, где записаны члены Общества трезвости, заставил и меня записаться. Я записался, ничтоже сумняся, ибо не пью и так.

* * *

⟨12 апреля 1889⟩ Та старушка, которая спрашивала меня про Общество трезвости, все не унялась, хлопотала, была даже у самого Толстого. Мало того, когда ей пришлось увидеться со мною, она просила сходить и меня к Толстому, снова поговорить о ее деле.

Зная вперед, что ничего не выйдет, мне к Толстому крепко не хотелось идти, но я все-таки пошел.

Прихожу — он сидит в кабинете Татьяны Львовны с какой-то дамой.

— А, кого я вижу! Вот умно сделали, что пришли.

Он отрекомендовал меня даме, какой-то Ольге Алексеевне [213]. Я сказал, что пришел по делу.

— И наверное по какому-нибудь неприятному,— заметила Татьяна Львовна,— у вас и лицо такое неприятное!

Я сказал, что хотел бы получить брошюрок о пьянстве [214].

— Сколько хотите,— сказали и Л. Н. и дочь.— Ну, а еще что?

Я сказал, что с месяц назад у него была дама-старушка, просила о помощи, которую он ей обещал...

— А помню, помню!

— Вот она и просила меня побывать у вас, чтобы покончить с этим делом.

— Да, я много думал об этом. Как помочь? Сколько раз я ни просил, никто никогда мне ничего не делал. Все думают: он сочинитель, пришлет какого-нибудь дурака, что с ним делать? Да и что значит это *помочь*? Это значит, что человек нигде не годился и пришел просить: дайте по моим заслугам мне синекуру!

Я сказал, что если бы слова его относились ко мне, я бы вполне согласился, но ведь тут старики: больной муж да и старуха жена — та, которая к нему приходила.

— Стало быть, по всей вероятности, ничего не будет?

— Да, вероятно не будет.

Разговор переменился, мы перешли к пьянству. Я сказал, что в брошюрках есть преувеличение относительно вреда от спирта.

— Фаррар [215] рассказывает, что он был за умеренное употребление спиртных напитков и говорил речь,— сказал Л. Н.,— встает какой-то человек с хриплым голосом, с красным носом и произносит: «Молодец Фаррар, за нашего брата стоит!» Тогда Фаррар тут же сказал, что он переменяет мнение и стоит за полное неупотребление спиртных напитков.

Барыня упомянула что-то про характер, про то, что надо много сильной воли, чтобы от чего-нибудь отстать, например, от курения.

Лев Николаевич все поставил в зависимость — и справедливо — от внутреннего человека и перевел разговор на половую любовь.

— Представьте себе двух людей, которых одолевает плотская страсть к посторонней женщине. Один будет говорить всем: «спасите меня — если я буду рваться, оттащите, заприте меня!». А другой, напротив, будет молчать, чтобы втихомолку лучше успеть достигнуть цели, насладиться страстью. У одного, значит, взял верх нравственный принцип, у другого — страсть; один больше любит свою нравственную чистоту, а другой напротив.

И он с похвалой упомянул об американской секте шекеров [216], которые отвергают половые сношения.

— Ну, а не вредно это с медицинской точки зрения? — спросила барыня.

— Нет, не думаю. Чертков спрашивал об этом у одного знаменитого английского доктора. Тот сказал, что из ста случаев бывает один — от этого, а остальные 99 — от противоположного. Я из Америки получил книгу, называется она «Токология» [217], кому я ее отдал, дай бог память...

— Лев Николаевич,— с ужасом подхватила барыня,— как же вы отдаете такие книги!

— Написала ее женщина-доктор. Прекрасная книга, последнее слово науки, но главное — в ней вопрос взят с нравственной стороны. У жи-

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ «ПЕРВЫЙ ВИНОКУР», 1886 г.
Обложка с рисунком М. Малышева

вотных есть время для совокупления, а человек его не знает — в этом отношении он стало быть ниже животного! Я даже теперь пишу об этом [218]. Как вы, Иван Михалыч, благословляете? — пошутил он вернее всего потому, что ему стала надоедать барыня.

— Что же мне благословлять вас!

— Ах, что вы? — сказала барыня.— Пишите, Лев Николаевич!

— Я продолжаю эту мысль: жена, например, беременна, но муж...

— Но я думаю, что всякий порядочный муж себе не позволит,— перебила барыня.

— Нет, позволяют — и в период беременности, и когда жена родит и кормит ребенка. Я думаю, что от такого неудобоносимого бремени — кормить ребенка и быть любовницей — у нас являются крикуши (он так и сказал: крикуши).

— Ну, а между девицами кликуш не бывает? — спросил я.

— Нет... мало... это уж у них бывает заразное,— не без запинки ответил Л. Н.

— Если мало, значит бывает,— заметил я.

— И если где надо эмансипацию, так она должна быть вот где — не на курсах, а в спальне.

— Мне кажется, что в этом отношении женщина хуже мужчин,— сказала барыня,— мужчины, право, нравственнее.

— Да, пожалуй... Я был ужасно рад, прочитав американскую книгу: она открывает такую дальнюю перспективу нравственного совершенствования! Из дела столь огромной важности, как продолжение человеческого рода, нельзя делать себе потеху. Муж с женой должны жить как брат с сестрой; период влюбления должен у них продолжаться недели две в два года, а затем они должны жить чисто, как брат с сестрой...

— Ах, Лев Николаевич, я читала Арнольда — у него есть такие выборки из Евангелия. Когда прочтешь их, то впечатление получается чего-то действительно серьезного, глубокого... А ведь само Евангелие — книга, в которой и умное, и глупое, и смешное, и серьезное перемешано.

Он (т. е. Арнольд) говорил, что он уверен, когда-нибудь явится человек, одаренный особенным insight — как это по-русски? ясновидением? — который сумеет все это отделить, так что составится одно целое, нераздельное.

— Были вы, Иван Михалыч на картинной выставке? — спросил Лев Николаевич, которому барыня, видимо, окончательно надоела.

— Нет, а вы?

— Был сегодня... Но народу такая масса — не доберешься [219]. А там есть картина Ге, очень дурно написанная, но полная глубокого смысла, потом картина Репина «Николай чудотворец, останавливающий казнь» [220]. Я побоялся, что меня узнают, будут слушать, и ушел. Надо сходить, когда народу не будет так много.

— К вечеру, вас пропустят! — подхватила барыня.

— Да, часов в пять, когда народ разойдется...

— Видел я, как в Публичной библиотеке гуськом шел народ смотреть на вас, и просто вас пожалел,— сказал я.

— Народ гуськом? — переспросил он, смеясь.

Барыня заговорила что-то о письмах.

— Ах, Лев Николаевич! я и говорю некоторым: вы счастливые — вам придется еще что читать? Письмо Льва Николаевича! У меня есть ваших пять писем. Какое назидательное чтение!

Я сказал, что думаю, что все важное авторы выкладывают в главных сочинениях. Лев Николаевич согласился.

Барыня встала.

— Ну, я не стану вам мешать. Вы тут поговорите о своих делах — что тут Ольге Алексеевне мешать вам?

Я внутренне пожалел, что она уходит. С ее уходом прерывался и мой разговор с Толстым — мы как-то не умеем толковать с глазу на глаз. Поговорили мы немного про Петра Хельчицкого [221], о котором (или мне так показалось?) Л. Н. как будто ничего не знал, я было упомянул имя одного из его последователей — Коменского, да пришел лакей и доложил о каком-то Павлушине [222]. Я простился.

— Вы нас не забывайте! Не покидайте меня!

Я обещал.

На другой день я пришел в Публичную библиотеку справиться об Анненкове [223], который занимался Хельчицким, разговорились потом о Толстом — глядь, он и сам тут! Пришел за книгами, где идет речь об американских сектах.

Посмотрел, что читаю. Видит — о Хельчицком.

— А у меня после вас были вчера Стороженко и Янжул [224]. Янжула я уж года два просвещаю о Рёскине, американском писателе — имеете понятие? — и он только теперь выписал его себе. Заговорили мы вчера о Хельчицком...

— Что же, знает о нем Стороженко?

— Нет.

— Как? Да ведь это даже у Пыпина есть [225], как же ему-то, профессору-то всеобщей литературы, не знать? Ведь вся и немецкая реформация-то взошла на чешских дрожжах!

— Это правда,— отозвался Николай Федорович.

— У них такая казенщина,— отвечал Л. Н.,— но я спрашивал о Коменском — о Коменском он знает!

Вчера, после ухода барыни, я говорил Л. Н. о Коменском — о том, что он был педагог, имевший всеевропейское значение, на что он мне сказал: «Ну? ведь он был чех!» О Коменском он сказал, что это был не столько философ, сколько педагог.

— Да и у нас о Коменском есть много,— отозвался Николай Федорович, — есть его «Orbis pictus» — перевод еще прошлого столетия [226].

Лев Николаевич уселся читать «Encyclopedia Britannica», а потом скоро ушел... Я сказал ему, что вчера забыл захватить книжечки о пьянстве.

— Да, я и сам вспомнил вчера, да вы уже ушли. Я впрочем всегда их имею с собой — вот вам, возьмите!

Он вынул из кармана и дал мне две книжки.

* * *

〈22 апреля 1889〉 Через неделю я пришел к Толстым. Оказалось — он одевается идти с двумя сыновьями в баню. Я сказал, что провожу их.

— А я сегодня был у Николая Федоровича, ходил за сочинениями Сен-Симона,— сказал Л. Н. [227]

— Мне он недавно говорил, что дорогой вы как-то беседовали с ним об искусстве с увлечением, ясно...

— Да, и я думаю, что ему понравилось...

— Он говорил, что понравилось. Вы, вероятно, уже все вполне себе уяснили и все написали.

— Нет.

— Как же так?

— Не удается, вот подите! Написать-то ведь надо так, чтобы комар носу не подточил [228].

Он спросил теплое пальто, ему казалось, что на дворе холодно, дело было в апреле — 22-го. Надел, засунул руку в карман и вынул — карандаш.

— Ах, сломался, а я, бессовестный, взял его еще у другого человека!

— У кого же?

— У Фельдмана [229] — имеете понятие?

— Как же.

— Он магнетизер, внушает. Приезжал сегодня нарочно ко мне с альбомом просить моего автографа. У него там автографы разных знаменитостей — Рубинштейна, Михайловских...

— И вы конечно не дали?

— Нет, не дал и, чтобы несколько утешить, повел к Гроту: у них сегодня заседание в Психологическом обществе. Там сегодня и Лопатин читает вторую половину своего реферата [230]. Почему «реферата»? — спросил он.— Просто читает синюю тетрадку...

Когда мы дошли до Девичьего Поля, я выразил удивление, как Хельчицкий сходен с ним, Львом Николаевичем, сходен,— что особенно удивительно,— даже в непротивлении злу.

— К стыду своему, я понятия не имею о Палацком. Что, на каком это языке? — спросил он, когда я сказал, что известия о Хельчицком есть между прочим и в «Истории» Палацкого [231].

— Есть и на немецком.

— А я только что писал о том, что есть три рода деятельности. Тип первой это деятельность церкви: здесь для блага людей пускаются в дело все средства — и обман, и ложь, и благо, и зло; сюда принадлежит и деятельность правительственная (церковь только типичней всего), педагогическая и т. д. Другого сорта деятельность — полемическая. Это фаланстеры, критики и т. п. Здесь дают в малом виде образец, как жить. Это уж хуже — тут главная цель уже упускается из виду, упускается самое благо. Наконец, третья деятельность, единственно ведущая,

по-моему, ко благу, единственно истинная — это оставить других в покое и держаться своего света... Франция исходила оба эти поля деятельности...

Мы дошли до бань на Плющихе. У ворот горели электрические фонари.

— Я не знаю, насколько Хельчицкий был причастен второму роду деятельности...

Я сказал, что причастен несомненно был, ибо во многих местах проповедей и «Сети веры» он тоже полемизировал...

— Пойдемте внутрь,— звал меня Л. Н.,— посмотрите нашу баню!

Я отказался, и мы расстались ⟨...⟩

* * *

⟨*29 апреля 1889*⟩ В скором времени я опять был у Толстых [232] — так через неделю. Пришел я вечером, в зале народу было множество. У стола сидела графиня, Илья и какой-то неизвестный мне господин. Они, видимо, были чем-то заняты; я наскоро поздоровался и отошел. Подошел Бирюков [233]. Я спросил, где Л. Н.

— Толкует с каким-то военным. Пойдемте в кабинет; там уж есть народ — все чающие движения воды.

— Пойдемте, пойдемте...

В кабинете сидело четверо: черный господин в очках (это был, оказалось, директор банка Дунаев [234]), один ученик Орлова, служивший на железной дороге, и два косматых студента [235].

Мы поздоровались. Сидевшие лениво толковали о Фельдмане, видимо, в ожидании «движения воды».

Скоро явился и Л. Н.

— Фельдман был у меня сегодня опять,— сказал он, услыхав разговор,— много говорил об этих опытах, и я, признаюсь, почти уверился, что это чистое шарлатанство. Он рассказывал об одном субъекте, который страдал икотой вроде, знаете, собачьего лая, и еще о старушке, которая страдала болезнью вроде пляски св. Витта. Их, рассказывал он, как-то посадили друг с другом, спина к спине, пропустили через них ток, и больной заразился пляской, а старушка икотой. Они посадили людей и смотрят, что из этого выйдет. Уж что-нибудь да выйдет непременно. Ну, если взять коровье г⟨...⟩, положить им на голову и смотреть, что из этого выйдет, конечно, что-нибудь выйдет!

Все засмеялись.

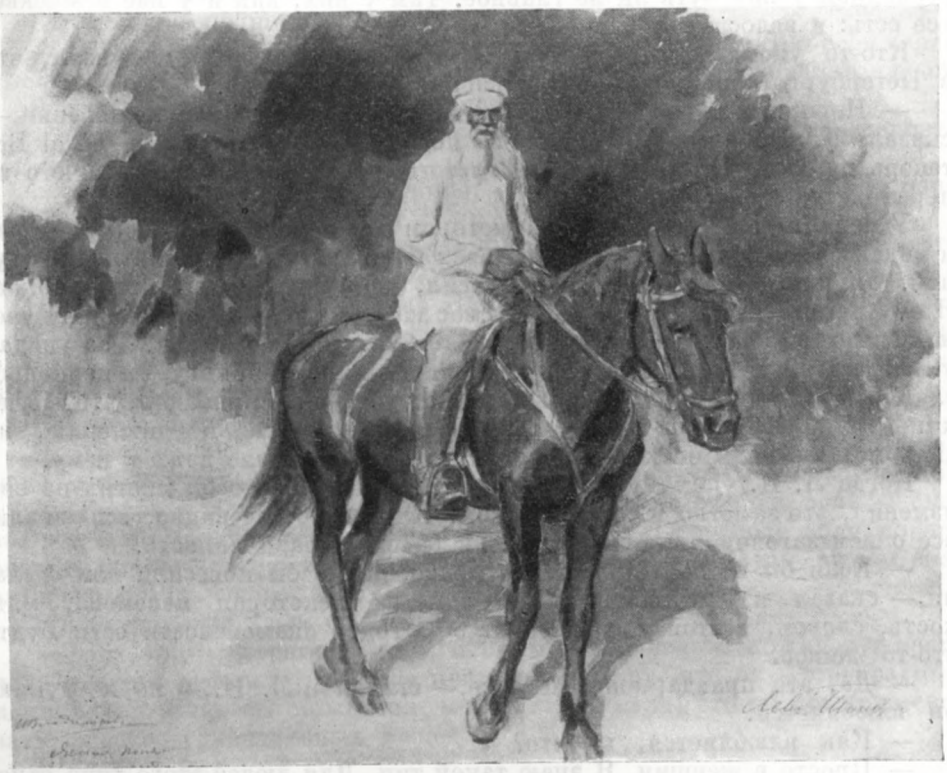
— У нас в семье стало это известно давно. Федор Толстой, американец [236], тот самый, про которого Грибоедов писал: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом» — он был также и гипнотизер: у брата Сергея болели зубы, он загипнотизировал, и зубы прошли. Тут много самообмана!

И он рассказал, что недавно ему прислали роман, где прелестно выведен один умный, прекрасный человек, неспособный к обману, и рассказывается, как из угождения ему и его обманывают, и сам себя он обманывает.

— Когда я был в Париже, я видел там магнетизерку. Это такая была наглая обманщица! А вы, Иван Михалыч, не слыхали, приехал в Москву один персианин. Он мажет чернилами ноготь на пальце мальчика — мальчика надо невинного, ⟨...⟩ и в этих чернилах он может увидать вашего отца и кого хотите и узнать, что он делает. Лопатин к нему ездит, производит опыты и говорит, что из четырнадцати двенадцать были удачны. У этого мальчика спросили об одном мужике, какой он. Он и говорит: «Мужик в рубахе, в портках, все как следует».— «Ну, а нос у него какой?» — «Нос ничего...» А носа у него совсем нет. Спросили об одной нашей знакомой графине Т.— у ней усы и борода, вот как у Ивана Михай-

ловича — и тоже ничего не вышло. Людям надо непременно отвлечься от главного дела — там заседанье, здесь исследовать спиритизм...

— А у меня был военный, некто Ершов [237]. Он писал о Севастополе и теперь хочет вновь издать свои воспоминания и просил меня написать к ним предисловие. Я было сгоряча и обещал, но как ни бился, почти ничего не выходит. Было одно живое место, но и то цензура не пропустит. Недавно приходил ко мне кадет, кончает курс, такой чистенький, пальто



ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ ВЕРХОМ
Акварель И. А. Владимирова, 1908 г.
Справа автографическая подпись Толстого
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

новое, башлык пропущен под погоны, глаза ясные, светлые,— и спрашивает, что ему делать.

— А вы спиртные напитки употребляете? — спрашиваю его. Он говорит, что с товарищами немного употребляет, что без этого в военной службе нельзя. Я было приготовился победоносно возразить, но он вдруг мне говорит: «Вот, например, Скобелев — когда брали Геок-Тепе и надо было убивать женщин и детей, а солдаты не хотели этого, не решались, он велел дать им водки». И при этом ясные глаза, спокойный вид! Вот где весь ужас! Цензура, конечно, этого не пропустит.

— И вы отделались? — спросил кто-то.

— Отделался, не буду писать. Мне рассказывали, что Ершов, член общества трезвости, сидел где-то с немцем в ужасно веселом настроении, и когда ему заметили, что ведь он член общества трезвости, он ответил,

что это ничего, что он хоть и пьет, но не угощает. Могу себе представить,— продолжал добродушно Л. Н.,— как он в этом отношении строг.— Пью, но не угощаю, Фридрих Вильгельмыч! а красненького?

Затем он показал мне перевод Алексеева «Основы этики», назвав его плохим, Библию, присланную ему из Ута мормонами. Он добродушно смеялся и дивился на эту новосветную подделку под Библию. Дошла очередь и до мормонской газеты «Rescret News».

— У них есть и газета, в ней и стихи и объявления обо всем. Индустриализм у них чуть ли не главное. Там у них, как и у нас в Москве, все есть: и велосипеды и паровые машины.

Кто-то упомянул про умершего министра Толстого и сказал, что в Петербурге теперь делается ужасно много арестов.

— Нигилисты и правительство теперь в ужасно смешном положении,— сказал Л. Н.,— они и рады бы подраться, да не из-за чего! Все теперь думают, что со смертию Толстого что-то переменится—ничего не переменится, все то же будет!

У меня бывал Клопский [238], о котором я уже упоминал; несколько раз я видал его и после. Это был человек и странный, и неприятный, и тупой. Он, кажется, нуждается и просил, между прочим, у меня уроков. Я ему прямо сказал: я рекомендую вас на урок, а вы вдруг скажете ученику, что бога нет и царя не надо. Кто будет тогда виноват? Раз увидав у меня в Публичной библиотеке церковнославянскую книгу, он церковнославянский язык обозвал гнилью, да кстати тут же прибавил, что Пушкин дурак. Он надоел Толстому, надоел Орлову, но, к удивлению, из знакомства с ними он кое-что извлек, кое-что пристало даже к нему.

Когда Л. Н. упомянул о нигилистах, я сказал, что он многих из них изменил, это заметно и на Клопском. Клопского, очевидно, все знали, все о нем заговорили, пошли намеки на его ограниченность.

— Если бы не вы, Клопского, право, давно бы повесили или сослали,— сказал я,— а теперь в нем заметна некоторая перемена, мягкость, словом, в этой дошедшей от 60-х годов окаменелости есть будто что-то живое.

— Да, это правда, окаменелость,— сказал и Л. Н.,— но я думаю, он влюбляется.

— Как влюбляется, во что?

— Просто в женщин. Я знаю такой тип. Для людей этого типа отношение к женщине — все. Такие есть особенно между пожилыми, которые принуждены вести воздержную жизнь. О чем ни заговорите с ним, он все сведет на женщин. Я думаю, и Клопский такой же.

Раз я встретил Клопского близ Пречистенского бульвара — в каких-то поношенных, пахнувших толкучкой брюках, в таком же коротеньком пиджачке, в ужасной шляпе с широкими полями, с перекинутым на левую руку летним пальто и в коричневых перчатках. Я теперь вспомнил это, и мне невольно подумалось, что Л. Н. прав.

— Илюша сидит теперь в зале,— сказал Л. Н., не помню по какому поводу,— толкует теперь с каким-то неизвестным мне господином о какой-то купчей, впрочем, что же я говорю «о какой-то» — я знаю, что близ Никольского есть земля, которая продается, и вот теперь зачем-то надо эту землю купить... [239]

В кабинет вошли сыновья Сергей и Илья, а Л. Н. вышел. Как ни был он благодушен, но обуза гостей, видимо, ему надоела. Он вышел куда-то надолго.

Мы заговорили с Сергеем. Он сказал, что в Петербург он уезжал, чтобы людей посмотреть и себя показать, что жить дома ему надоело, но теперь надоел и Петербург...

Гости сидели и ждали. Лев Николаевич, наконец, вернулся.

— Недавно я был на Хамовническом плацу и смотрел ученье,— сказал он,— смотрел, как они делали шаг вперед, шаг назад, и думал, что офицерам как будто было совестно того, что они делали [240].

И он снова упомянул о поразившем его кадете.

— Вот где главное: уничтожьте весь этот ужас!

Дунаев отозвался, что кадетом обладает князь мира сего. Мне показалось это глупо, я заспорил, сказал, что ведь он даже в глаза его не видал, как же можно знать его душу.

Гости стали подниматься, чтобы идти.

— Я знаю одно,— сказал Л. Н., очевидно, не теряя внутри себя связи мыслей,— что, где истина, туда-то и направляются преследования людей!

Я сказал, что это неутешительно.

— Вот подите, а это так! И кто служит истине, тот должен терпеть гонения...

— Это слишком аристократично,— сказал я,— ведь для этого надо содержать контингент палачей.

— Это мысль, я знаю, Николая Федоровича,— ответил он,— но это бывает так!

Гости начали прощаться. Лев Николаевич их не удерживал.

— Раз я прощаюсь с одним православным и говорю ему: «Может быть, на том свете увидимся!» — «Покорно благодарю,— он мне отвечает,— я в огне гореть не желаю!»

Все засмеялись.

Я вышел в зал. Там Сергей Львович играл на рояле. Он удержал меня. Пришел, проводив гостей, и Лев Николаевич. Мы сели пить чай.

— Теперь в Психологическом обществе читают о свободе воли,— сказал он,— по-моему, они занимаются пустяками. О свободе воли нового сказать ничего нельзя, все переговорено Лейбницем, Кантом. Чтобы сказать что-нибудь новое, надо новую постановку вопроса.

Я заметил, что Грот не Лейбниц, а Лопатин — не Кант.

— Недавно я встретил Грота, и он мне так ясно изложил сущность лопатинского реферата, что мне пришло в голову, что он — прекрасный компилятор. Если бы он молчал, мы бы все думали, что он может высказать ⟨много⟩ удивительных вещей...

Бедный Грот!

На другой день, когда я рассказал Николаю Федоровичу о мормонских книгах, виденных мною у Толстого, он заметил:

— Прежде я говорил, что он составляет центр русских еретиков, а теперь надо сказать, что он центр еретиков всего мира!..

Что же касается офицеров, производивших ученье на Хамовническом плацу, то, мне кажется, Л. Н. ошибался. Когда я спросил одного офицера, видели ли они Толстого и что по крайней мере он чувствовал, занимаясь в это время ученьем, и не было ли ему совестно, он мне сказал:

— Что же нам было совеститься — мы делали свое дело! ⟨...⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду гр. Дмитрий Андреевич *Толстой* (1823—1889), в 1866—1880 гг.— министр народного просвещения.

[2] Толстой остановился в доме не вице-губернатора, а губернатора Василия Степановича *Перфильева* (1826—1890), его друга молодости (прим. С. Л. Толстого. — В дальнейшем примечания С. Л. Толстого отмечены его инициалами).

[3] Иван Иванович *Красовский* — московский вице-губернатор.

[4] Брат С. А. Толстой Петр Андреевич *Берс* (1849—1910) издавал журнал «Детский отдых» в 1881—1882 гг. В 1883 г. совместно с Л. Д. Оболенским он напечатал сборник «Рассказы для детей И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого».

[5] Ивакин неправильно пишет: Neff вместо Nief. Под фамилией Nief жил в Ясной Поляне с декабря 1877 г. в качестве гувернера сыновей Толстого француз, участник Парижской коммуны 1871 г. Jules Montels. В 1879 г. коммунары были амнистированы, и Montels уехал во Францию (С. Л. Т.).

[6] Открытие памятника Пушкину в Москве состоялось 6 июня 1880 г. Толстой, несмотря на усиленные приглашения, на открытие не поехал. Речь Достоевского о Пушкине была прочитана им на заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г. Была впервые напечатана в «Московских ведомостях», 1880, № 162, от 13 июня.

[7] Толстой перечитывал «Историю России» С. М. Соловьева для работы над романом из эпохи Петра I, которым он был занят в 1872—1873 и 1879 гг. (см. т. 17).

[8] Владимир Сергеевич *Соловьев* (1853—1900) — философ-идеалист и поэт. Упоминаемая Ивакиным магистерская диссертация Соловьева: «Кризис западной философии. Против позитивистов. По поводу „Философии бессознательного" Гартмана» (М., 1874). Толстой читал ее в декабре 1874 г., и она ему «очень понравилась», но в ней, по мнению Толстого, «один недостаток — гегелевская зловредная фразеология» (письмо к Н. Н. Страхову от 23 декабря 1874 г.— т. 62, с. 128). Личное знакомство Толстого с Соловьевым состоялось около 10 мая 1875 г., когда Соловьев приезжал в Ясную Поляну. Возможно, что в этот приезд он и привез Толстому экземпляр своей диссертации. Однако в Яснополянской библиотеке эта книга не сохранилась.

[9] Александр Капитонович *Маликов* (1839—1904) — происходил из зажиточной крестьянской семьи Владимирской губ.; окончил курс в Московском университете, служил судебным следователем в Жиздринском уезде Калужской губ. В 1866 г. был привлечен по делу Каракозова и сослан в Холмогоры, а в 1873 г.— переведен в Орел. Маликов пришел к отрицанию насильственных приемов борьбы со злом и в этом отношении был предшественником Толстого.

Вокруг учения Маликова образовался кружок лиц, ему сочувствовавших, между которыми были Н. В. Чайковский, В. И. Алексеев, А. А. Бибиков, С. А. Клячко, К. С. Пругавина и др. В 1875 г. пятнадцать человек из этого кружка (в том числе Маликов, Алексеев и Чайковский) уехали в Америку, в Канзас, где купили землю и основали земледельческую общину. Там к ним присоединился В. К. Гейнс, принявший гражданство Соединенных Штатов и назвавшийся Вильямом Фреем (о нем см. в первой книге настоящего тома, в разделе «Письма Толстого», стр. 533 — 536). Эта община просуществовала два года и распалась отчасти от скудости средств, отчасти от взаимных неладов. Маликов вернулся в Россию и поступил на службу на железную дорогу. В конце 1877 г. познакомился с Толстым.

Маликов был женат первым браком на Елизавете Александровне, впоследствии ставшей гражданской женой В. И. Алексеева (С. Л. Т.).

[10] Василий Иванович *Алексеев* (1848—1919) — окончил курс Петербургского университета по физико-математическому факультету. Еще студентом примкнул к кружку Н. В. Чайковского. В 1875 г. вместе с А. К. Маликовым и др. эмигрировал в Америку, где работал в земледельческой общине. После распадения общины вернулся в Россию и осенью 1877 г. поступил учителем старших детей Толстого, в семье которого прожил до 2 июня 1881 г. С осени 1881 г. по 1887 г. жил в самарском имении Толстого, арендуя несколько сот десятин земли и в свою очередь сдавая большую часть этой земли в аренду крестьянам. Толстой был с Алексеевым в дружеских отношениях и переписке. Воспоминания В. И. Алексеева напечатаны в «Летописях Государственного Литературного музея», кн. 12. М., 1948, стр. 232—330.

[11] Ипполит Михайлович *Нагорнов* — скрипач, брат мужа племянницы Толстого, Варвары Валерьяновны Толстой. В 1876 г. Нагорнов приезжал в Ясную Поляну и исполнял пьесы Бетховена, Вебера, Шуберта, Моцарта. Из произведений Бетховена Толстому понравились сонаты для фортепиано и скрипки; «особенно сильное впечатление» произвело на него исполнение «Крейцеровой сонаты» (С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1956, стр. 380—381).

[12] В 1880—1881 гг. Толстой работал над «Соединением и переводом четырех евангелий». Впервые напечатано в Женеве в издании М. К. Элпидина в трех томах в 1892—1894 гг. (см. т. 24).

[13] Роман «Декабристы» Толстой начал писать осенью 1860 г. Написав три главы, он вскоре прервал работу. Возвратился к роману в 1878 г., но не кончил его. Декабристы продолжали интересовать Толстого до последних лет его жизни (см. т. 17).

[14] «Катки» или «линейка»— род поместительного экипажа, в виде широких дрожек, на которые пассажиры садились по обе стороны сидения спинами друг к другу (С. Л. Т.).

[15] Фридрих Вильгельм *Ричль* (Ritschl) (1806—1876) — немецкий филолог.

[16] Александр Петрович *Иванов* (1836—1911) — отставной подпоручик. Страдал запоем, во время которого пропивал все, что имел, и опускался до босяцкого состояния. Неоднократно, начиная с 1880 г., приходил к Толстому и работал у него переписчиком. Толстой упоминает о нем в трактате «Так что же нам делать?» (т. 25, с. 299).

[17] Об изучении Толстым греческого языка (в 1870—1871 гг.) вспоминает И. Л.

Толстой: «...кажется, лет с тринадцати я стал учиться с ним (т. е. с отцом) по-гречески. Он сам научился греческому языку на моей памяти. Я помню, с каким увлечением и настойчивостью он за это принялся, и в шесть недель он добился того, что свободно читал и переводил Геродота и Ксенофонта» (Илья Толстой. Мои воспоминания. Изд. 2-е. М., 1933, стр. 76).

[18] Еврейскому языку Толстой учился в 1882 г. у московского раввина С. А. Минора.

[19] Китайский язык Толстой не изучал. Конфуция и Лао-Тсе он переводил в 80-х и 90-х годах с западноевропейских переводов.

[20] Книга А. Шопенгауера «Мир как воля и представление» в переводе А. А. Фета с предисловием Н. Н. Страхова вышла в 1881 г. в Петербурге.

[21] «История политических учений» Б. Н. Чичерина, в 5 частях, выходила в свет с 1869 по 1902 г. Его же «Наука и религия» — в 1879 г.

[22] Имеются в виду книги: А. П. Щапова (1830—1876) «Русский раскол старообрядчества». Казань, 1859 (эта книга хранится в Яснополянской библиотеке); Эрнеста Ренана (1823—1892) «Vie de Jésus». Изд. 1-е. Paris, 1863; Эдуарда Рейса, немецкого протестантского богослова (1804—1891), «La Bible. Traduction nouvelle avec introduction et commentaires par Edouard Reuss». Paris.

[23] Рассказ о предполагавшемся свидании Александра II с Толстым — ложный слух (С. Л. Т.).

[24] Владимир Федорович *Орлов* (1843—1898) — учитель из Иваново-Вознесенска; участник революционного движения 60—70-х годов, привлекался по делу С. Г. Нечаева. С Толстым познакомился в 1881 г.

[25] «Ржанов дом» — ночлежный дом Ржанова в Москве, в Проточном переулке, близ Смоленского рынка.

[26] Разбору «Православного догматического богословия» митрополита Макария посвящено сочинение Толстого «Исследование догматического богословия», написанное в 1879—1880 гг. (см. т. 23). Статья (а не трактат) «Церковь и государство» написана Толстым в ноябре—декабре 1879 г.; с 1882 г. получила широкое распространение в рукописных и литографированных списках. Впервые напечатана издательством «Cassirer und Danziger» в Берлине в 1891 г. (см. т. 23).

[27] По-видимому, имеется в виду Гавриил Афанасьевич *Иванов* (1826—1901) — профессор Московского университета, ученик Грановского, филолог, переводчик древних классиков.

[28] «Учение двенадцати апостолов» — памятник древней христианской письменности, относящийся к концу I или к началу II в. Опубликован в 1883 г. Толстой прочитал его впервые в 1885 г., тогда же перевел с греческого языка, написал к нему введение и заключение и напечатал все это без подписи в журнале «Детская помощь», 1885, № 8, от 27 мая (т. 25). При составлении «Круга чтения» Толстой включил перевод «Учения двенадцати апостолов» в недельное чтение после 8 декабря с новым предисловием, специально написанным для этого издания (т. 42).

[29] В контексте книги Ренана привлекшие внимание Толстого выражения имеют приведенное под строкой значение. Но, взятые изолированно, они могут означать также: «гуляка, бродяга» и «очаровательный доктор». Эти дополнительные оттенки значения и имел, вероятно, в виду Толстой в своем замечании.

[30] Толстой, перечитывая в 1889 г. свой перевод Евангелия, нашел в нем «много ненужных натяжек» (дневник от 12 февраля 1889 г.— т. 50, с. 30). Однако несколько ранее (в середине августа 1887 г.) он писал М. А. Новоселову, указавшему ему на некоторые неточности в переводе: «Это произошло оттого, что мне хотелось как можно более деполяризировать, как магнит, слова церковного толкования, получившие несвойственную им полярность» (т. 64, с. 63). А 27 марта 1895 г. Толстой писал переводчику «Соединения и перевода четырех евангелий» на английский язык Д. Кенворти об этой книге: «Главный недостаток в ней — излишние филологические тонкости, которые никого не убеждают: что такое-то слово именно так, а не иначе надо понимать, а напротив, дают возможность, опровергая частности, подрывать доверие ко всему. А между тем истинность общего смысла так несомненна, что тот, кто не будет развлекаться подробностями, неизбежно согласится с ним» (т. 68, с. 54).

[31] Приводим соответствующие стихи Евангелия от Иоанна в русском церковном переводе: «12. А тем, которые приняли его, верующим во имя его, дал власть быть чадами божиими. 13. Которые не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от бога родились» (гл. I).

[32] Приводим упомянутые автором стихи из беседы с Никодимом в русском церковном переводе: «3. Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть царствия божия ⟨...⟩ 5. Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и духа, не может войти в царствие божие ⟨...⟩ 14. И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть сыну человеческому» (Евангелие от Иоанна, гл. III).

[33] Малафья — народное название мужского семени.

[34] Это место в русском церковном переводе читается так: «...пойди на море, брось уду и первую рыбу, которая попадется, возьми; и, открыв у ней рот, найдешь

статир; возьми его и отдай им за меня и за себя» (Евангелие от Матфея, гл. XVII, ст. 27).

[35] Это — легкомысленное суждение семнадцатилетнего юноши. Впоследствии С. Л. Толстой был другого мнения о трудах своего отца (С. Л. Т.).

[36] Здесь говорится о первом посещении В. В. Стасовым Ясной Поляны 2—3 октября 1880 г. Оно описано В. В. Стасовым в письме к брату Д. В. Стасову от 30 мая 1896 г. (Б. Л. Модзалевский. Стасов и Толстой.— «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник». Собр. и ред. Н. Н. Гусев. М.—Л., 1928, стр. 346—352). С тех пор Стасов неоднократно приезжал к Толстому и между ними установились дружеские отношения, не нарушившиеся до смерти Стасова. Толстой часто обращался к Стасову за справками библиографического характера, что тот всегда с готовностью выполнял. Переписка Толстого со Стасовым издана под ред. В. Д. Комаровой и Б Л. Модзалевского («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906». Л., 1929).

Указанную Ивакиным статью Стасова в «Историческом вестнике» найти не удалось.

[37] «Интермеццо для оркестра» М. П. Мусоргского было написано в 1861 г. и инструментовано в 1867 г. (издано после смерти композитора). Позднее было вновь инструментовано Н. А. Римским-Корсаковым (С. Л. Т.).

[38] О забытом в Ясной Поляне свертке с рукописями «Азбуки для детей» (а не «Военных рассказов») Стасов по возвращении в Петербург писал Толстому и С. А. Толстой («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906», стр. 55—57). См. также указанное в прим. 36 письмо к Д. В. Стасову 1896 г.

[39] Эпизод с замерзшим человеком рассказан С. П. Арбузовым в его книге: «Граф Л. Н. Толстой. Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего слуги Л. Н. Толстого». М., 1904, стр. 110—112. Арбузов относит этот случай к 30 декабря 1880 г. Оживить замерзшего не удалось.

[40] Рассказ «Кавказский пленник» был написан Толстым в 1872 г. Он начинается фразой: «Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин». Что именно не нравилось С. Н. Толстому в рассказе — из слов его в передаче Ивакина неясно: место это в рукописи, по-видимому, не закончено. «Манерным, плохим» в рассказе Жилин не называется (С. Л. Т.).

[41] Общество трезвости, основанное Толстым в 1887 г. и называвшееся «Согласие против пьянства», состояло из лиц, дававших обещание не пить вина и не угощать вином, в чем эти лица подписывались. Общество не было официально зарегистрировано и устава не имело. Список членов «Согласия против пьянства» напечатан в «Известиях Общества Толстовского музея», 1911, № 3-5, стр. 6—20.

[42] Ивакин после 1881 г. по зимам жил в Москве, а летом — в Ясной Поляне, где он занимался с младшими сыновьями Толстого (С. Л. Т.).

[43] Татьяна Андреевна *Кузминская*, рожд. Берс (1846—1925) — младшая сестра С. А. Толстой.

[44] Николай Федорович *Федоров* (1824—1903) — библиотекарь Румянцевского музея в Москве; автор большого труда «Философия общего дела», изданного его друзьями и последователями после его смерти (т. I — Верный, 1906; т. II — М., 1913). Сущность его учения сводилась к вере в реальное воскрешение мертвых посредством науки, которую Федоров считал всемогущей. Однако в основе его взглядов лежало мистическое начало. Толстой, разумеется, не разделял воззрений Федорова.

[45] Ясенки — сельцо в 6 км от Ясной Поляны, где в 80-х годах находился административный центр Ясенковской волости, в состав которой входила и Ясная Поляна (С. Л. Т.).

[46] Толстой писал в то время трактат «Так что же нам делать?» (т. 25).

[47] Генри *Джордж* (1839—1897) — американский экономист, основатель учения о едином налоге на землю. Его книгу «Progress and poverty» (1879) Толстой читал впервые в феврале 1885 г.

[48] Мэтью *Арнольд* (Arnold) (1822—1888) — английский поэт и критик. В конце апреля — начале мая 1885 г. Толстой читал его книгу «Literature and dogma», в которой находил «половину» своих мыслей (письмо к Л. Д. Урусову от 1 мая 1885 г.— т. 63, с. 242).

[49] Ивакин ошибся: речь идет о старом гребенском казаке из станицы Старогладовской Епифане Сехине (Епишке), которого Толстой вывел в «Казаках» под именем Ерошки.

[50] Алексей Петрович *Ермолов* (1777—1861) в 1817—1827 гг. был главноуправляющим в Грузии и командиром Отдельного Кавказского корпуса.

[51] Балта *Исаев* — чеченец, маркитант, приятель Л. Н. и Н. Н. Толстых на Кавказе. В архиве Толстого сохранилось одно письмо к нему Балты Исаева.

[52] Семен Семенович *Абамелек-Лазарев* (1857—1917) — крупный землевладелец и хозяин нескольких заводов на Урале. Одно из его имений, Голощапово, находилось в 40 км от Ясной Поляны. Абамелек иногда приезжал в Ясную Поляну; Толстому он был неприятен. «Полнейшее непонимание самых элементарных понятий туманности,— говорил о нем Толстой.— И чего он ездит?» (Дневник В. Ф. Лазурского.—«Литературное наследство», т. 37-38, 1939, стр. 455).

[53] Исаак Борисович *Файнерман* (1862—1925) — был одно время крайним последователем Толстого; поселился в деревне Ясной Поляне, был пастухом общественного стада, работал у тех крестьян, которые звали его к себе на работу, и отдавал просящим все, что имел. Бедствовавшей его жене помогала Софья Андреевна. В 1886 г. Файнерман, чтобы быть утвержденным в должности сельского учителя, принял православие, но не был утвержден попечителем Московского округа. Впоследствии работал зубным врачом, потом посвятил себя журналистике; писал под псевдонимом Тенеромо. Написал много воспоминаний о Толстом, не отличающихся достоверностью (С. Л. Т.).

[54] Вероятно А. А. Стахович. См. о нем ниже, прим. 100.

[55] Василий Петрович *Шевелев*, прозванный Щеголенком (1805— ум. после 1880),— крестьянин Олонецкой губ., известный сказитель былин. Летом 1879 г. прожил около двух недель в Ясной Поляне. Некоторые из его былин и рассказов записаны Толстым в его записной книжке (т. 48, с. 198—213) и легли в основу сюжетов народных рассказов Толстого —«Чем люди живы», «Три старца» и др. (т. 25). О Щеголенке — см. статью Ю. М. Соколова «Лев Толстой и сказитель Щеголенок».—«Летописи Государственного Литературного музея», кн. 12. М., 1948, стр. 200—207.

[56] *Агафья Михайловна* (1812—1896) — бывшая горничная бабки Льва Николаевича — Пелагеи Николаевны Толстой, рожд. кж. Горчаковой (о ней см.: Т о л с т о й. Воспоминания — т. 34; Т. Л. С у х о т и н а - Т о л с т а я. Друзья и гости Ясной Поляны; Т. А. К у з м и н с к а я. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне; Илья Т о л с т о й. Мои воспоминания). Агафьей Михайловной Толстой назвал экономку Левина в «Анне Карениной» (С. Л. Т.).

[57] Рассказ «Свечка» написан Толстым в мае—июне 1885 г. (т. 25, с. 106).

[58] Сведений о миссионере Лонге, посетившем Толстого, найти не удалось.

[59] Мэри Елизабет *Брэддон* (1837—1915) — английская писательница. Ее многочисленные романы пользовались шумным успехом, хотя и не отличались большими художественными достоинствами.

[60] Толстой присутствовал на чтении Тургеневым «Рудина» в декабре 1855 г. на квартире у И. И. Панаева. В 1894 г. он рассказывал об этом чтении: «Все глубокомысленно обсуждали; я был моложе их всех; я был удивлен, как это — Тургенев, и мог написать такую фальшивую, придуманную вещь» (Дневник В. Ф. Лазурского.— «Литературное наследство», т. 37-38, 1939, стр. 450).

[61] Имеется в виду сочинение Томаса Роберта Мальтуса (1766—1834) «An Essay on the principle of population» (1798; русский перевод «Опыт о народонаселении». СПб., 1868). Автор проводит в нем мысль, что население возрастает в геометрической прогрессии, в то время как средства к существованию — только в арифметической; исходя из этого мнимого закона абсолютного перенаселения, Мальтус считал, что бедность и нищета народных масс может быть ликвидирована не с помощью изменения социального строя, а посредством ограничения деторождения. Толстой относился к реакционной теории Мальтуса резко отрицательно. См. трактат «Так что же нам делать?» (т. 25).

[62] *Чинов окончил и князь Блохин* — так звали психически больного нищего крестьянина Григория Федотовича Блохина, заходившего нередко в Ясную Поляну. О нем Толстой писал в гл. 38 трактата «Так что же нам делать?» (т. 25, с. 387).

[63] Эпизод о Ревекке рассказан в Библии (книга «Бытия», гл. 24).

[64] В трактате «Так что же нам делать?» Толстой на основании своих впечатлений, полученных во время работы по переписи в Москве (январь 1882 г.), пришел к выводу, что деньги не безобидное средство обмена, а — орудие порабощения людей, что «в обладании ими 〈деньгами〉 есть что-то гадкое, безнравственное, что самые деньги и то, что я имею их, есть одна из главных причин тех зол, которые я видел перед собой», т. е. нищеты и страданий рабочего народа (гл. XVII—XVIII — т. 25, с. 243—266).

[65] Ивакин говорит о взглядах Н. Н. Страхова, изложенных в его книге «Мир как целое» (Изд. 3-е. СПб., 1892, стр. 539—582) (С. Л. Т.).

[66] Рассказ Толстого «Два старика» тогда печатался в издании «Посредник»; вышел в 1886 г.

[67] Приведенная мысль Эпиктета взята из его «Афоризмов», где читается так: «Агриппин справедливо заслуживает похвалы за то, что, несмотря на свои огромные заслуги, никогда не хвалил себя 〈...〉 Он имел обыкновение хвалить всякую случившуюся с ним неприятность. Например, если он заболевал лихорадкой, он хвалил лихорадку, бранили его, хвалил брань, осуждали в ссылку — благословлял изгнание» (СПб., 1891, стр. 18).

[68] Иоахим *Лелевель* (1786—1861) — польский историк и политический деятель, возглавлявший революционное крыло во время восстания 1830—1831 гг.; играл большую роль в польской демократической эмиграции. Толстой, будучи в феврале 1861 г. в Лондоне, слышал о Лелевеле от Герцена и, приехав в марте в Брюссель, посетил Лелевеля, уже «умирающего на чердаке у цирюльника» (т. 7, с. 349). 26 мая того же года Лелевель умер.

[69] Имеется в виду француженка гувернантка Анна Сейрон, прожившая у Толстых около шести лет. Написала воспоминания: «Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem

Leben, von Anna Seuron». Berlin, 1895 (в русском переводе С. Сергиевского: «Шесть лет в доме гр. Л. Н. Толстого. Записки Анны Сейрон». СПб., 1895). Воспоминания большой достоверностью не отличаются.

[70] Вероятно, Иван Федорович *Лаварев* (р. 1830), врач, работавший в Якутске и Красноярске. Лазарев приезжал в Ясную Поляну 29 июля 1884 г. и пробыл четыре дня. 1 августа Толстой записал о нем в дневнике: «Журнальное образование и тщеславие. Христианство тронуло его только внешней стороной. Я измучился ужасно. Ушел косить. Он туда пришел ко мне и начал меня пилить *моей* жизнью. Я разгорячился. Хотел усмирять себя и его. Но тщетно» (т. 49, с. 115—116). О статье Лазарева сведений нет.

[71] Тимофей Михайлович *Бондарев* (1820—1898) — крестьянин, перешедший из православия в секту субботников и сосланный за это в Минусинский уезд Енисейской губ. Автор сочинения «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», оказавшего на Толстого «большое нравственное влияние» («Так что же нам делать?»— т. 25, с. 386). Толстой написал к его сочинению предисловие, напечатанное в «Русском деле» (1888, № 13), а также статью о нем для словаря С. А. Венгерова (см. тт. 25 и 31). Рукопись статьи Бондарева была послана Толстому Л. Н. Жебуневым и политическим ссыльным В. С. Лебедевым через редакцию «Русской мысли». Толстой писал о ней В. С. Лебедеву: «Это событие в жизни не только русского народа, но и всего человечества» (т. 90, с. 257).

[72] С осени 1882 г. в Ясной Поляне был заведен «Почтовый ящик», в который опускалось все, что писалось жителями яснополянской усадьбы: заметки, стихи, рассказы, афоризмы и т. п., преимущественно с намеками на злобу дня. Эти произведения были анонимны и после просмотра кем-нибудь из старших членов семьи Толстых публично прочитывались раз в неделю. Толстой также принимал участие в этом. Произведения, написанные им для «Почтового ящика», опубликованы в т. 25 (С. Л. Т.).

[73] Имеется в виду статья Уильяма Стеда (W. Stead) (1849—1912), редактора «Pall Mall Gazette»,—«The maidentribute of modern Babylon». Стед в 1885 г. поместил в своем журнале ряд статей о разврате в Лондоне, о торговле в Англии девушками и т. д., а также о беспорядках в английском флоте. Статьи наделали в то время много шума.

[74] Мормоны — американская секта, основанная около 1830 г. Джозефом Смитом, допускавшая многоженство. Из дневника Толстого за январь 1889 г. видно, что он читал две английские книги: «The book of Mormon» («Книга мормона») и «The life of Joseph Smith» by George Cannon («Жизнь Джозефа Смита» Джорджа Кеннона). Книги эти были присланы Толстому дочерью преемника Смита — Брайгама Юнга— Сюзой Юнг Гейтс (С. Л. Т.).

[75] Имеется в виду сочинение Джона Стюарта Милля (1806—1873), посвященное женскому вопросу —«О подчинении женщин» (1869; русск. изд. 5-е, 1883).

[76] Перфекционисты (или библейские коммунисты) — община, возникшая в 1831 г. в Америке. Она составилась из последователей Джона Нойеса (1811—1886), считавшегося призванным основать истинную церковь вместо «сатанинской». Община не признавала частной собственности и составляла одну семью. Общинами считались у них и женщины с детьми. В интересах получения наилучшего потомства они запрещали браки между больными и слабыми людьми и сводили сильных и здоровых мужчин и женщин. Это вызвало вмешательство правительственных властей, требовавших от перфекционистов упорядочения браков (С. Л. Т.).

[77] «Лисьи Прияры» (а не «Переяры»)— находятся в 20 км от Ясной Поляны (С. Л. Т.).

[78] Кн. Мария Сергеевна *Урусова*, дочь С. И. Мальцева, владельца хрустальных и других заводов в Брянском уезде, жена приятеля Толстого тульского вице-губернатора Л. Д. Урусова. Жила долгое время в Париже. Старшая ее дочь Мария Леонидовна (1867—1895) — пианистка, училась в Париже в Сорбонне. Ее игру ценили Лист и Рубинштейн; она концертировала с Ауэром и Вержбиловичем. Ей посвящена книга: «Princesse M. Ouroussof. Histoire d'une âme. Souvenirs recueillis par sa mère». Paris, 1904 («Княжна М. Урусова. История одной души. Воспоминания, записанные ее матерью») (С. Л. Т.).

[79] Толстой рассказал Агафье Михайловне легенду о Будде. По этой легенде Будда для того, чтобы накормить червей, от которых очистил рану собаки, вырезал кусок мяса из своего тела (С. Л. Т.).

[80] Сергей Андреевич *Муромцев* (1850—1910) — профессор Московского университета, юрист и политический деятель, кадет, председатель I Государственной думы. В 1884 г. был вынужден оставить университет в связи с введением нового университетского устава.

[81] Сергей Алексеевич *Усов* (1827—1886) — профессор Московского университета, зоолог; близкий знакомый Толстого.

[82] Николай Васильевич *Бугаев* (1837—1903) — математик, профессор Московского университета; отец писателя Андрея Белого; близкий знакомый Толстого.

[83] Павел Алексеевич *Капнист* (1842—1904) — в 1880—1895 гг. попечитель Московского учебного округа; знакомый Толстых.

[84] Эльм *Каро* (1826—1887) — французский философ-эклектик, профессор Коллеж де Франс.

[85] Николай Яковлевич *Данилевский* (1822—1885) — бывший петрашевец, а затем реакционный публицист и естествоиспытатель-антидарвинист, глава позднего славянофильства. В своей книге «Россия и Европа» (1869) проводил мысль, что исторические явления можно подразделить на культурно-исторические типы, из которых последний по времени — славянский. В своем двухтомном сочинении «Дарвинизм» ставил целью опровергнуть теорию Дарвина, приводя многие мнения противников этой теории. Его горячим сторонником был Н. Н. Страхов. К. А. Тимирязев, А. С. Фаминцын и А. П. Карпинский возражали Данилевскому, отстаивая учение Дарвина. Данилевский был знаком с Толстым (С. Л. Т.).

[86] Эжен Мельхиор *де Вогюэ* (de Vogué) (1848—1910) — французский писатель и критик; сотрудник журнала «Revue des deux Mondes», где появлялись его критические статьи о русском романе, которыми он способствовал успеху во Франции произведений Толстого и Достоевского. Был женат на Александре Николаевне Анненковой, дочери киевского генерал-губернатора (С. Л. Т.).

[87] В 1888 г. М. де Вогюэ был избран членом-корреспондентом Академии наук в Петербурге.

[88] «О подражании Иисусу Христу» — изложение христианской этики. Книга приписывается приору августинского ордена Фоме Кемпийскому (1380—1471) или — с большим вероятием — некоему Герсену (XIV в.). Она написана на латинском языке, была неоднократно переведена на французский, английский и другие языки, выдержала всего до 5000 изданий. В Яснополянской библиотеке хранится экземпляр французского перевода этой книги, принадлежавший матери Толстого. Некоторые изречения из этой книги Толстой включил в «Круг чтения» (т. 42).

[89] Михаил Михайлович *Сперанский* (1772—1839) занимался переводом сочинения Фомы Кемпийского, будучи в ссылке в Перми и затем губернатором в Пензе, в 1812—1816 гг.

[90] Петр Иванович *Бартенев* (1829—1912) — историк, основатель и редактор журнала «Русский архив»; знакомый Толстого с 1857 г.

[91] О знакомстве Толстого с Победоносцевым сведений не имеется. Толстой в начале декабря 1900 г. в первой черновой редакции письма к Николаю II писал о Победоносцеве: «Из всех ⟨...⟩ преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека, это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, злодеем, имя которого как образцового злодея, перейдет в историю — Победоносцевым ⟨...⟩ Прогоните от себя этого злодея и безумного старика Победоносцева, который компрометирует вас и перед русским народом, и перед Европой, и перед историей» (т. 72, с. 516—517).

[92] О Маликове — см. прим. 9.

[93] Письмо Толстого к Александру III с призывом не казнить убийц его отца, а также его письмо к Победоносцеву с просьбой передать письмо царю опубликованы в т. 63 (с. 44, 57). Там же, в комментариях, опубликовано и ответное письмо Победоносцева с отказом передать письмо Толстого (с. 58—59. См. также: Н. Н. Гусев. 1 марта и Лев Толстой.— Сб. «1 марта 1881 года». М., 1933, стр. 130—145).

[94] В № 11-12 «Народной воли», отпечатанном в тайной типографии в Петербурге 2 декабря 1885 г., на первой странице в траурной рамке было сообщение: «Ашенбреннер, Михаил Юльевич, подполковник, осужденный в октябре 1884 г. по процессу 14-ти к смертной казни, был помилован царем на вечную каторгу; в ноябре вторично судим военным судом за пощечину, данную им одному из генералов-тюремщиков, и расстрелян». Живя в Париже, кн. Урусова, очевидно, прочла это известие, которое и передала Толстому. Однако сообщение «Народной воли» было ошибочно: Ашенбреннер расстрелян не был. Он дожил до освобождения из Шлиссельбургской крепости (в 1904 г.) и умер в 1926 г.

[95] Ипполит Никитич *Мышкин* (1848—1885) — революционер-народник. Был сослан в 1880 г. на Кару. В 1883 г. переведен в Петропавловскую крепость, а затем — в Шлиссельбург. В знак протеста против невыносимого тюремного режима Мышкин бросил тарелкой в смотрителя крепости и был по приговору военного суда казнен.

[96] Иван Федорович *Гаярин* (а не Горяин) (1827—1890) — педагог и писатель. В 60-х годах был инспектором и директором тульской гимназии, а затем директором училищ Тульской губ. Редактировал в 1864 г. «Тульские губернские ведомости». В конце 60-х годов был назначен окружным инспектором Московского учебного округа. Впоследствии был членом Совета военно-учебных заведений. Эпизод из его жизни, рассказанный далее Толстым, изложен также Е. Л. Марковым в его статье «Живая душа в школе».—«Вестник Европы», 1900, № 3, стр. 576—578 (С. Л. Т.).

[97] Евгений Львович *Марков* (1835—1903) — педагог и беллетрист, был учителем тульской гимназии в начале 60-х годов. Толстой называет Маркова своим оппонентом потому, что в № 5 «Русского вестника» 1862 г. Марков напечатал статью «Теория и практика яснополянской школы», посвященную разбору вышедших номеров «Ясной

Поляны». Толстой отвечал на статью Маркова в № 12 «Ясной Поляны» статьей «Прогресс и определение образования» (т. 8). Марков полемизировал с Толстым, и позднее: в № 3 «Вестника Европы» 1875 г. появилась его статья «Последние могиканы русской педагогики», направленная против статьи Толстого «О народном образовании», напечатанной в № 9 «Отечественных записок» 1874 г.

[98] Константин Александрович *Исламин* (1827—1903) — дядя С. А. Толстой.

[99] Вероятно, Леонид Егорович *Оболенский* (1845—1906) — беллетрист, поэт, критик и публицист; в 80-х годах — редактор журнала «Русское богатство»; знакомый Толстого. Упоминаемое Ивакиным письмо его в архиве Толстого не сохранилось.

[100] Александр Александрович *Стахович* (1830—1913) — орловский помещик, шталмейстер; любитель драматического искусства и выдающийся чтец; старинный знакомый Толстого, автор воспоминаний о нем: «Клочки воспоминаний» («Толстовский ежегодник 1912 года»). С ним, вероятно, приезжали его дочери: Софья Александровна (1862—1942) и Мария Александровна (1866—1923), в замужестве Рыдзевская.

[101] Эрнст *Поссарт* (1841—1921) — немецкий актер; неоднократно бывал на гастролях в Петербурге и в Москве.

[102] Джузеппе *Марио* (Mario di Candia) (1810—1883) — итальянский певец-тенор; приезжал на гастроли в Петербург в 1849 и 1868 гг.

[103] Автором исторической драмы «Ян Гус» был чешский писатель, участник революции 1848 г. Иозеф Каэтан Тыл (1808—1856). В переводе на русский язык, выполненном И. М. Ивакиным и И. И. Гиляком, драма Тыла была издана в 1899 г. Очевидно, в 1885 г. драма «Ян Гус» (в чешском оригинале или уже в русском переводе) находилась у Ивакина, и он информировал о ней Толстого.

[104] Толстой, вероятно, имел в виду служившего у Толстых Адриана Григорьевича Болхина, крестьянина Ясной Поляны (С. Л. Т.).

[105] Юлия *Пастрана* (1834—1860) — мексиканка, получившая известность из-за ненормального развития волосяного покрова. В качестве редкого явления природы Пастрану демонстрировали в разных странах, в том числе и в России.

[106] Борис Николаевич *Чичерин* (1828—1904) — историк права и философ; знакомый Толстого с конца 1856 г. Высказывания Чичерина о Шекспире остаются неизвестными.

[107] Илларион Михайлович *Прянишников* (1840—1894) — художник, знакомый Толстого.

[108] «Магди» или «Махди» — имя ожидавшегося мусульманами пророка, который должен был завершить дело Магомета. В 1881—1885 гг. в качестве «махди» выступал дервиш Мохаммед-Ахмед (1845—1885), возглавивший восстание против англичан в верхнем Египте и Судане. В № 29 «Газеты Гатцука» от 28 июля 1885 г. (стр. 476) было напечатано предсмертное письмо этого «махди», излагавшее программу взятия им Египта. Программа предусматривает обязательное принятие ислама всеми «неверными», упразднение титулов беев и пашей, упразднение форменных одежд, мундиров и академических костюмов, обобществление всякой собственности, высылку консулов, закрытие судов, изгнание адвокатов и ростовщиков, уничтожение всех газет, кроме одной, закрытие всех европейских школ, отобрание всех «дурно приобретенных богатств» в пользу государства, обложение налогом оставшихся европейцев «соответственно весу их тела» (С. Л. Т.).

[109] Александр Михайлович *Кузминский* (1843—1917) — с 1867 г. муж сестры С. А. Толстой, Татьяны Андреевны.

[110] Анна Семеновна *Хомякова* (рожд. Ушакова) — жена Дмитрия Алексеевича Хомякова (1841—1919), сына известного славянофила А. С. Хомякова. У Д. А. Хомякова было имение в Тульской губ. Толстые были близко знакомы с Хомяковыми.

[111] Дмитрий Иванович *Шаховской* (1861—1940) — земский и общественный деятель, член и секретарь I Государственной думы; знакомый Толстого с 1880 г. См. о нем также стр. 186 и 232 настоящего тома.

[112] Сергей Федорович *Ольденбург* (1863—1934) — востоковед, с 1901 г. академик.

[113] «История одной лошади» — рассказ «Холстомер», написанный вчерне в 1863—1864 гг. Закончен был в 1885 г. О работе Толстого над этим рассказом — см. в первой книге настоящего тома статью Л. Д. Опульской, стр. 257—266.

[114] Повесть «Смерть Ивана Ильича» была начата в конце апреля 1884 г. Толстой работал над ней с большими перерывами. Закончена она была 25 марта 1886 г. (т. 26).

[115] Коронация Александра III состоялась 15 мая 1883 г.

[116] Споры православных со старообрядцами происходили при церкви Параскевы-Пятницы, находившейся в Охотном ряду, вблизи дома «Благородного собрания» (ныне Дома Союзов). Эпизод, рассказанный здесь Толстым, описан им в гл. XI трактата «Царство божие внутри вас» (т. 28, с. 217).

[117] Наталья Александровна *Армфельдт* (1850—1887) — революционерка, арестованная в 1872 г. по процессу Дебагория-Мокриевича и в 1879 г. сосланная в Кару, где и умерла от чахотки. Толстой хлопотал об облегчении участи Армфельдт через А. А. Толстую.

[118] Екатерина Федоровна *Юнге* (1843—1913) — дочь вице-президента Академии художеств гр. Ф. П. Толстого, троюродная сестра Толстого; художница, автор книги воспоминаний, в рукописи которых сохранилась глава, посвященная Толстому (см. «Огонек», 1960, № 47, стр. 18—20).

[119] Имеется в виду письмо Н. Н. Страхова к Толстому от 28 июля 1885 г. («Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». СПб., 1914, стр. 322—324).

[120] Страхов писал статью «Историки без принципов. (Заметки о Ренане и Тэне)», которую он включил в качестве гл. V во второе издание (1887) своей книги «Борьба с Западом в нашей литературе».

[121] Василий Иванович *Сивхин* (Иванов) (1858—1912) — писатель из рабочих. Некоторые его рассказы изданы по рекомендации Толстого в «Посреднике». Особенное одобрение Толстого вызвал рассказ «Дед Софрон» (1886).

[122] «Житие Филарета Милостивого», составленное П. П. Беликовым, было напечатано в изд. «Посредник» в 1887 г. без указания автора.

[123] Кресты — станция Московско-Курской железной дороги, вблизи Черни.

[124] О ком здесь идет речь, не выяснено.

[125] Эрнест *Дюпюи* (Dupuy) (1849—1918) — французский писатель и критик. В Яснополянской библиотеке сохранилась его книга: «Les grands maîtres de la littérature russe au dix-neuvième siècle. Les Prosateurs: N. Gogol, I. Tourguéneff, comte L. Tolstoï». Paris, 1885, с дарственной надписью: «A l'auteur des „Cosaques", de „la Guere et la Paix", de „Anna Karénine" et de „Ma religion", hommage d'admiration profonde. Ernest Dupuy» (Автору «Казаков», «Войны и мира», «Анны Карениной» и «В чем моя вера» с уважением и глубоким восхищением. Эрнест Дюпюи).— Книга имеет несколько карандашных пометок Толстого. Письмо Дюпюи в Архиве Толстого не сохранилось.

[126] Михаил Стенанович *Громека* (1852—1883) — преподаватель русского языка и истории в Варшавской гимназии; знакомый Толстого с 1874 г.; автор статьи «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого „Анна Каренина"» («Русская мысль», 1883, №№ 2—4; 1884, № 11), выдержавшей шесть изданий (последнее издание с несколько измененным заголовком: «М. С. Громека о Л. Н. Толстом. Критический этюд по поводу романа „Анна Каренина"». М., «Посредник», 1914). По поводу этой статьи Толстой писал автору: «Я не могу сказать, что мне нравится или я одобряю то, что я прочел, как не может сказать человек, что ему нравятся те его слова, которые передал переводчик так, что слова, прежде непонятные, стали понятны» (т. 63, с. 129).

[127] Речь идет о романе Ги де Мопассана «Une vie» («Жизнь») (1883).

[128] «Анковский пирог» — сладкий пирог, приготовлять который научил Берсов (родителей С. А. Толстой) доктор Анке, а Софья Андреевна научила повара Толстых Н. М. Румянцева. Под этим выражением Толстой подразумевал традиционный буржуазный уклад жизни; «анковский пирог» был как бы эмблемой такого уклада. См. И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., 1933, гл. IV; С. Л. Толстой. Юмор в жизни Толстого.—«Толстой. Памятники творчества и жизни». М., 1923, стр. 12—14 (С. Л. Т.).

[129] Егор Егорович *Лазарев* (р. 1855) — сын крестьянина с. Грачевки Бузулукского у. Самарской губ. В 1874 г., будучи гимназистом 7 класса, был арестован за противоправительственную пропаганду и привлечен к дознанию по делу 193-х, но был оправдан. Жил под надзором полиции в Самарской губ., где с ним и познакомился Толстой в 1883 г. Состоял частным поверенным при Бузулукском съезде мировых судей. В 1884—1888 гг. дважды был сослан в Восточную Сибирь. После Октябрьской революции — белоэмигрант. Автор статьи «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» («Воля России», Прага, 1922, №№ 6—7) (С. Л. Т.).

[130] Этот замысел Толстой осуществил лишь в 1909 г., написав статью «Номер газеты». Статья появилась впервые в т. XIX Собрания сочинений Толстого. Изд. 12-е, 1911 (см. т. 38).

[131] «Дворниками» Толстой называл крестьян, имеющих собственную (не надельную) землю и усадьбу (С. Л. Т.).

[132] Катков отказался печатать последнюю (восьмую) часть «Анны Карениной» вследствие своего несогласия с выраженным в ней отрицательным отношением к добровольческому движению в защиту Сербии против Турции. В майской книжке «Русского вестника» 1877 г., в которой должна была появиться восьмая часть, Катков поместил объявление, в котором писал, что «со смертью героини собственно роман кончился. По плану автора следовал бы еще небольшой эпилог, листа в два, из коего читатели могли бы узнать, что Вронский в смущении и горе после смерти Анны отправляется добровольцем в Сербию и что все прочие живы и здоровы, а Левин остается в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев». По выходе же отдельного издания восьмой части романа, Катков в № 7 «Русского вестника» 1877 г. напечатал статью «Что случилось по смерти Анны Карениной», в которой пересказал содержание окончания романа, с приведением из него обширных выдержек (см. т. 20).

[133] Толстой в 1885 г. переехал на зиму в Москву 1 ноября. Софья Андреевна с детьми переехала 12 октября.

[134] Здесь говорится об Алексее Петровиче *Залюбовском*, в 1884 г. отказавшемся по религиозным убеждениям от присяги и военной службы. Это был первый случай отказа от воинской повинности среди единомышленников Толстого. Залюбовский был зачислен в артиллерию, затем помещен в Киевский военный госпиталь, в отделение для душевнобольных, где пробыл месяц. После пересылок по разным тюрьмам Залюбовский был причислен к горной батарее, стоявшей в Ашхабаде, а оттуда за отказ от караульной службы отправлен в дисциплинарный батальон в Екатеринодар, где пробыл год, подвергаясь многократным заключениям в карцере. Освобожден от службы в 1887 г. Толстой много хлопотал об облегчении положения Залюбовского, обращаясь к А. М. Кузминскому, гр. Е. И. Шуваловой, П. И. Бирюкову, В. В. Стасову (т. 63, с. 299, 300, 301, 463).

[135] «Повесть об Аполлонии Тирском» в русском переводе была издана в «Летописях русской литературы и древностей» (т. I, 1859) Н. С. Тихонравовым. Аполлоний Тирский — герой греческого романа, распространенного в средние века. В XVII и XVIII вв. повесть о похождениях Аполлония Тирского была распространена в списках и лубочных изданиях. Какое переложение повести читалось у Толстого, нам неизвестно (С. Л. Т.).

[136] Речь идет о написанной тогда Толстым «Сказке об Иване дураке и его двух братьях, Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье и о старом дьяволе и трех чертенятах» (т. 25).

[137] По поводу сказки «Об Иване дураке» Страхов писал Толстому 26 октября 1885 г. («Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». СПб., 1914, стр. 326).

[138] Крупный московский книгоиздатель Иван Дмитриевич *Сытин* (1851—1934) с 1885 по 1903 г. финансировал издательство «Посредник».

[139] Иллюстрация И. Е. Репина к рассказу Толстого «Вражье лепко, а божье крепко» была отпечатана в изд. «Посредник» на одном листе с текстом рассказа и вышла в свет в феврале 1886 г.

[140] Говорится о картинах В. В. Верещагина: «Христос плотник», «Воскресение», «Казнь на Семеновском плацу» и «Казнь в Индии», которые в то время не могли быть выставлены в России. В конце ноября фотографии с этих картин были присланы Толстому Стасовым с ехавшей в Петербург С. А. Толстой (письмо Стасова к Толстому от 20 декабря 1885 г.—«Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906», стр. 71—73).

[141] Как и Ренан, Шлейермахер (Schleiermacher) (1768—1834) уделял в своих богословских сочинениях много внимания внешней стороне жизнеописания Христа, что, по мнению Толстого, скрывало самую суть христианского учения.

[142] Эмиль *Литтре* (1801—1881) — французский философ-позитивист, филолог и политический деятель; основатель и издатель журнала «Revue de philosophie positive» (с 1867 г.). После Парижской коммуны занял враждебную пролетариату позицию.

[143] Григорий Николаевич *Вырубов* (1843—1913) — философ-позитивист, минералог и химик. В 1867—1883 гг. участвовал в издании (до 1881 г. совместно с Литтре) журнала «Revue de philosophie positive».

[144] В. Фрей был женат на Марии Евстафьевне Славинской. См. о ней на стр. 534 первой книги настоящего тома.

[145] Толстой приехал в Петербург в 1855 г. не с Кавказа, а из Севастополя.

[146] Речь идет о последних главах трактата «Так что же нам делать?» (т. 25).

[147] «Vicaire Savoyard» («Савойский викарий») — так Толстой сокращенно назвал одну из глав IV книги «Эмиля» Руссо —«Исповедание веры савойского викария». Под «предисловием» к этой главе Толстой разумел, очевидно, первый ее параграф, который приводим целиком: «Дитя мое, не ожидайте от меня ни ученых речей, ни глубокомысленных рассуждений, я не великий философ и мало забочусь о том, чтобы быть им. Но я имею порою здравый смысл и всегда люблю истину. Я не хочу ни спорить с вами, ни даже пытаться убедить вас; для меня достаточно изложить вам, что я думаю в простоте своего сердца. Следуйте в продолжение моей речи внушению вашего сердца — вот все, о чем я прошу вас. Если я ошибаюсь, то искренно; и этого достаточно, чтобы моя ошибка не вменялась мне в преступленье; если вы тоже ошибаетесь, в этом не будет большой беды. Если же я думаю правильно, если у обоих нас есть разум и в наших интересах слушать его, то почему же вам не думать так же, как я?» (Жан Жак Руссо. Эмиль, или О воспитании. Перевод с французского П. Д. Первова. Изд. 2-е. М., 1911, стр. 385).

[148] Николай Николаевич *Ге* (1831—1894) — художник и его сын Николай Николаевич (1857—1940). Ге-сын был одно время последователем учения Толстого и жил земледельческим трудом; затем был сотрудником С. А. Толстой по изданию сочинений Толстого. В 90-х годах переселился в Швейцарию и принял французское подданство.

[149] Александр Степанович *Пругавин* (1850—1921) — этнограф и исследователь старообрядчества и сектантства, знакомый Толстого с 1881 г.; автор ряда статей о Толстом.

[150] «Наука и искусство» — главы 29—31 и 33—38 трактата «Так что же нам делать?» (т. 25).

[151] Вероятно, очерки Г. И. Успенского «Через пень-колоду» и «Захотел быть умнее отца. (Из деревенских заметок)», напечатанные в «Русской мысли», 1886, № 1, стр. 311—334.

[152] Рассказ О. Н. Хмелевой «Марья-кружевница» был издан «Посредником» в 1886 г.

[153] Не «Три старика», а «Три старца» — написанная в то время Толстым легенда (т. 25).

[154] Иллюстрации Н. Н. Ге к легенде Толстого «Чем люди живы» были изданы М. Пановым в виде альбома: «„Чем люди живы" Л. Н. Толстого с рисунками Н. Н. Ге». М., 1886.

[155] Очевидно, речь идет о картине Н. Н. Ге «Выход Христа с учениками с тайной вечери в Гефсиманский сад», оконченной в 1888 г. Картина «Тайная вечеря» была написана в 1866 г. (обе картины находятся в Государственном Русском музее в Ленинграде).

[156] Стихотворение А. Н. Апухтина «Год в монастыре. (Отрывки из дневника)» было напечатано в «Русской мысли», 1885, № 1, стр. 292—310.

[157] Очевидно, Владимир Владимирович *Трескин* (род. в 1862 г.) — сын московского нотариуса В. А. Трескина, приятель Сергея и Ильи Львовичей Толстых.

[158] Вера Сергеевна *Толстая* (1861—1923) — племянница Толстого, дочь его брата Сергея Николаевича.

[159] Сестры В. С. Толстой: Варвара Сергеевна (1871—1920) и Мария Сергеевна, впоследствии по мужу Бибикова (1872—1954).

[160] Толстой имел в виду только что изданную тогда «Посредником» книжку: «Греческий учитель Сократ» (М., 1886). Книжка была написана А. М. Калмыковой, но совершенно переработана Толстым, прибавившим целую главу — восьмую (см. т. 25).

[161] А. Н. Афанасьев. Русские народные легенды. Книга вышла в 1860 г. и несколько раз переиздавалась.

[162] «Три маленькие вещицы», написанные тогда Толстым, это: «Кающийся грешник» «Как чертенок краюшку выкупал» и «Три старца». Сюжеты первых двух легенд заимствованы из сборника А. Н. Афанасьева «Русские народные легенды», читанного в то время Толстым. Что же касается третьей, которую Толстой тогда давал читать Н. Н. Ге, то самое время ее появления в печати (она была напечатана в № 13 «Нивы» 1886 г., разрешенном цензурою 26 марта) позволяет думать, что она была написана «на масленице» 1886 г. «Большая» вещь, написанная тогда Толстым,— несомненно легенда «Крестник». Относительно времени написания легенд «Кающийся грешник» и «Три старца» не имелось никаких данных, и мемуары Ивакина впервые дают возможность приурочить их к февралю 1886 г.

[163] *Никола Святоша* — черниговский князь Святослав, сын Давида Святославовича; в 1106 г. постригся в монахи, приняв имя Николая. Умер в 1143 г. Его житие вошло в состав Киево-Печерского патерика (см. «Патерик Киево-Печерского монастыря», изд. Археографической комиссии. СПб., 1911).

[164] Сестра Льва Николаевича, Мария Николаевна Толстая. См. о ней на стр. 532 первой книги настоящего тома.

[165] «Феерия в трех действиях» «Анчутка беспятый»— переделка одноименной сказки А. Ф. Погосского, вышедшая в 1863 г. и позднее неоднократно переиздававшаяся. Автором переделки была Екатерина Палей. Рукописный экземпляр «феерии» имеется в библиотеке Всероссийского театрального общества (Москва).

[166] Дмитрий Петрович *Лебедев* был с 1883 по 1892 г. хранителем рукописей и славянских старопечатных книг в Румянцевском музее. В предшествующих записях, не включенных в настоящую публикацию, Ивакин сообщает о желании Софьи Андреевны передать рукописи Толстого в музей, но при условии сохранения за ней права взять их обратно по первому требованию. В связи с этим Лебедевым были составлены два варианта проекта условий передачи рукописей — на простое хранение, чтобы музей рукописей не касался, и на хранение с приведением рукописей в порядок.

[167] Даниил *Ачинский* (Даниил Корнильев Делиенко) (1784—1843) — крестьянин местечка Новые Сенжары, Кобелякского у., Полтавской губ. В 1807 г. был взят в солдаты, был под Бородином, в 1813 — 1815 гг. находился в русских войсках в Париже. В 1823 г. судился за принятое им решение оставить военную службу ради пустынножительства. Как упорствующий в своем мнении и не хотящий служить («показал, что лучше согласен получить смерть, нежели оставить свое намерение») выключен из воинского звания и назначен в ссылку в Нерчинск на работы в рудниках. По отбытии каторги был освобожден и жил отшельником в Ачинске. Умер в Енисейске. См. «Сказание о жизни и подвигах в бозе почившего старца, подвизавшегося в Сибирской стране в Енисейской губ. в пределах г. Ачинска». М., 1885 (выдержало несколько изданий). Толстой имел в виду изложить жизнь Даниила Ачинского для издания в виде дешевой и популярной книжки в «Посреднике»; однако это намерение не было осуществлено (С. Л. Т.).

[168] Альсид *Сейрон* (1869—1891).

[169] Софья Андреевна звонила в колокол, привешенный к вязу, росшему перед домом (существует и в настоящее время). Звон этого колокола был слышен на далекое расстояние; им жители яснополянской усадьбы призывались к завтраку, обеду и т. п. (С. Л. Т.).

[170] Имеется в виду труд известного филолога и историка религий Фридриха Макса Мюллера (1823—1900) «Introduction to the Science of Religion». London, 1873 (французский перевод: «Essais sur la science des religions», 1873). Толстой читал его еще в 1877 г.

[171] А. Н. Островский умер 2 июня 1886 г.

[172] Письмо Островскому с предложением участвовать в издательстве «Посредник» было написано Толстым около 22 мая 1886 г. (т. 63, с. 360).

[173] Имеется в виду письмо В. Фрея от 24 июня н. с. 1886 г., в котором он благодарил Толстого за дружеский прием и сообщал дополнительно свои мысли о «религии человечества», которые он не успел высказать в разговоре (см. первую книгу настоящего тома, стр. 535).

[174] Об этом посетителе Толстой упоминает в письме к Черткову от 28—29 июня 1886 г., называя его учеником Московского технического училища, «выходящим из училища» (т. 85, с. 361).

[175] О чеченце Балте Исаеве — см. выше прим. 51.

[176] Альберт (Авраам Урия) Григорьевич *Ковнер* (1842—1909) — писатель и журналист, начавший свою литературную деятельность в еврейской печати; в начале 70-х годов — сотрудник радикальных журналов «Дело», «Всемирный труд», постоянный фельетонист газеты «Голос». В 1873 г. поступил на службу в Петербургский учетный и ссудный банк. В 1875 г. похитил путем подлога 168 000 рублей, хотел бежать в Америку, но был задержан, судим и приговорен к четырем годам арестантских рот, замененных сначала тюрьмой, а затем поселением в Сибири. Из Сибири возвратился в первой половине 90-х годов.

Ковнер писал Толстому 30 апреля 1886 г. из Омска, где служил тогда помощником ревизора контрольной палаты. Сообщая о своем деле, он просил Толстого дать ему возможность пожить в Ясной Поляне, чтобы помогать Толстому в его работе. К письму Ковнер приложил свое сочинение «Почему я не верю» и стихотворение, написанное на древнееврейском языке.

Упоминаемое письмо Достоевского к Ковнеру датировано 14 февраля 1877 г. и впервые опубликовано в книге: «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». СПб., 1883, стр. 320. Письмо Ковнера к Достоевскому с изложением мотивов преступления датировано 26 января 1877 г. и напечатано в книге: «Ф. М. Достоевский. Письма», т. III. М.—Л., 1934, стр. 377—382. О судьбе Ковнера подробно рассказано в книге Л. П. Гроссмана «Исповедь одного еврея». М.—Л., 1924.

[177] Константин Михайлович *Сибиряков* — сын богатого сибирского золотопромышленника, был в молодости связан с революционерами и кружками народников; в 1878—1881 гг. издавал журнал «Слово», близкий к либеральным народникам. Позднее находился под влиянием взглядов Толстого, с которым вступил в переписку в 1885 г. и лично познакомился с ним. Имел земли на Кавказе и в Самарской губ., сочувствовал устройству земледельческих общин в духе Толстого. На земле Сибирякова на Кавказе (в Уч-Дере) основалась в 1886 г. первая толстовская земледельческая колония, просуществовавшая около пяти месяцев. Главным руководителем ее был упоминаемый ниже Ивакиным Н. Л. Озмидов (С. Л. Т.).

[178] Иеросхимонах *Амвросий* (Александр Михайлович Гренков) (1812—1891) — старец Оптиной пустыни, пользовавшийся большой популярностью среди верующих.

[179] Сочинение Марка Аврелия «Наедине с собой» разделяется на двенадцать «книг» — глав. Перевод Ивакина в печати не появился.

[180] См. письма к В. И. Алексееву от октября—декабря (?) 1886 г. и от начала января 1887 г. (т. 63, с. 432; т. 64, с. 5). Второе письмо, датированное в т. 64 предположительно, может быть датировано на основании этой записи более точно: декабрем 1886 г.

[181] Николай Яковлевич *Грот* (1852—1899) — философ-идеалист, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества и один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии»; знакомый Толстого с 1885 г.

[182] Алексей Никитич *Гиляров* (1856—1938) — философ, с 1888 г. профессор Киевского университета, с 1922 г.— действительный член Академии наук УССР. Автор ряда работ по истории философии, в частности древнегреческой.

[183] Владимир Михайлович *Жемчужников* (1830—1884), брат поэта Алексея Михайловича. В. М. Жемчужников был известен своими остротами и шутками (С. Л. Т.).

[184] Эту мысль английского поэта Сэмуэля Кольриджа (1772—1834) Толстой приводит в качестве эпиграфа к своему «Ответу на определение синода» (1901): «He who begins by loving Christianity better than Truth will proceed by loving his own seit or Church betterithan Christianity and end in loving himself better than all» (Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более, нежели истину, очень скоро полюбит

свою собственную секту или церковь более, нежели истину, и кончит тем, что будет любить себя более всего на свете) (т. 34, с. 245).

[185] «Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фридерики Луизы» (переделка Матвеем Комаровым английской рукописной повести XVIII в.) и «Пан Твардовский» (повесть, основанная на польской народной легенде) многократно издавались в лубочных изданиях и получили широкое распространение в народе. Толстой был очень увлечен мыслью об исправлении и улучшении текста этих изданий, о чем он в декабре 1886 г. и в первые месяцы 1887 г. писал разным лицам (см. т. 63, с. 428; т. 64, с. 27—30, 43, 47, 51, 53).

[186] «Арифметика» М. Ф. Меморского — учебное руководство, вышедшее первым изданием в 1813 г. и позднее многократно переиздававшееся.

[187] Толстой поправлял корректуры драмы «Власть тьмы, или Коготок увяз — всей птичке пропасть», отданной в набор во второй половине ноября 1886 г. (т. 26).

[188] Об этом посещении Толстого Сергеем Андреевичем Юрьевым (1821—1888) и профессором Николаем Ильичем Стороженко (1836—1906) и чтении им Толстым драмы «Власть тьмы» других сведений не имеется.

[189] Михаил Васильевич *Лентовский* (1843—1906) — актер и антрепренер, основатель народного театра «Скоморох» в Москве. Драма «Власть тьмы» была первоначально задумана Толстым для этого театра (т. 26, с. 708).

[190] «Власть тьмы» в то время не была разрешена театральной цензурой к постановке на сцене, и лишь 15 сентября 1895 г. последовало разрешение Николая II на постановку пьесы в императорских театрах. Вскоре после этого она была разрешена к постановке также и на частных сценах. 16 октября 1895 г. «Власть тьмы» была поставлена в театре Литературно-артистического кружка в Петербурге, 18 октября того же года — в Александринском театре, 25 октября — в театре «Скоморох» в Москве и 29 ноября — в московском Малом театре. Этому предшествовала единственная постановка пьесы на домашней сцене у А. В. и В. Н. Приселковых (в Петербурге), состоявшаяся в 1890 г. (т. 26, с. 721—726). К печати пьеса была разрешена в начале 1887 г. и вышла в изд. «Посредник» в феврале 1887 г.

[191] Имеется в виду книга Rev. Samuel Beal «A Catena of Buddhist Scriptures, from the Chinese». London, 1871.

[192] С. А. Толстая передала рукописи Толстого на хранение в Румянцевский музей 1 сентября 1887 г.

[193] Василий Андреевич *Дашков* (1819—1896) — директор Румянцевского музея в Москве в 1867—1896 гг.

[194] Рукопись «Краткое изложение Евангелия» Толстого была передана в Публичную библиотеку в Петербурге в 1883 г. через Страхова.

[195] М. Н. Каткова.

[196] Рукописи Толстого хранились в Румянцевском музее до 1904 г., когда вследствие ремонта помещения С. А. Толстая вынуждена была взять их и поместить на хранение в Исторический музей, где они находились до 1915 г. После этого они вновь были переданы в Румянцевский музей. В 1939 г., на основании правительственного постановления «О Государственном музее Л. Н. Толстого», все рукописи Толстого из всех архивохранилищ Советского Союза были переданы музею, где они и хранятся теперь.

Упоминание Ивакина о том, что С. А. Толстая «года через три или четыре» взяла рукописи назад, очевидно связано с новым оформлением передачи рукописей, которое состоялось 30 марта и 14 мая 1894 г.

[197] Владимир Иванович *Шенрок* (1853—1910) — историк литературы, исследователь жизни и творчества Гоголя. В 1887 г. издал книгу: «Ученические годы Гоголя».

[198] Анатолий Иванович *Леман* (1859—1913) — по профессии зубной врач, приобрел известность как скрипичный мастер; автор нескольких повестей и рассказов, не имеющих художественных достоинств. В 1887—1889 гг. бывал неоднократно у Толстого. В дневнике от 18 марта 1889 г. Толстой записал о его посещении: «Был Леман 〈...〉 Он ссыхается 〈...〉 Он хочет быть оригинальным, говорит: Я узнал, что люблю наслаждения; но только мне нужны особенные наслаждения — лучше: тройки, обеды, женщины и т. д. Бедный! Это не что иное, как смешные décadents» (т. 50, с. 54).

[199] Предшествующие этому записи Ивакина относятся к январю 1888 г. К этому же времени (или к началу февраля) можно отнести и настоящий эпизод.

[200] Имеется в виду известное письмо Белинского к Гоголю от 15 июля 1847 г. Толстой мог взять в библиотеке или июльский номер «Вестника Европы» 1872 г., где письмо Белинского было напечатано В. П. Чижовым с большими сокращениями, или книгу А. Н. Пыпина «В. Г. Белинский. Его жизнь и переписка». СПб., 1876, в которой был перепечатан текст, опубликованный Чижовым. До 1894 г. других публикаций письма Белинского в России не было. Толстому это письмо было нужно для статьи о Гоголе, которую он думал поместить в качестве предисловия к книжке А. И. Орлова «Н. В. Гоголь как учитель жизни», вышедшей в 1888 г. в изд. «Посредник». Об отношении Толстого к письму Белинского см. сообщение С. М. Бройтбурга «Л. Н. Толстой о „Письме Белинского к Гоголю“» («Литературное наследство», т. 57. 1951, стр. 273—280).

[201] В «Сочинениях графа Л. Н. Толстого», ч. 13 (М., 1888) был напечатан трактат «О жизни». По постановлению духовной цензуры книга эта была запрещена и уничтожена. Два уцелевших экземпляра этого издания хранятся в библиотеке Музея Л. Н. Толстого в Москве. Впервые трактат был напечатан М. К. Элпидиным в Женеве в 1891 г. (т. 26).

[202] Речь идет о статье Толстого «Праздник просвещения 12-го января», написанной 9—10 января 1889 г. и напечатанной в № 11 «Русских ведомостей» от 12 января 1889 г. (т. 31, с. 446—450).

[203] Алексей Яковлевич *Кожевников* (1836—1902) — невропатолог, с 1884 г.— профессор Московского университета по кафедре нервных и душевных заболеваний.

[204] Вечером 12 января 1889 г. московская администрация получила по телефону уведомление, будто бы из ресторана «Эрмитаж» к дому Толстых направляется пьяная толпа говорить с Толстым по поводу его статьи «Праздник просвещения». Администрация послала к дому Толстых полицейского, который велел затворить ворота, поставил городовых и просил Льва Николаевича не выходить из дома. Слух, очевидно, был ложный. Об этом писала С. А. Толстая Т. Л. Толстой 13 января 1889 г. (АТ).

[205] 24 декабря 1888 г. у И. Л. Толстого родилась дочь Анна (ум. 1954) — первая внучка Толстого.

[206] Николай Лукич *Озмидов* (1844 — 1908) — близкий знакомый Толстого, до некоторой степени разделявший его взгляды; в то время занимался перепиской запрещенных произведений Толстого.

[207] Вероятно, князь Алексей Владимирович Львов.

[208] Список ста лучших книг для чтения составлялся Толстым по просьбе издателя В. Н. Маракуева 16 марта 1889 г., как это записано в его дневнике под этим числом (т. 50, с. 53). Список этот пока не разыскан.

[209] Ошибка Ивакина. Следует: «Агафья». Толстой читал этот рассказ в сборнике А. П. Чехова «В сумерках. Очерки и рассказы» (изд. 2-е. СПб., 1888).

[210] Александр Иванович *Дюбюк* (1812—1897) — пианист, профессор Московской консерватории, композитор.

[211] Клара *Шуман* (1819—1896).

[212] О первом чтении Чехова — том самом, о котором говорит Ивакин — Толстой записал в дневнике от 15 марта 1889 г.: «Читаю хорошенькие вещицы Чехова. Он любит детей и женщин, но этого мало». Затем 17 марта: «Читал Чехова. Нехорошо — ничтожно». И другая запись в тот же день: «Весь вечер сидел один — читал Чехова. Способность любить до художественного прозрения, но пока незачем» (т. 50, с. 52—53). Толстой еще при первом чтении Чехова отметил, следовательно, наличие в нем большого художественного дарования и вместе с тем отсутствие «своей определенной точки зрения» — мнение, при котором он остался до конца жизни.

[213] Ольга Алексеевна *Баршева* (1844—1893) — подруга М. А. Шмидт по службе в Николаевском сиротском женском училище, которое она оставила одновременно с нею под влиянием идей Толстого. Последние годы жила вместе с М. А. Шмидт. Посещение ее Толстой отметил в дневнике от 12 апреля 1889 г. (т. 50, с. 65).

[214] Книгоиздательством «Посредник» в то время был выпущен ряд брошюр против пьянства.

[215] Уильям Фредерик *Фаррар* (1831—1903) — английский писатель-богослов. Толстой называл его «фальшивым писателем» (письмо к Н. Н. Страхову от 27 или 28 октября 1890 г.— т. 65, с. 176).

[216] Шекеры — религиозная секта, возникшая в Америке в штате Нью-Йорк в конце XVIII в. Целомудрие, даже безбрачие, общность имущества и труд легли в основу их этики (С. Л. Т.).

[217] В ноябре 1888 г. Толстой получил от американской писательницы-врача Алисы Стокгэм (Stockham) (1839—1902) ее книгу: «Tocology. A book for every woman». Chicago, 1888. 30 ноября 1888 г. он писал автору об этой книге: «Я просмотрел ее и нахожу, что она 〈...〉 действительно книга не только для женщин, но и для всего человечества 〈...〉 Очень желал бы, чтобы ваша книга продавалась в Москве и Петербурге» (т. 64, с. 202). Книга была переведена на русский язык С. М. Долговым и напечатана с предисловием Толстого, написанным 2 февраля 1890 г., под заглавием: «Токология, или Наука о рождении детей. Книга для женщин. Д-ра медицины Алисы Стокгэм». М., 1892 (т. 27, с. 267—268).

[218] Толстой тогда приступил к переработке «Крейцеровой сонаты», начатой им в октябре 1887 г.

[219] 12 апреля 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Пошел на выставку, но испугался множества народа и вернулся» (т. 50, с. 65).

[220] Упоминаемые картины: Н. Н. Ге «Выход Христа с учениками с тайной вечери в Гефсиманский сад» и Репина «Св. Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных» были выставлены на XVII Передвижной выставке. Толстой смотрел их 15 апреля 1889 г., после чего записал в дневнике: «Картина Репина невозможна — все выдумано. Ге — хорош очень» (т. 50, с. 68).

[221] Петр *Хельчицкий* (1390—1460) — чешский писатель, автор сочинения «Сеть веры», обличающего современный общественный строй с точки зрения христианства.

Толстой считал книгу Хельчицкого «одной из редких, уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство» («Царство божие внутри вас», гл. I — т. 28, с. 18). В 1889 г. еще не было русского перевода книги Хельчицкого. Впервые он появился в издании Академии наук в 1893 г. Предположение Ивакина, будто Толстой только из его слов в 1889 г. узнал о Петре Хельчицком, ошибочно. В первой главе своего сочинения «Царство божие внутри вас» Толстой говорит, что вскоре после выхода в немецком переводе его книги «В чем моя вера» он получил письмо от профессора Пражского университета, знакомившего его с сочинением Хельчицкого (т. 28, с. 16). «Пражский профессор» — это Томаш *Масарик* (1850—1937), в 1882—1914 гг.— профессор философии Пражского университета, в 1920—1935 гг.— президент Чехословацкой республики (см. о нем также стр. 225 и 238 настоящего тома). Письмо Масарика о Петре Хельчицком и его книге в архиве Толстого не сохранилось. В письме от 26 февраля 1888 г. Масарик извещал Толстого, что просил Н. Я. Грота доставить ему «Сеть веры».

[222] Николай Абрамович *Полушин* (а не Павлушин) (1839—1902) — автор рассказов и сцен из народного быта; с 1889 г. сотрудник И. Д. Сытина по изданию народных календарей. Был знаком с Толстым с 1887 г. Толстой продвигал произведения Полушина в печати, а также рекомендовал его Сытину. В 1893 г. Полушин написал рассказ «Блуждающая душа», направленный против Толстого, в защиту церковного учения, и имел по поводу этого рассказа переписку с Победоносцевым, прося у него содействия напечатанию рассказа (см. «Летописи Гос. Литературного музея», кн. 12. М., 1948, стр. 103, 110—112). Однако рассказ напечатан не был.

[223] Георгий Семенович *Анненков* (1848—1885) — историк-славист; автор ряда работ по истории протестантства в Польше и Чехии.

[224] Посещения Ивакина, И. И. Янжула и Н. И. Стороженко отмечены в дневнике Толстого 12 апреля 1889 г. (т. 50, с. 65).

[225] А. Н. Пыпин писал о Петре Хельчицком в книгах: А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур (СПб., 1865, стр. 304—309) и А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. II (изд. 2-е. СПб., 1881, стр. 880—887).

[226] «Orbis sensualium pictus» («Видимый мир в картинах») — философско-педагогическое сочинение Яна Амоса Коменского (1658). В русском переводе было издано впервые в 1768 г.; 2-е изд.— 1788.

[227] Это посещение библиотеки Румянцевского музея и Н. Ф. Федорова отмечено в дневнике Толстого от 22 апреля 1889 г.: «Ходил в Румянцевский музей. Беседовал с Николаем Федоровичем, взял Сен-Симона. Интересная биография» (т. 50, с. 72). Толстой взял в библиотеке биографию Сен-Симона, составленную Г. Гюбаром: G. Hubbard. S.-Simon, sa vie et ses travaux. Paris, 1857.

[228] 1 марта — 2 апреля 1889 г. Толстой работал над статьей «Об искусстве», вызванной просьбой редактора журнала «Русская мысль» В. А. Гольцева — дать определение искусства для его публичной лекции. Толстой предполагал напечатать эту статью в журнале «Русское богатство». Статья была набрана, но, получив корректуру, Толстой «перечел и убедился, что в таком виде печатать невозможно», «начал поправлять и не кончил» (письмо к Л. Е. Оболенскому от 2 апреля 1889 г.— т. 64, с. 240). Вслед за этим Толстой начал писать статью заново и работал над нею весь апрель и начало мая. Однако и в этой редакции она не была закончена и при жизни Толстого напечатана не была (т. 30).

[229] Осип Ильич *Фельдман* (1863—1912) — врач-гипнотизер, живший одно время в США и там получивший степень доктора судебной медицины. Пользовался признанием многих людей науки, хотя часть медицинской прессы ему не доверяла. Был у Толстого 17, 22 и 29 апреля. 17 апреля Толстой ходил с Фельдманом к Н. Я. Гроту с предложением поставить доклад Фельдмана в Психологическом обществе. В дневнике Толстого от 17 апреля 1889 г. записано: «Пришел Фельдман гипнотизатор. Шарлатанство, а что не шарлатанство, то не нужно» (т. 50, с. 68) (С. Л. Т.).

Упоминаемый ниже альбом О. И. Фельдмана с собранием автографов знаменитых людей в настоящее время хранится в ЦГАЛИ. В нем есть фотография Толстого с дарственной надписью: «О. И. Фельдману. 1889, 29 апреля. Л. Толстой» (ЦГАЛИ, ф. 1188, оп. 1, ед. хр. 5, л. 101).

[230] Психологическое общество при Московском университете было основано в 1884 г. по инициативе Н. Я. Грота. Он же был и его первым председателем. Реферат «Вопрос о свободе воли» (первая часть) был прочитан Л. М. Лопатиным в заседании Психологического общества 3 апреля 1889 г. Толстой читал этот реферат, о чем свидетельствует запись его в дневнике от 13 апреля 1889 г. (т. 50, с. 66).

[231] Франц *Палацкий* (1798—1876) — чешский историк, историк литературы и политический деятель; автор «Истории Чехии», которая печаталась на немецком языке в Праге с 1836 по 1874 г. (С. Л. Т.).

[232] Это посещение Ивакина отмечено в дневнике Толстого под 29 апреля 1889 г. (т. 50, с. 76).

[233] П. И. Бирюков в то время жил на своем хуторе в Костромской губ.

[234] Александр Никифорович *Дунаев* (1850—1920) — один из директоров Московского торгового банка; друг семьи Толстых. См. о нем также стр. 154 и 228 настоящего тома.

[235] Один из этих студентов — Николай Иванович Тулинов. Его посещение отмечено в дневнике Толстого (т. 50, с. 76). О другом студенте сведений нет.

[236] Граф Федор Иванович *Толстой* (1783—1846) — двоюродный дядя Льва Николаевича, известный в свое время бреттер. «Американцем» прозван был потому, что участвовал в первом кругосветном плавании русских кораблей под командой адмирала Крузенштерна и побывал в русских колониях в Америке (см. С. Л. Толстой. Федор Толстой-американец. М., 1926; Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии 1828—1855. М., 1954, стр. 13—17). Об упомянутом ниже случае с братом Сергеем Толстой рассказывает в своих «Воспоминаниях» (т. 34, с. 392—393).

[237] Андрей Иванович *Ершов* (1834—1907) — участник обороны Севастополя, автор книги «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» (СПб., 1858). Ершов просил Толстого написать предисловие к новому изданию его книги. Толстой исполнил его желание и в период между 14 января и 10 марта 1889 г. написал предисловие, но остался недоволен написанным, и книга Ершова появилась в 1891 г. в издании Суворина без предисловия Толстого. Предисловие же Толстого было напечатано лишь в 1902 г. в издании «Свободного слова» в книге «Л. Н. Толстой. Против войны» (т. 27, с. 520—525).

[238] *Клопский* или *Клобский* (1852—1898) — сын дьякона, учился в духовной семинарии, затем в Петербургском и Московском университетах. Выдавал себя то за народовольца, то за толстовца и производил впечатление душевно неуравновешенного человека. В середине 90-х годов эмигрировал в Америку (С. Л. Т.).

[239] Земля, которую предполагала купить С. А. Толстая, это имение Гриневка в Чернском у. Тульской губ., смежное с имением Толстых Никольским-Вяземским, в 100 км от Ясной Поляны. Это имение было впоследствии куплено и по разделу между детьми Толстого досталось Илье Львовичу (С. Л. Т.).

[240] Толстой ходил на Хамовнический плац смотреть обучение солдат 21 и 24 апреля. 21 апреля он записал в дневнике: «Страшно и странно смотреть, как серьезно и уверенно делают эти гадости и глупости. Мне даже кажется, что им стыдно». 24 апреля: «Ходил смотреть на солдат и их ученье. Притягивает, как боа констриктор» (т. 50, с. 71 и 73).

ВСТРЕЧИ С ТОЛСТЫМ

Воспоминания П. И. Нерадовского*

«Я вас, друзей своих, прошу, когда меня не станет, помнить об этом: не придавайте большого значения тому, что я говорю в разговорах. Я иногда говорю зря, необдуманно, под впечатлением минуты. К письмам я отношусь с большей осторожностью, но вполне ответственным чувствую себя только за то, что отдаю в печать и что побывало у меня в корректурах».

Слова Л. Н. Толстого, записанные Д. П. Маковицким («Яснополянские записки», вып. 1, 1922, стр 16).

О Льве Николаевиче Толстом написано так много интересных воспоминаний близких к нему людей, так много сохранилось его дневников, такая громадная переписка, а также всяких других материалов, что у меня никогда не являлось мысли записывать свои встречи с этим великим человеком.

Может быть, я никогда и не написал бы этих воспоминаний, если бы меня не побудили к этому мои друзья, которым я рассказывал о своих встречах с Львом Николаевичем Толстым.

Так, я помню, однажды ко мне в Русский музей пришел Константин Семенович Шохор-Троцкий и очень убеждал меня написать то, что я помню о встречах с Львом Николаевичем.

Особенно убеждал меня начать писать воспоминания Алексей Васильевич Лебедев (хранитель Гос. Третьяковской галереи), который предлагал даже записывать их с моих слов, и другие друзья.

Я познакомился с Львом Николаевичем Толстым в 1891 г. через его дочь Татьяну Львовну, с которой мы учились тогда в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, и встречался с ним время от времени в 90-х годах прошлого столетия. Вот почему и воспоминания мои приняли форму отрывков и заметок, которые не имеют целью дать что-либо связное, новое для характеристики творчества или идейных исканий Льва Николаевича, но представляют лишь воспоминания об отдельных встречах, моментах жизни и общения с Львом Николаевичем в различных ситуациях.

Я записал мои встречи с Львом Николаевичем Толстым так, как они сохранились у меня в памяти, записал, не придерживаясь строго хронологии, и записал все, свидетелем чего мне довелось быть; лишь в очень немногих случаях я передал слышанное мною от людей очень близких Льву Николаевичу.

---

* Воспоминания художника Петра Ивановича Нерадовского написаны в 1955—1956 гг. Печатаются с некоторыми сокращениями.— *Ред.*

МУЗЫКА

22 декабря 1893 г.

В декабре 1893 г. М. А. Олсуфьев пригласил пианиста Д. С. Шора, меня и других знакомых поехать к Толстым (в Хамовники). Михаил Адамович хотел, чтобы Шор, который лето этого года провел в Никольском, много и с большим успехом играл там, теперь поиграл бы Льву Николаевичу.

Приехали к Толстым вечером. Все сидели в маленькой гостиной. Разговор вскоре зашел о музыке. Больше всех говорил Лев Николаевич. Он с особенной горячностью отрицал музыку, роль ее в современном обществе. Приводил одно за другим доказательства ее ненужности.

— Современная музыка,— говорил он,— это все равно, что шалая лошадь, которая носится по задворкам, задает козла, валит изгороди... Я ценил бы музыку, если бы она служила людям, помогала им в тяжелом труде. Вот, если бы, например, оркестр играл в поле во время летних полевых работ. Я вспоминаю, как целесообразна музыка, когда в походе играет оркестр. Здесь назначение музыки оправдывается той пользою, которую она приносит. Когда заиграет военный оркестр, у солдат пропадает усталость, они с новой бодростью продолжают поход. Воздействие песни и музыки на утомленных людей я не могу отрицать.

А так, для развлечения — музыка бессмысленна и вредна. От безделья или скуки люди идут в концерты, чтобы взвинтить себя *. Для чего это? Вот посмотрите на них,— он указал на сидевших здесь же своих дочерей.— Вчера они были в симфоническом концерте. Вернулись ночью возбужденные, не спали ночь. Сегодня ходят разбитые, нервничают. К чему это? К чему нужно это возбуждение, искусственно создаваемое концертами?

Разговор постепенно затих. Кто-то попросил Шора что-нибудь сыграть. Он сел за пианино. Раздались звуки Шопена. Шор всегда хорошо исполнял его вещи, а на этот раз он был особенно в ударе.

Когда он кончил играть, Лев Николаевич вдруг встал и быстро подошел к нему. Весь загоревшись, он с увлечением стал объяснять музыканту, как нужно играть некоторые места, которые, по-видимому, в игре Шора его не удовлетворяли. Перегнувшись через плечо Шора, который продолжал сидеть за пианино, Лев Николаевич сам исполнил отдельные музыкальные фразы, стараясь втолковать ему свое понимание этой вещи Шопена и какие оттенки особенно нужно придать отдельным местам ее.

В эти минуты, забыв всё, о чем только что перед тем он говорил, Лев Николаевич со всей присущей ему страстностью убеждал присутствующих, как прекрасна музыка. И нельзя было не видеть, как сильно на него действовала музыка, как он любил и понимал ее.

Толстой говорил, что музыка очень трогает его, до слез, сердце сжимает. «Другие искусства: поэзия, скульптура, живопись не так».

Шор много играл в этот вечер, исполнял по просьбе Льва Николаевича его любимые вещи, вызывал восторги и горячие разговоры об исполненных вещах. А затем вообще об искусстве. Несколько позже, а именно 22 декабря 1893 г., в Москве, Лев Николаевич записал в дневнике: «На днях был тут музыкант Шор. Мы с ним говорили о музыке, и мне в первый раз уяснилось истинное значение искусства, даже драматического» (т. 59, стр. 105).

---

* А позднее, в 1896 г., Толстой записал в дневнике (20 декабря): «Искусственная, господская музыка — музыка паразитов ⟨...⟩ Церковная музыка потому и была хороша, что она была доступна массам. Несомненно хорошо только то, что всем доступно. И поэтому наверное: чем более доступна, тем лучше» (т. 53, с. 125).

ТОЛСТОЙ ЗА РОЯЛЕМ

Рисунок П. И. Нерадовского. Никольское-Обольяново. Январь 1895 г.
Дом—Музей Толстого в Хамовниках, Москва

У КАРТИНЫ Н. Н. ГЕ «РАСПЯТИЕ»

1894 г.

Картина Ге «Распятие» была запрещена властями и убрана с Передвижной выставки 1894—95 гг. в Петербурге. Почитатели Ге перевезли картину в мастерскую Касаткина в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, где ее установили на мольберте для обозрения. В мастерскую началось паломничество.

После снятия картины с Передвижной выставки Н. Н. Ге 2 мая уехал в Ясную Поляну, где пробыл неделю, а 2 июня он умер у себя на хуторе.

Как-то нас, нескольких учеников училища, Т. Л. Толстая позвала в мастерскую Касаткина, куда, как мы узнали от нее, должен был прийти Лев Николаевич.

Когда мы вошли, Лев Николаевич уже ходил с Касаткиным по мастерской.

Картина Ге стояла у стены.

Не могу вспомнить, с кем именно из моих товарищей я пошел смотреть картину Ге, но помню, что, увидев ее, мы долго стояли перед нею молча.

В это время к нам подошел Лев Николаевич. Он взглянул на картину, потом на нас и беспокойно стал ходить взад и вперед около. Мы продолжали смотреть на картину и по-прежнему стояли, не говоря ни слова, хотя и догадывались, что Лев Николаевич ждет наших высказываний о картине.

Наконец он не выдержал и, обращаясь к нам, спросил:

— Ну что? Что вы скажете?

В ответ послышалось что-то невнятное, из чего можно было заключить, что мы находимся в недоумении. Лев Николаевич продолжал наступать, желая заставить нас высказать свое впечатление. Тогда у кого-то из нашей группы сорвалось:

— Да так ли это было?!

— Вот, вот именно так, так оно все и было. Вот такой и был Христос. А они,— Лев Николаевич обратился к Касаткину,— всё еще продолжают представлять себе Христа красавцем, с распущенными волосами, как на академических картинах...

(Между тем ни я и никто из нас не думал даже об академических образцах.)

Картина Ге приковывала к себе, заставляла всматриваться в нее. Особенно поражала тогда необычайность трактовки как всей темы, так и Христа и разбойника, но они казались написанными с виденных нами городских типов.

Помню, что картина произвела на нас в общем тягостное впечатление. С тягостным настроением мы и ушли из мастерской Касаткина.

Тогда же наша группа учеников училища живописи была привлечена П. И. Бирюковым к работе в издательстве «Посредник». В эту группу входили: Россинский, Шемельфеник, Сулержицкий. Мы собирались в редакции «Посредника», где были распределены между нами картины известных русских художников, с которых нам надлежало сделать копии в красках в размер издания. Список картин к этому изданию для народа был составлен в Ясной Поляне Николаем Алексеевичем Касаткиным и Т. Л. Толстой. П. М. Третьяков дал разрешение делать копии у него в галерее непосредственно с оригиналов. Я делал копию с картины Ярошенко «Всюду жизнь», Россинский — В. Маковского «На побывке у сына», еще кто-то, не помню кто именно, копировал с картины «Оправданная» В. Маковского и др.

КОСТЮМИРОВАННЫЙ ВЕЧЕР В ХАМОВНИЧЕСКОМ ДОМЕ

1891 г.

Знакомые семьи Толстых сговорились загримироваться и нарядиться знаменитыми людьми того времени: А. Г. Рубинштейном, И. Е. Репиным, Владимиром Соловьевым, Г. А. Захарьиным, Львом Николаевичем Толстым и др., чтобы в таком виде появиться на костюмированном вечере у Толстых. Из семьи Толстых знали об этом немногие. От Льва Николаевича эту затею тщательно скрывали.

Для каждой знаменитости была подобрана подходящая фигура. Достали костюмы. Грим был сделан искусным гримером Я. И. Гремиславским. Манера держать себя, характерные движения и привычки каждого персонажа были тщательно изучены и усвоены до тонкостей.

Очень хорош был Владимир Соловьев, И. Е. Репин, но особенно удался Лев Николаевич, которого изображал Владимир Михайлович Лопатин *. Его фигура, строение головы — лоб, глубокосидящие глаза, широкий нос,— очень облегчали ему задачу загримировать себя под Льва Николаевича. Ему достали блузу Льва Николаевича. Что касается манеры держать себя, походки, движений — все это Лопатин передавал артистически как наблюдательный человек и талантливый актер, к тому же хорошо знавший Льва Николаевича.

Все помнили, какое веселое оживление вызвало появление на вечере первых ряженых знаменитостей, которых присутствовавшие в начале принимали за настоящих. Казалось, что затея вполне удалась и всем очень понравилась.

Но когда появился Лопатин-Толстой и в зале стало уже два Толстых, настроение сначала несколько изменилось. Все заметили, что Льву Николаевичу было неприятно смотреть на своего так удачно имитированного двойника. Но это скоро прошло: два Толстых в одинаковых блузах, с левой рукой за поясом подошли друг к другу: они поздоровались, и настоящий Лев Николаевич уже весело смеялся и шутил со своим двойником

НАСТАСЬЯ

1893 г.

В декабре 1893 г. на XVI выставке картин московского Училища живописи, ваяния и зодчества были выставлены ученические работы Борисова-Мусатова, Бакала, В. Соколова, Спасского, Т. Л. Толстой и др. Между прочим, на этой выставке были и мои летние работы, среди которых портрет прачки Настасьи, написанный мною в Никольском. Лев Николаевич, бывая часто в училище у своих знакомых художников, видел уже эту выставку.

Не помню хорошо, по какому случаю я пришел вечером к Толстым в Хамовнический переулок. Когда я вошел к ним, Лев Николаевич сидел за чайным столом и разговаривал с Татьяной Львовной, которая ходила по комнате, изредка подходя к столу. Больше никого не было. В это время лакей во фраке и в белых перчатках подал Льву Николаевичу на серебряном подносе спиртовку и все нужное для приготовления каши. Он принялся варить. Открывая крышку кастрюли, мешал кипевшую овсянку, и продолжал разговаривать. Он делился своими впечатлениями

* В. М. Лопатин — юрист, был известен в Москве своими выступлениями в любительских спектаклях. Впоследствии он был принят в труппу Художественного театра.— *Прим. автора.*

о нашей выставке, а затем начал говорить о том, что художники часто не довольствуются своим искусством и залезают в чужую область: живописцы — в литературу или в музыку, хотят достигнуть музыкальности в красках или рассказа в картине, мы — писатели — в живопись, думая, что можем словами выразить то, что только под силу живописцу.

— А я знаю,— говорил Лев Николаевич,— сколько бы я ни старался найти слова, чтобы описать глаза, выражение глаз,— мне не удается это сделать,— и он прибавил,— вот так, как это сделали вы на портрете вашей старушки: глаза смотрят и говорят с вами, и это достигается особыми средствами, свойственными только живописи.

Лев Николаевич добрыми глазами смотрел на меня и ласково говорил со мной, объясняя выражение лица старухи на моем этюде и выражение ее глаз, которые он особенно отмечал.

Потом он рассказывал о картинах, которые ему тогда нравились, достал последний номер английского журнала «График», к которому была приложена гелиогравюра с картины художника Люк Фильдса «Доктор у постели умирающего ребенка». Показывая ее мне, он пояснил:

— Вот, видите, как это трогательно. Сколько любовного внимания, сколько чуткого беспокойства выражено в фигуре доктора. И в то же время как это просто! Все сказано, что нужно, ничего лишнего, а видишь, какая драма перед глазами...

В этот вечер Лев Николаевич произвел на меня очень хорошее впечатление. Ничего особенного не случилось. Ничего особенного сказано не было, но после того вечера у меня начался целый период моей юности, который прошел под большим влиянием Льва Николаевича. Вскоре после этого свидания Л. Н. подписал мне свою фотографию, которую передала мне Татьяна Львовна (см. стр. 525). Вынося ее из кабинета, она сказала мне: «Отец не любит давать свои фотографии, и сердится, когда подписывает их». Я никогда не был толстовцем или даже в какой-либо степени его последователем, но, помню, считал Толстого «нашей совестью». Я зачитывался тогда его произведениями, ходил читать их больным в земской больнице. Помню, какое большое впечатление произвело на больных крестьян чтение рассказов Толстого.

В НИКОЛЬСКОМ

Январь 1895 г.

Хорошо известна дружба семьи Льва Николаевича с семьей Адама Васильевича и Анны Михайловны Олсуфьевых, живших постоянно в деревне под Москвой. Лев Николаевич нередко и подолгу гостил у них в Никольском, он говорил, что ему там хорошо пишется, что ему нравится весь уклад жизни семьи Олсуфьевых, их дом, в котором ему, между прочим, очень нравилось отсутствие преувеличенной и стеснительной чистоты.

Льву Николаевичу всегда приготовляли комнату младшего сына Олсуфьевых Дмитрия Адамовича, которая находилась во втором этаже, в стороне от людной части дома. В Никольском всегда съезжалось много родных, знакомых и незнакомых, часто бывало очень оживленно и даже шумно. В комнату, о которой я говорю, шум не доносился. Лев Николаевич чувствовал себя в ней уютно. Он жил здесь, не меняя своего привычного образа жизни. Он не пользовался трудом прислуги, сам убирал комнату, сам приносил себе чистую воду и выносил ведра с грязной. Шил сапоги. Пару сапог своей работы он подарил Михаилу Адамовичу Олсуфьеву.

О дружеских чувствах к этой семье Олсуфьевых говорит письмо Льва Николаевича к Адаму Васильевичу и Анне Михайловне по поводу смерти

НАСТАСЬЯ

Картина маслом П. И. Нерадовского, заслужившая одобрительный отзыв Толстого

Воспроизводится с фотографии. Местонахождение оригинала неизвестно

их дочери Елизаветы Адамовны, умершей в сорокалетнем возрасте от дифтерита, которым она заразилась в соседней деревне, когда навещала свою больную ученицу.

Можно было не раз убедиться также, что Лев Николаевич хотел, чтобы Татьяна Львовна вышла замуж за старшего из двух сыновей Олсуфьевых — Михаила Адамовича.

Сама Татьяна Львовна однажды, гостя в Никольском, говорила со мной о своих отношениях к Михаилу Адамовичу, ища во мне поддержки, и хотела, чтобы я помог ей в этом. Но Михаил Адамович был совершенно равнодушен к женщинам,— по выражению одного остряка (Афросимова), — он проходил мимо женщин, как мимо стульев.

Лев Николаевич записал свое наблюдение в дневнике: «М⟨ихаил⟩ А⟨дамович⟩ явно боится Тани, и очень жаль».

В январе 1895 г. Лев Николаевич гостил в Никольском, он заканчивал там «Хозяина и работника». Как-то вечером он читал свой рассказ в семейном кругу. В часы отдыха Лев Николаевич играл в винт или в шахматы, беседовал с кем-нибудь или играл на рояле. Ежедневно он совершал большие прогулки по окрестностям Никольского.

Стояли морозные солнечные дни. Зима была снежная. Однажды Лев Николаевич собрался идти пешком в Щелково, где жили тогда Левицкие: художник Рафаил Сергеевич Левицкий *, сын двоюродного брата

* Левицкий был назван Рафаилом потому, что его отец С. Л. Левицкий мечтал сделать из него русского Рафаэля. Он старательно готовил его к карьере живописца. Но из этого ничего не вышло. Левицкий был весьма посредственным художником. Гораздо значительней его роль как педагога. Он преподавал в школе Общества поощрения художеств в Петербурге.— *Прим. автора.*

Герцена, и его жена Анна Васильевна, рожденная Олсуфьева, двоюродная племянница Адама Васильевича. Лев Николаевич пригласил меня идти с ним *.

Собираясь идти с ним, я надевал в передней зимнее пальто, как вошел Лев Николаевич.

— Что это — надевать пальто?! Вы и версты в нем не пройдете. Снимите, снимите...

Я послушался.

У ЛЕВИЦКИХ

Когда мы вышли в поле, я решил воспользоваться случаем и задать своему знаменитому спутнику вопросы, ответы на которые, живя с ним в Никольском, мне особенно хотелось получить от него. Мне было тогда 17 лет, и я зачитывался повестями Льва Николаевича «Детство», «Отрочество» и «Юность». Помню, я завел разговор об этих повестях. Они казались мне незаконченными, и я спросил:

— Когда же будет продолжение «Юности»? Ведь вы кончаете повесть обещанием рассказать, что будет дальше с ее героями.

Лев Николаевич сразу нахмурился. Было очевидно, что мой наивный вопрос испортил ему настроение.

— Да ведь все, что было потом написано, и есть продолжение юности,— сказал он сухо.

Некоторое время шли молча. Но мне не терпелось выяснить еще одно обстоятельство.

Дело в том, что в библиотеке Никольского дома висели три портрета работы Н. Н. Ге: овальный портрет Герцена, известный портрет Льва Николаевича за письменным столом и большой, малоизвестный поколенный портрет Тургенева **.

Я спросил у Льва Николаевича, похож ли Тургенев у Ге на этом портрете. Поняв из моего вопроса, что я вижу в этом портрете Тургенева не таким благообразным, как представлял его себе по известным портретам и фотографиям, он с поспешностью ответил мне, напирая на каждое слово:

— Да, да! Вот именно такой он и был — белый гусь!

Потом я уже не мог смотреть на этот портрет, на расплывчатое белорозовое лицо в белых волосах, с мутноватыми, вялыми глазами, не вспо-

---

* В письме к Софье Андреевне из Никольского от 8 или 9 января 1895 г. Лев Николаевич писал: «Погода превосходная три дня, и я много хожу. Нынче ходил за шесть верст к Левицким с Нерадовским; хотел и назад идти, но за нами приехали сани» (т. 84, с. 234).— *Прим. автора.*

** Их приобрела Елизавета Адамовна Олсуфьева в Петербурге, увидав их у Н. Н. Ге. Он всегда недорого продавал свои портреты, а в данном случае он, кроме того, нуждался в деньгах. Ге охотно отдал все три портрета, назначив за них весьма скромную цену. Ему было приятно, что они будут в Никольском, где он бывал и где написал портреты Адама Васильевича и Анны Михайловны Олсуфьевых (ныне находятся в Музее Толстого в Москве), а также интересный этюд с Елизаветы Адамовны.

Портреты Герцена и Толстого являются очень хорошими повторениями известных портретов Ге. Тургенев на портрете Ге представлен большим, седым стариком, с расплывчатым мягким лицом, с ничего не говорящим сонливым выражением. Смотря на этот портрет, становится непонятным, почему он пользовался таким большим успехом у женщин. Об этом я слышал рассказы от людей, которые знали его и нередко встречались с ним.

Во всяком случае Тургенев у Ге представлен совсем другим человеком, нежели у Перова, Репина, Харламова, К. Маковского, а также на известных его фотографиях.

Такая же беспощадная характеристика дана Ге Некрасову на портрете Русского музея. Эти характеристики людей типичны для Ге последнего периода его деятельности.— *Прим. автора.*

миная убийственной характеристики Льва Николаевича своего бывшего друга.

Помню, чтобы предупредить дальнейшие мои литературные вопросы, Лев Николаевич быстро, на ходу достал из кармана разглаженный батистовый платок и, показав его мне, сказал:

— Вот видите, какой белый (он держал платок двумя руками перед грудью).

— А теперь посмотрите... — Он разостлал платок ровно на снегу.

— Теперь посмотрите, какой он стал серый!

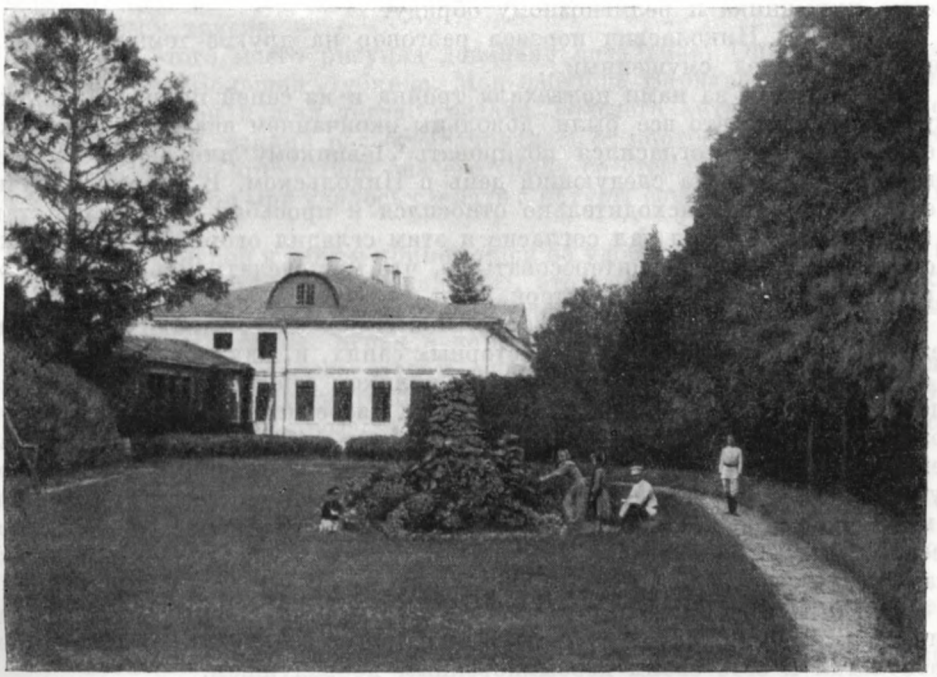
Действительно, белый платок на снегу, освещенном солнцем, обратился в серое пятно.

Этот опыт с взаимоотношениями цветов был, по всей вероятности, подсказан Толстому кем-либо из его знакомых художников.

Мы не останавливались. Лев Николаевич шел быстро, своей обычной мелкой походкой. Уже в середине пути мне стало жарко, несмотря на мороз, хотя я был одет совсем легко. Я подумал, как был прав Лев Николаевич, отговорив меня надевать пальто. Сам он был одет тоже очень легко: черная блуза, а поверх нее серая вязаная фуфайка.

Мы пришли в Щелково, пройдя семь верст. Левицкие жили в новой маленькой деревянной дачке, в которой была и мастерская художника с большим окном.

Рафаил Сергеевич Левицкий был в дружеских отношениях с Василием Дмитриевичем Поленовым и под сильным его влиянием как художник. В холостые годы он жил и работал вместе с ним на Девичьем поле, во флигеле Олсуфьевского дома (этот дом написан Поленовым на его картине «Бабушкин сад»).



НИКОЛЬСКОЕ-ОБОЛЬЯНОВО, ИМЕНИЕ ОЛСУФЬЕВЫХ
Вид дома со стороны сада
Фотография 1890-х гг.
Собрание П. И. Нерадовского, Москва

Рафаил Сергеевич и его жена Анна Васильевна встретили Льва Николаевича очень радушно. После обычных приветствий прошли из маленькой передней в мастерскую. Лев Николаевич сел в большое кресло. Разговор перешел незаметно на картину, стоявшую на мольберте. На ней был написан монах с поднятой головой, с театрально сжатыми на груди руками, в веригах, на фоне мрачной кирпичной стены, затянутой густой паутиной. Тусклый свет падал в комнату через маленькое окошко с железной решеткой.

Лев Николаевич не мог не заметить картину, стоявшую посредине мастерской.

Продолжая общий разговор, он неохотно время от времени косился на нее. Можно было заметить, что Льву Николаевичу не хотелось и неприятно было огорчать художника, а в то же время он не мог не сказать то, что думает о картине (на картину же ему даже и смотреть было неприятно).

В этот период от Льва Николаевича часто можно было слышать о значении искренности в искусстве. В своих критических замечаниях он особенно подчеркивал это. Помню, как он доказывал, что только проявление искреннего чувства в искусстве дорого. А теперь перед ним была картина надуманная, вымученная.

Наконец, прерывая тягостное молчание, Лев Николаевич сказал:

— Не так нужно писать такие темы. Нужно, чтобы ясно было видно отношение художника к тому, что он изображает...

Для пояснения своей мысли, помню, Лев Николаевич назвал картину Прянишникова «Крестный ход в селе».

— Вспомните мужика на первом плане. Он тычется лицом в икону, которую ему подставляет баба. Там ясно выражено отрицательное отношение художника к религиозному обряду.

Затем Лев Николаевич перевел разговор на другие темы... Рафаил Сергеевич сидел смущенный...

Когда к даче за нами подъехала тройка и из саней принесли теплые шубы, казалось, что все были довольны окончанием визита, к тому же Лев Николаевич согласился позировать Левицкому для портрета. Сеанс был назначен на следующий день в Никольском. В добрые минуты Лев Николаевич снисходительно относился к просьбам позировать, так и в данном случае он дал согласие и этим сгладил огорчение Левицких. Конечно, его не могло интересовать то, что мог сделать Левицкий после Крамского, Репина, Ге, Пастернака.

Мы вышли от Левицких на мороз. Лев Николаевич запахнулся в медвежью шубу, уютно уселся в просторных санях, и, как только тронулись в обратный путь, заговорил с кучером-туляком Алешиным. С первых же слов он оживился, стряхнув с себя то тягостное состояние, которое создалось у него у Левицких. Всматриваясь в сильных и холеных лошадей, он стал разбирать статьи поочередно всей тройки киргизов. Добродушный большой Алешин, улыбаясь во весь рот от метких замечаний Льва Николаевича, вставлял свои замечания, продолжая в то же время вести свой обычный разговор с лошадьми и слегка подбадривать их вожжами.

Нельзя было не любоваться на этих двух собеседников: Лев Николаевич, как живой Левин из «Анны Карениной», и Алешин, который всех располагал к себе своим необыкновенным добродушием.

Я слушал и наблюдал их молча,— впрочем, я и не мог вступить в разговор двух лошадятников, будучи невеждой в конском деле.

СЕАНС

Сеанс состоялся на следующий день вечером в комнате Дмитрия Адамовича, во втором этаже Никольского дома.

Лев Николаевич сел позировать в кресло, поставленное в узком проходе между ширмой и стеной. Левицкий выбрал себе место с правого профиля. Он рисовал на мольберте, стоя. Татьяна Львовна, которая гостила в Никольском вместе с отцом, уселась рисовать левый профиль. Мне осталось единственное тесное место прямо против Льва Николаевича.

Я сидел на низкой скамье. Лев Николаевич почти в упор смотрел на меня. Мне было неудобно сидеть, негде было разместиться. Моя папка почти касалась колен Льва Николаевича. Но главное, меня смущал пристальный взгляд из-под густых нависших бровей. Он все время пронизывал меня насквозь. Я некоторое время не мог овладеть собой, не мог взять себя в руки, и когда, наконец, несколько освоился и начал чертить, все же мне стоило усилий смотреть в глаза, устремленные прямо на меня *.

Чтобы облегчить позирование, кто-то читал вслух вышедший тогда роман Сенкевича «Семья Полонецких».

Сеанс продолжался часа полтора-два. Левицкий нарисовал правильный, но мало похожий портрет. Он очень перечернил его. Впоследствии рисунок этот был с разрешения Льва Николаевича издан гелиогравюрой и продавался в эстампных магазинах. Татьяна Львовна, наоборот, сделала похожий, но бледный рисунок.

У меня было передано сходство, но нарисовано неуверенно. Вспоминая потом этот сеанс, я удивлялся, как мне удалось и так-то нарисовать. О! если бы я мог передать взгляд Льва Николаевича, который и сейчас, через 57 лет, ясно встает передо мной. На портрете Крамского и Репина глаза совсем другие.

Судьба этого моего рисунка довольно печальная. Он висел у меня в комнате на Большой Лубянке. Моя бабушка Варвара Ивановна Дельсаль, у которой я жил тогда, считала Толстого антихристом и, входя в мою комнату, всякий раз отворачивалась от портрета. В один прекрасный день в мое отсутствие она его сняла со стены и сожгла.

В Никольском мне удалось сделать с натуры еще два наброска с Льва Николаевича.

Как-то за игрой в винт я примостился на удобном месте и сделал с Льва Николаевича набросок (к сожалению, этот рисунок у меня не сохранился). Интересно было смотреть, с каким увлечением этот «человечище», по выражению Ленина, играл в карты.

Тогда же мне удалось сделать еще один набросок с Льва Николаевича. Он играл в четыре руки с Анной Михайловной Олсуфьевой. Этот набросок я сделал в профиль, в то время, когда Лев Николаевич сосредоточенно смотрел в ноты **.

* * *

В Никольском был обычай не благодарить хозяев, выходя из-за стола.

В первый день приезда в Никольское Лев Николаевич после обеда подошел к хозяйке поблагодарить ее. Анна Михайловна ответила ему:

---

* Евгений Гаршин в воспоминаниях о Тургеневе приводит его рассказ: «...Иван Сергеевич говорил мне, что он никогда в жизни не переживал ничего тяжелее этого испытующего взгляда (Льва Николаевича Толстого), который в соединении с двумятремя словами ядовитого замечания способен был привести в бешенство всякого человека, мало владеющего собой».— *Прим. автора.*

** Набросок Льва Николаевича за роялем находится в Доме-музее Толстого в Хамовниках; см. воспроизведение на стр. 127 настоящего тома.— *Ред.*

«У нас не благодарят...» А Лев Николаевич возразил ей: «Как же не благодарить? Это только свиньи отходят от корыта, наевшись, и спасибо не скажут». Анна Михайловна рассмеялась, но заведенного порядка не изменила.

ПРОГУЛКА В ХРАБРОВО

Как-то живя в Никольском, Лев Николаевич пошел на свою обычную прогулку. К нему присоединилась молодежь. Пройдя дорогу, которая шла вдоль большого Никольского сада, подошли к полю, отделявшему Никольское от села Храброва. Последнее виднелось на горе, в версте по ту сторону поля *.

Льву Николаевичу был свойствен какой-то особенный задор, он будоражил всех даже в самых обыкновенных случаях жизни. Ему не терпелось и теперь расшевелить своих спутников, которые, как ему казалось, слишком спокойно шли по дороге. Обращаясь к ним, он сказал:

— А ну, кто первый дойдет напрямик до Храброва!

И, не дожидаясь ответа, он свернул с дороги и зашагал прямо через поле, легко вынимая ноги из глубокого снега.

Все сразу оживились, повеселели, посыпались шутки. Пошли за Львом Николаевичем. Однако состязаться с ним оказалось не так-то просто. Увязнув в снегу, одни отставали, выбившись из сил, другие делали еще попытки догнать Льва Николаевича, но безуспешно. Лев Николаевич как опытный и неутомимый ходок шел ходко через снежное поле и скоро, оставив всех далеко позади себя, поднялся в гору.

Веселый и бодрый стоял Лев Николаевич наверху, дожидаясь своих спутников, которые выбивались из последних сил, но карабкались к нему, не желая окончательно сконфузиться перед старцем. А он встречал их добродушными шутками.

ЧЕТА АПРАКСИНЫХ

Около Никольского находилась старинная усадьба Ольгово, принадлежащая Апраксиным. Муж и жена Апраксины, бездетные старики — чопорные, надменные снобы — обычно жили в Москве или за границей, а в Ольгово наезжали только изредка, когда у них появлялось желание немного пожить в своей подмосковной усадьбе. Здесь было всего полная чаша. Все угодья большого имения предназначены были обслуживать барскую чету. Большой старинный дом с пустынными комнатами, в которых среди изображений предков висел портрет царицы из рода Апраксиных, громадный старый парк, конный завод, который славился прекрасными лошадьми, большие конюшни, которыми некому было пользоваться. Но все это держалось ради снобизма... Апраксины — типичнейшие баре-крепостники. Они в конце прошлого века производили впечатление какого-то странного пережитка. Держали они себя с большой важностью и недоступностью. Но, несмотря на всю изысканность и внешний лоск, в них было много комичного.

Сам Апраксин служил в Петербурге в Конногвардейском полку, где он дослужился до генеральского чина. Выйдя в отставку, он кичился своим генеральством: отдавая распоряжения управляющему или прислуге, он всегда называл себя не иначе, как генералом.

---

* Храброво — самая высокая точка Московской области. Усадьба в Храброве принадлежала Оболенским. Здесь часто бывал активный член «Северного общества» и друг К. Ф. Рылеева декабрист Е. П. Оболенский.— *Прим. автора.*

Смешно было, когда он важно приказывал: «Скажи, что генерал приказал...», «передай, что генерал занят...» или: «вели подать генералу завтрак» и т. д.

Большая подтянутая фигура Апраксина с высоко поднятой головой и в штатском платье обличала в нем военную выправку... а лицо его совсем не запоминалось, в памяти оставались его нафабренные усы, торчавшие у него, как проволоки, и зачесанные на виски волосы... и только.

Апраксины были полной противоположностью Олсуфьевым, так же как и вся жизнь Никольского была совершенно противоположна жизни ольговских помещиков.

ТОЛСТОЙ И А. М. ОЛСУФЬЕВА ЗА РОЯЛЕМ
Рисунок Т. Л. Толстой, 1886 г.
Музей Толстого, Москва

Жизнь семьи Олсуфьевых была не совсем обычной для аристократической среды: она была тесно связана с жизнью их бывших крестьян, для которых они выстроили и содержали большую школу, большую больницу. Они преподавали в школе, занимались с наиболее способными учениками; по окончании ими курса учения в школе помогали им пройти среднее образование, а иногда давали им возможность окончить и высшее образование. И школа и больница были близким делом семьи Олсуфьевых. Они организовали духовой оркестр, устраивали домашние спектакли для всех жителей Никольского.

Усадьба у Олсуфьевых была тоже большая и богатая, но всем, что было в ней, пользовалось также и большое ее население. Скотный двор, фруктовый сад, конюшни и прочие угодия обслуживали не только семью владельцев, но и многочисленных больных с медицинским персоналом, большие семьи служащих: учителей, садовников, приказчиков, престарелых служащих и многих других жителей Никольского.

Случался пожар — и целые деревни строились из леса и на средства Олсуфьевых, да и не только погорельцам строили дома.

В Никольское круглый год съезжались многие известные интересные люди: ученые, врачи, писатели, художники, музыканты — люди самого разнообразного общественного положения. Их дом был всегда открыт для всех.

В Ольгове же жизнь шла изолированно. Все большое богатство Апраксиных обслуживало этих двух феодалов-эгоистов. Казалось, что вся окружающая жизнь была вне их замкнутых интересов.

Живя в Никольском, Лев Николаевич поехал в Ольгово с визитом. Очень интересно было бы посмотреть его вместе с Апраксиными и послушать их беседу. Но этот визит происходил втроем.

Лев Николаевич вернулся из Ольгова и восхищался Апраксиными. Как художник, он прямо-таки смаковал этих типичных представителей старого барства.

— Люблю такие цельные натуры,— говорил Лев Николаевич, делясь своими впечатлениями,— какие крепкие люди!

Рассказывая подробности своего визита, он повторял это восклицание и особенно выделял самого Апраксина.

Этот визит, надо думать, послужил Льву Николаевичу материалом для его творческой работы. В «Воскресении» он, между прочим, наделил чертами Апраксиной даму, которая рассуждает, жестикулируя руками, не отделяя локтей от туловища, но добавил ей особенность другой светской дамы, — обычное положение которой было лежание на кушетке.

«НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО»

1895 г.

Как-то вернувшись с прогулки по Москве в веселом расположении духа, Лев Николаевич рассказывал в домашнем кругу:

— Иду по Арбату и неожиданно слышу за собой: «Новое произведение Льва Николаевича Толстого. Цена 1 рубль, „Хозяин и работник", цена 1 рубль».

Оглядываюсь,— на перекрестке мальчик с ворохом газет и журналов. Бойкий такой, кричит на весь Арбат, подбежал ко мне и сует мне книжку... Я отмалчиваюсь, а он за мной. Очень ему хотелось всучить мне новое произведение Толстого. Еле ушел от него.

В то время три издательства выпустили сразу «Хозяин и работник». На всех перекрестках, по всей Москве, на углах улиц раздавались возгласы газетчиков о «новом произведении Льва Толстого».

В МОСКВЕ НА УЛИЦЕ

Как-то весной на углу проезда Никитского бульвара и Арбатской площади я неожиданно увидел Льва Николаевича Толстого. Он шел по тротуару, направляясь в сторону бульвара. В тот момент мимо него проходил какой-то человек средних лет, казалось ничем не примечательный. Толстой, как всегда внимательно наблюдавший людей и уличные нравы, посмотрел на него и должно быть заинтересовался им... Он проводил его глазами, потом остановился и пристально стал смотреть вслед этому прохожему. Ясно было видно, как Лев Николаевич, держа правую руку в кармане пальто, левой опираясь на палку, повернулся всем корпусом в сторону незнакомца. Проходящие взад и вперед по тротуару люди ме-

шали наблюдению Льва Николаевича, тогда он сошел с панели на мостовую и, как охотник, продолжал идти и напряженно следить за этим интересным для него человеком до тех пор, пока тот не скрылся за углом.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

1899 г.

Я поехал в Ясную Поляну вместе с Софьей Андреевной Толстой, она пригласила меня, говоря, что лошади будут ждать ее на станции.

Поздно вечером мы приехали на станцию Козлова-Засека, где Софью Андреевну дожидались лошади. А среди ночи Софья Андреевна водила меня по спящему дому, ища, куда бы меня пристроить на ночь. Мы прошли целый ряд комнат, освещая иногда свечкой спящих в них людей, пока нашлась свободная.

Когда утром я вышел в столовую, я застал за чайным столом одного Льва Николаевича. Он налил мне чашку кофе и подал ее мне. Вскоре вышли другие гости и члены семьи. Выпив свой кофе, я ушел, чтобы погулять по усадьбе.

Днем я увидел Софью Андреевну одну в гостиной. Она завязывала пакеты с письмами, подписывала их, и, перевязав все, попросила меня помочь ей перенести их на площадку лестницы, там стоял длинный шкаф. Когда она открыла его, я увидел, что почти все полки заложены пакетами, точно такими же, какие принесли мы. Софья Андреевна объяснила, что это все письма детей, разложенные по именным пакетам: вот письма Тани, Сережи, вот Машины письма.

Когда окончилась эта укладка писем, я вышел в зал. Младшая дочь Толстого играла в шахматы с тульским гимназистом, который нередко гостил в Ясной.

Вскоре в зал вышел Лев Николаевич. Подойдя к игрокам, он посмотрел на шахматную доску, сказал несколько ласковых слов дочери и, пройдя по комнате, присел к роялю. Он играл долго и хорошо. Как потом я узнал, это были его импровизации.

За обедом Льву Николаевичу подавали отдельно. Мне запомнилось, как он с аппетитом ел спаржу.

* * *

Уже на следующий день после моего приезда в Ясную Поляну меня поместили в маленьком кабинете Льва Николаевича, около его рабочего кабинета *.

Над диваном, на котором я спал, висели старинные семейные портреты. Я с интересом их рассматривал. Около окна стоял маленький письменный стол. Я очень жалел, что дневник, который я писал в этой комнате, пропал у меня.

Решено было идти к толстовцам-педагогам (ни имен ни фамилий их я не помню). Они жили в поселке за станцией Козлова-Засека, по ту сторону полотна железной дороги. Шли рощей, Лев Николаевич со своим другом и последователем Александром Никифоровичем Дунаевым, один из директоров Московского торгового банка и я, остальные шли отдельно.

Лев Николаевич убедительным тоном, но в то же время холодно доказывал ненужность искусства. Он говорил: искусство, художественность... Все это ничего не стоит. Вот и в «Хозяине и работнике» **, я убежден,

* Рабочий кабинет этот изображен Репиным на картине 1891 г., где Толстой пишет, сидя за столом, поджав под себя ногу.— *Прим. автора.*

** Эта повесть была тогда только что выпущена в свет.— *Прим. автора.*

вся эта художественная часть со всеми описаниями никому вообще и не нужна. Только послесловие нужно, там все, все главное и необходимое людям сказано, и сказано все просто, без ненужной художественности.

Так мог говорить только художник, закончивший произведение, в котором он до конца выразил все, что хотел, что любил и для чего он нашел лучшую художественную форму. И теперь, утомленному и опустошенному после напряженного труда, ему хотелось до конца избавиться от мучивших его образов. Но, конечно, до нового творческого прилива.

Наступил вечер, из Ясной Поляны подали лошадей. Все собрались. Уселись по обе стороны линейки; Лев Николаевич сидел спиной ко мне.

Стояла сырая осень. Дороги были грязные. Темнело... Освободившись от поучительных разговоров, Лев Николаевич повеселел и с увлечением начал рассказывать о том, как в молодости, когда не было железных дорог, он ездил на почтовых в Севастополь, а потом с Кавказа в Дунайскую армию.

Он говорил о бесконечных ухабистых дорогах, о дорожных происшествиях, об интересных встречах, рассказывал про почтовые станции, про станционных смотрителей, про ямщиков. Эти люди его любили, потому что он берег лошадей, тогда как другие курьеры часто загоняли лошадей до смерти, били ямщиков и смотрителей.

Яркие картины далекого прошлого одна за другой проходили перед глазами... Увлеченный воспоминаниями, Лев Николаевич говорил, как всегда, очень просто и в то же время его рассказ получался необыкновенно ярким, как будто природа, люди с их жизнью, о которых он говорил, были перед его глазами. От его рассказов у меня остались в памяти не эпизоды, не детали, не отдельные люди, а чувство далеко ушедшей прошлой жизни, представление о ней, как бы увиденное через дымку времени... Рассказывал большой художник! Не верилось, что всего два-три часа тому назад этот великий мастер слова убеждал своих спутников в ненужности искусства.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Как-то в разговоре Лев Николаевич сказал:

— В сущности, нет ни умных ни глупых людей,— одни люди чаще бывают умными, а другие чаще глупыми.

* * *

Когда Лев Николаевич заставал в яснополянском лесу крестьян, ворующих лес, он помогал им носить поваленные деревья и торопил скорей увезти их. Только бы Софья Андреевна не узнала.

Живя в Петербурге, Лев Николаевич говорил, что Петербург действует на него физически подбодряюще и нравственно притупляюще.

ТОЛСТОЙ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ

ПО ЗАПИСЯМ В ДНЕВНИКЕ М. С. СУХОТИНА

Публикация Л. Н. Кузиной

В литературе о Толстом большое место занимают мемуары и дневники современников. Наибольший интерес представляют свидетельства людей, которые долгое время находились рядом с писателем и записывали его разговоры, события его жизни «по горячим следам». Разумеется, облик каждого из этих людей, их общественно-политические позиции налагали свой отпечаток на характер записей, и с этим приходится считаться современному читателю. Критического подхода требуют и публикуемые нами записи о Толстом из дневника Михаила Сергеевича *Сухотина* (1850—1914) — зятя писателя, мужа его старшей дочери Татьяны Львовны.

Сухотин был весьма далек по своему мировоззрению от Толстого, о чем он сам пишет в дневнике. Но среди его суждений по тем или иным вопросам некоторые вызывали сочувствие Толстого.

Судя по дневнику Сухотина, у него было настойчивое желание написать «психологический этюд» под названием «Ложь», где бы высмеивалась и клеймилась та ложь, которая царствует «в семье, религии, науке, государстве». «Современное самодержавие», «невозможность писать и говорить, гонение за веру, административный произвол», «жалкое, холопское духовенство»,— вот темы и материал для «воображаемого сочинения» Сухотина. В дневнике Сухотина сохранился набросок его письма к кн. В. П. Мещерскому, издателю «Гражданина», «самому консервативному», по определению В. И. Ленина, публицисту (В. И Л е н и н. Сочинения, т. 20, стр. 197). Письмо составлено в резких обличительных тонах: «Краеугольный камень вашей проповеди,— обращается Сухотин к Мещерскому,— есть поддержание существующего в России самодержавия. А подобная проповедь может исходить либо из недомыслия, либо из расчета 〈...〉 Да разве эта благоустроенная возможность с одной стороны подсовывать, скрывать, обманывать, с другой стороны подписывать, быть в руках дворцовой камарильи, закрывать себе все пути для узнавания правды не есть результат тьмы и безмолвия, а эта тьма и безмолвие не есть результат и почему-то неминуемые спутники современного самодержавия? 〈...〉 Вы журналист и понимаете, какая бывает потребность у человека, уверенного в правоте своих убеждений, делиться этими убеждениями с другими. Вам эту возможность дает наше самодержавие, потому что вы преклоняетесь перед ним, а мне это право не только не дано, но если узнают то, что я пишу вам, и отгадают, кто автор, то мне жестоко достанется. Что же вы находите и этот порядок справедливым?» При стремлении «правительства все привести к „кладбищенскому порядку“, т. е. к полному молчанию»,— пишет в дневнике Сухотин,— Толстой был для него «единственным светильником» «в темную ночь», и «без которого все погрузилось бы» в какой-то кошмарный, непроглядный и безысходный мрак»: «один Л. Н. имеет право и возможность безо всякого страха и без „эзоповского языка“ говорить

правду власть предержащим, заступаться за обиженного и оскорбленного, будить совесть у обидчика» (запись от 12 декабря 1901 г.).

Однако критическая позиция Сухотина по отношению к самодержавию не выходила за пределы скрытой, пассивной и не очень-то стойкой оппозиционности. Он осуждал М. А. Стаховича, одного из основателей «Союза 17 октября»,— партии крупных помещиков и буржуазии — за его верноподданнические речи, но в качестве депутата I Государственной думы сам примыкал к этой партии, хотя и не считал себя «правоверным октябристом». Его обличительные суждения о самодержавии, его критика социальных порядков в стране явственно ограничивались классовой дворянско-помещичьей позицией. Наблюдая за «разгорающимся пожаром» революции 1905 г., Сухотин понимал, что власти традиционной политикой насилия и произвола не только не могли «потушить» этот пожар, но еще больше разжигали его. В его статьях «Страшно» и «Кто ты?», оставшихся, по-видимому, в рукописях, чувствуется растерянность и опасение оказаться «беззащитным против рабочих волнений в городах» и «аграрных беспорядков в деревне» (ЦГАЛИ, ф. 508, оп. 4, ед. хр. 1—2). В революционный 1905 год Сухотин стремился в Ясную Поляну не только потому, что она была «санаторией» для его души, как он пишет в дневнике, но и потому, что от Ясной Поляны «Тула близко, т. е. все-таки кое-какие власти, кое-какие войска и грозные для ошалелых мужицких голов казаки» (запись от 6 декабря 1905 г.). Сухотин считал, что крестьяне «безо всякого права» захватывают «земли и усадьбы помещиков» (запись от 4 ноября 1905 г.). Толки о малоземелье крестьян казались ему преувеличенными. Основную причину волнений в деревне, вслед за официальной пропагандой он склонен был усматривать не в малоземелье и не в гнете других многочисленных пережитков крепостничества, а в том, что крестьян подстрекают «левые партии»: их пропаганда нашла «благоприятную почву в русском мужике», «жадном на землю». Признавая необходимость разрешения аграрного вопроса («не предвижу возможности и остаться при status quo»—дневниковая запись от 1 июня 1906 г.), Сухотин вместе с тем находил положение «безвыходным», так как «принудительное отчуждение» земли у помещиков приведет, по его мнению, лишь к «разорению государства, голоду», «понижению культуры» и не успокоит крестьян.

Сухотину был непонятен и глубоко чужд «мужицкий демократизм» Толстого: «Я живу здесь тяжелой, нерадостной жизнью,— читаем в дневниковой записи Сухотина, сделанной в его имении Кочеты 25 июня 1906 г.— Я постоянно сталкиваюсь с мужиками, этими мудрыми и хорошими людьми, по словам Л. Н., которым мы. баре, а затем горожане, полицейские, министры и цари мешаем устроить хорошую, мудрую жизнь! Я с ними сталкиваюсь и на себе испытываю все их озлобление, всю их узкость, недальновидность, всю их завистливость, недоверчивость, непорядочность, плутовство, все их нахальство, постоянно сменяющееся подлой и деланной приниженностью». Статьи Толстого, содержащие отрицание всех основ помещичье-капиталистического общественного строя, были Сухотину не просто неприятны, но вызывали с его стороны плохо замаскированное чувство враждебности. Написанный в 1910 г. очерк «Сон», являющийся едва ли не самым сильным из всего, написанного Толстым против земельной собственности, Сухотин в своем дневнике назвал «плохим», потому что в нем Толстой признавал права крестьян на всю помещичью землю и на все имущество в усадьбах, созданное теми же крестьянами и рабочими.

Всякое «полевение» Толстого было Сухотину не по душе. Не понимая, что «левое» направление Толстого неизбежно вытекало из всего его миросозерцания и проявилось уже в 1879 г. в статье «Церковь и государство», т. е. в первой статье, написанной после происшедшего в его мировоззрении перелома, Сухотин наивно объяснял всякое замеченное им «полевение» Толстого влиянием или «давлением» Черткова. Так, например, 28 августа 1908 г. Сухотин записывает в дневнике: «А это за последнее время подчеркнутое выражение сочувствия со стороны Льва Николаевича революционерам, от которых, в сущности, он стоит много дальше, чем от Столыпина, тоже дело рук Черткова». Не говоря уже обо всем творчестве Толстого, ответом на эти домыслы Сухотина о причинах сочувственного отношения Толстого к революционерам могла бы быть и одна дневниковая запись, сделанная Толстым в имении того же Сухотина 11 июня 1909 г.: «Мучи-

тельное чувство бедности,— не бедности, а унижения, забитости народа. Простительны жестокость и безумие революционеров ⟨...⟩ Не могу выносить, хочется бежать» (т. 57, с. 82). Сухотин сообщает много любопытнейших фактов из жизни Толстого, но его понимание этих фактов, выводы и сопоставления часто крайне субъективны и произвольны (например, сближение Толстого с «Московскими ведомостями», определение учения Толстого как «христианского анархизма» и т. д.).

Близкие отношения не могли заслонить неприемлемого для Толстого образа мыслей Сухотина: «М⟨ихаил⟩ С⟨ергеевич⟩ чужд»; «Едва ли есть какой бы ни было забитый, страдающий от роскоши богат⟨ых⟩ бедняк, ⟨который бы⟩ чувствовал и чувствует всю несправедливость, жестокость, безумие богатства среди бедности так, как я ⟨...⟩ Особенно живо чувствую это теперь у Мих⟨аила⟩ Сер⟨геевича⟩, именно потому, что он порядочный, благообразный насильник — разумеется не виноватый в том, ч⟨то⟩ не чувствует» (т. 58, с. 212). Даже то, чем Сухотин, кажется, близок Толстому — отрицание и высмеивание лжи, религиозной и государственной,— часто не удовлетворяло Толстого. «М⟨ихаил⟩ С⟨ергеевич⟩ — спокойная, красивая ирония надо всем. Сначала внушает, но потом видишь, ч⟨то⟩ за иронией ничего нет. Ирония ради иронии»,— записывает Толстой 9 июля 1908 г. (т. 56, с. 366).

Но наряду с приведенными высказываниями о Сухотине нередко встречаются в дневнике Толстого и такие: «Много ходил с М⟨ихаилом⟩ С⟨ергеевичем⟩. Я его начинаю просто любить», «как всегда, приятный», «милый М⟨ихаил⟩ С⟨ергеевич⟩», «читал М⟨ихаилу⟩ С⟨ергеевичу⟩», «он сделал верные замечания» и т. д. (т. 54, с. 63; т. 57, с. 52, 54, 73). Несмотря на расхождение Сухотина с Толстым в общественно-политических и философских взглядах, их личные отношения оставались дружескими. «Люблю ли я действительно Л. Н.?— спрашивает себя Сухотин.— Пришел к заключению, что *да*, в то, что заставило меня призадуматься, т. е. те периоды раздражения и осуждения, которые я иногда переживаю, происходят именно оттого, что я любимого человека желал бы видеть свободным от тех недостатков, слабостей и противоречий, на которые я натыкаюсь временами при близких сношениях со Л. Н. Особенно я огорчаюсь его тактическими ошибками, которых так легко можно было бы избегнуть, освободись он из-под влияния Черткова» (запись от 28 августа 1908 г.). Сухотин, по его словам, чувствовал большую привязанность к Толстому как к человеку, рядом с которым ему было легче думать, дышать, жить. На эту привязанность Толстой отвечал теплым чувством. Кроме того, оппозиционность Сухотина по отношению к самодержавию, мировоззрение «дворянина честного и остроумника» (по определению Толстого,— т. 56, с. 239), многогранность умственных интересов, широкая образованность (Сухотин был воспитанником Московского и Гейдельбергского университетов),— все это делало встречи с Сухотиным интересными для писателя. Толстой «охотно слушал», когда Сухотин рассказывал ему различные «новости». Сухотин бывал иногда первым, кому Толстой читал свои новые статьи, с кем обсуждал их. И в замечаниях Сухотина, наряду с дворянско-помещичьими предрассудками, часто мешавшими ему понять Толстого, встречались и верные мысли об отвлеченности и противоречивости проповедей Толстого. «Для кого писал Толстой, как его читают и что из этого получают», как можно обращаться с проповедью о нравственном совершенствовании к таким людям из богатых классов, для которых «вопрос о существовании истины давно решен отрицательно и окончательно» и т. д.—вот вопросы, которые поднимал Сухотин и в размышлениях наедине с собой и в беседах с Толстым.

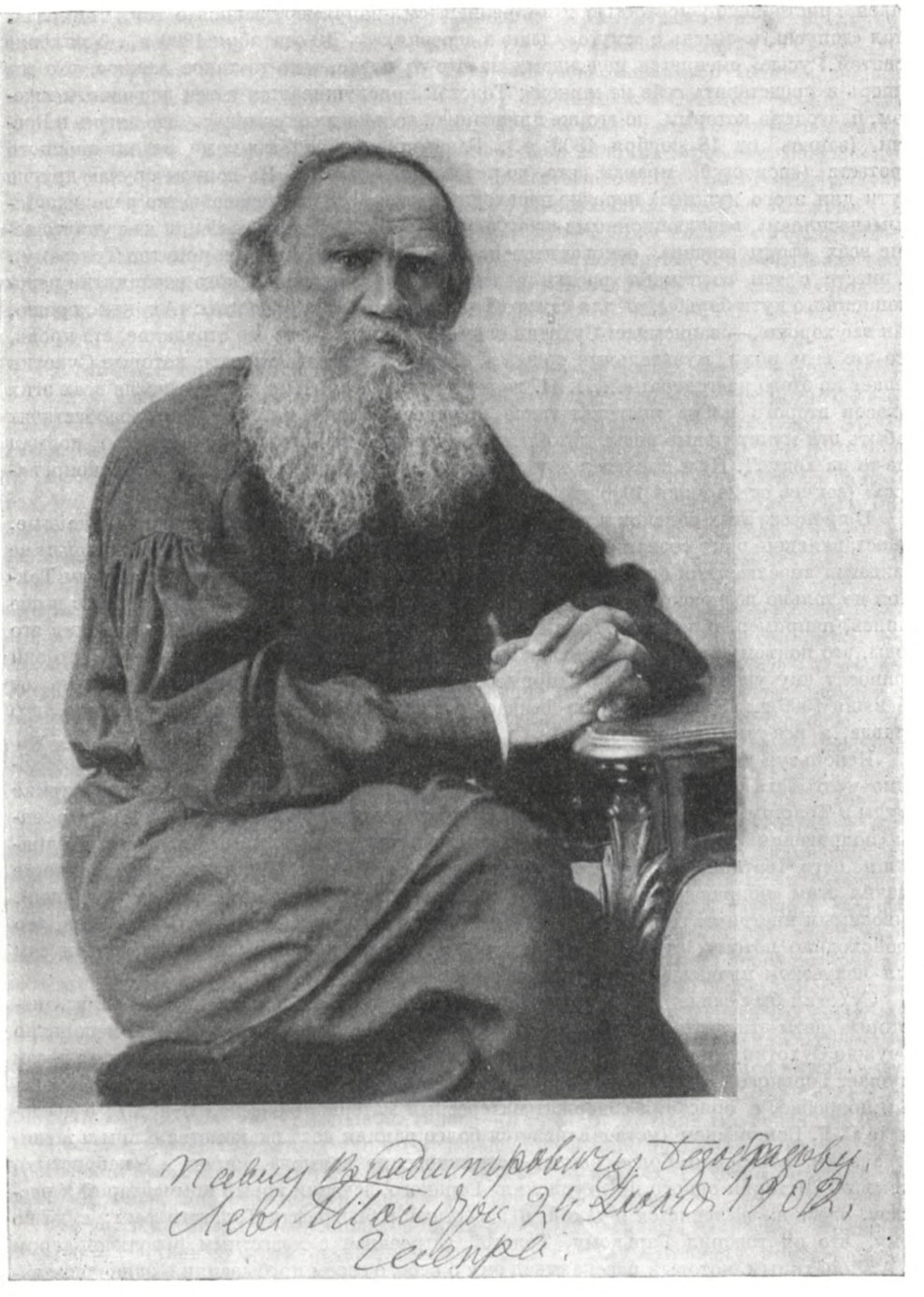
Сухотин часто приезжал в Ясную Поляну и проводил с Толстым целые вечера, не раз и Толстой бывал в Кочетах, так что материала для записей у Сухотина было много. Но он не ставил своей задачей записывать все, что он слышал от Толстого, о чем они разговаривали. Поэтому в его дневнике нашла отражение лишь небольшая часть фактов, свидетелем которых он был. Записи о Толстом в дневнике Сухотина часто носят отрывочный характер, так как переплетаются с описаниями событий и лиц, с Толстым не связанных, с рассуждениями и мыслями самого Сухотина. Зато они отличаются несомненной достоверностью и большим разнообразием: здесь и отдельные эпизоды из жизни Толстого, и высказывания его по самым различным вопросам, и портретные зарисовки писателя. Дневник Сухотина дает материал и для истории создания ряда

произведений Толстого (например, предисловия к «Памяткам» или предисловия к альбому картин Орлова: первоначальное предположение не включать в альбом картину «Телесное наказание» и отказ от этого намерения под влиянием Черткова).

Вопросы литературы и искусства — постоянные темы бесед Сухотина с Толстым. В результате возникли интересные записи высказываний Толстого о его любимых писателях; о том, что он подразумевает под словами «серьезный писатель» и кого относит к ним; о Куприне и опасениях за его дальнейшее творчество; о художественности и соотношении эстетического и этического начал; о поэзии и прозе и т. д. Сухотин внимательно следит за изменениями в духовной жизни Толстого. Особенно обращает на себя внимание в этом плане запись от 27 октября 1903 г., о том, что Толстого «как-то меньше ⟨...⟩ интересуют религиозные вопросы», и, напротив, «все больше и больше захватывают» «заброшенные им на время интересы художественные».

Дневник Сухотина дает большой материал для изучения раздумий и переживаний Толстого в период первой русской революции. Читая его, еще более убеждаешься в том, что этот период в жизни Толстого, на первый взгляд, как будто менее сложный, чем предыдущие,— Толстой пишет не «Войну и мир» или «Воскресение», а всего лишь небольшие повести и рассказы,— один из самых сложных и противоречивых. По-прежнему и в статьях, и в художественных произведениях Толстой с огромной силой и страстностью поднимает вопросы о безземелье и бесправном положении крестьян, отрицает все «старые формы жизни», клеймит произвол самодержавия и т. д. В то же время с возрастающей прямолинейностью и настойчивостью проповедует он свое учение, оказывавшееся все в большем противоречии с ходом событий; все более подчиняет и художественное творчество той же проповеди (вспомним хотя бы его сравнение «Войны и мира» с «паяцем», зазывающим публику — запись от 23 марта 1909 г.). Основная причина этого обострения противоречий в учении и творчестве Толстого в том, что революция 1905 г., которую, по словам В. И. Ленина, он «явно не понял», от которой «явно отстранился», принесла с собой «исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 31—32). Пробуждая от патриархальной пассивности, инертности широкие слои крестьянства, революция перерождала те основы, из которых учение Толстого выросло. И теряя почву, оно становилось еще более догматичным и отвлеченным.

Чем больше события 1905 г. вытесняли «патриархальную толстовскую идеологию», тем с большей настойчивостью и напряженностью Толстой отстаивал ее, потому что в своем учении он видел смысл жизни, не только своей, но и «всех людей» — оно, по его признанию, принесло ему «20 лет счастья» от сознания, что этот смысл жизни найден. Но вместе с этим совершался и другой сложный внутренний процесс, на котором и сосредоточивает основное внимание Сухотин: процесс мучительных сомнений в силе и действенности своего учения и поисков, «ожидания чего-то нового» (по определению Сухотина — «внутренних переворотов»). Толстой, по наблюдению Сухотина, не хотел и слышать о тех событиях, которые разрушали его представления о возможных путях преобразования общества, сердился, когда ему рассказывали о волнениях среди крестьян. А между тем, «конфузясь», желая «скрыть» это, читал газеты, с жадностью прислушивался к рассказам о совершающемся. И мысль о несоответствии его учения действительности, пусть очень смутно и неоформленно, возникала в его сознании. Примечательна в этом отношении запись от 4 ноября 1905 г. в дневнике Сухотина. В ответ на слова Сухотина о расхождении представлений Толстого о «христианской особенности русского народа» с действительностью писатель заметил: «А вы разве думаете, что я этим не мучаюсь? Конечно, мне очень мучительно, и я понимаю, что вы говорите, и думаю...» Наблюдая крестьянские волнения, следя за речами крестьянских депутатов в Думе, Толстой временами разуверяется в мужике как «носителе начал христианства», а вслед за этим возникает сомнение в том, сможет ли этот «мужик» построить новую жизнь, которую проповедовал Толстой. Но все эти сомнения выливаются, по наблюдению Сухотина, в еще более окрепшую любовь к мужику, который уже не отли-



ТОЛСТОЙ

Фотография 1896 г. с дарственной надписью: «Павлу Владимировичу Безобразову Лев Толстой. 24 июня 1902, Гаспра»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

чался христианской кротостью и смирением (см., например, запись о том, что Л. Н. стал «допускать» мысль о «смуте» «даже в деревнях» — 10 сентября 1906 г.). Умиление «святой Русью» сменяется надеждами на что-то новое, «что-то такое важное, что мы теперь и представить себе не можем»; Толстой прислушивается к тем подземным ключам, благодаря которым, по его же признанию, только и сохранилась еще жизнь в России (запись от 18 ноября 1908 г.). Размышление над формами революционного протеста («пожалуй, правда, что до революции далеко. Во всяком случае другие пути для этого нужны») нередко переходит в откровенное недовольство революционным «насилием», революционными *методами* борьбы (цель же революции как уничтожение всех «форм жизни», основанных на насилии, была близка и понятна Толстому). И вместе с тем возникают ростки совсем иного отношения, иного восприятия революционного пути борьбы, и для самого Толстого они были радостны: «Ах, как хорошо, как все хорошо,— записывает Сухотин слова Толстого, — все это страдание, эта кровь, все это ведь роды, мучительные роды...». Очень интересны выводы, которые Сухотин делает из этого разговора: «... Л. Н. видит дальше меня. И видит, что после всех этих ужасов второго плана наступит такое хорошее, великое, сильное, которое заставит забыть эти мучительные роды, которыми мы только еще начинаем мучиться. Я поймал где-то на ходу Л. Н. и высказал ему эту мысль, которая ему, кажется, очень понравилась» (запись от 24 июня 1906 г.).

В процессе этих поисков и раздумий Толстой нередко находил решения случайные, не оставлявшие в его сознании следа, раздраженно высказывал суждения, которым не придавал впоследствии особого значения, но были и такие положения, к которым Толстой не только возвращался (интересно сопоставить в связи с этим приведенную выше запись, например, с письмом Толстого к Черткову от 4 ноября 1905 г.: «все-таки это роды, это подъем общественного сознания на высшую ступень»), но и отмечал, что они приносят ему удовлетворение (например, заключение той же записи Сухотина от 24 июня 1906 г.: «Как мы хорошо сейчас поговорили с М. С. Польстил он мне, это правда, а все-таки хорошо»).

Используя дневник Сухотина как источник сведений о взглядах Толстого, необходимо учитывать следующее обстоятельство. Опасаясь, что, составляя биографические труды о Толстом, его единомышленники (Бирюков и особенно Чертков) опустят моменты «поправения» Толстого, которые Сухотин связывал с периодами уменьшения влияния на него Черткова, опасаясь создания «легенд» о Толстом, Сухотин особое внимание уделял этим «поправениям» Толстого (т. е. наиболее слабым сторонам его взглядов), выводимым иногда из единичных, случайных высказываний писателя. Разумеется, это происходило потому, что, несмотря на отдельные проявления фронды, Сухотин сам был человеком правых, консервативных взглядов.

Сухотин был свидетелем встреч Толстого с Горьким в Гаспре в 1901—1902 гг. (некоторые даты этих встреч не были ранее известны). Многое в Горьком было непонятно и чуждо Сухотину, но всякий раз он как будто забывает об этом, с большим интересом слушает Горького, бывает у него в Олеизе. Некоторые из этих встреч описаны Сухотиным подробно, и описания содержат интересный материал: рассказ Толстого о декабристе С. Г. Волконском (устанавливается более ранняя дата знакомства с ним и в связи с этим, возможно, более раннее возникновение замысла романа «Декабристы»), отзыв об «Истории одного преступления» Горького, дающий новый комментарий к рассказу. Здесь же выясняется и такой неизвестный в биографии Толстого факт: судя по тому, что он говорил Горькому, Толстой встречался с известным революционером Г. А. Лопатиным, который рассказывал ему о себе, о своем пребывании в одиночном заключении. А это в свою очередь дает материал для творческой истории повести Толстого «Божеское и человеческое» (см. главу из этой повести — Меженецкий в тюрьме, в одиночной камере).

Основываясь на своих многолетних наблюдениях, Сухотин ставит вопрос о характере взаимоотношений Толстого с Чертковым, о характере влияния Черткова. Правда, в оценках Сухотина здесь немало субъективного, идущего от личной неприязни Сухотина к Черткову, но сообщаемые им факты, часто неизвестные, представляют несомненный интерес: например, некоторые подробности писания предисловия Толстого к

изданию альбома картин художника Орлова «Русские мужики» или письмà Толстого в редакции газет с заявлением о том, что у него нет собственности.

Несмотря на то, что почти каждый, писавший воспоминания о Толстом, пытался запечатлеть его внешний и внутренний облик, в зарисовках Сухотина можно найти новые штрихи: они просты, незатейливы, но тем, быть может, еще больше задерживают на себе внимание, запоминаются. Вот, например, одна из таких зарисовок 1906 г.: «Когда я недавно уезжал из Ясной, я зашел утром проститься со Л. Н. Накануне он получил в подарок от приехавшей из-за границы дочери Маши желтые кожаные сандалии ⟨...⟩ Когда я зашел к нему утром, он еще был в одном белье, но на ногах уже были надеты сандалии, на которые он любовался с каким-то детским восторгом. Я позавидовал несокрушимой юности этого человека, этой его возбудимости к гневу, негодованию, любви, радости, восторгу» (запись от 1—21 мая).

* * *

В самом начале дневника Сухотина встречается запись: «Жаль, что я лишь на склоне лет вздумал писать свои записки. Если бы я начал это делать еще в юности, могло бы быть очень интересно. В 70-х и 80-х годах я видел столько интересного, знал таких людей, как Аксаков, Катков, Самарин, был особенно близок в начале 80-х годов ко Л. Н. ⟨...⟩ (я был тогда одним из его ревностных почитателей и учеников), и, если бы я все записывал, что слышал и знал, могла бы выйти верная картина умственного движения в России в конце XIX столетия» (14 ноября 1901 г.). Записи Сухотина приняли форму дневника, местами приобретающего характер воспоминаний (см., напр., запись от ⟨4-6⟩ марта 1908 г.). Начат он 12 ноября 1901 г. и обрывается на 28 октября 1910 г. Записи Сухотиным велись не всегда регулярно, иногда с большими перерывами, особенно во время его заграничных поездок. Сухотин объяснял это тем, что его поездки за границу всегда были связаны с сугубо личными обстоятельствами, которые не могут привлечь внимание будущего читателя. А цель, которую ставил перед собой Сухотин,— по возможности записывать общеинтересное. Тем не менее, в дневнике немало такого материала, который имеет интерес преимущественно для самого автора: записи о своем здоровье, о членах семьи, черновики писем и статей, конспекты прочитанных им книг.

Значительная часть дневника заполнена подробностями политической и общественной жизни первого десятилетия XX в. Сухотин рассказывает о настроениях в различных слоях общества, записывает факты, обличающие правительство, называемые им «той серией глупостей и несправедливостей, которая творится нашим правительством и творится безнаказанно». Он основывается на своих наблюдениях, газетных сообщениях, беседах со знакомыми о создавшемся положении в стране и о том, что думают об этом «в сферах». Часто Сухотин излагает свои мысли о революции, перед которой испытывает страх. Однако нужно заметить, что он не был похож на человека, ослепленного этим страхом. И подтверждений тому можно найти немало: и в трезвости суждений об обществе, к которому он принадлежал, и в невольном его восхищении мужеством революционеров «на фоне общей трусости», и в том добродушном юморе, с которым Сухотин говорил о своем страхе перед революцией, о чем рассказывает С. Л. Толстой (Сборник юмористических рассказов. Неизд.—ЛБ, ф. В. Д. Бонч-Бруевича, № 369).

Местами дневник Сухотина как бы превращается в записную книжку члена Государственной думы с заметками о депутатах, речах, программах. Сухотин ведет эти заметки не только для себя, но и в расчете на будущего читателя.

Эти части дневника носят характер незавершенных черновых набросков. По-видимому, впоследствии Сухотин предполагал вернуться к этому материалу, придать бóльшую последовательность изложению, так как мысль о «будущем читателе» дневника, который должен разобраться, в чем он, Сухотин, был прав и неправ, не покидала его.

Мы приводим из дневника Сухотина с некоторыми сокращениями лишь те места, которые имеют отношение к Толстому. Несмотря на фрагментарность, публикуемые записи представляют существенный интерес. Это новые и содержательные свидетельства о последних годах жизни и деятельности Толстого, хотя и преломленные сквозь призму консервативного мировоззрения автора дневника.

Дневник М. С. Сухотина (автограф) хранится в ЦГАЛИ, ф. 508, оп. 4, ед. хр. 3—12.

ИЗ ДНЕВНИКА М. С. СУХОТИНА

1901

‹ГАСПРА›

12 ноября. ‹...› Л. Н. как-то очень опустился. Ослаб, постарел, все прихварывает. Сидит он в кресле в халате, очень нарядном, подаренном Таней, шелковая скуфья на голове, очень напоминает грим какого-то актера в роли еврея, не то из «Уриэль Акосты», не то из «Ami Fritz»[1]. Но все-таки продолжает всем интересоваться. С любопытством слушал мой рассказ о вегетарианской кухне в Москве. Сам мне рассказывал о посещении в. к. Николая Михайловича [2]. В первое посещение Николай Михайлович ему предложил три вопроса. О том, был ли Кузьмич Александром I? Очевидно, этот вопрос очень интересует Романовых. По словам Николая Михайловича, Александр III верил, что Кузьмич был Александр I. Показывал Николай Михайлович очень интересные записки по этому поводу. Но Л. Н. все-таки думает, что это был самозванец, нарочно напускавший на себя таинственность и говоривший загадочными фразами ‹...› [3]

Второй вопрос — это, почему Л. Н. считает кн. Шервашидзе [4] таким негодяем и злодеем? Его проступки относительно духоборов будто бы преувеличены, а частью и вымышлены. Л. Н., кажется, убедил Николая Михайловича в противном.

Третий вопрос — секретный, Л. Н. при этом тонко улыбается *.

Во второй приход Николая Михайловича Л. Н. его встретил словами: «Когда в доме скарлатина, нехорошо, если хозяин не предупреждает своих гостей об этом». Николай Михайлович очень испугался, так как живет у брата Александра Михайловича, а там дети; но Л. Н. продолжал: «Нет, это я говорю только для примера, а я считаю долгом вас предупредить, что вы ходите к человеку, непримиримо враждебно настроенному ко всему тому строю, которого вы один из представителей. Ведь между нами бездна, которую невозможно наполнить. Вы, вероятно, не читали всего, что я писал. Например, моя статья о l'alliance Franco-Russe? [5] Ведь там я прямо говорю, что нет на свете правительства отвратительнее русского». На это Николай Михайлович возразил, что он все это знает, но что взгляды Л. Н. вовсе не мешают знакомству, что разделяют Л. Н. с правительством главным образом его последователи, которые так его компрометируют. Будто даже Александр III очень почитал и уважал Л. Н.

О государе Николай Михайлович отзывался как о человеке очень добром, но совершенно безвольном. Окружающие его люди заставляют его делать все, что им вздумается, а люди эти ничтожные, кроме Витте, который, по крайней мере, умен. Л. Н. поверил Николаю Михайловичу свое желание написать государю большое письмо, в котором он хочет пред смертью изложить ему все то, что считает нужным делать и не делать [6]. Николай Михайлович сказал, что государь наверно прочтет это письмо, но, чтобы оно произвело какое-нибудь действие, «пишите добрее и добрее». Л. Н. нашел этот совет небесцельным. Николай Михайлович произвел на Л. Н. впечатление «обыкновенного гвардейского офицера». Не умный и не глупый, самоуверенный, «с преувеличенно широкими движениями», с лицом человека пожившего. По-моему, немножко ребячливо со стороны Л. Н., что он ему ни разу не сказал «ваше высочество», а на

---

* Секретный вопрос относился к намерению Николая Михайловича жениться на кн. Е. М. Барятинской, рожд. Орлов‹ой›-Денисовой.— *Прим. М. С. Сухотина.*

своем портрете сделал просто надпись «*Лев Толстой*», чтобы избегнуть «его высочеству», и даже визита ему не отдал. Это вроде того, как он, встретив в. к. Александра Михайловича с Ксенией, в упор смотрел ему в глаза, ожидая первого поклона от Александра Михайловича. Между тем Александр Михайлович пред этим сам a fait des avances *, прислав разрешение гулять по его владениям, а затем прислав адъютанта узнать мнение Л. Н., какой строить памятник в Севастополе в память войны, на

ТОЛСТОЙ и М. С. СУХОТИН ЗА ШАХМАТАМИ
Рисунок Т. Л. Сухотиной-Толстой, 1908 г., Ясная Поляна
Музей Толстого, Москва

что Л. Н. ответил, что в. к. Александру Михайловичу должны быть известны его взгляды на войну, а потому, чем более памятник будет внушать отвращение к войне, тем лучше.

13 ноября. 〈...〉 Л. Н. снова рассуждает об одной добродетели, которая считается таковой лишь у китайцев — а именно об *уважении*. Эта добродетель — увы! — у нас совсем не известна. Но ведь и сам Л. Н. грешит против *уважения* к чужому убеждению. Стоит вспомнить возмутительную главу в «Воскресении», где описывается обедня с оскорблениями и издевательствами над чужими верованиями.

Грустен Л. Н., и эта грусть понятна. Он говорил Лизе Оболенской [7], а потом и мне, что когда он совсем здоров или когда он умирает (как это было летом), он чувствует себя совсем готовым к смерти: все ему ясно и просто кажется. А теперь ни то, ни се, и на душе у него смутно. Рассказывал Л. Н. о прекрасной смерти Павла Бакунина [8], вполне сознатель-

* выказал предупредительность (франц.).

ной и безбоязненной, о чем ему вчера передавала вдова Бакунина. В день смерти он спрашивал у окружающих: «Смотрите мне в глаза; видна ли в них та отрешенность от жизни, которая была у Андрея Болконского? Для меня вы все теперь далеко, далеко; и всё мне тут чуждо стало». У вдовы есть интересные записки о муже.

У Л. Н. я эти дни вижу тоже что-то странное в глазах: бледнеют и гаснут эти полные жизни замечательные глаза, и точно мысль у него куда-то уходит и где-то бродит, безучастная ко всему окружающему. И в шахматах он стал слабее. Я его бью безо всякого труда, тогда как в тот мой приезд я у него выигрывал мало.

14 ноября. 〈...〉 Был вчера кн. А. Д. Оболенский [9]. Не понравился он мне. Самоуверенный, речистый, frondeur et boudeur *, по своему настоящему положению (не у дел — из товарища министра в Сенат), он неминуемо обратится в «как прикажете?», если ветер подует благоприятно и его поставят у руля. Глядя на него, я вспомнил, как Л. Н. выразился раз о М. Стаховиче [10]. То было прошлым летом. Я приехал в Ясную, когда Л. Н. едва стал поправляться от своей чуть не унесшей его в могилу болезни. Он лежал слабый, бледный, с полузакрытыми глазами на постели, а я ему рассказывал всякие новости и между прочим передавал ему содержание речи Стаховича к губернским предводителям в Москве. Когда я произнес заключительные слова Стаховича:

«За бога на костер!
За царя на штыки!
За народ на плаху!..»

«А за двугривенный куда угодно»,— быстро дополнил это четверостишие Л. Н., открыв глаза. Относительно Стаховича это было несправедливо, как доказала теперь его речь о свободе совести, речь, за которую, конечно, он ни одного «двугривенного» от начальства не получит.

Но кн. Оболенский, как мне показалось, именно «за двугривенный куда угодно», конечно, если этот «двугривенный» будет очень крупный, в виде, например, портфеля министра внутренних дел 〈...〉

Три писателя были сегодня: Чехов, Горький, Бальмонт. Разговор долго шел с натужинкой. Было похоже на то, что молодые писатели приехали к maître засвидетельствовать свое почтение, но что у них с ним общего мало и что они на него смотрят снисходительно, уважая в нем *прошлое*, но воображая, что их *настоящее* ушло вперед. Это я особенно заметил, когда Л. Н. осторожно и смягчая выражения стал выговаривать Горькому за его отношение к *публике* (его речь [11] и то, что он теперь собирается написать [12]). Горький вдруг как-то чудно́ положил подбородок на стол и, умильно глядя на Л. Н., стал говорить приторно-нежно о том, что всякие советы Л. Н. ему очень приятны, а не только что не обидны, но что *публику* все-таки пробрать надо. Тон был такой, каким говорят с больными, которых раздражать не следует. Вообще Горький мне не очень понравился. Рисуется. Простота напускная, которая неестественнее манерности. Видно, что избалован неожиданными и незаслуженными успехами. Подчеркнуто *окает*, как истый северянин. Фигура у него типичная и врезывающаяся в память. Крупный, лицо широкое, с серыми умными глазами, прямые длинные волосы зачесаны назад, небольшие плебейские бесцветные усы. Голос басистый, глубокий, очень сильный, которому мог бы позавидовать любой соборный диакон. Одет в черную суконную рубаху русского покроя с косым воротом. Говорил больше других. Рассказывал о том, как, когда он ехал сюда, пред Москвой, в Рогожской, его заставил выйти из вагона жандармский офицер, усадил

*недовольный и ворчливый (франц.)

в другой вагон, прицепленный к товарному поезду, провез мимо московской станции (он ехал из Нижнего) и доставил в Подольск, где и высадил его. Оттуда уж он сел на почтовый поезд, с коим и прибыл в Севастополь. Было это сделано, чтобы провалить манифестацию студентов, собравшихся на московской станции встретить Горького.

Рассказывал о Зарубине [13] (старик, знакомый Л. Н.). Недавно Зарубин, проходя мимо рыбной лавки (в Нижнем), увидал, что там духовенство закусывает после молебна, бывшего по случаю открытия лавки. Задорный старик, заглянув в лавку, закричал: «Собираете» и еще что-то ядовитое. «Ой, смотри, старик,— крикнул протопоп,— будешь ругаться, отлучим, как твоего приятеля Толстого!»— «Не посмеете отлучить!»— «Отлучим!» — «Не отлучите!» — «Отлучим!»— «Не отлучите!» — «А ну-ка, дьякон, валяй!»,— крикнул подвыпивший и раздраженный протопоп. Дьякон встал и отхватил всю анафему по всем правилам. «А теперь, хозяин, зови полицию!»,— закричал Зарубин. Составлен был протокол, и делу дан законный ход. Дело Пастухова [14], по словам Горького, будет замято. «Задарил». Отцу убитого ребенка дал 3000 р. Обещал построить ремесленное училище в 100 000. Взятка следователю. Близкое знакомство с прокурором судебной палаты Посниковым.

Чехов мне понравился. Тонкий, с прищуренными ласковыми глазами, нервный и внимательный. Бальмонт все молчал и конфузился. Лицом похож на портреты каких-то Филиппов испанских. Тоже за что-то из Петербурга выслан. Вероятно, за стихотворение, которое начинается так:

То было в Турции, где совесть вещь пустая,
Где царствуют кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя,
И глупый маленький султан.

16 ноября. Спрашивал вчера Л. Н., сколько раз он писал царям. Он припоминает шесть писем [15]. Александру II — одно, с жалобой на обыск, который произвели в Ясной Поляне в его отсутствие в 62 или 63 г., Александру III — три, по поводу детей Хилкова [16], по поводу духоборов и еще о чем-то. Николаю II — два, по поводу свободы вероисповедания, и царю и его помощникам. «Кажется, больше не писал»,— прибавил Л. Н. И ни на одно из этих писем ни слова ответа, никакого изменения в политике и в самовольных поступках правителей. Только Александр II ответил чрез гр. Александру Андреевну Толстую, выразив сожаление по поводу глупого и бестактного обыска. И тем не менее душа у Л. Н. так еще наивно доверчива, что он хочет еще раз писать Николаю II в надежде тронуть его сердце. Я ему высказал это, на что он сказал: «Я постараюсь, я все ему выскажу, про все дурное, что делается; скажу ему о жизни, о смерти».— «Да ведь этим не испугаете, раз он уверен, что живет как следует».— «Нет, это не может быть; он поймет то дурное, что он делает» 〈...〉

25 ноября. 〈...〉 Владимир Чертков не понял, что для славы Л. Н. было бы много лучше вычеркнуть бестактную главу об обедне из «Воскресения». Чертков имел полную возможность это сделать 〈...〉 Мистицизм Соловьева был главной причиной того, что он и Л. Н. все больше и больше расходились с чувством затаенной враждебности друг к другу [17].

26 ноября. На-днях опять был Бальмонт. Его испанистая наружность гармонирует с его занятиями: он занят Кальдероном. Немножко странен. Говорят, пьет. Рассказывал, за что и как был выслан из Петербурга (на два года с воспрещением въезжать в университетские города). На каком-то литературном вечере после избиения на Казанской площади прочел вместо значившегося в афишах стихотворения — стихотворение «Опричники»; на бис — «Сквозь строй»; еще на бис «То было в Турции». Гром рукоплесканий. Но в зале были и консерваторы. В числе их какие-то

генералы. Во время перерыва человек 15 потребовали, чтобы полицейский офицер составил протокол. Затем был обыск у Бальмонта (нашли только адрес Вяземскому [18]). Затем был он вызван к Пирамидову (начальник охраны, который был недавно убит флагштоком в присутствии царской фамилии). А затем — фьють,— как говаривал Щедрин.

По вечерам читаем теперь «Записки» Волконского (декабриста). Очень интересно. Есть цензурные пропуски. Но в. к. Николай Михайлович, qui continue à faire la cour à Leon Tolstoi *, прислал в письме выписки всего того, что цензура вычеркнула [19], и Таня все это вписала в текст ⟨...⟩ На днях Л. Н. получил еще письмо от в. к. Николая Михайловича. Но чего оно касалось, не говорил. Это именно тот *секрет*, о котором я уже упоминал [20]. Отвечать придется Льву Николаевичу, и он собирается прямо написать, что это его слабость, но обращаться к в. к., титулуя его высочеством, ему очень не хочется. Когда еще с месяц тому назад он передавал в. к. свой портрет, на котором он, чтобы избегнуть ⟨надписи⟩ «его высочеству» и т. д., написал только *Лев Толстой*, он, чтобы объяснить эту лаконичность, начал было фразу: «Vous savez c'est une petitesse, mais...» — «Oh, oui je le sais,— перебил его великий князь,— mais que voulez-vous, j'avais tellement envie d'avoir votre portrait!» Л. Н. n'a pas relevé le qui pro quo,— так «petitesse» ** и осталось на счету в. к. ⟨...⟩

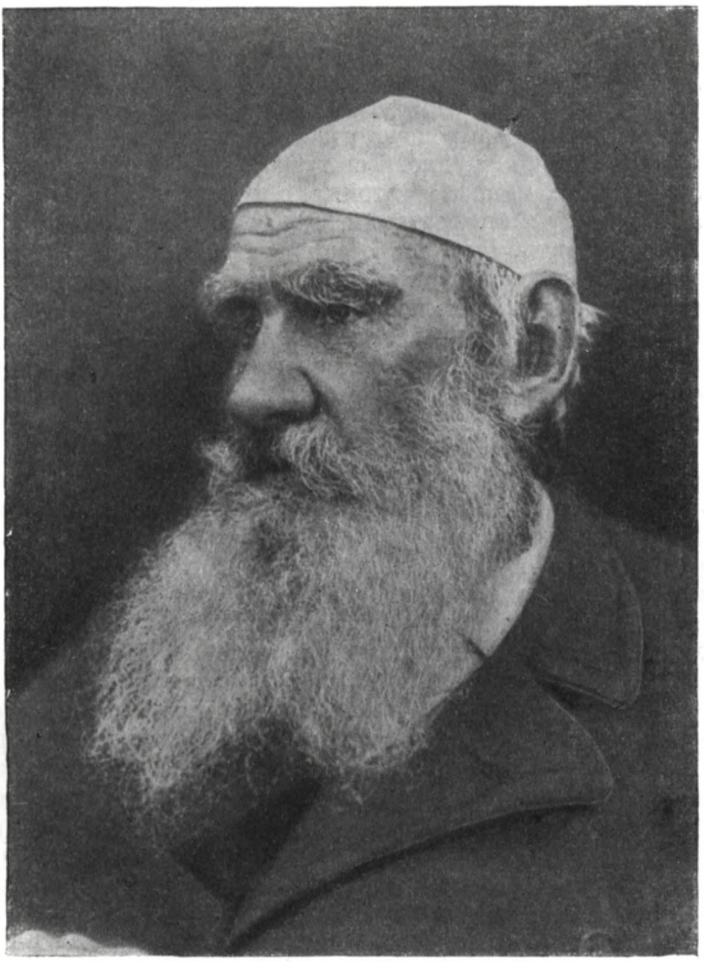
Нынешним летом пришел в Ясную Поляну какой-то маляр побеседовать со Л. Н. Этот маляр между прочим рассказывал, что как-то получил работу в Харьковской семинарии. Он всегда интересовался духовными вопросами и был очень рад, что ему представится случай поговорить о боге там, где этим вопросом специально занимаются. Улучив минуту, он обратился к нескольким воспитанникам старшего класса, прося у них позволения поговорить с ними о боге. «Эх, милый мой,— сказал ему на это один из воспитанников,— мы этого самого бога давно уж на чердак забросили». Прочие только засмеялись. А кафедру епископальную занимал в то время Амвросий, тот самый Амвросий, который с год тому назад произнес свое постыдное «Слово» с просьбой, обращенной к правительству, об усилении полицейских преследований против еретиков, причем не удержался от самых гадких и несправедливых инсинуаций против Толстого [21] ⟨...⟩ А ведь теперь эти самые семинаристы, «забросившие бога на чердак», уже церковнослужители, служат этому «заброшенному богу» кощунственно и притворно, но зато непритворно, а искренно проклинают этого мешающего им спокойно наслаждаться жизнью, все еще не умирающего Толстого, которому, к досаде попов, само бесцеремонное правительство не смеет вполне «заградить уста». Мне передавал доктор Сивицкий [22] (из Харькова), что Амвросий очень мечтал пережить Толстого и даже приготовил «Слово» на смерть Толстого, но это ему не удалось. В самый тот день и час, как Л. Н., едучи в Крым, подъезжал к Харькову (в начале сентября), мертвое тело Амвросия перевозили по мосту, перекинутому чрез полотно железной дороги недалеко от вокзала.

Очень трудно понять, что это было за побоище в Павловках? [23] Никого туда из людей, могущих добиться правды, не пропускают; а сидящих в остроге сектантов и подавно нельзя видеть. Князь Д. Хилков пишет Льву Николаевичу, что по тем сведениям, которые он имеет, из старых штундистов, которых он знает, почти никто не участвовал в попытках разрушить церковь, а двинулись против церкви все какие-то новые сектанты [24]. Доведены были до этого грубого и бесцельного поступка сектанты систематическими дразнениями и оскорблениями со стороны ду-

* который продолжает ухаживать за Львом Толстым (франц.).

** «Вы знаете, это мелочность, но...» — «О, да, я знаю,...— но что вы хотите, мне так хотелось иметь ваш портрет!» Л. Н. не отклонил «qui pro quo»,— так «мелочность» франц.).

ховного и полицейского начальства; так что, наконец, сектанты дошли до крайнего предела озлобления. С другой стороны, некто Дудченко [25], бывший на днях у Л. Н., передавал ему, что все это дело на почве провокаторства. Сам Дудченко не мог пробраться в Павловки, а посылал туда свою жену, которая принесла следующие сведения. Возбуждал и агитировал среди сектантов какой-то человек, называвший себя отставным солдатом Федосеенко (?). Теперь оказывается, что он совсем не тот, за кого

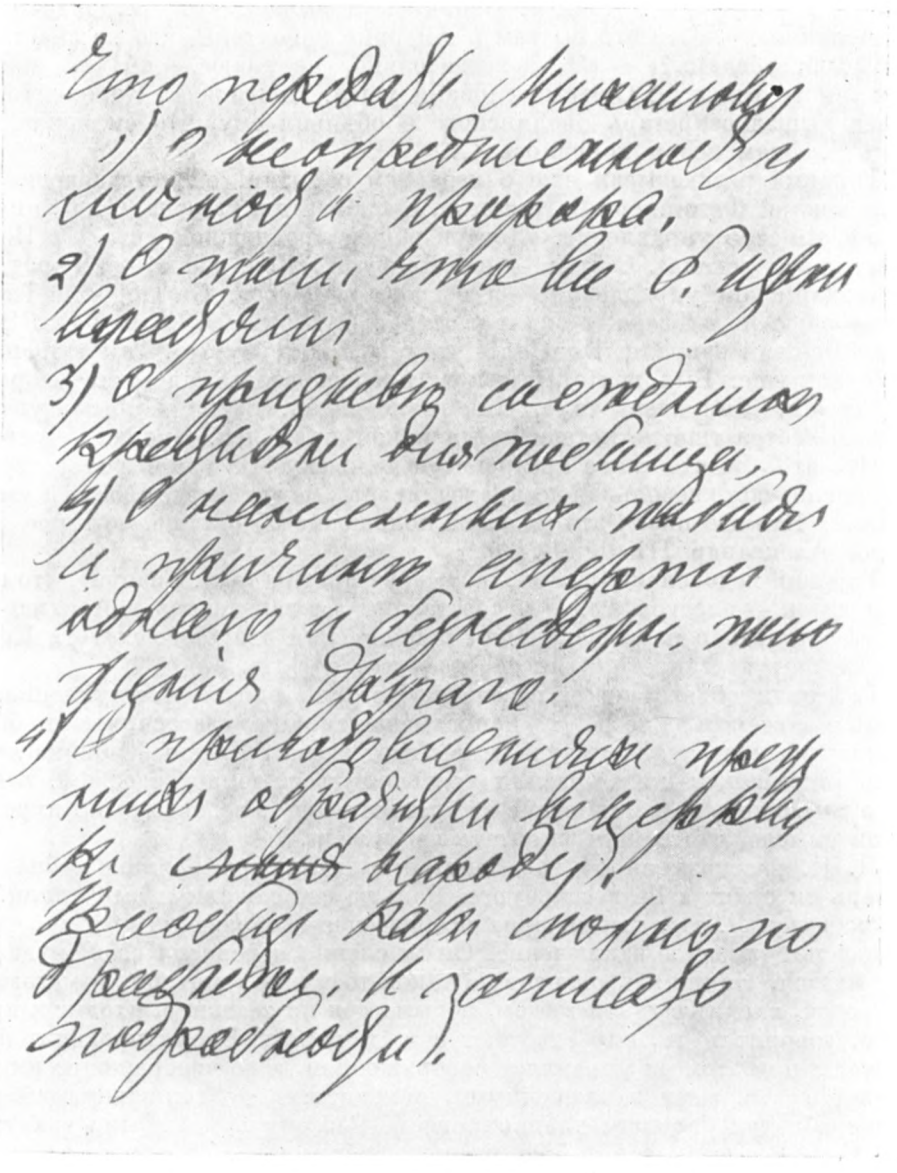


ТОЛСТОЙ
Фотография, 1909 г.
Музей Толстого, Москва

себя выдает. Руки у него белые, говорит по-французски. В острог посажен, но избит не был, хотя шел впереди толпы. Полицейские власти знали о том, что он агитировал, и о дне и часе погрома церкви были предупреждены. А посему тотчас же из соседних деревень были двинуты православные (так как местные православные к сектантам относились дружественно), и сектанты были страшно избиты. Если действительно тут играл роль провокатор, то и предварительное и судебное следствие вряд ли посмеет что-либо раскрыть.

Провокаторство еще яснее обозначилось в другом деле. Я говорю о тех нарочно распускаемых слухах о смерти Л. Н., преимущественно в Москве, которые вызвали брожение между студентами. Едва сумели успокоить студентов. В этом случае помогла Таня своими успокоительными телеграммами Дунаеву [26] и Леве [27]. Даже мой Лева, консерватор, и тот пишет, что все эти волнения дело рук провокаторов. Его самого, шедшего по Скатертному переулку, остановили две дамы, ехавшие на извозчике. Одна из них подозвала Леву и, когда он подошел, сказала ему: «Сегодня ночью умер Л. Н. Толстой». Слышно, что многих студентов останавливали загадочные личности и передавали, что Л. Н. умер. Три московские газеты («Курьер», «Русские ведомости» и еще какая-то) получили телеграммы, что «в 2 часа ночи Л. Н. скончался». Выяснить этот вопрос путем печати и затем успокоить тем же путем волнение было нельзя, так как газетам запрещено что-либо печатать о Л. Н. К чему это провокаторство? Понять трудно. Все думают, что это сделано, чтобы проверить силы будущих манифестантов. А я думаю другое. Пущенной уткой хотят ослабить силу манифестаций, когда действительно умрет Л. Н. Иные не будут верить, быв раз обмануты, иные будут сомневаться, и, таким образом, лишь немногие начнут волноваться, панихиды служить, креп на рукава нашивать и т. п., — единодушия, а следовательно, и силы не будет. Говорят, что в случае действительной смерти Л. Н. на телеграфах запрещено принимать телеграммы о сем событии. Софья Андреевна заранее придумывает условные слова, чтобы известить близких. Если действительно слух о смерти Л. Н. пущен от начальства, это крайне возмутительно. Что за неуважение к человеческой личности! Ведь есть люди, которые искренно любят Л. Н. Кто и что вознаградит их за те страдания, которые им пришлось испытать?! Дунаев пишет, что он не помнит, чтобы он когда-либо так страдал от сердца, как в эту бессонную, страшную ночь накануне получения ответной телеграммы от Тани.

29 ноября. Вчера опять был Горький. На этот раз он мне больше понравился: был гораздо проще (простотой неподдельной). Много рассказывал интересного. Очень картинно описал избиение на Казанской площади [28], чему он был очевидцем. Видел собственными глазами артиллерийского офицера, ударившего шашкой (в ножнах) казака столь сильно, что тот свалился с лошади. Видел пехотного офицера, у которого лицо все было исполосовано ударами нагайки. Его вели под руки барышня с волосами, сбившимися на одну сторону, и студент, у которого на лице висел лоскут содранной кожи. Один солдат был в роли провокатора. Обращаясь к публике, кричал «бейте казаков»; казаков возбуждал бить публику. Горький за ним долго следил, наконец, схватил его за шиворот. Полиция не хотела арестовать солдата. Горький сам стащил его в участок. Передавал, что бесцеремонное хватание людей и бессудное их заточение или даже умерщвление все увеличивается. Оказывается, что последний суд или подобие суда (конечно, при закрытых дверях) был в 87 г. над лицами, покушавшимися на Александра III [29]. Тоже, как и при Александре II, по улицам стояли убийцы с бомбами, но были схвачены. Их тайно повесили. Это было последнее подобие суда. А затем стали хватать и наказывать по произволу охраны. Писатель Короленко около восьми лет провел в Якутской области, сам не зная за что. Выпущенный наконец, он уехал в Америку. Имел там интервью с каким-то журналистом, которого удивил своим заявлением, что не знает, за что был наказан [30]. Тот напечатал этот разговор, прибавив от себя выражение удивления над порядками в России. Когда Короленко возвращался в Россию, то на границе жандармский офицер спросил его, куда он едет. «В Нижний». — «Относительно вас есть распоряжение, чтобы вы немедленно явились в Петербург в департамент полиции». Делать нечего,


Что передать Михайлову
1) О неопределенности личности пророка
2) О том, что все было известно властям
3) О призыве соседних крестьян для побоища
4) О нанесенных побоях и причине смерти одного и безнадежности положения другого
4) <5> О приготовлениях прежних обратиться в церкви к [моля<щимся>] народу.
Вообще как можно подробнее. И записать подробности

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА. АВТОГРАФ ТОЛСТОГО

Эта памятная записка связана с делом крестьян-сектантов, привлеченных к суду за разгром православной церкви в селе Павловке, Сумского уезда, Харьковской губернии, 16 сентября 1901 г. Толстой был обеспокоен судьбой крестьян. Запись относится ко времени пребывания его в Гаспре в ноябре 1901 г. Выяснение подробностей дела он поручил К. А. Михайлову. Приводим текст записки, находящейся в собрании Э. Ф. Ципельзона (Москва):

«Что передать Михайлову

1) О неопределенности личности пророка
2) О том, что все б<ыло> извес<тно> властям
3) О призыве соседних крестьян для побоища
4) О нанесенных побоях и причине смерти одного и безнадежн<ости> положения другого
4) <5> О приготовлениях прежних обратиться в церкви к [моля<щимся>] народу.

Вообще как можно подробнее. И записать подробности»

поехал в Петербург. Явился. Зволянский вышел. «Вы Короленко?» — «Короленко».— «Что это вы там в Америке наболтали, что не знаете, за что были сосланы?» — «Я, действительно, не знаю».— «А! не знаете? Так сейчас узна́ете». С этими словами ушел. Долго ждал Короленко, наконец вышел секретарь Зволянского и объявил ему, что он может уезжать [31]. Этим все и кончилось 〈...〉

Горький рассказывал еще о недавнем событии, об исчезновении дочери пекаря Филиппова (в Нижнем). Была взята и увезена. Отец кинулся в жандармское управление. «Дочери вашей предложили уехать в Петербург, она и уехала». Старик — в Петербург. «Дочь ваша,— говорят ему в жандармском управлении,— в остроге в Твери». Старик — в Тверь. «Дочь ваша не в Твери, а сидит в остроге в Нижнем». Старик — в Нижний. «Всё вам наврали. Поверьте, что она в Петербурге». Так и пропала. А то вот еще. Был некто Бирюков, преподаватель кадетского корпуса в Нижнем. Жил очень тихо. Никого не видал. Был арестован, увезен. Мать и сестра тщетно хотели найти какой-либо след. Пропал бесследно.

Что это? За что такое презрение к человеку? За что безжалостность, бесправие, часто невольная несправедливость, может быть, иногда и умышленная? Кто это писал это ужасное положение об охране, которое подписал Александр III (в 83 г.)? [32]

Горький недоволен Крымом, живет тут против воли. Говорит, что природа здесь — олеография. Он, собственно, сослан теперь в Арзамас, но ходатайствовал о разрешении для поправления здоровья ехать в Крым. Позволили, но запретили почему-то жить в Ялте.

Говорили об его новом рассказе «История одного преступления» [33], очень нам всем (и даже Л. Н.) понравившемся. Оказывается, что это быль. Горький был на суде и оттуда вынес этот сюжет. Главный убийца очень ярко описывал, как его дразнил угольщик своей теплой одеждой. В публике слышалось не негодование на преступление, а возгласы «вот дураки», в том смысле, что концов спрятать не сумели.

Л. Н. рассказывал об известном революционере Германе Лопатине. Теперь он сидит в Шлиссельбурге. Раньше его сажали и выпускали. Он рассказывал Л. Н., как он приспособил свое воображение к тому, чтобы выносить одиночное заключение. Он мысленно переносил себя, куда ему вздумается. Например, он идет по такой-то улице, смотрит на магазины, на людей, входит в такой-то дом, подымается по лестнице, входит к приятелю, говорит то-то, ему отвечают и т. д. и т. д. Время проходит незаметно, и при этом он управляет воображением, а не воображение им, что бывает со многими заключенными, доходящими до галлюцинаций. Лопатин обладал большим хладнокровием. Раз ему нужно было уехать из России. Он имел паспорт французского подданного. За ним следили. На границе жандармский офицер заподозрил, что это Лопатин, и арестовал его. Лопатин притворился ни слова по-русски не понимающим и все время протестовал на чистейшем французском языке. Офицер сказал, что по телеграфу где-то наведет справки о нем. Чрез несколько часов офицер влетел в комнату, куда был посажен Лопатин, и радостно закричал ему по-русски: «Вы свободны!» — «Vous dites?»* — спокойно спросил Лопатин. Ну тогда офицер вполне убедился, что это не Лопатин, угостил его ужином и вином и усадил на ближайший поезд. Переехав границу, Лопатин послал офицеру телеграмму с благодарностью за угощение и подписался — Лопатин [34] 〈...〉

А тот декабрист, которого приезд в Москву так живо и симпатично описал Л. Н., оказывается списан с Волконского [35]. Л. Н. в конце

---

* Что вы сказали? (франц.).

50-х годов познакомился с ним в Москве, а затем видел его во Флоренции. Он произвел прекрасное впечатление на Л.Н.

Все становится очевиднее, что Л. Н.— увы! — многого не кончит из того, что у него начато. Всего обиднее мне за великолепного «Хаджи-Мурата». Еще летом после болезни Л. Н. говорил мне, что ему остается на

ТОЛСТОЙ В ЯЛТЕ
Фотография, декабрь 1901 г.
Музей Толстого, Москва

один день работы и «Хаджи-Мурат» будет закончен. Но, видно, этого дня он никогда не найдет, так как теперь он пишет о религии, а если и успеет до смерти это закончить, то, наверно, увлечется каким-нибудь еще вопросом того же свойства. А между тем нового в этой области Л. Н. ничего не скажет. Он *всё* сказал. Дальнейшее будет одним повторением или перефразировкой.

9 декабря. Что-то нехорошо со Л. Н. Он последнее время очень заметно и быстро стал поправляться. Вероятно, действовал и мышьяк, и удивительно теплая и мягкая погода. Но как только он почувствовал, что силы у него прибавляются, так стал вести себя очень неосторожно, не думая о том, что может переутомить сердце. 4-го мы ходили пешком в Ореанду и сделали верст 8, так как сбились с какой-то короткой дорожки. Назад вернулись в экипаже. 5-го он ходил утром пешком, а после завтрака поехал верхом за Симеиз и сделал более 20 верст. Вечером говорил, что совсем не устал. 6-го вечером от 7—9 ч⟨асов⟩ он и я вдвоем много гуляли. Были в читальне, заходили к доктору Волкову, в больницу. Был удивительный лунный, теплый и тихий вечер. И Л. Н. и я жадно наслаждались во время этой прогулки. Много говорили и о жизни, и о смерти, и обо многом еще. Л. Н. меня поражал своей бодростью. Вернувшись, он почему-то сказал Тане: «Мы с твоим мужем очень хорошо поговорили; только не говори ему об этом». 7-го Л. Н. вздумал ехать в Ялту к Маше Оболенской [36], там ночевать и 8-го вернуться. Поехал с Ильей и Андрюшей [37] после завтрака. Там много ходил. Был у художника Мясоедова [38]. Вечером почувствовал себя нехорошо. Сделались перебои. В коридоре вдруг голова закружилась, и он чуть не упал. Ночь провел недурно. Утром много писал. Пред завтраком почувствовал стеснение в груди, и снова начались перебои. 9-го хотел вернуться, но доктор Альтшуллер [39] его не пустил. Сейчас я с доктором говорил по телефону. Неминуемой опасности нет, но Л. Н. до того себя переутомил за последние дни, что нужен продолжительный покой. Сейчас еду с Софьей Андреевной в Ялту.

⟨ЯЛТА⟩

10 декабря. Кажется, и на этот раз Л. Н. увернется от этой неприятной гостьи — смерти. По крайней мере и я вынес такое впечатление, и Альтшуллер перестал за него тревожиться. Перебои стали реже, общее самочувствие лучше. Но все-таки диагноз Альтшуллера тревожен: перерождение (не жировое) сердечной мышцы. Обязательна большая осторожность и избегание всякого переутомления. Духом я его нашел бодрым. Говорит, что самочувствие совсем иное, чем летом, так как не чувствует близости смерти, хотя «вот, например, Леонид Оболенский [40] тоже ничего особенного не чувствовал, пошел спать и вдруг и захрипел». Сознается, что очень устал после прогулки в Ореанду, а le coup de grâce* было чтение вслух «Памяток» [41]. Стал мне рассказывать, как он вторично начал писать по поводу Стаховича [42] третьего дня, написал 8 страниц, но все это надо бросить, так как это «совсем не то», а теперь он понял, в чем суть, а именно, что церковь вполне права, что борется против свободы совести, что церковник не может протестовать против преследований за веру и т. д., но тут Л. Н., видимо, стал очень волноваться, и я его просил оставить этот разговор.

Оказывается, в. к. Николаю Михайловичу он ответил письмом, которое начал так: «Любезный Николай Михайлович! Такого рода обращение примите за желание относиться к вам, как человек к человеку». Что дальше написано, неловко было у него спросить, а любопытно. Вернувшись домой, узнал, что Ольга Толстая сняла копию с этого письма. Она же и адрес надписала с полным титулом [43].

Альтшуллер обещает, что Л. Н. вернется в Гаспру через два дня.

Курьезно было сегодня прочесть в газетах высочайший рескрипт Драгомирову с восхвалением его воспитательной деятельности (то есть его

* последним ударом (франц.).

«Памятки» отчасти), за что ему жалуется Андреевская лента. Ну за «Памятки» Л. Н-у достанется, пожалуй, нечто иное.

Я слыхал от церковников, когда им указывают на неправильное отлучение Л. Н. от церкви (главным образом с процессуальной стороны), что его никто и не отлучал, а было просто со стороны церкви удостоверение, что его убеждения такие-то несовместимы с наименованием сына православной церкви. Таким образом, будто бы не церковь отлучила Л. Н., а он сам себя отлучил, а церковь только об этом свидетельствует. Казуистическое объяснение. Но вот Иоанн Кронштадтский, которого нельзя не назвать одним из столпов православия, говорит «Слово» («Московские ведомости» 5 дек. № 335), в коем выражается о Л. Н. так, что он «праведно *отлучен* от церкви — по слову Апостола — анафема да будет». К чему же тогда все это иезуитское вилянье нашего духовенства?

11 декабря. Вчера пили чай у Горького. Сынишка у него называет отца Алексеем, а мать Катюшей. Это экзажерация * простоты, доведенной до nec plus ultra ⟨...⟩

12 декабря. ⟨...⟩ Видел я Л. Н. Сегодня не решается переехать из-за сырости. Бодр, в духе. Был несколько расстроен обыском у Михайлова, Мануйлова[44]. Хозяйка дома Оболенских, где теперь живет Л. Н., потребовала, чтобы был внесен в книгу сей неудобный квартирант. Маша за отца внесла ответы в разные графы, но на вопрос, какого вероисповедания, с одобрения отца вписала — *не*православного.

По поводу обысков и арестов в Ялте Л. Н. говорил с возмущением о тяжелом гнете правительства ⟨...⟩

⟨ГАСПРА⟩

13 декабря. Приехал, наконец, Л. Н. Перенес дорогу хорошо.

18 декабря. Сейчас у нас был вечер. Были Горькие (муж и жена), доктор Волков, А. В. Погожева[45], М. И. Водовозова[46], студент Токмаков. Были интересные разговоры. Горький между прочим, рассказывал, как лет восемь тому назад («когда я еще бродяжничал») он под Харьковом узнал, что в монастыре Рыжовском находится о. Иван (Иоанн Кронштадтский), и так ему захотелось с ним побеседовать, что он перелез чрез ограду в сад, где гулял «Иван». И когда Иван увидел перед собой Горького, то сначала испугался, но потом оправился и вступил с ним в беседу. Длилась эта беседа часа полтора, и в результате Горький пришел только к одному выводу, а именно: что этот «поп Иван большой дурак» ⟨...⟩

Либеральные дамы Водовозова и Погожева, очевидно зараженные марксизмом, раздражали Л. Н. Вторая приятнее и умнее первой. Рассказала она о ловком маневре охраны, желающей стать во главе рабочего движения. Я помню, что год или два тому назад мне Л. Н. дал прочесть доклад Трепова, сделанный в. к. С⟨ергию⟩ А⟨лександровичу⟩ о рабочем движении. Написан он был известным начальником охраны Зубатовым и неведомыми путями попал в руки Л. Н. В нем Зубатов очень умно доказывает, что рабочим движением пренебрегать не следует, что при борьбе фабриканта с рабочими очень часто правда бывает на стороне последних и что теперь не ради торжества этой правды (об этом Зубатов и не думает), а ради созидания популярности правительства очень расчетливо и тактично рекомендуется представителям полиции брать сторону рабочих. И все в этом духе. Так вот, оказывается, что теперь этот проект проводится в жизнь. Зубатов и его помощник Сазонов заигрывают с рабочими. Зубатов называет себя социал-демократом. Разрешены собрания рабочих, где им дозволено высказывать самые красные мысли. Даются им разные

* преувеличение (франц.).

№ 103

ДѢЛО

С.П.Б. Цензурнаго Комитета.

190/ г.

По недозволенным портретам Графа Л. Н. Толстого.

Началось 23 Марта 190/ года.

Окончилось 22 августа 190/ года.

13

На 1 листах

ДЕЛО ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА О ЗАПРЕЩЕНИИ ПОРТРЕТОВ ТОЛСТОГО, 1901 г.

Обложка

Центральный исторический архив, Ленинград

льготы. Внушается, что дадут еще больше, если они отвернутся от интеллигенции и будут любить царя и от него ожидать всяких благ. Интеллигенция же будто бы разделяется на две группы: на большую и малую. К первой принадлежат либералы — служащие, например, профессора. Они на жалованье у правительства, а потому не очень опасны. Ко второй — неслужащие, и эти-то и суть самые революционеры. От них рабочие должны бегать. Все это неглупо придумано. Особенно остроумно то, что при подобной не то поблажке, не то провокаторстве охране будут известны самые горячие и самые способные головы из рабочих. Основная мысль ясна: многое позволят, только бы самодержавия не тронули — tout excepté ça*.

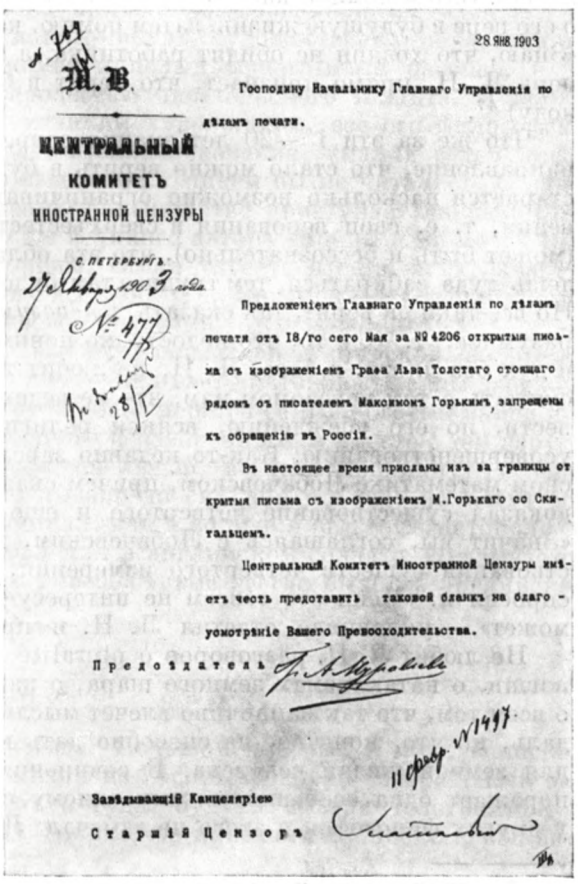
20 декабря. 〈...〉 Л. Н. как-то грустен и задумчив 〈...〉

Главная ошибка Л. Н. при написании «Офицерской памятки» — это думать, что он не только может что-то доказать офицерам, но и может своими доказательствами привести к тому, что офицеры бросят свою службу. Ошибка заключается в том, что Л. Н. считает человека лучшим, чем он есть на самом деле, уверен, что человек руководится в своей жизни разумом. Я же отвожу разуму место второстепенное в обыденной жизни офицера. В большинстве случаев офицер служит не потому, что находит это разумным, а в силу множества причин весьма разнообразных, но среди которых разум человека проявляется весьма редко. Причины же эти для офицера весьма важны, и расстаться ему с убеждением в их важности должно быть слишком мучительно. И вот офицер, знакомясь с проповедью Толстого, невольно испытывает враждебное чувство к этой проповеди, так как он понимает, что эта проповедь может привести его к борьбе непосильной, к ломке уже установившегося строя жизни. Значитель-

* всё, кроме этого (франц.).

ность познания истины при этом бледнеет пред импульсами более низменного свойства. Может быть, бессознательно, инстинктивно, но все же все умственные силы офицера, весь незначительный запас его знаний, вся его тщедушная логика напряженно работают и подкапываются под слабые пункты учения Толстого, и, если офицеру удастся выставить на вид эти слабые пункты, он уже победоносно будет трубить о негодности всего учения Л. Н. и тем самым о законности и осмысленности своей офицерской карьеры. Я представляю себе, что часто именно в руки такого сорта офицеров будет попадать толстовская памятка. Но это еще на хороший конец. Сколько таких офицеров, которые ничуть не будут смущены, если им будет доказано несоответствие их жизни с вечной истиной. А сколько таких, для которых самый вопрос о существовании истины давно решен отрицательно и окончательно. Я стал излагать свои мысли применительно к офицерам, так как думал я в данном случае лишь о будущих читателях «Памятки». Но с некоторыми видоизменениями эти рассуждения легко применить вообще к нашему обществу. О том, как читают Толстого и что из этого получают,— вопрос крайне интересный.

Прочел сейчас в рукописи «Что такое религия и в чем сущность ее?» Л. Н. Определение религии в самом конце сочинения таково: «Религия есть устанавливаемое согласное с разумом и современными знаниями отношение человека к богу, которое одно двигает человечество вперед к предназначенной ему цели». Это определение хромает в различных отношениях. Прежде всего, что такое *разум*, который здесь (как и везде у Толстого) привходит как нечто известное, как величина определенная? Между



28 янв. 1903

Господину Начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ ИНОСТРАННОЙ ЦЕНЗУРЫ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Предложеніемъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 18/го сего Мая за №4206 открытыя письма съ изображеніемъ Графа Льва Толстаго, стоящаго рядомъ съ писателемъ Максимомъ Горькимъ, запрещены къ обращенію въ Россіи.

Въ настоящее время присланы изъ за границы открытыя письма съ изображеніемъ М.Горькаго со Скитальцемъ.

Центральный Комитетъ Иностранной Цензуры имѣетъ честь предоставить таковой бланкъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Предсѣдатель

11 февр. №1497

Завѣдывающій Канцеляріею

Старшій Цензоръ

ЦЕНЗУРНЫЙ ДОКУМЕНТ С УПОМИНАНИЕМ О ЗАПРЕЩЕНИИ ОТКРЫТОК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТОЛСТОГО И ГОРЬКОГО, 1903 г.

Центральный исторический архив, Ленинград

тем, я не знаю, есть ли где у Толстого определение разума? Когда я как-то раз спросил его, как он определяет *разум*, он с некоторым неудовольствием ответил, что определить разума не может. Разум есть синоним ума? Очевидно, нет, так как они могут быть несовместимы. В том же сочинении, где все время доказывается, что человек, имеющий разум, будет обладать истинной верой, а что те, которые не имеют истинной веры,— не имеют и разума, в том же сочинении (в самом конце) говорится, что бывают истинно верующие, которые «слабы образованием и даже умом». «Современные знания»? Да почему же Л. Н. *современные* знания считает за *истинные* знания? А если не считает, то почему же религия должна согласоваться со знанием, которое может быть и не истинным, а лишь *современным*, т. е. временным? В нескольких местах сочинения отрицается сверхъестественное как несогласное с разумом и знанием. Но из того же сочинения я выписываю следующие истины, в которые верит разумно верующий человек, т. е. Толстой: «Бог есть начало всего», «Бог есть дух», «В человеке живет дух божий». Спрашиваю у каждого беспристрастного человека: 1) чем эти положения согласны с разумом и с современными знаниями? 2) не будет ли согласно с логикой отнести все эти положения к вере в сверхъестественное? И разница между этим толстовским сверхъестественным и тем отрицаемым Толстым сверхъестественным лишь дело личного вкуса и субъективной симпатии и антипатии Л. Н. А вера Л. Н. в загробную жизнь? Почему эта вера согласна и с разумом и со знаниями? И разве не помнят близкие к нему люди, как эта вера развивалась в нем? Я, по крайней мере, помню, как он когда-то совершенно отрицал будущую жизнь. Затем помню, как он сердился, когда его начинали расспрашивать о его вере в будущую жизнь, затем помню, как он стал уже прямо говорить: «Знаю, что хозяин не обидит работника, а больше ничего не знаю». А теперь Л. Н. прямо признает, что верит в будущую жизнь (его ответ Синоду) [47].

Что же за эти 15—20 лет знания современные приняли что ли такое направление, что стало можно верить в будущую жизнь? Л. Н., правда, старается насколько возможно ограничивать свои мистические поползновения, т. е. свои верования в сверхъестественное, справедливо чувствуя (может быть и бессознательно), что эта область опасная и чем дальше будешь туда забираться, тем труднее там будет на чем-нибудь остановиться. Но все-таки он верит, так сказать, в *неразумное* или, если хотите, в сверхразумное, т. е. в то, что недоступно пониманию разума человеческого — в дух без плоти, в бога. Л. Н. не любит только ни размышлять, ни рассуждать о том неведомом нам, что не ведет прямо к тому, к чему должна вести, по его убеждению, всякая религия — к нашему нравственному усовершенствованию. Как-то недавно завел он речь о знаменитом казанском математике Лобачевском, причем сказал, что «ведь еще Лобачевский доказал существование четвертого и еще какого угодно измерения».— «Значит вы, соглашаясь с Лобачевским, допускаете возможность существования существ четвертого измерения, как Вагнер, Бутлеров?» [48] — спросил я. «Меня это совсем не интересует, так как ничего мне дать не может»,— уклончиво ответил Л. Н. и прекратил разговор.

Не любит Л. Н. разговоров о pluralité des mondes*, о доисторической жизни, о катаклизмах земного шара, о какой-нибудь Атлантиде, словом, о всем том, что так заманчиво влечет мысль и воображение в неизмеримую даль, но что, конечно, не способно дать никакого руководящего начала для земной жизни человека. В сочинениях умозрительных Л. Н. меня поражает одна особенность, ему одному свойственная; по крайней мере у других философов я этого не замечал. Л. Н. очень часто мыслит обра-

* о множественности миров (франц.).

зами. Это свойство его ума, развившееся чрезмерно от многолетнего созидания художественных образов. Эта особенность его философских творений имеет обаятельную силу. Мысль получает яркое освещение посредством художественного образа, посредством понятной всякому профану притчи. Правда, существует и обратная сторона для философских доказательств, подкрепляемых художественными образами. Французы это выражают поговоркой: «Comparaison n'est pas raison»*. Для того, чтобы сравнение было убедительно, необходимо, чтобы пример, так сказать, со всех сторон без выступов и недохваток покрывал ту мысль, которую он хочет оживить. А это не всегда удается. Как только сравнение бедно, как только оно не покрывает основной мысли, так эта основная мысль не только ничего от примера не выигрывает, а, напротив того, теряет в яркости и жизненности; с другой стороны, как только сравнение, так сказать, с пересолом и выходит за пределы сравниваемого, так основная мысль теряет свою убедительность по поговорке qui prouve trop ne prouve rien**, именно потому, что громоздкость, карикатурность или пересоленность сравнения убивает сравниваемое. Поэтому понятно, что уменье для усиления своей убедительности удачно пользоваться сравнениями дается немногим. И Л. Н., как я уже сказал, по моему мнению, владеет этим уменьем в совершенстве. Это уменье в значительной степени скрашивает главный недостаток его философских писаний, заключающийся в неудержимом стремлении во что бы то ни стало обобщать свои основные положения, не допуская ни уклонений, ни исключений. Правда, от этого мысль приобретает мощь и величие, но часто грешит против действительности, а зачастую и против логики. И вот на помощь облюбованной им идеи Л. Н. всегда удачно поспевает с каким-нибудь художественно обработанным примером, часто разрастающимся в целый талантливый рассказ, и читатель очарован и покорен прелестью писательского таланта. Я вполне убежден, что не будь Л. Н. великим художником, все его философские сочинения, которым он придает столько значения, умаляя с тем вместе все свои художественные произведения, никем бы не читались. С одной стороны, к самому их прочтению большинство приступает лишь потому, что это произведение все того же великого автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», а, с другой стороны, самая тягость чтения этих зачастую парадоксальных и изрекающих все одни и те же мысли сочинений вполне облегчается прелестными художественными отступлениями.

Сегодня Л. Н. по поводу все продолжающейся бурской войны выразил ту мысль, что эта война ему доказывает ничтожность силы денежной пред силой нравственной. В этой войне дерется самый богатый народ против народа совершенно истощенного и разоренного, а вместе с тем дерутся вялые, безыдейные солдаты против людей, всецело проникнутых одной идеей — идеей свободы. И англичане до сих пор все еще не могут осилить буров. При этом он вспоминал, как и во время осады Севастополя его поражало отсутствие воодушевления в английском солдате. Оказывается, что самое большое количество перебежчиков всегда было из английского лагеря 〈...〉

1902

〈НА ПУТИ В КРЫМ〉

27 января. Вагон скорого поезда. Большой перерыв в моих записках. Более месяца тому назад я выехал из Гаспры и теперь возвращаюсь вместе с семьей, торопясь приехать туда, будучи вызван телеграммой об опасном состоянии Л. Н. 〈...〉 Только что приехали из Москвы, как была

* Сравнение не есть доказательство (франц.).

** кто много доказывает — ничего не доказывает (франц.).

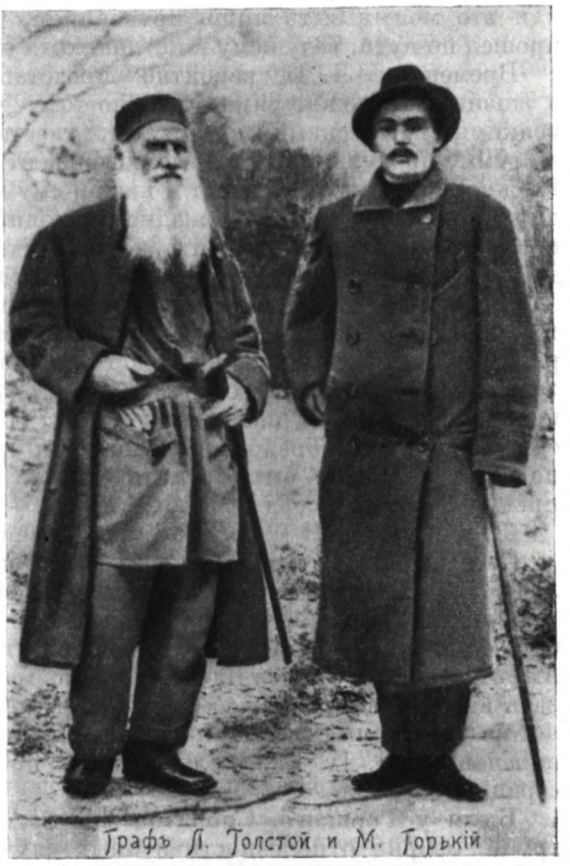
получена срочная телеграмма: «У отца сильный припадок грудной жабы». Мы тотчас же стали спешить укладываться. Пред нашим отъездом была получена другая телеграмма: «Припадок грудной жабы кончился. Определили плеврит» ⟨...⟩ На том же поезде едет Илья и доктор Волков, вызванные тоже телеграммами ⟨...⟩

Самовольство и самодурство наших чиновников-самодержцев все растет. Недавно Сипягин[49] выкинул такую штуку. Маркс выпустил приложением к своей «Ниве» «Обозрение России XIX столетия»[50] с портретами лиц, чем-либо замечательных. В литературном отделе был между прочими литераторами помещен и портрет Л. Толстого довольно большого формата. Главный цензор кн. Шаховской усомнился и сходил к Сипягину за указаниями, как поступить. Сипягин вычеркнул портрет Толстого. Маркс представил в цензуру новый экземпляр своей книги, поместив Толстого в маленьком виде в компании Горького, Потапенко, Короленко, Авсеенко и т. п. Шаховской снова обратился к Сипягину. Сипягин и этот портрет зачеркнул. Так и выпустил Маркс обзор русской литературы, где потомство не найдет портрета Толстого. Запрещается печатать на открытках портреты Толстого. Евгения Максимильяновна [51] выпросила разрешение распродать по крайней мере уже напечатанные Красным крестом открытки с портретом гонимого Сипягиным писателя. По этому случаю открытки быстро поднимаются в цене. Я видел у гр. А. А. Толстой, двоюродной сестры отца Л. Н., старой фрейлины, живущей в Зимнем дворце, интересную коллекцию открыток с портретами Л. Н. Она очень трогательна своей любовью к глубоко огорчающему ее своими религиозными воззрениями племяннику. Она говорит об нем с безграничной нежностью и интересуется всем, что касается его и его семьи. Услыхал я от нее следующий рассказ. Много лет тому назад Л. Н. передавал ей план романа, который он не то задумал, не то уже набросал. В этом романе он хотел изобразить психологию превращения Александра I в Федора Кузьмича. Придумывая, как это событие могло совершиться, если бы оно действительно совершилось, Л. Н. в своем воображении набросал следующую картину. Александр, уже больной, отправляется на прогулку. Во время прогулки он натыкается на экзекуцию шпицрутенами какого-то солдата. Вглядывается он в него и узнает одного гвардейца, которого он знал в Петербурге и который поражал его своим сходством с ним. Взволнованный, он останавливает экзекуцию, сажает солдата в свою коляску, везет его во дворец, кладет его в свою постель. Несмотря на поданные пособия, солдат ночью умирает. Тогда Александр решается осуществить свою заветную мысль. Он умоляет императрицу, Вилье, Волконского помочь ему, и сам исчезает.— «Мне представляется, что так могло бы быть»,— заключил свой рассказ Л. Н. Но впоследствии, как его ни пленяла эта благодарная для романиста тема, ему пришлось от нее отказаться вследствие ее исторической неправдоподобности.

⟨ГАСПРА⟩

30 января. Третьего дня приехали мы в Гаспру. Ехали на лошадях из Севастополя. С нами ехал Илья Толстой и д-р Волков, вызванный своей женой из Москвы. Ехали все в весьма тревожном состоянии. Последняя телеграмма, полученная в Синельникове, гласила: «Положение отца весьма серьезно»,— сделала то, что мы не чаяли его застать в живых. Но, к великой нашей радости, Л. Н. оказался не только жив, но даже было отмечено некоторое улучшение. 24-го с ним сделался сильный и продолжительный припадок грудной жабы. 25-го припадок прошел, но был констатирован плеврит с левой стороны. 26-го началось воспаление в левом легком; 27-го перешло в правое. Знаменитый Щуровский [52], приехавший

ТОЛСТОЙ И ГОРЬКИЙ
ОТКРЫТКА, ЗАПРЕЩЕННАЯ ЦЕНЗУРОЙ, 1902 г.
Издана за границей
Центральный исторический архив, Ленинград



из Москвы, и ялтинский Альтшуллер решили, что нет надежды, и давали жизни Л. Н-у два, много три дня.

28-го признали некоторое улучшение; 29-го нашли, что воспаление разрешается; 30-го, т. е. сегодня утром, врачи остались довольны больным 〈...〉

Сам Л. Н., очевидно, хотя и не постоянно, а ждет смерти и находится в столь же спокойном и мудром настроении, в каком он находился и в июле, когда он, по его выражению, взобрался на самый верх горы и там даже приотворил было дверь, ведущую *туда*, но затем его потащили назад, и он снова вернулся к жизни. Болезнь (сердечная слабость) была совсем не мучительная, и Л. Н. говорил мне тогда, что ему ехать на гору пришлось по гладкой покойной дороге, «а боюсь, как бы в следующий раз не пришлось ехать по колчам в тряском экипаже»,— прибавил он. Вероятно намекая на этот разговор, он мне сказал сегодня: «Тогда (т. е. летом) я держал гимназический экзамен, а теперь приходится держать магистерский». Тане и Маше он сказал: «Я думал, что умирать легко; нет, очень трудно. Духовно чувствую себя прекрасно. Но трудно сбросить с себя *это* (т. е. свое тело). Не знаю, как это мог Адам Васильевич (гр. Олсуфьев [53], недавно умерший) умирать легко. Нет, это очень трудно». Напомнил он Маше о том, что он и раньше говорил, чтобы, когда он будет отходить, чтобы его спросили: правильно ли он веровал, не отрекается ли он от своих убеждений? Он, кивнув головой или мотнув головой, постарается ответить на эти вопросы, надеясь, что ему что-либо начнет выясняться в эту минуту. Но Маша говорит, что не следует это делать, т. к. знак отрицательный может быть принят за признание правды православия, тогда

как это может быть лишь признанием, что Л. Н. недостаточно далеко прошел по пути, ведущему к истине, хотя сам путь и был правильный 〈...〉

Временами Л. Н. вероятно представляется, что он возвращается к жизни. Это можно заметить и по тому, что он начинает интересоваться всякими житейскими пустяками, газетами, придумыванием какой-то теоремы, прогулками, которые совершают съехавшиеся родные и друзья. Насколько эти возвращения к жизни ему отрадны и радостны, трудно судить, но думаю, что этот жадно живущий и всеобъемлющий человек не прочь еще пожить, помыслить и тем самым продолжать свою творческую деятельность, которая всегда для него была так дорога.

Думаю, что много вреда сделало его здоровью это письмо царю, над которым он работал таким ускоренным темпом за это последнее время, работал с таким волнением и страстностью и которое в. к. Николай Михайлович взялся передать государю. Когда пришла телеграмма от в. к., что письмо передано по назначению [54], Л. Н. был уже болен. Это известие его чрезвычайно обрадовало, и ночью в бреду у него вырывались фразы, по которым можно было судить, что он надеется, что добрые семена это письмо посеет в сердце царя 〈...〉

31 января. Л. Н-у положительно лучше сегодня 〈...〉

Сегодня Л. Н. сказал Маше: «Доктора меня утешают, что я поправляюсь, а мне грустно расставаться с готовностью моей умереть».

Меня порадовало, что Л. Н., несмотря на то, что не может он чувствовать симпатии к Романовым, не одобрил грубого и бесцельного пасквиля Амфитеатрова в «России». «Гг. Обмановы» [55] должны неприятно действовать на человека со вкусом. Слухи, что Амфитеатров возвращен с пути, который он помимо желания предпринял не то в Тобольск, не то в Иркутск, порадовали Л. Н. Едва слышно он произнес: «Это доброе движение сердца государя».

Были у Горького. Снова он мне не очень-то понравился. Уж очень груб. Говорил о полезности в иных случаях мордобития. Совсем уж либералу неподобающее рассуждение. Оказался очень знающим орнитологом и, вступив в горячий спор с Дунаевым по поводу весьма специальных суждений о птицах, совсем нашего милого Дунаева загонял.

1 февраля. Медленно, но здоровье Л. Н. улучшается. В правом легком больше незаметно воспаления. Стали реже давать digitalis. Сегодня его не видал, но вчера ему много рассказывал, и он очень охотно меня слушал.

2 февраля. Доктора говорят, что все лучше и лучше, но мне все кажется, что неустойчиво положение Л. Н. и ежечасно можно опасаться поворота к худшему. Много телеграмм получается, а так как Сипягин решил, что писателя Л. Толстого в России не существует или что таким ничтожным писателем газеты не смеют занимать своих читателей и так как этим пришибленным газетам запрещено упоминать о Льве Толстом, то, естественно, ходят слухи, не соответствующие истинному положению дел. Сегодня были получены телеграммы с выражением горя по поводу кончины великого писателя. С. М. Мартынова [56] получила заказ на венок с просьбой возложить на гроб и т. п. Чертков телеграфирует из Лондона об трогательных проявлениях симпатий в Европе и Америке к болящему.

4 февраля. Сегодня Л. Н. очень бодр и свеж. Но не так добр, как раньше, когда чувствовал себя на краю могилы. Со вступлением снова в жизнь началось у него негодование против его противников по вере. О православии отзывался особенно жестко, когда я ему передавал только что прочитанную мной в «Русском вестнике» статью Новоселова об опытном богопознании. А Новоселов, апоста* толстовства, отзывается о своем преж-

* отступник (от франц. apostat).

нем учителе мягко и любовно [57] 〈...〉 В «Курьере» напечатано маленькое сообщение о том, что Л. Н. опасно занемог. Но, говорят, «Курьер» подцензурный, а вот ни одна большая бесцензурная газета до сих пор не осмелилась напечатать хоть ничтожную заметку о болезни «великого писателя земли русской» 〈...〉

6 февраля. Хорошо, если я ошибаюсь, но, по-моему, прогностика в болезни Л. Н. утешительнее не становится. Ночь провел нехорошо, не спал, томился, а теперь днем стали делаться боли в груди. Доктор Волков говорит, что это совсем не похоже на грудную жабу. Хорошо, если он прав. Дух у Л. Н. не тот, что был эти дни. Стал снова поговаривать о смерти. Сказал сегодня ночью доктору Альтшуллеру: «А хороша эта болезнь, хороша тем, что длительна и дает время ко смерти приготовиться». На слова доктора, что дело не к тому идет, Л. Н. возразил: «Это по-вашему докторскому так, а я чувствую, к чему дело идет» 〈...〉

Сейчас вечером доктора решили, что начался кризис. Сегодня, завтра очень важные дни. Л. Н. это сознает и говорит: «Я чувствую, что теперь я балансирую» 〈...〉

В газетах стали мелькать краткие и робкие сообщения о болезни Л. Н-ча. Сипягин ли смилостивился и разрешил, или иные газеты осмелели и на свой страх так поступили — неизвестно.

7 февраля. 〈...〉 Л. Н. слаб. Сказал сегодня Альтшуллеру: Что вы со мной ни делайте, а я умру». Спрашивал я Альтшуллера, каково его мнение, боится ли умереть Л. Н. или нет? Его ответ совпал вполне с тем, что я думал. Сначала во время припадка грудной жабы и после нее Л. Н. боялся смерти и жалел жизнь; когда началось воспаление легких, Л. Н. и смерти перестал бояться и жизнь перестал жалеть; после того, как оказалось улучшение и Л. Н. убедился, что он не умирает, он стал снова жалеть жизнь, но смерти, кажется, не боится.

8 февраля. Опять у верующих в исцеление Л. Н. явилась надежда. Сегодня Л. Н. настолько бодр, что продиктовал Маше целое предисловие к своим «Памяткам», которые он послал Черткову для напечатания [58], а потом просматривал журналы и газеты 〈...〉

9 февраля. Кончилось дело павловцев [59]. Не только слушалось оно при закрытых дверях, но в нарушение всяких законов по высочайшему повелению даже объявление приговора было произведено при закрытых дверях 〈...〉 Но как всегда, чем больше секретничаешь, тем больше распространится секрет. Л. Н. уже получил письмо от кого-то, который все интересное узнал и от подсудимых, оставшихся на свободе, и от свидетелей. Поведение суда было возмутительное. Приговор читался так скоро и неявственно, что записать что-либо было невозможно, а в просьбе снять копию с решения было отказано защитникам. Защитников осталось, кажется, двое, так как между окончанием судоговорения и приговором устроили два дня антракта, так что все далеко живущие защитники разъехались, поручив двум присутствовать при объявлении приговора. Но этим двум (в письме почему-то упоминается один) председатель сделал двукратное предостережение не телеграфировать своим товарищам о решении суда. Многие приговорены к каторге.

Я все думаю о том, как разнокалиберна та группа родных и друзей, которая окружает Л. Н., разнокалиберна и по настроению, и по любви к нему, и по проявляемой заботливости, и по своим душевным достоинствам. Я уже не раз замечал, что у постели тяжелобольного с особою рельефностью выступают иные свойства человека, в другое время более бледно очерчиваемые. Полное отсутствие серьезности в такие трудные дни. Самолюбие, эгоизм, зависть, раздражительность, желание выставить себя вперед и порисоваться, а также желание руководить другими, особенно se donner

de l'importance*,— все это может видеть мало-мальски наблюдательный человек у постели Л. Н. или в смежных комнатах; а вместе с тем нельзя не любоваться и прекрасными порывами сердца, неутомимой заботливостью, отречением от своих интересов и привычек, кротостью и скромностью, качествами, которые не столь ярко выступают, как свойства дурные, но все же весьма заметны в иных близких Л. Н. во время этой неустанной борьбы против смерти. Особенно я проникаюсь уважением к докторам, а из числа докторов не столько к знаменитостям, как Бертенсон и Щуровский, сколько к трем местным докторам — Альтшуллеру, Елпатьевскому, Волкову, безо всякого денежного вознаграждения по очереди дежурящим по ночам, безропотно приезжающим во всякое время и во всякую погоду, кладущим всю свою энергию на то, чтобы хоть на короткое время отвоевать у смерти того Льва Толстого, который во время всей своей литературной деятельности неустанно насмехался над докторами и над их наукой.

Теперь, конечно, дело несколько иное, и Л. Н., не иронизируя над лекарствами и их целебными свойствами, преисправно глотает всю ту латинскую кухню, которую в него вливают. Но все-таки нет-нет, а поворчит иногда на докторов. Сейчас, например, проведя дурно ночь и будучи в унылом настроении духа, жаловался, «что вылечить не вылечивают, а умирать не дают».

15 февраля. 〈...〉 Уже несколько времени как ходят слухи, что правительство, сконфуженное отлучением и приближающейся кончиной Л. Н., стало распространять слухи, что он раскаялся, исповедался и причастился. Будто бы даже решено его похоронить по православному обряду на основании этого вымысла. Но, конечно, это рискованно и, если не в России, то в этой противной заграницe, где нельзя запретить писать, последователи Толстого разоблачат эту ложь. Поэтому было бы необычайно приятно не воображаемо, а действительно «напутствовать» Л. Н. и хоть страхом смерти заполонить этого опаснейшего врага. Очевидно, результатом этого соображения явилось письмо к Софье Андреевне митрополита Антония [60] 〈...〉 Странное письмо. Конечно, митрополиту очень хочется, чтобы Л. Н. «примирился с церковью», но только, конечно, он этого так сильно желает вовсе не из жалости к «одиночеству» Л. Н., а ради выгоды для самой церкви от такого «примирения». Ухватка иезуитская 〈...〉

Софья Андреевна передала Л. Н. содержание письма митрополита. На это он сказал: «Напиши ему: у меня в душе одна молитва к богу: от тебя я исшел, к тебе я иду, да будет воля твоя. Другой молитвы теперь не знаю». А затем он раздумал и сказал: «Лучше ничего не пиши».

24 февраля. А Софья Андреевна все-таки написала ответ митрополиту. Правда, от лица Л. Н. она ничего не говорит 〈...〉 [61]

В. к. Николай Михайлович передал кн. Барятинской (Нелли), она написала Черткову, а он Л. Н-у то, что государь отнесся «благосклонно» к его письму и обещал никому его не показывать. Последняя фраза характеризует этого робкого, не имеющего никакой инициативы, самоограничившего себя самодержца, не могущего ничего сделать помимо своих министров. Ему кажется, что обещание не показывать должно гарантировать и его самого и Л. Н. от разных неприятностей. Но эта робость вместе с тем очевидно ведет также и к тому, что никакого влияния на изменение политики не последует, а потому «благосклонное отношение» — один лишь звук пустой. Тем не менее, очевидно, это известие порадовало Л. Н., так как он отменил печатание своего предисловия к «Памяткам» [62], где говорится о безрезультатности его писем к царю 〈...〉

* придавать себе значение (франц.).

ТОЛСТОЙ У МОРЯ
Фотография В. С. Молчанова, 1959 г. (со снимка 1901 г., Гаспра)
Литературный музей, Москва

25 февраля. Был сегодня у Л. Н. Дня три как его не видал. Конечно, ему хотя медленно, но становится все лучше и лучше. Доктора довольны, но мне все кажется, что вот-вот появится что-либо неожиданное и снова его бросит назад в объятия смерти. Читал он сегодня газеты и был поражен подробностями смерти Гоголя (в «Маленьких письмах» Суворина) [63]. Да, это действительно ужасно, и Лев Толстой совсем не так умирает (если только он умирает). Во-первых, с ним доктора совсем не так обращаются, а, во-вторых, он сам вовсе не стремится во что бы то ни стало умереть. Напротив того, у него является все больше и больше желание жить 〈...〉

*27 февраля**. 〈..,〉 А здоровье Л. Н. ничего утешительного не представляет. После хотя и медленного, но все же постепенного улучшения вдруг снова жар и распространение воспаления. Вчера он чувствовал большую тоску. Говорил доктору Волкову, что желает скорее какого-либо определенного положения, а то ни взад, ни вперед. Сегодня заинтересовался газетами. Взволновался, узнав о победе буров и о взятии в плен Метуэна [64]. Вечером, когда доктор Альтшуллер спросил его, рад ли он, что взят в плен Метуэн, он ответил: «Совестно мне в этом сознаться, но очень, очень рад». C'est le cri du coeur**, и служит коррективом к неискренней и несправедливой статье о бурской войне, где обе стороны сравниваются с двумя пьяными, подравшимися в кабаке [65]. Огорчился Л. Н. делом Пастухова [66]. Жалко, что я не узнал, какое на него впечатление произвела умная и тонкая статья Буренина («Новое время» от 22 февраля) по поводу предисловия Л. Н. к «Крестьянину» Поленца. Эта вкусная похвала с некоторыми, впрочем, reticences***, вероятно, приятно пощекотала самолюбие Л. Н. Что он до сих пор не равнодушен к людскому мнению, я недавно узнал от него самого. Как-то он мне говорил, что всякое свойство человека имеет всегда, по его наблюдению, оборотную сторону и

---

* *В автографе описка*: 27 января.
** Это крик сердца (франц.).
*** недомолвками (франц.).

что он любит подбирать и спаривать эти стороны. «Вот, например, я по себе знаю, что у кого есть наблюдательность, тот имеет и тщеславие». Я совершенно искренно возразил, что мне это не вполне ясно: наблюдательность действительно бесспорно существует у Л. Н., но тщеславие? Мне думалось, что он давно освободился от этого чувства. «Вот как, — хитро улыбаясь, ответил Л. Н.,— меня это радует. Радует, что от вашей наблюдательности сумело спрятаться мое тщеславие» ⟨...⟩

1 марта. Снег, мороз, вот так Крым. Л. Н. как будто теряет появившуюся одно время любовь к жизни. Вчера говорил Тане, что он стал совершенно равнодушен к тому, умрет ли или выживет, и хвалил свою болезнь как прекрасное приготовление к смерти. С этим настроением немного не согласуется принимание лекарств и вообще обращение к помощи докторов. Мне кажется, что Л. Н., болея так долго, сумел выработать в себе бесстрашие пред смертным часом (и то много!), но равнодушия к жизни еще не достиг. Ведь его до сих пор интересует решительно все, что творится вокруг него. Даже газеты ежедневно прочитывает. Относительно своей веры незаметно, чтобы он имел сомнения (если не считать его предложения подать утвердительный или отрицательный знак в момент смерти). Но все-таки он думает о доказательствах истинности своего вероучения. Как-то своему сыну Илье теперь, во время болезни, он сказал: «Думаю, что моя вера истинная: ведь она мне дала 20 лет счастья» ⟨...⟩

2 марта. Вчера Л. Н. продиктовал коротенькую открытку Буланже, в которой сказано: «Доктора говорят, что мне лучше, но я не позволяю себе мечтать о выздоровлении» [67]. Вот это вполне ясное и правдивое выражение его интимного чувства. А слова, сказанные Тане (см. выше), очевидно, выражали лишь минутное, а не постоянное настроение ⟨...⟩

3 марта. Состояние Л. Н. недурно. Вид бодрый. Очень разговорчив, обо всем расспрашивает. Вчера, диктуя письмо Черткову, выразился так: «Много думаю о задуманных или начатых произведениях, которые едва ли (сначала Л. Н. выразился «наверно», потом «вероятно», потом «едва ли») придется кончить» [68]. Значит, голова писателя все работает: творчество не ослабевает. Буланже прислал глупое письмо, в котором Л. Н. сравнивает с Христом, а себя, т. е. «темных», с апостолами [69]. Какая непролазная бестактность!

12 марта. Снова были беспорядки в Петербурге 3 марта. Буланже пишет, что были раненые [70]. Конная полиция особенно неистовствовала. Манифестантов было около 30 тысяч человек. Кричали: «Долой самодержавие!». Выкидывали красные флаги. Пишет также, что будто бы гр. А. А. Толстая в разговоре с женой Сипягина выразилась так: «Какой это дурак мог запретить писать о здоровье Л. Н.», и будто бы после этого разрешили сообщать о здоровье. А теперь будто бы кн. Н. В. Шаховской [71] передавал Буланже, что запрещено в газетах упоминать об отлучении Л. Н. Это значит, что самим стало казаться это отлучение нетактичным и непрактичным. Пишет также, что будто Ключевский недавно в каком-то обществе говорил, что ему с исторической точки зрения по признакам времени представляется ясным, что самодержавию настает конец ⟨...⟩

Недавно Л. Н. привел разговор гр. Н. П. Игнатьева с кн. Л. Урусовым [72]. Игнатьев сказал: «Странно, а надо сознаться, что среди либералов много умных людей, а среди консерваторов все больше глупые». Эти слова Л. Н. привел как доказательство того, что при борьбе ума с глупостью глупость должна в конце концов спасовать. Но ведь при этом все-таки главный вопрос все в тех же штыках, до которых сила ума не касается, а которые, несомненно, придают устойчивость тому, что они поддерживают. Последний промах правительства совершен с Горьким. Выбран он в академики. Получил о своем избрании официальную бумагу за подписью Веселовского. Вдруг вчера в газетах телеграмма, что выборы

считаются недействительными, так как он, Горький, привлекается к ответственности по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 1035 (напечатавший оскорбительные отзывы о действующих в империи законах и т. д.)[73] 〈...〉 Сегодня я видел Горького. По-моему, он доволен. В его серых небольших глазах светился злой и насмешливый огонек, когда он говорил о скандале, который неминуемо последует, так как Чехов и другие академики (кто, собственно, не знаю) намерены выйти из Академии ради нанесенного ему, Горькому, оскорбления. Л. Н. долго беседовал с Горьким наедине, но вряд ли подаст в отставку 〈...〉

Но воображаю, какие телеграммы и корреспонденции полетят в иностранные газеты по поводу этого incident Gorky.

Горький рассказывал сегодня, между прочим, об одном нижегородском богаче Бугрове (в 40 миллионах), который в беседе с ним, Горьким, о конституции в присутствии других денежных тузов выразился так: «Конституцию-то получить можно, только вашему брату от этого пользы никакой не будет: мы вам гайки-то туго подтянем» 〈...〉

Л. Н. очень одобряет буров, отпустивших Метуэна на волю. Этим поступком они будто бы совсем огорошили англичан. Относительно англичан он удивлялся, до какой степени понизилась их государственная мощь и их нравственный уровень за последнее время.

Л. Н. даже стихи вчера стал сочинять. Он мне продекламировал подражание Пушкину, начинавшееся так:

Все мое,— сказала сила,
Все мое,— сказала мысль[74].

В общем Л. Н-у настолько лучше, что я, к счастью, могу признать свой пессимизм потерпевшим поражение.

17 марта. Л. Н., прочитав правительственное сообщение о беспорядках в Москве, мне сказал: «Пожалуй, правда, что до революции далеко. Во всяком случае другие пути для этого нужны» 〈...〉

Оказывается, наш священник в Кореизе (тот самый, который уговаривал садовника следить за Л. Н. и доносить на него) держится такого обычая: когда какой-нибудь вел. князь или вел. княгиня, поцеловав крест, целует у него руку, то и священник лобызает руку у его или ее высочества 〈...〉

20 марта. Тригони провезли на-днях из Шлиссельбурга на Сахалин. Он пробыл 20 лет в одиночном заключении[75]. Как-то удалось иным из его почитателей его повидать, и с его слов написан небольшой рассказ, который Буланже шлет Л. Н-у: «Сам Тригони выглядит страшно измученным, видно, что тюрьма иссушила его до последней степени. Зато бодрость духа чисто юношеская. Несмотря на глубокую седину, на изможденное тело, от всей фигуры и от каждого движения веет молодостью и жизнью. Живые глаза так и горят от сообщения ему тех или других новостей из современной жизни. Сразу замечается, что непоколебимая вера в успех того дела, за которое он отдал жизнь, ни на минуту не покинет его до самой смерти. Обнаруживает вполне ясное понимание политической борьбы в России, уверен в близкой победе и радуется, как юноша». «Заключенные целых 11 лет не имели никаких известий с воли. Появление среди них Карповича (убийцы Боголепова)[76] внесло к ним свежую струю». «Особенной жестокостью отличался режим 80—81 гг.» «Теперь жизнь в крепости стала несколько сноснее». «Добились они улучшения путем потрясающей борьбы». Морили себя голодом, один (Грачевский[77]) облил себя керосином и сжег себя. Возмутительно, что по чьему-то произволу людей, присужденных к каторге, сажают в одиночное заключение, иных без срока. А то делают и хуже. Посаженным на срок по наступлении срока вдруг объявляют, что волей администрации такой-то должен отсидеть еще столько-то лет, и т. п.

Л. Н., прочтя рассказ Тригони, задумался и сказал мне: «А пока люди так страдают, идет бал в Зимнем дворце. Роскошные туалеты дам, мундиры, тропические растения. Державный хозяин обходит гостей, милостиво беседуя» (...)

21 марта. Прочел «Tolstoï et les doukhobors» Bienstock, «Lettres de Tolstoï» (издание того же Bienstock) и «Мысли» Рескина, рекомендованные мне Л. Н-м. [78] Они испещрены его NB.

Читая их, я всюду натыкался на ту самую мысль, которую высказывал и Франциск Ассизский, а именно, что проповедовать нужно не словами, а своим примером. Да Л. Н. мне и лично не раз говаривал, что «религия есть отношение конечного к бесконечному, причем необходимо, чтобы конечное (т. е. человек) руководствовался в жизни этим отношением». Так почему же есть толстовцы, которые выставляют такое положение: «Главное, следует знать, что́ добро и что́ зло, а жить так, чтобы делать добро и не делать зла, не так важно». Для меня такое прижизненное извращение основной мысли учителя психологично весьма интересно. Присутствуя при этой чрезмерно быстрой эволюции, я еще более ярко понимаю то, что сделало человечество с учением Христа. Может быть, не так быстро, как учение Толстого, но основные положения Христа были после его смерти извращены, затемнены, смягчены христианами же, и это сделано было бессознательно, вследствие весьма естественного стремления тяжелое заменить более легким, строгость жизни без каких бы то ни было компромиссов затуманить догматическими умствованиями, не требующими никакого напряжения воли.

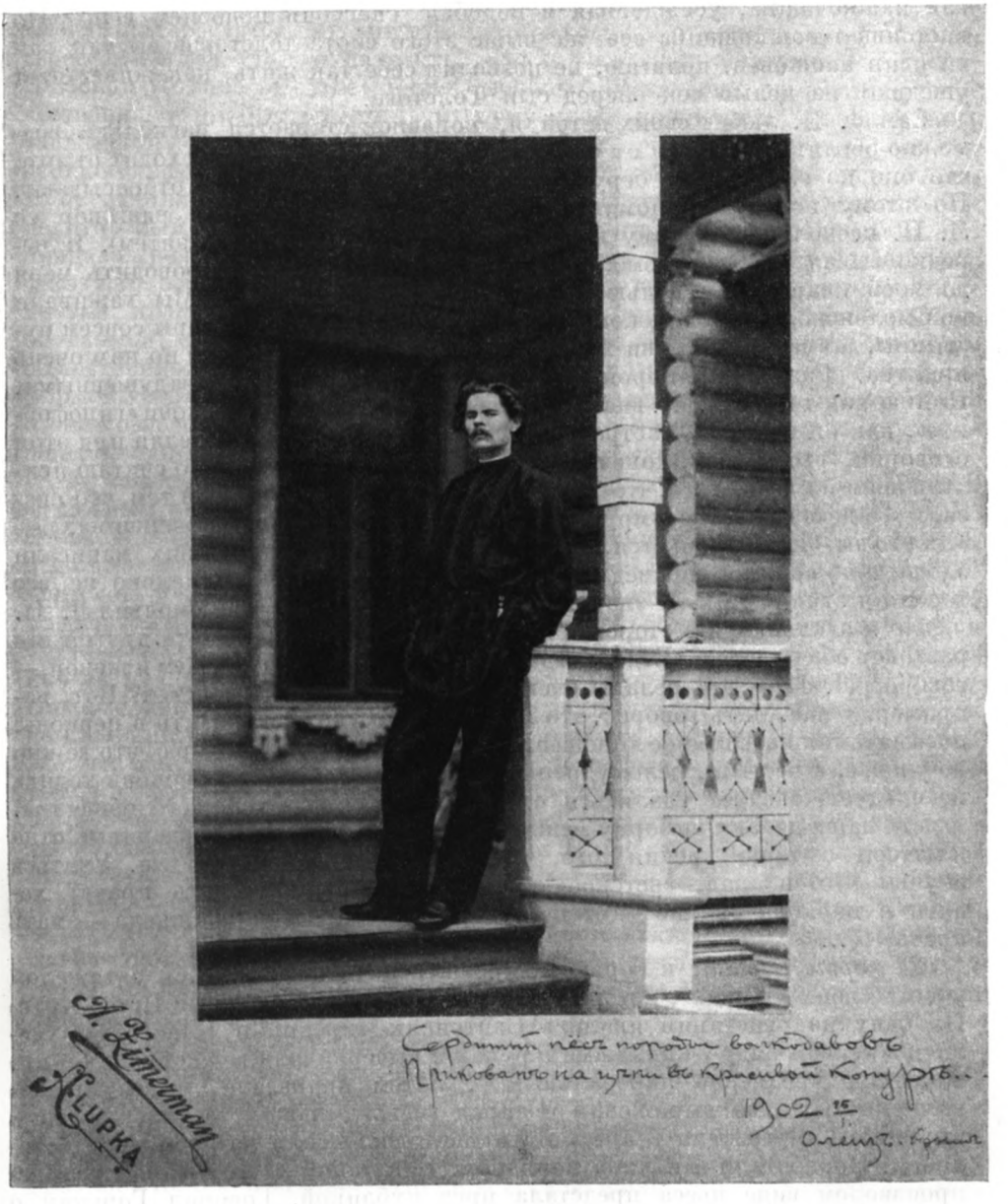
Самая крупная заслуга Толстого заключается в том, что он неуклонно и неотвязчиво бил все в одну и ту же точку, стыдя все три убежавшие в догматические дебри церкви (православие, католичество, протестантизм) и стараясь их вернуть к трудно исполнимому, но безусловно ясному учению самого Христа.

Казалось бы, учение Толстого, сводящего всю евангельскую проповедь к одному центральному пункту, к Нагорной проповеди, если и грешит некоторой узкостью, то во всяком случае не страдает туманностью. А между тем, как я уже только что заметил, многие близкие Толстому люди берут из учения Толстого самое легкое, побочное, несущественное, а на самое главное (скорее неумышленно, чем умышленно) закрывают глаза.

Недавно мне пришлось слышать особенно яркое подтверждение моей мысли. Один из сыновей Л. Н. [79] при других Geschwister* говорил о том, какого он стал низкого мнения о дворянах, с которыми он сталкивался и знакомился на выборах. «Я невольно стал высокого мнения о себе,— говорил он.— Конечно, *мы* ушли от других на целый век вперед. Да и то сказать, надо нам помнить, около какого отца мы выросли и что́ мы с детства слышали!». Никто из Geschwister на это ничего не возразил, а было что возразить. Учение отца отразилось на жизни этого сына следующим образом: он в церковь не ходит, попов и правительство ругает, науку (которую не знает) презирает и... и право больше ничего. Но зато он делает много такого, чего, конечно, не делают даже многие из презираемых им дворян, а именно: по трактирам болтается, дурно себя ведет как муж, держит псовую охоту, презирает хамов, в морду не то дает, не то грозится дать, словом, делает все то, что так враждебно учению его отца и что так напоминает помещика крепостных времен. Казалось бы, что если его уж как определять, то ближе всего выражением — на целый век назад; а между тем он искренно убежден, что он ушел на целый век вперед против других. Как? Почему? Да только потому, что он «слышал» с детства проповедь своего отца. Не есть ли это своего рода догматизм? Не есть ли

---

* братьях и сестрах (нем.).



А. М. ГОРЬКИЙ

Фотография, 1902 г.

Внизу надпись Л. А. Сулержицкого с цитатой из стихотворения Горького: «Сердитый пес породы волкодавов Прикован на цепи в красивой конуре...

$1902\frac{15}{I}$ Олеиз. Крым»

Собрание Д. Л. Сулержицкого, Москва

это своего рода пашковщина[80] в толстовстве, уродливая, карикатурная, узкая пашковщина, убежденная в подобии спасения подобием веры? Но настоящая пашковщина все же выше этого сорта толстовщины, так как ни один пашковец, полагаю, не позволит себе так жить, как живет этот ушедший на целый век вперед сын Толстого.

Сам Л. Н. любит своих детей и, конечно, старается насколько возможно обелять их. Но и он сознает, что все их дурное происходит оттого, что они из его учения берут самое легкое, а трудное отбрасывают. По этому поводу припоминается мне один откровенный разговор со Л. Н. несколько лет тому назад (я тогда еще не был его зятем). Я нередко бывал у них в доме, и Л. Н. иногда вызывался проводить меня до моей квартиры с целью подышать ночным воздухом. Мы хаживали по Смоленскому и Новинскому бульварам. Ночью эти бульвары совсем пустынны, а вместе с тем они хорошо содержаны, отчего ходьба по ним очень приятна. Разговоры порой становились интересными и задушевными. Помню как-то раз Л. Н. впал в свое обычное после 12 часов ночи «гинофобное», как он называл, настроение и стал бранить женщин, делая при этом оговорки, что я, мол, конечно, своих двух дочерей невольно считаю исключением из всего того, что я говорю о женщинах. Кончил он тем, что сказал: «Надеюсь, что не умру, пока не напишу всей правды о женщинах».— «Да что вы, Л. Н., кажется, уж довольно того, что вы о них написали злого, и пожалуй и справедливого»,—возразил я.— «О, это далеко не все то, что я знаю о них. Я знаю еще многое»,— задумчиво промолвил Л. Н.

Но я отклонился в сторону, я хотел восстановить в памяти другой его разговор об его детях. «Беда, когда в семье нелады между мужем и женой,— говорил Л. Н.— Эти нелады очень дурно отзываются на детях. Вот, например, у нас. Мать говорит, что надо хорошо учиться, ходить в церковь, посещать так называемое хорошее, светское общество. Я говорю, что важно не ученье, а честная, целомудренная и трудовая жизнь; в церковь ходить не следует; следует удаляться от так называемого хорошего общества. А дети наши делают выборку между противоположными убеждениями отца и матери с точки зрения того, что для них легко и приятно. Учиться скучно — отец прав; светское общество заманчиво — мать права; ходить в церковь скучно — отец прав; трудовая жизнь тяжела — мать права» 〈...〉

24 марта. Ходили к Горькому прощаться. Рассказывал он о тяжелой участи своих «Мещан», которых дня три тому назад давали в Петербурге. На одну из репетиций явились Святополк-Мирский и Клейгельс, уселись в первом ряду с книжками в руках и вычеркивали в тексте все то, что находили чрезмерно либеральным[81]. Затем приказали, чтобы актеры вычеркнутых ими выражений и тирад (между прочим, о снисхождении тюремного смотрителя к арестантам) не произносили во время представления. Поработали эти лица порядком. И в таком искалеченном грубым произволом виде пьеса предстала пред публикой. Говорил Горький о невозможности создавать драмы, так как сюжета нет,— люди измельчали, а сцены драматические (не драмы) он будет писать, так как таким способом «учить легче» 〈...〉

9 мая. 〈К о ч е т ы〉. Грустная телеграмма о Л. Н. У него брюшной тиф. Таня уехала тотчас же.

1903

〈ЯСНАЯ ПОЛЯНА〉

20 мая. Около 10 дней, как живем в Ясной Поляне. Я уже не раз мысленно хоронил Л. Н. Тем с бóльшим удивлением гляжу я на этого старца, свежего, бодрого, сильного. Он много ходит пешком и много ездит верхом

не только с целью укрепить себя, а потому, что его тянет двигаться. Вместе с тем он много и пишет и читает, и если не всем, то во всяком случае многим интересуется. Но вот что мне приходится отметить: ко Л. Н-у интерес общества стал охладевать. Это я уже стал замечать в Европе. В Ясной Поляне это мне виднее: меньше посетителей; не только количественно, но и качество адресуемых ему писем понизилось. Не знаю, замечает ли он это или нет. Но что он начинает признавать, так это то, что всякие общественные, религиозные, политические перевороты еще далеки до осуществления. Он видит, что строй существующий государственный и религиозный цепко держится за жизнь. Помню, как еще недавно Л. Н. придавал решающее и преувеличенное значение даже всякому единичному отказу от военной службы, о чем торопились сообщать ему его наивные друзья; православие, по его мнению, могло быть исповедываемо одними болванами; самодержавие должно было будто бы уступить под напором общественного мнения; национализация земли являлась назревшей реформой. Напр⟨отив⟩, теперь не то. Об иных надеждах он прямо говорит как о чем-то неосуществимом, о других он просто молчит, очевидно, слишком болея сердцем от мысли, что мир еще долго будет во зле лежать.

27 октября. В нынешнем году я уже несколько раз был в Ясной. С каждым разом я все более и более удивляюсь здоровью и силе Л. Н. Он все молодеет, свежеет, крепнет. Об его прежних смертельных болезнях и помину нет. В этот приезд меня поразила его походка. Он снова приобрел свою моложавую, быструю, бодрую походку, очень своеобразную, с вывертом носков наружу. Старость выражается только в увеличивающейся сутуловатости с характерным приподнятием левого плеча (не от писания ли?). Горячо и много пишет. Как-то меньше его интересуют религиозные вопросы. Все больше и больше захватывают его заброшенные им на время интересы художественные. Может быть, он сознаёт, что он сказал все, что мог, по части религии и что за последнее время он только повторялся и пережевывал старое. Область же искусства для человека гораздо шире, чем область религии. В последней области человек постоянно натыкается на запертые двери, за которыми запрятано неизвестное, а главное недоступное. Теперь Л. Н. пишет о Шекспире [82]. Я еще этого произведения не читал, но боюсь, что оно будет слишком парадоксально. Развенчивать мировых гениев надо с большой осторожностью. Пожалуй, в некоторых отношениях развенчивать царей, считавшихся великими, дается легче. По крайней мере история с совершившимся фактом последнего рода легко примиряется.

На днях здесь был Александр Сергеевич Бутурлин [83]. Это знаток по революционным вопросам. На своей спине он перенес многое за свое пристрастие к делу революции. Три года просидел в одиночном заключении. К тому же человек вдумчивый и на редкость образованный. Так вот этот Бутурлин говорил, что он человек очень счастливый; что он всегда получает то, о чем мечтает; что он всю свою жизнь мечтал дожить до революции, и вот теперь уже два года, как он считает, что живет среди начавшейся революции ⟨...⟩

30 октября. ⟨...⟩ Л. Н. продолжает получать письма касательно Серафима Саровского. Есть указания на то, что исцеляемые были подкуплены и заранее подготовлены [84] ⟨...⟩

31 октября. Сережа Толстой ехал с одним интересным офицером из Митавы. Этот офицер между прочим рассказывал Сереже о *разных* глупостях губернатора Д. Д. Свербеева [85]. Оказывается, что вот уже два года, как Свербеев ведет борьбу с военным ведомством из-за того, что офицеры, встречаясь с ним, ему не отдают чести. Офицеры, когда об этом возбуждается вопрос их начальством, объясняют, что они не знакомы с Свербеевым, а потому ему и не кланяются. Теперь дело подходит к мирному

разрешению. Офицеры одного из полков во главе с полковым командиром ездили к губернатору *знакомиться*; скоро командир и другого полка повезет с той же целью своих офицеров к губернатору. После этого офицеры уже обязательно будут кланяться Д. Д. Свербееву *как знакомому*. Говорил этот офицер и о любви Д. Д. Свербеева к баронам. Любовь эта принимает все бóльшие и бóльшие размеры на почве денежных операций, так как Д. Д. занимает у баронов деньги.

Л. Н. ахал при этих рассказах. «Глупый, невежественный, нечестный человек этот Д. Д. Свербеев,— сказал Л. Н.,— а какая ему власть дана! И каково умному, хорошему человеку подчиняться какому-нибудь Свербееву!» ⟨...⟩

3 ноября. Когда я раз спросил у Л. Н., что такое разум, то он сказал, что определения разума он дать не может. На днях я его спросил, что такое художественность в литературном произведении. Он тоже сказал, что определить художественности он не в состоянии. Он знает действие художественности на душу человеческую. Это умиление, пощипывание в носу, как он выражается. В его книжке «Что такое искусство?» говорится, что в совершенном произведении должно быть сочетание содержания, искренности и формы. Для художественности же, по его мнению, необходимо сочетание двух по крайней мере совершенств — искренности и формы. После нашего разговора он, кажется, пытается выяснить вопрос о художественности в своей статье о Шекспире ⟨...⟩ Хочет Л. Н. доказать, что эстетическое произведение непременно должно быть основано на этическом начале (даже христианском начале). Без этого будто бы оно не может быть эстетичным. Я на это напомнил ему его статью о Мопассане[86], которая начинается с письма Тургенева, пришедшего в восторг от «Maison Tellier» (публичный дом) и рекомендовавшего Л. Н. это восходящее светило. Л. Н. прочел этот «Maison Tellier» и тоже пришел в восторг. Ну, а уж тут этичного и гомеопатической дозы нет. Задумался над моим возражением Л. Н. Не знаю, как он обойдет мое возражение в своей статье.

Кн. Д. И. Шаховской пишет Л. Н. по поводу возмутительного дела Золотовой и при этом говорит о какой-то поднимающейся «волне», о «пробуждении» [87]. Кн. Шаховской принадлежит к людям, верящим в наступающую или наступившую уже революцию.

14 ноября. ⟨...⟩ По поводу художественности я припоминаю, как лет 15 тому назад у себя вечером Л. Н. доказывал, что истинный художник имеет особое чутье, которое простому смертному не дано. И это чутье дает ему возможность распознавать фальшь и неправду там, где обыкновенный человек пройдет мимо, не поморщась. «Тургенев,— рассказывал Л. Н., — научил меня отличать человека, обладающего художественным чутьем, от человека, лишенного этого чутья. Лучшей пробой, по его мнению, служит „Последняя туча рассеянной бури“, стихотворение, которое сам Тургенев так любил и чуть ли не декламировал на пушкинском празднике. „Если с вами кто-либо заговорит о чем-либо художественном,— говорил Тургенев,— предложите ему вопрос, что он находит нехудожественного в стихотворении „Последняя туча“? Если он ответит, продолжайте с ним разговор; если не ответит, лучше бросьте: все равно друг друга не поймете». «Так вот, господа,— продолжал Л. Н., обращаясь к нам, — чтó вам режет слух в этом стихотворении?». Нас было несколько человек, и всякий наперерыв старался угадать, в чем дело, и тем доказать свое чутье. «Не то, не то»,— говорил Л. Н. В это время своей тяжелой поступью вошел в комнату Фет, Фет, который своим сизым носом, крикливым голосом, низменными рассуждениями ничего общего не имел с тем обликом, каким, казалось, должен был бы обладать поэт. «Стойте, стойте, Афанасий Афанасьевич, — воскликнул Л. Н.,— не подходя к нам, сию же минуту отвечайте, что вам как поэту не нравится

ТОЛСТОЙ И НИКОЛАЙ II
Карикатура неизвестного художника. Акварель, 1900-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в „Последней туче" Пушкина?» Фет задумался на минуту и затем прокричал: «И молния грозно тебя обвивала».— «Верно! Верно! — радостно воскликнул Л. Н.— Вот, господа, истинный поэт. Молния грозно обвивала тучу! Это не картина, а это черт знает что такое! Непонятно, как такой поэт, как Пушкин, мог сказать такую фальшь!».

После вечера у Толстых я заехал еще к моим родственникам Боратынским. Там я застал довольно многочисленное общество и, как на смех, общество, состоящее все из поэтов или претендующих быть таковыми. Были Вл. Соловьев, кн. Дм. Цертелев, гр. Фед. Соллогуб, его жена, образованные ценители поэзии—хозяева дома. Я им передал загадку, заданную Толстым. Все этим заинтересовались и стали каждый на свой лад искать в Пушкине то, что режет ухо. И что всего поразительнее, это то, что по большей части указывалось на действительно существующие недостатки в этом прелестном стихотворении, но не на промах художника, и таким образом под мерку, предложенную Тургеневым, все же никто не подошел. Я помню такие замечания: «Издавала гром—некрасиво: издают книги и журналы». «Алчную землю поила дождем — неверно: земля может быть жаждущей, а не алчущей». «Пора миновалась — не по-русски: по-русски миновала, а *сь* прибавлено лишь для *промчалась*». Помню, что Цертелев что-то критиковал в стихе «И ветер, лаская листочки древес»*, но эта критика была слаба и непонятна.

Я не кончил своего рассказа о вечере у Толстых. Появление Фета, если и подтвердило убеждение Л. Н., что лишь художник может заметить

* *У Сухотина ошибочно*: ласкал верхушки небес. — *Л. К.*

промахи другого художника, то вместе с тем доказало другое положение, Л. Н-м не высказанное и, кажется, неразделяемое, а именно: художник не видит собственных художественных промахов. А это положение вытекло из последующего разговора. Когда поэт Фет, угадав пушкинский промах, приблизился к нам и сел, то Л. Н. продолжал беседу на ту же тему, и, между прочим, обратясь к нам, сказал: «Конечно, все вы знаете это прелестное стихотворение Афанасия Афанасьевича „Шепот, робкое дыханье, трели соловья". Но в этом перле есть одно выражение, которое звучит резким диссонансом. Вы понимаете, о чем я говорю?». Все снова начали угадывать и снова не попадали в надлежащую точку.

— Ну, Афанасий Афанасьевич, скажите, что нехорошо в ваших стихах?

— Не знаю.

— Ну да как же, разве вы не слышите?

— Не слышу.

— Да *пурпур розы*! Пурпур розы! Ведь это невозможно!

— Не нахожу,— обиженно пробрюзжал Фет.

На этом разговор кончился.

20 декабря. 〈...〉 Л. Н. кончил своего Шекспира. О зависимости эстетики от этики он там не упоминает, и хорошо делает. Теперь снова начинает заниматься религиозными вопросами. Ох, кажется, будут повторения пройденного.

Был здесь недавно Брайан, кандидат демократической партии на президентство Северо-Американских Штатов. К сожалению, я его здесь не застал. После выборов был здесь Михаил Стахович, блестящий, остроумный, жизнерадостный. Много рассказывал интересного. Между прочим, оказывается, что его в Петербурге на собрания религиозно-философские не пускают. Хотел его как-то ввести Юрий Милютин на одно из этих собраний, но получено было письменное распоряжение градоначальника Клейгельса — Стаховича не пускать. Вот что значит говорить о свободе совести! Застал он здесь одного штундиста, в котором, несмотря на свое православие, принял горячее участие. Штундист этот явился ко Л. Н. из Киевской губернии и просил Л. Н. его научить, как исправить его паспорт. А в паспорт вписано, да еще подчеркнуто, против графы о вероисповедании — *штундист*. А с таким ярлыком, оказывается, никто не берет к себе на службу, штундисту же необходимо работать 〈...〉 Я заговорил об этом, так как в настоящее время Л. Н. занят судьбой трех старцев духоборов, желающих уехать из России. Один из них был несколько недель тому назад здесь, и я много беседовал с ним. Несколько лет тому назад эти духоборы были сосланы в Якутскую область. Во время их ссылки произошло выселение духоборов с разрешения русского правительства в Канаду. В числе выселившихся были и их семьи. Теперь эти старики отбыли свое наказание, выпущены на волю и, конечно, вернулись на свои старые гнезда. Но там не нашли больше никого из своих родных и друзей. Вполне понятно, что этих стариков потянуло в Канаду, где живут их жены и дети. Но для этого нужен заграничный паспорт. И вот тут по какой-то нелепой жестокости или необъяснимой распущенности им в паспортах отказывают. Один из стариков (которого я и видел) приезжал ко Л. Н. с просьбой, чтобы тот «похлопотал» 〈...〉 Стариков не пускают к их семьям. Пришлось Л. Н. обратиться за помощью к в. к. Николаю Михайловичу. Тот, хотя имел бы право дуться на Л. Н. (не ответившего ему на поздравление с юбилеем) [88], немедленно отозвался. Старики оказались во власти елисаветпольского* губернатора. К нему и обратился в. к. Но губернатор объяснил, что ничего не может поделать, так как

* *У Сухотина описка*: елисаветградского. — *Л. К.*

разрешить выезд может лишь Голицын, а Голицын *запретил* губернатору обращаться к себе по вопросу о выезде духоборов. Что за бессмысленный произвол! Теперь в. к. Николай Михайлович должен был обратиться самолично к Плеве с просьбой отпустить стариков [89] ⟨...⟩

1904

⟨ЯСНАЯ ПОЛЯНА⟩

29 марта. ⟨...⟩ Очевидно, что-то важное переживаем. А степень важности узнается после окончания этой странной, непонятной, бесцельной войны. Чем она кончится? Л. Н. отказывается прорицать. Он говорит, что не имеет ровно никаких данных, чтобы предположить тот или иной ход войны. Он держится своего старого мнения, высказанного еще в «Войне и мире», а именно, что самые непредвиденные или неожиданные случайности решают судьбу сражения, а потому и теперь он говорит, что никакой Того, Макаров, Куропаткин не могут оказать влияние на тот или иной исход войны. А на этот исход повлияют столько разнообразных *если*, что его воображение отказывается подсказать ему, как должна окончиться война ⟨...⟩

30 марта. ⟨...⟩ Был здесь В. А. Гольцев, редактор «Русской мысли». Интересный человек. Много рассказывал о своем двукратном аресте и очень добродушно рассказывал, хотя немало уродничала над ним охрана во время ареста ⟨...⟩

Прочел новую статью Л. Н. о войне [90]. Не хочется критиковать ее, чтобы не заслужить пред самим собой упрека в излишней смелости, но не могу не сказать, что в этой статье, как и во многих других подобных статьях Л. Н., я вижу все один и тот же недостаток, который довольно точно выражается французской поговоркой: «qui prouve trop ne prouve rien»*.

4 апреля. Был здесь А. Ф. Кони. Говорил много и интересно; рассказывал живо и остроумно. У него есть собрание автографов. Между ними есть письмо Николая Павловича к Паскевичу в Варшаву, очень безграмотно написанное. Между прочим, есть такая фраза: «слышал, что в Варшаве холера свирепздвует». Александр III, говорят, тоже был малограмотен. А министр военный (в 50-х годах) Сухозанет? Известна его надпись на докладе, в коем излагается необходимость замены гладких орудий нарезными и указуется генерал Брискорп как человек, могущий окончить эту реформу к июлю месяцу: «Сумлеваюсь штоп Прискорп мох обалванить ефто дело кюлю». Шильдер [91] передавал Кони различные эпизоды из царствования Александра I, которые он не решился напечатать, боясь, чтобы книга не была запрещена. Между прочим, как Пален [92] в 3 часа ночи вошел в комнату Александра, плакавшего после убийства отца, и грубо ему крикнул: «Il n'est plus temps de pleurer, il faut commencer à régner»**. В то же утро Александр уже производил развод войскам пред дворцом, а императрица Мария Федоровна старалась протиснуться сквозь ряды войск и кричала: «Ich will auch regieren»***.

Шильдер твердо верил в превращение Александра в Кузьмича, а когда Кони изложил ему свои сомнения, то Шильдер прислал Кони два письма, одно, написанное рукой Александра, а другое — рукой Кузьмича. Почерк этих двух писем оказался не только схожим, но вполне тождественным. Кони все-таки сомневается. Л. Н. тоже, но при этом Л. Н. приба-

---

* кто много доказывает — ничего не доказывает (франц.).
** Нет больше времени плакать, нужно начинать царствовать (франц.).
*** Я тоже хочу править (нем.).

вил, что для романиста эта тема представляет верх интереса, и если он, Л. Н., доживет до ста лет, то, может быть, на эту тему и напишет. Говорил Кони о низком уровне понимания нашим обществом совершающихся событий, о мелочности, эгоизме, тупости. Одна дама, высокопоставленная и развитая, говорила ему о важности подъема народного духа и о том, что русский народ, доказав теперь правительству свою политическую зрелость, может ожидать после войны для себя награду — отмену телесного наказания. Ехал сюда Кони с каким-то генералом и разговорился с ним о войне. В разговоре Кони заметил, что неполитично поступил Куропаткин, поехав на войну с такой помпой, со стягами, иконами, адресами, проводами и т. п., забыв мудрую поговорку: «Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати». На что генерал сказал, что не это будет для Куропаткина особенно важно, а важно будет то, что Куропаткин, имея теперь Александра Невского, получит в два-три года и алмазные знаки, и Владимира 1-й степени, и фельдмаршальский жезл. Что за узкость мысли, что за черствость души! И Кони, и Л. Н. ахали над телеграммой Куропаткина, начинающейся словами: «Сейчас представлялся и долго разговаривал с в. к. Кириллом Владимировичем...». Что за хамский стиль! И пред кем?! Юные и непочтенные отпрыски царствующего дома эти Кирилл и Борис Владимировичи. Кони рассказывал, что́ они за скандал несколько лет тому назад устроили у «Медведя» ⟨...⟩

19 июня. Опять я в Ясной, и, как всегда, много узнаешь тут нового и интересного. Конечно, главное, что всех занимает, это все та же страшная, ни во что еще определенное не вылившаяся война. Симпатии к ней весьма разнообразны. Из лиц, виденных мною здесь, большинство желают победы японцам не потому, что они защищают какое-либо дело правое, а просто потому, что есть надежда, что в случае победы японцев изменится тягостный современный строй и всем жить станет легче. Л. Н. не разделяет этого взгляда. Он не думает, чтобы тот или иной исход войны мог улучшить или ухудшить наше внутреннее положение, а вместе с тем он носит в душе «старую закваску», как он выражается, которая заставляет его огорчаться нашими военными неудачами. Читал интересное письмо в. к. Николая Михайловича ко Л. Н. Несколько времени тому назад в. к. Николай Михайлович писал ко Л. Н., прося его разрешения приехать к нему в Ясную. Л. Н. ответил ему в том смысле, что вряд ли в. к. будет удобно именно теперь приезжать в Ясную, после того, как только что вышла в Англии статья Л. Н. против войны, в которой Л. Н. столь резко порицает наше правительство. На это в. к. в письме от 4 июня пишет Л. Н-у, что «относительно посещения теперь вас в Ясной Поляне, кажется, вы правы, и я отложу это до дней более спокойных». При этом в. к. пишет много интересного о войне, называя ее «бесполезной резней» [93] ⟨...⟩

22 августа. ⟨К о ч е т ы.⟩ В начале августа был в Ясной. Л. Н. все молодеет и свежеет. Продолжает относиться к войне как-то загадочно, если так можно сказать, двусмысленно. Говорит, что старая патриотическая закваска в нем сидит, что неудачи русского оружия его огорчают и обижают. «Ну вот вам пример,— сказал он.— Сидим мы сейчас за обедом и, как видите, едим вкусно, много, слуги нам прислуживают. Всего этого я в душе своей не одобряю. Но если явится кто-либо, помешает нам, разгонит нас, мне будет неприятно. Нечто подобное я чувствую и по поводу войны». Я думаю, Л. Н. по поводу войны испытывает еще одно сложное чувство, о котором он не упоминает. Это чувство некоторого удовлетворения, что тот дурной, гнилой, безнравственный строй русского государства, заварившый всю эту бессмысленную, никому не нужную кашу, оказывается вполне несостоятельным и что наши неудачи многим слепым должны открыть глаза, тогда как наши победы еще более утвердили бы наше правительство ⟨...⟩

1905

‹ЯСНАЯ ПОЛЯНА›

4 ноября. Все, что приносят газеты и особенно, что слышишь кругом, ужасно и безнадежно. Слабость и близорукость государя ничем не излечимы [94] ‹...›

Любопытно присматриваться к тому, что происходит во Л. Н. по случаю всех этих грозных событий. За две недели, что я здесь, в нем произошло несколько внутренних переворотов, имевших своим источником все ту же еще более, если это возможно, окрепшую и укоренившуюся в нем любовь к мужику.

ТОЛСТОЙ С ДОЧЕРЬЮ М. Л. ОБОЛЕНСКОЙ-ТОЛСТОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ
Пастель И. П. Похитонова, 1905 г.
Музей Толстого, Москва

Первые дни после манифеста и последовавших за ним погромов, убийств, бесчеловечных истязаний и бесшабашных кулачных расправ, Л. Н. был мрачен и смущен [95]. Я в эти дни редактировал ему только что им законченную статью «Конец века» [96]. В этой статье Л. Н. доказывает, что японская война была нами проиграна вследствие того, что русский народ — кроткий, мудрый, человечный, самый христианский народ в мире и что будто бы поэтому ему так чужды, неинтересны все военные, технические и иные усовершенствования. Я, закончив свои поправки, обратил внимание Л. Н. на то, что теперь, кажется, время самое неподходящее для печатания подобной статьи, так как она может вызвать только совершенно понятное издевательство за границей (у японцев в особенности), что теперь так просто опровергнуть эту христианскую особенность русского народа совершающимися им жестокостями и убийствами. Л. Н. насупился и, подумав, сказал: «А вы разве думаете, что я этим не мучаюсь?

Конечно, мне очень мучительно, и я понимаю, что́ вы говорите, и думаю, что ваши замечания, пожалуй, и справедливы». Затем чрез несколько дней Л. Н. нашел более успокоительный для себя Standpunkt*. Безобразия черной сотни должны быть отнесены, мол, на счет городского населения; хотя в это население входят и крестьяне, но крестьяне от земли оторванные, то есть испорченные; настоящий мужик, на земле живущий, к насилию не прибегнет; поэтому и страхи господ за свои усадьбы и за свои жизни — одна глупость и незнание народа 〈...〉 Подстрекательств и организаций никаких не было, да и все убийства и безобразия страшно преувеличены газетами. Поэтому Л. Н. старается не слушать никаких рассказов о том, что́ происходит, а если невольно приходится услыхать что-либо по этому поводу, то сердится. Даже своего сына Илью, бежавшего от погрома со своей семьей из Калуги в Ясную Поляну, Л. Н. встретил недоверчиво и сурово. А об погромах усадеб и говорить не хочет, считая все это враньем. Утверждению этих взглядов на современные события, пропитанных недоверием ко всему тому, что идет от «господ», будь то господа настоящие или революционеры в немецких платьях, способствуют разговоры Л. Н. с его единственными корреспондентами, мужиками, которых он останавливает и расспрашивает во время своих ежедневных прогулок по шоссе. В деревне Скуратово живет, по мнению Л. Н., великий мудрец, старый мужик Федот Мартынович, кажется, плут большой руки, с которым Л. Н. имел на днях беседу о политике, осветившую, по его мнению, вполне современное положение вещей. Федот Мартынович с негодованием рассказывал Л. Н-у, как на базаре забастовщики облили керосином печеный хлеб, который выставил на продажу какой-то булочник вопреки запрещению забастовщиков. Передавал также Федот Мартынович с горькой обидой то, что он видел в Туле собственными глазами. Как шла толпа забастовщиков с красным знаменем, как подъехал полицмейстер, соскочил с пролетки, подбежал к толпе, сделал под козырек и просил толпу «честью» разойтись, тогда как эта же полиция «нашего брата мужика при малейшем беспорядке нещадно по мордам бьет. Кивни только он нам,— прибавил Федот Мартынович,— мы бы этих скубентов в миг бы разнесли» [97].

Завидная способность жить не среди мира реальностей, зачастую действительно тяжелых и неприятных, а в мире теорий и принципов, созданных ходом своей собственной логически развивающейся мысли.

Конечно, в утверждениях Л. Н. много и правды. Очевидная неправда заключается в том убеждении, что никто народ не натравлял, никто не организовал, что народ весьма мало безобразничал, а также, что народ на барское добро и на земли совсем не зарится, а только мечтает и надеется. 〈...〉 Как это ни странно, но еще недавно Л. Н. утверждал почти что то же самое, что и революционеры. И в беседах со мной и на бумаге, борясь против всякой власти, он говорил, что народ только загипнотизирован всеми хитроумными и эффектными атрибутами власти; что никакой любви к царю у него нет и что утверждать противное может только тот, кто хорошо народа не знает. Это убеждение, а также убеждение в необходимости правового порядка и отречения от самодержавия, попадается во многих его сочинениях, а резче всего высказано в его письме к царю, писанном из Гаспры. А теперь какая перемена! Теперь многое из того, что говорит Л. Н., можно встретить единственно на страницах «Московских ведомостей» 〈...〉

16 ноября. Кочеты. Тяжелое, грустное впечатление выносишь от настроений деревни. Ничего особенного нет, все идет как будто по-старому,

---

* точку зрения (нем.).

но от внимательного наблюдателя не может ускользнуть глухое брожение. «До нас ряд еще не дошел»,— сказал мне один мужик, и нельзя не понять, что это единственная причина, почему мужик *пока* спокоен. А как только «ряд дойдет», так поднимутся таинственные, как всегда непонятные, наши соседи крестьяне ⟨...⟩ Л. Н. все не верит ни что так уже совершается, ни что так еще в бóльших размерах будет совершаться, не верит, полагаясь на какие-то особые духовные качества русского мужика. Но почему же тульский мужик окажется стоящим выше в нравственном отношении какого-нибудь тамбовского или саратовского? ⟨...⟩

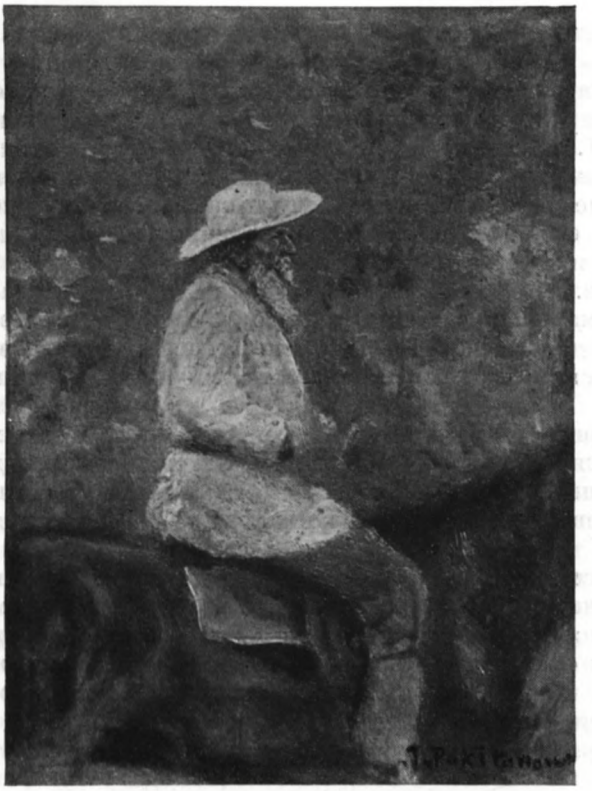
Ясная Поляна. 6 декабря. Здесь чувствуешь себя как-то бодрее. Народу больше, газеты и письма, хотя с грехом пополам, а доходят, приезжают разные интересные люди, а также Тула близко, т. е. все-таки кое-какие власти, кое-какие войска и грозные для ошалелых мужицких голов казаки.

Л. Н. продолжает говорить, что все очень хорошо, что никаких погромов нет, что они во всяком случае раздуты. Но вчерашний приезд из Тамбовской губ. Андрюши сбил и его из принятой им позиции. Андрюша в имении у Болдыревых видел, как казаки драли повинившихся мужиков нагайками ⟨...⟩

8 декабря. ⟨...⟩ Л. Н. все продолжает твердить, что «право, все очень хорошо, волноваться не из чего, человек должен жить своим внутренним миром, никакая революция ничего от тебя отнять не может, так как жизнь твоя и без того скоро будет отнята, а страдать на земле и помимо революции удел человека» и т. п. Но все это им говорится как-то слабее, неувереннее, все менее убежденно, чем прежде.

1906

⟨*1—21 мая.* Петербург.⟩ ⟨...⟩ Когда я недавно уезжал из Ясной, я зашел утром проститься со Л. Н. Накануне он получил в подарок от приехавшей из-за границы дочери Маши желтые кожаные сандалии, вроде тех, какие носят францисканцы в Италии. Эти сандалии измышлены кем-то с гигиенической целью (ноги не потеют), и Л. Н. очень ими восхищался. Когда я зашел к нему утром, он еще был в одном белье, но на ногах уже были надеты сандалии, на которые он любовался с каким-то детским восторгом. Я позавидовал несокрушимой юности этого человека, этой его возбудимости к гневу, негодованию, любви, радости, восторгу. Но я невольно уклонился в сторону, так как я хотел записать совсем иное. Я хотел записать прорицание Л. Н. относительно настоящего исторического момента, прорицание, которое весьма правдоподобно. Нежно простившись со мной, Л. Н. прибавил: «Вот еще, милый мой, что мне вам хотелось сказать. Очень естественно, что вы, сидя теперь в Петербурге, сидя в парламенте, чувствуете, что вы центр всего совершающегося, и невольно вам представляется, что все, что творится вокруг вас, очень серьезно, очень значительно, что вы переживаете момент громадной исторической важности. Но я не совсем так на это гляжу. Я думаю, что действительно начинается какая-то новая историческая драма. Но эта драма будет состоять из нескольких актов, и теперешний первый акт впоследствии окажется самым бледным, самым незначительным актом, который стушуется перед теми тремя-четырьмя актами, которые вступят в историю и произведут что-то такое важное, что мы теперь и представить себе не можем. И вот тогда созыв и работа этой Думы получат надлежащее освещение, и освещение будет иное, чем теперь» ⟨...⟩



ТОЛСТОЙ
Этюд маслом И. П. Похитонова, 1905 г.
Собрание А. П. Скафтымова, Саратов

〈ЯСНАЯ ПОЛЯНА〉

1 июня. 〈...〉 Л. Н. несколько выбит из колеи. Уже одно то, что он по выслушании моего письма от 27 мая признал возможность неправильности своего взгляда на мужика как на носителя тех начал христианства и добра, который, став на упраздненное место и правительства, и революционеров, внесет в страну мир и порядок (письмо его к правительству, революционерам и народу [98]), уже одно это доказывает, что то, что́ он знает о Думе и о том, что́ говорят там крестьяне, производит сильный переворот в его душе. Вот от Г. Джорджа он не отказывается. Даже еще более настаивает на введении его реформы и на нее единственно возлагает надежду в отношении успокоения крестьянства. Ждет Л. Н. приезда Беляева, корреспондента «Нового времени», и написал с этой целью свое profession de foi по аграрному вопросу [99], чтобы не сказать чего-либо лишнего корреспонденту, способному переиначить слова Л. Н. по своему усмотрению 〈...〉

6 июня. Ю. Д. Беляев, корреспондент «Нового времени», пробыл здесь целый день. Никому он не понравился. Еще совсем молодой (27 лет), но старообразный, красивый, но обрюзгший, с актерским выбритым лицом, очевидно развратный, поживший человек, неглупый, но самоуверенный, могущий каждую минуту стать нахальным, он и на старых и на молодых произвел неприятное впечатление. Для меня он был тем особенно неприятен, что он душится, чем напомнил он моего бывшего соседа по креслу депутата Байдака [100], ради одуряющих благоуханий которого я вынужден был переменить хорошее место на менее удобное. Только что он приехал, он даже на свежем воздухе испустил из себя такое благовоние, что Л. Н. стал поводить носом и все спрашивал, «откуда это так духами запахло»,

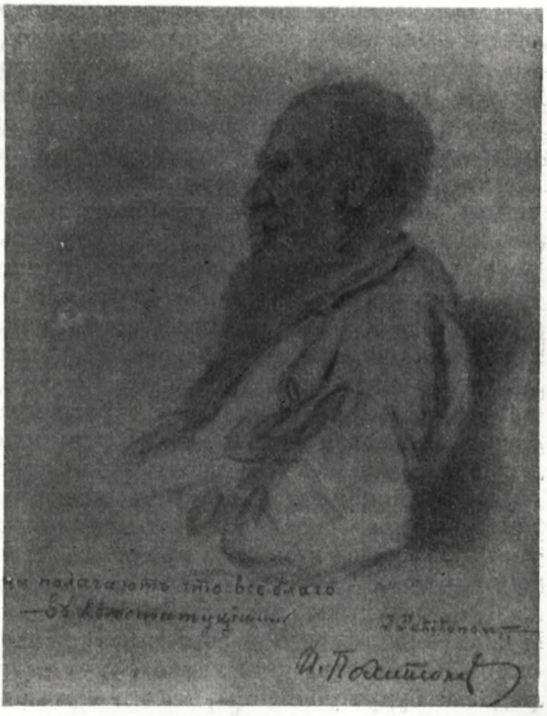
на что Беляев с апломбом отвечал: «Только не от меня, я не душусь, может быть, от цветущей липы». Интересно он рассказывал об известном нападении революционеров весной на типографию «Нового времени». Он в то время сидел в редакции и по телефону вел разговоры с этими господами [101] ⟨...⟩

⟨КОЧЕТЫ⟩

24 июня. ⟨...⟩ Я невольно вспомнил, как шесть-семь лет тому назад я хаживал со Л. Н. в Центральные бани и какие там случались курьезные встречи. Как с ним раз спорил армянин, и они голые стояли под душами и горячились и кричали, и публика собиралась вокруг них. Тогда банщики были вполне равнодушны ко всякого рода вопросам, да и армянин приставал больше по поводу вопросов христианской этики. А теперь не то, совсем не то. На возвратном пути в Кочеты на один день заезжал в Ясную. Л. Н. встретил меня словами: «Ах, как хорошо, как все хорошо, все это страдание, эта кровь, все это ведь роды, мучительные роды...». Я даже рассердился, до того эти слова мне показались из области crivlation. Но подумав хорошенько, я увидал, что я не прав, и вот почему.

Мне представляется, что пред нами развертывается картина громадной исторической важности. Есть люди, которые по свойственной им близорукости видят лишь то, что происходит на первом плане: крушение ненавистного режима, всевозможные свободы, общий энтузиазм, возрождение, обновление и т. д.

Но есть люди (я в том числе), которые более дальнозорки и которые на втором плане этой картины видят ужасы: кровь, кровь без конца, всеобщее разорение, гибель родины и злобу, и человеконенавистничество. Но третьего плана я разглядеть не в силах. А вот Л. Н. видит дальше меня. И видит, что после всех этих ужасов второго плана наступит такое хорошее, великое, сильное, которое заставит забыть эти мучительные роды, которыми мы только еще начинаем мучиться.



ТОЛСТОЙ
Пастель И. П. Похитонова, 1905 г.
Музей Толстого, Москва

Я поймал где-то на ходу Л. Н. и высказал ему эту мысль, которая ему, кажется, очень понравилась. По крайней мере, он вышел на террасу и сказал: «Как мы хорошо сейчас поговорили с М. С. Польстил он мне, это правда, а все-таки хорошо».

Но зато вечером мы поговорили совсем не хорошо. Захотел Л. Н. мне прочесть свою новую статью (еще не отделанную) под названием «Два пути» [102]. Прочел и спросил моего мнения. Пришлось сказать правду, старательно взвешивая выражения, заменяя просящиеся на язык слова словами более мягкими и потому менее подходящими. Дело в том, что эта статья показала мне, что Л. Н. неизлечим и что то, что я принял несколько времени тому назад за отрезвление, был лишь временный перерыв в этой не поддающейся никаким средствам страсти к русскому мужику. Опять все то же, все тот же мужик-богатырь, который, стоя на перепутье двух дорог, должен понять, что и та и другая, и правительственная и революционная, должна его привести к гибели и что ему не следует идти ни за правительством, ни за революцией, отправить и то и другое к чёрту, а затем жить безо всякого начальства своей мудрой нравственной жизнью 〈...〉

29 июля. В наше время меня поражает одно многим людям общее свойство, а именно, до чрезмерных размеров развившаяся трусость. Эта трусость особенно резко проявляется при возгласе «руки вверх». Как мало людей сопротивляющихся! Для человека неробкого первое движение это схватить за горло грабителя; для труса — это поднять руки вверх. И это поднимание рук вверх замечается всюду, во всех слоях общества. И правительство постоянно поднимает руки вверх пред революцией, и помещик трусит пред мужиком, и мужик опрометью бежит пред нагайкой казака или ружьем стражника. Трусость заразительна, и она охватила всех нас, просочилась в наши души. Я лично очень определенно сознаю, что я заражен ею. А в Думе разве мало было примеров трусости?! Сколько единогласных решений, сколько умолчаний, сколько недоговоренных и неискренних речей имели своим источником все ту же трусость. Если попристальнее вглядишься в это явление, то не можешь не отметить, что на общем фоне этого охватившего нас малодушия яркими фактами выступает проявляемое революционерами мужество перед смертью. И это во всяком случае исключительное, необычное равнодушие перед смертью, эта неустрашаемость перед риском потерять свою жизнь при совершении или после совершения политического убийства, по-моему, заслуживает самого внимательного отношения и неослабного вдумывания. Как мне ни антипатичны, ни чужды наши террористы и анархисты, но не могу не признать, что эта отмечаемая мною их особенность разделяется ими с христианами первых веков. Это именно то отличительное свойство христиан, которое ставило в тупик и смущало представителей отживающего языческого мира. Страшно было то, что те устрашающие наказания, которые были созданы для того, чтобы удерживать людей от попыток борьбы с существующим государственным строем, оказывались совершенно бессильными, потому что у христиан не только не было страха пред страданием и смертью, но была болезненная жадность к ним. Нечто подобное происходит и теперь. Людей вешают и расстреливают, а они смерть встречают совершенно равнодушно и спокойно. Если это вообще общее свойство революционеров, а не случайная особенность тех единичных людей, подробности казней которых известны нам, то у правительства выбито из рук последнее оружие для борьбы с разрушителями государственного строя. Удесятерите число казней, результат, значит, будет все один и тот же: никого не запугаешь и никого ни от чего не остановишь. Значит, будет продолжаться все то же самое: банки и винные лавки будут разграбляемы, администраторы и городовые будут убиваемы, пока... чёрт знает, пока что. Это-то *пока* и может

привести в отчаяние человека, призванного спасать государство. Но если в древних христианах и современных революционерах есть указываемое мною сходство, то между ними есть и существенная разница, а именно: если психология древних христиан в их отношении к страданию и смерти объяснима, то психология соврем⟨енных⟩ революц⟨ионеров⟩ — для меня по крайней мере — совершенно темна. Ведь революционер не видит пред собой в минуту казни разверзаемых небес, не слышит ангельского пения, а видит пред собой разверзающуюся бездонную, беспросветную пропасть небытия,— и больше ничего. Откуда же эта готовность жертвовать своей жизнью за убийство самого последнего несчастного безвредного городового? Это для меня загадка без разгадки. Л. Н. не так смотрит, как я. Он отрицает это сознательное бесстрашное жертвование своей жизнью со стороны революцион⟨еров⟩. Он думает, что приводимые мною для доказательства факты можно легко объяснить тем всеобщим потемнением рассудка и совести, которое стало теперь столь обычным. Это отчаянность будто бы бессознательная, а не сознательное мужество.

⟨ЯСНАЯ ПОЛЯНА⟩

6 августа. Чтобы хоть несколько отдохнуть от аграрных (ограбных, как сами мужики говорят) беспорядков, происходивших все это время в Кочетах, уехал оттуда на два дня с Таней, был в Туле у губернатора, а сегодня в моей целительной санатории Ясной. На этот раз эта санатория как-то не так целительно действует. Более чем когда-либо сам целитель Л. Н. далек от жизни, от злобы дня, не хочет видеть и слышать, что кругом происходит. А наш брат рад бы уйти ото всей этой мерзости, да некуда, а главное бросить все имение не на кого. Тут теперь гостит В. Г. Чертков, приехавший на побывку из Англии. Это любимый ученик Л. Н., Иоанн в некотором роде, и я понимаю, что он может быть ближе других сердцу учителя. Уже одно то, что они оба хорошей крови, bien nés*, в их близости, как это ни может казаться странным, играет не последнюю роль.

10 сентября. Мы теперь живем в Ясной, которую я всегда называю своей санаторией. Переехал я с семьей на осень и на зиму, покинув Кочеты просто ради своего душевного спокойствия ⟨...⟩ Когда я слышу про все те мерзости, которые творят здешние мужики, то, хотя и негодую, но не чувствую на себе безвыходной необходимости вмешаться в эту мерзость и так или иначе разрешить ее. А Л. Н. тем временем все пишет свои приторно-анархические произведения, и чем более жизнь опрокидывает все его подмостки, тем увереннее он говорит, что правда на его стороне. Особенно характерно, что все рассказы о разбоях, обидах, кражах, которые мужики совершают против своих же мужиков, его не только не смущают, но даже как бы еще более утверждают. «Вот, вот,— твердит он,— теперь всем скоро станет ясно, что власть совсем не нужна. Уж если она не умеет исполнить то самое, на что она как будто главным образом и создана,— удерживать людей от преступлений,— то спрашивается, на что же она после всего этого годна?». Л. Н. стал, впрочем, допускать теперь мысль, что по упразднении всяких властей наступит некоторая заварушка даже в деревнях и произойдет смута, «но на короткое время»,— почему-то прибавляет он. «Я даже допускаю,— говорит он,— что мужики будут иногда прибегать к суду Линча и убивать каких-нибудь конокрадов. Но все это ничего сравнительно с тем, что теперь творится» ⟨...⟩

11 сентября. На днях (8 сентября) Л. Н. завтракал один в зале. Я прошел чрез комнату и перекинулся с ним несколькими словами. Когда я вышел, Л. Н. меня вернул.

---

* хорошего рода (франц.).

— Мне хочется предложить вам один несколько странный вопрос,— с некоторым усилием произнес он.—Молитесь ли вы?

— Молюсь.

— Каждый день?

— Да, каждый день по вечерам. Но, к сожалению, молитва зачастую исполняется как заученная привычка, без чувства и мысли.

— Ах, это ничего, ничего. Главное, что вы ежедневно молитесь, это очень, очень хорошо. Это совсем не то, что ехать в церковь. Тут люди, тут скажут, что вот какой хороший, вспомнил Рождество Богородицы, в церковь поехал. А молиться богу наедине, перекреститься (sic!), обратиться к нему так, что никто не знает, что̀ ему сказал, о чем попросил, это совсем друг е. Я каждый день молюсь.

Меня несколько поразил этот разговор. Несколько лет тому назад Л. Н. не так бы говорил.

При этом Л. Н. рассказал, как брат его Николай спал как-то в одной комнате с братом Сергеем. И брат Сергей по привычке стал молиться. А Николай сказал ему: «Как? Ты все еще не бросил творить этот намаз?». И это замечание так сильно поразило Сергея, что он тут же совсем бросил молиться.

16 октября. 〈...〉 Л. Н., я думаю, и не подозревает, что он полон противоречий. Отмечаемая мною особенность происходит все по той же причине, о которой я, вероятно, упоминал не раз, а именно, что Л. Н. гораздо менее мыслитель, чем художник. А потому он гораздо более живет впечатлениями, чем размышлениями. А что за удивительные глаза! Сейчас он заходил к нам и рассуждал со̀ мной о грабеже этих огромных капиталов в Петербурге [103]. Он стоял против света и, излагая свою мысль, глядел вдаль в окно. Что за глаза! Какая даль видна в этих глазах! И чего-чего не усмотришь в них*. Сегодня было много грусти и даже страдания. Л. Н., кажется, очень смущен успехами революционной смуты не в поступках (с этим он правильно говорит, что всегда можно справиться), а в душах людей. «Раз уже отравлено сознание,— говорит он,— не скоро переделаешь душу» 〈...〉

Ясная Поляна. 4 декабря. 〈...〉 Смерть Маши после Коли [104] должна была сильнее всего отозваться на Л. Н. Я знал, что старость есть лучшее противоядие против преувеличенного огорчения, знал, что и религиозные взгляды Л. Н. хороший щит против грусти от исчезновения из сего мира любимого человека, но все же я думал, что он будет сильно поражен этой неожиданностью смерти. Да к тому же и значение Маши в его жизни было немалое. Она была самая к нему близкая из его детей. Я нашел его более спокойным, чем я ожидал. Он все так же пишет, так же читает, все тем же интересуется, чем и всегда, в шахматы со мной играет, в винт уже раза два играл. Знаменательно то утешение, которое он извлек для себя из смерти Маши: «Ненадолго теперь расстались». Да ведь в этих словах заключается уверенность в личном бессмертии, в сознании своей личности за гробом?! Ведь совсем не в то веровал Л. Н. еще недавно 〈...〉

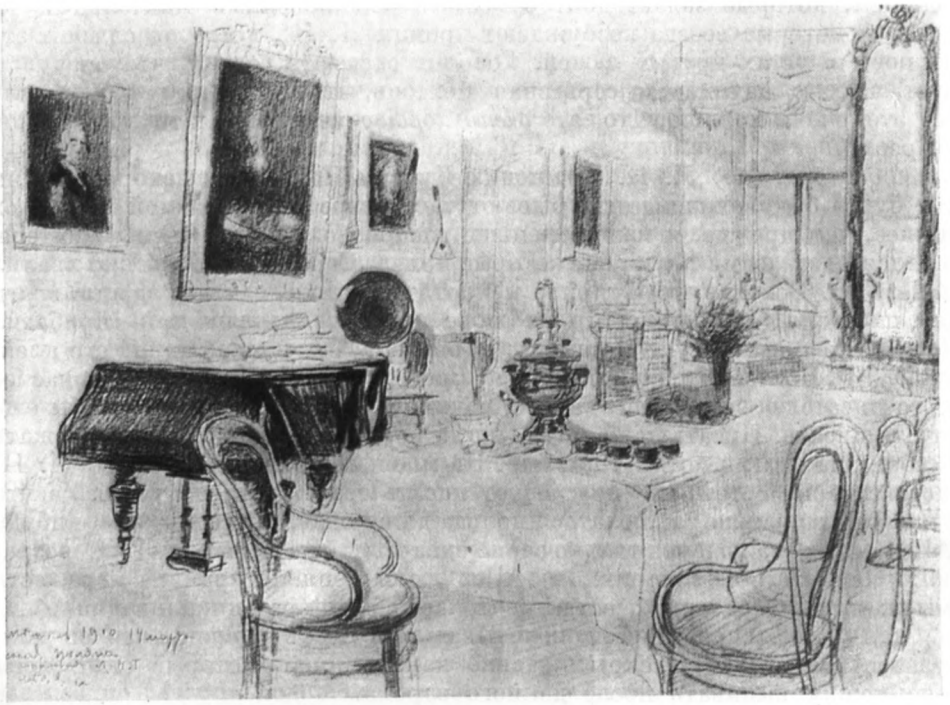
22 декабря. 〈...〉 Были в Ясной духоборы с П. В. Веригиным [105] во главе. Приехали в Россию, чтобы разузнать, не могут ли снова переселиться на родину. На мой вопрос, что их побудило на это, один из духоборов мне сказал: «Дух внушил нам переселиться в Россию, чтобы русский мужик научился от нас, как надо̀ жить и как хозяйствовать». Как они рассказывали, просто диву даешься, до чего умно и справедливо все у них устроено в Канаде.

---

* Я последнее время стал замечать, что цвет левого глаза меняется — он принимает оттенок карего цвета. А правый остается все того же необыкновенно приятного голубовато-серого цвета.— *Прим. М. С. Сухотина.*

Сам Веригин мне не очень понравился. Правда, от него так и пышет умом, энергией и силой, но думается мне, что он совсем не духовный человек, а лишь со скукой и притворно изрекает по временам свои сектантские духоборческие изречения. Л-у Н-у прежде казалось тоже, что Веригин человек материальный, но теперь он, Л. Н., увидал, что ошибался. Было их четверо мужчин, одна девушка лет 20 и одна девочка лет 14 ⟨...⟩

Погостила тут С. А. Стахович [106], одна из самых приятных женщин, которых я когда-либо встречал ⟨...⟩ Ее память хранит такое множество



СТОЛОВАЯ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ДОМЕ
Рисунок В. Н. Мешкова, 1910 г.
Музей Толстого, Москва

стихотворений, лучших стихотворений русских поэтов. Это какая-то ходячая антология. Особенно твердо она знает Пушкина и понимает и любит его. Принесли как-то «Евгения Онегина», и С. А. перелистывала его и, захлебываясь от восторга, читала своим восторженным, хотя и картавым, голосом то, что действительно несравнимо и неподражаемо. Л. Н. слушал с удовольствием. При стихах: «Недвижим он лежал и странен был томный мир его чела»,— Л. Н. остановил чтение, повторил раза два эти стихи и затем задумчиво произнес: «Да, это удивительно хорошо; это именно так; это предвечная истина». Затем он рассказал, как он в первый раз прочел «Евгения Онегина». Ему в то время было 18 лет. У него был опекун Воейков [107], и племянница этого Воейкова не любила почему-то Л. Н., и когда он несколько раз обращался к ней, прося дать почитать имевшегося у нее Пушкина, то она всегда отказывала. Как-то в начале лета Л. Н. поехал в Сергиевское к Гагариным покупать тирольских телок для Ясной Поляны. «Помню,— говорил Л. Н.,— как этих красивых светлоносых телок в желтых очках выпускали предо мной на

свежую немятую солому, и я любовался ими. Наступил вечер, и управляющий мне отвел для сна маленький флигель в саду. Я попросил какую-нибудь книгу, и он мне принес „Евгения Онегина". Была чудная тихая душистая ночь. Я лег в постель и стал читать. Когда я кончил „Евгения Онегина", было совсем светло. Я начал снова все сначала и прочел еще раз несколько песней. Это впечатление было так сильно, что я его никогда забыть не мог».

Второй день Л. Н. хворает: жар, слабость, хрипота. Советуется с Душан Петровичем (доктор, словак, живущий тут) [108] и задает ему все те же вопросы, которые задает доктору самый обыкновенный мнительный человек и которые всегда возбуждают иронию Л. Н., когда он слышит эти вопросы в устах других людей. Говорит о смерти, о том, что он чувствует, что это начинается серьезная болезнь, что он умрет теперь, что все это очень хорошо. Но это *очень хорошо* звучит как-то слабо и неуверенно.

30 декабря. 〈...〉 Л. Н., по мнению Душана Петровича, нехорош. Бронхит будто бы увеличивается, бывают часто перебои. А на мой взгляд он свежее, чем прежде, и как-то меньше говорит о смерти. Очень заинтересовался рассказами Куприна, которые привез Сергеенко. Особенно хвалил «Allez» [109]. Боится, что Куприна испортят критики, самые опасные враги для писателя («и Белинского из этого числа не исключаю»,— прибавил Л. Н.). Говорил в духе Пушкина: «Доволен? Так пускай толпа его клеймит...» [110]. Боится, что Куприн скоро начнет выдумывать, а это «опаснее всего писателю, когда он начнет сочинять сюжеты, искать, что бы еще начать писать. Писать надо тогда, когда напрет так, что трудно удержать в себе, когда так и потянет писать». На мое напоминание о том, что Л. Н. часто говорит о том, что не следует писать только для искусства, а что в писаниях должна заключаться польза для людей, а что в каком-нибудь «Allez» мы наслаждаемся только верно схваченной картинкой, Л. Н. возразил: «Нет, этого не говорите, в „Allez", для меня по крайней мере, есть смысл: лишний раз художественно доказан весь вред цивилизации» 〈...〉

Стал Л. Н. снова газеты почитывать. И очень смешно, что он конфузится этого и хочет скрыть, точно как пьяница, который стал снова понемножку выпивать после данного зарока.

1907

〈ЯСНАЯ ПОЛЯНА〉

3 января. Нельзя сказать, чтобы здоровье Л. Н. было хорошо. Как он заболел инфлюэнцой недели две тому назад, так до сих пор он и не поправился. Было одно время улучшение, и он даже в прекрасный тихий день вышел погулять немного в саду, но с тех пор снова стало хуже. И небольшой жарок бывает, и боли в голове, и желудок не действует, и небольшой кашель, и перебои, а главное слабость и мрачное, угнетенное настроение духа. Снова Л. Н. постоянно говорит о смерти, о том, как он наверно умирает, как хорошо умирать, как он готов к этому. Но сквозь эти слова не надо быть особенно чутким, чтобы слышать этот столь понятный трепет какой бы то ни было жизни от близости смерти, это упорство земного бытия пред переходом в иные чуждые неизведанные формы 〈...〉

10 января. С. А. мне читала свои записки, которые она довела до 1878 г.[111] Меня интересовали 1876—1877 гг. как те года, в которые совершился этот удивительный перелом в душе Л. Н., и он из неверующего сделался ревностным православным. К сожалению, переход этот совершился вне наблюдения С. А., и она отмечает это как факт, не будучи

в силах дать ему какое-либо психологическое объяснение. Поразительно, что в 1876 г. Л. Н. в письме к гр. А. А. Толстой пишет: «Ведь я и брат Сергей ни во что не верим», а вслед за тем к концу года он уже бегает на шоссе (где он вообще привык собирать многое для себя интересное), заговаривает со странниками и нищими и умиляется пред их верой православной. В 1877 г. он уже ходит ко всем службам и соблюдает даже середу и пятницу.

Жаль, что нет нигде следов этого странного, ничем не объяснимого переворота в душе Л. Н., так как даже дневника своего он в то время не вел.

Я ему рассказал, как неполно С. А. описала эту эпоху его жизни. Он подумал и сказал: «Да, пожалуй, и трудно было бы полнее и последовательнее описать: мне и самому это представляется чем-то необъяснимым, каким-то скачком, чем-то, что нельзя ничем наполнить».

16 января. А ведь поправляется Л. Н. и удивляет врачей тем, как у него по-юношески легко и быстро рассасывается бронхит. Был доктор Никитин и признал, что теперь нечего больше опасаться 〈...〉

24 января. 〈...〉 Л. Н. опровергнул все мои прогностики: стал снова ездить верхом и следов болезни как ни бывало. Странный человек. Вчера в «Новом времени» (от 21 января) был фельетон Меньшикова «Две России», который он прочел. Он пришел в такой восторг и умиление, что весь вечер не мог без слез говорить об этом и тут же написал Меньшикову письмо с благодарностями и объятиями. И все почему? Да потому, что Меньшиков тепло и прочувствованно заговорил о святой Руси по поводу картины Нестерова [112] 〈...〉

25 января. Вчера писал о необыкновенной бодрости Л. Н., а сегодня снова он жалуется и киснет. Говорит, что чувствует стеснение в груди, что смерть близка и т. п. Надел на себя песочного цвета халат (верный признак его недомогания), на голову тюбетейку и даже на утреннюю прогулку не вышел. Вчера вечером Л. Н. снова заговорил о святой Руси. При этом он говорил о том обожении 〈?〉, которое охватывает душу человека и которое важно само по себе, независимо от того предмета, к которому оно стремится. В виде иллюстрации своей мысли он рассказал мне, как он раз поздно вечером подошел к одной избе в Ясной Поляне, где светился огонь, и заглянул в окно. Там жила одна баба, бывшая смолоду очень распутной, которую ее муж, в сущности смирный и кроткий человек, нередко бивал и даже раз привязал к хвосту лошади. И вот он увидал эту старуху, стоявшую на молитве. Все в избе спали, а она молилась. И долго стоял Л. Н., а она все молилась. И с какою горячностью, с каким усердием она шептала слова молитвы, крестилась и кланялась. «И я понял,— говорил Л. Н.,— что не важно то, кому эта старуха молилась, а важно то, что́ она чувствовала к этому Христу, или Браме, или Аллаху».

1 февраля. Много народа ходит ко Л. Н., много особенно левых и сознательных, но все каких-то не вполне ясных и определенных. Но вот на днях наконец-то явился один вполне определенный анархист-экспроприатор [113]. Так и рекомендовался. Его определенность привела к тому, что он был почтен не пятиминутной беседой на крыльце, а отдельной получасовой аудиенцией в бывшей библиотеке. Маленький, тщедушный, молодой, с белокурой бородкой, которую он нервно пощипывал, неопределенного образования и общественного положения, он явился ко Л. Н. с желанием получить от него некоторую сумму денег на «анархические дела». Л. Н., конечно, отказал. Анархист, конечно, настаивал, что Л. Н. *должен* дать. Он защищал законность экспроприации, доказывал, что все это деньги народа, а что потому ничего дурного нет отнимать у богачей деньги народа и передавать на дело народа. Л. Н. вынес впечатление, что это один из многих загипнотизированных настоящей революцией

людей, которые даже понять не могут, что́ им говорят. Когда Л. Н. заговорил о боге, анархист ответил то, что уже многие сознательные отвечали Л. Н.: «У всякого свой бог». Очевидно, это стоит в каком-нибудь катехизисе «сознательных». Когда Л. Н. допытывался, что же будет, когда анархисты все разрушат существующее, анархист ответил: «Да как-нибудь устроится».— «Почему же вы думаете, что все тогда будет хорошо?» — «Да уж наверно хорошо». Слушая об этом из уст Л. Н., я подумал, что уверенность Л. Н. что яснополянские мужики тоже что-то хорошо устроят, когда уничтожатся все власти, ведь одинаково основывается только на том, что Л-у Н-у этого хочется и так представляется 〈...〉

3 февраля. Сейчас заходил к нам во флигель Л. Н., вернувшийся с прогулки верхом. Говорит мне: «〈...〉 Сегодня ночью все думал, как выбраться нам из этого ужасного положения, в котором вся страна находится. И понял, наконец, что мы переживаем Смутное время, такое же Смутное время, как тогда, когда выбрали Михаила Федоровича. Наше теперешнее Смутное время началось японской войной, и что тут ни делай, какие Думы ни выбирай, каких министров ни назначай, смута все будет продолжаться, и никакое правительство страны не успокоит»〈...〉

14 февраля. Вчера вернулся из Кочетов, и сразу на душе стало спокойнее, и люди кажутся не столь отвратительными, как там.

Сегодня приехал М. Стахович. Конечно, много интересного привез с собой. Видимо, очень доволен, что попал в Государственную думу, но притворяется, что он этого даже и не желал и что теперь *удручен*, предвидя все свое тяжелое положение в левой Государственной думе 〈...〉 Л. Н. не одобрил слов Стаховича, что он *удручен*. Думает, что он был не искренен, выражаясь таким образом.

Насчет «святой Руси» Л. Н. начинает впадать в сомнение. Говорит, что Россия может быть спасена лишь святой Русью; но жива ли еще эта святая Русь или окончательно забита освободительным движением, этого Л. Н. сказать не может. Надеется, но далеко в этом не уверен.

16 февраля. Л. Н. вчера запер двери в кабинет и стал говорить со мною по секрету. Оказывается, по поводу отношений детей ко мне и к нему. Спросил, не завидуют ли мне мои дети? Затем стал говорить, что, кроме сына Миши, все его сыновья имеют к нему дурное чувство зависти. Я ему доказывал, что если такое чувство у кого и есть, так только у Левы, который имеет основание испытывать jalousie de métier*, прочие же, напротив того, должны иметь поползновение хвастать своим знаменитым отцом и украшать свое ничтожество его именем. Но Л. Н. стоял на своем.

Были какие-то молодые «темные» Дмитриев и Картушин [114]. Л. Н. говорил им, до чего трудно предвидеть то, во что выльется современное движение, и очень удачно воспроизвел то, что должен был рисовать себе француз в начале революции. Он мог допустить возможность самых необыкновенных комбинаций, но уж никак не появление на императорском троне какого-то офицера корсиканца, который станет властителем и республиканцев, и роялистов. А нас, может быть, ожидает и еще что-нибудь почуднее.

Были еще толстовцы — Леонтьев, Гастев [115]. Давно не бывало такого наплыва толстовцев.

Л. Н. снова на сердце жалуется. Часто смотрит на портрет Маши и твердит: «Скоро к тебе приду» 〈...〉

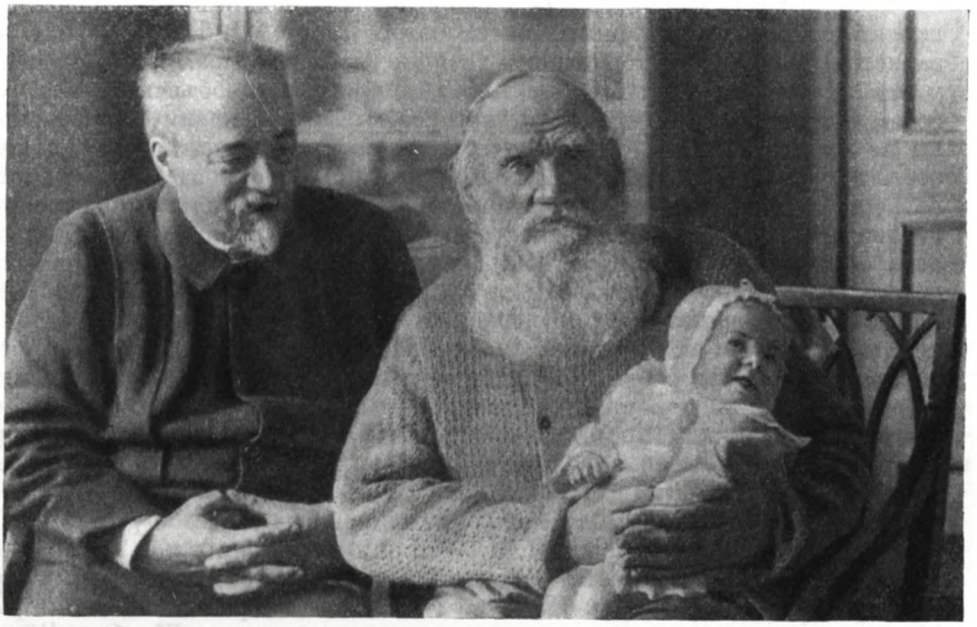
20 февраля. 〈...〉 Муромцев [116] всегда считался либералом и в своем профессорско-адвокатском кружке умным человеком. Но не того о нем мнения был и есть Л. Н. Он всегда говаривал, когда по какому-либо случаю при нем упоминали о Муромцеве: «Да ведь это совершенный ду-

* профессиональную зависть (франц.).

рак». То же самое он говаривал и о другом ученом, игравшем тоже значительную роль в Государственной думе, о М. М. Ковалевском [117] ⟨...⟩

3 марта. ⟨...⟩ Л. Н. до сих пор все повторяет, что ему чрезвычайно жалко, что я ему не буду рассказывать о Думе. Из моих рассказов он все ясно видит, что там делается, а из описания газет ничего не видит ⟨...⟩

7 марта. Вчера были здесь Андрюша и Миша. Андрюша рассказывал, как он на днях проезжал с Толмачевым на паре с отлетом мимо патронного завода в то время, как выходили оттуда рабочие, и какими ругательствами и проклятиями их провожали. Л. Н. заметил, что время такое, «проснулся» рабочий человек. Из-за этого слова «проснулся» поднялся



ТОЛСТОЙ С ВНУЧКОЙ ТАНЕЙ НА РУКАХ и М. С. СУХОТИН
Фотография, 30 марта 1906 г., Ясная Поляна
Музей Толстого, Москва

длинный и неприятный спор, в который вмешалась и С. А. Между прочим, Л. Н. доказывал, что, выставляя тот факт, что «народ проснулся», он вовсе этому не радуется и не радуется ради этого самого проснувшегося народа, которому сравнительно было легко кротко и по-христиански выносить обиды, несправедливости и даже тягость крепостного права и которому очень тяжело вынашивать в своей душе эту злобу и зависть, которые в нем пробудило освободительное движение.

Кроме того, Л. Н. очень метко заметил, что он вовсе не считает положение богатого более счастливым, чем положение бедного, вследствие его богатства, а считает его положение более счастливым, вследствие того, что богатый имеет все средства, чтобы помочь бедному, а бедный имеет все поводы, чтобы мучиться завистью к богатому.

9 марта. Были здесь А. М. Бодянский, П. Л. Успенский, П. А. Мазаев [118]. Приезжали говорить по поводу газеты, издаваемой Бодянским, христианской газеты ⟨...⟩ Л. Н. очень бодр. Сделал 20 верст верхом и был весь вечер свеж и не утомлен.

10 марта. Тут возбудился некоторый конфликт между крестьянами и господами. У Толстых живет домашний врач Д. П. Маковицкий, словак, чистый толстовец, весь преданный Л. Н. и чувствующий к нему даже чересчур преувеличенное обожание. Этот доктор как истый толстовец, конечно, очень рьяно и самоотверженно лечит русских баб и мужиков. Целый день он в разъездах, никому не отказывает в помощи и в отвратительную погоду, и по невылазной грязи спешит туда, куда его зовут. В самой деревне Ясная Поляна местная благодетельница Саша Толстая, тоже последовательница своего отца, устроила приемный пункт. На содержание пункта она тратит свои деньги. На днях появилось в господском доме анонимное письмо от крестьян Ясной Поляны с заявлением, что они не желают, чтобы у них в деревне был прием больных ввиду возможности занесения заразы и ввиду небрежного к ним отношения врача, причем они просят графиню уничтожить у них этот пункт. Л. Н. объясняет это завистью мужиков к той вдове, хозяйке избы, которая за помещение у нее пункта получает 13 р. в месяц, а кроме того объясняет тем чувством враждебности к господам, которое вызывает желание заявить: нам вы не нужны, и без вас обойдемся. Достойно замечания, что по поводу этого письма Л. Н. высказал такие мысли, которые стоят в явном противоречии со всем тем, что он проповедовал еще так недавно. Он говорил вообще об возмутительном отношении мужиков к своим же односельчанам, об их злобе и зависти. Так, грумантовские мужики стали преследовать двух своих односельчан за то, что они будто бы своими новыми постройками мешают прогонять скот на выгон, а в сущности просто из чувства зависти к их благосостоянию. Преследуя их настойчиво через всякие инстанции суда, они добились-таки того, что эти прекрасные каменные постройки придется их владельцам сломать и перенести. В Ясной Поляне один мужик поставил прекрасную каменную постройку и при этом захватил $^1/_2$ аршина общественной земли. Общество настаивает на том, чтобы он сломал свою стройку.

«Если дать этим людям возможность испробовать на себе разные анархические мечтания,— говорил Л. Н.,—то они начнут кипеть в котле такой взаимной ненависти и злобы, что скоро сами будут просить дать им в правители хоть какого-нибудь Николая I». И это говорил Л. Н., который 14 месяцев тому назад на этом же самом месте говорил Щербаку [119] совершенно противоположное и затем сердился на Колю Оболенского за его недоверие к спасительным добродетелям русского мужика ⟨...⟩

Л. Н., высказав свои мысли о мужиках, рассказал о том, как он утром был в Ясенках в почтовой конторе и разговорился с начальником конторы. Этот человек оказался то, что называется «левее кадетов». Как его Л. Н. ни направлял на запросы души, тот настойчиво возвращался к своим надеждам революционного переустройства всего государства. И эта настойчивая надежда имеет своим источником неудержимую уверенность начальника конторы, что он, начальник, слишком мало получает жалованья, что прибавить ему необходимо и что ему, конечно, прибавят левые, когда восторжествуют над Столыпиным ⟨...⟩

13 марта. Софья Андреевна мне читала свои записки 1879—1880—1881 гг. Много интересного, но, так сказать, наружно интересного. Самого интересного, хода внутреннего перелома Л. Н., С. А. касается мало ⟨...⟩ Интересен у С. А. рассказ, как в 80 г. весной приезжал в Ясную Поляну Тургенев. Пошли вечером на тягу Тургенев, Л. Н. и С. А. С. А. стала вместе с Тургеневым и вдруг задала ему вопрос: «И. С., почему вы больше ничего не пишете?» — «На это я вот что могу сказать вам,— отвечал Тургенев.— Бывало, когда я писал, меня всегда в это время трясла любовная лихорадка. Без этого я писать не мог. Ну, а теперь я стар, влюбляться больше не могу, значит и писать больше не могу» [120]. Это,

по-моему, очень характерно. Это показывает, сколько личного, своего заветного вкладывает даже такой высокоталантливый писатель, как Тургенев, во все, что он пишет. Читателю представляется, что Тургенев все это выдумывает, и так хорошо, похоже выдумывает, а он вместо этого все им описываемое переживает тут же, «кровию сердца пишет эти строки».

Конечно, это не общее правило. Тот же Фет, дряхлым, задыхающимся от кашля и мокроты старцем, писал многие свои юные, полные любви и беззаботной радости стихотворения. Когда я у него раз спросил: «Как это вы, Афанасий Афанасьевич, можете теперь в такую скверную погоду, сидя больным, на унылой Плющихе, создавать такие радостные, молодые строфы?» — Фет, сердито откашливаясь, пробормотал: «по памяти». Видно, память была у него мощная, что могла пронести чрез столько лет скучной прозы с Марьей Петровной, скряжнических расчетов, консервативных негодований и т. п. такие ненадтреснувшие звуки, такие неотрепанные чувства!

14 марта. 〈...〉 Был здесь И. К. Дитерихс [121], только что вернувшийся из Англии, куда он ездил вместе с Веригиным и духоборами. Относительно Веригина я не ошибся, а ошибается Л. Н. По словам Дитерихса, это несомненно очень умный и энергичный человек, но человек очень непорядочной и низкой нравственности 〈...〉 Л. Н. и слушать не хотел рассказы Дитерихса о Веригине.

Заезжал Дитерихс к кн. Д. А. Хилкову, живущему в своих Павловках на семи десятинах земли, так как всю остальную землю он за бесценок продал своим мужикам. Занят он теперь оккультизмом. С мужиками уже мало стал общаться, и вообще они его огорчают. Землей они теперь очень богаты, но это их приводит не к довольству, а к зависти, злобе и пьянству. Нынешним летом в Павловках было 40 пожаров, причем все они произошли оттого, что мужики поджигали друг друга. Поджоги происходили на аграрной почве. Если какой мужик уходил в город и сдавал землю в аренду, то, конечно, эту землю получал кто богаче, кто мог заплатить немедленно бóльшую сумму денег. На этого богача непременно кто-нибудь да злился из зависти и тогда ночью поджигал его. Богач обыкновенно догадывался, кто его поджог, и в отместку поджигал поджигателя. Тот опять мстил и т. д. Поражало Хилкова то, что, несмотря на то, что поджоги производились ночью, мужики почти всегда на пожар являлись пьяными. Объясняется это тем, что мужики часто по вечерам выпивали и пьяные ложились спать. Этот рассказ Л. Н. вынес, не перебивая рассказчика 〈...〉

21 марта. Сегодня Л. Н. начал мне читать из присылаемого ему японского журнала одну статейку, написанную по-английски. Вслушиваюсь — что-то знакомое: девушка пред открытой дверью, там мрак, неизвестность, голос предупреждает, девушка настаивает, переступает, «безумная... святая...». Да ведь это Тургенева! Л. Н. удивляется и ужасается. Я доказываю. «Мерзавец!» — произносит Л. Н. и в волнении уходит [122]. Чрез несколько минут опять появляется и говорит на ту тему, как это его особенно взволновало как писателя, как он знает это чувство у писателя подлаживаться ко всему тому, что служит популярности, и сколько непоправимого вреда может сделать писатель даже вот такой небольшой вещицей, как эта. «Да, но этим особенно страдал Тургенев,— замечаю я,— этой трусостью, этим подлаживанием под молодежь, этим виляньем».— «Да, да, конечно, но и не один Тургенев этим страдал. Все мы этим страдаем» 〈...〉

1 мая. Ясная Поляна. 〈...〉 От Вены до Москвы я ехал с В. В. Смидовичем (Вересаевым), возвращавшимся из Капри, куда он ездил навестить М. Горького и Л. Андреева 〈...〉 Вересаев мне долго развивал свою мысль, как следует понимать эпиграф в «Анне Карениной»: «Мне отмщение, и

Аз воздам». Оригинально. Мстит природа, основной закон которой так глубоко был нарушен Анной Карениной дважды. В первый раз в ее брачной жизни с Карениным, когда она отдавалась одной стороне брачной жизни — материнству, причем другая сторона, страсть, была вполне атрофирована, и в другой раз, когда во время своей связи с Вронским она была исключительно любовница. Вересаев говорил, что если Л. Н. не согласится с его взглядом, то он не поверит и Л. Н-у, а будет думать, что Л. Н. может быть и бессознательно, но руководствовался при выборе эпиграфа той же идеей, что и он, Вересаев. Оставил даже мне свой адрес, чтобы я выспросил Л. Н. и написал ему, что скажет автор «Анны Карениной» <...>.

21 мая. Вчера я спросил Л. Н., что он хотел сказать, выставив в «Анне Карениной» эпиграф — «Мне отмщение, и Аз воздам»? Оказалось, то самое, что и я думал<...> Когда я ему передал, как Вересаев понимает этот эпиграф, Л. Н. сказал: «Остроумно, очень остроумно, но я хотел сказать просто, что за преступление следует наказание свыше».

Надо будет Вересаеву написать, как он о том просил [123].

14 июля. <Кочеты>. Вчера вернулся из Ясной, куда ездил на два дня с Таней <...> Л. Н. был и тих и приятен. Даже после того, как Николаев [124] прочел слащавую и в псевдонародном тоне написанную Наживиной статью о Г. Джордже, Л. Н. сдержанно и миролюбиво спорил со мной, доказывая, что хотя Наживина написала плохую статью, но Г. Джордж удивительно мудр и что его проект и применим и целителен для России.

Читал записки Софьи Андреевны — 1884 г. Ссоры, разлад семейный, озлобление с обеих сторон. Поразительно одно письмо Л. Н. в тоне покаянном, где он винится в том, что случается ему «гримасничать добродетелью» [125].

Л. Н. между прочим рассказал мне, что Паскаль где-то говорит, что если бы мы каждую ночь видели продолжение сна предшествовавшей ночи, то скоро могли бы спутаться в том, где действительность и где сон [126]. Это очень тонкое замечание.

Л. Н. несколько полевел. Вероятно, это под влиянием его Иоанна, т. е. В. Г. Черткова, поселившегося по соседству с Ясной.

22 сентября. <...> Л. Н. мне наговорил много приятного по поводу моей корреспонденции из Новосиля с описанием ограбления Б. Н. Г., которую до сих пор «Голос Москвы» не печатает [127]. Л. Н. очень ахал. «Ведь это написано интересно, ярко, художественно. Ведь в этих газетах ничего подобного нет. А они, печатая всякую дрянь, вашей вещи все не печатают! Удивительно» <...>

1 октября. Я опять приехал в Ясную на побывку дня на четыре <...> Нашел тут тетку жены Т. А. Кузминскую, которая вносит много жизни и веселья. К сожалению, не застал здесь Репина, уехавшего накануне со своим «другом» г-жей Нордман. Сделал Репин портрет Л. Н. с С. А., который, по-моему, его кисти не достоин. Очень неудачное произведение. Л. Н. изображает из себя какого-то добренького, пьяненького, выжившего из ума, но слащаво умилительного старичка с наивными, широко раскрытыми глазами и сложенными в виде сердечка губками. Рядом сидит С. А., очень моложавая,— умильно на него глядя и подпирая пальцем щеку, как будто его внимательно слушает. Л. Н. мне тихонько сказал: «45 лет все жду этого, чтобы С. А. меня слушала и не могу этого добиться. Да и вообще, к чему это сочетание? Я и Репину об этом сказал» [128] <...>

Трудно теперь положение Л. Н. в Ясной. С тех пор, как ясенские ребята обстреливали при нападении ночью на капусту сторожей и затем приезжал по этому делу сам губернатор, ясенская усадьба взята под

охрану полиции. Помещены два стражника, из которых один всегда спит в передней. Стражники делают объезды ночью вместе с экономическими объездчиками, ловят порубщиков, производят обыски, словом, исполняют назначение полиции и наводят страх на округу. Ко Л. Н. нет-нет, да и приходят мужики с просьбами и жалобами. Часто встречается Л. Н. со стражником, который, вытягиваясь пред ним, молодецки отхватывает: «Здравия желаю, ваше сиятельство». С. А. при своей несдержанности и бестактности по нескольку раз в день бередит его рану, рассказывая о подвигах стражников и о пользе их пребывания в Ясной. Надо понять, как горячо и убежденно этот человек четверть столетия проповедовал на весь мир не только ненужность власти и необходимость непротивления, но и практическую легкость обращения человека при каких угодно условиях жизни в христианского анархиста. И вдруг на старости не только подвергнуться правительственной охране, но и не иметь возможности стряхнуть ее с себя! ⟨...⟩ Столкновение между тем, чему учил Л. Н., и тем, на что он теперь натолкнулся, должно быть мучительно и ему и его последователям, и как с его стороны понятны взрывы негодования и протеста, так со стороны С. А. понятны старания защитить жизнь своих слуг и собственность свою и своих детей ⟨...⟩ Л. Н. искренно огорчен теми колкостями и дерзостями, которые сыпятся на него и в печати и в письмах за то письмо, которое он напечатал в газетах по поводу того, что он собственности не имеет и просит не приставать к нему с просьбами о денежной помощи [129]. Виноват в этом несколько Чертков, который из этого письма вычеркнул ту фразу, которая доказала бы, что при том небольшом количестве находящихся в распоряжении Л. Н. денег невозможно удовлетворять ежедневные просьбы, доходящие иные дни до нескольких сот рублей. Но все-таки странно, что Л. Н. так огорчен. Он уже стал гораздо менее чувствителен к оскорблениям, нежели было прежде. На днях его обругали два мужика, и он рассказывает об этом с удивлением, но без горечи. Ехал он верхом и встретил двух подвыпивших мужиков, ехавших в телеге. При встрече с ним они осыпали его потоком ругательств, о которых Прутков выражается так: «И дальше больше с криком вящим язвят в колене восходящем» [130]. Так вот восходящее колено Л. Н. очень стало страдать. Л. Н. повернул лошадь, догнал мужиков и стал спрашивать: «За что вы меня ругаете?» Но как Л. Н. ни допытывался, он слышал все ту же ругань вперемежку с более печатными ругательствами вроде того, что «издохнуть тебе, старому чёрту» и т. п. Так и уехали, не выяснив причины этой ненависти ко Л. Н.

16 октября. Т. А. Кузминская при мне стала расспрашивать Л. Н. о том, как, по его мнению, мы будем на том свете относиться ко встрече с близкими нам людьми. Л. Н. улыбнулся и сказал: «Да ведь там друг друга мы не узна́ем».— «Почему ты так в этом уверен?» — спросила она. «Да по той причине, что ведь мы сейчас, тут, на этом свете, никого же не узнаём, а я думаю, что мы все жили раньше».

С год тому назад какой-то Гончаров из Подольска прислал Л. Н. ругательное письмо. О Гончарове Л. Н. и позабыл совсем, но вот на днях пришла из Подольска телеграмма, подписанная Гончаров: «Ждите гостя». Чрез несколько дней новая из Москвы: «Ждите. Гончаров». Очевидно, какую-нибудь пакость хотят сделать Л. Н. И вот все эти дни семья в волнении. Стражники тоже начеку. Но Л. Н. совсем не трусит и все так же спокойно и без всяких предосторожностей выходит к тем, которые его хотят видеть. Вообще я должен сказать, что мужество — одно из основных свойств Л. Н., и это я часто наблюдаю в разных более или менее мелких случаях его повседневной жизни.

24 октября. ⟨...⟩ Удивляюсь, что еще раньше митинги, устраиваемые Чертковым, не были прекращены. На этих митингах Чертков, очевидно,

проповедовал много такого, что не могло быть терпимо никакой властью, а нашей полицейской и тем паче. Даже из уст Л. Н. вырвалось замечание, очень ценное для характеристики деятельности Черткова. А именно, Л. Н., огорченный арестом Гусева и ставя этот арест в связь с деятельностью Черткова [131], заметил: «Очень мне понятно, что Чертков, жизнь которого во многом так не согласуется с тем, что он проповедует, слишком преувеличивал и пересаливал эту свою облюбованную им деятельность проповедования своих идей народу: усиливая свою проповедь, Чертков как бы держит в тени другие слабые стороны своей жизни».

Л. Н. проговорил это быстро и как бы про себя, но я так запомнил и так понял его слова, на которые обратили внимание и бывшие тут секретарша Ю. И. Игумнова [132] и кн. Е. В. Оболенская. А перед этим как раз было получено из Англии письмо от Черткова, который, описывая свое путешествие, извиняется болезненностью своей жены и еще какими-то и того менее основательными причинами, в том, что он проехался по Европе на luxus-zug'e, что обошлось чуть ли не в 1000 руб. 〈...〉

Начавшиеся и на Л. Н. нападки после его неудачного заявления о неимении собственности особенно разгорелись именно из-за того, что в своей частной будничной жизни он, Л. Н., пользуется постоянно тем благосостоянием, которое приобретается на деньги его же жены, а деньги ей переданы тем же Л. Н. Это ему пишут и в письмах, это и я ему сказал, когда он меня попросил ему объяснить, за что же его собственно ругают после напечатания этого злосчастного письма. Я ему рассказал тот анекдот, который о нем давно уже ходил, а именно, как он ехал когда-то по железной дороге и к нему в вагоне подошла какая-то девица из «кофточек» и у них начался следующий разговор:

Девица. Позвольте вас спросить: вы Л. Н. Т.?

Л. Н. Да, я Толстой.

Девица. Ах, как я счастлива, что вас встретила. Я давно хотела вас увидать и спросить у вас некоторые пояснения о деньгах, которые вы ругаете и необходимость которых отрицаете.

С. А. ТОЛСТАЯ

Фотография, 1900-е гг.

На обороте—портрет С. А. Толстой, набросок Л. О. Пастернака

Частное собрание, Москва

С. А. ТОЛСТАЯ

Набросок Л. О. Пастернака на обороте фотографии С. А. Толстой

Частное собрание, Москва

Л. Н. Что же вам хочется знать?

Девица. Вот вы говорите, что деньги не нужны. Ну, а на какие же деньги вы взяли билет, по которому едете?

Л. Н. Мне жена дала.

Девица. Ну, а вот говорят, вы сапоги шьете. Откуда же вы берете деньги, чтобы покупать товар, из которого вы шьете сапоги?

Л. Н. Мне жена дает.

В это время сидевший в углу какой-то офицер воскликнул:

— Однако вы все это ловко придумали!

Так вот я и старался объяснить Л. Н., что хотя этот анекдот, весьма возможно, и выдуманный, но что в обществе, интересующемся не только его писаниями, но и его домашней жизнью, всегда существовало раздражительное к нему отношение за то, что его слова часто расходятся с его делами.

Помню, что его семейный enfant terrible*, сын его Лева, задумал как-то написать роман под названием «Слова и дела», в котором он хотел бичевать своего отца и выставить ему в пример своего тестя, известного шведского доктора Вестерлунда, у которого будто бы дела никогда не расходятся со словами.

Что публика судит о Л. Н. так, как она судит, это понятно. Но что родной сын так же судит, это непонятно и во всяком случае доказывает поверхностный взгляд сына. Тот же, кто внимательно и вдумчиво относился ко Л. Н., неминуемо должен вынести то впечатление, что этот человек за последние 20—25 лет вынес на своих плечах громадную внутреннюю работу, и та перестройка, которая была им произведена в его внутренней жизни, должна была потребовать такого огромного духовного напряжения, которое уже одно вполне объясняет оставшиеся непеределанными части его многострадальной души.

---

* ужасный ребенок (франц.).

27 октября. К соседке Ясной Поляны А. Е. Звегинцевой приехали погостить две молодые дамы — дочь ее кн. А. Н. Волконская и племянница М. А. Болдырева. Л. Н. был у нее за это время раза два, когда навещал арестованного Гусева, сидящего в становой квартире в том же доме, где живет и Звегинцева. Сегодня Л. Н. собрался верхом с Д. Олсуфьевым [133] опять туда ехать, чтобы и Гусева навестить и к Звегинцевой зайти, но вызвал целую бурю негодования со стороны С. А., в которой вскипела ревность и которая обвинила его, что Гусев только предлог, а что самый тайный у него интерес — это видеть красивых, раздушенных, нарядных молодых петербургских дам ⟨...⟩

Чувство ревности — чувство весьма детально разработанное в семье Толстых. Сам Л. Н. по природе очень ревнив. Прежде это чувство находило себе пищу в его отношениях к жене, а затем он стал ревновать дочерей, преимущественно незамужних. Сейчас одна Саша незамужем, и недоверчивый, опытный, подозрительный старик зорко следит за ней. На днях приезжал сюда некто mister Perks, англичанин, привозивший демонстрировать какой-то новый Ремингтон Саше, предлагал его купить. Perks оказался неприятным гостем для Ясной Поляны. Высокий, стройный, в длинном, хорошо сшитом сюртуке, с длинными аристократическими пальцами, на длинных ногах, обутых в модную обувь с длинными носками, с длинным красивым носом, этот молодой человек, к тому же глядящий на Сашу слишком мягкими масляными глазами, произвел на Л. Н. очень неприятное впечатление.— «К чему он приехал, на что он, кто его звал?»— обратился ко мне и Ю. И. Игумновой Л. Н. Саша тоже заметила неудовольствие отца.

Теперь снова Л. Н. увлекся деревенскими ребятами, но обучает их не только этике и религии, а и географии. Для этого пишет сам, готовясь к урокам, какие-то статейки. Спрашивал меня, нет ли чего подходящего. Я указал на «Ясную Поляну», для которой им же самим написано несколько статеек нужного для него содержания [134]. Он перечел и остался недоволен. «Ах, как глупо и плохо писал Лев Толстой,— заметил он,— плохо по изложению и глупо по содержанию. Там даже и патриотические чувства воспеваются».— «Да не только там, но и в позднейших произведениях Льва Толстого,— сказал я,— воспеваются патриотические чувства и в более определенной форме».— «Например?»— «Да, например, в „Войне и мире". Там есть фраза: „Счастлив тот народ, который, не рассуждая и не сомневаясь, берет первую попавшуюся дубину и гвоздит ею по голове того, кто вздумал забраться к нему"» [135]. — «Да неужели так и сказано?»— «Помнится, что так».— «Аха-ха», — заахал Л. Н., спускаясь с лестницы, чтобы отправиться на свою ежедневную прогулку верхом.

31 октября. Читал нам громко Л. Н. один рассказ Наживина «Мой учитель», навеянный теософическими верованиями индусов [136]. Там меня поразила одна фраза: «Если человек замурует себя в подземелье и умрет там, полный действительно великой мыслью, то мысль эта пройдет чрез гранитную толщу подземелья и в конце концов охватит все человечество». По окончании чтения, когда Л. Н. стал восхищаться мудростью описанного индуса, я спросил его, неужели он, Л. Н., согласен с вышеприведенным положением. На что Л. Н. ответил:

— Раз все могущество и вся сила в духовном, то материальное не может препятствовать проявлению этого духовного.

Я. Да ведь это мистицизм.

Л. Н. Называйте как хотите.

Я. Но все-таки материальное вы признаете необходимым для проявления духовного?

Л. Н. Может быть, это покажется парадоксальным, но я этой необходимости признать не могу ⟨...⟩

1 ноября. Я всегда избегаю столкновений со Л. Н., но сегодня между нами вышло то, что мой покойный сосед Картавцев называл dos à dos *. «И такое у них вышло dos à dos». Началось с того, что Л. Н. собрался ехать в Тулу к губернатору с ходатайством об освобождении Гусева из заключения. Я старался его отговорить, доказывая, что он с глупым и грубым губернатором может всегда наскочить на неприятность и что всякие ходатайства ни к чему не приведут, так как никакое правительство не потерпит революционной пропаганды, а Гусев, конечно, революционер, если он проповедовал то, что пишет в своей книге «Наша революция» его патрон, поставивший его тут, В. Г. Чертков [137]. Вот это и взволновало и рассердило Л. Н., так как он все это время доказывал, что правительство по глупости только преследует Черткова и лиц ему подобных, которые борются с революционерами и стараются их образумить. А это в сущности совсем, совсем не так. В книжке Черткова проводится та мысль, что средства, употребляемые революц⟨ионерами⟩, не только дурны, но и бесцельны, так как против бомб и браунингов правительство всегда может успешно бороться всякими имеющимися у него в руках средствами насилия, а что самыми успешными мерами для свержения правительства может служить то, что рекомендуется толстовцами: отказ от военной и иной службы, неуплата податей, словом, пассивное сопротивление. Таким образом, Чертков ничуть не борется с революцией, а борется лишь с теми средствами, которые употребляются революционерами и которые, по мнению Черткова, не могут достигнуть той цели, которую, очевидно, желает достигнуть и Чертков, т. е. свержения правительства. Это все равно, как если бы меня хотели выжить из этого дома насильники и применили бы пальбу, приступ, взрывы, а тут явились бы милые люди, желающие спасти свою душу, но и меня вместе с тем выгнать, и стали бы учить: «Да бросьте вы свои приемы, а слушайтесь нас: возьмем его измором; если не допускать к нему пищи, то, поверьте, он сам соберет свои пожитки и уберется куда-нибудь». Спрашивается: должен ли был бы я считать этих вторых за своих друзей или за своих врагов? Л. Н. все старался доказать, что я становлюсь на неправильную точку зрения, что следует смотреть на Черткова как на проповедника истинного христианства и что когда деятельность правительства не согласна с христианством, то правительство не имеет права бороться против обличений. Но ясно, что эти рассуждения страдают именно индивидуализмом, именно пристрастностью, личным, сектантским отношением к Черткову.

Поездка Л. Н. кончилась более благоприятно, нежели я думал: он не застал губернатора в Туле, а виделся лишь с умным и заискивающим вице-губернатором Лопухиным, который вряд ли что сделает, но наобещал много.

На днях уехал Д. А. Олсуфьев. Приятный человек, скромный, а главное, совершенно простой и ничего из себя не старающийся изобразить. При нем был получен ответ от П. А. Столыпина на письмо Л. Н. по поводу Г. Джорджа [138] ⟨...⟩ Несмотря на решительное отрицание спасительности Г. Джорджа, ответ Столыпина понравился Л. Н. Но мне не понравилось, как Л. Н. старался пред Олсуфьевым представить Г. Джорджа не в его настоящем виде, а в виде какого-то умеренного государственного человека, стоящего более чем кто-либо за земельную *собственность*. Мои возражения по этому поводу Л. Н. старался ослабить тем, что я очень мало знаком с Г. Джорджем ⟨...⟩

1908

23 января. ⟨...⟩ Л. Н. не раз передавал один рассказ Тургенева, который, странно, что нигде не встречается в его сочинениях. Едет Тургенев по

* Фигура в танце, когда танцующие поворачиваются друг к другу спиной (франц.). Здесь в смысле: смотрят в разные стороны.—*Ред.*

шоссе в Тулу на ямщике. Обгоняют они телегу. Баба правит. Сзади сидит пьяный мужик. Все лицо у него разбито, опухло и в синяках. Мужик хнычет. Ямщик, обгоняя мужика, повернулся к Тургеневу и, показывая кнутом на побитую физиономию, с некоторой гордостью произнес: «руцкая работа» ⟨...⟩

26 января. ⟨...⟩ Получил интересное письмо из Ясной Поляны от Ю. И. Игумновой. В Ясную приехал из Англии Чертков. Несмотря на неудачу проповеди Гусева, Чертков не унывает и желает продолжать пропаганду. Для сего он ставит на место Гусева какого-то молодого человека Плюснина [139]. «По словам Черткова,— пишет Ю. И.,— дело организовано так, что как только Плюснин будет арестован, на его место приедет кандидат, а когда арестуют кандидата, то приедет еще кандидат и т. д.». Организация неплохая, но только не могу я ей симпатизировать. Богатый Чертков платит бедным молодым людям 50 р. в месяц и посылает их на бой с правительством, рискуя сам во всяком случае менее, чем его наемники. Правительство, конечно, не может поступать иначе, как арестовывать этих чертковских condotieri, так как их проповедь заключается главным образом в том, что не следует податей платить и в солдаты идти ⟨...⟩

⟨*4—6 марта.*⟩ ⟨...⟩ я помню, как еще в 1876 г. я имел столкновение со Л. Н. ⟨...⟩ Это было летом, кажется в августе, и я встретился с ним в Черемошне, у его большого друга Д. А. Дьякова, моего дяди и соседа [140]. При мне Л. Н. стал высказывать те же мысли относительно сербской войны, общего энтузиазма и стремления идти в добровольцы, которые он вложил в уста Левина. Завязался спор. Я не помню хорошо, как я ему возражал; очевидно, я повторял слова тогдашних руководителей общественного мнения, Достоевского, Аксакова, Каткова. Спор разгорался все более и более.

Вдруг Л. Н. закричал петухом и убежал в сад. Потом я узнал, что когда он в споре кричит петухом (что-то Суворова напоминает), это значит, что он находит, что его противник говорит такие глупости, на которые не стоит возражать человеческим языком. Через некоторое время Л. Н. вернулся из сада успокоенный и очень мило и ласково просил у меня прощенья за то, что погорячился ⟨...⟩

31 марта. Умер мой дядя (муж сестры моей матери) А. М. Жемчужников ⟨...⟩ Он был поэт, Л. Н. не признавал в нем никакого поэтического дара и даже самого примитивного понимания поэзии. Он считал, что все, что пишет Жемчужников, это рифмованная скучная и никому не нужная проза. Но я думаю, что Л. Н. тут, как с ним часто бывает, слишком строг и требователен. Л. Н. признает всего пять поэтов — Пушкина, Лермонтова, Баратынского (за его «Смерть»), Фета и Тютчева ⟨...⟩

⟨ЯСНАЯ ПОЛЯНА⟩

9 апреля. Вчера приехали в Ясную Поляну. Без особого труда добрались на розвальнях с Засеки до дома. Путь еще держится. Это запоздалое таяние неожиданно и исключительно. Сам главный старожил Л. Н. такой весны не запомнит. Нашел я его физически бодрым и здоровым. От своего предостерегающего обморока он совсем оправился. Заметно только бóльшее ослабление памяти. Но в душе его, мне кажется, происходит какая-то перемена. Стал он более замкнут, задумчив, грустен. Нет прежнего интереса к самым разнообразным проявлениям жизни. Мало расспрашивает, рассеянно слушает.

12 апреля. С месяц тому назад со Л. Н. был обморок и затем временная потеря памяти. Сегодня за обедом это повторилось, хотя не было полного обморочного состояния. Он дурно ночь провел от мучившей его изжоги, с утра чувствовал себя нехорошо, лег спать днем, крепко спал,

встал, пошел пред обедом пройтиться. К обеду пришел, запоздав немного, и сначала принимал участие в разговоре. Спросил у меня, что́ я знаю о причинах прилива и отлива в океане. Затем, когда я начал говорить об «Jeanne d'Arc» Anatole France, спросил меня, как на нее смотрит автор, как ее понимает[141]. Потом разговор перешел на приволжских болгар. Мой шурин Лева спросил меня, что́ я про них знаю. Я стал рассказывать о болгарах. Затем говорил я о каменной и бронзовой эпохе, но тут уж Л. Н. никакого участия в разговоре не принимал. Вдруг сидевшая с ним рядом С. А. встала, подошла к Душану Петровичу и сказала ему: «Посмотрите, что со Л. Н., ему что-то плохо». Все обратили внимание на Л. Н. Он сидел бледный, с посиневшим носом и, видимо, плохо понимал, что кругом него говорилось. Д. П. стал уговаривать его прилечь. Л. Н. воспротивился: «Да что вы, со мной ничего, я просто очень крепко спал, так крепко, что, когда проснулся, все забыл; тут был брат Митенька (умерший тому назад лет 50), не знаю, во сне или в действительности». Все взволновались и не знали, что́ делать. Л. Н. пытливо и напряженно стал поглядывать кругом. Потом он ласково посмотрел на сидевшую с ним рядом и испугавшуюся Таню и потрепал ее по плечу: «Ничего, ничего, все так и должно быть»,— проговорил он. Бледность все увеличивалась. С. А. все настойчивее его уговаривала встать и уйти. Л. Н. ел машинально и, вероятно, старался сохранить умственное равновесие. Он внимательно поглядывал на сотрапезников, на лицах которых были ясно видны смущение и тревога. Он, очевидно, путался, старался понять, кто и откуда явился, и проверял ясность своего понимания. «Ты куда едешь?» — обратился он к Леве.—«В Петербург».— «С женой?» — «Как с женой? Дора ведь в Петербурге».— «Ах, да, да».— «А это Анночка[142] сидит?».— «Да, это я, дедушка».— «Да когда же ты приехала?»— «Я уж тут с неделю, дедушка».— «Вот как!» — «А я действительно очень странно себя чувствую,— проговорил Л. Н.,— очень странно». Голос его был тонкий, жалкий, слышалась беспомощность и смущенность. Обед пришел к концу. Л. Н. легко и без усилий встал. Д. П. подскочил и хотел взять его под руку. «Да нет, нет, что вы, я ведь ничего»,— сказал Л. Н., уклоняясь от услуги Д. П., и прошел в кабинет, где его уложили на диван 〈...〉

13 апреля. Вчера вечером Л. Н. вышел из своей комнаты, уселся в кресло и стал беседовать. Сначала все шло хорошо. Говорил, что он чувствует себя прекрасно, что нечего за него тревожиться и что ему кажется, что состояние его здоровья совсем неплохое. Но, посидев немного, он снова стал путать. Видимо, ему трудно было следить за разговором и понимать, о чем идет речь, преимущественно, когда упоминались имена людей, образ которых он не в силах был вызвать в своей памяти. Особенно все смутились, когда оказалось, что он совсем забыл, что сын его Андрюша был раньше женат и с женой развелся. «Да кто же была его жена? Где она? Что с ней сталось? Почему развелся? Ничего, ничего не помню! Да не может быть, чтобы он был раньше женат. Удивительно, что я об этой жене ровно ничего вспомнить не могу». Это полное забвение Ольги Дитерихс очевидно его смущало, и он несколько раз возвращался к попыткам вызвать в своей памяти хоть что-нибудь о ней. Наконец его уговорили идти спать.

Сегодня утром проснулся бодрый и свежий. Вышел в халате, горячо поговорил о поэзии, признавая эту отрасль литературы самой низкой, так как великий дар — слово — дан человеку для духовного общения, а поэт мысль калечит, втискивая ее в тесные формы ритма и рифмы. Даже такой великий поэт, как Пушкин, который как будто не сочинял стихов, а говорил стихами, почти так же, как мы говорим прозой, даже такой мастер и тот ведь, конечно, сидел, трудился, перечеркивал, подбирая рифмы, и невольно наносил ущерб мысли в угоду ни на что не нужной форме. «Но ведь не

всегда же поэтическая форма вредна для мысли,— заметил я,— иногда она служит наоборот и более яркому пониманию мысли, к лучшему запоминанию того, что описывает поэт, будь то красота природы или движение человеческой души...».— «Ах нет, нет,— перебил меня Л. Н.,—для меня наоборот: переложи стихи на прозу, я лучше пойму и более оценю то, что хотел сказать поэт».

Можно не соглашаться со взглядами Л. Н. на поэзию, но нельзя сказать, чтобы эти рассуждения служили доказательством ослабления умственной деятельности. О вчерашнем Л. Н. говорит как о чем-то, оставившем в его голове чрезвычайно смутные воспоминания.

14 апреля. Вчера — Пасха 〈...〉 Сам Л. Н. не преминул пустить несколько ядовитых замечаний по поводу воскресения. «Помимо невозможности воскресения с физической точки зрения, как можно допустить, чтобы Христос воскрес только для того, чтобы сказать несколько глупостей, половить рыбу и затем исчезнуть!?» 〈...〉

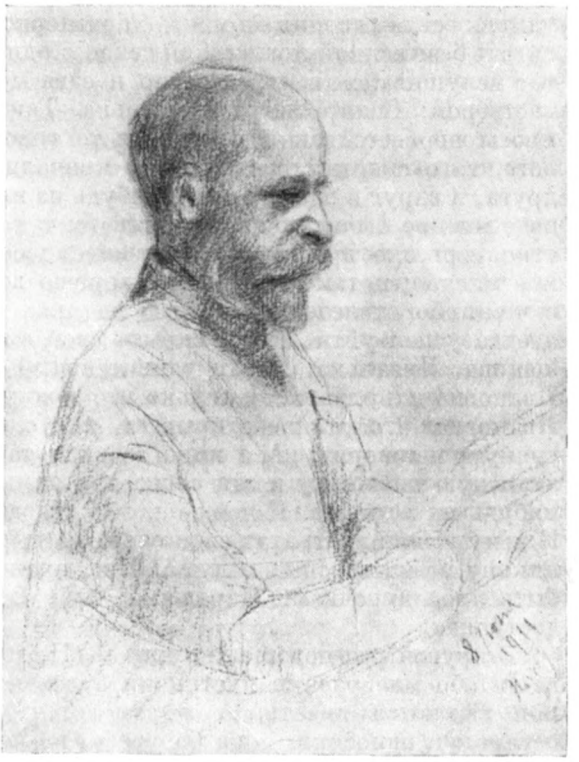
А 26 лет тому назад я помню, что я зашел к Толстым, жившим тогда еще в Денежном пер., в первый день Пасхи с визитом. В зале со мной встретился Л. Н. Я заколебался, как его приветствовать. Но все-таки я произнес «Христос воскрес» и двинулся к нему, чтобы его поцеловать. Он остановил меня рукой: «Милого Мишу Сухотина с удовольствием поцелую, но при чем тут Христос, не понимаю, а еще менее того понимаю, как он мог воскреснуть». И затем ласково меня поцеловал.

26 апреля. 〈...〉 В Ясной нашел Л. Н. снова в прекрасном и бодром виде. Все переправляет свою последнюю статью, которой очень доволен, но которая, по-моему, есть повторение уже не раз высказанного, но написана она более слабо и более спутанно, нежели предшествовавшие ей статьи [143]. В этой статье особенно заметно, насколько Л. Н. полевел за это время. Например, Л. Н. в ней говорит, что и правительство и революционеры поступают дурно, но что революционерам простительнее, так как их злые деяния смягчает тот риск, которому они подвергаются. Совершенно то же самое говорится в статье, писанной с год тому назад к правительству и революционерам, с тою разницею, что тогда Л. Н. извинял более правительство, так как оно действует по инерции, и его представители свои взгляды унаследовали от своих предшественников. Ждет Л. Н. своего любимца Черткова, который снимает под себя три дачи на Засеке, пока его palazzo в 30 комнат будет строиться в Телятинках 〈...〉

9 июля. Вчера приехал с Таней на два дня в Ясную. Л. Н. меня поразил своим бодрым видом. Головой тоже очень свеж, и никакого прежде замечавшегося утомления и угнетенности как не бывало. Прочел здесь его коротенькое письмо к священнику Соловьеву (законоучителю Лицея цесаревича Николая), написанное в ответ на длинное письмо священника, выражавшего свою благодарность, что Л. Н. отказался от юбилея, который, конечно, во многих возбудил бы вражду и негодование против юбиляра. Я письмо Л. Н. при сем прилагаю [144] 〈...〉

12 июля. Хотя я пожил в Ясной Поляне немного, я все-таки успел здесь набросать для приготовляемого к юбилею Л. Н. альманаха, задуманного Сергеенко, статью под названием «Киевское шоссе» [145]. Приурочил я к этому шоссе анекдоты и мои воспоминания о Л. Н. Прочел самому юбиляру — одобрил. Но не одобрил слушавший это Чертков. Жалует царь, да не жалует псарь. Очень Чертков на меня напал. Как я смел в своей статье вспомнить о том, как Л. Н. относился года два тому назад безо всякой симпатии к революционерам и несколько извиняя правительство и как Чертков это нежелательное настроение Л. Н., приехав из Англии, окончательно переделал. Это потемнение Л. Н. произошло будто бы по той причине, что на него слияли дворянские симпатии и антипатии лиц его окружавших, пичкавших его ложными и тенденциоз-

Д. П. МАКОВИЦКИЙ
Рисунок Т. Л. Сухотиной-Толстой
1911 г.
Музей Толстого, Москва



ными сведениями и проч. и проч. ⟨...⟩ Я пошел ко Л. Н. и предложил ему моей статьи не печатать. Но он просил меня не стесняться преувеличенными опасениями Черткова, тем более, что «это правда» ⟨...⟩ На этот раз в столкновении Черткова со мной Л. Н. не стал потакать фантазиям Черткова, но вообще влияние, которое проявляет Чертков над Л. Н., поразительно. Л. Н. до того любит Черткова, что боится ему противоречить, чтобы его не огорчить, а Чертков пользуется этой любовью и заставляет Л. Н. поступать так, как Черткову хочется. Придумал Чертков уговорить Сытина издать альбом с картинами Орлова. Орлов это малоизвестный художник, картины которого страдают крупными недостатками техники, но трогательны по своей любви к простому народу и блещут иногда замечательным юмором. Л. Н. очень любит Орлова. Кроме того, Орлов очень беден, имеет 9 человек детей, а заработка не имеет. Сытин согласился издать альбом под условием, что Л. Н. напишет предисловие. Л. Н. согласился и написал прелестное по глубине чувства и тонкости анализа предисловие. Но только Л. Н. не упомянул о последней картине Орлова «Телесное наказание», во всех отношениях неудачной и могущей испортить все впечатление, предполагая предложить Сытину не включать ее в альбом. Чертков воспротивился и не только настоял на издании этой картины совместно с прочими (что, очевидно, послужит во вред Орлову), но и заставил Л. Н. написать и об этой картине лестный отзыв и вклеить его в уже написанное предисловие [146].

Вчера Л. Н. собрался съездить верхом к А. Е. Звегинцевой. Черткову этот визит к черносотенной даме пришелся не по вкусу, и я слышал, как он учил Л. Н., как ему там себя вести, что́ и как говорить даме. Л. Н. поддакивал и обещал поступать по рецепту Черткова. Как-то обидно становится за Л. Н. ⟨...⟩

Л. Н. находится в так называемом гинофобном настроении. Все ходит и подсмеивается над слабыми сторонами женского ума. «Все

удивляюсь,—говорил он мне,—характерной способности женщин перепрыгивать безо всякой логической связи с одного предмета на другой. Вот сейчас вслушивался в их разговор и едва мог удержаться от смеха. Сидели вчетвером: Соня, сестра Машенька, Таня, Лизанька. Поднимали вопросы первостепенной важности: то говорили о бессмертии души, то о боге, то о смертных казнях; все кричали, перебивали, не слушали друг друга, и вдруг в разговор кто-нибудь из них вставит ни к селу, ни к городу свое мнение о новомодном рединготе; тут все кидаются на рединготе страстно, серьезно; при этом каждая имеет свое определенное горячо отстаиваемое мнение; потом, не успеешь хорошо вслушаться, опять идет разговор о чем-либо отвлеченном. А вот на днях они меня так рассмешили, что я едва успел уйти, чтобы скрыть свой смех. Говорили Соня, сестра Машенька, Лизанька. Несли удивительный вздор. В стороне сидела Юлия Ивановна и молчала. Я только что подумал, как умно поступает Юлия Ивановна, что рта не открывает, как слышу она при каком-то споре о висмуте и говорит: „А я никогда висмута не принимала". Я вынул свою записную книжечку и эти слова для памяти записал. При случае куда-нибудь их вставлю. К чему она это сказала? Кому это интересно знать? К чему женщины тратят свои слова на выражение ни к чему не нужных и никому не интересных мыслей? Нет, право, всем женщинам следовало бы быть либо дурочками Парашами, либо Верами Фигнер: середина им недоступна».

В другой раз подошел ко мне Л. Н. и говорит: «Вот вы всё тут собираете обо мне разные пустяки и будете их печатать; иные и биографии мои пытаются писать. А я вам вот что скажу: все биографии будут неверны и однобоки, пока биографы не возьмутся за самое существенное в моей юности, за то, что оказало громадное влияние на всю мою дальнейшую жизнь, я говорю о моих отношениях с женщинами. А это, конечно, в самом главном останется для биографов неизвестным, да, по правде сказать, и писать не все удобно. Конечно, со времени женитьбы я не имел с посторонними женщинами плотских сношений и не предавался разврату».— «Но ведь вопрос о разврате,— заметил я,— всегда возможен даже в примерной на вид семейной жизни. Ведь и отношения с женой могут носить в себе характер большего или меньшего разврата». — «Конечно, конечно,— перебил меня Л. Н., — те или иные плотские отношения с женой имеют огромное значение во внутренней жизни каждого человека» 〈...〉

Из записок С. А. запомнил два метких замечания Л. Н. Говоря о сыне Илье, он сказал: «Постоянные шуточки Ильи мне не нравятся: это приправа к тому, чего нет». Говоря о самоубийстве, он выразился так: «Покушение на самоубийство — это попытка проснуться».

22 августа. Сегодня ночью приехали в Ясную М. Стахович, Таня и я. Стахович заезжал к нам в Кочеты, где пробыл один день, затем мы отправились вместе в Ясную, а отсюда Стахович и я собираемся ехать к Хомякову. Сегодня день рождения С. А. Гостей мало. Л. Н. все еще в постели от закупорки вены на ноге. Имеет вид весьма больной. Напоминает мне самого себя в Гаспре во время болезни. Такой же слабый и куда-то вдаль уходящий взгляд, который так прекрасно схвачен и запечатлен на портрете, сделанном Ю. И. Игумновой (находится у Саши). Когда я вошел к нему, он произнес слабым голосом: «Вот, кажется, еще раз получил отсрочку». Посидел я с ним и вынес очень приятное впечатление от его ровного, мирного и мягкого настроения. Но только исходный пункт этой благожелательности, возможно, что следует искать не исключительно в его чувстве любви к окружающим людям, а скорее в постепенно увеличивающемся равнодушии куда-то уходящего человека, занятого своими сокровенными помыслами, в равнодушии к тем интересам, которыми

наполняется жизнь близких ему людей. А кругом его бушуют страсти, разгораются ненавистничанья, кипят взаимные пререкания. Интерес дня — фельетон Меньшикова, письмо по этому поводу С. А. и ответ Меньшикова [147]. Ругают Меньшикова и не хотят видеть, что Меньшиков тут не при чем, а кругом виноват Чертков, затеявший этот бестактный сбор фонда на выкуп Ясной Поляны у детей Толстого для раздачи земли мужикам 〈...〉

23 августа. Л. Н. действительно возвращается к жизни, на короткое, вероятно, время, но возвращается. Очень, очень он мягок и трогателен. Он и раньше часто напускал на себя мягкость, но всегда чувствовалось, что это результат внутренней работы, напряженной перестройки своего нутра, победы над своей природой. Поэтому в этой мягкости всегда чувствовалась некоторая деланность, и сквозь эту мягкость нет-нет, а прорывалась старая властность, старая гордость, старая требовательность. Теперь этого нет. Очевидно, как à force de forger on devient forgeron*, так постепенно по мере работы над собой не только получаешь внешний окрас вырабатываемых качеств, но эти качества к концу концов во всей своей полноте просасываются на самое дно души и вытесняют своих антиподов.

Не говорит Л. Н. больше о смерти, не старается больше убедить окружающих, что он смерти не боится. И это хороший признак. Это признак того, что он действительно победил всякий страх смерти и ему незачем больше убеждать в этом ни себя, ни других.

Но живучесть его изумительна. Он ведь был еще несколько дней тому назад очень плох. Кроме закупорки вены на ноге, большая слабость, перебои, ослабление сердечной деятельности, начало какого-то процесса в легких, и даже начало отека (sic!) легких, все это было весьма угрожающе, и все это прошло и проходит 〈...〉

Л. Н. очень интересно рассуждал на тему о сновидениях. По его мнению, во время сна могут действовать все стороны человеческого духа, кроме одной: совести. Человек может и мыслить (сам Л. Н. иногда сочинял во сне, а затем, проснувшись, записывал им сочиненное), и соображать, и любить, и радоваться, но только не может делать одного: чувствовать нравственную ответственность за свои поступки 〈...〉

Мих. Стахович старается. И острит, и комплиментами сыплет, и находчивость свою выказывает, словом, чаще, чем когда-либо, приходит на память сравнение, когда-то сделанное Л. Н., Стаховича с обойщиком. Как обойщик во время своей работы держит за щекой много мелких гвоздиков, которые он по мере надобности вынимает изо рта и ловко и быстро вгоняет туда, куда нужно, так Стахович поступает с целым запасом острот, любезностей, намеков, которые он то и дело легко и ловко пригоняет именно туда, куда следует 〈...〉

28 августа. 〈...〉 Приехав сюда, в Ясную, после полудня, мы попали в самый разгар юбилея: подарки, письма, телеграммы, сыновья (кроме Левы) с женами, несколько толстовцев, гостей чужих немного. Общий тон более семейный и мало политический, показной, что очень приятно. По случаю слабости юбиляра никого к нему из чужих не пускали, исключение сделано было для Mr. Right [148], привезшего адрес от 700 английских литераторов. Нехорошо было то, что никто не подумал о тех людях, которые большею частью пешком шли к дому из Тулы или со станции и ни с чем, даже без ласкового слова, возвращались назад. Юбиляр мне очень понравился своей особенной простотой и ласковостью. К обеду его вывезли в кресле. Он сидел за отдельным столом. Когда подали шампанское, он просил к нему не подходить с поздравлениями, а сам произнес маленькое приветствие, в котором выразил радость, что всех нас видит. Нас за столом

* привычка ковать делает кузнецом (франц.).

было 22 человека, и всё почти одни родные. Вечер Л. Н. провел, играя в шахматы и беседуя с нами. Рано лег спать. Когда он уже лежал в постели, я вошел к нему, чтобы проститься с ним, так как я на другой день утром уезжал в Кочеты. Я нагнулся к нему, чтобы с ним поцеловаться, и сказал: «Еще раз от души поздравляю вас». — «С чем?» — спросил Л. Н. «С хорошо прожитой жизнью»,—ответил я и поцеловал его руку, чего прежде никогда не делал. Л. Н. прослезился и произнес: «Да, да, я знаю, что вы меня любите». Я тоже заплакал и вышел из спальни ⟨...⟩

За это время много осуждений можно было слышать по адресу Л. Н. за эту бестактную выдумку Черткова собрать фонд и выкупить у детей Л. Н. Ясную Поляну для подарка ее крестьянам. И на это Чертков сумел получить не то согласие, не то одобрение от Л. Н. Эта невозможная выдумка дала повод Меньшикову написать свою ядовитую статью, а статья вызвала грубый ответ С. А., а ответ С. А. вызвал дерзкий ответ Меньшикова. Вот уж подлинно пустынника и медведя изображают собой Л. Н. и Чертков ⟨...⟩

21 октября. Вчера Таня, Танечка и я приехали в Ясную. Ехали по морозу и снегу, из Кочетов до Благодатной на колесах, от Засеки до Ясной в санях. Как всегда, так и теперь я нашел Л. Н. после перенесенной им болезни поразительно посвежевшим и быстро оправившимся. С годами ⟨...⟩ он становится все добрее, мягче и радостнее. Для меня он становится все милее, и все более я чувствую к нему нежность и любовность. Вот окружающие его люди для меня не вполне приятны ⟨...⟩ Ежедневно приезжает и сам Чертков, который не только обожает Л. Н., но и командует им, а Л. Н. не только любуется Чертковым, но и слушается его во всем. Сегодня у Черткова несчастье. Его два раза уже поджигали, но неудачно, а сегодня подожгли с успехом, и все только что отстроенные службы сгорели дотла. Подозрение на двоих. Либо это сделал подрядчик, которому это было нужно сделать, чтобы скрыть пред ревизией все мошенничества, которые он наделал в постройке, либо один телятинковский мужик, которого подрядчик будто бы нанимал за 150 р. поджечь Черткова, но который от этого отказался, донес об этом Черткову и просил с него денег за *не*поджог. Чертков отказал, а мужик на это очень обиделся. Но кто бы ни поджог, Чертков все равно не будет доискиваться и виновного суду предавать не будет. Полный простор всякому желающему снова попытаться поджигать. Л. Н., конечно, очень огорчился, особенно отношением недоброжелательным мужиков, глазевших на пожар и не желавших принять участие в его тушении. На утро мужики пришли воровать из дымящегося пожарища разные вещи на глазах у толстовца Е. И. Попова, а потом явились к Черткову просить на водку. Вечером Л. Н. мне сказал: «Я сегодня впал в уныние: такой мрак, такой мрак меня охватил со всех сторон, куда ни взглянешь, всюду мрак. И только теперь я сумел освободиться от уныния, именно теми доводами, что мрак насылается на нас для того, чтобы мы боролись с ним» ⟨...⟩

Л. Н. пишет ответ какой-то сербке, который мне не нравится по своей бесцельности. Сербка плачет о том, что их окончательно заберут в свои руки и уничтожат их национальность швабы, а Л. Н. в утешение ей доказывает, что не нужно никакой национальности и что одинаково вредно ей, сербке, всякое государство, будь то турецкое, немецкое или сербское ⟨...⟩ [149]

23 октября. Л. Н. ездил с Сашей и со мной гулять, заезжали к Черткову. Л. Н. остался недоволен великолепием дома Черткова. Вернулся огорченным и вечером говорил: «К чему все это, эта роскошь, эти ванны, весь этот первый сорт? Я непременно все это ему выскажу. Я ведь никогда до сих пор внутри не был и не осматривал подробно этого дома».

13 ноября. 〈...〉 В Ясной Поляне жизнь идет по-старому, т. е. регулируется интересами, здоровьем и настроением Л. Н. Вечер свой Л. Н. всецело посвящает отдыху, так как за день он очень устает. После обеда он аккуратно играет со мной две партии в шахматы с переменным успехом. Затем часов до 11 вечера он играет в винт в пересадку. Его партнеры почти всегда одни и те же: Таня, Саша, я. Почти ежедневно к обеду приезжает Чертков. Для меня это самое неприятное время, так как этот любимый ученик вносит с собой какой-то дух уныния, и от его присутствия я испытываю гнет, имеющий своим источником сознавание мной преувеличенной по своей значительности роли этого сильного и вместе с тем крайне узкого человека, пропитанного, кроме того, сектантской мировой скорбью. Иногда приезжает он и днем. За глаза все его ругают, критикуют, рассказывают разные анекдоты об его неискренности в смысле несоответствия его толстовских взглядов с его жизнью богатого фантазера, пользующегося своими деньгами. В этих нападках отличается особенно Саша и ее приятельница Варя [150]. Защищает его одна Таня, а обожает его один Л. Н., при котором никто не позволяет себе никакой критики Черткова. Поразительно, как этот сын Зеведеев[151] забрал в руки учителя. Ему одному разрешены les petites entrées, т. е. ему дозволяется входить, когда ему угодно, ко Л. Н., несмотря на затворенные двери, несмотря на часы, отдаваемые Л. Н-м работе. Ему дозволено читать все то, что пишет Л. Н., и по его настоянию Л. Н. поступает со своими писаниями так или иначе. То заявление, которое Л. Н. уже давно (в 1891 г.) сделал о том, что его писания принадлежат всем, собственно говоря, ради Черткова потеряло всякий смысл [152]. В действительности писания Л. Н. принадлежат Черткову. Он их у него отбирает, продает их кому находит это более удобным за границу для перевода, настаивает, чтобы Л. Н. поправил то, что ему, Черткову, не нравится, печатает в России там, где находит более подходящим, и лишь после того, как они из рук Черткова увидят свет, они становятся достоянием всеобщим 〈...〉

16 ноября. Не надо быть особенно наблюдательным, чтобы постоянно натыкаться на те противоречия, которые представляет из себя не только жизнь, но и убеждения толстовцев. Их великий учитель, гигант по уму среди слабоголовых пигмеев, хотя и в значительно меньшей степени, но тоже страдает противоречиями. Его противоречия всего чаще проявляются между тем, что́ он проповедует, т. е. печатает, и тем, что́ он чувствует и высказывает в частных беседах 〈...〉

18 ноября. Вчера приехал из Петербурга Лев Львович, так называемый Тигр Тигрович. Л. Н. был болен 〈...〉 Мы у него сидели вечер, и был очень интересный разговор между отцом и сыном. Л. Л. говорил о том, как ему хочется начать какое-либо крупное дело, например, издание газеты, и этим делом наполнить свою жизнь.

Л. Н. Это значит учить других, как жить и что делать. Я все время с недоумением гляжу кругом себя и вижу, что, начиная со Столыпина, который считает, что он призван устраивать жизнь других, и кончая последним революционером, все о других заботятся и что-то все исправляют и чему-то учат, тогда как у каждого человека есть громадное дело, данное ему богом, заниматься своей собственной душой. Это дело всецело должно наполнить жизнь человека; и очищать свою душу от той грязи и мерзости, что наросла на ней, это самое важное дело жизни; и все время, отведенное нам, должно уходить на это дело.

Л. Л. Однако ты сам учишь же людей?

Л. Н. Я отвечаю на те вопросы, с которыми ко мне обращаются. А если и поддаюсь этому желанию учить других, то поступаю дурно.

Л. Л. Но ведь так хочется оставить что-либо после себя, создать что-либо.

Л. Н. Этому искушению поддаваться не следует.

Л. Л. Но ведь ты же создал «Войну и мир», и это создание останется после тебя?

На этот аргумент ad hominem Л. Н. ничего не ответил.

Л. Л. перевел разговор на заграницу.

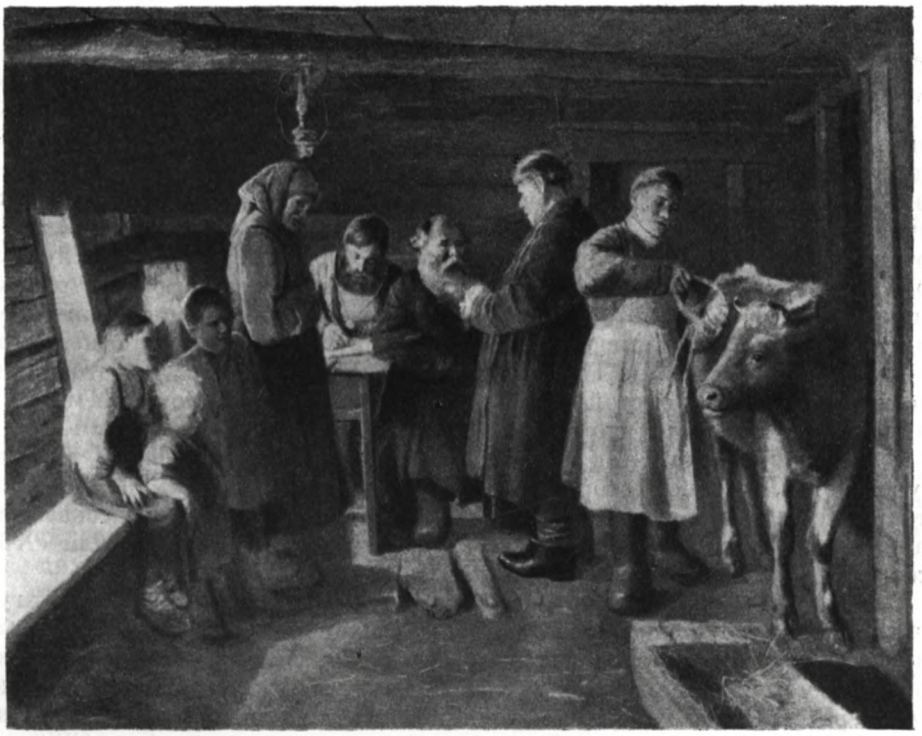
Л. Н. Вот вы все: и Дунаев, и Митя Олсуфьев, и ты,— все восторгаетесь заграницей и хулите Россию. Спора нет, там порядку больше, а у нас его нет. Но зато там под наружным порядком мертвечина, а у нас под нашей неурядицей жизнь кипит, слышишь и понимаешь, что там внизу под нами что-то подымается, что-то растет...

С. А. (*из другой комнаты*). Это у тебя, Левочка, в душе жизнь кипит, тебе и кажется, что всюду кипит, а в сущности ничего, кроме мертвечины, в России и нет.

〈...〉 Говорил Л. Н. и о том, как в современных людях исчезает смирение, то смирение, которое не есть в сущности добродетель, но без которого немыслима никакая добродетель. Я думаю, что это говорилось по адресу Льва Львовича, который страдает действительно болезненным самомнением 〈...〉

22 ноября. Вчера приезжала ко Л. Н. депутация от московского Общества грамотности для переговоров об устройстве в Ясной Поляне народной библиотеки имени Л. Н. Депутация состояла из председателя Общества кн. Павла Дм. Долгорукова, члена правления Е. А. Звегинцева и старого проф. Д. Н. Анучина 〈...〉 Анучин — самый что ни на есть кадет, так как состоит редактором «Русских ведомостей». Читает в университете географию и антропологию. Полон веры в науку, надежды на университет и любви к своей собственной персоне. На почве этой веры в науку у Анучина завязался горячий спор со Л. Н., принявший вскоре неприятный характер, так как Л. Н. стал раздражаться и говорить колкости, а бестолковый и наивный старичок безо всякой разумной цели со сладенькой и несколько задирающей улыбочкой продолжал приставать ко Л. Н. с вопросами, уличениями в противоречиях, доказательствами из научного, для Л. Н. совершенно чужого и отпетого, мира. Самая суть спора заключалась в том, что Л. Н. вертелся вокруг своего основного положения, что для всякого разумного человека важны вопросы из мира духовного, применимые к тому, как ему следует прожить ту жизнь, которая ему дана, а профессор старался доказать, что и вопросы, поднимаемые наукой, тоже могут интересовать разумного человека. Я боялся, что кончится скандалом, но Л. Н. во время сдержался, присмирел, а старичок и сам был рад дать отбой. Был еще и председатель Крапивенской земской управы Н. В. Игнатьев, державшийся с большим тактом, что было не легко, так как он попал в такую компанию, где представителю черносотенного земства чувствовалось наверно неловко. Один прямолинейный Чертков чего сто́ит. Его прямолинейность, попросту сказать, бестактность, проявилась вчера весьма подчеркнуто, и меня в жар бросало от стыда, когда он срамил своего обожаемого учителя, и все от избытка любви. Дело в том, что Общество жертвует на народную библиотеку от 1—$1^1/_2$ тысячи рублей, и весь вопрос заключался в том, как разумнее использовать эти средства и вместе с тем избегнуть возможных придирок со стороны администрации. Но вдруг Чертков попросил слова, и начал, и начал. Вся его речь сводилась к тому, что на народную библиотеку достаточно 200—300 р., а остальные деньги гораздо лучше Обществу употребить на покупку книг, которые были бы очень полезны самому Л. Н. Например, Л. Н. было бы очень приятно иметь Реклю [153] для всевозможных справок, хотя бы для обучения крестьянских детей географии, а между тем это сочинение одно стоит около 200 р. Сам же Л. Н. за неимением средств этой книги купить не в состоянии, да и никто ему этой книги не подарит. Конечно,

представителям Общества неловко было возражать на такое неуместное попрошайничество. Сам Л. Н. на речь своего фаворита ничего не возразил. Но когда я прощался с Долгоруким, которого проводил в его спальню, то услышал весьма недвусмысленное удивление на такой оборот дела. Можно было бы мне смягчить впечатление, заметив, что Чертков не Л. Н., но тут как нарочно подвернулся Л. Л. и, будучи тоже очень бестактен, стал говорить о том, что на Л. Н. Чертков имеет огромное влияние.



«НЕДОИМКИ»

Картина Н. В. Орлова, воспроизведенная в альбоме художника: «Русские мужики», изданном с предисловием Толстого (СПб., 1909)

Пришлось мне замолчать. Если бы я стал припоминать все те поступки Л. Н., которые вызывали наибольшее раздражение в людях, то оказалось бы, что они были совершены под давлением Черткова. Например, помещение в «Воскресении» главы с издевательством над обедней, письма по поводу того, что Л. Н. никому не может помогать, так как сам ничего не имеет, передача своих сочинений в исключительное распоряжение Черткова и т. п.

1909

⟨ЯСНАЯ ПОЛЯНА⟩

23 марта. ⟨...⟩ Л. Н. постарел за последнее время, хворал и не выходит гулять. Но духом бодр, а расположением духа приятен. Застал я Черткова на отъезде. Высылается административно из пределов губернии. Л. Н. молчит, но, конечно, в душе страдает; С. А. много говорит и, к удивлению моему, очень негодует ⟨...⟩ Вчера я прочел Л. Н. из «Нового времени», как ругают и Л. Н. и Черткова за то, что Л. Н. приезжавшему

поляку сказал: «Я не русский»[154]. Черткова и Л. Н. там сравнивают с о. Матвеем и Гоголем. Говорят о том, что в «Войне и мире» Толстой русский с головы до ног. Л. Н. заволновался. «И далась им эта „Война и мир“,— заговорил он.— Какая узкость понимания. Это все равно, как бывало под Новинским во время масленицы паяцы выскакивали на балкон и зазывали публику разными кривляньями идти в балаган. Может быть, бывали такие зрители, которые не хотели идти внутрь, говоря, что и без того паяцев видели. Нечто подобное делают те, которые уперлись на „Войне и мире“. Толстой в „Войне и мире“ показал весьма немногое сравнительно с тем, что показал потом. Вся суть Толстого в том, *что́* он писал после „Войны и мира“. Как интерес паяцев не в том, что они изображали на балкончике, а в том, *что́* представляли в балагане». — «Но вы забыли ту разницу,— заметил я,— что паяц, зазывая своими шуточками в балаган, знал, что самая суть будет в балагане и в чем будет эта суть, а Толстой, когда писал „Войну и мир“, думал, что вся его суть в „Войне и мире“ и совсем не предвидел, что из него потом выйдет». «Конечно, конечно,— сказал Л. Н., — в этом есть разница, но все-таки для тех людей, которые захотели понять сущность Толстого, „Война и мир“ сослужила роль приманки, без которой они, может быть, с Толстым и не ознакомились бы. Ну, а те, которые остановились на „Войне и мире“, никакого понятия о Толстом не имеют. Вот Баллу[155] писал то же самое о непротивлении, что и Толстой, но Толстой написал „Войну и мир“, и потому многие читают то, что Толстой пишет до сих пор, а Баллу „Войны и мира“ не написал и о нем мало кто и знает».

29 марта. Пасха. Как всегда, праздник в Ясной Поляне тосклив. Чувствуется, с одной стороны, какая-то ненатуральность, с другой,— оторванность от прочих людей. Л. Н. бродит по комнатам и рассказывает какие-то анекдоты, вроде того, что когда какому-то немцу сказали «Христос воскрес» он воскликнул: «Какой молодец!» 〈...〉

31 марта. Сегодня Чертков выезжает из пределов Тульской губ. Вчера приезжал прощаться. Видно было, как тяжело этому сильному, сдержанному, энергичному человеку расставаться со своим учителем, которого он так искренно и горячо любит. Сам учитель, по-моему, не с такой болью расставался с любимым учеником. Правда, всплакнул немножко, но скоро утешился, продолжал играть в шахматы, сел играть в винт, я думаю, что это не притворство, а то свойство старости, которое можно назвать не то равнодушием, не то отрешенностью. Явления не бороздят душу, не цепляются за нее, а скользят по поверхности и расплываются немедленно, как только становятся достоянием прошлого. Думаю, что так. А там кто знает: чужая душа потемки 〈...〉

Л. Н. кончил книгу «Русские женщины на эшафоте»[156]. Я стал ее читать. Разговорились об этой книге. «Все же,— заметил между прочим я,— нельзя отрицать, что в сердцах этих женщин иногда теплилась искренняя любовь к народу».— «Нет,— возразил Л. Н.,— я этого не вижу» 〈...〉

1 апреля. В феврале Л. Н. говорил Д. П. Маковицкому: «Вот увидите, я умру в марте». Не любит Л. Н. прорицать, а тут предчувствие пересилило его нелюбовь. Но вот сегодня 1 апреля, а Л. Н. жив. Видно, мартовские Иды для него не столь опасны, как были опасны для Юлия Цезаря.

5 апреля. Сел вчера Л. Н. за винт и начал ахать над приездом в Петербург японского принца Куни: «Ах, эти обеды по правую руку царя, эти показывания и ухаживания, эти притворные улыбки и любезности, как все это должно быть унизительно и противно проделывать. Меня все это еще волнует. Старые дрожжи сидят еще во мне: патриотические дрожжи, дворянские дрожжи, литературные дрожжи. Ведь история с Боснией меня

очень задела [157]. И к чему тогда тратить столько денег на такую огромную армию, если эта армия не способна воевать!»

6 апреля. Чертков наполняет собой все либеральные газеты. С легкой руки С. А., написавшей бестактное и фактически неверное письмо в газеты, где она доказывает, что Чертков всех любит и что его высылают по глупости, корреспонденты разных газет интервьюируют Черткова и с его слов продолжают писать такой же вздор. Оказывается, Чертков уничтожил какие-то революционные гнезда вокруг себя, и правительство должно было бы не выселять, а благодарить Черткова. Никакой пропаганды он не вел и книг запрещенных никому не высылал. Хирьяков в «Нашей жизни» от 2 апреля дошел до такой степени вранья, что пишет: «Из личных разговоров с Чертковым мы можем сообщить следующие подробности. Устроиться в другом месте с семьей ему нельзя, так как последние деньги (sic!) ушли на покупку земли и на устройство дома и хозяйства»[158].

Л. Н. на все эти статьи морщится и с неудовольствием заметил: «К чему лгать? Надо правду писать. Что делал Чертков, то делал. Стыдиться за него нечего» ⟨...⟩

23 апреля. ⟨...⟩ Нашел Л. Н. в очень хорошем виде. Особенно умственно он очень свеж. Читал мне большие письма, которые он написал по поводу воспитания, интеллигенции, права [159]. Хорошо, сильно и ясно написано. Видна прежняя мастерская манера опровергать и убеждать противника ⟨...⟩

26 апреля. Ездил со Л. Н. к Чертковым. По дороге заехали к одной бабе, у которой умер ночью неизвестный странник. Покойный лежал на полу, на соломе, лицо было прикрыто какой-то тряпкой. Л. Н. приказал открыть лицо и долго вглядывался в него. Лицо было благообразное, покойное. Тут же сидело несколько мужиков. Л. Н. обратился к одному из них:

— Ты кто такой?

— Староста, ваше сиятельство.

— Как же тебя зовут?

— Тимофей Аниканов.

— Ах, да, да,— произнес Л. Н. и вышел в сени. За ним последовала хозяйка.

— Какой же это Аниканов?— спросил Л. Н.

— Да Тимофей, сын Аксиньи, ваше сиятельство.

— Ах, да, да,— задумчиво произнес Л. Н.

Мы сели в пролетку.

— Да ведь у вас был другой староста, Шукаев,— произнес Л. Н., обращаясь к кучеру Ивану.

— Отставили, ваше сиятельство.

— За что же отставили?

— Очень слабо стал себя вести, ваше сиятельство. Пил уж очень.

— А этот не пьет?

— Тоже пьет, ваше сиятельство.

Я все время наблюдал за Л. Н. и никакого смущения в нем не заметил. Дело в том, что этот Тимофей — незаконный сын Л. Н., поразительно на него похожий, только более рослый и красивый. Тимофей — прекрасный кучер, живший по очереди у своих трех законных братьев, но нигде не уживавшийся из-за пристрастия к водке. Забыл ли Л. Н. свою страстную любовь к бабе Аксинье, о которой он так откровенно упоминает в своих старых дневниках, или же он счел нужным показать свое полное равнодушие к своему прошлому, решить не берусь.

У нас во время прогулки произошло несчастье. Когда мы подъезжали к Чертковым, при въезде в ворота Сашиной усадьбы пролетка застряла

в какой-то невозможной яме, лошади дернули, что-то затрещало и заскрипело. Оказалось, что рессоры не выдержали, лопнули и перевернулись. С трудом вернулись домой, перевязав веревками рессоры.

На возвратном пути много и приятно беседовали. Я рассказывал Л. Н. подробности смерти С. М. Мартыновой и выражал зависть и удивление тому, как она пред смертью оказалась православно верующей. Л. Н. заметил, что удивляться нечему, что религиозный человек может и в православии найти истинно религиозные основы, которые в нем заложены. «Вот редстокизм [160], казалось бы, менее православия пропитан религиозностью, но и в нем религиозные люди находят для своей души удовлетворение» 〈...〉

1 июня. 〈...〉 В Ясной Поляне я нашел Л. Н. недовольным собой за то, что не подал руки артиллерийскому полковнику Лубенцову, присланному Столыпиным (все-таки поездка Тани оказала влияние [161]) для расследования вопроса о виновности Черткова. Л. Н. приехал к семье Черткова, его встретили на крыльце, и вышел его встречать и приехавший на расследование Лубенцов. Л. Н. очень подчеркнуто ему руки не подал. Тот, говорят, покраснел, побледнел и был очень этим удручен. Потом Л. Н. имел с Лубенцовым с глазу на глаз беседу, где выяснил все свое негодование, что Столыпин [162], на которого он смотрит как на мальчика, сына своего старого товарища, считает себя вправе решать, виноват или не виноват такой человек, как Чертков! 〈...〉

Л. Н. поразил меня своей бодростью. Были бега в Туле, и он туда отправился верхом. Проездил три часа с чем-то, сделал около 30 верст, ехал много рысью, а вечером как ни в чем не бывало легко скользил по паркету (это особенный выступ Л. Н.) и говорил мне: «Вот С. А. все меня пугала, что я рассыплюсь. А я даже не чувствую, что верхом ездил». Так бодр, что даже собирается в Кочеты ехать, несмотря на протесты С. А. Жалуется на жизнь в Ясной, для него утомительную и беспокойную. Особенно допекают его просители, а из просителей те, которых он называет «пролетарии». Это в сущности те оборванцы, из которых составляются отряды максималистов, экспроприаторов и т. п. Они не довольствуются даваемыми им гривенниками, а часто желают вступить в разговоры и препирательства со Л. Н.

Неприятны ему также столкновения С. А. с мужиками из-за потрав, порубок и всяких чинимых ими пакостей. С. А. по невоздержанности своей не бережет ушей Л. Н., а все при нем громко излагает, грозит мужикам наказаниями, ругает их, ненавистничает, а Л. Н. ежится, морщится, а иногда и молит: «Ах, Соня, перестань!»

А на днях между супругами произошла история, напомнившая старые времена, история, о которой мне М. А. Шмидт [163] говорила: «Ах, милый мой, что тут было, что тут было! Два дня весь дом страдал от С. А., от ее неистовства и озлобления! И это называется любовь! Так любимого человека мучить и всех нас, всех, всех мучить!». А дело все разыгралось, как это ни странно сказать, на почве ревности. А еще более странно сказать, это то, что С. А. в сущности была права негодовать и ревновать. Так, по крайней мере, выходит из ее слов. Вот что она мне рассказывала.

Как-то недавно она стала копаться в бумагах Л. Н. (эту ревизию она время от времени производит), и попалась ей в руки тетрадь, ею никогда прежде не виданная, под названием «Диавол». Рукопись переписана Чертковым (значит, оригинал у него) [164], какого года — не помечена (кажется, давно написана). Это повесть, в которой необыкновенно ярко и подробно описана связь Л. Н. с Аксиньей Аникановой. Описана вся эта связь до того художественно, что очевидно не сочинено, а взято из того, что сам автор переживал. Все это бы ничего, если бы не было второй части связи, а именно описания соблазнов, которым подвергался герой после своей

женитьбы, когда стал опять встречаться с Степанидой (Аксиньей). Если он не вступил с ней в связь, так это лишь вследствие разных неблагоприятных для сего случайностей. Описана эта вторая, неизвестная для С. А. страница из связи Л. Н. с Аксиньей еще более ярко и жизненно, чем первая. Затем, почему Л. Н. от нее, С. А., эту повесть так тщательно и долго скрывал? Все это возбудило в С. А. деятельность потухнувшего уже волкана, и началась целая история [165] 〈...〉

Тут и Черткову досталось на орехи за «кражи рукописей», с угрозой, что сыновья зададут ему после смерти Л. Н. «Голубчик мой,— восклицала М. А. Шмидт,— как это С. А. не понимает, что Л. Н. не связь свою описывал, а просто сочинял, чтобы предупредить молодежь, чтобы сделать для них отвратительными такие грязные отношения с женщиной». Я не стал спорить с доброй и святой М. А., но согласиться с ней не мог, когда сам прочел «Диавола» 〈...〉 Да, меня поразил «Диавол» той силой таланта, которая в нем проявлена. Написан он старой, хорошей манерой Л. Н. времен его полного расцвета сил. Уже поэтому можно сказать, что повесть написана немало лет тому назад.

Сам же Л. Н. не говорит, когда он это писал, и отзывался пред С. А. запамятованием. Удивительный человек. Говорит мне: «Мне очень бы хотелось, чтобы вы прочли одну вещь, которую я написал, чтобы вы сделали свои замечания и сказали, что вы думаете. Я ведь очень дорожу вашими критическими замечаниями».— «Диавола?» — спросил я. — «Какого „Диавола"? Какого „Диавола"? — удивился Л. Н.— Ах да, понял, понял. Да нет, это такой какой-то вздор; а я прошу вас прочесть хорошую вещь, мою новую статью о неминуемом скором перевороте, который на место закона насилия поставит закон любви». Я прочел эту статью и, читая, все удивлялся, как это даже такой умный человек и такой тонкий ценитель чужих произведений, как Л. Н., в своем деле ровно ничего не видит и не разбирает. Статья оказалась вялой и беспочвенной маниловщиной, в которой описание отрицательной стороны современного строя представляет остроумное повторение не раз уже высказанного Л. Н., а пророческая сторона относительно будущего на воде писана и никакой доказательности в себе не носит [166].

Я, с риском навлечь на себя гнев автора, в таком смысле и сделал замечания, конечно, смягчив свои выражения. К удивлению своему, встретил одобрение и полное согласие автора с тем, что указанные мною места действительно слабы 〈...〉

Кочеты. 10 июня. Приехал 8-го в Кочеты Л. Н. с С. А. (на время), Гусевым, доктором Маковицким и камердинером Ильей. Очень приятно его видеть. Приветливый, довольный, мирный и вполне здоровый. Сколько прогостит, неизвестно. Конечно, Таня и я хлопочем и стараемся, чтобы все было хорошо и для него удобно. В мою жизнь, полную интересами terre à terre*, внезапно вторгнулись мысли и речи из мира отвлеченного и безусловно значительного.

3 июля. 〈Кочеты.〉 Уезжает сегодня мой милый тесть. Я подчеркнуто говорю *милый*, так как действительно его пребывание здесь оставило впечатление мягкости, деликатности и большой легкости совместной с ним жизни. Если бы не ревнивая при всяком удобном и неудобном случае моя теща, постоянно подпускавшая в письмах к своему мужу шпильки за то, что он нашел в Кочетах место, где ему живется лучше, чем в Ясной Поляне, то, конечно, Л. Н. отсюда еще долго бы не уехал.

Имел он свидание с Чертковым, которому Столыпин окончательно отказал в праве въезда в Тульскую губ. В пяти верстах от нас село Суворово, Орловской губ., и туда приезжал Чертков со своим фотографом-

* земными (франц.).

англичанином и остановился у Анны Егоровны [167]. На свидание с ним два дня подряд ездил Л. Н. Я тоже видел Черткова. Глядя на Л. Н. с Чертковым, вспомнил стихи:

Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвост [168].

О своем свидании со Столыпиным Чертков рассказывает в ироническом тоне, но мне кажется, что трудно было бы поступить Столыпину иначе ⟨...⟩

Много играли со Л. Н. в шахматы с переменным успехом, разыгрывая все один и тот же варьянт Муция в гамбите коня, причем я играл все время черными, а Л. Н. белыми. Играли почти ежедневно 2—3 партии, и играли бы еще больше, если бы не мое хозяйство, постоянно меня отвлекавшее, которое Л. Н. называл индусским словом «сансара», которое может быть переводимо словом «суета сует».

22 августа. ⟨Кочеты.⟩ ⟨...⟩ Попал в Ясную Поляну вместе с пианисткой Ирой Горяиновой. Это Wunderkind 11 лет. Играет под фамилией Энери. Мне испортило впечатление то, что я так много слыхал восторженных похвал на ее счет. Конечно, играет прекрасно, но все же восторгающийся ценитель считает нужным прибавлять: «К тому же, заметьте, что ей всего 11 лет». Ну, а такого рода слова меня расхолаживают. Был в Ясной кн. В. В. Тенишев, член Государственной думы. Мнения о нем различны. Одни говорят: «дурак», другие — «умница». По-моему, человек полосатый: благоразумный и вдумчивый при большой дозе наивности. Мне понравилось, как он вежливо и скромно, но очень веско сумел показать Льву Николаевичу слабые стороны Г. Джорджа, когда Л. Н. стал горячо доказывать, что Государственная дума поступает неумно, не прибегая к этому реформатору для разрешения земельного вопроса.

1 ноября. ⟨...⟩ Л. Н. стал оправляться от того глубокого обморока, который с ним случился после оваций, устроенных ему в Москве, которые так его потрясли [169]. Но оправился не вполне. При мне с ним случился новый приступ потери памяти, всех перепугавший. Но духом он мирен и благожелателен. Со мной чрезвычайно ласков. Как всегда, Ясная произвела на меня действие умиряющее.

Кочеты. 19 декабря. Уезжая на четыре дня, я попал сначала в Тулу на дворянские выборы, а затем заезжал на день в Ясную ⟨...⟩ Л. Н. заболел внезапно сильным жаром в 40 гр. Думали, что не вынесет. Но скоро оправился, и встретил он меня словами: «pas pour cette fois»*.

1910

⟨ЯСНАЯ ПОЛЯНА⟩

15 января. Мы приехали сюда из Кочетов 3 января ⟨...⟩ Л. Н. я нашел в прекрасном состоянии: свежим, бодрым и иногда даже веселым ⟨...⟩ Очень он носится со своим новым произведением «Сон» [170]. Но, по правде сказать, это очень плохо ⟨...⟩ Разговаривает Л. Н. гораздо меньше прежнего: более сосредоточен и душевно одинок. На днях, говоря о русской литературе, сказал: «Я знаю только трех серьезных писателей: Пушкина, Гоголя и Достоевского. Подавал надежду сделаться серьезным Лермонтов, да рано умер. Под словом — серьезный писатель, я понимаю такого, который занят серьезными вопросами жизни, вопросами религиозными. А ведь эти Тургеневы и Чеховы такими вопросами не интересовались.

---

* не в этот раз (франц.).

Они писали очень мило и хорошо, но серьезными писателями назвать я их не могу».

22 января. Вчера Л. Н., когда проснулся, оказался лишенным памяти. Забыл очень многое и так основательно, что не мог, например, припомнить своего внука Илюшкà, его сестру Соню и их мать, хотя они все живут с нами. Все старался сообразить, что это за люди, да так и не мог. Вернулась память к вечеру. Но слаб и угнетен. Сказал мне утром, когда я пытался напомнить ему *кто* и *что*: «C'est le commencement de la fin»*. Но, кажется, снова он получит отсрочку. Много кругом суеты, волнения и беспокойства. Сам Л. Н. на этот раз имеет вид растерянный и смущенный.

ТОЛСТОЙ У СУХОТИНЫХ В КОЧЕТАХ

Фотография, май 1910 г.

Рядом с Толстым (справа) В. Г. Чертков, слева Т. Л. Сухотина-Толстая, далее М. С. Сухотин и др.

Музей Толстого, Москва

31 января. Из посетителей Ясной за это время можно отметить И. Ф. Наживина и П. А. Сергеенко. Первый — приятный, симпатичный, недурной как писатель, неглупый как человек. Много интересного рассказывал о юге, где он теперь поселился (на берегу Черного моря). Так же, как и везде, отмечается то же озлобление, то же пьянство, та же готовность снова начать революцию при первом удобном случае, да не такую, как пять лет тому назад, а такую, чтобы нашего брата истребить с чадами и домочадцами. Вместе с тем полная потеря старой веры, но (по замечанию сектанта Наживина) искание новых путей в виде разнородного сектантства. П. А. Сергеенко 〈...〉 для моего удовольствия ругал Черткова, просил прощения за историю с письмом [171] и даже, предполагая во мне правоверного октябриста, расхваливал «Голос Москвы» как самую интересную, по мнению Сергеенко, газету. Сегодня был кн. П. Д. Долгоруков. Милый наивный кадет, приезжавший от московского Общества грамотности открывать в честь Л. Н. библиотеку в Ясной Поляне. Все обошлось честь честью, просто и трогательно. Даже появившиеся корреспондент и фотограф

* «Это начало конца» (франц.).

от «Русского слова» не испортили общего хорошего впечатления ⟨...⟩ Эртель был управляющий у В. Г. Черткова, и в прошлом году для большего распространения сочинений Эртеля, что составляло важный вопрос для его семьи, Чертков настаивал, чтобы Л. Н. написал что-либо вроде предисловия к сочинениям Эртеля, которые будто бы так знал и любил русский народ, и Л. Н. в угоду своему фавориту обещал ему это. Не понимаю только, почему он этого не исполнил [172] ⟨...⟩

24 февраля. ⟨...⟩ За это время было немало гостей, но гости все малоинтересные. Можно отметить Левина (вероятно, еврей), 25 лет тому назад покинувшего Россию, переселившегося в Норвегию, где обзавелся семьей и до того обнорвежился, что по-русски стал с трудом выражаться [173]. Рассказывал немало интересного о Норвегии. Подтвердил ходивший слух, что съезд мира в Стокгольме не состоялся не вследствие забастовки, а вследствие известия о приезде Л. Н. [174] Члены конгресса в большинстве очень далеки от анархических идей Л. Н., безусловно против отказов от воинской повинности и совсем не хотят раздражать правительства. А доклад Л. Н., конечно, раздражил бы не мало. Все это было ясно еще в то время, когда затевалась эта поездка, и надо было быть столь непонятливым и узким, как Чертков, чтобы уговаривать Л. Н. не только предпринять это путешествие, но и выступить со своим докладом.

Ведь именно этим основным различием в убеждениях и объясняется то, что французские парламентарии не поинтересовались заглянуть в Ясную Поляну и д'Эстурнель ограничился приветственной телеграммой издалека [175]. Да и в своей речи ловкий француз, хоть и вежливо, но весьма подчеркнуто заявил о том, что их пропаганда в пользу мира двигается совсем не согласно со взглядами Толстого. Была чета Молоствовых [176] ⟨...⟩

Л. Н. это время был удручен болезнью Саши. Думал, что умрет, и нередко, говоря о Саше, всхлипывал, не будучи в силах удержать слезы. Глядя на его расстройство, я с грустью думал о том, что вот и такой великий человек подпадает под власть экзажерации*. Экзажерация заключается в частом повторении на разные лады одной и той же мысли о желательности смерти. Смерть восхваляется не только с той точки зрения, что он, Л. Н., стар и что ему пора умирать (это могло бы быть понятно), но что вообще смерть не представляет для человека не только ничего страшного, горького, обидного, но, наоборот, что-то мудрое, прекрасное, целесообразное. Так это отношение и проявляется ко всякой случающейся смерти, так с этой именно точки зрения и уговаривает меня Л. Н. смерти не бояться и даже ничего не предпринимать, чтобы отсрочить ее. Но стоило только серьезно заболеть Саше, как Л. Н. обратился в самого обыкновенного отца, плачущего над дочерью, приблизившейся к этому будто бы счастливому переходу, в отца, с беспокойством расспрашивающего докторов о ходе болезни, о силах больной и т. п. (см. Молитва, «Круг чтения», 25 февраля).

Как-то за вечерним чаем в присутствии Молоствовых разговор о смерти вызвал Л. Н. на очень резкую и странную выходку. Л. Н. стал говорить о том, как хорошо умереть. С. А. на это сказала: «Только не для тебя, Левочка».— «Почему же не для меня?» — «Тебе так хорошо живется. Тебя все так любят». — «Мне хорошо живется?! Мне хорошо?! — воскликнул Л. Н., бледнея и задыхаясь от волнения. — Мне ужасно живется. Любят? Кто же любит? Когда кучер держит мне верховую лошадь, а тут же рядом моего выхода ждут разные оборванцы, что у них шевелится на сердце? Пора тебе проклятому старикашке подохнуть. Будет уж фарисействовать...» Дамы старались протестовать, пробовали перебить речь Л. Н. уверениями, что напротив, что совсем не так, но Л. Н.

---

* преувеличения (франц.).

разошелся и не обращал на дам внимания. — «Да, да, — продолжал он, — именно фарисействовать. Мне так и пишут в тех ругательных письмах, которые я получаю, и правду пишут. Эти ругатели, это мои истинные друзья, которые говорят мне правду, а не льстят. И умирать пора, пора, давно пора ... Ну, будет! Лучше поговоримте-ка о милой Казани», — круто повернул Л. Н. в сторону, обратившись к сидящему с ним рядом Молоствову. Эта сцена меня очень поразила. Поразила неожиданностью, поразила тем, что Л. Н. очень скрытен и не в его привычках открывать то, что у него на душе, особенно в присутствии таких малознакомых гостей. Слова Л. Н. подтвердили мое подозрение, что, несмотря на то, что прошли десятки лет с тех пор, как Л. Н., начав свою проповедь, решил тем не менее оставаться в семье и в прежних условиях жизни, — все-таки до сих пор сознание того, что что-то недоделано, что что-то совершено не так, как следовало бы, сидит в душе учителя жизни, и от этого сознания он мучается, и, несмотря на охватившую его старость, мысль о бегстве из дома, об исчезновении не покидает его. Объяснение того, что Л. Н. не сдержался и что не мог скрыть того, что у него накипело на душе, имеет его новый секретарь Булгаков.«Причины на то, что Л. Н. так разволновался, есть,— таинственно говорил он мне,— и веские причины, но сказать не могу, секрет, большой секрет». Вероятно, было получено какое-нибудь ядовитое и хорошо написанное письмо [177] 〈...〉

3 марта. Вчера был здесь философ Лев Шестов, написавший какую-то книгу о Толстом [178]. Он всем понравился: скромный, тихий, совсем не кривлялся и ничего из себя не представлял. Рассказывал интересно о полевении Мережковского.

5 марта. У Л. Н. всегда бывают очень яркие и своеобразные сны. Так, например, очень часто он во сне танцует. Как-то недавно видит он, что входит он к Глебовым [179], у которых бал, подходит к хозяйке дома, приглашает на тур вальса и начинает кружиться. При этом он переживает сложное чувство: некоторое молодечество, желание не ударить лицом в грязь, сознание, что все на него смотрят. Кончил Л. Н. вальс, который он протанцевал спокойно, отчетливо, впрочем с некоторым оттенком старческой игривости, и стал смотреть, как танцуют другие. Но другие не так танцевали. Так чудно́ вскидывали ногами, что у одной дамы ее собственные юбки закрыли ей голову. Л. Н. убедился, что его старинная манера далеко отстала от современной манеры.

Вчера Л. Н. во сне танцевал мазурку с какой-то толстой дамой. «И каблуками я так старательно прищелкивал, — рассказывал он, — и ноги на поворотах расставлял и снова очень ловко соединял, и все собирался стать на одно колено, а даму, как на корде, погонять вокруг себя, да не решался, боясь, а ну как я недостаточно быстро и ловко сумею вскочить снова на ноги». Л. Н. задумался. «Да,— примолвил он, — сны очень странное явление, и я много о них думаю. Мне за последнее время все более и более кажется, что жизнь есть сновидение, а что реальность там, за смертью, и я чувствую, что чем ближе я к смерти, тем более и более я просыпаюсь, и что когда начну умирать, начну окончательно просыпаться». Вчера на один день приезжал А. Б. Гольденвейзер〈...〉 Вечером А. Б. играл на фортепиано, и играл очень хорошо. Особенно ему удалось «Prière pendant l'orage»Chopin*. Л. Н. был очень взволнован. Успокоившись несколько, он стал говорить о том, что ему очень хотелось бы разрешить вопрос, способен ли простой, рабочий человек получить от этой пьесы наслаждение? Что ему очень хотелось бы решить этот вопрос в положительном смысле 〈...〉

6 марта. Л. Н. говорит снова о снах. Он удивляется, что в снах никогда человек не чувствует стыда и ответственности за свои поступки〈...〉

* «Молитва во время грозы» Шопена (франц.).

От констатирования этого факта Л. Н. перешел к предположению, что после смерти мы будем относиться к нашей земной жизни так же, как теперь относимся к снам, то есть наша нравственность настолько повысится, что мы с удивлением будем вспоминать о том, чего только мы себе ни позволяли в нашей земной жизни и что только ни принималось нами за нравственность.

Приехал М. А. Стахович на два дня. Давно здесь не был, так как дулся на С. А. за то, что она не дала фамильных портретов на устроенную им толстовскую выставку [180]. Как всегда интересен и блестящ ⟨...⟩

10 марта. ⟨...⟩ Застали мы в Ясной С. А. Стахович. Все такая же, умная, самоуверенная, крестится пред обедом подчеркнуто и размашисто, ест постное и боится оскоромиться, и при этом все так же боготворит Л. Н. и восхищается им и в глаза и за глаза. Л. Н. ее очень обидел, когда, прослушав мой рассказ о том, как Стахович и Таня в «Праге» приветствовали М. Г. Савину, совершенно неожиданно разразился целой филиппикой против актеров. Я даже не понял, почему он так разгорячился. Тут было негодование и на газеты, которые целые столбцы наполняли похоронами Комиссаржевской и юбилеем Савиной, и доказывание того, что искусство актерское не есть искусство, а есть чёрт знает чтó, и воспоминания о старых традициях, в которых вырос Л. Н., когда актеров дальше передней будто бы не пускали. Последнее было сказано несколько рискованно, а кроме того, обидно для С. А. Стахович. Во-первых, не знаю, о каком это времени говорил Л. Н., так как 30—40-е и 50-е годы были полны преклонениями пред Мочаловым, Щепкиным, Садовским, Рашель, Ристори и т. д., а во-вторых, отец С. А. и ее братья провели всю свою жизнь в ухаживаниях за театральными знаменитостями ⟨...⟩

13 марта. ⟨...⟩ М. А. Стахович за 2000 руб. приобрел у наследницы гр. А. А. Толстой (двоюродной сестры отца Л. Н.) письма Л. Н. к этой тетке, недавно умершей, и предисловие, написанное А. А. Толстой к этим письмам [181]. Трудно себе представить, насколько эти письма интересны. Нам их читает громко по вечерам С. А. Стахович. Относятся они к 50—90-м годам, и Л. Н. обрисовывается в них совсем не чужим человеком для настоящего Л. Н., а человеком, весьма близким и не только по уму, но и по душе. Когда-то Л. Н. говаривал: «Самый чуждый для меня человек это Лев Толстой». Теперь уж он не может этого сказать, да и не хочет, так как та духовная близость, которая чувствуется им самим к молодому человеку и начинающему писателю, из которого образовался современный нам Лев Толстой, радует и умиляет его.

Но еще интереснее самих писем это предисловие к ним. К сожалению, Л. Н. почему-то не хочет, чтобы с этим предисловием познакомилась Софья Андреевна, а потому его громко не прочли, а мне он его дал прочесть, и я торопливо, чтобы не отнял Л. Н., потратил три-четыре часа на прочтение этого интереснейшего документа. Я говорю документа, так как это предисловие со временем (скоро не сочтут возможным его напечатать) даст самый драгоценный и красочный материал для биографии Л. Н. По мнению Л. Н., гр. А. А. его любила любовью старой девы к молодому человеку, бывшему на восемь лет ее моложе. Может быть и так. Но во всяком случае она его искренно и горячо любила, «любила его душу», как она пишет сама, и глубоко страдала, когда он, отвернувшись от церкви, начал проповедь своего учения. Вот описанию этой борьбы двух горячих, искренних и упорных натур и посвящено предисловие. И чего-чего там не найдешь. Сколько остроумных замечаний, метких характеристик, художественных описаний! Жалею, что я гр. А. А. мало знал и не искал сближения с нею. Как верно следующее ее замечание: «Л. Н. часто увлекался мнением людей, стоящих неизмеримо ниже его в нравственном отношении, но которые хоть чем-нибудь входили в его колею...» (стр. 32). О письмах, полу-

чаемых Л. Н., она пишет: «Стоило только ему найти в них свою излюбленную нотку, чтобы восхищаться самой непроходимой чепухой» (стр. 38). Чрез 20—30 лет после того, как это было написано, мы видим Л. Н., отличающегося той же падкостью на то, чтобы повторяли его мысли и слова, и уже самый факт повторения исключает вопрос об искренности или неискренности повторяющего. На этой особенности Л. Н. основана снисходительность к Сергеенко и расположение к Буланже, с забвением всех его низких проделок 〈...〉

В предисловии А. А. не раз возвращается к гордости Л. Н. Не могу я вполне с этим согласиться. Во всяком случае гордость, которая будто бы руководила всем духовным переворотом Л. Н., весьма преувеличена. По этому поводу интересно одно письмо Л. Н. к А. А., приводимое в предисловии, в котором Л. Н. весьма смиренно убеждает ее, что ее вера несравненно приятнее, удобнее, покойнее, чем его вера, и если он отказался от возможности признать столь спасительное и столь удобное искупление, то, конечно, оттого, что решительно не мог больше его признавать. Я не спорю, что гордость у Л. Н. велика, но нельзя все и вся объяснять этой гордостью. Доброта Л. Н. тоже, по-моему, преувеличена. Я думаю, что та доброта, которая теперь весьма ярко выступает, не есть свойство его природы, а приобретена той духовной работой, которая вот уже лет 30 наполняет его жизнь. Раньше вряд ли Л. Н. был добр, по крайней мере, когда в нем проглядывает его ветхий Адам, то не добротой этот Адам отличается. Интересно у А. А. описано ее свидание с Достоевским, приходившим к ней, чтобы потолковать с ней о духовном перевороте Л. Н. Она ему читала письма Л. Н. по этому поводу, причем он хватал себя за голову и вскрикивал: «Не то! не то!» Письма эти Достоевский унес с собой, кажется думая писать Л. Н., но через пять дней А. А. увидала Достоевского уже на столе. Передан интересный разговор с Тургеневым, не имевшим никакой религии и не интересовавшимся религиозными вопросами. Перелом в литературной деятельности Толстого приводил Тургенева в негодование. Язык, которым стал писать Толстой со времени своего обращения, Тургенев сравнивал с «непроходимым болотом». В этом есть доля правды. Мне часто дает Л. Н. поправлять внешний облик своих новых произведений, и я нередко удивляюсь, как может знаменитый писатель, увлеченный какой-либо идеей, столь небрежно относиться к стилю, причем эта небрежность зачастую вредно отзывается и на ясности выражаемой мысли.

В заключение скажу еще раз, что я читал предисловие А. А. с волнением, а местами и с восторгом. Видно, что она всю душу положила на то, чтобы описать своего дорогого Льва и те страдания, которые она вынесла из-за него.

Письма Л. Н., бесспорно, крайне интересны, но они, конечно, сдержаннее тех страстных строк, что вылились из-под пера А. А.

16 марта. Последние письма Л. Н. и А. А. не столь интересны, как первые. Заметно утомление от переписки и вместе с тем желание не прерывать окончательно отношений со старым другом, с которым различие в религиозных взглядах с каждым годом все более и более увеличивало то разъединение, тот овраг, который образовался, зародившись с малозаметной трещины. В письмах Л. Н. я внимательно следил не только за его религиозными эволюциями, но также и за всем тем, что он писал о своей жене. Не говоря о первых годах страстной любви и искреннего восторга, но даже и 80-е года, т. е. года семейного разлада, поражают тем, что он искренно любит свою Соню, с которой у него так мало осталось общего. Как это ни странно, но полное охлаждение Л. Н. к жене можно заметить, и то человеку, живущему в доме, лишь за последние годы, и особенно за текущий год. Уж не происходит ли это по мере того, как плоть

все более и более замирает? Только за эту зиму Л. Н. весьма недвусмысленно показывает, как она далека стала ему, как он, хотя и терпит и сдерживается, но все же страдает от ее вмешательства в его личную жизнь, от ее бестактных замечаний, от ретроспективных упреков, от шумливых и надоедливых приставаний, от хвастливых воспоминаний и т. п. Прежде Л. Н. ограничивался тем, что делал вид, что не слышит, не отвечал, заговаривал с другими, уходил к себе. А теперь он нередко жалуется мне, и, жалуясь, конечно, не в силах скрывать своего раздражения. Да и точно, С. А. как жена очень раздражающа. Нельзя сказать, чтобы она никогда не была права. Но самый способ доказывания ею своей правоты с постоянными погрешностями против истины, с шумливым и многоречивым извержением слов, с коробящими бестактностями не может не действовать раздражающе на современного Сократа, привязанного в продолжение 50 лет к своей Ксантиппе. Кстати, Сократ и Ксантиппа Сергеенко [182], конечно, списаны со Л. Н. и С. А. На днях Л. Н., проигрывая мне партию в шахматы, все время напевал про себя: «Vous avez de la chance, vous avez de la chance»*. Сначала я не понимал, в чем дело. Но прислушавшись к тому, о чем трещала С. А., понял. Она хвасталась пред каким-то гостем своими успехами, о которых я уже много раз слыхал от нее: и как ее любил Фет, и что говорила его жена, и какие стихи ей посвящены (следовало декламирование стихов на память), и как в. к. Константин Константинович ее встретил фетовскими словами «звезда и роза» [183], и что сказал в. к. Сергей Александрович, ну и т. д. и т. д. Конечно, с такой женой нелегко великому человеку, и не только великому, но и гордому, и самолюбивому, и чуткому, и особенно трудно человеку, неустанно над собой работающему. Но чтобы быть справедливым, должен сказать, что моя теща не для своего мужа, а для своего зятя и для посторонних людей очень мила и приятна. Добродушна, участлива, а главное смиренна до трогательности. Сколько она выносит от грубящих детей! А что она до болезненности болтлива, так и это не велика беда. Она не требует даже, чтобы ей отвечали. Сидишь в зале за столом и читаешь газету, а С. А. сидит в другом углу за работой и произносит длинные монологи, на которые не требует даже реплики. Ее смирение сказывается особенно подчеркнуто в ее музицировании. Она страстно любит музыку, но сама играет, хотя и шумно, но скверно. И для того, чтобы удовлетворить свою страсть к «запузыриванию» на фортепиано, С. А. выжидает время, когда дом пустеет или все сидят в дальних комнатах, запирает двери и начинает играть много и долго, но, действительно, очень плохо. Так что Л. Н. не вполне был прав, когда на днях после шумного хвастовства С. А., что она прекрасно играет в винт (в сущности отвратительно), проговорил мне a parte** вполголоса: «И так всегда и во всем; воображает, что она все делает превосходно; и стараться разубедить ее в этом бесполезно». Правда, в иных областях человеческой деятельности С. А. хвастлива, но в иных скромна и конфузлива, как девочка.

22 марта. Вчера был финский писатель Эрнефельт [184] с сыном и дочерью. Человек приятный, тихий, скромный, вежливый.

Сегодня здесь И. И. Горбунов [185] 〈...〉

26 марта. Вчера вечером вокруг чайного стола можно было видеть такую странную игру. Л. Н. гонялся за мной, стараясь меня догнать и поймать. И поймал-таки! А ведь он на 21 год старше меня.

После чая прочли громко статью Короленко («Русское богатство», март)—«Бытовое явление» (о смертных казнях) [186]. Л. Н. очень расстроился и тут же написал прочувствованное и благодарное письмо к Короленко. Письмо производит очень сильное впечатление 〈...〉 Я припомнил сло-

* Вам везет, вам везет (франц.).

** одному (итал.).

ва того же Л. Н., сказанные на днях. Л. Н. говорил, что если бы внезапно появились среди нас жители Марса, то наверно не могли бы взять в толк, что то, что они увидали, следует считать за науку, за цивилизацию, за религию и т. д. 〈...〉

31 марта. Последние два-три дня полная распутица и при этом, как это ни странно, большой наплыв гостей. М. А. Стахович приехал вторично. Не так блестящ, как в первый раз, более задумчив, точно чем-то угнетен. С ним приехала и прогостила три дня его сестра М. А. Рыдзевская,

ТОЛСТОЙ ИДЕТ НА ОТКРЫТИЕ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ
Фотография, 31 января 1910 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

милая, скромная, в настоящем смысле порядочная женщина. П. И. Бирюков, все такой же грязный и все такой же милый человек. Ф. А. Страхов [187], все такой же скучный, загадочный для меня толстовец. Профессор Масарик [188], известный чех, сдержанный, приличный, серьезный и, кажется, хороший человек 〈...〉

2 апреля. Заходил сюда юный толстовец Засосов (крестьянин Московской губ.). Отказался от воинской повинности. За это пострадал, но слабо (три недели отсидел). Путешествовал за последнее время по Кавказу. Пропагандировал. Очень удачно. И солдаты, и крестьяне слушали его одобрительно и охотно читали книжки Толстого. Но только, соглашаясь в принципе с антиправительственными идеями, не соглашались с практичностью мирной борьбы. Вообще революционное настроение на черноморском побережье и на Кавказе, по мнению Засосова, растет. Один только раз ему пришлось натолкнуться на двух казаков, обидевшихся на него за брошюрку «Не убий» и предавших его где-то около Грозной в руки жандармов. Но жандармы оказались не грозны, т. е. равнодушны. Правда, один жандарм дал раз Засосову в морду, но затем угостил его чаем, а жандармский офицер отпустил его на волю, несмотря на то, что он бродил

по Кавказу без паспорта — «из принципа». От рассказов Засосова Л. Н. впал в мрак, потому что ему стало стыдно пред этим проповедником толстовских идей своего барства, своей обстановки, своей покойной жизни. Этот Засосов принес известие, что умер Добролюбов [189]. Это был человек действительно выдающийся. Опростился он вовсю. Последнее время бродяжничал по югу России, где имел огромное влияние. Он не был вполне толстовец, так как он предавался какому-то странному, не выясненному мной мистицизму. Умер будто бы скоропостижно, где-то по дороге в Сибирь. (А может быть и вздор.)

〈КОЧЕТЫ〉

8 мая. 〈...〉 3 мая с доктором Маковицким и секретарем Булгаковым прибыл к нам Л. Н. Вчера приехал Чертков, которому Столыпин позволил посетить Кочеты для свидания со Л. Н. (но в Телятинки запретил въезжать). Завтра приезжает С. А. и Андрюша. Толстые пересиливают Сухотиных.

Л. Н. очень приятен, крайне любезен, все расхваливает, всем доволен.

20 мая. Уехал Л. Н. в сопровождении Маковицкого, Булгакова, Черткова и его домашнего фотографа mister Tapsel. Поехали на Абрикосово [190], а затем на Мценск. Л. Н. остался, кажется, доволен своим пребыванием в Кочетах. Всем он был приятен, никого никакими резкостями не оскорбил, был скромен, внимателен, словом, он оказался, как я и раньше уже отмечал, выдающимся по приятности гостем. Последние дни он стал меня осиливать в шахматы. Tapsel сделал много интересных снимков. Снял нас для кинематографа. Последние дни Чертков помягчил и даже стал публично разговаривать.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Уриэль Акоста» — трагедия К.-Ф. Гуцкова (1847); «Друг Фритц» («L'ami Fritz») —комедия Эркмана-Шатриана.

[2] *Николай Михайлович*, вел. кн. (1859—1918)— автор исторических работ о времени царствования Александра I. Познакомился с Толстым 26 октября 1901 г. в Гаспре (см. об этом в отрывках из его дневника —«Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым 26, 31 октября и 3 ноября».—«Красный архив», 1927, № 2, стр. 232—235). О своем впечатлении от встречи с Николаем Михайловичем Толстой писал Черткову 30 ноября 1901 г.: «Он мало интересен. Слишком знакомый тип» (т. 88, с. 251). Толстого заметно тяготили отношения с Николаем Михайловичем. 14 сентября 1905 г. он писал ему о том, что лучше прекратить эти отношения как «что-то ненатуральное»: «Вы — великий князь, богач, близкий родственник государя, я—человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом» (т. 76, с. 31—32).

[3] О своей беседе с Толстым на эту тему Николай Михайлович записал в дневнике следующее: «На счет импер. Александра I толковали мы много, и гр. Толстой говорил, что давно ему хотелось написать кое-что по поводу легенды, что Александр кончил свое поприще в Сибири в образе старца Федора Кузьмича» («Красный архив», 1927, № 2, стр. 233). Впоследствии в связи с работой Толстого над повестью «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», оставшейся неоконченной (т. 36, с. 59—74), Николай Михайлович прислал ему свою книгу «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича». СПб., 1907 (книга сохранилась в Яснополянской библиотеке). В этом сочинении использованы и те «интересные записки», которые Николай Михайлович показывал Толстому в Гаспре . Выражая благодарность автору за присылку книги, Толстой в письме от 2 сентября 1907 г. так объяснял причины своего интереса к теме «Федор Кузьмич — Александр I»: «Пускай исторически доказана невозможность соединения личности Александра и Козьмича, легенда остается во всей своей красоте и истинности» (т. 77, с. 185).

[4] Георгий Дмитриевич *Шервашидзе*, кн. (р. 1847) — с 1888 г. тифлисский губернатор. Инициатор и руководитель жестоких репрессий против духоборов в июне 1895 г. Разоблачения Шервашидзе содержатся в воззвании «Помогите!», написанном П. И. Бирюковым, И. М. Трегубовым и В. Г. Чертковым, отредактированном Толстым и снабженном его послесловием. Воззвание распространялось в списках, а в 1897 г. было опубликовано в изд. Черткова в Лондоне.

[5] Речь идет, по-видимому, об ответе Толстого на анкету о франко-русском союзе парижского корреспондента итальянских газет Пьетро Мадзини (Pietro Mazzini). Ответ, датированный 27 августа/9 сентября 1901 г., был напечатан в ряде иностранных газет. В переводе на русский язык был опубликован в зарубежном «Свободном слове» (1901) (т. 73, с. 137—139). О франко-русском союзе Толстой говорит и в статье 1894 г. «Христианство и патриотизм» (т. 39, с. 27—80).

[6] Это письмо к Николаю II было написано Толстым в Гаспре 16 января 1902 г. (т. 73, с. 184—196).

[7] Елизавета Валерьяновна *Оболенская*, кн. (1852—1935) — племянница Толстого, дочь его сестры Марии Николаевны.

[8] Павел Александрович *Бакунин* (1820—1900) — брат Михаила Бакунина. Последние годы своей жизни провел в Крыму.

[9] Алексей Дмитриевич *Оболенский*, кн. (1856—1916) — государственный деятель. С 1897 по 1901 г. товарищ министра внутренних дел, товарищ министра финансов, один из ближайших сотрудников С. Ю. Витте; впоследствии обер-прокурор Святейшего синода, член Государственного совета. Сын старинного знакомого Толстого — Д. А. Оболенского, государственного деятеля эпохи крестьянской реформы. О цели посещения Толстого осенью 1901 г.— сообщить ему о содержании письма Владимира Соловьева — Оболенский рассказывает в воспоминаниях «Две встречи с Л. Н. Толстым» («Толстой. Памятники творчества и жизни», вып. 3. М., 1923, стр. 26—44).

[10] Михаил Александрович *Стахович* (1861—1923) — знакомый Толстого, богатый помещик, орловский губернский предводитель дворянства. В 1905 г. был одним из организаторов реакционного «Союза 17 октября». Член I и II Государственной думы. В I Государственной думе входил во фракцию «партии мирного обновления», образовавшейся из левых октябристов и правых кадетов. С 1907 г.— член Государственного совета. После Октябрьской революции — эмигрант.

Речь М. А. Стаховича «о свободе совести», впервые напечатанная в «Орловском вестнике» (1901, № 254, от 25 сентября), затем перепечатанная «С.-Петербургскими ведомостями» (1901, № 267) и «Миссионерским обозрением» (1901, ноябрь), вызвала озлобление духовенства, воспринявшего ее как проповедь «отделения церкви от государства» (ср. В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 265—267).

[11] Имеется в виду разговор Горького с группой зрителей в коридоре Московского Художественного театра 28 октября 1900 г. на спектакле чеховской «Чайки». Протестуя против тенденциозного освещения этого эпизода «Новым временем», Горький писал в газете «Северный курьер»: «Говоря с публикой, я не употреблял грубых выражений: „глазеете“, „смотрите мне в рот“, не говорил,что мне мешают пить чай с А. П. Чеховым, которого в это время тут не было, ибо он сидел за кулисами. Я сказал вот что: „Мне, господа, лестно ваше внимание, спасибо! Но я не понимаю его. Я не Венера Медицейская, не пожар, не балерина, не утопленник; что интересного во внешности человека, который пишет рассказы?“ <...>Этим письмом я только протестую против искажения моих слов, но не извиняюсь» (М. Горький. Собр. соч., т. 28. М., 1954, стр. 140).

[12] В это время Горький работал над циклом рассказов «Публика». Два рассказа из этого цикла были переработаны Горьким и напечатаны в 1905 г. как самостоятельные произведения: «Девочка» и «Рассказ Филиппа Васильевича».

[13] Александр Алексеевич *Зарубин* (1827—1908) — нижегородский купец. «...седовласый старик А. А. Зарубин,— писал о нем Горький,— бывший водочный заводчик, „неосторожный банкрот“, тюремный сиделец, а затем убежденный поклонник Льва Толстого, организатор общества трезвости» (М. Горький. Собр. соч., т. 25. М., 1953, стр. 302). А. А. Кузнецов, сообщая о смерти Зарубина, писал Толстому 3 августа 1908 г. о борьбе «старца Зарубина» с нижегородским духовенством (АТ). Некоторые сведения о «выступлениях» Зарубина в 1870—1880-х годах можно найти в письмах И. А. Груздева к Горькому от 22 ноября и 6 декабря 1934 г. (Архив А. М. Горького).

[14] В другом месте своего дневника, а именно в записи от 27 февраля 1902 г. Сухотин пишет «о деле Пастухова»: «Редактора „Московского листка“ Пастухова за убийство мальчика во время рыбной ловли *по неосторожности* приговорили к двухнедельному аресту, а диких, возбужденных фанатиком Федосеенко павловцев за осквернение храма приговорили к каторге.Оба дела *без присяжных*. Пастухова защищал знаменитый Карабчевский, и за те тысячи, за которые продал свой язык и совесть, потрудился талантливый адвокат, очевидно, ревностно, раз сумел убедить коронных судей присудить Пастухова к столь ничтожному наказанию».

[15] В действительности к тому времени Толстым были написаны семь писем к царям: к Александру II — письмо от 22 августа 1862 г.— по поводу обыска в Ясной Поляне (т. 60, с. 440—441); Александру III (не три, как сказано у Сухотина, а два письма) — по поводу предстоящего смертного приговора «первомартовцам» (письмо от 8—15 марта 1881 г.— т. 63, с. 44—52) и о детях Д. А. Хилкова (2—3? января 1894 г.— т. 67, с. 4—9); Николаю II — 4 письма: 10 мая и 19 сентября 1897 г., 7 декабря 1900 г.— по поводу гонений на духоборов (т. 70, с. 72—75, 140—141; т. 72, с. 514—

516), 26 марта 1901 г.— сопроводительное письмо к статье «Царю и его помощникам» (т. 73, с. 55, статья — в т. 34, с. 239).

[16] Дмитрий Александрович *Хилков*, кн. (1858—1914) — единомышленник Толстого (до начала 1900-х годов). За антицерковное влияние на крестьян был в 1890 г. выслан из своего имения на пять лет в Закавказье. Мать его, Ю. П. Хилкова, добилась у царя приказания отнять у высланного обоих детей.

[17] Владимир Сергеевич *Соловьев* (1853—1900) — философ-идеалист, поэт. По своим взглядам был чужд Толстому, причем со временем это отчуждение все нарастало. Отношение к нему Толстого характеризуют следующие дневниковые записи: «Виделся с Солов⟨ьевым⟩, с Алехин⟨ым⟩, с Орловым, с этими тяжело» (т. 52, с. 61). «Пришел Соловьев. Мне он не нужен и тяжел, и жалок» (т. 49, с. 81). «Вернулся в 2, застал Соловьева, поговорил не совсем легко с ним. Я как-то исключительно осторож⟨ен⟩ с ним. Не знаю отчего» (т. 50, с. 54).

[18] Леонид Дмитриевич *Вяземский*, кн. (1848—1909) — генерал-лейтенант, член Государственного совета. Был выслан в 1901 г. из Петербурга, получив «высочайший выговор» за то, что пытался протестовать против избиения полицией участников демонстрации на площади у Казанского собора 4 марта 1901 г. Упоминаемый в дневнике Сухотина адрес Вяземскому — приветственное письмо к нему Толстого, под которым в Москве и в Петербурге были поставлены многочисленные подписи (т. 73, с. 49).

[19] Не пропущенные цензурой места из «Записок» С. Г. Волконского были сообщены Толстому в письме в. к. Николая Михайловича от 31 октября 1901 г. (письмо сохранилось.—АТ).

[20] См. выше (на стр. 148) подстрочное прим. Сухотина. Письмо, о котором идет речь, датировано 15 ноября 1901 г. Оно сохранилось (АТ).

[21] *Амвросий* (Алексей Иосифович Ключарев) (1821—1901) — с 1882 г. архиепископ харьковский, крайний реакционер. Его «слова», «речи», «беседы», в которых он не раз с озлоблением упоминал имя Толстого, печатались в журналах «Душеполезное чтение» (Москва), «Вера и разум» (Харьков), а также в «Московских ведомостях» (см., например, «Вера и разум», 1898, № 14, июль; 1899, № 18, сентябрь).

[22] Иван Моисеевич *Сивицкий* (р. 1866) — происходил из крестьян. Окончил медицинский факультет в 1893 г. Еще студентом (в 1892—1893 гг.) участвовал в борьбе с холерой в Новосильском уезде Тульской губ., где познакомился с Сухотиным, часто председательствовавшим в комиссиях по борьбе с сыпным тифом и холерой. В 1897—1901 гг. был домашним врачом Сухотиных. С 1901 по 1904 г. работал в Харьковской университетской глазной клинике.

[23] 16 сентября 1901 г. крестьяне-сектанты разгромили православную церковь в с. Павловках Сумского уезда Харьковской губ. С 28 января по 4 февраля 1902 г. в Харькове разбиралось дело этих крестьян. 51 человек из них были приговорены к каторжным работам и к тюремному заключению (см. «Дело павловских крестьян (Официальные документы)». С пред. Влад. Бонч-Бруевича. Лондон, тип. «Жизни», 1902).

[24] О событиях в Павловках Хилков сообщал Толстому в письмах от 29 октября и 15 ноября 1901 г. (АТ).

[25] Митрофан Семенович *Дудченко* (1867—1946) был знаком с Толстым с 1891 г., сочувствовал его взглядам. Упоминаемая далее жена Дудченко — Мария Федоровна *Симонсон* (1867—1903).

[26] Об Александре Никифоровиче *Дунаеве* — см. в воспоминаниях Ивакина в настоящем томе, стр. 106, 124.

[27] Лев Львович *Толстой*; далее «мой Лева» — Лев Михайлович *Сухотин* (р. 1879) — сын М. С. Сухотина от первого брака с М. М. Бодэ.

[28] 4 марта 1901 г. происходила демонстрация студентов в Петербурге на площади у Казанского собора. На демонстрации были и рабочие. Как писала «Искра», они «шли на демонстрацию, но были задержаны войсками. Ни с Нарвской заставы, ни с Шлиссельбургского тракта рабочих не пустила полиция: туда были даже посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацию рабочую массу, причем произошла схватка, в которой многие были ранены» («Искра», апрель 1901 г. № 3. Изд. «Прибой», 1925, вып. 1).

[29] Участников «дела 1 марта 1887 года»— Александра Ульянова, Петра Шевырева (были казнены) и других — судили судом Особого присутствия Правительствующего сената. Ни публика, ни корреспонденты не были допущены на судебное заседание.

[30] Об этом интервью — см. записи в дневнике писателя от 4 (16) и 5 (17) августа 1893 г. (В. Г. Короленко. Посмертное собр. соч. Дневник, т. II. Гос. изд. Украины, 1926, стр. 76—80).

[31] Об объяснении Короленко с товарищем директора Департамента полиции Зволянским записано в его дневнике от 20 октября (1 ноября) и без даты (между 4 и 6 ноября) 1893 г. (В. Г. Короленко. Посмертное собр. соч. Дневник, т. II. 1926, стр. 170, 180—181).

[32] Реакционнейшее «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» было проведено 14 августа 1881 г. министром внутренних дел Игнатьевым. Изданное сроком на три года, оно просуществовало, возобновляемое каждый раз по окончании срока, вплоть до 1917 г.

[33] Рассказ Горького «История одного преступления» впервые был напечатан в «Нижегородском листке», 1901, №№ 311, 313, 316, 318, от 13—20 ноября, и в газете «Курьер», 1901, №№ 314—321, от 13—20 ноября. В последующих изданиях название рассказа менялось: «Преступление», «Преступники» и, наконец, «Злодеи» (М. Горький. Собр. соч., т. 5. М., 1950, стр. 334—358).

[34] Герман Александрович *Лопатин* (1845—1918), неоднократно подвергавшийся арестам, за революционную деятельность в 1887 г. был приговорен к смертной казни, замененной ему бессрочной каторгой. Вместо каторги был водворен в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости, где пробыл до конца 1905 г. Когда и где произошла его встреча с Толстым — неизвестно.

[35] Сергей Григорьевич *Волконский*, кн. (1788—1865) — член Южного общества декабристов, друг и соратник Пестеля,— послужил прототипом образа Лабазова в незаконченном романе Толстого «Декабристы». До сих пор считалось, что Толстой познакомился с С. Г. Волконским в ноябре — декабре 1860 г. во Флоренции и что именно под впечатлением этой первой личной встречи тогда же и был начат роман (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 141). Комментируемая запись позволяет установить, что в действительности Толстой познакомился с С. Г. Волконским, вернувшимся из Сибири в 1856 г., еще в Москве.

[36] Дочь Толстого — Мария Львовна, по мужу Оболенская.

[37] Сыновья Толстого — Илья Львович и Андрей Львович.

[38] Григорий Григорьевич *Мясоедов* (1835—1911) — известный живописец, один из основателей Товарищества передвижных художественных выставок. Его картины интересовали Толстого своей тематикой: многие из них посвящены изображению нищеты и бесправия пореформенной деревни. Мясоедов бывал у Толстого в 1885 и 1902 гг.

[39] Исаак Наумович *Альтшуллер* (1870—1943) — ялтинский врач (с 1898 г.), вместе с хирургом кореизской земской больницы Константином Васильевичем Волковым (р. 1870) лечил Толстого в Гаспре. См. также его воспоминания «Еще о Чехове».—«Лит. наследство», т. 68, 1960, стр. 681—702.

[40] Леонид Дмитриевич *Оболенский*, кн. (1844—1888) — муж племянницы Толстого, Елизаветы Валериановны Толстой.

[41] Речь идет о статьях Толстого «Офицерская памятка» и «Солдатская памятка». В эти дни Толстой заканчивал работу над ними. Они появились в издании «Свободного слова» в 1902 г. (т. 34, стр. 280—290).

[42] В октябре 1901 г. у Толстого возник замысел написать «о праве иметь отношения с богом, по случаю речи Стаховича» (о речи М. А. Стаховича «О свободе совести»— см. выше прим. 10). Этот замысел был осуществлен Толстым в статье «О веротерпимости», над которой он работал в ноябре и декабре 1901 г. (т. 34, с. 291—298, 586—587).

[43] Это письмо от 24 ноября 1901 г. (т. 73, с. 165—166). Толстой отвечал в нем на просьбу в. к. дать ему совет по поводу его отношений с Е. М. Барятинской. Предполагаемая женитьба на ней влекла за собой осложнения для Николая Михайловича как члена царской семьи.

[44] Петр Леонидович *Мануйлов*, в 1899 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1900 г. встретился с живущим в Крыму виноделом Михаилом Анемподистовичем Михайловым, сочувствовавшим учению Толстого. Под его влиянием заинтересовался религиозно-философскими произведениями Толстого и, познакомившись ближе со взглядами Толстого, стал его последователем. Изменив образ жизни, работал простым рабочим на Кавказе, затем в 1901 г. поехал в Крым к М. А. Михайлову. Часто бывал у Толстого в Гаспре. «...милый и близкий нам человек ⟨...⟩ Он слаб здоровьем, но очень силен духом»,— писал о нем Толстой Е. И. Попову (т. 73, с. 172). В Ялте Мануйлов сблизился со штундистами и был взят полицией под надзор. О дате обыска у Мануйлова и Михайлова и его последствиях сведений нет.

[45] Анна Васильевна *Погожева* — товарищ председателя Московского общества содействия устройству общеобразовательных развлечений, занимавшегося организацией научно-популярных лекций, литературно-музыкальных вечеров и т. п. (существовало с 1898 г.).

[46] Мария Ивановна *Водовозова* (1869—1954) — сотрудница журнала легальных марксистов «Начало», издательница книг по рабочему вопросу.

[47] «Ответ на определение Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма» был напечатан с большим количеством цензурных пропусков в «Миссионерском обозрении» (1901, № 6, стр. 806—814); полностью опубликован Чертковым в «Листках Свободного слова», 1901, № 22 (т. 34, с. 245—253, 575—577).

[48] Идея замечательного русского математика Лобачевского о многомерности абстрактного математического пространства не оспаривает трехмерность окружающего

нас реального пространства и не имеет ничего общего с идеализмом и представлениями спиритов.— Александр Михайлович *Бутлеров* (1828—1886) — известный русский химик — и Николай Петрович *Вагнер* (1829—1907)—профессор зоологии Петербургского университета — были по своим философским воззрениям идеалистами, оба отдали дань увлечению спиритизмом.

[49] Дмитрий Сергеевич *Сипягин* (1853—1902) — с 1899 г. министр внутренних дел и шеф жандармов. Один из реакционнейших государственных деятелей царизма. Был убит эсером С. В. Балмашевым.

[50] «XIX век. Иллюстрированный обзор минувшего столетия. 1901 г.». СПб., изд. А. Ф. Маркса, б. г. 〈«Литературное движение XIX века в России». Очерк Е. А. Соловьева; «Русская литература накануне XX века». Очерк Р. И. Сементковского〉.

[51] Евгения Максимилиановна принцесса *Ольденбургская* (1845—1925), дочь в. к. Марии Николаевны. Состояла покровительницей одного из комитетов Общества Красного креста и Общины св. Евгении. Принимала участие в издательской деятельности этих обществ.

[52] Владимир Андреевич *Щуровский* (р. 1852) — московский врач-терапевт.

[53] Адам Васильевич *Олсуфьев*, кн. (1833—1901) — знакомый Толстого, помещик, владелец подмосковного имения Никольское-Обольяново (в 25 км от ст. Подсолнечная), где часто бывал и работал Толстой. См. о нем также в воспоминаниях П. И. Нерадовского, стр. 130—131 настоящего тома.

[54] Телеграмма от 28 января 1902 г. Хранится в АТ.

[55] Александр Валентинович *Амфитеатров* (1862—1938) — журналист и беллетрист; после Октябрьской революции — эмигрант. В 1902 г. был выслан в Минусинск за фельетон «Господа Обмановы», напечатанный в газете «Россия», в котором памфлетно описал царскую семью. Слухи, что Амфитеатров возвращен с пути, о которых упоминает Сухотин, были неверны (см. статью Амфитеатрова „Господа Обмановы". История романа и ссылки».— журн. «Красное знамя», Париж, 1906, № 1, 5).

Горький так объяснял причины появления „Господ Обмановых": «Фельетон — пошлость, плоское благерство. Думаю, что сей синьор тиснул эту штуку по такому расчету: была у них в „России" помещена статья по поводу 25-летия служения в чинах Д. Сипягина. Статья — лакейская. Пожелали — реабилитацию устроить себе в глазах публики» (М. Горький. Собр. соч., т. 28. М., 1954, стр. 233).

[56] Софья Михайловна *Мартынова* (ум. 1908) — знакомая семьи Толстых.

[57] Михаил Александрович *Новоселов* (р. 1864) в конце 1880-х годов организовал толстовскую земледельческую колонию в с. Дугино Вышневолоцкого у. Тверской губ. Принимал участие в распространении запрещенных сочинений Толстого и за распространение статьи «Николай Палкин» был посажен в тюрьму. В начале 90-х годов вместе с Толстым помогал голодающим. К тому времени, о котором идет речь, Новоселов вернулся к православию. В духе православия написана и его статья «Забытый путь опытного богопознания» («Русский вестник», 1902, № 1), содержание которой Сухотин передавал Толстому.

[58] См. выше примеч. 41. Когда предисловие было получено Чертковым в Англии, обе «Памятки» были уже отпечатаны, а в феврале 1902 г. Толстой письмом к Черткову отменил печатание предисловия (см. об этом ниже, в записи дневника от 24 февраля и т. 34, стр. 278—279 и 582).

[59] См. выше, прим. 23.

[60] В этом письме под видом сожаления о «несчастном графе», «в духовном одиночестве» стоящем «пред лицом смерти», митрополит Антоний убеждал Софью Андреевну «умолить» Толстого примириться с церковью (АТ).

[61] Софья Андреевна отвечала митрополиту: «...жизнь человека в руках божиих. Тем более душа не в нашей власти, и пути ее нам неведомы в другом человеке...» (АТ).

[62] См. выше, прим. 58.

[63] В «Маленьких письмах» Суворина последние дни Гоголя описаны так: «Он уморил себя сознательно. Он боялся смерти и желал ее и шел ей навстречу. Две с половиной недели он мучился физически и нравственно. Он сжигал свою жизнь, как сжег рукописи, сжигал решительно и упорно, и не находил вокруг себя ни одной души, которая бы пришла к нему с любовью и чувством дружбы и помогла ему встать 〈...〉 Врачи его мучили, отравляли его своим криком, своим невежеством, грубостью, пошлостью» и т. д. («Маленькие письма», CDXXXIII.—«Новое время», 1902, № 9328, от 21 февраля).

[64] Газеты сообщали в эти дни о выигранном бурами сражении и о взятии ими в плен одного из популярных в английской армии генералов — лорда Метуэна.

[65] Речь идет о письме Толстого 1899 г. к кн. Г. М. Волконскому, внуку известного декабриста (т. 72, с. 254—256). Оно было впервые опубликовано в «Листках Свободного слова» в 1900 г. под названием «По поводу Трансваальской войны» (без указания фамилии адресата). Отдельные отрывки из письма появились в русских газетах (см., например, «Новое время», 1900, № 8619, от 25 февраля).

[66] См. об этом прим. 14.

[67] Павел Александрович *Буланже* (1865—1925) — знакомый Толстого с 1886 г., последователь его учения, автор ряда статей о нем. С 1900 г. служил в правлении

Московско-Курской ж. д. Сухотин не совсем точно передает слова Толстого из письма к Буланже от 1 марта 1902 г. В подлиннике читается так: «Доктора говорят, что идет к лучшему, я не имею основания им не верить и не позволяю себе мечтать о выздоровлении, а довольствуюсь тем, что есть» (т. 73, с. 210).

[68] Имеется в виду письмо Толстого к Черткову от 2 марта 1902 г. («Делаю я очень мало, кое-что записываю и невольно обдумываю самые разнообразные начатые вещи, которые, вероятно, никогда не будут кончены» —т. 88, с. 256—257).

[69] Письмо П. А. Буланже к Толстому от 27 февраля 1902 г., хранится в АТ.

[70] Речь идет о письме П. А. Буланже к Толстому от 7 марта 1902 г., хранится в АТ.

[71] Николай Владимирович *Шаховской*, кн. (1857—1906) — начальник Главного управления по делам печати.

[72] Речь идет о гр. Н. П. *Игнатьеве* (1832—1906) — бывшем министре внутренних дел (1881—1882) и кн. Л. Д. *Урусове* — близком знакомом Толстого; с 1875 г.— тульском вице-губернаторе.

[73] Сообщение о недействительности выборов Горького в почетные академики было опубликовано в «Правительственном вестнике», 1902, № 56, от 10 марта, и затем перепечатано другими газетами.

[74] Перифраз стих. Пушкина «Золото и булат».

[75] Михаил Николаевич *Тригони* (1850—1917) — революционер, член Исполнительного комитета «Народной воли»; 27 февраля 1881 г. был арестован вместе с Желябовым и осужден на 20 лет по делу «20-ти». Два года провел в Алексеевском равелине, остальные — в Шлиссельбурге. Затем был сослан на поселение на Сахалин (до 1905 г.).

[76] Петр Владимирович *Карпович* (1875—1917) — студент, убивший в 1901 г. министра народного просвещения Н. П. Боголепова за проводившуюся им политику жестоких репрессий по отношению к участникам студенческого движения. Был осужден на 20 лет каторги и заточен в Шлиссельбург. В 1907 г. был выпущен на поселение, но бежал за границу.

[77] Михаил Федорович *Грачевский* (1849—1887) — революционер, член Исполнительного комитета «Народной воли». Был арестован в 1882 г., судился в 1883 г. по «процессу 17-ти» и был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Облил керосином и поджег себя 26 октября 1887 г. в Шлиссельбургской тюрьме в знак протеста против жестокости тюремной администрации.

[78] Из названных Сухотиным книг две сохранились в Яснополянской библиотеке Толстого: «Tolstoï et les doukhobors. Faits historiques. Réunis et traduits du russe par J. W. Bienstock» (Paris, 1902); Д. Р е с к и н. Избранные мысли. Перевод с английского Л. П. Никифорова. Изд. 2-е. М., 1902, вып. 1 и 2.— Последняя с многочисленными пометками Толстого.

[79] Речь идет об Илье Львовиче.

[80] *Пашковцы* — последователи религиозной секты, основанной англичанином лордом Редстоком. В 70-х гг. Редсток приезжал в Россию и проповедовал свое учение в светском обществе. Рьяным последователем Редстока стал отставной полковник Василий Александрович Пашков (именем его и стала называться в России эта секта). Пашковцы отвергали иконы, церковную иерархию и многие религиозные обряды.

[81] Первый спектакль пьесы «Мещане» в исполнении артистов Художественного театра состоялся 26 марта 1902 г. в Петербурге, куда на весенние гастроли приехал театр. «На генеральную репетицию,— вспоминал К. С. Станиславский,—〈...〉 съехался весь „правительствующий“ Петербург начиная с великих князей и министров — всевозможные чины» (К. С. С т а н и с л а в с к и й. Моя жизнь в искусстве. М.—Л., 1941, стр. 328—329). Среди них были и упоминаемые Сухотиным товарищ министра внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский и петербургский градоначальник Н. В. Клейгельс.

[82] Имеется в виду статья «О Шекспире и о драме» (1903—1904) — см. т. 35, с. 216—272, 680—685, а также 1-ю книгу настоящего тома, стр. 487—494.

[83] Александр Сергеевич *Бутурлин* (1845—1916) — участник революционного движения 70—80-х годов; в 1871 г. привлекался к суду по нечаевскому делу; в 1872 г. выехал в Швейцарию, был близок с эмигрантами, помогал своими средствами изданию журнала «Вперед». По возвращении в Россию в 1876 г. вновь был арестован и привлечен к суду по «процессу 50-ти». В конце 1881 г. выслан под надзор полиции в Тобольск, но раньше окончания срока переведен, тоже под надзор, в Симбирск. «Отбыв эту ссылку, он поселился в Москве: однако продолжал считаться „неблагонадежным“, и его еще не раз арестовывали» (см. С. Л. Т о л с т о й. Очерки былого. М., 1956, стр. 344—352). Толстой знал Бутурлина с конца 70-х годов и относился к нему с живым участием.

[84] Письма о Серафиме Саровском — это отклики на состоявшееся 19 июля 1903 г. в местечке Сарове (Тамбовской губ.) «открытие мощей» причисленного православной церковью «к лику святых» старца Серафима, затворника Саровской пустыни (1759—1833).

[85] Дмитрий Дмитриевич *Свербеев* (1845—1920) — в то время, о котором идет речь,— курляндский губернатор. Толстой знал его по Туле, где он в 1885—1891 гг. был вице-губернатором.

[86] Статья Толстого 1893—1894 гг. «Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана». В начале статьи Толстой передает беседу с Тургеневым о новелле «Maison Tellier» (сборник «Заведение Телье», в который входила эта новелла — 1881 г.) (т. 30, с. 3—24, 487—508).

[87] О Дмитрии Ивановиче Шаховском см. выше, стр. 64, 116. В письме от 2 ноября 1903 г. (АТ), о котором идет речь, Шаховской указывал Толстому на книгу, в которой «много глубоко поучительного и высоко трагического», «масса самого сильного материала для того, чтобы заставить общество оглянуться на себя, протереть глаза и посмотреть в упор в самое нутро жизни». Эта книга —«Предварительное следствие, произведенное судебным следователем по особо важным делам при С.-Петербургском окружном суде Бурцовым, по делу о насильственном лишении жизни румынской подданной Татьяны Золотовой». СПб., 1903.

[88] «Поздравление с юбилеем» — приветственная телеграмма в. к. Николая Михайловича от 28 августа 1903 г. (АТ), на которую Толстой не ответил.

[89] Далее идет текст письма в. к. Николая Михайловича к Толстому от 9 декабря 1903 г. Письмо сохранилось и находится в АТ.

[90] Статья Толстого «Одумайтесь!» (в переписке и в дневниках его упоминается под названием «О войне») была впервые напечатана в 1904 г. издательством «Свободное слово» (т. 36, с. 100—148).

[91] Николай Карлович *Шильдер* (1842—1902) — историк. Толстой был знаком с его основными трудами о Павле I, Александре I и Николае I. В Яснополянской библиотеке сохранился с пометками Толстого экземпляр книги Шильдера «Александр I, его жизнь и царствование», 4 тома (Изд. 2-е. СПб., 1904—1905). Пометки к этой книге, сделанные Толстым на полосках бумаги—закладках и в записной книжке,— см. в т. 55, с. 321—334, 516—517. Толстой считал, что книга «дурно написана» (Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки. Запись от 6 ноября 1905 г.)

[92] Петр Алексеевич *Пален* (1745—1826) — в 1798—1800 гг. петербургский военный губернатор, член Коллегии иностранных дел, участвовал в убийстве Павла I.

[93] Сухотин излагает ответ Толстого от 1 июня 1904 г. (т. 75, с. 116—117) на письмо в. к. Николая Михайловича от 23 ноября 1903 г. Об упоминаемой в этом письме статье Толстого против войны — см. прим. 90. Оба названных Сухотиным письма в. к. Николая Михайловича к Толстому хранятся в АТ.

[94] Далее Сухотин рассказывает (во враждебно-тенденциозном тоне) о всеобщей забастовке в Финляндии 18 октября 1905 г., о росте революционного движения в Польше и о восстании матросов и солдат Кронштадтского гарнизона 26—27 октября 1905 г.

[95] Манифест 17 октября 1905 г., лживо обещавший народу «незыблемые основы гражданской свободы: действительную неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов». Обнародованием манифеста царское правительство пыталось выиграть время, чтобы собрать силы против революции. Толстой, прочитав этот манифест, заметил: «В нем ничего для народа» (Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки. Запись от 23 октября.—«Голос минувшего», 1923, № 3, стр. 27). После издания манифеста в стране стала быстрыми темпами нарастать революционная волна — борьба крестьян против помещиков, стачечное движение рабочих.

[96] О правке Сухотиным статьи Толстого «Конец века»— см. в комментариях Н. К. Гудзия (т. 36, с. 666—681).

[97] Этот эпизод с Федотом Мартыновичем нашел отражение и в статье Сухотина «Киевское шоссе» («Иллюстрированное приложение к „Новому времени“, 1911, № 12848, от 17 декабря).

[98] Статья Толстого 1906 г. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (т. 36, с. 304—314).

[99] Толстой передал Ю. Д. Беляеву рукопись статьи «Единственно возможное решение земельного вопроса». Беляев напечатал в „Новом времени“ (1906, № 10867, от 16 июня) фельетон «У гр. Л. Н. Толстого», в котором излагал беседу с Толстым, и опубликовал целиком полученную рукопись. Толстой сам держал корректуру фельетона и внес в него некоторые поправки, о чем можно заключить из его письма к Беляеву от 12 июня 1906 г. (т. 36, с. 283—289, 492—494, 687—692).

[100] Николай Дмитриевич *Байдак* (р. 1850) — депутат I Государственной думы от Херсонской губ., управляющий Московско-Виндавской ж. д.

[101] 6 ноября 1905 г., а не весной, как сказано у Сухотина, рабочими была занята типография «Нового времени», где был набран и отпечатан седьмой номер «Известий Совета рабочих депутатов».

[102] «Две дороги» (или «Два пути», как сказано у Сухотина) — одно из первоначальных названий статьи Толстого 1906 г. «О значении русской революции» (т. 36, с. 315—362).

[103] Газеты («Новое время», «С.-Петербургские ведомости») от 15 и 16 октября 1906 г. сообщали о нападении «бомбистов» на карету с казенными деньгами.

[104] Мария Львовна *Толстая-Оболенская* скончалась 27 ноября 1906 г. Николай Леонидович *Оболенский*, кн. (1872—1933) — ее муж.

[105] Петр Васильевич *Веригин* (1862—1924) — с 1886 г. руководитель группы кавказских духоборов, переселившихся в конце 90-х годов в Канаду. Личное его знакомство с Толстым состоялось в 1902 г., когда он после освобождения из ссылки, в которой пробыл 15 лет (1887—1902), заезжал к Толстому проездом в Канаду.

[106] Софья Александровна *Стахович* (1862—1942) — близкий друг семьи Толстых, сестра Михаила Александровича Стаховича (см. о нем выше). Часто бывала в Ясной Поляне. Ею написаны воспоминания о Толстом: «Слова Л. Н. Толстого» («Толстой и о Толстом. Новые материалы», вып. 1. М., 1924) и статья «Как писался „Холстомер“» («Летописи Государственного литературного музея», кн. 2. М., 1938).

[107] Александр Сергеевич *Воейков* (р. 1801) — опекун малолетних Толстых, изображен Толстым в «Романе русского помещика» в образе соседа Нехлюдова по имению.

[108] Душан Петрович *Маковицкий* (1866—1921) — врач, единомышленник Толстого, автор записок о нем.

[109] П. А. Сергеенко привез Толстому третий том рассказов Куприна, изд. «Мир божий». Более подробно высказывания Толстого о рассказе «Allez»— см. в дневнике П. А. Сергеенко, напечатанном в «Лит. наследстве», т. 37-38, 1939, стр. 563.

[110] Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Поэту».

[111] С. А. Толстая. Моя жизнь. Не издано (АТ).

[112] Письмо Толстого к известному реакционному публицисту М. О. Меньшикову (1859—1919) было написано по поводу его фельетона, посвященного картине М. В. Нестерова «Святая Русь» («Письма к ближним. 1. Две России. 2. Упадок церкви. 3. Сухое сердце»).— «Новое время», 1907, № 11085, от 21 января.

В 80—90-е годы Меньшиков не раз заявлял о своем сочувствии взглядам Толстого; переметнувшись же в лагерь крайней реакции, с присущими ему беспринципностью и услужливостью перед власть имущими, он не раз выступал в печати с грубыми выпадами против Толстого (см. «Новое время», 1908, № 11614, от 13 июля и № 11642, от 10 августа). Был лично знаком с Толстым. Последний раз был в Ясной Поляне 11 августа 1906 г., когда между ним и Толстым произошел резкий спор. О статьях Меньшикова Толстой говорил Н. Н. Гусеву 10 февраля 1908 г.: «Меньшикова статьи отвратительные» (Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928, стр. 80).

[113] Об этом эпизоде см. запись в дневнике Толстого от 2 февраля 1907 г. (т. 56, с. 9—10). Сухотин изобразил его в статье «Киевское шоссе».

[114] «Темными» С. А. Толстая называла посетителей Толстого — его единомышленников, в отличие от светских гостей.

Сергей Логгинович *Дмитриев* — сочувствовал взглядам Толстого, познакомился с ним в 1905 г.; Петр Прокофьевич *Картушин* (1879—1916) — единомышленник Толстого, выходец из богатой казачьей семьи; поддерживал своими средствами издательство «Обновление», печатавшее статьи Толстого. С 1910 г.— последователь А. М. Добролюбова (см. прим. 183).

[115] Борис Николаевич *Леонтьев* (1866—1909) — последователь Толстого, в 1892 г. работал с Толстым на голоде. В 1907 г., живя в толстовской общине под Полтавой, находился под влиянием Короленко, с которым встречался в Полтаве.

Петр Николаевич *Гастев* (р. 1866) — последователь Толстого, работал с ним на голоде в 1891 — 1896 гг. (см. его статью «На голоде с Л. Н. Толстым».— Сб. «Лев Толстой и голод». Н.-Новгород, 1912).

[116] О С. А. Муромцеве см. выше в воспоминаниях И. М. Ивакина, стр. 58, 114, а так же стр. 395—396.

[117] Максим Максимович *Ковалевский* (1851—1916) — профессор Московского, Брюссельского, Петербургского университетов, автор трудов по истории государственных учреждений, по вопросам первобытной культуры, этнографии и социологии. Был депутатом I Государственной думы от Харьковской губ.

[118] Александр Михайлович *Бодянский* (1842—1916) — бывший помещик Екатеринославской и Харьковской губ., отказавшийся от владения землей; был связан с сектантами и духоборами. С Толстым познакомился в 1892 г.; Петр Леонидович *Успенский* (1870—1934) — харьковский заводчик, сочувствовал взглядам Толстого; Петр Абрамович *Мазаев* — сын богатого землевладельца, молоканин. Они приезжали, по-видимому, обсуждать с Толстым издававшуюся Бодянским религиозно-нравственную газету «Народное слово».

[119] Антон Петрович *Щербаков* (Щербак) (1863—1930) — крестьянин Сумского у. Харьковской губ. После встречи с Толстым в 1896 (1897?) г. проникся его учением. В 1905 г. принимал участие в крестьянском движении, выступал на Всероссийском крестьянском съезде в Москве (8 ноября 1905 г.) с призывом не работать на помещиков и купцов. В июле 1906 г. эмигрировал за границу. В последний раз у Толстого был 31 октября 1905 г.

[120] С. А. Толстая. Моя жизнь, ч. III, с 1876 по осень 1881 г., гл. «Практические дела. Весна 1880 г. и приезд Тургенева», стр. 621—622 (АТ). Разговор Софьи Андреевны с Тургеневым Сухотин приводит по памяти.

[121] Иосиф Константинович *Дитерихс* (1868—1931) — брат А. К. Чертковой и О. К. Толстой, единомышленник Толстого, автор «Воспоминаний о Л. Н. Толстом» («Толстой и о Толстом», сб. 2. М., 1926, стр. 113—123).

[122] Резкое слово, вырвавшееся у Толстого по адресу Тургенева за его стихотворение в прозе «Порог», объясняется тем, что Толстой считал, будто Тургенев, выражая преклонение перед девушкой-террористкой, был не искренен, так как по своим общественно-политическим взглядам он не сочувствовал насильственной борьбе с правительством и эту вещь написал для того, чтобы приобрести популярность в среде молодежи. Толстой опасался, что благодаря тому авторитету, которым Тургенев пользовался за границей, его «Порог» может вызвать у читателей сочувствие политическим убийствам.

Перед этим Толстой прочитал в № 64 «Русских ведомостей» от 20 марта сообщение об убийстве в Москве городового, стоявшего на посту. Убийство произошло при следующих обстоятельствах. По Сретенке промчался на лихаче молодой человек с девушкой. Поровнявшись с городовым, неизвестный произвел в него шесть выстрелов из револьвера и убил наповал. Лихач, повернув назад, помчался к Сухаревой площади. Когда раздались полицейские свистки и крики, извозчик остановил лошадь. Седоки бросились в разные стороны, причем неизвестный, отстреливаясь, ранил в бок ночного сторожа и скрылся в проходном дворе. Девушка была задержана и назвалась гимназисткой 6-го класса одной из московских гимназий. Она показала, что ехавшего с ней молодого человека, убившего городового, она не знает.

Сообщение это очень взволновало Толстого; тем большее впечатление произвел на него прочитанный вслед за этим в японском журнале на английском языке «Review of Revolutions» «Порог» Тургенева. В записной книжке Толстой в тот же день записал: «Убийство городового девицей и стихотворение в прозе Тургенева. Ужасн⟨о⟩» (т. 56, с. 188). Но Толстой все-таки не мог простить себе эту вырвавшуюся у него неожиданную для себя самого резкость по отношению к Тургеневу. В волнении он быстро удалился к себе, а вернувшись к своим собеседникам, постарался загладить свой отзыв прежде всего обвинением и самого себя в том, будто бы присущем и ему недостатке, за который он упрекнул Тургенева.

[123] Сухотин написал Вересаеву об ответе Толстого. Это письмо от 23 мая 1907 г. Вересаев опубликовал в воспоминаниях о Толстом («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II. М., 1955, стр. 168—170).

[124] Сергей Дмитриевич *Николаев* (1861—1920) — знакомый Толстого, сторонник учения Г. Джорджа, автора теории «единого земельного налога», и переводчик его произведений на русский язык. Далее речь идет о книге А. Наживиной. Генри Джордж. Изд. Н. Парамонова «Донская речь» в Ростове-на-Дону.

[125] С. А. Толстая. Моя жизнь, ч. IV, с 1881 по 1887 г., гл. «Переезд в Москву и моя болезнь», стр. 240 (АТ). Письмо Толстого, фраза из которого приводится Сухотиным со слов Софьи Андреевны,— см. т. 83, с. 441—442.

[126] Имеется в виду гл. VI, § XX «Мыслей» Паскаля («Pensées de Pascal». Paris, 1850, стр. 66—67). Книга сохранилась в библиотеке Толстого (ср. «Мысли Паскаля, перевел с французского Иван Бутовский». СПб., 1843, стр. 139—141).

[127] В августе 1907 г. Сухотиным была написана корреспонденция об ограблении его соседа по имению кн. Б. Н. Голицына и отослана в редакцию «Голоса Москвы», а затем в «Русские ведомости», откуда была возвращена автору. Лишь в ноябре она была принята к печати «Московским еженедельником». Черновик корреспонденции сохранился среди записей публикуемого дневника.

[128] Об истории этого портрета (1907 г. и переделка в 1911 г.) — см. в кн. «Описание материалов Пушкинского дома. Л. Н. Толстой. III». М.—Л., 1954, стр. 15 и иллюстрации. Отклик Толстого — т. 56, с. 458.

[129] Письмо Толстого было опубликовано 20 сентября 1907 г. в «Русских ведомостях» (№ 214) и «Новом времени» (№ 11323). В сентябре же письмо было перепечатано почти всеми другими газетами (т. 77, с. 198—199).

[130] Неточная цитата из стихотворения Козьмы Пруткова «Родное. Отрывок из письма И. С. Аксакову».

[131] Секретарь Толстого с 26 сентября 1907 г. Н. Н. Гусев, живший сначала не в Ясной Поляне, а в доме А. Л. Толстой в усадьбе Телятинки, в 3 км от Ясной Поляны, был арестован 22 октября 1907 г. за хранение запрещенных статей Толстого и после пребывания в течение четырех дней на становой квартире, находившейся в усадьбе помещицы А. Е. Звегинцевой, был отправлен в крапивенскую тюрьму; освобожден 20 декабря 1907 г.

Сухотин был прав: Чертков поручил Гусеву продолжать его деятельность по распространению сочинений Толстого, направленных против государства и церкви.

[132] Юлия Ивановна *Игумнова* (1871—1940) — художница, в Ясной Поляне жила в качестве секретаря Толстого. Сохранилось несколько портретных зарисовок писателя ее работы.

[133] Дмитрий Адамович *Олсуфьев*, кн. (р. 1862) — сын А. В. Олсуфьева; в 1906—1907 гг.— член Государственного совета.

[134] Сухотин имел в виду приложение к журналу «Ясная Поляна» под названием «Ясная Поляна. Книжки». Всего вышло 12 книжек (цензурное разрешение 1-й кн.— 25 января 1862 г.; 12-й — 26 марта 1863 г.). Известно, что Толстому в «Книжках Ясной Поляны» принадлежат: предисловие к рассказу «Матвей» (№ 1), предисловие к статье Е. А. Берс «Магомет» (№ 7), примечание к заглавию отдела «Сочинения крестьянских детей» (№ 3) (т. 8, с. 362—366). Толстым также редактировались статьи и рассказы других авторов. Из записи Сухотина можно сделать вывод, что Толстому принадлежат не только предисловия, но и некоторые неподписанные статьи в «Книжках Яспой Поляны».

[135] Сухотин неточно приводит цитату из «Войны и мира» (кн. 4, ч. III, гл. 1).

[136] Иван Федорович *Наживин* (1874—1940) — писатель. В начале 900-х годов сочувствовал учению Толстого. Автор книги «Из жизни Л. Н. Толстого» (изд. «Сфинкс», 1911). После Октябрьской революции — эмигрант. Толстой читал не рассказ, а речь, озаглавленную «Мой учитель», напечатанную в книге И. Ф. Наживина «В долине скорби» (М., 1907, стр. 183—204). Эта речь, посвященная индийскому философу Рамакришне, была написана его учеником, философом Свами Вивекананда. Наживину принадлежал только ее перевод.

[137] Брошюра В. Г. Черткова «Наша революция. Насильственное восстание, или Христианское освобождение» была издана в России в 1907 г. с послесловием Толстого. До этого печаталась за границей в 1903 и 1904 гг. в издании «Свободного слова» (т. 36, с. 149—155 и 622—628).

[138] Ответ Столыпина, датированный 20—23 октября 1907 г., на письмо Толстого от 26 июля 1907 г. (т. 77, с. 164—168) опубликован в сб. «Лев Николаевич Толстой». М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 91—92. Интересны слова Толстого, сказанные им 6 августа 1908 г.: «Я рад, что писал царю, а потом Столыпину. По крайней мере я все сделал, чтобы узнать, что к ним обращаться бесполезно» (А. В. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. I. М., 1959, стр. 234—235).

[139] Ожидая вторичного ареста Н. Н. Гусева, Чертков в этом случае предполагал предложить Толстому нового секретаря, близкого его взглядам, В. В. Плюснина. Но Гусев был арестован и сослан позже — 4 августа 1909 г.

[140] В Черемошню, имение своего друга Д. А. Дьякова, Толстой приезжал в конце августа 1876 г

[141] В 1908 г. вышел двухтомный труд Анатоля Франса «Жизнь Жанны д'Арк». В трактовке автора Жанна д'Арк — народная героиня, она сильна именно своею связью с народом.

[142] Анна Ильинична *Толстая-Попова* (1888—1954) — внучка Толстого, дочь Ильи Львовича и Софьи Николаевны Толстых.

[143] Статья Толстого «Закон насилия и закон любви» была закончена 2 июля 1908 г. (т. 37, с. 149—221).

[144] Письмо Толстого к священнику Соловьеву от 8 июля 1908 г. (т. 78, с. 178—179).

[145] Статья Сухотина «Киевское шоссе» была напечатана в «Иллюстрированном приложении» к «Новому времени», 1911, № 12848, от 17 декабря.

[146] В рукописи «Предисловия к альбому картин Н. В. Орлова», датированной 26 июня 1908 г., слова Толстого о картине «Телесное наказание» были приписаны позднее (приписка рукой Толстого на машинописном тексте).

[147] В № 11642 «Нового времени» от 10 августа 1908 г. появилась злобная статья Меньшикова «Толстой и власть», в которой он обрушивался на Толстого за то, что тот восстает против врожденного закона природы — собственности, стремится подговорить «власть к величайшему насилию, какое мог бы придумать тиран», к отмене частной земельной собственности. Попутно Меньшиков с издевкой замечал, что сам Толстой ни в молодости, ни позднее не подарил земли крестьянам. С. А. Толстая написала против этой статьи Меньшикова протест, который был напечатан в № 190 «Русского слова» от 17 августа 1908 г. 19 августа «Новое время» (№ 11651) поместило ответ Меньшикова «Выкуп Ясной Поляны».

[148] Чарльз Теодор Хогберг *Райт* (1862—1940-е годы) — библиотекарь и секретарь Лондонской библиотеки, автор статей о Толстом в Британской энциклопедии, в английских журналах и газетах, переводчик его произведений. Райт привез из Англии адрес Толстому с сотнями подписей, в числе которых были подписи многих известных писателей, художников, актеров, музыкантов, ученых, общественных деятелей и т. д.

[149] Ответ Толстого на письмо сербки Анджи Миты *Петрович* (от 7 октября 1908 г.) вылился в обширную статью «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» (закончена 5 ноября 1908 г.). Статья эта впервые опубликована была в «Голосе Москвы» (1908, №№ 281—284, от 4—7 декабря). Об ее истории писания и печатания см. т. 37, с. 222—242 и 439—441.

[150] Варвара Михайловна *Феокритова* (1875—1950), работавшая переписчицей в Ясной Поляне.

[151] Сухотин имеет ввиду любимого ученика Христа — апостола Иоанна, Звездеева сына.

[152] 19 сентября 1891 г. в газетах «Русские ведомости» и «Новое время» появилось письмо Толстого, в котором он доводил до всеобщего сведения: «Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах, все те из моих сочинений, которые были написаны мною с *1881 года* 〈...〉 равно и все мои неизданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения» (т. 66, с. 47).

[153] Речь идет об основном произведении Жака Элизе *Реклю* (Reclus), в котором дан свод географических работ (с картами и рисунками) — «Новая всемирная география. Земля и люди» (Nouvelle géographie universelle, la Terre et les hommes. 1876—1894) в девятнадцати томах.

[154] Эти слова, за которые на Толстого обрушилось «Новое время» (от 20 марта 1909 г.), были сказаны им в беседе с поляком Чекальским по поводу шовинистской речи министра юстиции Щегловитова. Реакционная газета грубо исказила смысл этих слов, упрекая Толстого в отречении от русского народа. Своим заявлением Толстой лишь отмежевывался от таких великодержавных шовинистов (заявлявших, что они «русские»), как Щегловитов.

О той же беседе Толстого с Чекальским газета «Голос Москвы» писала в статье «Л. Н. Толстой о патриотизме министра Щегловитова», приводя слова Толстого о «ничтожности такого „патриотизма“» (1909, № 65, от 20 марта).

[155] Адин *Баллу* (Adin Ballou) (1803—1890) — американский пастор, проповедник «христианского непротивления».

[156] В...в. Русские женщины на эшафоте. Прилож. к журн. «Злоба дня». М., 1907.— В книге даны характеристики С. Л. Перовской, А. В. Якимовой, В. Н. Фигнер и еще 25 участниц русского революционного движения, приговоренных к смертной казни.

[157] В 1908 г. Австро-Венгрия, воспользовавшись ослаблением России после русско-японской войны, объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. В связи с этим событием Толстым написана статья «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» (см. прим. 149).

[158] Сухотин имеет в виду газетные сообщения о высылке Черткова и в частности, по-видимому, «Беседу с В. Г. Чертковым» в «Русском слове» (1909, № 73, от 1 апреля), в которой корреспондентом приводятся следующие слова Черткова: «Меня крайне удивляет предлог для высылки,— говорил нам В. Г.— Меня могли бы выслать за мои убеждения, но официальный предлог высылки — невозможность будто бы ручаться за спокойствие в губернии. Между тем, вся моя деятельность как пропагандиста в Тульской губернии выразилась лишь в том, что под моим влиянием распалось несколько крестьянских революционных кружков».

Письмо С. А. Толстой, о котором упоминает Сухотин,— письмо от 6 марта в редакции газет с протестом против высылки Черткова; было напечатано в «Голосе Москвы» (1909, № 57, от 11 марта), в «Русских ведомостях» (1909, № 58, от 12 марта) и в ряде других газет.

[159] Сухотин говорит о статьях-письмах Толстого: «Письмо студенту о „праве“» (ответ студенту Петербургского университета Ис. Крутику, написавшему Толстому 14 апреля 1909 г. под впечатлением от книги Л. И. Петражицкого «Теория права») и «О воспитании» (ответ на письмо В. Ф. Булгакова, в котором последний спрашивал Толстого о его взглядах на образование). «Письмо студенту о „праве“», над которым Толстой работал с 18 по 28 апреля 1909 г., впервые было напечатано в «Journal Franco-Russe» (Женева), 1910, №№ 26 и 27, от 9 и 16 января. «О воспитании» (11 апреля — 1 мая 1909) появилось впервые в журнале «Свободное воспитание», 1909—1910, № 2— с цензурными пропусками (см. т. 38, с. 54—69, 500—506).

[160] О редстокизме — см. прим. 80.

[161] Т. Л. Сухотина ездила в Петербург просить Столыпина об отмене высылки Черткова (выехала 30 апреля 1909 г., вернулась в Ясную Поляну 3 мая). Сухотин записывает в дневнике 7 мая 1909 г.: «Таня ездила в Петербург выхлопатывать у Столыпина возвращение Черткова. Была немедленно припята премьером, но, я думаю, особых результатов от этой поездки не окажется. Столыпин правильно заметил: „Поверьте мне, такого человека, как Чертков, ни в одном государстве не стали бы терпеть“» (ср. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Запись от 3 мая 1909 г.— А Т).

[162] Петр Аркадьевич *Столыпин* (1862—1911) — государственный деятель царской России, с именем которого связан период жесточайшей политической реакции; с 1906 г.— министр внутренних дел и председатель Совета министров.

[163] Мария Александровна *Шмидт* (1843—1911) — знакомая Толстого с 1884 г. См. о ней «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт». М., 1929.

[164] Автограф повести «Дьявол» хранился у матери Черткова Е. И. Чертковой в Петербурге.

[165] Повесть «Дьявол» была написана Толстым одновременно с «Крейцеровой сонатой». Она была начата 10 ноября и закончена 19 ноября 1889 г. (т. 27). Назначение повести было дидактическое: показать молодежи, в какое безвыходное положение

ставит человека страсть, если он вовремя не обуздает ее в себе. Материалом для рассказа об отношении героя повести Иртенева к Степаниде до его женитьбы послужило для Толстого воспоминание об его отношении до женитьбы к крестьянке Аксинье Аникановой (см. дневник с 1858 по 1860 г.). Материалом для истории отношения Иртенева к Степаниде после его женитьбы — послужило событие из жизни судебного следователя Н. Н. Фридрихса. Толстой в записях дневника от 10—24 ноября неизменно называл начатую повесть, впоследствии названную «Дьявол», «историей Фридрихса» или «Фредерикса» (см. т. 50, с. 177—184).

О чтении Софьей Андреевной повести «Дьявол» Толстой записал в дневнике 13 мая 1909 г.: «За завтраком С〈оня〉 б〈ыла〉 ужасна. Оказывается, она читала „Дьявол“ и в ней поднялись старые дрожжи, и мне б〈ыло〉 оч〈ень〉 тяжело. Ушел в сад. Начал писать письмо ей, то, ч〈то〉 отдать после смерти, но не дописал, бросил 〈...〉 Потом, в четыре часа она все высказала, и я, слава богу, смягчил ее и сам расплакался, и обоим стало хорошо» (т. 57, с. 66).

[166] Замечания Сухотина относятся к статье Толстого «Неизбежный переворот», оконченной 5 июля 1909 г. (т. 38, с. 72—99, 509—512) и интересны тем, что раскрывают запись в дневнике Толстого от 25 мая 1909 г.: «Дома М〈ихаил〉 С〈ергеевич〉, дал ему прочесть Неизб〈ежный〉 Пер〈еворот〉. Он сделал верные замечания» (т. 57, с. 73).

[167] Анна Егоровна — местная крестьянка.

[168] Цитата из экспромта «Для твоего поэта...», долгое время приписывавшегося Пушкину.

[169] Когда Толстой уезжал из Москвы (19 сентября 1909 г.), провожать писателя на Курский вокзал собралась огромная масса народа, была устроена овация.

[170] Очерк «Сон» является заключением к написанному Толстым в 1909—1910 гг. художественному произведению «Три дня в деревне». Здесь Толстой рассказывает действительно виденный им сон: его старый знакомый, учитель Орлов, в гостях у богатой помещицы отвечал гостю — помещику, жаловавшемуся на то, что у него крестьяне воровали дубы в лесу. Орлов говорил: «Да ведь, если бы они взяли не дубы, а унесли все, что есть здесь в этом доме, то они взяли бы только свое, только все то, что они и их братья, но уже никак не вы, сделали 〈...〉 Да ведь вы у них веками похищали не дубы, а жизни, жизни их детей, женщин, стариков, чахнущих и не доживающих естественный срок жизни...» (т. 38, с. 24).

[171] Сухотин писал П. А. Сергеенко, готовившему юбилейный толстовский альманах, о своей статье «Киевское шоссе» и о неодобрении ее Чертковым. Сергеенко передал это письмо Черткову, что вызвало недовольство Сухотина.

[172] Сообщение Сухотина о том, что Толстой «не исполнил» своего обещания написать предисловие к сочинениям А. И. Эртеля,— неверно. 4 декабря 1908 г. Толстой написал предисловие к лучшему произведению Эртеля — роману «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (т. 37, с. 243—244). Напечатано впервые: Собр. соч. А. И. Эртеля, т. V. М., 1909, стр. 7—8.

[173] М. *Левин* (р. 1860) — корреспондент норвежской газеты «Morgenbladet».

[174] По сообщениям газет, международный конгресс мира был перенесен на 1910 г. из-за всеобщей забастовки в Швеции. Рассказы Левина, о которых говорит Сухотин, подтверждают предположение Толстого (см. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Запись от 6(7?) августа 1909 г.-АТ) о том, что в этой отсрочке сыграло свою роль и его намерение приехать на конгресс, обеспокоившее президиум конгресса, состоявшего из людей, очень умеренных по своим взглядам.

[175] Барон *Д'Эстурнель де Констан* (D'Estournelles de Constant) — президент французского межпарламентского союза, глава французской парламентской делегации, находившейся в России с 4 по 13 февраля 1910 г., активный сторонник франко-русского союза. 9 февраля послал Толстому приветственную телеграмму (АТ), на которую Толстой ответил 11 февраля (т. 81, с. 95). Сухотин имеет в виду заявление Д'Эстурнеля о том, что он не может «следовать учению Толстого», в речи «Патриотизм и мир», произнесенной им 11 февраля в Москве (см. «Новое время», 1910, № 12185, от 12 февраля).

[176] Владимир Германович *Молоствов* (1859—1918) — близкий знакомый Толстого, казанский помещик, много путешествовал по Востоку, был инструктором в болгарской армии. Его жена Елизавета Владимировна *Молоствова* (рожд. Бер) (1873—1936), разделявшая взгляды Толстого, с которым начала переписываться в 1904 г., несколько раз была в Ясной Поляне.

[177] Секрет, который не хотел открыть В. Ф. Булгаков, состоял в том, что Толстым в то время было получено письмо от киевского студента Б.С. Манджоса, умолявшего Толстого отказаться от графства, раздать все имущество, уйти из дома и нищим пробираться из города в город. Ответ Толстого Манджосу напечатан в т. 81, с. 104 (ср. также В. Ф. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960, стр. 105—106).

[178] Лев *Шестов* (Лев Исаакович Шварцман) (1866—1938) — писатель, литературный критик, философ-идеалист, впоследствии эмигрант. О его посещении Толстой записал в дневнике: «Приехал Шестов. Мало интересен — „литератор“ и никак

не философ» (т. 58, с. 21). Упоминаемая Сухотиным книга Шестова о Толстом—«Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше. Философия и проповедь». СПб., 1907.

[179] Владимир Петрович *Глебов* (1848—1926) — тульский помещик, был женат на Софье Николаевне Трубецкой (р. 1854). Их дочь, Александра Владимировна (р. 1880) была замужем за Михаилом Львовичем Толстым, сыном Толстого.

[180] Организованная М. А. Стаховичем выставка была открыта в Петербурге 15 марта 1909 г.

[181] Переписка Толстого с А. А. Толстой была опубликована в 1911 г. («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». СПб., 1911).

[182] П. А. Сергеенко. Сократ. Драматическая хроника в 4-х действиях. М., 1902.

[183] Фет посвятил С. А. Толстой ряд стихотворений: «Когда так нежно расточала...» (1866; в нем встречаются упоминаемые слова «звезда и роза»), «Когда стопой слегка усталой...» (11 декабря 1884), «К портрету графини С. А. Толстой» (27 апреля 1885), «Я не у вас, я обделен!..» (28 мая 1886).

[184] Арвид Александрович *Ернефельт* (Arvid Järnefelt) (1861—1933) — финский писатель, разделявший взгляды Толстого. Перевел на финский язык «Воскресение», «Посмертные художественные произведения» и некоторые статьи Толстого. Переписывался с Толстым с 1895 г. (переписка опубликована в книге Ернефельта «Мое пробуждение». М., 1921). Был у Толстого в 1899 и 1910 гг. Последнее его посещение, о котором говорит Сухотин, описано в дневнике В. Ф. Булгакова и в письме Ернефельта к Черткову (т. 58, с. 345—346).

[185] Иван Иванович *Горбунов* (Горбунов-Посадов) (1864—1940)— единомышленник Толстого; с 1897 г.— руководитель издательства «Посредник».

[186] Статья Короленко «Бытовое явление. (Заметки публициста о смертной казни)» была опубликована в «Русском богатстве», 1910, №№ 3—4. По поводу этой статьи Толстой написал Короленко два письма (26—27 марта и 26 апреля 1910 г. — т. 81, с. 187—188, 251).

[187] Федор Алексеевич *Страхов* (1861—1923) — философ, единомышленник Толстого.

[188] Томаш Гарриг *Масарик* (Thomas Garigue Masařyk)(1850—1937) в 1882—1914 гг. был профессором философии Пражского университета; впоследствии — президент Чехословакии. В Ясной Поляне был два раза: в апреле 1888 г. и 29—30 марта 1910 г. О его беседе с Толстым см. в «Яснополянских записках» Маковицкого, записи от 29—31 марта 1910 г. (АТ).

[189] Александр Михайлович *Добролюбов* (р. 1876) — поэт, в первых сборниках своих стихов близкий к символистам. Оставил университет и стал послушником в Соловецком монастыре, затем много странствовал по России. Проповедовал опрощение, отказ от военной службы, непротивление. С Толстым познакомился в 1903 г.

[190] Толстой заезжал к Абрикосовым на их хутор Затишье.

ДОЧЬ ТОЛСТОГО ОБ ЕГО УХОДЕ И СМЕРТИ*

ВОСПОМИНАНИЯ Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ

Предисловие Б. С. Мейлаха

28 октября 1910 г. 82-летний Лев Толстой тайно и навсегда покинул Ясную Поляну, где родился и которую так любил. А вскоре он тяжело заболел и умер на маленькой железнодорожной станции Астапово.

Весь мир был потрясен этими событиями, и до сих пор не умолкают в литературе споры об их причинах. Не мало было ложных и противоречивых версий «ухода Толстого»,

---

* Воспоминания Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой (1864—1950) появились в печати в Париже на французском языке в дни, когда отмечалось столетие со дня рождения Толстого (журнал «Europe», 1928, № 67, от 15 июля, стр. 395—472. В 1960 г. они вышли в Париже отдельным изданием). На русском языке воспоминания печатаются впервые. Перевод выполнен Екатериной Васильевной Толстой. По свидетельству автора, статья была задумана вначале для русского читателя, для «русских братьев и сестер», однако сохранился ли и существовал ли вообще ее русский подлинник — установить не удалось. Впрочем, не вызывает сомнения, что замысел статьи возник много ранее 1928 г. и, если не написана, то во всяком случае подготовлена она была еще до отъезда Татьяны Львовны за границу в 1925 г. На это прежде всего указывает характер статьи, построенной почти целиком на документальном материале из семейного архива Толстых. В те годы материал этот в большей своей части оставался неопубликованным, и работа над статьей требовала непосредственного обращения к источникам.

Татьяна Львовна пишет, что поводом для ее выступления в печати послужил выход в свет нескольких работ, посвященных семейной драме Толстого и дающих, по ее мнению, «неверное и пристрастное» объяснение этой драмы. Действительно, вопрос о взаимоотношениях Толстого с женой и причинах его ухода из Ясной Поляны стал предметом широкого обсуждения в печати вскоре же после смерти Софьи Андреевны (1919). Одна за другой появились тогда брошюра В. Г. Черткова «Уход и смерть Толстого» (1922); IV том биографии Толстого, написанной П. И. Бирюковым (1923); книга А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого. Дневник 1910 г.» (1923) и ряд журнальных статей, как-то: «Правда о С. А. Толстой» О. Волжанина в «Вестнике литературы» (1921), «С. А. Толстая» и «Еще о семейной драме Толстого» Н. А. Соколова (1921) в том же журнале и др. Даты этих работ в свою очередь указывают на более раннее, чем 1928 г., происхождение статьи.

Статья Татьяны Львовны насыщена многочисленными отрывками, выдержками и цитатами из сочинений, дневников и писем как Толстого, так и С. А. Толстой. Но, помещая свою работу в «Europe» — журнале общелитературного характера, рассчитанном на широкого читателя, Татьяна Львовна не снабдила свои цитаты точными ссылками на источники. Кроме того, приведенные ею документальные материалы даны, как правило, с неполными и неточными датировками. В отдельных же случаях датировки вообще отсутствуют.

В настоящей публикации цитируемые материалы снабжены нами датами и ссылками на источники. Эти сведения вынесены в примечания.

Перевод статьи был сделан Е. В. Толстой без обращения к первоисточникам. Все встречающиеся тексты Толстого, С. А. Толстой и других были даны в обратном переводе с французского языка. Этот недостаток устранен, восстановлен подлинный русский текст цитируемых документов. Купюры, сделанные Татьяной Львовной в цитатах, отмечены нами тремя точками в угловых скобках.

Помещая статью, мы исключили из ее текста несколько фраз, обращенных специально к французскому читателю, например о французской транскрипции фамилии Толстого, объяснения слов «телега», «юродивый» и т. п.

Ред.

фантастических «догадок», реакционных легенд. Были попытки доказать, что уход означал для Толстого отречение от обличительной деятельности и возвращение к церкви, что решение уйти было вызвано предчувствием смерти; другие указывали на внутрисемейный конфликт и «дурной характер» Софьи Андреевны как на основную причину; третьи уверяли: Толстой ушел, подчинившись влиянию друзей, и прежде всего Черткова. Эти версии были основными в дореволюционной русской литературе о Толстом, и до сих пор они продолжают распространяться в книгах и статьях многих критиков на Западе. Кроме этих версий, существуют и другие. Вопрос об обстоятельствах смерти писателя продолжает волновать своей неясностью миллионы читателей во всем мире: от его освещения зависит правильное представление о конце жизненного пути Толстого, об итогах духовной эволюции мыслителя. Между тем этот вопрос только недавно стал у нас предметом научного исследования. Возможность беспристрастного анализа последнего периода жизни Толстого наступила только теперь, когда достоянием ученых стали многие ранее недоступные материалы, когда завершено полное 90-томное собрание сочинений писателя, в которое входят также его дневники и письма. Углубленное освоение нашим литературоведением статей В. И. Ленина о Толстом создало методологическую основу для освещения жизненного пути, а также наименее изученного последнего этапа идейно-творческой биографии писателя.

Причины ухода Толстого очень сложны и могут быть поняты лишь в результате всестороннего анализа не только всех обстоятельств, которыми он был вызван непосредственно, но путем изучения проблем, связанных с эволюцией мировоззрения Толстого и влияния на эту эволюцию глубоких процессов русской жизни. Все, что нам известно теперь о Толстом, позволяет опровергнуть реакционные, клеветнические выдумки и всякого рода попытки буржуазных критиков доказать, что Толстой к концу жизни «смирился» и что уход из Ясной Поляны был вызван стремлением «раскаяться», «вернуться в лоно церкви» и т. п. Точно так же ложны утверждения о том, что Толстой «уходил умирать». Уход был вызван сложным переплетением причин социальных и личных, причин, обусловленных прежде всего обострением духовной драмы писателя, усилением кричащих противоречий его взглядов под влиянием бурно развивающихся событий русской жизни. Уход Толстого ни в какой степени не был вызван стремлением «раскаяться» в обличительной деятельности; это был поступок протестанта, опровергавший его же многократные заявления о том, что не следует изменять внешних условий жизни, что нужно нести «тяжелый крест» испытаний, которые являются лишь материалом для «самоусовершенствования» и «внутренней» «духовной работы» *.

В литературе, посвященной уходу Толстого, русской и зарубежной, особенно часто выдвигался в качестве главной определяющей причины семейный разлад в доме Толстого. Единственная в «толстовиане» книга, специально посвященная теме ухода — «Уход Толстого» Черткова (1922),— во всем обвиняет жену писателя. На тенденциозность этой книги указал еще М. Горький в своем очерке «С. А. Толстая». В книге есть и другая тенденция, также неверная: Чертков как толстовец, более ортодоксальный, чем его учитель, утверждает, что уход был актом религиозным, логически вытекавшим из религиозно-нравственного учения Толстого. Но пафос книги — в обличении Софьи Андреевны. Между тем одностороннее освещение ее роли в «яснополянской трагедии» является, разумеется, столь же недопустимым, как и существующее в литературе одностороннее освещение роли Черткова как «главного виновника» «яснополянской трагедии» роли, о которой читатели знают из недавно переизданного дневника В. Ф. Булгакова и из воспоминаний других современников.

Хотя, как я уже упоминал, уход Толстого был вызван целым комплексом причин, преимущественно социально-исторического характера, в числе этих причин семейный разлад сыграл весьма большую роль. Это засвидетельствовано многими признаниями самого Толстого в его дневниках. Замалчивание этой темы, игнорирование ее в исследованиях может принести лишь вред, так как оставляет читателя в плену ложных пред-

---

* Причины и обстоятельства финальных событий биографии Толстого рассматриваются в моей книге «Уход и смерть Льва Толстого» (М.—Л., 1960).

ставлений о причинах ухода Толстого и о корнях семейного конфликта, всякого рода легенд, которыми так обильна литература о Толстом. Но и семейный разлад можно понимать по-разному, поскольку в его возникновении и развитии можно видеть разные мотивы — органические и случайные. Поэтому, не преувеличивая удельного веса внутрисемейного конфликта, важно иметь о нем правильное представление. Естественно, что при этом приходится обращаться к мемуарам тех, кто были непосредственными свидетелями происходящего, и прежде всего к мемуарам родственников Толстого, членов его семьи. Однако эти мемуары не только не равноценны, но иногда дают совершенно превратную картину «яснополянской трагедии».

В «Очерках былого» сына писателя — Сергея Львовича — мы находим наиболее беспристрастное изложение событий и освещение той ожесточенной борьбы вокруг завещания, которая отравила его отцу последние месяцы жизни, а другой сын — Лев Львович — рисует все в искаженном свете. Лев Львович, бывший идейным противником отца и выступавший против него в реакционной печати, в то же время был также одним из главных виновников «яснополянской трагедии». Весь свой пыл он направил на то, чтобы заставить отца уничтожить завещание, по которому его сочинения становились после смерти «общим достоянием», а не источником дохода для семьи. Завещания этого Лев Львович никогда не мог простить отцу: в своих мемуарах он утверждает, что Толстой ушел из Ясной Поляны будто бы потому, что понял ошибку с завещанием, из-за этого его замучила совесть! (С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1956; Л. Л. Толстой. В Ясной Поляне. Правда о моем отце и его жизни. Прага, 1923).

Необъективную, неверную картину «яснополянской трагедии» дала и Александра Толстая, которая, хотя и была в истории с завещанием на стороне отца, однако настолько обостряла со своей стороны ситуацию борьбы, что даже вынуждена была впоследствии признаться в этом. «Ты уподобляешься ей»,— сказал однажды Толстой Александре после одного из эпизодов, когда она дошла до предела в своих требованиях, чтобы отец даже в мелочах противостоял ее матери, в то время совершенно потерявшей власть над собой. В книге «Отец» Александра Толстая пишет: «Я видела, какая непрестанная борьба шла в душе отца 〈...〉 Я не жалела, а сердилась... А насколько было бы легче отцу, если бы мы, его близкие, жалея мать, могли со смирением и любовью отнестись к ней» (Нью-Йорк, 1953, кн. 2, стр. 338, 373)*.

Запоздалое признание! Участники борьбы, возникшей в последние годы жизни Толстого в его семье, забыли, что их главнейший, священный долг — заботиться о спокойной обстановке для него, создать атмосферу теплоты, внимания, оберегать от излишних волнений. «Они разрывают меня на части», — писал Толстой в «Дневнике для одного себя» 24 сентября 1910 г., когда увидел невозможность воздействовать на обе стороны, чтобы устранить ажиотаж, возникший в связи с завещанием (т. 58, с. 138).

Публикуемые ниже воспоминания старшей дочери Толстого Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой выделяются стремлением объективно воссоздать семейную обстановку, которая явилась одной из причин ухода отца. Эти воспоминания представляют для нас огромный интерес; перед нами попытка разобраться в обстоятельствах «яснополянской трагедии». Попытка эта сделана непосредственной ее наблюдательницей, которая, в отличие от ряда других лиц, занимала тогда позицию наиболее объективную.

Прежде чем говорить о сильных и слабых сторонах публикуемых воспоминаний, скажем кратко об этой позиции автора.

В то время как братья Татьяны Львовны Лев и Андрей всячески восстанавливали против отца свою мать, преследуя исключительно материальные цели — погоню за правом на литературное наследство отца после его смерти; в то время как Александра Толстая, полагая, что она защищает интересы отца, утяжеляла обстановку, бдительно следила за его «непримиримостью» к матери и не желала считаться с тем, что болезнь

---

* Следует отметить также, что, говоря в названной книге об общественных взглядах Толстого, А. Л. Толстая (руководительница белоэмигрантского «толстовского фонда» в США) доходит до прямого их искажения, пытаясь использовать имя великого писателя в реакционных целях.

матери — истерия — довела ее мнительность до крайних форм проявления; в то время как все сильнее разгоралась борьба «партии Софьи Андреевны» и «партии Черткова» — старшая дочь писателя делала все возможное, чтобы как-то облегчить положение. Татьяна Львовна жила не в Ясной Поляне, а в имении своего мужа М. С Сухотина Кочеты. Но и в дни своего пребывания в Ясной Поляне, и в письмах к членам семьи Толстых она не раз говорила о недопустимости возникшей распри, призывала и братьев, и мать понять, что они совершают тягчайшую ошибку, отравляя последние годы жизни Толстого. 2 августа 1910 г. Толстой записал в дневнике: «От Тани письмо прекрасное. Она, бедняжка, за меня страдает» (т. 58, с. 86). В этой записи подразумевается письмо Татьяны Львовны к сестре Александре, полное беспокойства за судьбу отца, вынужденного переносить созданную матерью и двумя братьями—Андреем и Львом — невыносимую обстановку. Пыталась Татьяна Львовна воздействовать и на мать. Признавая, что Софья Андреевна отдает много сил заботам о внешней стороне яснополянского быта, Татьяна Львовна просит ее, однако, обратить внимание на необходимость изменить самое существо отношения к Льву Николаевичу: «Спросите у него хоть раз в жизни, что́ ему дороже: все внешние блага жизни или то, чтобы вы приблизились к нему душой и не заставляли бы его страдать видом разных насилий, ни на что и никому не нужных? ⟨...⟩ Ему, приближаясь к смерти, все тяжелее и тяжелее жить в тех условиях, где из-за сука, взятого без спроса, незнакомый дикий молодой черкес ловит старого знакомого папа́ и любимого им мужика *. А, главное, папа́, любя вас, страдает оттого, что вы можете делать такие дела и допускать их у него на глазах. Вы страдаете, когда ему еда плоха, стараетесь избавить его от скучных и трудных посетителей, шьете ему блузы,— одним словом, окружаете его материальную жизнь всевозможной заботой, а то, что ему дороже всего, как-то вами упускается из вида. Как он был бы тронут и как бы воздал за это сторицей, если бы вы так же заботливо относились к его внутренней жизни. Мне представляется, что вместо теперешнего страдания ваша жизнь могла бы быть такой идиллией, что вы оба радовались бы на нее ⟨...⟩ У меня так за вас сердце болит...» (АТ. Цит.— т. 58, с. 405).

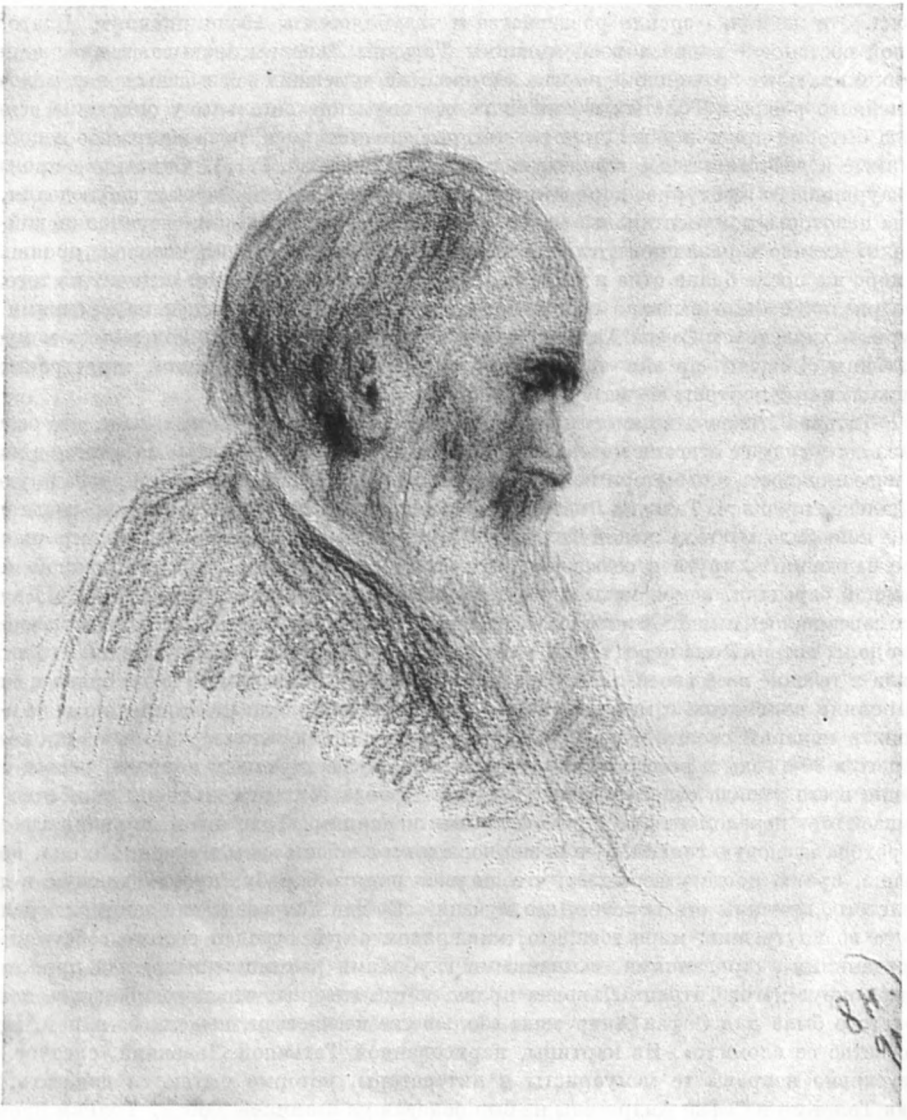
Глубокое возмущение вызывала у Татьяны Львовны позиция братьев Андрея и Льва. «Это неслыханно,— писала она Андрею,— окружить 82-летнего старика атмосферой ненависти, злобы, лжи, шпионства и даже препятствовать тому, чтобы он уехал отдохнуть от всего этого. Чего еще нужно от него? Он в имущественном отношении дал нам гораздо больше того, что сам получил. Все, что он имел, он отдал семье. И теперь ты не стесняешься обращаться к нему, ненавидимому тобой, еще с разговорами о завещании» (В. Ф. Б у л г а к о в. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1957, стр. 42—43).

Наконец, Татьяна Львовна пыталась наладить отношения между Софьей Андреевной и Чертковым. Она ездила с этой целью к нему, говорила с ним. В сентябре, не без ее влияния, Чертков написал Софье Андреевне письмо, в котором предлагал восстановить между ними обоими «если не полное согласие во всех убеждениях, зато взаимное уважение и доброжелательство». Но Софья Андреевна, совершенно не желавшая считаться с тем, что Толстой видел в Черткове своего ближайшего друга и помощника, не могла простить Черткову его бестактного вмешательства в жизнь семьи и осталась непреклонной. К тому же ее подозрения в том, что тайное завещание существует и что инициатором его является будто бы Чертков, исключало всякую возможность примирения...

В результате все попытки Татьяны Львовны воздействовать на обе стороны практически ни к чему не привели. Но Толстой постоянно ощущал нежную любовь, заботу, глубочайшую тактичность дочери. «Милая Танечка», «милая, милая Таня»,— называл он ее в своих дневниках, которым поверял свои тягчайшие переживания, свою неимоверную боль. Сама же Татьяна Львовна была заинтересована только в одном, чтобы отцу было хорошо и спокойно. 12 августа он сказал ей о существовании завещания и записал в дневнике об этом разговоре: «Она рада и согласна» (т. 58, с. 133).

---

* Речь идет о черкесе, который по распоряжению Софьи Андреевны охранял яснополянские владения.— *Б. М.*



ТОЛСТОЙ

Рисунок Т. Л. Сухотиной-Толстой, 1908 г.

Музей Толстого, Москва

В свете всего этого очевиден интерес, который вызывают публикуемые ниже воспоминания Татьяны Львовны. Уже из ее письма к Софье Андреевне, которое мы привели, можно заключить, что основу расхождений между матерью и отцом старшая дочь видела в коренном различии взглядов, в том, что от матери внутренний мир отца был чужд. Эта же точка зрения развивается и углубляется в воспоминаниях. Благодаря такой постановке вопроса воспоминания Татьяны Львовны оказываются несравненно принципиальнее сочинений многих авторов, не сумевших возвыситься над мелочами семейного разлада Толстых и отдавших все внимание детальному описанию всякого рода бытовых дрязг и даже сплетен, которые, не стесняясь, позволяли себе некоторые мнимые и действительные «свидетели происходившего» *. Т. Л. Сухотина, проявляя незаурядное литературное дарование и опираясь как на собственные наблюдения, так и на некоторые документальные материалы, показывает, что корни «яснополянской трагедии» именно в различии взглядов на жизнь, на смысл жизни, которое проявилось вскоре же после брака отца и матери. При этом Татьяна Львовна исходит из того, что это различие было вызвано объективными условиями, а не злыми намерениями или дурным характером Софьи Андреевны (отсюда полемическая направленность мемуаров Татьяны Львовны против тех, которые рисовали, по ее словам, «пристрастный», «искаженный портрет» ее матери).

Татьяна Львовна во многом восстанавливает истину. Она показывает, что основой разлада между ее отцом и матерью были противоположные взгляды на многое в жизни и невозможность для матери понять внутренний мир Толстого. Истоки разлада уходят в далекое прошлое. Татьяна Львовна пишет о матери: «Какой же была она, когда узнала, полюбила и стала женой Толстого? Вторая дочь доктора Берса, воспитанная как все барышни ее круга и ее века. В то время замужество было жизненной целью каждой барышни, и моя мать инстинктивно стремилась к этому идеалу ⟨...⟩ Для нее все завершалось семейной жизнью: быть верной и любящей женой, преданной матерью — вот долг, который она перед собой ставила. И бог свидетель — честно ли она его выполняла в течение всей своей долгой жизни». Со своими понятиями о цели брака и семьи, выполняя долг жены и матери, Софья Андреевна не только не хотела, но и *не могла* понять исканий своего мужа и особенно духовного перелома, который произошел у него в 80-е годы и вызвал отрицание им основ существующего порядка, резкое обличение всего уклада современного общества. Правда, Татьяна Львовна ошибочно связывает этот перелом только с религиозными исканиями Толстого и не видит здесь его перехода на новую социальную позицию: в этом слабость ее мемуаров. Но она, несомненно, права, когда утверждает, что, не умея понять борьбу, происходившую в душе Толстого, причины его поисков, его мучений, Софья Андреевна «не занимала больше места во внутреннем мире того, кто, живя рядом с ней, страдал своими собственными страданиями», страданиями, вызванными глубокими размышлениями над происходящим вокруг него. Татьяна Львовна права, когда говорит, что невозможность понять Толстого была для Софьи Андреевны «больше ее несчастьем, нежели ее виной. И это несчастье ее сломило». Из картины, нарисованной Татьяной Львовной, следует, что безусловно неправы те мемуаристы и литераторы, которые пытаются доказать, что брак Толстого и Софьи Андреевны не был основан на взаимной любви. Тонким проникновением в суть семейной драмы отличаются слова Татьяны Львовны о своих родителях: «Они жили бок о бок, как добрые друзья,— но чужие друг другу, полные большой и искренней взаимной любви, но все более и более сознающие, сколь многое их разделяет». В публикуемых мемуарах прослеживается нарастание розни, которая особенно усилилась борьбой вокруг завещания и болезнью Софьи Андреевны, сопровождавшейся невыносимыми для Толстого проявлениями «преувеличенного эгоизма». Сдержанно и объективно рассказывает Татьяна Львовна и о расхождении во взглядах между отцом и другими членами семьи. Несмотря на периоды спокойной и даже счастливой жизни, постепенно обострялись противоречия между Толстым и чле-

---

* Образцом такого рода описаний является, например, неопубликованный дневник машинистки В. М. Феокритовой, проживавшей тогда в яснополянском доме Толстых.— *Б. М.*

нами семьи, противоречия, которые опять-таки основывались на различном отношении к жизненной цели. И Татьяна Львовна замечает: «Драма только тогда становится драмой, когда 〈. .〉 обстоятельства заводят в тупик. Наша семья очутилась действительно в трагическом положении, из которого не было выхода».

Итак, стремление объективно охарактеризовать «семейную драму» определяет основную ценность публикуемых мемуаров. Благодаря этому они помогут современным исследователям в изучении одной из многих и сложных причин ухода Толстого, хотя, разумеется, и в этом плане характеристики Татьяны Львовны нуждаются в коррективах, поскольку наше понимание социально-исторических истоков эволюции Толстого позволяет понять вернее и суть семейного разлада. Ведь этот разлад при всем его своеобразии является одним из типичных проявлений общественной ломки, происходившей в ту эпоху и по-своему отразившейся и в сфере семейных отношений: не случайно поэтому многие общие критические суждения Толстого о современных семьях можно отнести к его собственной семье.

В начале своих мемуаров Татьяна Львовна предупреждает, что она пишет эту свою статью-мемуары именно как дочь Толстого, как свидетель, поставленный «в особо благоприятные условия», посвященный «более, чем кто-либо другой» в его личную жизнь. Вместе с тем она подчеркивает, что не претендует на то, чтобы раскрыть сущность ухода отца, замечая: «Его поведение было результатом целого ряда причин, сочетавшихся, смешивавшихся, сталкивавшихся, противоречивших друг другу». Свое внимание Татьяна Львовна сосредоточила преимущественно на одной из причин, но не в этом недостаток ее мемуаров: она пишет о том, что знает. Недостатки обнаруживаются главным образом тогда, когда она попутно касается сложных вопросов идейной эволюции Толстого. Так, например, в ее освещении новый взгляд Толстого на народ после перелома и его любовь к «простонародью» были вызваны тем, что в народе увидел он истинное христианство; на самом же деле отношение Толстого к народу, как это теперь хорошо известно, было вызвано прежде всего переходом на точку зрения крестьянских масс, угнетенных и порабощенных современным строем. Поэтому иногда непоследовательно и неверно освещается в мемуарах и суть расхождений Толстого и Софьи Андреевны в вопросе об отношении к крестьянству. Татьяна Львовна приводит характерные признания матери о том, что ей чужд «деревенский народ» и она никогда его не поймет. И тем не менее, отвлекаясь от этих важнейших признаний, помогающих понять причину многих раздоров в яснополянском доме, Татьяна Львовна утверждает далее, что после смерти отца мать в последние годы своей жизни стала по взглядам ближе к отцу, и видит эту близость в... сочувственном отношении к вегетарианству. А между тем в основе взгляды Софьи Андреевны, разделявшие ее с мужем, остались неизменными. Как показывают ее неопубликованные «Ежедневники» (записи дневникового характера) последних лет жизни, ее взгляды на помещичью собственность, на крестьян которые будто бы самим богом обречены работать на помещиков,— взгляды, сформировавшиеся еще в молодости, отстаивались ею до конца жизни.

* * *

После того, как Толстой покинул Ясную Поляну, его дети написали ему письма. Каждый по-своему выразил отношение к решению отца начать новую жизнь. Среди этих писем письмо Татьяны Львовны отличается чуткостью и присущим ей тактом. Вот оно:

«Милый, дорогой папенька, ты всегда страдал от большого количества советов — поэтому я не даю советов. Ты, как и всякий, поступаешь так, как можешь и как считаешь нужным. Никогда тебя осуждать не буду. О мама́ скажу, она жалка и трогательна. Она не умеет жить иначе, чем она живет. И, вероятно, никогда не изменится в корне. Но для нее нужен страх или власть. Мы все постараемся ее подчинить и, думаю, что это будет к ее пользе. Прости меня. Прощай, друг мой. Твоя Таня. 29 окт. 1910 г.» (С. Л. Толстой. Очерки былого, стр. 250).

Теперь мы знаем, что когда старшая дочь Толстого писала это письмо, она была охвачена тяжелыми предчувствиями. Мы знаем также, что в «яснополянской трагедии» она вела себя безупречно. И все же предотвратить роковой конец было не в ее силах: из создавшегося положения, как она говорит, «не было выхода».

О СМЕРТИ МОЕГО ОТЦА И ОБ ОТДАЛЕННЫХ ПРИЧИНАХ ЕГО УХОДА

Меня часто обвиняли в том, что я никогда не протестовала против контрфакций и плагиата сочинений моего отца Льва Толстого, равно как и против лжи и клеветы, которые время от времени возникали и все еще возникают в мировой печати вокруг его имени.

Я следовала в этом его примеру: мой отец взял себе за правило никогда не отвечать на посягательство на его литературные права и не отзываться на клевету, затрагивающую его частную жизнь.

Если я прерываю молчание, то это вызвано тем, что в печати появились книги, написанные друзьями моего отца, дающие фальшивую картину отношений моих родителей между собой и пристрастный, искаженный портрет моей матери. В этих книгах описанные факты, как правило, точны, но, говоря словами Гоголя, — ничего нет хуже правды, которая не правдива.

Я полагала, что мне как старшей дочери надлежало выступить в защиту истины. Мой долг перед памятью родителей — прервать в настоящий момент молчание. Конечно, это тяжелая обязанность, ибо мне придется вскрыть многое такое, что обычно не выходит за пределы узкого семейного круга.

Моя жизнь прошла не в обычном доме. Наш дом был стеклянным, открытым для всех проходящих. Каждый мог все видеть, проникать в интимные подробности нашей семейной жизни и выносить на публичный суд более или менее правдивые результаты своих наблюдений. Нам оставалось рассчитывать лишь на скромность наших посетителей.

Мой отец никогда не боялся говорить о самом себе, когда считал это необходимым. Он жил, ни от кого не прячась. Он написал свою «Исповедь» и в этой исповеди, искренней до предела, обнажил все тайники своего сердца.

Я считаю, что настало время поделиться с теми, кто интересуется Толстым, пережитым мною в годы, проведенные близ него. У меня сложилась собственная точка зрения на отношения моего отца и матери и на их отношение к нам, их детям. Я свидетель. Вначале я хотела обратиться к своим русским братьям и сестрам: у моего отца среди них есть еще много друзей. Теперь я обращаюсь к французам, среди которых, я уверена, тоже много друзей Толстого. Что касается меня, то мне нечего скрывать от этих друзей. Я хочу, чтобы они были судьями. Я хочу показать им в новом свете некоторые стороны жизни моего отца. Я буду вполне откровенна и вполне искренна, и если не скажу всего, что могла бы сказать о драме жизни моих родителей, то только потому, что слишком много людей было замешано в эту трагедию и что для некоторых из них это было бы слишком рано.

Все даты указаны здесь по «старому стилю», т. е. с опозданием на 13 дней.

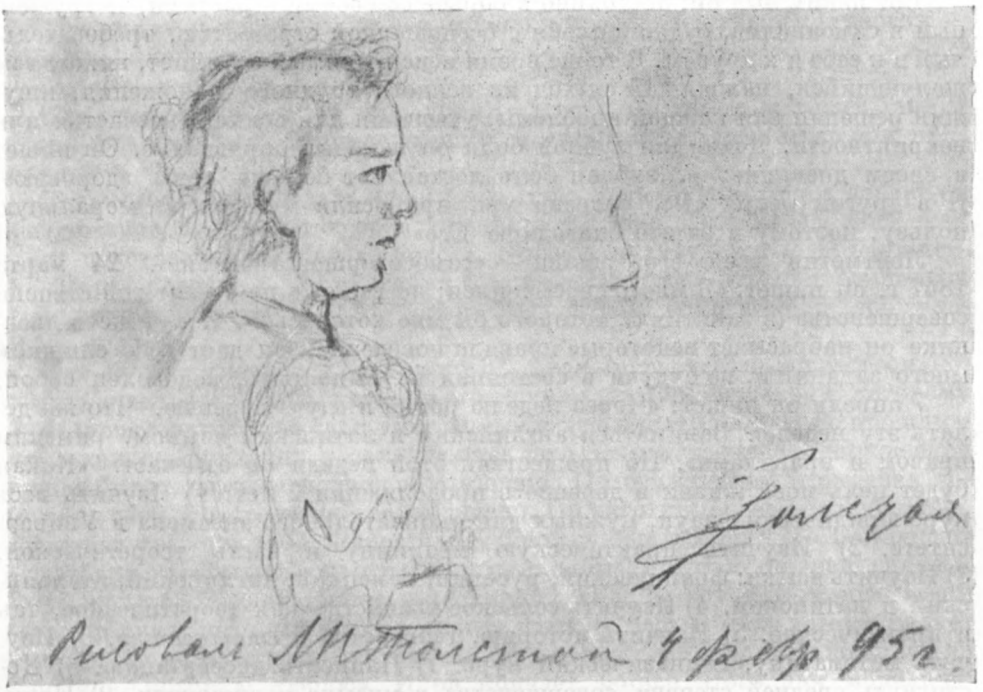
* * *

Темной осенней ночью 28 октября 1910 г., в 3 часа пополуночи, мой отец покинул свой дом в Ясной Поляне, где он родился и провел бо́льшую часть своей жизни.

Какие же были причины, вызвавшие этот отъезд — скажу даже — это бегство? Известны ли они и станут ли когда-нибудь известны?

Самое простое было бы сказать, что Толстой убежал от жены, так как она его не понимала и жизнь с нею была ему тяжела. Или, что та относительная роскошь, которая его окружала в семье, была ему невыносима и

он хотел жить простой, уединенной жизнью среди крестьян и рабочих. Но в жизни человека никогда не бывает, чтобы одна какая-нибудь причина преимущественно перед другими побудила бы его совершить тот или иной поступок. И это в особенности справедливо для такой богатой, страстной и сложной натуры, как мой отец. Его поведение было результатом целого ряда причин, сочетавшихся, смешивавшихся, сталкивавшихся, противоречивших друг другу.



Т. Л. ТОЛСТАЯ
Рисунок Толстого
Внизу надпись рукой Т. Л. Толстой: «Рисовал Л. Н. Толстой 4 февраля 95 г.»
Архив Толстого, Москва

Я была свидетелем жизни моего отца в течение двух ее периодов: перед его религиозным кризисом и после него. Добавлю, что я была свидетелем, поставленным в особо благоприятные условия. Я была более, чем кто-либо другой, посвящена в его интимную жизнь. В течение тридцати пяти лет, до своего замужества, я постоянно жила дома. Мой отец был со мной очень откровенен, в особенности в том, что касалось моей матери. Он знал, что я люблю их обоих и всегда готова сделать все от меня зависящее, чтобы водворить между ними мир.

Моя мать в свою очередь делилась со мной своими тайными горестями и радостями. Я была ее старшей дочерью и только на 20 лет моложе ее. С годами разница в возрасте между нами до такой степени сгладилась, что вскоре она стала относиться ко мне как к равной, как к подруге.

Чтобы понять весь трагизм положения, незаметно нараставший в течение почти полувека и приведший к уходу моего отца из дома и к его смерти в маленьком домике начальника станции, следует вдуматься в то,

каким был Толстой начиная с сознательного возраста и какой была та, та молоденькая Соня Берс, которая стала его женой.

У меня перед глазами интимные дневники моего отца, начиная с 1847 г. Ему было тогда 19 лет, и он был студентом Казанского университета. Есть у меня и дневники матери начиная с 1862 г. Ей было 18 лет, и она только что вышла замуж. Каждый внимательный читатель найдет и в этих документах зародыши характеров, развившихся и окрепших в зрелом возрасте.

Вот каким был он: постоянно в борьбе со своими страстями, погруженный в самоанализ, судящий себя с беспощадной строгостью, требовательный и к себе и к другим. В то же время неисправимый оптимист, никогда не жалующийся, находящий выход из всякого трудного положения, ищущий решения для каждой проблемы, утешения для всякого несчастья или неприятности. Даже для зубной боли он находил оправдание. Он пишет в своем дневнике: «...зубная боль доставляет больше цены здоровью». И в другом месте: «Все болезни мои приносили мне явную моральную пользу; поэтому и за это благодарю Его» [1].

Лейтмотив всей его жизни — «самосовершенствование». 24 марта 1847 г. он пишет: «Я много переменился; но все еще не достиг той степени совершенства (в занятиях), которого бы мне хотелось» [2]. И тут же в дневнике он набрасывает некоторые правила поведения. Он дает себе слишком много заданий и, не будучи в состоянии их выполнить, недоволен собой.

7 апреля он пишет: «Через неделю ровно я еду в деревню. Что же делать эту неделю? Заниматься английским и латинским языком, римским правом и правилами». По прошествии этой недели он отмечает: «Какая будет цель моей жизни в деревне в продолжении 2 лет? 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в Университете. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить историю, географию и *статистику*. 6) Изучить математику, гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать» [3].

На следующий день он понял, что переоценил свои возможности, и 18 апреля пишет: «Я написал вдруг много правил и хотел им всем следовать, но силы мои были слишком слабы для этого» [4].

После двухмесячных стараний, он отмечает: «Ах, трудно человеку развить из самого себя хорошее под влиянием одного только дурного». «Дойду ли я когда-нибудь до того, чтобы не зависеть ни от каких посторонних обстоятельств? По моему мнению, это есть огромное совершенство» [5].

Позднее он убедился, что совершенство и совершенствование — вещи разные, и 3 июля 1854 г. записал: «...главная моя ошибка — ⟨...⟩ та, что я усовершенствование смешивал с совершенством. Надо прежде понять хорошенько себя и свои недостатки и стараться исправлять их, а не давать себе задачей — совершенство, которого не только невозможно достигнуть с той низкой точки, на которой я стою, но при понимании которого пропадает надежда на возможность достижения» [6].

Он не прекращает своих усилий. Он не теряет надежды. От времени до времени он отмечает достигнутые успехи на пути совершенствования. «Исправление мое, — утверждает он, — идет прекрасно» [7]. И позднее: «Упиваюсь быстротой морального движения вперед». Однажды он поставил перед собой такую задачу: «... для себя по доброму делу в день» и добавляет: «и довольно». «Я твердо решился посвятить свою жизнь пользе ближнего. В последний раз говорю себе: Ежели пройдет три дня, во время которых

я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя». И через месяц: «Ежели завтра я ничего не сделаю, я застрелюсь» [8].

Много лет спустя мой отец, вспоминая эти годы борьбы, писал: «...единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем и было совершенствование, и какая была цель его, я бы не мог сказать (...) Я всею душой желал быть хорошим; но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался высказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям — меня хвалили и поощряли» [9].

Затем — женитьба.

12 сентября 1862 г. он пишет: «Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить. Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится» [10].

16 сентября он передает юной Соне Берс письмо, в котором делает ей предложение, и заносит в свой дневник: «Сказал. Она — да. Она как птица подстреленная. Нечего писать. Это все не забудется и не напишется». Через неделю — 23 сентября — свадьба. Через два дня он пишет: «Неимоверное счастье (...) Не может быть, чтобы это все кончилось только жизнью»[11].

Чем была женитьба для Толстого? Страницей любви, средством положить конец соблазнам, которые его мучили, этапом его жизни, которому он не мог посвятить все свои умственные и душевные силы. И не прошло и года, как он приходит к заключению, что девять месяцев супружеской жизни были для него периодом отупения. Он испытывает угрызения совести за свой эгоистический образ жизни. Он тяготится своей праздностью, перестает уважать себя. Радости семейной жизни всецело его поглощают и заставляют забывать «высоты правды и силы», которые он знал раньше.

18 июня 1863 г. он пишет в дневнике:: «Где я, тот я, которого я сам любил и знал, который выйдет иногда наружу весь и меня самого радует и пугает? Я маленький и ничтожный. И я такой с тех пор, как женился на женщине, которую люблю». И он кончает записи этого дня молитвой: «Боже мой. Дай мне жить всегда в этом сознании тебя и своей силы...»[12].

И вот эта женщина. Какой же была она, когда узнала, полюбила и стала женой Толстого? Вторая дочь доктора Берса, воспитанная как все барышни ее круга и ее века. В то время замужество было жизненной целью каждой барышни, и моя мать инстинктивно стремилась к этому идеалу. Замужество было для нее чем-то священным. Всем своим воспитанием она была подготовлена к семейной жизни, и она принесла в эту жизнь все богатство девственной души и тела.

Но, в противоположность мужу, она от природы пессимистка. Она часто впадает в уныние и легко огорчается. Ей кажется, что все вокруг приносит ей несчастье. Она постоянно воображает себя в безвыходном положении и вместо того, чтобы искать выхода, то жалуется, то упрекает себя, то ищет себе извинения. Она чувствует себя ответственной за все несчастья, которые ее окружают, и виноватой, что не может ничем помочь.

Первым большим горем в ее жизни было открытие прошлой холостой жизни мужа. До самой смерти она не могла примириться с мыслью, что отдала ему всю свою любовь, тогда как он до нее любил других женщин. Вот что читаем мы в ее дневнике: «Все его прошедшее так ужасно для меня, то я, кажется, никогда не помирюсь с ним (...) Он не понимает, что его прошедшее — целая жизнь, с тысячами разных чувств хороших и дурных, которые мне уж принадлежать не могут, точно так же не будет мне принадлежать его молодость, потраченная бог знает на кого и на что,

И не понимает он еще того, что я ему отдаю все, что во мне ничего не потрачено, что ему не принадлежало только детство ⟨...⟩ Ему бы хотелось, чтоб и я прошла такую жизнь и испытала столько дурного, сколько он, для того чтоб и я поняла лучше хорошее. Ему инстинктивно досадно, что мое счастье легко далось, что я взяла его, не подумав, не пострадав ⟨...⟩ Что же мне делать, а я не могу простить богу, что он так устроил, что все должны, прежде чем сделаться порядочными людьми, перебеситься»[13].

Она не умеет пользоваться данным ей счастьем. Даже в счастливые минуты она умудряется мучить себя сомнениями и предчувствиями: «Ему нездоровится, ну, думаю, как умрет, и вот пойдут черные мысли на три часа. Он весел, я думаю: как бы не прошло это расположение духа ⟨...⟩ А нет его или он занят, и я начну опять о нем же думать, прислушиваться, не идет ли, следить за выражением лица его, если он тут» [14].

И она ревнует ко всему и ко всем: «Он мне гадок с своим народом. Я чувствую, что или я, т. е. я пока представительница семьи, или народ с горячею любовью к нему Л. Это эгоизм. Пускай. Я для него живу, им живу, хочу того же, а то мне тесно и душно здесь» [15].

И в другом месте: «Читала начала его сочинений, и везде, где любовь, где женщины, мне гадко, тяжело. Я бы все, все сожгла. Пусть нигде мне не напомнится его прошедшее. И не жаль бы мне было его трудов, потому что от ревности я делаюсь страшная эгоистка.

Если бы я могла и его убить, а потом создать нового, точно такого же, я и то сделала бы с удовольствием» [16].

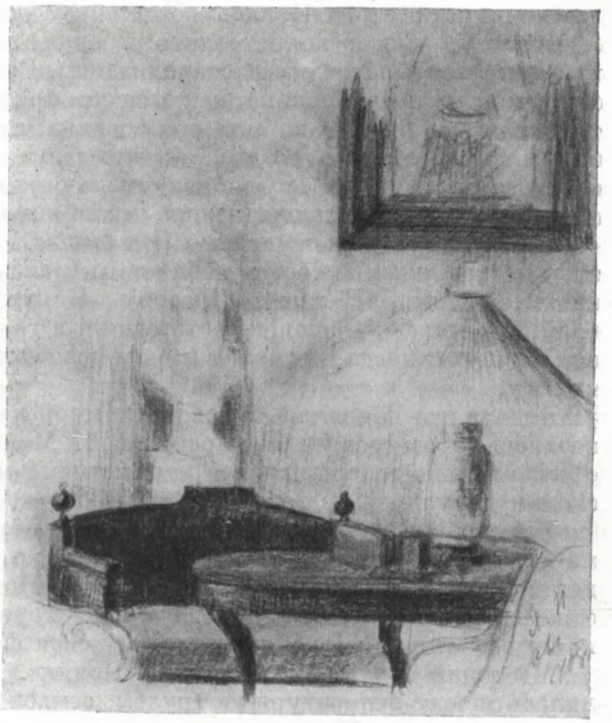
Бедное дитя! Она страдает от всех этих несуразностей, которые сама выдумывает, чтобы мучить себя. Она не понимает, что ее страдания происходят от несоответствия ее взгляда на брак с действительностью. Для нее все завершалось семейной жизнью: быть верной и любящей женой, преданной матерью — вот долг, который она перед собой ставила. И бог свидетель — честно ли она его выполняла в течение всей своей долгой жизни. Того же она требовала и от него.

А он, мог ли он ограничить свои интересы семьей и быть только мужем и отцом?

Разлад, едва заметно обнаружившийся с первых же дней супружеской жизни моих родителей, благодаря связывавшей их большой любви остается скрытым около двадцати лет, до того момента, который называют обращением, или религиозным кризисом Толстого и который он сам называл своим вторым рождением. Первые двадцать лет их брака были счастливыми.

Итак, как я уже сказала, моей матери было 18 лет, когда она вышла замуж. Она красива, стройна, пылкая брюнетка. До того она никогда не жила в деревне. И вот эта горожанка, почти еще ребенок, должна отказаться от всех радостей жизни в большой семье и в большом городе с его развлечениями. Темной сентябрьской ночью она уезжает с мужем в большом дорожном экипаже, называвшемся дормезом. Она уезжает в Ясную Поляну, где, кроме старухи тетки Татьяны Александровны, живущей там в окружении нескольких странных особ, одна из которых не совсем в своем уме, она никого не найдет. Ей страшно: вместо блестяще освещенного Кремля, где жили ее родители, — погруженный в глубокий мрак двор, вместо приятных гостей, двери дома раскрываются только для прохожих паломников. Эта непривычная среда кажется ей странной и немножко жуткой. А муж — спит на диване, на кожаной подушке, да к тому же без наволочки!

Молодой женщине было не легко привыкнуть к такому новому для нее образу жизни. Но большая и взаимная любовь заставляла ее все забыть.



УГОЛОК ЗАЛА В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ДОМЕ

Рисунок Т. Л. Сухотиной-Толстой, 1908 г.

Музей Толстого, Москва

Отец пишет в дневнике: «Она так невозможно чиста и хороша и цельна для меня. В эти минуты я чувствую, что я не владею ею, несмотря на то, что она вся отдается мне. Я не владею ею потому, что не смею, не чувствую себя достойным»[17].

Молодая жена со своей стороны считала себя недостойной того великого человека, каким был ее муж. Она постоянно стремилась достигнуть того уровня, на котором он стоял в ее глазах. «Чувствуя, — писала она, — подавляющее превосходство Льва Николаевича во всем: в возрасте, в образовании, в уме, в опыте жизни, не говоря уже о его гениальности, я тянулась изо всех сил духовно приблизиться к нему, стать если не вровень с ним, то на расстояние понимания его, и чувствовала свое бессилие»[18].

Посмотрим, как жили тогда в Ясной Поляне. Выпив кофе, отец уходил к себе в кабинет; но даже в часы работы он не решался расстаться с женой. Она с рукоделием молча сидела на диване, пока он писал. А вечером принималась переписывать начисто листки, написанные днем. Она никогда, несмотря ни на какую усталость, не пропускала этой работы, которую считала своей главной обязанностью. А закончив переписку, она шла в зал посидеть со старой тетушкой.

Вскоре она стала ждать своего первого ребенка. Чувствуя недомогание, она любила прилечь у ног мужа на шкуре черного медведя, клыки которого несколько лет перед этим чуть было не оказались роковыми для Толстого. Она засыпала там спокойным сном в ожидании часа, когда все расходились по своим комнатам. Отец пожелал, чтобы жена не только сама кормила своего первенца (это был мой брат Сергей), но и обходилась бы без помощи няни. Это было тяжелым требованием для молодой, неопытной женщины, воспитанной в известной роскоши. Ребенок был болезненным. Кормление грудью, причинявшее матери мучительную боль, было все же прервано, но только лишь после того, как убедились в полной

необходимости этого. Нанять кормилицу? Это казалось родителям преступлением. Они решили отнять ребенка от груди. В те времена не очень-то беспокоились о гигиене и стерилизации. Ребенок опасно заболел. Мать описывает в своем дневнике, как отец сам приготовлял для ребенка молоко и дрожащими руками кормил его с рожка, стараясь привыкнуть к своим новым обязанностям. «Я же, — пишет она, — была в диком отчаянии и плакала день и ночь, прощаясь с мальчиком, разговаривая с ним и внушая ему, точно он мог понять меня, что не виновата, что не кормлю его» [19].

Отец ночи напролет ухаживал за сыном. Рассвет заставал его одетым, и он возвращался к себе в кабинет к Александру I, Наполеону, Пьеру, князю Андрею, Наташе, Платону Каратаеву, — всем персонажам «Войны и мира» — эпопеи, которую он в то время писал. Однако наступила минута, когда, несмотря на все нежелание, им пришлось взять кормилицу.

Вскоре и я появилась на свет. Со мной не было таких хлопот. Жизнь казалась моим родителям прекрасной. Мой отец писал своему тестю: «Точно только теперь начался наш медовый месяц ⟨...⟩ Как мила Соня со своими двумя малышами» [20].

Через полтора года после меня родился брат Илья. Затем с перерывами от полутора до двух лет семья регулярно увеличивалась. Нас было 13 детей, из которых 11 мать кормила сама. Пока опытная и добрая рука отца направляла нашу жизнь, все шло хорошо. Мать отдавала своему мужу все лучшее, что у нее было: все свои силы, всю свою любовь.

Мы жили круглый год в Ясной Поляне. Деятельность отца распределялась между литературным трудом, семьей и хозяйством. Он сажал деревья, расширял сады и леса, разводил пчел, строил стойла, конюшни и занимался разного рода животноводством. Но лучшие силы и наибольшее время забирал у него в те годы литературный труд.

«Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона». Эти строки взяты из его дневника 1865 г. Это первое упоминание о «Войне и мире» [21].

А через два года моя мать отмечала: «Левочка всю зиму раздраженно, часто со слезами и волнением пишет. По-моему, роман „Война и мир“ его должен быть превосходен. Все, что он читал мне, до слез меня волнует» [22].

Во время этих чтений моя мать высказывала свои замечания. А отец принимал их к сведению и иногда, сообразуясь с ее мнением, изменял текст. Приведу следующий отрывок из его письма к жене от 7 декабря 1864 г.: «Я пишу в кабинете, и передо мной твои портреты в 4-х возрастах. Голубчик мой, Соня. Какая ты умница во всем том, о чем ты захочешь подумать». И он продолжает и, анализируя ее ум, заканчивает так: «А я так и не сказал, за что ты умница. Ты, как хорошая жена, думаешь о муже, как о себе, и я помню, как ты мне сказала, что мое все военное и историческое, о котором я так стараюсь, выйдет плохо, а хорошо будет другое — семейное, характеры, психологическое. Это так правда, как нельзя больше. И я помню, как ты мне сказала это, и всю тебя так помню. И, как Тане, мне хочется закричать: мама, я хочу в Ясную, я хочу Соню ⟨...⟩. Душа моя милая. Только ты меня люби, как я тебя, и все мне нипочем, и все прекрасно» [23].

В ту пору и муж и жена занимались каждый своим делом с интересом, полным любви, входя вместе с тем в жизнь друг друга. И каждый из них целиком отдавался своему делу.

Делом отца был литературный труд: «Писать надо только тогда, когда каждый раз, что обмакиваешь перо, оставляешь в чернильнице кусок мяса...» [24].

Что до нее, то этот кусочек себя она ежедневно оставляла в детской. Она пишет в дневнике: «Я люблю детей своих до страсти, до боли» [25]. Она не преувеличивает, так как если она кормила детей с любовью, это давалось ей не без страданий. Как сейчас вижу ее с ребенком на руках, с запрокинутой головой и сжатыми зубами, чтобы скрыть, что ей больно. Она считала материнский долг важнейшим долгом. «Хоть умру от страданий, но ни за что не отниму», — признавалась она своей сестре. И в другом письме: «Мой ребенок не был бы вполне моим, если бы посторонняя женщина кормила его в течение первого самого важного года его жизни» [26]. Добровольное материнское рабство! После смерти десятимесячного сына, она писала той же сестре: «Теперь, Таня, я свободна, но как тяжела мне моя свобода...» [27].

Иногда отец ездил по делам в Москву. Ежедневная переписка облегчала разлуку. Она писала ему из Ясной Поляны: «Сижу у тебя в кабинете, пишу и плачу. Плачу о своем счастье, о тебе, что тебя нет, вспоминаю все свое прошедшее...» [28].

А он отвечает: «Послезавтра на клеенчатом полу в детской обойму тебя, тонкую, быструю, милую мою жену» [29].

Заметьте, он точно указывает, что это произойдет в детской. Он хорошо знал, что в какой бы час он ни приехал, он всегда застанет ее там.

Иногда ее пугало, что ее личность до такой степени поглощалась мужем и детьми. Я вижу это в записях 1862 г.: «Я думаю его мыслями, смотрю его взглядами, напрягаюсь, им не сделаюсь, себя потеряю. Я и то уже не та, и мне стало труднее» [30]. И в другом месте: «Когда же его дома нет, я опять живу его интересами, пойду в его кабинет, уберу все, пересмотрю в комодах его белье и вещи, перечитаю на столе его бумаги и стараюсь всеми силами войти в его умственный мир» [31]. Она ему пишет: «...без тебя все равно, как без души. Ты один умеешь на все и во все вложить поэзию, прелесть и возвести на какую-то высоту ⟨...⟩ А только без тебя то люблю, что ты любишь; я часто сбиваюсь, сама ли я что люблю, или только оттого, что ты это любишь» [32].

Иногда молодость, желание веселиться берут свои права и она восклицает: «...они посылают меня спать, а мне хочется кувыркаться, петь, плясать». Это оттого, что ей 19 лет. Она чувствует себя молодой и часто сознается самой себе: «У меня страстное желание вырваться из действительной жизни. Не надо. Я не имею на это ни времени, ни права» [33]. Она особенно восприимчива к музыке: поэтому она боится ее больше всего.

«Машенька заиграла что-то, и музыка, которую я так давно не слыхала, разом вывела меня из моей сферы детской, пеленок, из которой я давно не выходила ни на один шаг, и перенесла куда-то далеко, где все другое. Мне даже страшно стало, я в себе давно заглушила все эти струнки, которые болели и чувствовались при звуках музыки, при виде природы ⟨...⟩ Я желаю, чтобы никогда не пробуждалось во мне это чувство, которое тебе — поэту и писателю — нужно, а мне — матери и хозяйке — только больно, потому что я не могу и не должна ему отдаваться» [34].

Эта внутренняя работа, эти усилия над собой не проходили незамеченными для мужа, за них он еще сильнее любил ее, хотя и не без страха наблюдая за ними. Это нашло отражение в его дневнике 1863 г.: «...она молода и многого не понимает и не любит во мне, и что много в себе она задушает для меня, и все эти жертвы инстинктивно заносит мне на счет» [35].

Действительно, такой счет был моей матерью представлен отцу, но только открыт он был гораздо позже, гораздо позже. В ту пору жизнь была хороша и дорога еще легка.

С этого же времени начинаются попытки отца опростить жизнь семьи и внести в нее более суровый распорядок, чем это было принято у людей его круга. Попытки оказались неудачными и были быстро оставлены. Он

хотел, чтобы его первенец воспитывался без няни. Болезнь матери поставила перед необходимостью взять няню, а позже они выписали няню из Англии. Первая проба поездки в телеге оказалась также малоудачной: мою мать так растрясло, что она заболела. Пришлось приобрести коляску. Не в характере отца было упорствовать. Более того, если сам он ставил себе целью усовершенствование жизни, то он отнюдь не желал навязывать свою волю другим. Итак, убедившись, что не может изменить вкусов и привычек жены, он согласился и покорился. Это было тем более нетрудно, что в то время опрощение было для него скорее делом вкуса, чем убеждения. К тому же жизнь в Ясной Поляне была в те годы очень проста.

Относительная роскошь появилась в доме лишь после того, как начали успешно продаваться труды отца. Образ жизни становился шире по мере увеличения средств. У нас были гувернантки и гувернеры иностранцы, учителя и учительницы русского языка. Все они жили в доме. Несколько раз в неделю приезжали еще преподаватели из Тулы. Нам давали уроки закона божия, нас учили нескольким языкам, музыке и рисованию.

Этот двадцатилетний период счастливой жизни закончился драмой, давно подготовлявшейся и разрушившей наш семейный очаг.

Драма становится тогда подлинной драмой, когда у нее нет виновных, но обстоятельства заводят в тупик. Наша семья очутилась действительно в трагическом положении, из которого не было выхода.

С самого раннего нашего детства родители решили, что они переедут в Москву, как только старшие дети подрастут. Брата Сергея готовили в университет дома. Что касается меня, то в 18 лет меня должны были начать вывозить в свет. Это было твердо решено самим отцом. Я помню, как он беспокоился, когда я сломала себе ключицу. Он повез меня в Москву к лучшему хирургу и спрашивал его, не останется ли после операции следов. Ему хотелось удостовериться, не будет ли заметно утолщение, когда мне придется появляться в бальном туалете.

Но незадолго до 1880 г. все духовные интересы отца изменились. Это началось незаметно.

В 1877 г. он пишет своему другу Страхову: «На днях слушал я урок священника детям из катехизиса. Все это было так безобразно. Умные дети так очевидно не только не верят этим словам, но и не могут не презирать этих слов, что мне захотелось попробовать изложить в катехизической форме то, во что я верю, и я попытался. И попытка эта показала мне, как это для меня трудно и, боюсь, невозможно.

И от этого мне грустно и тяжело» [36].

С этого дня отец начинает неустанно искать путей выражения своей веры. В своей «Исповеди» он рассказывает, как он почувствовал первые признаки обращения: «... со мной стало случаться что-то очень странное. На меня стали находить сначала минуты недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать <...> Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: Зачем? Ну, а потом?» [37].

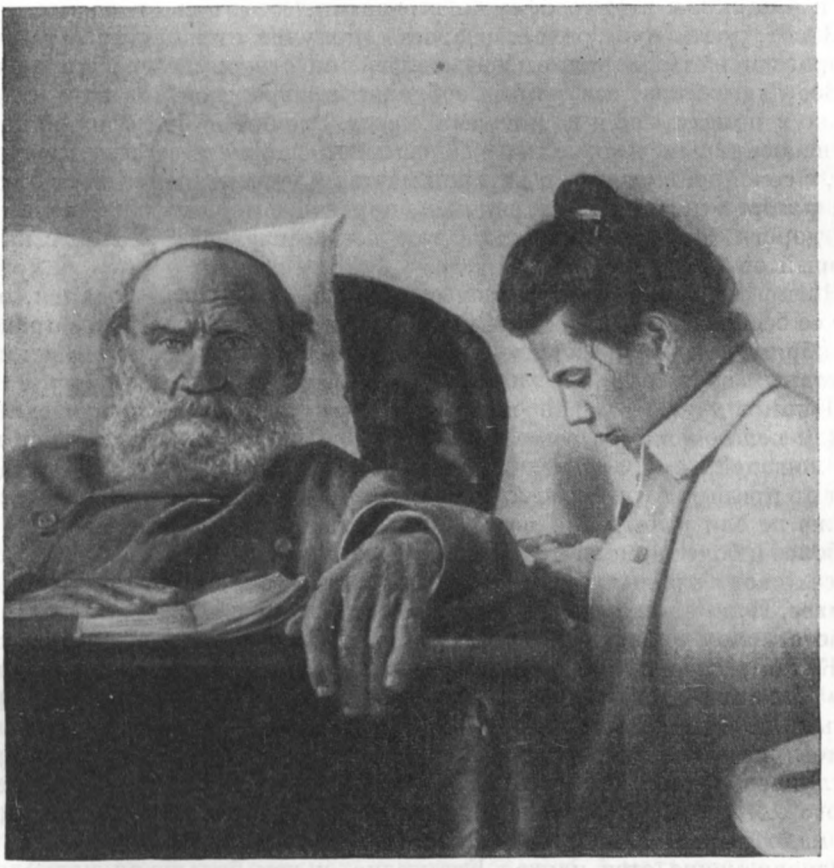
Вначале отец не придавал особого значения этим вопросам, считая их пустыми. Но они все чаще вставали перед ним, все настоятельнее требовали ответа.

И отец понял, что с ним «случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельной внутренней болезнью». Он увидел, что ему *необходимо* ответить на эти вопросы. Ему надо было знать, для чего он пишет книгу, воспитывает сына, для чего покупает новое имение. «Ну хорошо,— говорил он себе,— у тебя будет тысячи десятин земли <...> сотни лошадей, ты будешь знаменитее всех поэтов и писателей мира. А зачем? Для чего? Что это тебе даст?» «Я,—пишет он в «Исповеди»,— как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти и ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме погибели».

«Сделалось то, что я, здоровый, счастливый человек, почувствовал, что не могу больше жить.

И вот тогда, я, счастливый человек, вынес из своей комнаты шнурок, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, чтобы не повеситься на перекладине между шкафами, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни».

«Ужас тьмы был слишком велик, и я хотел поскорее, поскорее избавиться от него петлей или пулей...»



ТОЛСТОЙ С ДОЧЕРЬЮ Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ
Фотография, 1902 г., Гаспра
Музей Толстого, Москва

«Я говорил себе, что во всем этом есть что-то ложное, но увидеть это ложное я не мог. Много позднее эта тьма начала рассеиваться и просветляться, и я постепенно стал понимать свое состояние»[38].

Мало-помалу отец пришел к убеждению, что сила жизни зиждется на вере и что самая глубокая человеческая мудрость кроется в ответах, которые дает вера.

Тогда он стал изучать религии всех народов и в первую очередь православную религию. Он изучал их с помощью книг, но также обращался непосредственно к живым людям. Он сблизился с верующими людьми из простонародья и, хотя он обнаружил у них наряду с истинным христианством много суеверий, он понял, что их вера была для них необходимостью

и служила оправданием их жизни. Он научился любить этих людей, и чем больше он их любил, тем легче становилось ему жить.

Он понял тогда, что сама по себе жизнь вовсе не была чем-то ненужным, не была злом, но что жизнь его самого не имела смысла и была плохой.

И слова Евангелия, говорящие, что люди предпочитают тьму свету, так как их поступки плохи, стали ему понятны и ясны.

Все, что он испытал, заставило его пристальнее всмотреться в свою собственную жизнь. Это было началом периода исканий и сомнений, проведенного в тоске и тревоге. Ответа на преследующие его вопросы он искал и в науке, и в философии, и в религии.

И вот, достигнув зрелого возраста, получив от жизни все то счастье, которого может ожидать от нее человек, он отвернулся от этого счастья.

Все блага мира, все земные соблазны превратятся для него отныне не только в помехи, но и в тяжелый крест. Это бремя будет порой казаться ему непосильным, и он захочет сбросить его, порвать со всем своим прошлым, с семейной жизнью, о которой мечтал в юности, отказаться от состояния, которое приобрел, и, наконец, порвать с церковью, которая была ему дорога, так как служила для него связующим звеном с народом, который он любил.

Но прежде чем отказаться от религии, в которой он родился, он подверг ее беспощадному анализу. Он добросовестно соблюдал все православные обряды, посты и постные дни, читал молитвы и присутствовал на всех церковных службах.

Я помню, что каждое воскресенье мы с ним ходили к обедне. Мы ходили пешком вместо того, чтобы ехать в коляске, запряженной четверкой лошадей, как это делала мать, когда возила детей причащаться. Отец по привычке легко опускался на колени. Мы строго исполняли посты и даже не ели рыбы. Моя мать пишет в дневнике: «Характер Л. Н. тоже все более и более изменяется. Хотя всегда скромный и малотребовательный во всех своих привычках, теперь он делается еще скромнее, кротче и терпеливее. И эта с молодости еще начавшаяся вечная борьба, имеющая целью нравственное усовершенствование, увенчивается полным успехом» [39].

Желая всесторонне изучить православие, отец ездил в Москву к епископу Макарию, побывал в Сергиевской лавре и ходил пешком в Оптину пустынь. Он отправился в Киев; по его словам, его туда очень тянуло. Но по приезде в знаменитый монастырь он пишет жене: «Все утро до 3-х ходил по соборам, пещерам, монахам и очень недоволен поездкой. Не стоило того ⟨...⟩ В 7 пошел от них опять в Лавру, к схимнику Антонию, и нашел мало поучительного» [40].

Одновременно отец изучал Евангелие, и чем больше он углублялся в это изучение, тем больше начинал понимать всю лживость православия. Для него все явственнее становилось величие христианского учения в его чистом виде. «Я достиг солнца, следуя за его лучами»,— говорил он, желая выразить, что он пришел к христианству, пройдя через православие. И в сочинении «В чем моя вера» он пишет: «Это было мгновенное озарение светом истины» [41]. По его словам он получил полные ответы на вопросы: каков смысл жизни? и смысл жизни других?

В этот период отец целиком отдался выполнению огромного труда: он сделал новый перевод четырех Евангелий, сравнил их и на основе этого сравнения установил единый текст.

С другой стороны, он продолжал работать над критическим разбором догматической теологии. И для этого ему пришлось на склоне лет овладеть еврейским и греческим языками.

Мне следует разъяснить, как отразилось обращение отца на семье. Неравная ему ни по уму, ни по своим интеллектуальным и моральным качествам, не прошедшая вместе с ним путь внутреннего преображения,

семья не могла последовать за ним. Это была семья, воспитанная в определенных традициях, в определенной атмосфере, и вот вдруг глава семьи отказывается от привычного для нее уклада жизни ради отвлеченных идей, не имеющих ничего общего с прежними его взглядами на жизнь.

Однако он не считает себя вправе сразу разрушить то, что сам же создал.

Он женился на 18-летней девочке. Он сформировал ее характер, и его влияние пустило в ней глубокие корни. Это он прежде не позволял ей ездить иначе, как в первом классе, это он заказывал ей и детям платья и обувь самого лучшего качества и в самых лучших магазинах. А теперь он же требует, чтобы они жили, как крестьяне. Зачем? Зачем теперь отказываться от праздного и радостного существования ради трудовой жизни, полной лишений? Вот вопросы, которые задавала себе моя мать.

Вначале она пробовала его понять. Вот что писала она ему однажды: «Я вчера ехала с тобой и все думала, что бы я дала, чтоб знать, что у тебя на душе, о чем ты думал; и мне очень жаль, что ты мне мало высказываешь свои мысли; это бы мне морально хорошо было бы и нужно. Ты верно думаешь обо мне, что я упорна и упряма, а я чувствую, что многое твое хорошее потихоньку в меня переходит, и мне от этого всего легче жить на свете» [42].

Я хочу подчеркнуть одну черту отца: он не только никого не поучал, никому даже из членов своей семьи не читал наставлений, но он и вообще никогда никому не давал советов. Он очень редко говорил с нами о своих убеждениях. Он трудился один над преобразованием своего внутреннего мира. Мы не видели, как проходил процесс этого развития, и в один прекрасный день оказались уже перед результатом, к которому не были подготовлены.

В те годы мы не понимали его. Его взгляды пугали нас, но не убеждали. Возможно, что ему была присуща какая-то застенчивость, которая мешала ему говорить с нами о самых дорогих ему мыслях. Может быть, он боялся принуждать нас, насиловать нашу совесть. И мы, дети, научились лучше понимать нашего отца скорее с помощью его учеников.

Через шесть недель после свадьбы моя мать писала в своем дневнике: «Странно, я его ужасно люблю, а влияния чувствую еще мало» [43].

Разногласие между отцом и семьей проявилось особенно сильно после переезда нашего в Москву. Интересы родителей все более и более расходились. Устройство дома, подыскание учителей, помещение детей в школы, покупка экипажей и лошадей, наем прислуги, — все лежало на матери. Надо было также подумать о нашей одежде. А мать опять в скором времени ожидала ребенка. Отец жалел мать, и хотя ее хлопоты по дому не представляли для него интереса, он старался ей помочь. Он писал ей в Москву: «Ты не поверишь, как меня мучает мысль о том, что ты через силу работаешь, и раскаяние в том, что я мало (вовсе) не помогал тебе 〈...〉 Оправдание мое в том, что для того, чтобы работать с таким напряжением, с каким я работал, и сделать что-нибудь, нужно забыть все. И я слишком забывал о тебе и каюсь. Ради бога и любви нашей, как можно береги себя. Откладывай побольше до моего приезда; я все сделаю с радостью, и сделаю недурно, потому что буду стараться» [44].

И действительно, отец поторопился приехать в Москву, чтобы помочь матери. Он занялся определением мальчиков в гимназию, устроил меня в художественную мастерскую и занялся многими другими мелочами нашей жизни. Но он очень тяготился московской жизнью, и его угнетенное душевное состояние отражалось на нас. «Но все, несмотря на то, что похвалили дом, — писала моя мать своей сестре, —пришли сейчас же в уныние, и это уныние и тоска шли три дня, усиливаясь. Дом оказался весь, как

карточный, так шумен, и потому ни нам в спальне, ни Левочке в кабинете нет никогда покоя. Это приводит меня часто в отчаяние, и я нахожусь весь день в напряженном состоянии, чтоб не слишком шумели. Наконец, у нас было объяснение: Левочка говорил, что если б я его любила и думала бы о его душевном состоянии, я не избрала бы ему этой огромной комнаты, где ни минуты нет покоя, где всякое кресло составило бы счастье мужика, т. е. эти двадцать два рубля дали бы лошадь или корову, где ему плакать хочется и т. п. 〈...〉 Можешь себе представить, как легко теперь жить, да еще две недели до родов осталось, а хлопот, работы и дела без конца» [45].

Во время этого пребывания в Москве все мы — семья были полностью поглощены светскими обязанностями, вечерами, материальными заботами и заботами о воспитании детей. Отец же завязывал связи совсем другого рода, связи с людьми, которых мы, в противоположность нашим светским знакомым, называли между собой «темными». Он ходил с пильщиками на окраины Москвы, на Воробьевы горы, откуда Наполеон смотрел когда-то на город. Чтобы видеться со своими новыми знакомыми, он каждый день переходил реку и работал вместе с ними. Мать пишет в дневнике: «Он посещал тогда тюрьмы и остроги, ездил на волостные и мировые суды, присутствовал на рекрутских наборах и точно умышленно искал везде страдания людей, насилие над ними и с горячностью отрицал весь существующий строй человеческой жизни, все осуждал, за все страдал сам и выражал симпатию только народу и соболезнование всем угнетенным» [46].

Так это действительно и было, да он и не мог поступать иначе. Он стал разделять христианское учение о любви к ближнему: он должен был искать тех, чьи страдания он мог облегчить. Кроме того, его все больше и больше мучило то обстоятельство, что он владел состоянием, и он начал лелеять мысль избавиться от него.

«Отдать то, что я имею, — пишет он, — не для того, чтобы сделать добро, но чтобы стать менее виноватым» [47].

И он начал широко направо и налево раздавать деньги. Это пугало мою мать.

«Новое настроение Льва Николаевича, — пишет она, — проявлялось еще в том, что он вдруг начал раздавать много денег без разбора всем, кто просил. Пробовала я его убеждать, что нужно же как-нибудь регулировать эту раздачу, знать кому и зачем даешь, а он упорно отговаривался изречением Евангелия: просящему дай» [48].

Она не понимала, что для ее мужа отдать то, что он имел, означало снять с себя грех, грех собственности, которая стала для него невыносимой с тех пор, как напряженной, внутренней работой он дошел до принятия и исповедания определенных воззрений.

В течение нашей первой московской зимы произошло одно событие, сильно взволновавшее отца. Я хочу рассказать о городской переписи 1882 г. Отец записался добровольным счетчиком. Он попросил, чтобы ему дали участок, где жили низы московского населения — находились ночлежные дома и притоны самого страшного разврата.

Впервые в жизни увидел он настоящую нужду, узнал всю глубину нравственного падения людей, скатившихся на дно Он был потрясен и по своему обыкновению подверг свои впечатления беспощадному анализу. Что является причиной этой страшной нужды? Откуда эти пороки? Ответ не заставил себя ждать. Если есть люди, которые терпят нужду, значит у других есть излишек.

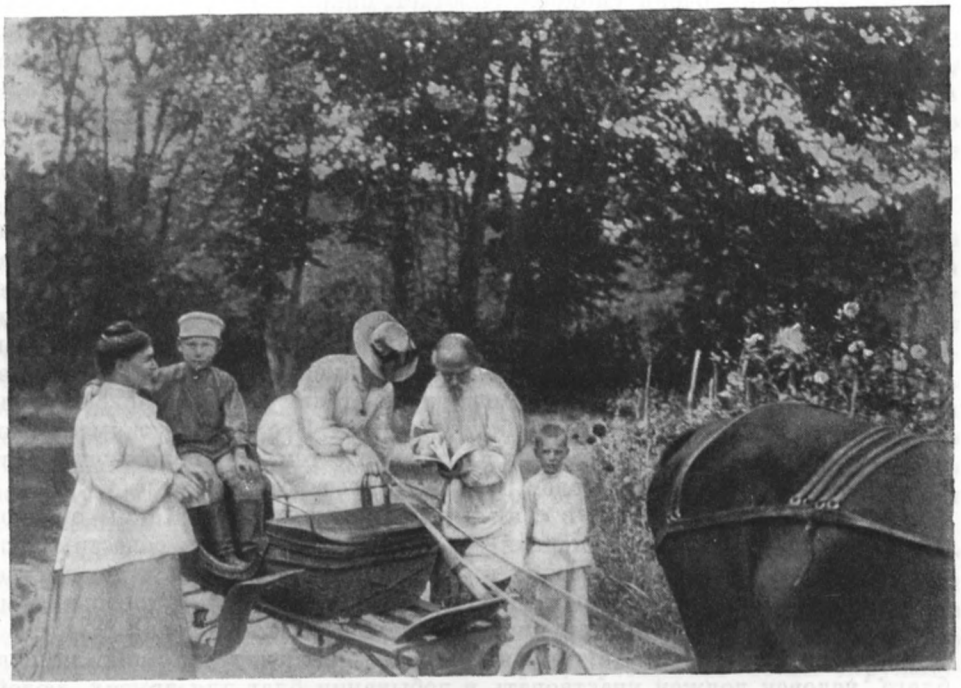
Если есть невежественные люди — это оттого, что у других слишком много ненужных знаний.

Если одни изнемогают от тяжкого труда, значит другие живут в праздности.

И когда он ставил себе вопрос: кто же эти другие? — ответ навязывался сам собой: это я, я и моя семья.

Он это давно предчувствовал. Но то, что он теперь увидел, заставляло его признать это всем своим существом.

Для таких людей, как мой отец, норма получаемых впечатлений на много превышала обычную. Он обладал способностью с исключительной силой переживать самому пережитое его ближними. И, обнаружив грех,



ТОЛСТОЙ ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ ПОЧТЫ

Фотография, 1903 (?) г., Ясная Поляна.

На обороте надпись неустановленной рукой: «Редкий снимок. Момент творчества. Толстой задерживает отправление почты, чтобы сделать еще указание относительно рукописей»

У коляски (слева) С. А. Толстая

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в котором была и его доля вины, он считал себя обязанным пресечь его на будущее и тем искупить его.

Но он вскоре убедился, что это совсем не так просто. Мы жили тогда в доме, который он сам для нас купил. Мы не отдавали себе тогда отчета, какой это было для него жертвой, принесенной ради семьи. Моя мать с некоторой наивностью писала своей сестре: «...а Левочка на днях, заявив о том, что Москва есть большой нужник и зараженная клоака, вынудив меня согласиться с этим и даже решить больше не приезжать сюда жить, вдруг стремительно бросился искать по всем улицам и переулкам дóма или квартиры для нас. Вот и пойми тут что-нибудь самый мудрый философ!»[49].

Мой брат Сергей учился в университете. Меня только что начали вывозить в свет. Отец сам повез меня на мой первый бал. Он представил меня людям своего круга, с которыми сохранил связи.

А вот как протекала наша жизнь. Мы с матерью вставали поздно, день уходил на поездки с визитами или на приемы визитеров. Вечером

мы отправлялись в коляске или в санях на вечера и балы. Такой образ жизни временами доставлял матери удовольствие, а временами она чувствовала всю его пустоту. Она так пишет своей сестре: «Теперь мы совсем, кажется, в свет пустились 〈...〉 Веселого, по правде сказать, я еще немного вижу 〈...〉 Назначили мы на четверг прием. Вот садимся, как дуры, в гостиной, Лелька юлит у окна, кто приехал, смотрит. Потом чай, ром, сухарики, тартинки, все это едят и пьют с большим аппетитом. И мы едем тоже и так же нас принимают по приемным дням». А в другом письме к ней же: «Левочка очень спокоен, работает, пишет какие-то статьи, иногда прорываются у него речи против городской и вообще барской жизни. Мне это больно бывает, но я знаю, что он иначе не может. Он человек передовой, идет впереди толпы и указывает путь, по которому должны идти люди. А я — толпа, живу с течением толпы, вместе с толпой вижу свет фонаря, который несет всякий передовой человек, и Левочка, конечно, тоже, и признаю, что это свет, но не могу идти скорее, меня давит толпа и среда и мои привычки» [50].

«Левочка, очень спокоен. Он пишет какие-то статьи...» Вот что она находила возможным писать, вот что она думала, не догадываясь о тех душевных муках, которые он испытывал, размышляя над своим положением и ища из него выхода. Его мучения легко понять. Возвращаясь из ночлежного дома к себе, он находит накрытым белоснежной скатертью стол с апельсинами, пирожными... Два лакея усердно обслуживают здоровых молодых бездельников. Он видит на стенах драпри и повсюду ковры. Десять человек можно было бы одеть этим. Его сердце сжимается от боли и негодования. Он не мог примириться с тем, что рядом с людьми, гибнущими от нужды, мы живем праздно и беззаботно.

Вспомним, что он пишет в «Так что же нам делать?»: «Каким образом может человек 〈...〉 не лишенный совершенно рассудка и совести, жить так, чтобы, не принимая участия в борьбе за жизнь всего человечества, только поглощать труд борющихся за жизнь людей и своими требованиями увеличивать труды борющихся и число гибнущих в этой борьбе?» [51].

Он понимал, что вместо того, чтобы жить исключительно для личного блага, человек должен участвовать в добывании благ для других людей. Он видел в этом естественный закон, исполнение которого только и могло обеспечить человеку счастье. Но он видел, что этот закон нарушен: как пчелы-трутни, люди отказываются от работы и живут за счет чужого труда и так же, как эти пчелы, погибают оттого, что посягнули на закон. Эти обреченные пчелы-трутни — это я, думал он, я и моя семья. Это не могло так продолжаться.

Он ясно сознавал, что жена была неспособна его понять. Страдания, мучившие его, она рассматривала как проявление болезни, она боялась за его рассудок, она желала только одного, чтобы *это* прошло. Так называла она то, что, по ее мнению, было кризисом, который, она надеялась, будет преходящим. Она совершенно не чувствовала величия того, что совершалось в душе ее мужа. Вот что она пишет сестре: «В кабинете спит Левочка, и у него бессонницы, он иногда ходит по комнате до трех часов ночи»; «Духом он спокоен, и мы дружны и почти веселы»; «Мы очень дружны и во все время очень слегка один раз поспорили» [52].

Они жили бок о бок, как добрые друзья, но чужие друг другу, полные большой и искренней взаимной любви, но все более и более сознающие, как много их разделяет. И в его голове зарождается мысль, которая становится все навязчивее: порвать с этой жизнью и начать новую, более соответствующую его убеждениям.

В 1879 г. моя мать пишет сестре: «Левочка все работает, как он выражается, но увы! он пишет какие-то религиозные рассуждения, читает и думает до головных болей, и все это, чтоб показать, как церковь не сообраз-

на с учением Евангелия <...>, я одного желаю, чтоб уж он поскорее это кончил и чтоб прошло это, как болезнь. Им владеть, или предписывать ему умственную работу, такую или другую, никто в мире не может, даже он сам в этом не властен» [53].

Пока труды моего отца имели литературный характер, его жена ими живо интересовалась. Но теперь, когда их содержанием становятся отвлеченные вопросы, они оставляли ее не только равнодушной, но даже вызывали враждебность. Вот как объясняет она это сама в одной из своих записей: «Злобное отрицание православия и церкви, брань на нее и ее служителей, осуждение нашей жизни, порицание всего, что я и мои близкие делали, все это было невыносимо. Я тогда еще сама переписывала все, что писал и переправлял Лев Николаевич. Но раз, я помню, это было в этом 1880 году, я писала, писала, и кровь подступала мне в голову и лицо все больше и больше, негодование поднялось в моей душе, я взяла все листы и снесла к Льву Николаевичу, объявив ему, что я ему больше переписывать не буду, не могу, я слишком сержусь и возмущаюсь» [54].

Чтобы избежать взаимного раздражения, отец часто прерывал свое пребывание в Москве. Чаще всего он уезжал в Ясную Поляну. Иногда ездил к Олсуфьевым, в деревню под Москвой, или к своему старому севастопольскому другу, а иногда и дальше, в Самарскую губернию, к башкирам. Но и там он не находил покоя. 22 (?) мая 1885 г. он пишет своему другу Л. Д. Урусову: «В деревне мне что-то тяжело. Неправильность жизни нашей, это рабство бедных, которое мне так ясно и которым мы так наивно пользуемся, мне особенно тяжело. Не знаю почему, но часто вспоминаю: претерпевый до конца спасен будет. И хотя не следует, но все жду чего-нибудь, что спасет меня от режущего разлада моей жизни с сознанием» [55].

Но ничего подобного не произошло, и он продолжал жить в противоречии с самим собою, которое его терзало. В это время он чувствовал себя особенно одиноким. Он пишет М. А. Энгельгардту: «Вы верно не думаете этого, но вы не можете и представить себе, до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящий „я“, презираемо всеми окружающими меня» [56].

И почти в это же время его жена пишет сестре: «Бывала я одинока, но никогда так одинока, как теперь. Так мне ясно, так ощутительно, что никто меня знать не хочет и никому я не интересна» [57].

Глубоко страдая от разногласий с женой, видя, как далека она от того, чтобы разделить его убеждения, отец все же никогда не терял надежды, что настанет день, когда она к нему вернется. Он пишет ей 23 октября 1885 г.: «Пока живем, все изменяемся и можем изменяться, слава богу, и больше, и больше приближаться к истине. Я только одного этого ищу и желаю и для себя и для близких мне, для тебя и детей, и не только не отчаиваюсь в этом, но верю, что мы сойдемся, если не при жизни моей, то после» [58].

И в других письмах: «... ты такая сильная, чудесная физическая натура (и морально прекрасная) загубляешь свои силы» [59]. «В тебе много силы, не только физической, но и нравственной, только недостает чего-то небольшого и самого важного, которое все-таки придет, я уверен. Мне только грустно будет на том свете, когда это придет после моей смерти. Многие огорчаются, что слава им приходит после смерти; мне этого нечего желать; я бы уступил не только много, но всю славу за то, чтобы ты при моей жизни совпала со мной душой так, как ты совпадешь после моей смерти» [60].

А в другом месте он выражает мысль, что если его убеждения правильны, она к ним придет, как и другие люди.

Но в те дни она была далека от сближения. Образ жизни мужа пугал ее не менее, чем его новые идеи. «...Он переменил еще привычки, — пишет

она сестре.— Все новенькое, что ни день. Встает в 7 часов — темно. Качает на весь дом воду, везет огромную кадку на салазках, пилит длинные дрова и колет, и складывает в сажени. Белый хлеб не ест, никуда решительно не ходит» [61].

Так и жили они в тягостном напряжении, каждый сам по себе, не вмешиваясь в жизнь другого, чувствуя, однако, что связи, скрепленные двадцатилетней любовью, продолжают существовать. Бесконечные разговоры и длительные споры, возникавшие между ними, не приводили ни к каким результатам, кроме обоюдных ран. Летом 1884 г. между родителями произошло несколько тяжелых сцен. В ночь с 17 на 18 июня отец, взяв на плечи сумку, покинул дом.

До сих пор вижу, как он удаляется по березовой аллее. И вижу мать, сидящую под деревьями у дома. Ее лицо искажено страданием. Широко раскрытыми глазами, мрачным, безжизненным взглядом смотрит она перед собою. Она должна была родить и уже чувствовала первые схватки. Было за полночь. Мой брат Илья пришел и бережно отвел ее до постели в ее комнату. К утру родилась сестра Александра.

В ту ночь отец не ушел далеко. Он знал, что жена должна родить,— родить его ребенка. Охваченный жалостью к ней, он вернулся. Но положение оставалось настолько натянутым, что дольше так не могло продолжаться. Развязка наступила после решительного объяснения, в котором супруги высказали друг другу свои взаимные обиды, вскрыли, что́ составляло муку их повседневной жизни. Это произошло в декабре того же года. Терпение отца, видимо, истощилось. Чаша переполнилась. Он не смог сдержаться, вся его терпимость и мягкость были смыты безудержной волной негодования.

С перекошенным от боли лицом он пришел к жене и без всяких предисловий объявил, что уходит из дому. Вот отрывок из письма моей матери к сестре, в котором описывается случившееся: «Левочка пришел в крайне нервное, мрачное настроение. Сижу я раз, пишу, входит, я смотрю — лицо страшное. До тех пор жили прекрасно, ни одного слова неприятного не было сказано, ну ровно, ровно ничего.

— Я пришел сказать тебе, что хочу с тобой разводиться, жить так не могу, уеду в Париж или Америку.

Понимаешь, Таня, если бы мне на голову весь дом обрушился, я бы так не удивилась. Я спрашиваю удивленно:

— Что случилось?

— Ничего, но если на воз накладывать все больше и больше, лошадь станет и больше не везет.

Что накладывалось — неизвестно. Но начался крик, упреки, грубые слова, все хуже, хуже, я наконец терпела, терпела, не отвечала почти ничего, вижу — человек сумасшедший, а когда он сказал мне: „Где ты, там воздух заражен“, я велела принести сундук и стала укладываться, хотела ехать хоть к вам на несколько дней. Прибежали дети, рев ⟨...⟩ Стал умолять „останься“. Я осталась, но вдруг начались истерические рыдания, ужас просто.

Подумай только: Левочка — и всего трясет и дергает от рыданий. Тут мне стало жаль его; детей четверо: Таня, Илья, Леля, Маша ревут на крик, на меня нашел столбняк; ни говорить, ни плакать, все хотелось вздор говорить, и я боюсь этого и молчу, молчу три часа, хоть убей — говорить не могу.

Так и кончилось, но тоска, горе, разрыв, болезненное состояние, отчужденность,— все это во мне осталось. Понимаешь, я часто до безумия спрашиваю себя: ну теперь за что же? Я из дома ни шагу не делаю, работаю с изданием до 3-х часов ночи, тиха, всех так любила и помнила все это время, как никогда, и за что» [62].

Я помню эту ужасную зимнюю ночь. Нас тогда было девять детей. Я, как сейчас, вижу всех нас: мы, старшие, сидим в ожидании на стульях в передней на первом этаже. Время от времени мы подходим к двери комнаты второго этажа, где разговаривали родители, и прислушиваемся к их голосам. Они, не смолкая, раздавались очень громко и выражали

М. Л. ТОЛСТАЯ
Портрет маслом работы Т. Л. Толстой, 1893 г.
Дом-музей Толстого в Хамовниках, Москва

страшное волнение. Было очевидно, что между родителями происходил крайне важный и решительный спор. Ни тот, ни другая ни в чем не уступали. Оба защищали нечто более дорогое для каждого, нежели жизнь: *она* — благосостояние своих детей, их счастье,— как она его понимала, *он* — свою душу.

Она «до сумасшествия, до боли» любила своих детей, он же больше всего любил истину. Слова полностью не долетали до нас, но мы слышали достаточно, чтобы понять, что происходило между ними. «Я не могу,— заявлял он,— продолжать жить в роскоши и праздности. Я не могу принимать участие в воспитании детей в условиях, которые считаю губительными для них. Я не могу больше владеть домом и имениями. Каждый

жизненный шаг, который я делаю, для меня невыносимая пытка». И он говорил в заключение: «или я уйду, или нам надо изменить жизнь: раздать наше имущество и жить трудом наших рук, как живут крестьяне».

А она отвечала: «Если ты уйдешь, я убью себя, так как не могу жить без тебя. Что же касается перемены образа жизни, то я на это неспособна и на это не соглашусь, и я не понимаю, зачем надо разрушать во имя каких-то химер жизнь, во всех отношениях счастливую?». И объяснение продолжалось в заколдованном кругу, все время возвращаясь к тому же неразрешимому и непреодолимому вопросу.

Понимали ли мы, что говорил отец? Что касается меня, то — нет. Я твердо верила, что он не может ошибаться. Но что касается той Правды, которую он нашел, я хорошенько не понимала, в чем она заключалась. Мне, в мои 20 лет, она казалась такой недоступной, такой превышающей мои умственные способности, ограниченные моим девичьим кругозором, что у меня даже надежды не было когда-нибудь ее понять. Равным образом не понимала я и позиции матери. Мне казалось, что она должна была подчиниться желаниям отца, каковы бы они ни были. Согласиться на требования мужа, который тебя любит и которого ты любишь, разве это не легче, нежели выносить те нравственные пытки, которые ее терзали? Я так думала и не понимала ее решения.

С нами, детьми, не советовались. Сидя в передней, внизу на лестнице, мы ожидали, пока родители не придут к соглашению. И вдруг проходит слуга с чемоданом и несет его в спальную матери — мы поняли. К счастью, с нами был наш большой друг — Михаил Александрович Стахович, он гостил тогда у нас. В этот день он должен был уехать в Петербург, но мы упросили его отложить отъезд, так страшно казалось нам остаться одним. Если мама́ решится уехать, он будет ее сопровождать. Он присоединился к нам в передней. И сейчас вижу, как он сидит на своем чемодане, помогая нам скоротать эту длинную зимнюю ночь.

Но вот она и миновала, эта ночь тревоги. Она закончилась без определенного решения, без развязки. С тех пор тяжелых вопросов больше не касались. Мать ограничивалась заботами об удобствах жизни отца.

А он оставался грустным, молчаливым, сосредоточенным на своих мыслях и нежным к жене и детям. Он нанес удары, причинившие боль. И он страдал, хотя не мог поступить иначе. Ему надо было успокоиться и подумать, и он решил поехать в деревню к своим друзьям Олсуфьевым, за 15 верст от Москвы.

Вот перед крыльцом двухместные санки. Султан, наш добрый конь, смотрит на меня умными глазами. Мать наготовила нам провизии на дорогу, снабдила шубами и одеялами. Она напутствует нас всевозможными наставлениями, предупреждает, как нужно вести себя, если подымется вьюга, чтобы не заблудиться и не замерзнуть. Она нервничает, волнуется. Ее лицо покраснело от мороза, а большие черные глаза блестят от сдерживаемого волнения.

Я беру вожжи, ворота открываются. И вот я одна с отцом на дороге в прекрасное зимнее утро. До сих пор я помню это путешествие во всех его подробностях. Мы с отцом правили по очереди. Мы несколько раз опрокидывались. Ночь уже наступила, когда в сильную метель мы добрались до дома наших друзей. Наш умный Султан, проделавший ту же дорогу год тому назад, помнил все ее повороты и привез нас прямо к цели. Впрочем, не совсем к цели — он направился прямо к конюшне, где однажды стоял!

В дороге отец говорил со мной откровенно, и тогда впервые мне стали несколько понятнее его воззрения.

Но надо было возвращаться в Москву. Ничто не изменилось в нашей жизни. Она шла по прежнему распорядку. Я беру на себя смелость утверж-

дать, что взаимная любовь родителей не только не уменьшилась, но перенесенные страдания еще усилили ее. Словно Дездемона и Отелло. Она любила его за его страдания, а он за сочувствие, которое она к нему проявила. И я думаю, что не ошибусь, добавив, что из жалости к нему она сделала все для нее возможное, чтобы приблизиться к нему сердцем и умом, чтобы заинтересоваться его работами и постараться понять их.

В то время отец писал «О жизни». Это произведение величественное по своей простоте нашло какой-то отклик в сердце матери. Переписка ее с сестрой этому свидетель: «...сижу совсем, совсем одна ⟨...⟩ весь день писала, переписывала Левочкину статью „О жизни и смерти“* (философия), которую он в настоящую минуту читает в университете в психологическом обществе. Статья хорошая и без задора и без тенденции, а чисто философская». И в следующем письме: «По-моему, очень хорошо и глубоко обдумано, и мне по душе, потому что идеалистично» [63].

Статья так хорошо отвечала ее чувствам, что она не только списала, но и перевела ее на французский язык.

С какой радостью отец со своей стороны ответил на это сближение их душ! И хотя сближение это было временным, неполным и не означало перемены образа мыслей и поведения, зато оно устраняло отрицание его убеждений, осуждение его идей, презрение к нему как к человеку. Он так страстно желал полного согласия с ней. Ему так хотелось протянуть ей руку помощи для духовного подъема, который позволил бы ей лучше понять его. Он был готов отдать ей за это всю любовь, наполнявшую его сердце. Он пишет ей из Ясной 23 октября 1891 г.: «У меня осталось такое хорошее, радостное впечатление от последнего нашего разговора, что, как вспомню, так весело станет» [64].

И в другом письме: «Насколько тебе нужно для мужества сознание моей любви, то ее, любви, столько, сколько только может быть. Беспрестанно думаю о тебе и всегда с умилением» [65].

А вот отрывок из письма 1895 г.: «Чувство, которое я испытал, было странное умиление, жалость и совершенно новая любовь к тебе,— любовь такая, при которой я совершенно перенесся в тебя и испытывал то самое, что ты испытывала. Это такое святое, хорошее чувство, что не надо бы говорить про него, да знаю, что ты будешь рада слышать это, и знаю, что оттого, что я выскажу его, оно не изменится. Напротив, сейчас начавши писать тебе, испытываю то же. Странно это чувство наше, как вечерняя заря. Только изредка тучки твоего несогласия со мной и моего с тобой уменьшают этот свет. Я все надеюсь, что они разойдутся перед ночью и что закат будет совсем светлый и ясный» [66].

И в 1896 г.: «Ты была такая кроткая, любящая, милая последние дни, и я тебя все такой вспоминаю». И еще: «Тебе, ты говорила, и приятны и полезны мои письма. А уж я как желаю, не переставая желаю, сделать тебе хорошо, лучше, облегчить то, что тебе трудно, сделать, чтоб тебе было спокойно, твердо, хорошо. Не переставая думаю о тебе. Как-то жутко за тебя: ты кажешься так нетверда и вместе с тем так дорога мне» [67].

В 1897 г., в начале лета, матери удалось уехать на несколько дней из Москвы, где она задерживалась из-за занятий младших сыновей. Она неожиданно приехала в Ясную.

После краткого ее пребывания там муж пишет ей: «Оставила ты своим приездом такое сильное, бодрое, хорошее впечатление, слишком даже хорошее для меня, потому что тебя сильнее недостает мне.

Пробуждение мое и твое появление—одно из самых сильных испытанных мною радостных впечатлений» [68].

---

* Это первоначальное заглавие. Развивая свою мысль, отец увидел, что смерти нет. И заглавие стало: «О жизни».— *Прим. Т. Л. Сухотиной-Толстой.*

И в другом письме: «Не могу отделаться от умиленного и грустного чувства, милая, дорогая Соня, когда вспоминаю твои утренние слезы в день отъезда.

Я совершенно уверен, что то хорошее, божеское, которого так много в тебе, победит все то, что тебя угнетает и томит, всю ту апатию и бессодержательность жизни, на которую ты жалуешься, и что еще будешь жить радостной, твердой и спокойной жизнью.

Я только боюсь, как бы не помешать тебе, а помогать я не могу ничем иным, кроме увеличением любви к тебе, которое я последнее время постоянно чувствую» [69].

Моя мать вновь взялась за переписку трудов отца, заброшенную ею в последнее время. «Таня,— пишет ей отец,— начала переписывать, но главное не минует твоих „прекрасных" рук» [70].

В этот период отец нашел в своих детях проблески симпатии и понимания. Он был этим очень счастлив. Я ему писала. Он ответил мне длинным письмом, полным нежности и желания мне помочь.

Моя сестра Маша являлась всецело последовательницей отца; ей было тогда 14 лет. Из всех детей она и младший брат Ванечка больше всех походили на него. Она унаследовала его глаза, голубые, глубокие, пытливые и лучистые. Всегда погруженная в заботы о ком-нибудь или о чем-нибудь,— иной я ее не помню.

В Ясной она ухаживала за больными, учила ребят и кормила бедняков. В Москве ходила по больницам, где училась на сестру милосердия. Мать беспокоилась за ее здоровье и боялась реакции на все то горе, которое ей приходилось видеть. Отец же был очень счастлив, чувствуя, что она примкнула к нему, видя ее симпатию к его мыслям и трудам.

Братья также, хотя и с меньшим постоянством и не все в равной степени, разделяли идеи отца и принимали участие в его жизни. Наиболее близким к отцу, но затем и наиболее разошедшимся с ним, был одно время мой брат Лев. Был период, когда он выше всего ставил воззрения своего отца.

Лева «имеет и умеет, что́ сказать мне,— пишет отец в одном письме,— и сказать так, что я чувствую, что он мне близок, что он знает, что все его интересы близки мне, и что он знает или хочет знать мои интересы» [71].

В эти годы, к большой радости отца, ему удалось осуществить два своих желания: он отказался от всякой собственности и добился от жены согласия на передачу его литературных произведений в общее пользование. Правда, с некоторым ограничением, так как он не хотел отнять все сразу у жены и детей. Таким образом, он оставил жене авторские права на все свои сочинения до 1880 г., иначе говоря на произведения, написанные им до своего «второго духовного рождения», после чего он не мог уже продавать то, что писал, считая, что подобная торговля своими мыслями и чувствами столь же позорна, как продажа своего тела. Победа, одержанная над женой, досталась не легко. Мать упорно сопротивлялась прежде, чем дала согласие. Он просил ее хорошенько подумать над его просьбой, как думает человек перед богом, перед смертью. Вот что он пишет ей из Ясной: «...сделай это с добрым чувством, с сознанием того, что тебе самой это радостно, потому что ты этим избавляешь человека, которого ты любишь, от тяжелого состояния ⟨...⟩ Но только не делай ничего с дурным чувством» [72].

Она согласилась. Согласилась, но не поняла. Впрочем, она сознавала, что в душе ее мужа есть область, где он не может уступить даже из любви к ней, потому что требования совести были ему дороже жизни.

В том же году он освободился и от собственности. Мечтою моего отца было раздать все, что он имел, и начать жить всей семьей, как живут крестьяне. На это жена не соглашалась. Надо было найти какой-то другой вы-

ход. Он предложил передать ей все свое состояние. Она отказалась и не без основания.

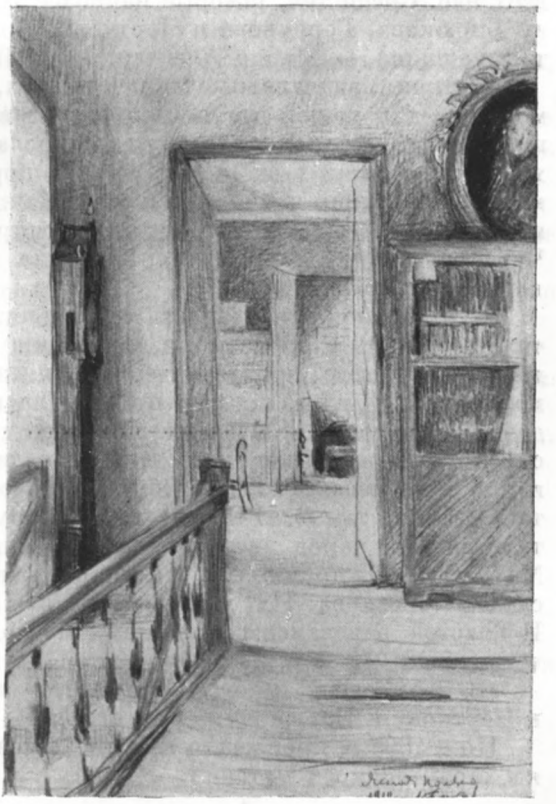
«Ты считаешь, что собственность — зло, и хочешь это зло переложить на меня?!»

Что же делать? Надо было на чем-то остановиться. В конце концов решили поступить так, как если бы отец умер,— а именно, чтобы его наследники вошли во владение его имуществом и разделили его между собой. Произвели оценку всего недвижимого имущества. Затем все разделили на 10 частей, по одной на каждого ребенка и выделили одну матери. Мы тянули жребий. Ясная досталась матери и Ванечке, младшему из братьев. Дележ этот был для нас очень тягостен. Мать это чувствовала. Она пишет сестре: «Есть в этом разделе что-то грустное и неделикатное по отношению к отцу» [73].

Тогда же мы, дети, с согласия отца в свою очередь добились маленькой победы над матерью. Она разрешила нам работать летом в поле вместе с крестьянами.

Чудесное время нашей жизни! Каждое утро, по росе, мы с сестрой с граблями на плечах, уходили вместе с крестьянками на сенокос. Мужчины с отцом и братьями, Ильей и Левой, косили уже с 4-х часов утра. Мы, женщины, становились рядами, переворачивали на солнце скошенную траву и переносили сено на «барский двор». Но мы работали не на барина, а в пользу крестьян, которые за косьбу «барского» луга получали половину сена.

В полдень работа прерывалась. Обедали тут же, под тенью деревьев. Дети приносили родителям готовый обед из деревни. Моя младшая сестра Александра приносила и нам еду из дома. Еда эта ничем не отличалась от скромной крестьянской пищи. Мужчины торопились возобновить работу.



ЛЕСТНИЦА В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ДОМЕ

По этой лестнице спускался Толстой, покидая в последний раз Ясную Поляну

Рисунок В. Н. Мешкова, 1910 г.

Музей Толстого, Москва

Они не давали нам отдохнуть. Мы едва успевали проглотить последний кусок, как они уже кричали: «Ну, скорее, бабы»,— а если надвигались тучи и грозил дождь, то они и вовсе не щадили нас. По их призыву надо было бросаться к граблям, становиться в ряд и работать под палящим солнцем, пока жара не спадет вместе с заревом заката. Какая живописная картина — русская деревня во время сенокоса! Сколько обаяния сохранила она для меня, стоит лишь вспомнить жирные луга вдоль нашей маленькой речки Воронки, усеянные пестрой толпой крестьян и крестьянок. В то время крестьяне носили еще традиционную национальную одежду: девушки — рубашки и сарафаны, женщины — паневы, завешанные фартуками, и мы с сестрой, чтобы от них не отличаться, одевались так же.

Домой возвращались в сумерках, веселой гурьбой, со смехом, песнями и плясками. Сестра Маша, шедшая во главе женщин, часто бросала грабли и, подозвав кого-нибудь из девушек, лихо пускалась с ней в пляс. Даже моя мать принимала иногда участие в сельских работах. Она надевала деревенское платье, брала грабли и присоединялась к нам. Но, не привыкши работать спокойно и равномерно, что необходимо при полевых работах, она сразу принималась слишком рьяно за дело, казавшееся ей вначале не трудным, и не рассчитывала своих сил. Однажды они ей изменили, она заболела и больше никогда уже не бралась за физический труд.

Отец целые дни проводил среди простого народа, который он любил, и работал наравне с крестьянами. Он считал, что труд есть обязанность человека. К тому же он чувствовал в детях некоторую симпатию к своему образу жизни и к тем идеям, согласно которым он жил... В то время отец был счастлив.

Зимой он снова садился за письменный стол. В те годы у него было уже немало учеников. Некоторые из них стали друзьями своего учителя и всех нас. Среди тех, которые наиболее тесно вошли в нашу жизнь, назову Бирюкова, Горбунова и Черткова. Позднее к ним присоединилась святая женщина — Мария Александровна Шмидт.

Чертков... вначале мы с Машей думали, что приобрели в нем ценного помощника для нашей главной обязанности, а именно для переписки рукописей отца. Чертков достал нам копировальный пресс: таким образом сохранялись копии всех писем. До тех пор мы довольствовались тем, что копировали лишь наиболее важные. Каждая запись в дневнике, который вел отец, едва сделанная, тут же копировалась, и копия передавалась Черткову. Одним словом, Чертков стал главной двигательной пружиной в работе отца.

В тот период деятельность отца и помогавших ему друзей сосредоточилась главным образом на печатании и распространении маленьких дешевых брошюр, предназначенных для замены очень бедной, как правило, духовной пищи, которая предлагалась тогда народу. Такова была задача «Посредника», издания которого распространялись по всей России в миллионах экземпляров. В виде таких брошюр появились в печати и наиболее известные рассказы Толстого. Там же впервые была напечатана «Власть тьмы». В «Посреднике» сотрудничали и другие крупные писатели, и сам народ внес туда свою долю безымянного сотрудничества. Мать любезно принимала учеников мужа: Бирюкова, Горбунова и даже самого Черткова. Их деятельность в «Посреднике» ее не беспокоила. И Толстой радовался гостеприимному приему, который его друзья у нее встречали.

«В тебе очень много хорошего,— пишет он ей,— твое отношение к Черткову и Бирюкову — радует меня» [74].

Но в 1895 г. произошло событие, имевшее огромное и роковое влияние на характер моей матери.

Несчастьем, перевернувшим всю ее жизнь, была смерть маленького 7-летнего Ванечки, ее последнего ребенка. Мать никогда не оправилась от этого удара.

Мои родители, в особенности мать, на закате лет сосредоточили на этом ребенке всю силу любви, на которую были еще способны. Исключительно одаренный, необыкновенно любящий, Ванечка был достоин этой любви и обнаруживал очень раннее умственное развитие. Когда отец бывал с ним в разлуке, он всегда упоминал его в письмах с большой нежностью: «Очень Ванечку люблю»; «Очень мил, больше, чем мил — хорош» [75]. А ему он пишет: «Ванечка! Напиши мне письмо. Я тебя люблю! Папа» [76].

И вдруг этот ребенок в три дня умирает от скарлатины. Вскоре после этого горестного события в марте 1895 г. моя мать пишет сестре: «Вот, Таня, пережила же я Ванечку ⟨...⟩. Утром, первое пробуждение после короткого мучительного сна — ужасно! Я вскрикиваю от ужаса, начинаю звать Ванечку, хочу его схватить, слышать, целовать,— и это бессилие перед пустотой, это ад! Не слышно никого и ничего в доме теперь. Это могильная тишина. Саша замерла в своем уголке и большими тоскливыми глазами смотрит на меня и плачет. Девочки свою потребность материнской любви всю перенесли на Ванечку, который бесконечно любил и ласкал всякого, и на всех у него хватало нежности, а теперь и для них исчез.

Левочка согнулся совсем, постарел, ходит грустный с светлыми глазами, и видно, что и для него потух последний луч светлый его старости. На третий день смерти Ванечки он сидел, рыдал и говорил: „В первый раз в жизни я чувствую безвыходность". Как больно было смотреть на него, просто ужас! Сломило и его это горе. Съехались и сыновья. Илья прилетел в тот же день и очень согрел своим сочувствием, слезами и добротой. Сережа приехал в день похорон и теперь с нами. Бедный Лева только, к счастью, не был тут все время. Он живет в санаторной колонии доктора Ограновича, в трех часах езды от Москвы. Это бог его отвел вовремя от этого горя ⟨...⟩

Левочка говорил, что он часто, глядя на то, как поправляется Ванечка, захлебывался от счастья ⟨...⟩

Во вторник ⟨...⟩ вечером, 21 февраля Маша им читала вслух переделанный Верой Толстой рассказ Диккенса „Большие ожидания", но под заглавием „Дочь каторжника". Когда Ванечка пришел со мной прощаться, я спросила о чтении. Он ужасно грустно глядел и говорит:

—Не говори, мама, так все грустно, ужас! Эстелла вышла замуж не за Пипа!

Я его хотела развеселить, но вижу лицо у него ужасное. Я повела его вниз, он зевает и говорит со слезами:

— Ах, мама, опять *она*, *она!* (он говорил про лихорадку) ⟨...⟩

Я положила градусник — 38 и 5 ⟨...⟩ Ночью он очень горел, но спал, утром послали за доктором, он сейчас же сказал, что это скарлатина. Уже жар был больше 40°. С этим вместе начались боли ⟨...⟩. Ночью, в три часа, он опомнился, посмотрел на меня и говорит:

— Извини, милая мама, что тебя разбудили.

Я говорю:

— Я выспалась, милый, мы по очереди сидим.

— А теперь чей будет черед, Танин?

— Нет, Машин, — я говорю.

— Позови Машу, иди спать.

И начал меня целовать так крепко, крепко, нежно: вытягивал свои сухие губки и прижимался ко мне. Я спросила.

— Что болит?

Он говорит:

— Ничего не болит.

— Что же, тоска?

— Да, тоска.

После этого он уже почти не приходил в сознание. Весь день среду он горел, изредка стонал. Сыпь с утра скрылась. Его обертывали в простыню, намоченную в горчичную холодную воду, потом сажали в теплую ванну — ничего не помогло. Он все тише и тише дышал, стали холодеть ножки и ручки, потом он открыл глазки и затих ⟨...⟩ При нем были: Маша, Машенька (сестра Левочки), она все молилась и крестила его, няня и больше никого. Таня все убегала. Я сидела в другой комнате с Левочкой, и мы замерли в диком отчаянии.

⟨...⟩ Прислали столько венков, цветов, букетов, что вся комната была, как сад. О заразе никто не думал. Все мы страстно примкнули и к друг другу, и к любви нашей к покойному Ванечке, все не расставались. Машенька жила у нас и разделяла с нами наше горе так хорошо и душевно.

На третий день, 25-го, его отпели, заколотили и поставили на наши большие четырехместные сани. Гробик и сани были завалены венками и цветами. Сели мы с Левочкой друг против друга и тихо двинулись ⟨...⟩

На кладбище поехало очень много народу. Было тихо и тепло. Левочка дорогой вспоминал, как он, любя меня, ходил по этой дороге в Покровское, умилялся, плакал и очень ласкал меня словами и воспоминаниями ⟨...⟩ С саней опять нес гробик Левочка с сыновьями. Все плакали, глядя на старого, убитого горем отца. Да, подумай, Таня, естественно ли нам, седым, хоронить всю самую светлую нашу будущность в этом ребенке?

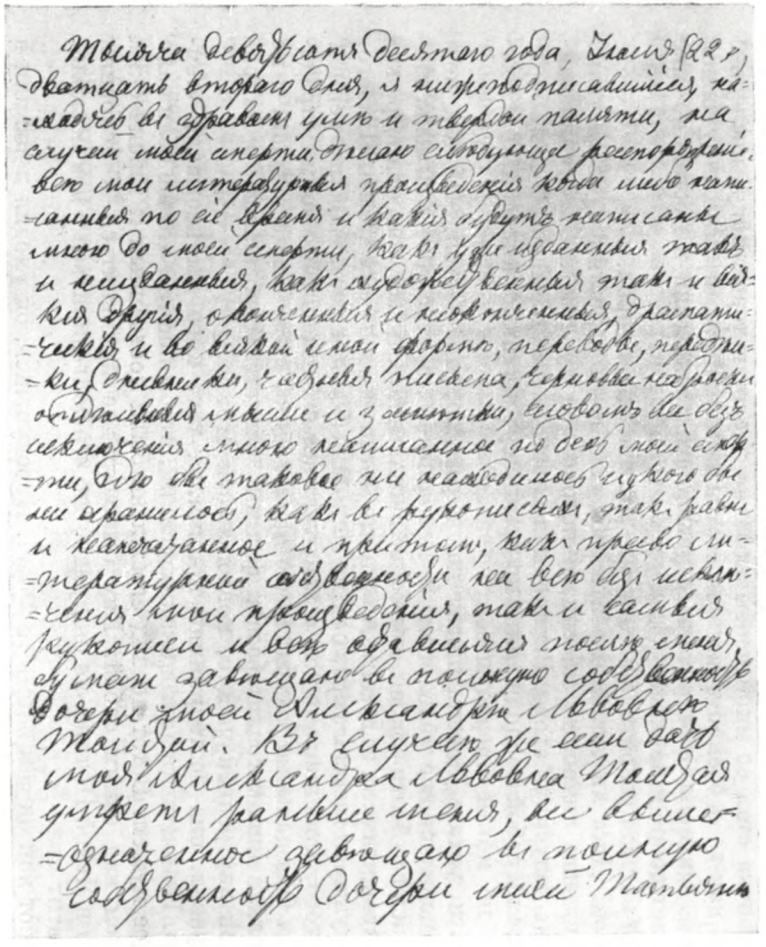
Как его опускали в яму, как засыпали землей — ничего не помню. Я вдруг куда-то пропала, смутно видела грудь Левочки, к которой он меня прижал, кто-то мне загораживал яму, кто-то держал меня. Потом я узнала, что это был Илюша. Он рыдал ужасно ⟨...⟩ Я же не пролила ни одной слезинки, не издала ни одного звука.

Опомнилась я, уже когда мы отъехали от могилки, при виде няни, которая из других саней раздавала большой толпе детей ⟨...⟩ калачики и большое количество мятных пряников⟨...⟩

Левочка, плача, мне говорил: „А я-то мечтал, что Ванечка будет продолжать после меня дело божье!“ ⟨...⟩ Смотреть на скорбь его еще ужаснее, чем самой скорбеть ⟨...⟩ Мы до того сжились с ним, что вечером он меня отпустить не мог сразу. Помолюсь с ним богу, я его, а он меня перекрестит, потом скажет: „Поцелуй меня покрепче, положи головку свою около моей, подыши мне на грудку, чтоб я заснул с твоим дыханием“. Когда он заболевал, он говорил: „Вот это воля божья, что я опять заболел!“ ⟨...⟩

С Ванечкой сразу кончился детский милый мирок, хотя часто безумный и веселый. Ни смеху, ни детских шагов, ни игр, ни елок, ни крашенья яиц и катанья, ни горячее первое говенье (он все просил позволить ему говеть), ни все то, что наполняло всю мою жизнь, могу сказать, с детства» [77].

Отчаяние матери было так глубоко, что она едва не лишилась рассудка. Вначале она пережила период религиозной экзальтации и много времени проводила в молитве дома и в церкви. Отец был с ней исключительно нежен, и так как она совершенно не переносила одиночества, он и мы с сестрой Машей ни днем, ни ночью не отходили от нее. Отец ходил за ней в церковь, ожидал ее у входа и приводил домой. Ему, давно уже отошедшему от церкви, такое душевное состояние жены было чуждо. Чтобы отвлечь ее от личного горя, он пытался пробудить в ней мысль о горестях других людей. Он водил ее в тюрьмы, заставлял покупать книги



Тысяча девятьсотъ десятаго года, Іюля (22 г.), двадцать втораго дня, я нижеподписавшійся, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, на случай моей смерти, дѣлаю слѣдующее распоряженіе: всѣ мои литературныя произведенія когда либо написанныя по сіе время и какія будутъ написаны мною до моей смерти, какъ уже изданныя такъ и неизданныя, какъ художественныя такъ и всякія другія, оконченныя и неоконченныя, драматическія и во всякой иной формѣ, переводы, передѣлки, дневники, частныя письма, черновые наброски, отдѣльныя мысли и замѣтки, словомъ все безъ исключенія мною написанное по день моей смерти, гдѣ бы таковое ни находилось и у кого бы ни хранилось, какъ въ рукописяхъ, такъ равно и напечатанное и притомъ, какъ право литературной собственности на всѣ безъ исключенія мои произведенія, такъ и самыя рукописи и всѣ оставшіяся послѣ меня бумаги завѣщаю въ полную собственность дочери моей Александрѣ Львовнѣ Толстой. Въ случаѣ же если дочь моя Александра Львовна Толстая умретъ раньше меня, все вышеозначенное завѣщаю въ полную собственность дочери моей Татьянѣ

Львовнѣ Сухотиной. Левъ Николаевичъ Толстой. Симъ свидѣтельствую, что настоящее завѣщаніе дѣйствительно составлено, собственноручно написано и подписано графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, находящимся въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Свободный художникъ Александръ Борисовичъ Гольденвейзеръ. Въ томъ же свидѣтельствую, Мѣщанинъ Алексѣй Петровичъ Сергѣенко. Въ томъ же свидѣтельствую, сынъ подполковника Анатолій Віонисьевичъ Радинскій.

АВТОГРАФ ПОСЛЕДНЕГО ЗАВЕЩАНИЯ ТОЛСТОГО. НАПИСАНО 22 ИЮЛЯ 1910 г

Местонахождение подлинника неизвестно. Воспроизводится с фотографии, сделанной В. Г. Чертковым

Архив Толстого, Москва

для арестантов. Но ничто ее не интересовало. Даже собственные дети, даже Ясная Поляна.

Она пишет сестре: «Неужели возможно долго жить с такими страданиями? Все, все от меня отпало, и что ужаснее всего, что у меня осталось 8 человек детей, а я чувствую себя одинокой со своим горем и не могу прицепиться к их существованию, хотя они добры и ласковы со мной очень». «Нет для меня ничего: ни природы, ни солнца, ни цветов, ни купанья, ни хозяйства, ни даже детей. Все мертво, на всем могильная тоска» [78].

Отчаянье сломило ее. Она всегда отличалась импульсивностью, очень неровным, беспокойным характером, легкой возбуждаемостью. Отец сразу же понял ее состояние. Он страдал и боялся за нее. «...ты так часто меняешься,— писал он ей,— что может быть завтра письмо будет уж другое» [79].

А когда она ему созналась, что боится сойти с ума, он пишет: «То, что ты пишешь о психическом расстройстве, ужасный вздор» [80]. В действительности же он боялся. «Сижу и мучаюсь о твоем физическом и, главное, духовном состоянии и упрекаю себя». «Жаль, что ты не написала, как доехала. Ты очень была нервна, уезжая» [81].

После пережитого ею страшного несчастья моя мать неожиданно нашла в музыке занятие и развлечение, которое ее облегчало. Пребывание в Ясной Поляне одного из наших друзей — пианиста Танеева послужило толчком для произошедшей в ней перемены. Вот что пишет она через полтора года после смерти ребенка постоянной своей поверенной — своей сестре: «Моя жизнь вся сосредоточилась на музыке, только ею и живу, учусь, езжу в концерты, разбираю, покупаю ноты, но вижу, что во всем опоздала и успехов почти не делаю. Это своего рода помешательство, но чего же ждать от моей разбитой души? Я так и не пришла в нормальное состояние после смерти Ванечки <...>

Левочка стал со мной необыкновенно ласков и терпелив. Я последнее время как-то особенно чувствую его на себе влияние в смысле духовной охраны. Он понял потерю моего душевного равновесия и постоянно мне помогает добро и ласково» [82].

Вот во что превратилась ее жизнь, потрясенная горем.

А он? Даст ли он поколебать себя семейным радостям и несчастьям? Его сильная личность, миссия, к которой он чувствовал себя призванным, не допускали этого. Внутренняя работа, происходившая в нем, борьба с самим собой продолжались по-прежнему; никакие жизненные осложнения не могли прервать ее.

Уйти, уехать — оставалось, как и раньше, его мечтой. Но эта мечта становилась все менее и менее исполнимой по мере того, как жена становилась все более слабой, все более несчастной. Он был, как она выражалась, «защитником ее души». А она, что могла она дать ему взамен? Ничего. Замкнувшись в своем горе, она не занимала больше места во внутреннем мире того, кто, живя рядом с ней, страдал собственными своими страданиями. Она даже не замечала, что происходило в глубине его души, и не проявляла никакого интереса к фактам, свидетельствовавшим о напряженной внутренней работе, поглощавшей его.

Правда, она гостеприимно принимала тех, кого мы называли «темными». Но она не делала никаких усилий, чтобы понять, что же сближало их с ее мужем. В тот период его жизнь была постоянным и героическим усилием над самим собой. Ему было трудно примениться к условиям жизни в Ясной Поляне, но он думал, что его долг мириться с ней насколько хватит сил.

А вот как он сам жил в то время. Проснувшись, он уходил в лес или в поле. По его словам, он ходил «на молитву», т. е. один на лоне природы он призывал лучшие силы своего «я» для исполнения дневного долга. Ему

редко удавалось провести одному эти утренние часы. Люди, нуждавшиеся в его материальной или духовной помощи, подкарауливали его у дома или на дороге, ожидая его прихода: бедняки и странники, нищие, собирающие милостыню, крестьяне, приходившие с просьбой или с каким-либо вопросом; люди стекались со всех концов света, чтобы поделиться с ним своими тревогами и попросить совета, не считая тех, которые сами являлись с советами. Три почтовых отделения выдавали ежедневно книги, письма, журналы и газеты: они поступали из всех углов мира.

Он старался по мере сил удовлетворить своих посетителей и корреспондентов. Затем он принимался за свой писательский труд. Нужно ли говорить это? Он писал теперь не для славы и еще менее для денег. Он писал, потому что считал своим долгом помочь людям понять Истину, которая ему была открыта и которая должна была принести людям счастье. И работа эта служила для него источником радости. В письме, адресованном одному молодому человеку в 1899 г., мы читаем: «Вы угадали, что мне радостно узнать о том, что у меня есть друзья на Дальнем Востоке. Главное же то, что писания мои, доставившие мне так много счастья, доставляют такое же и другим, хотя и редким людям» [83].

Вечера он проводил с семьей и посетителями. Перед сном он заканчивал свою корреспонденцию и дневник.

Но мысль о перемене образа жизни не покидала его. Его друзья, да и не только друзья, полагали, что ему следует порвать с семьей, чтобы начать жить согласно своим убеждениям. Среди его посетителей были люди, которые составили себе на основании прочитанного представление о том, как живет Толстой. И когда они видели в доме слуг в белых перчатках, раскладывавших серебро и подававших кушанья, видели как играют в теннис,— они не скрывали своего разочарования и огорчения. Не зная всего того, с чем Толстой сообразовал свое поведение, они теряли веру в своего учителя.

Многие письменно выражали ему свое разочарование и упрекали его за непоследовательность, как они это называли. Это причиняло ему страдания. Но он считал истинными друзьями тех, кто писал ему в таком духе, и в своих ответах осуждал себя еще строже, чем это делали его корреспонденты. Он всем говорил, что если бы увидел человека, живущего, как он, и проповедующего то, что он проповедует,— он назвал бы его фарисеем. Подобные суждения о нем заставляли его глубже всматриваться в свою жизнь. Он не переставал спрашивать себя: «...хорошо ли я делаю, что молчу? ⟨...⟩ не лучше ли было мне уйти, скрыться?»

И ответ был таков: «Не делаю это преимущественно потому, что это для себя, для того, чтобы избавиться от отравленной со всех сторон жизни. А я верю, что это-то перенесение этой жизни и нужно мне» [84].

Другу, настаивавшему на этом, он отвечает: «Одно могу сказать, что причины, удерживающие меня от той перемены жизни, которую вы мне советуете, и отсутствие которой составляет для меня мучение, что причины, препятствующие этой перемене, вытекают из тех самых основ любви, во имя которых эта перемена желательна и вам и мне. Весьма вероятно, что я не знаю, не умею или просто во мне есть те дурные свойства, которые мешают мне исполнить то, что вы советуете мне. Но что же делать? Со всем усилием моего ума и сердца я не могу найти этого способа и буду только благодарен тому, кто мне укажет его. И это я говорю совсем не с иронией, а совершенно искренне» [84].

И вот другой ответ на тот же вопрос:

Ясная Поляна, 17 февраля ⟨19⟩10 г.

Ваше письмо глубоко тронуло меня. То, что вы мне советуете сделать, составляет заветную мечту мою, но до сих пор сделать этого не мог. Много

для этого причин (но никак не та, чтобы я жалел себя); главная же та, что сделать это надо никак не для того, чтобы подействовать на других. Это не в нашей власти и не это должно руководить нашей деятельностью. Сделать это можно и должно только тогда, когда это будет необходимо не для предполагаемых внешних целей, а для удовлетворения внутреннего требования духа, когда оставаться в прежнем положении станет так же нравственно невозможно, как физически невозможно не кашлять, когда нет дыханья. И к такому положению я близок и с каждым днем становлюсь ближе и ближе.

То, что вы мне советуете сделать: отказ от своего общественного положения, от имущества и раздача его тем, кто считал себя в праве на него рассчитывать после моей смерти, сделано уже более 25 лет тому назад. Но одно, что я живу в семье с женою и дочерью в ужасных, постыдных условиях роскоши среди окружающей нищеты, не переставая и все больше и больше мучает меня, и нет дня, чтобы я не думал об исполнении вашего совета.

Очень, очень благодарю вас за ваше письмо <...>

Любящий вас Л. Т о л с т о й» [86]

Однажды он высказывает такую мысль: «Если я покину свою семью, что случится? Другой, третий, сделает то же. И в результате, я пойду помогать другой семье, глава которой придет помогать моей семье и т. д.»[87]

Я помню, мы возвращались как-то из Тулы вдвоем ночью в экипаже. Он начал думать вслух, как часто делал это в моем присутствии. Он говорил о людях, которых у нас в России называют юродивыми. Он объяснял мне, что эти люди часто умышленно делают вид, что отдаются тому или другому греху, чтобы вызвать за это осуждение ближних. Их цель развить в себе одну из главных христианских добродетелей: смирение. И он сказал, что то же самое происходит и с ним и что он дал людям предлог судить его за то, в чем в действительности он не был виновен.

После смерти отца было найдено следующее письмо, написанное им 8 июля 1897 г., о котором знали только моя сестра Маша и ее муж Николай Оболенский:

Дорогая Соня,

Уж давно меня мучает несоответствие моей жизни с моими верованиями. Заставить вас изменить вашу жизнь, ваши привычки, к которым я же приучил вас, я не мог, уйти от вас до сих пор я тоже не мог, думая, что я лишу детей, пока они были малы, хоть того малого влияния, которое я мог иметь на них, и огорчу вас, продолжать жить так, как я жил эти 16 лет, то борясь и раздражая вас, то сам подпадая под те соблазны, к которым я привык и которыми я окружен, я тоже не могу больше, и я решил теперь сделать то, что я давно хотел сделать, — уйти, во-первых, потому что мне, с моими увеличивающимися годами, все тяжелее и тяжелее становится эта жизнь, и все больше и больше хочется уединения, и, во-вторых, потому что дети выросли, влияние мое уж в доме не нужно, и у всех вас есть более живые для вас интересы, которые сделают вам мало заметным мое отсутствие.

Главное же то, что как индусы под 60 лет уходят в леса, как всякому старому, религиозному человеку хочется последние годы своей жизни посвятить богу, а не шуткам, каламбурам, сплетням, теннису, так и мне, вступая в свой 70-й год, всеми силами души хочется этого спокойствия, уединения, и хоть не полного согласия, но не кричащего разногласия своей жизни с своими верованиями, с своей совестью.

Если бы открыто сделал это, были бы просьбы, осуждения, споры, жалобы, и я бы ослабел, может быть, и не исполнил бы своего решения, а оно

должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступок сделает вам больно, и в душе своей, главное ты, Соня, отпусти меня добровольно и не ищи меня, и не сетуй на меня, не осуждай меня.

То, что я ушел от тебя, не доказывает того, чтобы я был недоволен тобой. Я знаю, что ты *не могла*, буквально не могла и не можешь видеть и чувствовать, как я, и потому не могла и не можешь изменить свою жизнь и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а напротив, с любовью и благодарностью вспоминаю длинные 35 лет нашей жизни, в особенности первую половину этого времени, когда ты, с свойственным твоей натуре материнским самоотвержением, так энергически и

РИСУНОК ТОЛСТОГО

Сделан для внучки Тани Сухотиной

Внизу надпись рукой Т. Л. Сухотиной-Толстой: «Папа (Л. Н.) нарисовал Танюшке в Кочетах 5 мая 1910 г.»

Архив Толстого, Москва

твердо несла то, к чему считала себя призванной. Ты дала мне и миру то, что могла дать, дала много материнской любви и самоотвержения, и нельзя не ценить тебя за это. Но в последнем периоде нашей жизни, последние 15 лет мы разошлись. Я не могу думать, что я виноват, потому что знаю, что изменился я не для себя, не для людеей, а потому, что не могу иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю и с любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мне. Прощай, дорогая Соня.

Любящий тебя Лев Толстой[88]

8 июля 1897 г.

Отъезд не состоялся. Он ждал еще тринадцать лет. Дневник, записки и письма, относящиеся к этому периоду жизни отца, обнаруживают странное состояние его духа: он переходит от страдания и отчаяния к радости и счастью. Вот несколько выдержек из его писем. Он мне пишет в 1902 г.: «Мне на душе хорошо и приятно». И в другом письме тоже после 1900 г.: «Я могу только благодарить бога и радоваться за все». «Странно, чем дольше двигаюсь я в жизни, все улучшается для меня». И в 1907 г.: «Я телом очень ослаб после болезни, но на душе все лучше и лучше»[89].

Но вернемся к его дневнику. В записях 1908 г. мы читаем: «Тяжело, больно. Последние дни неперестающий жар, и плохо, с трудом переношу. Должно быть, умираю. Да, тяжело жить в тех нелепых, роскошных условиях, в которых мне привелось прожить жизнь, и еще тяжелее умирать в этих условиях» [90].

«Все так же мучительно <...> Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание...» «Одно все мучительнее и мучительнее: неправда безумной роскоши среди недолжной нищеты, нужды, среди которых я живу. Все делается хуже и хуже, тяжелее и тяжелее. Не могу забыть, не видеть» [91].

Как объяснить эти страстные и противоречивые душевные порывы, терзавшие его? Я думаю, что чувства радости и удовлетворения были результатом совершавшейся в нем внутренней работы: он чувствовал ее успешность, которая выражалась новыми просветлениями. Но с другой стороны, внешние условия его жизни становились все нестерпимее: Ясная Поляна во время аграрных беспорядков (1905—1906 гг.) охранялась полицией. И непрерывно толпы праздных посетителей, с их сплетнями и разговорами, они угнетали его, они становились для него все более и более невыносимыми.

Он ждал чего-то, что должно было случиться и освободить его от нетерпимого противоречия его жизни. Но ничего такого не происходило. Напротив, положение ухудшалось. Жена, как бы сознавая одержанную победу, продолжала с еще бо́льшим спокойствием жить по собственному разумению, не считаясь с требованиями совести мужа. Сыновья вели независимый образ жизни, в котором идеям отца не оставалось места. Младшая сестра Александра была еще слишком молода. Мы с Машей уехали к своим мужьям. Он остался один.

«Мне иногда без вас, двух дочерей, грустно, — писал он мне и прибавлял, — хоть и не говоришь, а знаешь, что тебя понимают и любят то, что ты не то что любишь, а чем живешь» [92].

Моя мать после пережитого ею большого горя не сумела найти успокоения. Она искала его всюду, но не там, где его можно было найти: в музыке, в живописи, в новых привязанностях... Но, чтобы успокоить болезненные порывы ее взволнованного сердца, нужны были иные средства. Ей не хватало какой-то моральной силы, которая помогла бы ей обратить во благо свои страдания. Она сделала неверный шаг, отказавшись следовать за мужем, и с тех пор все более и более сбивалась с правильного пути. Она все более и более начинает переносить свои интересы на самое себя, на свои переживания, беспокоиться о том, что подумают о ней люди.

Отец часто говорил, что расстройство ума — это только преувеличенный эгоизм.

И действительно, психические ненормальности моей матери выражались именно в этой форме. Если раньше она готова была беззаветно всю себя отдать другим, теперь она сделалась жертвой болезненной мнительности; что говорят, что станут говорить о ней? Не назовут ли ее когда-нибудь Ксантиппой? У нее были некоторые основания опасаться этого, так как ее окружали люди, жалевшие ее мужа за то, что ему приходилось от нее переносить.

Преследуемая этим страхом, она потребовала пересмотра всех записей, которые ее муж ежедневно делал. Она хотела, чтобы там было вычеркнуто все, что могло бы впоследствии создать о ней дурное впечатление. Она стала оправдываться по всякому поводу и перед первыми попавшимися людьми, даже перед такими, которые и не помышляли ее в чем-либо обвинять. Она настойчиво объясняла, почему не последовала за мужем, старалась доказать, что это он сбился с правильного пути, надеясь таким образом оправдать свои попытки руководить им.

Летом 1909 г. я получила от сестры Александры телеграмму, срочно вызывавшую меня в Ясную. Я немедленно приехала и застала мать в постели.

В Ясной разыгралась целая драма. Отец решил ехать в Стокгольм прочесть доклад на Конгрессе мира. Мать с крайним упорством этому воспротивилась, считая поездку опасной для здоровья отца. Она решила не отпускать его. Натолкнувшись на сопротивление, она была ошеломлена и совершенно растерялась. Она то упрямо заявляла, что приложит все средства, чтобы настоять на своем, то говорила, что ей остается только умереть и что все хотят ее отравить.

К тому времени, когда я приехала, кризис уже прошел. Она лежала слабая и покорная. «Танечка, — сказала она мне, — ты знаешь, я думала, что меня хотят отравить. Душан (доктор Маковицкий, друг и ученик отца) меня заставлял глотать какие-то сладковатые порошки. Вообще он человек недобрый, но любит твоего отца. Я думала, что он хочет освободить его от меня». Я ее успокоила, как умела.

Это глубоко несчастное, больное и душевно совершенно одинокое существо внушило мне острую жалость. Если мать была одинока, в этом была, правда, ее собственная вина, но от этого она не меньше страдала. Отец любовно ухаживал за ней. Я уехала. Спокойствие восстановилось. На этот раз все обошлось.

Но по существу ничто, очевидно, не изменилось. Возникали новые поводы к раздражению, вызывавшие новые сцены и упреки.

Мать отказалась помогать отцу переписывать его рукописи. Нашелся, конечно, кто-то другой, кто ее заменил. Тогда она вдруг спохватилась: значит ее отстраняют, значит она больше не нужна, значит муж ищет посторонней помощи, тогда как раньше все было в ее руках. Что делать? Она не могла уж, как прежде, интересоваться его работами, ставшими ей совершенно чуждыми и в которых она не сумела бы принять участия. Но она страдала, ей было обидно молча присутствовать при напряженной работе, происходившей тут же, рядом с ней. Наконец, она не выдержала и разразилась бранью против самих работ отца как таковых. Для нее же стало хуже. Работу продолжали, но прячась от нее. Положение ее как хозяйки дома сделалось невыносимым. Когда она проходила через комнату, отведенную для переписки на машинке, ее дочь, Александра, и секретарь отца прекращали копировку и умолкали, а иногда во избежание объяснений даже убирали переписываемую рукопись. Атмосфера подозрения, на которую она наталкивалась в этой комнате, не ускользала от ее проницательности и раздражала ее. Зачатки нервозности, которые можно было проследить в ней с юности, развились теперь до того, что перешли в душевную болезнь. Она потеряла всякую власть над собой, и острые нервные припадки все учащались.

Все это было чрезвычайно тяжело для отца. Он не мог больше работать, часто страдал бессонницей, а нравственные пытки, которые ему приходилось переносить, отражались на его здоровье. Он силился принять эти страдания как искупление своих грехов. Он старался найти в них поводы, побуждающие к смирению. 16 июля 1910 г. он пишет в дневнике: «Мне надо только благодарить бога за мягкость наказания» [93].

Это лето 1910 г., свое последнее лето, каждый день которого был отмечен новым страданием, отец почти все провел вне Ясной Поляны. В мае он был у меня в Кочетах — имении моего мужа. В июне поехал к Черткову, который жил тогда в арендованной им усадьбе Мещерское, в Московской губернии. Находясь у своего друга, отец продолжал разбираться в создавшемся положении и искать выхода.

«Хочу, — пишет он в дневнике, — попытаться сознательно бороться с Соней добром, любовью. Издалека кажется возможным. Постараюсь и

вблизи исполнить». «Нам дано одно, но зато неотъемлемое: благо любви. Только люби, и все радость — и небо, и деревья, и люди, и даже сам. А мы ищем благо во всем, только не в любви» [94].

В Мещерском отец получил телеграмму от жены. Она вызывала его и умоляла вернуться. Он вернулся. «Нашел ее еще хуже, чем ожидал: истерика и раздражение. Нельзя описать» [95].

Но этих испытаний оказалось еще мало, и к ним прибавилось новое: мой брат Лева вмешался в дела родителей, взяв на себя роль судьи отца и защитника матери. Отец пишет: «Лева — большое и трудное испытание» [96].

А дни шли за днями. Он отмечал в своем дневнике происходившие события и изменения в состоянии жены. Эти записи свидетельствуют, что оно все ухудшалось: «Соня опять в том же раздраженном истерическом состоянии. Очень было тяжело»; «Соня опять возбуждена, и опять те же страдания обоих»; «Ужасная ночь 〈...〉 Жестокая и тяжелая болезнь» [97].

Мы видим, что отец смотрел на жену как на больную. Но многие из его окружения, в том числе доктор Маковицкий, считали, что она играет комедию, что она совершенно нормальна, а ее мнимая истерия лишь способ добиваться своей цели. Именно тогда, в июле 1910 г., отец составил последнее свое завещание, которое и было впоследствии приведено в исполнение.

Он написал уже одно завещание во время пребывания в Мещерском у Черткова. По этому акту он отдавал в общее пользование все свои произведения без исключения. Но юрист указал, что такое завещание невыполнимо, так как закон требует назначения наследника. Это и побудило отца назначить своей наследницей младшую дочь Александру. А если бы я пережила свою сестру, он назначал наследницей меня. Саша, а в случае необходимости и я, — мы должны были передать все сочинения отца в общее пользование. В особом приложении к завещанию отец поручал Черткову распоряжение и редактирование всех его рукописей.

Матери об этом ничего не сообщили. Но некоторые намеки и недомолвки, какое-то предчувствие заставили ее заподозрить, что завещание существует. С этой минуты она ни днем, ни ночью не переставала искать вещественных доказательств своих подозрений.

Таким образом, отец, в прошлом никогда ничего не скрывавший от жены, имел теперь от нее тайну, которую хотел от нее сохранить. Это привело к очень тяжелым для него последствиям. Ему приходилось прятать от нее рукописи и дневник. А она всю свою энергию тратила на то, чтобы найти разгадку тайны — тайны своего мужа — от нее, его жены. Она подслушивала под дверью, когда отец с кем-нибудь разговаривал. Когда его не было в комнате, она, не стесняясь, рылась в его бумагах.

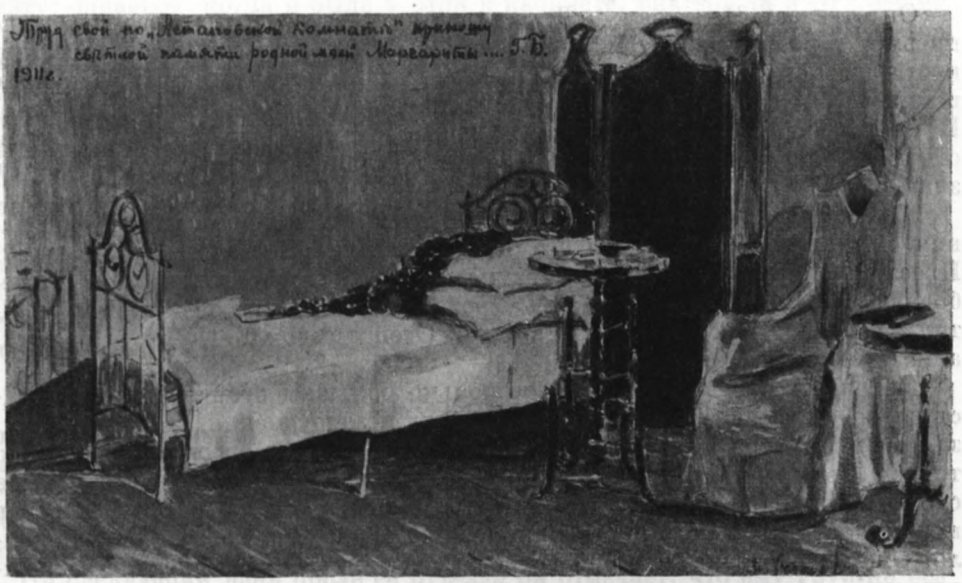
Отец начал тогда вести дневник «Для одного себя», как он его называл. Маленький формат позволял его прятать: он носил его обычно на себе, под рубашкой или в сапоге. В конце концов, хотя и с трудом, он привык к тому, что с его другого дневника копия снималась, когда чернила еще не успевали высохнуть.

Он пишет: «Да, у меня нет уж дневника откровенного, простого. Надо завести» [98].

Этот другой дневник он начал 29 июля 1910 г. Он открывается так: «Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя. Нынче записать надо одно: то, что если подозрения некоторых друзей моих справедливы, то теперь начата попытка достичь цели лаской. Вот уже несколько дней она целует мне руку, чего прежде никогда не было, и нет сцен и отчаяния. Прости меня бог и добрые люди, если я ошибаюсь. Мне же легко ошибаться в добрую любовную сторону. Я совершенно искренне могу любить ее».

А на следующий день он пишет: «Ч⟨ертков⟩ вовлек меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела, и противна мне» [99].

Написав свое завещание, Лев Николаевич не переставал сомневаться, он спрашивал свою совесть: хорошо ли он поступил или плохо? И когда наш друг Поша Бирюков посетил его и выразил ему сожаление по поводу всей этой тайны, отец сразу же с ним согласился. 2 августа после этого разговора он пишет: «Вчера говорил с Пошей, и он очень верно сказал мне, что я виноват тем, что сделал завещание тайно. Надо было или сделать это явно, объявив тем, до кого это касалось, или все оставить, как было, —



КОМНАТА, ГДЕ УМЕР ТОЛСТОЙ

Акварель В. А. Симова, 1910 г.

Надпись (посвящение актрисе М. Г. Савицкой) сделана Г. С. Бурджаловым, одним из организаторов мемориальной комнаты Толстого в Астапове

Музей Московского Художественного театра

ничего не делать. И он совершенно прав, я поступил дурно и теперь плачу́сь за это. Дурно то, что сделал тайно, предполагая дурное в наследниках, и сделал, главное, несомненно дурно тем, что воспользовался учреждением отрицаемого мной правительства, составив по форме завещание. Теперь я ясно вижу, что во всем, что совершается теперь, виноват только я сам. Надо было оставить все, как было, и ничего не делать. И едва ли распространяемость моих писаний окупит то недоверие к ним, которое должна вызвать непоследовательность в моих поступках» [100].

И в тот же день, 2 августа, он записывает в дневнике: «Очень, очень понял свою ошибку. Надо было собрать всех наследников и объявить свое намерение, а не тайно. Я написал это Черткову. Он очень огорчился» [101].

Чертков ответил отцу длинным письмом, которое появилось недавно в книге Гольденвейзера, выход которой в свет и послужил одной из причин, побудивших меня прервать молчание. Оно занимает 11 печатных страниц.

В этом документе Чертков разглагольствует о том, «о чем думала» графиня Толстая. Он вскрывает «ее намерения по отношению к произведениям мужа». Он предвидит, что́ она и некоторые из ее сыновей ответили бы друзьям Толстого, если бы те объявили в печати, что хотят выпустить

издание трудов своего учителя. Он изображает, как один из сыновей этого учителя, размахивая неоконченным рассказом отца «Фальшивый купон», выкрикивает, что выколотит из фальшивого купончика... «100 тысяч чистоганом» [102]. Я спросила брата, и он категорически отрицал, что нечто подобное имело место или говорилось.

Отец был глубоко оскорблен тем, что Чертков писал о его семье. И он отмечает: «Длинное письмо от Черткова, описывающее все предшествовавшее. Очень было грустно, тяжело читать и вспоминать. Он совершенно прав, и я чувствую себя виноватым перед ним. Поша был неправ. Я напишу тому и другому» [103].

Он отвечает Черткову: «Два главные чувства вызвало во мне ваше письмо: отвращение к тем проявлениям грубой корысти и бесчувственности, которые я или не видел, или видел и забыл; и огорчение и раскаяние в том, что я сделал вам больно своим письмом» (письма этого я не знаю). И он добавляет, что все-таки он недоволен тем, что сделал: «...чувствую,— пишет он, — что можно было поступить лучше, хотя я и не знаю как» [104].

Как только у матери явилось подозрение, что вдохновителем завещания являлся Чертков, она его возненавидела. Она ревновала к нему. Преследуемая этим чувством, безумствуя, она кончила тем, что потребовала от Льва Николаевича под угрозой самоубийства, чтобы он прекратил всякие отношения с Чертковым. Отец уступил. Не по слабости, а из чувства долга.

Не видеться с другом было не только большим огорчением для Толстого, но было связано с рядом неудобств и затруднений. В Телятинках, за три километра от Ясной, концентрировалась вся огромная работа по трудам Льва Николаевича. Вместо того, чтобы видеться и решать дела на словах, приходилось обо всем писать. Эта переписка в свою очередь причиняла матери острые страдания. Отсутствие Черткова ее не успокоило. Она подозревала, что они встречаются тайно. И она следила за каждым шагом мужа.

Лев Николаевич пишет 5 августа в дневнике, — в том, который носил в сапоге: «Совестно, стыдно, комично и грустно мое воздержание от общения с Ч⟨ертковым⟩. Вчера утром ⟨С. А.⟩ была очень жалка без злобы. Я всегда так рад этому — мне так легко жалеть и любить ее, когда она страдает, а не заставляет страдать других». Но на следующий день: «Сейчас встретил⟨...⟩Софью Андреевну. Она идет скоро, страшно взволнованная. Мне очень жалко стало ее. Сказал дома, чтобы за ней посмотрели тайно, куда она пошла. Саша же рассказала, что она ходит не без цели, а подкарауливая меня. Стало менее жалко. Тут есть недоброта, и я еще не могу быть равнодушен, — в смысле любви к недоброму. Думаю уехать, оставив письмо, хотя думаю, что ей было бы лучше» [105].

«Ей было бы лучше» — вот одна из причин ухода моего отца несколькими неделями позднее. Он думал, что это пойдет на пользу больной. С другой стороны,— привольная жизнь Ясной Поляны, условия этой жизни, неприемлемые для него со времени его второго рождения, были трудно переносимы для 82-летнего старца, у которого не было иных интересов, кроме самых отвлеченных, религиозных интересов.

20 августа 1910 г. он пишет: «...вид этого царства господского так мучает меня, что подумываю о том, чтобы убежать, скрыться» [106].

Он часто с завистью говорил об индусах, которые к старости удаляются от мира и живут в одиночестве. Он давно уже тайно лелеял мечту: провести остаток дней в скромных условиях, окруженным простым народом, который он любил. Чаша весов колебалась под тяжестью его противоречивых решений, но в последнее время равновесию с каждым днем все больше угрожала опасность.

В августе я приехала за отцом, чтобы увезти его к себе в Кочеты. Я хотела, чтобы он отдохнул в моей семье от тревог последних месяцев. С первого дня моего приезда в Ясную мать пустила в ход всю свою ловкость, чтобы добиться возможности поехать с нами.

Она то ссылалась на свою болезнь, то начинала возмущаться тем, что ее хотят удалить от мужа, чтобы он *отдохнул* в разлуке с ней. «Отдохнул! — говорила она, — От чего? От моей любви? От моей заботы? Что бы ты сказала, если бы увезли твоего мужа, чтобы он *отдохнул* в разлуке с тобой?» Кончилось тем, что она прибегла к решающему аргументу: однажды, когда я была у отца в кабинете, она вошла и со слезами стала умолять нас взять ее с собой. Она боялась остаться одна. Она торжественно обещала, что оставит его в покое. Случилось то, что должно было случиться. Мы преисполнились жалости и согласились Мой отец писал в этот же день, 14 августа 1910 г.: «Все хуже и хуже. Не спала ночь. Выскочила с утра ⟨...⟩ Потом рассказывала ужасное ⟨...⟩ Страшно сказать ⟨...⟩ Буду терпеть. Помоги бог. Всех измучила и больше всего себя. Едет с нами»[107].

И мы уехали вшестером: отец, мать, сестра Александра, доктор Маковицкий, я и последний секретарь моего отца Булгаков. Во время пребывания у меня все шло хорошо. Через две недели, вызванная делами, мать вернулась в Ясную. Отец отметил ее отъезд: «Уезжая, трогательно просила прощения», «У меня к ней много любви, основанной на жалости. Я написал из сердца вылившееся письмо Соне» [108].

Вот это письмо: «Ты меня глубоко тронула, дорогая Соня, твоими хорошими и искренними словами при прощанье. Как бы хорошо было, если бы ты могла победить то—не знаю как назвать — то, что в самой тебе мучает тебя! Как хорошо было бы и тебе и мне. Весь вечер мне грустно и уныло. Не переставая думаю о тебе. Пишу то, что чувствую, и не хочу писать ничего лишнего. Пожалуйста пиши. Твой любящий муж Л. Т. »[109]

На следующий день после ее отъезда он отмечает, что ему грустно без нее, что он боится за нее и тревожится.

Мать уехала, но отец не оставался без вестей: из Ясной, как и из Телятинков, люди, посылавшие ему копии с его дневника, прибавляли к ним отчеты о действиях и словах Софьи Андреевны: «Мне, слава богу, все равно, но ухудшает мое чувство к ней. Не надо» [110]. Таково первое впечатление от полученного известия. А доносы продолжались, и вот второе: «От Гольденвейзера письмо с выпиской, ужаснувшей меня»; «...письма из Ясной ужасны»[111].

Мать просила мужа вернуться к 48-й годовщине их свадьбы. Он согласился и вернулся в Ясную 22 сентября ночью. Последняя запись в его дневнике сделана накануне: «Еду в Ясную, и ужас берет при мысли о том, что меня ожидает ⟨...⟩ А главное молчать и помнить, что в ней душа — бог»[112].

Этими словами заканчивается первая тетрадь дневника «Для одного себя» Льва Толстого.

Увы, в Ясной Поляне отца ожидали все те же тревоги, что и в предыдущие месяцы. Мать, продолжая поиски, наткнулась на маленькую книжку: это был секретный дневник. Она схватила и спрятала его. Отец подумал, что он его потерял, и начал другую книжку. На ней поставлена дата 24 сентября. «За завтраком начался разговор о Д. М. (т. е. о статье „Детская мудрость“, которую писал отец), что Чертков-коллекционер собрал. Куда он денет рукописи после моей смерти? Я немного горячо попросил оставить меня в покое. Казалось — ничего. Но после обеда начались упреки, что я кричал на нее, что мне бы надо пожалеть ее. Я молчал. Она ушла к себе, и теперь 11-й час, она не выходит, и мне тяжело.

⟨...⟩ Иногда думается: уйти ото всех» [113].

Я вернулась в Ясную в октябре. Там творилось нечто ужасное! Сестра Александра после ссоры с матерью переехала в свое маленькое имение по соседству с Ясной. Чертков больше не показывался. Мать не переставая жаловалась на всех и на вся. Она говорила, что переутомилась, работая над новым изданием сочинений отца, которое она готовит, измучена постоянными намеками на уход, которым отец ей грозит. Она добавляла, что не знает, как держать себя по отношению к Черткову. Не принимать его больше? Муж будет скучать в его отсутствие и упрекать ее за это. Принимать его? Это было выше ее сил. Один взгляд на его портрет уже вызывал у нее нервный припадок. Именно тогда она и потребовала от отца, чтобы все его дневники были изъяты от Черткова. Отец и на этот раз уступил. Но эта непрерывная борьба довела его до последней степени истощения.

3 октября у него сделался сердечный припадок, сопровождавшийся судорогами. Мать думала, что наступил конец. Она была уничтожена. У нее вдруг открылись глаза на происходившее. Она признала себя виновной, поняла, какая доля ответственности за болезнь мужа лежит на ней. Она то падала на колени в изножье его кровати и обнимала его ноги, которые сводили конвульсии, то убегала в соседнюю комнату, бросалась на пол, в страхе молилась, лихорадочно крестясь и шепча: «Господи, господи, прости меня! Да, это я виновата! Господи! Только не теперь еще, только не теперь!».

Отец выдержал припадок. Но только еще больше сгорбился, а в его светлых глазах появилось еще больше грусти.

Во время этой болезни сестра Александра вернулась домой и помирилась с матерью, а мать, призвав на помощь все свое мужество, попросила Черткова возобновить посещения Ясной Поляны. На нее было жалко смотреть в тот вечер, когда после своего приглашения она ждала его первого визита. Она волновалась, было видно, что она страдает. Возбужденная, с пылающими щеками, она наполняла дом суетой. Она поминутно смотрела на часы, подбегала к окну, затем бежала к отцу, который находился в своем кабинете. Когда Чертков приехал, она не знала, что ей делать, не находила себе места, металась от одной двери к другой, ведущей в кабинет мужа. Под конец она бросилась ко мне на шею и разразилась горькими рыданиями. Я старалась ее успокоить и утешить. Но ее больное сердце не могло уже найти покоя.

Дальше все шло хуже и хуже. 25 октября, за три дня до своего ухода, отец пишет: «Все то же тяжелое чувство. Подозрения, подсматривание и грешное желание, чтобы она подала повод уехать. Так я плох. А подумаю уехать и об ее положении, и жаль, и тоже не могу...» В тот же день он пишет: «Всю ночь видел мою тяжелую борьбу с ней. Проснусь, засну и опять тоже» [114].

Еще два дня, и вот в ночь с 27 на 28 октября ему был нанесен удар, которого он ждал, и он покинул навсегда Ясную Поляну.

Вот как он отмечает это событие в своем дневнике: «28 октября 1910 г. Лег в половине 12 и спал до 3-го часа. Проснулся и опять, как прежние ночи, услыхал отворение дверей и шаги. В прежние ночи я не смотрел на свою дверь, нынче взглянул и вижу в щелях яркий свет в кабинете и шуршание. Это Софья Андреевна что-то разыскивает, вероятно, читает <...>Опять шаги, осторожное отпирание двери, и она проходит. Не знаю отчего, это вызвало во мне неудержимое отвращение, возмущение. Хотел заснуть, не могу, поворочался около часа, зажег свечу и сел. Отворяет дверь и входит Софья Андреевна, спрашивая о здоровье и удивляясь на свет у меня, который она видит у меня. Отвращение и возмущение растет, задыхаюсь, считаю пульс: 97. Не могу лежать и вдруг принимаю окончательное решение уехать. Пишу ей письмо, начинаю укладывать самое нужное, только

бы уехать. Бужу Душана, потом Сашу, они помогают мне укладываться. Я дрожу при мысли, что она услышит, выйдет — сцена, истерика и уж впредь без сцены не уехать. В 6-м часу все кое-как уложено; я иду на конюшню велеть закладывать 〈...〉 Может быть, ошибаюсь, оправдывая себя, но кажется, что я спасал себя, не Льва Николаевича, а спасал то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мне» [115].

Последний отрывок можно сравнить со словами из проекта завещания, набросанного Толстым в дневниковой записи от 27 марта 1895 г.: «У меня были времена, когда я чувствовал, что становлюсь проводником воли божьей 〈...〉 это были счастливейшие минуты моей жизни» [116].

Меня не было в Ясной Поляне ни 27, ни 28 октября. 28 под вечер я получила телеграмму от сестры Александры: «Приезжай немедленно». Я тотчас же выехала. На станции Орел знакомый швейцар передал мне две телеграммы, адресованные отцу. Одна гласила: «Возвращайся как можно скорее. Саша». И другая: «Не беспокойся. Действительны только телеграммы подписанные *Александра*».

Сравнив оба текста, я поняла, что первая телеграмма была ложной.

Утром я приехала в Ясную. Там царила полная растерянность. Все братья, кроме Левы, который был в Париже, уже успели съехаться. Состояние матери внушало опасения. Когда 28 утром ей передали письмо оставленное отцом, она убежала из дома и бросилась в пруд. Ее вытащили. После этого она сделала еще несколько попыток самоубийства. Убедившись, что, находясь под неотступным наблюдением, она не может покончить с собой, она объявила, что уморит себя голодом.

Это были мрачные дни. Каждый из нас, детей, написал отцу. Он нам ответил 31 октября 1910 г.:

Благодарю вас очень, милые друзья, истинные друзья — Сережа и Таня, за ваше участие в моем горе и за ваши письма. Твое письмо, Сережа, мне было особенно радостно: коротко, ясно и содержательно, и,

С. А. ТОЛСТАЯ У ДОМА НАЧАЛЬНИКА СТАНЦИИ ОЗОЛИНА В АСТАПОВЕ
Кадр из кинофильма Дранкова и Патэ «Похороны Л. Н. Толстого», 1910 г.
Центральный государственный архив кинофотофонодокументов СССР Москва

главное, добро. Не могу не бояться всего и не могу освобождать себя от ответственности, но не осилил поступить иначе. Я писал Саше через Черткова о том, что я просил его сообщить вам — детям. Прочтите это. Я писал то, что чувствовал и чувствую то, что не могу поступить иначе. Я пишу ей — мама. Она покажет вам тоже. Писал, обдумавши, и все, что мог. Мы сейчас уезжаем, еще не знаем куда <...> Сообщение всегда будет через Черткова.

Прощайте, спасибо вам, милые дети, и простите за то, что все-таки я причина вашего страдания. Особенно ты, милая голубушка Танечка. Ну вот и все. Тороплюсь уехать так, чтобы, чего я боюсь, мама не застала меня. Свидание с ней теперь было бы ужасно. Ну, прощайте.

4-й час утра. Шамардино. Л. Н.[117]

Никто, кроме Александры, не знал, где он находился. Александра поехала к нему, дав нам слово, что известит нас, если отец заболеет. Брат Сергей вернулся в Москву. Когда он уехал, все стало нам казаться еще мрачнее, а то, что нас ожидало, еще более страшным. Я не сомневалась, что перемена жизни означала для отца конец.

Мать тоже внушала мне опасения. И лично за нее, а также и потому, что я знала, что если попытка самоубийства ей удастся, отец никогда уже не обретет ни покоя, ни счастья. Мы вызвали психиатра и сестру милосердия, которые не отходили от ее постели.

Через несколько дней после отъезда Александры, Булгаков, живший у Черткова в Телятинках, пришел ко мне и сообщил по секрету, что отец заболел и что Чертков поехал к нему.

— А где же он заболел?

— Чертков запретил мне об этом говорить.

— Далеко ли? В России? За границей?

Я засыпала Булгакова вопросами, на которые он не мог отвечать: Чертков ему запретил.

— Неужели Чертков не понимает, что мне необходимо это знать, и почему он запретил говорить мне?

— Не знаю, — ответил Булгаков. И это таким тоном, словно хотел сказать: я и сам не понимаю. Он заставил меня поклясться, что я никому не открою тайны, которую он мне доверил.

Можно себе представить, какую тревожную ночь провела я после этого сообщения!

Отец умирает где-то поблизости, а я не знаю, где он. И я не могу за ним ухаживать. Может быть, я его больше и не увижу. Позволят ли мне хотя бы взглянуть на него на его смертном одре? Бессонная ночь. Настоящая пытка. И всю ночь из соседней комнаты до меня доносились рыдания и стоны матери. Вставши утром, я еще не знала, что делать, на что решиться. Но нашелся неизвестный нам человек, который понял и сжалился над семьей Толстого. Он телеграфировал нам: «Лев Николаевич в Астапове у начальника станции. Температура 40°». До самой смерти буду я благодарна корреспонденту «Русского слова» Орлову.

Я разбудила мать и братьев. Мы поехали в Тулу. В Астапово ходил только один поезд в день. Мы на него опоздали. Мы заказали специальный поезд.

Перед отъездом из Ясной моя мать с лихорадочной поспешностью обо всем подумала, обо всем позаботилась. Она везла с собою все, что могло понадобиться отцу, она ничего не забыла. Но если голова ее была ясна, то в сердце не было доброты. В те дни мы, дети, сердились на нее и осуждали ее. Мы не могли не видеть, что она была причиной всего происшедшего и, не обнаруживая в ней и следа раскаяния, были не в состоянии простить ее.

В Астапове наш вагон отцепили и поставили на запасный путь. Мы

устроились в нем и решили жить там, пока это будет нужно. Чтобы не допустить мать к отцу, мы объявили, что тоже не пойдем. Один только брат Сергей, вызванный Александрой и приехавший раньше нас, входил в комнату, где лежал отец. Но отец случайно узнал, что я тут, и спросил, почему я не захожу. Задыхаясь от волнения, я побежала к домику начальника станции. Я боялась, что отец будет меня спрашивать о матери, а я не приготовилась к ответу. Ни разу в жизни я не лгала ему, и я знала, что в такую торжественную минуту не в состоянии буду сказать ему неправду. Когда я вошла, он лежал и был в полном сознании. Он сказал мне несколько ласковых слов, а потом спросил: «Кто остался с мама́?» Вопрос был так поставлен, что я могла ответить, не уклоняясь от истины. Я сказала, что при мама́ сыновья и, кроме того, врач и сестра милосердия. Он долго меня расспрашивал, желая знать все подробности. А когда я сказала: «Может быть, разговор на эту тему тебя волнует?», он решительно меня прервал: «Говори, говори, что может быть для меня важнее?». И он продолжал меня о ней расспрашивать долго и подробно.

После этого первого посещения я уже свободно входила к нему, и на мою долю выпало счастье видеть его часто в последние дни его жизни. Мне очень хотелось, чтобы он позвал к себе мать. Я страстно желала, чтобы он примирился с нею перед смертью. Александра разделяла мои чувства. Но было ясно, что он боится свидания. В бреду он повторял: «Бежать, бежать»... Или: «Будет преследовать, преследовать». Он попросил занавесить окно, потому что ему чудилось в нем лицо смотревшей оттуда женщины. Он продиктовал телеграмму сыновьям, которые, как он думал, находились при матери в Ясной: «Состояние лучше, но сердце так слабо, что свидание с мама́ было бы для меня губительно» [118].

Как-то раз, когда я около него дежурила, он позвал меня и сказал: «Многое падает на Соню. Мы плохо распорядились».

От волнения у меня перехватило дыхание. Я хотела, чтобы он повторил сказанное, чтобы убедиться, что я правильно поняла, о чем идет речь. — «Что ты сказал, папа́? Какая со... сода?..»

И он повторил: «На Соню, на Соню многое падает» [119].

Я спросила: «Хочешь ты видеть ее, хочешь видеть Соню?» — Но он уже потерял сознание. Я не получила ответа — ни знака согласия, ни знака отрицания. Я не посмела повторить вопрос, мне казалось, что, повторив, я могу загасить еле мерцающий огонек.

Поведение матери трудно было понять. То она заявляла, что не сумасшедшая и сама понимает, что если он ее увидит, это может его убить, то говорила, что все равно хуже не будет, что в любом случае она его больше не увидит. То начинала плакать и жаловаться, что не она за ним ухаживает: «Сказать только, я прожила с ним сорок восемь лет, и не я ухаживаю за ним, когда он умирает...».

Мы чувствовали всю чудовищность такого положения. Но, поскольку отец не звал ее, мы не считали возможным пустить ее к нему.

Один раз я сидела у изголовья отца и держала его руку, эту руку, которую так любила и которую не могла видеть без волнения, помня, сколько она, послушная его духу, передала человечеству. Он дремал с закрытыми глазами. И вдруг я слышу его голос: «И вот конец, и... *ничего*». Я вижу, как он бледнеет, слышу, как дыхание его становится все прерывистее. Я говорю себе, что это, наверное, конец, и чувствую, как от страха у меня шевелятся волосы на голове и кровь застывает в жилах. Встать же и позвать кого-нибудь не могу — он держит мою руку и при малейшей попытке высвободить удерживает ее.

Наконец, кто-то входит, и я посылаю за врачом. Ему делают укол камфары, и краски снова появляются на его лице, дыхание понемногу выравнивается.

Вдруг он энергично поднимается, садится и ясным, сильным голосом говорит: «Только одно советую вам помнить: есть много людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы все смотрите на одного Льва».

Последние слова он произносит тише и падает на подушку. 6 ноября, накануне смерти, он позвал: «Сережа!» и когда тот подошел, он тихим голосом с большим усилием сказал:

«Сережа! Я люблю истину... Очень... люблю истину»[120]. Это были его последние слова.

Будучи еще совсем молодым человеком, он гордо объявил, что его герой, которого он любит всеми силами своей души, это —Истина. И до того дня, когда он слабеющим голосом сказал своему старшему сыну, своему «истинному другу», что он любил Истину, он никогда не изменял этой Истине. «Узнаете Истину, и Истина сделает вас свободными». Он это знал и служил Истине до смерти.

В 10 часов вечера того же дня Сергей пришел к нам в вагон и сказал, что дело плохо. Мы не знали, следует ли предупредить мать. Каждый высказал свое мнение, и мы решили сперва удостовериться, каково состояние отца, и в зависимости от обстоятельств звать или не звать ее. Но не успели мы с Сергеем дойти до домика, где лежал отец, как заметили, что мать идет за нами. Мы вошли. Отец был без сознания. Доктора сказали, что это конец. Мать подошла, села в его изголовье, наклонясь над ним, стала шептать ему нежные слова, прощаться с ним, просить простить ей все, в чем была перед ним виновата. Несколько глубоких вздохов были ей единственным ответом.

Так в уединенном уголке Рязанской губернии, в домике начальника станции, оказавшего ему приют, умер мой отец. Я сознательно говорю: мой отец, так как я писала только как дочь. Великий писатель Толстой принадлежит мне не более, чем всем другим. Что до меня, то я просто хотела рассказать об этих двух дорогих мне людях, об их любви, об их страданиях и радостях, одним словом, об их жизни — то, что я считаю скромной правдой.

Моя мать пережила отца на 9 лет. Она умерла в Ясной Поляне в ноябре 1919 г. и так же, как ее муж, от воспаления легких. Она умерла, окруженная детьми и внуками. К ее радости, дочь Александра, с которой у нее раньше были такие глубокие разногласия, с исключительной нежностью ухаживала за ней до самого конца. Она сознавала, что умирает. Покорно ждала смерти и приняла ее смиренно. За последние годы она успокоилась. То, о чем мечтал для нее муж, частично исполнилось, с ней произошло превращение, за которое он готов был пожертвовать своей славой. Теперь ей стали менее чужды мировоззрения нашего отца. Она стала вегетарианкой. Она была добра к окружающим. Но она сохранила одну слабость: ее страшила мысль, что́ о ней будут писать и говорить, когда ее не станет, она боялась за свою репутацию. Вот почему она не пропускала случая оправдаться в своих словах и поступках. Она ничем не пренебрегала, лишь бы защитить себя, желая заранее отклонить удары, которые, она знала, будут нанесены ей впоследствии. И она знала—кем. В последний период жизни она часто говорила о своем покойном маленьком сыне и о своем муже. Она сказала мне однажды, что постоянно думает о нашем отце, и добавила: «Я плохо жила с ним, и это меня мучает...».

Такова в основном жизнь этих двух людей, столь же связанных взаимной любовью, сколь и разобщенных в своих стремлениях. Бесконечно близкие друг другу и в то же время бесконечно далекие. Еще один пример извечной борьбы между величием духа и властью плоти.

И кто возьмет на себя смелость указать виновного? Разве может дух отказаться от защиты своей свободы?.

И разве можно вменить в вину плоти, если она борется за свое существование? Можно ли обвинять мою мать в том, что она не была в состоянии следовать за мужем на его высоты? Это было больше ее несчастьем, нежели виной. И это несчастье ее сломило.

А отец, разве он был виноват, что хотел спасти в себе то «нечто», следы которого он в себе порою ощущал, и спасти это ценой своей жизни?

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

[1] Дневник от 2 и 22 июля 1852 г.— т. 46, стр. 131, 136.
[2] Дневник от 24 марта 1847 г.— т. 46, стр. 15.
[3] Дневник от 7 и 17 апреля 1847 г.— т. 46, стр. 29, 31.
[4] Дневник от 18 апреля 1847 г.— т. 46, стр. 32.
[5] Дневник от 14 и 16 июня 1847 г.— т. 46, стр. 32.
[6] Дневник от 3 июля 1854 г.— т. 47, стр. 5.
[7] Дневник от 27 июля 1854 г.— т. 47, стр. 18.
[8] Дневник от 4 января и 8 августа 1857 г., 15 июня и 1 августа 1854 г.—т. 47, стр. 109, 151, 4, 19.
[9] «Исповедь» — т. 23, стр. 4.
[10] Дневник от 12 сентября 1862 г.— т. 48, стр. 44.
[11] Дневник от 16 и 25 сентября 1862 г.— т. 48, стр. 45, 46.
[12] Дневник от 18 июня 1863 г.— т. 48, стр. 54.
[13] С. А. Толстая. Дневники (1860—1891 гг.). М., 1928, стр. 51—53. Запись от 8 октября 1862 г.
[14] Там же, стр. 55—56. Запись от 13 ноября 1862 г.
[15] Там же, стр. 57. Запись от 23 ноября 1862 г.
[16] Там же, стр. 59. Запись от 16 декабря 1862 г.
[17] Дневник от 24 марта 1863 г.— т. 48, стр. 53.
[18] С. А. Толстая. Моя жизнь, кн. 2, стр. 14. Авторизов. машинопись.—АТ.
[19] Там же, стр. 96.
[20] Там же, стр. 161.
[21] Дневник от 19 марта 1865 г.— т. 48, стр. 60.
[22] С. А. Толстая. Моя жизнь, кн. 2, стр. 242. Январь 1867 г. (ср. также: С. А. Толстая. Автобиография.— «Начала», 1921, № 1, стр. 145).
[23] Письмо к С. А. Толстой от 7 декабря 1864 г.— т. 83, стр. 86—87.
[24] А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 157.
[25] С. А. Толстая. Дневники, стр. 96. Запись от 27 августа 1866 г.
[26] С. А. Толстая. Моя жизнь, кн. 2, стр. 209.
[27] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 23 февраля 1875 г.— АТ (далее сокращенно: Т. А. Кузминской).
[28] Письмо от 7 декабря 1864 г.— С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. М.—Л., «Academia», 1936, стр. 49 (далее сокращенно: С. А. Толстая. Письма к Толстому).
[29] Письмо к С. А. Толстой от 10 декабря 1864 г.— т. 83, стр. 91.
[30] С. А. Толстая. Дневники, стр. 58. Запись от 23 ноября 1862 г.
[31] С. А. Толстая. Моя жизнь, кн. 2, стр. 69—70.
[32] Письмо от 13 июня 1871 г.— С. А. Толстая. Письма к Толстому, стр. 91—92.
[33] С. А. Толстая. Моя жизнь, кн. 2, стр. 65.
[34] Письмо от 7 декабря 1864 г.— С. А. Толстая. Письма к Толстому, стр. 49.
[35] Дневник от 23 января 1863 г.— т. 48, стр. 51.
[36] Письмо к Н. Н. Страхову от 6 ноября 1877 г.— т. 62, стр. 347.
[37] «Исповедь»— т. 23, стр. 10.
[38] Там же, стр. 11, 12, 15 (первая цитата — пересказ).
[39] С. А. Толстая. Дневники, стр. 41. Запись от 26 декабря 1877 г.
[40] Письмо к С. А. Толстой от 14 июня 1879 г.— т. 83, стр. 271.
[41] «В чем моя вера»— т. 23, стр. 306.
[42] Письмо от 28 августа 1880 г.— С. А. Толстая. Письма к Толстому, стр. 157—158.
[43] С. А. Толстая. Дневники, стр. 56. Запись от 13 ноября 1862 г.
[44] Дневник от 2 августа 1881 г.— т. 83, стр. 304—305.
[45] Т. А. Кузминской от сентября 1881 г.
[46] С. А. Толстая. Моя жизнь, кн. 3, стр. 652, 653.
[47] Источник цитаты не установлен.
[48] С. А. Толстая. Моя жизнь, кн. 3, стр. 666.
[49] Т. А. Кузминской от 2 мая 1882 г.
[50] Т. А. Кузминской от 8 и 30 января 1883 г.
[51] «Так что же нам делать?» — т. 25, стр. 314.
[52] Т. А. Кузминской от 15 ноября 1881 г., февраля 1882 г., 10 февраля 1883 г.

[53] Т. А. Кузминской от 7 ноября 1879 г.
[54] С. А. Толстая. Моя жизнь, кн. 3, стр. 616.
[55] Письмо к Л. Д. Урусову от 22 (?) мая 1885 г.— т. 63, стр. 251.
[56] Письмо к М. А. Энгельгардту от 20 декабря 1882 г. или 20 января 1883 г.— т. 63, стр. 112.
[57] Т. А. Кузминской от 28 ноября 1880 г.
[58] Письмо к С. А. Толстой от 23 октября 1885 г.— т. 83, стр. 521—522.
[59] Письмо к С. А. Толстой от 30 октября 1884 г.— т. 83, стр. 451.
[60] Письмо к С. А. Толстой от 26 сентября 1896 г.— т. 84, стр. 259.
[61] Т. А. Кузминской от ноября 1885 г.
[62] Т. А. Кузминской от 20 декабря 1885 г.
[63] Т. А. Кузминской от 14 марта и 1 апреля 1887 г.
[64] Письмо к С. А. Толстой от 23 октября 1891 г.— т. 84, стр. 87.
[65] Письмо к С. А. Толстой от 11 декабря 1891 г.— т. 84, стр. 107.
[66] Письмо к С. А. Толстой от 25 октября 1895 г.— т. 84, стр. 241—242.
[67] Письма к С. А. Толстой от 9 сентября и 9 или 10 ноября 1896 г.— т. 84, стр. 255, 270.
[68] Письмо к С. А. Толстой от 12 мая 1897 г.— т. 84, стр. 283.
[69] Письмо к С. А. Толстой от 17 ноября 1898 г.— т. 84, стр. 334.
[70] Письмо к С. А. Толстой от 27 октября 1887 г.— т. 84, стр. 38.
[71] Письмо к С. А. Толстой от 13 декабря 1884 г.— т. 83, стр. 466.
[72] Письмо к С. А. Толстой от 12 сентября 1891 г.— т. 84, стр. 85.
[73] Т. А. Кузминской от 21 апреля 1891 г.
[74] Письмо к С. А. Толстой от 17 февраля 1897 г.— т. 84, стр. 278.
[75] Письма к С. А. Толстой от 18 и 15 сентября 1893 г.— т. 84, стр. 194, 195.
[76] Приписка к письму к С. А. Толстой от 18 февраля 1892 г.— т. 84, стр. 123.
[77] Т. А. Кузминской от 7 марта 1895 г.
[78] Т. А. Кузминской от 8 марта и 14 июня 1895 г.
[79] Письмо к С. А. Толстой от 12 декабря 1884 г.— т. 83, стр. 463.
[80] Письмо к С. А. Толстой от 26 октября 1891 г.— т. 84, стр. 89.
[81] Письма к С. А. Толстой от 1 декабря и 29 апреля 1898 г.— т. 84, стр. 338, 308.
[82] Т. А. Кузминской от 24 октября 1896 г.
[83] Письмо к В. А. Лебрену от 28 ноября 1899 г.— т. 72, стр. 250.
[84] Тайный дневник от 2 июля 1908 г.— т. 56, стр. 171—172.
[85] Письмо к М. С. Дудченко от 7 апреля 1908 г.— т. 78, стр. 114—115.
[86] Письмо к Б. С. Манджосу от 17 февраля 1910 г.— т. 81, стр. 104.
[87] Источник цитаты не установлен.
[88] Письмо к С. А. Толстой от 8 июля 1897 г.— т. 84, стр. 288—289.
[89] Письма к Т. Л. Сухотиной от 21 декабря 1902 г. и 2 июля 1907 г.— т. 73-74, стр. 350; т. 77, стр. 146.
[90] Дневник от 11 августа 1908 г.— т. 56, стр. 143—144.
[91] Тайный дневник от 3 и 9 июля 1908 г.— т. 56, стр. 172, 173.
[92] Письмо к Т. Л. Сухотиной от 23 сентября 1900 г.— т. 72, стр. 457.
[93] Дневник от 16 июля 1910 г.— т. 58, стр. 79—80.
[94] Дневник от 20 и 21 июня 1910 г.— т. 58, стр. 67—68.
[95] Дневник от 23 июня 1910 г.— т. 58, стр. 69.
[96] Дневник для одного себя от 9 августа 1910 г.— т. 58, стр. 132.
[97] Дневник от 25 и 26 июня и 11 июля 1910 г.— т. 58, стр. 69, 78.
[98] Дневник от 28 июля 1910 г.— т. 58, стр. 85.
[99] Дневник для одного себя от 29 и 30 июля 1910 г.— т. 58, стр. 129.
[100] Письмо к В. Г. Черткову от 2 августа 1910 г.— т. 89, стр. 199.
[101] Дневник для одного себя от 2 августа 1910 г.— т. 58, стр. 130.
[102] А. В. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М.—Пг., 1923, стр. 190.
[103] Дневник для одного себя от 11 августа 1910 г.— т. 58, стр. 132—133.
[104] Письмо к В. Г. Черткову от 12 августа 1910 г.— т. 89, стр. 203—204.
[105] Дневник для одного себя от 5 и 6 августа 1910 г.— т. 58, стр. 131.
[106] Там же от 20 августа 1910 г.— т. 58, стр. 134.
[107] Там же от 14 августа 1910 г.— т. 58, стр. 133.
[108] Там же от 29 августа — 1 сентября 1910 г.—т. 58, стр. 135,
[109] Письмо к С. А. Толстой от 29 августа 1910 г.— т. 84, стр. 401.
[110] Дневник для одного себя от 25 августа 1910 г.— т. 58, стр. 135.
[111] Там же от 10, 16—17 сентября 1910 г.— т. 58, стр. 136—137.
[112] Там же от 22 сентября 1910 г.— т. 58, стр. 137.
[113] Там же от 24 сентября 1910 г.— т. 58, стр. 138.
[114] Там же от 25 и 27 октября 1910 г.— т. 58, стр. 143.
[115] Дневник от 28 октября 1910 г.— т. 53, стр. 123—124.
[116] Дневник от 27 марта 1895 г.— т. 53, стр. 16.
[117] Письмо к С. Л. и Т. Л. Толстым от 31 октября 1910 г.— т. 82, стр. 220—221.
[118] Телеграмма сыновьям от 3 ноября 1910 г.— т. 82, стр. 224.
[119] Ср.: С. А. Толстая. Автобиография. — «Начала», 1921, № 1, стр. 167.
[120] Ср.: «Летопись», II, стр. 836.

ПОСЛЕДНИЕ СЮЖЕТЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. П. СЕРГЕЕНКО *

В дневнике Толстого от 2 октября 1910 г. читаем:

«...ночью очень хорошо, ясно думал о том, как могло бы быть хорошо художественное изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских рабочих, и среди тех и других, хоть бы по одному духовно живому человеку. Можно бы женщину и мужчину. О, как хорошо могло бы быть! И как это влечет меня к себе! Какая могла бы быть великая вещь! И вот именно задумываю без всякой мысли о последствиях, какие и должны быть в каждом настоящем деле, а также и в настоящем художественном. О, как могло бы быть хорошо! Вчера чтение рассказа Мопассана навело меня на желание изобразить пошлость жизни, как я ее знаю, а ночью пришла в голову мысль поместить среди этой пошлости живого духовно человека. О, как хорошо! Может быть и будет!».

Из содержания и страстного тона этой записи с необычайным для Льва Николаевича троекратным восклицанием: «О, как хорошо!» видно, что ночью 2 октября 1910 г. Лев Николаевич находился в том особом состоянии, какое не раз переживал в былые времена при зарождении художественных сюжетов. В дневнике от 25 января 1891 г. у него записано, что он, гуляя, думал о большом произведении. «И подумал, что я мог бы соединить в нем все свои замыслы, о неисполнении которых я жалею‹...› И так мне весело, бодро стало». В дневнике от 14 апреля 1895 г.: «...с удивительной ясностью и восторгом представил себе роман...»

В письме к В. В. Стасову от 2 марта 1905 г.: «...выписки из дела декабристов прочел, с волнением, и радостью, и несвойственными моему возрасту замыслами». Теперь, 2 октября 1910 г., он вновь испытывал бодрость, веселость, радость, волнение, восторг от внезапного художественного озарения. По поводу нового сюжета он далее записал: «Живо почувствовал потребность художественной работы и вижу невозможность отдаться ей ‹...› от борьбы внутренней». Художественное творчество было немыслимо из-за тревожного душевного состояния, и он отмечал в дневнике 6 октября: «Не мог работать»; 7-го: «Ничего не делал...»; 9-го: «Ничего не писал...»; 11-го: «Летят дни без дела...»

Таким образом, сочинению, про которое он сам, при всей его скромности, сказал, что оно могло бы быть «великой вещью», не суждено было появиться.

---

* 5 апреля 1961 г. на 75-м году жизни умер Алексей Петрович Сергеенко. Юношей познакомившись с Толстым, он стал одним из его секретарей. А. П. Сергеенко был в числе лиц, подписавших в качестве свидетеля известное завещание Толстого, по которому его произведения безвозмездно и навсегда передавались народу. Всю свою жизнь А. П. Сергеенко посвятил делу собирания, хранения и издания наследия Толстого (он был участником «Юбилейного издания»). А. П. Сергеенко — автор ряда работ о Толстом, в том числе исследования о повести «Хаджи-Мурат», и воспоминаний, печатавшихся в разное время во многих изданиях.

Мы публикуем здесь еще один не бывший в печати мемуарный набросок А. П. Сергеенко. Речь в нем идет о последних днях жизни Толстого, свидетелем которых был автор.—*Ред.*

Жизнь все усложнялась, назревал уход. 19 октября 1910 г. Лев Николаевич записал: «Близка перемена». Тем не менее вопросы художественного творчества продолжали привлекать его внимание. В его дневнике от 18 октября 1910 г. записано: «Читал Достоевского и удивлялся на его неряшливость, искусственность, выдуманность». 19 октября: «Дочитал, пробегал 1-ый том Карамазовых. Много есть хорошего, но так нескладно. Великий инквизитор и прощание Зосима».

Одновременно с «Братьями Карамазовыми» Лев Николаевич читал по-французски роман Мопассана «Жизнь».

В числе его корреспондентов был некто Троицкий, тульский священник, в течение тринадцати лет пытавшийся вернуть Льва Николаевича «в лоно православной церкви», для чего время от времени приезжал в Ясную Поляну или писал Льву Николаевичу увещевательные письма. 23 октября Лев Николаевич отметил в дневнике: «Письмо доброе от священника». В этот раз Троицкий писал, что не собирается обращать Льва Николаевича в православие, а только делится своими мыслями. И Льву Николаевичу показалось, что Троицкий писал так вследствие лучшего понимания его идей. В связи с этим у него зародился новый сюжет, о котором он записал в дневнике от 24 октября: «Очень живо представил себе рассказ о священнике, обращающем свободного религиозного человека, и как обратитель сам обращается. Хороший сюжет».

В этом рассказе, вероятно, было бы два главных персонажа: один с чертами Льва Николаевича, другой — Троицкого, введены были бы интереснейшие диалоги, показана сложнейшая психология обоих персонажей, изображено постепенное перерождение закоренелого суевера.

Но и к этому сюжету Лев Николаевич не пытался приступать, вследствие своего напряженного душевного состояния. Спустя три дня у него возник другой сюжет, виденный им сначала во сне.

У Льва Николаевича нередко бывали необычные для других сновидения мыслей, статей, сюжетов, образов, целых художественных произведений. Рассказы «Что я видел во сне», «Сон» и другие действительно приснились ему.

26 октября 1910 г. он отметил в дневнике:

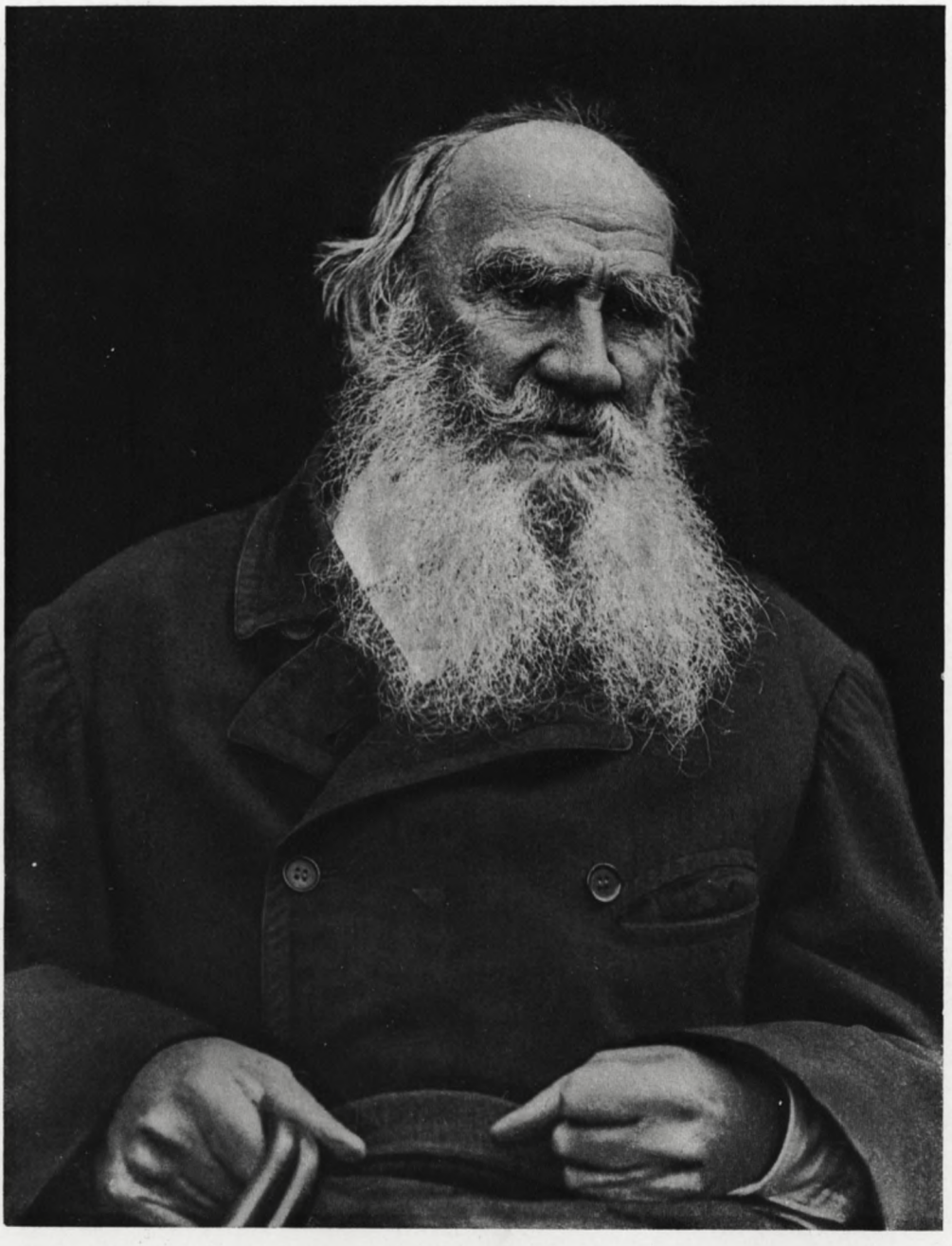
«Видел сон. Грушенька, роман будто бы Николая Николаевича Страхова. Чудный сюжет».

«Грушенька» — по всей вероятности имя будущей героини, взятое из романа Достоевского «Братья Карамазовы», который Лев Николаевич в те дни продолжал читать. Грушенька у Достоевского говорит про себя, что она «неистовая, яростная», вместе с тем способна на глубокие чувства и высокие порывы.

«Николай Николаевич Страхов» — хороший знакомый Льва Николаевича, умерший 14 лет назад, известный литературный критик, последние годы мрачно настроенный и тяготившийся своей жизнью одинокого холостяка. Возможно, что содержание рассказа состояло бы в том, что Грушенька повлияла бы на Страхова своей любовью к жизни, веселостью, эмоциональностью, широтой натуры, а Страхов облагораживающе воздействовал бы на нее своими умственными запросами.

В тот же день, 26 октября 1910 г., Лев Николаевич писал Черткову: «...почувствовал с особенной ясностью — до грусти — как мне недостает вас... Есть целая область мыслей, чувств, которыми я ни с кем иным не могу так естественно ⟨делиться⟩, — зная, что я вполне понят, — как с вами. Нынче было таких несколько мыслей-чувств.

Одна из них о том, нынче во сне испытал толчок сердца, который разбудил меня, и, проснувшись, вспомнил длинный сон, как я шел под гору, держался за ветки и все-таки поскользнулся и упал, — т. е. проснулся. Все сновидение, казавшееся прошедшим, возникло мгновенно ⟨...⟩



Л. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография, 1909 г.
Музей Толстого, Москва

Вторая мысль-чувство это опять-таки нынче виденное мною, уже третье в эти последние два месяца, художественное, прелестное нынешнее, художественное сновидение. Постараюсь записать его и предшествующие, хотя бы в виде конспектов».

Какие были два предшествующие художественные сновидения,— осталось неизвестным, третье же «прелестное, художественное»— это о Грушеньке и Страхове.

Сообщая Черткову о своих снах-сюжетах, Лев Николаевич несомненно старался сделать ему приятное, зная, как Чертков всегда радовался, когда он принимался за художественное.

Чертков ответил: «Очень надеюсь, что вы успеете хоть конспективно записать содержание ваших снов. Сделайте это хоть в письме ко мне, чтобы не отнестись к своему изложению слишком требовательно». Чертков предложил это ввиду того, что Лев Николаевич уже не раз так делал в письмах к нему.

Лев Николаевич назвал свои новые сюжеты «мыслями-чувствами». Этот термин до сих пор в его высказываниях по вопросам искусства не встречался. Раньше он считал, что главным образом чувство должно составлять сущность искусства. Теперь признает необходимым нераздельное соединение чувства с мыслью. Мысли необходимо перейти в чувство, чувству проникнуть в мысль. Это понятие о «мысли-чувстве» — последнее его слово в области эстетики.

Через два дня, 28 октября 1910 г. в пять часов утра, Лев Николаевич внезапно покинул Ясную Поляну. К вечеру того же дня он был за 200 верст от своего дома, остановившись для ночлега в гостинице монастыря Оптина пустынь. Отсюда он писал домой и просил сообщить Черткову следующее: «Постараюсь написать сюжеты снов и просящиеся художественные писания».

В том же письме он просил прислать ему некоторые вещи, а также недочитанный им второй том «Братьев Карамазовых» Достоевского и «Жизнь» Мопассана.

Поразительно, что, несмотря на все перенесенное им в течение этого дня, он не забывал о возможности художественного творчества и не утрачивал интереса к литературе.

29 октября 1910 г., на другой день после ухода Толстого, я увидел его в гостинице монастыря Оптиной пустыни. Я приехал утром. После первых фраз, которыми мы обменялись, он спросил меня, может ли мне продиктовать. Я тотчас же сел для этого за круглый стол, стоявший посередине комнаты, и увидел, что на противоположной от меня стороне стола лежит узенький листок белой бумаги. Наверху листка было что-то написано чернилами. Почерк косой, крупный, по-видимому Льва Николаевича. Очень хотелось разглядеть, что на нем написано, но листок лежал настолько далеко от меня, что это оказалось невозможным. Кончив диктовать, Лев Николаевич подошел к умывальному столику, на котором стоял большой фаянсовый таз и большой фаянсовый кувшин. Из кувшина налил в таз воды и стал намыливать руки. Вдруг с огорчением воскликнул:

— Ах, досадно!

— Что, Лев Николаевич, досадно?

— Да забыл ногтевую щеточку.

— Я постараюсь, Лев Николаевич, достать вам.

— Нет, нет, не надо. Я записываю, что прошу прислать мне из дому... Ну, теперь расскажи мне все вкратце. Что же произошло после моего отъезда? А подробно расскажешь, когда я вернусь с прогулки.

Многое бы я дал, чтобы не рассказывать ему. Страшно не хотелось его огорчать. Но делать было нечего — надо было рассказать. Для этого я и приехал. Я постарался все, насколько возможно, смягчить. Однако мои

сообщения все же произвели на него гнетущее впечатление. Я особенно это увидел, когда он, стоя возле умывального столика, вытирал лицо. Он вдруг закрыл все лицо полотенцем, крепко прижал его обеими руками и неподвижно постоял в этой позе несколько секунд. Казалось, он думал: «Выхода нет, пощады нет». Но, точно внушая себе мужество, он отнял полотенце от лица и начал энергично вытираться им, после чего повесил полотенце на крючок и столь же энергично расчесал волосы и бороду.

Вскоре он ушел на прогулку. Я представлял себе, каково его душевное состояние; вероятно, самое, какое только может быть, подавленное. Может быть, ходит у извилистой реки Жиздры или у векового соснового бора и не замечает природы, не любуется ею, а думает и думает. Думает об одном: Как ему быть? Что делать? Где выход? Всякий на его месте, 82-летнего старика, измученного тяжелыми переживаниями последних четырех месяцев и только что бежавшего из дому, мог бы о чем другом думать?

Когда он ушел на прогулку, я потянул к себе узенький белый листок и прочел написанное на нем рукою Льва Николаевича:

Мыло
Ногтевая щеточка
Блок-нот.

Это он и просил прислать ему из дома.

Я ушел в другой номер гостиницы отдохнуть после бессонной ночи в поезде. Через некоторое время прибежал Душан Петрович Маковицкий и сказал, что меня зовет Лев Николаевич.

— Вернулся с прогулки в сильном расстройстве, говорит «очень тяжело», — сообщил Душан Петрович.

— Немыслимо даже вообразить себе, как ему должно быть тяжело, — ответил я.

Войдя в номер Льва Николаевича, я увидел его сидящим в кресле у круглого стола и пишущим. Писал он что-то на узеньком листке. Я предположил, что, вероятно, он дополняет начатый список вещей, и мне показалось удивительным, что, находясь в своем тяжелом состоянии, он все-таки вспоминал недостающие вещи. Окончив запись, он положил листок на прежнее место.

— Ну, Алеша, расскажи мне теперь все подробным образом, — проговорил он.

После того, что я ему рассказал, я опять ушел в другой номер, а он писал письма, потом мы обедали, потом мы собирались в дорогу. А когда во время сборов я случайно взглянул на узенький листок бумаги, то увидел, что к словам «мыло, ногтевая щеточка, блок-нот» было карандашом приписано: «кофе, губка». Мое предположение, что он, несмотря на свое тяжелое состояние, не утратил практической заботы о недостающих вещах, подтвердилось, и это еще раз меня подивило. Но моему удивлению не было предела, когда я прочел то, что стояло после слов: «кофе, губка». Под ними были проведены две черты и написано карандашом:

1) Феодорит и издохшая лошадь.
2) Священник, обращенный обращаемым.
3) Роман Страхова. Грушенька-экономка.
4) Охота; дуэль и лобовые.

Четыре художественных сюжета! Если он записал их тотчас, как вернулся с прогулки, значит, обдумывал их, гуляя! А я предполагал, что он на прогулке был поглощен только мыслями о своем положении и был не в состоянии сосредоточиться на чем-либо другом.

Сюжет «Феодорит и издохшая лошадь» связан с впечатлениями, полученными им два месяца назад в Кочетах у старшей дочери. «Феодорит» — сын богатого помещика, описанный в повести «Нет в мире виноватых» так: «Звали его Федором, но кто-то как-то шутя или нарочно на-

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ ВЕРХОМ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ
Фотография, 1908 г.
Музей Толстого, Москва

звал его Феодорит, и это показалось смешно, и так продолжали называть его и тогда, когда то, что он делал, было уже совсем не смешно ⟨...⟩ Был он в университете, со второго курса бросил, потом пошел в кавалергарды и тоже бросил и теперь жил в деревне, ничего не делал и все осуждал, и всем был недоволен».

Об «издохшей лошади» Лев Николаевич сделал запись в дневнике от 3 сентября 1910 г.: «Поехал верхом в Треханетово к мужику. Лошадь пала. Сильное впечатление, старик, старше меня, у него молотят».

На другой день Лев Николаевич опять поехал в ту же деревню и записал: «Ужасающая бедность. Насилу держусь от слез». В связи с этим он еще раз отметил в своей записной книжке: «Никогда не испытывал в сотой доле того сострадания, сострадания до боли, до слез, которое испытываю теперь». Лев Николаевич дал в этот раз старику 25 рублей и, очевидно, специально для этой цели и ездил вторично к нему. Обычно он давал нуждающимся крестьянам не более 2—3 рублей. 25 рублей по тому времени и с его точки зрения была огромная сумма — почти стоимость лошади. Этот случай он и вспомнил сейчас на прогулке в Оптиной пустыни.

По сюжету «Феодорит и издохшая лошадь» очевидно опять предполагалось провести параллель между жизнью богатых и бедных.

Сюжет «Священник, обращенный обращаемым» был записан Львом Николаевичем еще 24 октября 1910 г. по поводу священника Троицкого.

Сюжет «Роман Страхова. Грушенька-экономка» пополнен против записи в дневнике от 26 октября 1910 г. словом: «экономка». Очевидно, теперь предполагалось сделать Грушеньку заведующей всем домом одинокого Страхова и на этой почве показать возникновение и развитие их каких-то взаимоотношений, что и должно было составить, по словам Льва Николаевича, «прелестное» художественное произведение.

Последний сюжет «Охота, дуэль и лобовые» навеян рядом впечатлений. Об охоте и дуэли рассказывал незадолго до того Льву Николаевичу его сын Сергей Львович. В течение нескольких лет Сергей Львович разрешал соседу-помещику Сумарокову охотиться в своем лесу на выводки волков. В нынешнем году не разрешил и Сумароков обиделся. Встретясь с Сергеем Львовичем, Сумароков потребовал объяснения, но Сергей Львович не пожелал разговаривать и не подал ему руки. Сумароков счел себя

оскорбленным и вызвал Сергея Львовича на дуэль. Посредством доверенных лиц с обеих сторон Сергею Львовичу еле удалось уладить это дело. Лев Николаевич был потрясен сохранившимися среди помещиков понятиями о защите дворянской чести и во время рассказа Сергея Львовича, как мне передавала Александра Львовна, присутствовавшая при этом, восклицал:

— Ах, боже мой! Ах, батюшки! Ах, какая тьма!

«Лобовыми» — по-тульски назывались новобранцы, призванные на военную службу, от того, что при приеме им подбривали волосы со лба. В описываемое время, как всегда поздней осенью, призыв их происходил по всей России.

О тех «лобовых», которых в своей записи имел в виду Лев Николаевич, мне рассказывал живший у нас молодой человек Михаил Полин, сын яснополянского крестьянина Тита Полина. Мальчиком Михаил Полин попал в город, получил некоторое образование, примкнул к партии социалистов-революционеров, сидел в тюрьме, что сделало его крайне нервным, озлобленным и всегда бунтующим. Теперь он хотел избегнуть военной службы и 20 октября 1910 г. был у Льва Николаевича для совета, а на другой день 21 октября пришел вторично к нему еще с тремя призванными. О посещении этих четырех юношей Лев Николаевич записал в дневнике: «Пришли ясенские „лобовые". Говорил с ними. Слишком мы далеки: не понимаем друг друга».

А своим домашним Лев Николаевич сказал о них с большой грустью:

— Какие-то все у них словечки, которых они нахватались, а в сущности ничего не знают и не понимают. Просил их прийти еще вечером, чтобы получше побеседовать, а Михаил Титов сказал, что не смогут прийти вечером, потому что будут пьяны.

Было принято, чтобы «лобовые» перед своим отъездом веселились, гуляли, пили.

28 октября, в день отъезда из Ясной Поляны, Лев Николаевич имел вторую встречу с «лобовыми» в поезде из Горбачева в Козельск. Об этих «лобовых» Лев Николаевич мне сказал в Оптиной пустыни:

— Я попробовал с ними поговорить. Но такая тьма, такая тьма, что я ужаснулся и замолчал.

В сюжете «Охота, дуэль и лобовые», вероятно, была бы показана «тьма» и богатых и бедных. Это совпадало бы с темой о пошлости.

Прочитав четыре сюжета на узенькой бумажке, я подумал, что если Лев Николаевич даже сейчас, в такие самые трагические для него минуты обуреваем сюжетами, то насколько же еще велика в нем сила жизни. Она, эта сила жизни, еще надолго сохранит его. Так думал я. Увы! Через два дня он заболел, а через восемь дней его не стало.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ ДРАМЫ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ»

ДВЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. ПОПРАВКИ ТОЛСТОГО В ИЗДАНИИ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» 1887 г.

Сообщение В. Ф. Булгакова

В Яснополянской библиотеке Толстого, среди книг других авторов, имеется несколько сот изданий его произведений — как отдельных романов, повестей и рассказов, так и собраний сочинений, изданных в разные годы. Занимаясь описанием библиотеки, я обнаружил, между прочим, следующую книгу: «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть. Драма в пяти действиях». Москва, тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887. 172 стр.

Это опубликованный С. А. Толстой и ставший каноническим текст «Власти тьмы», который без всяких изменений перепечатывался потом во всех изданиях этой драмы, не исключая Юбилейного издания (т. 26), а также последовавших за ним: Собрания художественных произведений. М., изд-во «Правда», 1948 (т. IX) и Собрания сочинений в 14-ти томах. М., Гослитиздат, 1952 (т. XI).

Экземпляр драмы издания 1887 г. находящийся в библиотеке, содержит ряд новых поправок рукой Толстого, поправок, очень строгих и тонких, часто значительно меняющих текст и всегда, как это было у Толстого при позднейших исправлениях написанного, улучшающих, совершенствующих этот текст.

К сожалению, нельзя сказать точно, когда именно эти исправления и дополнения были сделаны Толстым в тексте драмы, не только издававшейся, но и исполнявшейся всегда как в дореволюционное время, так и во всех театрах СССР, а также переводившейся на иностранные языки по *первоначальному*, *неисправленному* тексту. Никаких упоминаний об этих новых поправках ни в дневниках Толстого, ни в воспоминаниях окружавших его лиц нет. Но, поскольку из этих поправок видно, что автор сохранял еще живой интерес к пьесе, можно предположить, что поправки сделаны тотчас или вскоре по выходе отдельного издания 1887 г. (драма была написана в 1886 г.). Не исключено также, что Толстой вновь прочел и исправил текст драмы перед постановкой ее Московским Художественным театром в сезон 1902/03 гг. В начале переговоров о постановке пьесы Толстой особенно заинтересовался пожеланием актеров об объединении двух вариантов IV действия. Позже он говорил К. С. Станиславскому: «Напомните мне, как вы хотели переделать 4-й акт. Я вам напишу, а вы сыграете» (С. М. Брейтбург. Неизданные письма деятелей литературы и искусства к Л. Н. Толстому. — «Яснополянский сборник». Тула, 1955,

стр. 328). Ниже указывается, что при просмотре печатного текста один из вариантов IV действия был вычеркнут автором.

Всего в тексте «Власти тьмы» сделано 60 поправок и дополнений. Это прежде всего исправление случайных ошибок, исправление языка, введение новых ремарок и, наконец, изменения в действиях некоторых персонажей пьесы. Писатель добивается чистоты разговорного деревенского языка, вычеркивая иной раз городское, интеллигентское слово; подчас он выкидывает ту или иную народную поговорку, пословицу, почувствовав, что она искусственно введена в текст и не нужна там. Некоторые фразы выбрасываются как звучащие натуралистически. Иногда происходит сокращение текста во избежание повторений; иной раз, наоборот, вводится несколько слов с целью уяснения смысла речи действующих лиц.

Изменение действия осуществляется во имя психологической правдивости, по требованиям внутренней логики и для достижения большего соответствия с характером того или иного персонажа пьесы.

Так, благодаря как будто незначительным дополнениям и сокращениям в роли, изменяется характер Марины. Бывшая возлюбленная Никиты казалась несколько бесхарактерной, мягкотелой и жалкой. Два-три новых прикосновения гениального резца взыскательного художника освободили образ Марины от этих черт, сделав его более твердым, решительным и стойким. В последнем действии Толстым выкинута роль старосты. Распоряжается на сцене только урядник, оказавшийся в числе почетных гостей на свадьбе Акулины.

Почти против каждого исправленного места писатель ставит на полях нотабене, очевидно, с целью обратить внимание на это исправление, не забыть о нем. В одном-двух случаях нотабене стоят и против неисправленных мест. Это могло обозначать, что автор обратил внимание на данные места и собирался их исправить.

Интересно проследить, какие изменения внесены Толстым в текст «Власти тьмы». Наибольшее количество поправок и дополнений приходится, пожалуй, на роль Никиты.

Когда в 8-м явлении I действия Никита старается успокоить Анисью, подозревающую, что он собирается жениться, он говорит: «Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и погладиться не дается... Да ты чего?», тут Толстым добавлено, очевидно, с целью подчеркнуть задор Никиты: «Тпру, тпру. (*Гладит*)».

В том же разговоре с Анисьей после слов Никиты: «Меня и хозяин любит, и баба его, значит, любит»,— добавлена ремарка «(*Обнимает*)».

В 9-м явлении I действия уточнена ремарка. Было: «Никита (*нагибается, берет топор*)». Исправлено: «(*топор у двери, берет топор*)».

В начале 14-го явления II действия к авторской ремарке, касающейся вошедшего Никиты («*приходит с другой стороны...*» и т. д.) добавлено: «*кнут, кафтан и узда*».

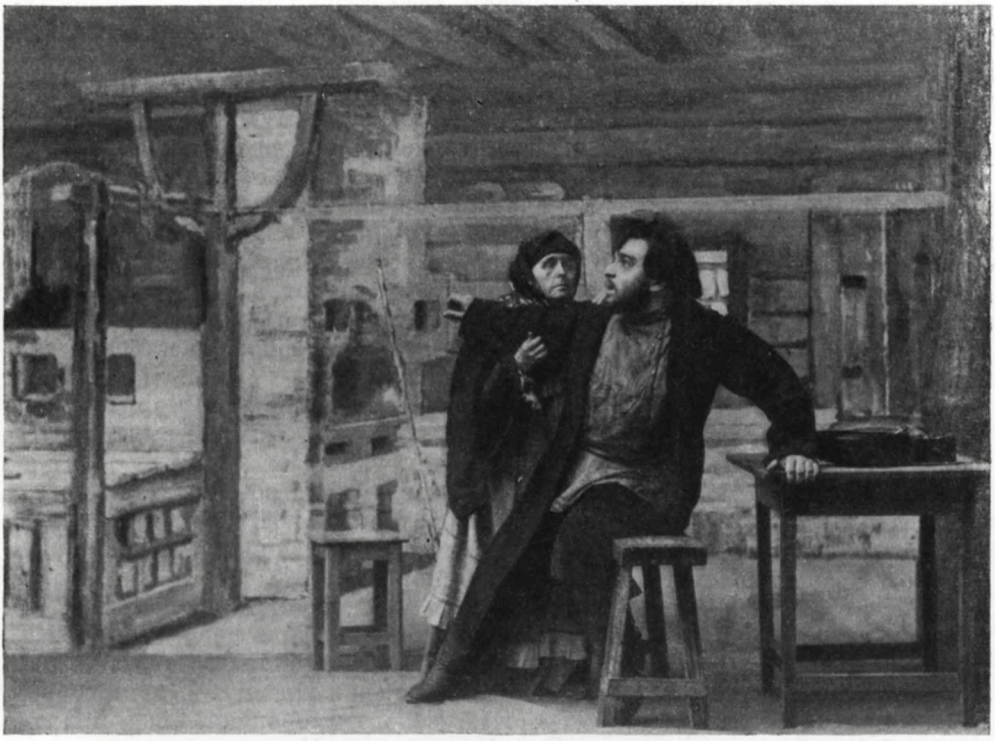
В том же явлении дополнена ремарка, следующая после слов Петра: «Микита, а Микита, подь-ка сюда». Раньше было: «*Никита подходит. Анисья шепчется с Матреной*». Теперь к словам «*Никита подходит*» добавлено: «*близко, облокачивается на крыльцо*».

В 18-м явлении II действия в разговоре с Матреной, узнав, что Иван Моисеич сочинил бумагу о приписке ее сына к другому крестьянскому обществу, Никита говорит: «Бумага, известно, приговор значит». Толстым исправлено: «Ну да я сразу понял, приговор значит».

В 15-м явлении III действия Никита говорит Анисье, несущей самовар: «Ставь на стол. Что, али сходила к старосте? То-то, говори, да откусывай. Ну, будет серчать-то». Слова «говори, да откусывай» зачеркнуты. Торопить или дразнить Анисью при желании помириться с ней, очевидно, не приходилось.

В 10-м явлении IV действия (монолог) Никита говорит об Анисье: «Участником в этих пакостях сделала, паскудница!» Слова эти вычеркнуты. «Участник», «участником сделала» — не деревенские, не крестьянские слова, и Толстой, по-видимому, почувствовал это при перечитывании пьесы в печатном виде.

Сюда примыкает другая фраза: «И опостылела же она мне с этого раза». Толстой было зачеркнул ее, но потом снова восстановил, подчеркнув волнистой линией.



«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1902 г.
Действие IV, явл. VI («...пищит. Разве не слышишь?»). Матрена — А. И. Помялова, Никита — В. Ф. Грибунин
Фотография
Музей Московского Художественного театра

Далее следует сцена убийства ребенка (явления 13—14) при участии Никиты, Матрены и Анисьи. Эта сцена вычеркнута Толстым, очевидно, признавшим справедливыми замечания критики о том, что перекидывание ребенка с рук на руки, с описанием того, как Никита его «доской прикрыл, на доску сел», наконец, с рассказом самого убийцы о том, как «захрустят подо мной косточки» и т. д., является слишком натуралистическим, обнаженно-откровенным, безжалостно играющим на нервах зрителей.

В заменившей выпущенные явления 2-й сцены IV действия из слов Никиты, обращенных после убийства ребенка к Матрене: «Матушка, родимая, дошло, видно, до меня. Как запищит, да как захрустят эти косточки — кр... кр... не человек я стал»,— звукоподражание «кр... кр...» вычеркнуто. Очевидно, также, чтобы избежать натурализма.

Да и несчастный отец, пожалуй, не решился бы «показывать», как хрустели косточки его ребенка.

В 1-й сцене V действия, в 4-м явлении в ремарке «*видит Марину, узнает*» добавлено: «*и подходит*».

Имеются две поправки и в сцене покаяния (2-я сцена V действия). Никита говорит: «Батюшка! Ты здесь? Гляди на меня. Мир православный, вы все здесь и я здесь! Вот он я! (*Падает на колени*)». Толстым добавлено: «Убивец я!». Далее, отстранив урядника и кланяясь отцу в ноги, Никита говорит: «Говорил ты мне спервоначала, как я этой блудней скверной занялся, говорил ты мне: „коготок увяз и всей птичке пропасть“, не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему». Толстой вычеркивает слова: «как я этой блудней скверной занялся, говорил ты мне: „коготок увяз и всей птичке пропасть“», оставив только: «Говорил ты мне спервоначала, не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему».

Характерно, что Толстой выкинул из покаянной речи Никиты пословицу, которую употребил в качестве подзаголовка пьесы. Им руководил здесь безошибочный такт художника: повторение в тексте сентенции сообщало бы сцене навязчиво-дидактический характер.

Исправления, внесенные в роль Никиты, не меняют характера этого действующего лица и лишь выправляют, уточняют в психологическом отношении его речь и действия. Иначе обстоит дело с ролью Марины, немногочисленные, но значительные поправки в которой существенно меняют окраску этого образа.

При первой встрече с Никитой (действие I, явление 19-е) Марина спрашивает: «Так, вижу, бросить, позабыть хочешь?». Толстой вычеркивает надрывное «позабыть» из этой фразы и тем упрощает ее.

Никита кричит Марине: «Уйди, говорю, до худа доведешь». Та отвечает: «До худа? Что ж, меня бить будешь? Бей, на!» Толстой добавляет: «(*Близко подставляет ему лицо*)». Этой ремаркой усиливается драматизм сцены и подчеркивается решительность Марины.

После ее слов: «Что морду-то отворотил? Эх, Никита». Толстой вставляет ремарку: «(*Молчание*)». И это опять подчеркивает значительность сказанного Мариной и сильное впечатление, произведенное ею даже на такого самоуверенного и самовлюбленного парня, как Никита. Теперь только после молчания он откликается: «Известно, нехорошо, народ придет. А что ж попусту толковать».

«Так конец, значит, что было, то уплыло,— говорит Марина.— Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою честь девичью пуще глаза. Погубил ты меня ни за что, обманул. Не пожалел сироту (*плачет*), отрекся от меня. Убил ты меня, да я на тебя зла не держу. Бог с тобой».

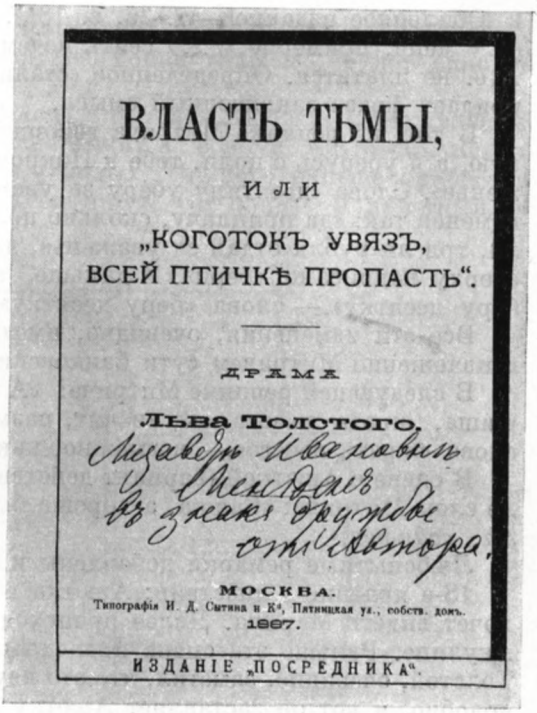
Реплика эта сильно сокращена, из длинной фразы, осталось только: «Так конец, значит. Позабыть велишь! Ну, Микита, помни. (*Плачет*)». В слове «плачет», стоящем теперь после точки, строчное «п» переделано на прописное.

Эти сокращения весьма примечательны. «Что было, то уплыло» — лишнее, не свойственное новой Марине подчеркивание, что она лишилась чего-то очень ценного. Возможно также, что Толстой не хотел злоупотреблять поговорками. «Берегла я свою честь девичью» — звучит каким-то бесцельным и запоздалым самолюбованьем, какое новой Марине, очевидно, не свойственно. «Погубил ты меня ни за что, обманул. Не пожалел сироту»,— это звучало слишком жалостно. А Марина, хоть и потеряла любимого человека, но все-таки отнюдь не погибла, а нашла новую почву под ногами, новое удовлетворение— в уходе за чужими детьми и в помощи их старику-отцу. Так же неестественно было для нее, проявляя какое-то никчемное непротивленчество, заявлять обманщику: «Зла я на тебя не держу, бог с тобой!». Теперь Марина говорит Никите: «Лучше найдешь — позабудешь,

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОЛСТОГО НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ ДРАМЫ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» (М., 1887):

«Лизавете Ивановне Менгден в знак дружбы от автора»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



ВЛАСТЬ ТЬМЫ,

ИЛИ

„КОГОТОКЪ УВЯЗЪ,
ВСЕЙ ПТИЧКѢ ПРОПАСТЬ".

ДРАМА

ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Лизавете Ивановне
Менгден
в знак дружбы
от автора.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°, Пятницкая ул., собств. домъ.
1887.

ИЗДАНІЕ „ПОСРЕДНИКА".

хуже найдешь — воспомянешь. Воспомянешь, Никита! Прощай, коли так». И это повторное: «Вспомянешь, Никита!» — звучит уже почти как угроза.

Только теперь приобрел смысл и тот выкрик, которым, стоя в дверях, закончила эту беседу девушка: «Зверь ты! Не даст тебе бог счастья!»

От сентиментальной, плаксивой, растерянной и жалкой Марины такого выкрика ожидать не приходилось.

В 3-м явлении 1-й сцены V действия Марина говорит: «Позарился на прокладную жизнь. Меня променял». Слова «меня променял» Толстым вычеркнуты.

Наконец, отметим поправку в 4-м явлении той же сцены. Выслушав жалобы Никиты на свою судьбу и его восклицание: «Что ж мне с своим сердцем делать? Куда деваться-то?»,— Марина отвечала: «Чего делать-то? Жена у тебя есть, на других не зарься, а свою береги». Толстой вычеркивает слова: «Жена у тебя есть, на других не зарься, а свою береги». В задушевной беседе дидактизм, выраженный в форме поговорки, показался, очевидно, писателю неуместным. Осталось только: «Чего делать-то? Любил ты Анисью, так и люби». Так — строже, проще и в то же время человечнее, великодушнее, и это вполне в характере той Марины, какая предстает теперь перед нами после поправок Толстого.

Отметим исправления в ролях Митрича и Анютки.

В III действии, в самом начале 3-го явления, Митрич, после общего молчания, *рычит* и восклицает: «О, господи! Микола милослевый». Тут к ремарке «*рычит*» добавлено: «*кашляет*».

В явлении 5-м того же действия Митрич, объясняя Акиму и Анисье устройство банков, говорит: «а у меня, примерно, 〈...〉 сеять нечем, али податишки, что ли». Тут ошибка переписчика в чтении авторской рукописи, одна из тех досадных ошибок, которые, раз вкравшись в текст, часто остаются в нем на десятилетия, переходя из издания в издание (она вошла и

в Юбилейное издание — т. 26, с. 181). Толстой исправляет эту ошибку: «а у меня, примерно, 〈...〉 сеять нечем, али податишки стали» — стали, т. е. не платятся. Определенное «стали» вместо неопределенного «что ли» придает фразе законченный смысл.

В той же реплике Митрича говорится: «Аким, говорю, дай красненькую, а я уберусь с поля, тебе к Покрову отдам да десятину уберу за уваженье». Слова «десятину уберу за уваженье» вычеркнуты, и конец фразы изменен так: «да приплачу, сколько положишь». Там же в словах: «...Два ли, три ли рубля отдай за уваженье, да и всё» — «да и всё» зачеркнуто и сверху надписано: «бери». И дальше, в предложении: «Ладно, говорю, беру десятку»,— слова «беру десятку» зачеркнуты.

Все эти изменения, очевидно, имеют целью внести бóльшую ясность в изложение Митричём сути банковских операций.

В следующей реплике Митрича: «А коли, примерно, нет у меня ни шиша, жрать нечего, ты, значит, разметку делаешь»,— вычеркнуты два слова «жрать нечего»,— возможно, как грубо звучащие.

В сцене с Анюткой (вариант действия IV, сцена 2-я, явление 3-е), после слов Митрича: «Сашка, а хороша была»,— добавлена ремарка: «(*Встает, садится*)».

Любопытные ремарки добавлены к роли Анютки.

18-е явление I действия: Анютка вбегает и сообщает Никите, что его хочет видеть Марина. Далее происходит объяснение Никиты в любви к Акулине. Раньше эта сцена происходила в присутствии девочки. Потом Толстой, очевидно, заметил, что это неудобно и психологически неправдоподобно, и вот он заставляет Анютку выбежать из избы, а потом, после окончания разговора между Никитой и Акулиной, вбежать снова.

Именно, после передачи Анюткой слов Марины, что на Акулине хотят женить «Микиту», Толстой приписывает: «(*убегает опять*)». Когда же Акулина «*уходит в чулан*», Анютка снова «*вбегает*»; как приписано автором. И так, выходит, конечно, естественнее. В самом деле, может быть, потому только Никита и заговорил о любви, что девочки не было в избе, а иначе до объяснения на этот раз, пожалуй, не дошло бы.

Тут же изменены слова «вбегающей» Анютки. Раньше было: «Никита! Глянь-ка. (*Глядит в окно*). Идет. Однова дыхнуть, она. Я уйду. (*Уходит*)». Теперь осталось: «Никита! Идет. Однова дыхнуть, идет. (*Уходит*)».

В 10-м явлении II действия снова фигурирует убегающая Анютка: «Только платок возьму, а я сейчас»,— говорит она. И дальше стояло: «*убегает*». Теперь к этому добавлено: «*на ходу повязываясь платком*».

Сцена 2-го варианта действия IV, явление 1-е. Разговор Анютки с Митричем.

Митрич хочет потушить лампу. «Анютка (*вскакивает, садится*). Дедушка, не туши, голубчик!». Взыскательный художник ставит запятую после слова «садится» и приписывает: «спокойно» (т. е. говорит спокойно). И вы чувствуете, что в этом с трудом соблюдаемом спокойствии у Анютки скрывалось страху больше, чем она могла это выразить словами. К тому же держась спокойно, лучше можно было и преодолеть этот страх. Девочка чувствовала это инстинктивно.

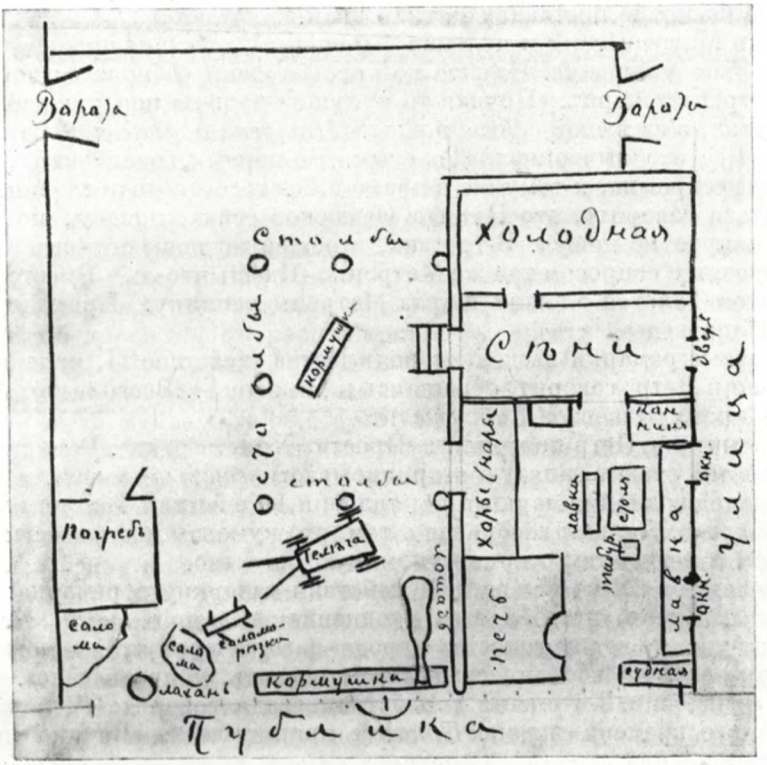
И дальше, после того, как Митрич говорит: «А я вот заверну свет», а Анютка просит: «Дедушка, золотой! Не гаси совсем. Хоть в мышиный глазок оставь, а то жуть»,— Толстой опять после имени Анютки ставит в скобках: «спокойно». Эти два «спокойно» надо уметь оценить!

В том же явлении в словах Анютки и Митрича Толстой пять раз исправляет «копают» на «копають», как это произносят тульские крестьяне.

Аналогичные поправки встречаем и в других местах: «клонить» вместо «клонит» (реплика Матрены в 10-м явлении I действия), «велить» вместо «велит» (реплика Анисьи там же), «веселить» вместо «веселит» (реплика

Акима в 12-м явлении I действия). Наборщик, очевидно, не мог себе представить, чтобы ставился мягкий знак на конце глагола. И вот ошибка утвердилась на семьдесят лет.

Одна смысловая ошибка исправлена в реплике Анютки, в 6-м явлении 1-й сцены V действия. Никита в тоске лежит на соломе. Матрена, Анисья зовут его в избу — благословлять молодых. Немного раньше прибегает Анютка: «Батюшка, а батюшка! Тебя ищут. Все уже,— и крестный,—



ПЛАНИРОВКА IV ДЕЙСТВИЯ ДРАМЫ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» К ПОСТАНОВКЕ В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ, 1902 г.

Рисунок К. С. Станиславского в режиссерском экземпляре драмы

Музей Московского Художественного театра

благословили». В чем же тут ошибка? В том, что Никиту зовут благословлять и тут же ему сообщают, что уже благословили. Толстой зачеркивает слова: «Все уже,—и крестный,—благословили» и надписывает сверху: «Уж и жених приехал». Далее он зачеркивает второе «благословили» и над ним надписывает: «приехал». Получилось: «Батюшка, а батюшка! Тебя ищут. Уж и жених приехал. Однова дыхнуть, приехал». Несообразность устранена.

Обратимся к двум-трем поправкам в роли Анисьи.

В 9-м явлении 1-й сцены V действия выпившая Анисья выходит из избы со свадьбы и, видя мужа на соломе, говорит: «Вишь куда, в солому забрался. Аль хмель изнял? (*Смеется*). Полежала б и я с тобой тут, да неколи. Пойдем, доведу. А уж как хорошо в доме-то! Лестно поглядеть. И гармония!» Фраза «Полежала б и я с тобой тут, да неколи» вычеркнута. Очевидно, Толстой нашел ее грубой, неуместной. Вычеркнуто также: «И гармония!». В том же явлении Анисья говорит: «Все благодарят. И гости

все хорошие». Толстой вычеркивает слова «И гости все хорошие» и вместо них пишет: «Приходи же благословлять: заждались».

В роли Акима изменена одна фраза в 13-м явлении I действия. Аким спрашивает у Никиты: «Обвязался ты с девкой, значит, то есть обвязался ты с ней, значит?». Толстой меняет эту фразу: «Обвязался ты с девкой, значить, то есть, тае, значить, с девкой, значить?» Так выходит забавнее и невнятнее, еще скромнее, чем раньше, и это более отвечает повадке и речи Акима. Подчеркиваем, что в слове «значить», употребленном трижды, везде на конце поставлен мягкий знак.

В роли Матрены, в 9-м явлении 1-й сцены V действия произведено одно существенное изменение. Никита по просьбе жены собирается пойти в избу, и Матрена говорит: «Ночная-то кукушка денную перекуковала. Меня не послухал, а за женой сейчас пошел. (*Матрена и Анисья идут*). Идешь, что-ль?» Все это вычеркнуто Толстым. Во-первых, пословица о ночной кукушке нескромна, к тому же в драме и без того много пословиц. Во-вторых, нельзя говорить, что Никита «за женой сейчас пошел», потому что он еще никуда не пошел. В-третьих, это «сейчас пошел» стоит в прямом противоречии с вопросом той же Матрены: «Идешь что-ль?» Вместо вычеркнутых слов Толстой вложил в уста Матрены реплику: «Приходи же, касатик. Надо ведь».

Две новые ремарки введены в роль Петра (действие II, явление 14-е). Умирающий Петр говорит, обращаясь к Никите: «...Всего было. Прости». Толстой приписывает: «(*Кланяется*)».

Через минуту Петр повторяет: «Прости, Христа ради». Ремарка: «*Плачет*». Толстой ставит запятую и приписывает: «*еще кланяется*».

В начале вводной ремарки в 7-м явлении II действия Толстым вписано: «*Слышен крик*». Дальше говорится о том, что кума «*прислушивается к крику в избе*», а между тем о крике упомянуто не было.

В последнем (24-м) явлении II действия зачеркнута ремарка: «*Народ приходит*». Вместо этого дается уточнение: «*Старик, сосед, две бабы*». И дальше уже не «один голос из народа» (это зачеркнуто), а «одна баба» (надписано сверху) восклицает: «Старух позвать, убирать надо».

В 1-м явлении 2-й сцены V действия сваха говорит: «Что ж долго? Уж с какого времени ждем». Толстой приписывает: «Видано ли дело, и жених приехал».

Во 2-м явлении той же сцены, после слов Анисьи: «Батюшки родимые! Да что ж он разутый?!» — приписано: «(*Народ ахает*)».

Из всего этого ясно, что чтение Толстым печатного текста драмы было новой, последней стадией ее художественной обработки. Поправки, дополнения и сокращения коснулись и языка, и содержания, и ремарок пьесы на всем ее протяжении.

Едва ли оправданным является поэтому решение Н. К. Гудзия, редактировавшего «Власть тьмы» в Юбилейном издании и знавшего о найденных мною поправках в печатном тексте драмы, не вводить этих поправок в основной текст издания (перечень поправок опубликован там же — т. 26, отдельно от текста драмы). Мне кажется, что Н. К. Гудзий недооценил изменений, внесенных Толстым в пьесу. Он считал, что «исправления не проведены однако систематически» и что, «судя по тому, что четыре последние явления четвертого действия в основной его редакции зачеркнуты и вместо них оставлен вариант конца действия, а также судя по значительному количеству добавленных ремарок, исправления имели в виду приспособление драмы к сценическому ее использованию» (т. 26, с. 720).

Если бы даже это было так, то и тогда непонятно, почему же новые и безусловно принадлежащие Толстому поправки и дополнения не должны быть введены в текст драмы. Но мы видели, что поправки автора имеют гораздо более широкий характер. К тому же, вопреки мнению Н. К. Гуд-

зия, исправления проведены именно *систематически*, по всем пяти действиям драмы и в отношении всех (восьми) главных действующих лиц, за исключением одной только Акулины. Просмотрены и роли второстепенных лиц (староста, сваха). Раскрыто содержание термина «народ» как собирательного лица.

То, что Толстой совсем зачеркнул первую редакцию сцены с убийством ребенка, относится столько же к чисто сценическому, сколько и к литературному, художественному воплощению драмы. Очевидно, что Толстой, убедившись окончательно в непригодности этого варианта, решил совсем отбросить его, как он часто отказывался от множества иногда очень ценных и тщательно разработанных, но нарушавших общую структуру произведения вариантов.

В конце статьи о драме «Власть тьмы» Н. К. Гудзий говорит: «Поправки, сделанные Толстым в экземпляре драмы издания 1887 г., не считаем возможным внести в окончательный текст по следующим основаниям. Ниоткуда не видно, что эти поправки свидетельствовали о серьезном намерении Толстого внести изменения в текст пьесы. В ряде случаев они не выдержаны и не доведены до конца,— там, например, где Толстой делает исправления в речах действующих лиц. Кроме того, если бы этими поправками Толстой дорожил, он распорядился бы внести их в последующие издания драмы, чего, однако, не сделал» (т. 26, с. 726).

Рассуждение это едва ли основательно.

Прежде всего, заключать об отсутствии у Толстого «серьезного намерения внести изменения в текст пьесы» не приходится, когда изменения эти уже внесены. Или Н. К. Гудзий предполагает, что это было сделано Толстым без серьезного намерения? Но где же основания для такого предположения? Разве не известно, с какой исключительной серьезностью относился Толстой как к созданию новых текстов, так и к внесению в них поправок? Так же представляется непонятным, почему поправки, видимо, глубоко продуманные и отлично укладывающиеся в текст драмы, кажутся Н. К. Гудзию «в ряде случаев не выдержанными и не доведенными до конца», в частности, там, где Толстой «делает исправления в речах действующих лиц». При сопоставлении поправок со старым текстом можно видеть, как благодаря им всюду психологически углублялся, уточнялся или сокращался этот текст, всегда в интересах драмы как целого. Отрывочного или незаконченного характера новые поправки Толстого не имеют.

Что касается отсутствия авторского распоряжения о внесении поправок в последующие издания драмы, то мы вправе утверждать только то, что нам о таком распоряжении неизвестно, но это еще не значит, что его не было. Письменных распоряжений такого рода (о внесении в новые издания того или иного произведения каких-нибудь поправок или дополнений) Толстой никогда не делал. Устное же распоряжение по забывчивости, неопытности или небрежности тогдашних его секретарей и редакторов (в 80-х годах ими были только члены семьи писателя — жена, дети) могло быть случайно не выполнено.

Вероятнее же всего, что Толстой, прочитав весь текст драмы и внеся в него новые поправки, тем самым считал свою роль выполненной и, как это с ним часто бывало, особенно во вторую половину жизни, уже не прикладывал новых усилий к тому, чтобы исправления его были своевременно использованы и опубликованы. Экземпляр с поправками существовал, и в этом Толстой видел гарантию, что рано или поздно поправки эти увидят свет.

Таким образом, мы приходим к выводу, что новые поправки Толстого в тексте драмы «Власть тьмы» очень ценны, вполне целесообразны, проведены по всей пьесе и поэтому должны быть учтены как литературоведами, так и режиссерами при постановке пьесы на сцене.

2. ПО ПОВОДУ СООБЩЕНИЯ В. Ф. БУЛГАКОВА

Реплика Н. К. Гудзия

В т. 26 Юбилейного издания напечатан под моей редакцией текст «Власти тьмы». В основу публикации был положен текст издания «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть двенадцатая. Произведения последних годов». Изд. 3-е, М., 1886. Мной внесено было значительное количество исправлений ошибок и отступлений от подлинных толстовских написаний, допущенных переписчиками и, может быть, наборщиками. Мне известны были в оригинале также последующие исправления, сделанные Толстым в экземпляре пьесы в отдельном ее издании 1887 г., впервые обнаруженные В. Ф. Булгаковым и приведенные в составленном им рукописном описании библиотеки Толстого. Эти исправления полностью опубликованы мной в т. 26 (с. 544—548) указанного издания, в разделе вариантов, но ввести их в окончательный текст пьесы я не счел возможным, мотивируя это в комментариях тем, что исправления не проведены систематически и не доведены до конца, почему у нас не может быть уверенности в том, что у Толстого было серьезное намерение внести изменения в текст «Власти тьмы». Кроме того, я считал, что если бы Толстой дорожил сделанными им исправлениями, он распорядился бы ввести их в последующие издания драмы, чего он, однако, не сделал. С моими соображениями согласилась редакция Юбилейного издания, почему в основной текст «Власти тьмы» и не внесены указанные позднейшие авторские исправления.

В. Ф. Булгаков настаивает на необходимости введения в окончательный текст «Власти тьмы» исправлений, сделанных Толстым в экземпляре отдельного издания драмы, вышедшего в 1887 г., обосновывая это требование тем, что исправления сделаны якобы систематически, что они доведены до конца и обогащают драму с точки зрения психологической и художественной.

Не будем спорить с В. Ф. Булгаковым, когда он, скрупулезно анализируя большую часть толстовских исправлений, старается доказать, что они улучшают текст драмы. Возможно, это так на самом деле, иначе Толстой не стал бы их делать, хотя по существу они не так уж значительны сами по себе и в интерпретации их неизбежно должен был сказаться личный, субъективный вкус самого В. Ф. Булгакова. Важнее другое — то, что, вопреки утверждению В. Ф. Булгакова, переработка текста драмы не была все же проведена Толстым систематически, не была закончена, и нигде Толстой не заявлял о желании свою по всем признакам лишь предварительную работу по исправлению пьесы считать завершенной и потому подлежащей учету при установлении ее окончательного текста. Не замечая противоречия со своим утверждением о завершенности работы Толстого над исправлением текста «Власти тьмы», В. Ф. Булгаков, указывая на то, что почти против каждого своего исправления Толстой ставил нотабене, очевидно, с целью обратить на них внимание, тут же оговаривается, что нотабене «в одном-двух случаях» стоят и против неисправленных мест, в чем нужно усматривать, по вероятной догадке В. Ф. Булгакова, намерение Толстого еще подумать над этими местами, чтобы их исправить. Нужно добавить еще, что в некоторых случаях имеются подчеркивания и отчеркивания отдельных мест, что, вероятно, обозначало такое же намерение Толстого. Следовательно, мы не знаем, какая доля задуманной Толстым работы по исправлению текста драмы была им выполнена, и неизвестно, что́ было бы им сделано, если бы эта работа была продолжена.

Сам же В. Ф. Булгаков отмечает, что в нескольких местах Толстой, в соответствии с выговором тульских крестьян, в глаголах изъявительного наклонения в третьем лице единственного и множественного числа меняет твердое окончание на мягкое («клонить» вместо «клонит», «копають»

вместо «копают» и др.), но такая замена сделана Толстым лишь в немногих случаях, в огромном же большинстве случаев остались прежние твердые окончания, очевидно потому, что у Толстого не хватило терпения или не было лишнего времени для того, чтобы систематически провести такого рода исправления. Получился явный разнобой в написании глаголов, который объясняется, разумеется, не сознательным авторским намерением, а незавершенностью работы. Неужели, следуя предложению В. Ф. Булгакова, этот разнобой нужно сохранить в окончательном тексте пьесы? Нельзя понять при этом, почему в устранении мягкости глагольных окончаний повинен наборщик, якобы не допускавший таких окончаний, как предполагает В. Ф. Булгаков: ведь в руках наборщика была рукопись с твердыми глагольными окончаниями, как это было и в первоначальных автографических написаниях самого Толстого.

Последнее, 3-е явление 2-й сцены V действия в печатном тексте читается так: «Те же и староста. Староста (*входит*). Понятых и здесь много». Слова «Староста (*входит*). Понятых и здесь много» Толстым при исправлении зачеркнуты, и староста как действующее лицо таким образом устранен, но слова «Те же и староста» не зачеркнуты, как не исключен староста и в перечислении действующих лиц V действия. Значит, воспроизводя исправленный Толстым текст, если следовать предложению В. Ф. Булгакова, нужно оставить неприкосновенным и упоминание о старосте как о действующем лице, хотя этот персонаж исключен Толстым из драмы. Считая, что во всех решительно случаях исправления, сделанные Толстым, улучшают текст драмы, В. Ф. Булгаков для подтверждения этой мысли приводит и следующий пример. В словах Никиты, обращенных к отцу: «Говорил ты мне спервоначала, как я этой блудней скверной занялся, говорил ты мне: „коготок увяз и всей птичке пропасть“, не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему» — Толстой зачеркнул: «как я этой блудней скверной занялся, говорил ты мне: „коготок увяз и всей птичке пропасть“». По догадке В. Ф. Булгакова, Толстой это сделал для того, чтобы избежать нарочитого повторения пословицы, уже приведенной в заглавии драмы. Но едва ли можно считать, что сокращение речи Никиты в данном случае сделано Толстым бесспорно удачно, так как при таком сокращении остается неясным, что же именно говорил Аким Никите.

При исправлении «Власти тьмы» Толстой зачеркнул четыре последних явления IV действия в основной его редакции, сохранив с небольшими исправлениями и кое-какими добавленными ремарками второй вариант последних явлений этого действия. Исключение из пьесы первоначального варианта конца IV действия, а также значительное количество вновь введенных ремарок, детализирующих сценическое исполнение пьесы * или ее реквизит (например, «топор у двери» или «кнут, кафтан и узда»), по высказанному мной предположению, объясняются тем, что Толстой решил наилучшим образом приспособить пьесу к театральной постановке. Как правильно указывает В. Ф. Булгаков, у нас нет точных данных о том, к какому времени относится работа Толстого над исправлением «Власти тьмы», но косвенные данные позволяют приурочить эту работу к 90-м годам и связать ее с намерением любителей-актеров будущего Московского Художественного театра поставить пьесу у себя на сцене. Судя по воспоминаниям К. С. Станиславского, намерение это созрело у них еще за несколько лет до разрешения постановки пьесы на сцене столичных театров, которое дано было лишь в 1895 г. При этом инициатива постановки

* Некоторые из этих ремарок сделаны явно наспех. Так, против слов «Анютка (*вскакивает, садится*). Дедушка, не туши, голубчик» и против слов «Дедушка, золотой! не гаси совсем. Хоть в мышиный глазок оставь, а то жуть»— в обоих случаях на полях написано мало соответствующее этим словам слово «Спокойно». Ремарка «Никита (*нагибается, берет топор*)» исправлена на «Никита (*топор у двери, берет топор*)».

ими «Власти тьмы» исходила от самого Толстого. При встрече в Туле в начале 1890 г. с актерами в ту пору еще любительского кружка, именовавшего себя «Обществом искусства и литературы», Толстой, по словам Станиславского, обратился к ним с такой просьбой: «Доставьте радость старику, освободите от запрета „Власть тьмы" и сыграйте!». И тут же, как вспоминает Станиславский, актеры стали распределять между собой роли, предложив между прочим Толстому решить, какой из вариантов конца IV действия им следует играть или как их соединить, а Толстой, в свою очередь, предложил актерам как специалистам высказать свои соображения на этот счет и пообещал им по их указанию обработать IV действие (К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. Л., 1928, стр. 239). Можно поэтому думать, что именно в связи с этой беседой с будущими актерами Художественного театра Толстой со временем принялся за исправление «Власти тьмы», попутно с исключением первого варианта конца IV действия сделав еще ряд исправлений в пьесе и добавив ряд ремарок, рассчитанных на наиболее точное ее сценическое воплощение. Но если бы мы даже признали, что, вопреки сделанным нами замечаниям, Толстой считал исправленный им текст окончательно обработанным для сценической постановки (а предполагать при этом другие намерения у Толстого мы не имеем оснований), мы не вправе были бы в основу окончательного текста «Власти тьмы» класть текст, исправленный Толстым после напечатания драмы: ведь она не только сценическое произведение, но и *литературное*. С этой точки зрения в первую очередь совершенно очевидно, что мы не можем исключать из пьесы первый вариант конца IV действия. Если Толстой исключил его из сценической постановки, то это вовсе не значит, что он от него совсем отказался в плане чисто литературном, художественном. Нигде и никогда Толстой об этом не заявлял и никогда не делал распоряжений об исключении его из публикаций драмы.

Соображения В. Ф. Булгакова, высказанные в последних абзацах его статьи, по поводу того, почему исправления Толстого не вошли в последующие издания «Власти тьмы», нельзя считать убедительными. По смыслу сказанного тут В. Ф. Булгаковым выходит, что произошло это потому, что Толстой, особенно во вторую половину жизни, относился довольно пассивно к судьбе текста своих произведений. С неменьшим основанием можно допустить, что Толстой скоро охладел к своей попытке исправить текст, еще раз повторяем — в целях приспособления его к требованиям сцены, и не счел нужным менять его в дальнейших изданиях. Потому-то только наличие авторского распоряжения давало бы нам право на внесение в текст драмы каких-либо последующих исправлений, кем бы они ни были сделаны — автором или с его согласия — даже посторонним лицом.

В заключение — относительно исправления, сделанного Толстым в словах Митрича: «У тебя, примерно, деньги есть, а у меня, примерно, весна пришла, земля пустует, сеять нечем, али податишки, что ли» (III действие, 5-е явление). Толстой исправил «что ли» на «стали». В. Ф. Булгаков неизвестно почему утверждает, что написание «что ли» — ошибка переписчика, как и другие подобные ошибки, переходившая из издания в издание и не исправленая и в Юбилейном издании. Но в дошедших до нас рукописях и корректурах «Власти тьмы» нет конца этой фразы, он дописан был, очевидно, в недошедшей до нас последней корректуре драмы, и потому нет оснований усматривать в написании «что ли» ошибку переписчика.

Пользуюсь, наконец, случаем, чтобы исправить опечатку, допущенную мной в тексте пояснения Толстого к варианту IV действия «Власти тьмы», проникшую в Юбилейное издание. Напечатано: «Вместо явлений XII—XIV, XV и XVI действия четвертого можно читать следующий вариант», а должно быть: «Вместо явлений XIII, XIV, XV и XVI...»

РЕВОЛЮЦИОНЕР-НАРОДНИК О ТОЛСТОМ

ДВЕ ЗАБЫТЫЕ СТАТЬИ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО

Публикация М. И. Перпер

В 1891 г. несколько русских революционеров основали в Лондоне «Фонд вольной русской прессы». Задачей этой организации было издание сочинений, запрещенных в России по политическим мотивам, и распространение этой литературы.

Среди членов «Фонда» было два писателя: Феликс Волховский, бежавший из сибирской ссылки, осенью 1890 г. добравшийся до Лондона, и живший там уже с лета 1884 г. Сергей Степняк-Кравчинский, успевший приобрести в Англии широкую популярность благодаря своим книгам, многочисленным журнальным и газетным статьям, публичным лекциям о России, разносторонней и напряженной деятельности, направленной на привлечение сочувствия к русской революции среди передовых людей других стран. С приездом Волховского в Лондон Степняк приобрел энергичного и талантливого товарища по литературной работе. Уже осенью 1890 г. начала выходить на английском языке газета «Свободная Россия», издававшаяся обществом англичан — «Друзей свободной России» под редакцией Степняка и Волховского. Следующим совместным шагом была организация «Фонда». На присылавшиеся из России добровольные взносы крохотный коллектив революционеров-эмигрантов печатал агитационные, публицистические и художественные произведения (значительная часть их была написана Степняком) и устраивал доставку их в Россию. Транспортировкой литературы занимался польский революционер, бежавший из Сибири, Михаил Войнич («Иван Кельчевский») и ставшая в 1893 г. его женой молодая англичанка Лилиан Буль, которую русские товарищи ласково звали Булочкой (будущий автор «Овода»).

С 1893 г. «Фонд», стремясь продолжать традиции герценовского «Колокола», начал издавать «Летучие листки». Редактором их был Феликс Волховский. «Листки», как и газета «Свободная Россия», быстро откликались на все злободневные вопросы русской общественной жизни, среди которых в начале 90-х годов особенно важными были жестокие преследования царским правительством духоборов, штундистов и других сектантов, противопоставлявших себя официальной церкви, и энергичная борьба Толстого, направленная на разоблачение этих преследований.

Неудивительно поэтому, что имя Толстого часто встречается в обоих периодических органах. Понятно также, что когда Толстой прислал в Англию (см. об этом на стр. 475 1-й книги настоящего тома) написанную по его поручению брошюру П. И. Бирюкова «Гонение на духоборцев» и свою статью, сопровождавшую ее, именно «Фонд» быстрее всех откликнулся на желание писателя опубликовать эти материалы. «Листок» № 25 от 15 октября 1895 г. сообщал: «На днях появятся результаты расследования о духоборцах, полная правдивость которых удостоверяется Львом Толстым»; «К набору рукописи Льва Николаевича Толстого и его доверенного лица о духоборцах уже приступлено. Просим всех, кому дорога истина, послать нам деньги». В «Листке» № 26 от 12 ноября сообщалось: «На издание брошюры Льва Николаевича Толстого о духоборцах получено всего от разных лиц 5 фунтов, 5 шиллингов, 5 пенсов, печатание же (3 печатных листа) обойдется на менее 10 фунтов. Просим всех, кому дорога истина, поспешить присылкой недостающих денег». В «Листке» № 27 от 1 декабря уже было объявлено: «Вышли

в свет выпуски 19-й и 20-й изданий фонда ВРП. Первая из этих брошюр носит название „Гонения на духоборцев"».

Представляется несомненным, что это издание, до сих пор не учтенное специалистами, является *первой* публикацией статьи Толстого на русском языке, появившейся еще в конце ноября 1895 г. и помеченной на обложке 1895 г., а на титульном листе— 1896 г. Но еще раньше, а именно в «Times» от 23 октября н. с. появилась публикация посланной Толстым истории преследования духоборов в переводе на английский язык, сделанном Д. Кенворти и С. Раппопортом. Однако состав этой публикации не совпадал полностью с изданием «Фонда». «Times» поместил в названном номере только сокращенный текст работы Бирюкова и коротенькое сопроводительное письмо Толстого «К редактору английской газеты» (см. т. 39, с. 237; т. 68, с. 173—174); обширное же послесловие Толстого к статье Бирюкова в «Times» не появилось.

Что касается издания статьи Толстого у Элпидина (Carouge — Genève, 1896), то его следует считать второй, а не первой публикацией документа на русском языке (здесь статья Толстого дана, вопреки его желанию, как предисловие, а не послесловие).

Печатаемое нами предисловие Степняка — не единственная работа его о Толстом. Почти одновременно с ней он писал другую, бо́льшую статью «Непротивление», опубликованную уже посмертно в «Листке» № 28 от 18 января 1896 г. Она также осталась неизвестной исследователям Толстого. Обе эти статьи глубоко полемичны. Один из «блестящей плеяды революционеров 70-х годов» (Л е н и н. Сочинения, т. 5, стр. 342), Степняк, отдавая должное разоблачительной силе выступлений Толстого, вместе с тем резко критиковал его проповедь «непротивления» с позиций революционной борьбы за освобождение народа и вскрывал связь этого «учения» с миропониманием миллионов русских крестьян, еще не отрешившихся от пассивной покорности судьбе и властям, от иллюзорных надежд на то, что когда-нибудь «сами собой заклинятся» «колеса колоссальной машины» бюрократического и эксплуататорского государства и жестокие угнетатели устыдятся своих злодеяний и станут по-братски относиться к людям. Сохранившиеся в архиве Степняка черновые варианты статей показывают, что автор смягчал первоначальные резкие полемические выпады, стремясь использовать насколько можно полнее «смелую совесть», «непререкаемый авторитет», «обаяние могучей личности» великого русского писателя, но никогда не поступался своими убеждениями, всегда четко выражая свое принципиальное несогласие с положениями Толстого. Более обстоятельно отношение Степняка к Толстому выражено в двух его статьях о писателе, являющихся итогом лекций о Толстом, которые Степняк читал начиная с 1888 г. в Англии, а в 1891 г. и в Америке. Эти статьи будут опубликованы на русском языке впервые в готовящемся к печати томе настоящего издания «Мировое значение Толстого».

ГОНЕНИЯ НА ДУХОБОРЦЕВ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

PUBLISHED BY THE RUSSIAN FREE PRESS FUND, LONDON

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатая историю зверств, совершенных над кавказскими духоборцами, и мнение Л. Н. Толстого, считаем не лишним сказать со своей стороны несколько слов. Подобно Якутской бойне*, эти зверства являются одним из таких деяний нашего правительства, которые невозможно замол-

* 22 марта 1889 г. в Якутске власти учинили расправу над группой политических ссыльных, отказавшихся подчиниться приказу губернатора о немедленной отправке их по этапу без теплой одежды и пищи. Было убито шесть мужчин и женщин, ранено семь. Через несколько дней были казнены еще трое ссыльных как «зачинщики сопротивления». — *М. П.*

чать даже в России. Известия о них попали весьма скоро в заграничную русскую печать (см. «Листок № 25») *—и проникли даже в русскую легальную прессу, хотя в последней могли появиться лишь в крайне урезанном и ослабленном виде: русское правительство не стыдится и не боится разрешать своим чиновникам подобные варварства, но оно боится и стыдится их разоблачения. Подняв на защиту духоборцев свой могучий голос, Л. Н. Толстой превращает попытку нашего правительства затушить духоборческую бойню в уловку страуса спрятать за дерево свою глупую голову. Вся Англия и Европа услышали от него повесть о возмутительных издевательствах и жестокостях, совершенных над двадцатью тысячами ни в чем не повинных людей (точный перевод его сообщения появился в лондонском «Times» 23 октября). Теперь его услышит и Россия.

К рассказу о расправе над духоборцами мы прилагаем непоявившуюся в «Times» статью самого Льва Николаевича об этом деле, которую русские люди прочтут с интересом, как все, подписанное его именем. Нам нет надобности вдаваться в полемику с ним: наши взгляды на поднимаемый им вопрос достаточно известны. Нас не прельщает пример Симеона-воина, который сперва истребил всех павликиан, а потом сам обратился в их веру: мы знаем очень хорошо, что огромное большинство Симеонов-воинов вовсе не выказывало и не выказывает такой совестливости.

Да и помимо того, нас вовсе не умиляет мысль, что, насытившись истреблением, наши Симеоны-воины когда-нибудь прольют над нами слезы раскаяния. Чувство человеческого достоинства и простой бесхитростной любви к нашему народу подсказывает нам выводы, совершенно противоположные тем, какие делает наш почтенный автор.

Одно только замечание. Лев Николаевич утверждает, что зверства над духоборцами были роковым результатом идеи государственности и что всякое правительство должно было бы поступить с духоборцами так или почти так, как поступило русское. Но он ошибается с точки зрения как факта, так и права.

Во-первых, во всех государствах, в том числе и в тех, где существует обязательная ⟨воинская⟩ повинность, есть люди, отрицающие по религиозным убеждениям войну и употребление оружия. И нигде с ними не делают ничего подобного тому, что делают у нас с Дрожжиным, с Изюмченко и солдатами из духоборцев.

Во-вторых, те двадцать тысяч духоборцев и духоборок, которых били, убивали, насиловали, топтали лошадьми, вовсе не нарушали законов о воинской повинности, по той простой причине, что к таковой они призваны не были. Лишь незначительная горсть из этих двадцати тысяч была в этом положении. За что же мучили остальных? За что разорили их всех? Единственно за их религиозные *убеждения*.

---

* «Есть еще совесть на Руси. И не робкая, сторонящаяся перед патентованным бесстыдством, едва смеющая шептать правду,— этой у нас много,— а совесть смелая, смотрящая прямо в глаза бесстыдной силе и громко зовущая ее на суд всего человечества.

Слухи, проникшие в общество о несчастных духоборцах, беззащитных жертвах кровавого издевательства императорских властей на Кавказе, были так невероятны, что возбудили сомнение даже и в друзьях пострадавших. Тогда один из личных друзей Льва Николаевича Толстого отправился нарочно на место действия и произвел там расследование. Он собственными глазами „видел многих из этих великих, кротких и сильных людей", которые теперь, после полного разорения, когда им остался один их труд, работают на местах нового изгнания на бедных грузин даром и только с богатых берут плату. Результат этого расследования, *полная правдивость которого удостоверена Львом Николаевичем*, на днях появится как в иностранной, так и в русской зарубежной печати.

Посмотрим, чем, каким волшебством смоет наше правительство теперь с себя то, чего оно не посмеет отрицать»

(«Летучий листок № 25», 15 октября, 1895, с. 1).

Этого не делают нигде, кроме России. Преступление совершено и могло совершиться только благодаря нашему политическому строю, и позор его ложится целиком на русское правительство.

Выступивши смело и открыто со своими разоблачениями, Лев Николаевич исполнил свой долг человека и гражданина. Появившись с его именем и под гарантией его непререкаемого авторитета, факты, им сообщаемые, облетят всю Россию и не одной тысяче людей послужат они новым стимулом для борьбы — все равно, желает ли он этого или нет.

(Persecutions of the Dukhobory with conclusion by Count Leo Tolstoi. Вып. 19, изд. Ф. В. Р. П. Лондон, 1896)

«НЕПРОТИВЛЕНИЕ»

Е. И. ПОПОВ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА, С ПРЕДИСЛОВИЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО. Берлин, издание Фридриха Готгейнера, 47, Unter den Linden

Замечательная, поучительная и в высшей степени удручающая книга, прибавляющая еще один кровавый факт к истории бессмысленных злодеяний русского правительства и, вместе с тем бросающая новый и неожиданный свет на внутреннюю психологию того полурелигиозного, полусоциального движения, которое связано у нас с именем Л. Н. Толстого.

Е. Н. Дрожжин был один из его последователей, медленно замученный в Воронежском дисциплинарном батальоне за отказ от военной службы,— как несогласной с евангельским христианством.

Дрожжин был крестьянин родом, но он окончил курс в учительской семинарии, любил читать и читал довольно много, увлекаясь нашей либеральной литературой, был, стало быть, человеком из интеллигенции. Свое служение родине и человечеству он начал революционером-социалистом. Первым наставником, пробудившим его мысль, был некий «белгородский друг», один из ссыльных социалистов, вокруг которого группировалась передовая белгородская молодежь — учителя, семинаристы и гимназисты.

Поступив в 1888 г. учителем в деревню Черничену, Дрожжин является деятельным пропагандистом и навлекает на себя сперва неудовольствие своего училищного начальства, а затем попадает и в лапы жандармов.

В 1889 г. он был арестован и заключен в Харьковскую тюрьму как политический. Итак, Дрожжин был человек из нашей среды, плоть от плоти нашей, кость от кости. Его внутренний мир понятен и доступен нам, потому что это наш собственный внутренний мир, а правдивая, вовсе не сектантская биография его, написанная его единоверцем и почитателем Е. И. Поповым, дает нам массу указаний для воспроизведения внутреннего душевного состояния этого человека во время его тяжкого подвижничества.

Незадолго до своего ареста по политическому делу Дрожжин встретился с князем Д. А. Хилковым, одним из наиболее известных, последовательных и даровитых «толстовцев», который и обратил его в новую веру. Отсидев 8 месяцев и выпущенный в июне 1891 г., Дрожжин вскоре был призван к исполнению воинской повинности, так как был лишен во время заключения своего учительского звания.

Тут-то и начинаются его испытания. Мы не будем передавать повесть о медленном, вполне сознательном замучивании этого доброго, безобидного и совершенно безвредного человека. Недостаток места не позволяет нам остановиться на этом предмете, сколько он того заслуживает. Касаться же его вскользь мы не хотим. Отсылаем поэтому читателя к самой био-

графии, здесь же постараемся выяснить себе внутренний смысл и характер проходящей пред нами трагедии.

Идея безличного всепрощения и несопротивления злу не нова. Она была возвещена двадцать веков тому назад, и, хотя послужила лишь источником бесконечного лицемерия и лжи, тем не менее мы можем представить себе то психическое состояние, при котором эта идея являлась бы для человека естественным и неизбежным руководящим принципом жизни и деятельности. Мы понимаем, что при полной девственной свободе души от всех культурных надстроек, именуемых чувством чести и собственного достоинства, человек, обладающий огромным запасом эмоционального энтузиазма, может почувствовать потребность, возможность и силу все победить и преодолеть своей безграничной любовью, если, идя на казнь или истязание, он ничего не чувствует, кроме желания «обнять своих палачей», как выразился один из таких энтузиастов, с которым нам удалось встретиться в 1874 г., если для него его мучители — те же братья, вызывающие в нем лишь сострадание к своим заблуждениям и жестокости, то такой человек не может быть ничем иным, как пропагандистом идеи несопротивления. Всеобъемлющее чувство жалости стирает в нем самое понятие о враге. Он не может ни защищаться, ни защищать других. Не может не платить добром за зло, не может не благословлять клянущих его. И как все цельное, простое, непосредственное и потому непоколебимо твердое, этот тип имеет свое обаяние: это безграничное обилие живого чувства может взывать к живому чувству как отдельных людей, так и масс, вызывая в них и удивление и подражание.

Но Дрожжин не был представителем этого типа и, прибавим от себя, не мог быть таковым. Мы не видим в нем даже отдаленного ему подобия. Между друзьями и врагами он проводил резкую непереходимую грань. Он не чувствовал ни малейшей потребности благословлять клянущих его. У него «все клокотало внутри» от негодования и «волосы шевелились на голове» при бранном слове.

Сидя на харьковской гауптвахте и умышленно и злостно раздражаемый насмешками тупоумных караульных офицеров, он «лезет на них с кулаками», вызывая этим со стороны тюремщиков язвительные замечания, справедливость которых он не может не признать. И эта вечная, постоянная борьба с самим собой, постоянные и бесплодные попытки обезличить свою душу до овечьей безответности были до того мучительны, что он искренно обрадовался и пишет дифирамб физическому страданию, когда один из офицеров, наконец, рассердился на него и посадил его в ужасный карцер, где он буквально замерзал при 11-градусном морозе.

В дисциплинарном батальоне он до того озлобился на своих офицеров, что восклицает: «И где это Пугачевы на этих людей? Если бы знал, сейчас бы к ним ушел!».

И это были не минутные вспышки и противоречия, которые грешно было бы поставить в строку человеку в его положении. В самом нормальном состоянии, в дневнике он не выказывает к этим своим врагам ничего, кроме презрения, как к людям бездарным и неисправимо испорченным. Ни мысли, ни даже малейшей мечты о том, чтобы просветить их. Единственная его забота — это держать себя от них на почтительном расстоянии. *Где же* тут христианская любовь?

За несколько недель до смерти, накануне выхода из батальона, в ответ на сладко-елейное письмо некоего Т. В. он так характеризует своих мучителей: «Представь себе прохвоста, пьяницу, развратника, невежду, свинью и дурака, который употребил бы все свои силы и способности, чтобы поломаться над тобой». И затем, предвидя возражения своих христианствующих собратьев, он прямо заявляет: «Теперь не время разбирать, что никого из людей не должно считать таковыми и т. п. Этот

разбор есть слова, разговор, философствования, а я говорю так, что всякий русский поймет: „есть зло и злые люди". Но ты с ними еще не сталкивался». Дрожжин столкнулся и воспылал к ним, как мы видели, вовсе не кроткими братолюбивыми чувствами. К чему же, стало быть, сводилась у него идея непротивления? Ведь это только с точки зрения формального, внешнего закона существует пропасть между мыслью, желанием и чувством, с одной, действием, с другой стороны. С точки зрения религии, закона, порядка и благоустройства внутреннего, такой разницы нет вовсе. Всякий, кому есть охота, может доказать ссылками на Писание, что не только известный апостол, недолюбливаемый Львом Николаевичем, но и основатель христианства считал, что злобиться на человека в душе то же, что сделать ему зло явно, подчас — хуже, потому что скрываемая и подавляемая злоба становится от этого сильнее. Не то ли было с Дрожжиным?

Все это мы говорим не в осуждение нашего замученного брата. Жгучая жалость к нему только увеличивается при мысли о тех придаточных нравственных мучениях, которые он испытывал от этого внутреннего противоречия и которые были для него настолько тяжелее мучений физических, что он радовался последним как отвлечению и избавлению. Мы отдаем должную дань его мужеству. Есть характерный анекдот об офицере, который неподвижно стоял бледный от страха под неприятельским огнем и на насмешку своего товарища над его трусостью отвечал: «Да, это правда, мне страшно, так страшно, что на моем месте вы бы давно побежали». Этот ответ ясно обнаруживает, кто из них двоих был нравственно сильнее. Но это сила не живая, не импонирующая, не двигающая людей. Этот бледный дрожащий от страха стоик, держащий себя железной рукой под вражьими пулями, не мог воодушевить своих солдат, не мог заглушить в них инстинкт самосохранения, не мог подвигнуть их на подвиг храбрости.

И при виде его невозможно не пожалеть, что этот герой попал в военную службу. Идти бы ему по гражданской! Подобное же чувство, хотя в обратном направлении, вызывает Дрожжин. Идея всепрощения и непротивления не была у него органической потребностью его натуры. Он дошел до нее не непосредственным чувством, а путем рассудочным, рефлективным. Бороться со злом, противопоставлять насилию корыстному и произвольному насилие самоотверженное и неизбежное было совершенно возможно для него психически.

Но, «сообразовав», по его выражению, «свои действия с мыслями, сколько хватало силы и добросовестности», он отверг этот путь и предпочел путь несопротивления как более пригодный. И затем, признав и эту религию, основанную на утилитарных соображениях, и эту идею всепрощения, поддерживаемую мыслью о конечном выигрыше, он гнет и ломает свою душу, подавляя свои естественные порывы, чтоб вогнать себя в надетые на себя вериги. Он выдерживает свой страшный искус до конца, как тот офицер, что стоял под пулями. Но выдерживает лишь внешним образом. Его подвиг не одушевляет, а удручает, вызывает лишь недоумевающий и унылый вопрос: к чему вся эта ломка и все эти страдания? Как протест гражданский, подобный отказу Гемпдена платить корабельную пошлину, не вотированную парламентом, поступок Дрожжина достиг своей цели. Не хотел служить и не служил, как его ни мучили, а до остального ему нет дела. Но ведь он преследовал цель не политическую, а нравственную. Для него в этом «остальном» и была вся суть,— иначе он бы просто мог уклониться от службы. Он заботился о душе, своей и чужой; для души же ничего не вышло и выйти не могло. Не очистил он своими страданиями ни себя, ни других. Никого он не обратил, никого не умилил и не смягчил, не только из среды мучителей-офицеров, но и из среды товарищей, солдат дисциплинарного батальона, которые были такими же

почти мучениками, как и он сам. Только живому непосредственному чувству дано творить эти чудеса очищения, его же у него не было и следа.

Но чем объясняется это, так сказать, сердечное бессилие? Не было ли оно просто результатом случайных особенностей темперамента, природной замкнутости и холодности души, неспособной к сердечному порыву?

Russisches Politisches Flug-Blatt. № 28 *Feuille Politique Russe.*

ЛЕТУЧІЕ ЛИСТКИ

ИЗДАВАЕМЫЕ ФОНДОМЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ ВЪ ЛОНДОНѢ

подъ редакціей

Ф. ВОЛХОВСКАГО

Адресъ конторы

R. F. P. Fund Co. 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.

Цѣна: 2½ пенса (10 цент.; 25 сант.; 20 пфен.; 12 крейц.; 10 коп.).

Годъ изданія 3-й 18 января (н. с.) 1896 г.

«НЕПРОТИВЛЕНІЕ.»

Е. И. Поповъ. Жизнь и Смерть Евдокима Никитича Дрожжина, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Берлинъ, изданіе Фридриха Готгейнера, 47, Unter den Linden.

Замѣчательная, поучительная и въ высшей степени удручающая книга, прибавляющая еще одинъ кровавый фактъ къ исторіи безсмысленныхъ злодѣяній русскаго правительства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросающая новый и неожиданный свѣтъ на внутреннюю психологію того полурелигіознаго, полу-соціальнаго движенія, которое связано у насъ съ именемъ Л. Н. Толстого.

Е. Н. Дрожжинъ былъ одинъ изъ его послѣдователей, медленно замученный въ Воронежскомъ дисциплинарномъ баталіонѣ за отказъ отъ военной службы, — какъ несогласной съ евангельскимъ христіанствомъ.

Дрожжинъ былъ крестьянинъ родомъ, но онъ кончилъ курсъ въ учительской семинаріи, любилъ читать и читалъ довольно много, увлекаясь нашей либеральной литературой, былъ, стало быть, человѣкомъ изъ интеллигенціи. Свое служеніе родинѣ и человѣчеству онъ началъ революціонеромъ-

требованія ихъ явно дурны и вредны?

Мы подписываемся подъ этими строками обѣими руками. Но не ясно ли что такихъ людей, какими самъ Л. Толстой представляетъ нашихъ властелиновъ, нельзя ни растрогать, ни образумить тѣми способами воздѣйствія, какія онъ предлагаетъ? Не ясно ли сугубо, что утрата властью личнаго характера и переходъ ея въ вѣденіе многоголоваго автомата, именуемаго бюрократіей, дѣлаетъ подобныя попытки уже окончательно безнадежными? О томъ, чтобъ добраться до души и сердца единоличнаго тирана можно хоть мечтать. Но какъ добраться до души и сердца автомата, машины, у которой нѣтъ ни того, ни другого? Не очевидно ли, что такая перемѣна дѣлаетъ путь внѣшняго воздѣйствія, путь политическій и революціонный еще неизбѣжнѣе и неотвратимѣе?

С. СТЕПНЯКЪ.

«НЕПРОТИВЛЕНИЕ». РЕЦЕНЗИЯ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО НА КНИГУ Е. И. ПОПОВА «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА С ПРЕДИСЛОВИЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО»

«Летучие листки» от 18 января 1896 г., № 28, титульный лист (воспроизводится частично) и стр. 12—16 (начало и конец рецензии)

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

Нет, вовсе нет. Биография рисует его человеком исключительно добрым, любящим и сердечным. Будучи учителем, он отдает бо́льшую часть своего жалованья бедствующим крестьянам; он делится с нуждающимся последним куском хлеба; он одет чуть не в лохмотья; он бредет пешком в уездный город за неимением денег на подводу; он живет без копейки, впро-

голодь, лишь бы не отпустить нуждающегося от своих дверей без помощи. И все это он делает не по «принципу», а по сердечному влечению. Он любит этих людей. Он радуется, как ребенок, когда ему удается помочь кому-нибудь из них. Нет, не природа обделила Дрожжина. Причина его несчастья заключалась в том, что он был человек культурный. Культурный же человек, если он при этом человек идеи, может спокойно идти на смерть и на муки одиночного заключения, но он не может ждать с христианским смирением перспективы сечения, не может выносить площадной брани или пинка, не может смотреть без ненависти на людей, могущих по первому капризу подвергнуть его всем этим унижениям. Обратиться вспять к первобытному безличию для нас так же невозможно, как взрослому человеку заговорить лепетом ребенка. Эти понятия срослись с культурным человеком, сделались органическим элементом его натуры, и все попытки принизить себя до уровня первобытного человека являются насилием над собственной душой, которое не только возмутительно само по себе, но вдобавок еще совершенно бесплодно. Пример Дрожжина перед нашими глазами. Он был человек культурный или попросту человек; а хотел превратить себя в овечку и не смог и пропал задаром. Не сможет сделать этого ни один нормальный человек нашего времени. Испорчены ли мы культурой или возвышены — это дело вкуса, но палестинским идеалам среди нас нет места. Таково поучение, которое мы извлекаем из этой мучительной книжки.

Мы распространились так много о самой биографии, что должны ограничиться немногими выписками из той части ее, на которую прежде всего накинется читатель, — из предисловия самого Л. Н. Толстого. Это безусловно лучшая и самая сильная вещь из всего, написанного им в этом роде. Первая половина ее посвящена доказательству «от Писания», что солдатчина и идея повиновения властям, не только за страх, но и за совесть, противны учению Христа. Все это мы опускаем как совершенно для нас безразличное. Но, воздав божие богу, Лев Николаевич принимается за кесаря и воздает ему должное с силой, убедительностью и смелостью, какую мы редко встречали даже на его страницах. Здесь он уже рассматривает власть не как принцип, а как конкретную реальность и доказывает, что в настоящее время повиновение властям «по совести» стало нравственным и логическим противоречием. Л. Н. говорит: «Не говоря уже о внутреннем противоречии христианства и повиновения власти, повиновение власти не из страха, но по совести стало невозможно в наше время потому, что вследствие всеобщего распространения просвещения власть, как нечто достойное уважения, высокое и, главное, нечто определенное и цельное, совершенно уничтожилась и нет никакой возможности восстановить ее. Ведь хорошо было не из страха только, но и по совести повиноваться власти, когда люди во власти видели то, что видели в ней римляне — императора-бога, или как видели в средние века, да и вообще до революции*, в королях и императорах божественных помазанников, как еще недавно у нас в народе в царе видели земного бога, когда и не представляли себе царей, королей, императоров иначе, как богов в величественных положениях, творящих мудрые и великие дела; но как же быть теперь, когда все уже, за исключением самых грубых и необразованных людей, которых становится все меньше и меньше, все хорошо знают, какие порочные люди были те Людовики XI, Елизаветы Английские, Иоанны IV, Екатерины, Наполеоны, Николаи I, которые царствовали и распоряжались судьбами миллионов, и царствовали не благодаря какому-то священному неизменному закону, как это думали прежде, а только потому, что люди эти сумели разными обманами, хитростями, злодействами так

* Имеется в виду французская буржуазная революция 1789—1793 гг.—*М. П.*

утвердить свою власть, что их не могли свергнуть, казнить или прогнать, как казнили и прогнали Карла I, Людовика XVI, Максимилиана мексиканского, Людовика-Филиппа и других.

Как быть теперь, когда все знают, что и теперь властвующие короли, императоры не только не особенные, святые, великие, мудрые люди, занятые благом своих народов, но напротив, большею частью очень дурно воспитанные, невежественные, тщеславные, порочные, часто очень глупые и злые люди, всегда развращенные роскошью и лестью, занятые вовсе не благом своих подданных, а своими личными интересами, а, главное, неустанной заботой о том, чтобы поддержать свою шатающуюся, только хитростью и обманом поддерживаемую власть.

Но мало того, что люди видят теперь то дерево, из которого сделаны властители, представлявшиеся им прежде особенными существами, что люди заглянули за кулисы этого представления и уже невозможно восстановить прежнюю иллюзию, люди видят и знают, кроме того, и то, что властвуют собственно не эти властители, а в конституционных государствах — члены палат, министры, добивающиеся своих положений интригами и подкупами, а в неконституционных — жены, любовницы, любимцы, льстецы и всякого рода пристраивающиеся к ним помощники.

Говорят: «Как решиться не повиноваться властям?»

Каким властям? При Екатерине, когда бунтовал Пугачев, половина народа присягала Пугачеву и была под властью его; что ж, какой власти надо было повиноваться? власти Екатерины или Пугачева? Да при той же Екатерине, которая отняла власть у своего мужа-царя, которому присягали, кому надо было повиноваться? продолжать ли повиноваться Петру III или Екатерине?

Ни один русский царь, от Петра I и до Николая I включительно, не вступил на престол так, чтобы ясно было, чьей власти нужно повиноваться. Кому надо было повиноваться: Петру I или Софии, или Иоанну — старшему брату Петра? София имела такие же права на царство, и доказательством того служит то, что после нее царствовали имевшие меньше прав женщины — обе Екатерины, Анна, Елизавета. Чьей власти надо было повиноваться после Петра, когда одни придворные взводили на престол солдатку, любовницу пастора, Меньшикова, Шереметева, Петра,— Екатерину I, а потом Петра II, потом Анну и Елизавету и, наконец, Екатерину II, имевшую на престол прав не больше Пугачева, так как во время ее царствования один законный наследник — Иоанн — содержался в крепости и был убит по ее распоряжению, а другой несомненный законный наследник был совершеннолетний сын Павел. И чьей власти надо было повиноваться — власти Павла или Александра — в то время, как заговорщики, убившие Павла, еще только собирались убивать его? И чьей власти надо было повиноваться — Константина или Николая,— когда Николай отнимал власть у Константина? Вся история есть история борьбы одной власти против другой как в России, так и во всех других государствах.

Мало того, даже не во времена междоусобий и свержения одних властителей и заменения их другими, в самые мирные времена, надо ли повиноваться Аракчееву, захватившему власть, или стараться свергнуть его и убедить царя в негодности его министров? Распоряжается людьми не верховная власть, а ее служители; надо ли повиноваться этим служителям, когда требования их явно дурны и вредны?»*

Мы подписываемся под этими строками обеими руками. Но не ясно ли, что таких людей, какими сам Л. Н. Толстой представляет наших

---

* См. «Жизнь и смерть Дрожжина», стр. XX, XXI, XXIV—XXVI предисловия Л. Н. Толстого.— *Прим. Степняка.*

властелинов, нельзя ни растрогать, ни образумить теми способами воздействия, какие он предлагает? Не ясно ли сугубо, что утрата властью личного характера и переход ее в ведение многоголового автомата, именуемого бюрократией, делает подобные попытки уже окончательно безнадежными? О том, чтоб добраться до души и сердца единоличного тирана, можно хоть мечтать. Но как добраться до души и сердца автомата, машины, у которой нет ни того, ни другого? Не очевидно ли, что такая перемена делает путь внешнего воздействия, путь политический и революционный еще неизбежнее и неотвратимее?

(«Летучие листки» Фонда вольной русской прессы, № 28, от 18 января 1896 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ЧЕРНОВОГО ВАРИАНТА СТАТЬИ

1

Против этого организованного насилия у Льва Николаевича панацея одна: отказ от военной службы. «Все это (насилие) держится войском. Войско же состоит из солдат. Солдаты же мы сами. Не будь солдат и ничего этого не будет».

И так все должны следовать примеру Дрожжина — в одиночку бросаться под колеса колоссальной машины и дать себя раздавить в надежде, что потом охотников быть раздавленными явится столько, что колеса сами собой заклинятся и машина остановится. Не станем доказывать фантастичность этого плана. Обратим внимание на его чудовищную жестокость. Мы знаем из опыта, насколько «несопротивление» размягчает сердца власть имущих.

Оставим в покое несчастного Дрожжина: ведь все пятьсот солдат дисциплинарного батальона практиковали теорию непротивления из года в год. А Буровы с Астафьевыми секли их ежедневно, и это им не отошнело, и секут их и поныне и, если им не помешают внешней силой, будут продолжать сечь и мучить их до второго пришествия. Допустим на минуту, что Буровы и Астафьевы, заседающие в Петербурге, и, по словам самого Л. Н., весьма похожие на своих воронежских собратьев, тем не менее окажутся податливее. Спрашивается, сколько сотен тысяч народа должны будут дать себя замучить, истерзать, чтобы добиться такого результата?

А между тем пример всей Европы показывает, что одного дружного усилия нескольких десятков тысяч, и даже меньше, достаточно было, ⟨чтобы⟩ добиться того же.

2

В лице Толстого древний Восток ополчается на современный Запад. Но ни его громадный талант, ни обаяние его могучей, можно сказать, монументальной личности не могут повернуть естественного течения жизни.

Мы пережили первобытные формы христианского суеверия: веру в загробное возмездие, богочеловечество, без которых христианская этика является рассудочной доктриной. Мы пережили идею христианского смирения.

Учение всепрощения было прогрессивным, будучи сопоставлено с учением родовой и личной мести. Но оно является реакционным пред современным учением о борьбе как необходимом условии органического роста общества. Мы боремся не против личностей, а против известных вредных общественных форм, воплощаемых, отстаиваемых этими личностями.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 91.

ТОЛСТОЙ О СТУДЕНЧЕСКОЙ СТАЧКЕ 1899 г.

ПИСЬМО Н. М. ЕЖОВА к А. А. СУВОРИНУ

Сообщение Н. И. Гитович

В начале февраля 1899 г. в Петербургском университете началась студенческая забастовка. Поводом к ней послужило объявление ректора, вывешенное в университете в связи с предстоявшим 8 февраля празднованием годовщины основания университета. Ректор предлагал студентам не нарушать в этот день «общественной тишины и порядка», нарушителей же грозил привлечь к суду по статьям уголовного кодекса и перечислял эти статьи. На другой день (4 февраля) объявление было напечатано в отделе хроники суворинского «Нового времени».

Находя оскорбительным для себя «объявление» и способ его опубликования, студенты резко выразили свое негодование. Появление ректора на торжественном акте 8 февраля было встречено шумом и свистом. Акт был сорван, и студенты начали расходиться. Но полиция по заранее полученному приказу преградила студентам путь. Сопротивлявшиеся были избиты. Возмущенные студенты прекратили посещение лекций и потребовали гарантии их личной неприкосновенности. Последовавшие полицейские репрессии вызвали присоединение к забастовке студентов сначала других петербургских, а затем и всех высших учебных заведений России

События получили широкий отклик общественности. Появление в «Новом времени» (21 и 23 февраля) «Маленьких писем» А. С. Суворина подлило масла в огонь. Автор «писем» осуждал студентов и восхищался «великодушием и милостью» царя, назначившего комиссию для расследования причин студенческих забастовок. Это лакейское выступление вызвало в демократических и либеральных кругах резкое возмущение. «Новому времени» был объявлен общественный бойкот. Союз писателей привлек Суворина к «суду чести». Редакции «Нового времени» пришлось подумать о средствах укрепления своего общественного престижа. В поисках этих средств возникла идея опереться на авторитет Толстого, поскольку до редакции дошли слухи о его будто бы отрицательном отношении к возникшим студенческим забастовкам.

4 марта 1899 г. А. А. Суворин — сын А. С. Суворина, — фактический руководитель «Нового времени», обратился к московскому фельетонисту газеты Н. М. Ежову со следующей просьбой-предложением:

«Съездите к Толстому и поговорите с ним — как он думает о студенческой нынешней стачке. Здесь среди студентов ходят листки, в которых уверяется, что Толстой будто бы „за них“ и радуется, что наконец студенты нашли средство заставить правительство сделать по-ихнему. На деле же, как я слышал, Толстой говорил студентам совсем иное, и сравнил университет с табльдотом, где для всех одно меню, а хочешь другое —

ИЛЛЮСТРАЦИЯ П. О. КОВАЛЕВСКОГО К РАССКАЗУ «ХОЗЯИН И РАБОТНИК»
Рисунок, 1890-е гг.
Музей Толстого, Москва

делай это не насилием, которое будет насилием для других обедающих. Сделайте этот визит как бы от себя, а не от редакции» (ЦГАЛИ, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 9—10).

Визит был сделан. Но расчеты «Нового времени» на Толстого не оправдались. Писатель заявил о своем сочувствии студентам, хотя и мотивировал это сочувствие, главным образом тем, что они проводят защиту своих интересов «без насилия».

В бумагах Н. М. Ежова сохранился черновик его письма-отчета о результатах посещения Толстого (там же, лл. 11—12 об.). Вот что мы читаем в этом документе, датированном 9 марта 1899 г.:

«Многоуважаемый Алексей Алексеевич! Сначала о результатах моего нового визита к Л. Н. Толстому (8 марта). Толстой решительно стоит „за студентов". Стачку учащейся молодежи он считает чем-то очень хорошим и даже разумным. Он говорит, что вступиться за обиженных — подвиг. Листки будто бы существуют, и написанное в них может быть признано справедливым. Когда же я спросил Л. Н., как согласовать его противоположное мнение (тут я привел слова о табльдоте и т. д.), он отвечал: „Где вы видите разногласие? Да, я говорил о табльдоте, не отрицаю. Если студенту не нравится то блюдо, которое он получает в университете, он может уйти из этого учебного заведения, как может уйти всякий, кому не по вкусу блюдо табльдота. Разумеется, не надо делать насилия, тащить за собой тех, кому университетские блюда по вкусу. Я же, по правде сказать, всегда твержу: уходите из современного университета, потому что он неудовлетворителен. О студенческой же стачке опять и опять скажу: это прекрасное дело. Самая стачка совершалась без

насилия, это главное. Петербургских студентов обидели — товарищи прочих университетов и других высших учебных заведений отозвались сразу, дружно. Им не понравилось „меню“, университетский порядок, и они ушли — ушли все, проникнувшись одним благородным движением, ушли без насилий, с достоинством. По-моему это отрадное явление. Студенты ко мне часто приходят, я не скрываю перед ними своих мыслей, а моя речь о табльдоте, очевидно, не так понята. Все, что я говорю с вами, прошу вас ни в коем случае не печатать. Ваш фельетон относительно пушкинского праздника и меня написан верно, я не могу возразить ни против единого слова, но на этот раз наш разговор пусть будет частным. Затем я вам должен сказать...“

Тут внезапно доложили о приезде П. П. Гнедича, и Толстой сказал: проси!

Вошел Гнедич и помешал окончанию нашего разговора. Пошли речи о картинах (Толстой недоволен картиной Сурикова „Суворов“), затем дивился, почему такая бледная посредственность, как трагедия А. Толстого „Царь Федор“ имеет огромный успех, и отнес это к упадку вкусов публики; о своем романе „Воскресение“ Толстой отозвался еще суровее и назвал его „пакостью“).

Затем Гнедич уехал, стал прощаться и я. Толстой, пожимая мне руку, твердил:

— О стачке студентов говорю опять: хорошо, очень хорошо поступили молодые люди, честно, открыто, без насилия.

Таков результат моей беседы с Толстым. Я передал речь Л. Н. приблизительно, но от сути не отступил ни на йоту».

Упоминаемый Толстым фельетон Н. М. Ежова «относительно пушкинского праздника» был напечатан в «Новом времени» от 6 марта 1899 г.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. Н. КОМАРОВА К РАССКАЗУ «ХОЗЯИН И РАБОТНИК»
Акварель, 1930 г.
Музей Толстого, Москва

(№ 8269). В нем автор указывал на недостоверность появившегося в одной из московских газет интервью с Толстым по поводу готовящихся торжеств к столетию со дня рождения Пушкина. Посылая этот фельетон в «Новое время», Ежов писал А. С. Суворину 3 марта: «Вчера я был у у графа Л. Н. Толстого, и он очень просил меня описать в „Новом времени" весь наш разговор. Дело в том, что интервьюер московской газетки, назвавшись сотрудником „Русских ведомостей" (все это — слова самого Л. Н., очень удивившегося, что статья напечатана в другой газете), был принят, поговорил о близящихся пушкинских торжествах, а потом напечатал, что будто бы граф Л. Н. Толстой так сказал: *„Не надо никаких торжеств, лучше их заменить панихидой 26 мая"*. Этого Толстой никогда не говорил и не мог сказать, потому что Толстой не поп и не ханжа.

— Вы сделаете мне большое одолжение, если снимете с меня все эти вздоры,— говорил мне Л. Н. <...> — Эту самую панихиду сам же газетный сотрудник выдумал, а я еще ему же, засмеявшись, сказал: помилуйте, какая панихида! Кто станет молиться в наш век безверия? И вдруг — не угодно ли... Непременно напечатайте в „Новом времени" все подробно, буду вам весьма благодарен» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1343, л. 48—48 об.).

Упоминаемая картина В. И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы в 1799 году» экспонировалась в начале 1899 г. на 27-й Передвижной выставке.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

Вступительная статья Г. М. Лифшица
Публикация Г. М. Лифшица и А. Л. Смоляк*

Студенческие и рабочие выступления осенью 1910 г., явившиеся откликом на смерть Толстого, были началом нового демократического подъема в России после столыпинской реакции. «Смерть Льва Толстого,— писал Ленин,— вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок»[1].

Глубокая внутренняя связь Толстого с русской революцией, раскрытая Лениным еще в 1908 г., в полной мере обнаружилась в эти дни. Уход Толстого из Ясной Поляны и его смерть разбудили демократическую Россию, они послужили сигналом к широкому возмущению против самодержавного уклада, столь ненавистного великому писателю.

События «толстовских дней» до последнего времени не были освещены в исторической литературе (в 1935 г. была напечатана лишь небольшая группа документов, касающихся студенческих выступлений в Москве [2]).

Основные материалы на эту тему, хранящиеся в Музее Л. Н. Толстого, куда они были переданы из Московского исторического архива и других государственных архивов, изучены в только что вышедшей книге Б. С. Мейлаха «Уход и смерть Льва Толстого» (М.— Л., 1960). Дополнительные разыскания, произведенные нами в фондах Департамента полиции ЦГИАМ, дают возможность познакомить исследователей с рядом еще неизданных документов, которые отражают некоторые существенные моменты демократического движения, возникшего в связи со смертью Толстого. Эти материалы значительно расширяют представление о тех исторических условиях, под влиянием которых различные общественные группы определяли свое отношение к умершему писателю. Публикуемые документы служат дополнительным источником для изучения борьбы, развернувшейся после смерти Толстого вокруг его наследия художника, мыслителя, вокруг его критики самодержавия, официальной церкви и всего социального строя тогдашней России.

События в Ясной Поляне и Астапове произошли в тот исторический момент, когда «полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась» [3]. Еще летом 1910 г. в общественной жизни страны появились первые признаки оживления. Участившиеся забастовки свидетельствовали о начале подъема рабочего движения. На смерть либерала С. А. Муромцева рабочие и студенты откликнулись первыми робкими демонстрациями, которые дали «возможность открытого и сравнительно широкого выражения *протеста* против самодержавия» [4]. Наступило время, когда достаточно было первого повода, чтобы вновь возникли подобные демонстрации. В условиях общественного возбуждения таким поводом к новым революционным выступлениям стала смерть Толстого.

---

* Документы №№ 11—14 и 52 публикуются И. Ф. Ковалевым.— *Ред.*

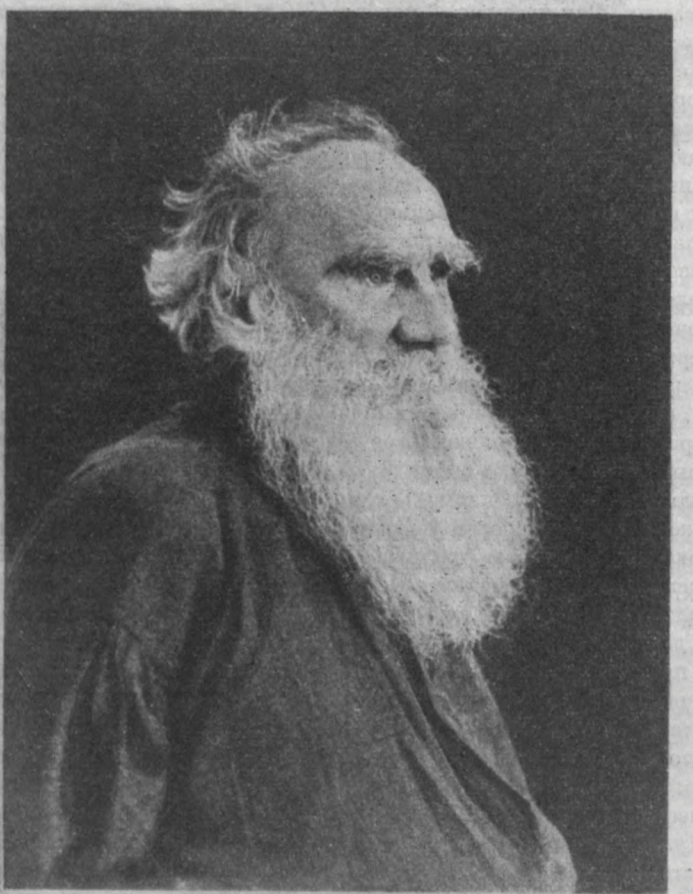
30 октября 1910 г. столичные газеты поместили следующее краткое сообщение: «В Туле распространился слух. Приехавший из Ясной Поляны посланный рассказал, что вчера, 28 октября в 5 ч. утра, Лев Николаевич Толстой ушел из дома с доктором Маковицким и вторые сутки неизвестно где находится» [5]. Это событие привлекло всеобщее внимание и в то же время стало предметом сенсационной шумихи, которую, как по команде, подняла правительственная и буржуазная пресса.

Необъяснимый, загадочный уход Толстого пробудил огромный интерес журналистов. Представители самых различных органов печати, вплоть до черносотенных, которые в прошлом не раз выступали против Толстого с клеветническими статьями, выехали на станцию Астапово, где умирал великий писатель.

Беспокойство правящих кругов стало вызывать отлучение Толстого от церкви, совершенное Синодом еще в 1901 г., что, естественно, не давало возможности изображать противника официальной религии «примирившимся старцем». Поэтому, как только были получены известия о болезни Толстого, правительство начало оказывать давление на церковную власть, чтобы добиться отмены отлучения. В газетах появились сообщения о переговорах П. А. Столыпина с Синодом. В Синоде состоялись закрытые заседания, на которых церковные сановники обсуждали способы возвращения Толстого в лоно церкви. Для положительного решения этого вопроса им не хватало видимого основания, которое могло возникнуть, если бы умирающий сказал лишь одно слово: «каюсь». Чтобы вырвать у Толстого это слово, в Астапово с тайной миссией был послан игумен Оптиной пустыни Варсонофий [6]. Не дожидаясь исхода предпринятой попытки, некоторые церковники выступили в печати с утверждениями, которые давали читателю повод предполагать, что Толстой может раскаяться. Митрополит петербургский и ладожский Антоний объявил, например, что он непрестанно молится, чтобы господь возвратил Толстого церкви [7]. Тульский епископ Парфений, который по личному распоряжению Николая II отправился в Астапово «спасать душу» писателя, дал интервью корреспондентам газет, в котором выразил уверенность, что «Толстой несомненно ищет сближения с церковью» [8]. Бывший тульский викарий Митрофан убежденно заявил, что уход Толстого из Ясной Поляны надо рассматривать как возвращение к церкви. Хотя умирающий писатель уже не мог опровергнуть все эти выступления, маневры церковников не увенчались успехом. Тайное «поручение епископа тульского не могло быть выполнено» [9]. Попытки служителей церкви проникнуть к Толстому в его предсмертные минуты, «чтобы надуть народ и сказать, что Толстой раскаялся», вскрыли лишь ту «особенно гнусную мерзость» святейших отцов, о которой писал В. И. Ленин [10].

В эти дни реакционная печать, воспевая терпимость церкви, фальсифицировала события, происходившие в Астапове. Тон задавало «Новое время». Газета многозначительно возвестила: «Толстой сам последнее слово не сказал» [11]. Толстого начали изображать жертвой его «сектантского» окружения. Этот обман по-своему поддержала и кадетская пресса. Либеральные публицисты защищали Синод. Легкие упреки по адресу церкви сочетались в их статьях с признанием «благородства церковников», о котором неустанно твердила реакционная печать. «Но, конечно,— писал „веховец" С. Н. Булгаков, давно перешедший с позиций „легального марксизма" на позиции мистицизма,— слово, примиряющее, призывающее, хотя к уединенной, если не общественной молитве об усопшем, могла бы и должна бы произнести и теперешняя церковная власть, особенно после того, как она проявила так много внимания к умирающему» [12]. Одновременно, не считаясь с фактами, либералы заявляли о единении Толстого с церковью. «Даже отлученный Толстой,— писал тот же автор,— близок церкви, соединяясь с ней какими-то незримыми, подпочвенными связями» [13].

Однако, ни ложь «Нового времени», ни лицемерие либеральных ренегатов не могли скрыть истинного отношения церковников к писателю. После кончины Толстого, когда выяснилось «упорство грешника», некоторые представители церковной бюрократии выступили в духе религиозного фанатизма. Черносотенную речь против писателя произнес вятский епископ Филарет. Священник Алферов выступил по поводу смерти Толстого в воронежской городской думе, поразив своих слушателей силой ненависти к «еретику и кощуннику» [14]. Друг Распутина, иеромонах Илиодор послал председателю Государственной думы А. И. Гучкову телеграмму: «Совет всероссийского братского



Московскому студенчеству
с искренней благодарностью
за тронувший меня адрес.
Лев Толстой
1908, 29 октября.

ТОЛСТОЙ

Фотография с дарственной надписью: «Московскому студенчеству с искренней благодарностью за тронувший меня от него адрес. Лев Толстой. 1908, 29 октября»

Адрес был поднесен Толстому в связи с его восьмидесятилетием

Музей Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

союза русского народа ваши слова, сказанные в Думе по поводу смерти Льва Толстого: „Господь милосердный да откроет перед ним царство небесное" считает кощунством и богохульством ⟨...⟩ Стыдно, позорно, мерзко, отвратительно» [15].

Однако правящие круги не отказались от дальнейших попыток фальсифицировать образ писателя. Как известно, 9 ноября 1910 г. в газетах была опубликована резолюция Николая II на докладе министра внутренних дел о смерти Толстого: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования в творениях своих образы одной из славных годин русской жизни. Господь бог да будет ему милосердный судья» [16]. Фраза о великом писателе была данью общественному мнению. Она была характерным проявлением той политики верхов, которые стремились, по выражению В. И. Ленина, «соблюсти приличия перед Европой» [17]. Для казенной и буржуазной печати императорская резолюция стала образцом официального соболезнования. «Горе России нашло выражение в словах государя императора», — писал впоследствии верноподданный автор в журнале «Русская старина» [18]. Формула о создателе «образов славных годин» легла в основу казенно-патриотического искажения творчества писателя.

Утверждая, что народное горе по поводу кончины Толстого было выражено Николаем II, правящие круги одновременно призывали не нарушать траура обсуждением вопросов, которые поднял в своих произведениях умерший писатель. Эта тенденция четко выразилась в выступлении председателя Государственного совета М. Г. Акимова, который заявил: «Перед свежей могилой не время являться судьями над вольными или невольными заблуждениями Толстого в его сочинениях» [19]. В сложившейся обстановке такой призыв к спокойствию имел определенный политический смысл: он был продиктован страхом перед усилившимся революционным движением.

Тенденцию умиротворения демократических слоев русского общества выражали и либеральные публицисты. «В мире покойник,— писал Овсянико-Куликовский.— Когда в доме покойник, благоговейная, молитвенная тишина воцаряется в доме» [20]. Однако призывы либералов к «минуте молчания» заглушались шумом, который они сами подняли в связи со смертью Толстого, пропагандируя реакционные черты толстовства. Идеализация морально-религиозного учения Толстого пропитывала рассуждения кадетов; она была главным содержанием пустых, но громких слов об «апостольстве Толстого». В. И. Ленин в связи с этим писал: «... в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его „непротивленства", его апелляций к „Духу", его призывов к „нравственному самоусовершенствованию", его доктрины „совести" и всеобщей „любви", его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред» [21]. Либеральные публицисты, склоняясь перед «толстовщиной», искали в ней идеи, близкие их собственным мыслям. Так, например, П. Б. Струве писал: «Не будучи вовсе единомышленниками Толстого ни в его социальном, ни в его религиозном учении, мы чувствуем, однако, каждый по-своему, нашу глубочайшую и крепчайшую связь с его духом, с идеей, его одушевлявшей» [22]. В. И. Ленин вскрыл политический смысл постоянного стремления либералов счесться идеологическим родством с великим писателем. Еще в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» он утверждал: «На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о „великом богоискателе" — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капиталец, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции...» [23]

Широкая пропаганда в печати фальсифицированного образа Толстого не прошла бесследно Ее влияние отразилось на содержании некоторых телеграмм и резолюций рабочих по поводу кончины писателя. Одновременно некоторые «бывшие социал-демократы» поддержали либеральных фальсификаторов литературного наследства Толстого. Вместо того, чтобы выступить против извращения общественного смысла мировоззрения и творчества писателя, они легко усвоили идеи и фразеологию кадетов. Так, в частности, меньшевик М. П. Неведомский в журнале «Наша заря» поддержал кадетскую идеализацию учения Толстого [24]. В либеральном духе оценивал Толстого и В. Базаров, защищая принцип «непротивления злу насилием». «Идея эта,— писал В. Базаров, имея

в виду этический закон „толстовщины",— есть необходимая составная часть всякого цельного миросозерцания» [25].

Таким образом, меньшевики-ликвидаторы из журнала «Наша заря», извращая наследие Толстого, шли в русле либеральной публицистики. Борьба против их выступлений приобретала актуальный смысл. Она превращалась в идеологическую борьбу против враждебного марксизму влияния буржуазных публицистов и «бывших социал-демократов». Она была частным проявлением политической борьбы в тот исторический период, когда русский пролетариат начинал развертывать новое наступление на социально-политическую систему царской России.

Против либеральной и меньшевистской оценки творчества Толстого выступил Плеханов. Отмечая контрреволюционную роль кадетов, пытавшихся использовать наследство Толстого в классово-своекорыстных интересах, чуждых освободительному движению, он писал: «Что касается буржуазного общества, то оно как раз сейчас переживает такое настроение, которое должно было побудить его к преклонению перед проповедью гр. Толстого. Оно не только разуверилось в возможности противопоставить силу революционного народа насилию реакционеров, оно более или менее твердо убедилось в том, что подобное противопоставление не в его интересах. Оно хотело покончить свой спор с абсолютизмом посредством мирного соглашения» [26]. В статьях о Толстом Плеханов, анализируя философскую основу учения писателя, защищал марксизм от попыток ликвидаторов дополнить Маркса Толстым. Ленин в связи с выступлениями Плеханова писал: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись» [27]. Однако, если в общем отпоре тем, кто пытался использовать кончину Толстого, чтобы помешать укреплению социал-демократической рабочей партии и оживлению революционной борьбы пролетариата, позиция Плеханова совпадала с позицией Ленина, то, как известно, по некоторым важнейшим вопросам оценки Толстого между Лениным и Плехановым имели место глубокие принципиальные расхождения.

Разоблачение Лениным лицемерия кадетов и меньшевиков-ликвидаторов было основано на глубоком марксистском анализе мировоззрения и художественного творчества писателя. Статьи Ленина, написанные в связи со смертью Толстого, раскрывали подлинное значение и этого события и литературного наследия писателя в политической борьбе эпохи. «Учитель жизни» предстал перед миром как непримиримый противник общественно-политического строя России. Работы Ленина идейно подготавливали политические выступления рабочих, в которых остро прозвучала критика либеральной оценки Толстого, как «великого религиозного проповедника» (см., напр., статью Ярославского комитета РСДРП — стр. 336—338 настоящего тома).

Большая часть рабочего класса поняла общественное значение смерти Толстого и антиреволюционный смысл пропагандистской кампании буржуазной прессы. Скорбь пролетарских масс по поводу смерти писателя получила политическую окраску. Члены социал-демократической рабочей партии — депутаты Государственной думы — послали Черткову следующую телеграмму: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых» [28]. В телеграмме, которая была рассчитана на опубликование в легальной печати, социал-демократы подчеркнули общественный характер деятельности Толстого. Они писали о тех достоинствах писателя, которые старались скрыть либеральные публицисты.

Ленинские идеи о значении для пролетариата литературного наследства Толстого, известные по работе «Лев Толстой, как зеркало русской революции», опубликованной в 1908 г., пропагандировались в рабочих массах большевиками. В Петербурге и Киеве они выпустили и распространили листовки, которые были посвящены Толстому. Ярославский комитет РСДРП дал оценку творчества писателя в одном из номеров своего нелегального бюллетеня (почти все нелегальные организации и издания РСДРП были в это время большевистскими) [29]. В этих документах, публикуемых ниже, социал-демократы большевики выступили с беспощадной критикой

политического строя России, критикой, определившей отношение пролетариата к творчеству Толстого. Вместе с тем они указывали и на слабые стороны философской доктрины писателя, признавая, что пролетариат, который во многом не может с ним согласиться, «идет по иной дороге». В бюллетене Ярославского комитета РСДРП разоблачалась попытка либеральной буржуазии заигрывать с революционным народом. «Оппозиционная буржуазия,— писали авторы этого документа,— чтила в Толстом национального гения, перед которым все должны преклоняться, она ценит то, что смерть Толстого заставила забыть различие классов, что ее представители стояли у гроба вместе с рабочим и мужиком; это помогало ей утешать себя мыслью, что она — тоже народ» (стр. 337). Смерть Толстого киевские социал-демократы восприняли как утрату борца против «насилия и произвола царского правительства и православного духовенства, против язв и пошлостей разлагающегося буржуазно-капиталистического строя». Вместе с тем они выражали отрицательное отношение к морально-религиозному учению Толстого. Газета петербургских профсоюзов «Фабричная жизнь» писала: «„Великий мужик" брался за дело не с того конца. И не может согласиться с великим писателем рабочий класс. Тактика пролетариата — не пассивное сопротивление, а деятельное изменение современных условий жизни. Ни общественный идеал Толстого, ни средства его осуществления, предлагаемые мыслителем, не пригодны для рабочего класса» [30].

После смерти Толстого правительство не смогло предотвратить политические выступления народных масс. В траурные дни необычайное возбуждение охватило демократические круги русского общества. Особенно бурно реагировало на смерть Толстого студенчество. Сначала стихийно, потом все более организованно вступало оно на путь политической борьбы. Легальные и нелегальные сходки, собрания, организация коалиционных советов, выпуск листовок, многотысячные уличные демонстрации,— таков необычно быстрый ход событий этих дней. 7 ноября 1910 г. произошла огромная уличная демонстрация студентов в Томске [31]. Демонстранты несли портрет Толстого. 8 ноября первая студенческая манифестация произошла в Киеве. 9 ноября — в день похорон Толстого — в Москве забастовали рабочие заводов Листа, Менделя, Бромлея, Вестингауза и некоторых других промышленных заведений. Забастовка придала общественному движению новую силу. Толпы учащейся молодежи Москвы устремились к дому Толстого в Хамовниках, но были разогнаны полицией [32]. В Харькове демонстрация студентов в Николаевском сквере была разогнана казаками [33]. Бурные демонстрации студентов произошли в этот день в Одессе и Варшаве [34]. В Петербурге после панихиды в Армянской церкви студенты устроили шествие к Казанской площади, но скоро полиция заставила их разойтись [35]. Возбужденные группы студентов и курсисток вновь и вновь появлялись на улицах столицы. В Киеве, Петербурге, Москве к демонстрантам присоединялись рабочие. Всюду были отменены концерты и вечера, закрыты театры и кинематографы, книжные лавки и магазины прекратили торговлю.

В Петербурге в эти дни отдельные учебные заведения послали своих делегатов к рабочим организациям, требуя присутствия рабочих на демонстрациях. Некоторые представители студенчества рассматривали политические выступления в стране 7—8 ноября как начало новой революционной бури [36]. Однако размах и глубина общественного движения в тот момент были еще невелики. Недостаточная организованность пролетарских масс заставляла социал-демократов с большой осторожностью относиться к призывам студентов. ЦК РСДРП дал указание, начав агитацию против смертной казни, к демонстрациям не призывать и не высказываться против них [37]. Петербургские большевики отнеслись отрицательно к попыткам студентов вовлечь рабочих в политическую демонстрацию еще и для того, чтобы, как писал Я. М. Свердлов в листовке, посвященной смерти Толстого, предостеречь рабочих от обольщения «ненадежным, шатким настроением интеллигенции». В листовке дана замечательно яркая и большевистски страстная характеристика значения Толстого для революционного пролетариата [38].

Но выступая против вовлечения пролетарских масс в уличную демонстрацию, Свердлов в то же время призывал рабочих поддержать требование отмены смертной казни политической забастовкой. С таким призывом Свердлов выступил 9 ноября перед петербургскими рабочими в обществе «Источник света и знания». На этом собрании

была единогласно принята резолюция: «...немедленно начать агитацию за забастовку.. » [39]. Политическое возбуждение в стране росло с каждым днем. Продолжавшиеся массовые студенческие демонстрации и первые рабочие забастовки в Москве, Киеве и Николаеве все более обнаруживали силу общественного движения. 10 ноября от петербургских рабочих в социал-демократическую фракцию Государственной думы стали поступать требования возбудить в честь умершего писателя вопрос об отмене смертной казни. В связи с этим появилась реальная возможность призвать рабочие массы к демонстрации под лозунгом «Долой смертную казнь». Социал-демократы — члены фракции Государственной думы — решили «возможно шире поднять студенческое движение начавшееся со дня смерти Л. Н. Толстого, и для поддержки его привлечь к

ПОХОРОНЫ ТОЛСТОГО. ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ ПО ДОРОГЕ СО СТАНЦИИ ЗАСЕКА В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ
Фотография, 9 ноября 1910 г.
Музей Толстого, Москва

беспорядкам также и рабочих столицы» [40]. Это решение было принято в результате переговоров с членами только что созданного нелегального Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга и представителями Центрального бюро профессиональных союзов. Социал-демократическая фракция Государственной думы решила также выпустить листовку с призывом к рабочим поддержать демонстрацией законопроект об отмене смертной казни [41]. 11 ноября Центральное бюро профессиональных союзов постановило вывести пролетарские массы на демонстрацию 14 ноября [42].

В противовес этому 11 ноября фракция кадетов Государственной думы опубликовала в газете «Речь» воззвание к студентам с призывом не устраивать демонстрации. Позднее, после того как политическое выступление студентов все же произошло, кадеты, обнаруживая страх перед событиями, утверждали, что в демонстрации учащейся молодежи не было революционного элемента.

«Тот отклик, который нашла смерть Толстого <...>—писал Струве,— замечателен не внешним стремлением выйти на улицу, а внутренним движением, которое коснулось молодежи, не растолкало ее, как «заспавшуюся толпу», а затронуло и потрясло каждого

человека в отдельности, т. е. как-то разбудило религиозную личность» [43]. Так либеральные публицисты принижали значение революционного энтузиазма студенческой молодежи, придавая исключительную важность религиозному пробуждению личности в связи со смертью Толстого.

«К счастью,— писал В. И. Ленин по поводу воззвания фракции кадетов,— подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась» [44]. Демонстрация студентов произошла 11 ноября 1910 г. Еще накануне утром Центральное бюро профессиональных союзов не знало о решении студентов провести демонстрацию на следующий день. Это обстоятельство стало известно только в полдень 10 ноября. К вечеру было назначено экстренное заседание Центрального бюро профессиональных союзов. О решении студентов социал-демократическая фракция вынуждена была сообщить на заводы в необыкновенной спешке, по телефону [45]. В этих условиях не было возможности организовать массовое участие рабочих в предполагаемой демонстрации.

С утра 11 ноября огромная толпа студентов собралась на Невском проспекте. Более 10 000 человек с лозунгом «Долой смертную казнь!» двигалось к Городской думе. Трамвайное движение было остановлено. Попытки полиции разогнать демонстрантов не имели успеха. Вызванные на помощь ей казаки атаковали студентов. Громадная толпа, перекатываясь с одной улицы на другую, продолжала шествие. Только под вечер войскам и полиции удалось восстановить порядок. Так прошло наиболее яркое политическое выступление в «толстовские дни».

А петербургский пролетариат готовил уже новую демонстрацию. Коалиционный совет высших учебных заведений Петербурга, признавая, что главная сила общественного движения заключается в революционной борьбе пролетариата, предостерег студентов от локальных манифестаций и призвал выйти на демонстрацию совместно с рабочими 14 ноября. 12 ноября социал-демократическая фракция в Государственной думе возбудила в честь Толстого вопрос об отмене смертной казни. Для поддержки внесенного социал-демократами законопроекта к новой демонстрации готовилось и московское студенчество. События грозили перерасти в общественную бурю. В этих условиях правительство приняло срочные меры для предотвращения дальнейшего подъема революционной волны. В ночь на 12 ноября были арестованы братья Добрановы, которые по поручению социал-демократической фракции Государственной думы подготовляли выпуск листовки с призывом к рабочим принять участие в демонстрации 14 ноября 1910 г. [46] В ночь на 13 ноября были арестованы члены Центрального бюро профессиональных союзов, непосредственные участники организации рабочего выступления [47]. Наконец, был выслежен филерами и 14 ноября арестован Я. М. Свердлов. Его участие в подготовке демонстрации вызывало пристальное внимание полиции. Имея возможность вести наблюдение за Свердловым, чтобы выяснить его связи в подполье, охранное отделение все же решилось арестовать его, «ввиду проявленной им крайне активной деятельности по организации демонстрации рабочих Петербурга по поводу смерти графа Толстого» [48]. Репрессии правительства сразу повлияли на ход событий. Обессиленная арестами, социал-демократическая организация Петербурга не могла вывести рабочих на демонстрацию. 14 ноября 1910 г. состоялась лишь небольшая манифестация московских студентов. Она была последним студенческим выступлением, которое было непосредственно связано со смертью Толстого. Однако демократическое движение, принявшее широкий размах, уже не могло быть остановлено. События «толстовских дней» были началом пробуждения народных масс.

Изучая эти события по материалам, сохранившимся в полицейских архивах, мы обнаружили ряд документов, которые воспроизводят как общую картину демократического подъема, так и его частные моменты, передают политическую атмосферу того времени. Это прежде всего социал-демократические листовки—замечательные произведения политической литературы, в которых отношение к личности и творчеству Толстого неразрывно связывается с вопросами современного рабочего движения. Листовки были выпущены в 1910 г. и в последующие годы ко дню смерти Толстого.

Вторая группа публикуемых документов — официальная переписка Департамента полиции. Ценность этих документов заключается в том, что они дают систематическое изложение событий. В них сообщаются многие факты, которые не могли быть из-

вестны корреспондентам газет. Однако следует учитывать, что полицейские авторы этих документов нередко получали сведения от лиц, заинтересованных в преувеличении или уменьшении силы политических выступлений, и сами были заинтересованы в этом. Многие факты остались вне поля зрения агентов политического наблюдения. Они не могли видеть подлинных масштабов общественного подъема.

Чтобы картина демократического движения в «толстовские дни» была более полной, мы печатаем ряд частных писем, перлюстрированных Департаментом полиции. Они составляют третью группу документов, включенных в нашу публикацию.

Публикуемые письма с большой эмоциональной силой и психологической достоверностью передают ту атмосферу демократического подъема, о которой писал В. И. Ленин осенью 1910 г. Так, глубина и точность ленинского анализа событий еще раз подтверждаются многочисленными свидетельствами самих участников общественно-политической борьбы того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 327.
[2] «Московское студенчество и смерть Л. Н. Толстого».—«Красный архив», 1935, № 6, стр. 204—219.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 327.
[4] Там же, стр. 286—287.
[5] «Речь», 1910, № 298, от 30 октября.
[6] «Красный архив», 1923, № 4, стр. 343.
[7] «Голос социал-демократа», 1910, № 23, стр. 1.
[8] «Утро России», 1910, № 290, от 3 ноября.
[9] «Красный архив», 1923, № 4, стр. 344.
[10] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 296.
[11] «Новое время», 1910, № 12453, от 11 ноября.
[12] С. Н. Булгаков. Толстой и церковь.—«Русская мысль», 1911, № 1, стр. 222.
[13] Там же, стр. 219.
[14] «Вестник Европы», 1910, № 12, стр. 351.
[15] «Современный мир», 1910, № 12, стр. 113.
[16] «Правительственный вестник», 1910, № 242, от 9 ноября.
[17] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 179.
[18] «Русская старина», 1910, № 12, стр. V.
[19] Там же.
[20] Там же, стр. VI.
[21] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 33.
[22] П. Б. Струве. На разные темы.—«Русская мысль», 1911, № 1, стр. 179.
[23] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.
[24] «Наша заря», 1910, № 10, стр. 40.
[25] Там же, стр. 48.
[26] Г. В. Плеханов. Карл Маркс и Лев Толстой.—«Социал-демократ», 1910, № 19-20, стр. 6.
[27] В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 383.
[28] «Речь», 1910, № 311, от 12 ноября.
[29] «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1960, стр. 150.
[30] «Фабричная жизнь», 1910, № 4-5.
[31] ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 467, л. 91; д. 473, л. 83.
[32] См. документ № 38.
[33] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 89, лит. Б, лл. 83 об.—85об.
[34] Там же, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 6; д. 437, л. 41.
[35] См. стр. 342 наст. тома.
[36] См. стр. 354 наст. тома.
[37] См. стр. 348 наст. тома.
[38] См. стр. 332—334 наст. тома.
[39] См. стр. 351 наст. тома.
[40] См. стр. 370 наст. тома.
[41] Там же.
[42] ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1910 г., д. 2626, л. 8.
[43] П. Б. Струве. Указ. статья, стр. 176.
[44] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 292.
[45] См. стр. 351 наст. тома.
[46] ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1910 г., д. 2626, л. 8.
[47] См. стр. 397 наст. тома.
[48] ЦГИАМ, ф. ДП 5 дел-во, 1913 г., д. 158, лл. 19—20 об., 30—30 об.

ЛИСТОВКИ РСДРП О СМЕРТИ ТОЛСТОГО

Листовки социал-демократических организаций, изданные в связи со смертью Толстого, составляют первый раздел публикации.

Препровождая листовку «группы социал-демократов» в Департамент полиции, Петербургское охранное отделение сообщало, что ее автором является уполномоченный ЦК РСДРП «Андрей», как позднее выяснилось, Я. М. Свердлов (ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1913 г., д. 158, л. 20—20 об.). В наше время эти сведения получили подтверждение в воспоминаниях К. Т. Свердловой (К. Т. Свердлова. Я. М. Свердлов. М., 1957, стр. 150—151). На этом основании листовка была напечатана в «Избранных произведениях» Я. М. Свердлова (т. I. М., 1957).

Среди материалов, публикуемых нами, имеется документ, непосредственно связанный с вопросом о подготовке этой прокламации. Еще до издания листовки Петербургское охранное отделение было уведомлено, что ЦК РСДРП выслал Свердлову «листок о Толстом». В агентурном донесении от 10 ноября 1910 г., содержащем эти сведения, сообщалось также, что «листок печатается» (док. № 10). Поскольку это сообщение об издании листовки следует сразу за упоминанием о высылке Свердлову листовки ЦК РСДРП, можно предположить, что прокламация «группы социал-демократов» и есть листовка ЦК РСДРП, полученная для издания Свердловым. Эти обстоятельства, раскрывшие новые стороны дела, заставляют еще раз обратиться к вопросу об авторе листовки.

Свидетельство К. Т. Свердловой о прокламации, посвященной Толстому, имеет большую ценность, поскольку ей как непосредственному участнику переписки Свердлова с ЦК РСДРП (она шифровала и расшифровывала письма) был бы известен «листок о Толстом», если бы он был получен. Поскольку К. Т. Свердлова ничего не упоминает об этом «листке», возможно, что Свердлов его не получил. В письме в ЦК РСДРП от 13 ноября 1910 г. он сообщает, что им получен один только номер «Рабочей газеты», который и был обнаружен полицией при обыске квартиры Свердлова 14 ноября 1910 г. (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, л. 226). Кроме того, К. Т. Свердловой, которая в работе над книгой воспоминаний использовала архивные материалы, был известен публикуемый нами документ, свидетельствующий о высылке ЦК РСДРП «листка о Толстом»: в своей книге она приводит помещенную в докладе Петербургского охранного отделения резолюцию заседания общества «Источник света и знаний» (стр. 153).

Предположение, что эта резолюция стала известна К. Т. Свердловой из другого документа, маловероятно.

Итак, поскольку никакой другой листовки, кроме публикуемой нами, не найдено, возникает предположение, что Свердлов получил от ЦК прямые указания (может быть, даже тезисы) той листовки, которая в эти же дни была им написана и отпечатана на мимеографе.

Однако при установлении автора листовки следует учитывать расхождение директивы ЦК РСДРП, изложенной в письме к Свердлову, с содержанием листовки. Указания ЦК РСДРП заключались в том, что необходимо, начав агитацию за отмену смертной казни и выдвинув лозунг «долой палачей», не призывать к демонстрациям, но и не высказываться против них (док. № 10). Листовка же петербургской группы социал-демократов предостерегала рабочих от участия в студенческой демонстрации (док. № 1). Создавая прокламацию, Свердлов, будучи руководителем петербургских большевиков, исходил из конкретной оценки положения в столице. Очень важно отметить, что содержание заключительной части листовки совпадает с резолюцией, принятой по предложению Свердлова на собрании Выборгского и Петербургского районных комитетов РСДРП и подрайонного комитета трубочного завода 13 ноября 1910 г. Это собрание считало, что в современных политических условиях «при почти полном отсутствии в данный момент серьезной организованности, хотя одних только верхов пролетариата, рабочие массы совершенно не способны дать вооруженной силе правительства вооруженный массовый отпор» (док. № 30). В листовке же по этому поводу говорится, что «пролетариат не против такой демонстрации, которая вооруженной силе правительства

способна будет противопоставить свою хорошо организованную и вооруженную массовую силу». Собрание утверждало, что «уличная демонстрация при таких условиях несомненно приведет только к кровавой бойне безоружных рабочих масс и вызовет полный разгром существующих рабочих организаций» (док. № 30). В листовке также говорится, что в результате демонстрации «нас оценят новыми узами: расстреляют, закроют наши рабочие общества и лучших наших представителей бросят в тюрьму», и «демонстрация, имевшая целью благородный протест против зла, превратится в великую провокацию». Собрание призывало рабочих «готовиться к будущей борьбе с существующим политическим строем путем энергичной, организованной работы по возрождению нелегальной социал-демократической партийной организации» (док. № 30). Листовка также призывала «собственными пролетарскими силами возрождать и вновь сплачивать социал-демократическую рабочую нелегальную партию». Сопоставление листовки, посвященной Толстому, и резолюции собрания Петербургского и Выборгского районных комитетов РСДРП и подрайонного комитета РСДРП трубочного завода не оставляет сомнений, что оба документа содержат общие положения, выражающие принципиально одинаковое отношение к массовому участию рабочих в демонстрации в «толстовские дни». Так как есть определенные указания, что районным комитетам РСДРП резолюция была предложена Свердловым (док. № 30), сопоставление этих двух документов дает дополнительное основание для утверждения, что он же был и автором листовки «группы социал-демократов». Выступление Свердлова в обществе «Источник света и знания», известное нам из того же доклада Петербургского охранного отделения от 10 ноября 1910 г., не противоречит этому выводу. 9 ноября 1910 г. Свердлов, выступая перед рабочими, призывал не к политической *демонстрации*, о которой идет речь в обоих приведенных выше источниках, а к политической *забастовке* с протестом против смертной казни (док. № 10).

Был, однако, момент, когда Свердлов принял, вероятно, участие в подготовке демонстрации рабочих. Быстрое развитие политических событий, когда с каждым часом приходили сообщения о новых революционных выступлениях в стране, и успех общестуденческой демонстрации 11 ноября 1910 г. создали, казалось, реальные возможности для проведения рабочей демонстрации.

Центральное бюро профессиональных союзов приняло решение о подготовке политической демонстрации рабочих 14 ноября 1910 г. (АТ, д. 9401/14, л. 218). Возможно, что после этого решения Свердлов и участвовал в подготовке политического выступления рабочих масс. В связи с этим он был арестован как активный организатор рабочей демонстрации (ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1913 г., д. 158, л. 18).

Вопрос об установлении авторов произведений нелегальной литературы относится к наиболее трудной области исследования

В данном случае мы также не располагаем всей полнотой сведений о «листке» ЦК РСДРП и его связи с листовкой «группы социал-демократов». Вопрос этот требует дополнительного изучения. Однако уже сейчас совокупность известных фактов дает основание считать, что листовка, посвященная Толстому, была написана Свердловым.

Дата листовки устанавливается нами по содержанию документа № 10 нашей публикации. 10 ноября Свердлов сообщал, что листовка печатается.

Листовка Киевской организации РСДРП по поводу смерти Толстого призывала рабочих к укреплению социал-демократической партии. Это дает основание предположить, что ее автор, имя которого установить нам не удалось,— большевик. Листовка была выпущена не позднее 11 ноября, когда, как известно, она уже распространялась среди студентов Киевского университета (док. № 56).

Не меньший интерес представляет посвященная Толстому статья бюллетеня № 10 Ярославского комитета РСДРП. Этот нелегальный орган ярославских большевиков выходил с января 1910 г. Большинство статей бюллетеня и листовок Ярославского комитета РСДРП было написано рабочим свинцово-белильного завода И. А. Вахрамеева А. Д. Тяпушкиным (ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1911 г., д. 431, прилож., л. 240). Возможно, что автором статьи о Толстом был также он.

Дата бюллетеня № 10 поставлена его издателями под статьей о Толстом. Нами как и во всех остальных документах, дата помещена под заголовком.

1

ЛИСТОВКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ «ГРУППЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ»[1]

〈10 ноября 1910 г.〉[2]

Российская социал-демократическая рабочая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

В эти суровые годы реакции как будто заснула или совсем умерла та самая образованная Россия, которая когда-то за спиной пролетариата взывала о свободе и справедливости и протестовала против произвола и всяческого мракобесия наших правителей.

Завидя над собой жестокую руку воспрянувшего деспота, все эти люди — бывшие руководители, учителя и просто друзья пролетариата — от дела убежали. Все спало и дремало среди интеллигенции в смысле общественного протеста, призыва к объединению и борьбе. Ежедневно совершались казни, представителей пролетариата бросали в тюрьмы, ссылали на каторгу, рабочих морили голодом безработицы, рыцари черной сотни убивали народных представителей (Герценштейн[3], Караваев[4]), и ни одна общественная группа интеллигенции не возвысила голоса в защиту гонимого пролетариата и не спустилась в его темное подполье с тем факелом, который бы показал путь к желанному выходу на волю.

Правда, в 1909 г., когда газеты разнесли весть о казни Ферреро[5], молодое студенчество заволновалось и пробовало протестовать против смертной казни. Но как мизерна была эта вспышка и какой неосновательный революционизм проявляла она — это способен понять и оценить лишь один пролетариат.

Сам же он не дремал и в самый разгар этой эпохи застоя делал свое дело: создавал клубы, союзы, поддерживал нелегальную партию. Наученный горьким опытом, веря лишь самому себе, он самостоятельно организовывался, освещая и прокладывая тот путь, который выведет его на свободу.

Но вот по всей России и по всему миру разнеслась весть о смерти великого искателя правды и проповедника мира Л. Н. Толстого, который еще в знаменательный год казни Желябова и Перовской высоко поднял свой голос против смертной казни и не заглушал его до конца дней своих. Почти каждый из пролетариев знал, как в то самое время, когда «зло» раскидало по всей стране свои цепи, силою заставляя всех «не противиться злу», сам апостол «непротивления» не выдержал и воскликнул: «Не могу молчать!»[6]. Этот клич передался и нашей замолчавшей интеллигенции, но лишь с его смертью. Эта смерть как будто всколыхнула в ней замерзшую жизнь и подняла настроение. Те люди, которым был дорог Толстой как обличитель существующей церкви и протестант против смертной казни, силятся теперь поднять крик протеста против жестокого зла наших дней — казни. Адвокаты устраивают общества борьбы со смертной казнью, студенчество решает выразить свой протест в уличной демонстрации. Но как всегда и везде в общественных движениях, *силу* этой демонстрации может составить только *пролетариат*. Они это знают и, как бывало всегда, за поддержкой обращаются к организованному пролетариату: некоторые учебные заведения, назначив день и час демонстрации, послали своих делегатов к некоторым рабочим организациям, требуя присутствия рабочих на демонстрации[7].

Товарищи! Как должен отнестись к этому пролетариат, знающий, как дорого достаются ему всякие выступления? Та демонстрация, которая должна служить лишь знаком недовольства существующим политическим

строем, уже изжила свой век для пролетариата. Теперь всякий малосознательный рабочий, всякий деревенский батрак знает, что существующий строй жесток, и отвечать на эти жестокости нужно не демонстрациями, а чем-то другим. Тем более абсурдно связывать такое выступление со смертью Толстого. Пролетариат глубоко чтит память этого человека; он также посылает телеграммы с выражением своей скорби по поводу потери одного из противников официальной церкви и смертной казни. Но должен ли он и может ли подняться теперь против того, что разрушить он будет в силах лишь тогда, когда станет победителем в своей исконной борьбе.

Протестовать против смертной казни и против другого общественного зла должно и можно не тогда, когда есть настроение и временные союзники, но тогда, когда для этого есть соответствующий политический момент, когда есть условия для победы. Смертная казнь — великое зло, но держится оно на другом, еще более великом зле, которое теперь не устранить демонстрациями, оплот смертной казни — господствующий у нас политический строй, и протестовать против смертной казни — значит бороться с самодержавием. А как бороться с ним, сознательный пролетариат знает лучше, чем те юноши, которые звали и, быть может, еще позовут его на какую-нибудь демонстрацию! Пролетариат знает, что для этой борьбы необходимы сильные пролетарские организации: профессиональные союзы, которые должны вырастить в пролетариате мощь для стачечной борьбы; клубы, способствующие также росту его солидарности и проясняющие пролетарские очи на широкие горизонты жизни. И особенно в приготовлении к великому моменту этой борьбы и протеста нужно собственными пролетарскими силами возрождать и вновь сплачивать социал-демократическую рабочую нелегальную партию, как такую политическую организацию, которая лишь одна по ясности и определенности своих политических целей в критический момент сможет быть достойной руководительницей пролетариата и крестьянской бедноты. Она в подполье, и, быть может, долго еще пробудет там, лишь потому, что прямее и смелее прочих организаций борется против существующего строя как политического, так и экономического.

Товарищи! Быть может, и среди нас найдется теперь не один человек, который, обрадовавшись «настроению» студенчества, готов будет пойти с ним на демонстрацию и подставить свою грудь под пули и штыки. Но что будет затем? Во всяком случае не победа, — будет то, что нас оцепят новыми узами: расстреляют, закроют наши рабочие общества и лучших наших представителей бросят в тюрьму. И таким образом, демонстрация, имевшая целью благородный протест против зла, превратится в великую провокацию. Не обольщайтесь ненадежным шатким настроением интеллигенции. На него нужно смотреть, как на признак того, что много еще искр революции тлеет и там, где казались они погасшими. За вспышками маленьких искорок не последует тот класс, в котором теперь, хотя и скрыто, таится целое пламя революции. Будет время, когда это пламя разгорится снова и снова повлечет за собой все посторонние огни. Пролетариат не против такой демонстрации, которая вооруженной силе правительства способна будет противопоставить свою хорошо организованную и вооруженную массовую силу и нанесет последний удар деспоту — правительству. *Знайте*, товарищи, лишь *железом и сталью* творятся великие завоевания, а наша сталь — *в нашей организованности*.

Теперь трудно, почти невозможно учесть, когда должен наступить этот момент — в период ли ожидаемого подъема промышленности, в период ли нового кризиса, который неминуемо последует после этого расцвета, но этот момент неизбежен, к нему ведут все внутренние силы развития капитализма и требования пролетариата. И лишь тогда, когда

гигантский молот нашей политической и других организаций разрушит самодержавие, — тогда мы возвысим свой голос против смертной казни вообще. Теперь он был бы слишком ничтожен и опасен для нас же самих. Лишь тогда, в день своего могущества, мы сможем устроить достойную тризну и великому протестанту против смертной казни Толстому, и великому протестанту и учителю нашему Марксу. И всем тем учителям, товарищам, которые неслышно делали свою трудную работу, томились и умирали в тюрьмах — всем самоотверженным жертвам великой пролетарской борьбы.

А теперь организуйтесь, товарищи, в нелегальную партию и легальные общества!

Долой самодержавие!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия и революционный пролетариат!

Группа С.-Д.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, лл. 198—200. Копия ДП. Опубликована в издании: Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 29—33.

2

ЛИСТОВКА КИЕВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП

(Около 11 ноября 1910 г.) [8]

Российская социал-демократическая рабочая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Все население России переживает большое горе.

Скончался великий мыслитель, гениальный писатель и художник, давший всему миру ряд блестящих литературных произведений и стяжавший себе всемирную славу. В своих литературных трудах, в многочисленных статьях и обращениях ко всему мыслящему человечеству покойный Лев Николаевич Толстой подверг беспощадной критике те многие стороны современного социально-политического строя, с которыми борется также рабочий класс. Хотя убеждения и образ мышления скончавшегося Л. Н. Толстого в огромной степени расходились с идеалами рабочего класса, который является единственным революционным борцом против всех зол современного буржуазного строя, были противны сердцу и разуму гениального художника и вызывали в нем самые горячие протесты. Покойный был врагом эксплуатации человека человеком, врагом современной морали, покоющейся на господстве насилия, он был горячим противником войны и смертной казни, не признавал права на частную собственность и боролся с бессмысленным догматизмом православной церкви и духовенства, ставшего в руках царского правительства послушным орудием угнетения народных масс.

Поэтому-то девять лет тому назад «черные вороны» православной церкви, заседающие в Синоде, решили отлучить Л. Н. Толстого от церкви, а правительство палачей, для которого расстрелы и виселицы являются одним из способов управления государством, считало покойного своим непримиримым врагом.

Умер Л. Н. Толстой, и все, что есть лучшего в России, все, кто мыслит и страдает под жесточайшим гнетом реакционного правительства, все, стремящиеся к светлым идеалам будущего, всколыхнулись широкой волной.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партія
Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!
Бюллетень № 10 изд. Ярославского комитета РСДРП
1910.

Л. Н. Толстой. (Скончался 7 го Ноября 1910 г.)

Товарищи! Смерть Л. Н. Толстого самое крупное событіе русской жизни послѣднихъ дней. Толстой умеръ не примирившись с офиціальной Россіей и православной церковью, хотя представители ея суетились и хлопотали о примиреніи, которое задало бы пропасть образовавшуюся между нашим Толстого народом и проклинающей его церковью. Всѣ — за исключеніем этих непримиримых врагов — обнажили свои головы пред прахом великаго человѣка; но не всѣ это сдѣлали с одинаковым чувствомъ и одинаковыми мыслями. Представители властвующей буржуазіи сдѣлали это боясь общественнаго мнѣнія Европы, боясь признать пред всѣми ту пропасть, которая лежит между ними и народом; лицемѣрно поднимая пред могилою свою шляпу, они не соглашались с тѣм, что „нельзя молчать" при видѣ торжествующаго насилія и висѣлицы охраняющей их капиталъ; они твердо рѣшили, что молчать можно и висѣлицы полезно.

Оппозиціозная буржуазія чтила в Толстом національнаго генія, пред которым всѣ должны преклоняться, она цѣнит то, что смерть Толстого заставила забыть различіе классов, что ея представители стояли у гроба вмѣстѣ с рабочим и мужиком; это помогало ей тѣшить себя мыслью, что она тоже народ.

Рабочіе и крестьяне искреннѣе всѣх могли отозваться на его и полнѣе всего понять его дѣло, ибо Толстой был народник; к простому народу тяготѣли всегда его сочувствіе и его мысль. Незадолго до смерти он говорил: „Я пойду пѣшком с котомкою и буду стучать в избы незнакомых крестьян; тогда я узнаю настоящій народ". Уходя осеннею ночью из Ясной поляны, он разрывал послѣднюю связь с тѣм классом, в котором он родился и жил. Он хотѣл итти на юг в сектантскія общины, чтобы жить в крестьянской избѣ и дѣлить с ним свою предсмертную радость, свое предсмертное горе. Недаром он шел не в рабочую казарму, а в крестьянскую избу. Этот слой простого народа — крестьянство — он глубже всего отразил в своих религіозных и общественных взглядах. Он мечтал о том, чтобы каждый жил трудом своих рук, пахал землю, косил траву, работал, как живет и работает крестьянин-земледѣлец. Он непризнавал современнаго капиталистическаго уклада жизни, не признавал денег, фабрик, заводов видя в них источник зла между людьми, звал рабочих к землѣ, к крестьянству. В своих религіозных исканіях, он хотѣл создать и насадить религію не противорѣчащую разуму, свободную от чудес и предразсудков: его Бог, есть любовь к людям — его

БЮЛЛЕТЕНЬ № 10 ЯРОСЛАВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП ОТ 19 НОЯБРЯ 1910 г. СО СТАТЬЕЙ, ПОСВЯЩЕННОЙ ТОЛСТОМУ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ПИСАТЕЛЯ

Лист первый

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

Постепенное развитие общенародного сознания своего бесправного положения, усиливающиеся бесчинства разбойного правительства должны неизбежно вызвать в недалеком будущем массовое движение, способное свергнуть ненавистное царское правительство палачей, и приведет Россию к демократической республике, в которой рабочий класс будет свободно вести борьбу за социализм.

И несмотря на все полицейские преграды, несмотря на произвол столыпинской банды, несмотря на тысячные жертвы царских штыков и виселиц, массовое движение будет разрастаться, и настанет день, когда в устои русского царизма грянет гром разрушения.

Рабочий класс, как и в минувшие годы, будет всегда во главе общего массового движения,—ныне же он присоединяет свой голос к великой скорби и печали тех, для которых кончина Л. Н. Толстого является утратой борца против жестокого насилия и произвола царского правительства и православного духовенства, против язв и пошлостей разлагающегося буржуазно-капиталистического строя.

Товарищи, призываем вас к борьбе с враждебными для нас силами, призываем вас сплотиться воедино и могучими усилиями стремиться к ниспровержению правительства грабителей. Организуйтесь, товарищи, ибо в единении залог нашей победы. Объединяйтесь под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии.

Долой насилие и произвол царских палачей! Долой смертную казнь!

Да здравствует свобода совести!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Киевская организация
Российской социал-демократической
рабочей партии

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 32, лит. Г, л. 2. Копия ДП. Опубликовано в сб. «Рабочее движение на Украине». Киев, 1959, стр. 61.

3

ИЗ БЮЛЛЕТЕНЯ № 10 ЯРОСЛАВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

19 ноября 1910 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. Н. ТОЛСТОЙ

(Скончался 7 ноября 1910 г.)

Товарищи! Смерть Л. Н. Толстого — важнейшее событие русской жизни последних дней. Толстой умер, не примирившись с официальной Россией и православной церковью, хотя представители ее суетились и хлопотали о примирении, которое заделало бы пропасть, образовавшуюся между чтущим Толстого народом и проклинающей его церковью. Все — за исключением этих непримиримых врагов — обнажили свои головы пред прахом великого человека; но не все это сделали с одинаковым чувством и одинаковыми мыслями. Представители властвующей буржуазии сделали это, боясь общественного мнения Европы, боясь признать пред всеми ту пропасть, которая лежит между ними и народом, лицемерно поднимая пред могилою свою шляпу, они не соглашались с тем, что «нельзя молчать» при виде торжествующего насилия и виселицы, охраняющей их капитал; они твердо решили, что молчать можно и виселицы полезны.

Оппозиционная буржуазия чтила в Толстом национального гения, перед которым все должны преклоняться, она ценит то, что смерть Толстого заставила забыть различие классов, что ее представители стояли у гроба вместе с рабочим и мужиком; это помогало ей утешать себя мыслью, что она — тоже народ.

Рабочие и крестьяне искреннее всех могли отозваться на его ⟨смерть⟩ и полнее всего понять его дело, ибо Толстой был народник: к простому народу тяготели всегда его сочувствие и его мысль. Незадолго до смерти он говорил: «Я пойду пешком с котомкою и буду стучать в избы незнакомых крестьян; тогда я узнаю настоящий народ»[9]. Уходя осеннею ночью из Ясной Поляны, он разрывал последнюю связь с тем классом, в котором он родился и жил. Он хотел идти на юг в сектантские общины, чтобы жить в крестьянской избе и делить с ним свою предсмертную радость, свое предсмертное горе. Недаром он шел не в рабочую казарму, а в крестьянскую избу. Этот слой простого народа — крестьянство — он глубже всего отразил в своих религиозных и общественных взглядах. Он мечтал о том, чтобы каждый жил трудом своих рук, пахал землю, косил траву, работал, как живет и работает крестьянин-земледелец. Он не признавал современного капиталистического уклада жизни, не признавал денег, фабрик, заводов, видя в них источник вражды между людьми, звал рабочих к земле, к крестьянству. В своих религиозных исканиях он хотел создать и насадить религию, не противоречащую разуму, свободную от чудес и предрассудков: его бог есть любовь к людям, его Христос есть человек, рожденный от женщины, как и другие люди, но только глубже всех понявший страдание людей и больше всех их любящий. Из всех религий Толстой берет свои мысли, отбрасывая из них то, что несогласно с разумом, создано предрассудками, чудесно: он не признает священников, икон, храмов — всего внешнего богопочитания. Любовь и усовершенствование самого себя он считает основной силой, способной изменить весь уклад жизни; не надо внешних преобразований, раз они достигаются насилием, ибо насилие соединено со злобой и ненавистью: любите друг друга, и, если вы исполните это, вы все преобразуете легко, без насилия и вражды.

Религиозные и социальные воззрения Толстого ближе всего должны быть крестьянину. Русское крестьянство, разоряемое развивающимся капитализмом и угнетенное малоземельем, воспринимает новый уклад жизни с тяжелой его стороны. Это будит в нем искание лучшей жизни, создает потребность в новом мировоззрении, в пересмотре старого православия; смотря на его представителей, крестьянин видит жадного попа, пьяного и развратного монаха и угодливого перед властью архиерея, строгого к мелким грехам простого человека и благословляющего крестом кровавые преступления власть имущих. Отражением новых исканий в крестьянстве является широко развивающееся сектантское движение, стремящееся очистить христианство, загрязненное православной церковью и его духовенством. Религиозное учение Толстого входит в ряд сектантских учений, и этим определяется его значение: оно наносит удар православию и освобождает религиозную мысль крестьянства от пут, которыми оплело его православное духовенство; но там, где падают алтари, падает и трон, освобожденный от религиозных пут человек чувствует потребность сбросить и политические.

Рабочему классу нечего взять из воззрений Толстого; он идет по иной дороге. Не в восстановлении патриархального крестьянства он видит свое спасение; не позади, а впереди ищет он золотой век; не в отрицании капитала, в его преодолении, преобразовании в социализм ищет он освобождения от своих страданий и своего рабства. Но он ценит и то обличение мерзости капитализма, которое дал Толстой. Рабочий класс не примет

толстовского учения о непротивлении злу: он плохо верит в отзывчивость души современной буржуазии, он знает, что звон золота заглушит в этой душе голос совести и призыв любви; давящую его руку насильников он сбросит силой, на гнет давящей реакции он отвечал и будет отвечать революцией. Но рабочий ценит то, что, проповедуя о непротивлении злу, Толстой всей силой своего негодования обрушивается на насильников, что среди еще недавно мертвого молчания кладбища, среди торжества победителей он смело и громко сказал: «Не могу молчать!» Рабочий класс не может принять и его религиозных воззрений; он найдет учение более соответствующее требованиям жизни и человеческой свободы — научный социализм, который среди многих кумиров, низвергнутых им во имя свободы человека, отбросил и кумиры божества. Но он признает цену за сектантским духом толстовства, идущим навстречу новым исканиям крестьянства, этого союзника, товарища с пролетариатом по прошлой и будущей борьбе.

Да, Толстой не наш, но он близок к нам. Мы вместе с другими, но с иными, чем они, мыслями и чувствами можем обнажить голову перед его прахом. Да, пусть будет легка ему земля, горе которой его волновало!

Ярославский комитет РСДРП

Библиотека Института марксизма-ленинизма, ф. арх. хр. ЦУГ Б—999.

СТУДЕНЧЕСКИЕ И РАБОЧИЕ СХОДКИ, ДЕМОНСТРАЦИИ И ЗАБАСТОВКИ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО

По материалам донесений полиции и перлюстрации

ПЕТЕРБУРГ

Нигде революционные выступления, явившиеся откликом на смерть Толстого, не получили столь широкого размаха, как в Петербурге. Поэтому материалы, относящиеся к истории «толстовских дней» в столице, представляют особенный интерес. Документальные источники, публикуемые ниже, сообщают не только о внешней стороне событий: студенческих забастовок, сходок, демонстраций. Они раскрывают их внутреннюю подготовку, отношение к ним политических группировок, настроение представителей различных слоев общества, борьбу политических партий. Все документы настоящего раздела публикуются впервые.

4

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О СХОДКАХ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ 8 НОЯБРЯ 1910 г.

8 ноября 1910 г.

Докладываю вашему высокопревосходительству, что сегодня в 2 часа дня была назначена общестуденческая сходка в университете по поводу смерти графа Л. Н. Толстого. Сходка собрала массу студентов (было много также и курсисток). Энтузиазм, охвативший на этой сходке студенчество, напоминает несколько 1905—1906 гг. В президиум сходки были избраны: Аполлонов Николай Васильев (с.-д.), «Карл» (с.-р.) и «Владимир» (с.-д.), еще пока не выясненные.

Аполлонов говорил о Толстом, как о великом человеке, боровшемся против социального неравенства, характеризуя его, Толстого, как воплощение правды, справедливости и т. п. ... «Святые отцы, с руками, запятнанными кровью, отлучили его от церкви», — говорил Аполлонов.

«Карл» говорил, что недавно хоронили Муромцева[10], борца за народ, теперь же умер Толстой. Слова Толстого о миллионах людей обращены

к студенчеству, к обществу. «Помни, студенчество, — говорил „Карл", — что миллионы страдают...» «и вы, сидящие напротив за Невой, знайте, что умрете и вы».

Далее говорили Шацкий, Борис Евгениев (к. д.) и «Владимир». После «Владимира» речи были прекращены и решено было послать делегацию в Ясную Поляну. Предложений об ознаменовании дня смерти графа поступило много, из них более существенные: 1) отменить в университете занятия в день похорон графа Толстого (это предложение сходкой принято); 2) надеть студентам траур и 3) предоставить университет народу для бесед о Толстом.

Я. М. СВЕРДЛОВ

Фотография на учетной карточке жандармского управления Петербургская тюрьма предварительного заключения, ноябрь 1910 г. Музей Революции СССР, Москва

Во время сходки в зале был выставлен портрет графа Толстого. Сходка закончилась пением вечной памяти; пение не прекращалось все время по окончании сходки, до выхода на улицу. Пели везде, где могли. Сходка между прочим предлагала студентам, выйдя из университета, идти с пением вечной памяти по улицам. Мнения по этому поводу разделились. Лишь часть студенчества, человек около 1000, намереваясь привести это в исполнение, по выходе из университета направилась к Николаевскому мосту. Не доходя до моста, в этой толпе появился проректор университета Андреев, которого студенты подняли на руки. Андреев уговаривал студентов разойтись, но последние не слушались, и после этого конные городовые разогнали их и не пустили через мост.

В 5 часов 30 мин. дня толпа студентов около 500 человек появилась со стороны Тучкова переулка. Толпа шла к главному подъезду университета с пением вечной памяти графу Толстому; дойдя до главного подъезда, из толпы стали раздаваться крики: «Товарищи, сегодня нужно решить

все окончательно», а после этих слов закричали: «Идем все в актовый зал» и пошли в университет.

Более подробные сведения по этому поводу будут представлены вашему высокопревосходительству дополнительно.

Полковник фон Коттен

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 46—47.

5

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ВОЛНЕНИИ СТУДЕНТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ 8 НОЯБРЯ 1910 г.

8 ноября 1910 г.

В дополнение к донесению сего числа за № 15582[11] докладываю вашему превосходительству, что из числа столичных высших учебных заведений занятия производились сегодня в полном размере без всякого нарушения порядка в Военно-медицинской академии и институтах: электротехническом, технологическом, инженеров путей сообщения и гражданских инженеров, но во всех этих учебных заведениях замечается приподнятое настроение студентов, которое может иметь последствием прекращение занятий завтрашнего числа, в день похорон графа Л. Н. Толстого, в знак траура по случаю его кончины. Так, например, в Электротехническом институте в вестибюле и курительной комнате вывешено объявление: «Во вторник 9 ноября, в 12 часов дня, в актовом зале состоится общестуденческое собрание для почтения памяти Льва Николаевича Толстого», а в Институте инженеров путей сообщения завтра в 2 часа дня назначена сходка студентов, на которой будут обсуждаться вопросы: об инциденте с Пуришкевичем[12], как благодарить французских депутатов[13] и студентов Горного института[14] за участие в юбилее и как студенты должны почтить смерть Толстого.

В Женском медицинском институте, на Высших женских курсах и в Горном институте занятия сегодня также производились, но среди дня состоялись сходки учащихся, на которых в знак скорби по поводу смерти почившего писателя постановлено отправить соболезнующие телеграммы и послать на похороны особых депутатов. На сходке в Горном институте студенты пропели три раза «Вечную память» и постановили два дня не слушать лекций. В Женском медицинском институте постановлено отправить сочувственную телеграмму Черткову, «духовному посреднику» Толстого. На сходке в Высших женских курсах присутствовали почти все слушательницы курсов. Председательницей сходки была выбрана Неуймина. Первым оратором выступил профессор русской литературы Овсянико-Куликовский[15], произнесший короткую и бесцветную по содержанию речь. Вслед за тем были произведены выборы делегаток для поездки в Ясную Поляну. Выборными оказались слушательницы Бельская (с.-р.), Ладыженская и Неуймина. После этого слушательница Петрашкевич обратилась к сходке с предложением почтить память усопшего Л. Н. Толстого совершением 9 ноября гражданской панихиды. Об этом решении сходки слушательнице Бельской поручено довести до сведения редакции газет левого направления. Сходка разошлась при криках: «Долой смертную казнь и насилие!». Кроме С.-Петербургского университета, занятия не состоялись также в Лесном и Политехническом институтах.

В Лесном институте среди дня студенты собрались на сходку в актовом зале, где трижды пропели «Вечную намять» графу Толстому, и затем

спокойно разошлись. На сходке в Политехническом институте в 12 часу дня приняли участие около 2000 студентов. Председателем был студент экономического отделения Александр Иванович Лежнев и товарищем его студент того же отделения Марцелий Густавович Петрашкевич. В числе первых вопросов на сходке обсуждался текст телеграммы, адресованной «На могилу Л. Н. Толстого через Черткова». Студент экономического отделения Федор Ксенофонтович Ковальский предложил сходке, чтобы текст телеграммы вполне соответствовал учению Л. Н. Толстого, «как противника смертной казни и произвола, повисшего над окровавленной страдалицей родиной». Составление текста телеграммы поручено особой комиссии в составе студентов Сергея Владимировича Бернштейна-Когана, Павла Михайловича Ганицкого-Петрашкевича и Бориса Семеновича Иванова. Делегатами для поездки в Ясную Поляну были выбраны студенты Константин Григорович и вышеупомянутый Лежнев. Постановлено венка не возлагать, но взамен этого образовать фонд имени Л. Н. Толстого для учреждения стипендии, и тут же было собрано 135 рублей. Отдельно производился сбор денег на поездку депутатов. Последним вопросом на сходке обсуждался вопрос — в какой форме выразить скорбь по случаю смерти графа Толстого, и было принято решение прекратить занятия на два дня. Против прекращения занятий 9 ноября голосовали лишь два студента — один «академист» и студент механического отделения, секретарь воздухоплавательного кружка, Павел Андреевич Павлов.

Закончив обсуждение этих вопросов и пропев «Вечную память», сходка разошлась. Никто из учебного начальства на этой сходке не присутствовал. На входных дверях Политехнического института вывешено печатное объявление: «В знак траура занятий нет».

Сего числа вечером состоялось заседание Совета профессоров С.-Петербургского университета, на котором постановлено завтра, 9 ноября, в день похорон графа Толстого занятий в университете не производить и закрыть все аудитории.

По поступившим агентурным сведениям, студенты С.-Петербургского университета приглашают всех учащихся в высших учебных заведениях собраться 9 ноября, к 4 часам дня, на площади у Казанского собора для совершения по графе Толстом гражданской панихиды.

Полковник ф о н К о т т е н

ЦГИАМ, ф. ДП, 4 дел-во, 1910 г., д. 256, лл. 27—28 об.

6

РЕЗОЛЮЦИЯ СХОДКИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

8 ноября 1910 г.

Студенты СПб. университета, глубоко потрясенные и опечаленные смертью великого писателя и мятежного духом мыслителя Льва Николаевича Толстого, свое горе сливают с горем России и всего мира. Вечно юный пытливый ум великого художника-моралиста не раз волновал человечество своей мыслью, отражавшей народные искания правды-справедливости. Непокорный и непобежденный в поединке со светским и церковным официальным миром, ушел он, оставив нам вечную память о своей борьбе с неправдой современного социального уклада и позорным явлением русской жизни — смертной казнью.

ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., № 22876. Копия, изъятая при обыске у студента М. Мясоедова.

7

РЕЗОЛЮЦИЯ СХОДКИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

8 ноября 1910 г.

Студенчество Петербургского университета, собравшись на сходку по поводу кончины Л. Н. Толстого, полагает, что лучшим способом увековечить память Л. Н. Толстого будет отмена смертной казни.

Признать желательным устройство в стенах университета собраний для ознакомления широких народных масс с жизнью и деятельностью Л. Н. Толстого.

ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., № 22876. Копия, изъятая при обыске у студента М. Мясоедова.

8

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ВОЛНЕНИИ И ДЕМОНСТРАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГА 9 НОЯБРЯ 1910 г.

9 ноября 1910 г.

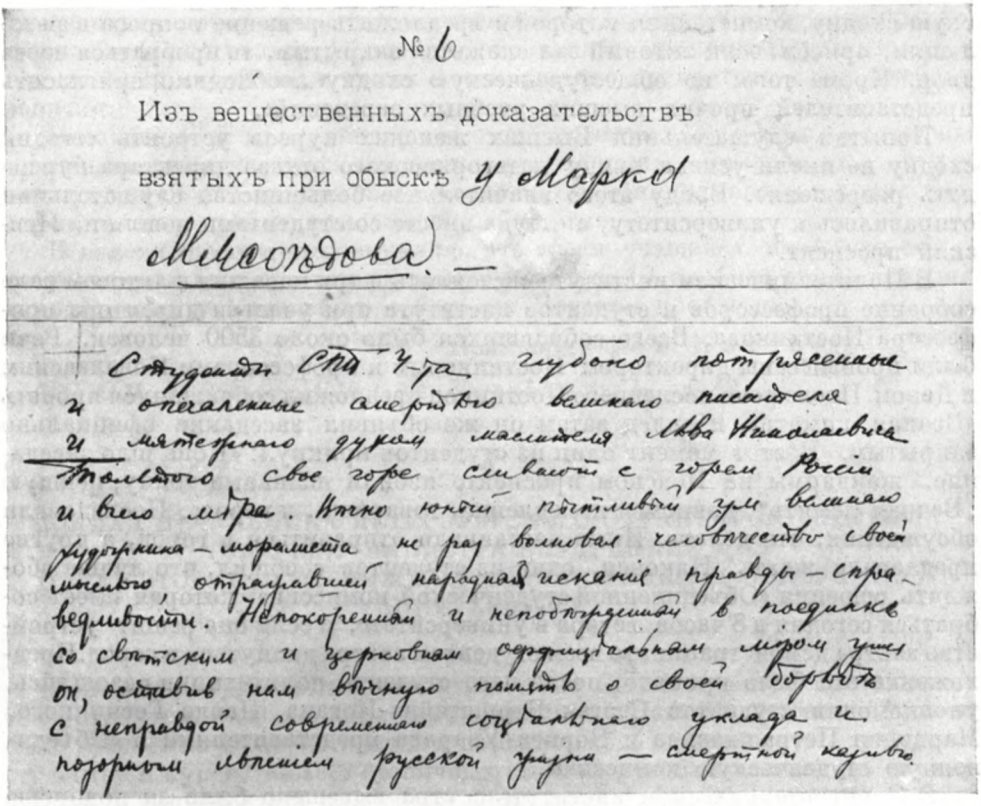
В дополнение к донесениям от 8 сего ноября за №№ 15582 и 15602 [16] докладываю вашему высокопревосходительству полученные во вверенном мне отделении сведения о происходивших 9 сего ноября волнениях учащейся молодежи столичных высших учебных заведений по случаю дня погребения умершего Л. Н. Толстого.

В 12 часов дня была отслужена в Армянской церкви панихида по покойном Л. Н. Толстом, на которой присутствовало около 200 человек молящихся, преимущественно армян, и незначительная часть учащейся молодежи. По окончании панихиды молящиеся разошлись, но чрез несколько минут в церковь начали прибывать студенты, преимущественно универсанты, и курсистки. Оказалось, что на входных дверях университета и Высших женских курсов были вывешены объявления, что панихида по Л. Н. Толстом состоится 9 ноября в час пополудни в вышеозначенной церкви. Армянское духовенство вторично совершило панихиду, к концу которой церковь уже не могла вместить всех молящихся, значительная часть которых стояла на паперти и во дворе при Армянской церкви. По окончании панихиды все находившиеся на паперти и на церковном дворе пропели «Вечная память», после чего вся толпа стала выходить на Невский проспект с намерением устроить шествие по Невскому проспекту. Находившийся там же полицейский наряд некоторое время сдерживал толпу, состоявшую в это время из 600—700 человек, но в конце концов толпа прорвала цепь городовых и с пением «Вечная память» пыталась устроить шествие по проспекту в сторону Адмиралтейства, но подоспевшим взводом жандармов сейчас же была рассеяна.

Ввиду того, что к утру 9 сего ноября были получены сведения, что учащаяся молодежь в этот день, в четыре часа пополудни, намеревалась устроить демонстративное собрание у Казанского собора, были приняты меры к недопущению этого сборища, для чего высланы были усиленные разъезды жандармов и конной полиции.

Заметив усиленные разъезды полиции, вожаки толпы надумали переменить тактику, решив устроить демонстрацию на Васильевском острове около университетской столовой, ввиду чего вся толпа учащейся молодежи значительными группами стала направляться через Дворцовый мост на Васильевский остров. Этот маневр был замечен, и своевременно принятыми полицией мерами скопления учащейся молодежи не только у вышена-

званной столовой, но и в других местах Васильевской части, не были допущены. Возбужденная толпа все-таки долго не могла успокоиться и, собравшись на каком-либо видном месте, начинала демонстративно петь «Вечная память». Так, небольшая толпа, состоявшая из самых разнообразных элементов, но, конечно, имевшая во главе учащуюся молодежь, собравшись в 4 ч. 50 мин. на углу Тучковой набережной и Среднего проспекта,



№ 6

Изъ вещественныхъ доказательствъ

взятыхъ при обыскѣ у Марка

Мясоѣдова. —

Студенты СПб. Ч-та глубоко потрясенные и опечаленные смертью великаго писателя и мятежнаго духом маслителя Льва Николаевича Толстого свое горе сливают с горем России и всего мира. Вѣчно юный пытливый ум великаго художника-моралиста не раз волновал человѣчество своей мыслью, отражавшей народныя исканія правды — справедливости. Непокоренный и непобѣжденный в поединкѣ со свѣтским и церковным оффиціальным міром ушел он, оставив нам вѣчную память о своей борьбѣ с неправдой современнаго соціальнаго уклада и позорным явленіем русской жизни — смертной казнью.

РЕЗОЛЮЦИЯ СХОДКИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, СОЗВАННОЙ 8 НОЯБРЯ 1910 г. В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО

Была отобрана при обыске у студента Мясоедова и приобщена к его делу в качестве вещественного доказательства

Центральный исторический архив, Москва

двинулась с пением «Вечная память» по Среднему проспекту, а на 16-й линии свернула к Большому проспекту, по которому успела дойти только до 18-й линии, где и была рассеяна полицейским нарядом. Часть этой толпы, приблизительно человек около 50, пыталась было пройти к Горному институту, но полицейский наряд не дал возможности сделать это и быстро рассеял толпу.

Уже в половине 9-го вечера небольшая толпа учащейся молодежи, собравшись на углу Литейного и Невского проспектов, начала в целях устройства демонстрации петь «Вечная память», но была окружена полицией, проведена во двор дома № 88 по Невскому проспекту, где чинами местной полиции все задержанные были переписаны и по удостоверении личности каждого были отпущены.

В течение дня 9 ноября в некоторых столичных высших учебных заведениях происходили студенческие сходки и общие собрания профессоров и студентов. Так, в 3 часа дня в одной из аудиторий университета состоялась сходка представителей землячеств и членов организационного комитета, на которой обсуждался вопрос об устройстве общестуденческой демонстрации в целях протеста против смертной казни. Не считая себя вправе вынести обязательную для всех студентов резолюцию, сходка приняла постановление: «Завтра, 10 ноября, созвать явочным порядком общестуденческую сходку, компетенции которой и предложить решение вопроса о резолюции, причем, если актовый зал окажется закрытым, то пробраться через двор. Кроме того, на общестуденческую сходку необходимо пригласить представителей прочих высших учебных заведений».

Попытки слушательниц Высших женских курсов устроить сегодня сходку не имели успеха ввиду категорического отказа директора курсов дать разрешение. Ввиду этого значительное большинство слушательниц отправилось к университету, а оттуда вместе со студентами пошли на Невский проспект.

В Политехническом институте состоялось в три часа дня в актовом зале собрание профессоров и студентов института при участии директора профессора Постникова. Всего собравшихся было около 3500 человек. Речи были произнесены директором Постниковым и профессорами Ковалевским и Деном. После речи последнего Постников предложил собравшимся пропеть «Вечная память», и вслед затем он же объявил заседание официально закрытым. В этот момент один из студентов крикнул: «Пока шло заседание, жандармы на Невском проспекте избили шашками толпу, певшую „Вечная память", двинемся немедленно, товарищи, в город». Последовали обсуждения, что делать. Иные настаивали отправиться в город, а другие предлагали ждать. Наконец, один из студентов сообщил, что лучше обождать решения «Объединенной студенческой комиссии», которая имеет собраться сегодня в 8 часов вечера в университете, и если она решит устройство завтра демонстрации, то всем студентам завтра двинуться в город. Предложение это было принято, после чего студенты-политехники разошлись, уполномочив студентов Сергея Бернштейна-Когана, Павла Госницкого, Марцелия Петрашкевича и Бориса Уварова представителями в «Объединенную студенческую комиссию».

В Электротехническом институте с утра вывешено было за подписью директора Войнаровского объявление, что «9 ноября в день похорон Л. Н. Толстого лекция и практические занятия отменяются, экзамены же будут производиться». В $12^1/_2$ часов дня в актовом зале института состоялась общестуденческая сходка для обсуждения вопроса о форме чествования памяти Л. Н. Толстого. Председателем сходки был студент Рафаилов. Ораторами выступали студенты: Качаровский, Хоецкий, Басков, Шульце, Костенко, Новицкий, Оберучев, Саркисов и другие. После пения «Вечная память» Басков выступил с предложениями: 1) «Присоединиться к принятой резолюции студентами университета, что лучшим чествованием памяти Л. Н. Толстого будет требование об отмене смертной казни» [17] и 2) «просить профессоров и студентов об окончательной отмене занятий, т. е. не производить и экзаменов». Предложения были приняты, и экзамены сегодня в Электротехническом институте не производились.

В Институте инженеров путей сообщения состоялась сходка 9 сего ноября, в 3 часа дня, в помещении чертежной I курса. В сходке приняли участие около 650 человек. После пения «Вечная память» сходка приступила к обсуждению вопроса о форме чествования памяти Л. Н. Толстого. Один из участников сходки упомянул о произведенном в Государственной думе некоторыми ее членами противодействии чествованию памяти названного писателя [18]. Вскоре же возник между студентами спор о пользе

существования Государственной думы, который настолько принял острый характер, что начали схватывать в руки табуретки. Об этом немедленно было сообщено инспектору института Янковскому, который, явившись в чертежную, предложил собравшимся разойтись, что студентами и немедленно было исполнено.

Поведение студентов Института инженеров путей сообщения и Электротехнического института, продолжавших непрерывно занятия до 9 сего ноября, обратило внимание левой части студенчества, ввиду чего последняя внесла на обсуждение «Объединенной студенческой комиссии» предложение отправить завтра, 10 ноября, в названные институты студентов других учебных заведений в целях насильственно прекратить в них учебные занятия.

Независимо от изложенного имеются сведения, что учащаяся молодежь, принадлежащая к революционным организациям, намеревается отправить утром 10 сего ноября своих членов на фабрики и заводы в целях подстрекательства рабочих к общей забастовке.

К изложенному присовокупляю, что среди учащейся молодежи ведется усиленная агитация по устройству завтра, 10 ноября, около полудня демонстрации у Казанского собора на Невском проспекте.

Полковник ф о н К о т т е н

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 49—52.

9

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 11 НОЯБРЯ 1910 г. В ПЕТЕРБУРГЕ

10 ноября 1910 г.

Вожаками студенческих революционных организаций во время попыток устройства 9 сего ноября демонстрации на Невском проспекте решено было созвать на 10 число явочным порядком общестуденческую (с участием студентов и курсисток всех столичных высших учебных заведений) сходку в здании университета для обсуждения двух главных вопросов: 1) устройства 11 ноября в наиболее людном месте политической демонстрации и 2) предъявления правительству от всех высших учебных заведений требования об отмене смертной казни.

Почти с 11 часов утра студенты и курсистки с разных концов столицы стали направляться на Васильевский остров, к зданию университета, но так как Университетская набережная и Университетская и Биржевая линии охранялись высланным полицейским нарядом, в обязанность которому было вменено впускать в здание университета только студентов университета, то весьма большое число учащихся других высших учебных заведений осталось на панели Университетской набережной. Здесь же находились в значительном числе более или менее благонамеренные студенты университета, не желавшие принять участия в сходке и в предстоявшей демонстрации.

Ровно в 12 часов дня собравшиеся студенты в актовый зал в числе около 3000 человек приступили к избранию президиума. Председателем сходки был избран студент «Карл», открывший сходку объявлением вопросов, подлежавших обсуждению. Выступил ряд ораторов, доказывавших необходимость устройства демонстрации, во время которой настоятельно требовать отмены смертной казни. Из ораторов наиболее выдавались резкими выражениями по адресу правительства студенты: Мануйлов,

Богдасаров, Аркадий Ленский, Шедлинг, Львович[1] и др. Все ораторы предлагали сходке устроить 11 ноября многолюдную демонстрацию, приняв все меры к тому, чтобы демонстрация была поддержана учащимися других высших учебных заведений. Произведенным голосованием предложение об устройстве демонстрации было сходкой принято, а предложение Львовича вооружиться было отвергнуто.

Приблизительно около двух часов пополудни сходка закончилась возгласами: «Вечная память Льву Николаевичу Толстому» и вслед затем, совершенно неожиданно для президиума, почти все присутствовавшие на сходке, начав петь «Вечную память», стали выходить из университета на Университетскую линию. Увидев стоявший у здания Академии наук пеший полицейский наряд, толпа студентов начала сворачивать вправо на Университетскую набережную в направлении к Историко-филологическому институту. К этому времени на панели набережной скопилось около полуторы тысячи человек учащейся молодежи обоих полов. Часть их примкнула к вышедшей из университета толпе. В этот момент находившийся во дворе Академии наук взвод жандармского дивизиона с одной стороны и выехавший из манежа 1-го Кадетского корпуса взвод конной полиции с другой — охватили кольцом демонстрантов, оттеснив их к зданию университета и Историко-филологического института. Командовавшие взводами потребовали от демонстрантов немедленно прекратить пение и частями расходиться. Демонстранты ответили бранью по адресу жандармов и полиции. Последние стали напирать на толпу. «Мерзавцы, негодяи, зачем вы топчете и калечите ни в чем неповинных людей»,— кричали демонстранты; некоторые из них хватались за поводья лошадей, а иные перебегали или на набережную, или же к зданию 1-го Кадетского корпуса и затем снова начинали петь «Вечную память», двигаясь в то же время вдоль набережной к Николаевскому мосту. Наряды жандармов и конной полиции вновь начинали оттеснять демонстрантов, отделяя одну кучку от другой от общей толпы, и принуждали их рассеиваться. Таким образом, толпа демонстрантов, состоявшая в начале не менее как из 2000 человек, постепенно уменьшалась, и когда достигла здания Академии художеств, то в ней находилось лишь несколько сот человек учащейся молодежи. У 5-й линии толпа была окончательно рассеяна, и демонстративное шествие прекратилось.

Одновременно с происходившей сходкой в университете, таковая же состоялась на Высших женских курсах, на которой обсуждались вопросы об участии слушательниц в предстоящей 11 ноября общестуденческой демонстрации и о насилии, будто бы произведенном вчера чинами полиции над некоторыми студентами у Армянской церкви, «мирно шедшими по Невскому проспекту с пением „Вечная память“». Выступившие с речами слушательницы Петрашкевич (с.-р.) и Баранова (с.-д.) настаивали в своих речах, чтобы слушательницы курсов обязательно приняли участие в завтрашней демонстрации, а присутствовавшие на сходке преподавательницы курсов Ананьева, Борисова и Соколова увещевали слушательниц никаких выступлений не делать. Наконец была предложена приблизительно нижеследующая резолюция, которая и была сходкою принята: «Не предпринимать ничего, не расследовав вчерашнего случая на Невском проспекте, так как слушательницы курсов находят, что устройство демонстраций на улицах весьма часто сопровождается кровопролитием, что идет совершенно вразрез с убеждениями Льва Николаевича Толстого». Принятием этой резолюции и троекратным пением «Вечная память» сходка была закончена. Однако в 3-м часу дня на Высших женских курсах были получены сведения «об избиении полицией» демонстрантов на Университетской набережной. Сходка вновь была созвана, на которой присутствовало не более 200 слушательниц. После кратких речей было принято постановление

принять участие в предстоящей 11 ноября демонстрации у Казанского собора, но предварительно собраться к 10 часам утра на сходку в помещение курсов.

Во всех прочих правительственных учебных заведениях занятия 10 сего ноября происходили обычным порядком, но группа студентов Технологического института, собравшись утром в помещении лаборатории, обсуждала положение дел и в заключение приняла резолюцию принять совместно со студентами университета участие в предстоящей 11 сего ноября демонстрации.

В Политехническом институте с утра вывешено было от имени студенческой комиссии объявление: «Делегации решили сегодня массовых студенческих выступлений не делать. О дальнейшем будет своевременно объявлено». В 6 часов вечера в институте состоялось заседание литературного кружка, посвященное памяти Л. Н. Толстого. Во время этого заседания были получены сведения «об избиении полицией» демонстрантов на Университетской набережной. Тотчас же созвана была сходка, продолжавшаяся от $6^1/_2$ до $8^1/_2$ часов вечера. В сходке приняли участие около 700—800 студентов. После довольно продолжительных речей было принято постановление примкнуть к вынесенной студентами университета резолюции и принять участие в демонстрации 11 ноября в час дня всем политехникам и объявить лозунгом: «отмена смертной казни». На этой сходке было замечено, что единодушие среди студентов незначительное.

Сходки учащихся также происходили в Психо-неврологическом институте и на курсах Лохвицкой. Как в институте, так и на курсах приняты резолюции принять участие 11 ноября в демонстрации вместе со студентами университета, которая произойдет у Казанского собора, петь в несколько хоров и требовать отмены смертной казни.

Попытки представителей революционных организаций привлечь фабричных и заводских рабочих к происходившим в высших учебных заведениях забастовкам по случаю смерти Л. Толстого успеха не имели. Рабочие оставались индифферентными, и только рабочие Франко-русского завода и ситценабивной фабрики Леонтьевых слабо откликнулись, именно: рабочие Франко-русского завода послали Черткову телеграмму с выражением соболезнования, а рабочие вышеупомянутой фабрики после окончания работ 10 сего ноября вышли в числе 300 человек со двора фабрики с пением «Вечная память», но, заметив стоявшего вблизи фабрики городового, умолкли и немедленно разошлись.

В отношении программы предстоящей 11 сего ноября демонстрации получены сведения: учащиеся в высших учебных заведениях, находящихся на Васильевском острове, намерены к 12 часам дня собраться к зданию университета и уже оттуда отправиться на Невский проспект к Казанскому собору. Учащиеся в высших учебных заведениях, находящихся в других районах столицы, должны прибыть к тому же собору к часу дня; к тому же времени намереваются двинуться учащиеся Психо-неврологического института от своего здания по Невскому проспекту к Казанскому собору с пением «Вечная память». Часть студентов от всех высших учебных заведений будет ходить по Невскому проспекту в одиночку и приглашать проходящую публику примыкать к демонстрантам. В случае, если у Казанского собора будут замечены разъезды жандармов и конной полиции, то решено устроить демонстрацию на площади у Исаакиевского собора.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник ф о н К о т т е н

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 53—55 об.

10

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТЕРБУРГСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ 9—10 НОЯБРЯ 1910 г.

10 ноября 1910 г.

В дополнение представления от 10 сего ноября за № 15677 [19], докладываю вашему высокопревосходительству нижеследующее.

Настроение рабочих приподнятое.

Приехавший недавно в Петербург уполномоченный ЦК РСДРП, пока не выясненный «Андрей» (кличка «Махровый») [20], получил письмо от ЦК, с указанием на необходимость начать агитацию за отмену смертной казни [21]. Текст письма следующий [22]: «Несомненно — смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг — „долой палачей". К демонстрациям не призывайте, но и не высказывайтесь против них. Транспорт с листком о Толстом высылаем» [23]. Письмо зашифровано. Сегодня утром «Андрей» сообщил, что листок печатается [24].

Фракция с.-д. постановила обратиться к обществу с воззванием, требующим отмены смертной казни [25]. Все заседания начинают принимать страстный характер. Похороны Толстого развязали руки, и теперь каждая партия старается «использовать настроение».

9 сего ноября литераторы с.-д. в числе 47 человек собрались в редакции «Современного мира» [26] (Надеждинская, 41), председательствует Н. И. Иорданский [27]. Открывая собрание, он говорит: «Нам, с.-д., нужно решить вопрос о том, как использовать настроение, вызванное смертью Толстого. Оставить этого без внимания нельзя. Студенчество начинает волноваться, и плохие были бы мы с.-д., если бы пропустили этот момент».

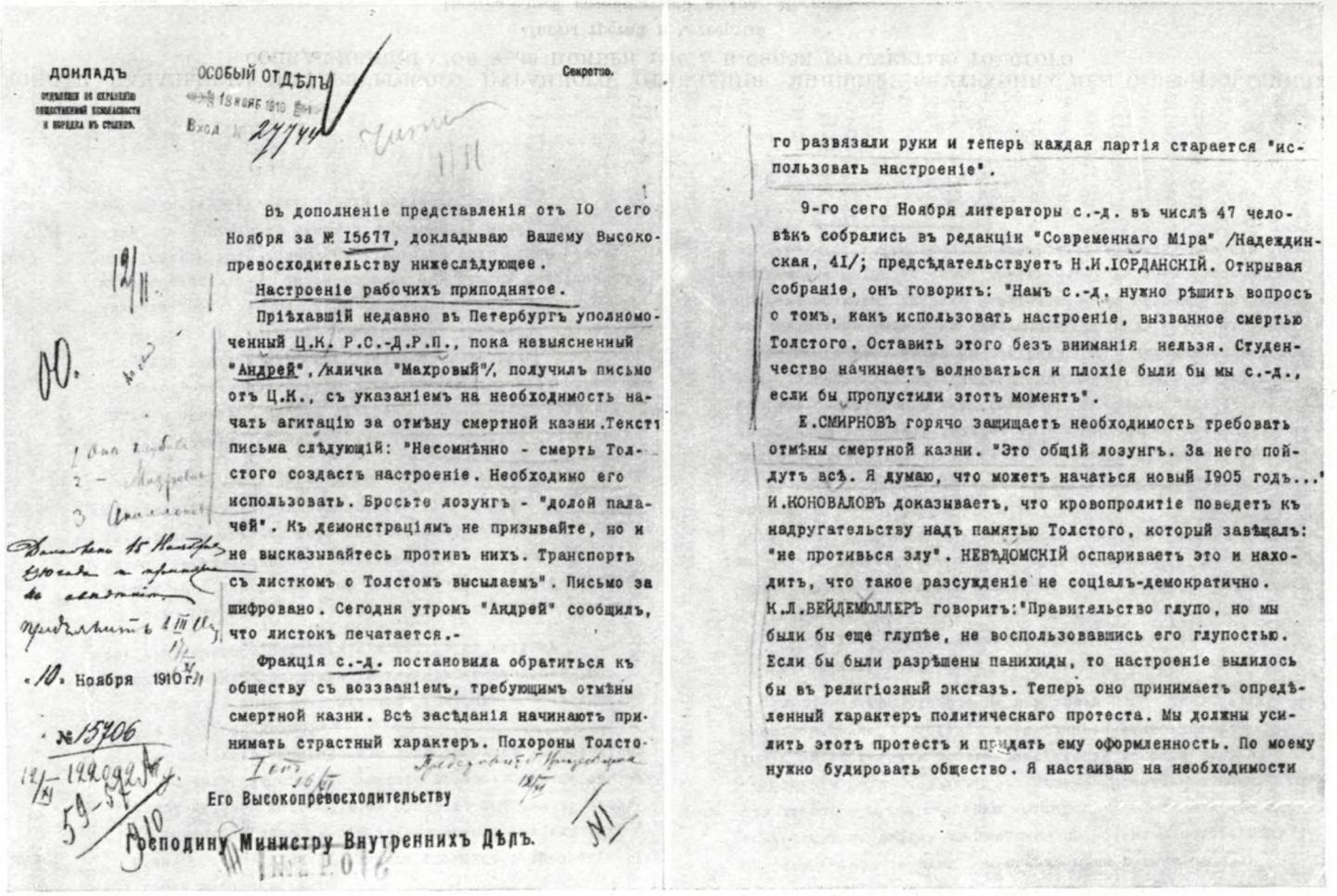
Е. Смирнов [28] горячо защищает необходимость требовать отмены смертной казни. «Это общий лозунг. За него пойдут все. Я думаю, что может начаться новый 1905 год...». Н. Коновалов [29] доказывает, что кровопролитие поведет к надругательству над памятью Толстого, который завещал: «Не противься злу». Неведомский [30] оспаривает это и находит, что такое рассуждение не социал-демократично. К. Л. Вейдемюллер [31] говорит: «Правительство глупо, но мы были бы еще глупее, не воспользовавшись его глупостью. Если бы были разрешены панихиды, то настроение вылилось бы в религиозный экстаз. Теперь оно принимает определенный характер политического протеста. Мы должны усилить этот протест и придать ему оформленность. По-моему, нужно будировать общество. Я настаиваю на необходимости воззвания к обществу».

После долгих прений принято решение: 1) требовать от социал-демократической фракции срочно внести законопроект об отмене смертной казни и обращение к обществу поддержать этот законопроект, 2) принять участие во всех манифестациях и 3) агитировать за политическую забастовку с требованием отмены смертной казни.

Настроение было возбужденное. Говорили о возможности революции и желательности увеличения конфликтов, ибо они увеличивают настроение и ведут к подъему.

Почти одновременно с описанным заседанием в редакции «Русское богатство» происходило собрание народников [32]. Присутствовало 34 человека. Принята резолюция: «Необходимо организовать коалиционный комитет для общих действий. Принять участие в борьбе за отмену смертной казни. Устраивать ежедневные совещания о положении дел».

9 ноября произошло заседание общества «Источник света и знания». Оно по существу социал-демократическое. Присутствовало больше 100 человек. Настроение крайне приподнятое. Большинство присутствующих



ДОКЛАДЪ
ОТДѢЛЕНІЯ ПО ОХРАНѢНІЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОРЯДКА ВЪ СТОЛИЦѢ.

ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ
18 НОЯБ 1910
Вход № 27744

Секретно.

Въ дополненіе представленія отъ 10 сего Ноября за № 15677, докладываю Вашему Высокопревосходительству нижеслѣдующее.

Настроеніе рабочихъ приподнятое.

Пріѣхавшій недавно въ Петербургъ уполномоченный Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., пока невыясненный "Андрей", /кличка "Махровый"/, получилъ письмо отъ Ц.К., съ указаніемъ на необходимость начать агитацію за отмѣну смертной казни. Текстъ письма слѣдующій: "Несомнѣнно - смерть Толстого создастъ настроеніе. Необходимо его использовать. Бросьте лозунгъ - "долой палачей". Къ демонстраціямъ не призывайте, но и не высказывайтесь противъ нихъ. Транспортъ съ листкомъ о Толстомъ высылаемъ". Письмо зашифровано. Сегодня утромъ "Андрей" сообщилъ, что листокъ печатается.-

Фракція с.-д. постановила обратиться къ обществу съ воззваніемъ, требующимъ отмѣны смертной казни. Всѣ засѣданія начинаютъ принимать страстный характеръ. Похороны Толстого развязали руки и теперь каждая партія старается "использовать настроеніе".

9-го сего Ноября литераторы с.-д. въ числѣ 47 человѣкъ собрались въ редакціи "Современнаго Міра" /Надеждинская, 41/; предсѣдательствуетъ Н.И.ІОРДАНСКІЙ. Открывая собраніе, онъ говоритъ: "Намъ с.-д. нужно рѣшить вопросъ о томъ, какъ использовать настроеніе, вызванное смертью Толстого. Оставить этого безъ вниманія нельзя. Студенчество начинаетъ волноваться и плохіе были бы мы с.-д., если бы пропустили этотъ моментъ".

Е.СМИРНОВЪ горячо защищаетъ необходимость требовать отмѣны смертной казни. "Это общій лозунгъ. За него пойдутъ всѣ. Я думаю, что можетъ начаться новый 1905 годъ..." И.КОНОВАЛОВЪ доказываетъ, что кровопролитіе поведетъ къ надругательству надъ памятью Толстого, который завѣщалъ: "не противься злу". НЕВѢДОМСКІЙ оспариваетъ это и находитъ, что такое разсужденіе не соціалъ-демократично. К.Л.ВЕЙДЕМЮЛЛЕРЪ говоритъ: "Правительство глупо, но мы были бы еще глупѣе, не воспользовавшись его глупостью. Если бы были разрѣшены панихиды, то настроеніе вылилось бы въ религіозный экстазъ. Теперь оно принимаетъ опредѣленный характеръ политическаго протеста. Мы должны усилить этотъ протестъ и придать ему оформленность. По моему нужно будировать общество. Я настаиваю на необходимости

«10» Ноября 1910 г.

№ 15706

Его Высокопревосходительству

Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ВЫСТУПЛЕНИЯХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ 9—10 НОЯБРЯ 1910 г. В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО

Листы первый и второй

Центральный исторический архив, Москва

воззванія къ обществу".

Послѣ долгихъ преній, принято рѣшеніе: 1/требовать от с.-д. фракціи срочно внести законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни и обращеніе къ обществу поддержать этотъ законопроектъ, 2/ принять участіе во всѣхъ манифестаціяхъ и 3/ агитировать политическую забастовку съ требованіемъ отмѣны смертной казни".

Настроеніе было возбужденное. Говорили о возможности революціи и желательности увеличенія конфликтовъ, ибо они увеличиваютъ настроеніе и ведутъ къ подъему.

Почти одновременно съ описаннымъ засѣданіемъ, въ редакціи "Русское Богатство" происходило собраніе народниковъ. Присутствовало 34 человѣка. Принята резолюція: - "необходимо организовать коалиціонный комитетъ для общихъ дѣйствій. Принять участіе въ борьбѣ за отмѣну смертной казни. Устраивать ежедневныя совѣщанія о положеніи дѣлъ"

9-го Ноября произошло засѣданіе общества "Источникъ Свѣта и Знанія". Оно по существу соціалъ-демократическое Присутствовало больше 100 человѣкъ. Настроеніе крайне приподнятое. Большинство присутствующихъ рабочіе. Вышепомянутый "Андрей" говоритъ первую рѣчь, настаивая на необходимости забастовки въ день обсужденія Государственной Думой вносимаго с.-д. законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни. Рабочіе возбуждены. Произносится рядъ рѣчей революціоннаго характера. Одинъ изъ рабочихъ, между прочимъ говоритъ: "студенты уже начали протесты. Мы, товарищи

шившіеся многихъ друзей, погибшихъ на висѣлицахъ, должны присоединиться къ нимъ. Не можемъ и не хотимъ молчать. Давайте скажемъ вмѣстѣ съ умершимъ пророкомъ и подтвердимъ это дѣломъ - долой смертную казнь".....

Принята была слѣдующая резолюція: "Немедленно начать агитацію за забастовку въ день обсужденія вопроса въ Думѣ о смертной казни". Постановленіе принято единогласно.-

Засѣданіе происходило на 9-й линіи В.О., домъ 66, кв.24.

Дальнѣйшимъ выясняется, что настроеніе рѣзко измѣняется. Въ первый день смерти Толстого всѣ были подавлены. Теперь Толстой похороненъ и начинается "использованіе настроенія". Возможно,что предстоятъ серьезные безпорядки. За забастовку по мнѣнію соціалъ-демократовъ : Семянниковскій, Обуховскій, Орудійный, Металлическій, Семенова, Сименсъ Гальске и др. заводы.

Въ 2 часа, когда получилось извѣстіе, что студенты завтра устроятъ демонстрацію на Невскомъ проспектѣ, назначены экстренныя засѣданія Толстовскаго Комитета, Межклубной комиссіи и Центральнаго Бюро Союзовъ. На заводы рѣшенія студентовъ передаются по телефону. Завтра рабочихъ на Невскомъ проспектѣ будетъ мало. Но предполагается демонстраціи устроить нѣсколько разъ и на слѣдующихъ, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, возможно ожидать появленія массъ рабочихъ. Извѣстный студентъ С.Петербургскаго Университета Аполлоновъ прямо говоритъ, что "желательны кровавыя столкновенія, ибо это раскачаетъ общество".-

овникъ

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ВЫСТУПЛЕНИЯХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ 9—10 НОЯБРЯ 1910 г. В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО

Листы третий и четвертый

Центральный исторический архив, Москва

рабочие. Вышеупомянутый «Андрей» говорит первую речь, настаивая на необходимости забастовки в день обсуждения Государственной думой вносимого социал-демократами законопроекта об отмене смертной казни. Рабочие возбуждены. Произносится ряд речей революционного характера. Один из рабочих, между прочим, говорит: «Студенты уже начали протесты. Мы, товарищи, лишившиеся многих друзей, погибших на виселицах, должны присоединиться к ним. Не можем и не хотим молчать. Давайте скажем вместе с умершим пророком и подтвердим это делом — долой смертную казнь»...

Принята была следующая резолюция: «Немедленно начать агитацию за забастовку в день обсуждения вопроса в Думе о смертной казни». Постановление принято единогласно.

Заседание происходило на 9-й линии В⟨асильевского⟩ о⟨строва⟩, дом 66, кв. 24.

Дальнейшим выясняется, что настроение резко изменяется. В первый день смерти Толстого все были подавлены. Теперь Толстой похоронен и начинается «использование настроения». Возможно, что предстоят серьезные беспорядки. За забастовку, по мнению социал-демократов: Семянниковский, Обуховский, Орудийный, Металлический, Семенова, Сименс-Гальске и другие заводы.

В 2 часа, когда получилось известие, что студенты завтра устроят демонстрацию на Невском проспекте, назначены экстренные заседания Толстовского комитета [33], Межклубной комиссии [34] и Центрального бюро союзов [35]. На заводы решения студентов передаются по телефону. Завтра рабочих на Невском проспекте будет мало. Но предполагается демонстрации устроить несколько раз, и на следующих, по мнению социал-демократов, возможно ожидать появления масс рабочих. Известный студент С.-Петербургского университета Аполлонов прямо говорит, что «желательны кровавые столкновения, ибо это раскачает общество».

Полковник фон Коттен

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 58—59 об.

11

РАПОРТ ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА 3-го ОТДЕЛЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 11 НОЯБРЯ 1910 г.

11 ноября 1910 г.

Доношу вашему превосходительству, что во время наряда на Невском проспекте, у Городской думы, 11 сего ноября случилось следующее: около часа дня заметно началось густое движение с разных сторон студентов и курсисток, ввиду чего мною немедленно были выдвинуты конные и пешие наряды полиции по заранее распределенному плану, движение от Садовой улицы как экипажей, так пешеходов и трамваев было прекращено. По очистке Невского проспекта от движения конные и пешие наряды приступили к очистке тротуаров, сплошь занятых студентами и курсистками. Ввиду того, что на неоднократные предложения не стоять на тротуарах, а проходить, толпа не обращала никакого внимания, конные и пешие наряды полиции стали действовать натиском лошадей и людей, когда же из толпы стали бросать в наряды палки, калоши и метлы и выкидывать флаги, то конный наряд жандармов, обнажив в некоторых случаях шашки, а конное отделение городовых, вынув в одном случае у магазина Елисеева нагайки, стали очищать тротуары. На углу Садовой и Невского жандармский штабс-ротмистр Больдт вырвал у студента флаг, но виновника задержать не удалось, а у Городской думы старший помощник пристава

2 участка Спасской части Протасов также вырвал у студента флаг. Затем студент, у которого вырвал флаг г. Протасов, был задержан приставом Спиридоновым. В общем задержано во 2-м Спасском 3 человека, а в 1-м Спасском— 7 человек. Очистка тротуаров и улиц от толпы систематически производилась указанным способом вплоть до Знаменской площади, и к $3^1/_2$ часам дня нормальное движение по Невскому проспекту как экипажей, так и пешеходов и трамваев было восстановлено, и Невский проспект принял свой обыденный вид. При разгоне толпы раненых и пострадавших не оказалось.

Отобранный штабс-ротмистром Больдтом флаг изображал на черном фоне портрет гр. Толстого и надпись: «Не можем больше молчать», а флаг, отобранный Протасовым,— на белом фоне надпись: «Долой смертную казнь».

Отпустив $^3/_4$ наряда и продержав остальную часть до 6 часов вечера, ввиду полного порядка во вверенном мне районе, я отпустил и последних.

Полицеймейстер М о р а к и

ЦГИАЛ, ф. Канц. мин. внутр. дел, 1910 г., д. 158, л. 1.

12

РАПОРТ ПРИСТАВА 1-го УЧАСТКА ВАСИЛЬЕВСКОЙ ЧАСТИ ПЕТЕРБУРГА ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 11 НОЯБРЯ 1910 г.

11 ноября 1910 г.

Утром сего числа в коридорах С.-Петербургского университета были расклеены прилагаемые при сем объявления [36], предупреждающие студентов уклоняться от сборищ на улицах. С 9 часов 30 минут утра были поставлены наряды ко всем входам университета и пропускались только имеющие билеты для слушания лекций. Лекции и работы в лаборатории состоялись, но на них было студентов не более 2000 человек. Около 12 часов было замечено обильный выход студентов из университета и особенно движение учащихся по панелям Университетской набережной к Николаевскому мосту. В 12 часов 15 минут к университету прибыл товарищ министра генерал-майор Курлов и принял рапорт полицеймейстера полковника Галле. В это же время были посланы отряды полиции к Николаевскому мосту и на нем было закрыто как трамвайное, так и экипажное движение, пропускались лишь лица, по внешнему виду не имеющие ничего общего с учащейся молодежью, студенты же совершенно не пропускались, и таковых набралось около моста до 1500 человек, которые, прождав на месте около часу, разошлись, а оставшиеся в количестве 200—300 человек были пропущены через мост в то время, когда было получено известие, что беспорядки на Невском проспекте прекратились, и к 2 часам 30 мин. все движение на Николаевском мосту вошло в обычный порядок. В 3 часа 30 минут было получено известие, что по Тучкову мосту на Васильевский остров к студенческой столовой идет большая толпа учащейся молодежи, которая, подходя к воротам университета со стороны Биржевой линии, была рассеяна конными городовыми, а человек 60, сломав калитку, проникли во двор университета. В 3 часа 55 минут ректором университета было сообщено, что через стеклянные двери в актовый зал вышли студенты, в числе которых были и студенты других учебных заведений, которые устроили общее собрание, вывесив два флага с надписью об отмене смертной казни. На это собрание пришли проректор университета г. Андреев и декан Покровский, которые уговорили бо́льшую часть студентов покинуть это собрание, а оставшаяся группа в 150 человек, узнав, что будет в университет введена полиция, тотчас же разошлась. Все это произошло

не более как в 15 минут времени. В 5 часов дня в университет были допущены исключительно студенты 4-го курса для записи на экзамен. Завтрашнего числа в 12 часов дня предполагается устроить неразрешенную сходку по корпорациям академической и беспартийной, как полагают, таковая будет предотвращена. При настоящем представляю выдаваемые в университете объявления от вышесказанных корпораций, присовокупляя, что каких-либо объявлений со стороны других корпораций не было.

О чем вашему превосходительству доношу.

Пристав И в а н о в

ЦГИАЛ, ф. Канц. мин. внутр. дел, 1910 г., д. 158, лл. 6—7.

13

РАПОРТ ПРИСТАВА 2-го УЧАСТКА ВАСИЛЬЕВСКОЙ ЧАСТИ ПЕТЕРБУРГА ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ЗАБАСТОВКЕ РАБОЧИХ СТОЛЯРНОЙ ФАБРИКИ ПЛАТОНОВА В ПАМЯТЬ О ТОЛСТОМ

11 ноября 1910 г.

Сего числа во 2-м часу дня из числа 400 человек рабочих столярной фабрики Платонова, что в доме № 60 по 11-й линии, после обеденного перерыва возвратилось на работу около 200 человек, и, увидя, что многие не явились, разобрали свои номера (выставляемые при выходе для указания числа явившихся на работу), ушли с фабрики без объяснения причины прекращения работы.

Дознанием установлено, что сего числа рабочие перед окончанием работы в обеденный час секретно от администрации решили прекратить работы, чтобы почтить память графа Толстого и, выйдя на улицу, пришли к общему соглашению. После чего разошлись спокойно. Сведений о продолжительности забастовки не имеется. Меры к охране как фабрики Платонова, так и других приняты.

О чем доношу вашему превосходительству.

Пристав Н и к и т и н

ЦГИАЛ, ф. Канц. мин. внутр. дел, 1910 г., д. 158, л. 3.

14

РАПОРТ ПРИСТАВА 4-го УЧАСТКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЧАСТИ ПЕТЕРБУРГА ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ЗАБАСТОВКЕ РАБОЧИХ СИТЦЕНАБИВНОЙ ФАБРИКИ ЛЕОНТЬЕВЫХ

11 ноября 1910 г.

Сего 11 ноября рабочие ситценабивной фабрики бр. Леонтьевых, что в доме № 31/33 по набережной реки Ждановки, в составе 300 человек денной смены, окончив в $11^1/_2$ час. дня работу и выйдя из ворот фабрики, спокойно разошлись по домам, заявив управляющему фабрикой, что они окончили работу на $^1/_2$ часа раньше, желая почтить память умершего графа Льва Толстого.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Пристав В. К а с а т к и н

ЦГИАЛ, ф. Канц. мин. внутр. дел, 1910 г., д. 148, л. 4.

15

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «КАТЯ» к М. Я. ЗИЛЬБЕРБЕРГУ (В ТИФЛИС)

Петербург. 11 ноября 1910 г.

Не поддается описанию все то, что происходит теперь в Петербурге после смерти Толстого. Теперь только и начинается настоящая бурная жизнь, не то что в сонном, пьяном Тифлисе. Полиция зверски расправляется и с нами, и с студентами, но это ей так не пройдет, настроение боевое, и все начинается так, как в 1905 г. Старики-студенты очень довольны и еще энергичнее стали разжигать молодежь. Смерть Толстого подымет новую, страшную бурю в России, вот увидишь...

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 88. Перлюстрационная выписка.

16

ИЗ ПИСЬМА А. Р. ВАЛЬДЕСА к П. Я. ВИНТЕНУ (В МОСКВУ)

Петербург. 11 ноября 1910 г.

Наступает опять 1905 год, пока действуют одни студенты, но есть надежда, что примкнут к нам и другие слои общества. Проснулись от спячки, и поднимается опять яркое пламя революции. Хотя в настоящее время в Петербурге демонстрации прошли не вполне удачно, быть может, и еще потерпим неудачи, но мы не унываем и твердо верим, что скоро наступит день, когда и на нашей улице будет праздник. Студенчество готово бороться каждый момент за свои светлые идеалы. Придет девятый вал, который смоет настоящий режим и его представителей, и тогда наступят светлые дни новой жизни для всего населения России, для этого нам необходимо сплотиться и действовать заодно.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 9. Перлюстрационная выписка. Перевод с литовского.

17

ИЗ ПИСЬМА СТУДЕНТА ПЕТЕРБУРГСКОГО ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В. П. ГАРИНА к А. П. ЯКОВЛЕВОЙ (В МОСКВУ)

Петербург. 11 ноября 1910 г.

Вы, конечно, уже из газет знаете, как реагирует Петербург на смерть Толстого. К сожалению, в большинстве случаев все наши уличные демонстрации не удавались. Надо было видеть рожи этих солдат: бледные, остервенелые, трясущиеся от злости и кричащие: «Расходись». Я никогда в жизни еще не был свидетелем ничему подобному. Было что-то дикогнусное в поведении низших агентов, действовавших, и чрезмерно-подлое — высших, не присутствовавших явно, но чувствовавшихся за спинами этой полицейской и жандармской опричнины.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 10. Перлюстрационная выписка.

18

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ТВОЙ В.» к Л. Н. РАДЧЕНКО (В ПЕТЕРБУРГ)

Вена. 12 ноября 1910 г.

Демонстрация по поводу смерти Л. Толстого — первая после 1905 г., и хочется верить, что мертвая точка нами пройдена. Пусть будет много

плохого и мало удач, пусть дело идет медленно, но только бы видеть, что мы идем вперед, что общество начинает вылезать из реакции...

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 53. Перлюстрационная выписка (дается в сокращении).

19

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО С ПОДПИСЬЮ «СУПРУГ» К З. Н. БАКОВОЙ (В ОДЕССУ) С ПРИЛОЖЕНИЕМ КОПИИ ПИСЬМА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Петербург. 12 ноября 1910 г.

Настроение растет и крепнет,— как хорошо! Я, точно чайка, купаюсь во всех этих известиях. Хорошо и радостно! Дай бог, чтобы спячка, нагнанная отвратительной реакцией, пришла к концу, и все зажило так, как в 1905 г. Умереть не будет жаль за светлое и хорошее,— своя жизнь не удалась, так поработаем для других. Во мне трепещет каждый нерв. Вот так, я понимаю, жить. Пусть все спавшие душой воспрянут, подымут голову и с поднятой головой заявят, что не желают быть скотами... Настроение в городе очень приподнятое — пахнет грозой... Хорошо!

Правительство потребовало от устраивающих заседания и лекции в память Толстого ни звука о правительстве, о Св. синоде и их отношении к Толстому и его отношении к ним. Назначенные лекции ими совсем отменяются или идут с полицией и жандармами, и за каждое слово — вас в участок... Посыпался ряд отказов [37]: Венгеров не хочет говорить, Мережковский [38], Леонид Андреев — тоже. Он возмутился и написал отказ, который я вам посылаю, а вы передайте Ник... и Детенышу, он же в университет. Везде будет пущен этот отказ, но в газетах его не напечатают по нынешним временам [39].

«Я считаю для себя за честь приглашение участвовать в публичном собрании, посвященном памяти Льва Николаевича Толстого. Но давая согласие на выступление в качестве одного из ораторов, я не предвидел той совершенно недопустимой обстановки, при которой означенное собрание состоится.

При тех условиях:

что на улицах происходит избиение молодежи, желающей выразить свое уважение и благодарность к почившему учителю; что на предполагаемом собрании речи вводятся в крайне узкие рамки: ораторы обязуются не говорить ни о Синоде, ни об отношении Льва Николаевича к правительству, ни о его протесте против смертной казни, ни о всем том, следовательно, что составляет общественную сторону деятельности усопшего;

что воспрещается возглашать Толстому вечную память;

что ответственность за сказанное падает не на сказавшего, как это должно быть, а на распорядителя вечера М. Ковалевского, чем внутренняя связанность ораторов возводится почти в прямую невозможность говорить искренно и прямо,— от участия в вечере 13 ноября [40] я отказываюсь. Глубоко убежден, что в этом случае я только следую заветам великого Толстого, который требовал от людей во всех обстоятельствах их жизни прямоты и правды. Не может быть прямоты и правды там, где искренняя и наиболее горячая любовь к почившему натыкается на обнаженную шашку жандарма, а вдохновение ораторов сводится в узенький рукав дозволенного полицией красноречия. Леонид Андреев. 12 ноября 1910 г.»

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 79. Перлюстрационная копия.

20

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «БОРИС» к С. С. ГОРБАЧЕВСКОЙ (В МОСКВУ)

Петербург. 12 ноября 1910 г.

Дальнейших демонстраций ждать не приходится, но события пока еще не завершились. Сходка [41] была неразрешенная, могут последовать репрессии, и это не останется без протеста. Время, разумеется, неудобное для протестов, ибо экзамены скоро поглотят все внимание, и сходки будут, вероятно, малолюдны. От Кассо надо ждать нападения [42]. Говорят, при прощании с Мануиловым он изрек такие афоризмы [43]: 1) у нас действует устав 84-го года [44], 2) забастовок не люблю, 3) для успокоения ни перед чем не постою. На сходке [45], решившей демонстрацию, говорили о рабочих, которые будто бы придут на Невский. Это оказалось брехней, так хорошо знакомой по прежним студенческим движениям — и это, по-моему, скверно. Нужно же теперь понимать, что нельзя за рабочих решать, что не так просто в будний день рабочим покинуть свои заводы, что рабочие не пойдут на студенческие демонстрации. Впечатления от Невской демонстрации самые различные. Говорят, что она не удалась. Только благодаря мягкому отношению полиции продержались демонстранты столько времени. При приближении жандармов и полиции публика разбегалась без оглядки. Но в центре можно было увидеть и организацию, и стойкость...

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 22. Перлюстрационная выписка (дается в сокращении).

21

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ОБ ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ К ДЕМОНСТРАЦИИ 11 НОЯБРЯ 1910 г.

12 ноября 1910 г.

По полученным агентурным сведениям, общий отзыв студенчества и общества, что демонстрация 11 ноября не удалась. Причиной неудачи считают не только действия полиции, но, главным образом, отсутствие надлежащего настроения в самой студенческой среде. Неудача же демонстрации выразилась в пассивности собравшейся на Невском публики: во многих местах 5—6 конных жандармов останавливали и разгоняли толпу в несколько сот человек.

Вечером 11 числа в редакции «Русского богатства» состоялось собрание для обмена впечатлениями по поводу происшедшего. Все сходились на мысли, что демонстрация не удалась, хотя «хоть какое-нибудь оживление лучше царившего до сих пор застоя».

Елпатьевский [46] рассказывал: «В 11 час. утра я пришел к „Доминику" и занял наблюдательный пост у окна. Уже по настроению ресторанной публики видно было, что чего-то ждут. Все перешептывались, то и дело подбегали к окнам. На Невском запахло концом 1905 г. Когда я увидел первый флажок с надписью „Долой смертную казнь" — я не выдержал и бросился к толпе. На несколько минут создалось сильное воодушевление, но тотчас жандармы разогнали толпу, меня прижали к стене... Затем я прошел до Фонтанки: везде толпится молодежь, но как-то боязливо оглядывается по сторонам. Вообще было гораздо жиже, чем я предполагал. Говорят, что воззвание кадетов [47] внесло в среду студенчества раскол, и удачной демонстрации не ожидали в самом начале».

Пешехонов [48] пришел на Невский в 2 часа и не видел ничего, кроме возбужденных групп.

Петрищев [49] не смог попасть и часа три стоял на Садовой. «Конная полиция разъезжала среди толпы, но избиений я не видел. Толпа, в которой стоял я, была тысячи в две человек, и нас сдерживал десяток полицейских. Достаточно было самого маленького напора, цепь была бы прорвана, и мы были бы на Невском... Но все стояли и чего-то ждали, а потом разошлись».

СТУДЕНЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО, НОЯБРЬ 1910 г.

Фотография

У Казанского собора. На переднем плане полицейские ведут арестованных студентов

Музей Толстого, Москва

Всеми подчеркивается небольшое число неучащейся публики. «Петербургские граждане словно попрятались. Редко где в толпе промелькнет партикулярный, а то все учащиеся».

Общее мнение было таково, что демонстрация не оправдала ожидания и после нее несомненно следует ожидать реакции в настроении.

Так или иначе все были возбуждены и начали расходиться раньше обыкновенного.

В социал-демократическую фракцию беспрестанно поступали известия о событиях в самой разноречивой форме. Приходили рабочие и студенты. В 6 час. вечера началось горячее обсуждение событий.

Впечатление у всех то же самое: демонстрация не удалась, произошло меньше того, что ожидалось.

Ожидали, по крайней мере, расстрелов, избиений в сильной степени. Однако — ни того, ни другого не произошло, так что нет даже материалов для запроса. От 19 предприятий Петербурга получились приглашения

высказаться — что делать? Депутаты в полном недоумении. Срочно запрошен Центральный комитет. Ожидается приезд члена Центрального комитета «Григория» с широкими полномочиями.

Миклашевский [50] доказывает, что «забастовка — абсурд. Она будет так же неудачна, как и демонстрация. Больше того — она даже не произведет впечатления. А приглашать рабочих к зданию Думы — гапоновщина и провокация».

Базаров [51] рассказывает, что его впечатление таково, будто демонстрации не было вовсе. «Я видел отдельные попытки устроить демонстрацию, но не самую ее. Как видно, настроение не доросло до выступлений. Подождем, чтобы не испортить дела».

Депутаты, боясь ответственности, высказываются нерешительно. Постановлено для ознакомления с настроением обратиться к представителям рабочих.

Собравшиеся разошлись с тяжелым, растерянным чувством. Ожидают повальных обысков и арестов.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник фон Коттен

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 60—61 об.

22

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ВОЛНЕНИИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГА 12 НОЯБРЯ 1910 г.

12 ноября 1910 г.

Согласно принятого на вчерашней сходке студентов С.-Петербургского университета решения о созыве новой сходки на 12 сего ноября таковая действительно состоялась сегодня в час дня в актовом зале, причем собравшиеся на сходку разрешения на устройство таковой у университетского начальства не испрашивали. После избрания президиума, в состав которого вошли Мануйлов, «Карл» и третий студент, личность которого пока не выяснена, председатель «Карл», открыв сходку, объявил собравшимся выработанный университетской фракцией социалистов-революционеров порядок дня: 1) вопрос о вчерашней демонстрации и последующая тактика студенчества; 2) вопрос об арестованных товарищах и 3) вопрос о «Коалиционном комитете», распоряжавшемся и руководившем будто бы вчерашней демонстрацией [52]. Кроме того, был поднят вопрос о действиях председателя вчерашней сходки студента Мясоедова, но по требованию некоторых участников сходки этот вопрос был отклонен. Первым на трибуну всходит представитель конституционно-демократической фракции Борис Шацкий и делает заявление о ненужности и незакономерности самой сходки. За ним следуют такие же заявления еще двух студентов. В этот момент в зале появляется проректор университета и, взойдя на кафедру, начинает убеждать студентов разойтись, но на его слова никто не обращает внимания. Выступает с речью представитель фракции социалистов революционеров студент «Корень» (партийная кличка) и убеждает продолжать сходку: «Необходимо, товарищи, логически необходимо продолжать сходку в целях выяснить результаты вчерашней демонстрации, в противном же случае зачем было ее устраивать...». Речь «Кореня» была прервана появлением в зале ректора университета, который обратился к собравшимся с просьбою разойтись, в противном случае через 10 минут будет введена в зал полиция. Некоторые из участников сходки струсили и стали быстро уходить. «Карл» стал успокаивать сходку и просил остаться, предложив в то же время перенести сходку на 13 ноября в 12 часов дня. Пред-

ложение сходкой принимается. Вслед затем в зал входит полицейский наряд с полковником Галле во главе. Появление полиции сходка встречает шумом, криками и свистом, а весь президиум спасается из зала бегством, во время которого председатель сходки «Карл», разбив окно, выскочил в коридор. На предложение полковника Галле разойтись студенты выразили согласие, но при условии, чтобы прежде полиция очистила университет. После продолжительных переговоров полковник Галле сделал распоряжение вывести полицейский наряд из здания университета, и когда это было сделано, то сходка немедленно же разошлась. Число студентов, участвовавших на этой сходке, составляло до 5000 человек. Кроме «Кореня», «Карла», Мясоедова и Шацкого, на сходке выступали ораторами студенты Виктор Аполлонов, Николай Ребровский, Героним Гиллер и Мануйлов.

Сегодня же, 12 сего ноября, состоялась студенческая сходка в чертежной механического отделения Политехнического института, в которой участвовало около 150—200 студентов. Председательствовал студент механического отделения Павел Андреев Павлов. На сходке обсуждался вопрос о дальнейших шагах студенчества, причем было решено избрать представителей от разных организаций института, компетенции которых и поручить решение этого вопроса. Ораторствовали на сходке вышеупомянутый Павлов и Марцелий Петрашкевич.

В прочих столичных учебных заведениях занятия 12 сего ноября шли нормальным порядком. Наблюдается охлаждение к дальнейшим выступлениям: за исключением университета, все высшие учебные заведения, даже Высшие женские курсы, не склонны принимать участие в демонстрации 14 ноября, если таковая состоится. Вместе с тем среди учащихся циркулируют слухи, что девятый день смерти Л. Толстого, именно 16 сего ноября, может быть отмечен однодневной общей забастовкой всех фабрик, заводов и учебных заведений. Кроме того, в некоторых учебных заведениях поднят вопрос о сборе денег в уплату штрафа, наложенного с.-петербургским градоначальником на участников вчерашней демонстрации. Об этом обложении студенчества говорил на сходке «Карл», заметивший, что, если некоторые товарищи пожелают отсидеть 14 дней в целях не приносить правительству материальных выгод, то следуемые к уплате за них деньги лучше всего пожертвовать на «Красный крест».

В течение дня 12 сего ноября работы на всех фабриках и заводах столицы производились обычным путем.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник фон Коттен

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 70—71.

23

(В МЮНХЕН)
ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «Р. С.» к С. Н. ГЕРЦЕВОЙ

Петербург. 13 ноября 1910 г.

На общестуденческую сходку 12.XI [53] явилась полиция и арестовала несколько человек, на которых теперь собирают деньги. Нужно около 2000 р. Смерть Толстого послужила предлогом к политической борьбе. У нас на курсах в память Толстого была гражданская панихида, на которой говорились интересные речи, хорошо говорил Овсянико-Куликовский [54] и многие из курсисток. Вся учащаяся молодежь взволнована, настроение приподнятое. Сегодня на сходку к нам решила проникнуть полиция, но мы постарались поскорее вынести резолюцию, обсудить некоторые спешные вопросы и разойтись.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 36. Перлюстрационная выписка.

24

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ВОЛНЕНИИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГА 13 НОЯБРЯ 1910 г.

13 ноября 1910 г.

Настроение учащейся молодежи в столичных высших учебных заведениях выразилось 13 сего ноября сходками, происходившими в университете, Политехническом, Горном и Психо-неврологическом институтах и Высших женских курсах; в прочих высших учебных заведениях занятия шли обычным порядком.

В университете до часу дня занятия происходили, но крайне вяло. В коридорах группы студентов вели беседы о происходивших демонстрациях, обменивались мнениями о дальнейшей тактике студенчества, но в общем чувствовалась разногласица. Ровно в 2 часа пополудни актовый зал переполнился студентами, и сходка объявлена открытой без разрешения учебного начальства. Последовали выборы президиума. Выбранными оказались студенты Коренев (он же «Корень»), Шабунин и Мануйлов. Порядок дня объявлен был следующий: 1) итог и значение манифестации на Невском проспекте и 2) дальнейшая тактика студенчества. Выступившие затем ораторы — Моисей Борисов Файнберг (партийная кличка «Аркадий Ленский»—член фракции социалистов-революционеров), Богдасар Богдасаров, Николай Аполлонов и Журавлев (личность последнего пока точно не установлена) произнесли речи ярко революционного характера, осуждая в крайне резких выражениях деятельность правительства и призывая на борьбу с ним всех присутствовавших на сходке. По окончании речей предложена была Файнбергом на решение сходки нижеследующая резолюция: 1) прекратить студенческие выступления впредь до появления на улице пролетариата. Тогда и они выступят, но уже не как толстовцы, а как революционная молодежь; 2) вести всеми силами борьбу против смертной казни и 3) подготовлять вооруженное народное сопротивление противодействию войск и полиции. Так как к этому времени к зданию университета прибыл значительный полицейский наряд, то проректор профессор Андреев, явившись в актовый зал, просил собравшихся на сходку немедленно разойтись, в противном случае в университет будет введена полиция; сходка сейчас же исполнила просьбу проректора, приняв без обсуждения постановление собраться в первые дни следующей недели. В момент принятия сходкой решения разойтись в зал поспешно вошел один студент и сообщил, что завтра рабочие десяти заводов выйдут на улицу.

В Горном институте в некоторых аудиториях и коридорах еще с утра студенты вывешивали объявления с приглашением собраться на сходку в 2 часа дня для обсуждения событий, происшедших в последние дни. Директор института приказывал срывать вывешенные объявления и уничтожать. Тем не менее, в 4 часа дня сходка состоялась без разрешения директора; всего присутствовало около 500 студентов. На сходке сперва был прочитан делегатами, командированными в Ясную Поляну, отчет, а затем обсуждался вопрос о форме выражения протеста против смертной казни. Так как при объяснениях директора Горного института с полковником Галле первый взял на свою ответственность все последствия сходки, то заготовленный у Горного института полицейский наряд в здание института не был вводим. Сходка в Горном институте продолжалась до 7 час. 25 мин. вечера, закончившись принятием следующей резолюции: «Признавая, что лучшим памятником Л. Н. Толстому, всю жизнь боровшемуся со смертной казнью, является немедленное уничтожение этого зла в России, на родине усопшего мирового гения, мы, студенты Горного института, присоединяем

свой голос к общему голосу всей демократии и студенчества, выразившемуся в уличной демонстрации и протесте левой оппозиции Государственной думы, и призываем все демократическое студенчество сомкнуться вокруг лозунга — „долой смертную казнь“ — путем организованных демонстративных выступлений всех высших учебных заведений и рабочего пролетариата».

В Политехническом институте сегодня вывешены были два объявления: 1) от имени «Коалиционного комитета 16 высших учебных заведений» к студентам-политехникам: не делать отдельных выступлений, а ждать ввиду возможности устройства демонстрации в ближайшем будущем вместе со столичным пролетариатом, почему «Коалиционный комитет» рекомендует товарищам быть готовыми и присовокупить, что решения его морально обязательны для всего студенчества. В целях более успешного проявления в жизнь постановлений «Коалиционного комитета» вчера, 12 ноября, на частных курсовых собраниях были произведены выборы представителей по одному от каждого отделения; 2) объявление, гласящее о созыве к 4 часам дня с разрешения директора общестуденческой сходки для выслушания доклада студентов Андрея Лежнева (с.-р.) и Константина Григоровича, ездивших делегатами в Ясную Поляну, из коих возвратился только Лежнев, а Григорович остался в Москве. После прочтения Лежневым доклада сходка, состоявшая приблизительно из 2000 человек, объявлена была закрытой, но вслед затем объявлена вновь открытой явочным порядком. Последовал выбор президиума, в который вошли: Марцелий Петрашкевич, Борис Кинеловский и вышеупомянутый Лежнев, и двух секретарей — Сергея Зарудного и Александра Ковалевского. Более других ораторствовал Петрашкевич, разъясняя сходке значение возникшего «Коалиционного комитета» и убеждая воздержаться пока от всяких выступлений на улицах, дабы запастись силами для выступления совместно с пролетариатом. Сходка закончилась в 6 часов вечера поставленным на баллотировку вопросом: выражает ли сходка доверие и солидарность «Коалиционному комитету», на каковой получен утвердительный ответ. Расходившимся со сходки студентам сообщалось, что ночью будут получены постановления профессиональных союзов в отношении дальнейшей тактики студенчества и рабочих и что завтра студенты будут оповещены в институте, какие решения приняты «Коалиционным комитетом» и названными союзами.

Сходка (или, вернее, собрание) на Высших женских курсах произошла в целях производства жеребьевки 200 билетов на соединенное заседание культурно-просветительных обществ, состоявшееся сего числа в $8^1/_2$ час. вечера в зале Консерватории. Слушательниц, желавших получить билет, было около 1500, вследствие чего билеты выдавались по жребию. На этой же сходке подымался вопрос о завтрашней демонстрации, но окончательного решения не было вынесено, так как получено было сообщение, что решение этого вопроса зависит от соглашения с рабочими кружками.

Сходкой, состоявшейся сего числа в Психо-неврологическом институте, после краткого обсуждения принято было постановление: «присоединиться к резолюции, которую вынесет пролетариат».

В Женском медицинском институте слушательницы не желают терять времени на обсуждение резолюций, но решили, что когда учащаяся молодежь и пролетариат появятся на улице, то и они выйдут.

Вышеупомянутое соединенное заседание представителей 12 культурно-просветительных обществ в память Льва Толстого (Императорское техническое, Вольно-экономическое, Литературное и др.) действительно состоялось [55]. Зал консерватории, вмещающий до 3000 человек, был совершенно полон. На стенах залы вывешены были объявления с обращением к публике воздержаться от одобрений и нарушений порядка, каковой

действительно не был нарушен. Наиболее выдающаяся по своему содержанию речь была произнесена литератором К. И. Арабажиным, охарактеризовавшим заслуги Л. Толстого в русской литературе [56]. Речь Ф. И. Родичева была чрезвычайно вялой [57]. П. Н. Милюков в своей речи [58], хотя местами и делал намеки на деятельность правительства, но в то же время искоса поглядывал на находившихся в зале чинов полиции. В общем на этом заседании ничего заслуживающего особого внимания не произошло.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник фон Коттен

ЦГИАМ, ф. ДП, 4 дел-во, 1910 г., д. 256, лл. 33—35 об.

25

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ШУРА» к Г. П. ОДАРЧЕНКО (В МОСКВУ)

Петербург. 13 ноября 1910 г.

Что заставило тебя искать здравого смысла, хотя бы и в минимальной дозе, у русской администрации, у русского правительства? Неужели же ты забыл тот факт, что здравый смысл у русской администрации давно похоронен и отсутствие его стало отличительной чертой русского правительства и администрации, за немногими лишь исключениями. Затем, какого беса ты нападаешь на русское студенчество? Враки, брат, все твои нападки. Из-за деревьев ты не видишь леса. Ты говоришь: «В России не осталось ни одного человека, в котором вы не убили бы желания искать и бороться». Да неужели же ты совсем ослеп? Неужели все выступления студенчества питерского, московского, харьковского, киевского и т. д.[59] не доказали, что студенчество имеет еще достаточный запас сил для того, чтобы искать и бороться, что оно умеет не «только кричать на сходках», что оно умеет быть чем-то бóльшим, ⟨чем⟩ «почти синонимом шерамыжничества»? На одной из сходок у нас были произнесены такие слова: «За последние годы наше студенчество в глазах общества стало спускаться с высоты передового бойца в рядах интеллигенции, высоты, на которой оно раньше стояло; но настало время показать, что есть еще порох в пороховницах, что у студенчества есть силы, чтоб снова занять прежнее место и с честью удерживать его за собой». И наше студенчество способно не только «бестолково кричать на сходках», но и сохранить чувство меры в такой момент возбуждения, как сейчас; так, после демонстрации 11 ноября оно остановилось, чтоб не растрачивать понапрасну сил, а выжидать момент, когда эти силы действительно потребуются. Такой момент, может быть, уж и не далек, так как скоро состоится выступление организованных рабочих. Проснись же, Жора, расшевели себя.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. Б, л. 47. Перлюстрационная выписка.

26

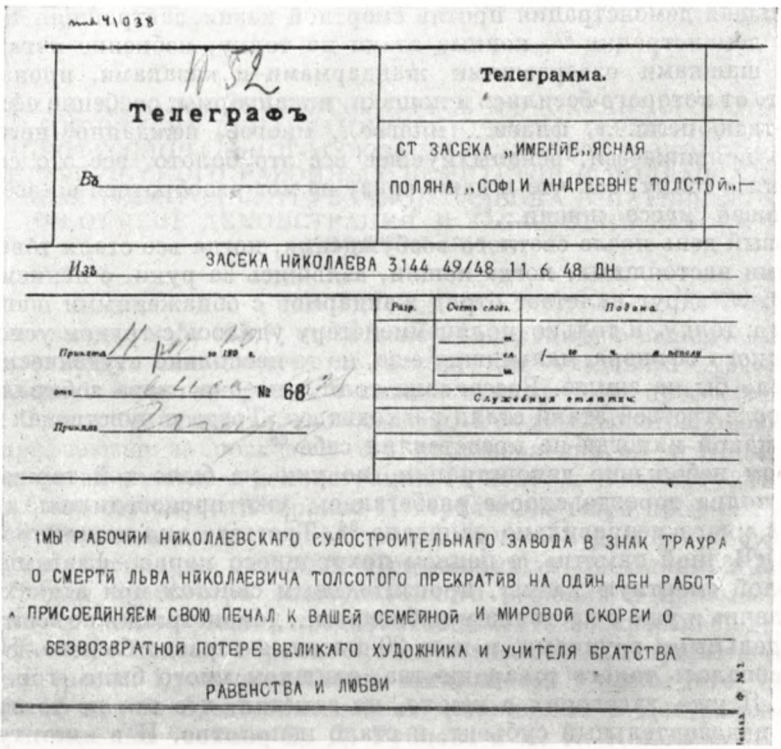
ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «НЮТА» к Д. Н. МЕРХАЛЕВУ (В МОСКВУ)

Петербург. 13 ноября 1910 г.

У нас и не поймешь, что же будет дальше. Универсанты решили ликвидировать «первый этап выступления — демонстрации». Теперь, говорят, нужно идти дальше: нужны организации, организации и организации. Наши медички сегодня решили, что если будет выступление, то нужно

идти. Горняки не хотят молчать, намерены из этой истории создать громадное дело. Между прочим, в университете как социал-демократы, так и социалисты-революционеры стоят за ликвидацию. Вообще же публика переживает маленькое подобие 1905 года.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 45. Перлюстрационная выписка.



Телеграфъ

Телеграмма.

Въ

СТ ЗАСЕКА „ИМЕНИЕ„ЯСНАЯ ПОЛЯНА „СОФІИ АНДРЕЕВНЕ ТОЛСТОЙ„—

Изъ ЗАСЕКА НИКОЛАЕВА 3144 49/48 11 6 48 ДН

Принята 11 XI 10 г.

№ 68

Принял

Разр. | Сдать слова | Подана

Служебныя отмѣтки

МЫ РАБОЧИЙ НИКОЛАЕВСКАГО СУДОСТРОИТЕЛЬНАГО ЗАВОДА В ЗНАК ТРАУРА О СМЕРТИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСОТОГО ПРЕКРАТИВ НА ОДИН ДЕН РАБОТ ПРИСОЕДИНЯЕМ СВОЮ ПЕЧАЛ К ВАШЕЙ СЕМЕЙНОЙ И МИРОВОЙ СКОРЕИ О БЕЗВОЗВРАТНОЙ ПОТЕРЕ ВЕЛИКАГО ХУДОЖНИКА И УЧИТЕЛЯ БРАТСТВА РАВЕНСТВА И ЛЮБВИ

ТЕЛЕГРАММА РАБОЧИХ НИКОЛАЕВСКОГО СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА НА ИМЯ С. А. ТОЛСТОЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ТОЛСТОГО, 11 НОЯБРЯ 1910 г.
Архив Толстого, Москва

27

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ВАШ ГОРЕШИ» К А. А. ЭНФИАДЖИАНЦУ (В ТИФЛИС)

Петербург. 13 ноября 1910 г.

На сегодняшней сходке решено присоединиться к рабочим, которые намерены на днях устроить свою демонстрацию. Тут уже придется очень худо. Лично я решил не участвовать более ни в каких демонстрациях, а тем более в предполагаемой, где несомненно прольется кровь; я против такого способа борьбы. Одним словом, ожидается что-то крупное, страшное и невиданное. Во всех высших учебных заведениях сходки, тайные совещания. Брожение сильное, настроение приподнятое.

Вопрос о забастовке еще не поднимался [60], а если он и возникнет,— я думаю решение будет отрицательно.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 55. Перлюстрационная выписка.

28

ПИСЬМО С ПОДПИСЬЮ «КОСТЯ» к С. ЛЕВИНОЙ (В ВАРШАВУ)

Петербург. 14 ноября 1910 г.

Дорогая Соня! Лишь теперь я почувствовал смерть Толстого, а отчасти понял... Сходки, «Вечная память», демонстрации, панихиды по Толстом, большая демонстрация против смертной казни, завтрашняя предполагаемая демонстрация [61], конные атаки на толпу, избиение нагайками, избиение шашками озверевшими жандармами и казаками, пронзительный свист, от которого бесились и лошади, и жандармы, особенно офицеры, «Вы жертвою пали...», флаги... многое... многое, нежданно, негаданно откуда-то появившееся, всколыхнувшее все это болото, все это сначала сбило меня с толку, так что я даже сразу не мог разобраться во всей этой нахлынувшей массе жизни...[62]

В первый день после светлого возбуждения, когда все стали товарищами, самыми настоящими, когда пошли, взявшись за руки, с пением «Вечной памяти», вдруг налетает отряд жандармов с обнаженными шашками, врезается в толпу, и только полицеймейстеру удалось с трудом успокоить жандармского офицера, мальчишку еще, не то несколько студенческих голов слетело бы на землю. Рассеивали толпу, но она снова собиралась, и только после третьей атаки стали расходиться. Тогда я чувствовал такую радость, какой никогда не представлял себе [63].

Вечером небольшие демонстрации, но уже не было той торжественности, и толпа гораздо скорее разбегалась, уже производились аресты. В газетах много неправильно написано [64]. Третьего дня демонстрация [65] была без «Вечной памяти», с пением похоронного марша, флагами, криками «долой смертную казнь», пронзительным свистом при атаках, криками «палачи» и уже с настоящим избиением... демонстрация по всему Невскому отдельными группами, и не в 20 тысяч, а гораздо больше. Но уже не чувствовалось такого товарищества, слишком много было «гороховых пальто»... Я уже заговорил с кем-то, но заметил, что это не товарищ, а какой-то подозрительный субъект, и стало неприятно. И в институте теперь, да и везде — масса всевозможных подозрительных личностей... Но все это только начало громадного движения, только первые, еще слабые, вспышки... и пойдет это теперь все дальше и дальше... Впрочем, возвышенные чувства, эта восторженность, уже после первой демонстрации исчезли после того, как я видел действия жандармов... Но теперь наступило серьезное отношение к событиям... Все это, конечно, не составляет смысла жизни, но придает какую-то жизненную окраску самой жизни. Завтра демонстрация против смертной казни, потом будут еще и еще... все это очень серьезно и не похоже на всю предшествующую жизнь. И это везде: в Киеве, Москве, Варшаве. Тут началась жизнь в таких учреждениях, которые никогда ни о чем подобном не слыхали, как, например, в Путейском институте, хотя до сих пор из него выдвинулись лишь два студента-провокатора.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 85. Перлюстрационная копия.

29

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ТАРАС» к И. ПЛАМЕНЕВСКОМУ (В ТИФЛИС)

Петербург. 15 ноября 1910 г.

...Смерть Толстого перевернула все вверх дном. Стало очень неспокойно. Идут усиленные совещания, чтобы устроить грандиозную демонстрацию студентов с рабочими [66]. Дело едва ли выгорит, потому что сразу

на сцену выплыла небывалая провокация и уже многие зачинщики поплатились [67]. На Бестужевских курсах уже уличили одну курсистку как провокаторшу. Такие факты страшно озлобляют публику, и страсти разгораются. Во всяком случае, горючий материал есть. Если его опытной рукой раздуть, то пожар неминуем...

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 465, л. 55. Перлюстрационная выписка (дается в сокращении).

30

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О РЕШЕНИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА МЕТАЛЛИСТОВ ВЫБОРГСКОГО, ПЕТЕРБУРГСКОГО РАЙОННЫХ КОМИТЕТОВ И ПОДРАЙОННОГО КОМИТЕТА РСДРП ТРУБОЧНОГО ЗАВОДА В ПЕТЕРБУРГЕ ОБ ОТМЕНЕ ДЕМОНСТРАЦИИ И ЗАБАСТОВКИ РАБОЧИХ 14 НОЯБРЯ 1910 г.

16 ноября 1910 г.

В дополнение к № 185 [68] от 12 ноября докладываю вашему высокопревосходительству нижеследующие агентурные сведения. Арест членов Центрального бюро профсоюзов вызвал панику [69]. В профессиональных союзах боятся за существование союзов. Всюду слышатся нарекания на бюро профсоюзов за последнее его постановление об агитации членов профсоюзов за участие в демонстрации 14 ноября. В субботу, 13 ноября, должно было состояться собрание Центрального бюро профессиональных союзов с участием члена социал-демократической фракции Государственной думы (насколько известно, Предкальна) и представителей от учащихся [70] для пересмотра вышеуказанного решения о призыве рабочих к участию в демонстрации, предполагавшейся в воскресенье, 14 ноября, на Невском проспекте. Собрание это не состоялось за неприбытием членов, ввиду их ареста. Правление Союза металлистов [71] после того, как стало известно об аресте представителей от металлистов в Центральном бюро профессиональных союзов В. Д. Рубцова и А. К. Каменева 13 ноября, единогласно высказалось против всяких демонстраций.

Постановление гласит: «Пролетариат должен строить свою тактику не на основании минутных настроений студенчества, а руководясь точным научным учетом экономического положения страны». Выборгский и Петербургский районные комитеты местной организации РСДРП и подрайонный комитет трубочного завода приняли по предложению агента ЦК «Андрея»[72] (ныне арестованного) следующую резолюцию.

«Полагая, во-первых, что всякое открытое уличное выступление широких народных масс неизбежно поведет в современных политических условиях к вооруженному столкновению с войсками; во-вторых, при почти полном отсутствии в данный момент серьезной организованности, хотя одних только верхов пролетариата, рабочие массы совершенно не способны дать вооруженной силе правительства вооруженный массовый отпор; в-третьих, что уличная демонстрация при таких условиях несомненно приведет только к кровавой бойне безоружных рабочих масс и вызовет полный разгром существующих рабочих организаций; в-четвертых, что это может крайне вредно отразиться на общем ходе пролетарского движения, и снова надолго затормозит начавшееся оживление в рабочей среде; в-пятых, что сознательный революционный пролетариат может решиться на массовое выступление только тогда, когда это выгодно ему, а не его врагам, собрание высказывается против предполагаемой массовой рабочей демонстрации в данный момент и призывает товарищей рабочих усиленно готовиться к будущей борьбе с существующим политическим строем путем

энергичной, организованной работы по возрождению нелегальной социал-демократической партийной организации».

Резолюция эта была оглашена также на собрании Василеостровского отдела Союза металлистов. Настроение собрания было настолько подавленное, что боялись даже начать ее обсуждение. Высказались в общем против демонстрации, но сами резолюции никакой не приняли.

АТ, д. 9401/14, лл. 270—271.

31

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ЗИНА» К Е. Н. ПЛАКСИНОЙ (В МОСКВУ)

Петербург. 16 ноября 1910 г.

Сегодня подписала протест от Бестужевских курсов против смертной казни. Вчера на сходке решили, что это пока один способ выражения нашего негодования. Демонстрация не удалась [73]. Сначала было решили, что выступим в воскресенье, но рабочий союз разбил надежды, отказавшись участвовать. Одним же выступать не нашли возможным. Таково было решение общегородского коалиционного совета, состоящего из представителей всех учебных заведений, за исключением, к сожалению, самого большого — университета, который, неизвестно почему, не послал своего депутата в совет. Потому ли, что не имел организации, или просто захотел действовать самостоятельно, так и не выяснилось до сих пор [74]. Вот будет соорганизован новый совет, увидим, войдут ли универсанты или останутся верны себе. С сегодняшнего дня, как видно, все пошло по-старому. Только проявился интерес к партийной борьбе. Захотелось познакомиться с различными партиями. Как ни стыдно, а приходится сознаться, что еще мало тех общих сведений, которых я нахваталась в 1905 и 1906 годах. Поэтому ставлю себе задачей как можно скорее обстоятельно познакомиться со всеми партиями, и когда изучу их, смогу вступить в какую-либо, может быть, и для меня найдется хоть черная работа. Пока скажу тебе о своих впечатлениях от партийных депутатов. Во-первых, мне показалось странным, что всякая выступившая и выступавшая социалистка-революционерка имела какой-то придавленный вид. У каждой из них на лице какое-то недовольство, точно их придавили, уничтожили, забили. У меня сложилось понятие, что товарищи социалисты-революционеры должны быть добрые, веселые, верящие в свою идею, говорящие зажигательные речи, и вдруг полная противоположность. Совсем другое социал-демократы, даровитый народ, нет в них той угрюмости. Свои мысли они ясно и смело распространяли на сходках, не прибегая к бесконечным воззваниям.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. Б, л. 59. Перлюстрационная выписка.

32

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ОЛЯ» К О. В. ТАРХАНОВОЙ (В ТИФЛИС)

Петербург. 16 ноября 1910 г.

Во всех высших учебных заведениях столицы было решено не выступать на демонстрации, особенно такой, которая совсем не подготовлена. Но универсанты держались все время отдельно и заварили кашу. Вынесли даже такую дикую резолюцию: «Бороться не только против смертной казни, но и вообще за осуществление революционных идей»!! Страшная лег-

комысленность. Ни одно заведение не высказалось еще в таком духе. Ну какая там революция? Это прямо безумие!

У нас снова действует, как в 1905 году, «Коалиционный общестуденческий совет». Он служит для сношений между всеми высшими учебными заведениями. Учреждение, конечно, нелегальное. С наших курсов выбрано туда две. Фамилии «советчиков» строго конспирируются. Совет этот уже постановил, чтобы студенчество не выступало в самостоятельных демонстрациях, а только вместе с рабочими и пролетариатом.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 465, л. 56. Перлюстрационная выписка.

33

ПИСЬМО Е. МАТУСЕВИЧ к А. Ф. МАТУСЕВИЧ (В ТОМСК)

Петербург. 17 ноября 1910 г.

Дорогие папа и мама! Простите, что долго не писала вам, время было такое беспокойное, захватывающее. Смерть Толстого вызвала брожение среди людей, в особенности молодежи. Все мы волновались ужасно, каждый день у нас собирались сходки, вырабатывали программу чествований Льва Николаевича. Послали Черткову телеграмму приблизительно такого содержания: «Мы, курсистки курсов Лесгафта, глубоко скорбим о незаменимой утрате светоча жизни, народного печальника и друга, будителя человеческой совести и борца против насилия и произвола». Затем решили послать телеграмму, деньги на стипендию в сельскую народную школу. Кроме того, две курсистки на свой счет ездили делегатами в Ясную Поляну хоронить Льва Николаевича. Через некоторое время мы вместе с профессорами чествовали Льва Николаевича. Профессора очень много говорили о нем, особенно хорошо говорил Морозов: замечательно просто, но глубоко и содержательно, он был в Ясной Поляне и знал лично Льва Николаевича [75]. В нашей аудитории стоял во время чествования бюст и портрет, которые мы очень хорошо украсили цветами и зеленью на свой счет. Всеми силами мы старались устроить Толстому гражданскую панихиду. Все собрались в Армянской церкви, там отслужили панихиду; затем, выйдя из церкви, мы все запели «Вечную память», вышли с пением на Невский проспект, полиции — тьма, она просила замолчать нас и разойтись. Никто, конечно, не обращал внимания, пели еще дружнее, воодушевленнее. В конце концов появилась тьма полиции, целый конный отряд жандармов с шашками наголо, которые ехали прямо на нас, не разбирая. Через несколько минут наше шествие разбили и разогнали всю молодежь [76]... Затем молодежь устроила демонстрацию против смертной казни. Толпа была в семь тысяч человек. Впереди несли флаги с надписью «Долой смертную казнь». Казаки нагайками и жандармы опять разогнали демонстрацию [77]. Я в демонстрации не участвовала, но наших курсисток было много. Многих арестовали, несколько есть раненых, хотя и в очень легкой форме. На курсах у нас брожение не обильное. Разделились все на партии, я в социал-демократической, которая преобладает, у нас больше половины эс-деки. На сходке мы решили, что выступать демонстрацией не будем, но если и рабочие примкнут к демонстрации, и все высшие учебные заведения будут принимать в этом участие, то и мы будем. Затем мне удалось побывать на чествовании Льва Николаевича, светильника науки и литературы [78]. Это чествование было в консерватории, говорили и читали рефераты: М. Ковалевский [79], Овсянико-Куликовский [80], Арабажин [81], Андрианов [82], Милюков [83], Фальборк [84], Родичев [85]. Особенно хорошо г ворил Милюков и Родичев. Фальборк читал реферат и по содержанию своему самый радикальный из всех речей. Должны были еще

говорить Л. Андреев, Мережковский, Зарудный [86] и т. д., но не говорили, боясь ограничения от цензуры и полиции [87]. Все, как один человек, почтили память Л. Н. Толстого вставанием. Публики было масса. Нам на курсы Ковалевский прислал 30 билетов, мы их разыгрывали, но я не получила. Я прошла без билета, зайцем, хотя контроль был страшно строгий, но недаром говорят смелость города берет... Сейчас у нас сравнительно покойно, молодежь вошла постепенно в свою колею.

Женя

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 81, лит. Б, л. 53—53 об. Перлюстрационная копия.

34

ИЗ ПИСЬМА БЕЗ ПОДПИСИ к П. К. КАРТАВЦЕВУ (В МОСКВУ)

Петербург. 20 ноября 1910 г.

Сегодняшнее письмо К. к нашим девицам заставило меня поспешить с ответом. Из письма К. видно, что у вас «толстовские дни» не прошли спокойно. У нас тоже после очень эффектной и совершенно студенческой демонстрации, бывшей гораздо более импозантной и удачной, чем это можно было бы судить по газетам, начались всякого рода репрессии. В связи с слухами о готовящейся на воскресенье рабочей демонстрации был произведен целый ряд арестов, почему-то среди деятелей профсоюзного движения; арестовано несколько секретарей и членов профсоюзов [88], полицией затребован список членов профобщества и клубов. Дело пахнет закрытием.

Сама по себе демонстрация была показательна и симптоматична. Она несомненно свидетельствует о некотором переломе в настроении и прекращении боязни «улицы» как среди студентов, так и среди пролетариев. Движение сейчас как будто заглохло, и все уже входит в свою колею, но это не важно. У рабочих сейчас, по-видимому, продолжается некоторое возбуждение, собираются подписи под резолюциями, идут сборы на увековечение памяти Толстого. Но разыгравшиеся события обнаружили очень ярко нашу собственную растерянность, отсутствие организованности и пр., и теперь несомненно ускорят (по крайней мере здесь) процесс политической консолидации, о которой мы говорили.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 31. Перлюстрационная выписка.

35

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «А» к М. С. ДЕШЕВОМУ (В КИЕВ)

Петербург. 22 ноября 1910 г.

Толстовские события подействовали на меня потрясающе. Теперь все это улеглось, и я снова работаю вовсю, по крайней мере хочу работать.

Теперь об окружающих условиях. Все были выбиты из колеи, потеряли головы и готовы были на что угодно. Однако все успокоились теперь. Партийная публика приступила к работе. Собираются объединить все студенчество в протест против смертной казни. От демонстраций серьезных придется отказаться. Будет открыто петиционное движение с протестом против смертной казни по всей России. К голосу общества присоединит свой голос и студенчество. О выступлениях на улицу говорить не приходится. 1905 год у всех еще в памяти, и желающих подставлять спины под нагайки не так-то много.

На мой личный взгляд, смерть Толстого подействовала так сильно на русское общество потому, что она произошла в тот момент, когда господи-

ном положения оказался Пуришкевич и К°. Со смертью великого человека открывается новый период в истории русской интеллигенции — толстовский. С мыслями Толстого оперируют теперь буквально все: и правые, и левые, и средние,— все и всякий найдет там довод для своих философских выкладок. Вот почему говорят, что много хлопот предстоит правительству с вопросом о чествовании памяти писателя земли русской. Это

СТУДЕНТЫ У ВХОДА В ЯСНОПОЛЯНСКИЙ ДОМ В ДЕНЬ ПОХОРОН ТОЛСТОГО
Кадр из кинофильма Дранкова и Патэ «Похороны Л. Н. Толстого», 1910 г.
Центральный архив кинофотофонодокументов, Москва

огонь, к которому никак нельзя прикоснуться, чтобы не быть обожженным. Можно лишь пытаться погасить этот огонь. Это и делают, но увы! как и всегда, глупо дуют, и от этого он только сильнее разгорается. Да, положение!! Ну, ведь за то и умер-то Толстой.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 91. Перлюстрационная выписка.

36

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ ГРУППЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ, АРЕСТОВАННЫХ В СВЯЗИ С ИХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В «ТОЛСТОВСКИЕ ДНИ»

28 мая 1911 г.

1911 года мая 28 дня в гор. С.-Петербурге я, начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления генерал-майор Клыков, рассмотрев произведенную при вверенном мне управлении в порядке Положения о государственной охране переписку по исследованию степени политической благонадежности: лекаря Минея Хейсина [89], жены технолога Любови Радченко [90], присяжного поверенного Степана Турутина [91],

потомственного дворянина Владимира Бонч-Бруевича [92], Елены Борткевич [93], Михаила Вайнштейна [94], Мануила Гуревича [95], Иосифа Исува [96], Лидии Книпович [97], Федора Липкина [98], Сергея Мгалоблишвили [99], Марии Свечиной [100], Мстислава Цапенко [101], Григория Циперовича [102], Николая Иорданского [103] и Ивана Азарова [104], нашел следующее: начальник С.-Петербургского охранного отделения при отношении от 28 февраля сего года за № 4121, препроводив мне о вышеозначенных лицах переписку, сообщил, что социал-демократическая фракция Государственной думы на одном из своих общих фракционных заседаний в присутствии членов Коалиционного совета высших учебных заведений (членов социал-демократической фракции учебных заведений), представителей от Ц⟨ентрального⟩ б⟨юро⟩ профессиональных союзов, а также и частных сведущих лиц приняла решение возможно шире поднять студенческое движение, начавшееся со дня смерти Л. Н. Толстого, и для поддержки его привлечь к беспорядкам также и рабочих столицы.

Центральное бюро профессиональных союзов на заседании своем 11 ноября минувшего года, исполняя предложение думской фракции, приняло решение об устройстве 14 ноября демонстрации рабочих на Невском проспекте, но ввиду ареста 13 ноября главарей партии [105] демонстрация не состоялась и привлечь рабочих к студенческому движению не удалось.

Тогда думская социал-демократическая фракция решила поддержать уже создавшееся настроение студенчества и вести агитацию в высших учебных заведениях при помощи лиц, близко стоящих к фракции. Ввиду сего на квартирах некоторых членов Государственной думы, а также и сведущих лиц фракции устраивались собрания, на которых присутствовали представители студенчества и от рабочих.

Произведенной С.-Петербургским охранным отделением ликвидацией 9—12 февраля сего года были обысканы и арестованы наиболее активные и сведущие лица думской социал-демократической фракции и лица, имеющие сношения с ней. Причем обыском было обнаружено: у Борткевича — переписка, воззвания и книги в единичных экземплярах социал-демократического характера; у Вайнштейна — брошюры, листки и литература социал-демократического характера; у Гуревича — адреса некоторых членов Государственной думы и сведущих лиц социал-демократической фракции, литература по социальным вопросам; у Липкина — пригласительная записка на заседания в квартиру члена Государственной думы социал-демократической фракции и письмо конспиративного характера; у Радченко — каталоги изданий по рабочему вопросу, причем встречаются названия книг, запрещенных к обращению; у Свечиной — тенденциозное стихотворение и копии с письма Л. Толстого от 15 марта 1901 г.; у Турутина — рукописи по рабочим вопросам, составленные в социал-демократическом духе, циркулярное письмо по поводу составления протеста против смертной казни и переписка с проживающими за границей социал-демократами; у Хейсина — разные заметки по кооперативным и профессиональным рабочим вопросам; у Цапенко — разные записки и заметки по рабочему вопросу; у Азарова — переписка социал-демократического характера и чужие паспорта; у Иорданского — переписка с проживающими за границей социал-демократами; у Мгалоблишвили — заметки по социальным вопросам; у остальных же из вышеназванных лиц ничего имеющего значения для дела не обнаружено.

На допросах никто из привлеченных к настоящей переписке лиц не признал себя причастным к нелегальным организациям [106].

ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1911 г., д. 406, ч. I, л. 2—2 об.

МОСКВА

В Москве, как и в других городах страны, смерть Толстого вызвала широкий общественный отклик. В дополнение к материалам, составляющим публикацию «Московское студенчество и смерть Л. Н. Толстого» («Красный архив», 1935, № 6), мы печатаем документы о подготовке и проведении студенческой демонстрации 14 ноября 1910 г. Демонстрация, проведенная с целью поддержки законопроекта об отмене смертной казни, была наиболее значительным московским событием в «толстовские дни». Серьезный интерес представляют свидетельства о солидарности и совместных усилиях петербургского и московского студенчества в организации этой демонстрации чисто политического характера.

Большое значение для демократического подъема в Москве в «толстовские дни» имели забастовки рабочих 9 ноября 1910 г. В этот день бастовало около 4000 человек, что, по сведениям Московского общества фабрикантов и заводчиков, составляло 27% всего рабочего состава промышленности Москвы (газ. «Утро России» от 10 ноября 1910 г.).

37

РАПОРТ ПРИСТАВА 1-го УЧАСТКА СЕРПУХОВСКОЙ ЧАСТИ МОСКВЫ МОСКОВСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ЗАБАСТОВКЕ В ДЕНЬ ПОХОРОН ТОЛСТОГО РАБОЧИХ ЗАВОДА БР. БРОМЛЕЙ

9 ноября 1910 г.

Доношу, что сего числа рабочие механического завода бр. Бромлей, что по Малой Калужской улице сего участка, в $9^1/_2$ часов утра прекратили работы и без всяких инцидентов вышли с завода. Поводом к прекращению работ послужила кончина графа Льва Николаевича Толстого; между рабочими по подписке производится сбор на венок покойному, инициатором сбора был служащий в токарной мастерской, сын коллежского регистратора Василий Петрович Тихомиров 27 л., живущий в д. № 18 Павлова по Б. Калужской улице 2-го участка Якиманской части; в агитации принимали участие рабочие, поименованные в прилагаемом при сем списке [107]. Порядок нарушен не был.

Пристав Ганзен

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 2290, л. 1.

38

ИЗ ПИСЬМА БЕЗ ПОДПИСИ к Д. И. БЕЗБОРОДОВУ (В СТАНИЦУ ВОЗНЕСЕНСКУЮ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Москва. 10 ноября 1910 г.

Вчерашняя наша демонстрация, когда мы хотели отправиться к дому, в котором жил Толстой, не удалась [108]. Благодаря стараниям полиции мы все были загнаны в участок, где нас переписали. Из Москвы были организованы несколько поездок, но успели пропустить только три поезда, а остальные администрация не разрешила пропускать. Обстановка самая гнетущая. Реакция слишком сильно бьет по нервам. На душе тоскливо уже не от своих скорбей, а от общественных порядков, все вокруг возмущает, и еще труднее и еще печальнее оттого, что нет возможности протестовать,— кругом напирают, кругом попирают,— вот проклятое время. Не жизнь, а прозябание. Да и не знаю, на кого не действует печально эта тяжесть полицейского гнета. Смерть Толстого еще раз дала почувствовать, в каком режиме теперь наша жизнь.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 462, л. 90. Перлюстрационная выписка.

39

АГЕНТУРНАЯ ЗАПИСКА О СХОДКЕ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 12 НОЯБРЯ 1910 г.

13 ноября 1910 г

В 4 часа дня 11 ноября 1910 г. в уборной Московского университета, помещающейся во втором этаже нового здания, состоялось совещание исполнительной комиссии. Было решено созвать Совет студенческих представителей [109] для обсуждения программы действий по поводу чествования памяти Толстого и о возможности проведения в жизнь вопроса об отмене смертной казни. Большинство собравшихся высказалось за устройство легальной сходки и за организацию общестуденческой демонстрации всеми московскими высшими учебными заведениями, а если окажется возможным, то желательно с участием местных рабочих организаций.

12 ноября, около $12^1/_2$ часов дня, находившимися в университете студентами были взломаны двери в аудиторию № 1 юридического корпуса, куда вслед затем проникло до 1000 человек, устроивших там сходку без избрания председателя.

Первым на трибуну взошел студент Гзовский, объявив от имени исполнительной комиссии [110] об открытии сходки, заявив, что исполнительная комиссия, руководствуясь печальным примером вчерашней неудавшейся демонстрации [111] и имея в виду малочисленность настоящего собрания, предлагает сходке разойтись; что исполнительная комиссия сегодня же вступит в переговоры с ректором о разрешении на 13 ноября общестуденческой сходки, добавив к этому: «В случае получения неблагоприятного ответа от ректора исполнительная комиссия предлагает устроить во что бы то ни стало завтра, 13 ноября, явочным порядком сходку для решения и разработки вопроса о политической демонстрации против «смертной казни и административного произвола», закончив, что к устройству этой демонстрации студентов призывает «исполнительная комиссия». Речь Гзовского была принята сходкой крайне несочувственно, среди различных возгласов были слышны слова: «Долой комиссию». Вслед за Гзовским выступил неизвестный студент, представитель социал-демократической фракции, в речи своей присоединившийся к мнению Гзовского. Следующий оратор — представитель социал-революционной фракции, кажется студент Загрубский, заявил, что фракция приложит все усилия для осуществления демонстрации, приглашая в то же время всех присутствующих товарищей откликнуться на ее призыв.

В дальнейшем, в речи социал-демократов (студента Оболенского), кроме призыва, подобного предыдущему, оратор от имени социал-демократической фракции произнес торжественную речь.

После Оболенского получил слово неизвестный по фамилии делегат от Петербургского университета, сказавший приблизительно так: «Петербургское студенчество, выступившее вчера, хотя и неудачно [112], показало, что оно не считается с кадетствующими левыми депутатами, бессильными что-нибудь сделать в эту революционную эпоху, однако оно решило всеми силами бороться с явным реакционным настроением страны. К вам обращаюсь, московское студенчество, как к старшим руководителям политической жизни: поддержите нас организованным выступлением». Приметы делегата: лет 23, среднего роста, белокурый, бледное с крупными чертами лицо, без усов и бороды; одет в рубашку цвета верблюжей шерсти с отложным воротником, широкий черный галстук.

Затем сходка потребовала, чтобы выступил некий студент «Валентин», который, присоединившись к мнению представителя социал-революционной фракции, в горячей речи упрекнул исполнительную комиссию в бездействии и предложил сходке поручить фракциям немедленно избрать

комитет и возложить на него руководительство всеми предстоящими студенческими выступлениями. Напомнив затем московскому студенчеству, что оно всегда шло впереди всех высших учебных заведений по своим начинаниям, оратор призывал и на этот раз показать пример и тем доказать, что стремление к свободе и борьбе с существующим строем в московском студенчестве не умерло. В заключении своей речи «Валентин» обратился с просьбой войти в сношения с рабочими и гражданами московскими для устройства совместных демонстративных выступлений, причем на 13 и 14 ноября указал как на дни, возможные для осуществления таковых.

Относительно устройства в университете сходки 13 ноября «Валентин» заявил: «Если ректором аудитория не будет дана, то ее надо взять». Этой речью общестуденческая сходка закончилась. По окончании ее в коридоре математического факультета состоялось фракционное собрание социалистов-революционеров, в котором приняли участие до 15 человек (в том числе «Валентин»), студенты Переверзев, Мерхолев и Белостоцкий, причем было решено: 1) обратиться к местным рабочим организациям с просьбой поддержать демонстрацию и 2) предложить 13 ноября на утверждение сходки избранный фракциями комитет для руководства всеми студенческими выступлениями. Между прочим, имеется указание о намерении учащихся всех московских высших учебных заведений собраться 14 ноября на Лубянской и Театральной площадях, откуда и устроить демонстративное шествие по направлению к императорскому Московскому техническому училищу.

Кроме того, говорилось, что возможным днем для осуществления предполагаемой демонстрации может быть или девятый день со дня кончины гр. Л. Н. Толстого или же она последует ввиду отмеченного за последние дни крайне повышенного настроения учащихся непосредственно за общестуденческой сходкой 13 ⟨ноября⟩...

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 46, лит. Б, лл. 71—72.

40

ДОНЕСЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ НАДЗИРАТЕЛЕЙ В МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ О СХОДКЕ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 13 НОЯБРЯ 1910 г.

13 ноября 1910 г.

Сего числа в новом здании Московского университета, в юридических аудиториях, в 12 часов дня состоялась неразрешенная общестуденческая сходка, на которой присутствовали несколько человек студентов С.-Петербургского университета, прибывших делегатами от Петербурга.

Резолюцией сходки постановлено устроить уличную демонстрацию завтра, 14 ноября, в 12 часов дня, местом сбора назначена Страстная площадь, на которую к назначенному часу должны собраться студенты небольшими группами, пригласив с собою сознательных рабочих, откуда открыть демонстративное шествие.

В 2 часа дня сходка окончилась, и все присутствовавшие по распоряжению г. градоначальника частями были выпущены из университета.

Всех присутствующих на сходке было до 3000 человек.

Полицейские надзиратели: ⟨четыре подписи⟩

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, л. 156.

41

ПИСЬМО СТУДЕНТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЛЬВОВА К ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И. П. ПОКРОВСКОМУ [113]

Москва. 13 ноября 1910 г.

Письмом в экспертную студенческую комиссию Петербургского университета мы послали копию прилагаемой телеграммы. Очень просим вас также посодействовать в деле ознакомления представителей петербургских учащихся с нашим к ним обращением [114]. В нашем университете повторилась история, подобная петербургской. Явочная сходка [115]. Приход полиции. Наш протест против вторжения полиции и требование ее удаления. Уступка со стороны полиции, которая очистила университет, взяв со студентов честное слово о непродолжении сходки (каковая, к слову сказать, уже была закончена фактически к моменту прибытия полиции). Настроение трехтысячной сходки — революционное. Правда, заметна усилившаяся умеренная группа. После горячих споров была решена демонстрация на завтра [116]. Лично мое мнение — она не удастся. Полиция и жандармерия не допустят к сборному пункту. Она осведомлена лучше самих студентов, ибо газеты вряд ли сообщат завтра о предположенной демонстрации.

По уполномочию сходки студент Л.

Приложение: Копия с телеграммы члену Государственной думы Покровскому.

Сходка Московского университета шлет свое сочувствие и одобрение протесту петербургских учащихся.

Л ь в о в

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 26. Перлюстрационная копия.

42

РАПОРТ ПРИСТАВА 2-го УЧАСТКА ТВЕРСКОЙ ЧАСТИ МОСКВЫ МОСКОВСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ДЕМОНСТРАЦИИ СТУДЕНТОВ 14 НОЯБРЯ 1910 г.

14 ноября 1910 г.

При Тверском полицейском доме 14 сего ноября для содействия полиции на случай выступления демонстрантов был выслан 3-й эскадрон 1-го гусарского Сумского полка под командою ротмистра Висе при поручике Стрельцове и корнете Казакове.

Задача сих воинских чинов состояла в освещении местности — Тверской, Больш. Дмитровки, Петровки и Рождественской улиц путем разъездов. В один из разъездов поручик Стрельцов, возвращаясь из объезда, на Театральной площади наткнулся на толпу демонстрантов численностью, по его словам, до 300 человек, которую удачно рассеял.

Около 3 часов пополудни часть удаленной со Страстной и Театральной площадей толпы, сойдясь на Тверской площади, намеревалась остановиться и начать петь, но тотчас же была рассеяна имевшимися у меня под рукою городовыми участка и частью гусаров, при этом из толпы были задержаны два лица — студенты Московского университета Самуил Лейзеров Вейнберг и Московского инженерного училища Роман Аггеев Шостак, которые находятся в управлении участка до распоряжения охранного отделения.

Все околоточные надзиратели участка с $9^1/_2$ часов утра до 6 часов вечера пополудни находились на улице в разных районах участка для освещения местности и на случай подавления могущих начаться беспорядков.

Подполковник Прутковский

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, л. 15 об.

43

РАПОРТ ПРИСТАВА 2-го УЧАСТКА ТВЕРСКОЙ ЧАСТИ МОСКВЫ МОСКОВСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ДЕМОНСТРАЦИИ СТУДЕНТОВ 14 НОЯБРЯ 1910 г.

14 ноября 1910 г.

Сего числа, около 2-х часов дня, находясь в Большом императорском театре, нам дано было знать, что на площади, против театра, собирается толпа студентов.

Пристав подполковник Бычковский со мною вышел на площадь, и мы увидели толпу студентов человек в 800, идущих от Охотного ряда, и такую же — из Спасского переулка. За ними беспрерывной волной шли еще студенты. Толпа приблизилась к театру, и мною был вызван наряд и приказано было запереть все входы в театр, дабы демонстранты не смогли туда проникнуть, когда их будут рассеивать. Пристав же, вызвав наряд, подошел к толпе и предложил ей разойтись или уйти от театра, чтобы не испугать находящихся там учащихся. В это время над толпой был поднят, по-видимому, агитатор, блондин в серой шляпе, с бородкой, который обратился с такими словами: «Товарищи! Нам не дают собраться, поэтому почтим память Толстого пением и вечною памятью и громко крикнем: „Долой смертную казнь!". А потом пойдем на Лубянку». Над толпой появились белый флаг с надписью «Граждане, организуйтесь» и черный: «Долой смертную казнь». Толпа с пением похоронного марша двинулась к Малому театру. Но тут появились конные наряды со стороны Мюр и Мерилиза, гусары и пешие городовые, от Спасского переулка жандармы и Охотного ряда конной полиции, которыми под начальством полковника Модль демонстранты были рассеяны и частью задержаны, причем на мостовой был брошен черный флаг с надписью «Долой смертную казнь». Во время рассеивания толпы упавшей лошадью был сшиблен подполковник Бычковский, получивший ушиб колена левой ноги. В то же время были попытки собраться на Трубной площади, но нарядом под руководством пристава 2-го участка Сущевской части подполковника Семенова были рассеяны и 13 человек задержано.

Рассеянная же масса с Театральной площади начала собираться вновь на Кузнецком мосту и по Неглинному проезду, но конным нарядом была разбита на отдельные группы, оттеснена по прилегающим улицам и рассеяна.

Протоколы и списки лиц представляются. Протокол о задержанных капитаном Александровым, старшим помощником пристава 1-го участка, представлен в охранное отделение непосредственно за № 90.

Зав. уч. Тверской части
за пристава Дудоров

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, лл. 40—41.

44

ПРОТОКОЛ ПРИСТАВА 1-го УЧАСТКА РОГОЖСКОЙ ЧАСТИ МОСКВЫ О ДЕМОНСТРАЦИИ СТУДЕНТОВ 14 НОЯБРЯ 1910 г.

14 ноября 1910 г.

Пристав 1-го участка Рогожской части капитан Александров составил настоящий протокол о следующем: сего числа около часу дня полицеймейстером 1-го отделения генерал-майором бароном Будбергом мне, приставу, с чинами вверенного мне участка в составе 3 околоточных надзирателей и 20 городовых приказано было сначала стать на Старой площади близ Ильинских ворот и, не выходя из Китай-города, наблюдать за Лубянской площадью и потом уже, в пути, приказано идти на Большую Дмитровку для наблюдения за этой улицей. При выходе через Третьяковский проезд на Театральной было замечено группирование учащейся молодежи по всей Театральной площади, гуще по тротуарам прилегающих зданий и около трамвайных станций; в то же время по направлению от этой площади к Лубянской началось сначала групповое движение, а затем и сплошное — с шумом, криками, и, по словам городовых, с пением чего-то. Движение это было перехвачено между Рождественкой и Неглинным проездом. Столпившимся учащимся было предложено разойтись, а когда толпа не исполнила моего требования, приступил к рассеянию ее. Часть рассеивающихся направилась вдоль Неглинного проезда, большая же часть перешла к Малому театру и заняла густо весь тротуар его. На требование и здесь разойтись толпа не слушала и, когда стали раздаваться голоса из толпы: «Товарищи, не расходитесь, идем на Лубянскую площадь» и пр., приступил к рассеянию ее. Призывал идти на Лубянскую площадь какой-то молодой человек в студенческой университетской фуражке и казакине. По задержании его толпа в количестве 100—150 человек бросилась на полицию и намеревалась отбить его, но подоспевшим конным разъездом корнета Сумского гусарского полка Алферова была рассеяна. Отсюда было замечено скопление учащихся на Театральной площади, ближе к Большому театру, и среди толпы флаг белый и черный (траурный), но наряд не успел подойти, как флаг был убран, а толпа разбежалась, образовав по всей площади меньшие группы, которые под давлением полиции то расходились, то снова группировались и медленно, не торопясь, переходили с места на место, не покидая площади. Часть одной из этих групп, бывшая около остановки трамвая, была задержана и препровождена в управление 3-го участка Тверской части. В числе задержанных был молодой человек, назвавшийся Минским, который благодаря своему костюму — высокой меховой шапке и партикулярному платью — был замечен в разных местах площади, был и у Малого театра, и на площади, и у трамвайной станции, и вообще во всех тех местах, где среди учащихся раздавались крики: «Товарищи, не расходитесь и не разрывайтесь». Рассеяв, что можно, на площади, наряд направился к гостинице «Метрополь», где тротуар был сплошь занят учащимися. За недостаточностью наряда задержать кого-нибудь не представилось возможным, а лишь толпа была рассеяна. Рассеиваемые расходились кто на Неглинный проезд, кто в Третьяковский, вообще, кто куда хотел. Сборными пунктами для наряда был назначен памятник первопечатнику Ивану Федорову. Отсюда было замечено, что между Неглинным проездом и Рождественкой снова группируется какая-то молодежь и студенты, часть которых и была задержана и доставлена в 3-й Тверской участок. Возвращаясь из участка, на перекрестке Неглинного и Кузнецкого моста наряд был встречен московским градоначальником. По приказанию последнего наряд отправился на помощь наряду полиции, окружавшему толпу учащих-

ся на Кузнецком мосту, и под своей командой доставить ее в городской полицейский дом, что и было исполнено часу в 4-м дня. Задержанный у Малого театра молодой человек в университетской фуражке и казакине был передан городовому 3-го участка Тверской части для отправления в участок.

Капитан Александров

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, лл. 36—37.

ЗАСЕДАНИЕ СИНОДА 22 ФЕВРАЛЯ 1901 г., НА КОТОРОМ ТОЛСТОЙ БЫЛ ОТЛУЧЕН ОТ ЦЕРКВИ

Карикатура была снята со стены в Московском техническом училище и доставлена директором училища министру народного просвещения 27 февраля 1901 г.

Центральный исторический архив, Ленинград

45

ПРОТОКОЛ ПРИСТАВА 3-го УЧАСТКА СУЩЕВСКОЙ ЧАСТИ МОСКВЫ О ДЕМОНСТРАЦИИ СТУДЕНТОВ 14 НОЯБРЯ 1910 г.

14 ноября 1910 г.

1910 года 14 ноября, помощник пристава 3-го участка Сущевской части Круглик составил сей протокол о следующем: сего числа, находясь в наряде на Театральной площади с городовыми Сущевских участков, я получил около 2—3-х часов пополудни сообщение, что по Кузнецкому мосту идет толпа манифестантов, куда я с нарядом и отправился; дойдя до Кузнецкого моста, действительно, со стороны Рождественки по направлению Неглинной и Петровки шла толпа с черным флагом, на котором

была надпись «Долой смертную казнь». К прибытию моему подоспел взвод жандармов, который промчался в тыл манифестантов; следствием своевременного прибытия наряда на Кузнецком мосту было задержано человек 70—80, которые первоначально были задержаны, а потом по распоряжению полковника Модль, под командою капитана Петрова отправлены в городской участок.

Пом. пристава Круглик

К сему протоколу присовокупляю, что задержанные во дворе дома Михайлова все время кричали: «Долой смертную казнь».

Круглик

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, л. 43—43 об.

46

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «МАРИЯ» к Т. ЛИНКО (В ВОРОНЕЖ)

Москва. 14 ноября 1910 г.[117]

...Только одно остается нам теперь: всегда помнить о Толстом как о человеке слова и дела, брать его в пример и постараться провести вообще в жизнь его идеи. Уже кажется нет ничего позорнее смертной казни у нас. И вот всеми мерами необходимо бороться с этим. Конечно, по учению Льва Николаевича, не нужно насилия, но... разве у нас права «давались» когда-нибудь, разве у нас с голосом массы считались?— Никогда. У нас все права, все законы, все разрешения не «даются», а «берутся»— берутся борьбой, иногда очень упорною и тяжелою. Вот тот же вопрос об отмене смертной казни внесен в Государственную думу еще в 1908 г. и вдруг сегодня снят с очереди — ну не ужасно ли это?! Два года держать законопроект под сукном, давать хотя маленькую надежду массе «авось да пройдет» и вдруг теперь, когда проведение его особенно желательно,— так зло посмеяться [118]. Если не пройдет демонстрация, то возможна забастовка во всех университетах и курсах; во всяком случае решено вести борьбу, пока будут силы, решено заставить возбудить вопрос об отмене казни в Думе,— а чем кончится — вопрос. Возможно, в худшем случае,— закрытие стен высшей школы.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 58. Перлюстрационная выписка.

47

ИЗ ПИСЬМА БЕЗ ПОДПИСИ к А. В. ЧЕСТНЕКОВОЙ (В НАГОРНОЕ КОЛОГРИВСКОГО У. КОСТРОМСКОЙ ГУБ.)

Москва. ⟨13—15 ноября 1910 г.⟩ [119]

Дорогие товарищи Шура и Лида! Пишу вам накануне важного шага, на который решилась часть молодежи высших учебных заведений, накануне демонстрации. Эти тяжелые великие дни перевернули всю нашу общественную жизнь. Все чувства, все мысли сконцентрированы только на одной точке: на необходимости так или иначе реагировать на окружающую мертвенность, пробудить общество, вытребовать же себе, наконец, те условия жизни, без которых всякий из нас задыхается. Поводом к такому возбужденному состоянию послужила смерть Толстого. До сих пор мы не вполне еще понимаем, что̀ теряем мы с ним. Впереди темнота только сгущается, жизнь лишена теперь своего маяка. Не хочется, чтобы жизнь снова вошла в свои обычные тесные, постные рамки. Во имя умершего

проповедника-борца, во имя его святого вопля — «не могу молчать!». Но жизнь не должна продолжаться такой, какой она была до сих пор. По газетам вы знаете, как волнуется теперь учащаяся молодежь. Я как очевидец подтверждаю это, но добавляю: как всегда и всюду волнуются только наиболее чуткие, отзывчивые. Большая же масса относится индифферентно, так что единодушного выступления вряд ли можно ожидать... Демонстрация не удалась [120]. Неорганизованность ужасная. Это простительно учащимся в средних учебных заведениях, но ни в каком случае людям с совсем уже определившимися взглядами и стремлениями. Кажется, есть пострадавшие. Нагайка была пущена в ход. А в Петербурге-то что делается? Московская демонстрация выступила с целью оказать сочувствие петербуржцам. Эта цель была главная. На существенные же результаты — на отмену смертной казни, которая собственно была видимым лозунгом и той и другой манифестации,— конечно, никто не надеялся. Нужно было выразить свое отношение к вопиющему ужасу «российской действительности». Но все вышло чисто по-русски. Халатность, неорганизованность ужасная. Товарищи, читайте как можно больше газет. В настоящее время в России замечается некоторый подъем. Эти выступления показывают, что общество не спит, что оно рвется скинуть с себя тяжелые цепи. Как у вас в деревне относятся к смерти Толстого? Ведь многим не ясно. Конечно, там не может быть того отношения, какое здесь, но и там у сознательных не будет равнодушия. Прочитайте то, что нужно в этом письме, Жуленникову. Как относятся учительницы? Но письма не теряйте. Вообще будьте осторожны. Адреса уничтожьте. Передайте это Ж⟨уленников⟩у. Так будет лучше. Сблизилась ли как следует с крестьянами Шура? А у Крутовских как дела? Расскажите им о всеобщем признании в память ⟨о⟩ Толстом необходимости отмены смертной казни. Все высшие учебные заведения единогласно подписались под этой резолюцией [121]. Многие рабочие также. Разъясните им, вообще нужно обратить внимание всего русского народа на эту червоточину. Работайте, товарищи! Желаю вам успеха.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 59. Перлюстрационная выписка.

48

ПИСЬМО С ПОДПИСЬЮ «СЕРГЕЙ» К В. ДРЕНТЕЛЬН (В МЮНХЕН)

Москва. 17 ноября 1910 г.

Был и я на последней сходке в университете. Товарищи очень волновались, речи носили страстный характер. И в самом деле: глубоко возмутительно, что задержаны товарищи совершенно случайно — только потому, что их загнали во двор, откуда не было выхода. И притом жестокое и ненужное наказание: арест на 3 месяца или штраф в 500 руб.! А некоторых, кажется, совсем высылают из Москвы [122]. И это за такую несерьезную и неорганизованную демонстрацию! Мне понятен гнев и раздражение товарищей. Но все-таки, мне кажется, как бы это ни было трудно, а нужно стараться сдерживать свои страсти. Велика сила правды, и, если мы в нее верим, мы должны быть уверены в ее победе. Не страстный гнев и насилие приведут к ее победе, а сила нравственного возмущения злом. Чувствуешь ли ты, какое великое значение имело правдивое слово Толстого «Не могу молчать!»? А ведь там нет страстного гнева, нет жажды мести. Там есть нечто гораздо большее, нечто такое, что до такой степени прекрасно, что перед ним нельзя не преклониться. Я чувствую, как трудно бывает сдержать свой гнев, когда видишь вокруг царство зла, как сладка и захватывающа бывает месть за других, оскорбленных и униженных, но все-таки

она зло не убивает, а умножает его. На насилие отвечают новым насилием — и так без конца, до кошмара кровавого, до безумия. И если настоящие волнения не случайность, а предвещают собой новый подъем общественного движения, я бы от всей души хотел, чтобы с нашей стороны поменьше было бы насилия (оно неизбежно) и побольше силы нравственного возмущения! Определить сейчас, можно ли в будущем ожидать чего-либо серьезного,— трудно. Мне кажется, что тот товарищ, который на сходке говорил, что возвращается настроение 1904 г., сильно заблуждался. Не только кажется, но и действительно так: такого настроения нет. Однако, несомненно, что апатия проходит, и интерес к общественной жизни возрождается. Ведь это очень хорошо. Но как же, должно быть, хочется тебе теперь прилететь в Россию! Пошел бы я ко всем твоим мучителям, да крикнул бы им в лицо: «За что вы мучите мою дорогую девушку, за что оторвали ее от всего родного и милого?! Дайте ей свободу, злые, недобрые люди!!».

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 9. Перлюстрационная копия.

49

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ТОВАРИЩ АЛЕКСЕЙ» К И. П. СКАЗКЕ (НА СТАНЦИЮ СНОВСК ЛИБАВО-РОМЕНСКОЙ Ж. Д.)

Москва. 19 ноября 1910 г.

Я рад, что в том селе, где ты будешь работать, будет фельдшер-интеллигент, цель которого заключается не только в оказании медицинской помощи страдающему брату, но и в борьбе с той темнотою, с тем невежеством, которое за последнее время особенно усиленно насаждается нашей «властью»—правительством, ведущим себя до того вызывающе, что до сих пор спавший, прибитый реакцией интеллигент очнулся от сна и громко, публично начал выражать свой протест. Интеллигентная часть России давно уже начала расправлять свои крылья, эта часть России, сознавая всю серьезность положения вещей, опять начала строить ряды к бою, как в 1905—1907 гг., к великому, святому бою за правду, свободу и законность. Но рок беспощадно сломал одного крупного вождя — С. А. Муромцева; интеллигенция, сознавая всю тяжесть незаменимой утраты, еще дружнее, еще плотнее сомкнулась в ряды славных бойцов за идею! Сомкнулась вокруг славного, неоценимого и последнего великого вождя мысли — Л. Н. Толстого, но... судьба, как бы издеваясь над нами, уносит и последнюю надежду из наших рядов... И вот в такие-то тяжелые дни, когда горе потери усиливается горем общественной неразберихи российской действительности, действительности нагаек и смертных казней, когда правительство, не имея в руках никаких культурных мер для борьбы с лучшими людьми, практикует отнятие жизни у последних, этого драгоценного дара божьего, права на которое никто не имеет, в такие-то дни интеллигенция и начинает собираться с силами; начинает возвышать свой голос протеста. Впереди всех протестантов, как и следовало ожидать, пошла учащаяся молодежь, но ей заткнули рот саблей, нагайкой и арестом,— глупцы, они думают этим заткнуть наши голоса боли и протеста — никогда! Эти меры, меры полицейской борьбы с протестами, не только не усмирят нас, но еще более подольют масла в пылающий костер гнева и возмущения. Знай, что эти дни, после смерти Толстого,— исторические, с этого времени всколыхнувшаяся великой утратой интеллигенция (в том числе и народ) опять начнет борьбу... Хоть и нет вождей, но знай, война порождает героев! Не падай духом, друг, работай в среде обездоленного и тем-

ного народа, будь другом ему! Знай, что правда — выше всего, а борьба за нее — достойнее всего. Главное — не спи!

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 27. Перлюстрационная выписка.

50

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «С.» к Е. СОНИНОЙ (В ХАРЬКОВ)

Москва. 20 ноября 1910 г.

Не нужно было так волноваться, к явлениям русской жизни должна привыкнуть, но это не значит, что ты не должна при возможности громко протестовать, не только протестовать, но бороться и в необходимое время выйти на улицу на гражданский бой. Настанет момент, когда пролетарский клич вызовет на бой все революционные элементы. Другого выхода не предвидится в русской жизни. То, что было объявлено несколько десятков лет тому назад, остается в силе, т. е. что русская революция осуществится только как рабочее выступление. Это было заявлено русскими марксистами. При этом только можно добиться демократической республики. Только широкая волна пролетарских слоев сметет твердыни самодержавного строя. Таковы очередные задачи революционной массы общества, в частности революционной части студенчества. Улица — вот где разрешится вопрос: «быть или не быть самодержавию».

Наше недавнее выступление имело чисто демонстративный характер — протест против смертной казни, для чего поводом послужила смерть Толстого, и это заставило чуткую революционную молодежь устроить демонстрацию чисто политического характера. «Долой смертную казнь»— вот лозунг наших демонстраций! Корни демонстраций лежат в недовольстве русской политикой, это и побудило нас на такой шаг при общей придавленности. Противников демонстраций было немало среди учащейся молодежи, даже среди нашего лагеря марксистов были противники. Безрезультатно студенческое выступление, когда рабочая масса молчит. Безумно оно при настоящем моменте,— так говорили нам. Ответ был такой. Своим выступлением мы не думали достичь каких-либо осязательных результатов. В студенчестве создалось определенное политическое настроение, и мы должны были придать планомерную форму. Мы знали, что будут жертвы, но это нас не остановило. Пользуясь некоторой свободой в стенах университета, мы откликнулись, находясь в более сносных условиях. Смешно же было заявить, что рабочие не присоединяются. Рабочие обессилены здорово, придавлены сильно. Трудно было им решиться, когда нет в настоящее время в Москве руководящего центра и полная дезорганизация [123].

Несмотря на обилие войск, демонстрация удалась, в трех местах публике удалось выкинуть флаги.

На этой неделе вновь были явочные сходки (без разрешения ректора), на которых решили объявить забастовку; на сколько дней — этот вопрос решится на одном из заседаний Информационного бюро из представителей всех учебных заведений.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 58. Перлюстрационная выписка.

51

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «Н. К.» к А. Я. ЗОЛОТУХИНОЙ (В БУИНСК СИМБИРСКОЙ ГУБ.)

Москва. 21 ноября 1910 г.

Я еще ничего не писала тебе о наших событиях. Смерть Толстого — крупное событие. Дня три после похорон прошли дружно, сходки прохо-

дили без споров, сделан ряд хороших постановлений. Например, собранные на венок деньги направили в Астаповскую школу и в пользу людей, пострадавших за идеи Толстого; постановили учредить общество борьбы со смертной казнью, пока не обсуждая средств борьбы. А теперь вынесли резолюцию протеста и с подписями всех сочувствующих борьбе отправили в Государственную думу. Потом пришли из Питера известия о демонстрации, и у нас возникла мысль устроить тоже, несмотря на явную бессмысленность демонстрации при теперешних условиях. На первой же сходке [124] по этому поводу начались страшные разногласия. Главными поборниками демонстрации были эсерки; они так вертели всей публикой, что прямо возмутительно. Они произносили громкие фразы: «Мы должны бросить лозунг борьбы в народные массы!» и увлекали за собой многих. Для меня все время ясна была бессмысленность демонстрации, тем более, что единения, стихийности ничуть не было. Я видела, что никакого лозунга мы не бросим, а только будем жалки своей малочисленностью и робостью. Я голосовала против и не была на демонстрации, конечно, не из страха, а потому, что не считала нужным шутить такой вещью, как борьба со смертной казнью. Как и следовало ожидать, демонстрация вышла мизерная [125]. После первой атаки все разбежались; хорошо, что жертв больших не было: придавили только лошадью студента, да арестовали несколько десятков демонстрантов. Конечно, эти аресты очень мало значат, но нашим эсеркам надо было раздуть историю и во что бы то ни стало нарушить занятия. Я была на всех лекциях, потому что сочла нелепым не заниматься, пока не пришли еще ни к какому решению. На другой день опять была сходка [126]; одни предлагали забастовку временную, до освобождения арестованных, а другие — до отмены смертной казни. Я прекрасно понимаю значение забастовки, когда она является последней каплей, переполняющей чашу; после нее должна наступить всеобщая борьба со смертной казнью; при этом забастовка должна быть дружной, стихийной. У нас же ни того, ни другого не было. Все только сыпали фразы, фразы и фразы. Не было ни одного сколько-нибудь выполнимого предположения. Меня сначала занимали все эти происшествия, но потом все это стало казаться детской игрой для взрослых. Ведь директор говорит, хотя уверен, что никого не убедит, полиция приходит, зная, что никого не испугает, а мы галдим, чтобы только дождаться полиции. Теперь, наконец, все опять вошло в норму; на сходке решили приступить к занятиям, приняв резолюцию социал-демократов, приблизительно такую: «Признавая смертную казнь огромным злом, с которым необходимо бороться, мы считаем выступление одного студенчества без поддержки народных масс несвоевременным и приступаем к занятиям». Ты не можешь себе представить мою радость, когда я опять могла приняться за работу.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, лл. 35а—35б. Перлюстрационная выписка.

52

ПИСЬМО ТОВАРИЩА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. Г. КУРЛОВА МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ Л. А. КАССО

Петербург. 30 ноября 1910 г.

Милостивый государь, Лев Аристидович!

По полученным в Министерстве внутренних дел сведениям, смерть графа Льва Толстого вызвала сильное брожение в среде московской учащейся молодежи. 8 ноября в 11 часов дня в университете состоялась сходка около 8000 студентов, начавшаяся с предложения почтить память

покойного писателя вставанием, после чего пропета «Вечная память». В последовавших затем речах ораторами отмечалось значение графа Толстого как великого мыслителя, первым заговорившего против смертной казни, и предлагалось студентам слиться с народом, всевозможными средствами пропагандировать учение графа Толстого, выразить протест против смертной казни, отправиться всем на похороны в Ясную Поляну, прекратив и на следующий день чтение лекций, и т. п.

Все вышеуказанные предложения исходили от «Исполнительной комиссии» и «Совета старост» студентов-медиков младшего курса и «Совета старост» студентов-клиницистов. В нижнем этаже происходила в это время запись студентов, собиравшихся ехать в Ясную Поляну. Всех записавшихся в университете было не менее 1500 человек, в действительности же поехало в Ясную Поляну не более 800 студентов университета и из других московских высших учебных заведений до 2000 человек вместе с особо избранными от каждого заведения делегациями, причем во время пути произносились речи и собирались подписи к протесту против смертной казни.

9 ноября занятий в московских высших учебных заведениях не производилось. С 10 часов утра к зданию университета стали стекаться поодиночке студенты и курсистки. Сформировавшись в толпу, они двинулись с пением «Вечной памяти» к дому графа Толстого в Хамовниках, но в самом начале были остановлены полицией, задержавшей 73 человека наиболее упорствовавших в неповиновении требованиям полиции, которые по удостоверении личностей в полицейском участке были отпущены. Такие же попытки устроить демонстративные шествия были повторены затем на Девичьем поле и в Хамовниках, но по требованию полиции сборища немедленно расходились.

10 ноября в университете происходила сходка студентов-медиков, постановившая выступить с протестом против смертной казни и собрать подписи к протесту для отсылки таковых в Государственную думу, после чего ими тут же было подписано обещание не присутствовать впредь в качестве врачей при исполнении смертных приговоров. На происходившей одновременно частной сходке 200 студентов после пения «Вечной памяти» решено было идти в Хамовники, но по выходе из университета демонстранты сейчас же были разогнаны полицией.

На Высших женских курсах также состоялась при участии 2000 слушательниц сходка, на которой после пения «Вечной памяти» были прочитаны избранные места из статьи графа Толстого «Не могу молчать!», а затем присутствовавшими высказывался протест против смертной казни и репрессивных действий полиции, предлагалось устроить совместное с другими учащимися демонстративное шествие в Хамовники и в заключение пропеть революционный похоронный марш.

11 ноября в новом здании университета толпа студентов около 1500 человек, взломав дверь аудитории № 1, открыла в ней неразрешенную начальством сходку, на коей предлагалось устроить общую с другими учащимися демонстрацию у дома графа Толстого и выразить протест против смертной казни, после чего были пропеты революционный похоронный марш и «Вечная память». Затем во дворе университета образовалась толпа студентов, направившаяся, несмотря на уговоры полиции, с портретами графа Толстого и с пением «Вечной памяти» в Хамовники. В 4 часа дня в уборной нового здания университета состоялось совещание «Исполнительной комиссии», решившей созвать совет студенческих представителей для обсуждения программы дальнейших действий, причем большинство высказалось за устройство легальной сходки и за организацию общестуденческой демонстрации с участием рабочих.

12 ноября около $12^1/_2$ часов дня толпою студентов в 1000 человек вновь была взломана дверь аудитории № 1 и в ней устроена сходка, на которой представители крайних революционных фракций призывали слушателей к устройству по соглашению с рабочими и гражданами демонстрации, причем на случай, если бы ректор университета отказал в разрешении на следующий день сходки, то предлагалось устроить таковую явочным порядком в занятой силой аудитории. Присутствовавший на этой сходке представитель С.-Петербургского университета с своей стороны просил московское студенчество поддержать с.-петербургских товарищей организованным выступлением [127].

Вечером в Сельскохозяйственном институте происходило собрание «Информационного бюро представителей московских высших учебных заведений» [128], на котором выяснилось, что некоторые из этих заведений и в том числе Высшие женские и Педагогические курсы готовы поддержать университет в устройстве демонстрации, для чего соберутся на следующий день на сходке в своих учебных помещениях.

13 ноября ввиду отказа ректора университета в разрешении открыть сходку толпа студентов в 2000 человек снова выломала дверь аудитории № 1 и устроила явочным порядком сходку, на коей была объявлена резолюция «Информационного бюро» об устройстве 14 ноября в час дня в районе между Страстной площадью и Петровскими воротами демонстрации учащихся всех московских высших учебных заведений, с предложением участвовать в ней всем классам общества, сочувствующим идеям объединения граждан и протеста против смертной казни. Подготовка демонстрации и заготовление флагов ввиду отстранения от дел «Исполнительной комиссии» возлагались на «Временный коалиционный совет» [129] из представителей крайних революционных фракций. Далее на сходке представителями этих фракций были произнесены речи о том, что и до 1905 г. студенчество выступало первоначально одиноко, а затем втягивало в революционную волну и рабочую массу, что граф Толстой «один и в годину подъема народного духа, и во время реакции говорил против изуверства царской власти», что надо устроить демонстрацию, «не боясь тех угроз, которые шлет царская власть», и что страшна не смерть графа Толстого, а та спячка, в которую погрузилось общество. Затем представитель Польской социалистической партии заявил, что «надо задушить того, кто душит нас, и кто пролил немало польской крови наряду с кровью других угнетенных народностей и классов», а один из присутствовавших студентов, размахивая черным флагом с надписью «Долой смертную казнь», просто призывал всех к участию в назначенной на следующий день демонстрации. Приняв решение об устройстве означенной демонстрации, сходка разошлась при появлении полиции.

Об изложенном имею честь уведомить ваше превосходительство с препровождением списка студентов и слушательниц московских высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, задержанных 14 ноября в разных частях г. Москвы за участие в уличной демонстрации и подвергнутых согласно обязательному постановлению московского градоначальника от 12 ноября 1910 г. аресту при полиции [130].

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем к вам уважении и совершенной преданности.

П. Курлов

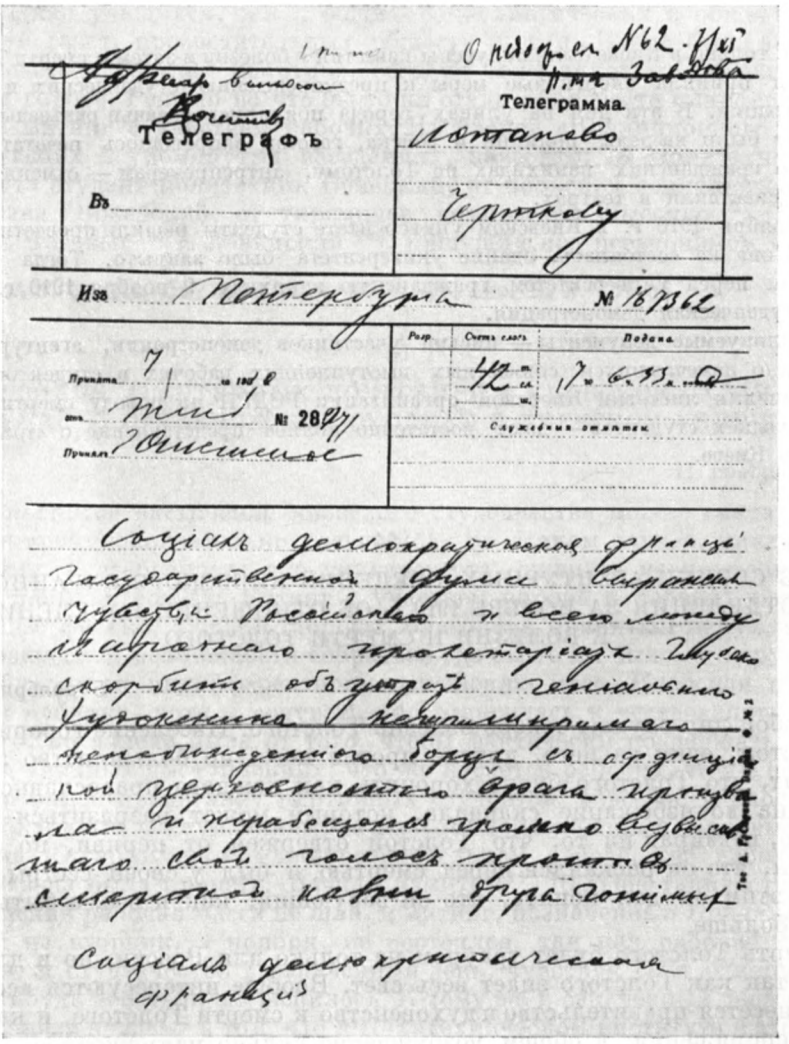
ЦГИАЛ, ф. Деп. нар. просв., оп. 201, 1910 г., д. 56, ч. 1, лл. 37—39.

53

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОБ АРЕСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО БЮРО СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

11 декабря 1910 г.

С начала ноября текущего года и особенно после смерти гр. Л. Н. Толстого среди воспитанников московских высших учебных заведений



Телеграфъ

Въ

Телеграмма

Ясная Поляна

Черткову

Изъ Петербурга № 167362

Принята 7 ... 1910 г.

Принялъ

Разр. Счетъ слогъ 42 Подана 7 ... 6.33

Служебныя отмѣтки

Соціалъ демократическая фракція Государственной Думы выражаетъ чувства Россійскаго и всего между народнаго пролетаріата глубоко скорбить объ утратѣ геніальнаго художника непримиримаго непобѣдимаго борца съ оффиціальной церковностью врага произвола и порабощенія громко возвысившаго свой голосъ противъ смертной казни друга гонимыхъ

Соціалъ демократическая фракція

ТЕЛЕГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ НА ИМЯ В. Г. ЧЕРТКОВА ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ТОЛСТОГО, 7 НОЯБРЯ 1910 г.

Архив Толстого, Москва

начались волнения, которыми решили воспользоваться революционные элементы студенчества для устройства противоправительственных выступлений, и с целью объединения этих выступлений — представителей студенческих революционных организаций всех высших учебных заведений г. Москвы,— было образовано так называемое Информационное бюро,

поставившее себе задачей сначала устройство противоправительственной демонстрации 14 ноября, а затем, когда таковая не удалась,— явочных сходок, на которых выносились резолюции, выражавшие протест правительству за его провокаторскую деятельность и репрессии, принимаемые им против участников студенческого движения...

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 46, лит. А, л. 95.

КИЕВ

Как только в Киеве были получены известия о болезни и затем о смерти Толстого, полиция приняла энергичные меры к предупреждению студенческих и рабочих демонстраций. В эти дни на улицах города появились казачьи разъезды, в университет были введены полиция и войска, газетам запрещалось печатать объявления о гражданских панихидах по Толстому, антрепренерам — отменять в знак траура спектакли в театрах.

8 ноября 1910 г. в Киевском университете студенты решили провести сходку. Однако она не состоялась. Здание университета было закрыто. Тогда студенты устроили перед университетом гражданскую панихиду. 9 ноября 1910 г. состоялась студенческая демонстрация.

Публикуемые документы — письма участников демонстрации, агентурные донесения о намечавшихся совместных выступлениях рабочих и студентов, о распространении листовки Киевской организации РСДРП по поводу смерти Толстого, о сходках студентов — дают достаточно полное представление о «толстовских днях» в Киеве.

54

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ КИЕВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЗА НОЯБРЬ 1910 г. ОБ ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ К БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ТОЛСТОГО

5 ноября 1910 г.

Злобой дня служит теперь болезнь Толстого. Население говорит разно о Толстом, одни за него, другие против него, но большинство за него. Говорят, что Толстого будут хоронить, как каждого православного христианина во избежание скандала, который может разразиться на всю Россию, невзирая на то, что Толстой отвержен от церкви, но он уже показал, что он раскаялся перед смертью, и был у своей сестры в монастыре, этим он дал понять, что он верующий, как и все, а быть может еще и больше.

Смерть Толстого будет трауром не только для России, но и для всего света, так как Толстого знает весь свет. Вообще интересуются все знать, как отнесется правительство и духовенство к смерти Толстого, и какие будут распоряжения, в общем возбуждение сильно напряженное. Один из служащих на товарной станции Киев-1, Колотовский — конторщик, сказал, что в дни смерти Толстого должно все замереть, т. е. прекратятся занятия во всех учебных заведениях, даже и на железных дорогах, русские граждане должны и знают, как почтить своего великого учителя и защитника угнетенных, и что, если правительство примет меры, то этим оно хуже сделает для себя, ибо глухой ропот и негодование уже давно раздаются среди рабочих масс и ждут лишь толчка для того, чтобы все это вырвалось наружу.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 32, лит. Б, лл. 243 об.—244 об.

55

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ ДОНЕСЕНИЙ В КИЕВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЗА НОЯБРЬ 1910 г. О СОЗДАНИИ В КИЕВЕ КОАЛИЦИОННОГО СОВЕТА ДЛЯ ЧЕСТВОВАНИЯ ПАМЯТИ ТОЛСТОГО

9 ноября 1910 г.

В Киеве образовался Коалиционный совет для выработки и руководительства чествованием памяти Толстого из представителей всех организаций как учащихся, так и общих, социалистических и общественных, редакций газет, просветительных обществ и т. п. Вчера было заседание этого совета в частной квартире, сегодня тоже такое же собрание было где-то в городе. Решено во что бы то ни стало произвести манифестацию и собрать митинг с участием рабочих. Из членов «Коалиционного совета», участвующих в упомянутых заседаниях, известны: от Политехнического института студент политехник Бенецкий, от польских социалистов (ППС) Владислав Чижевский, от украинцев композитор Лысенко [131], от литераторов Чаговец [132] и Левинский [133], пишущий под псевдонимом Гораль д.

ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, л. 101 об.

56

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ ДОНЕСЕНИЙ В КИЕВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ О СТУДЕНЧЕСКИХ СХОДКАХ В КИЕВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

11 ноября 1910 г.

Приподнятое настроение киевского студенчества можно считать в настоящее время окончательно улегшимся. Во всяком случае, никаких выступлений, в особенности вне университета, ожидать не приходится.

Все попытки созвать митинг с участием народа и рабочих потерпели полнейшее фиаско, с одной стороны, благодаря принятым мерам, не дающим физической возможности собраться где бы то ни было, а с другой стороны, благодаря индифферентному отношению масс. Киевская интеллигентная публика, хотя и сочувственно относилась к чествованию памяти Толстого, но далека была от того, чтобы фактически поддержать студенчество в уличных выступлениях; что же касается рабочих, то их, несмотря на энергичную пропаганду партийных студентов, вовсе не удалось склонить к активным выступлениям, за малыми исключениями, каковые имели место на Южно-русском машиностроительном заводе, где рабочими во дворе завода была пропета «Вечная память»[134]. Дальше таких отдельных выступлений рабочая масса не шла, и митинг, назначенный Коалиционным советом на вторник, 9 ноября, не состоялся, так как рабочие вовсе не явились, и студенчество в означенный день, чувствуя себя одиноким, на какие-нибудь действия не решилось. К тому же в означенный день студенты потерпели неудачу в том, что в Политехническом институте в это время происходила сходка, закончившаяся слишком поздно, около 3 часов, так что пока политехники явились к университету, то уже студенты университета были рассеяны полицией, и, таким образом, не удалось даже собрать более-менее крупную массу самих учащихся, не говоря уже о народном митинге. Вчерашний день еще более разочаровал студентов, так как благодаря плохой погоде публика вовсе отсутствовала, раньше из простого любопытства наполняющая улицы.

Сегодня третий день траура.

В коридоре университета состоялась сходка [135], и то главным образом для того, чтобы выразить порицание ректору университета Цитовичу за то, что он допустил полицию и войска в университет. И действительно,

при появлении ректора раздавались угрозы и крики по его адресу. Затем сходка постановила чествовать годовщину Толстого ежегодно 7 ноября. Затем, стоя на коленях, была пропета «Вечная память», причем студент Харито протянул по коридору полог с надписью «Вечная память Льву Николаевичу Толстому». Тем и закончилось толстовское движение в университете. Этими днями больше выступлений ожидать нельзя, разве на девятый день будет пение «Вечной памяти» и прекращение занятий на один день. Такое предположение существует между студентами университета, но отнюдь не как категорическое решение, так как неизвестно, каковые решения будут в других высших учебных заведениях.

К сему прибавляю, что на сходке решено было послать телеграмму семье Толстого, а также, что студент Харито принес пачку прокламаций социал-демократической рабочей партии [136], каковые прокламации были в университете разбросаны.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, лл. 104 об.— 105 об.

57

ИЗ ПИСЬМА А. Н. ЖОКИНА к П. Н. ЖОКИНУ (В ХАРЬКОВ)

Киев. 11 ноября 1910 г.

Как ты поживаешь? Не влетело ли тебе нагайки? Я не получил ни одной. Объясняю это только случайностью, ибо все время оказывался в самых жарких схватках. Происходило это на Фундуклеевской улице, против театра [137]. Особенно больно били конные городовые благодаря их озверелости и нетрезвости. Казаки же, хотя тоже били и тоже были пьяны, но благодаря легкости их нагайки у них выходило не так больно. Расскажу, как мы ранили одного казака. В одном месте тротуар имеет форму террасы. На верхней площадке находились мы, на второй и на дороге — казаки. Нас туда загнали, причем, конечно, и порядочно придавливали. И вот один казак бесцеремонно вскочил на нашу площадку. Это было как раз около меня. Я уже тоже рассвирепел, и вот я и еще несколько студентов, понатужившись, ухнули его вместе с лошадью с этой площадки. К счастью, это обошлось благополучно, и казак был только где-то ранен. Везде нас прогоняли и преследовали, но мы не сдавались и пели «Вечную память».

Попали мы на демонстрацию после сходки. Сходки у нас были каждый день три раза. Все разрешенные. На второй сходке послали делегацию в Ясную Поляну и телеграммы семье Льва Николаевича и в Государственную думу. Последнюю с просьбой: «Во имя великого Льва отменить смертную казнь — позор России». На ту же сходку явился к нам весь совет профессоров. Они выразили нам свое сочувствие, учредили фонд имени Толстого для освобождения от платы недостаточных студентов, взялись за издание сочинений Толстого для народа. В общем наша профессура является полной противоположностью университетской, где ректор, при малейшем беспорядке, сейчас же: «я не хозяин и передаю все в руки полиции» (его подлинные слова). У нас же в Политехническом институте полицию не пускали даже в усадьбу института [138]. На демонстрации было арестовано человек 100 студентов и курсисток, но по ходатайству нашего директора все были выпущены в тот же день. Сегодня узнал, что одному студенту придется отрезать руку: ему околоточный шашкой перерезал вены. Сегодня читал, что и у вас были демонстрации.

Твой брат Антон

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 40. Перлюстрационная выписка.

58

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ КИЕВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ О СХОДКАХ СТУДЕНТОВ КИЕВСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ПОДГОТОВКЕ ДЕМОНСТРАЦИИ В ПАМЯТЬ ТОЛСТОГО В КИЕВЕ

15 ноября 1910 г.

За последние дни в Киевском политехническом институте происходят собрания по поводу увековечения памяти Л. Н. Толстого.

Вчера, т. е. 14 ноября, была внесена резолюция: выразить протест против смертной казни, главным же образом было решено устроить в ближайшем времени демонстрацию, к которой привлечь не только учащихся учебных заведений, но и киевское общество. Словом, готовится одна из громаднейших демонстраций. Предшествовавшие собрания происходили в Политехническом институте при таком громадном числе желавших попасть на них, что ни одна аудитория не могла их вместить.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, л. 102 об.

59

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ КИЕВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ О ПОДГОТОВКЕ ДЕМОНСТРАЦИИ В КИЕВЕ В 40-й ДЕНЬ КОНЧИНЫ ТОЛСТОГО

18 ноября 1910 г.

По состоявшемуся постановлению Коалиционного совета, являющегося объединяющим и руководящим органом студенчества в день чествования памяти Толстого, предложено в целях устройства возможно грандиозной демонстрации рабочих киевских заводов связать 40-й день кончины Толстого с 5-летней годовщиной революционного движения вообще и московского вооруженного восстания в частности.

В этом направлении и ведется ныне членами Коалиционного комитета агитация среди учащейся молодежи и рабочих, причем предположено выпустить соответствующие моменту прокламации, отпечатав таковые в одной из легальных типографий города Киева, по всей вероятности, в типографии Озерова.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, лл. 102 об.—103 об.

60

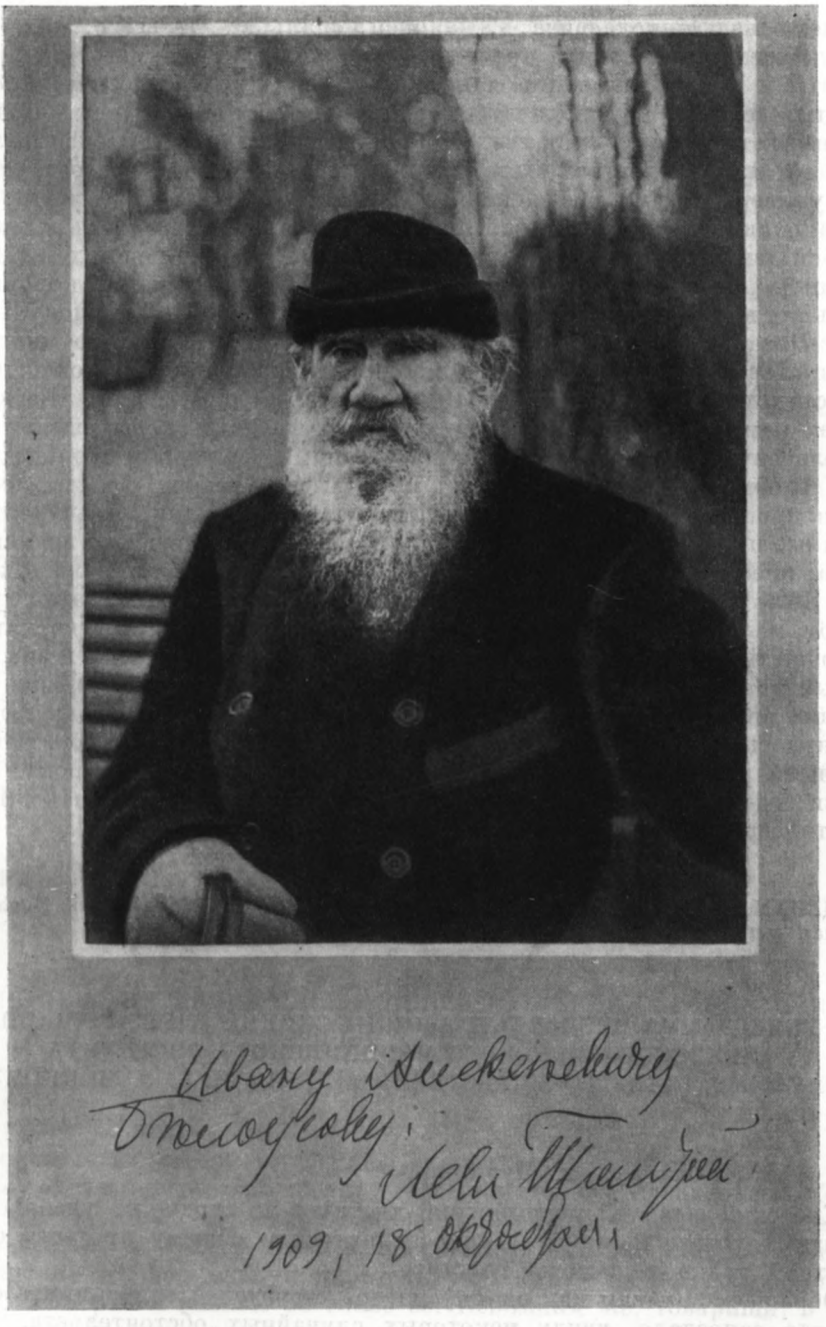
ИЗ ПИСЬМА Я. С. ЭРШЛЕРА к А. С. ЭРШЛЕРУ (В г. МЕЗЕНЬ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБ.)

Киев. 24 ноября 1910 г.

...Последние дни с величайшим событием нашего времени — смертью Л. Н. Толстого — прошли слишком разнообразно, мне удалось пережить редкие минуты, минуты, которые не скоро сглаживаются, об этом-то я и хотел с тобой поделиться. Может быть, тебе уже известно из газет, а может быть, и нет, что́ происходило в эти дни в Киеве, а потому я постараюсь по возможности все сообщить. В течение нескольких дней, начиная со дня смерти Льва Николаевича, чувствовалось во всем что-то особенно печально-торжественное. Жизнь как бы выбилась из своей колеи... Особенно интенсивную роль принимало во всем студенчество, и особенно наше студенчество, т. е. студенчество нашего института, благодаря

той свободе, которая чувствуется у нас. В продолжение четырех дней подряд в институте были общестуденческие сходки, на которых лилась свободная политическая речь. В день похорон Льва Николаевича сходка постановила участвовать в общегородской гражданской панихиде, и все студенты направились в центр города, где, соединившись с студенчеством других учебных заведений, устроили форменную демонстрацию с пением «Вечной памяти» [139]. Не обошлось, конечно, без казацких нагаек, и в результате много легко и сильно пострадавших. Была арестована большая группа до 120 человек и под усиленным конвоем отведена в участок, среди арестованных был и я. Всю дорогу арестованные, сопровождаемые громадной толпой, пели «Вечную память». В участке нам объявили, что нас передают в руки военных властей, и мы тут же (во дворе участка) были окружены ротой солдат во главе с офицером. Последний грубо издевался (в словах, конечно) над арестованными, на действия последнего нами подана жалоба нашему директору, и делу будет дан законный ход (большую часть арестованных составляли студенты-политехники). Всех арестованных разместили по всем участкам г. Киева. В 12 ч. ночи все арестованные по распоряжению начальника края были освобождены (по ходатайству нашего директора). Конечно, все были тщательно обысканы и переписаны; у многих в эту ночь были обыски. Так кончились эти дни в Киеве. Но самое интересное, которое запечатлелось и долго будет храниться в памяти, — это пребывание в Ясной Поляне — месте вечного упокоения Льва Николаевича, и особенно в толстовской колонии «Телятинки» — месте постоянного жительства Черткова и теперь Александры Львовны (дочери Льва Николаевича). Отправились мы в Ясную Поляну экскурсией из 67 студентов-политехников и свыше 40 студентов Коммерческого института и несколько курсисток. Не стану останавливаться на описании поездки, как не представляющей особенного интереса, и перейду прямо к описанию того, что происходило при приезде на станцию Засека. Еще издали, не доезжая, на горизонте в предутренней заре стала выделяться Ясная Поляна, и все припали к окнам вагона. Наконец, на станции Козлова-Засека, наскоро напившись чаю и позавтракав, все гурьбой направились пешком к Ясной Поляне, отстоящей от станции на расстоянии 4—4½ верст. Открылась редкая по красоте картина природы; дорога все время вела лесом, косогоры, холмы и холмики комбинированы с удивительной красотой. Почти все время дорога вела в гору. Добравшись до самого высокого пункта, откуда ведет крутой спуск к Ясной Поляне, перед нами вырисовалась деревня и впереди нее усадьба Толстых. Взоры всех с каким-то особенным трепетом были устремлены туда, где столько лет провел великий старец; казалось, что все это сон, а не действительность. Еще полчаса, и мы у ворот усадьбы. Все собрались и гурьбой направились к могиле. Бесконечный ряд дорожек, и мы у могилы. Все преклонили колени и трижды пропели «Вечную память». Ряд фотографических снимков, снимки синематографа, и публика, предварительно взяв веточку с могилы на долгую память о редких минутах, двинулась к дому, где жил Лев Николаевич. Впускали по 15 человек, и многие разбрелись по усадьбе. Кухни, конюшни, сараи... Ничто не прошло мимо. Рассказы дворовых, прислуги. Наконец, я с последней группой вошел в дом. Как-то обидно стало при воспоминании о той «роскоши», про которую гремели в печати. Все поражает удивительной простотой. Даже наружный вид дома ярко говорит о слишком скромной и простой жизни ее обитателей.

Доктор Маковицкий (с которым Лев Николаевич бежал из Ясной Поляны) показал нам библиотеку Льва Николаевича (1-я у самого входа комната) — низенькая, небольшая комнатка, уставленная шкапами, наполненными книжками на разных языках (много еврейских и особенно много английских); затем мы попали на 2-й этаж в общий кабинет, затем



ТОЛСТОЙ

Фотография с дарственной надписью: «Ивану Алексеевичу Белоусову. Лев Толстой. 1909, 18 октября»

Литературный музей, Москва

кабинет Льва Николаевича и, наконец, спальню. От всего, как я уже сказал, веет удивительной простотой. Спальня такова, что я при поисках комнаты в Киеве, таковой не нанял бы. Простая «студенческая» кровать, истертый венский стул, пожелтевшее трюмо, простой сундучок и полуразрушенный шкафчик — вот все, что наполняет спальню. Показывал нам все и объяснял секретарь Льва Николаевича — бывший студент, бросивший университет по убеждению,— Булгаков ⟨...⟩ После осмотра дома мы направились в деревню чай пить. К 2 часам все собрались в школе и гурьбой двинулись к Черткову (он живет в $2^1/_2$ — 3 верстах от Ясной Поляны). Дом Черткова представляет собой толстовскую колонию, и жизнь там на коммунистических началах. Приехавший в этот день И. Горбунов-Посадов, близкий друг Толстого, поделился с нами о многом из жизни Льва Николаевича, коснулся народничества и под конец прочел свое стихотворение, посвященное памяти Льва Николаевича. После Горбунова нам прочли два неизданных и запрещенных произведения Льва Николаевича, а затем Чертков рассказал нам о последнем периоде жизни Льва Николаевича и о последних минутах его жизни. Толстовская колония пропела несколько духоборских псалмов музыки жены Черткова, затем все пропели трижды «Вечную память» и ввиду позднего времени публика, предварительно поблагодарив за теплый прием, двинулась к станции. Было так тепло на душе, чувствовалось так хорошо в этом своеобразном маленьком мирке, что совсем не хотелось уходить, не хотелось возвращаться в грязный «большой» мир с его шумом и мелочами... Был темный морозный вечер. Кругом ни зги, а впереди 9 верст. Бóльшая часть поехала на крестьянских подводах, а меньшая, в числе которых был и я, потянулась пешком. Мы опять в поезде, который несет нас обратно. Бесконечный ряд станций, бедная однообразная северная природа. Город Курск, где мы простояли часов 7, опять станции и мы опять в Киеве. Как-то серо и холодно кругом...

Твой Яша

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, лл. 138—139 об. Перлюстрационная выписка.

61

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦЫ СХОДКИ СЛУШАТЕЛЬНИЦ КИЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА КАУФМАН ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И. В. ЛУЧИЦКОМУ [140]

Киев. 29 ноября 1910 г.

Уважаемый г. Лучицкий [141]

Киевский женский медицинский институт на сходке по увековечению памяти Толстого постановил присоединиться к общему протесту против смертной казни в память Толстого.

Обращаемся к вам как одному из представителей оппозиции. Сообщение это запоздало, ввиду некоторых случайных обстоятельств.

С совершенным почтением председательница сходки Кауфман

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 465, л. 36. Копия ДП.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документальные источники, приведенные выше, характеризуют широкий размах демократического движения в России в связи со смертью Толстого (за пределами нашей публикации остались еще материалы о «толстовских днях» в Харькове, Одессе и некоторых других университетских городах).

В последующие годы выступления демократических кругов русского общества, в частности студенческие выступления, в день кончины великого писателя стали традиционными.

В качестве приложения к основной публикации мы печатаем листовки, выпущенные к первой и четвертой годовщинам смерти Толстого, и текст листовки Бюро Северо-Балтийской организации РСДРП, распространявшейся в Юрьевском университете 7 ноября 1916 г.

ЛИСТОВКИ 1911—1916 гг.

62

ЛИСТОВКА «ГРУППЫ СТУДЕНТОВ» ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ПОВОДУ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

7 ноября 1911 г.[142]

Товарищи!

Исполнился год со дня смерти великого проповедника земли русской — Л. Н. Толстого. Пусть студенчество, пусть молодежь ознаменует этот день своим молчаливым протестом против неискоренимого бытового зла— смертной казни. Пусть студенчество напомнит шайке разбойников о своем глубоком презрении, своем негодовании к ее кровавой системе.

Пусть студенчество хоть сегодня вместе с великим мудрецом скажет: «Не можем молчать! Довольно крови!»

Предлагая почтить память Льва Николаевича однодневной забастовкой, просим товарищей провести этот день без всяких эксцессов.

Группа студентов

ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., № 24215. Копия ДП.

63

ЛИСТОВКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ «УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КРАСНОГО КРЕСТА»

7 ноября 1914 г.

Товарищи!

Сегодня исполнилась годовщина смерти Льва Толстого.

Всю долгую жизнь страшными ударами огненного слова своего бичевал он все уродства, все несправедливости, все зло и страдание современного общества, и самые сильные и страшные из этих ударов были направлены на отвратительную карательную систему нашей государственности ⟨с⟩ смертной казнью во главе ее. Вспомним же, товарищи, в этот день наших братьев, разбросанных жестокой рукой этой государственности по тюрьмам России и далеким окраинам Сибири, и примем посильное участие в сборе в пользу политических ссыльных и заключенных устроенном сегодня.

Жертвуйте, товарищи!

Университетская организация Красного креста[143]

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 123, л. 245. Копия ДП.

64

ЛИСТОВКА БЮРО СЕВЕРО-БАЛТИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП С ПРИЗЫВОМ К ЗАБАСТОВКЕ В ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ ТОЛСТОГО — 7 НОЯБРЯ 1916 г.

〈Октябрь 1916 г.〉[144]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Учащаяся молодежь и война

(К годовщине смерти Толстого)

7 ноября — день годовщины смерти Л. Н. Толстого — учащаяся молодежь знаменует по традиции забастовкой, чтя в нем не борца, а гонимого самодержавием протестанта против несправедливости социальной жизни, против насилия, против смертной казни, против войны.

В дни грандиозной человеческой бойни, которая совершается на наших глазах, протест против войны необходим. Но на примере этой войны ясно видно, что протест этот должен быть не толстовский, не индивидуальный, не непротивлением злу. Наоборот, мы видим, что правящие классы воюющих стран напрягли все силы, находящиеся в их распоряжении, чтобы собрать многомиллионные массы, одурманить их, бросить друг на друга для взаимного истребления. На наших глазах совершается уже два с четвертью года разрушение производительных сил, и это разрушение ляжет на трудовые массы громадной тяжестью, которая будет ее долго давить после войны. Обнищание и развращение массы и интеллигенции, гонимой военщиной, принижает культурный и моральный уровень. Упразднение по военным обстоятельствам всяких законов и полное царство произвола сатрапов гнетущим прессом лежит на общественной жизни, пресекая всякое свободное проявление мысли, слова и организации.

Против войны «непротивление» недействительно. «Непротиводействие» войне, о котором проповедуют патриотические оппортунисты и социал-патриоты, это лишь следствие влияния на них воинствующей буржуазии. Содействие войне, «оборончество» — это измена интересам трудящихся масс и содействие врагам народа. Единственный путь борьбы против войны и ее последствий — это борьба с теми, кто поддерживает и разжигает эту войну, единственный протест — это путь активного противления, объединение и организация масс. На этот путь указывает социал-демократия и призывает учащуюся молодежь вступить на него.

Правительство для ведения войны нуждается в бессловесных исполнителях своей воли. Ему нужно пушечное мясо. Армию оно рассматривает как стадо «серой скотины», которая должна своими телами гасить неприятельский ураганный огонь. Чтобы гнать это стадо на бойню, ему нужны погонщики-офицеры, обезличенные, нерассуждающие исполнители приказаний, и вот учащаяся молодежь превращена в кадр для комплектования подобных погонщиков «серой скотинки» — солдат. Интеллигентные силы страны отрываются от науки и почти поголовно сдаются в офицеры для руководства преступной бойней. При их участии уже истреблены и искалечены миллионы русских крестьян и рабочих. Хищение и мародерство в армии, преступное вздувание цен на жизненные припасы в тылу, заразные болезни и антисанитарные условия жизни,— все это обрушилось на русского солдата, на его семью. Под видом «дисциплины» в воинских частях вводят каторжный режим. Воскресло и расцветает битье солдат, грубое обращение и произвол начальников. Отправление в строй недолеченных, прием новобранцев и ратников с болезнями и недостатками,— все показывает на безжалостную тактику правительства по отношению к народу. Во всем этом вы должны принять участие по приказу правительства.

Но принять участие значит принять и ответственность. Вот почему вы должны осмыслить свое участие в войне и сказать либо да, либо нет. Ликовать соучастникам правительства Николая Кровавого и воинствующей буржуазии и работать для них против интересов демократии либо сказать: довольно, мы не хотим быть участниками преступной бойни. Долой войну! Долой самодержавное правительство! В этом лозунге учащаяся молодежь не будет одинокой. Пролетариат русский уже выставил этот лозунг. Пролетариат уже не раз в течение войны демонстрировал свое отрицательное к ней отношение. И также теперь, в этот момент, с 17 октября длится стачка петербургских рабочих, не сломленная ни угрозами, ни военной силой. Рабочие вышли на улицу с возгласами: «Долой войну!», «Да здравствует революция!», и солдаты, направленные против них, поняли, что рабочие — их братья и сотоварищи, и отказались стрелять.

Революция надвигается. Вот уже начинает чувствоваться подземный гул вулкана, и дрожит почва под ногами угнетателей народа. Народ и армия все больше проникаются сознанием, что пора положить предел бессмысленному и преступному братоубийству, пора вмешаться в ход общественной жизни и сбросить с плеч политическое ярмо.

Революция надвигается. Ваш гражданский долг также возвысить свой голос, присоединить его к голосу организованного пролетариата. Призываем вас организоваться и подготовиться к активному и революционному действию.

Мы призываем вас сказать 7 ноября в день нашей традиционной забастовки:

Долой войну!

Да здравствует революция!

Долой правительство и да здравствует демократическая республика!

Да здравствует РСДРП!

Исполнительное бюро
Северо-Балтийской организации РСДРП

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 40, лит. Б, л. 4. Гектографированный экз.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кто входил в петербургскую «группу социал-демократов», установить не удалось.

[2] Дата устанавливается по содержанию док. № 10. Утром 10 ноября 1910 г. Я. М. Свердлов сообщал в ЦК РСДРП, что «листок печатается» (см. стр. 348).

[3] *М. Я. Герценштейн* — один из лидеров кадетской партии в Государственной думе; убит черносотенцами после разгона I Государственной думы 18 июля 1906 г.

[4] *А. Л. Караваев* — член Государственной думы, лидер фракции трудовиков; убит черносотенцами после роспуска II Государственной думы в 1908 г.

[5] *Ф.-Г. Феррер* — испанский просветитель и педагог, был арестован во время восстания в Барселоне в 1909 г., осужден военным трибуналом и в том же году расстрелян. Казнь Ферреро вызвала волну протеста во многих странах мира.

[6] Статья Толстого «Не могу молчать!» была написана в 1908 г. в связи с казнью 12 крестьян.

[7] Общестуденческая демонстрация была назначена на 11 ноября 1910 г. Представители студенчества обращались с просьбой о совместном выступлении в Центральное бюро профессиональных союзов (см. док. № 10).

[8] Датируется на основании времени распространения листовки в Киевском университете 11 ноября 1910 г. (см. док. № 56).

[9] Здесь неточно воспроизведено высказывание Толстого, известное со слов его дочери Т. Л. Сухотиной. Проезжая на лошадях по деревне Мценского уезда, Толстой произнес: «В следующий раз я пойду мимо этой деревни пешком с палкой и буду стучаться в дверь каждой избы. Вот тогда-то я и узнаю настоящий русский народ» («Новое время», 1910, от 4 ноября).

[10] Роль *С. А. Муромцева* в истории первой русской революции сильно преувеличивалась представителями буржуазных и мелкобуржуазных кругов русского

общества. Кадеты чествовали одного из своих лидеров, бывшего председателя I Государственной думы как «национального героя», трудовики — как «политического „воспитателя" левых партий». Между тем, кадеты и их лидер Муромцев «отвернулись от революции, осуждали массовую борьбу, ставили ей всевозможные препятствия и старались использовать нерешительность царизма, пугая его революцией и требуя сделки (=кадетское министерство) *от имени* революции» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 289). Смерть Муромцева вызвала демонстрацию, которая в условиях столыпинской реакции «дала возможность открытого и сравнительно широкого выражения *протеста* против самодержавия» (там же, стр. 286—287).

[11] См. док. № 4.

[12] 1 ноября 1910 г. В. М. Пуришкевич при обсуждении в Государственной думе вопроса о начальной школе выступил с заявлением о том, что интеллигенция в России не заслуживает, чтобы ей было поручено дело народного образования. «Вся так называемая русская интеллигенция,— говорил он,— есть, простите за выражение, сволочь». Этот инцидент вызвал бурю возмущения среди студенчества и в широких кругах русской интеллигенции («Речь», 1910, от 2 ноября).

[13] Почетная депутация от французской Высшей инженерной академии присутствовала на столетнем юбилее Института инженеров путей сообщения, отмечавшемся 1 ноября 1910 г. От имени французских депутатов выступил директор французской школы мостов и дорог проф. Клейн, который призывал укреплять связи французских и русских инженеров. Клейн огласил также телеграмму, посланную Институту Обществом французских инженеров. Гости — проф. Клейн, инженеры Пикард и А. Пуанкаре — были удостоены звания почетных членов Института («Речь», 1910, от 2 ноября).

[14] В связи с юбилеем Института инженеров путей сообщения Горный институт преподнес юбиляру «громадных размеров кварцевую друзу горного хрусталя» («Новое время», 1910, от 3 ноября).

[15] Д. Н. Овсянико-Куликовский, выступив на Высших женских курсах с речью о Толстом, говорил в основном об аскетизме великого писателя; оратор призывал не оскорблять «дух учения» покойного в траурные дни («Речь», 1910, от 9 ноября).

[16] См. док. №№ 4 и 5.

[17] См. док. № 7.

[18] Здесь, очевидно, имеется в виду выступление против чествования памяти Толстого правых депутатов Государственной думы. Известно, что 8 ноября 1910 г. все депутаты Государственной думы, кроме правых, почтили память Толстого вставанием и прервали заседание. Правые депутаты в связи с этим заявили протест: «Принимая во внимание, что Государственная дума не литературное и не научное общество, а государственное установление, мы, нижеподписавшиеся, протестуем против самого внесения предложения перед перерывом занятий почтить память скончавшегося Л. Н. Толстого, ибо: 1) граф Л. Н. Толстой никогда не принадлежал к числу членов Государственной думы; 2) не только не был крупным и полезным политическим деятелем, но и отрицательно относился ко всякой государственности и всем государственным установлениям, не исключая и самой думы; 3) отвергал собственность и выполнение гражданских обязанностей; 4) придерживался крайне разрушительных воззрений, отрицал все устои современной культуры; 5) был отречен от сонма верующих церковью за свои богохульные сочинения, подрывающие в русском народе веру православную, являющуюся основой русской государственности. Ввиду этих обстоятельств чествование Толстого Государственной думой является совершенно неуместной противогосударственной и противорелигиозной демонстрацией» («Новое время», 1910, № 12451, от 9 ноября).

[19] См. док. № 9.

[20] «*Андрей*» — партийная кличка Я. М. Свердлова; «*Махровый*» — кличка, данная Свердлову Петербургским охранным отделением.

[21] Во время обыска и ареста 14 ноября 1910 г. Я. М. Свердлов и К. Т. Новгородцева успели разорвать зашифрованное письмо, которое Петербургскому охранному отделению полностью восстановить не удалось. Возможно, это было письмо ЦК РСДРП, упоминаемое в документе (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, лл. 225, 227—228; 5 дел-во 1913 г., д. 158, л. 30 об.).

[22] Свердлов прибыл осенью 1910 г. в Петербург с широкими полномочиями по организации партийной работы и большевистского органа печати. Очевидно, именно по этим главным вопросам и должны были идти директивы уполномоченному ЦК РСДРП. Во всяком случае, в письме «Дорогим товарищам» от 13 ноября 1910 г. Свердлов основное внимание уделяет именно этим вопросам. В письме, уничтоженном во время обыска у Свердлова (как мы предполагаем, письме ЦК РСДРП), Петербургскому охранному отделению удалось восстановить несколько фамилий, в частности «Турутин и др. Об этих лицах агент охранки также ничего не сообщает (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, лл. 226—228).

[23] Возможно, что транспорт с листком о Толстом Свердлов не получил. В ответном письме от 13 ноября 1910 г. он сообщал, что получил один только номер «Рабо-

чей газеты», который и был обнаружен у него при обыске 14 ноября 1910 г. (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, л. 226 об.; д. 238, л. 194).

[24] См. об этом док. № 1.

[25] Социал-демократическая фракция Государственной думы постановила выпустить листовку «с призывом поддержать вносимый фракцией законопроект забастовкой». Эту листовку было поручено напечатать братьям Добрановым. Однако в ночь на 12 ноября 1910 г. Добрановы были арестованы во время работы над листовкой. Решение социал-демократической фракции Государственной думы о выпуске воззвания выполнено не было (ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1910 г., д. 2626, л. 8).

[26] Вокруг журнала «Современный мир», выходившего с 1906 г., группировались меньшевики.

[27] Меньшевик *Н. И. Иорданский* (Негорев), председательствовавший на собрании, был редактором журнала «Современный мир». 9 февраля 1911 г. он как сведущее лицо социал-демократической фракции Государственной думы по политическим вопросам, принимавшее участие в подготовке рабочей демонстрации и забастовки в память о Толстом, был арестован (см. док. № 36; ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1911 г., д. 349, л. 75 об.).

[28] Меньшевик *Е. Смирнов* (Э. Л. Гуревич) — сведущее лицо социал-демократической фракции Государственной думы, главный редактор газеты «Наша заря», в «толстовские дни» по поручению социал-демократической фракции Государственной думы составил законопроект об отмене смертной казни. 9 февраля 1911 г. был арестован за участие в подготовке рабочей демонстрации и забастовки 14 ноября 1910 г. (см. док. № 37; АТ, д. 9401/14, л. 197; ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1911 г., д. 349, л. 75).

[29] Литератор *Н. А. Коновалов*, известный как автор «Очерков современной деревни», был сведущим лицом социал-демократической фракции Государственной думы по рабочему и аграрному вопросам. Впоследствии оказалось, что он был провокатор.

[30] *М. Неведомский* (литературный псевдоним М. П. Миклашевского) — меньшевистский публицист, член редакции журнала «Современный мир». После смерти Толстого выступил в журнале «Наша заря» со статьей, в которой идеализировал реакционное учение Толстого.

[31] *К. Л. Вейдемюллер* — меньшевик, журналист, сведущее лицо социал-демократической фракции Государственной думы, сторонник внесения в Государственную думу законопроекта об отмене смертной казни с одновременной поддержкой этого законопроекта демонстрацией и забастовкой (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 211, т. I, л. 43).

[32] Кто присутствовал на заседании в редакции журнала «Русское богатство», установить не удалось.

[33] О каком Толстовском комитете идет речь, установить не удалось.

[34] Межклубная комиссия, созданная для координации деятельности рабочих клубов и библиотек Петербурга, действовала в «толстовские дни» в контакте с социал-демократической фракцией Государственной думы (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, лл. 46—47).

[35] Центральное бюро профессиональных союзов, созданное по инициативе Петербургского комитета РСДРП 6 ноября 1905 г., после смерти Толстого вместе с социал-демократической фракцией Государственной думы организовывало демонстрацию и забастовку рабочих. Обсуждение на заседании ЦБ профсоюзов решения студентов Петербурга о демонстрации 11 ноября 1910 г. не имело уже большого значения: практически организовать рабочих на демонстрацию было невозможно. На следующий день ЦБ профсоюзов назначило демонстрацию рабочих на 14 ноября. В связи с этим решением в ночь с 12 на 13 ноября 1910 г. были арестованы члены ЦБ профсоюзов: Репин, Иванов, В. Д. Рубцов, А. К. Каменев, Сорокин, Мумин, Пашков, Лебедев. В агентурной записке по поводу ареста говорится: «Это было в так называемые толстовские дни: только что кончилась демонстрация учащейся молодежи, и вот в ночь с 11 на 12 ноября собирается ЦБ профсоюзов и постановляет: „призвать на предстоящее воскресенье к 12 часам на Невский проспект и обратиться к социал-демократической фракции за поддержкой рабочей демонстрации“». В субботу назначено было новое заседание для выработки практических шагов, но к тому времени часть членов ЦБ была задержана и на заседание пришло только 3 делегата и член Государственной думы Покровский (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, л. 37).

[36] Имеется в виду объявление петербургского градоначальника «О запрещении сходбищ и собраний на улицах города». Объявление было расклеено в Петербургском университете утром 11 ноября 1910 г. перед началом демонстрации студентов в память Толстого («Речь», 1910, от 12 ноября).

[37] На вечере в память Толстого, организованном культурно-просветительными обществами 13 ноября 1910 г., отказался выступить ряд лиц. Кроме С. А. Венгерова, Д. С. Мережковского, Л. Н. Андреева, отказался выступить адвокат А. С. Зарудный (см. док. № 33).

[38] Письмо Д. С. Мережковского об отказе выступить на вечере было опубликовано в «Утре России», 1910, от 16 ноября.

[39] Часть письма Л. Н. Андреева была опубликована в «Утре России», от 16 ноября 1910 г. Редакция газеты сообщала: «Л. Н. Андреев находит, что при создавшихся условиях, когда нельзя говорить обо всем том, что составляет общественную сторону деятельности усопшего и когда ⟨далее следовал текст письма Андреева.—*Г. Л.*⟩ ,,ответственность за сказанное падает на сказавшего...''» и т. д. Редакция газеты опустила, таким образом, часть письма, в которой Андреев характеризовал условия, заставившие его выступить с демонстративным отказом от участия в вечере.

[40] Торжественное собрание, посвященное Толстому, готовилось под надзором полиции. Программа вечера была заранее с ней согласована. Нарушение порядка или изменение программы грозило главному распорядителю вечера М. М. Ковалевскому штрафом (см. об этом также док. № 33 и прим. 78—87).

[41] Вероятно, речь идет о сходке в университете 12 ноября 1910 г. (см. док. № 22).

[42] С назначением в конце сентября 1910 г. министром народного просвещения Л. А. Кассо ожидались изменения в курсе политики правительства в отношении университетов.

[43] Имеется в виду встреча Л. А. Кассо с ректором Московского университета А. А. Мануиловым в начале октября 1910 г. Позднее, в конце 1910 г., Мануилов по приказу Кассо был уволен из Московского университета за мягкость по отношению к студенческому движению.

[44] Устав 1884 г., принятый в бытность министром просвещения Делянова, уничтожил университетскую автономию: было введено назначение ректоров, деканов и профессоров университетов министром просвещения и образование испытательных комиссий для приема экзаменов у студентов. «Афоризмы» Кассо означали, что он намерен был проводить реакционную политику своих предшественников.

[45] Общестуденческая сходка 10 ноября 1910 г. (см. док. № 9).

[46] *С. Я. Елпатьевский* — один из организаторов народно-социалистической партии, литератор, член редакции журнала «Русское богатство».

[47] Воззвание фракции кадетов Государственной думы, призывавшее студентов отказаться от намерения устроить общестуденческую демонстрацию, было опубликовано в газете «Речь» от 11 ноября 1910 г.

[48] *А. В. Пешехонов* — один из организаторов и руководителей партии народных социалистов, публицист, сотрудничал в журнале «Русское богатство».

[49] *А. П. Петрищев* — эсер, журналист, сотрудничал в журнале «Русское богатство».

[50] О Миклашевском — см. прим. 30.

[51] *В. Баваров* (псевдоним В. А. Руднева)— публицист, философ, меньшевик; после смерти Толстого выступил в журнале «Наша заря» со статьей, в которой защищал толстовский принцип «непротивления злу насилием» и в либеральном духе оценивал творчество Толстого.

[52] Коалиционный совет высших учебных заведений Петербурга был образован 9—10 ноября 1910 г. из представителей «коалиционных советов», «исполнительных комиссий», «объединительных комиссий» и т. п. нелегальных организаций студентов. Коалиционный совет, состоявший из социал-демократов, эсеров и беспартийных, руководил студенческим движением в «толстовские дни».

[53] Имеется в виду общестуденческая сходка в Петербургском университете (см. док. № 22).

[54] См. об этом прим. 15.

[55] На торжественном собрании выступили М. М. Ковалевский, К. И. Арабажин, П. Н. Милюков, Г. А. Фальборк, С. А. Андрианов. Собрание было закрыто после выступления Ф. И. Родичева. Остальные ораторы от выступлений отказались («Речь», 1910, от 14 ноября). См. также док. №№ 19 и 33.

[56] Преподаватель имп. драматических курсов К. И. Арабажин в речи на собрании 13 ноября говорил о Толстом как о «совести человечества» и «цельной обаятельной личности»: «нет двух Толстых — художника и мыслителя, есть один...»: Толстой— «знамение бессмертия совести» («Речь», 1910, от 14 ноября).

[57] Тверской помещик, член Государственной думы, кадет Ф. И. Родичев в своей речи отвергал общественно-политическое значение творчества и деятельности Толстого. Вспомнив «эпоху освобождения» крестьян, Родичев утверждал, что «освобождение» для Толстого было делом не политики, а делом совести. Точно так же участие Толстого в организации помощи голодающим или в деятельности школ было подсказано ему великой совестью. Если Толстой останавливался на вопросе о собственности, то «не как теоретик» — социальная проблема превращалась в проблему совести. «Великая совесть Толстого,— говорил Родичев,— воплотилась и в слове, и в деле во имя народа» («Речь», 1910, от 14 ноября).

[58] П. Н. Милюков говорил о влиянии Толстого на демократическое движение в Англии, Японии, Болгарии, о понимании Толстым искусства как средства передачи чувств, средства единения людей, о том, что такое понимание искусства Толстым делает его близким всему человечеству, несмотря на национальное своеобразие характера и религиозность. В России, по мнению П. Н. Милюкова, влияние Толстого сказалось на интеллигенции, но до народа не дошло. Только после смерти Толстой

становится более доступным народу. Смерть Толстого, «необычайное погребение», разрушившее формы условности, «для народной массы, коснеющей в обрядности»,— величайший урок («Речь», 1910, от 14 ноября).

[59] О политических выступлениях в связи со смертью Толстого в Харькове, Одессе, Варшаве, Томске — см. предисловие.

[60] Речь идет о забастовке студентов.

[61] 15 ноября 1910 г. демонстрация не состоялась. Коалиционный совет высших учебных заведений Петербурга вынес решение: «Не выступать со студенческими манифестациями и ожидать, когда волна захватит пролетариат, чтобы потом к нему присоединиться» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, лит. А, л. 76).

[62] Здесь дается описание демонстрации студентов Петербурга 11 ноября 1910 г.

[63] Автор письма дает описание студенческой демонстрации 9 ноября 1910 г.

[64] Сообщения газет о событиях в Петербурге в «толстовские дни» нередко содержали ошибочные или заведомо ложные сведения. «Русские ведомости» поместили, например, 11 ноября 1910 г. ложное известие о том, что демонстрация студентов Петербурга, назначенная на этот день, отменена. Наиболее слабое освещение в газетах получило рабочее движение. «Что писать о последних событиях?— писал в эти дни Я. М. Свердлов.— Все почти было в газетах. Правда не все было о рабочих» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, л. 226 об.).

[65] Речь идет о демонстрации студентов Петербурга 11 ноября 1910 г.

[66] Имеется в виду заседание Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга, Центрального бюро профессиональных союзов, социал-демократической фракции Государственной думы (см. док. № 36).

[67] Арест членов Центрального бюро профессиональных союзов произошел в ночь на 13 ноября 1910 г. (см. прим. 35).

[68] Донесение начальника Петербургского охранного отделения за № 185 не обнаружено.

[69] Об аресте членов Центрального бюро профессиональных союзов — см. прим. 35.

[70] Представители учащихся — представители Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга.

[71] Профессиональный союз металлистов был создан в 1905 г., его представители входили в Центральное бюро профессиональных союзов.

[72] См. об этом прим. 20.

[73] Демонстрация рабочих намечалась на 14 ноября 1910 г.

[74] Коалиционный совет университета был, очевидно, не согласен с решением Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга о прекращении локальных политических демонстраций, проходивших без участия пролетарских масс (см. док. № 32).

[75] Известный шлиссельбуржец Н. А. *Морозов*; познакомился с Толстым в Ясной Поляне, куда он приезжал специально в сентябре 1909 г. О посещении Ясной Поляны он написал впоследствии статью «Свидание с Л. Н. Толстым». Содержание речи Морозова по поводу смерти Толстого неизвестно (см. Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. III. М., 1947, стр. 310—313).

[76] Описывается студенческая демонстрация 9 ноября 1910 г.

[77] Речь идет о студенческой демонстрации 11 ноября 1910 г.

[78] О торжественном собрании 13 ноября 1910 г., организованном культурно-просветительными обществами в память Толстого,— см. док. №№ 19 и 24.

[79] *М. М. Ковалевский* — известный ученый, историк и социолог, член I Государственной думы — был главным распорядителем торжественного собрания 13 ноября 1910 г. Открывая собрание, Ковалевский говорил о Толстом как о человеке, отдавшем себя служению идее объединения людей. «Будучи нашей народной гордостью,— говорил Ковалевский,— он в то же время принадлежит всему человечеству» («Речь», 1910, от 14 ноября).

[80] Речь Д. Н. Овсянико-Куликовского была посвящена характеристике Толстого как русского национального гения. Ни один из русских писателей, по словам Овсянико-Куликовского, не соткан в такой степени из национальных элементов, как Толстой, и никто с такой полнотой не выразил русской стихии, как он («Речь», 1910, от 14 ноября).

[81] О выступлении К. И. Арабажина — см. прим. 56.

[82] Профессор С. А. Андрианов произнес короткую речь, в которой раскрыл определение Толстого как «великого писателя земли русской» («Речь», 1910, от 14 ноября).

[83] О речи П. Н. Милюкова — см. прим. 58.

[84] Литератор и общественный деятель, автор книг о народном образовании *Г. А. Фальборк*, выступая на собрании 13 ноября 1910 г., посвятил свою речь педагогической деятельности Толстого. Кроме того, он заявил: «...Великий художник-мыслитель перенес весь ужас, окружающий нас, начиная от обыска в Ясной Поляне и до того момента, когда стражники сопровождали его труп в Ясную Поляну. Ясная Поляна превратится в новую великую святыню Руси. Веря вместе с Толстым во всепокоряющее значение любви, мы убеждены, что день освобождения народа не за горами» («Речь», 1910, от 14 ноября).

[85] О выступлении Ф. И. Родичева — см. прим. 57.

[86] *А. С. Зарудный* — известный адвокат, защитник по политическим процессам: по делу 1-го Совета рабочих депутатов, по делу лейтенанта Шмидта, «Памяти Азова», Бейлиса и др.

[87] О причинах отказа Л. Андреева и др. участвовать в вечере, посвященном Толстому,— см. док. № 19 и прим. 39.

[88] Имеется в виду арест членов Центрального бюро профессиональных союзов в ночь с 12 на 13 ноября 1910 г.

[89] *М. Л. Хейсин* — сведущее лицо думской социал-демократической фракции Государственной думы по рабочему вопросу и профсоюзам, член Межклубной комиссии и Центрального бюро профессиональных союзов, в «толстовские дни» организовывал студенческие демонстрации (ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1911 г., д. 349.— Сведения о перечисленных лицах взяты из того же дела, лл. 73 об.—75 об.).

[90] *Л. Н. Радченко* — секретарь социал-демократической фракции Государственной думы, арестована в связи с подготовкой рабочей демонстрации 14 ноября 1910 г.

[91] *С. Г. Турутин* — юрисконсульт социал-демократической фракции Государственной думы, сотрудничал в газете «Звезда», вел переписку с ЦК РСДРП, его фамилия упоминалась в письме, уничтоженном Я. М. Свердловым во время ареста 14 ноября 1910 г.

[92] *В. Д. Бонч-Бруевич* — большевик-историк, в то время редактор газеты «Звезда», представитель ЦК РСДРП по издательским делам в России, сведущее лицо при социал-демократической фракции Государственной думы по вопросам религии.

[93] *Е. М. Борткевич* — была связана с социал-демократической фракцией Государственной думы.

[94] *М. Я. Вайнштейн* — редактор журнала «Новая жизнь», сотрудничал в газете «Звезда», был близок к социал-демократической фракции Государственной думы.

[95] Об Эммануиле *Гуревиче* — см. прим. 28.

[96] *И. А. Исув* — сотрудник журнала «Наша заря», автор запросов социал-демократической фракции Государственной думы по студенческим вопросам.

[97] *Л. М. Книпович* — большевичка, уполномоченная ЦК РСДРП, имела связи с деятелями профсоюзного движения.

[98] *Ф. А. Липкин* (литературный псевдоним Н. Череванин) — меньшевик, литератор, сотрудничал в журнале «Наша заря», сведущее лицо при социал-демократической фракции Государственной думы по рабочему вопросу, вел переговоры и переписку с представителями Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга.

[99] *С. А. Мгалоблишвили* — посредник между социал-демократической фракцией Государственной думы и руководителями студенческого движения.

[100] *М. П. Свечина* — имела отношение к социал-демократической фракции Государственной думы.

[101] *М. Н. Цапенко* — студент Петербургского университета, секретарь рабочего клуба «Источник света и знания», в котором выступал Я. М. Свердлов 9 ноября 1910 г.; член студенческой социал-демократической фракции университета, состоял в рабочей группе при социал-демократической фракции Государственной думы.

[102] *Г. В. Циперович* — студент Петербургского университета, вел рабочие кружки в Невском районе, был связан со студенческой социал-демократической фракцией университета.

[103] *Н. И. Иорданский* — см. прим. 27.

[104] *И. П. Азаров* — социал-демократ, был связан с социал-демократической фракцией Государственной думы.

[105] Имеется в виду арест членов Центрального бюро профессиональных союзов в ночь с 12 на 13 ноября 1910 г.

[106] Дело группы социал-демократов, арестованных в связи с их революционной деятельностью в «толстовские дни», было окончено в июне 1911 г. высылкой их из столицы на различные сроки (ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1910 г., д. 406, ч. 5, л. 26).

[107] В списке значится 11 человек: Г. В. Быков, Е. Е. Костюкан, А. М. Митрофанов, М. М. Лазарев, Н. П. Смагин, С. С. Трофимов, М. Ф. Бурмистров, И. А. Кондратьев, И. М. Кононов, Н. М. Дудкин, Г. М. Аралов (ЦГИАМ, ф. 63, 1910 г., д. 2290, л. 1).

[108] Имеется в виду демонстрация к дому Толстого в Хамовниках 9 ноября 1910 г. (см. док. № 52).

[109] Совет студенческих представителей — Совет старост.

[110] Исполнительная комиссия Коалиционного совета Московского университета была создана в апреле 1910 г. В нее входили представители экономических организаций и политических фракций студентов (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 46 лит. А, л. 69).

[111] Демонстрация 11 ноября 1910 г. в Москве направлялась к дому Толстого в Хамовниках (см. док. № 52).

[112] Имеется в виду демонстрация петербургских студентов 11 ноября 1910 г. Фракция кадетов Государственной думы обратилась перед демонстрацией к петербургским студентам с призывом отказаться от участия в этой демонстрации (см. док. №№ 11—12).

[113] *И. П. Покровский* — член III Государственной думы, социал-демократ, сочувствовал большевикам, один из основных ораторов социал-демократической фракции. И. П. Покровский 12 ноября 1910 г. внес на рассмотрение Государственной думы законопроект об отмене смертной казни в память Толстого.

[114] Здесь имеется в виду обращение студентов Московского университета в экспертную комиссию Петербургского университета, контролировавшую студенческие организации взаимопомощи, о солидарности со студентами Петербургского университета («Утро России», 1910, от 16 ноября).

[115] Сходка 13 ноября 1910 г. в Московском университете (см. док. № 40).

[116] Демонстрация 14 ноября 1910 г. в Москве (см. док. №№ 42—45).

[117] Автор поставил на письме дату отправления. Письмо было написано, вероятно, 12 ноября 1910 г., когда законопроект об отмене смертной казни был снят с повестки дня Государственной думы.

[118] Вопрос об отмене смертной казни трижды, в 1908 и 1909 гг., поднимался в Государственной думе. 12 ноября 1910 г. социал-демократическая фракция Государственной думы предложила внести его в повестку дня. Это предложение было поддержано кадетами, но черносотенное большинство III Государственной думы проголосовало против него («Речь», от 12 ноября 1910 г.).

[119] Дата устанавливается на основании содержания документа. Письмо начато до предполагавшейся демонстрации рабочих, 13 ноября 1910 г. и окончено 15 ноября, когда стало ясно, что «демонстрация не удалась».

[120] Демонстрация 14 ноября 1910 г. в Москве (см. док. №№ 42—45).

[121] Резолюции студенческих сходок об отмене смертной казни принимались почти во всех высших учебных заведениях. Аналогичные резолюции — см. док. №№ 6—7.

[122] В Москве происходили аресты студентов за участие в демонстрации 14 ноября 1910 г. Было арестовано 196 человек (ЦГИАМ, ф. 63, д. 1700, л. 57).

[123] Московская организация РСДРП в конце 1910 г. была ослаблена многочисленными арестами. Основная работа партии проводилась в легальных рабочих организациях, клубах, просветительных обществах. В ночь с 13 на 14 ноября 1910 г. было арестовано 14 членов РСДРП, пытавшихся возобновить деятельность Центрального бюро московских профессиональных союзов (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 46, лит. Б, л. 56). В письме из Москвы в газету «Социал-демократ» корреспондент писал: «...что отсутствие своей организации чувствуется рабочими, это сказывается в целом ряде фактов 〈...〉 Расскажу только мой разговор с одним рабочим. Речь шла о поминках Толстого, у них в день похорон не работали. Товарищ откровенно признался, что не так надо было рабочим отметить этот день. Но как? Он не мог сказать, он был один, не с кем было посоветоваться. Так сам отметил он» («Социал-демократ», 1911, № 19-20, стр. 10).

[124] Сходка на Высших женских курсах 10 ноября 1910 г. (см. док. № 52).

[125] Демонстрация 14 ноября 1910 г. (см. док. №№ 42—45).

[126] Сходка на Высших женских курсах 15 ноября 1910 г.

[127] Об участии представителей петербургских студентов в сходке 13 ноября — см. также док. № 40.

[128] См. док. № 53.

[129] На сходке 12 ноября 1910 г. в Московском университете. Исполнительная комиссия была отстранена от руководства студенческим движением в «толстовские дни» ввиду ее несогласия организовать демонстрацию против смертной казни, и был избран Временный коалиционный комитет из представителей революционных фракций студентов (см. док. № 39).

[130] В этом списке значится 119 человек (ЦГИАЛ, ф. 738, оп. 201, 1910 г., д. 56, ч. 1, лл. 40—43).

[131] *Н. В. Лысенко* — украинский композитор, в 1910 г.— директор Киевской музыкальной школы.

[132] *В. А. Чаговец* — журналист; в это время приват-доцент Киевского университета, был близок к революционерам.

[133] *И. М. Левинский-Левицкий* — помощник присяжного поверенного, сотрудник газеты «Киевская мысль», по сведениям Департамента полиции, находился в тесной связи с революционными организациями.

[134] Эти сведения не точны. В рапорте пристава начальнику Киевского охранного отделения 10 ноября 1910 г. сообщается, что «на Южно-Российском заводе 9 ноября 1910 г. после обеда была объявлена забастовка по случаю смерти Л. Н. Толстого» («Рабочее движение на Украине». Киев, 1959, стр. 61).

[135] На этой же сходке была принята резолюция «О присоединении к выработанной студентами Петербургского университета программе борьбы за отмену смертной казни и посылке соответствующей телеграммы социал-демократической фракции Государственной думы» (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 201, 1910 г., д. 56, ч. III, л. 13).

[136] Имеется в виду прокламация Киевской организации РСДРП по поводу смерти Толстого (см. док. № 2).

[137] Демонстрация 9 ноября 1910 г. в Киеве в день похорон Толстого, разогнанная полицией (см. док. № 57).

[138] В Департаменте полиции имелись сведения о том, что «начальство и профессора Киевского политехнического института не только проявили во время последних студенческих беспорядков по поводу смерти Л. Н. Толстого значительную способность в отношении устраиваемых беспорядков, но даже потворствовали последним». По этим сведениям, студенческие сходки в институте были «беспрепятственно разрешаемы, а на одну из них, завершившуюся посылкой семье Толстого крайне тенденциозной телеграммы, явился Совет профессоров института и выразил сочувствие студентам» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. А, лл. 8—9).

[139] Демонстрация 9 ноября 1910 г. в Киеве.

[140] Публикуемая телеграмма была принята на сходке слушательниц Киевского женского медицинского института 11 ноября 1910 г. (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. А, л. 13).

[141] И. В. *Лучицкий* — бывший профессор Киевского университета, кадет, член III Государственной думы.

[142] Датируется на основании времени распространения листовки на сходке студентов Петербургского университета, посвященной годовщине смерти Толстого (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 123, л. 231).

[143] Листовка распространялась на сходке студентов Петербургского университета 7 ноября 1914 г., в годовщину смерти Толстого (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 123, л. 245).

[144] Листовка распространялась в Юрьевском университете 7 ноября 1916 г. В агентурной записке о распространении этой листовки говорилось: «В течение последнего времени группа лиц по преимуществу социал-демократического направления, в связи с наступающей годовщиной дня смерти графа Л. Толстого, отождествляя идеи последнего о мире и о протесте против современной социальной жизни с моментом нынешней войны, решила ознаменовать годовщину смерти покойного писателя ведением пропаганды среди населения о скорейшем окончании нынешней войны» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 40, лит. Б, л. 1).

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ О ТОЛСТОМ

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ЛЕКЦИЯ 1928 г.

Предисловие К. Н. Ломунова
Публикация В. Д. Зельдовича

Творчество Толстого было предметом изучения А. В. Луначарского, начиная с 1911 г. Толстому посвящено более 35 его статей, лекций, докладов, из которых напечатано около тридцати. Многие из них были опубликованы и не раз переиздавались. В 1928 г., в связи с празднованием 100-летия со дня рождения великого писателя, был издан сборник статей Луначарского «О Толстом». В него вошли семь статей, и среди них — «Толстой и Маркс», «Ленин о Толстом», «Толстой-художник» и другие статьи, в свое время вызвавшие большой интерес у читателей.

В основу своей оценки литературного наследия Толстого Луначарский положил ленинское утверждение: «Это наследство берет и над этим наследством работает революционный пролетариат». В статьях и высказываниях Ленина о Толстом Луначарский стремился найти ключ для ответа на множество сложнейших вопросов, возникающих при изучении наследия великого писателя.

Лекция о Толстом, впервые публикуемая в настоящем томе «Литературного наследства», была прочитана Луначарским уже после того, как толстовский юбилей был отпразднован. В ней Луначарский как бы подводит итоги всему, что было напечатано и сказано о Толстом в период юбилея. Вместе с тем Луначарский считал ее «как бы некоторым актом чествования» Толстого. И это в известной мере обусловило характер лекции: в ней дан яркий портрет Толстого — человека, мыслителя, художника.

С итоговым характером лекции связана ее многотемность: Луначарский стремился осветить в ней многие проблемы и вопросы, относящиеся к наследию Толстого, вызывавшие в 20-х годах острые споры и дискуссии. Центральной темой лекции, как, впрочем, и большинства других выступлений Луначарского о Толстом, является тема «Значение наследия Толстого для советского общества».

Во второй половине 20-х годов Луначарскому приходилось защищать и отстаивать наследие Толстого от нападок «левых» критиков, требовавших чуть ли не запретить издание его произведений, предлагавших превратить юбилей из чествования писателя в его «проработку». Наиболее рьяные из «левых» критиков обвиняли Луначарского в том, что он искажает ленинскую оценку мировоззрения и творчества Толстого, и требовали у него публичного признания своих ошибок.

Превосходный полемист, Луначарский с блеском парировал нападки своих критиков, убедительно показывая всю вздорность и вредность их призывов сбросить Толстого «с корабля современности». При этом он опирался на ленинские высказывания о Толстом, пропагандировал ленинскую концепцию Толстого.

Естественно, что в дискуссиях и спорах об оценке наследия Толстого в те годы на первый план выдвигался Толстой-мыслитель, Толстой-философ. Борьба с «историческим грехом толстовщины» в ту пору была еще очень острой. И Луначарский бóльшую часть статей, докладов и речей о Толстом посвящает анализу и оценке мировоззрения писателя. В публикуемой лекции лишь четвертая ее часть отведена Толстому-художнику, а три четверти — Толстому-мыслителю. В таком соотношении, в такой расстановке акцентов нашла яркое выражение печать времени. Печать времени лежит

и на многих суждениях Луначарского о Толстом. Он искренне стремился следовать ленинской концепции мировоззрения и творчества великого писателя, но в целом ряде его высказываний о Толстом отчетливо выступают следы непреодоленного влияния плехановской оценки Толстого. Особенно они заметны в публикуемой лекции.

Отвечая на вопрос о том, как советские люди должны относиться к наследию Толстого, Луначарский подчеркнул: «Плеханов сказал, что мы принимаем Толстого „отсюда и досюда". Наши юбилейные торжества сказали то же самое: „отсюда и досюда"».

Подобно Плеханову, Луначарский называет Толстого барином и в его протесте против капитализма видит выражение «сословной ненависти к буржуазии, к мещанству, к капиталистическому укладу». Он придает большое значение тому, что «Толстой происходил из очень крепкой помещичьей семьи и сам был очень крепким помещиком». Луначарский утверждает, что «до 80-го года» в Толстом «преобладал классово-сознательный дворянин». А отсюда и «Война и мир» в трактовке Луначарского есть «„Илиада" русского дворянства», в ней Толстой якобы дал «апофеоз дворянства».

Характеризуя историческую эпоху, воплотившуюся в произведениях Толстого, Луначарский прибегает к терминологии «школы Покровского». Он говорит о «развитии хлебного производства и хлебной торговли на новых началах», как решающем факторе, влиявшем на идеологию передового «более или менее деклассированного» дворянства.

Когда Луначарский касается вопросов психологии творчества и стремится определить «биологические стимулы», коренившиеся в особенностях личности Толстого, от его суждений веет духом фрейдистской «науки».

Но, разумеется, не этими — ошибочными и давно устаревшими — сторонами может заинтересовать нашего читателя лекция Луначарского. Мы должны подойти к ее оценке, имея в виду не только сегодняшний уровень нашей науки о литературе, но и ее уровень середины 20-х годов.

В то время еще только утверждалась в литературоведении ленинская концепция наследия Толстого и даже такие крупные и талантливые критики, каким был Луначарский, не могли сразу постичь всю ее глубочайшую мудрость, хотя искренне стремились к этому.

На первых же страницах лекции Луначарского мы находим много верных и ярких слов о значении ленинской оценки Толстого. Статьи Ленина о Толстом Луначарский называет гениальными и видит в них «могучий компас, ориентирующий нас».

Возникает законный вопрос: замечал ли сам Луначарский, что некоторые из его суждений о Толстом не только не совпадают с ленинскими определениями, но и прямо им противоречат? Да, замечал.

В статье «Ленин о Толстом» Луначарский говорит, что «многое и положительное и особенно отрицательное в Толстом выросло из его барства». И вот что он пишет вслед за этим утверждением: «но характерно и превосходно в анализе Ленина то, что он совсем оставляет в стороне это барство, и о нем упоминает, как о вещи второстепенной» (А. В. Луначарский. О Толстом. М., 1928, стр. 64—65).

В большой статье «О творчестве Толстого» Луначарский первые две главы посвятил ленинской оценке взглядов и произведений писателя. Вопреки тому, что он много раз писал и говорил о «барстве» Толстого, в этой статье Луначарский, проникнувшись духом ленинского подхода к оценке Толстого, утверждает: «В нем ⟨Толстом.— *К. Л.*⟩ могли остаться разные помещичьи черты, но *назвать такого человека выразителем интересов помещичьего класса никак нельзя*» (там же, стр. 98.— Курсив мой.— *К. Л.*). Здесь же он подчеркивает, что Толстого жизнь рано «выкидывает за пределы дворянского класса». И далее Луначарский высказывает много интересных мыслей о Толстом как идеологе патриархального крестьянства.

Объявив в своей лекции «по-плехановски», что Толстого мы принимаем «отсюда и досюда», Луначарский тут же спешит заявить, что он выступает против механического деления Толстого на мыслителя и художника. Как известно, такое деление лежит в основе плехановской оценки Толстого. Нет никаких сомнений в том, что подобные отступления от Плеханова были вызваны стремлением Луначарского понять Толстого в духе ленинской оценки его наследия. Однако в данной лекции это не вполне удалось.

ТОЛСТОЙ
Рисунок В. Е. Маковского, 1906 г.
Дом-музей Толстого в Хамовниках.
Москва

Так, оценив «Войну и мир» как «„Илиаду" русского дворянства», Луначарский не смог ни правильно охарактеризовать пафос этого произведения, ни определить его главную мысль. В упоминавшейся выше статье «О творчестве Толстого», где главное внимание автора сосредоточено на ленинском подходе к оценке толстовского наследия, дана иная, во многом верная и прозорливая характеристика «Войны и мира». Луначарский говорит здесь о значении «мысли общенародной» в романе Толстого, о том, что «„Война и мир" есть изображение совокупных действий» (А. В. Луначарский. О Толстом, стр. 116). А вот как звучит итоговая оценка романа, которую дает в этой статье Луначарский: «Все положительное в романе „Война и мир" — это протест против человеческого эгоизма, тщеславия, суеверия, стремление поднять человека до общечеловеческих интересов, до расширения своих симпатий, возвысить свою сердечную жизнь. Это все очень хорошо» (стр. 119).

Нет нужды подчеркивать, что эта характеристика «чистоты нравственного чувства», отличающей роман Толстого, и ныне сохраняет свою свежесть и значение.

Наиболее интересны и ценны в публикуемой лекции те страницы, где Луначарский характеризует Толстого как художника. Мы находим здесь великолепные по выразительности и четкости определения таких сторон творчества Толстого, как его идейность, сознательная тенденциозность, как присущая его стилю высокая простота. Здесь дана блестящая по сжатости выражения и силе мысли характеристика своеобразия толстовского реализма, слога Толстого, его удивительного мастерства.

Завершают этот раздел лекции мысли, которые «просятся», чтобы о них мы вспомнили сегодня — в пору горячих споров о будущем нашего искусства. Резко выступая против «телеграфного», «джазбандовского» стиля, Луначарский говорил: «Творить может только человек, и мы никогда не изобретем машины, способной написать роман ⟨...⟩ Здесь всегда на первом месте будет любовное мастерство. Тщательность работы Толстого, это тот идеал, которому мы должны учиться».

ТОЛСТОЙ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ*

Т о в а р и щ и! Я прошу мою сегодняшнюю лекцию считать как бы некоторым актом чествования.

Я вовсе не собираюсь произнести перед вами хвалебную речь «великому писателю земли русской», как принято Толстого называть. У нас в Советском Союзе юбилеи и торжества такого рода имеют несколько иной характер, чем в старой России и Западной Европе. Вот, например, характерный случай. Знаменитый французский писатель Андрэ Жид (которого считают одним из украшений французской литературы и притом человеком, специально старающимся проводить этические начала в своих романах) на запрос о том, чем он может откликнуться на юбилей Толстого, ответил таким курьезным письмом. Он говорит, что по поводу юбилея можно говорить только положительно, но это было бы пресным гимном; выражать же какое-нибудь критическое отношение к Толстому, сделать те или другие ограничительные замечания, по его мнению, неуместно во время юбилея.

Мы смотрим на это совершенно иначе. Мы думаем, что юбилей не академическое торжество — не пустой праздник, а, как все, что делается в нашей стране (или как надо было бы, чтобы все делалось в нашей стране), юбилей должен быть актом деловым и плодотворным. Раз известное лицо, историческое событие стоит перед нами как празднуемое, как чествуемое, то наше чествование должно заключаться в том, чтобы мы разобрались во всех положительных и отрицательных его сторонах и сказали бы о нем всю правду.

---

* Публикуемая лекция Луначарского является его последней работой, посвященной Толстому (после этого им было написано только предисловие к книге А. М. Евлахова «Конституционные особенности психики Л. Н. Толстого». М., 1931). В связи со 100-летием со дня рождения Толстого в 1928 г. была создана правительственная комиссия под председательством Луначарского, куда входили: М. Н. Покровский, И. И. Степанов-Скворцов и В. Д. Бонч-Бруевич. Как председатель комиссии Луначарский неоднократно выступал в советской и зарубежной печати, разъясняя значение юбилея Толстого, основные проблемы его творчества. Из многочисленных лекций и докладов Луначарского, прочитанных в этот период, остались неопубликованными только три. Их стенограммы хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма. Одна из этих стенограмм совсем не правлена и не известно, где и когда был прочитан этот доклад (судя по общему построению и отдельным примерам, он бесспорно относится к этому же времени). Во второй стенограмме содержится доклад Луначарского «Толстой и революция» на торжественном публичном заседании Всесоюзного комитета по чествованию Толстого 10 сентября 1928 г. в Большом театре. Стенографическая запись сделана неудовлетворительно и правлена лишь частично. Той же теме посвящена и лекция Луначарского, сохранившаяся в третьей, полностью выправленной, стенограмме. Лекция была прочитана в Ленинграде 30 сентября 1928 г. и называлась «Толстой и наша современность». Впоследствии, после соответствующей переработки, Луначарский предполагал напечатать ее в Ленгизе отдельной брошюрой (переработка заключалась главным образом в сокращении текста и небольшой стилистической правке, сделанной не рукой Луначарского, но им несомненно авторизованной). В архиве вместе со стенограммой хранится письмо Луначарскому из Ленгиза от 21 марта 1929 г.: «Уважаемый тов. Луначарский. Ввиду выхода на рынок к юбилею Толстого большого количества литературы, а также очень продолжительной правки вами стенограммы, выход вашей брошюры в настоящее время явится запоздавшим. Одновременно высылаем вам вашу стенограмму» (ф. 142, оп. 1, ед. хр. 549).

Таким образом, последняя брошюра Луначарского о Толстом, подготовленная им к печати, осталась неизданной.

Лекция «Толстой и наша современность» завершает многолетнюю работу Луначарского по изучению философских воззрений и художественного творчества великого писателя.

В стенографической записи сохранились вопросы, заданные Луначарскому после лекции, и его ответы на вопросы. Поскольку эти ответы имели задачей еще раз популярно разъяснить некоторые проблемы, затронутые в выступлении Луначарского, мы не воспроизводим их в данной публикации. В. З е л ь д о в и ч

По отношению к Толстому эта задача особенно велика. В Толстом несомненно есть, во-первых, черты огромной положительности, которые делают его в некоторых отношениях для нас и сейчас учителем. Он вовсе не умер,— интерес к нему гигантский. Ни один писатель, ни из старых, ни из новых, по справкам библиотек, не читается сейчас так, как Толстой; ни один писатель не имеет такого огромного влияния на нашу молодую пролетарскую литературу. Целый ряд крупнейших наших пролетарских литераторов, подаривших нам как раз наиболее ценные произведения, откровенно признаются, что они учатся у Толстого. Стало быть, относиться к Толстому просто как к прошлому мы не можем.

Вместе с тем в Толстом имеется целый ряд таких черт, которые объективно являются страшно интересными. Независимо от того, хороши они или плохи,— они грандиозны и выразительны. Мимо такой рельефной фигуры, мимо такой подавляюще большой фигуры нельзя пройти марксисту, нельзя пройти гражданину нашей страны без определенной, очень внимательной переоценки.

Наконец, в Толстом есть, как известно, и такие черты, которые прямо противоречат нашему миросозерцанию и нашей деятельности, которые ставят некоторые, притом чрезвычайно важные, линии его проповеди как враждебные нам.

Для нас чрезвычайно важно подчеркнуть, понять и поднять те стороны Толстого, которые могут быть нам полезны, расценить, поставить определенные ударения на всем том, что является характерным для понимания эпохи Толстого, и, наконец, установить для соответствующей борьбы против них те стороны толстовства, которые мы признаем вредными.

Мы полагаем, что юбилей, который проведен был в Москве, и вся юбилейная литература, которая создавалась вокруг этого юбилея, являются большим общественным явлением. Кое в чем мы поставили Толстого на тот пьедестал, которого он заслуживает, а кое в чем помогли преодолеть известные черты толстовства. Мы наметили ту работу, которую надо проводить, чтобы усвоить Толстого. А усвоить Толстого это не значит удариться лбом перед ним, как пред каким-то кумиром или размашисто отвергнуть —«ах, это не наше!» Усвоить—это значит проанализировать и разобраться весьма тонко во всем многообразном комплексе, который мы называем Львом Толстым и его наследием. В этой работе мы имеем могучий компас, ориентирующий нас. Это — заметки и поистине гениальные статьи Владимира Ильича Ленина о Толстом. Конечно, было бы смешно, если бы мы взяли эти статьи как нечто, так сказать, ограничивающее толстовские исследования, и стали бы бояться — бывают и такие люди среди нас — сделать хотя бы один шаг вправо или влево: учитель сказал, и извольте придерживаться того, что он сказал. Ленин написал несколько очень коротеньких статеек с небольшим количеством страниц и строк; он гениально наметил основные подходы к Толстому, но, разумеется, сам представлял себе, что отсюда вырастут большие исследования Толстого и много новых соображений, что отсюда постепенно будет сооружаться большое здание в том же духе, который заложен этим ленинским первоначальным анализом произведений Толстого 〈...〉

Что особенно поражает всех в статьях Ленина о Толстом — это установка того факта, что величие Толстого, значение, которое он приобрел в мировом масштабе, огромная художественная и внутренняя сила, которая заключена в наследии Толстого, характеризуется Лениным как отражение культурно-исторического сдвига в биологически гениальной, высокодаровитой натуре. Ленин как бы предполагает заранее, что если есть великий человек, великий писатель, то это значит, что он отразил какой-то великий сдвиг. Если такой писатель звучит в мировом масштабе,

то это значит, что исторический сдвиг, который отражен этим писателем, представляет собой нечто для всего мира значительное.

Какой же социальный феномен, какое огромное историческое событие считает Ленин лежащим в основе художественных произведений Толстого? Это — решительная смена феодально-помещичьего или помещичье-самодержавного строя в России капиталистическим, буржуазным строем.

Толстой пришел к концу нашей дворянской литературы; вся она, начиная от Пушкина и до Толстого, знаменует разные этапы борьбы дворянства с наступающим на него буржуазно-мещанским, капиталистическим порядком. Великаны дворянской литературы, как Пушкин или Лермонтов, знаменуют собой в большей или меньшей мере внутренние сдвиги в сознании дворянства. Между зубрами, дворянами-консерваторами, дворянами азиатского типа, на которых в большинстве случаев опиралось самодержавие (хотя оно иногда и маневрировало в сторону либерального дворянства), развертывалось передовое дворянство, в большинстве случаев более или менее деклассированное, поколебленное в своих хозяйственных устоях, заинтересованное в развитии хлебного производства и хлебной торговли на новых началах. Эта часть дворянства шла путем дворянского либерализма и говорила: «Если мы хотим сохранить нашу родину, мы должны обеспечить за ней дальнейшее развитие, нам нужно ее европеизировать, нам нужно учиться у Запада той политической свободе, тому культурному подъему, тем формам производства и культуры, которые делают страны Запада более сильными, чем мы». Западническое либеральное течение в нашем дворянстве, как вы знаете, проявилось в объединенном типе кающегося дворянина, антикрепостника из числа самих дворян, которые имели блестящих представителей, доходивших до таких революционных форм, как левый декабризм. Это дворянство как будто делало уступку буржуазии, так как весь Запад свои республики, свои конституции, свой расцвет индустрии, сельского хозяйства, торговли строил под влиянием буржуазного переворота и благодаря буржуазному перевороту. Но дальнейший ход событий принуждает дворянство в последующих поколениях в значительной мере пересмотреть свой суд относительно европеизации России. Капитализм вторгается в самую Россию в лице Колупаевых, Разуваевых и Деруновых, так прекрасно описанных самими дворянами, в лице видного кулака, который, с одной стороны, рубит дворянские рощи и вишневые сады, скупает у дворян их имения или хлеб из имений, постепенно располагается как власть имущий в их стране, заключает закадычный союз с церковью православной, с самодержавием, которые ему мирволят, ему покровительствуют, и, с другой стороны, объявляет войну всяким демократическим и полудемократическим прогрессивным формам, которые могли бы поколебать его право как купца, как толстосума на разгромление, на грабеж в стране.

Капитализм в России — капитализм первоначального накопления, который с особенной силой стал сказываться в 50-е, 60-е, 70-е и т. д. годы. В это тридцатилетие он особенно выступил на первый план своей разбойничьей, своей разрушительной грабительской стороной и бил, конечно, не только по крестьянину, не только по мещанину и по начавшему оформляться под его ударами пролетариату. Он бил и по помещику.

Не только в консервативно-помещичьей, но и наиболее либеральной части дворян, которые были культурно очень высоки, утончены,— сюда направлялись как раз самые талантливые люди из дворянства — начался пересмотр отношения к Западу. Тут мы видим прежде всего организацию славянофильства.

Неудивительна та часть славянофильского движения, которую мы называем правым славянофильством,— оно было выражением тенденции мало-мальски грамотных из числа зубров и крепостников как-то оправдать себя перед своей совестью и всем светом, найти какие-то лозунги, какие-то правила, какие-то теории, с точки зрения которых можно было бы оправдать все их чужеядное существование, все эти темные, тюремные начала жизни, которых они требовали в своих интересах. И мы знаем, что даже Гоголь благодаря своеобразному пути своего развития пришел к правому славянофильству и путем ссылок на волю божию освящал и крепостное право.

Но гораздо интереснее левые славянофилы — Киреевский, Аксаков, Хомяков и др. Это люди, у которых были прекрасные чувства по отношению к своему народу, которые хотели правильного развития для России, которые хотели блага и себе, и другим, люди с большим европейским образованием, побывавшие в Европе и увидевшие, что европейское развитие, идущее по пути капитализма, приносит с собою отрицательные черты этого капитализма — беспощадную эксплуатацию человека человеком, разорение крестьян и среднего сословия, наряду с разорением феодального дворянства и превращением его в деклассированные элементы и, наконец, появление пролетариата, что капитализм несет с собою отношение ко всему денежное, сухо-бухгалтерское, меру всего на какой-то лавочный аршин, полную потерю всякой романтики, всякого духовного и душевного отношения к человеку. В великом памятнике, который был первым проявлением острой пролетарской мысли в Европе — в «Манифесте Коммунистической партии»,— Маркс и Энгельс после дифирамбов капитализму за его заслуги, за то, как он двинул вперед науку, как он развернул машинную технику, как он усилил власть человека над природой, переходят к мрачной странице, где говорится о прозаизме, аморализме капитала, об его бесчеловечности, о том, что он все раздевает, все приводит к голому, лишенному всякого поэтического ореола расчету между людьми, к сухому эгоизму. Все это совершенно верно. Французская революция провозгласила господство разума в свете ясности и точности. И вот когда туман рассеялся, ясность и точность восторжествовали, то оказалось, что деньги являются двигателем всего, и именно расчет завладел всеми человеческими отношениями. Люди, которых очень любил Толстой, которых он считал своими предшественниками и союзниками — Карлейль, Сисмонди и Рёскин,— европейцы — они говорили приблизительно то же, что говорили наши дворяне; уж лучше было то время, когда хозяин и его крепостной связаны были человеческими отношениями — собственника и собственности; и гораздо хуже то время, когда капиталист относится к пролетарию как к совершенно чужому человеку. Помещик своего человека выхаживал и жалел, как жалел и выхаживал свой скот. Капиталист бездушно нанимает, выжимает последние соки, выбрасывает, берет другого на его место. В прошлые времена,— говорили Сисмонди, Карлейль и другие,— все-таки бог применялся как свидетель всякого договора и всяких междучеловеческих отношений, бог был, бога боялись; а тут бога забыли и кроме голого эгоизма ничего больше не существует — это падение, а не прогресс.

Наше дворянство, которое само страдало от натиска буржуазии, примкнуло к этой точке зрения. Я приведу два-три примера такого рода отношения.

Ну, скажем, Герцен Александр Иванович. Герцен был вождем и в значительной степени самым блестящим представителем помещичьего западничества. Вся его молодость протекала в бешеной борьбе против славянофилов. Он доказывал, что стремление левых славянофилов приукрасить прошлое, отнестись слишком критически к Западу и думать, что

Россия может на началах своей полуазиатской культуры добиться чего-то лучшего, чем Запад,— все это выдумки. Нет, говорил Герцен, нужно идти на выучку к Западу, к западной науке, к западным формам жизни. И молодой Герцен, блестящий, даровитый, верующий в жизнь, говорил: это ничего, что пока на Западе переходный период, что пока там господствует крупная буржуазия; после того как революционное движение возьмет в свои руки управление ходом человеческих дел, придет иное. Он разделял мечты лучших утопистов — Сен-Симона, Фурье и др. Ему казалось, что промышленность и наука в дальнейшем своем развитии приведут к социализму, т. е. к такому порядку, когда люди будут жить на началах братства и равенства.

Герцен эмигрирует за границу, живет за границей, доживает там до революции 48-го г., до попыток пролетариата взять власть в свои руки. Всякие Кавеньяки и Шварценберги расстреливают пролетариат, откидывают его назад, буржуазия оказывается полным хозяином положения, и Герцен в ужасе отшатывается от той самой Европы, которую он до тех пор постоянно прославлял. Герцен заявляет,что действительно торгаш, посредственность, мещанство, лишенное всякой фантазии, без культурных корней и без каких бы то ни было широких идеалов, узкий, ничтожный торгаш своими грязными руками завладел всем и, кроме дешевого ситца и всякой другой халтуры, ничего не будет выдавливать из человеческих мускулов и нервов. И некому даже протестовать против этого: все усилия, все гениальные усилия европейской мысли, европейского свободолюбия в конце концов пришли к диктатуре мошны.

Ища в сем свете утешителя, ища силу, которая могла бы помочь из всего этого ужаса выбиться, к кому апеллирует Герцен? Конечно, не к дворянству, из которого он происходил. Он прекрасно знает, что российские дворяне, в большинстве своем скупые, малообразованные крепостники,— разумеется, не тот козырь, которым можно козырять против европейской буржуазии. Он апеллирует к другому полюсу деревенского мира — к мужику. Он говорит: русский мужик — вот где спасение; русский мужик верит, что земля божья, русский мужик неиспорчен, у него огромная внутренняя воля, он несет в себе какие-то высокие моральные правила. Если в России победит аграрная революция, русский мужик действительно сможет установить совсем новые формы жизни. У нас, к счастью, так говорил и думал Герцен, нет сильной буржуазии, которая смогла бы, повалив самодержавие, вместо свободы и социализма, о которых мы мечтаем, установить свой безрадостный конторский режим, и нет пролетариата, который не имеет земли под ногами и оказался слабым в своей борьбе с буржуазией, а есть вот это крепко на земле стоящее крестьянство, которое устроило и сохранило еще общину. Оно должно владеть всей землей, всем производством на земле. Если лучшая часть интеллигенции пойдет к крестьянству и научит его, как построить новый мир, в котором оно, крестьянство, и его дети, может быть счастливо,— тогда крестьянство откликнется на эту пропаганду интеллигенции и построит тот мир, о котором мы все мечтаем.

Дворянин Герцен сначала мечтал о том, чтобы европеизировать Россию, но когда он увидел, что сама Европа обуржуазилась, всеми силами своей барской души отвергает буржуазию и обращается к антиподу своему, к крестьянину, возводит этого крестьянина в перл создания и является, таким образом, родоначальником революционного народничества.

То же самое мы видим и на примере Бакунина. Бакунин — барин, большой помещик Тверской губернии. Он садится у ног Гегеля, учится германской философии, проникается революционными идеями Запада и хочет внести их в Россию; в качестве эмигранта мечется, как пламенный факел, по всей Европе, зажигает, где может, бунты, надеется, что евро-

пейская беднота окажется тем порохом, который он сможет поджечь своим революционным российским пламенем, и кончает тем, что начинает ненавидеть Европу, считает ее гниющей, отверженной и причаливает опять к тому же русскому крестьянину, рисует небывалые картины, апеллирует к Пугачеву, к Стеньке Разину, ждет того времени, когда интеллигент-бунтарь убедит крестьянина, что терпеть больше нельзя, и крестьянин возьмется за свой топор, чтобы срубить ныне существующее общество под корень и из нарубленных дров создать какие-то палаты, в которых будет весело и привольно жить будущему поколению. Бакунин придал утопии крепкий мужицкий запах, вернулся к русской земле, к русской деревне, к той, пока еще низко стоящей форме, которая обещает развернуться в самое высокое, что только может быть на земле.

Вот в этом контексте, в этой серии нужно будет рассматривать и Толстого.

Толстой происходил из очень крепкой помещичьей семьи, и сам был очень крепким помещиком. Можно сказать, что до 80-го года, хотя у него и бывали часто разные внутренние трещины, о которых говорят его биографы, в нем преобладал классово-сознательный дворянин. Когда он написал впервые свое «Детство» и «Отрочество» и блеснул им на всю Россию, Некрасов пригласил его в тот знаменитый журнал, который он редактировал, и познакомил с лучшими людьми России, предшественниками революции с великим Чернышевским во главе. Но Толстой, чтобы их подзадорить, разговаривал на такие черносотенные, густопсово-дворянские темы, что они не знали, как подойти к этому колючему офицеру с такими парадоксально звучащими для их ушей чудовищно реакционными воззрениями. А Толстой потом говорил, что Некрасов его свел и познакомил с некоторыми клоповоняющими семинаристами, но он показал им их место. Это было столкновение людей двух абсолютно разных и непримиримых классов.

Уже в это время Толстой проникается такой сословной ненавистью к буржуазии, к мещанству, к капиталистическому укладу, которая совершенно соответствует прочности его барской натуры. Он барин, усадебный, хлебный человек, хозяин определенного числа душ во время крепостного права и после отмены крепостного права — помещик, от которого зависели крестьяне. Он любит старый уклад, этот прочный, помещичье-крепостнический уклад. Этот уклад трещит вследствие появления капитализма — и капиталистические отношения ему ненавистны. Он едет на Запад и из своего путешествия выносит самые безотрадные впечатления. Он не только отрицает начисто Европу, которую он увидел и которая кажется ему подлинно торгашеской, беспринципной, безбожной, но и отрицает все перспективы этой Европы. Он очень рано, еще в 60-х годах, начинает говорить, что все россказни о прогрессе не стоят выеденного яйца. Он говорит, что весь этот прогресс приводит к одному: богатый эксплуатирует бедного, что все слова о счастии, к которому будто бы приводит наука и техника, неверны, ибо наука и техника служат только богатым, чтобы дать им возможность эксплуатировать других. В результате с одной стороны мы имеем эксплуатируемых, а с другой — свору эксплуататоров, которые боятся восстания против себя и трепещут перед той массой, которую они угнетают, массой также искалеченной и потерявшей всякий образ и подобие человека.

Вот в общем суть толстовского взгляда на Запад и его уклад. Но куда же идти самому Толстому, кого противопоставить Западу? И вот еще в эпопее «Война и мир», этой «Илиаде» русского дворянства, мы находим большой расцвет его классового самосознания. Он верит в то, что это самое прочное, самое лучшее, богатое внутренним содержанием сословие

породы человеческой — высокое дворянство. Он в это глубоко верит. И когда ему говорят, что в «Войне и мире» мы имеем только парад русского дворянства, ибо там нет крепостных, а разве эти самые дворяне не пороли своих крепостных, не мучили их? — то Толстой отвечает: во-первых, это преувеличено, а, во-вторых,— я об этом не хочу писать. Весьма откровенно и просто он говорит, что не желает изображать эти отрицательные стороны дворянства. Он изображает дворянство в его расцвете, он его безумно любит и хочет увековечить память об этом дворянстве.

Оно действительно представляет собою в известный период своего развития нечто в высокой степени замечательное. Почему?

В огромной нашей полуазиатской стране, на согбенных спинах крестьянства, которое ему ⟨дворянству⟩ служило и из которого оно могло делать все, что ему было угодно, обладая большими материальными богатствами, наше крупное и даже среднее дворянство имело в себе еще свежие азиатские силы. Это были люди-охотники, которые проводили время на равнинах и полях, дышали свежим воздухом в зимнее снежное время и летние жары, дышали воздухом своих полей и своих лесов. Вся азиатская ширь и удаль была свойственна нашему дворянству. В то же время это были люди, которые ездили за границу, говорили на четырех или пяти языках и впитывали в себя все самое тонкое, что имелось на Западе, украшали свои сады мраморными статуями, слушали в изящных усадьбах музыку Бетховена и наслаждались романами и сочинениями первоклассных заграничных писателей. И это соединение европейской утонченности с этой азиатской удалью и ширью давало совершенно особый букет, которого раньше нигде не было и который позже никогда не повторится. Создавался особенный человеческий тип, по-своему очень могучий, и Толстой, который сам к этому типу всецело принадлежал, своим гениальным умом, своим гениальным чутьем мог почувствовать и своим гениальным художественным карандашом изобразить этот класс в его расцвете.

Но, чтобы его изобразить, этот расцвет, описывает ли он своих современников? Нет. Он чувствует, что его современники подгнили, что его современники дали трещину, что уже какая-то другая сила выпирает дворянство из жизни. Поэтому он идет к 12-му году; идет к Наполеоно-Александровской эпопее, он берет отцов — отцы кажутся ему более «настоящими», чем его поколение.

Несомненно, «Война и мир» является таким произведением, в котором Толстой старался дать путем апофеоза дворянства разрешение мучившего его противоречия — уходящая старая Россия и наступающая, отвратительно-мещанская буржуазия.

Что же он ставит в заслугу дворянству?

Николай Ростов лишен каких бы то ни было стремлений к свободе; он является чистокровным помещиком, уверенным в правде помещичьего режима и самодержавия. Когда Пьер Безухов в конце романа развивает ему свои декабристские идеи и говорит, что царь должен понять и пойти навстречу его мыслям о благе народа, то Николай Ростов говорит: «А если мне начальство прикажет посадить мой эскадрон на лошадей и ехать изрубить вас саблями в котлету, я это в одну минуту сделаю». И это он говорит ближайшему другу! Так, конечно, и должен был думать этот веселый, уверенный, сочный, биологически-мощный Николай Ростов, — ядреный русский помещик. Толстой прекрасно понимает, что он ограничен, что в сущности он глуп, но восхищается им так же, как он восхищается и борзой собакой, которая тоже глупа, но великолепным сильным движением хватает волка. Он восхищается грацией и биологической силой, целостной натурой Николая Ростова.

ТОЛСТОЙ

Репродукция с фотографии с дарственной надписью внуку И. М. Толстому: «Милому внуку Ване. Дедушка Лев. Когда твой папа был маленький, он на бумажке написал себе, что *надо быть добрым*. Напиши это себе в сердце и всегда будь добрым и тебе всегда хорошо будет. 21 февраля 1909. Лев дед»

Архив Толстого, Москва

Но Толстой сам был сложным человеком, у которого были в то время, как я уже сказал, большие сомнения; он изображает и колеблющееся, усомнившееся в себе дворянство.

Андрей Болконский — дворянин, жаждущий внутренней гармонии, дворянин, который хочет себя оправдать. Когда он, смертельно раненный, видит перед собой опрокинутое навзничь вечное небо и плывущие по небу облака, он приходит к выводу, что все земное тленно и преходяще, что глупым было в его жизни то, что он хотел богатства, знатности, чести и т. д., что, в сущности говоря, эта вечная природа с вечным небом и плывущими по нему облаками и есть какая-то незыблемая правда, а вся человеческая суета представляет собою пустяки, какой-то наносный сор.

Пьер Безухов — все время неудовлетворенный, все время ищет и не находит какого-то внутреннего смысла жизни, который позволил бы ему сказать: «ну, теперь я вижу правильно, живу свято».

Что значат эти фигуры? Этим Толстой хочет сказать: мы, дворянство, не только Николаи Ростовы; мы также носители величайших порывов совести, самых тонких и высоких проявлений духа. Где-то на заднем плане является крестьянин Каратаев; Толстой хочет показать, что этот крестьянин, гармоничная личность, находится в глубокой гармонии с барами, крестьянин, которому ничего не нужно, который всему спокойно подчиняется, всегда добродушен и держится всегда с достоинством. Это и есть тот идеальный крестьянин, на подневольном труде которого зиждется все прекрасное здание дворянства.

В сущности, в «Войне и мире» Толстой заставляет этот крестьянско-барский мир с его вождем, пассивным Кутузовым, который никаких планов не строит, никуда не стремится и полагается на волю божию, победить Запад с его Наполеоном и стремлениями к завоеванию мира.

Роман «Война и мир» был попыткой великого барина построить возвышенный мужицко-барский мир, где мужик внизу и, как кариатида, скрючившись, но покорный и счастливый несет на своей спине всю барскую постройку. Эта барская постройка должна была показаться такой прекрасной со всеми своими Наташами, со своей совестью, со всеми Пьерами, чтобы оправдать все противоречия. А ничтожный Запад с его тревогами, с его чрезмерным возвеличением разума отдельных личностей разобьется, как волна о скалы, о незыблемые твердыни русско-дворянского мира.

Но уже через несколько времени после этого, в «Анне Карениной» вы видите другое. Вы уже видите смятенный, совершенно не уверенный в себе роман. Вронский — это уже не то, чем был Николай Ростов. Вронский — человек недалекий, «молодец-мужчина», прежде всего — биологический тип, ядреная фигура; но у него есть какие-то такие черты, которые не позволяют ему быть счастливым. Вот, вместо того, чтобы устроить свою жизнь, как все, он взял да и полюбил чужую жену и на этом свихнулся. Прежний человек, настоящий человек так бы не сделал, а этот сделал — и в этом его несчастье. И в конце он не знает, куда деть свою забубенную головушку и отправляется на Балканы, чтобы там ратовать за каких-то братушек.

Еще хуже другой дворянин — Облонский. Это легкомысленный, растративший свое имение, полуразоренный помещик, который живет только подачками правительства, как чиновник, который униженно сидит в передней у какого-то европейского банкира и только потом уже краснеет, когда вспоминает, как этот банкир к нему невежливо отнесся.

Левин старается восстановить свое имение, добропорядочно ведет себя, женится, плодит детей, делает это, как сам Толстой. Левин — автопортрет Толстого. Но он не умеет обращаться с крестьянином. Здесь разрыв в внутренней помещичьей жизни. Какая-то волна новой жизни сносит его, разоряет его хозяйство, заставляет его постоянно думать,

постоянно мучиться над разными новыми вопросами, о которых отец Левина никогда бы не задумался.

Мир разлагается.

И самое центральное лицо — Анна Каренина — чрезвычайно интересно для внутреннего роста этого барина-Толстого, который потом придет к своим изумительным позициям.

Наташа Ростова — чудесная, биологически даровитая девушка, красота, свежесть, органическая сила; и в пору своего девичьего цветения она изображена Толстым так подкупающе, что во всей мировой литературе трудно найти образ девушки столь пленительный и чарующий. После разных там мелких грехов и неладностей, которые происходили в начале ее жизни, она находит подходящего мужа, рожает ему детей и после этого ничем не занимается, кроме пеленок, детской и домашнего хозяйства.

Но ведь Толстой и свою собственную жену замучил на детской, пеленках и домашнем хозяйстве. Из дневников Софьи Андреевны мы теперь видим, как от времени до времени живой человек вопит о пощаде. Но Толстой с твердостью настоящего человека от «Домостроя», вновь и вновь сует ее в эту детскую, в эти пеленки, в это хозяйство, утверждая, что это и есть настоящее призвание женщины. Наташа Ростова добровольно и охотно входит в это призвание. И когда некоторые говорили,— как жалко, что Наташа так много обещала и так мало дала, как жалко, что она такая изумительная девушка и такая прозаическая женщина, то они совершенно не понимали Толстого. Это все равно, как если бы назвать яблоневый цвет поэтичным, а самое яблоко прозаичным. Для Толстого плод следует за цветком, и Наташа замужем есть дальнейшая стадия развития женщины.

Толстой написал на первой странице романа «Анна Каренина»: «Мне отмщение, и аз воздам». Это указывает, что Толстой относится к Анне Карениной как к преступнице. К этому он и ведет весь рассказ. Тем не менее в этом же самом романе он указывает, что и Кити Щербацкая влюбилась в Анну Каренину, да и все читатели этого романа неизменно в нее влюбляются, потому что в этой женщине ее жизненные силы, ее порыв к любви, к свободе и счастью так велик, что он захватывает и убеждает нас. Толстой говорил, что это грех. В Анне Карениной красной нитью проходит требование ее плоти, требование того самца, которого она сама выбрала, а не сухаря Каренина, с которым ее соединила церковь и быт. И вот за то, что она посмела так поступить, она и погибает под колесами поезда. Здесь есть внутренний метафизический смысл: если ты хочешь счастья, то ты погибаешь, ибо счастье совсем не удел человека. Надо думать не о счастии и любви, а о долге. Если ты жена, тяни свою лямку; если у тебя есть дети, ты обязана исполнять свой материнский долг. А изменять свою судьбу не имеешь права — это эгоизм и грех.

Почему Толстой так проповедовал, почему столько страниц у него посвящено этой «высшей» этике? Ведь он сам любил жизнь, он сам изображает любовь как чудеснейшее человеческое цветение — и вместе с тем он ее растаптывает. Почему?

Да потому, что он в себе самом растоптал это. Он погребает в себе сам своевольную жадность к жизни. Почему он так возненавидел это счастье? Ниже мы вернемся к этому, а сейчас для нас важен только следующий вывод: в 70-х годах, когда написана «Анна Каренина», Толстой изображает дворянство разлагающимся. Дворянство уже не расцветает. Оно полно всяких страстей. Это уже не благоуханное цветение, которое существовало до сих пор,— это уже смятение, грех и отчасти сдача своих классовых позиций.

Тут с Толстым произошло то же самое, что произошло с Герценом и Бакуниным, только иначе и, пожалуй, во многом последовательнее.

Видя неминучую беду своего класса, этот гордый дворянин не хочет сдаться буржуазии на милость, он хочет найти свое русло, свою дорогу. Но он также понял, что с дворянами ничего не сделаешь. Вступив в борьбу с буржуазией, он стал критиковать всё — частную собственность, жажду к обогащению, эксплуатацию человека, науку, которая приносит с собой только обогащение одних и обеднение других, искусство, которое утешает только праздных людей, он стал бить наотмашь всю человеческую культуру — в этом его огромное революционное величие, хотя, по нашему мнению, он и зарвался в своей критике европейской буржуазной культуры, выжигая ее до корня. А после того, как он разбил, как ему казалось, этот стеклянный шар пышной европейской культуры, он хотел сказать — вот какие вы, а мы, мол,... оглянулся назад — и что же? Нашел, что «мы-то» такие же точно. Что он мог сказать о дворянстве? Что же — дворянство не имеет частной собственности, дворянство не стремится к обогащению? Дворянство не эксплуатирует людей? Дворянство не пользуется наукой для этой эксплуатации? Дворянство не развлекается искусством? Конечно, всё это есть. Поэтому, когда Толстой после разрушительной критики европейской буржуазии обратился к российскому дворянству, то пришел к выводу, что если бы в старой России было только дворянство, ее бы нужно было также испепелить критикой, как и Запад. Но у нас есть еще мужик, который нас спасет. В стародавнем общественном укладе был мир мужичий, мир без буржуев и без дворян. И если буржуи и дворяне хотят спасения и счастья, пускай они превратятся в мужика, ибо только здесь действительная правда. Правда заключается в том, что мужик никого не эксплуатирует, не заедает ничьей жизни, своими руками строит себе крышу над головой, своими руками обувает себя и одевает, своими руками себя кормит и не стремится к материальным благам. Когда ты будешь стремиться к большему, чем к пище необходимой, необходимой одежде, ты начнешь угнетать ближнего, начнется та волынка, из которой растут вавилонские башни со всеми искусствами, фабриками и заводами, которые не нужны для человеческого счастья — они растут на крови, на обиде, растут на грехе, и человек гибнет, забывает себя, уходит совершенно от своих первоистоков, от первородного благородства, А стоит только отказаться от стяжания, отказаться от частной собственности, от жажды богатства, от всего на вид роскошного, но грешного цветения, которое растет на этой почве, мы получим беззлобного, дружелюбного человека. Как взбаламученная поверхность жидкости, налитой в сосуд, представляет собой только рябь и волнение, а когда уляжется, успокоится жидкость, успокоенная поверхность оказывается пустой, но отражающей небо, отражающей звезды, так точно и человек, когда он успокаивается, когда он перестает искать стяжания, убьет в себе эгоизм и страсти, когда перестает быть взбаламученным,— он находит в себе бога, счастье, спокойствие и мир, находит любовь, потому что любовь появляется сейчас же, как угасает вражда, а вражда порождается именно этим стяжанием. Поэтому будем все, как крестьяне, не надо города, не надо железных дорог, не надо никакой науки. Надо жить почти как животное, но животное с человеческим разумом. Живя так, человек ощущает огромное блаженство тихого, покойного, любвеобильного бытия и этим самым возвращается к богу.

Вот социальная философия Толстого. Громадный барин, с огромными жизненными и умственными дарованиями, борясь за свой мир с буржуазией, своей критикой уничтожил все устои буржуазного мира, но тем самым зажег и свой собственный дворянский дом, но крестьянские избы он оставил. Это единственное место, где человек может жить праведной жизнью. Отсюда произошел целый ряд самых странных социальных выводов, к которым я еще возвращусь в конце моего доклада.

Когда мы, марксисты, говорим, что сущность Толстого то, о чем я вам сейчас сказал, то нам возражают: это незначительная часть Толстого. Не эти общественные интересы его прежде всего интересовали, не критика буржуазии как таковой, не разные вопросы классов и их взаимоотношений. Этого нет у Толстого. Толстой нам интересен как личность по своим интимным переживаниям, по постановке вопросов перед лицом совести.

На это мы отвечаем: было бы, конечно, очень жалко, если бы интимные переживания Толстого принадлежали только ему одному. Если бы он писал только о таких вещах, которые ему одному присущи, кто бы его читал? А он вызывал отклик в сотнях миллионов человеческих сердец. Это означает, что те же интимные переживания очень широко развиты в современном человечестве. Скажем, человеческий эгоизм — уже чего интимнее. Человек хочет думать только о себе, чтобы ему хорошо было. Между тем Адам Смит смог построить политическую экономию, исходя из той предпосылки, что всякий человек эгоистичен.

Когда человек имеет интимные черты, присущие и другим людям его класса и эпохи, то такой человек социален.

Так было и с Толстым. Ему присущи были два страха. Он боролся с ними и начал эту борьбу с очень раннего детства. Страхи эти были причиной его душевного переворота в начале 80-х годов и преследовали его до последнего издыхания, до последнего момента его жизни. Это был страх перед грехом и страх перед смертью и борьба с ними. Почему же эти чувства могут считаться широко социальными? Потому что понятие греха и борьба за праведность лежат внутри всего дворянского, крестьянского, мещанского, буржуазного общества, т. е. всякого общества, основанного на частной собственности.

Частный собственник, у которого есть свой дом, свое хозяйство, свое ремесло, своя торговля, своя семья, заботится о своем преуспеянии, заботится об удовлетворении своих похотей и нужд и смотрит на окружающее как на что-то второстепенное, считает возможным вырвать кусок у другого себе на потребу. Это состояние конкуренции, постоянной конкуренции между соседями, конкуренции отдельных людей, отдельных групп, целых стран — оно так велико, так интенсивно, что еще во времена египетские и вавилонские сложилось течение, ярче всего сформулированное в общеизвестной римской пословице: homo homini lupus est — «человек человеку волк». Это еще очень мягко сказано, потому что волки, когда они охотятся стаей, друг друга не едят, а люди в классовом обществе друг друга едят и даже с большой охотой. В XVII в. один из типичнейших буржуазных мыслителей — Гоббс — повторяет, что человек человеку волк, и заявляет, что человек до такой степени существо дикое, настолько готов всегда растерзать всякого ближнего своего, подчинить его, довести до рабского состояния, и вести войну всех против всех, что лучше самый тиранский царь, самое кровавое правительство, чем отсутствие власти. Ибо только правительство, только полиция есть та сила, которая может установить хоть какой-нибудь порядок среди этих диких людей.

Не буду останавливаться на этой идее. Каждый из нас знает, что это такое; каждый знает, что и религия и мораль были призваны, чтобы умерить войну всех против всех, установить правила, контроль, внутренний контроль человека над человеком, над его порывом к греху, и что отсюда-то и проистекло то построение, которое возвышается, как своеобразный купол, над всем этим хаотическим обществом. Когда человек стремится удовлетворять все свои страсти и этим самым приносит зло другим, это есть грех, это есть такое явление, которое при своем распространении и умножении сделало бы всю общественную жизнь немыслимой;

поэтому нужно установить правила, которые дошли бы до самого дна человеческого сознания, правила морали и совести, правила, говорящие о том, что́ он должен и чего не должен делать. Пределом же правильности жизни является ее праведность, святость, т. е. такая жизнь, при которой человек не грешит вовсе. Вот если бы все люди жили бы праведно и ни один из них не мешал бы другому, то тем самым было бы создано идеальное общество.

Почему Толстого так поразила и потрясла эта идея? Во-первых, потому, что у этой гениальной личности греховные побуждения были сильнее, чем у среднего человека. Если вы будете читать дневники Толстого, вы увидите, как он с ранней юности был обуреваем всеми этими страстями. Он хочет и богатства, и ведет часто очень крутую помещичью линию; например, как характерна фраза в его письме к Софье Андреевне, написанном в 1869 г.: «Торговался с мужиками; конечно, можно было бы еще больше нажать и еще больше из них выдавить, но и так ты, Сонюшка, будешь довольна». И этот крепкий хозяйственный уклон очень часто сказывался в течение всего того периода, пока Толстой был помещиком. У него, кроме того, был огромный позыв к честолюбию, к славе, к страшному, неиссякаемому властолюбию. Горький уже в то время, когда сам Толстой и весь хор благоговейных почитателей вокруг него также считали его праведником и святым, сказал, что первое, что поразило в Толстом, это необычайное властолюбие — все должны верить так, как он. Такой победительный задор, с которым он вступал в борьбу за свои убеждения, раньше проявлялся в его чисто светском, бытовом поведении.

В особенности ему присуща была половая страсть. Она была бичом его в течение всей его жизни, и эта борьба с похотью и быстрой сдачей всех позиций этой похоти играет в дневниках Толстого огромную роль.

Наконец, картеж, кутеж охватывал его иногда с силой какого-то вихря, и он в течение нескольких месяцев кружился в последних кругах разврата,— конечно, главным образом тогда, когда был молод. Все это ясно отпечатывается в его дневниках и его произведениях. Грех, который производил на него самое большое впечатление, такое, что в поздние годы оно послужило источником его социально гениальнейшего романа «Воскресение»,— это грех мужчины перед женщиной, властного мужчины перед приниженной женщиной. Толстой в «Крейцеровой сонате» называет женщину источником самого жгучего наслаждения, какое есть на свете, самым соблазнительным существом для мужчины, и говорит, что сюда грех зовет, здесь дьявол тот самый распаляет наше тело, призывает нас, но, если вы поддадитесь греху, то разрушите жизнь какой-нибудь девушки и должны будете нести на себе этот крест.

Так вот эта ярость греховной, по мнению Толстого, плоти, эта сила эгоизма должна была ввергать его в периоды насыщенности, во время которых низкие голоса похоти уже молчали и начинали петь голоса высших соображений, которые упрекали его за то, что он нанес зло — сытая похоть уже не защищает человека, который по ее призыву совершил грех.

Толстому присуще было в сверхъестественной мере умение копаться в себе. Его дневники представляют собой это раскапывание всех своих язв. Когда пройдет буря непосредственной страсти, Толстой начинает разбирать, что́ это он сделал, не плохо ли он сделал и т. д., и т. д. И это присущее всякому человеку неорганизованного общества сознание того, что без высшей правды, без святости ждет нас гибель, в Толстом было развито до чудовищных размеров. У него бывают адские самоунижения.

Толстому нужно было найти путь, на котором можно было бы победить грех и уничтожить тем самым муки раскаяния. Какой же путь он находит? Он говорит: не надо ни к чему стремиться, надо совершенно не ставить перед собой никаких задач стяжательного характера. Это значит —

убить в себе страстность, это значит заворожить, утихомирить свои страсти. И если ты это сделаешь, то тем самым уходишь от греха, тем самым находишь в себе праведность, что-то человечное, духовное, из души состоящее, посланное откуда-то сверху в мир материи. Эта материя со всех сторон обняла человеческую душу, наляпала вокруг нее наше тело со всеми его грязными страстями. Нужно вырваться из власти этой материи, вернуться назад в какую-то высокую светлую родину. И это может сделать душа только тогда, когда порвет все свои связи с телом.

Как буддийское учение призывает отказаться от всего, что есть сладостного на этом свете, так и Толстой зовет отказаться от всего, связанного с материей, стать свободным, стать богоподобным. В «Крейцеровой сонате», где борьба с грехом сладострастья доведена до высшей меры, там Толстой прямо ставит вопрос: ну, если мы совсем освободимся от этого сладострастия, если мы даже брак объявим источником ревности и греха, если мы скажем, что девственное состояние есть состояние, которое свойственно высокому человеку, тогда ведь прекратится рождение детей, тогда ведь человеческий род не сможет больше существовать? И нисколько не пугаясь этого парадокса, Толстой отвечает: вряд ли когда-нибудь человечество к этому придет. Но допустим, что дошли бы до такой чистоты все люди на земле, не было бы брака, не было бы детей, умерло бы все человечество. Это было бы прекрасно. Это значило бы, что человечество победило материю, что оно гордо, тихо, мирно, чудно потонуло бы в боге, в нравственности, в чистоте. Разве так важно жить телом? Это вовсе не важно, это только источник страдания, а такая смерть, которая получилась не потому, что у вас разбита голова или источил ваши внутренности тот или другой микроб, а потому, что вы стали святым,— такая смерть есть победа.

Итак, Толстой в своей борьбе с грехом уже ведет нас не только к той свернутой крестьянской жизни, где нет ни науки, ни искусства, ни техники, а есть всеобщая бедность и всеобщее культурное убожество, но он уже поворачивает к тому, чтобы вести нас к концу человеческого рода. Он говорит, что счастье есть полный отказ от счастья. Это надо заметить.

Почему Толстой так ужасно испытывал страх смерти?

Он роется в себе постоянно. Первое, что его занимает,— это разобраться в своих собственных переживаниях, гармонизировать их, найти исход из внутренних противоречий. Но этот его внутренний мир, личность Толстого — она громадна. Поистине прав тов. Шацкий, наш знаменитый педагог: когда Толстой рассказывает, что он видит, кажется, что он видит сотней глаз; когда Толстой слушает, кажется, что он слушает сотней ушей. Это был огромный человек по своей биологической одаренности, который воспринимал в себя жизнь с неслыханной силой. Горький в своей знаменитой книге о Толстом рассказывает, как Толстой, думая, что он один, наблюдал природу; Горькому показалось, что это великий колдун и у него какая-то таинственная связь с природой. Это было правильное впечатление. В него природа потоками вливалась, а в нас она просачивается по капельке. Через него все чувства шли с огромным напором, у него был необъятный, огромный темперамент, который и делал его могучим талантом. Ощущения и мысли, которые могли являться и у мелких людей, он потому вознес на такую высоту, потому все делалось у него громадно, что он страшно любил жизнь.

Когда в начале 60-х годов, при поездке на Волгу для покупки имения, он испытывает то, что он называл «арзамасский ужас», когда на одном постоялом дворе на него напал ужас смерти, он вопит, буквально вопит: «Я хочу жить! Я проклинаю ту силу, которая создала нас и всех нас приговорила к мучительной смертной казни!». Настоящие вопли против

существования смерти как таковой. «Я люблю жизнь, я хочу жить. Жизнь должна быть бессмертна».

Толстой был религиозен, он долго верил во все церковные обряды, причащался сам и причащал детей. Но Толстой был вместе с тем слишком европеец, слишком культурный, слишком критический человек, слишком аналитик, и он не мог верить без сомнений. Ему, как Фоме неверному, нужно было вложить пальцы в ребра, нужно было, чтобы кто-нибудь незыблемо доказал, что человек бессмертен. Он не мог позволить обмануть себя никаким спиритам, никаким попам. Он страстно хотел верить, потому что если ты поверишь, то этот скелет-смерть над тобой не сможет насмехаться. И как Толстой изумительно сильно описал это состояние! Все потеряло значение: я хочу упиться розовым цветением видений, которые я вызываю, и я не могу ими наслаждаться; я люблю мою жену и не могу подойти к ней, ибо я вижу ее тело, которое постепенно умирает; я люблю детей, и я думаю — для чего они родились, когда осуждены на казнь? Вот как он испытывал страх смерти. И поэтому Толстой заставляет себя верить.

Он пришел к христианскому миросозерцанию. Он говорит: когда ты откажешься от всех страстей, когда не будешь от жизни ничего спрашивать, когда не будешь ценить никакого счастья и наслаждения земного, когда сделаешься к земному равнодушным, тогда тебе будет все равно — жить или умереть. И ты будешь умирать величаво и спокойно, так же, как умирают крестьяне, или как дерево в лесу, у тебя не будет судорог Ивана Ильича, который хватался за подушки и простыни, чтобы рука смерти не оторвала его от бытия; у тебя не будет глупого страха перед смертью, ибо ты не будешь дорожить побрякушками жизни. Но этого мало, говорит Толстой,— когда ты дойдешь до такого состояния, когда свод небесный отразится в твоей душе, ты ощутишь, что не земная суетная жизнь есть жизнь, что эта жизнь есть простое треволнение, простое преходящее, где ничто не существует, ибо каждый момент проходит — и вот его уже нет, а есть подлинная, вечная жизнь, и человек прикоснется к этой вечной жизни, когда уйдет из царства страсти, и тогда он поймет, что смерть ничего не изменяет, что этот покой, который живет в его душе, есть сверхчеловеческий, сверхприродный покой. Это Толстой хочет назвать богом. Поэтому он делает вывод: бог есть, во-первых, любовь; бог есть праведность, которая появляется тогда, когда человек очищается от грехов, ибо умерщвляет страсти; бог есть смерть, покой, мир, который мы ощущаем в себе тогда, когда отходим от бывания 〈?〉 и от всего царства страсти и похоти. Центральным пунктом проповеди Толстого сделалась поэтому проповедь опрощенчества, возвращения вспять, отказ от борьбы за свое счастье и т. д.

Таковы революционно-реакционные идеи Толстого.

Почему идеи Толстого революционны? Потому что, исходя из действительности, он тараном бьет всю жизненную неправду и под его ударами трещит и дрожит весь мир общественной неурядицы и общественного зла.

Почему они реакционны? На вопрос, какую жизнь надо построить, он указывает назад, призывает к отказу от всех завоеваний науки и техники, от всего, чего достиг сейчас человек в своем психологическом росте, от всех надежд на будущее. Нужно уйти в себя, сделаться маленьким, кругленьким, отвлечься от каких бы то ни было желаний,— назад к мужику, и дальше, чем к мужику,— к дикарю или еще дальше к какому-то ничего не желающему животному, к чему-то, что равно нулю. Так же, как и философия иогов, которая говорит — чем больше ты в себе все человеческое вытравишь, даже самую мысль, тем ближе ты подойдешь к тому, что свято,— это есть глубочайшая реакция, которая провозглашает

«НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ»
Черносотенцы пытаются закрыть Толстого.
Карикатура А. Тавица. Акварель, 1908 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

крушение всего, что выработано гигантскими усилиями человеческого гения и то чтолько и может принести действительно человеческое счастье.

Реакционно в Толстом и то, что «путь праведный» он указует как непротивление злу насилием. Он говорит: раз главное отказ, то чем от большего ты откажешься, чем больше ты ограничишь себя, тем ближе ты пойдешь к праведности. Нужно проповедовать богатым, что богатство призрачно, что сила — зло, не приносящее человеку счастья, нужно их уговаривать. А если их нельзя уговорить, то что же делать, мы, угнетенные, крестьяне и рабочие, давайте сговоримся не служить им, откажемся нести воинскую повинность, откажемся работать на фабриках и заводах, откажемся платить какие бы то ни было подати. Правда, нас будут лупить за это плетьми, сажать в тюрьмы, гнать куда-нибудь на северный полюс — ну, что же, будем страдать, будем умирать, сладко страдать за правду, сладко умереть за правду. А в конце концов, этой проповедью и этим святым примером мы победим зло на земле.

Мы можем на это ответить: Лев Николаевич, вы христианин и верите, что две тысячи лет тому назад другой учитель —Иисус — в Палестине проповедовал то же, что проповедуете теперь вы, и вы верите, что он был более великим, чем вы; но вот прошли две тысячи лет и вам приходится проповедовать опять то же, потому что мир все еще лежит во зле; пройдет еще две тысячи лет, появится еще какой-нибудь Толстой или какой-нибудь Иисус и будет снова проповедовать то же — и так до бесконечности. Чем вы гарантируете, что ваша проповедь окажется сколько-нибудь сильнее, чем проповедь Иисуса в Палестине или

Лао-Цзы, или Будды, или других мудрецов, которых вы считаете более великими, чем вы сами?

Наше миросозерцание находится на огромном расстоянии от Толстого. Мы приемлем всю толстовскую критику общественной неправды. Но он не видит, что буржуазия-то «грешна», зато рабочий «праведен», он не видит, что несет с собой рабочий, такой же антипод буржуазному миру, каким антиподом дворянскому миру был крестьянин. Он не понимает того, что наука и техника только теперь, в первый раз в истории дозрели до такой мощи, когда, вооружась ими, человек может сделать богатым все человечество, когда именно развитие производительных сил, вызвавшее эксплуататорский строй общества, вызвало к жизни и сплоченный класс пролетариата и создало совершенно небывалые в истории предпосылки для того, чтобы под руководством организованного пролетариата трудящиеся массы смогли взять в свои руки эти гигантские силы — науку и технику. Толстой не видит, что все изменилось. Этого не было ни при Христе, ни при Будде, ни при Лао-Цзы, этого не было никогда.

Мы не хотим возвращаться к убогому человеку, у которого нет ни фабрик, ни железных дорог, ни морских судов, который живет дикарской жизнью, наоборот, идем к высокоразвитому человеку со множеством запросов, но и множеством возможностей их удовлетворить. Этот высокоразвитый человек может вступать в братский союз с другими людьми не на голой земле, не с сохой-матушкой, чтобы выковыривать себе из земли пищу, а в качестве хозяина колоссальных паровых, электрических сил. Если мы все это вырвем из рук частной собственности, если все это сделается общественным достоянием, то в 10—20 лет — это ничтожный срок в всемирной истории — мы действительно организуем царство разума и светлых людей на почве разумного могущества над природой. Праведность в смысле мира между людьми, отказа от всяких войн — все это мы видим впереди, и к этому реально ведет и наше учение и наша деятельность. Но она ведет через борьбу, ибо те, кто стоят впереди и пользуются привилегиями, без борьбы не уступят. Вот огромная разница между миросозерцанием Толстого и нашим.

Я перехожу теперь от Толстого — мыслителя и проповедника — к Толстому-художнику.

Вряд ли Толстой мог бы достигнуть такой славы и такого влияния, если бы у него не было огромного дара заражать других людей своими чувствами и идеями, он знал этот свой дар и называл его художественным дарованием. Он говорит: искусство сводится к тому, чтобы уметь заражать своими чувствами и идеями других людей. И он считает, что сила заражения велика тем, что она показывает в образах какие-то задушевные чувства и крупные идеи, носителем которых является художник. И действительно его художественные произведения насыщены его идеями.

Толстой является прежде всего писателем тенденциозным, писателем идейным. Его огромная заслуга заключается в том, что он своими произведениями показал, какого величия, какой напряженности, какой захватывающей интересности и какого распространения достигает писатель, когда он является художником по форме и глубоким по содержанию. Беспрестанно встречаем мы в наше время людей, которые говорят, что было бы содержание, а форма не так важна,— надо только, чтобы направление писателя было правильное, чтобы он агитировал в пользу нашего дела и пропагандировал умные вещи. Но люди эти забывают, что если это не будет облечено в художественную форму, то гораздо лучше и полезнее изложить это в виде газетной статьи, речи или лекции. С другой стороны, искусства только как формы Толстой не признавал. Толстой говорит, что такое формальное искусство есть чистый разврат, чистей-

шее самоуслаждение, которому грош цена. Там, где нет великой идеи, где ничего крупного и нового художник не придумал, где он ничего горячо не прочувствовал, там он не смог писать. Пролетарские писатели также ненавидят чисто формальное искусство и убеждены, что без того, чтобы это искусство было идейным, живым, полнокровным, всесторонним, нельзя добиться настоящего эффекта.

Толстой был величайшим реалистом. В его произведениях вы не найдете ни абстракций, ни фантазий; они дышат настоящей жизнью. Сам Толстой был великим жизненником, были страшно сильны все его страсти, ощущения. Отсюда богатство красок, которым он располагает. С другой стороны, он был правдолюбцем, правдоискателем, не хочет лгать ни себе, ни другим. Он ошибался, но то, что мы считаем его ошибками, он считал глубокой правдой. Он не позволяет себе врать, не позволяет себе приукрашивать, он хочет быть бесконечно честным.

От этого обилия содержания и нежелания приукрашивать, извращать содержание и получается реализм. Если бы перед нами был очень обильный содержанием автор, но не имеющий писательской совести, было бы огромное цветение, хаотическое изобилие, но не было бы реализма.

Чтобы быть подлинным реалистом, чтобы исходить из огромного жизненного опыта и жизненных впечатлений и вместе с тем не уклониться от действительности, чтобы быть таким реалистом, Толстой выработал свой особый слог.

Когда вы читаете Толстого, вам кажется, что он полуграмотный человек. У него косолапые фразы. Недавно один московский профессор сказал: фраза, которой начинается «Воскресение», совершенно неграмотная, и всякий учитель русского языка поставил бы два с минусом своему ученику, если бы он ему принес такую страницу. Как же это так? Толстой переписывал по 5—7 раз все свои произведения, делал бесконечные исправления, вынашивал все это, и вдруг такое несовершенство! Это несовершенство вовсе не случайное. Толстой сам хочет, чтобы его фразы были корявы, он боится того, чтобы они были вылощенные и приглаженные, потому что он считает, что это было бы несерьезно. Никто не поверит человеку, который говорит об очень важном и не волнуется и следит за тем, чтобы у него голос был музыкальный и все шло тонко и гладко. В этом случае теряется искренность, теряется вера в то, что человек рассказывает вам о том, что для него действительно важно. Толстой хочет добиться безыскусственности, величайшей простоты во всем, что он говорит от себя, во всем, что он говорит, как автор. Он много говорил, например, о слоге Тургенева, о слоге Короленко. Это были великолепные стилисты, но он их до некоторой степени осуждает. Он считает, что их фразы слишком изящны, что их стиль слишком полирован, слишком много прибавлено сахара, который якобы должен быть приятен для читателя.

Такое сравнение можно употребить: Толстой передает все так, что вы не видите книги, забываете автора — а это и есть высшее искусство, которое только можно себе представить. Если же вы будете читать Тургенева или Короленко, то вы будете видеть все, как через узорные окна, вам будет казаться — какое хорошее стекло, какие краски и разводы, вы будете все время видеть автора, искусного стилиста, который стоит между вами и действительностью, и это будет вам мешать впитывать подлинную действительность.

Значит ли это, что наивный писатель, который не умеет владеть своим слогом, может передать действительность? Вовсе нет. Простота Толстого — это высшая простота, это простота человека, преодолевшего всякую искусственность, который отбрасывает какие бы то ни было цветные очки.

потому, что они ему больше не нужны, и который настолько мастер, что может показать вещь как она есть.

Вот этот слог, совершенно подходящий к реализму, для нас чрезвычайно важен.

Ново и значительно в Толстом то, что он необычайный мастер интроспекции или психологии интроспекции, т. е. что он показывает то, что происходит внутри человека.

У нас не так давно разные критики писали, что пролетарский писатель не должен заниматься психологией,— что́ это, мол, такое психология, когда мы вообще душу отрицаем? Извините, нам нужно знать, что человек думает, что чувствует. Мы видим, что человек поступает так-то и так-то, но нам важно знать, что́ он думает. Нам нужно знать себя и других и нужно знать не только то, что́ выходит на поверхность, но нужно знать и общий склад характера, знать то, что скрыто. У Толстого необычайная способность перевоплощаться в разных людей. Он говорит за старуху и за молодую девушку, от лица ребенка, лошади, он говорит от лица людей самых различных классов и каждый раз с самой убедительной правдой. Это—сила, которой обладает только художник. Другого способа проникнуть в сознание у нас нет, и поэтому передовые, наиболее зрелые пролетарские писатели, конечно, этим воспользуются. В произведении молодого писателя Фадеева, в повести «Разгром», вы увидите, что делают и чувствуют разные лица, и это сделало эту повесть наиболее богатой своими красками. Фадеев — талантливый ученик Толстого как художника.

Затем чрезвычайно важна у Толстого тщательность отделки, эпичность, спокойствие рассказа. Уже Достоевский, который был городским жителем и городским писателем, с завистливой ненавистью говорит о Толстом в этом отношении: «Хорошо ему с Ясной Поляной, где он жил сначала хозяином, а потом дорогим гостем, хорошо ему, обеспеченному человеку, сидеть и писать годами свои романы, а вот мне каково, когда мне пишет редактор: если вы не пришлете мне следующей главы к следующему номеру, то... Что то? А то, что я останусь без денег, не смогу купить лекарства для своей жены, не смогу выехать из города, где мне надоело жить, буду нуждаться в самых элементарных и необходимых мне вещах». А что же пролетарские писатели? Пролетарских писателей мы не можем обеспечить. Когда переходное время перейдет в эпоху органического социалистического строительства, всякий будет достаточно обеспечен, чтобы спокойно работать на том или другом любимом деле, но сейчас этого еще нет. И сейчас, говорят некоторые наши писатели и их теоретики, нам скорее надо учиться у нервных писателей, которые пишут быстро, которые схватывают поверхностно, как говорил Чехов: «Зачем вам описание целой повести о лунной ночи? Скажите, что на мельничной плотине горлышко бутылки сверкало на лунном свете. Вот вам и лунная ночь». Но это жидко, это импрессионизм, свойственный тому бегу, который развернуло буржуазное мещанство в эпоху машинерии и, главное, превратностей конкуренции. Нужно ли пролетарскому писателю этому подчиняться, должен пролетарский писатель писать сверхчеховски, в джазбандовском, телеграфном стиле или, наоборот, надо вернуться к настоящему подлинному законченному мастерству, к этой громадной добросовестности и убедительности? Нам говорят: мы не имеем времени сейчас так писать. Да мы не имеем времени и читать. Нашему читателю нужно быстро прочесть маленький рассказ. Где уж тут хватит времени чтобы прочесть роман в несколько томов? Так ли? Действительно ли это так? Кроме того, в наше быстролетное время интерес к некоторым темам быстро охладевает. Но я говорю здесь не о газетно-журнальных, полухроникерских произведениях, а о тех, которые охватывают значитель-

ные темы, имеющие длительное значение. Спросите-ка библиотекарей, что сейчас больше всего читают? Романы Толстого и Достоевского. Никто не пугается этих томов. Когда хорошо написано, найдется и время почитать. А потому надо, чтобы находилось и время писать. И как это может быть ни больно сказать в наше торопливое время молодым писателям, а приходится: продумай то, что написал, потом отложи, пусть полежит, перепиши, продумай еще раз, еще раз перепиши. Правда, гонорар тебе дадут не очень большой. Материально это тяжело. Может быть, потому и не следует отрываться пролетарскому писателю от станка, от той или другой службы. Писать такие вещи нужно медленно, немного часов в день и не всякий день. Нужно всякую идею вынашивать, продумать. Может быть, в этом упорстве, на которое пролетарий вполне способен и которым он выгодно отличается от нервничающего интеллигента, он как раз и найдет и уверенность в себе и эпическое величие. Вот критик тов. Ермилов говорит, что читаешь Толстого — «чужие люди», а нельзя их забыть, не выбросишь их из памяти; а в наших произведениях люди не живут, вроде кукол. Это отчасти потому, что куклу можно быстро изобразить, а литературно изобразить целый мир живых людей — это дело, которое дается не только талантом, но и временем, очень большим усиленным трудом.

Рельсы можно гнать через машину, ситец можно делать при помощи машины, но творить может только человек, и мы никогда не изобретем машины, способной написать роман, а поэтому творчество всегда будет делом человеческих нервов и человеческой руки. Здесь всегда на первом месте будет любовное мастерство. Тщательность работы Толстого, это тот идеал, которому мы должны учиться.

Плеханов сказал, что мы принимаем Толстого «отсюда и досюда». Наши юбилейные торжества сказали то же самое: «отсюда и досюда».

С Толстым нас роднит этот властный порыв, благодаря которому барин Толстой рванулся из своего мира и дошел до своих революционно-анархических разрушительных идей. Но мы отрицаем то, в чем сказалась оборотная сторона его принадлежности к старому миру,— непонимание значения науки и техники, полную глухоту по отношению к пролетариату, к тому, что́ он с собой несет; и отсюда ненависть к революции. Отрицаем его идеал — крестьянскую ограниченность, непротивление злу насилием, полезное нашим врагам и вредное для нас.

Нам говорят: вы отрицаете Толстого моралиста и мыслителя и принимаете Толстого как художника. Это неверно. Мы вовсе не все его учение как мыслителя и моралиста отрицаем. Его критику буржуазного режима Ленин охарактеризовал как образцовую и в некоторых отношениях непревзойденную. В критической своей части Толстой могуч и как мыслитель. С другой стороны, если мы скажем, что художника Толстого можно брать без критики, то мы окажем плохую услугу нашей молодежи и пролетариату, ибо в художественные произведения Толстой вкладывал свои идеи. Так что и здесь сохраняется правило: «отсюда и досюда».

Вот те выводы, к которым мы приходим. Мы, конечно, гордимся, когда иностранные писатели, приехавшие сюда как своего рода волхвы, приносящие дары, но не к колыбели, а к могиле Толстого, заявляют: какой великой должна быть страна, в которой мог родиться такой гений! Да, из глубины крестьянских страданий, во время переворота, в котором Россия переходила на другой этап исторического развития, и из глубоких сомнений передового тогда по своей культурности класса — дворянства выросла колоссальная, проблематическая, мучительная и двойственная фигура Толстого.

Но у нас есть еще несравненно бóльшая гордость: когда капитализм создал у нас достаточную пролетарскую базу, наша страна выдвинула для нового сдвига нового гения — Владимира Ильича Ленина, к которому устремились глаза и руки трудящихся и угнетенных всего мира. Он тоже принес с собой правду, но эта правда уже не проблематическая, это — действительная правда, не двойственная, это — правда вершинная, это правда, которая есть правда сегодняшнего дня.

Мы должны читать Толстого, изучать, воспринимать то, что есть в нем благотворного, и отстранять то, что у нас может вызвать сомнение и что мы должны в конце концов преодолеть. С этой точки зрения Толстой представляет огромный культурный материал.

Вот почему правительство, становясь по отношению к Толстому на критическую точку зрения, издает целый ряд полных собраний его художественных сочинений, огромное, в 92 томах, академическое национальное издание произведений Толстого, куда входит каждая его записочка, вся его переписка, все его дневники, все, что только этот гениальный человек писал. Все, что он нам оставил, мы хотим сделать достоянием народа.

Владимир Ильич, отрицая многое в Толстом, осуждая за многое Толстого, говорил: «в царской России его произведения не являются достоянием народа; нужно, чтобы пришел социализм для того, чтобы художественные произведения Толстого сделались достоянием народа».

Мы знаем, что народ наш не примет Толстого с благоговением и некритически и, с другой стороны, не отвергнет его как нечто ему ненужное. Наш великий класс, так во многом чуждый ему, не отворачивается от него и не преклоняется перед ним, а говорит: великий предшественник, великий брат, великий сотрудник, ты велик в том, что в тебе есть положительного, и велик в твоих ошибках. Ты не можешь умереть, ты будешь жить вместе с нами, ты будешь вместе с нами работать над построением того человеческого счастья, о котором ты мечтал, хотя и намечая неверные пути для его достижения.

ОБЗОРЫ

О ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО («ЮБИЛЕЙНОМ»)

ИСТОРИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ.— ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.— СТАТЬИ И ТРАКТАТЫ.— ДНЕВНИКИ.— ПИСЬМА.— ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ.— ИЛЛЮСТРАЦИИ.— ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критический обзор Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, В. А. Жданова, Э. Е. Зайденшнур, В. С. Мишина, А. И. Опульского, Л. Д. Опульской, Н. С. Родионова*, С. А. Розановой и А. И. Шифмана

ИСТОРИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ

В 1958 г. Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат) закончило печатание 90-томного собрания сочинений Толстого. Работа над изданием заняла более тридцати лет. Первый том вышел в 1928 г. к столетию со дня рождения Толстого, поэтому издание получило название Ю б и л е й н о г о.

Издание это является первым и единственным полным собранием сочинений великого писателя. В состав 90 томов входит почти 3000 печатных листов, из них около 2500 листов текста Толстого и около 500 листов комментария.

По своим масштабам Юбилейное издание может быть поставлено рядом лишь с таким грандиозным предприятием, как 143-томное издание сочинений другого гиганта мировой литературы — Гёте («веймарское издание»). Других аналогий в мировой издательской и редакторской практике нет.

«Настоящее юбилейное издание ‹...›,— объявлялось в официальном „Проспекте“,— впервые дает полный критически выверенный текст всех писаний Л. Н. Толстого, начиная с юношеских произведений и кончая философскими статьями и дневниковыми записями последних лет его жизни.

Помимо общеизвестного текста его произведений, в издание входит богатый, впервые публикуемый материал, содержащий в себе отдельные произведения, наброски, отрывки, а также варианты и откинутые автором сцены к уже изданным произведениям. Изучение первоисточников дало этот исключительный по богатству и художественной ценности материал» («Лев Толстой. Проспект Юбилейного издания. Госиздат». М.,

*Первый раздел настоящего обзора—последняя работа Николая Сергеевича Р о д и о н о в а (1889—1960). Один из видных исследователей жизни и творчества Толстого, Н. С. Родионов отдал тридцать лет непрерывного труда делу подготовки «Юбилейного издания». Он участвовал в нем и как организатор и как редактор ряда томов. Во время Великой Отечественной войны Н. С. Родионов сохранил корректуры подготовленных, но не вышедших еще томов и обширный архив «Юбилейного издания», чем содействовал его быстрому возобновлению после войны.— *Ред.*

1929, стр. 13). Кроме того, в издание входят все дневники писателя, записные книжки и письма.

Теперь, когда все 90 томов издания вышли в свет, можно со всей определенностью утверждать, что стоявшая перед ним задача дать всего Толстого решена. Юбилейное издание является действительно полным собранием сочинений писателя. В него вошли все писания Толстого, сохранившиеся в каком бы то ни было виде и оказавшиеся доступными исследователям. Само собой разумеется, что завершение работы над Юбилейным изданием не приостановило и не приостановит неослабных поисков еще не разысканных толстовских писаний, рассеянных, особенно в эпистолярной своей части, по всему свету. Вновь разысканные материалы продолжают поступать и публиковаться, доказательством чему служит, в частности, и настоящий том «Литературного наследства». Но как бы ни были драгоценны отдельные новые находки, они не могут быть уже ни чем иным, как небольшими дополнениями к собранному впервые *всему* Толстому.

Завершенное издание имеет и свою предысторию, восходящую еще к годам жизни Толстого, и свою историю, связанную с именем Ленина и являющуюся одним из ярких проявлений культурной революции в СССР.

Начало предыстории следует отнести к завещательным распоряжениям писателя. Воля Толстого относительно своих сочинений была выражена в его так называемой «Объяснительной записке к завещанию», датированной 31 июля 1910 г.

Писатель желал, чтобы:

«1) Все его сочинения, литературные произведения и писания всякого рода как уже где-либо напечатанные, так и еще не изданные не составляли бы после смерти *ничьей частной собственности*, а могли быть издаваемы и перепечатываемы всеми, кто этого захочет.

2) Чтобы все рукописи и бумаги (в том числе: дневники, черновики, письма и проч. и проч.), которые останутся после него, были переданы В. Г. Черткову с тем, чтобы последний, после смерти Льва Николаевича, занялся пересмотром их и изданием того, что он найдет желательным для опубликования...».

Чертков считал, что написанное рукой Толстого «все нужно» и должно быть напечатано.

Но в то время осуществить издание полного собрания сочинений Толстого было невозможно. При царизме делалось все, чтобы помешать приобщению народа к наследию Толстого — «еретика», отлученного от церкви, врага самодержавия, обличителя всех форм рабства и угнетения человечества.

С негодованием писал В. И. Ленин в 1910 г. о том, что «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России», и утверждал: «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот» (Сочинения, т. 16, стр. 293). Эти ленинские слова нашли подтверждение в мероприятиях Советской власти вскоре же после Октябрьской революции.

Как пишет в своих воспоминаниях первый управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич, «вскоре после Великой пролетарской революции В. И. Ленин предложил А. В. Луначарскому организовать при Народном комиссариате просвещения издательский отдел и напечатать в большом количестве произведения классиков, Толстого в первую очередь». При этом Ленин дал такое указание: «Толстого надо будет восстановить полностью, печатая все, что вычеркнула царская цензура» («Правда», от 19 ноября 1935 г.). А вслед затем, по инициа-

тиве В. И. Ленина был поставлен вопрос и о государственном издании Полного собрания сочинений Толстого. Это было в 1918—1919 гг. Тогда же в Наркомпросе при непосредственном участии А. В. Луначарского и В. Г. Черткова началась разработка плана издания и его организационной структуры.

По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин «сам лично вырабатывал программу издания», основополагающим принципом которого явилось решение печатать все без изъятия из написанного Толстым (В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин и культура.— «Литературная газета», 1940, № 4, от 21 января). Для обсуждения этой программы и других вопросов издания Ленин принял в Кремле 8 сентября 1920 г. Черткова, которому было поручено руководство необходимыми подготовительными работами, в частности, важнейшей из них — учетом и собиранием всех рукописей Толстого.

Еще при жизни Толстого все его рукописи собирались и сохранялись его женой Софьей Андреевной, дочерьми и Чертковым. Рукописи произведений, написанных до 1880 г., находились сначала в Ясной Поляне.

В 1887 г. С. А. Толстая передала эти рукописи в московский Румянцевский музей, где они находились до 1904 г. В связи с ремонтом Румянцевского музея рукописи были переданы в Исторический музей; там началось первичное описание коллекции. В 1915 г. рукописи Толстого были вновь водворены в Румянцевский музей.

Рукописи произведений Толстого, написанных после 1880 г., сохранились с почти исчерпывающей полнотой — в автографах и в копиях, изготовлявшихся главным образом дочерьми, в основном Марией Львовной, много помогавшей отцу. Эта вторая часть рукописного фонда — все написанное после 1880 г. и до конца жизни — по желанию Толстого переправлялось в Англию к Черткову, где тот жил в эмиграции (с 1897 по 1905 г.), будучи выслан из России царским правительством. Эти рукописи хранились в специально оборудованном несгораемом помещении под Лондоном, в местечке Крайстчерч. Там же с группой приглашенных помощников Чертков занимался перепиской, систематизацией и изучением рукописей для будущего собрания сочинений Толстого, а также публиковал в основанном им издательстве «Свободное слово», имевшем свою типографию, те из сочинений Толстого, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в России.

В 1913 г. рукописи Толстого, находившиеся в Англии, были перевезены в Петербург и сданы на хранение в Библиотеку Академии наук. В 1926 г. они были переданы в Государственный Музей Л. Н. Толстого в Москве. Впоследствии, в 1939 г., по решению Советского правительства произошло объединение всего толстовского рукописного фонда. Все части его, находившиеся во многих архивных собраниях страны, были сосредоточены в Отделе рукописей названного музея, где они хранятся до сих пор.

В связи с предстоящим в 1928 г. столетием со дня рождения Толстого Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров СССР 24 июля 1925 г. вынесли ряд постановлений об увековечении памяти великого писателя. Одним из основных мероприятий было решение Правительства приступить к изданию полного собрания сочинений Толстого, уже достаточно к этому времени подготовленного.

Вскоре был создан Редакционный комитет издания, и 2 апреля 1928 г. Государственное издательство РСФСР заключило с ним генеральное соглашение. Приводим основные положения этого документа:

«1. В ознаменование столетия со дня рождения Льва Николаевича Толстого Госиздат РСФСР принимает на себя издание юбилейного первого собрания сочинений Л. Н. Толстого (от 93 до 95 томов). Издание это

осуществляется Государственным издательством РСФСР на ассигнованные правительством для этой цели суммы.

2. Все издание осуществляется под общим руководством Государственной редакционной комиссии в составе: тт. А. В. Луначарского, М. Н. Покровского, В. Д. Бонч-Бруевича и И. И. Скворцова-Степанова.

3. По настоящему соглашению в предпринимаемом издании основной текст писаний Л. Н. Толстого должен быть издан полностью и не подлежит никаким дополнениям, сокращениям или изменениям. (Изъятия из этого положения допускаются лишь в виде исключения с ведома Государственной редакционной комиссии.)

Редакция издания должна быть объективна и свободна от всякой тенденциозности в интерпретации тех или иных мест писаний Толстого.

4. Главным и ответственным редактором сочинений Л. Н. Толстого является В. Г. Чертков, редакция которого с соблюдением пункта 3 соглашения * ⟨...⟩ не подлежит изменению ⟨...⟩ ни со стороны Госиздата. В. Г. Черткову принадлежит всецело приглашение и выбор сотрудников издания.

В случае смерти или болезни В. Г. Черткова или невозможности для него участвовать в редакции права, изложенные в настоящем пункте, переходят к организованному В. Г. Чертковым ныне работающему под его председательством Редакционному комитету.

5. Издание будет состоять из всех без исключения писаний Толстого, начиная с самых ранних и кончая предсмертными. Расположение печатаемого материала и распределение его по томам и внутри их определяется росписью томов, утвержденных Государственной редакционной комиссией...».

Остальные 15 пунктов соглашения (всего в нем было 20 пунктов), в которых подробно регламентированы оформление титульных листов, порядок отпуска сумм на издание, сроки и прочие деловые условия, мы не приводим.

Важнейший в истории Юбилейного издания этап его окончательного оформления как государственного издания авторитетнее и полнее всего отражен в официальном заявлении по этому поводу А. В. Луначарского. Заявление это, опубликованное 10 февраля 1928 г. в газетах «Правда» и «Известия», с тех пор ни разу не перепечатывалось. Приводим этот документ полностью.

По поводу Юбилейного издания сочинений Л. Н. Толстого

Ввиду того, что в последнее время возникли разного рода толки в связи с деятельностью Государственной редакционной комиссии по Юбилейному изданию полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, я считаю правильным дать здесь некоторые разъяснения.

Вопрос о государственном издании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого изучался и подготовлялся Наркомпросом и другими государственными и партийными инстанциями в течение многих лет. Первый раз вопрос этот в государственном порядке стал на очередь еще в 1918 г., причем возбужден он был *по личной инициативе В. И. Ленина.*

Лишь недавно вопрос как с политической, так и с материальной стороны был окончательно обсужден и поставлен на твердую почву. Само издание поручено Государственному издательству, являющемуся фактическим монополистом по изданию сочинений Л. Н. Толстого.

---

* Далее в оригинале соглашения перепечатан весь конец пункта 3-го.— *Ред.*

Редакционные работы по существу ведутся группой толстовцев с Чертковым во главе; они являются в данном случае и большими знатоками всего, что касается жизни, деятельности и сочинений Л. Н. Толстого, и лицами, способными внести во все это дело максимум любви и заботливости. В этой непосредственной технической работе будут принимать участие также лучшие знатоки эдиционного дела из нашего ученого мира.

Однако, считаясь с тем, что огромное наследие Толстого может истолковываться различно, что самый вопрос об устранении тех или других фраз из его дневников, писем и т. п. может происходить под углом зрения известного направления (скажем, толстовства), государство почло необходимым установить еще наблюдательную редакционную коллегию официального порядка под моим председательством в составе М. Н. Покровского и В. Д. Бонч-Бруевича. Задачей этой комиссии является соблюдение полнейшей объективности в издании сочинений Л. Н. Толстого, недопущение какого бы то ни было сужения, искажения или стилизации подлинного Толстого, особенно внимательное сохранение всех тех черт в его писаниях, хотя бы частных и интимных, в которых выражаются революционные чувства, присущие великому писателю.

Никакого отношения к каким бы то ни было объявлениям и рекламам, к какому бы то ни было распорядку различных дополнительных и параллельных изданий Государственная комиссия не имеет. Все подобные обстоятельства регулируются ГИЗ, поскольку он является хозяином издательства, либо органами Главлита, поскольку они блюдут порядок в области печати.

Кроме того, я являюсь еще и председателем Юбилейного комитета, которому надлежит организовать юбилейные торжества предстоящего 100-летия. Комитет этот персонально назначен высокоавторитетным учреждением, и ему дана совершенно определенная директива: придать чествованию Л. Н. Толстого широко общественный характер, выдвинув на первый план его огромные литературные заслуги и все те черты, глубоко революционного характера, которыми так богаты его сочинения, особенно второй половины жизни, вместе с тем, однако, отнюдь не замалчивать, а, напротив, вскрывать и оспаривать те реакционные черты, которых также было очень много в творчестве Толстого, т. е. весьма большие остатки рационалистической мистики, присущие ему, неправильное отрицание всей новейшей цивилизации во имя своеобразно барских предрассудков, в особенности же вредное учение о непротивлении злу насилием и целый ряд более мелких, но характерных черточек, проявившихся как в художественных, так в особенности и философских и публицистических сочинениях Льва Николаевича.

В таком-то смысле и происходит сейчас работа юбилейной комиссии. Вряд ли можно назвать рекламой Толстого или противопоставлением Толстого Ленину то обстоятельство, что ввиду приближающегося юбилея о Толстом говорят теперь особенно много *. Пусть о нем спорят. Спор предполагает, что поклонники Толстого будут иметь возможность сказать о нем все то положительное, что они думают, а критикам предоставится тем бóльшая свобода высказать свои суждения. О противопоставлении Толстого Ленину говорить было бы столь же странно, как, скажем, о противопоставлении Академии наук Ленину по поводу 200-летнего юбилея этого учреждения, вообще, как о противопоставлении любого крупного юбиляра, имеющего мировое значение, гению нашей революции и вождю пролетариата Ленину. Величие Ленина ни в какой мере не

* Здесь и в других местах своей статьи-заявления Луначарский полемизирует с только что появившимися тогда статьями М. С. Ольминского «Ленин или Лев Толстой» («Правда», 1928, от 4 февраля) и «Наше отношение к Л. Н. Толстому» («Огонек», 1928, № 4).— *Ред.*

затрагивается и не умаляется величием других людей, и идеи этих других людей в том случае, если они где-нибудь соприкасаются с идеями Ленина, должны быть как раз рассматриваемы нами, ленинцами, при свете соответственных заветов Владимира Ильича.

Так, например, на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР, посвященном вопросам толстовского юбилея, было решено за много месяцев до появившихся в последнее время статей переиздать в массовом порядке статьи Владимира Ильича о Толстом и распространить их возможно более широко среди учащейся молодежи и даже подростков, а также положить идеи, высказанные Лениным, в основу всего того освещения Толстого, которое будет связано с юбилеем.

Думается, что этих разъяснений совершенно достаточно, чтобы показать всю ненужность какого бы то ни было беспокойства за общее направление как издания сочинений Толстого, так и всей совокупности мер, связанных с его юбилеем. Наоборот, разобраться в том, кем же был Толстой и что есть положительного, что — отрицательного в его произведениях, есть задача огромная, которую, мы разумеется, не исчерпаем юбилейной литературой, как бы энергично мы за нее ни взялись. Здесь каждая разъясняющая статья, каждое исследование будет желанным вкладом в нашу культуру. Великолепно будет, если юбилей поможет нам «усвоить» Толстого, т. е. понять его в положительном и отрицательном, переработать его путем критического восприятия в силу, работающую на нас. Владимир Ильич гениально положил основание именно подобной оценке Толстого, и по его путям пойдет дальнейшая работа коммунистов, связанная с Толстым.

Председатель Государственной редакционной комиссии
юбилейного издания сочинений Л. Н. Толстого,
народный комиссар по просвещению РСФСР

А. Луначарский

Таков этот документ большой важности, в котором впервые была рассказана история возникновения советского государственного издания всех писаний Толстого и официально названо имя Ленина как инициатора этого издания.

* * *

Как упомянуто выше, еще в 1925 г. был создан Редакторский комитет издания. Практически вся подготовительная работа была сосредоточена в этом комитете.

Комитет состоял из специалистов-литературоведов, в большинстве своем занимавшихся изучением творчества Толстого. В первый состав Редакторского комитета входили: А. Е. Грузинский, Н. Н. Гусев, Н. К. Пиксанов, П. Н. Сакулин, М. А. Цявловский, В. Г. Чертков, К. С. Шохор-Троцкий, а также А. Л. Толстая, вскоре эмигрировавшая и, вследствие своего враждебного отношения к Советскому государству, перешедшая в ряды изменников родины.

Позднее в состав Комитета вошли В. И. Срезневский, Н. К. Гудзий и Н. С. Родионов. Ученым секретарем Редакторского комитета была бессменно М. М. Чистякова.

В августе 1939 г. в состав Редакторского комитета были дополнительно введены Н. Л. Мещеряков и М. М. Корнев.

Редакторский комитет, работавший сначала под председательством Черткова, а после его смерти в ноябре 1936 г.— Н. Н. Гусева и с 1939 г. Н. Л. Мещерякова, был органом, который в качестве коллективного главного редактора непосредственно руководил всей научно-литературной и редакционной стороной дела.

Редакторский комитет работал под контролем Государственной Редакционной комиссии. В нее входили первоначально: А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич, М. Н. Покровский и И. И. Скворцов-Степанов. В 1934 г. в комиссию вошли И. К. Луппол и М. А. Савельев, а в 1946 г. — А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, К. А. Федин, М. А. Шолохов, Н. К. Гудзий и А. М. Панкратова.

Еще с самого начала, приступив к работе, Редакторский комитет занялся выработкой инструкции. Задачей ее было подробно предусмотреть порядок работ по подготовке к печати: а) уже издававшихся при жизни Толстого произведений, б) еще не печатавшихся и черновиков (вариантов), в) дневников и г) писем. Специальный раздел инструкции был посвящен составлению комментариев. Автором инструкции был М. А. Цявловский. В процессе работы в инструкцию вводились те или иные изменения. Эта инструкция в дальнейшем явилась образцом при подготовке к печати других классиков и сыграла заметную роль в истории советской текстологии.

На протяжении всего 30-летнего труда литературоведов и текстологов над полным собранием сочинений Толстого издание это было предметом исключительного внимания со стороны советской общественности и Правительства. Совет Народных Комиссаров и затем Совет Министров СССР неоднократно выносили постановления, касающиеся издания, и давали разного рода директивные указания. Особенно важным было постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 27 августа 1939 г. В этом постановлении, которому предшествовало обсуждение редакционной и издательской работы в печати, были отмечены серьезные идейные промахи и ошибки, допущенные в комментариях к отдельным томам. Некоторые комментарии по своему содержанию были написаны с позиций, чуждых марксизму, а по своему размеру значительно превосходили комментируемые тексты. По этому поводу в постановлении говорилось: «Принимая во внимание, что в полное собрание сочинений Л. Н. Толстого должно входить то, что написано самим Л. Н. Толстым, а различного рода комментарии могут быть напечатаны лишь в такой мере, в какой они безусловно необходимы для понимания соответствующего текста, предложить Государственной редакционной комиссии ограничить объем комментариев к тексту Л. Н. Толстого не более, чем 25-ю процентами от общего количества листов в подлежащих еще изданию томах и свести комментарии к самым необходимым и кратким фактическим справкам, используя при составлении комментариев и марксистскую литературу. Предложить Государственной редакционной комиссии заново просмотреть все тома сочинений Л. Н. Толстого, подготовленные к печати (как находящиеся в производстве, так и в портфеле Гослитиздата)».

В том же постановлении Совет Народных Комиссаров предложил Гослитиздату заключить с Редакторским комитетом новый договор. Такой договор с соблюдением принципиальных положений первого договора 2 апреля 1928 г. и новых директивных указаний в отношении комментариев был заключен 7 октября 1939 г.

Тогда же работа аппарата Главной редакции собрания сочинений была перенесена в Гослитиздат на правах самостоятельного отдела.

Во время Великой Отечественной войны работа по изданию почти прекратилась, а рукописи Толстого и подготовленные томы были эвакуированы. Редакционная работа возобновилась в конце 1946 г., а в 1947 г. она была подчинена отделу классиков Гослитиздата, в связи с чем Главная редакция перестала существовать.

До войны Главной редакцией было сдано в Гослитиздат 80 томов из 90, но было напечатано только 38 томов. Кроме этих вышедших томов, ко времени начала войны в 1941 г. было отправлено в ленинградскую

ПЕРВЫЙ (1) ТОМ ПОЛНОГО («ЮБИЛЕЙНОГО») СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО (М.— Л., 1928)
Обложка

типографию «Печатный двор» еще 13 утвержденных томов. Наборные оригиналы всех этих томов погибли во время блокады Ленинграда. Редакции пришлось их потом восстанавливать по сохранившимся дубликатам, корректурам, рукописям и черновикам.

В 1958 г. с выходом в свет 90-го тома издание было закончено, если не считать специального тома с указателями, который должен выйти из печати в 1962 г. Собрание сочинений Толстого появилось в том виде, как предполагалось; все тексты великого писателя даны в нем полностью.

Очевидно, что столь монументальное издание, на осуществление которого понадобилась почти треть века, не лишено ошибок и недостатков. Некоторые из них уже были замечены ранее, о других говорится в дальнейших разделах настоящего обзора. Но эти ошибки и недостатки исправляются и будут исправляться в дальнейшем новыми поколениями молодых исследователей, которые получили в Юбилейном издании неоценимый источник для дальнейшего углубленного изучения жизни и творчества великого русского писателя.

Н. Родионов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Первую серию Юбилейного издания, занимающую 45 томов, составляют произведения художественные, теоретические, а также сборники афоризмов, составленные Толстым. Произведения расположены хронологически. Шестнадцать томов полностью посвящены художественным произведениям; девятнадцать томов содержат художественные произведения вместе с теоретическими, созданными в тот же период. Сюда относится «Круг чтения», в состав которого включено несколько художественных произведений Толстого, и т. 90. Два тома занимают азбуки Толстого. Остальные девять томов содержат только теоретические сочинения, а также составленные Толстым сборники афоризмов (кроме «Круга чтения»).

1

В отношении художественных произведений поставленную Юбилейным изданием задачу — опубликовать «решительно все написанное Толстым» (т. 1, с. VII) — можно считать в достаточной мере выполненной. Сохранилось 174 художественных произведения Толстого, включая незавершенные сочинения и черновые наброски. Вполне законченными произведениями Толстой считал 78; только они печатались при его жизни и входили в собрания сочинений. Остальные 96 остались в архиве писателя и лишь после его смерти увидели свет, причем 30 набросков и 7 стихотворений впервые опубликованы в Юбилейном издании.

Система расположения художественных произведений в Юбилейном издании, безусловно, правильна. В каждый том входят произведения, написанные в определенный период, причем они разделены в томах на две группы: законченные, печатавшиеся при жизни Толстого, и незавершенные, которые объединены в каждом томе под рубрикой: «Неопубликованное, неотделанное и неоконченное». Произведения каждой группы, как правило, расположены в хронологическом порядке их создания. В нескольких случаях принятая система нарушена. Например, повесть «Хаджи-Мурат», при жизни Толстого не публиковавшаяся, печатается в т. 35 без установленного заголовка «Неопубликованное». В т. 34 «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой» правильно выделены в раздел неопубликованных, тогда как «Живой труп» и «После бала» печатаются вместе с опубликованными произведениями начала 900-х годов.

Собрание сочинений открывается первой повестью Толстого «Детство», появившейся в печати в 1852 г., и заканчивается художественным очерком «Благодарная почва», посвященным встрече Толстого с молодым крестьянином в Мещерском 21 июня 1910 г. (впервые был опубликован в 1910 г. в газете «Речь»). Это — последнее художественное произведение,

ПОСЛЕДНИЙ (90) ТОМ ПОЛНОГО («ЮБИЛЕЙНОГО») СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО (М., 1958)
Обложка

напечатанное при жизни Толстого. Второй раздел: «Неопубликованное, неотделанное и неоконченное» открывается «Детскими упражнениями» Толстого и заканчивается третьим вариантом повести «Нет в мире виноватых», над которой Толстой работал за месяц до смерти.

Такая композиционная четкость создает стройную картину творчества писателя.

Впрочем, в Юбилейном издании в расположении материала имеются неизбежные случаи отступления от хронологического принципа; так, «Отрочество» (1854) и «Юность» (1857) публикуются непосредственно вслед за «Детством» (1852), тогда как между «Детством» и «Отрочеством» были написаны и опубликованы рассказы «Набег» и «Записки маркера», а между «Отрочеством» и «Юностью» — рассказы «Рубка леса», три севастопольских рассказа, «Метель», «Два гусара», «Утро помещика», «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный». Однако это отступление нельзя не признать правильным уже потому, что так сделал сам Толстой при издании в 1856 г. своего первого собрания сочинений в двух томах. В первый том вошли «Детство» и «Отрочество», а во второй (под общим заглавием «Военные рассказы») — законченные к тому времени рассказы. Так же расположены произведения в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого» в двух частях, изданных Ф. Стелловским в Петербурге в 1864 г.: в первом томе объединены «Детство», «Отрочество» и «Юность».

Имеются в издании и необоснованные нарушения хронологического принципа. Некоторые художественные произведения, правда, исключительно из числа незавершенных, по различным, не всегда объяснимым причинам не вошли в соответствующие тома. Они опубликованы только в дополнительном т. 90.

Кроме двух рассказов семилетнего Толстого, которыми открывается раздел незавершенных произведений (т. 1), сохранились еще пять маленьких рассказов из рукописного журнала «Детские забавы». Первая страница его с двумя рассказами: «Орел» и «Сокол» была в 1912 г. факсимильно воспроизведена в книге «Новый сборник писем Л. Н. Толстого» (М., изд. «Окто»), и оттуда текст их перепечатан в т. 1 Юбилейного издания. Подлинная рукопись не была, видимо, известна редактору. Журнал «Детские забавы» полностью опубликован позднее в «Литературном наследстве» (т. 35-36), а затем вошел в дополнительный т. 90. Не вошли в т. 1 также сочинения из ученической тетради Толстого, его детское сочинение «Рассказы дедушки» и стихотворение-эпитафия А. И. Остен-Сакен, написанное в 1841 г. (хотя оно было напечатано еще в 1911 г. в № 1 журнала «Душеполезное чтение» и, следовательно, должно было быть известно при подготовке т. 1). Может возникнуть вопрос, следует ли включать в собрание сочинений писателя его детские произведения. Нам представляется правильным, что Редакторский комитет Юбилейного издания решил этот вопрос положительно и в т. 1 включил несколько детских работ Толстого. Жаль, что этот маленький раздел распался на две части, из которых меньшая напечатана в т. 1, а бóльшая — в т. 90.

По непонятным причинам не вошел в т. 5 набросок «Прежде всех в селе узнали...», примыкающий к рассказам «Идиллия» и «Тихон и Маланья» (автограф находился среди рукописей наброска «Тихон и Маланья»). В т. 17 не вошли заметки к неосуществленному роману о русских богатырях (автограф находился среди рукописей «Азбуки»); шуточные сцены для детского спектакля, написанные детским почерком, возможно, под диктовку Толстого, с многочисленными его исправлениями (см. ниже). Нельзя понять, как мог оказаться забытым набросок «Вечерние повести», если в 1912 г. в «Новом сборнике писем Л. Н. Толстого» была факсимильно воспроизведена первая страница автографа, и вся рукопись находилась в Библиотеке им. В. И. Ленина среди других автографов Тол-

стого. В тт. 37 и 38 должны были войти наброски начала сказки «В некотором царстве...», начало неизвестной пьесы, а также переработанный для детей текст сказки «Ассирийский царь Ассархадон», который еще в 1913 г. опубликован П. И. Бирюковым в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого» (т. XVI).

Все перечисленные наброски, пропущенные в соответствующих томах, вошли в т. 90, а два наброска вовсе не попали в издание: «Записки священника» (печатаются в настоящем томе «Литературного наследства») и небольшой набросок к неосуществленному роману о богатырях, непосредственно примыкающий к наброску, опубликованному в т. 90 (вошел в статью Э. Е. Зайденшнур «Работа Л. Н. Толстого над русскими былинами».— Сб. «Русский фольклор», т. V. Л., 1960, стр. 365).

Как видим, пропуски малочисленны, а самые наброски невелики по объему, и, разумеется, все это лишь досадные недочеты издания, но не порок его.

Следует отметить еще один случай отступления от хронологического порядка в расположении сочинений. Произведения, написанные в 1904—1906 гг. («Большая Медведица», «Корней Васильев», «Ягоды», «Молитва», «За что?», «Божеское и человеческое», «Было старцу искушение...», «Камни»), Толстой включил в «Круг чтения», который впервые был издан в 1906 г. «Круг чтения» составил в Юбилейном издании тт. 41 и 42. «Круг чтения» — это единая цельная книга, и, разумеется, ничего из нее нельзя изымать; однако было бы целесообразно в предисловии к т. 36, который содержит произведения 1904—1906 гг., назвать произведения из «Круга чтения», относящиеся к этому периоду, указав, что они публикуются в тт. 41 и 42. Во всех собраниях художественных сочинений Толстого, выходивших в 1928—1959 гг., произведения, включенные в «Круг чтения», печатаются наряду с другими в общем хронологическом порядке, и только в Юбилейном издании эти повести и рассказы отсутствуют в общем ряду. Поэтому-то особенно нужна была в соответствующих местах ссылка на «Круг чтения».

Некоторое сомнение вызывает принятое в Юбилейном издании решение вопроса о тех произведениях, которые печатались сначала отдельно, а позднее были включены Толстым в «Круг чтения». Это — «Зерно с куриное яйцо», «Кающийся грешник», «Сестры» и «Суратская кофейная». В Юбилейном издании они печатаются дважды, сначала в тех томах, где они должны быть по хронологии («Зерно с куриное яйцо» и «Кающийся грешник» — в т. 25, «Сестры» и «Суратская кофейная» — в т. 29), а затем повторяются в «Круге чтения». Быть может, в тт. 25 и 29 можно было бы ограничиться ссылками на «Круг чтения»?

Следует отметить ошибку в публикации наброска, озаглавленного «Характеры и лица». Он отнесен к рукописям «Романа русского помещика» и опубликован среди вариантов к «Роману» (т. 4, с. 377—380), тогда как это набросок самостоятельного незавершенного произведения.

Говоря о полноте издания, нельзя не остановиться еще на одном вопросе. По плану издания предполагались дополнительные тома, в один из которых должны были войти произведения различных авторов, исправленные Толстым. Намерение это не осуществилось. Вошли в собрание сочинений лишь те из переработанных или только исправленных произведений, которые Толстой включил в «Круг чтения», как, например, «Первое горе» Л. А. Авиловой, отрывок из «Отверженных» В. Гюго, опубликованный под заглавием «Епископ Мириель» (изложение сделано Е. В. Оболенской и исправлено Толстым) и др. В некоторых из них поправок Толстого меньше, нежели в тех, которые не отражены в издании.

Среди не вошедших в Юбилейное издание имеются исправленные Толстым сочинения учеников яснополянской школы Пелагеи Ермиловой и

Василия Морозова, в том числе сочинение Морозова «Солдаткино житье», которое спустя десять лет Толстой, вновь несколько исправив, включил в «Азбуку» (см. т. 21, с. 226—230). А в 1911 г. в издательстве «Посредник» вышла книжечка под заглавием «Солдаткино житье» с указанием: «Рассказ Л. Н. Толстого и его учеников Макарова и Морозова». Не включено сочинение на пословицу «Ложкой кормит, стеблем глаз колет», писавшееся учениками вместе с Толстым, причем бóльшая часть текста принадлежит Толстому. Сохранившиеся рукописи свидетельствуют о редактировании Толстым переделок сказок, опубликованных в «Книжках» «Ясная Поляна» под заглавием «Неправедный суд» и «Три сестры», рассказа «Ермак» и др.

К этому же разделу относится сказка Ч. Диккенса «Рождественские колокола» («Christmas Carol»); изложение сказки было выполнено А. А. Рутцен, Толстой внес ряд стилистических и смысловых исправлений и сделал вставку ко второй главе. В 1887 г. сказка издана в «Посреднике» под заглавием «Рождественская сказка» без указания участия Толстого в ее переработке.

В текст французской сказки «Материнское сердце», очень понравившейся Толстому, он внес несколько исправлений. Она опубликована в 1912 г. в сборнике «Цветник»; участие Толстого также не отмечено. Рассказ Т. А. Кузминской «Бабья доля» дважды перерабатывался Толстым: осенью 1885 г. по рукописи, а затем через год по печатному экземпляру издания «Посредник». Исправления и дополнения Толстого столь значительны, что могли бы даже дать право считать Толстого не столько редактором, сколько соавтором рассказа, которому он сам дал заглавие. Изданные в «Посреднике» повесть Е. С. Некрасовой «Юлиания Лазаревская» (1886) и пьеса Н. А. Полушина «Что такое жена» (1887), как свидетельствуют сохранившиеся рукописи, также исправлялись Толстым, но участие его тоже не отмечено в изданиях. Сохранились значительно исправленные и частью переработанные Толстым рукописи сочинений крестьян, написанные в форме дневников, рукопись очерка А. Шкарвана «Брат Иван Палечек, шут чешского короля Юрья» и др.

Перечисленные произведения, собранные вместе, составили бы весьма интересное прибавление к собранию сочинений, рассказывающее о Толстом-редакторе.

Таковы большие достоинства, но и немалые промахи в отношении публикации художественных произведений этого первого полного собрания сочинений Толстого.

2

Главная задача столь авторитетного издания — дать точные тексты произведений, которые в дальнейшем можно было бы смело перепечатывать как в разного типа собраниях сочинений, так и в отдельных изданиях. Редакторским комитетом так именно и был поставлен вопрос: «Юбилейное издание впервые дает полный, критически выверенный текст», в основу текста произведений «кладутся подлинные рукописи автора и наиболее авторитетные прижизненные издания произведений, печатавшихся или самим Толстым или по его поручению» (т. 1, с. XIII, XIV).

В прижизненных изданиях текст сочинений Толстого, как правило, механически переходил из одного собрания сочинений в другое, и мысли о необходимости его проверки не возникало. Позднее какие-то попытки делала в этой области жена Толстого, осуществлявшая с 1886 г. все издания собраний его сочинений. В те годы текстологии в ее теперешнем понятии еще

не существовало, и намерения С. А. Толстой использовать авторские рукописи для исправления текста некоторых произведений оказались весьма неудачными (см. комментарии к «Детству» — т. 1, к «Набегу» — т. 3).

В Юбилейном издании стремились применять научные методы, выработанные советской текстологией. С этой целью публикация произведений осуществлялась в двух разделах: произведение в его законченном виде, варианты к нему, печатные и рукописные.

В подготовке к изданию художественных произведений перед каждым из редакторов стояла одна и та же задача, но каждым она была решена по-своему. Для произведений, печатавшихся при жизни Толстого, надо было прежде всего определить наиболее авторитетное издание. Казалось бы, выбор прижизненного исправного издания не представляет большой трудности, в действительности же для многих произведений он сложен. Каждое творение Толстого имело свою судьбу, так или иначе отразившуюся на тексте, и, следовательно, каждое произведение требовало своего решения вопроса о выборе текста.

Прежде всего редакторам предстояло выполнить трудоемкую работу по сличению прижизненных изданий, установить разночтения и на основе сохранившихся материалов — дневников, писем Толстого и других документов — выбрать наиболее авторитетный текст, в издании которого Толстой принимал непосредственное участие. Эта необходимая сверка осуществлена по всем художественным произведениям. В результате редакторской проверки выяснилось, однако, что прижизненное издание, даже самое авторитетное, далеко не всегда отражает в полной мере авторскую волю,— и в лучшие издания вкрались большие ошибки. В комментариях к каждому произведению с необходимой полнотой говорится об этом и дано обоснование выбора текста.

Для большинства произведений не представило большого труда остановиться на том из прижизненных изданий, в котором, по свидетельству документов, Толстой принимал непосредственное участие. Иногда же такой выбор был труден, потому что первая публикация некоторых произведений осуществлялась параллельно в разных изданиях и с некоторыми различиями в тексте. Например, рассказ «Хозяин и работник» печатался одновременно в «Посреднике», в журнале «Северный вестник» и в т. XIV собрания сочинений Толстого (1895 г.). Изучение вопроса привело редактора А. С. Петровского к выводу, что для издания в «Посреднике» рассказ подвергся дополнительной авторской правке: внесено 184 различных исправления. Для Юбилейного издания редактор совершенно правильно выбрал текст издания «Посредника».

Пьеса «Первый винокур» дважды была издана в «Посреднике», в 1886 и в 1887 гг., причем в этих изданиях имеются разночтения. Не найдя никаких доказательств, что исправления, сделанные во втором издании, принадлежат Толстому, а не редакции издательства, редактор Н. К. Гудзий отверг их, справедливо считая, что «ошибки писателя фактические и стилистические не дают повода для редакторского их исправления» (т. 26, с. 676). В Юбилейном издании пьеса печатается по первому изданию с исправлениями по рукописям.

Легенда «Зерно с куриное яйцо», которая напечатана в Юбилейном издании дважды (см. выше), дана в разных редакциях. В т. 25 она печатается по тексту, опубликованному в «Сочинениях Л. Н. Толстого», ч. 12. М., 1886. Быть может, редактор В. И. Срезневский сознательно выбрал для тома произведений 80-х годов эту редакцию; но следовало хотя бы в комментарии отметить, что Толстой включил легенду в «Круг чтения» и, правя в 1906 г. корректуру, внес в текст легенды несколько стилистических поправок. В «Круге чтения» (т. 42; редактор Н. Н. Гусев) легенда печатается по тексту «Круга чтения» (изд. 1906 г.).

Текст севастопольских рассказов (т. 4) претерпел, как известно, большие гонения цензуры и вмешательство редакции «Современника», стремившейся ценою смягчений авторского текста и даже самовольных вставок в него спасти рассказы Толстого от полного запрещения их цензурой.

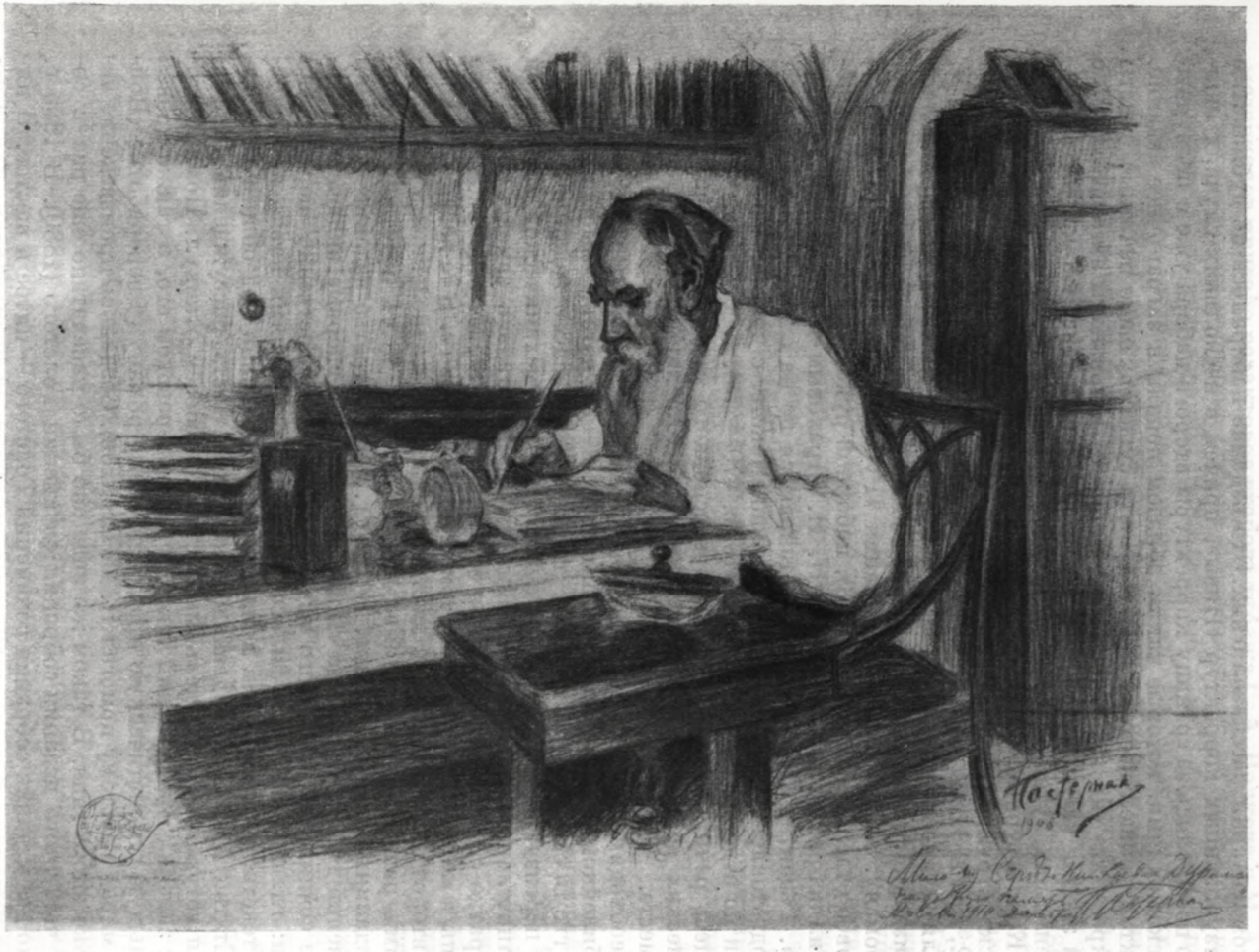
Текст расказа «Севастополь в декабре», напечатанный в книге «Военные рассказы гр. Л. Н. Толстого» (СПб., 1856), справедливо выбран за основной. Однако редактор В. И. Срезневский допустил в рассказе неоправданные текстологические изменения (см. т. 4, с. 386). В двух местах он исключил принципиально важные фразы о патриотизме. В последующих изданиях собрания сочинений Толстого исключенный в Юбилейном издании текст был восстановлен. Ошибку Юбилейного издания отметил Н. К. Гудзий в редакторских замечаниях к севастопольским рассказам, помещенным в «Собрании художественных произведений Л. Н. Толстого» (М., биб-ка «Огонек», 1948, т. 1, стр. 490). За основу публикуемого текста рассказа «Севастополь в мае» редактор принял рукопись, собственноручно подписанную и датированную Толстым, сочтя ее за наборную. Позднее было установлено, что в Петербург была отправлена, очевидно, другая рукопись, в которую были внесены дополнительные авторские исправления (см. Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии. М., 1954, стр. 587). Эта рукопись не сохранилась, но имеется корректура, представленная редакцией «Современника» в цензурный комитет. Ее следовало положить в основу издания и дополнить теми исправлениями, которые автор внес в отдельное издание «Военных рассказов» (1856).

«Казаки» (т. 6; редактор А. Е. Грузинский) напечатаны по первой журнальной публикации («Русский вестник», 1863), сверенной со следующим прижизненным изданием, повторившим без изменений первое. Следует, однако, отметить, что ввиду сложности рукописного фонда «Казаков» редактор не использовал его при подготовке окончательного текста, что явно неправильно. Кроме устранения опечаток, редактор «Казаков», так же как и редакторы некоторых других произведений, вносил в текст Толстого не всегда оправданные конъектуры (см. об этом статью Н. Н. Гусева «Из наблюдений над языком и стилем Толстого» — в сб. «Толстой-художник». М., 1961, стр. 434—436).

Для некоторых произведений редакторы по различным мотивам не сочли возможным признать авторитетным ни одно из прижизненных изданий и печатали их по последним корректурам, либо по наборным рукописям. Мотивы с разной степенью убедительности изложены в комментариях. Повесть «Крейцерова соната», например, печатается «по последней авторизованной Толстым рукописи», так как редактор Н. К. Гудзий пришел к выводу, что ни один из печатных текстов повести не является авторитетным (т. 27, с. 603). Сказка «Работник Емельян и пустой барабан», подвергшаяся строгой цензуре, печаталась при жизни Толстого шесть раз в России и три раза за границей. В Юбилейном издании, как сообщает редактор В. И. Срезневский, в результате изучения всех материалов положен в основу текст последней рукописи (т. 25, с. 737).

Повесть «Ходите в свете, пока есть свет», опубликованная в 1892 г. в Женеве в изд. Элпидина, а в 1893 г.— в России с цензурными изъятиями, напечатана в Юбилейном издании по рукописи (т. 26, с. 741). По рукописи печатается также притча «Три сына», хотя она публиковалась при жизни автора, но, как утверждает редактор П. В. Булычев, в «чрезвычайно искаженном» виде (т. 26, с. 744).

Большие трудности встретились при установлении авторитетного прижизненного издания для романов «Воскресение» и «Анна Каренина». В этом вопросе редактор Н. К. Гудзий проявил смелость. Первыми



ТОЛСТОЙ ЗА РАБОТОЙ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ КАБИНЕТЕ

Автолитография Л. О. Пастернака, 1908 г., с дарственной надписью художника Дурылину С. Н.

Собрание И. А. Дурылиной, Москва

изданиями «Воскресения» являются подцензурная публикация в журнале «Нива» и одновременно с ней выходившее в Англии бесцензурное издание Черткова («Свободное слово»). Редактор Юбилейного издания проанализировал условия, при которых осуществлялось заграничное издание, и в комментарии рассказал о них. Это издание набиралось по дубликатам нецензурованных корректур «Нивы», причем в нескольких случаях ошибочно посылались за границу корректуры второго набора уже с цензурными искажениями, которые таким образом попали в заграничное издание. Редактор пришел поэтому к выводу, что существующие печатные тексты «Воскресения» «ни в какой мере не могут быть признаны авторитетными с точки зрения их исправности» и что правильный текст «может быть установлен лишь путем непосредственного обращения к корректурным гранкам. Корректурные гранки являются единственной надежной основой (...) для сконструирования окончательного, критически проверенного текста» (т. 32, с. VII и 521—522).

Для установления текста «Анны Карениной» имелись два прижизненных издания, появившиеся в период активного интереса Толстого к этому роману: журнальная публикация «Русского вестника» (1875—1877) и первое отдельное издание (1878), наборной рукописью для которого послужил исправленный автором и Н. Н. Страховым текст «Русского вестника». Редактор Н. К. Гудзий остановился не на отдельном издании, а на подготовленном для него журнальном тексте, с частичными исправлениями по отдельному изданию (т. 19, с. 470—473).

Здесь речь идет только о выборе основного текста. О прочих текстологических вопросах, связанных с «Анной Карениной», говорится в другом месте.

Необходимо особо остановиться на выборе текста «Войны и мира». В Юбилейном издании роман занимает тт. 9—12, которые вышли в 1930—1933 гг. В связи с увеличением тиража Юбилейного издания эти тома были переизданы в 1937 г., причем это не было механической допечаткой дополнительного тиража,— «Война и мир» печаталась заново.

Кратко об истории печатания этого романа. Первое отдельное издание «Войны и мира» вышло в шести томах в 1868—1869 гг. В те же годы появилось второе издание также в шести томах с немногочисленными стилистическими разночтениями в томах I—IV; тома V и VI печатались в обоих изданиях с одного набора. В 1873 г. вышло третье издание собрания сочинений Толстого, и тогда «Война и мир» была впервые включена в собрание сочинений. Для этого издания Толстой существенно переработал роман: главы с историко-философскими рассуждениями изъял из основного текста, перенеся их в приложение и объединив под общим заглавием «Статьи о кампании двенадцатого года»; часть рассуждений, являвшихся вступлением к отдельным частям, он совсем откинул. Помимо этого он заменил французский текст русским переводом его, а также провел небольшую стилистическую правку по всему роману (в переработке «Войны и мира» Толстому помогал Н. Н. Страхов). Создалось произведение несколько иного типа. В таком же виде оно было напечатано еще раз в составе четвертого издания собрания сочинений Толстого (1880). В 1886 г. вышло два издания собрания сочинений Толстого — пятое и шестое. В пятом — роман полностью возвращен к тексту первого издания без учета правки 1873 г., но с распределением на четыре тома; то же в шестом издании, но без восстановления французской речи. В дальнейшем роман «Война и мир» печатался: в седьмом (1887), восьмом (1889) и десятом (1897) изданиях собраний сочинений — по шестому изданию, т. е. без французской речи, а в девятом (1893) и одиннадцатом (1903) — по пятому изданию. Следовательно, нельзя говорить о каком-либо точно определившемся при жизни писателя тексте романа.

В первом тираже Юбилейного издания (1930—1933; т. 1: редактор А. Е. Грузинский; тт. 2—4: А. Е. Грузинский и М. А. Цявловский) за основной принят текст пятого издания 1886 г. с частичным, по выбору редакторов, введением исправлений, сделанных в издании 1873 г. Изучение материалов привело редакторов второго тиража Г. А. Волкова и М. А. Цявловского к иному решению. Они не сомневались, что Толстой сам правил корректуры второго издания 1868—1869 гг. и внес «в пределах первых четырех томов» незначительные исправления. Бесспорным для них было и то, что в 1873 г. одновременно с композиционной перестройкой и заменой французской речи русской Толстой сам подверг весь текст романа «большой стилистической переработке». В результате этих соображений редакторы признали наиболее авторитетными второе издание 1868—1869 гг. и третье издание 1873 г. Напечатанный ими текст «Войны и мира», согласно их заявлению, «является в силу необходимости контаминированным» (т. 9, 1937, с. VIII, XIII). Формально иное решение вопроса о выборе текста «Войны и мира» во втором тираже дало мало отличий в основном тексте романа от текста, опубликованного в первом тираже. Стилистические поправки издания 1873 г. внесены в текст первого тиража более скупо, а в текст второго значительно полнее, но в обоих случаях по субъективному выбору редакторов. Самым существенным отличием явились подстрочные переводы французской речи. В первом тираже переводы французских текстов даны по изданию 1886 г., что совпадает с первым изданием 1868—1869 гг., а во втором — в качестве переводов использован русский текст издания 1873 г., причем это допускалось даже в тех случаях, когда текст издания 1873 г. представлял «собой не дословные переводы ‹...›, а пересказ смысла этих выражений по-русски» (т. 9, 1937, с. XIII).

Ни одно из предложенных решений относительно основного текста «Войны и мира» нельзя принять полностью.

Ко времени подготовки для Юбилейного издания обоих тиражей «Войны и мира» был известен факт участия Н. Н. Страхова в издании 1873 г. В письмах к Толстому Страхов подробно сообщал о своих исправлениях в историко-философских рассуждениях в романе, а по поводу стилистической правки отметил лишь, что сделал «множество мелких исправлений», но «вычеркнул всего в двух местах по две, по три строки, — там, где надобность была совершенно очевидна» («Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». СПб., 1914, стр. 33—34).

Уже после 1937 г. обнаружились материалы первостепенной важности, раскрывающие в большой мере процесс переработки романа в 1873 г. Документы эти следующие: экземпляр последних томов «Войны и мира» в издании 1868—1869 гг. с подлинными исправлениями Толстого и Страхова для нового издания 1873 г. (хранится в АТ); письма Толстого к Страхову 1873 г., относящиеся ко времени переработки «Войны и мира» (т. 62, №№ 25, 27, 31, 33, 35). Экземпляр романа с исправлениями Толстого дает возможность установить, что́ сделал сам Толстой и что́ сделал Страхов (собственноручные исправления Толстого опубликованы Н. Н. Гусевым в «Летописи Гос. Литературного музея», кн. 12. М., 1948, стр. 193—199). А из писем Толстого стало известно: 1) что Страхов исправлял *после* Толстого; 2) что Толстой, посылая Страхову на суд исправленный им экземпляр, писал: «если вы найдете, что дурно, даю вам право уничтожить поправку и поправить то, что вам известно за дурное»; относительно помещенных в конце книги «рассуждений военных, исторических и философских» Толстой также передал все права Страхову: «если вы какие из них найдете излишними, выкиньте». Благодаря письмам Толстого уточняются факты, имеющиеся в ответных письмах Страхова. Теперь ясно, что исправленные Страховым тома I — IV «Войны и мира» Толстой не видал, так как Страхов переслал их непосредственно в типографию.

Сличение обнаруженного исправленного экземпляра последних томов «Войны и мира» с текстом Юбилейного издания убеждает в том, что большая часть принятых редакторами стилистических исправлений принадлежит не Толстому, а Страхову, и имеются случаи, когда правка Толстого оказалась не принятой. Кроме того, в оба тиража Юбилейного издания в качестве стилистической правки, будто бы сделанной Толстым, включены из второго издания 1868—1869 гг. и из издания 1873 г. явные опечатки, отнюдь не улучшающие текст Толстого. Приведем один только пример. Кутузов писал старому князю Болконскому: «Ваш сын надежду подает быть офицером из ряду выходящим по своим *знаниям*, твердости и исполнительности...». В издании 1873 г. по ошибке набора вместо *знаниям* печатается *занятиям*, что совершенно неуместно в контексте письма. Явная опечатка была принята за исправление Толстого и введена в Юбилейное издание (т. 9, с. 150).

В двух статьях, посвященных Юбилейному изданию (Б. М. Э й х е н б а у м а «90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого» — журн. «Русская литература», 1959, № 4, и Л. Д. О п у л ь с к о й «Фундаментальное издание».— «Вопросы литературы», 1960, № 2), авторы по-разному оценивают выбор текста «Войны и мира». Б. М. Эйхенбаум, признавая трудность вопроса об основном тексте прижизненного издания, считает решение его в Юбилейном издании как в первом, так и во втором тираже, спорным, ибо, по его убеждению, «контаминировать второе издание с третьим нельзя». Л. Д. Опульская придерживается другого мнения и считает «вполне обоснованным» решение «о выборе основного текста „Войны и мира", принятое во втором выпуске 9—12 томов Юбилейного издания, и о внесении в него правки по изданию 1873 г.».

Нам не известны документы, которые позволили бы смело утверждать, как это отмечено в «Вопросах литературы», что издание 1873 г. было в 1880 г. повторено «без участия Толстого», а что в 1886 г. пятое издание, в котором «произошел возврат к тексту первого издания 1868—69 г.», делалось «не без ведома Толстого». А как же отнестись в таком случае к шестому изданию того же 1886 г., в котором композиционно роман дан по изданию 1868—1869 г., а французский текст заменен русским? Произошло это с ведома или без ведома Толстого?

Какие основания утверждать, что возврат к первоначальной композиции произошел в 1886 г. потому, что, переработав в 1873 г. текст «Войны и мира», Толстой «должен был убедиться, что по всем законам художественной композиции „приложение" либо нужно отсечь совсем, либо восстановить в тексте» и «первое решение противоречило бы общим принципам писательской манеры Толстого». Из чего это все следует, в статье не раскрыто. «Что касается замены французских фраз русскими,— утверждает далее Л. Д. Опульская,— то этот эксперимент издания 1873 г. также не был художественно оправдан», замена французской речи русской «вела к обеднению стиля романа» и «сам Толстой писал, что „уничтожение французского" ему „было жалко"». Нам известно, что Толстой писал: «Уничтожение французского иногда мне было жалко, но в общем, мне кажется, лучше без французского». А относительно композиционной перестройки Толстой тогда же писал: «Рассуждения военные, исторические и философские, мне кажется, вынесенные из романа, облегчили его и не лишены интереса отдельно» (т. 62, с. 34). Эти авторские свидетельства, разумеется, не дают оснований признать издание 1873 г. самым авторитетным; но в такой же степени не дают права считать издание 1873 г. «боковой редакцией», а принятый в Юбилейном издании контаминированный (каким считают его сами редакторы) текст «Войны и мира» признавать основанным «на следовании творческой воле автора, представленной в данном случае двумя изданиями». Нам представляется также слишком категоричным заявление,

будто теперь «достоверно известно», что для издания 1873 г. «исправлял текст сам Толстой, а не Страхов, и что автор с величайшим вниманием относился к стилистической правке романа». Известно стало теперь другое: переработав текст романа, Толстой послал его Страхову, прося «просмотреть» сделанные поправки и «сказать свое мнение», а также дав ему право не только «уничтожить» не одобренную им поправку, но и «поправить» то, что он сочтет «за дурное» (т. 62, с. 34). И позднее Толстой подтвердил данные им Страхову «полномочия»: «Делайте, что хотите, именно в смысле уничтожения всего, что вам покажется лишним, противуречивым, неясным» (т. 62, с. 46). Известно далее, что Толстой просил Страхова, просмотрев и поправив экземпляр, переслать его в Москву, непосредственно в типографию (т. 62, с. 34), что Страхов и выполнил (т. 62, с. 45). Главнейшим свидетельством того, что стилистическая правка в большей своей части принадлежит Страхову, а не Толстому, является упомянутый выше экземпляр тт. V и VI «Войны и мира» в изд. 1869 г., исправленный в 1873 г. Толстым, а затем Страховым.

На «Войне и мире» нам пришлось надолго задержаться потому, что вопрос об авторитетном тексте романа оказался очень сложным, и он требует серьезного дополнительного изучения с учетом всех новых материалов, которые не были известны ко времени печатания «Войны и мира» в Юбилейном издании.

Выбор основного текста — это первая задача редактора при подготовке научного издания произведений. Затем предстоит критическая выверка текста по всем печатным и рукописным источникам, изучение истории создания с тем, чтобы иметь возможность освободить текст произведения от всевозможных посторонних наслоений: ошибок переписчиков и наборщиков, правки редакторов, цензурных искажений. Нет необходимости доказывать, что механическая перепечатка авторизованного текста влечет за собой повторение ошибок, вкравшихся по различным причинам в прижизненное издание. Инструкцией Редакторского комитета текстологическая работа была, разумеется, предусмотрена и по отношению ко всем произведениям проведена, хотя не ко всем в равной мере хорошо.

Прежде всего предстояло освободить произведения Толстого от цензурных искажений. С этой задачей Юбилейное издание справилось вполне удовлетворительно. Текст Толстого восстановлен. Кроме того в комментариях имеется перечень восстановленных мест, и таким образом в этом издании впервые дана полная сводка цензурных искажений.

Но вмешивалась в текст Толстого не только цензура. «Исправляли» тексты Толстого лица, помогавшие ему при печатании его произведений, и редакторы-издатели. Участие их разное. В одних случаях исправлялся текст по личной инициативе того, кто это делал. Тут мотивы были двоякие. То казалось, что надо исправить какую-то шероховатость, устранить неточность или противоречие; более серьезны нарушения авторского текста по идейным соображениям, когда издатель или редактор брал на себя смелость навязывать произведению Толстого свою точку зрения. В большинстве случаев роль помощника ограничивалась стилистической правкой,— то с последующим утверждением ее автором, то под личной ответственностью того, кто выполнял эту работу.

«Образцом» вмешательства в толстовский текст по идейным и «вкусовым» соображениям является повесть «Крейцерова соната», которую «исправляла» С. А. Толстая. Ее «правка» справедливо редактором Н. К. Гудзием снята (т. 27).

Трое близких знакомых Толстого прикоснулись к текстам трех романов великого писателя. К «Войне и миру» — П. И. Бартенев и впослед-

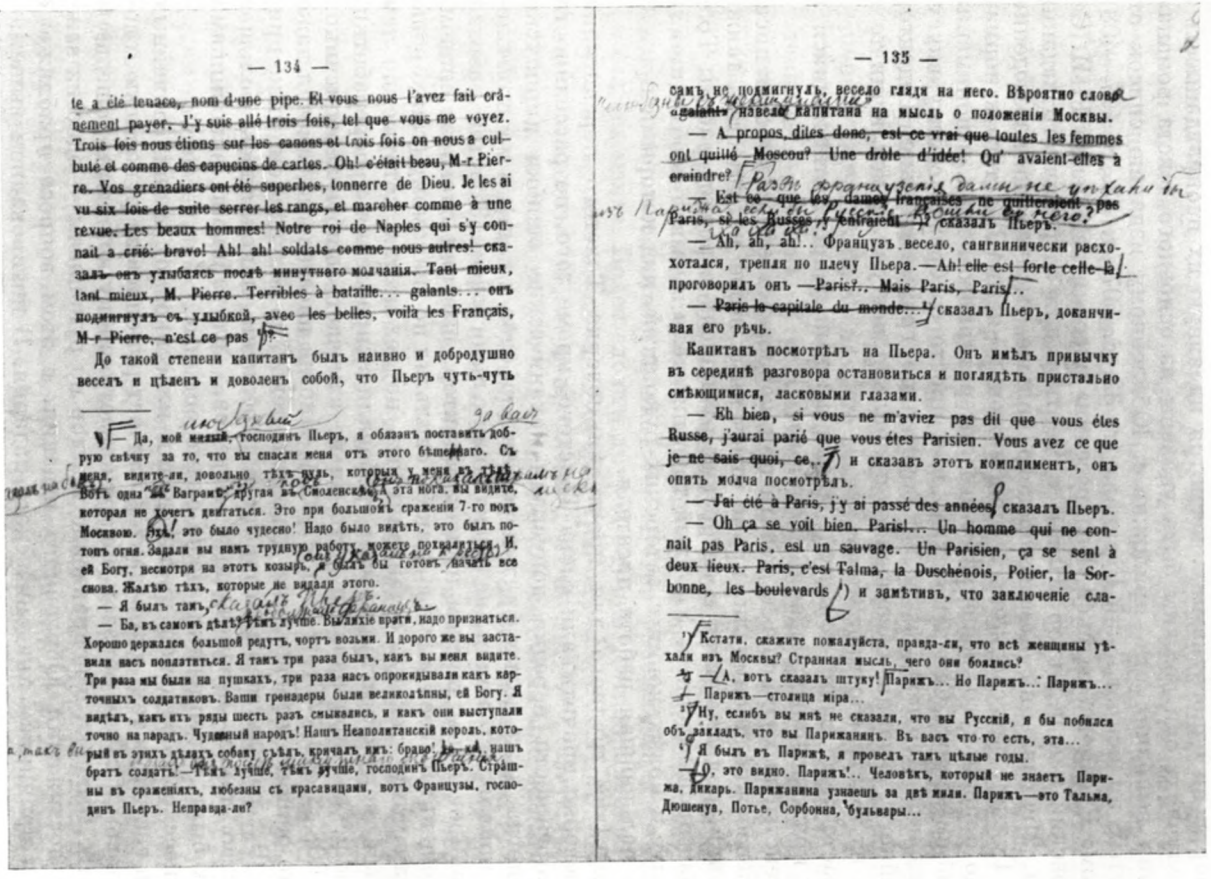
ствии Н. Н. Страхов, к «Анне Карениной» — Н. Н. Страхов и к «Воскресению»— Г. А. Русанов. Как бы ни были различны полномочия, которые им дал Толстой, вмешательство их свелось главным образом к одному: к доработке авторского текста в меру их собственного разумения. «Исправления» коснулись исключительно стиля или грамматического строя фраз, замены отдельных слов другими. Толстой дал этим лицам свободу действия, в результате чего посторонние исправления беспрепятственно вошли в законченное произведение.

Перед редакторами Юбилейного издания встал вопрос: как отнестись к текстам, появившимся хотя и с согласия Толстого, но не им написанным, особенно в тех случаях, когда они не были просмотрены Толстым.

Текст «Войны и мира» сверялся в Юбилейном издании исключительно по печатным источникам (список разночтений приложен к каждому тому). Вопрос же о выверке текста по рукописным источникам даже не ставился, и все обилие ошибок переписчиков и наборщиков, частичные исправления Бартенева, сделанные в 1868 г. в третьей части первого тома, а также правка по всему тексту, сделанная Страховым в 1873 г., полностью сохранились в романе. Иначе обстоит дело с двумя другими романами, на текстах которых тоже отразилось активное вмешательство посторонних лиц: в «Анне Карениной» — Страхова, в «Воскресении» — Русанова (в Юбилейном издании редактор обоих романов Н. К. Гудзий).

Когда готовилось к печати первое отдельное издание «Анны Карениной», гостивший в Ясной Поляне Страхов предложил Толстому свои услуги по просмотру журнального текста романа. Страхов впоследствии сам описал круг своих обязанностей: «Я взялся прочитывать наперед, исправлять пунктуацию и явные ошибки и указывать Льву Николаевичу на места, которые почему-либо казались мне требующими поправок,— преимущественно, даже почти исключительно, неправильности языка и неясности. Таким образом, сперва я читал и наносил свои поправки, а потом Лев Николаевич. Так дело шло до половины романа, но потом Лев Николаевич, все больше и больше увлекаясь работой, перегнал меня, и я исправлял после него, да и прежде всегда просматривал его поправки, чтобы убедиться, понял ли я их и так ли работаю, потому что мне предстояло держать корректуру» (т. 20, с. 642—643). Действительно, корректуру первого отдельного издания «Анны Карениной» правил Страхов, внесший при этом в текст романа ряд исправлений стилистического и грамматического характера. Редактор Юбилейного издания отверг поправки Страхова, сделанные в корректуре, и полностью принял все, что Страхов внес в материал, подготовленный к печати. По заявлению редактора, в основу публикуемого им романа лег «исправленный Толстым и Н. Н. Страховым» текст (т. 18, с. 459).

Иная судьба «Воскресения», в текст которого были внесены изменения Русановым. Редактор Юбилейного издания так характеризует это лицо: «Русанов, человек литературно образованный, Толстому близкий, его единомышленник и преданный почитатель, несомненно, мог взяться за это дело, как брались в других случаях за него по поручению Толстого П. И. Бартенев, Н. Н. Страхов, Н. Я. Грот, В. Г. Чертков». Русанов предлагал свои услуги по другому поводу раньше «Воскресения», и «очень вероятно, поэтому, что Толстой, воспользовавшись таким предложением Русанова, поручил ему сделать грамматические исправления в „Воскресении“» (т. 33, с. 407—408). По наблюдениям редактора Юбилейного издания, «в ряде случаев исправления Русанова с точки зрения обычных грамматических и стилистических требований не могут вызвать возражений ⟨...⟩ Наряду с этим сделаны исправления, которые трудно объяснить иначе, как личным вкусом исправлявшего ⟨...⟩ В иных случаях исправления Русанова обезличивали толстовский текст или вообще ухудшали его».



— 134 —

te a été tenace, nom d'une pipe. Et vous nous l'avez fait crânement payer. J'y suis allé trois fois, tel que vous me voyez. Trois fois nous étions sur les canons et trois fois on nous a culbuté et comme des capucins de cartes. Oh! c'était beau, M-r Pierre. Vos grenadiers ont été superbes, tonnerre de Dieu. Je les ai vu six fois de suite serrer les rangs, et marcher comme à une revue. Les beaux hommes! Notre roi de Naples qui s'y connait a crié: bravo! Ah! ah! soldats comme nous autres! сказалъ онъ улыбаясь послѣ минутнаго молчанія. Tant mieux, tant mieux, M. Pierre. Terribles à bataille... galants... онъ подмигнулъ съ улыбкой, avec les belles, voilà les Français, M-r Pierre, n'est ce pas [1]?

До такой степени капитанъ былъ наивно и добродушно веселъ и цѣленъ и доволенъ собой, что Пьеръ чуть-чуть

---

[1] — Да, мой милый, господинъ Пьеръ, я обязанъ поставить добрую свѣчку за то, что вы спасли меня отъ этого бѣшенаго. Съ меня, видите-ли, довольно тѣхъ пуль, которыя у меня въ тѣлѣ. Вотъ одна въ Ваграмѣ, другая въ Смоленскѣ, а эта нога, вы видите, которая не хочетъ двигаться. Это при большомъ сраженіи 7-го подъ Москвою. Эхъ, это было чудесно! Надо было видѣть, это былъ потопъ огня. Задали вы намъ трудную работу, можете похвалиться. И, ей Богу, несмотря на этотъ козырь, я былъ бы готовъ начать все снова. Жалѣю тѣхъ, которые не видали этого.

— Я былъ тамъ,

— Ба, въ самомъ дѣлѣ? Тѣмъ лучше. Вы лихіе враги, надо признаться. Хорошо держался большой редутъ, чортъ возьми. И дорого же вы заставили насъ поплатиться. Я тамъ три раза былъ, какъ вы меня видите. Три раза мы были на пушкахъ, три раза насъ опрокидывали какъ карточныхъ солдатиковъ. Ваши гренадеры были великолѣпны, ей Богу. Я видѣлъ, какъ ихъ ряды шесть разъ смыкались, и какъ они выступали точно на парадъ. Чудесный народъ! Нашъ Неаполитанскій король, который въ этихъ дѣлахъ собаку съѣлъ, кричалъ имъ: браво! Да-ка, нашъ братъ солдатъ! — Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, господинъ Пьеръ. Страшны въ сраженіяхъ, любезны съ красавицами, вотъ Французы, господинъ Пьеръ. Неправда-ли?

— 135 —

самъ не подмигнулъ, весело глядя на него. Вѣроятно слово «galant» навело капитана на мысль о положеніи Москвы.

— A propos, dites donc, est-ce vrai que toutes les femmes ont quitté Moscou? Une drôle d'idée! Qu' avaient-elles à craindre?

— Est ce que les dames françaises ne quitteraient pas Paris, si les Russes y entraient [2]? сказалъ Пьеръ.

— Ah, ah, ah!.. Французъ весело, сангвинически расхохотался, трепля по плечу Пьера. — Ah! elle est forte celle-là, проговорилъ онъ — Paris?.. Mais Paris, Paris!..

— Paris la capitale du monde... [3] сказалъ Пьеръ, доканчивая его рѣчь.

Капитанъ посмотрѣлъ на Пьера. Онъ имѣлъ привычку въ серединѣ разговора остановиться и поглядѣть пристально смѣющимися, ласковыми глазами.

— Eh bien, si vous ne m'aviez pas dit que vous êtes Russe, j'aurai parié que vous êtes Parisien. Vous avez ce que je ne sais quoi, ce... [4] и сказавъ этотъ комплиментъ, онъ опять молча посмотрѣлъ.

— J'ai été à Paris, j'y ai passé des années, сказалъ Пьеръ.

— Oh ça se voit bien. Paris!... Un homme qui ne connait pas Paris, est un sauvage. Un Parisien, ça se sent à deux lieux. Paris, c'est Talma, la Duschénois, Potier, la Sorbonne, les boulevards [5] и замѣтивъ, что заключеніе сла-

---

[1] Кстати, скажите пожалуйста, правда-ли, что всѣ женщины уѣхали изъ Москвы? Странная мысль, чего они боялись?

[2] — А, вотъ сказалъ штуку! Парижъ... Но Парижъ...: Парижъ... Парижъ — столица міра...

[3] Ну, еслибъ вы мнѣ не сказали, что вы Русскій, я бы побился объ закладъ, что вы Парижанинъ. Въ васъ что-то есть, эта...

[4] Я былъ въ Парижѣ, я провелъ тамъ цѣлые годы.

— О, это видно. Парижъ!.. Человѣкъ, который не знаетъ Парижа, дикарь. Парижанина узнаешь за двѣ мили. Парижъ — это Тальма, Дюшенуа, Потье, Сорбонна, бульвары...

ПРАВКА ТОЛСТОГО НА СТРАНИЦАХ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «ВОЙНЫ И МИРА» (т. VI, 1869)

Правка делалась для третьего издания «Собрания сочинений» Толстого (1873). Французский текст заменен русским

Архив Толстого, Москва

Редактор обратил внимание и на тот факт, что Русанов стремился довести до сведения Толстого каждую свою поправку, подчеркивая ее. Тем не менее Н. К. Гудзий пришел к следующему выводу: «Поскольку эти исправления, захватывая меньше одной трети романа, не были систематическими и поскольку Толстой обнаружил к ним чисто пассивное отношение, не оспорив ни одного из них, несмотря на явную их неоправданность в иных случаях, они должны быть удалены из основного текста романа». Редактор выполнил это, приложив к Юбилейному изданию список отвергнутых им исправлений Русанова (т. 32, с. 507; т. 33, с. 407—408).

Кроме Русанова, в текст «Воскресения» вносили изменения Р. И. Сементковский как редактор «Нивы» и Чертков для заграничного издания романа. Исправлений Сементковского больше тысячи; по наблюдению Н. К. Гудзия, они сводились к «приближению» языка Толстого к нормам условно правильного, общепринятого литературного языка, в понимании этих «норм» самим Сементковским, или просто сообразно своему вкусу. Исправления Черткова были исключительно грамматические. Редактор Юбилейного издания совершенно правильно поступил, исключив те и другие из текста «Воскресения».

Остается еще один, пожалуй, самый важный вопрос, относящийся к судьбе прижизненных изданий Толстого.

В тексты, выходившие из печати при непосредственном участии писателя, неизбежно проникали, кроме отмеченных выше неточностей, также искажения, появлявшиеся в авторских рукописях в период работы Толстого над произведением. Упорный труд писателя вызывал необходимость все новых и новых копий с авторских рукописей, над которыми продолжалась дальнейшая работа писателя.

Вследствие трудного для прочтения почерка Толстого переписчики часто неверно прочитывали слова Толстого, кроме того, по рассеянности или небрежности нередко допускали механические ошибки (пропуски слов, иногда даже целых фраз, перестановки слов и т. д.), и на столе писателя появлялась копия, не идентичная с автографом. Толстой работал над скопированным текстом не как редактор, выверяя слово за словом, а, поглощенный своей мыслью, как бы скользил по знакомому (так хорошо ему знакомому) тексту, останавливаясь на тех местах, которые по тем или иным творческим импульсам требовали исправления и переработки. Толстой не раз признавался, что он не замечает ошибок переписчиков (см. т. 60, с. 460—461; т. 61, с. 325). Иногда писатель не замечал даже того, что ошибка переписчика доводила текст до абсурда (см. ниже примеры). В результате многократной переписки накоплялось большое количество таких незамеченных огрехов, случайными виновниками которых были переписчики, даже самые опытные.

Процесс освобождения произведений классиков от таких случайных изъянов состоит в том, что редактор сличает рукопись за рукописью, слово за словом и таким образом обнаруживает ошибку копииста, дошедшую до печати. Выверка и исправление текстов по рукописям — одно из важнейших достижений Юбилейного издания, в этом вопросе приближающегося к принципам академического издания. В цитированном выше постановлении Редакторского комитета декларировано, что в основу текста произведений Толстого кладутся, кроме авторитетных прижизненных изданий, подлинные рукописи. Почти по всем произведениям Толстого с большей или меньшей тщательностью проведена такая выверка по рукописям. При подготовке к печати текста великих творений нет больших и малых вопросов: каждый штрих, каждое слово Толстого неприкосновенно. Переставленные переписчиком слова нарушают грамматический строй фразы, пропуск даже отдельных слов, как бы безразличны на первый взгляд они ни покажутся, обедняет словарь Толстого. Нечего говорить о тех

случаях, когда рассеянность копииста вызвала за собой пропуск целых фраз, что неизбежно повлекло за собой нарушение художественных достоинств или даже искажение смысла. Такого рода ошибки в большом количестве обнаружены редакторами Юбилейного издания. Требования, поставленные перед ними, совершенно четко сформулированы в одном из томов: «Считая главнейшей задачей нашего издания — дать читателю никем не искаженный подлинный толстовский текст, исправляем все ошибки переписчиков, вошедшие в печатный текст, по подлинному толстовскому написанию того или другого слова или слов» (т. 27, с. 702; редактор Н. Н. Гусев). По законам научного издания каждое исправление учтено и мотивировано в комментариях.

Чем сложнее рукописный фонд произведения, тем труднее выполнение текстологической работы. Одной из лучших работ следует признать подготовку текста «Крейцеровой сонаты» (редактор Н. К. Гудзий). Остановившись на последней авторизованной рукописи повести, редактор справедливо отметил: «...так как эта рукопись представляет собой исправленную копию, в которую из предшествующих авторизованных копий попали ошибочные чтения, не замеченные Толстым, то текст ее сверяем с *автографическими* ⟨курсив наш.— *В. Ж.* и *Э. З.*⟩ текстами в их окончательной редакции». В результате этой сверки внесено в печатный текст больше 120 исправлений, список которых составлен редактором (т. 27, с. 603 и сл.).

При просмотре списка становится ясным, какого характера ущерб был нанесен переписчиками авторскому тексту. Безобидной, на первый взгляд, является перестановка слов внутри фразы: «без меня был» вместо «был без меня». Более сложен другой случай. До исправления: «Я не мог бы сказать, чего я желал. Я желал, чтоб она не хотела того, что она должна была хотеть». После исправления: «Я не мог бы сказать, чего я хотел. Я хотел, чтоб она не желала того, что она должна была желать». Глаголы «хотеть» и «желать» обменялись местами, и все, очевидно, произошло потому, что переписчик, запоминая смысл фразы, не следил за чередованием одинаковых по значению слов. Подобные случаи — мелочи только на первый взгляд.

Нельзя не порадоваться восстановлению редактором народных слов того времени, встречающихся в произведениях Толстого: «ярманка» вместо «ярмарка»; слово «ярманка» встречается в черновых вариантах «Войны и мира», в речи князя Андрея (т. 13, с. 114), в «Корнее Васильеве» («ярмонка»—т. 42, с. 474), в дневнике Толстого (т. 49, с. 38). Восстановлено «ворочались домой» вместо «возвращались домой», «девки ждут» вместо «девы ждут» и др. Как будто безразличные изменения обыденных слов фактически отрицательно сказывались на эмоциональном строе этого предельно эмоционального произведения. Позднышев мучается отсутствием жены: «А что как она не у сестры, а что-нибудь делает или уже сделала над собой? Одиннадцать, двенадцатый час». После восстановления толстовского текста: «...Одиннадцать, двенадцать, час». Взбудораженного Позднышева должно пугать стремительно летящее время, и менее естественно для него логическое заключение, что после 11 часов наступил 12-й час. Другой пример. В припадке ревности Позднышев представил себя на месте Трухачевского, якобы цинично думающего об его жене. Тут же Позднышев спохватывается и восклицает: «Нет, это невозможно!». Переписчик пропустил окончание реплики Позднышева, пришедшего в ужас от собственных мыслей. В подлинном виде так: «Нет, это невозможно! Что я думаю!».

Редактор зарегистрировал несколько пропусков толстовского текста (отдельных слов и целых фраз) и их восстановил. В другом месте, наоборот, потребовалось устранить значительный по объему текст, введенный

по рассеянности переписчика, не заметившего в рукописи пометы Толстого: «пр⟨опустить⟩». Отдельно редактор учел ошибки, допущенные С. А. Толстой при переписке самой важной для издания рукописи. Таких случаев семьдесят с лишним.

Так подробно остановиться на «Крейцеровой сонате» надо было потому, что при подготовке текста этого произведения тщательно применен метод научной текстологии: проведена сплошная выверка текста с анализом его от автографического написания до последней рукописи и прижизненных изданий. Главное достоинство работы редактора в том, что, обнаружив при анализе рукописей ошибки переписчика, он, на основании документов, восстанавливал подлинные слова Толстого, не допуская мысли о том, что невольная ошибка переписчика или вольная поправка редактора *улучшила* текст Толстого и потому, дескать, ее следует предпочесть словам Толстого. Строго соблюдая научные методы текстологии, редактор, однако, не обратил внимания на одно разночтение между автографом и копией, которое появилось не вследствие ошибки или намерения исправить шероховатость толстовского стиля, как это весьма часто бывало, а было вызвано исправлением *фактической* ошибки Толстого. Речь идет о том месте главы XXIII, где рассказывается о начале исполнения бетховенской «Крейцеровой сонаты». В первой редакции было так: «Они в одно время ударили аккорд, она на рояле, он на скрипке» (рук. 12, л. 64). Этот текст вошел в литографированное издание повести (см. об этом — т. 27, с. 588 и сл.). В следующей рукописи Толстой это место собственноручно исправил, и оно по-новому читается так: «Она взяла первый аккорд. У него сделалось серьезное, строгое, симпатичное лицо, и, прислушиваясь к своим звукам, он осторожно пальцами дернул по струнам и ответил роялю» (рук. 13, л. 86). Таково последнее автографическое написание. С. А. Толстая точно скопировала автограф, а затем уточнила именно это место (цитируем только расхождение): «Он взял первые аккорды ⟨...⟩ Рояль ответил ему». Так печаталось в первом и последующих изданиях. Исправление сделано С. А. Толстой в соответствии с действительным началом «Крейцеровой сонаты» Бетховена: начинает скрипка одним четырехзвучным аккордом, продолжает двойными нотами, и только через несколько тактов вступает рояль.

Несколько подобных мелких фактических погрешностей устранил в корректурах «Войны и мира» П. И. Бартенев (см. т. 61, с. 175). Их тоже надо принять. Известно, как охотно прислушивался Толстой к такого рода замечаниям. В одной из редакций «Чем люди живы» рассказано, что сапожник, получив деньги, «пообедал, выпил шкалик водки...» (рук. 24, л. 1). Копируя рукопись, переписчик отметил на полях: «Сапожники пьют натощак». Толстой это замечание учел. В первой редакции «Сказки об Иване дураке» говорилось, что Иван, поймав чёрта, стал бить его «об колодку сохи». Крестьянские дети, которым Толстой читал по рукописи свою сказку, заметили ошибку: надо не «колодка», а «приголовок» (Е. Т. З я б р е в. Воспоминания о Л. Н. Толстом. — сб. «Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом». Тула, 1960, стр. 225). По их указанию Толстой исправил эту неточность (т. 25, с. 118).

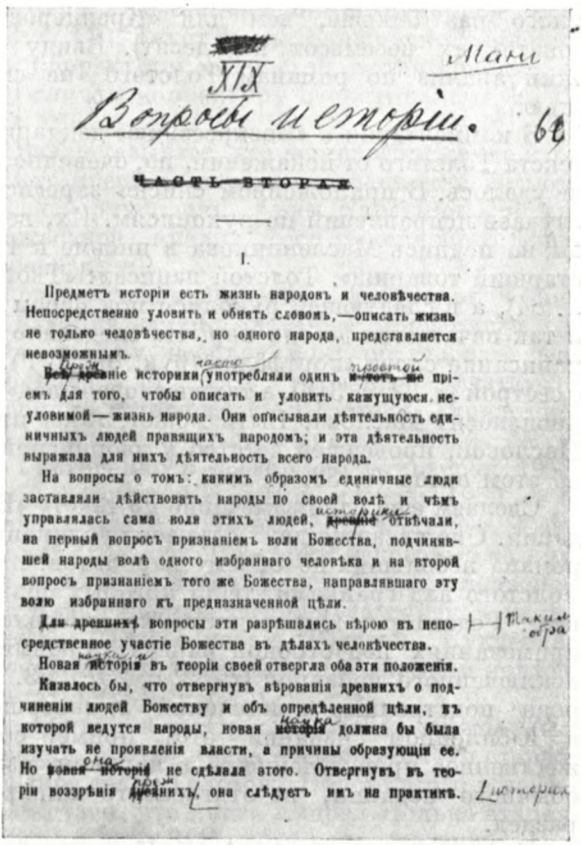
С большой текстологической тщательностью подготовлен текст «Власти тьмы». В комментарии к драме (т. 26, с. 726 и сл.; редактор Н. К. Гудзий) выдвинут еще один важный тезис: нельзя считать ошибками разночтения между рукописью, корректурой, печатным текстом в тех случаях, когда отсутствует промежуточная рукопись или корректура, поскольку нельзя быть уверенным, что обнаруженное изменение не сделано самим автором в отсутствующем документе. Таким образом видно, что принципы текстологии не только не снижались в процессе работы над Юбилейным изданием, а укреплялись и развивались (по поводу позднейшей правки

ПРАВКА Н. Н. СТРАХОВА НА СТРАНИЦЕ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «ВОЙНЫ И МИРА» (т. VI, 1869)

Заглавие вписано Толстым

Правка делалась для третьего издания «Собрания сочинений» Толстого (1873)

Архив Толстого, Москва



XIX

Вопросы исторіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Предметъ исторіи есть жизнь народовъ и человѣчества. Непосредственно уловить и обнять словомъ,—описать жизнь не только человѣчества, но одного народа, представляется невозможнымъ.

Всѣ древніе исторіи употребляли одинъ и тотъ же пріемъ для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой—жизнь народа. Они описывали дѣятельность единичныхъ людей правящихъ народомъ; и эта дѣятельность выражала для нихъ дѣятельность всего народа.

На вопросы о томъ: какимъ образомъ единичные люди заставляли дѣйствовать народы по своей волѣ и чѣмъ управлялась сама воля этихъ людей, древніе отвѣчали, на первый вопросъ признаніемъ воли Божества, подчинявшей народы волѣ одного избраннаго человѣка и на второй вопросъ признаніемъ того же Божества, направлявшаго эту волю избраннаго къ предназначенной цѣли.

Для древнихъ вопросы эти разрѣшались вѣрою въ непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества.

Новая исторія въ теоріи своей отвергла оба эти положенія.

Казалось бы, что отвергнувъ вѣрованія древнихъ о подчиненіи людей Божеству и объ опредѣленной цѣли, къ которой ведутся народы, новая исторія должна бы была изучать не проявленія власти, а причины образующія ее. Но новая исторія не сдѣлала этого. Отвергнувъ въ теоріи воззрѣнія древнихъ, она слѣдуетъ имъ на практикѣ.

Толстым текста «Власти тьмы» — см. публикуемые в настоящем томе «Литературного наследства» сообщения В. Ф. Булгакова и Н. К. Гудзия). Со строгим соблюдением принятых методов и с большой тщательностью проведена по всем рукописям выверка текста рассказов «Ягоды» и «Корней Васильев» (т. 41; редакторы Е. С. Серебровская и Б. М. Эйхенбаум), повести «За что?» (т. 42; редакторы Н. Н. Гусев и В. Д. Гусева), рассказа «Божеское и человеческое» (т. 42; редактор Н. К. Гудзий). Судя по приложенным спискам исправлений, нам представляются все исправления обоснованными и четко документированными.

Подобные списки исправлений, как это было предписано инструкцией, приложены ко многим произведениям, и они всякий раз убеждают, как важна, плодотворна и абсолютно необходима выверка текстов Толстого по рукописям. К сожалению, некоторые редакторы ограничились глухим сообщением: «проверено по рукописям» (см., например, т. 25, с. 674, 689; т. 26, с. 688; т. 34, с. 556), не раскрывая характера и количества внесенных исправлений, что следует отнести к недостатку этих томов, так как для научного издания документация текста необходима.

Текстологическая работа — одна из самых трудоемких, требующих большой затраты времени. Но как раз периоды подготовки некоторых томов Юбилейного издания, занятых крупнейшими произведениями с большими рукописными фондами, были весьма ограниченными. Например, в период с 25 октября 1932 г. по 20 июля 1934 г. были сданы в печать подготовленные одним редактором «Анна Каренина», «Воскресение» и «Крейцерова соната». Для «Анны Карениной», а также и для «Воскресения», насчитывающего семь тысяч листов рукописей, требуется времени во

много раз больше, чем для «Крейцеровой сонаты» (в «Крейцеровой сонате» их восемьсот пятьдесят). Ввиду сжатых сроков текстологический анализ по романам Толстого не смог быть осуществлен полностью.

В комментарии к «Воскресению» декларирован тот же метод очищения текста Толстого от искажений, но, очевидно, осуществить это в полной мере не удалось. В приложенном списке зарегистрировано только сорок семь случаев исправлений по рукописям. Их, вероятно, больше. Укажем хотя бы на подпись Масленникова в письме к Нехлюдову. Печатается: «Твой старший товарищ». Толстой написал: «Твой старый товарищ» (рук. 41, л. 84), а в следующей рукописи под пером переписчика стало «старший», и так печатается до сих пор. Не следовало ли бы восстановить авторское написание слова «портфёли» (рук. 99, л. 9), в сцене свидания Нехлюдова с сестрой (т. 32, с. 316), а также слова «плэд» (рук. 177, лл. 2 и др.), которое произносит Маслова. Быть может, такое произношение имеет смысл для Масловой, проведшей детство в дворянской семье, почему и позаботился об этом автор (т. 32, с. 388).

Сделаем еще одно замечание по тексту «Воскресения» в Юбилейном издании. Оно касается двух случаев публикации на страницах завершенного романа небольших по объему вариантов, появившихся в связи с работой Толстого над гранками, текст которых подвергался цензурному воздействию. Редактором справедливо восстановлен первоначальный текст, а в примечаниях под строкой напечатан новый, написанный автором взамен исключенного цензурой (т. 32, с. 237, 253, 528). Вряд ли нужны такого рода подстрочные примечания к завершенному тексту, тем более, что в Юбилейном издании этот пример составляет исключение. Художественное произведение и в научном издании должно сохранять тип обычного издания, не отягченного аппаратом, которому отведен свой раздел.

При редактировании «Анны Карениной» рукописи привлекались только в тех немногих случаях, когда редактору при сравнении двух изданий, исправленного Толстым журнального и первого прижизненного, приходилось решать, какому тексту отдать предпочтение. В пределах этой задачи редактор проявил самое серьезное отношение к текстологической проблеме (т. 19, с. 473 и сл.). Например, рукописи использованы для установления закономерности в написании отчества Левина (Дмитрич, а не Дмитриевич) или, наоборот, чтобы констатировать отсутствие последовательности в написании отчества Кознышева (то Сергей Иваныч, то Сергей Иванович). Факт кропотливого изучения рукописей подтверждается исканием правильного применения слов *помнил* или *понимал* (разночтение в указанных изданиях), — речь идет о слове, имеющемся в описании восторгов Левина на катке: помнил или понимал Левин «ее особенную прелесть». Только после упорной работы редактор имел основание заявить, что «по рукописям это слово не прослеживается». Он принял слово, более подходящее по тексту: «помнил».

Рукописи помогли редактору обнаружить самоцензуру Толстого в эпизоде после беседы Облонского с Карениным о разводе (ч. 4, гл. XXII), когда Степан Аркадьич мысленно готовил остроту: «Какая разница между мною и фельдмаршалом? — Фельдмаршал делает развод — и никому оттого не лучше, а я сделал развод — и троим стало лучше». В рукописи сначала было написано: не фельдмаршал, а государь, и затем Толстым же «государь» изменено на «фельдмаршал» явно по цензурным соображениям, что доказано редактором Юбилейного издания, давшим справку: «Развод, о котором идет здесь речь, так называемый „развод с церемонией", производил всегда только государь, что Толстому было известно, как это явствует из первоначальных его написаний» (т. 19, с. 502). Последним в рас-

сматриваемом списке приведен случай восстановления по рукописи целой фразы (венчание Левина, ч. 5, гл. IV). Текст ее, находящийся в наборной рукописи, случайно не попал в корректуру, а Толстой, читая гранки, «не заметил пропуска, так как не сличал корректуру с оригиналом» (т. 19, с. 503).

Последний пример лишний раз доказывает, что не пренебрежение к законам научного издания, а чисто внешние причины ограничили возможности редактора, обращавшегося к рукописям «Анны Карениной» только в двадцати семи случаях. Сквозной анализ всего рукописного фонда «Анны Карениной» не был произведен.

В печати уже появлялись указания на то, что текст «Анны Карениной» для Юбилейного издания лишь частично проверялся по рукописям, а «Война и мир» такому необходимому обследованию не подвергалась вовсе. Оба романа до сего времени печатаются с большим количеством ошибок и неточностей. (Примеры приведены в статье Н. К. Гудзия и В. А. Жданова в «Новом мире», 1953, № 3, стр. 232—242; в статье В. В. Григоренко в «Советской культуре», 1958, № 89, от 26 июля, и в статье Э. Е. Зайденшнур в «Новом мире», 1959, № 6, стр. 278—282). Насколько подчас серьезно испорчен текст Толстого, убеждают отмеченные в этих публикациях факты. Повторим некоторые из них.

В «Войне и мире»: во время перемирия перед Шенграбенским сражением солдат Сидоров «подмигнул и, обращаясь к французам, начал часто, часто лопотать непонятные слова». Так написал Толстой. Буквенная ошибка исказила подлинный текст: вместо естественного в данном контексте «лопотать» появилось «лепетать» (т. 9, с. 215).

В начале Аустерлицкого сражения, в тот момент, когда «смешанные, все увеличивающиеся толпы бежали назад», князь Андрей «только старался не отставать от Кутузова». Таков текст Толстого. Вместо этого в печатном тексте по вине переписчика читаем, что князь Андрей «только старался не отставать» от бегущей толпы (т. 9, с. 341), хотя ясно, что князь Андрей не бежал с поля сражения, а вместе с Кутузовым оставался там.

После встречи с Платоном Каратаевым Пьер, «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новою красотою на каких-то новых и незыблемых основах воздвигался в его душе». Текст Толстого благополучно прошел через все рукописи до корректур, а во время печатания отпал первый слог «воз», и появился бессмысленный текст «...прежде разрушенный мир ⟨...⟩ двигался» в душе Пьера (т. 12, с. 48).

Еще один пример: в главе, посвященной размышлениям Кутузова накануне получения известия о бегстве Наполеона из Москвы. Текст Толстого: «Он придумывал все возможные случайности, в которых выразится эта верная уже свершившаяся погибель Наполеона. Он придумывал эти случайности так же, как и молодежь...» и т. д. Переписчик механически пропустил текст, заключенный между одинаковыми словами «случайности — случайности» (это самый типичный случай пропусков) и теперь печатается: «Он придумывал все возможные случайности так же, как и молодежь...» (т. 12, с. 112). Механический пропуск лишил размышления Кутузова важнейшего звена: не отражена в печатном тексте уверенность Кутузова в уже свершившейся после Бородина гибели Наполеона.

А вот пример подобного же пропуска в «Анне Карениной». Во второй главе первой части романа Толстой, знакомя читателя с Облонским, говорит о нем как о человеке правдивом: «Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке. Он не мог раскаиваться теперь в том, в чем он раскаивался когда-то, лет шесть тому назад, когда он сделал первую неверность жене. Он не мог раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен

в жену...». Текст, расположенный между словами «в том—в том», был при копировании автографа пропущен, и выпала важная черта в характеристике Облонского. Печатается этот текст так: «Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену...» (т. 18, с. 5). Приведем примеры, когда буквенные ошибки или пропуски одного слова неузнаваемо искажали текст, а Толстой не замечал этого. В беседе Николая Левина с братом об организации артели на социалистических началах Николай утверждает: «И мы вот устраиваем артель слесарную, где все производство и барыш и главные орудия производства, все будет общее»,— так печатается (т. 18, с. 94). В этом неграмотном заявлении Толстой не повинен. Он писал правильно не о каких-то главных орудиях производства, а о том, что «барыш и, главное, орудия производства, все будет общее». Другой случай: накануне дня рождения Сережи Каренина Капитоныч разговаривал с мальчиком, «подмигивая головой» на гувернера (т. 19, с. 93). Это бессмыслица — подмигивать головой невозможно. У Толстого: «подмигивая, показывал головой» на гувернера. В сцене скачек говорится: «Потные, измученные, скакавшие лошади, провожаемые конюхами, уводились домой» (т. 18, с. 204). Не мог так написать Толстой,— у него правильно написано, что разгоряченных лошадей *проваживают*, а не *провожают*.

Несомненно то, что два из центральных произведений Толстого печатаются со многими отклонениями от авторского текста, и поэтому при подготовке к печати «Анны Карениной» и «Войны и мира» следует тщательнейшим образом подвергнуть повторной критической выверке печатный текст по всем его источникам.

Кстати, следует отметить, что еще в 1935 г. на конференции в Пушкинском доме, посвященной Юбилейному изданию, обсуждались вышедшие к тому времени тома, и большие споры вызвало решение вопроса об окончательном тексте «Анны Карениной» и особенно «Войны и мира» («Стенографический отчет второго дня конференции 11 ноября 1935 г.». Машинопись).

Как бы серьезны ни были ошибки в Юбилейном издании, как бы придирчивы ни были замечания, надо помнить, что в Юбилейном издании впервые поставлен вопрос о критической выверке текстов произведений Толстого со всеми печатными и рукописными источниками, и для большинства произведений он решен хорошо.

3

Большое место уделено в Юбилейном издании черновым вариантам художественных произведений. Это, разумеется, не новый вид публикации текстов Толстого. Интерес к рукописным вариантам возник давно.

Впервые варианты появились в «Посмертных художественных произведениях» 1911 г., а затем для собрания сочинений под редакцией П. И. Бирюкова было осуществлено обследование корректур «Войны и мира» и правленного Толстым журнального текста «Анны Карениной». Некоторые из обнаруженных черновых текстов были напечатаны в этом издании. Но отношение к вариантам было тогда наивным. Предполагалось даже вставлять их в окончательный текст, и они рассматривались вне связи с историей текста. Редактор Бирюков, публикуя отдельные отрывки из корректур «Войны и мира», сообщил, что «при большем досуге можно было бы извлечь из этой бесформенной кучи еще более драгоценного материала». Отобранные им небольшие отрывки он систематизировал и точно указал, к какой главе завершенного текста романа они относятся. Существенного научного значения, разумеется, эта случайная публикация иметь не могла.

Позднее, особенно после Октябрьской революции, в различных периодических изданиях, в сборниках и отдельными книгами стали появляться

неизвестные до того времени незавершенные произведения Толстого, а также отрывки из черновых редакций его известных сочинений. Изолированные публикации, интересные сами по себе, не могли иметь того значения, какое приобретает систематизированный свод черновых редакций.

Публикация рукописных вариантов на научной основе могла проводиться только при условии предварительного изучения рукописного фонда каждого произведения в отдельности. Эти научные принципы впервые осуществлены в Юбилейном издании и являются его неотъемлемой заслугой. Перед каждым редактором стояла задача—систематизировать весь рукописный материал и установить генетическую связь каждой последующей рукописи с предыдущей. Только четкая предварительная классификация рукописей обеспечивала наиболее успешную работу по изучению истории текста и извлечению вариантов для публикации.

В заявлении главного редактора и Редакторского комитета по поводу рукописных вариантов сказано: «Печатать все целиком нет никакой ни возможности, ни надобности, так как это только увеличило бы в несколько раз объем издания, включив в него подавляющее количество более или менее повторного материала, не представляющего ни малейшего интереса и только обременяющего внимание читателя. Однако необходимо было извлечь из этого громадного собрания черновых то крайне интересное и ценное, что в нем схоронено». Публикуются «варианты, представляющие интерес в художественном, биографическом или историческом отношениях» (т. 1, с. IX, XIV).

Нельзя не заметить, что в самой основе своей этот принцип уязвим. В нем нет главного— полной определенности и ясности в требованиях, поставленных перед изданием, в сложном вопросе изучения и публикации черновых редакций и набросков. Если в издании сочинений под ред. П. И. Бирюкова 1913 г. вовсе не ставился вопрос о черновиках как одном из важнейших элементов истории текста в его последовательном развитии, то в Юбилейном издании эта проблема в полной мере тоже не решена.

Редакторский комитет вскоре убедился в нечеткости принятого им метода отбора рукописных вариантов, при котором «соблюсти в полной мере научную объективность не представляется возможным», но надеялся, что «практика Редакторского комитета ⟨...⟩ все-таки в большей или меньшей мере эту объективность, насколько это возможно в человеческих средствах, соблюдает» (указанный «Стенографический отчет» конференции 1935 г.). На деле не все оказалось достаточно благополучно, далеко не для всех произведений рукописные варианты поданы с соблюдением научных требований.

Неточность формулировки цели публикации рукописных вариантов явилась причиной разнобоя в этом отделе издания, а суженная задача, поставленная Редакторским комитетом, обусловила во многом характер отбора вариантов.

Несмотря на нечеткость принципа относительно вариантов, для всех редакторов было ясно, что варианты важны не только с точки зрения их художественных достоинств, но в первую очередь для установления творческого процесса создания произведения, однако каждый по-своему решал задачу, и результаты оказались не одинаковыми.

Сначала о принятом порядке публикации планов и конспектов. Вряд ли можно признать правильным выделение в особый раздел всех планов и конспектов как произведения в целом, так и его отдельных частей. Такой порядок может запутать вопрос. В публикациях Юбилейного издания все планы предшествуют черновым текстам, а у Толстого планы появлялись не в одно время и связаны с разными творческими периодами. Выделение планов в особую группу как предварительного материала дает неправильное представление об этапах творческого труда Толстого. Правда, планы

и конспекты редко поддаются точной датировке, тем не менее во многих случаях можно с достаточной степенью достоверности определить, созданию какой рукописи могло предшествовать появление того или иного плана, конспекта. В Юбилейном же издании допускалось механическое решение вопроса с конспектами и планами: они вырывались часто из контекста рукописи, в процессе создания которой были составлены, и выносились в раздел, озаглавленный «Планы и конспекты» (см., например, т. 13, с. 35—36, № 19, из рук. 89; конспект этот—непосредственное продолжение текста, опубликованного в том же томе, с. 812—815; он следовал за зачеркнутым отрывком, часть которого напечатана в подстрочном примечании на с. 815, а продолжение — на с. 35 перед конспектом). Подобные приемы встречаются неоднократно. Неоправданно также то, что планы неосуществленного романа «Четыре эпохи развития», которые бесспорно предшествовали завершению даже первой части его, т. е. «Детства», печатаются полностью в т. 2 на том основании, что по содержанию план в большей своей части относится к «Отрочеству» и «Юности» (т. 1, с. 307). Но ведь самый текст незавершенного романа «Четыре эпохи развития» совершенно правильно опубликован в т. 1, где и следовало опубликовать связанные с ним планы. Планы и конспекты «Казаков» даны в конце, после вариантов. В ряде случаев конспекты, появлявшиеся в процессе создания рукописи, правильно опубликованы вместе с текстом рукописи. Жалко лишь, что в этих случаях они вынесены под строку и напечатаны петитом, наравне с зачеркнутыми текстами. Например, т. 13, с. 490, 606, 622, 632, 706; т. 14, с. 33, 41, 84, 132, 213; т. 15, с. 53, 101, 102 и многие другие. А вот первый конспект рассказа «Хозяин и работник» или конспект повести «Холстомер» приводятся только в статье «История писания».

Нельзя ничем объяснить также опубликование среди планов и конспектов записей совершенно иного характера. К примеру, во время работы над образом Платона Каратаева — это было уже в последний год работы над романом — Толстой выбрал из сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля ряд пословиц. Часть их выписана на отдельном листке, остальные — на полях двух листов из рукописей, содержащих текст о Каратаеве. Место этих листов в творческом процессе определяется безошибочно, и не было никакого смысла выносить их в первый раздел (т. 13, с. 45 — 47), где они теряют свое значение.

Совершенно неожиданно помещение среди вариантов других дополнительных материалов. Например, подготовленные Толстым во время писания рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш» вопросы относительно условий жизни арестованных и процедуры суда оказались в разделе вариантов (т. 37, с. 383—384). Такие документы, бесспорно важные для изучения работы писателя, должны быть опубликованы не в разделе вариантов, а отдельно, как это сделано, например, в тт. 17 и 33.

Первостепенное значение для установления процесса создания произведения имеют первоначальные наброски и ранние редакции. В Юбилейном издании опубликованы первые редакции почти всех произведений. Это огромная заслуга его. Полностью опубликованы первые редакции небольших рассказов и повестей и таких больших произведений, как «Воскресение» и «Хаджи-Мурат».

Состояние рукописного фонда каждого произведения имеет свои особенности, и не всегда одинаково просто выделить раннюю редакцию, отдельные листы которой в процессе дальнейшей работы Толстого переходили иногда в следующие рукописи, подвергаясь правке в соответствии с новыми замыслами.

Затруднения, например, встретились при определении первоначальной редакции «Анны Карениной», и в т. 20 она установлена неточно (публи-

куется в настоящем томе «Литературного наследства»). Наименее удачно решена задача относительно первоначальных набросков и ранней редакции «Войны и мира». Наброски, относящиеся к первому году работы Толстого над романом, опубликованы бессистемно. Представления же о ранней законченной редакции романа при методе публикации в тт. 13—14 разрозненных вариантов отдельных глав и отрывков не создается вовсе. Редакторы ошибочно считали, что «рукописи „Войны и мира“ не имеют в себе

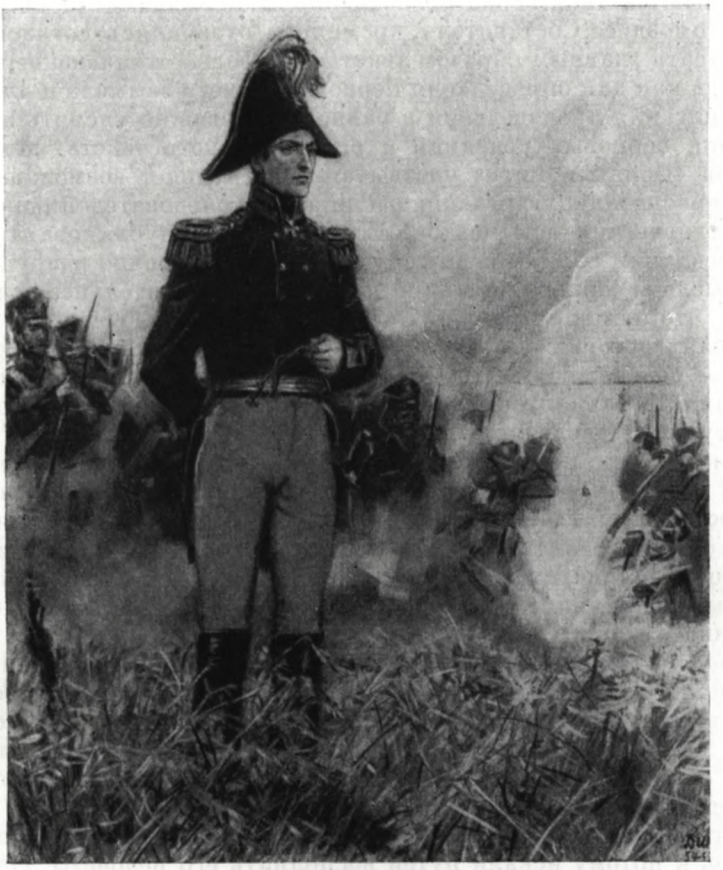


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ВОЙНЕ И МИРУ»
Черная акварель Д. А. Шмаринова, 1954—1955 гг.
Третьяковская галерея, Москва

полных редакций всего романа в целом и даже отдельных его частей» (т. 13, с. 5).

Следует иметь в виду, что процесс писания «Войны и мира» был иной, чем последующих романов, ранняя полная редакция которых представлена одной законченной рукописью. Писание «Войны и мира» вначале шло небольшими частями, постепенно продолжавшими текст. Так создавались первые части (впоследствии первая и вторая части первого тома). Непосредственным же продолжением первых двух частей являются две почти полностью сохранившиеся рукописи, следующие одна за другой: первая (по нумерации Юбилейного издания № 85), содержащая текст начиная с третьей части первого тома до второй части второго тома, т. е.

после Шенграбена до Тильзита включительно; вторая (№ 89) — дальнейший текст, т. е. от преобразований Сперанского в 1809 г. до конца романа, каким он наметился первоначально. Эти две рукописи, будучи опубликованными полностью, продолжили бы первые две части, напечатанные в 1865—1866 гг. в «Русском вестнике», и представили бы первую законченную редакцию романа. Многочисленные отрывки из ранней редакции опубликованы в тт. 13 и 14 вырванными из контекста частями и отрывками. Расположены они в соответствии с композицией завершенного романа и перемежаются такими же разрозненными отрывками чернового текста, созданного позднее. Составители, кроме того, стремились, согласно инструкции, отбирать главным образом тексты, наиболее отличающиеся от печатного, тогда как для определения первоначального замысла и для изучения истории писания произведения в равной мере важно уяснить и отличия и совпадения черновых редакций и окончательного текста. Метод подачи вариантов «Войны и мира» чрезвычайно затрудняет возможность восстановить первоначальную редакцию и лишает исследователей одного из важнейших творческих документов. Если бы была опубликована полностью ранняя редакция «Войны и мира», она бы безоговорочно разрушила легенду о замысле семейного романа и доказала бы убедительнее всяких исследований, что истоком эпопеи «Война и мир» была не семейная хроника, а задуманная «история из 12-го года» с «величественным, глубоким и всесторонним содержанием» (т. 13, с. 53). Впрочем, это в известной степени доказывают 15 вариантов начала романа, публикуемые в настоящем томе «Литературного наследства».

В каждом томе после первых редакций, напечатанных с большей или меньшей полнотой, приводятся отдельные варианты. Иногда они содержат текст нескольких глав, иногда ограничиваются одной-двумя фразами. Между собою варианты объединены только порядковыми номерами. По усмотрению составителей, из разных рукописей взяты не публиковавшиеся тексты по принципу их новизны и художественных достоинств. Из какой именно рукописи взят каждый из них, отмечено в разделе «Описание рукописей» (о нем см. ниже), а в заголовке самого варианта, как правило, указан номер рукописи; иногда помечено, к какой редакции произведения относятся отрывки, иногда указаны часть и глава завершенного текста, которым соответствует данный вариант. Однако при всех этих пометах вариант остается оторванным фрагментом, органически не соединенным ни с предшествующим, ни с последующим текстом.

Редакторы, конечно, чувствовали недостаток такого метода подачи вариантов и потому искали путей восполнить его недочеты. Одним из таких выходов был сравнительный обзор глав ранних редакций произведения. Редактор М. А. Цявловский (тт. 1 и 2 — «Детство», «Отрочество» и «Юность») сообщил: «Не считая возможным в настоящем издании опубликовать полностью тексты II и III редакций, мы печатаем из них лишь отрывки; для указания же местонахождения их в рукописных текстах дается настоящий обзор, позволяющий вместе с тем следить за тем, как шла работа автора» (т. 1, с. 315). Такие сравнительные обзоры с включением в них мелких черновых отрывков, кроме трилогии, даны для «Набега», «Записок маркера», «Альберта», «Семейного счастья». По замыслу редакторов, эти обзоры должны были выполнять важную роль, практически же они себя не оправдали, так как пользоваться ими сложно, особенно тем, кто сам не знаком с рукописями произведения. Быть может, поэтому на т. 5 «обзоры» прекратились.

В некоторых томах, по примеру «Печатных вариантов», отдельные отрывки из рукописей точно прикреплены к соответствующему месту окончательного текста. Так сделано для «Поликушки» (т. 7, с. 57—63), «Беседы досужих людей» и «Ходите в свете, пока есть свет» (т. 26, с. 549—552). Та-

кой способ наиболее удачен и приближается к методу, принятому для академических изданий классиков. Однако для произведений, имеющих большие рукописные фонды, из которых извлекалось множество вариантов, относящихся к разным стадиям работы, подобную четкость соблюсти не удалось. Редакторы искали иных приемов систематизации. Чаще всего отобранные варианты располагались, насколько возможно, по редакциям и внутри каждой редакции по ходу действия законченного произведения. Но четко распределить рукописи по редакциям произведения в порядке их последовательности не всегда возможно не только ввиду запутанности рукописных текстов, но просто потому, что Толстой не так часто создавал целые редакции своих произведений, у него были разные приемы: внимание писателя сосредоточено то на полных редакциях произведения, то на отдельных его частях, внутри которых созданы свои редакции; новые разделы писались то на совершенно новом материале, то на основе когда-то откинутых набросков. Все это осложняет простой на первый взгляд вопрос о рукописных текстах; вариант может иметь научное значение только в том случае, если он помогает восстановлению картины творческой работы писателя. Для этой цели менее «художественный» и менее «интересный» отрывок может сыграть роль более значительную, чем вырванный из контекста вариант, обладающий такими положительными свойствами.

В наиболее благоприятном положении оказались из крупных произведений «Воскресение» и «Хаджи-Мурат», а также трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» и очерк «Три дня в деревне». Редакторы восстановили по рукописям цельные последовательные редакции этих произведений, в строгом соответствии с ними расположили рукописный материал и отобранные варианты каждой редакции опубликовали особо, тем самым дав возможность изучения черновиков в их последовательности.

Принцип публикации вариантов к повести «Казаки» совершенно непонятен. Не сумев правильно установить по рукописям процесс авторской работы, редактор А. Е. Грузинский почти бессистемно опубликовал черновые тексты с неверной датировкой их. Кроме того, весьма большое количество рукописных текстов, главным образом первоначальных, представляющих несомненный интерес, вовсе не включил в т. 6 (они были позднее опубликованы в «Литературном наследстве» т. 35-36, а затем перепечатаны в т. 90 Юбилейного издания. В настоящем томе «Литературного наследства» печатаются еще шесть набросков, относящихся к раннему периоду работы Толстого над «Казаками»).

Варианты «Войны и мира» занимают в Юбилейном издании три тома (тт. 13—15);общим объемом более ста печатных листов. Публикация их — результат напряженной многолетней работы редакторов Г. А. Волкова*, Т. Н. Волковой** и Н. С. Родионова. Надо знать рукописи Толстого, чтобы понять, какого огромного труда требует только прочтение тысяч листов автографов. Большую помощь в этой работе оказала С. А. Стахович, о чем сообщают редакторы в предисловии (т. 13, с. 7). Однако обилие материала поставило редакторов в затруднительное положение, а закрепившиеся в Юбилейном издании принципы подачи рукописных вариантов не только не помогли им найти правильное решение, но осложнили работу.

Распределение вариантов по томам и частям в соответствии с завершенным текстом романа и даже не согласно первому изданию, в котором текст был разделен на шесть томов, а по позднейшему делению на четыре тома,— было первой ошибкой. Механическое же распределение рукописей на четыре группы: автографы, копии, наборные рукописи, корректуры — создало еще большее нарушение хронологической последовательности создания публикуемых отрывков. К примеру: варианты №№ 112 и 113 писались

* В тт.13—15 его имя не отмечено.
** В тт. 13 и 14 ее имя не отмечено.

раньше, чем №№ 98—111, а варианты №№ 89—97 гораздо позднее, чем 98—111. При такой систематизации отрывков не только совершенно невозможно установить весь творческий процесс создания произведения, но невозможно даже понять, на каком этапе возникли тот или иной эпизод, сцена или персонаж. И все же, несмотря на существенные недочеты, опубликованные черновые тексты представляют огромный интерес, особенно такие большие по своему объему отрывки, как, например, № 171, охватывающий раннюю редакцию текста первых восьми глав второй части третьего тома (т. 14, с. 59—81), или № 183, окончание ранней редакции (т. 14, с. 127—164) и др.

Большие по объему варианты, хотя и вырванные из контекста, все же позволяют в какой-то мере анализировать работу писателя, но две-три фразы, буквально выхваченные из рукописи только по тому признаку, что они зачеркнуты, абсолютно ничего не дают. А таких вариантов немало дано к различным произведениям.

Пример «Хаджи-Мурата»: «Аул весь курился душистым кизячным дымом, выходившим из глиняных труб, нагроможденных в полугоре, одна над другою, плоскокрыших саклей» (т. 35, с. 465, № 68) или: «Кратко и решительно распорядился о передвижении дивизий из одной губернии в другую, приказав написать об этом Паскевичу» (т. 35, с. 548, № 160).

Каков смысл публикации в качестве самостоятельных вариантов отдельных фраз, как то: «Нынче нет правов бить женский пол. Не допущу». «Нигде не просил, потому имею стыд». «*Пр.* Семь бед, один ответ» — это из вариантов к комедии «От ней все качества» (т. 38, с. 233, 234, 237, №№ 15, 18, 36). А вот вариант из «Холстомера»: «и добрые от счастья, особенно ухаживали за бедным Никитой. Вид счастья его друга и молодой еще более заставлял его, обратившись к своему прошедшему, пасть духом» (т. 26, с. 485, № 23).

Разумеется, приведение из черновых рукописей разрозненных фраз и даже отдельных слов имело бы свое значение, если бы эти фрагменты публиковались в Юбилейном издании исчерпывающе, по системе, принятой для академических изданий (Пушкин, Гоголь). При изолированной публикации разрозненных отрывков такие отдельные фразы не нужны.

Далеко не просто решается вопрос о публикации текста выбранной редактором рукописи. На многих листах запечатлелись различные стадии авторской работы. Прежде всего, почти на всех страницах имеются исправления, появившиеся в процессе первоначальной работы, когда писатель, не заканчивая фразы или периода, тут же на ходу или зачеркивал или делал новые вставки. Многое изменялось во время авторского чтения рукописи. Имеется немало листов, на которых отражены совершенно различные стадии творчества, например, на ранних набросках начала «Анны Карениной», перешедших впоследствии во вторую часть романа. И этот процесс приспособления раннего к позднейшему может в свою очередь вызвать новые наслоения. А в результате сложной и разновременной авторской работы немало сохранилось на рукописях различных несогласованностей, путаницы в именах, потому что автор не всегда тщательно зачеркивал откинутое, много пометок на полях, не в одно время сделанных.

При всех трудностях можно, однако, по внутренним и внешним признакам выделить в сложных рукописях определенные тексты, относящиеся к раннему, промежуточному или последнему периоду творчества. Препарируя для публикации сложную рукопись, редактор должен прежде всего помнить, что в ней имеется несколько «слоев», что он обязан разделить их и мотивированно решить, на каком же следует остановиться. Редактор вправе выбрать любой «слой» и даже опубликовать поочередно каждый, но ни под каким предлогом, а тем паче по недосмотру, не путать «слои». После того, как редактор остановился на определенном тексте, возникает

вопрос, как же быть с рукописью в целом: игнорировать тексты другого происхождения или все-таки отражать их в примечаниях? Задача редактора не в том, чтобы текстуально точно передать содержание листа в целом (для некоторых целей могут быть и такие задания), а в том, чтобы верно опубликовать текст избранного редактором «слоя», относящегося к определенному этапу работы над произведением. Поэтому не обязательно воспроизводить рукопись в целом. Этого правила и придерживается Юбилейное издание, но практически нарушает его весьма часто неожиданным переходом на другой «слой». Например, печатается набросок «Молодецбаба» из «Анны Карениной». Материал впоследствии перешел во вторую часть романа, что и отразилось на рукописях. Редактор правильно печатает первый «слой», в котором героиня носит имя Нана, и вдруг на одной странице появляется имя Анна, а Нана как зачеркнутое оказалось в примечании под строкой (т. 20, с. 19). Но ведь зачеркивание произошло на последующем этапе работы, когда и было вставлено новое имя.

При механическом воспроизведении рукописи публикация черновых текстов не только не выполняет главной роли — показать ход творчества, но порой становится балластом. Наиболее показательный пример из «Войны и мира»: опубликован отрывок, содержащий описание поездки Пьера в Бородино. Начинается отрывок словами «Пьер поехал дальше», и затем на протяжении сорока строк *пять раз* встречается фраза о том, что Пьер «поехал дальше». А дело все в том, что этот маленький набросок Толстой исправлял и переделывал на одном и том же листе *пять раз*. Если бы нагромоздившиеся один на другой «слои» текста отделить, были бы восстановлены пять самостоятельных набросков, каждый из которых заканчивается словами: «поехал дальше» (т. 14, с. 241—242).

Механическое, иногда почти фотографическое воспроизведение рукописи вредно отразилось и на подаче подстрочных примечаний, которыми пользуются в Юбилейном издании для публикации зачеркнутых текстов и записей на полях. Необходимо сказать, что если чтение толстовских автографов вообще не легкий труд, то прочтение зачеркнутого и переправлявшегося текста, а также порою едва намеченных конспективных записей на полях требует часто виртуозности. И редакторы Юбилейного издания блестяще выполнили эту задачу. Тем обиднее, что нередко текст, с огромным трудом прочитанный, подается так, что ни для каких целей воспользоваться им невозможно. Подстрочные примечания к черновым вариантам по идее должны выполнять ту же роль, что и самые варианты, т. е. отразить картину работы писателя. А что дают, например, такие примечания: «Вы знаете, за чем застали меня? Я пишу проект преобразования судов...» В сноске к слову «пишу» такое примечание: «*Зач.*: ⟨возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он ⟨говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его во времени...⟩ хочет переделать учреждения России, не исказив конституционных государст⟨в⟩ возражение на проект Сперанского о уничтожении коллегий» (т. 13, с. 680)? Невозможно представить себе творческие поиски Толстого на основании приведенного под строкой материала. Фактически же процесс работы следующий. Первоначально было: «Я пишу возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его, во времени...» Не дописав, Толстой стал исправлять: «Я пишу возражение на проект Сперанского о уничтожении коллегий. Он хочет переделать учреждения России на образец конституционных государств». Не удовлетворившись и этим наброском, Толстой дал третий: «Я пишу проект преобразования судов».

Пример из «Холстомера» (цитируем отрывок вар. № 17): «Бежали лошади знакомые: вороной Атласный [1] и Молодецкий. Они пробежали [2].

Атласный пришел к[3] столбу[4]. Князь стал смеяться что в[4] такие секунды[5] его пегашка[4] придет[6]». К этим сноскам даны следующие примечания: «[1] *Зачеркнуто*: Вязопур. [2] *Зач.*: Лебедь Горностай.[3] *Зач.*: звонку. [4] *Поправка М. А. Стаховича.* [5] *Зач.*: эти минуты.[6] *Зач.*: обежит. *Поправка М. А. Стаховича*» (т. 26, с. 483).

Пример подстрочных примечаний к вариантам «Смерти Ивана Ильича»: «Молодые два человека, кажется, племянники, выходили,[8] потом старушка молилась ⟨...⟩ буфетный мужик Герасим[9] что-то посыпал по полу[10]». А под строкой читаем: «[8] *Зач.*: Старичок потом. [9] *Зач.*: и в гробу.[10] *Зач.*: я его знал, оправлял покров и» (т. 26, с. 506). В рукописи Толстого абсолютно ясен процесс авторской правки, и невозможно понять, как могла получиться такая публикация. Подобные примечания только доводят до абсурда текст Толстого.

В результате почти фотографического воспроизведения рукописи вместе с толстовским текстом напечатаны случайно сделанные Толстым на листе записи, вовсе не относящиеся к произведениям, что доводит публикацию подчас до курьеза. Один, правда, из немногих примеров: на листе, содержавшем текст записки Толстого к Т. А. Ергольской от 4 декабря 1863 г., сделан конспективный набросок к «Войне и миру». И вот набросок этот опубликован так (цитируем отрывок из него): «Является к Сперанскому и думает, что в нем вся премудрость. Тетинька, как ваше здоровье? Нарочно спокойно. 4 декабря 1863. Три друга честолюбив⟨ы⟩ по Нап ⟨олеону⟩» (т. 13, с. 23). Или такой совершенно исключительный случай: печатается ранний вариант сцены в театре, и к словам: «Наташа была в эту пору вполне созревшей для любви красавицей — глаза ее светились любовью и вокруг себя она видела только одну любовь», — под строкой сделана сноска: «На полях: Свиней — телят в Тулу ⟨...⟩ — говно — яма — поросята. Столяра расчесть. Бибикову о кабаке» (т. 13, с. 825).

Нельзя не отметить еще один серьезный недочет в публикации вариантов, — этот недочет, впрочем, относится исключительно к «Войне и миру» и «Хаджи-Мурату». Речь идет о пометах Толстого, касающихся исторических сочинений, из которых переписчику надлежало вписывать в текст Толстого, по его указанию, цитаты, документы и проч. В подобных случаях опять применялась механическая транскрипция рукописи. Например, в «Войне и мире»: «В конце сентября написано было и распростране но след. воззвание (Михайловский-Данилевский, 141 и 142). Никто не отозвался на этот призыв. Генерал-интендант пишет следующее: Михайловский-Данилевский, выноска, стр. 137...» и т. д. (т. 15, с. 54). То же в вариантах к «Хаджи-Мурату»: «Он подошел к стремени и принял Умма-Хана и повел в палатку. И сказал: (И. К. П.[1], 33, 34 отчеркнутое чернилами)...», а под строкой раскрыто: «[1] История 80-го пехотного Кабардинского полка» (т. 35, с. 346). При повторных ссылках даже не раскрыто сокращение и подано так: «Потом он увидал, как (И. К. П., 35, отчеркнутое)» (там же, с. 373). Или: «Ему явился пророк божий и сказал: Шейх-Кази знаешь... (Выписать из Сб. о к. г. Выпуск II, стр. 12, отчеркн. красн. каранд. и Сб. о к. г., выпуск IV об истин. мюридах)...» (там же, с. 375 и 426).

В подобных случаях надо было бы пометы Толстого дать под строкой и, указав точно источник, либо привести самые цитаты, либо в редакторской аннотации дать их содержание. Вводить же в текст произведения обращение Толстого к переписчику вряд ли правильно.

Раздел черновых вариантов следует признать наиболее уязвимой частью Юбилейного издания. Причина этого, не считая, разумеется, промахов самих редакторов, заключается в нечеткости принципов, взятых за основу в самом начале подготовки собрания сочинений и ни разу не пересматривавшихся в течение дальнейших тридцати лет работы

над ними. Вместе с тем, как бы ни были существенны отмеченные погрешности в публикации рукописных вариантов, они ни в какой степени не снимают огромной заслуги Юбилейного издания, включившего в научный обиход сотни печатных листов неизвестных художественных текстов Толстого.

4

К каждому художественному произведению даны комментарии, состоящие из двух частей: 1) история писания и печатания, 2) описание рукописей. Обе части тесно связаны между собой, и такой характер комментария правилен, потому что разбор рукописного фонда только и дает возможность установить последовательность развития произведения. «История писания» разумелась Редакторским комитетом не в смысле внешней канвы работы, отраженной в дневниковых записях и переписке Толстого, а как «изучение хода работы автора над текстом в исторической последовательности отдельных моментов этой работы» (цит. дополнения к инструкции. Рукопись).

Несмотря на сходную форму комментария, имеется существенная разница в содержании его по томам. Она заметна в первых же книгах. В т. 1 «История писания» «Детства» ограничена приведением свидетельств самого Толстого — из дневников и писем — об его работе над «Детством». Так и сказано после перечисления: «На этом кончаются записи в дневнике о работе над „Детством“». Этим ограничивается история писания, помещенная в т. 1. Таков был первый опыт. Он казался тогда удовлетворительным, но теперь нельзя не пожалеть, что редактор М. А. Цявловский обошел непростой вопрос о степени автобиографичности трилогии, тем более, что некоторые склонны рассматривать «Детство» как автобиографическую повесть. Нет в комментарии т. 1 ни слова о прототипах; этот вопрос редактор предоставил решать биографам и исследователям. Потому, очевидно, не коснувшись этого вопроса в своих комментариях, М. А. Цявловский в те же юбилейные дни 1928 г. публикует в «Огоньке» интересную статью, посвященную прототипам в трилогии.

Следующим после «Детства» вышел т. 6, отведенный «Казакам» (1929). Редактор А. Е. Грузинский, склонный не к «академической» строгости, а к свободным литературным обобщениям, придал комментарию к «Казакам» не столько текстологический, сколько литературоведческий характер. Он не только цитировал документы, но и делал экскурсы в область тех настроений, которые, по его убеждению, владели Толстым в период писания повести. Отмечая, что первые варианты «Казаков» были написаны в стихотворной форме четырехстопного хорея, рифмованного через строку, редактор пространно рассуждает о том, «почему творческая работа сразу пошла по столь непривычному и несвойственному для Толстого руслу, как стихи». Он стремится доказать, что стихотворная форма «очевидно подсказывалась невольно самим характером кавказских впечатлений» и «чуждость гению Толстого метрической формы должна была быстро заставить его перейти к прозе» (т. 6, с. 276, 277). Эти размышления выходят далеко за пределы комментария и случайны в Юбилейном издании.

После т. 6 вышел т. 2 («Отрочество»; «Юность»; редактор М. А. Цявловский). В комментарии выдержан тот же принцип, что и в т. 1.

Т. 3 (кавказские рассказы, «Записки маркера», «Метель», «Два гусара») издан под редакцией Н. М. Мендельсона и С. Л. Толстого. Впервые в этом томе поставлен вопрос о прототипах. Вероятно, С. Л. Толстой, издавна интересовавшийся этой проблемой, ввел ее в Юбилейное издание, что значительно обогатило комментарии, и сопоставление художественных образов с жизнью не осталось случайным эпизодом, введенным только в

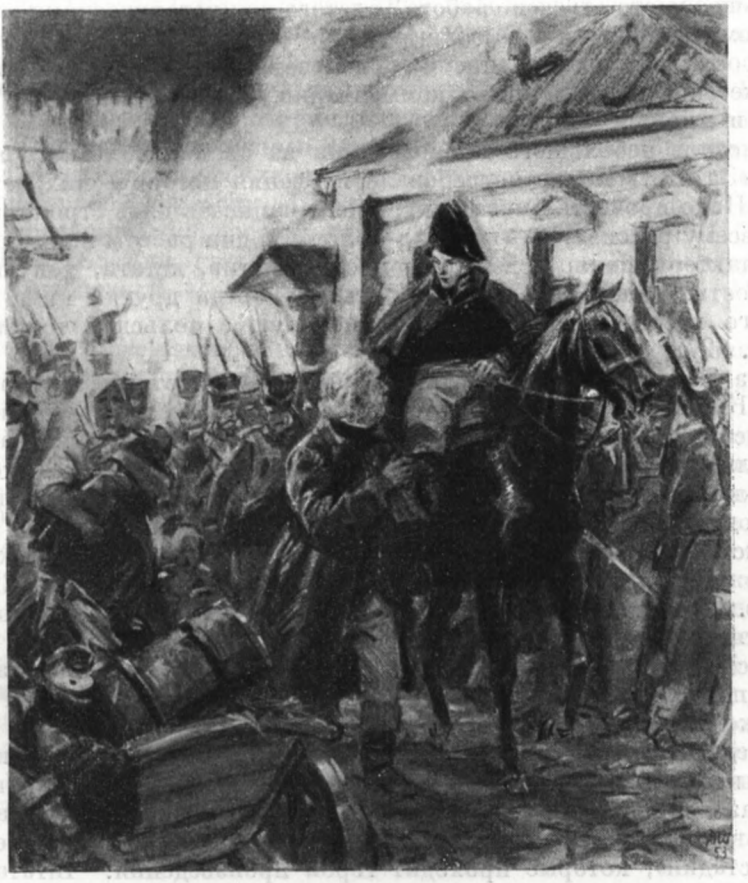
комментарии к т. 3. Оно не только закрепилось за Юбилейным изданием, но развивалось в нем. Редактор т. 5 Н. М. Мендельсон даже делает обзор предшествующих высказываний об автобиографичности «Семейного счастья» и отдает предпочтение одной из работ, в которой «детально вскрыта автобиографическая основа романа, который, по мнению автора ⟨цитируемой статьи⟩, есть сублимация в иную плоскость,— плоскость творчества,— личных обстоятельств жизни Толстого» (т. 5, с. 304).

Что касается автобиографичности рассказа «После бала» (т. 34), то редактор Б. М. Эйхенбаум, привлекая в комментарии имеющиеся по этому вопросу материалы («Николай Палкин» Толстого, воспоминания И. Н. Захарьина-Якунина), оставляет открытым вопрос об автобиографичности рассказа и делает ссылку на ранее (в 1935 г.) вышедший том дневников Толстого и комментарии к ним (т. 54). Редактор т. 54 К. С. Шохор-Троцкий, опираясь на те же материалы, решает вопрос в пользу автобиографичности «После бала», отметив при этом, что, по семейным преданиям, в дочь воинского начальника был влюблен не Лев Николаевич, а его брат Сергей Николаевич (т. 54, с. 520). Теперь считается правильным, что в рассказе использован случай из жизни С. Н. Толстого.

Книги рецензируемого издания выходили без соблюдения очередности, по мере подготовки их к печати, чем объясняется тот факт, что вскоре после первых томов, посвященных раннему творчеству Толстого, появились тома с произведениями позднейшего периода. Остановимся на т. 27, вышедшем в 1933 г. Сопоставление его с более ранними томами может свидетельствовать о том, насколько повысилось исследовательское значение комментариев, которые действительно стали служить углубленному изучению «истории писания» произведений. В начале комментария к «Крейцеровой сонате» входящей в т. 27, сказано: «Как видно из дальнейшего, путь создания „Крейцеровой сонаты“ был очень сложен, и она в процессе писания подверглась многочисленным переработкам и коренным переделкам. Толстой далеко не сразу пришел к тому тексту повести, какой представлен ее окончательной редакцией; первоначальные ее варианты значительно отличаются от последнего. Ряд записей, сделанных Толстым в дневнике и записной книжке в связи с работой над „Крейцеровой сонатой“, свидетельствуют о значительных его колебаниях в развитии ее сюжета. Кое-что из того, что в этих записях было намечено, не нашло себе в повести никакого отражения. Так же постепенно, как и сюжетное оформление „Крейцеровой сонаты“, созидалось и ее идейное наполнение» (т. 27, с. 563). Выдержка из комментария, в дальнейшем развернутого в указанном направлении, приведена нами как программа исследования «истории писания».

Общеизвестно, как тщательно Толстой изучал среду и эпоху, которую отражал в своих произведениях, и этот труд писателя показан в комментариях. Не было необходимости для Толстого в наблюдениях и в изучении материалов, когда он был занят описанием столь знакомой ему деревенской и усадебной жизни московского и губернского дворянства, но, как только требовались подробности исключительные, Толстой черпал сведения из различных источников. Когда писалось «Воскресение», автор, чтобы расширить свои знания высшего света, предполагал съездить в Петербург, для непосредственных впечатлений о судебном процессе он присутствовал в суде на разбирательстве уголовного дела, а для описания тюремного быта посещал тюрьмы, беседовал со смотрителем тюрьмы. Недоступную же для наблюдения сибирскую каторгу Толстой изучал по книгам. Об этом обстоятельно рассказано в комментарии к «Воскресению» в т. 33. Большую требовательность к себе Толстой проявлял в сочинениях исторических или в тех, в которых фигурируют исторические лица, стремясь быть «до малейших подробностей верным действительности» (т. 73,

с. 353). В Юбилейном издании вопросу использования Толстым исторических сочинений уделено большое место в комментариях. Однако каждый редактор решал этот вопрос по-своему. В комментарии к «Декабристам» дан специальный раздел: «Материалы к роману» (т. 17, с. 445—465). В нем опубликованы пометы Толстого на копии «Списка членам тайных обществ, преданным Верховному уголовному суду по манифесту 1 июня 1826 г.» и напечатаны его записные книжки периода работы над «Декабристами».



ВСТРЕЧА КНЯЗЯ АНДРЕЯ С АЛПАТЫЧЕМ В СМОЛЕНСКЕ.
ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ВОЙНЕ И МИРУ»
Черная акварель Д. А. Шмаринова, 1953 г.
Музей Толстого, Москва

К разделу «Материалов», поскольку в него введены публикуемые впервые документы, понадобился специальный комментарий, включая описание этих документов.

К роману из времен Петра I тоже дан раздел «Материалы», в который вошли отдельные записи, принадлежащие Толстому, а также сделанные им выписки из исторических источников. Точно установив, из каких именно книг сделаны Толстым выписки, редактор опубликовал их в томе не изолированно, а вставив в контекст источников. Публикация выписок в таком виде очень интересна, и, как справедливо отмечает редактор П. С. Попов, «этот подбор четко характеризует историческую подготовленность Толстого.

Опираясь на публикуемые данные, можно составить конкретную картину исторических чтений Толстого» (т. 17, с. 673). Детальное изучение редактором подготовительной работы Толстого придает его комментариям большую ценность. К сожалению, нет в томе списков использованных Толстым исторических сочинений в работе над «Декабристами» и над романом из времен Петра; они называются только в статьях об истории писания по мере анализа работы Толстого. Библиография исторических источников сама по себе представляет интерес.

Большое место отведено работе Толстого над историческими материалами в комментарии к «Хаджи-Мурату» (т. 35; ред. А. П. Сергеенко), к которому приложен список использованных Толстым источников. Такой же список заканчивает комментарий (Э. Е. Зайденшнур) к роману «Война и мир».

Написание небольшого произведения из времен польского восстания 1831 г. «За что?» также потребовало изучения исторических первоисточников. «Надо прочесть много книг, чтобы написать пять строк, разбросанных по всему рассказу»,— говорил Толстой в дни работы над этим рассказом. Редакторы полно осветили вопрос, отметив, кстати, такую важную подробность: Толстой просил выслать ему среди других книг «историю польского восстания 1831 года, написанную с польской точки зрения» (т. 42, с. 627).

Когда Толстой приступил к писанию «Посмертных записок старца Федора Кузмича», он занялся чтением исторических трудов об императоре Александре I и мемуаров той эпохи. Читал он их «с отметками», т. е. внимательно изучая. В комментарии Юбилейного издания все это освещено. Можно добавить один факт, лишний раз свидетельствующий о том, что ни одной не документированной подробности Толстой не вносил в свой текст. В «Посмертных записках» Толстой упоминает отталкивающий «дурной запах», который всегда стоял около императрицы Екатерины (т. 36, с. 70). Этой подробности Толстой, разумеется, не мог почерпнуть из печатных источников, но и не придумал ее. В распоряжении Толстого находился скопированный рукой В. В. Стасова документ с описанием интимных подробностей жизни Екатерины, в котором упоминается этот запах (рукопись В. В. Стасова.—АТ).

Последнее замечание — об «Отце Сергии» (т. 31). В этом произведении выведены Николай I и петербургская знать 1840-х годов. Однако редактор отказался почему-то от исторического комментария и разработал его только, пользуясь выражением самого Толстого, в плане «психологических стадий», которые проходит герой произведения. Читателю остается неизвестным, опираясь на какие источники, создавал Толстой характеры официального и светского Петербурга той эпохи, откуда он почерпнул подробности внешнего портрета Николая I. Заметим попутно, что, ссылаясь на дневниковую запись Толстого, в которой упомянут Урусов без инициалов, редактор называет прототипом отца Сергия тульского знакомого Толстых Леонида Дмитриевича Урусова. Это мало вероятно. По всей очевидности, в дневниковой записи имеется в виду другой Урусов, Сергей Семенович, близкий знакомый Толстого с севастопольских времен. Душевный склад С. С. Урусова мог припомниться писателю во время работы над этой повестью (см. И. Линдер. Л. Толстой и шахматы. М., 1960, стр. 83—84).

Сюжеты некоторых художественных произведений Толстого подсказаны сочинениями других авторов или фольклорными источниками. Это народные рассказы, драматическая обработка легенды об Аггее, «Ассирийский царь Ассархадон», «Карма», «Это ты», «За что?», «Большая Медведица» и др. Хотя сохранившиеся документы не всегда содержат указания на источники, редакторами Юбилейного издания эти источники установле-

ны, за исключением только двух случаев. Не определен источник рассказа «Зерно с куриное яйцо». «Легенды на тему, общую с рассказом „Зерно с куриное яйцо", — указывал редактор В. И. Срезневский, — нам не удалось найти среди памятников народной литературы. Весьма вероятно, что идея, проводимая этим рассказом, что выше всего жить по-божьи, как в старину жили, своими трудами, принадлежит самому Толстому» (т. 25, с. 694). Трудно понять, как можно было не найти этой легенды, приведенной в предисловии к сборнику А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (М., 1859, с. VIII—IX). Из этого сборника Толстой заимствовал несколько легенд, и на него не раз ссылался тот же редактор в комментарии к другим рассказам (см. т. 25, с. 700, 723, 725—732).

Допущена ошибка в определении источника сказки «Работник Емельян и пустой барабан». В комментарии отмечено лишь, что «тема этой сказки взята из известного сказочного сюжета», и в качестве примера названа сказка из «Народных русских сказок» Афанасьева. На самом же деле Толстой переработал сказку «Пустой барабан», напечатанную в книге «Сказки и предания Самарского края». Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884 (см. статью Э. Е. Зайденшнур «Русская народная сказка в обработке Л. Н. Толстого» — сб. «Толстой-художник». М., 1961, стр. 220—236).

Некоторые имеющиеся в комментариях ошибочные датировки незавершенных произведений Толстого исправлены в позднейших работах. В диссертации Б. А. Базилевского «Незавершенные романы Л. Н. Толстого из эпохи Петра I и второй половины XVIII века» определены более точно даты работы Толстого над этими отрывками. В диссертации Л. Д. Опульской «Особенности реализма Л. Толстого в поздний период творчества 1880-е — 1890-е годы» второй вариант окончания повести «Дьявол» правильно датирован 1890 г. вместо 1909 г., указанного в т. 27. Опубликованные в т. 90 «шуточные сцены для детского спектакля», текст которых, как отмечено в комментарии, написан рукой, «напоминающей руку М. Л. Толстой», отнесены редактором к концу 70-х — началу 80-х годов. Письмо же С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 17 июля 1894 г. точно устанавливает дату; в письме говорится: «Таня затеяла для Андрюши и Миши развлечение: играть пьесу с крестьянскими ребятами. Левочка для этого в одно после обеда продиктовал Маше пьесу в пяти действиях. Боюсь, что ничего из этого не выйдет, так как взялись за это очень вяло и неопределенно» (неизд. — АТ).

5

Осталось сказать несколько слов о последней части комментария — «Описании рукописей». Такое описание составлено для каждого произведения и является большим достижением Юбилейного издания. Впервые введены в научный обиход точные данные о рукописном фонде, который отражает сложный творческий путь каждого произведения. Без изучения, а затем описания рукописей невозможно было бы публиковать варианты и писать комментарии. По своей научной ценности «Описания рукописей» различны. Причина лежит и в степени опытности редактора и в состоянии самих рукописей. Изучение рукописей Толстого, особенно произведений с большим по объему рукописным фондом, настолько сложно, что невозможно требовать, чтобы впервые предпринятое описание их было выполнено для всех произведений в равной мере хорошо. Составленная рукописным отделом Музея Л. Н. Толстого книга: «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого» (М., Изд-во АН СССР, 1955), основанная на описаниях рукописей Юбилейного издания, внесла в отношении многих произведений большое количество исправлений и уточнений.

Для двух произведений: «Казаков» и «Войны и мира» разбор и описание рукописей были сделаны заново. Разумеется, для некоторых рукописей уточнения будут продолжаться.

Опубликованные варианты, широко представленные в Юбилейном издании, а также обстоятельные комментарии, включающие описание рукописей, существенно продвинули изучение лаборатории творчества Толстого, и интерес к подобной работе неизменно усиливается; показательно, что не только в исследованиях, но даже в дипломных студенческих работах этой проблеме уделяется теперь много внимания.

Юбилейное издание дало толчок, и исследователи пошли дальше, к самостоятельному наблюдению по рукописям за сложной судьбой толстовских текстов. Юбилейное издание художественных сочинений Толстого не есть что-то незыблемое, застывшее, и преодоление его ошибок свидетельствует о дальнейшем развитии текстологии.

Впервые в собрание сочинений Толстого полностью включены созданные писателем книги для школы: «Азбука» и «Новая азбука» (тт. 21 и 22; редакторы В. С. Спиридонов и В. С. Мишин). Эти книги по содержанию примыкают к художественным произведениям, поскольку в них содержится несколько сот рассказов Толстого, занявших в наше время значительное место в детской литературе; они связаны и с педагогическими статьями, так как являются итогом теоретических обобщений педагогической работы Толстого 60-х и 70-х годов. Судьба «азбук» Толстого необычна. В 70-е годы они были впервые напечатаны под личным наблюдением Толстого: «Азбука» — в 1872 г. одним томом и затем в 1874 г. расброшюрованной на 12 книжек; «Новая азбука» и четыре русские книги для чтения — в 1875 г.; четыре славянские книги для чтения — в 1877 г. После первых публикаций при жизни Толстого многократно переиздавались только «Новая азбука и четыре русские книги для чтения. В собрания сочинений Толстого, начиная с третьего издания (М., 1873), включались рассказы из этих книг, распределенные на следующие группы: I. Басни Эзопа. Басни, переделанные с индийского, и подражания. II. Рассказы для детей. Рассказы из физики. Рассказы из зоологии. Рассказы из ботаники. Попытки соединения разных вариантов былин в одну и изложение их правильным стихом. В Полное собрание художественных произведений под ред. И. И. Гливенко и М. А. Цявловского (приложение к «Огоньку». М. — Л., 1928) в т. IX включены полностью четыре русские книги для чтения. В последующие издания собрания сочинений Толстого включались выборочно отдельные рассказы из этих книг. Остальные части «Азбуки» 1872 г. не переиздавались при жизни Толстого. «Арифметика» была переиздана под ред. П. И. Бирюкова в 1913 г. (М., изд. И. Д. Сытина), а «Руководство для учителя» напечатано в 1911 г. в журнале «Свободное воспитание» 1911—1912, № 12, стр. 3—38. В 1917 г. в изд-ве «Задруга» под наблюдением П. Н. Сакулина и с его предисловием были изданы впервые по новому правописанию «Новая азбука» Толстого под заглавием: «Азбука» и «Первая русская книга для чтения». После этого рассказы из четырех русских книг для чтения выходили отдельными изданиями и сборниками, в полном же виде книги Толстого для школы не печатались.

Совершенно правильно Редакторский комитет Юбилейного издания решил вопрос об этих книгах, введя их в полное собрание сочинений в том именно виде, в каком их создал Толстой. «Азбука» 1872 г. воспроизведена фототипически, и тем самым сохранены отразившиеся в этой книге особенности приемов Толстого в первоначальном обучении грамоте. Непонятно только, почему «Азбука» составила т. 22, а результат позднейшей работы—«Новая азбука» и дополненные русские книги для чтения вошли в т. 21.

Изучение рукописного фонда учебных книг Толстого было впервые

предпринято для Юбилейного издания (редактор В. С. Спиридонов). Кроме широко известных рассказов, включенных Толстым в свои книги, среди рукописей оказались черновые редакции многих из них, отличающиеся от завершенного текста, и более ста рассказов, отброшенных Толстым. Обнаружены были также незавершенная «Грамматика для сельской школы» и многочисленные черновые варианты «Арифметики». Все это заняло место в разделе «Неопубликованное, незаконченное, неотделанное». Надо отметить, что еще до выхода т. 21 (1957 г.) В. С. Спиридонов опубликовал в различных изданиях большую часть из рукописных материалов (т. 21, с. 691).

Обстоятельный комментарий (т. 21, с. 547—690) представляет большую научную ценность. Кроме подробнейшей, основанной на печатных и рукописных материалах «истории писания и печатания» «Азбуки» и «Новой азбуки», «Грамматики для сельской школы», даны примечания к каждому (их 449) рассказу. Для многих рассказов пришлось устанавливать источники. С этой работой редакторы в основном отлично справились. В нескольких случаях есть и промахи. Ошибочно указаны источники сказок «Три медведя», «Девочка и разбойники», «Ореховая ветка». Не указаны источники сказки «Уж», рассказа «Акула» и некоторых других. Таковы единичные недочеты в целом хорошей работы по публикации и комментированию «азбук» Толстого.

Критический обзор заостряет вопрос на недостатках, но это ни в какой мере не умаляет больших достоинств Юбилейного издания в области публикации художественных творений Толстого. Это действительно первое полное собрание художественных сочинений Толстого. И не могло не быть промахов в таком грандиозном деле; можно только удивляться, что их относительно мало. Мы смотрим на это издание спустя тридцать с лишним лет после его основания, и мы можем объективно оценить его минусы и плюсы. Надо помнить, что за эти годы было осуществлено несколько собраний художественных произведений Толстого и отдельных изданий. Все они являются перепечатками с Юбилейного издания.

За истекшие десятилетия советская текстология обогатилась опытом научных изданий классиков, и в это дело Юбилейное издание внесло неоценимый вклад. Оно открыло широкие перспективы дальнейшего изучения художественного наследия Толстого.

Четверть века назад на упоминавшейся нами конференции в Институте русской литературы (Пушкинском доме) высоко оценили Юбилейное издание. Там обсуждали преимущественно издание художественных произведений Толстого. Совершенно справедливо заявляли тогда, что «было бы трудно и невероятно, если бы такой писатель колоссальной продукции, как Толстой, никогда прежде по-настоящему научно не издававшийся, был издан раз и навсегда в совершенно безукоризненной, так называемой канонической форме». Юбилейное издание было названо «репетицией», «черновым вариантом», за которым должен последовать «беловой вариант», т. е. подлинно академическое издание (указанная стенограмма; выступление Н. К. Пиксанова). Разумеется, на первой очереди стоит академическое издание художественных произведений.

Литературное наследство Толстого очень велико и сложно, так что перед академическим изданием возникнут большие трудности. Они преодолимы, и должно появиться издание с совершенным текстом произведений и исчерпывающей полнотой черновых набросков и редакций.

В. Жданов и Э. Зайденшнур

СТАТЬИ И ТРАКТАТЫ

Как сказано выше, в первую серию Юбилейного издания, состоящую из 45 томов, входят наряду с художественными произведениями теоретико-публицистические сочинения. К последним относятся статьи и трактаты на общественно-политические, философские, литературно-критические, эстетические, педагогические, экономические, юридические, религиозно-нравственные и другие темы. Объем этой части наследия писателя очень велик и охватывает громадный круг проблем. По словам Горького, книги Толстого — «документальное изложение всех исканий, которые предприняла в XIX в. личность сильная, в целях найти себе в истории Росс‹ии› место и дело» (М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 295).

Своими теоретическими и публицистическими произведениями Толстой дорожил не менее, чем художественными, а в последний период жизни ставил их даже выше художественных. Он видел в них средство прямого воздействия на жизнь, активного вмешательства в нее, орудие пропаганды и утверждения тех идей, которые казались ему единственно-истинными и важными. Поэтому, проявляя порою равнодушие к изданию своих художественных произведений, он уделял исключительное внимание изданию и распространению своих теоретико-публицистических работ. На эту тему он вел обширную переписку с редакторами и издателями в России и за границей, а в тех случаях, когда статьи запрещались цензурой, он поощрял их распространение путем нелегальных типографских изданий, а также путем гектографирования и размножения рукописными списками. Так, например, в связи с запрещением книги «Так что же нам делать?», набранной для «Русской мысли», Толстой писал Л. Д. Урусову: «Меня радует то, что она читается по корректурам и уже переписывается» (т. 63, с. 203). С удовлетворением отметил он в записной книжке и появление множества гектографированных изданий запрещенной статьи «Царю и его помощникам» (т. 54, с. 244). Все средства, считал он, хороши для передачи людям того открывшегося ему миропонимания, которое, как казалось ему, может привести человечество к свободе и счастью.

1

Публикация теоретико-публицистических работ Толстого имеет свою историю. По традиции, установленной самим писателем, они неизменно включались в его собрания сочинений. Однако примерно с 80-х годов, с резким усилением их обличительного содержания, большое число статей и воззваний запрещалось цензурой и в собрания сочинений входить не могло. Тем не менее введение теоретико-публицистических работ в собрания сочинений Толстого следует, как мы это увидим ниже, считать его прямой авторской волей.

Впервые статьи Толстого вошли во второе собрание его сочинений (изд. Ф. Стелловского. СПб., 1864) *. Во второй том этого издания, наряду с кавказскими и севастопольскими рассказами, «Метелью», «Семейным счастьем», «Поликушкой» и «Казаками», автор включил и написанные им к этому времени педагогические статьи.

В следующем, третьем издании своих сочинений в восьми томах (1873) Толстой отвел для статей отдельный том (IV). В этом виде они печатались и в четвертом издании (1880—1886) — последнем из подготовленных самим автором к печати,— и в пятом, выпущенном С. А. Толстой (1886), где к ранее собранному тому статей прибавился еще один (XII), в который

* Первым изданием считаются выпущенные автором в Петербурге в 1856 г. два тома его сочинений: «Детство и отрочество» и «Военные рассказы». К этому времени завершенных публицистических работ у Толстого еще не было.

вошли написанные к этому времени статьи, посвященные переписи в Москве, и статья «О народном образовании».

Таким образом, во всех собраниях сочинений, которые готовились к изданию самим автором или при его близком участии, теоретико-публицистические работы включались полностью, а по мере их накопления собирались в отдельные тома. Этот порядок соблюдался и во всех последующих изданиях собраний сочинений Толстого, хотя он сам, передав в 1886 г. издательские дела жене, почти не участвовал в их подготовке к печати.

Вышедшие вслед за этим в свет два издания собраний сочинений, осуществленные С. А. Толстой,— шестое (1886) и седьмое (1887) — воспроизводили без изменений состав пятого издания. Восьмое издание (1889—1895) содержит новый том (ч. XIII), целиком отданный теоретико-публицистическим работам. Он включает все статьи о переписи в Москве, трактат «Так что же нам делать?», главы из книги «О жизни», статьи «Ручной труд и умственная деятельность», «Для чего люди одурманиваются» и др. Эти и некоторые другие работы вошли и в девятое «Полное собрание сочинений в 14 частях», которое С. А. Толстая предприняла в 1893 и завершила в 1898 г. Здесь мы находим статьи о голоде, «Неделание», «Предисловие к сочинениям Ги де Мопассана», «О назначении науки и искусства» и многие другие. Подобно этому, вновь написанными, не запрещенными в России статьями пополнялись десятое (1900) и одиннадцатое (1903) собрания сочинений и все последующие издания вплоть до смерти писателя.

Параллельно с публикацией теоретико-публицистических работ в собраниях сочинений, они многократно выпускались и отдельными книгами. Таковы, например, сборники статей Толстого (1882, 1886, 1895, 1898 и др.) и отдельные издания трактатов «Так что же нам делать?», «О жизни», «Что такое искусство?», педагогических статей, а также многочисленные издания «Посредника», который, начиная с 1884 г., выпускал в свет публицистические и религиозно-нравственные работы Толстого отдельными книжками и брошюрами в сотнях тысяч экземпляров.

Строгий цензурный запрет, наложенный на ряд теоретико-публицистических произведений Толстого в России, обусловил их частую публикацию за границей. Впервые они появлялись в Лондоне, в изд. «Свободного слова», под редакцией Черткова, и в Женеве, в швейцарском отделении этого издательства. Многие из них печатались в изд. Гуго Штейница в Берлине, в изд. М. Элпидина в Женеве, в «Братском листке» (под ред. П. А. Буланже) в Англии, в изд. И. П. Ладыжникова в Германии и в ряде других заграничных издательств.

После революции 1905 г. некоторые из ранее запрещенных статей Толстого смогли выйти и в России в изданиях «Обновления» (СПб., 1906), Герцика (СПб., 1906), «Всемирного вестника» (СПб., 1906), Дубровского (М., 1907), «Ясной Поляны» (СПб., 1907—1909), Максимова (СПб., 1909) и др. Однако полностью теоретико-публицистические работы Толстого ни разу при его жизни не были собраны, хотя, как мы знаем, сам писатель этого всегда желал.

В полном объеме они не включались в собрания сочинений Толстого и после его смерти. В первое посмертное собрание сочинений в 23 томах (1911—1912, изд. В. М. Саблина) был дополнительно включен «Круг чтения», однако многие другие, особенно «запретные» произведения в него не вошли. Не могли они быть включены и в 24-томное Полное собрание сочинений под редакцией П. И. Бирюкова (1913—1914, изд. И. Д. Сытина). Цензурные преследования сочинений Толстого в этот период не только не были ослаблены, но с началом первой мировой войны еще более усилены. И только после Октябрьской революции создались в России условия для беспрепятственного издания всего без исключения наследия великого художника.

В советские годы теоретико-публицистические работы Толстого публиковались многократно на всех языках народов СССР. Выходили они отдельными изданиями и сборниками. Однако, так как до 1928 г. полных собраний сочинений писателя не предпринималось, они также не были собраны воедино. Юбилейное издание является, таким образом, первым и пока единственным собранием сочинений Толстого, в которое вошли все его статьи, трактаты, памфлеты, воззвания и обращения.

Это издание включает не только законченные произведения, но и неопубликованные, незавершенные и неотделанные сочинения, вплоть до мелких набросков. В своей совокупности они составляют исчерпывающий свод теоретико-публицистических произведений великого писателя, приведенных полностью, без купюр, в том виде, как их оставил автор.

2

Всего сохранилось 290 теоретико-публицистических произведений Толстого, из которых 164 были им завершены и 126 остались незаконченными. Все они вошли в Юбилейное издание, причем 83 произведения увидели в нем свет впервые. Не вошло в него из ныне известных лишь одно произведение — послесловие к статье Я. В. Абрамова «О гонении на духоборов», не попавшее почему-то ни в т. 31, где ему надлежало быть по хронологии, ни в сборный т. 90 (оно публикуется в настоящем томе «Литературного наследства»).

Теоретико-публицистические произведения составляют внутри томов раздел «Статьи», где произведения расположены в хронологическом порядке. Незавершенные произведения помещены во всех томах в специальном разделе «Неопубликованное, неотделанное, неоконченное», где они также расположены в хронологическом порядке.

Изучение обширного материала, включенного в Юбилейное издание, показывает, что расположение и датировка теоретико-публицистических произведений сделаны в основном правильно. Распределение материала по томам и расположение его внутри томов в подавляющем большинстве случаев научно обоснованно и строго выдержано. Вместе с тем в этом огромном издании встречаются отдельные промахи, на которые необходимо указать.

Наиболее грубым из таких промахов следует считать помещение дважды одного и того же произведения, как это случилось со статьей «Религия и наука». Эта законченная и подписанная автором статья, продиктованная им в августе 1908 г. Н. Н. Гусеву, не была при жизни писателя опубликована. Зато ей «повезло» в Юбилейном издании, где она помещена и в т. 37 (с. 360—362) и в т. 40 (с. 427—429), кстати говоря, вышедших в свет в одном и том же 1956 г. Разницы между обеими публикациями нет никакой, если не считать различной разбивки статьи на абзацы, зато в комментариях дважды указано, что она «публикуется впервые».

Дважды опубликована и статья «Неделание», хотя с ней обстоит дело несколько сложнее. Эта статья была написана Толстым в 1893 г. в связи с полемикой, которая разгорелась между Эмилем Золя и Александром Дюма (сыном) по вопросу об идеалах молодежи. После того, как статья была завершена, Толстой одновременно дорабатывал ее русский текст для журнала «Северный вестник» и текст французского перевода, выполненного неким Вилло, для парижского журнала «Revue de famille». Но в дальнейшем случилось так, что журнал «Revue de famille» напечатал не перевод Вилло, собственноручно исправленный Толстым, а чей-то другой и плохой перевод, сделанный по тексту «Северного вестника», чем весьма огорчил Толстого. Сличение статьи в «Северном вестнике» и французского авторизованного перевода Вилло показывает, что между ними имеются

некоторые расхождения. Толстой, исправляя перевод, в ряде случаев изменил текст, кое-где расширил и по-иному выразил свои мысли. Однако это ни в коем случае не является основанием для повторного помещения статьи, как это сделано в т. 90 (с. 22—41), после того, как она уже была полностью помещена в т. 29 (с. 173—201).

Французский перевод не является новой статьей. Ее публикатор В. С. Мишин сам считает его «как бы новой редакцией» статьи, уже помещенной в собрании сочинений (т. 90, с. 358). Тогда тем более непонятна вторичная публикация этой статьи в *основном* разделе произведений т. 90.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «ХОЛСТОМЕР»
Акварель Г. К. Савицкого, 1947 г.
Музей Толстого, Москва

Толстой, как известно, не раз собственноручно исправлял иноязычные переводы своих сочинений (например, английский текст «Письма к индусу»), неизбежно создавая расхождения их с русским текстом. В Юбилейном издании подобные разночтения оговариваются при публикации вариантов. Но никогда это не служило основанием для повторных публикаций этих сочинений. И в данном случае следовало в разделе «Варианты» оговорить эти расхождения, а не печатать всю статью вновь, да еще на двух языках — французском и русском.

Отметим еще три случая неправильной публикации текстов. Помещенный в т. 1 публицистический отрывок «О молитве» (с. 247—248) является одним из вариантов «Детства», о чем имеется прямое свидетельство в дневнике писателя (т. 46, с. 105.— На это справедливо указал С. М. Брейтбург в книге «Литература о Толстом последних лет. Критико-историографический обзор». М., 1931, стр. 23). Однако в томе он помещен как самостоятельное произведение. Подобно этому отрывок «О прогрессе образования», напечатанный в т. 8 (с. 619—621) в качестве отдельного незавершенного произведения, является в действительности черновым отрывком помещенной в этом же томе статьи «Прогресс и определение образования» и должен был бы находиться среди ее вариантов.

В т. 7 (с. 133—135) напечатано в виде самостоятельного наброска философское рассуждение «О браке и развитии женщины». В действительности это не отдельное сочинение, а вариант к 10-й главе второй части эпилога «Войны и мира», что устанавливается и содержанием отрывка и временем его написания (1868). На это указал Б. М. Эйхенбаум в книге «Лев Толстой. Семидесятые годы» (Л., 1960, стр. 131). Варианту этому место в т. 16.

Отдельно следует остановиться на принципах расположения произведений по томам и внутри томов. Особенности материала требовали сочетания в Юбилейном издании двух принципов — хронологического и тематического, как мы это видим и в изданиях, осуществленных самим Толстым.

По тематическому принципу расположены сочинения педагогические (т. 8), литературно-критические (т. 30), религиозно-нравственные (т. 39) и такие обширные работы, как «Новая азбука» и «Русские книги для чтения» (т. 21), «Азбука» (т. 22), «Круг чтения» (т. 41-42), «На каждый день» (т. 43-44), «Путь жизни» (т. 45). Выделение этих произведений в отдельные тома вполне оправдано, хотя и было связано с некоторым нарушением хронологии.

Неизбежны и хронологические сдвиги, вызванные вновь найденными сочинениями, которых не было к моменту подготовки соответствующих томов. К примеру, «Проект о переформировании батарей...» обнаружен лишь недавно, и он правильно включен в т. 90.

Но в последнем, «сборном» т. 90 помещены и многие произведения, которые давно известны и должны были бы находиться на своих местах,— а это уже является грубым нарушением хронологического принципа. Таковы, например, «Письмо к фельдфебелю» (1899), статья «Как освободиться рабочему народу» (1905), «Письмо крестьянину о земле» (1905), статья «Истинная свобода» (1907) и др.

Достойно сожаления, что ни один из случаев нарушения хронологии при публикации теоретико-публицистических сочинений не объяснен ни в вводных статьях к томам, ни в комментариях к данным произведениям, а т. 90 вообще лишен вступительной редакционной заметки. Это, несомненно—упущение редакции и заметный пробел в столь авторитетном и серьезном издании.

Укажем также на случай неправильной датировки произведения и на нарушения единообразия в обозначении дат. Неправильно датировано (следовательно, не на своем месте помещено) «Предисловие к сборнику мыслей Джона Рёскина „Воспитание. Книга. Женщина"». Оно включено в т. 31 (с. 96) как произведение, будто бы написанное в январе — марте 1898 г. (см. комментарии — т. 31, с. 286). В действительности эта статья написана тремя годами раньше, что устанавливается письмом И. И. Горбунова-Посадова к Толстому от 23 сентября 1895 г. (АТ).

Принятый в издании порядок обозначения дат (на шмуцтитуле и в оглавлении) нарушен в отношении ряда томов, а внутри томов — в отношении многих теоретико-публицистических произведений. Таких обозначений, например, нет в тт. 1, 2, 23, 25, 26, 38 и многих других. В результате в одних томах можно, не роясь в комментариях, узнать, когда написана статья, в других же ни из шмуцтитула, ни из оглавления этого не узнаешь.

Бросается в глаза и то, что в некоторых томах под рубрикой «Статьи» напечатаны материалы, ничего общего со статьями не имеющие: официальные бумаги, деловые записи и др. Например, в т. 8 на равных правах с педагогическими сочинениями, в одном разделе с ними, напечатано прошение Толстого министру просвещения о разрешении журнала «Ясная Поляна», пятистрочные объявления о выходе журнала, о его закрытии и

другие деловые бумаги, хотя в томе имеется специальный отдел «Приложения», где подобного рода бумагам и место.

То же мы видим и в т. 90. Здесь под рубрикой «Статьи» помещены докладная записка Толстого-офицера «О переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками», «Молитва внучке Сонечке» и другие подобные материалы. Таких сомнительных «статей» много и в публицистических разделах других томов, и особенно в разделах «Неопубликованное, неотделанное, неоконченное». Здесь согласно принятому порядку полагалось помещать только незавершенные *произведения*, в действительности же помещены любые бумаги, ничего общего с творчеством не имеющие. Строгости в размещении материала, четкости в композиции, упорядоченности, единообразия в размещении материала и его датировке не хватает многим томам.

3

Важнейшая задача издания — установление научно проверенного текста — решена для подавляющего большинства теоретико-публицистических работ правильно, хотя связанные с этим трудности во многих случаях превосходили трудности в подготовке текста художественных произведений.

Искажения текста публицистических произведений при их первых публикациях происходили по многим причинам. Прежде всего это были искажения цензурного порядка, поскольку большинство статей и трактатов Толстого подвергалось жестоким преследованиям. Помимо сильных опустошений (вычеркиваний, смягчений, удалений целых глав), которые производили в них официальные цензоры, эти произведения подвергались порою не менее искажающей «цензуре» редакторов и издателей, стремившихся путем заблаговременного смягчения отдельных мест протащить их через цензурные рогатки. Иногда на такие смягчения соглашался и сам автор. Так, например, при подготовке к изданию трактата «Так что же нам делать?» Толстой был вынужден обратиться к духовному цензору А. М. Иванцову-Платонову с «частной» просьбой — наметить необходимые смягчения, чтобы трактат мог пройти через цензуру (см. письмо Толстого к Иванцову-Платонову — т. 63, с. 316).

Другого рода искажения были связаны с тем, что многие публицистические произведения печатались впервые за границей и автор был лишен возможности участвовать в их издании непосредственно. Толстой в этих случаях посылал свои исправления по почте, но далеко не всегда они попадали в текст, как это, например, случилось с некоторыми авторскими исправлениями при печатании трактата «Что такое искусство?»

Наконец, многие искажения невольно вносились переписчиками, редакторами, наборщиками и корректорами во время издания и переизданий произведений.

Чтобы установить авторский текст в его последней редакции, исследователям приходилось в каждом отдельном случае решать, что́ положить в основу текста— последнее прижизненное издание, сохранившуюся рукопись, корректуру, или, быть может, первое издание, поскольку именно оно бывало очень часто единственно авторизованным. Эти решения вырастали часто в сложные текстологические проблемы, вслед за которыми возникали и десятки других вопросов и загадок, в том числе связанных с трудным почерком автора.

Следует отметить к чести коллектива текстологов и исследователей,— они справились с трудностями весьма успешно. Подготовка публикаций теоретико-публицистических сочинений Толстого может служить

образцом серьезной, научно обоснованной текстологической работы. Она делает Юбилейное издание единственно авторитетным источником научно проверенных текстов большинства сочинений Толстого.

Образцовой, например, можно с полным основанием назвать работу Н. К. Гудзия по научному установлению текста трактата «Так что же нам делать?». Произведение это имеет сложную творческую историю. Начав в 1882 г. небольшую статью под заглавием «О помощи при переписи», Толстой продолжал работу над ней в течение четырех лет, в результате чего она выросла в обширный философский и социально-экономический трактат, содержащий 40 больших глав.

Авторская работа шла в течение этого периода не только над созданием новых глав, но и над доработкой ранее написанных. Некоторые места перерабатывались по десяти и более раз. Так образовался огромный фонд рукописей и корректур, содержащий многочисленные варианты и редакции как всего произведения в целом, так и его отдельных глав.

Не менее сложной была история печатания трактата. Первоначально запрещенный в журнале «Русская мысль» (1885), он был позднее частично разрешен к опубликованию в журналах «Русское богатство» и «Детская помощь», но с большими пропусками и цензурными искажениями. Эти искажения были лишь частично устранены в т. XII пятого издания собрания сочинений Толстого, вышедшем в свет в апреле 1886 г.

В этот период и позднее были предприняты и заграничные бесцензурные издания трактата (женевское издание М. Элпидина, 1886; издание «Свободного слова», 1902), но они, хотя и восполнили отдельные опущенные в России места, во многом повторили искажения русских изданий. Искажения не были устранены и при последующих публикациях трактата, вплоть до «Полного собрания сочинений» в 24 томах (1913—1914). Таким образом, перед редактором трактата в Юбилейном издании встала сложная задача — разобраться в огромном рукописном фонде и в хаосе разновременных публикаций, установить в них долю и последний этап авторского участия, устранить из авторского текста многочисленные искажения — цензурные, автоцензурные, редакторские и всех других видов.

Ни подцензурные журнальные публикации, ни бесцензурные заграничные издания, из-за содержащихся в них многочисленных купюр и искажений, не могли лечь в основу окончательного текста. Текст пятого издания собрания сочинений также полностью не отвечал этим требованиям, ибо в него не вошли как многие абзацы и главы, изъятые цензурой, так и некоторые исправления, сделанные позднее автором. Однако этот текст — единственный, который печатался при непосредственном участии Толстого, читавшего и правившего для него корректуры. И поэтому редактор правильно поступил, положив именно это издание в основу окончательного текста. Для восполнения недостающих в нем мест он пользовался авторскими корректурами, относящимися к этому изданию, корректурами текста, предназначавшегося для «Русской мысли» и, наконец, рукописями, с которых производился набор или которые по всем признакам представляют собою последнюю редакцию отдельных глав произведения. Так в результате сложной текстологической работы был установлен подлинный текст трактата «Так что же нам делать?»

Значительные трудности были сопряжены и с подготовкой текста трактата «Что такое искусство?». Как известно, трактат печатался в 1897—1898 гг. одновременно в России, в журнале Н. Я. Грота «Вопросы философии и психологии», где корректуры держал сам автор, и в Англии, в переводе Э. Моода, в виде приложения к журналу «The new order», где за изданием наблюдал Чертков.

Текст трактата в период его печатания подвергся значительным изменениям. Помимо большого числа исправлений, внесенных автором в кор-

ректуры «Вопросов философии и психологии», текст здесь исправлял и Н. Я. Грот, который руководствовался большей частью цензурными соображениями, а иногда и желанием «улучшить» Толстого.

Цензура, в том числе и духовная, куда был передан для просмотра журнальный вариант трактата, произвела в нем большие опустошения, изменив и выбросив не только отдельные места, но и целые главы.

Параллельно с этим Толстой вносил исправления в английское издание, посылая их в Лондон Мооду и Черткову, а также в издание, предпринятое С. А. Толстой.

В 1898 г. все три издания были закончены, но содержали весьма различный текст. Сличение их показало, что наиболее полно последний этап авторской работы воплощен в издании С. А. Толстой, где корректуры трактата исправлял сам автор. И хотя данный текст также содержит много искажений и цензурных купюр, редактор тома В. С. Мишин поступил правильно, положив в основу текста именно это издание. Он включил в него авторские исправления, сделанные в журнальном и английском вариантах, восстановил все цензурные изъятия, выправил по рукописям множество ошибок. В результате текст трактата был научно установлен.

К числу удачно выполненных работ следует отнести и подготовку текста «Круга чтения» (редакторы «Круга чтения»: т. 41 — Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев, Б. М. Эйхенбаум; т. 42 — Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев, В. Д. Гусева, Е. С. Серебровская, Б. М. Эйхенбаум. Имя Б. М. Эйхенбаума в т. 42 ошибочно пропущено, что отмечено в специальной вставке к т. 90), трактата «Рабство нашего времени» (Е. С. Серебровская), статей «Закон насилия и закон любви» (П. С. Попов), «Царство божие внутри вас» (Н. В. Горбачев), «О голоде» (А. И. Опульский) и др.

Не все, однако, решения текстологических вопросов, возникших при редактировании теоретико-публицистических произведений Толстого, можно признать бесспорными. В отдельных случаях выбор их основного текста недостаточно обоснован.

Спорным, например, кажется нам решение вопроса о тексте статьи «Не могу молчать», который в Юбилейном издании напечатан по одной из рукописей (редактор В. С. Спиридонов). История печатания статьи такова. Завершив и отослав ее в 1908 г. Черткову для издания за границей, Толстой позднее сделал на отдельных листках две вставки и вложил их в первую главу оставшейся у него черновой рукописи. Во время подготовки статьи к печати автор находился в оживленной переписке с Чертковым, предложившим внести в нее ряд исправлений. Толстой одобрил предложенные Чертковым исправления, но *не послал* ему сделанных им самим добавлений. По какой причине он этого не сделал, неизвестно; факт, однако, тот, что он имел возможность вставить свои добавления в печатный текст и не вставил.

Поскольку добавления не вошли в заграничную публикацию Черткова, редактор текста публикует статью не по этому изданию, в котором прямое участие принимал сам автор, а по черновой рукописи (№ 17), где были обнаружены добавления и которая несколько отличается от посланной Черткову. Но именно это и спорно. Кто может поручиться за то, что именно текст этой черновой рукописи и не посланные Черткову добавления отвечают последней авторской воле? Ведь можно предположить и то, что, набросав добавления, автор позже передумал включить их в текст статьи и именно поэтому не послал их в Лондон. Так или иначе, но в комментариях к статье (т. 37, с. 425—432) принятое текстологом решение не обосновано.

Такие случаи единичны. Подготовка же большинства текстов, как сказано, осуществлена на высоком научном уровне.

Некоторые незавершенные статьи, не имевшие авторских заголовков, опубликованы под редакторскими заголовками (они взяты в прямые скобки). Большинство их, как это принято в научных изданиях, кратко и верно передает содержание статей (например, «Заявление об аресте Гусева»). Но в отдельных случаях редакторы превысили свои полномочия и придумали для статей «эмоциональные» заголовки (например «Бессмысленные мечтания»), что вряд ли можно признать законным. В одном случае придуманный редактором заголовок граничит с искажением содержания. Мы имеем в виду заглавие, данное редактором В. И. Срезневским обличительной записке молодого Толстого (1855) о пороках николаевской крепостной армии. Как это теперь устанавливается по дневникам писателя, документ должен именоваться «Запиской о переформировании армии»,— так именовал ее сам автор. В Юбилейном же издании (т. 4) она опубликована под произвольным редакторским заголовком «Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера», что не соответствует содержанию этого документа, как раз направленного к возвеличению моральных качеств русского солдата.

4

Наряду с основным текстом произведений, в Юбилейном издании печатаются и их черновые редакции и варианты. Смысл этих публикаций в отношении теоретико-публицистических сочинений состоит в том, чтобы восстановить процесс авторской работы и одновременно раскрыть многое из того, что автор по тем или другим причинам был вынужден в окончательном тексте скрыть, смягчить или зашифровать. Все эти места, как правило, в черновиках даны оголенно, без шифровки, и по ним точнее устанавливаются те конкретные события, факты, явления, лица, которые стали объектом острого толстовского обличения и критики. К примеру, в окончательном тексте «Не могу молчать» не упомянут ни один из обличаемых деятелей царской России, а в черновиках прямо названы, с резкими характеристиками — Столыпин, Плеве, Щегловитов, Гучков, Милюков и «самый глупый и бесчеловечный из всех г-н Романов, называемый Николай вторый» (т. 37, с. 392).

Черновой рукописный фонд теоретико-публицистических произведений обширен. У отдельных статей и трактатов он насчитывает тысячи листов (например, трактат «Что такое искусство?» —4482 л.). Публиковать все черновики без исключения было невозможно, да и не нужно. Здесь важны правильный отбор, отвечающий задачам издания, и правильный метод публикации. К сожалению, и то и другое оставляет в ряде томов желать лучшего. Провозглашенное редакцией в начале издания намерение — «извлечь из этого громадного собрания черновых рукописей то крайне интересное и ценное, что в нем схоронено» («От главного редактора» — т. 1, с. IX) во многих случаях осуществлено далеко не полностью.

Ради справедливости следует оговорить, что выбор вариантов и черновых редакций сопряжен в публицистике Толстого с огромными трудностями. Ни сам автор, ни его близкие не проявили заботы о систематизации его рукописного фонда. Черновики отдельных произведений предстали перед исследователями в неразобранном виде. Тем выше заслуга тех исследователей (а таких большинство), которые тщательно разобрались в черновиках, установили последовательность редакций, правильно датировали отдельные этапы работы и тем самым воссоздали процесс авторского труда. Такая тщательная работа приводила к осмысленной публикации черновых рукописей в виде целых редакций или в виде серии последовательных вариантов, в совокупности дающих представление о ходе авторской работы. Именно так опубликованы, например, варианты к тракта-

там «Так что же нам делать?», к памфлету «Николай Палкин», к статьям «Единственное возможное решение земельного вопроса», «Не могу молчать» и ряду других статей и трактатов. Но во многих случаях варианты даны вырванными из контекста небольшими кусочками и не в порядке последовательности авторской работы, а в порядке следования окончательного текста («К гл. 7», «К гл. 8» и т. д.), что в значительной мере обесценило их для установления творческой истории произведений.

Бросается в глаза и то, что к одним произведениям приведены все сохранившиеся, в том числе и самые мелкие, малоинтересные варианты, а к другим они даны заведомо неполно, урезанно, хотя черновые рукописи этих сочинений содержат интереснейший материал. В результате, творческая история отдельных публицистических произведений не может быть восстановлена по приведенным вариантам.

Примером неудачной публикации вариантов может, например, служить раздел вариантов, данный к статье «Рабство нашего времени» (т. 34). Эта статья — одна из самых острых в публицистике Толстого. Сам автор придавал ей большое значение. «Я 〈...〉 теперь работаю над статьей, разрастающейся и очень меня занимающей, о рабочем вопросе. Кажется мне, что я имею сказать кое-что новое и ясное»,— писал он Черткову 28 февраля 1900 г. (т. 88, с. 191). В процессе работы статья не только, как всегда, расширилась и углубилась, но, по выражению Толстого, становилась «ядовитее и ядовитее» (т. 72, с. 408). Писатель дал в ней полную волю негодованию, накопившемуся у него в результате длительного ознакомления с жизнью рабочих московских заводов и фабрик, а также в результате посещения товарной станции Казанской железной дороги, где, как он установил, грузчики работали «по 36 часов сряду».

Сохранившиеся рукописи и корректуры (в объеме 1962 лл.) уже давно дали возможность установить первую редакцию статьи, и она была в 1933 г. опубликована Н. Н. Гусевым в книге «Лев Толстой. Неизданные тексты». В процессе дальнейшей работы были установлены (Е. С. Серебровской) и последующие редакции, а также варианты отдельных глав. Казалось бы, первая редакция и наиболее интересные последующие варианты и должны были войти в Юбилейное издание. Однако в т. 34 (с. 491—502) вошли только 14 разрозненных отрывков (к 5 главам из 15), не дающих никакого представления о ходе авторской работы. Первая же редакция статьи опубликована спустя шесть лет в т. 90, причем без всякого объяснения, почему это так сделано (в настоящем томе «Литературного наследства» публикуется еще 15 вариантов).

Еще более неудачна публикация вариантов к трактату «Царство божие внутри вас». В Юбилейном издании этому трактату посвящен специальный том (28), где наряду с текстом даны отдельные его рукописные варианты. Но среди них почему-то отсутствует черновая редакция 12-й главы, той исключительно интересной и важной главы, в которой описана встреча на ст. Узловой Толстого, ехавшего «на голод», с карательным отрядом, направлявшимся на усмирение голодающих крестьян. Под гнетущим впечатлением увиденного Толстой тут же, в одном из голодающих сел, переработал заключительную главу трактата «Царство божие внутри вас», воплотив в ней свои горестные раздумья над господствующим строем жизни и свое острое негодование по адресу русского самодержавия.

Впоследствии, в процессе дальнейшей работы над трактатом, автор многократно дорабатывал заключительную главу, и в окончательный текст она вошла значительно измененной. Но разве не интересно было бы в разделе вариантов увидеть главу в том виде, как она впервые вылилась из-под пера взволнованного художника? Какое огромное значение она имела бы для исследователей публицистики Толстого! Но ее в томе нет (публикуется в настоящем томе «Литературного наследства»).

Подобно этому в Юбилейное издание не вошел ряд интересных вариантов к статье «О Шекспире и о драме» (они публикуются в настоящем томе «Литературного наследства»), к статье «Действительное средство» и др. К некоторым из публицистических работ Толстого варианты *вовсе не даны*, хотя они сохранились и представляют в ряде случаев не меньший интерес, чем те, которые приведены. Таковы, например, черновые варианты к статьям «Не убий», «Ответ на определение Синода», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка», «К рабочему народу», «К духовенству» и др.

Особенную досаду вызывает отсутствие в Юбилейном издании одного из вариантов обращения «Царю и его помощникам», который писался как самостоятельная статья «Чего желает прежде всего большинство русского народа», а затем слился с обращением. Эта статья весьма важна для характеристики политических позиций Толстого в канун революции 1905 г. По поводу нее у Толстого была переписка с Чертковым, предложившим к ней ряд поправок. Автор в период писания весьма дорожил мыслями, изложенными в ней. В 1923 г. она была опубликована в т. IV «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым (стр. 25). Эта статья должна была войти в Юбилейное издание как один из вариантов обращения «Царю и его помощникам», но ее там нет.

В отдельных случаях при публикации вариантов упущены важные материалы или допущены ошибки. Укажем на некоторые из них.

При публикации материалов, относящихся к статье «О народном образовании» (т. 17), пропущен собственноручный план Толстого, посвященный организации педагогических курсов для крестьянских детей («Университета в лаптях»).

Опубликованные в т. 38 (с. 347) варианты к статье «Славянскому съезду в Софии» (1909) являются вариантами совсем другой статьи — «Действительное средство» (1910) и ничего общего с первой статьей не имеют.

Все эти отдельные промахи, разумеется, досадны и должны быть исправлены в последующих изданиях.

5

Комментарии к теоретико-публицистическим сочинениям состоят в Юбилейном издании, как и комментарии к художественным произведениям, из двух частей: а) истории писания и печатания; б) описания рукописей данного произведения. В истории писания в ряде случаев дается и реальный комментарий, раскрывающий смысл отдельных упоминаемых в статьях непонятных слов и событий, источники цитат и другие неясные места текста. Описание рукописей содержит иногда и описание первопечатного текста. В единичных случаях за описанием рукописей теоретико-публицистических произведений следует и специальный текстологический комментарий, обосновывающий правильность избранного для публикации текста. Все это в целом занимает в издании значительное место.

Переходя к характеру и научному уровню комментариев, следует отметить, что многие из них по содержанию вполне удовлетворительны. Хотя они и не носят, как это принято в издании, прямого историко-литературного или литературоведческого характера, они все же содержат некоторые ценные сведения, выходящие за рамки внешней «истории писания». В качестве примера обстоятельного, насыщенного содержанием комментария можно привести статью Н. К. Гудзия к знаменитой работе Толстого «Одумайтесь!». Прослеживая историю создания статьи, автор комментария убедительно показал, как реальная жизнь заставила писателя изменить его творческие замыслы и откликнуться на ее актуальные запросы. Толстой в это время первоначально задумал трактат о значении религии (впоследствии он был завершен под заголовком «Единое на потребу»),

но начавшаяся русско-японская война властно потребовала от писателя отклика, и он отложил свой религиозный трактат ради создания политически острой и актуальной антивоенной статьи.

Автор комментария не ставил своей целью раскрыть воззрения Толстого на войну — это выходило за рамки принятого в издании типа комментариев. Он скрупулезно, шаг за шагом восстановил историю создания и печатания этой статьи. Но наряду с этим он показал, как сильна была связь Толстого с народом, какую большую роль эта статья сыграла в годы русско-японской войны.

Примером краткого, но содержательного комментария может служить небольшая заметка Н. Н. Гусева к статье «Царю и его помощникам» (т. 34, с. 572—574). Статья была написана Толстым весной 1901 г. в связи со студенческими волнениями в России и по поводу отдачи в солдаты 183 студентов Киевского университета «за учинение скопом беспорядков», как было сказано в специальном сообщении Министерства народного просвещения. Этот факт всколыхнул всю страну и вызвал резкие протесты в среде рабочих и демократической интеллигенции. В. И. Ленин посвятил этому событию специальную статью «Отдача в солдаты 183-х студентов» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 388—393), в которой расценил произвол царизма как вызов общественному мнению России. Все эти факты нашли правильное отражение в комментарии. К месту рассказано в нем и о том, как Толстой в эти годы реагировал на другие аналогичные акты произвола царизма,— он послал приветственный адрес «Союзу писателей», закрытому за протест против избиения демонстрантов полицией и казаками, направил сочувственное письмо князю Л. Д. Вяземскому в

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «ХОЛСТОМЕР»
Акварель Г. К. Савицкого, 1947 г.
Музей Толстого, Москва

связи с попыткой последнего остановить это избиение и др. Таким образом, комментарий содержит в сжатом виде творческую историю статьи, раскрытую в тесной связи с породившей ее эпохой.

Богаты фактическим материалом и комментарии Н. В. Горбачева к трактату «Царство божие внутри вас» (т. 28), В. С. Мишина к трактату «Что такое искусство?» (т. 30), Е. С. Серебровской к «Рабству нашего времени» (т. 34), В. С. Спиридонова к статье «Не могу молчать» (т. 37). Общее достоинство их состоит в скрупулезном, научно документированном установлении истории писания и печатания произведений. Но вместе с тем этим комментариям не хватает широты в трактовке понятия «творческая история», глубины в раскрытии и истолковании социального смысла статей Толстого. На всех них сказались пороки, предопределенные самим *типом* принятого в издании комментария.

Смысл того, что в качестве *основного типа комментариев* в Юбилейном издании была в свое время избрана так называемая «история писания и печатания», заключался, по-видимому, в том, чтобы удержать комментаторов в рамках строгой документации и не допускать произвола субъективных суждений о писателе и его творениях. Однако творческая история произведения, особенно публицистического, не может быть сведена к внешней канве авторской работы. Как правило, статья, памфлет, воззвание — это боевой отклик автора на важное явление или событие общественной жизни, акт прямого вмешательства в нее. Без раскрытия и правильной трактовки самого события, явления, без их осмысления в свете всей социально-политической обстановки и в свете воззрений писателя нельзя понять ни замысла автора, ни его воплощения. Подобно этому и печатание публицистического произведения — не просто внешний факт истории произведения, а всегда эпизод *идейной борьбы*, занимающей известное место в истории общественных отношений эпохи. Особенно это относится к публицистике Толстого, вокруг которой всегда кипели острые политические страсти и самая ожесточенная классовая борьба.

Если под этим углом зрения просмотреть комментарии к публицистическим произведениям Толстого, то мы увидим, что многие из них академичны не в лучшем смысле этого слова.

На один из крайних примеров объективистских тенденций в справочном аппарате издания указал в свое время Б. С. Рюриков, касаясь редакторских пояснений к статье Толстого «О „Вехах“» (т. 38). «Явления общественной жизни,— приходил к выводу Рюриков,— нередко освещались в комментариях с позиций, чуждых ленинизму» («Культура и жизнь», 1948, № 2, от 21 января). Это замечание может быть отнесено и к некоторым другим комментариям, сопровождающим публицистические произведения Толстого. Нельзя не отметить в этой связи, что ни в одной из статей и заметок, сопровождающих публицистику Толстого периода первой русской революции, ни разу не упоминаются статьи Ленина о Толстом, в том числе и статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Статьи Ленина не упоминаются и в комментариях к статьям «Рабство нашего времени» и «Ответ на определение Синода», хотя о каждой из этих статей у Ленина имеется прямое суждение. Подобно этому, в комментариях ко многим статьям Толстого отсутствуют даже упоминания о статьях Г. В. Плеханова, В. В. Воровского, Розы Люксембург и других марксистов, где комментируемые статьи Толстого специально анализируются (например, в статьях Плеханова «Смешение представлений» и «Карл Маркс и Лев Толстой» анализируются статья «Не могу молчать» и другие произведения Толстого).

Принятый тип комментариев позволял иногда их авторам ограничивать пояснения к произведениям Толстого рамками внешней описательности, фактографией узко-биографического ряда. Чтобы показать это, остановимся на двух статьях-комментариях.

Общеизвестно, что статья Толстого «Прогресс и определение образования» (1861) выходит далеко за пределы педагогической проблематики. По существу, Толстой этой статьей включился в кипевшую тогда острую борьбу между так называемыми «прогрессистами», т. е. дворянскими либералами буржуазного толка, консерваторами-охранителями, с одной стороны, и революционными демократами — с другой, по актуальному вопросу — о путях развития России, об отношении к капиталистическому «прогрессу». Именно так статья и была воспринята тогдашней критикой и именно поэтому она вызвала нападки на Толстого в либеральной печати. В комментариях же В. Ф. Саводника к этой статье мы найдем детальное изложение истории знакомства Толстого с его оппонентом — либералом Е. Л. Марковым, найдем подробнейший биографический очерк Маркова, получим детальные сведения (по дням) о ходе работы над статьей, но не найдем ни суждения В. И. Ленина об этой статье, ни ответа на главные вопросы — чем (в широком плане) была вызвана эта статья, какие проблемы в ней поставлены, какую роль она сыграла в современной ей идейно-политической борьбе. Комментарий обеднил наше представление о статье, сузил, а не раскрыл ее актуальное значение.

В другом случае — в комментариях Б. М. Эйхенбаума к статье Толстого «О Гоголе» (т. 38) — мелочная фактография привела к неправильному истолкованию отношения Толстого к Белинскому. Процитировав одну из дневниковых записей с резким отзывом о Белинском, комментатор не упомянул, что в других дневниках Толстого содержатся и иные суждения, в которых Толстой воздает должное великому критику-демократу*.

Следует с удовлетворением отметить, что появившиеся в томах последнего периода издания вступительные статьи, в известной мере восполнили пробел комментариев и в ряде случаев дали правильную оценку публицистическому наследию Толстого. Но при этом сам характер комментариев остался почти таким же. Свойственные многим из них фактографичность, узкое представление о творческом процессе, неумение показать работу писателя в органической связи с его временем обеднили наше представление о творческой истории многих его теоретико-публицистических произведений.

Описания рукописей, как они даны ко многим теоретико-публицистическим произведениям, существенно обогащают историю их создания, а иногда и раскрывают их ранее не известные грани. Во всех случаях они показывают, сколь строгим и взыскательным было отношение Толстого к его статьям и трактатам.

Выше мы уже указали, что разбор и описание рукописей многих статей Толстого можно расценить как научный подвиг многих исследователей. Но тут же, к сожалению, следует оговорить, что плоды этой огромной работы воплощены в Юбилейном издании далеко не в полной мере.

Недостатки в этой части комментариев определены, на наш взгляд, двумя причинами: а) некоторым пренебрежением к описаниям рукописей, проявленным в поздних томах собрания сочинений; б) торопливой и небрежной работой отдельных комментаторов. Впрочем, последнее было, вероятно, прямым следствием недооценки редакцией этого вида комментариев в послевоенных томах Юбилейного издания.

Чтобы наглядно убедиться в том, как на позднем этапе издания изменилось отношение редакции к описаниям рукописей как к одному из видов комментария, следует сравнить некоторые из последних томов с довоенными томами. Разительная перемена! Если в ранних томах описания

---

* Впоследствии Б. М. Эйхенбаум изменил свою трактовку этой темы. См. его статью «Наследие Белинского и Лев Толстой (1857—1858)».— «Вопросы литературы», 1961, № 6, стр. 124—148.

рукописей даны полно, аргументированно и действительно иллюстрируют историю создания произведений (см., например, описание рукописей трактата «Так что же нам делать?»), то в последних томах они в ряде случаев выглядят опиской, не дающей никакого представления о рукописях И действительно, можно ли считать описанием рукописей ту, к примеру, небольшую заметку, которая сопровождает комментарии к «Рабству нашего времени»? Черновой материал этой статьи Толстого насчитывает 144 рукописи общим объемом в 1889 листов и 20 корректурных гранок. А их описание (т. 34, с. 566) занимает... 56 строчек!

Еще менее можно назвать научным описанием рукописей ту невразумительную заметку, которая венчает комментарий к статье «О Шекспире и о драме» (т. 35), или куцые строки, посвященные рукописям, которые содержатся в комментариях к статьям «Царю и его помощникам», «Единственное средство» (т. 34), «Религия и нравственность», «Христианство и патриотизм», «Богу или Мамоне», «Послесловие к статье П. И. Бирюкова „Гонение на христиан в России в 1895 г."» (т. 39) и многим другим. Следует признать, что в последних (по времени издания) томах Юбилейного издания описания рукописей были фактически сведены на нет.

В некоторых из поздних томов (тт. 30, 35 и др.) описания рукописей даны обстоятельнее, полнее, однако (и здесь уже вина самих комментаторов) не лишены текстологических «огрехов», т. е. суммарных описаний, за которыми скрываются не до конца разобранные рукописи, приблизительное представление о них. Таковы, например, многие «огрехи» в описании рукописей трактата «Что такое искусство?». Здесь под некоторыми номерами (13, 17—19 и др.) скрывается неразобранный «рукописный материал», лишь приблизительно отнесенный к той или иной стадии авторской работы.

Этот сакраментальный «рукописный материал» фигурирует и в комментариях к статье «О Шекспире и о драме» и в других описаниях рукописей.

Подведем итоги сказанному.

Юбилейное издание является первым и единственным в мире собранием сочинений Толстого, в котором полностью — без всяких изъятий — собрано и опубликовано его теоретико-публицистическое наследие. Проведена огромная работа по очищению большинства его статей и трактатов от цензурных и других искажений, по установлению их окончательного текста. Благодаря этому творческий путь писателя, его философские, общественно-политические и литературно-эстетические воззрения, его многообразная общественная деятельность впервые предстали перед читателем в полном, неискаженном виде.

Подавляющее большинство включенных в издание теоретико-публицистических произведений подготовлено и опубликовано на высоком научном уровне. С точки зрения полноты и точности текста они являются единственным авторитетным источником для последующих изданий.

Опубликованные наряду с основным текстом черновые варианты многих произведений существенно важны для изучения как истории создания этих произведений, так и всего творческого пути Толстого, а также его методов писательского труда. Лучшему ознакомлению с публицистическим наследием художника содействует и богатый справочно-комментаторский аппарат издания, являющийся в значительной части результатом плодотворной работы советских ученых. В целом теоретико-публицистическая часть издания, как и ее художественная часть, является серьезным достижением советской науки о Толстом.

Вместе с тем при публикации теоретико-публицистических произведений и комментариев к ним в Юбилейном издании допущены серьезные промахи, которые должны быть устранены при последующих изданиях.

А. Шифман

ДНЕВНИКИ

Дневники Толстого составляют очень своеобразную по форме и чрезвычайно важную по содержанию часть его литературного наследия.

Первая запись в дневнике была сделана Толстым 17 марта 1847 г., еще в бытность его студентом Казанского университета; последняя — за четыре дня до кончины—3 ноября 1910 г. Таким образом, дневники Толстого обнимают огромный период времени в шестьдесят четыре года, начинаясь в крепостную эпоху и заканчиваясь за семь лет до Октябрьской революции.

1

Впервые выдержки из дневников и записных книжек Толстого появились в первом и втором томах «Биографии Льва Николаевича Толстого», составленной П. И. Бирюковым, вышедших в 1906 и 1908 гг. (М., изд. «Посредник»).

В 1916 г. в Москве вышел том «Дневников Льва Николаевича Толстого», под редакцией Черткова, содержавший дневники за 1895—1899 гг. Текст дневников был напечатан по копии, полученной от Н. Л. Оболенского, причем в текстах Толстого были произведены многочисленные цензурные купюры. Были исключены также некоторые суждения Толстого о лицах, еще здравствовавших в то время. В 1917 г. в Москве был выпущен том «Дневников молодости Льва Николаевича Толстого», под редакцией Черткова, содержавший дневники за 1847—1852 гг. Текст дневников был опубликован по копии, полученной от С. А. Толстой. В 1917 г. под редакцией Черткова был приготовлен к печати том дневников Толстого за 1900—1903 гг. по копии, полученной от Н. Л. Оболенского. Книга была набрана в типографии И. Д. Сытина, но вследствие революционных событий 1917—1918 гг. в свет не вышла. В 1923 г. появился немецкий перевод этого тома дневников под названием: «Leo T o l s t o j. Tagebuch. Zweiter Band. 1900—1903. Autorisierte vollständige Ausgabe von Ludwig Berndl». Verlegt bei Eugen Diederichs, Jena.

Выборки из дневника Толстого с 22 января 1902 г. по 30 ноября 1903 г. были напечатаны в журнале «Летопись», 1916, № 12, откуда были перепечатаны некоторыми другими журналами.

Большое количество афоризмов, взятых из дневников Толстого разных лет (без указания дат), появилось в сборнике «Спелые колосья» (вып. 1—4, изд. М. Элпидина. Женева, 1894—1896).

Отдельные выписки из дневников Толстого разных лет были напечатаны в работах: В. Г. Ч е р т к о в. Уход Толстого. М., 1922; П. И. Б и р ю к о в. Биография Льва Николаевича Толстого, тт. III и IV. М., 1923; Н. Н. Г у с е в. Толстой в молодости. М., 1926; е г о ж е. Толстой в расцвете художественного гения. М., 1927; В. А. Ж д а н о в. Любовь в жизни Льва Толстого, вып. 1—2. М., 1928; М. В. М у р а т о в. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М., 1934, а также в комментариях ко многим томам Юбилейного издания.

* * *

В Юбилейном издании дневники Толстого занимают тринадцать томов (с 46 по 58).

Отношение Толстого к дневникам молодых лет (до женитьбы) менялось на протяжении его долгой жизни.

В конце апреля 1859 г. Толстой, вспоминая кавказский период своей жизни, писал А. А. Толстой: «Я был одинок и несчастлив, живя на Кавказе. Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записки того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог

понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда. Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда ни прежде, ни после я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал *туда* как в это время, продолжавшееся два года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением» (т. 60, с. 293).

Впоследствии Толстой проводил резкую черту между дневниками своей молодости (до женитьбы) и дневниками последующих лет. 27 марта 1895 г. он записывает в дневнике ряд завещательных распоряжений о том, как поступить с его бумагами в случае его смерти и, между прочим, пишет: «Дневники моей прежней холостой жизни, выбрав из них то, что стóит того, я прошу уничтожить ⟨...⟩ Дневники моей холостой жизни я прошу уничтожить не потому, что я хотел бы скрыть от людей свою дурную жизнь: жизнь моя была обычная дрянная, с мирской точки зрения, жизнь беспринципных молодых людей,— но потому, что эти дневники, в которых я записывал только то, что мучило меня сознанием греха, производят ложно одностороннее впечатление и представляют.....» Толстой не дописывает фразы, ставит пять точек и далее продолжает: «А впрочем, пускай остаются мои дневники, как они есть. Из них видно по крайней мере то, что, несмотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, я все-таки не был оставлен богом» (т. 53, с. 15).

В 1903 г. П. И. Бирюков начал писать биографию Толстого и просил предоставить ему доступ к дневникам молодых лет. Толстой, очень любивший Бирюкова и вполне ему доверявший, согласился на его просьбу. Он захотел сам перечитать дневники своей холостой жизни, а переписку их поручил своему сыну, Михаилу Львовичу. 4 июня 1903 г. Толстой записывает в дневнике: «Вчера дал Мише переписать мои дневники для Поши ⟨П. И. Бирюкова⟩. Там много для меня интересного» (т. 54, с. 177). А самому Бирюкову Толстой писал 27 ноября того же года: «Дневники мои я не даю кому попало переписывать, потому что они слишком ужасны по своей мерзости. Но зато *особенно интересны*, и я сообщу их вам. Среди бездны грязи там есть признаки стремления на чистый воздух. Я непременно сообщу их вам» (т. 74, с. 239.— Курсив мой.— *Н. Г.*).

Нечего и говорить о преувеличении Толстого в этих строках, характеризующих дневники его молодых лет как содержащих «бездну грязи» (хотя и с попытками выйти «на чистый воздух»). Дневники молодых лет Толстого напечатаны в Юбилейном издании с пропуском очень небольшого количества мест, да и те доступны исследователям жизни и творчества Толстого.

2

Переходим к обзору по томам всей серии дневников Юбилейного издания.

Том 46 Юбилейного издания, открывающий серию дневников, включает дневники и автобиографические записи Толстого с 17 марта 1847 г. по 18 февраля 1854 г. Дневник был начат в клинике Казанского университета, где Толстой находился на лечении. Имея много свободного времени, Толстой в клинике не только почти ежедневно писал дневник, но и включил в него свой разбор «Наказа комиссии по составлению нового уложения» Екатерины II. Разбор этот, о котором Толстой впоследствии вспоминал с чувством удовлетворения, поражает смелостью мысли молодого студента, решительно отрицающего монархический образ правления.

По выходе из клиники Толстой некоторое время продолжает дневник, ведет его также в течение трех дней в июне 1847 г. в Ясной Поляне и возобновляет только через три года 14 июня 1850 г. Но и на этот раз писание дневника прекращается через шесть дней, и только с 8 декабря 1850 г. по

1 апреля в Москве и с 2 по 19 апреля 1851 г. в Ясной Поляне дневник ведется регулярно. Содержание московского дневника сначала сводится к записям о встречах с знакомыми, но с марта 1851 г. в дневнике появляется также отчет самому себе за каждый прожитый день «с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться», и записи о литературных занятиях.

С переездом на Кавказ 30 мая 1851 г. дневник Толстого получает иной характер. Писание дневника становится для него необходимостью; он заносит в дневник все свои самые задушевные, самые дорогие для него мысли и чувства, все свои продолжительные размышления о самых важных вопросах человеческой жизни.

Редактор т. 46 А. С. Петровский приложил все усилия в тому, чтобы воспроизвести со всей возможной точностью тексты первых дневников Толстого, написанных неразборчивым, трудным почерком, иногда карандашом; в некоторых местах чернила от времени выцвели. Редактор выправляет ошибки «Дневника молодости Л. Н. Толстого», изданного Чертковым в 1917 г. по копии, полученной от С. А. Толстой. Одна из ошибок, попавших в это издание и исправленных А. С. Петровским, носит комический характер. Запись Толстого от 25 августа 1852 г. напечатана в «Дневнике молодости Л. Н. Толстого» в таком виде: «Надо работать умственно. Я знаю, что *бабы* счастливее, не зная этой работы» (стр. 151) *. В т. 46 та же запись напечатана в правильном чтении: «Надо работать умственно. Я знаю, что *б⟨ыл⟩ бы* счастливее» и т. д. (с. 140).

Но и у самого А. С. Петровского попадаются иногда (правда, в очень редких случаях) неверные прочтения толстовских текстов. Так, в т. 46 запись Толстого от 7 апреля 1847 г. воспроизведена следующим образом: «...отыграть потерянное Лиле в шахматы» (с. 29). В комментариях редактор к этой записи делает примечание: «Личность этой партнерши Толстого не удалось установить. Может быть, это Елизавета Модестовна Молоствова, сестра Зинаиды Модестовны» (с. 321). Но запись Толстого была прочтена А. С. Петровским неправильно: Толстой решил «отыграть потерянное» в шахматы не «Лиле», а «Ламе». С бурятским ламой Толстой встретился в клинике Казанского университета, о чем он много лет спустя рассказывал П. И. Бирюкову. Лама был ранен напавшими на него на улице грабителями. «Когда Толстой стал его расспрашивать, он, к своему удивлению, узнал, что лама как буддист не защищался против разбойников, но, произнося молитвы и закрыв глаза, ожидал смерти. Этот случай произвел сильное впечатление на юную душу Толстого и вызвал в нем уважение к восточной мудрости» («Tolstoi und der Orient» von Paul Birükoff. Zürich und Leipzig, Rothapfel-Verlag, s. a., S. 10—11).

В т. 46 дневниковая запись Толстого от 18 января 1851 г. опубликована в таком виде: «Писать историю м⟨оего⟩ д⟨етства⟩» (с. 45). Такого же чтения этой записи еще до выхода в свет т. 46 (он появился в 1934 г.) придерживались М. А. Цявловский, В. И. Срезневский, Н. Н. Гусев. Но такая расшифровка записи Толстого никак не может быть принята, так как известно, что под названием «История моего детства» была напечатана в «Современнике» первая повесть Толстого, им самим озаглавленная «Детство», и Толстой в письме на имя редактора «Современника» решительно протестовал против такого изменения заглавия его повести, восклицая: «Кому какое дело до истории *моего* детства?» (т. 59, с. 211).

Но так ли бесспорно установившееся среди толстоведов чтение данной дневниковой записи Толстого: «писать историю м. д.»? Против того, что Толстым были написаны буквы «м» и «д» как начальные буквы каких-то слов, говорит то, что между этими двумя буквами в автографе не

* Во всех примерах неверных чтений текста Толстого курсив мой.— *Н. Г.*

поставлены точки, указывающие на сокращения слов, между тем как Толстой при сокращении всегда ставил точку вместо недописанной части слова. Более вероятным является такое чтение записи Толстого, при котором после слова «историю» им были написаны не первые буквы двух отдельных слов, а целиком одно слово в три буквы. Слово это — «дня». Буквы «н» и размашисто написанное «я» ясно выступают в данной записи, а первая буква «д» написана сухим пером, и виден только овал этой буквы, а верхний штрих остался необозначенным. Итак, получается — «писать историю дня». Что может означать эта запись? «Детство» как в первой, так и окончательной его редакции начинается с описания одного дня из жизни мальчика, причем в обеих редакциях описание это датировано: в первой редакции — 12 августа 1833 г. (т. 1, с. 108), в окончательной — 12 августа 18... г. И в дневниковых записях, и в черновых рукописях «Детства» Толстой не один раз упоминает о «первом дне» и «втором дне» как определенных частях повести (запись 2 апреля 1852 г.: «Второй день очень плох»; 6 апреля: «Дописал первый день»; 7 апреля: «Завтра примусь за второй день» и т. д.).

Таким образом дневниковую запись Толстого от 18 января 1851 г., прочитанную как «писать историю дня», следует считать первым упоминанием Толстого о замысле «Детства». Запись эта не может относиться к «Истории вчерашнего дня», так как о замысле этого очерка говорит запись Толстого от 24 марта 1851 г.: «Написать нынешний день со всеми впечатлениями и мыслями, которые он породит» (с. 55). Работа над очерком была начата 26 марта и продолжалась до 1 апреля (с. 56—57).

В записи от 4 сентября 1851 г. читаем: «... я остаюсь все тем же, в несколько дней я успел переделать все то, чего не оправдываю» (с. 87). Далее следует перечисление всех тех поступков, которые Толстой «успел переделать» в течение нескольких дней и которые он «не оправдывает». Редактор для чего-то перед глаголом «успел» вставил в редакторских скобках отрицание «не», вследствие чего вся фраза получила странный и враждебный Толстому смысл. Оказывается, Толстой упрекал себя не за то, что он наделал разных дел, которые он считал дурными, а за то, что он «не успел» сделать всех тех дурных дел, которые он перечисляет. Трудно нам представить себе хотя бы и молодого Толстого, кающегося подобным образом!..

Комментарии к молодым дневникам Толстого представляют большие трудности как по отдаленности эпохи, так и по большому количеству упоминаемых в них неизвестных лиц. С трудностями этими редактор справился вполне успешно. Можно сделать лишь несколько замечаний относительно отсутствия комментариев в одних случаях и не совсем точных комментариев — в других.

Под 28 февраля 1851 г. находим такую запись: «Мучило меня долго то, что нет у меня ни одной задушевной мысли или чувства, которое бы обусловливало все направление жизни — все *так*, как придется» (т. 46, с. 45—46). Следовало бы указать, что эта запись по смыслу очень близка к следующему месту из зачеркнутого предисловия к первой редакции «Детства», написанного в форме письма к другу: «Интересно было мне просмотреть свое развитие, главное же хотелось мне найти в отпечатке своей жизни одно какое-нибудь начало — стремление, которое бы руководило меня, и вообразите, ничего не нашел ровно» (т. 1, с. 103).

Близость этих двух цитат указывает на то, что первая редакция «Детства» была начата вскоре после 28 февраля 1851 г.

12 марта 1851 г. в дневнике в числе занятий на следующий день указано: «писать». Это же задание повторено 13, 14, 15, 17, 19, 20 («перечитывать свое писание и писать»), 21, 22, 23 марта. 21 марта в дневнике записано: «Утром ⟨...⟩ писал мало, был не в духе и боялся поправить» (т. 46, с. 50—

53). Все эти записи оставлены редактором без всяких комментариев. А записи эти важны, несомненно, в них Толстой отмечал свою работу над первой редакцией «Детства».

8 июня 1851 г., вспоминая неделю, проведенную им в Казани перед отъездом на Кавказ, и свое увлечение З. М. Молоствовой, Толстой заканчивает запись словами: «С милым рай и в шалаше, и это правда, правда, сто раз правда» (т. 46, с. 80). «С милым рай и в шалаше»,— это строка из «Русской песни» казанского поэта Н. М. Ибрагимова, начальные стихи которой таковы: «Вечерком красна девица/ На прудок за стадом шла...» Далее эта девица обращается ко всем богачам с такими словами:

Не ищи меня, богатый,
Ты не мил моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше.

Эта песня появилась впервые в «Трудах Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете» в 1815 г. и с тех пор перепечатывалась неоднократно (в том числе в составленном И. Н. Розановым сборнике «Русские песни XIX века». М., 1944). Песня пользовалась большой популярностью в провинции до конца прошлого века. Конечно, и Толстой слышал ее в Казани перед отъездом на Кавказ, и, оказывается, воспринимал ее не как лирическое стихотворение сентиментального направления, а как реальное изображение действительности. Все это надо бы отметить в комментариях.

25 августа 1851 г. Толстой записывает в дневнике о своем намерении на другой день ехать в один из аулов, чтобы там охотиться и «возиться с татарами». Надо бы указать, что татар не было в станице Старогладковской, где жил Толстой, и в ее окрестностях, но местное население называло татарами всех мусульман, в том числе и чеченцев, населявших аулы. В рассказе «Набег» чеченцы неоднократно называются татарами («татары расскакались в разные стороны», «разъезжали татары», «три татарских тела» и т. д.).

7 марта 1851 г. Толстой записывает занятия на следующий день: «Гимнастика, обед, роман, гости и дневник» (с. 48). К слову «роман» редактор делает пояснение: «Роман — вероятно „История моего детства“» (с. 337). Это объяснение неправдоподобно (не говоря уже о том, что название «История моего детства» не принадлежало Толстому и, как сказано выше, вызвало его резкий протест). Вряд ли тогда была уже начата первая редакция «Детства», которую Толстой к тому же и не мог назвать романом. Время для писания «романа» между обедом и гостями — самое неподходящее. По-видимому, запись говорит не о писании, а о чтении романа. Роман, который Толстой намечал прочесть, это, вероятно, «Семейство Холмских» Д. Н. Бегичева, оказавшее на Толстого, по его словам, некоторое «влияние» (см. письмо Толстого к М. М. Ледерле от 25 октября 1891 г., черновая редакция — т. 66, с. 70). В пользу такого предположения говорит и то, что в тот же день 7 марта Толстой был у своего приятеля Н. С. Бегичева, племянника писателя, от которого и мог получить книгу его дяди; и то, что на другой день после данной записи, 8 марта, Толстой заносит в дневник задание: «Составить журнал для слабостей (Франклиновский)», — а в «Семействе Холмских» несколько страниц посвящены рассуждениям о пользе «Франклиновского журнала», о котором Толстой, очевидно, и узнал впервые из этого романа.

По поводу упоминания в дневнике Толстого о В. А. Соллогубе редактор сообщает: «В группе писателей, снятой в 50-х годах вместе с Толстым, находится среди других и гр. В. А. Соллогуб» (с. 331). В действительности такой группы, где бы Толстой был снят вместе с Соллогубом,

не существует. В 1856 г., по инициативе Толстого, снялись группой писатели, близкие к «Современнику»: Гончаров, Тургенев, Дружинин, Островский, Григорович и Толстой; Соллогуба в этой группе нет.

Комментируя запись Толстого от 16 апреля 1852 г.: «читал ⟨...⟩ предание о Петре Великом», редактор пишет: «Книги или статьи с таким названием не существует» (с. 385). Но редактор не там, где нужно, разыскивал «книгу с таким названием»: ее нужно было искать среди лубочных изданий. В 1849 г. в Москве была издана лубочная книжка «Предание о том, как солдат спас Петра Великого от смерти», позднее перепечатывавшаяся неоднократно.

3

Следующий том Юбилейного издания, 47, содержит дневники Толстого с 14 марта 1854 г. по 31 декабря 1857 г. За эти четыре года в жизни Толстого произошли большие перемены: служба в Дунайской армии и затем в Севастополе, приезд в Петербург и знакомство с писателями, жизнь в Москве и в Ясной Поляне, первое заграничное путешествие. С 1855 г. Толстой начинает вести записные книжки, и начиная с т. 47 в каждом томе дневников Толстого печатаются также и его записные книжки.

Число лиц, упоминаемых в данном томе, огромно, и редакторам тома — В. И. Срезневскому, М. А. Цявловскому и В. Ф. Саводнику — пришлось употреблять много усилий для того, чтобы хотя кратким образом прокомментировать каждое лицо. И их усилия увенчались успехом: число невыясненных лиц в данном томе очень невелико.

Невелико и количество редакторских погрешностей в этом томе. Начну с указаний неправильных чтений отдельных мест толстовского текста.

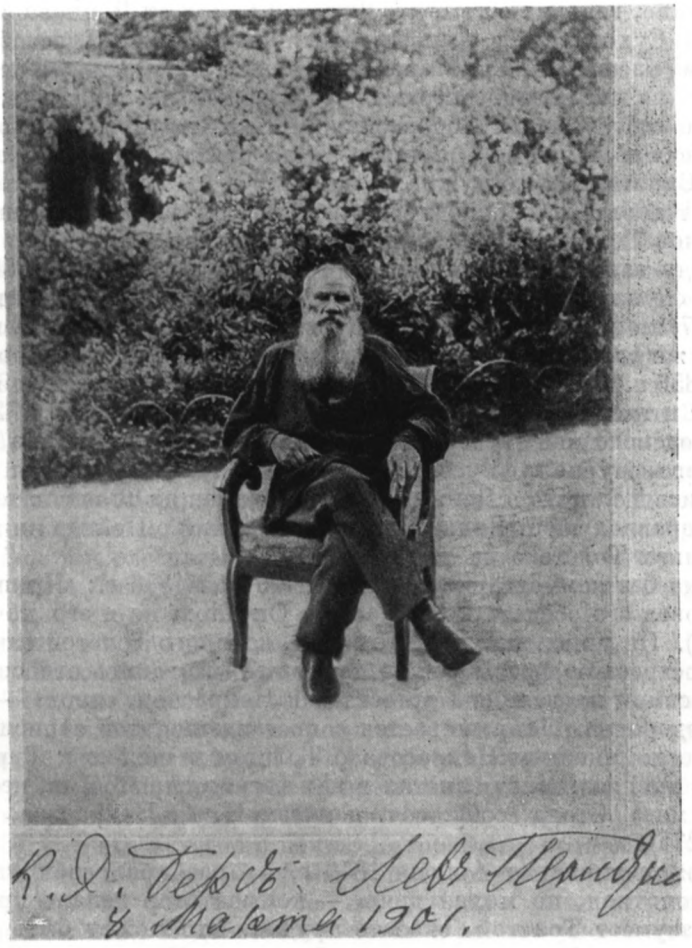
В записи от 15 июня 1854 г., сделанной Толстым в Дунайской армии, читаем: «...положение мое в кругу товарищей и *начальство* хорошо» (с. 4). Должно быть: «в кругу товарищей и *начальства*».

Запись Толстого от 23 ноября 1854 г. начинается словами: «16 я выехал из Севастополя на позицию» (с. 31). В автографе: «15 я выехал» и т. д. Суждение Толстого о положении русского войска, изложенное в записи того же числа, напечатано в таком виде: «У нас бессмысленные ученья о носках и хватках, бесполезное оружие, забитость, старость, необразование, дурное содержание и пища убивают *вним⟨ание⟩*, последнюю искру гордости и даже дают *им* слишком высокое понятие о враге» (с. 31). Подчеркнутые слова вносят бессмыслицу в совершенно ясное и значительное по своему содержанию суждение Толстого. Бессмыслица произошла от неверного прочтения автографа: вместо «внимание» нужно читать: «в нем» (т. е. в русском солдате), вместо «им» — «ему».

В записи от 9—10 января 1856 г., сделанной в Орле, куда Толстой ездил навестить умирающего брата Дмитрия, сказано, что за братом ухаживали «Маша и Т. Л.» (с. 65), причем в комментариях (с. 301) редактор оговаривается: «Кто скрыт под инициалами Т. Л., сказать не можем». Эта оговорка станет излишней, если правильно прочесть поставленные Толстым инициалы — не «Т. Л.», а «Т. А.»; станет ясно, что здесь идет речь о «тетеньке» Толстого Т. А. Ергольской.

В записи Толстого от 11 ноября 1856 г. отмечено: «Прочел рецензию на О. в А. и М.» (с. 99). Относительно этой записи редактор в комментариях (с. 373) сообщает: «Расшифровать эту запись не можем». Запись легко расшифровывается, если ее прочесть правильно: «...рецензию на С. в А. и М.», что будет означать: «рецензию на Севастополь в августе и Метель». Толстой имел в виду анонимную статью об этих его рассказах, напечатанную в № 11 «Отечественных записок» 1856 г. и написанную, вероятно, С. С. Дудышкиным.

Запись Толстого в записной книжке, сделанная в начале января 1857 г., воспроизведена таким образом: «К П⟨овести?⟩ Ю⟨ность⟩. Он не знает почему, но жизнь в условиях невозможна. Ему необходимо вдохновенье. Его благодетель добрый поэтический эгоист» (с. 201). Из содержания записи совершенно ясно, что она относится не к «Юности», а к рассказу «Альберт». Написанные Толстым начальные буквы двух слов должны



ТОЛСТОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Фотография 1900 г. с дарственной надписью: «К. А. Берс. Лев Толстой. 8 марта 1901»

Литературный музей, Москва

быть прочитаны по другому: «К Г. Ю.», что означает: «К Гениальному Юродивому». «Гениальным юродивым» Толстой назвал скрипача Кизеветтера, послужившего прототипом Альберта, в дневниковой записи от 8 января 1857 г. (с. 110).

«Вечер ⟨...⟩ ездил кататься», — записал Толстой 31 мая 1855 г. (с. 44). Редактор исправляет «вечер» на «вечером», ставя недостающие, по его мнению, буквы в редакторские скобки. Но «вечер» вместо «вечером» — это не описка Толстого, а свойственный ему оборот, который встречается и в других местах его дневников, в том числе в т. 51: «Вечер скучно было» (с. 16); «Вечер ездил верхом» (с. 31).

Н. Н. Страхов в одном из писем к С. А. Толстой писал, что слог Льва Николаевича так своеобразен, что, подготовляя к печати его сочинения, иногда бывает трудно решить, где поставить запятую. Это мнение Страхова припоминается, когда читаешь запись от 22 мая 1856 г. Здесь Толстой пишет, как от Аксаковых он вернулся к своему другу Д. А. Дьякову, «танцовал немного и выехал оттуда с Александром Сухотиным, страстно влюбленным человеком» (с. 74). Запятая, поставленная после упоминания об А. Сухотине, говорит о том, что Толстой уехал от Дьякова с «страстно влюбленным» Сухотиным, в то время как в этой записи Толстой «страстно влюбленным» называл не Сухотина, а себя самого. Это ясно из первых слов записи того же числа, где сказано, что Толстой не ожидал встретить у Дьякова его сестру А. А. Оболенскую,— «поэтому чувство, которое она возбудила во мне,— писал Толстой,— было ужасно сильно». Запятая после слова «Сухотиным» не нужна.

Отмечу теперь более существенные недочеты в комментариях к тексту дневников Толстого, опубликованных в т. 47.

По поводу записи в дневнике Толстого от 19 февраля 1856 г.: «Моя барыш‹ня› ‹нужно прочесть: барыня.— *Н. Г.*› Пейкер даровита чрезвычайно» (с. 67) комментатор замечает: «Кто такая Пейкер, сказать не можем» (с. 307). Та же оговорка («сказать не можем») повторена по поводу записи от 13 мая 1856 г. (с. 71 и 318—319): «Зашел к М. Г.». Обе записи относятся к одному и тому же лицу: это Мария Григорьевна Пейкер (1827—1881), жена вологодского вице-губернатора, с 1875 г. издательница «духовно-нравственного» журнала «Русский рабочий» в духе вероучения Пашкова. Первая запись Толстого о Пейкер содержит намек на то, что в то время он был к ней неравнодушен. Дальнейших упоминаний о Пейкер ни в письмах, ни в дневниках Толстого не встречается.

Оставлена без комментариев запись от 15 мая 1856 г.: «Пришел Королев ‹...› Повел его обедать к Некрасову. Он плох, но я его начинаю любить» (с. 72). Не пояснено, кто этот «он», которого Толстой начинает любить. По построению фразы можно подумать, что запись относится к Королеву; на самом же деле она относится к Некрасову, «плох» — в смысле состояния здоровья. Напрашивается сопоставление этой записи Толстого с теплым воспоминанием Некрасова о Толстом в письме к Тургеневу от 24 мая того же года: «...я заметил в нем весьма скрытое, но несомненное участие ко мне» (Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, т. X. М., 1952, стр. 275).

К записи дневника от 4 июня 1856 г.: «...разбирал свои старые тетради,— непонятная, но милая дичь»,— комментатор делает примечание: «Что тут разумеет Толстой, сказать трудно. Это может быть Дневник 1840-х годов или другие, не дошедшие до нас писания того времени» (с. 342). Естественнее всего предположить, что это были философские опыты, писавшиеся Толстым в Казани и опубликованные в т. 1 Юбилейного издания.

Фамилия женщины, бросившейся в 1872 г. под поезд на станции Ясенки, смерть которой навела Толстого на мысль о трагической развязке романа «Анна Каренина», не Зыкова, как сообщает комментатор (с. 364), а Пирогова (см. статью Н. П. Пузина «Кочаковский некрополь» в «Яснополянском сборнике 1955-го года». Тула, стр. 289).

Повесть Тургенева «Фауст», вопреки утверждению комментатора (с. 365), не посвящена ни сестре Толстого Марии Николаевне, ни какому-либо другому лицу.

Точно так же неверно сообщение комментатора (с. 381), будто бы Толстой и Полонский «не состояли в переписке». Переписка между ними существовала. Она сохранилась и напечатана (см. «Летописи Гос. Литературного музея», кн. 12. М., 1948, стр. 210—223).

В примечании о Каткове комментатор говорит, что «отойдя в 1858 г. от „Современника", Толстой сблизился с Катковым», а далее сообщает, что «Толстой общался с ним, с Катковым, почти исключительно на деловой почве» (с. 382). Так зачем же говорить о «сближении», которого не было? 14 ноября 1865 г. Толстой писал А. А. Толстой о своих отношениях с Катковым: «Между мной и им столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом» (т. 61, с. 115). Позднее, 22—23 марта 1877 г., по поводу жалоб Фета на редакцию «Русского вестника» Толстой писал ему: «Такой тупой и мертвой редакции нет другой» (т. 62, с. 315).

Касаясь записи Толстого от 27 декабря 1856 г.: «Утро Трузсон, Безобразов, Салтыков ⟨...⟩ вечер у Безобразова, хорошенькая Салтыкова»,— комментатор предполагает, что в этой записи говорится о действительном статском советнике С. С. Салтыкове (с. 393). Однако на основании того, что в записи упоминается экономист В. П. Безобразов, близкий друг и лицейский товарищ М. Е. Салтыкова-Щедрина, живший в Петербурге в одном с ним доме, а также на основании упоминания о «хорошенькой Салтыковой»,— более вероятно предположить, что в записи идет речь о знаменитом сатирике, а не о действительном статском советнике (см. об этом статью И. Т. Трофимова «К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина».— «Ученые записки Московского Гор. пед. института имени В. П. Потемкина», т. XCIV, 1959, стр. 323—330). Вторичное упоминание о Салтыкове в записи 25 октября 1857 г.: «Вечер у Салтыкова» — вызывает у комментатора то же ничем не подкрепленное предположение, что речь идет о С. С. Салтыкове, а не о М. Е. Салтыкове-Щедрине (с. 507). Но на этот раз предположение это уничтожается письмом Толстого к В. П. Боткину от 1 ноября 1857 г., в котором Толстой рассказывает, что недавно виделся с автором «Губернских очерков» и беседовал с ним о художественной литературе (т. 60, с. 234).

Рассказывая о встречах Толстого с Григоровичем, М. А. Цявловский приводит из «Воспоминаний» Григоровича его рассказ о том, что он познакомился с Толстым в Москве, когда Толстой еще носил военную форму (т. 47, с. 409). Но это, по-видимому, ошибка памяти Григоровича, так как о знакомстве с ним Толстой сообщал сестре в письме от 14 апреля 1856 г. из Петербурга: «С Григоровичем я познакомился здесь» (т. 61, с. 372).

Комментируя сделанную в Женеве запись Толстого от 29 апреля (11 мая) 1857 г. о его встрече с неким Петровым, с которым он беседовал о вере, М. А. Цявловский высказывает предположение, что это был профессор Московского университета по кафедре санскритского языка П. Я. Петров (с. 453). В действительности в записи упоминается настоятель русской церкви в Женеве А. Петров, с которым Толстой позднее вел переписку по вопросу о подыскании гувернантки к его племянницам.

Запись Толстого от 24 ноября 1857 г.: «дописал сон недурно» (с. 164) — комментатор (с. 514) относит к небольшому написанному Толстым стихотворению в прозе «Сон». Но такое понимание неверно. «Сон» был написан позднее; о нем говорит запись от 31 декабря 1857 г.: «Писал Николенькин сон» (с. 166). Здесь же говорится об описании сна Альберта в последней главе повести под этим заглавием.

Так как в то время, когда М. А. Цявловский писал комментарии к данному тому, письма Толстого и к Толстому еще не были достаточно разобраны и изучены, то в комментариях в ряде случаев названы несохранившимися письма, в действительности сохранившиеся в архиве Толстого и впоследствии опубликованные, в том числе две записки В. В. Арсеньевой к Толстому, письмо Некрасова к Толстому от 3 сентября 1856 г., три письма Толстого к В. В. Арсеньевой от 11, 20 и 27 ноября 1856 г., письмо

его к Т. А. Ергольской от 17 (29) мая 1857 г. и телеграмма Некрасову от 30 ноября 1857 г. (с. 360, 361, 373, 376, 380, 461, 517). Из всех этих материалов неопубликованными остаются только записки В. В. Арсеньевой.

Обращает на себя внимание в комментариях т. 47 так же, как в тт. 59 и 60, подготовленных к печати тем же редактором, иногда излишество сведений о лицах, не упоминаемых в дневнике Толстого, но являющихся родственниками упоминаемых лиц. Так, к короткой записи Толстого от 25 января 1857 г. («Бал у Нарышкиных») делается примечание не только о том, кто такие были Нарышкины — муж с женой, которые давали бал (это нужно), но и о том, какие у них были сыновья, на ком эти сыновья были женаты, как звали дочь Нарышкиных, кто и с какого года был ее первым мужем и кто вторым, с приведением хронологических дат о всех этих лицах (с. 406—407). Запись Толстого от 7 августа 1857 г. о встрече с Фонвизиным комментируется не только предположением о том, кто был этот Фонвизин, но еще и сведениями относительно того, на ком он был женат и с какого года; указан также и год рождения его жены (с. 491). Все эти сведения совершенно не нужны читателю.

4

Том 48 заключает в себе дневники и записные книжки Толстого с 1858 по 1880 г. То, что данный том включает дневники и записные книжки писателя за столь продолжительный период его жизни и творчества (двадцать три года), объясняется тем, что составляющие этот том дневниковые записи Толстого очень кратки и немногочисленны и, кроме того, Толстой совсем не вел дневника с 13 ноября 1865 г. по 4 ноября 1873 г. и затем с 29 декабря 1873 г. по 16 апреля 1878 г. Почти около ста страниц тома занято записями услышанных Толстым народных слов и выражений. Редактор тома А. С. Петровский в примечаниях к этим словам, выражениям и поговоркам указывает, какие из них Толстой ввел в свою драму «Власть тьмы», подтверждая тем слова Толстого, сказанные им парижскому профессору Полю Буайе: «Я ограбил свои записные книжки, чтобы написать „Власть тьмы“» (Paul B o y e r. Chez Tolstoi. Paris, 1950, стр. 43). Следовало бы указать также и то, что одно замечание какого-то рабочего или крестьянина, слышанное Толстым: «Работаем — никто не видит, а выпьем — всякий видит» (с. 230), Толстой использовал в «Воскресении» в разговоре Нехлюдова с рабочим в вагоне.

В публикации текстов дневников Толстого, входящих в данный том, встречаются некоторые погрешности.

16 января 1858 г. Толстой, гостивший у своей двоюродной тетки В. А. Волконской в ее имении Соголево и слушавший ее рассказы про старину, записывает в дневнике: «Вчера целый вечер рассказывала про бабушку и мать». В печатном тексте слова «бабушку и» пропущены (с. 4).

В записи от 9 мая 1858 г. напечатано: «*Ждем* напрасно» вместо «*Ждал* напрасно» (с. 15).

В записи от 16 (28) октября 1860 г. напечатано данное Толстым себе задание в следующем странном виде: «Дописать первую главу *с* обеда» вместо «*до* обеда» (с. 30).

В записи от 9 (21) апреля того же года характеристика немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха, которого Толстой посетил в Берлине, дана в словах: «Не *поет* отрицания» в то время, как должно быть: «Не *поэт* отрицания» (с. 35).

В записи от 31 августа 1862 г., где Толстой говорит о начатых им педагогических статьях, напечатано: «Крепко *идет* 3-ья и последняя»; должно быть не «идет», а «*сидит*» (с. 42).

В записи от 30 декабря 1862 г. читаем: «*Боязнь* ⟨?⟩ Тани — чувственность»; должно быть: «*Лаборд* Таня — чувственность» (с. 42). Здесь упоминается фамилия артистки итальянской оперы в Москве Розалии Лаборд; в семье Берсов прозвали младшую дочь Таню «мадам Лаборд» за ее прекрасный голос и любовь к пению.

В записи от 5 августа 1863 г. напечатано: «Не могу писать дальше о настоящем мучительном» (с. 56). Так и в автографе. Но Толстой тут же и начинает писать «о настоящем мучительном», так что в приведенной фразе должно быть не «не могу писать», а «не могу ⟨*не*⟩ писать».

В записи Толстого вместо: «Я не *дам* ей читать свой дневник» напечатано ошибочно: «Я не *дал* ей читать свой дневник» (с. 57).

Запись от 23 марта 1865 г.: «Мы говорим, что поняли жизнь животных» также напечатана ошибочно: «Мы говорили, что поняли жизнь животных» (с. 61).

В записи, сделанной на отдельном листе, напечатано: «Ночи *тайные* звездные», в то время как должно быть не «тайные», а «*темные*» (с. 346).

В записи, сделанной также на отдельном листке (строка 15), вместо «*род* сумасшествия» напечатано «*ради* сумасшествия» (с. 347).

В записи от 15 сентября 1862 г. редактором издательства по своему усмотрению без всякого указания на пропуск выпущено одно слово. Вспоминая вчерашний день, Толстой записывает, что он был у брата Сергея Николаевича, потом пошел к «стервам Тютчевым». Слово «стервам» выпущено (с. 45). Имел ли редактор основания выпускать это слово? Думаю, что не имел. Правда, Толстой сам в завещательном распоряжении, записанном в дневнике 27 марта 1895 г., просил, чтобы при опубликовании его дневников было выпущено «все то, обнародование чего могло бы быть неприятно кому-нибудь», и поручил Черткову произвести уничтожение этих мест (т. 53, с. 15). Но в молодых дневниках Толстого, писавшихся им для себя, без всякой мысли о том, что они когда-нибудь будут напечатаны, содержится много резких суждений о разных лицах, и все эти суждения опубликованы в вышедших томах его дневников, в том числе и в разбираемом томе. Так, 7 мая 1858 г. Толстой записывает: «Мортье свинья, сделал историю с письмами» (с. 3). Далее 8 мая того же года: «Киреева ⟨...⟩ необыкновенная и странная дура» (с. 15); 31 августа: «Два дурака — Плещеев и Якушкин — помешали» (с. 42) и пр.

Но замечание Толстого о дочерях Тютчева Екатерине Федоровне и Анне Федоровне, очевидно, показалось редактору издательства слишком резким и несправедливым, что, однако, не давало ему права его выпускать. Тем более, что редактор не дал себе труда попробовать выяснить по предыдущим записям дневника, какой же смысл имело это замечание, вырвавшееся из-под пера Толстого, что очень нетрудно было сделать.

28 августа 1862 г., в день своего рождения, Толстой записывает в дневнике: «Приятный вечер у Тютчевых» (с. 41). Но уже через три дня — 31 августа — читаем в дневнике иную запись: «К Тютчевым. Закорузлые синие чулки. Как мне на них гадко». И через несколько строк тут же: «Кохановская стерва, и все стервы, засохли в кринолине».

Толстой в то время переживал период самого сильного увлечения своей будущей женой, С. А. Берс. Запись от 31 августа начинается словами: «И утром то же сладкое чувство и полнота любовной жизни». И Толстому в то время были «гадки» не только девушки Тютчевы, но и все те «засохшие в кринолинах» женщины, которые, как ему казалось, были неспособны переживать «сладкое чувство и полноту любовной жизни». Таким образом,

резкое слово по отношению к Тютчевым, сорвавшееся у него с языка, получает совершенно невинный и, пожалуй, даже несколько наивный характер, вполне объяснимый тем возбужденным душевным состоянием, в котором находился тогда Толстой, через два дня после этого сделавший С. А. Берс письменное предложение.

Редактору совсем не следовало выпускать это слово, как не выпустил он то же слово, сказанное Толстым по адресу Кохановской (псевдоним писательницы-славянофилки Н. С. Соханской), а следовало напечатать и пояснить его смысл.

Комментарии к данному тому, как и к предыдущим томам дневников Толстого, представлявшие большие трудности, в общем следует признать весьма точными и обстоятельными, и можно указать в них лишь на небольшое количество фактических ошибок и неточностей.

11 апреля 1858 г. Толстой записывает: «Писал с увлечением письмо офицера о тревоге» (с. 12). Редактор данного тома, следуя за редактором т. 5 Н. М. Мендельсоном, в комментарии к этой записи поясняет, что в ней идет речь о небольшом очерке «Тревога», набросанном Толстым еще в Севастополе в 1854 г. (с. 430). Это неверно. В очерке «Тревога» нет никакого письма офицера. В записи Толстого говорится об одной из черновых редакций повести «Казаки», в которую действительно входило письмо офицера, носящего здесь фамилию Ржавский, о тревоге по случаю набега абреков. Эта редакция напечатана в т. 90 Юбилейного издания (с. 156—157).

Далее находим следующее объяснение употреблявшегося в Ясной Поляне слова «прешпект»: «Так называлась обсаженная елями прямая дорога, ведущая от шоссе к яснополянскому дому» (с. 431). Но «прешпект» начинается не от шоссе, а от каменной башни, стоящей у входа в усадьбу Ясная Поляна, и обсажен он был в то время не елями, а березами. 3 мая 1897 г. Толстой в письме к жене из Ясной Поляны в Москву упоминает о «махании берез прешпекта» (т. 84, с. 281).

Комментируя запись Толстого от 19 июля 1858 г.: «Весь в хозяйстве. Сраженье в полном разгаре. Мужики пробуют, упираются» (с. 16), редактор рассказывает о том, как Толстой перевел своих крепостных крестьян с барщины на оброк (с. 434). Но по прочтении этих комментариев остается все-таки совершенно неясным, о каком же сражении говорит Толстой, и что «пробуют» и против чего «упираются» мужики. Разгадку этой записи находим в следующей записи от 22 июля: «Дома сходка. Записываются косить, о мальчиках крик. На другой день косьба» (с. 16). Запись 19 июля говорит не о переводе Толстым своих крестьян с барщины на оброк, а о его попытке вести хозяйство на артельных началах с его крепостными крестьянами. Такую попытку делает и Левин в главах XXVIII и XXX третьей части «Анны Карениной».

Комментируя запись Толстого от 16 (28) октября 1860 г., сделанную в Иере: «Дописать первую главу ⟨...⟩ Утро писал ⟨...⟩ Написал не больше половины главы» (с. 30), редактор относит ее к повести «Казаки» или к очерку «Идиллия» (с. 448). В действительности запись относится к разделенному на главы началу романа «Декабристы», о котором Толстой писал Герцену 14 (26) марта 1861 г.: «Я затеял месяца четыре тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист». Эти начальные главы романа о декабристе Толстой, как писал он Герцену в том же письме, читал Тургеневу в Париже в феврале 1861 г. (т. 60, с. 374).

В комментарии к записи Толстого от 17 ноября 1873 г.: «Разговор о земстве с Свербеевым» редактор сообщает, что Толстой разговаривал с товарищем А. М. Кузминского, Дмитрием Дмитриевичем Свербеевым, родившимся в 1745 и умершим в 1820 г. (с. 481). Редактор не замечает той несообразности, которая получается при таком комментировании записи Толстого.

5

Том 49 содержит дневники Толстого 1881, 1882 и 1884 гг. и немногочисленные дневниковые записи 1883—1887 гг.

Небольшие по размерам дневники Толстого 1881, 1882 и 1884 гг. прокомментированы Е. В. Молоствовой и Н. С. Родионовым очень хорошо. Можно указать только одну существенную фактическую ошибку в комментарии к дневнику 1884 г. 21 апреля 1884 г. Толстой записывает, что у Анны Васильевны Армфельд, матери революционерки Натальи Александровны Армфельд, отбывавшей наказание в каторжной тюрьме на Каре, он

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СЕВАСТОПОЛЬСКИМ РАССКАЗАМ»
Акварель А. В. Кокорина, 1953 г.
Музей Толстого, Москва

встретил Успенскую (с. 85; имя и отчество Толстым не названо). Редактор поясняет, что Толстой виделся с Александрой Васильевной Успенской, женой Глеба Ивановича Успенского (с. 228). Но это неверно. Толстой виделся не с женой Г. И. Успенского, а с вдовой нечаевца П. Г. Успенского, Александрой Ивановной Успенской (1847—1924), родной сестрой В. И. Засулич. Ее муж, Петр Гаврилович Успенский (1847—1881), один из основателей нечаевского общества «Народная расправа», принимал участие в убийстве студента Иванова и был приговорен к 15 годам каторжных работ. Наказание отбывал на Каре. Заподозренный в том, что он выдал начальству план массового побега заключенных, Успенский был приговорен товарищеским судом к повешению и повешен. Впоследствии обнаружилась полная его невиновность. В 80-х годах его вдова с единственным сыном жила в Москве в большой нужде. О знакомстве Толстого с А. И. Успенской упоминает В. Г. Короленко в своем очерке «Великий пилигрим» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I. М., 1955, стр. 263). Об А. И. Успенской писал Толстому Н. Н. Златовратский 16 февраля 1886 г. (АТ).

Подавляющее большинство записей Толстого в дневниках, начинающихся 6 марта 1884 г. и кончающихся 19 сентября того же года, говорит о тяжелых условиях его семейной жизни после происшедшего в конце 70-х годов переворота в его миросозерцании. Но ведь и в 1883 г. и в первые месяцы 1884 г. условия семейной жизни Толстого были точно такие же, как и в дальнейшие месяцы 1884 г.; и сам собою напрашивается вопрос: не вел ли Толстой в промежуток между 22 декабря 1882 г. и 6 марта 1884 г. дневника, который им самим был уничтожен? Такое предположение подкрепляется тем, что в 1884 г. Толстой написал Черткову три письма, которые просил уничтожить, что Чертков и исполнил, выписав из них только отвлеченные мысли. Эти три письма имели даты: 9—10 марта, 27 марта и 10 апреля 1884 г.; мысли отвлеченного характера, выписанные из этих писем Чертковым, напечатаны в т. 85 (с. 35, 42—43, 46—47).

Вторым подтверждением этого предположения служит то, что в письме к Черткову от 19 октября 1894 г. (т. 87, с. 295) Толстой просил «уничтожить» все копии его дневника 1884 г. и вернуть ему подлинник (т. 87, с. 295). Но никаких упоминаний о существовании дневника Толстого за 1883 г. и первые месяцы 1884 г. ни в письмах Толстого, ни в мемуарах о нем не находится.

Вновь возобновляется дневник Толстого 23 ноября 1888 г. К этому времени семейная обстановка жизни Толстого изменилась к лучшему: произошло сближение с дочерьми — Татьяной и особенно Марией. Потребность в писании такого дневника, каким был дневник 1884 г., уменьшилась. Но все-таки первые строки дневника 23 ноября 1888 г. (т. 50, с. 1): «На днях была девушка, спрашивая (такой знакомый и фальшивый вопрос!)» и т. д. наводят на мысль, что перед нами скорее продолжение начатого дневника, чем начало его после перерыва более чем в четыре года.

6

Дневникам Толстого последних десятилетий его жизни (1888—1910) посвящены тт. 50—58.

Каждая запись дневника этого периода жизни Толстого начинается перечислением событий его внешней и внутренней жизни, описанием его встреч с людьми, его чтения, большей частью с отзывами о прочитанном, и тех работ, которыми он был занят. По дневникам можно проследить творческую историю большинства произведений Толстого данного периода, начиная с их зарождения и кончая последней редакцией или чтением корректур, а также его колебания в оценке своих произведений — от чувства удовлетворения написанным до самых резких отрицательных суждений. Записывались Толстым также осуществленные и неосуществленные замыслы его произведений. В изобилии заносились в дневник его отклики на события общественно-политической жизни как в России, так и за границей.

Распределение дневников по годам было очень неравномерным. Когда Толстой при его увлекающейся натуре был поглощен работой над каким-нибудь произведением или занят каким-нибудь общественным делом, писание дневника прерывалось иногда на несколько месяцев.

С марта 1891 г. характер дневников Толстого меняется. Теперь почти под каждым числом после дневниковой записи в прямом смысле этого слова следуют под цифрами записи отвлеченных мыслей по самым разнообразным вопросам — религиозным, философским, общественно-политическим, эстетическим, литературным, педагогическим и др. Эти мысли Толстой первоначально заносил в свои записные книжки, причем в последние годы его жизни у него обычно существовали две записные книжки:

«дневная» и «ночная». «Дневная» записная книжка всегда находилась у Толстого в кармане его блузы, «ночная» лежала у него на ночном столике. В «ночную» книжку Толстой, зажигая свечу, вписывал мысли, приходившие ему ночью в состоянии бессонницы или при пробуждении. По мере накопления мыслей в записных книжках Толстой выписывал эти мысли в дневник, обрабатывая и уточняя их, после чего отрывочные записи в записных книжках вырастали в сильные художественно выраженные афоризмы или в обширные логически последовательные рассуждения. Лишь немногие из записанных Толстым в дневниках мыслей по различным вопросам были затем развиты им в отдельных статьях. Поэтому-то Толстой особенно дорожил своими дневниками последних лет и готов был ценить их даже выше всего остального им написанного.

Передавая в письме к Черткову от 13 мая 1904 г. завещательные распоряжения относительно своих неопубликованных произведений, Толстой прибавлял: «Всем этим бумагам, кроме дневников последних годов, я, откровенно говоря, не приписываю никакого значения и считаю какое бы то ни было употребление их совершенно безразличным. Дневники же, если я не успею более ясно и точно выразить то, что я записываю в них, могут иметь некоторое значение хотя бы в тех отрывочных мыслях, которые изложены там, и потому издание их, если выпустить из них все случайное, неясное и излишнее, может быть полезно людям» (т. 88, с. 327).

В дневниках Толстого с 1888 по 1895 г. находим сорок пять вымаранных и вырезанных самим Толстым мест, касающихся Софьи Андреевны. Сделано это было Толстым 2—4 ноября 1895 г. по просьбе Софьи Андреевны, как он писал ей в письмах от 2 и 4 ноября того же года (т. 84, с. 244 и 245). Редакторы тт. 50—53 включили текст вымаранных мест в основной текст дневников Толстого с соответствующей оговоркой под строкой. Но некоторые места оказались так густо вымаранными, что прочитать их невозможно.

Вследствие того, что лица и события, упоминаемые в дневниках Толстого последних десятилетий, являются более известными, чем лица и события, упоминаемые в его молодых дневниках, а также вследствие изобилия в этих дневниках отвлеченных мыслей, почти не требующих комментирования, подготовка к печати и комментирование дневников его последних лет представляли меньше трудностей, чем подготовка к печати и комментирование его молодых дневников.

Укажем наиболее существенные погрешности в публикации текстов дневников Толстого последних десятилетий и в комментариях к ним.

В т. 50 в записи от 20 апреля 1889 г. напечатано: «...а в *направлении* того ложного положения, в котором он находится» (с. 70). Должно быть не «направлении», а «*исправлении*». В том же томе находим следующее суждение о С. А. Толстой: «Нельзя жить, как она, инстинктами (которые у нее все, нет, не все, материнские хорошие)» (с. 180). Так и в автографе. Но ясно, что после первого слова «все» должно быть поставлено в редакторских скобках слово «дурны»; иначе запись не имеет смысла.

В том же томе в чудесной картине «прелестного солнечного заката» вместо: «красный ⟨...⟩ *уголь* солнце» напечатано: «красный ⟨...⟩ *угол* солнце» (с. 120). Там же вместо: «смысл жизни в *увеличении* любви» напечатано: «смысл жизни в *увлечении* любви» (с. 148).

В том же томе находим грубейшую опечатку по вине типографии. 6 ноября 1892 г. Толстой записывает: «Для добрых отношений к человеку нужно *презирать* его как слабое человеческое существо и уважать как NN». Напечатано: «Для доброго отношения к человеку нужно *прирезать* его как слабое человеческое существо и уважать как NN» (с. 75).

В т. 53, содержащем дневники Толстого с 1895 по 1899 г., замечены следущие неисправности в публикации текста дневников. В фразе: «С тех

пор как *встревожили* — два дня не мог ничего сделать» должно быть не «встревожили», а «*встревожился*» (с. 203).

Одна из записей Толстого опубликована в таком виде: «*Несчастье* дает христианство, а безопасность» (с. 105). Должно быть: «*Не счастье*» и т. д. «Сейчас написал письмо Кросби. Он *работал* в Америке» (с. 76). Должно быть не «работал», а «*работает*». Запись от 27 марта 1895 г. воспроизведена в таком виде: «Ничего не писал; *но* недоволен собою» (с. 14). Должно быть: «*не* недоволен собою».

Запись Толстого от 20 февраля 1897 г. предлагается читателю с редакторской вставкой, изменяющей смысл записи: «Душой спокоен, только ⟨так⟩ скучно, что не могу писать» (с. 138). Получается, что Толстой не мог писать только потому, что ему было очень скучно (неизвестно, по какой причине), в то время как по смыслу записи ему и скучно-то было именно оттого, что он (очевидно, по нездоровью) не мог работать.

1 января 1898 г. Толстой записывает: «Не могу работать, и все болит живот». В т. 53 эта запись напечатана без последних слов («и все болит живот» — с. 175). Здесь уже требования благопристойности переходят в «жеманство» (по выражению Пушкина). Идя по этому пути, пришлось бы из описания «доброго» члена суда в «Воскресении» исключить упоминание о том, что он страдал катарром желудка и, направляясь к своему судейскому креслу, загадывал, поможет ли ему новое средство.

12 июня 1895 г. Толстой пишет о своем серьезном заболевании и затем прибавляет: «Дочери очень милые перепугались». В последней фразе в рукописи дневника нет никаких знаков препинания; редактор расставил их по своему усмотрению, и получилось: «Дочери, очень милые, перепугались» (т. 53, с. 37). Но такая пунктуация, очевидно, неправильна; должно быть: «Дочери очень, милые, перепугались».

Укажу теперь некоторые погрешности в комментариях к дневникам Толстого, напечатанным в т. 53.

В комментариях к записи Толстого о пребывании в 1896 г. у сестры в Шамординском монастыре (где была написана первая редакция «Хаджи-Мурата») сказано, что из Шамордина Толстой проехал в Оптину пустынь (с. 453), причем делается ссылка на статью С. А. Толстой «Четыре посещения гр. Л. Н. Толстым монастыря Оптина пустынь», напечатанную в «Толстовском ежегоднике 1913 года». Но в статье С. А. Толстой рассказывается о поездках Толстого в Оптину пустынь в 1877, 1881, 1890 и 1910 гг., но о поездке в 1896 г. (при наличии которой было бы уже не четыре, а пять поездок) ничего не говорится, потому что ее и не было.

Запись Толстого от 18 декабря 1897 г.: «У Русанова голова Хаджи-Мурата» комментируется так: Толстой «находил, что Г. А. Русанов формой головы походил на Хаджи-Мурата» (с. 286). Но этого не могло быть, так как Толстой никогда не видал Хаджи-Мурата, а потому и не мог судить о сходстве формы головы Русанова с формой головы Хаджи-Мурата. Запись означает только то, что Русанов показал Толстому рисунок головы мертвого Хаджи-Мурата, сделанный художником М. О. Микешиным с акварельного рисунка с натуры и воспроизведенный в сборнике автографов «Голодному на хлеб» (СПб., 1892, стр. 21).

В комментариях к записи о повести Ф. Тищенко «Хлеб насущный» сказано, что повесть эта была напечатана в № 10 «Книжек недели» 1897 г. вместе с письмом Толстого к автору (с. 459). В действительности повесть была напечатана в № 10 журнала «Русское обозрение» 1897 г. с письмом Толстого не к автору, а к редактору «Русского обозрения» А. Александрову. Это письмо перепечатано в т. 70 Юбилейного издания (с. 111—112).

Комментарии к дневникам Толстого 1900—1903 гг. (т. 54) вызывают только два существенных возражения.

Комментируется запись Толстого от 11 марта 1903 г.: «Второй раз встречаю в жизни незаслуженную, ничем не вызванную ненависть от людей только за то, что им хочется иметь такую же репутацию, как моя ⟨...⟩ М., Л.» (т. 54, с. 162).

Редактор К. С. Шохор-Троцкий пытается раскрыть проставленные Толстым первые буквы неназванных лиц и считает свои догадки до такой степени несомненными, что даже вводит их в толстовский текст, хотя и в редакторских скобках. По утверждению редактора, «Л.» — это сын Толстого Лев Львович, а «М.» — журналист М. О. Меньшиков (с. 510).

Что буквой «Л.» Толстой обозначил имя своего сына Льва Львовича, в этом не может быть никакого сомнения. В другой записи дневника — от 2 февраля 1907 г.— Толстой писал: «Вчера было письмо от сына Льва. Очень тяжелое ⟨...⟩ Удивительное и жалостливое дело — он страдает завистью ко мне, переходящей в ненависть» (т. 56, с. 8).

Но никак нельзя согласиться с К. С. Шохор-Троцким, когда он утверждает, что под буквой «М.» в записи Толстого следует разуметь журналиста Меньшикова. Меньшиков, начавши свою журналистскую деятельность в 90-х годах статьями в духе учения Толстого, не проявлял желания «оттолкнуться от Толстого». Только в 1908—1910 гг. Меньшиков, обосновавшись в «Новом времени», стал писать против Толстого грубые статьи, упрекая его в том, что он «подговаривает власть» ликвидировать земельную собственность и выступает противником смертных казней.

В комментариях к т. 56 Юбилейного издания (с. 621) было высказано предположение, что буквой «М.», Толстой в данной записи обозначил Д. С. Мережковского, в 1901—1902 гг. выпустившего свою книгу «Толстой и Достоевский» с резкими выпадами против Толстого (Толстой «не преодолел инстинкта собственности», у Толстого смесь «сознательной искренности и бессознательного притворства», «никакого бога Толстой не нашел» и пр.).

В вышедшем в 1958 г. дополнительном (90) томе это предположение находит полное подтверждение. Здесь (с. 180) приведена запись Толстого в записной книжке от марта 1903 г.: «Мережк⟨овский⟩ ненавист⟨ь⟩», являющаяся черновой редакцией комментируемой дневниковой записи. (Прочтение редактором последнего слова—«ненавист⟨ник⟩»—не имеет оснований.)

Но К. С. Шохор-Троцкий не ограничился догадками о том, каких двух лиц имел в виду Толстой в своей записи. Понимая почему-то слова Толстого, что он *«второй раз»* встречает в жизни «незаслуженную ненависть», проистекающую из зависти к его репутации в том смысле, что ненависть Л. и ненависть М. составляют одно совокупное целое и что слова «второй раз» относятся к ним обоим, что, разумеется, совершенно неверно, редактор начал доискиваться, в ком же из писателей Толстой «в первый раз» встретил «незаслуженную ненависть». К. С. Шохор-Троцкий высказывает предположение, что таким писателем был Тургенев, «который в своих отношениях с Толстым очень рано, вскоре же после первого знакомства, стал испытывать некоторую неприязнь к Толстому».

Однако ссылка К. С. Шохор-Троцкого на Тургенева в данном случае лишена всякого основания. Хотя, действительно, в отношении Тургенева к Толстому, особенно после происшедшей между ними ссоры, и проглядывала некоторая «неприязнь», оказывавшая влияние и на суждения Тургенева о произведениях Толстого, «зависть» в данном случае не играла никакой роли, а о «ненависти» не может быть и речи. В общем отношение Тургенева к Толстому служит редким образцом беспристрастия и душевного благородства.

Известно, что Тургенев признавал «Казаков» «лучшей повестью, написанной на нашем языке», «Войну и мир» считал «поистине великим произведением» и с начала 70-х годов неоднократно и в письмах и в статьях

признавал Толстого сначала первым русским, а затем и первым мировым писателем (см.: «Толстой и Тургенев. Переписка». М., 1928, стр. 81 и 90; «Щукинский сборник», вып. 8. М., 1909, стр. 391—392; «Воспоминания о Белинском» Тургенева; письмо Тургенева к Фету 1878 г.— А. Фет. Мои воспоминания, ч. II. М., 1890, стр. 354—355).

Таким образом, предположение о Тургеневе не только совершенно излишне, но и рисует в ложном свете отношение Тургенева к Толстому.

Второе замечание, которое можно сделать относительно комментариев к т. 54, касается понимания редактором записи Толстого о замысле рассказа «После бала». По поводу записи Толстого: «веселый бал в Казани, влюблен в [Ко⟨рейш⟩] красавицу, дочь воинского начальника — поляка, танцую с нею» (с. 178). К. С. Шохор-Троцкий пишет: «Эта запись Толстого дает важнейший материал для установления автобиографического элемента в его рассказе „После бала“. Помимо слов „танцую с нею“ подтверждает автобиографичность рассказа и то, что Толстой начал писать (и тут же зачеркнул) фамилию девушки, с которой танцевал» (с. 517). Это мнение об автобиографичности рассказа оказалось ошибочным. Из воспоминаний Х. Н. Абрикосова «Двенадцать лет около Л. Н. Толстого» (они появились в печати в 1948 г.), стало известно, что увлечение дочерью казанского воинского начальника В. А. Корейш переживал не Толстой, а его брат Сергей Николаевич («Летописи Гос. Литературного музея», кн. 12. Лев Толстой. М., 1948, стр. 454). Глагол в первом лице «танцую», из которого К. С. Шохор-Троцкий выводил свое мнение об автобиографичности рассказа, указывает только на то, что Толстой намечал для задуманного произведения форму рассказа от первого лица. Конечно, и то, что Толстой в своей записи назвал знакомую ему в молодости девушку в качестве одного из прототипов задуманного рассказа, нисколько не делает этот рассказ автобиографическим. Таких указаний на намеченные прототипы найдем немало и в дневниках и в черновых редакциях произведений Толстого.

Недостатком воспроизведения текстов дневников Толстого в т. 54 является то, что редактор слишком педантически следовал правилу «Инструкции» Редакторского комитета данного издания о том, что слова, недописанные Толстым, дописываются редактором в скобках. В тех случаях, когда Толстым ради быстроты письма не дописывалась последняя буква какого-нибудь совершенно определенного слова, не было никакой надобности, дописывая эту букву, ставить ее в редакторские скобки. В этих случаях скобки только пестрят и мешают чтению. Тот же недостаток заметен и в тт. 55—56, содержащих дневники Толстого 1904—1906 гг. и 1907—1908 гг. (редактор Н. Н. Гусев).

На стр. 554 т. 56 комментируется запись Толстого в записной книжке от 29 марта 1907 г.: «„Стог в яме“ — огорчительно» (с. 189). Редактор теряется в догадках о смысле этой записи и высказывает следующее предположение: «Быть может, запись вызвана тем, что ученики Толстого ⟨в то время Толстой по вечерам занимался с яснополянскими мальчиками⟩ рассказали ему про виденный ими стог сена, стоявший на низком месте и затопленный полой водой, и Толстой как хороший хозяин был огорчен порчей ценного корма». Это объяснение неправильно. Толстой был огорчен не «порчей ценного корма», а повторением мальчиками, его учениками, нехорошей прибаутки.

Последний том дневников Толстого — т. 58, очень хорошо подготовленный Н. С. Родионовым, включает дневники Толстого за один только роковой 1910 г. Перед редактором вставала задача: дать полную картину всех событий яснополянского быта последнего года жизни Толстого, часто очень кратко и неясно указанных в его дневнике,— событий, приведших к его уходу из Ясной Поляны и смерти в Астапове. С помощью

дневников и воспоминаний С. Л. Толстого, А. Б. Гольденвейзера, В. Ф. Булгакова, С. А. Толстой и неизданных дневников А. Л. Толстой и В. М. Феокритовой редактор успешно справился с этой задачей.

Н. Гусев

ПИСЬМА

1

Письма Толстого занимают в Юбилейном издании тридцать один том, с 59-го по 89-й. Кроме того, в последнем, сборном, т. 90 — опубликовано еще 191 письмо.

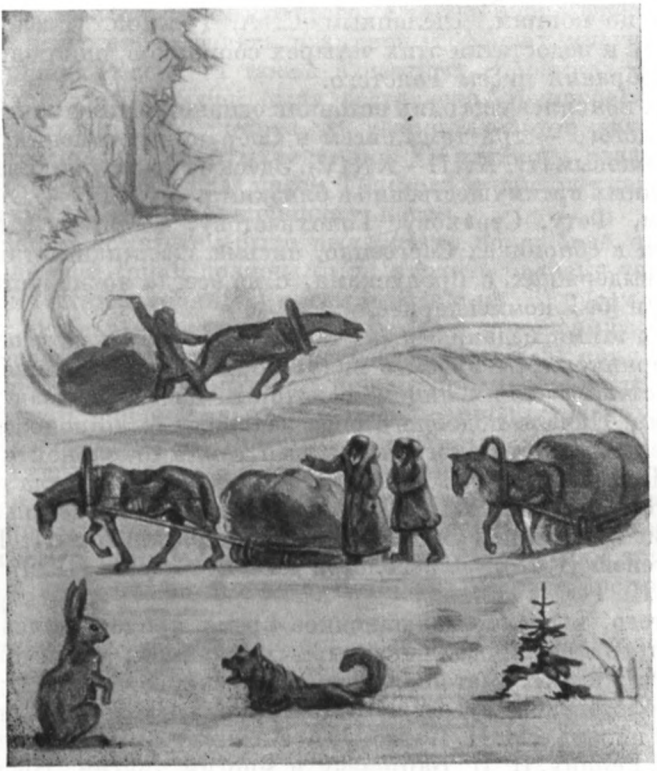


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СБОРНИКУ «ТОЛСТОЙ О ПРИРОДЕ»
(Издание не было осуществлено)
Цветная литография Н. И Пискарева, 1940 г.
Собрание А. И. Пискаревой, Москва

Публикация обширного эпистолярного наследия Толстого началась еще при жизни писателя. Его письма, особенно те из них, которые представляли собой документы общественно-политического значения, время от времени появлялись на страницах периодической печати (например, письмо к Лескову от 4 июля 1891 г. о голоде— в газете «Новости», № 244, от 4 сентября; письмо к Короленко от 27 марта 1910 г.— в газете «Речь», № 106, от 18 апреля и др.).

В 1890 г. были изданы «Воспоминания» Фета, в которых большое место заняли письма Толстого к нему. В том же году за границей вышла книга Эрнста Кейхеля «Die Rettung wird kommen» («Спасение придет»), в которую вошли 30 писем Толстого к его венгерскому последователю

Евгению Шмиту. Много писем опубликовал — полностью и в отрывках — П. И. Бирюков в своей известной биографии Толстого, первый том которой вышел в 1906 г. Ряд толстовских писем был напечатан Чертковым в его лондонском издании «Свободное слово».

В 1910 г. вышел в свет сборник «Письма Л. Н. Толстого, собранные и отредактированные П. А. Сергеенко», а в 1911 г.— второй сборник, с таким же названием. Их продолжением явился вышедший в 1912 г. «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко. Под редакцией А. Е. Грузинского». Всего П. А. Сергеенко напечатал в трех сборниках 812 писем. Некоторые из них были приведены в выдержках, текст их был прочитан далеко не безупречно, в датировках было немало ошибок. В 1913 г. вышел том «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» под редакцией А. Е. Грузинского, в котором письма Толстого были напечатаны по копиям, сделанным С. А. Толстой. И все же, несмотря на неполноту и недостатки этих четырех сборников, они положили начало изданиям собраний писем Толстого.

В 1913 г. появился еще один источник ознакомления с эпистолярным наследием Толстого — три тома писем в Собрании сочинений, выпущенном П. И. Бирюковым (тт. XXII—XXIV). Здесь было опубликовано 722 письма, обращенных преимущественно к близким и друзьям — С. А. Толстой, Кузминским, Фету, Страхову, Голохвастову, Фельтену, Попову и др. Так же, как в сборниках Сергеенко, письма здесь напечатаны во многих случаях в выдержках, с пропусками, с не всегда точно установленными адресатами и без комментариев.

Наряду с этими изданиями, в те же годы возник другой тип эпистолярных сборников. Мы имеем в виду сборники двусторонней корреспонденции писателя с одним лицом, с которым он был связан длительными отношениями. Начало подобного рода изданиям было положено в 1911 г., когда Общество Толстовского музея выпустило отдельной книгой «Переписку Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». В 1913 г. была издана «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». Эта традиция нашла свое продолжение в изданных уже в советское время книгах «Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев» (1928), «Лев Толстой и В. В. Стасов» (1929), «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге» (1930).

Кроме того, в послереволюционное время продолжалась публикация писем Толстого в различных специальных изданиях: «Толстой. Памятники творчества и жизни», «Летописи Государственного Литературного музея», «Сборник Толстовского музея», «Литературное наследство» и др. В них были напечатаны письма к М. Н. Каткову, А. А. Фету, В. П. Боткину, Л. Н. Андрееву, И. Е. Репину, П. И. Бартеневу и многим другим. Несмотря на эту активность в деле публикации переписки Толстого, задача собирания и обнародования *полного свода* писем писателя впервые возникла лишь перед Юбилейным изданием.

Коллективу специалистов, работавших над подготовкой к изданию эпистолярного наследства Толстого (М. А. Цявловский, В. А. Жданов, В. С. Мишин, Н. С. Родионов, А. С. Петровский, М. В. Муратов, Н. Д. Покровская, Э. Е. Зайденшнур и др.), пришлось проделать основательную предварительную работу. В результате изучения всех учтенных к тому времени писем Толстого, а также ответных писем его корреспондентов, дневниковых записей писателя, списков отправленных писем, которые в поздние годы велись М. Л. Толстой и Чертковым, был установлен примерный фонд толстовской переписки. После этого начались розыски подлинников писем и одновременно сбор материалов о корреспондентах писателя, многие из которых были в то время еще живы. Через адресные столы, сельские советы, различные местные краеведческие организации и другие административные и научно-общественные организации уста-

навливались адреса корреспондентов Толстого или их наследников. Затем по установленным адресам рассылались анкеты. Их было разослано несколько тысяч.

К корреспондентам Толстого или их родственникам обращались с просьбой передать в распоряжение Редакторского комитета имеющиеся у них подлинники писем, а также ответить на следующие вопросы: 1) Фамилия, имя, отчество корреспондентов, 2) год рождения, 3) род занятий в то время, когда велась переписка с Толстым, 4) когда и каким образом произошло знакомство с произведениями Толстого и с ним лично, 5) какие сведения, комментирующие письмо или письма, может сообщить корреспондент. Тех, кто лично общался с Толстым, приглашали поделиться своими воспоминаниями о нем. Сведения, полученные этим путем, относились, естественно, преимущественно к переписке поздних лет.

Кроме того, поиски писем Толстого, а также биографических сведений об адресатах этих писем велись в архивных фондах многих учреждений дореволюционной России, а также в частных собраниях и коллекциях. Параллельно с этой работой была составлена библиография всех ранее опубликованных писем Толстого. В результате этой занявшей многие годы предварительной работы редакция Юбилейного издания получила возможность напечатать 8500 писем Толстого и список-указатель 1360 не разысканных или не сохранившихся писем.

Редакторским комитетом было выработано положение, по которому в тома эпистолярной серии должны были входить беловые тексты: 1) частных писем к частным лицам; 2) писем в редакции; 3) писем официального характера к отдельным лицам и в учреждения и «прошений»; 4) конспектов писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого; 5) приписок Толстого в письмах, не им написанных; 6) писем, продиктованных Толстым, им исправленных и подписанных; 7) писем, продиктованных и только подписанных Толстым; 8) писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого, им исправленных и подписанных; 9) писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого и только им подписанных; 10) коллективных писем, написанных кем-либо и подписанных Толстым, и 11) «совместных» писем, т. е. писем, в которых текст Толстого перемежается с текстом другого лица, или также писем, в тексте которых имеются вставки Толстого (т. 59, с. V).

Кроме того, в тома эпистолярной серии включены телеграммы Толстого, а также черновые тексты тех писем, беловые автографы которых неизвестны, или черновые варианты, резко отличающиеся от окончательного текста и представляющие вследствие этого самостоятельный интерес.

Что касается писем, относительно которых хотя и есть указания, что они написаны по просьбе Толстого, но которые не имеют ни его подписи, ни вообще ничего написанного его рукой, то такие письма учтены лишь в специальных списках; в публикации они не вошли.

Установленные в Юбилейном издании принципы отбора материала для эпистолярной серии не вызывают возражений. Включение всех перечисленных категорий писем позволило передать все своеобразие эпистолярного творчества Толстого, своеобразие облика писателя, жившего в мире широких общественных связей. Вполне обоснованным представляется, например, включение в состав томов писем-«прошений», написанных Толстым от имени яснополянских крестьян, обращавшихся со своими жалобами и обидами в различные правительственные инстанции. Напротив того, весьма спорным представляется создание в некоторых томах писем (59, 60, 82) отделов «Деловые бумаги». Здесь помещены такие документы, как, например, «отпускные», выданные Толстым своим крепостным крестьянам, или «Докладная записка», поданная Толстым на имя военного губернатора Тулы и тульского гражданского губернатора П. М. Драгана, или

доверенность на управление имением. В предисловии к серии «Письма» редакция обошла молчанием причины, по которым «деловые бумаги» вторглись в состав эпистолярной серии. Уж если нужно было включать официальные деловые бумаги и хозяйственные документы в Юбилейное издание, их следовало бы, на наш взгляд, не распылять по томам писем, а собрать в специальный том.

Помещая в эпистолярной серии не только частные письма, но также и письма официальные и общественные, составители сталкивались иногда с трудностями различения характера и назначения публикуемого документа. Толстой нередко придавал своим статьям характер «письма» или, напротив, обращаясь к определенному лицу, выходил за рамки частного письма, и из-под его пера выходила публицистическая статья. Редакторы совершенно правильно поместили известное «Письмо к китайцу» (т. 36) или «Письмо к индусу» (т. 37) в «первой» серии — в серии произведений. Но очевидным нарушением этого правильного принципа является опубликование в томах писем обращения «К группе шведской интеллигенции» (т. 72, № 3). Такое же замечание следует сделать и по поводу другого обращения Толстого — к «издателям „Московских ведомостей“» относительно голода в Самарской губернии (т. 62, № 26). В письме к А. А. Толстой от 30 июля 1873 г. (т. 62, № 30) сам автор называет это обращение «статьей».

Положенный в основу распределения материала по томам и внутри томов хронологический принцип мог бы не стать предметом особого разговора, если бы он не был нарушен. В печати уже отмечался один из существенных недостатков серии, недостаток всей ее структуры. Мы имеем в виду тот факт, что письма Толстого к жене и письма к Черткову выделены из общего хронологического порядка в отдельные тома. В эпистолярной серии эти письма составляют самостоятельные семь томов (83, 84 — письма к С. А. Толстой и 85—89 — письма к Черткову). Совершенно справедливо писала Л. Д. Опульская в статье «Монументальное издание» («Вопросы литературы», 1960, № 2), что «несостоятелен сам принцип в собрании сочинений Толстого делать центром какую-то другую личность, а не его самого». Несомненно здесь сказалось неизжитое к моменту начала работы над Юбилейным изданием в кругу лиц, близких к Толстому, апологетическое отношение к Черткову, стремление возвысить его роль и значение в биографии Толстого. Несомненно также, что в те годы, когда составлялся проспект издания, в памяти современников была еще жива пережитая Толстым в последний год жизни драма. И желание отделить и, быть может, даже противопоставить враждовавшие между собой стороны — Софью Андреевну и Черткова — стало той почвой, на которой возник такой исключительно субъективный принцип расположения материала. Неслучайно редакция не сочла нужным как-то обосновать этот свой принцип, или даже хотя бы его оговорить. Но как бы то ни было, это обстоятельство нарушило единство хронологического принципа распределения писем, что осложнило пользование серией и обеднило содержание томов.

Следствием этого было также значительное и неоправданное расширение примечаний, повторение материала в близких по хронологии томах, усложнение системы отсылок, двойная нумерация этих тематически сгруппированных писем. Место каждого из писем к Софье Андреевне и к Черткову в общем хронологическом ряду указывается соответствующей занумерованной строкой в каждом из общих томов, и эти же письма публикуются со *своим* номером в *своей* серии писем.

В предисловии к серии «Письма» Редакторский комитет заявляет, что «не только не имеет в своем распоряжении всех писем Толстого, написанных им за шестьдесят семь лет своей жизни (с 1844 г. по 1910 г.), но и не может с точностью определить их количество» (т. 59, с. VI). Разумеется, установ-

ление всех сохранившихся писем Толстого, разбросанных по всему земному шару,— дело еще многих лет. Но задача эта в значительной мере облегчена опубликованными в каждом из томов эпистолярной серии «Списками писем, текст которых неизвестен» (вначале эти указатели именовались иначе: «Список писем, не имеющихся в распоряжении редакции»). Следует указать, что «списки» важны не только как путеводители для архивных поисков. Собранные в них сведения о 1360 письмах Толстого дают возможность расширить представление как о всей его корреспонденции в целом, так и особенно о характере переписки Толстого, относящейся к более ранним годам его жизни. Списки составлялись на основании изучения ответных писем, сохранившихся в архиве Толстого, его дневников, регистров написанных и отправленных Толстым писем, которые начиная примерно с 1900 г. велись Марией Львовной Оболенской и Чертковым, и других первоисточников.

Начиная примерно с 90-х годов, по мере того, как расширялась переписка Толстого, он стал для ведения своей корреспонденции прибегать к помощи секретарей: В. А. Лебрена, затем Н. Н. Гусева, а в последний год жизни — В. Ф. Булгакова, а также своих дочерей и других близких ему людей. Обычно Толстой на конверте полученного письма кратко формулировал характер ответа, но иногда указания о содержании ответного письма давались устно. В соответствии с выраженными Толстым мыслями и пожеланиями и составлялись эти письма. Так возникли «письма по поручению», аннотированные списки которых также представлены в Юбилейном издании. Несколько тысяч такого рода писем, приведенных в этих списках с указанием адресата и даты написания ответа, а порой и сохранившейся надписи Толстого на конверте, определившей характер ответного письма, существенно расширяют представление о масштабе переписки Толстого и представляют значительный интерес для исследователя.

Толстой отвечал не на все поступавшие к нему письма, обычно он кратко на конверте полученного письма формулировал мотивы, по каким не считал нужным отвечать. Эти пометы, особенно тогда, когда в комментарии к ним приводится и содержание того письма, к которому они относятся, также несомненно принадлежат к эпистолярному наследию Толстого. Правильно поступили редакторы томов, составивших «Списки писем с пометами Толстого на конвертах» (тт. 77—78 подготовлены В. А. Ждановым и Э. Е. Зайденшнур, т. 79-80 подготовлен В. С. Мишиным). К сожалению, этот принцип не выдержан до конца: в тт. 75—76, 81—82 такого рода списков мы не находим.

В заключение, говоря о составе эпистолярной серии, следует указать на отдельные промахи и ошибки, допущенные в некоторых томах. Так, например, дважды напечатано письмо к Н. В. Давыдову: один раз с датой 11 июня 1894 г. в т. 67 (№ 152) и второй раз с датой «конец июля 1895 г.» в т. 68 (№ 133). В т. 61 черновик письма к известному математику, вице-президенту Академии наук В. Я. Буняковскому, в котором Толстой просит рассмотреть «математическую часть прилагаемой „Азбуки“», напечатан как второй вариант письма к Д. А. Толстому (№ 419).

В т. 60 (№ 38) письмо к В. В. Арсеньевой от 19 ноября 1856 г. заканчивается абзацем другого письма Толстого к ней же. По предположению Л. Д. Опульской, этот абзац относится к письму Толстого от 11 сентября 1856 г. («Вопросы литературы», 1960, № 2).

В т. 60 при публикации письма к Е. П. Ковалевскому от 5/17 марта 1861 г. (№ 192) неверно указано местонахождение оригинала (Центрархив) и пропущено указание на фонд, где оно сохранилось (Главное управление цензуры). Не отмечено также, что письмо это впервые опубликовано Ю. Г. Оксманом в журнале «Звезда», 1929, № 12 (стр. 185—186).

2

Из 8500 писем, вошедших в издание, по автографам напечатано 4785 писем, т. е. больше половины. Если при этом учесть, что с 1898 г. в доме Толстого был установлен копировальный пресс и большинство писем поздних лет, прежде чем быть отправленными, копировались (копии составили девять копировальных книг, хранящихся в настоящее время в Архиве Толстого), то очевидно, что редакторы имели возможность в случае отсутствия автографа пользоваться копиями, почти всегда идентичными отправленному письму. Из этого факта можно сделать вывод, что тексты подавляющего большинства писем воспроизведены по аутентичным источникам.

Проблема текста возникала лишь в тех случаях, когда отсутствовала возможность сверки ранее опубликованного документа с автографом. Но и здесь исследователи Толстого оказывались в более благоприятных условиях, чем исследователи творчества других русских писателей. Дочери Толстого Татьяна и Мария, а также Чертков, стремившиеся сохранить для будущих поколений все, что выходило из-под пера Толстого, снимали машинописные, а иногда и рукописные копии с писем Толстого, и в их архивах сохранились тетради, содержащие эти копии.

О том, какую службу сослужили эти тетради, можно судить по следующим примерам. Письмо к М. А. Шмидт от 29 августа 1890 г. сгорело, но сохранилась собственноручно сделанная ею копия, по которой письмо было в 1929 г. опубликовано. Однако сверка этой копии с текстом этого же письма, зафиксированного Чертковым в его рукописной тетради (№ 15), позволила редакторам т. 64 В. А. Верховской и В. С. Мишину устранить погрешности копии, снятой самим адресатом. Другое письмо к М. А. Шмидт от 9 августа 1890 г. также сгорело. Его текст восстановлен на основании сопоставления двух копий, машинописной и рукописной (т. 65, № 126), сохранившихся в архиве Черткова. Письмо к американскому инженеру Чарльзу Андерсену от 25 августа 1890 г. хранилось у адресата, и текст его остался бы неизвестным, если бы не была снята с него Чертковым рукописная копия, по которой оно напечатано в т. 65 (№ 131).

Письмо к М. С. Дудченко от 10 декабря 1903 г. (т. 74, № 335) было впервые опубликовано в 1903 г. в «Свободном слове» (№ 8) без указания адресата и с большими пропусками. Автограф его не сохранился, но редактор располагал рукописной копией и двумя черновиками, причем один из них содержал собственноручную приписку Толстого, отсутствовавшую в первой публикации. Сличение всех относящихся к этому письму материалов позволило освободить текст от ошибок, имевшихся в первой публикации, и, если не полностью восстановить, то максимально приблизить его к тексту письма, отправленного Толстым.

Известную сложность представляли случаи, когда в распоряжении редактора не было ни белового автографа, ни копии с него и когда текст письма был известен по нескольким черновым редакциям. Так, например, письмо к А. М. Калмыковой (т. 69, № 103) было опубликовано в «Свободном слове» в 1897 г. под названием «Письмо к либералам». Сохранилось шесть редакций этого чрезвычайно важного документа, в котором Толстой высказывает свое отношение к революции, к правительству, современному освободительному движению. Сравнение сохранившихся черновых набросков с текстом публикации в «Свободном слове» указывало на дефектность и неполноту напечатанного текста. Редактор А. С. Петровский поступил правильно, напечатав письмо не по печатному источнику, а по машинописной копии, в которой, наряду с собственноручными поправками Толстого, имелась также и его подпись, что указывало на близость этого текста к той окончательной редакции, в которой письмо было послано адресату.

В Архиве Толстого сохранилось сравнительно много черновиков его писем, относящихся к письмам как отправленным, так и неотправленным, к письмам известным в окончательном тексте или в копии, или окончательный текст которых остался неизвестным. Не могут вызывать сомнений те случаи, когда черновик текста недошедшего письма публикуется взамен отсутствующего письма в своем хронологическом ряду, как это сделано, например, по отношению к письмам к Каткову (т. 60, № 132) и Фету (т. 63,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СБОРНИКУ «ТОЛСТОЙ О ПРИРОДЕ»
(Издание не было осуществлено)
Цветная литография Н. И. Пискарева, 1940 г.
Собрание А. И. Пискаревой, Москва

№ 31). Нам представляется также правильным и принцип, который был установлен применительно к случаям, когда в распоряжении редактора имелись не только беловые автографы, но и черновые варианты писем. В этих случаях, как говорится в предисловии, «из черновых текстов» печатаются лишь те, которые «по мнению редактора, представляют интерес со стороны содержания» (т. 59, с. V). Действительно, не имело смысла загромождать тома черновиками, которые мало чем отличаются от окончательного текста печатаемого документа. Так, на наш взгляд, следовало напечатать черновик письма к В. П. Буренину (т. 64, № 28), по которому можно судить о том, каких трудов сто́ило Толстому в угоду своей философии любви и всепрощения говорить «добрые слова» человеку, чье поведение не могло не вызывать в нем отвращения и протеста. Большое значение для

выявления общественной позиции Толстого имеет черновик его письма к Николаю II (т. 73, № 204)...

Определенные трудности возникали тогда, когда редактор стоял перед дилеммой выбора между черновиком, написанным рукой Толстого, и копией, сделанной переписчиком. Нам представляется сомнительным принципиальное предпочтение, которое в этих случаях иногда оказывалось черновику на том лишь основании, что черновик этот — автограф. К примеру, в т. 63 опубликовано письмо к Александру III от 8—15 марта 1881 г., написанное Толстым ради спасения жизней революционеров, убивших Александра II. Письмо в том виде, в котором оно было отправлено царю, до нас не дошло. Сохранились лишь черновая первоначальная редакция письма, написанная Толстым, а также копия с более позднего текста, сделанная С. А. Толстой, в которой также имелись собственноручные поправки Толстого. Редакторы тома М. А. Цявловский и В. С. Мишин указывают, что черновик является «первоначальной редакцией письма», однако они печатают его, а не копию, отражающую более позднюю стадию работы над документом, и при этом вносят в публикуемый автограф поправки Толстого из копии, то есть допускают контаминацию текста.

С аналогичным случаем встречаемся и в т. 66. Здесь письмо к немецкой писательнице Берте фон Зуттнер от 9 октября 1891 г. (т. 66, № 47) опубликовано по «черновику рукою С. А. Толстой с исправлениями и подписью Толстого», хотя письмо было тогда же опубликовано за границей по автографу, а кроме того сохранилась копия с него в архиве Черткова.

Остановимся еще на одном недостатке текстологии эпистолярной серии. В ряде случаев письма печатаются по тексту первой публикации, хотя была возможность печатать по автографам. Так, письмо к Лескову от 21—22 января 1891 г. (т. 65, № 215) печатается по тексту, опубликованному в «Летописях Государственного Литературного музея» (кн. 2, 1938, стр. 53). Указание на автограф в Юбилейном издании отсутствует, и это заставляет предполагать, что он не сохранился. Но из соответствующих примечаний в упомянутых «Летописях» узнаем, что письмо приведено здесь по копии, которой располагает Литературный музей, а подлинник хранится в Ленинграде в Центрархиве.

Письма к Н. А. Некрасову в т. 62 (№№ 54, 168, 188) печатаются по тексту публикации в «Литературном наследстве», т. 51-52 (стр. 526), где они были опубликованы по копиям, хранившимся у В. Е. Евгеньева-Максимова (ныне в ИРЛИ). Но в комментарии отсутствует необходимое пояснение, по каким причинам редакция печатает тексты писем Толстого по публикациям, а не по их первоисточникам.

Случаи неверного или неполного прочтения текстов толстовских писем имеются, но они сравнительно немногочисленны. Б. М. Эйхенбаум в рецензии на сборник «Л. Н. Толстой о литературе» («Вопросы литературы», 1957, № 1) указал на пропуск нескольких слов в письме к Н. А. Некрасову от 3 июля 1852 г. (т. 59, № 63). Напечатано: «от начала до главы 17-ой, от главы 17-ой до 26-ой до конца» вместо «от начала до главы 17-ой, от главы 17-ой до 26-ой, от 26-ой до конца». На ряд текстологических погрешностей указала также Л. Д. Опульская в вышеупомянутой статье. Приведем некоторые наиболее досадные из них. Так, в письме к П. В. Анненкову от 22 апреля 1857 г. (т. 60, № 70) вместо логического предложения «куда вы мне и пишите, если захотите меня этим истинно обрадовать» напечатано: «куда вы мне пишите, ежели захотите мне этим истинно обрадовать»; в том же письме в автографе: «Записка презабавная, но рассказы его изустные — прелесть», а напечатана бессмыслица: «Записка забавная, но рассказ его — изустная прелесть». В письме к Некрасову от 21 января 1858 г. (т. 60, № 103) вместо слов: «чтобы он и заботился» нужно читать: «чтобы он и не заботился». В письме к Фету от 17/29 октября 1860 г. (т. 60,

№ 184), в котором Толстой описывает смерть своего брата Николая, целая фраза дана с грубым искажением смысла. В автографе: «Что как увидишь ее хорошенько, ясно, так очнешься и с ужасом скажешь, как брат: „Да что ж это такое?“», а в напечатанном тексте слово «брат» разобрано как «стоит». В другом письме к Фету от 28 мая 1861 г. (т. 60, № 211), в котором речь идет о ссоре, происшедшей между Толстым и Тургеневым, вместо фразы: «я послал другое письмо довольно жесткое и с вызовом» напечатано: «я послал другое письмо довольно жестокое, с вызовом». Письмо к С. А. Толстой от 9 ноября 1891 г. заканчивается в подлиннике словами: «Твоя мысль напечатать в газетах о том, что деньги, полученные за представление „Плодов просвещения“, пожертвованы театральной дирекцией,— очень хороша», а в публикации Юбилейного издания начало этой фразы искажено: «Твоя мысль не печатать...» (т. 84, № 467).

Укажем в заключение данного раздела на два, еще не отмечавшихся в печати, случая неполного и неверного воспроизведения в издании толстовских эпистолярных текстов.

Письмо к Д. В. Григоровичу от 5 мая 1856 г. (т. 60, № 9), являющееся частью совместного письма группы литераторов, напечатано без четырех приписок Толстого, сделанных в разных местах этого коллективного послания. После текста Дружинина Толстой написал: «Не думайте о своих долгах разным Андреасам, а примите к сведению, что нынешнего лета никогда больше не будет». Весьма фривольная фраза того же Дружинина вызвала следующую запись Толстого: «Я знаю, что для вас все-таки дороже всего спасительно-нравственное уединение и искусство». К тексту Гончарова Толстой приписал шутливые стихи:

Не верь тому, что пишет Гончаров
Зане он по душе завистлив и суров.

После рассказа Бодиско о своих «чернокнижных» похождениях Толстой обратился к Григоровичу со словами: «Я все-таки не верю, что вы развратный человек» (подпись Бодиско неясна, авторство его устанавливаем на основании приписки Дружинина, в которой это имя упоминается). В т. 60 отсутствуют не только все эти приписки, но также, проставленная рукой Толстого дата: «5 мая». Кроме того в принадлежащей Толстому части письма ошибочно напечатано «...давно *соби*рался вам писать», вместо «давно *сб*ирался вам *на*писать».

В т. 60 это письмо напечатано со звездочкой (так обозначаются в издании *впервые* публикуемые письма). На самом же деле оно впервые опубликовано в газете «Горьковский рабочий», 1934, № 232, от 5 декабря.

В автографе письма к А. В. Дружинину от 21 сентября 1856 г. читаем: «...раз взявшись за литературу нельзя этим шутить, а отдаешь ей всю жизнь», напечатано же вместо «отдаешь» — «отдать» (т. 60, № 25).

3

Важным элементом в работе над томами эпистолярной серии являлась датировка писем. Исследовательские задачи, связанные с установлением даты письма, как правило, чаще всего вставали перед редакторами, готовившими первые тома серии, т. е. тома писем 50—70-х годов. Письма этого периода часто не имеют авторских дат. В гораздо меньшей степени такого рода необходимость возникала перед редакторами томов, относящихся к поздним годам жизни Толстого. В этот период письма датировались не только самим Толстым, но, начиная с 1899 г., они регистрировались в особом яснополянском журнале, где проставлялась дата написания и отправления письма.

В целом, задача установления дат толстовских писем решена в издании успешно. Отдельные просчеты имеются, но они относительно немногочисленны. Приведем несколько примеров ошибочных или неточных редакторских дат.

С неверной датой напечатано в т. 60 письмо № 133 к К. С. Аксакову: его нужно датировать не 26 апреля 1859 г., а 27 января 1856 г. (см. об этом в статье Н. П. Пузина «К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова».— «Известия Отд-ния литературы и языка АН СССР», 1956, т. XV, вып. 2). Требует уточнений дата записки Толстого к А. Н. Островскому, отнесенная в т. 60 (№ 49) к 1856 г. Из содержания записки следует, что Толстой писал ее по возвращении из Петербурга в Москву, где в то время находился также и его адресат. В 1856 г. Толстой из Петербурга приезжал в Москву в мае, но в это время не было там Островского, совершавшего свою известную поездку по Волге и, таким образом, эта записка не могла быть написана в 1856 г. Сопоставление данных позволяет сделать вывод, что записка могла быть написана только в марте 1858 г. Из Петербурга Толстой вернулся 18 марта 1858 г. В записке он предлагает Островскому свидеться с ним, интересуется Горбуновым. Из дневника Толстого известно, что 28 марта Островский и Горбунов навестили Толстого (т. 48, с. 11).

Сомнительна дата письма 10—11 января 1862 г. к Фету (т. 60, № 228). В этом письме Толстой в связи с пересланной ему выдержкой из письма Тургенева от 8 ноября 1861 г. в весьма грубой форме порывает с Фетом. Редакторы тома не подвергли сомнению неверную дату «7 января», под которой Фет опубликовал в своих воспоминаниях упомянутое письмо к нему Тургенева; не показалось им также странным, каким образом письмо из Парижа в Степановку и из Степановки в Ясную Поляну могло дойти за пять дней. Но есть и другое обстоятельство, которое выпало из поля зрения редакторов тома. Известно, что в январе 1862 г., примерно между 14 и 20 числами, произошла встреча Фета с Толстым в маскараде, и между ними состоялось примирение. Вряд ли оно могло произойти вскоре после получения письма, заканчивавшегося словами: «И прошу вас не писать ко мне больше, ибо я ваших так же, как и Т〈ургенева〉 писем распечатывать не буду» (т. 60, с. 413). Очевидно, письмо Толстого было написано в начале декабря 1861 г., т. е. не раньше того времени, когда письмо Тургенева от 8 ноября 1861 г. могло дойти из Парижа до Фета и Толстого.

В т. 64 (№ 116) письмо Толстого к С. Т. Семенову, являющееся припиской к письму Черткова, датировано 9 сентября 1887 г. на основании даты письма Черткова. Но Чертков, написав свое письмо к Семенову, отослал его сначала в Ясную Поляну, и Толстой 15 сентября сообщал ему: «Получил ваше письмо Семенову, очень одобрил его, приписал несколько слов и отправил» (т. 86, № 156). Очевидно, что письмо-приписку безусловно следует датировать не 9 сентября, а 14 сентября, т. е. тем днем, когда Толстой отправил С. Т. Семенову другое большое письмо, которое начиналось словами: «Посылая вам все это, хочется сказать и от себя несколько слов». «Все это» — упомянутое письмо Черткова к Семенову с припиской Толстого. Следовательно, и письмо и приписка были отправлены одновременно и датировать их следует одним числом — 14 сентября.

Эта ошибка не произошла бы, если бы письма Черткова не оказались изолированными от всей переписки Толстого. По этой же причине неверно датировано письмо к Тищенко в т. 64 (№ 89). Толстой пишет Черткову 30 мая 1887 г. (т. 86, № 146): «...нынче получил ваше письмо Тищенко», однако письмо к Тищенко, написанное по получении этого письма Черткова, датируется 25 мая.

Изучение писем Фета к Толстому позволяет уточнить дату письма Толстого, помеченного ноябрем 1877 г. (т. 62, № 554) на основании

того факта, что Фет в 1877 г. намеревался в декабре навестить Толстого, о чем говорится в этом письме. Однако в письме есть и другое, что не могло быть написанным в 1877 г.— намеки на взаимное непонимание, обиды и недовольство друг другом. Кроме того, Толстой для уяснения своей позиции отсылает Фета к какой-то своей «книге», в которой он яснее выразил «свои мысли», чем в предыдущем своем письме. Все это заставляет предполагать, что письмо написано в 1880 г., когда между Толстым и Фетом обозначились идейные расхождения, когда Толстой послал Фету 10—15 октября (т. 63, № 31) пространное письмо с изложением своего нового миросозерцания и, наконец, когда он работал над «Соединением и переводом четырех евангелий», где он излагал более ясно и более подробно те «свои мысли», которые вызвали возражения Фета.

Недостаточно точно датировано письмо к Н. М. Нагорнову (т. 62, № 149). Его следовало отнести не к концу февраля, а к первым числам февраля 1875 г. Речь в нем идет о корректуре первого листа *первой* части «Новой азбуки», а уже в середине февраля Толстой получил первый лист *второй* части (см. т. 22, с. 507 и т. 62, № 137).

4

Комментарий к письмам Толстого в Юбилейном издании, помимо обычных справочных и разъясняющих примечаний, содержит также сведения источниковедческого и текстологического характера: в комментарии приводятся данные о времени и месте первой публикации каждого письма, дается аргументация выбора текста, приводятся (иногда) варианты из черновых автографов и т. п.

Несмотря на то, что в общем тип комментария оставался единым для всей серии, конкретные задачи, которые необходимо было решать комментаторам писем разных периодов жизни Толстого, вносили в этот единый тип довольно заметные различия.

В юности и в годы молодости круг корреспондентов Толстого был сравнительно невелик и ограничен родными, близкими, друзьями, небольшой группой литераторов. Следовательно, задача установления личности адресата редко возникала перед редактором, зато в очень многих случаях необходимо было установить даты писем, поскольку в те годы Толстой, как уже сказано, часто не проставлял даты на своих письмах. Упоминания в письмах 50—70-х годов многих событий общественно-литературной жизни, эпизодов журнальной борьбы, малоизвестных лиц, забытых литературных произведений требовали от комментатора большой исследовательской работы для составления необходимых справок. Эти вопросы в значительно меньшей степени стояли перед теми редакторами, которые подготавливали к печати переписку конца века и начала нового, XX века. В этот период письма датировались Толстым и отмечались в журналах, упоминаемые события и факты подчас еще были живы в памяти самих редакторов и не требовали для пояснения сложных разысканий. Главная трудность тут была другая: в те годы к Толстому обращались со своими сомнениями и недоумениями, вопросами житейского и религиозно-нравственного характера, с жалобами и просьбами сотни неизвестных людей.

По конвертам писем, по регистрационным книгам яснополянской почты можно было установить имена лишь некоторых корреспондентов Толстого. Очевидно, что эти краткие записи или обратные адреса ничего почти не давали комментаторам. Им пришлось затратить много усилий, чтобы найти необходимые данные об этих безвестных людях, обменивавшихся письмами с Толстым. Эта часть комментария выполнена с большой тщательностью.

Число писем, адресатов которых не удалось установить, ничтожно мало, и почти обо всех адресатах собраны и приведены необходимые биографические сведения.

Однако обстоятельность комментария не всегда правильно соотнесена с комментируемым документом, некоторые комментарии, особенно в томах, вышедших до войны, отягощены балластом документальных и справочных материалов, вовсе ненужных для понимания комментируемого письма или нужных лишь в отдельных извлечениях. Поскольку перед эпистолярной серией стояла задача опубликовать письма самого Толстого, а не двустороннюю переписку, постольку ответные письма могли и должны были быть использованными в издании лишь как элемент комментария. Так это и сделано во многих томах. Но единого такого подхода в издании нет. Так, например, в т. 59 (вышел в 1935 г.) ответные письма к Толстому — Т. А. Ергольской, С. Н. Толстого, Николая Толстого, Некрасова, Панаева и др.— напечатаны целиком. Порочность тенденции воспроизводить в комментариях ответные письма полностью особенно наглядно проявилась в томах писем к С. А. Толстой и Черткову. Первый том писем к жене (83) вышел в 1938 г., т. е. через два года после выхода в издательстве «Academia» книги «Письма С. А. Толстой к Л. Н. Толстому», в которой было опубликовано 443 письма Софьи Андреевны к Толстому. Эти письма без всякой необходимости почти полностью были вновь воспроизведены в комментариях т. 83.

В тт. 85—87 письма Черткова, в большей части своей проникнутые откровенной и фанатической проповедью идей толстовства, заняли больше места, чем письма самого Толстого. Они не столько комментируют последние, сколько раскрывают взгляды и настроения самого Черткова, передают его суждения о том, о чем пишет Толстой (см., например, в т. 87 письма №№ 129, 215, 218 и др.).

Столь же неоправданным является широкое цитирование в комментариях дневников Толстого, публикуемых в том же Юбилейном издании, а также (особенно в томах писем к С. А. Толстой и Черткову) писем писателя, вошедших в другие тома.

Примечания в тт. 59, 63 и 72 часто представляют собой развернутые биографические очерки лиц, упоминаемых Толстым в своих письмах, иногда даже с приведением родословных.

Отмеченные в Постановлении Совета Народных Комиссаров СССР от 27 августа 1939 г. серьезные идейные недостатки научного аппарата Юбилейного издания в полной мере относятся также и к примечаниям в томах эпистолярной серии. С большими и часто ненужными подробностями излагались биографии толстовцев (Бирюкова, Буланже, Озмидова и др.), различных религиозных искателей «истины» (Бондарева, Маликова и др.), сектантов и духоборов.

Кроме того, эти примечания заполнены многочисленными ссылками на статьи, работы, воспоминания толстовцев о Толстом, а также на литературу по истории русского сектантства, духоборческого движения. В итоге примечания (т. 63, с. 66, 76—77, 227—230) превращались в ряде случаев в обстоятельный справочник по истории религиозных движений конца века и их связи с толстовством. Причем все это излагалось объективистски, а иногда и апологетически по отношению к самым слабым, реакционным сторонам мировоззрения Толстого и его последователей, без необходимой политической оценки.

Увлекаясь биографическими очерками самостоятельного характера, перегружая комментарий формально-справочным материалом (особенно в томах, вышедших до войны), редакторы писем Толстого в то же время в ряде случаев неясные места в текстах толстовских писем оставляли нераскрытыми. Приведем несколько примеров.

В письме от 17 февраля 1858 г. (т. 60, № 104) Толстой просил Некрасова передать В. М. Аничкову, что он не может дать ему «решительного ответа» раньше марта, и при этом подчеркивал важность своей просьбы: «это мне очень нужно».— О чем идет здесь речь? В примечаниях вместо ответа на эти вопросы находим справку об Аничкове и о его служебном положении, данную вне всякой связи с Толстым и его просьбой. Но сохранились письма Аничкова к Толстому, которые помогают понять неясное

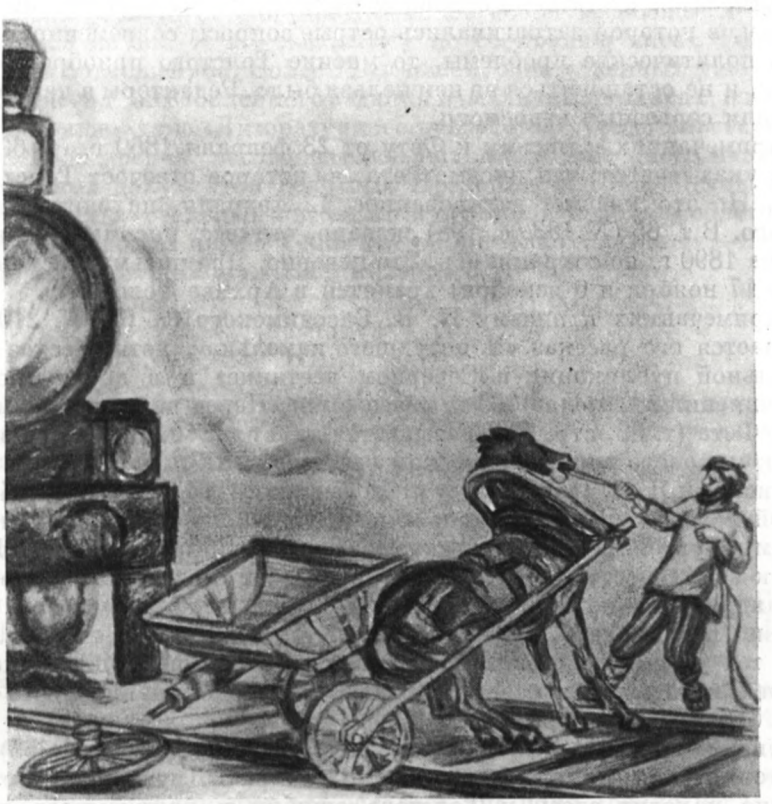


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СБОРНИКУ «ТОЛСТОЙ О ПРИРОДЕ»
(Издание не было осуществлено)
Цветная литография Н. И. Пискарева, 1940 г.
Собрание А. И. Пискаревой, Москва

место в толстовском письме к Некрасову. В 1858 г. Аничков стал редактором «Военного сборника» и обратился к Толстому с просьбой принять участие в первом номере сборника, который по приказанию государя должен был быть «составлен» к началу марта и дан ему для прочтения. Толстой торопился передать свой отказ от участия в сборнике еще в феврале, чтобы Аничков, готовя первый номер, на него не рассчитывал.

18 декабря 1857 г. (т. 60, № 101) Толстой просит Некрасова узнать у поэта А. Н. Майкова, получил ли он стихи от С. Т. Аксакова. Комментатор не поясняет этих строк, хотя нужно было бы пояснить, что речь тут шла о стихах С. Т. Аксакова «31 октября» и «17 октября», последнее из них было посвящено А. Н. Майкову.

Еще один случай недостаточного комментирования. Толстой в письме к Некрасову от 11 октября 1857 г. (т. 60, № 90) высказывает свое мнение о

сентябрьской книжке «Современника» и тут же замечает, что «Современное обозрение» в номере «хотя и интересно, вышло не то, как я ожидал». «Слишком оно петербургское, а не русское» (т. 60, № 90). Примечания повторяют все, что уже известно из письма, а именно, что речь идет о «Современном обозрении», которое напечатано в «Современнике» в номере таком-то. Но ничего не сказано ни об авторе этого обозрения, ни о его содержании, ни о том, что скрывается за словами Толстого. Если учесть, что отзыв Толстого относится к статье, в основном написанной Чернышевским и Добролюбовым, в которой затрагивались острые вопросы современности, обсуждались политические проблемы, то мнение Толстого приобретает особый интерес, и не остановиться на нем нельзя было. Редакторы в данном случае допустили серьезный недосмотр.

В примечаниях к письму к Фету от 23 февраля 1860 г. (т. 60, № 163, с. 326) указывается, что письмо Фета, на которое отвечает Толстой, неизвестно. Но это письмо, датированное 12 февраля, находится в Архиве Толстого. В т. 65 (№ 183, с. 198) сказано, что «все» письма Лескова к Толстому за 1890 г. не сохранились. Это неверно. Два письма Лескова за этот год (от 17 ноября и 6 декабря) хранятся в Архиве Толстого.

В примечаниях к письму П. В. Засодимского (т. 65, № 210, с. 219) упоминается его рассказ «У потухшего камелька», хотя рассказ этот и в журнальной публикации в «Северном вестнике» и в двухтомном собрании сочинений писателя 1895 г. называется «Перед потухшим камельком». Статья Фета (т. 62, стр. 123) называется не «Голос мирового судьи», а «Отголосок мирового судьи» («Русский вестник», 1877, № 9).

В письме к Я. П. Полонскому от 26 февраля 1891 г. (т. 65, № 245, с. 260) Толстой просит передать привет жене Полонского «и бывшему мальчику, которому Тургенев милый рассказывал сказку про незнайку». В примечании к этому месту говорится, что речь идет о сыне Я. П. Полонского Александре, «для которого Тургенев написал несколько сказок и стихотворение „Всезнайка“». Однако Тургенев никаких сказок *не писал*, а речь идет о тех устных импровизациях, которые он сочинял для сына Полонского и о которых нам известно только из воспоминаний поэта («Нива», 1884, № 6).

В письме к Ф. И. Рыбакову от 23 мая 1893 г. (т. 66, № 465) Толстой цитирует строки из стихотворения Шиллера «Друзьям». Комментатор напрасно находит здесь у Толстого ошибку и приписывает эти строки Руссо.

Следует указать на те изменения, которые претерпел комментарий к толстовским письмам на протяжении тех 30 лет, в течение которых выходило Юбилейное издание. Выше уже было сказано о перегруженности примечаний в томах, вышедших в 30-е годы, материалами случайными, иногда вовсе ненужными для пояснения публикуемого текста. В томах, вышедших после войны, тип примечаний приобрел тот характер, который отвечает современным требованиям публикации историко-литературных документов. К сожалению, однако, в совершенно необходимой борьбе с излишествами комментариев были допущены некоторые крайности и ошибки. В результате в тт. 68-69, 73—82, 88-89 комментарии оказались слишком лапидарны и элементарны: ответные и встречные письма, ранее публиковавшиеся целиком, стали даваться либо в недостаточных для комментария извлечениях, либо совсем не упоминаться.

Недопустимо краткими стали аннотации в списках писем, текст которых остается неизвестен. Была, в частности, снята вся чрезвычайно важная и по существу необходимая аргументация, на основании чего устанавливается существование того или иного еще не разысканного или утраченного письма.

К научному аппарату томов эпистолярной серии относятся также аннотированные именные указатели, приложенные к каждому тому, а также весьма облегчающие пользование томами алфавитные списки адресатов.

* * *

Тридцать томов серии «письма» вобрали в себя труд большого коллектива исследователей, любовно и бережно собравших огромное эпистолярное наследие Толстого; они представляют собой выдающееся достижение советской науки. И все же работу по собиранию писем Толстого нельзя считать завершенной. Более 30-ти писем, обнаруженных уже после выхода последнего т. 90 Юбилейного издания в различных архивах и публикуемых в настоящем томе «Литературного наследства», свидетельствуют о том, что вне поля зрения исследователей находится еще много неизвестных эпистолярных документов Толстого. Предстоит еще кропотливая работа по разысканию остальных писем, но в огромной мере она облегчится монументальным сводом писем Толстого в Юбилейном издании — драгоценном источнике знаний о жизни и творчестве писателя.

С. Розанова

P. S.

Сообщаем дополнительно несколько замечаний об одном пропуске, допущенном в своде писем Толстого, собранных в Юбилейном издании, а также по поводу неправильностей и неточностей, имеющихся в комментариях к письмам Толстого в тт. 60 и 67.

Как известно, автографы некоторых писем Толстого, находящиеся за рубежом, именно там публиковались впервые. Но, по-видимому, не все эти публикации были известны редакторам Юбилейного издания. Вот один такой пример. В 1929 г. Сергей Якобсон напечатал в статье «Briefe von und über L. N. Tolstoj (Aus dem Nachlass von Raphael Löwenfeld)» в журнале «Zeitschrift für slavische philologie», 1929, т. V, вып. 3-4, стр. 374—375 письмо Толстого к немецкому переводчику Рафаэлю Лёвенфельду от 26 июня 1893 г., в котором идет речь о напечатании перевода XII главы трактата «Царство божие внутри вас», а также семнадцать писем к тому же адресату, написанных по поручению Толстого членами его семьи и друзьями. Публикация эта осталась вне поля зрения исследователей по Толстому, не знали ее и редакторы томов писем Толстого в Юбилейном издании. Поэтому указанное письмо Толстого в это издание не вошло.

Печатая в 1928 г. письмо Толстого к Тургеневу из Женевы от 28 марта/9 апреля 1857 г., А. Е. Грузинский и М. А. Цявловский отмечали: «Судя по тому, что оно сохранилось в архиве Толстого, оно, вероятно, не было отправлено» («Толстой и Тургенев. Переписка». М., 1928, стр. 35). В комментариях к этому письму в т. 60 Юбилейного издания полностью повторена та же фраза (лишь слово «вероятно» заменено словом «по-видимому»), а в заголовке письма (№ 65) более категорически указано: «Неотправленное». В действительности, это интересное письмо, в котором Толстой делится своими впечатлениями о Париже, было им отправлено и даже существует оставшийся неизвестным редакторам обоих изданий отклик Тургенева на это письмо Толстого. Вот что Тургенев писал П. В. Анненкову 3/15 апреля 1857 г. из Парижа:

«Я еще здесь, любезнейший П. В., но уже один — Толстой внезапно уехал в Женеву — и уже написал мне оттуда презамечательное письмо, где он называет Париж Содомом и Гоморрой, а себя сравнивает с камнем на дне реки, которого заносит понемногу илом и которому непременно

нужно вдруг сорваться с места и поискать другую реку, где, быть может меньше илу. Действительно, Париж вовсе не приходится в лад его духовному строю; странный он человек, я таких не встречал и не совсем его понимаю: смесь поэта, кальвиниста, фанатика, барича — что-то напоминающее Руссо, но честнее Руссо — высоконравственное и в то же время несимпатическое существо. Он сбирается долго прожить на берегу Женевского озера, но я полагаю увидеть его через месяц в Лондоне, куда я еду 1-го мая н. ст.» («Наша старина», 1914, № 12, стр. 1073—1074).

Совершенно очевидно, что здесь идет речь именно о письме Толстого к Тургеневу от 28 марта/9 апреля, в котором Париж дважды назван Содомом. Правда, в нем нет цитируемых Тургеневым слов, в которых Толстой сравнивает себя с камнем на дне реки, но это, на наш взгляд, объясняется лишь тем, что указанное письмо Толстого печатается по черновику, сохранившемуся в его архиве. Переписывая письмо для отправки Тургеневу, Толстой, очевидно, дополнял его, в частности, внес фразу — сравнение с камнем на дне реки.

Спустя четыре недели после отправки письма к Тургеневу из Женевы, Толстой написал 22 апреля/4 мая из Кларана П. В. Анненкову, которому сообщил о встрече с Михаилом Ивановичем Пущиным (братом ближайшего друга Пушкина). В том же письме Толстой указывал, что посылает Анненкову «записку Пущина». Комментаторы поняли слова Толстого буквально и решили, что Анненкову одновременно было отправлено небольшое письмецо Пущина. В комментариях сказано: «Записка Пущина, о которой говорится в этом письме, не сохранилась» (т. 60, с. 183). Между тем из письма Толстого было ясно, что речь идет о «записке» мемуарного характера, посвященной «эпохе Пушкина» («Записка презабавная, но рассказы его изустные — прелесть. Вообще это, видно, была безалаберная эпоха Пушкина» — см. выше, стр. 512, исправленный по автографу текст Толстого). Действительно, вместе со своим письмом Толстой отправил Анненкову рукопись воспоминаний М. И. Пущина о Пушкине «Встреча с А. С. Пушкиным за Кавказом», и об этом было сказано в печати еще за полвека до публикации письма Толстого к Анненкову в т. 60. А именно: Л. Н. Майков в 1893 г. впервые напечатал воспоминания М. И. Пущина и процитировал несколько строк из письма Толстого к Анненкову («О поездке Пушкина на Кавказ в 1829 году» — «Русский вестник», 1893, № 9, стр. 159; вошло в кн.: Л. Н. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 386—387). Что же касается оригинала «записки» Пущина, то он вместе с письмом Толстого к Анненкову поступил в 1896 г. в петербургскую Публичную библиотеку (см. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1896 г.» СПб., 1900, стр. 199—200), где и хранится до сих пор. И если бы редакторы т. 60, печатая текст письма Толстого к Анненкову, обратились к автографу, то увидели бы, что он находится на последней странице «записки» Пущина, вслед за ее окончанием.

Одна неточность обнаружена нами и в т. 67. Комментаторы этого тома считали, что письмо Толстого к редактору журнала «Revue des revues» от 14 марта 1894 г. (№ 81) печатается впервые. Между тем воспроизведение автографа этого письма было дано еще в 1903 г. в альбоме «Гр. Лев Толстой. Великий писатель земли русской в портретах, гравюрах, живописи, скульптуре, карикатурах и т. д.», составленном Пл. Н. Красновым и Л. М. Вольфом (стр. 66). Таким образом, не было оснований считать это письмо неопубликованным.

И. Зильберштейн

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ *

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ

В предисловии к Юбилейному изданию тогдашний его главный редактор В. Г. Чертков писал: «...редакция настоящего издания, строго придерживаясь принципа полной объективности, не снабжает текст никакими примечаниями с разъяснением ⟨...⟩ идейных противоречий» Толстого (т. 1, с. VIII).

Однако работа над изданием показала, что научная объективность оценки толстовского наследия, впервые полностью публикуемого, не могла быть достигнута путем отказа от принципиального освещения существа взглядов писателя, их противоречивости, их обусловленности исторической эпохой. Так возникла необходимость расширить исследовательский аппарат издания и ввести в дополнение к комментариям вступительные статьи-предисловия — к отдельным томам. Первое предисловие, принадлежащее перу С. П. Бычкова, появилось в т. 60 издания, вышедшем в 1949 г. Предисловиями, в которых рассматривается существо взглядов и деятельности Толстого соответствующего периода, а не только сообщается о составе того или иного тома, снабжены вышедшие позднее томы: 21-22, 23—24, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 37, 39—42, 45, 48-49, 50-51, 52, 53, 57, 64, 65,66, 67—71, 73-74, 75-76, 77—82, 88-89.

В ряде случаев, как видим, одно предисловие предпосылалось нескольким томам, и это вполне оправдано, особенно в серии «Дневники» и «Письма», поскольку целостная характеристика взглядов Толстого, отразившихся в этих писаниях, требовала более широкого охвата материала, а не дробного членения его по отдельным темам, обнимающим один-два года. Единственный случай, где можно пожалеть о таком объединении — предисловие к тт. 39—42. Содержательная статья, принадлежащая С. М. Брейтбургу, механически распадается на две части: одна посвящена произведениям 1893—1898 гг., составляющим содержание т. 39; другая, совсем не связанная с первой, касается вошедших в тт. 40—42 различных сборников с «мыслями мудрых людей», которые Толстой составлял в последние годы своей жизни (1903—1910). Правильнее было бы дать отдельное предисловие к т. 39, а в т. 40 поместить статью о «компилятивных» сборниках Толстого. Это, без сомнения, позволило бы автору предисловия яснее определить место указанных сборников в идейной и творческой эволюции писателя.

За исключением трех статей, относящихся к материалам 50—70-х годов (тт. 21—22, 48-49 и 60), все остальные помещенные в издании вступительные статьи относятся к сочинениям позднего периода деятельности Толстого, отличающегося наибольшей сложностью, противоречивостью и наименьшей изученностью.

Написанные различными специалистами, неравноценные по качеству, эти предисловия сходятся в одном: все авторы руководствуются в своих анализах ленинской концепцией изучения Толстого, ленинской оценкой противоречий его мировоззрения и творчества. Следует подчеркнуть, что такие разделы наследия писателя, как публицистика, дневники, письма, впервые были подвергнуты систематическому рассмотрению с ленинских позиций изучения Толстого именно во вступительных статьях к соответствующим томам Юбилейного издания. Этим определяется общее значение названных статей, которые сыграли положительную роль

* Комментарии и примечания, которыми сопровождаются в Юбилейном издании произведения, письма, дневники и записные книжки Толстого, рассмотрены выше, в соответствующих разделах обзора.— *Ред.*

в разъяснении подлинного смысла творческой деятельности Толстого и его неустанных исканий.

В наиболее содержательных из статей подняты сложнейшие вопросы идейного развития Толстого, разработка которых продолжает оставаться среди актуальных задач литературоведения и наших дней. С. П. Бычков, анализируя письма второй половины 50-х годов, ставит проблему об отношении Толстого к революционно-демократической идеологии и теоретикам «чистого искусства», о том, как отразились идейные колебания на творчестве Толстого этих лет. В. Ф. Асмус, рассматривая религиозно-философские трактаты Толстого 80-х годов, заостряет вопрос о подлинной сущности «религии» Толстого и приходит к справедливому выводу: «Религия Толстого есть не столько вера (хотя в ней, конечно, есть элемент религиозной веры), сколько *протест*» (т. 23, с. IX). С. М. Брейтбург, затронув такую сложную проблему, как критика Толстым патриотизма, в результате исследовательского анализа устанавливает, что позиция сторонника христианского единения людей всего мира сочеталась у Толстого с беспощадным обличением национализма, шовинизма, милитаризма, которым в буржуазном обществе присваивается наименование патриотизма. С. А. Розанова в предисловии к тт. 73-74 и Е. Н. Купреянова в предисловии к тт. 75-76, анализируя письма Толстого 1901—1906 гг., на конкретном материале демонстрируют сложность отношения Толстого к первой русской революции, «зеркалом» которой он явился, несмотря на то, что, по словам В. И. Ленина, явно не понял этой революции и отстранился от нее. В предисловии к письмам последующих лет (тт. 77—82) Б. С. Мейлах сформулировал проблематику идейной эволюции Толстого в его поздние годы.

Большой интерес, выходящий за пределы характеристики писем Толстого к Черткову, представляет статья М. А. Щеглова, помещенная в т. 88-89. Широко привлекая материалы, рисующие взаимоотношения Толстого с Чертковым за все время их знакомства, М. А. Щеглов показывает, что лишь одна сторона сложной личности Толстого была обращена обычно к его другу и «единомышленнику».

Обширные новые материалы, опубликованные в издании, позволили авторам предисловий к томам значительно расширить сферу приложения ленинского анализа творчества и взглядов Толстого.

В некоторых случаях, однако, догматические стремления авторов предисловий в каждом произведении Толстого увидеть сумму противоречий, о которых говорил Ленин, оценивая творчество и мировоззрение писателя в целом, приводят к односторонним и даже неверным оценкам. Странно, например, выглядит анализ такого шедевра художественной прозы позднего Толстого, как повесть «Хаджи-Мурат» (т. 35), лишь в свете общих противоречий патриархально-крестьянской идеологии. Между тем именно «Хаджи-Мурат» относится к числу тех произведений Толстого, где слабость его религиозно-нравственного учения представлена в минимальной степени и где весь пафос сосредоточен на утверждении активности, борьбы, противления, даже и посредством «насилия». Точно так же весьма спорна трактовка образа Федора Протасова, которую дает К. Н. Ломунов, утверждающий, будто, «рисуя образ Протасова, Толстой выступает сторонником пассивного „неучастия в зле“, как метода „борьбы“ с социальной несправедливостью» (т. 34, с. XII—XIII).

Иногда гениальные суждения Ленина о Толстом применяются начетнически в роли тех «дежурных цитат», которые преподносятся взамен необходимых собственных мыслей. Особенно странно выглядит, в этой связи, концовка предисловия, помещенного в т. 21-22 (авторы Н. А. Константинов и А. К. Петров). На протяжении двух листов статьи так и остаются нераскрытыми причины непреходящего значения маленьких рассказов

Толстого, помещенных в «Азбуке» и «Русских книгах для чтения». В конце предисловия авторы справедливо упоминают о том, что в советскую эпоху детские рассказы Толстого выходят у нас большими тиражами в сериях: «Книжка-малышка», «Библиотека детского сада», «Мои первые книжки», «Книга за книгой», «Школьная библиотека» и др. Тут бы и поставить точку. Но нет: нужна цитата. И авторы продолжают: «Это со всей яркостью подчеркивает значение слов великого Ленина о том, что в наследстве Л. Н. Толстого „есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему" и „это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат"». Авторы не учитывают того, что Ленин говорил в данном случае, будучи всегда предельно конкретным и точным, о том «наследстве», которое содействует революционному просвещению пролетариата: о толстовской критике государства, церкви, частной поземельной собственности, капитализма (В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 297).

Недостатком некоторых вступительных статей является то, что они не охватывают всех главнейших *основных* материалов, представленных в соответствующем томе. В особенности это касается первой серии издания, содержащей произведения Толстого. Характеризуя в статье к т. 30 эстетические взгляды Толстого, К. Н. Ломунов, например, даже не упоминает помещенного в томе предисловия к сочинениям Ги де Мопассана, хотя это предисловие существенно обогащает наше представление об эстетике Толстого, в частности о его положительной программе реалистического искусства. Аналогичным образом Б. С. Мейлах свое краткое предисловие к т. 37 посвящает в основном статье «Не могу молчать», почти не касаясь художественных произведений Толстого последних лет. Характеристика «Круга чтения», данная в предисловии С. М. Брейтбурга к тт. 39—42, в значительной мере обеднена из-за того, что не только не анализируются, но даже не упомянуты замечательные художественные произведения Толстого, опубликованные в «Круге чтения»: «За что?», «Ягоды», «Корней Васильев», «Божеское и человеческое».

Почти не касаются авторы предисловий творческой истории произведений Толстого, хотя такого рода материалы были бы здесь очень нужны и уместны. Ведь комментарии в Юбилейном издании представляют собою обычно лишь изложение чисто внешней, фактической стороны истории писания и печатания произведения.

Введение в Юбилейное издание исследовательских статей-предисловий оказалось полезным как для самого издания, так и для изучения наследия Толстого вообще. Но имеющиеся лишь в половине издания, эти предисловия не могли осветить всего идейного и художественного пути Толстого, охватить в своих анализах все наследие писателя. Они остались лишь фрагментами таких широких характеристик.

Л. Опульская

2. УКАЗАТЕЛИ

В Юбилейном издании были предусмотрены следующие типы указателей: а) Указатель собственных имен; б) Словарь трудных для понимания слов; в) Алфавитный указатель адресатов Толстого.

Указатель собственных имен должен был даваться при каждом томе. По инструкции в него вводились как из текста Толстого, так и из текста комментариев: «1) имена личные; 2) имена географические (государств, городов, сел, деревень, улиц, площадей и т. д., гор, рек, озер и т. п.); 3) названия исторических событий (войн, сражений, революций и т. п.); 4) названия учреждений (правительственных, учебных, ученых, полков, обществ и т. п., гостиниц, ресторанов и т. п.); 5) названия издательств; 6) заглавия книг, названия статей, журналов, газет; 7) названия произведений (слóва,

живописи, скульптуры, музыки); 8) имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого, когда последний упоминает их не в тех произведениях, где они выведены».

Словарь трудных для понимания слов предназначался лишь для серии «произведения». Он должен был заключать в себе «вышедшие из употребления специальные термины, слова местные, слова языков национальных меньшинств» и т. п.

Указатель адресатов для каждого тома из серии «письма» должен был «раскрывать содержание этого тома в алфавитном порядке».

Установленные указатели не были осуществлены в полном объеме.

Без указателей собственных имен вышли тт. 21, 22 и 24, что следует, безусловно, отнести к недостаткам справочного аппарата Юбилейного издания.

Со словарями трудных для понимания слов вышли лишь тт. 1—7, 9—12. В дальнейшем Редакторский комитет справедливо признал такие словари ненужными для научного издания.

Указатели собственных имен были приняты двух родов: аннотированные — к томам серии «произведения» и неаннотированные — к томам серий «дневники» и «письма». Такое подразделение было вызвано тем обстоятельством, что в комментариях к дневникам и письмам давались довольно подробные сведения о том или ином лице, событии и т. п., в комментариях же к произведениям этого, за редкими исключениями, не делалось.

Соответствующая инструкция предусматривала составление указателей, отвечающих типу и задачам Юбилейного издания. Однако расширительное толкование некоторых пунктов инструкции составителями указателей привело в томах, вышедших в первые годы издания, к излишествам и к засорению указателей второстепенными, а часто и совсем ненужными сведениями. С большим произволом использован в частности пункт, предусматривавший введение в указатель «названий учреждений». Стали вводиться такие названия, как «Калужская гимназия», «Пензенская гимназия» (т. 8), «Тульский банк», «Московская духовная цензура» (т. 54), «Сенат» (т. 85) и т. п. Все эти названия взяты из текста комментариев, где приведены мимоходом, и для изучения творчества и жизни Толстого не имеют никакого значения.

Такие же неоправданные излишества вызвал и пункт о «названиях исторических событий». В т. 85 в указателе значится, например: «Съезд представителей сектантства», в т. 54: «Убийство Гумберта», «Убийство Сипягина», «Юбилей — 200-летие русской периодической печати», «Юбилей — 50-летие со дня выхода в свет первой повести Толстого „Детство“».

Большое место в указателях к ранним томам занимают и так называемые отсылочные указания. Такие указания законны, когда они помогают разыскивать в томе нужное имя, событие, книгу и т. п. Но часто они совершенно не нужны и лишь засоряют указатели.

В результате допущенных излишеств указатели к некоторым томам Юбилейного издания превратились в громоздкие справочники, которыми трудно пользоваться. Так, например, указатель к т. 54 составляет 6 печатных листов при общем объеме тома в 48 печатных листов.

После ликвидации Редакторского комитета (см. об этом в первом разделе настоящего обзора) контроль над указателями практически осуществлялся редакторами томов. Прекращение единого руководства этой частью работы внесло в нее разнобой. Например, некоторые составители совсем перестали вводить в указатель названия улиц, площадей и т. п.; другие стали указывать их лишь при названии городов; третьи — продолжали по-прежнему вводить их как самостоятельные имена. Почти то же происходило и с героями художественных произведений как Толстого,

ТОЛСТОЙ

«Фотография 1892 г. с дарственной надписью: «П. И. Нерадовскому Лев Толстой»
Архив Толстого, Москва

так и других авторов. Фамилии их иногда вводились в указатель со ссылкой на произведения, из которого они взяты, иногда — со ссылкой на автора, а в последних томах чаще всего не вводились совсем, а лишь давались при названии произведения, которое, в свою очередь, помещалось под фамилией автора.

Составление указателей имен собственных велось многими лицами с очень разной литературной подготовкой. Иные из ошибок, допущенных при составлении указателей, связаны с неправильным пониманием самой природы художественного творчества Толстого. Так, в т. 1 большинство действующих лиц повести «Детство», как дедушка, тетушка, брат тетушки и др., введены в указатель со ссылками: «Дед, дедушка. *См. кн. Н. С. Волконской*», «Тетушка. *См. Ергольская Т. А.*», «Брат тетушки. *См. Ергольский Д. А.*» и т. д. Под указанными же фамилиями даны аннотации и цифры, где эти лица упоминаются. Таким образом составитель указателя безоговорочно отожествил действительно существовавших лиц с художественными образами повести Толстого. Неправильно внесена в тот же указатель и фамилия композитора А. А. Алябьева. В повести говорится, что отец героя «певал ⟨...⟩ романсы приятеля своего А...». В указатель вводится: «А... *См. Алябьев А. А.*», хотя в комментариях нет никаких объяснений по этому вопросу. В этих и аналогичных им случаях составители указателя выступают уже в роли комментаторов биографии и творчества писателя.

Весьма неприятны и ошибки, вызванные незнанием конкретных фактов творчества Толстого. В результате этих ошибок читателю и исследователю сообщаются неверные сведения. Например, в указателе к т. 53 среди произведений Толстого приведено заглавие «Carthago delenda est». Но цифры страниц, подведенные под это заглавие, относятся к четырем *разным* произведениям Толстого: «Carthago delenda est» (1896), «Carthago delenda est» (1898), «Приближение конца» и «Послесловие к статье П. И. Бирюкова „Гонение на христиан в России в 1895 году"». Ошибка вызвана тем, что все эти произведения в разное время их написания имели заглавие: «Carthago delenda est».

В том же указателе при заглавии драмы «Власть тьмы» пропущены цифры страниц (268—269), на которых напечатаны относящиеся к этой пьесе записи, сделанные Толстым на генеральной репетиции ее в Малом театре 28 ноября 1895 г. Пропуск вызван, несомненно, тем, что заглавие драмы в тексте не названо, а упомянуты лишь имена некоторых действующих лиц, на которые составитель не обратил внимания.

Встречаются в указателях Юбилейного издания ошибки, сделанные по небрежности. Так, в указателе к т. 57 писатель И. А. Новиков назван в аннотации «телятинским», а рядом стоящий телятинский крестьянин И. А. Новиков — «сочинителем». Там же Александра Александровна Корсина названа Александрой Васильевной. В указателе к т. 39 нет фамилии французского политического деятеля Жоржа Эрнеста Буланже, упоминаемого в статье «Христианство и патриотизм», а цифры страниц, где он упоминается, подведены под фамилию знакомого Толстого Павла Александровича Буланже. К сожалению, таких ошибок, сделанных по небрежности, немало.

Отрицательно сказалась на качестве указателей отмена в томах, вышедших в период между 1949—1957 гг., раздела указателя, в котором иностранные имена, приведенные в тексте только в транскрипции латинского алфавита, в этой транскрипции и давались. После ликвидации иноязычного раздела составителям пришлось включать эти имена в русский алфавит, исходя из их русского произношения. Таким образом Garnier ставили на букву Г, а Girardin — на Ж; Hugo — на Г; Hume — на Ю, а «Histoire de France» — на И. В отдельных случаях этот принцип

нарушался; так в тт. 77—78 Chopin стоит на букву Ш, а Haage (Гаага) на букву Х; в тт. 81—82 на букву Е поставлены такие названия, как «Ere nouvelle», «Esperanto» и «Europe»; а на букву Ю — почему-то поставлено «Une vie». Такой разнобой, допущенный в ряде указателей, затрудняет поиски нужного имени.

Критические указания в адрес составителей указателей к Юбилейному изданию не должны умалять общей ценности проделанной ими обширной и сложной работы.

Как и комментаторы, составители указателей раскрыли множество темных мест в текстах Толстого: например, установили имя «шутника француза» (Альфонса Карра), чье изречение Толстой приводит в черновиках статьи «Не могу молчать» (т. 37, с. 399); дали справку о никому не известном Жозефе Ритсоне (английском антикваре), чьим именем подписано привлекшее внимание Толстого изречение о вегетарианстве (т. 42, с. 75); указали название оперы («Дон Жуан» Моцарта), откуда взято дуэтино «La ci darem la mano» (т. 31, с. 137), и т. д.

В указателях к такому сложному и монументальному изданию, несомненно, не могло не быть ошибок и неполадок. Устранению их поможет специальный том общих сводных указателей ко всему изданию. Такой том в настоящее время составляется.

В. Мишин

ИЛЛЮСТРАЦИИ

За небольшим исключением все тома Юбилейного издания Толстого иллюстрированы. Иллюстративный материал — всего 239 иллюстраций — включает:

1) Портреты Толстого. В томах помещено 87 изображений писателя: 26 художественных портретов (масло, рисунок, скульптура) и 61 фотография (среди них 4 дагерротипа).

2) Рукописи и корректуры Толстого (126). В числе их — рукописи и корректуры художественных произведений (63), публицистических, педагогических и философских статей (19), дневниковых записей и листов записных книжек (21), писем (23).

3) Рисунки и чертежи Толстого, сделанные на полях рукописей и в записных книжках (7).

4) Книжные обложки изданий произведений Толстого (4). Среди них обложки первых изданий «Войны и мира», «Анны Карениной». Напечатанные в т. 22 все четыре книги «Азбуки» Толстого воспроизведены фототипически с издания 1872 г. Благодаря прекрасно выполненной фототипии читатель знакомится не только с точным текстом этого издания, но и с его орфографией, рисунками, цветом обложек и т. п.

5) Разного рода документы (7). Карта Севастополя 1855 г., ноты «Севастопольские песни», генеалогические таблицы рода Толстых.

6) Виды местностей, связанных с биографией Толстого (5). Снимки Ясной Поляны, Гаспры, Астапова.

7) Рисунки М. С. Башилова к «Войне и миру» (3).

Иконографический материал в своем подавляющем большинстве подобран удачно. В издании представлены лучшие изображения Толстого: портреты, сделанные И. Н. Крамским, И. Е. Репиным, Н. Н. Ге, Н. А. Ярошенко, Л. О. Пастернаком и др.; скульптуры П. П. Трубецкого, И. Я. Гинцбурга, П. К. Клодта, Н. Н. Ге; фотографические портреты писателя в различные периоды жизни. Все это дает представление об изменении внешнего облика Толстого.

Богат и разнообразен иллюстративный подбор рукописей. Детские сочинения Толстого, «Детство», «Отрочество», «Юность», «Разжалованный»,

«Записки маркера», «Святочная ночь», «Севастополь в августе», «Роман русского помещика», «Альберт», «Семейное счастье», «Казаки», «Зараженное семейство», «Война и мир», «Роман из времен Петра I», «Декабристы», «Труждающиеся и обремененные», «Анна Каренина», «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Плоды просвещения», «Дьявол», «Отец Сергий», «И свет во тьме светит», «Воскресение», «Живой труп», «Хаджи-Мурат», «Фальшивый купон», «Алеша Горшок», «Что я видел во сне», «Кто убийца?», «Нечаянно» — вот полный перечень тех 33 художественных произведений Толстого, фотокопии рукописей которых опубликованы в издании. К этому следует прибавить фотокопии листов рукописей 16 публицистических произведений: «Грамматика для сельских школ», «Так что же нам делать?», «Царство божие внутри вас», «О голоде», «Неужели это так надо?», «О Шекспире и о драме», «О значении русской революции», «Не могу молчать», «Доклад, приготовленный для Конгресса мира в Стокгольме», «Путь жизни», «На каждый день» и др.

Листы, взятые для фотографирования, в основном выбраны удачно, однако есть и взятые случайно. Так, в т. 4 воспроизведена четвертая полоса корректуры «Севастополя в августе». Гораздо выразительнее, чем эта полоса, не имеющая заглавия, была бы первая полоса — с заглавием и с пометами Толстого, Чернышевского и Тургенева. В т. 60 дана репродукция письма к В. В. Арсеньевой от 8 сентября 1856 г. И это — единственное письмо, фотография которого опубликована в этом томе — одно из самых незначительных даже среди очень личных писем к Арсеньевой, а между тем в этом же томе печатаются замечательные письма Толстого к Тургеневу, Островскому, Некрасову, Панаеву, Герцену, Боткину, Дружинину и др. В т. 72 репродуцировано письмо к А. Л. и О. К. Толстым от 23 марта 1900 г. с филиппиками против медицины, а между тем здесь же напечатано письмо к шведской интеллигенции о Гаагской мирной конференции, много писем к издателю А. Ф. Марксу, к В. В. Стасову. Но, повторяем, это — отдельные неудачи: в основном подбор сделан продуманно.

К сожалению, хорошо подобранные иллюстрации (это относится ко всем их видам) плохо аннотированы: под репродукциями очень неполные, неточные, а часто и ошибочные подписи, много ошибок и в списках иллюстраций.

Если в первых томах издания под фотографией обязательно указывались год, место и фамилия фотографа, то очень скоро место фотографирования и фамилия фотографа стали появляться лишь эпизодически, а в некоторых томах исчезло указание и на год. Так, вообще не датированы фотографии в томах: 41 (Черткова, 1907 г.), 60 (Левицкого, 15 февраля 1856 г.), 75 (Бодянского, 1904 г.).

Из общего числа фотографических портретов Толстого, опубликованных в издании, 12 имеют неверные даты; неверно, например, датирована 1855 г. фотография с дагерротипа 1854 г., опубликованная в т. 2. Кроме того, эта фотография отпечатана с неверным поворотом, зеркально, что легко обнаружить даже без оригинала. Также с неверной датой (1900 г.) и тоже с зеркальным воспроизведением опубликована в т. 3 фотография, сделанная О. Ренаром в 1909 г.

Еще бóльшая неудача произошла с фотографией, отпечатанной с известного дагерротипа, сделанного в Москве во второй половине февраля 1854 г. «Л. Н. Толстой с братьями». В т. 3 воспроизведена (с датой 1854 г. под вопросом) только часть этой фотографии — изображение одного Льва Николаевича; при полном же воспроизведении (в т. 59) дата стоит неверная — 1855 г.

В некоторых случаях под фотографией стоит одна дата, а в списке иллюстраций в конце тома — иная. Так датирован, например (1860 и 1861 гг.),

брюссельский портрет Толстого, сделанный в марте 1861 г. в фотографии И. Жерюзе (т. 5). Что касается второго брюссельского портрета, сделанного одновременно с этим, то хотя в томе он имеет только одну дату, но она неверна (1860 г.—т. 8). Две даты (1880г. под фотографией и 1881 г. в списке иллюстраций) имеет и портрет, помещенный в т. 17. В этом случае неверны обе даты, как неверно названа и фамилия фотографа: указан петербургский фотограф Везенберг, а в действительности снимок был сделан в Москве в 1876 г. фотографом Сокольниковым, а Везенберг лишь сделал пересъемку. Аналогичный случай произошел и с фотографией Шерера и Набгольца 1884 г., которая публикуется в т. 25 с датой 1885 г., а фотографом называется тот же Везенберг.

Иногда несоответствие между подписью под фотографией и списком иллюстраций касается не только дат. Так, под помещенной в т. 43 фотографией Черткова «Толстой на прогулке близ Ясной Поляны» указано, что снимок уменьшен в 1,35 раза сравнительно с оригиналом, а в списке утверждается, что он увеличен в 2 раза. Несколько фотографий при соответствии подписи под ними с названием в списке иллюстраций датируются неверно (фотография Абамелек-Лазарева 1885 г. в т. 27 — 1889 г., фотография Шерера и Набгольца 1896 г. в т. 33 — 1898 г., фотография Томашевича 1891 г. в т. 65 — 1890 г., фотография Шерера и Набгольца 1892 г. в т. 66 — 1891 г., фотография Шерера и Набгольца 1896 г. в т. 71 — 1898 г.). Датировки фотографий, правильные сами по себе, иногда хронологически не подходят к произведениям, публикуемым в томе, который они иллюстрируют.

Думается, что в таком издании, как Юбилейное, обязательно надо было указывать имя фотографа. И уже совершенно недопустимо было, публикуя в т. 7 фотографию 1862 г., выбрать для этой цели копию, отказавшись от оригинала, на котором рукой С. А. Толстой написано, что Лев Николаевич «сам себя снял». Думается также, что живописные и скульптурные портреты Толстого, фотографии которых опубликованы в издании, необходимо было сопроводить датами их создания. Отсутствие дат лишает иногда возможности установить, сделан ли портрет с натуры или же это просто образ, созданный творческим воображением художника. Для художественных изображений Толстого следовало бы также указывать в подписях, что́ представляет собою портрет, т. е. картина ли это, писанная маслом, или рисунок; для скульптуры — материал, из которого она сделана (мрамор, бронза, гипс и т. п.). И, наконец, где хранятся воспроизведенные портреты. Большая часть их находится в основных хранилищах страны — Гос. Третьяковской галерее, Гос. Русском музее, Гос. Музее Л. Н. Толстого. Указание на место хранения позволило бы читателю, который захотел бы увидеть подлинники, без труда их найти.

Надо сказать, что в составлении подписей вообще не чувствуется определенной системы, так, например, в ряде случаев под фотографическими портретами скрупулезно указывается, насколько они увеличены или уменьшены против оригинала, что в сущности не так уж необходимо для фотографий, формат которых очень ограничен. А наряду с этим сведения о размере отсутствуют для художественных изображений, где они гораздо важнее. Далеко не всегда указаны размеры и под снимками с рукописей, где такие указания также весьма желательны.

В заключение надо сказать, что и с отмеченными недостатками достоинства иллюстративной части издания очевидны. Многие рукописи и портреты Толстого, опубликованные в Юбилейном издании, до того известные только немногим специалистам, теперь благодаря этим публикациям получили широкую известность.

А. Опульский

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подробный критический обзор Юбилейного собрания сочинений Толстого, представленный на предыдущих страницах отдельными специальными статьями, а также критические статьи о нем, ранее появившиеся в печати, дают достаточное представление как о достоинствах, так и о недостатках этого монументального издания.

Что касается его недостатков, то нельзя не принимать во внимание особых условий, сопутствовавших работе над ним и в значительной мере объясняющих наличие этих недостатков. В самом деле, советскому академическому изданию Полного собрания сочинений Пушкина предшествовали длительные попытки критических изданий сочинений поэта начиная с издания П. В. Анненкова и кончая незавершенным изданием Академии наук досоветского и советского периодов, а также изданиями популярного характера, выходившими, однако, под редакцией высококвалифицированных пушкинистов, как правило, вносивших свою долю в работу над текстами Пушкина. Советскому академическому изданию Полного собрания сочинений Гоголя предшествовало для своего времени замечательное по научному уровню издание под редакцией Н. С. Тихонравова. Академические издания сочинений Лермонтова, Грибоедова, Ломоносова, Белинского также имеют солидную редакторскую традицию. И тем не менее каждое из этих новейших советских академических изданий не лишено своих недостатков.

Что касается Юбилейного издания сочинений Толстого, то, не будучи академическим в собственном смысле слова, хотя и приближаясь к нему по своему составу и по строгости характеризующих его критических приемов, оно не имело предшественников, опытом которых могло бы воспользоваться. По своему научному качеству выделялись, по сравнению с предыдущими изданиями сочинений Толстого, издания: двенадцатитомное под редакцией И. И. Гливенко и М. А. Цявловского (приложение к журналу «Огонек» на 1928 г.) и в особенности пятнадцатитомное под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума (1928—1930) (оба они были приурочены к празднованию 100-летия со дня рождения Толстого). Но оба эти издания включали в себя только художественные произведения, притом лишь в очень небольшой степени сверенные с рукописями и сопровожденные, по сравнению с Юбилейным изданием, весьма скромным количеством вариантов, извлеченных из черновых рукописей и первоначальных журнальных редакций. Комментаторский материал, наиболее солидный и обстоятельный в издании под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума (особенно статьи по истории создания толстовских произведений, принадлежащие В. И. Срезневскому), по самому своему заданию не может идти в сравнение с аналогичным аппаратом Юбилейного издания.

Можно с уверенностью сказать, что ни от одного русского писателя не сохранилось такого огромного количества рукописного и корректурного материала, сколько сохранилось его от Толстого. Что касается рукописей и корректур толстовских произведений, то они дошли до нас большею частью в таком хаотическом состоянии, что на упорядочение их, систематизацию, хронологическое расположение потребовалось много сил и большая затрата времени. Работа эта, производившаяся в процессе редактирования Юбилейного издания, сильно осложнялась тем, что рукописи Толстого до 1939 г. (когда по распоряжению Советского правительства они были в огромной своей части сосредоточены в рукописном отделе Толстовского музея) находились не только в различных хранилищах Москвы, но и в других городах, преимущественно в Ленинграде, причем сплошь и рядом случалось так, что рукописи, относящиеся не только к какому-то

одному произведению, но порой и к отдельным главам этого произведения, были рассредоточены по различным архивохранилищам. Порой недостающую страницу какого-либо рукописного текста приходилось искать не на месте хранения этого основного текста, а в другом архиве.

Изучение истории толстовских текстов, особенно поздних, сильно затруднялось тем, что написанное Толстым, как правило, многократно копировалось переписчиками после очередного исправления им очередной копии. При этом переписывались в большинстве случаев не все

ИЛЛЮСТРАЦИЯ П. ЖИВАГО К РАССКАЗУ «ТРИ ВОПРОСА»
(Гравюра в книге: «Л. Н. Толстой. Рассказы и сказки», изд. Горбунова-Посадова, 1909

страницы, а лишь те, которые подверглись особенно усиленной правке; те же страницы, в которых такой правки не было, присоединялись к заново переписанным частям текста, с исправлением первоначальной пагинации. Такой способ переписывания исправленных Толстым копий повторялся сплошь и рядом многократно. Затруднения увеличивались еще и тем, что довольно часто переписывался текст не отдельных листов сплошь, а тех частей листа, которые содержали в себе наибольшее количество исправлений. Переписанное в таком случае подклеивалось к оставшейся без переписки части листа. Отрезанные полоски, лишенные пагинации, создавали дополнительные трудности при поисках того листа, в составе которого они первоначально находились. Все это очень осложняло не только наблюдение за ходом работы Толстого над текстом, но и описание его рукописей.

В огромном большинстве лица, привлеченные к редактированию произведений Толстого, успешно справились с упорядочением и систематизацией его рукописей, но в отдельных случаях, как это явствует из соответствующих обзоров, касающихся Юбилейного издания, тут допущены были ошибки, которые, как и другие ошибки, надлежит устранить в новом фундаментальном издании сочинений Толстого, долженствующем со временем усовершенствовать издание Юбилейное.

В процессе своей писательской работы Толстой шел очень сложными путями, в большинстве случаев далеко не сразу находя тот способ литературного воплощения своих замыслов, какой в наибольшей степени мог его удовлетворить. Этим и объясняется накопление у Толстого большого, часто огромного чернового материала, в своей совокупности дающего отчетливую картину творческих поисков великого художника и мыслителя. Это же обилие черновиков, многократно переписывавшихся чужой рукой с автографов и с правленных автором копий, влекло за собой нагромождение допускавшихся переписчиками ошибок, не замечавшихся Толстым и переходивших в печатные тексты его произведений, как переходили в них ошибки типографских наборщиков и корректоров и сознательные искажения толстовских текстов по воле отдельных переписчиков, чаще всего — жены Толстого. Бессознательные ошибки при переписке объяснялись частично неразборчивостью и густотой почерка Толстого, особенно во вставках и добавлениях к первоначальному тексту произведений и в беглых записях в записных книжках, частично рассеянностью или недостаточной внимательностью переписчиков; что же касается сознательных отступлений от текста Толстого, то они отражали преимущественно вкусовые, эстетические или даже интимные споры с Толстым, как это было у жены его, или несогласия грамматического и стилистического порядка, как это наблюдалось у ряда переписчиков вообще.

По мере продвижения работы над изданием редакторы все чаще обращались к автографическим написаниям Толстого для восстановления как ненамеренных, так и намеренных искажений в его текстах, но в отдельных случаях, например, по отношению к тексту «Войны и мира», такого рода обращение вовсе не имело места, в других случаях, как в тексте «Анны Карениной», оно производилось лишь частично. В печати уже указывались проистекшие отсюда ошибки, вкравшиеся в тексты обоих романов в Юбилейном издании. Само собой разумеется, что в последующих критических изданиях всех сочинений Толстого всюду должны быть сохранены такие написания, какие принадлежат самому Толстому, а не его переписчикам или наборщикам и корректорам. В отдельных случаях это уже делалось, правда, очень редко, в изданиях некоторых художественных произведений Толстого, вышедших после Юбилейного издания, и систематически это должно быть выполнено в двадцатитомном собрании сочинений Толстого, выходящем в связи с пятидесятилетней годовщиной его смерти.

При подготовке своих произведений к печати, преимущественно в корректурах или в переработке первопечатных текстов, Толстой нередко прибегал к помощи посторонних лиц, на которых он полагался как на достаточно компетентных своих помощников и которым доверял преимущественно стилистические исправления. В числе таких лиц были П. И. Бартенев, Н. Н. Страхов, В. Г. Чертков и др. В одних случаях они свои исправления доводили до сведения Толстого, в других—этого не делали, пользуясь безоговорочным его разрешением вносить исправления по своему усмотрению и притом большею частью работая вдали от него. Так как, однако, мы можем принимать во внимание лишь те исправления посторонних лиц, которые были доведены до сведения Толстого и таким образом им санкционированы, то перед редакторами возникала в ряде случаев нелегкая задача — определить, что именно тут может считаться санкционированным Толстым и отсюда — какие посторонние исправления толстовских текстов мы можем принять, а какие должны отвергнуть даже в том случае, если они объективно «улучшают» текст. Есть все основания утверждать, что редакция Юбилейного издания с этой задачей справилась удовлетворительно.

Не приходится говорить о том, что комментирование дневников, которые с перерывами, иногда значительными, Толстой вел в течение всей

жизни и которым отведено тринадцать томов, сопряжено было с немалыми трудностями: оно требовало хорошей осведомленности в фактах и событиях внутренней и внешней жизни Толстого, а также немалой затраты сил и времени для разыскания сведений о многочисленных лицах, фигурирующих в дневниках, об авторах прочитанных Толстым книг и т. д. То сравнительно немногое, что сделано было по части публикации дневников Толстого до Юбилейного издания, лишь в очень малой степени облегчало работу над ними редакторов. В обзоре Н Н. Гусева указаны бесспорные положительные стороны в работе над дневниками; отмечены также и недостатки в этой работе, в частности наличие опечаток, которые желательно было бы указать в готовящемся дополнительном томе Юбилейного издания. Вряд ли также можно считать правильным стремление редакторов тт. 50—53, заключающих дневники Толстого за 1888—1895 гг., восстановить вымаранные Толстым записи, касающиеся его напряженных отношений с Софьей Андреевной и осуждающие ее. Всего в дневниках за это время оказалось сорок пять таких мест, большею частью вымаранных, частично вырезанных. Это сделано было Толстым по просьбе Софьи Андреевны, обратившей внимание на одну из таких записей при чтении дневника мужа — именно на запись от 6 октября 1895 г. Из записи Толстого от 13 октября 1895 г. и из писем его к Софье Андреевне от 2 и 4 ноября того же года явствует, что Толстой сожалел об обидных для жены своих дневниковых записях. «*Слова эти писаны в минуты раздражения. — Теперь повторяю еще раз для всех, кому попадутся эти дневники*», — записал он 13 октября, подчеркнув написанное (т. 53, с. 61), а жене писал, что два дня перечитывал дневники «с тем, чтобы уничтожить, что неправда» (т. 84, с. 244).

Редакторы восстановили в этих дневниковых записях Толстого все то, что они способны были разобрать из зачеркнутого Толстым, и не воспроизвели лишь то, что они не в состоянии были прочесть. При нынешней технике расшифровки даже густо вымаранных написаний можно было бы восстановить и оставшиеся неразобранными строки и слова Толстого, но следует ли вообще предавать печатной гласности то, на что наложен запрет самим писателем? Думается, что не следует, что нарушение воли его не должно иметь места, особенно в тех случаях, когда дело касается сугубо личных и интимных сторон его жизни и жизни близких ему людей.

Значительные трудности связаны были с собиранием не выявленных или не опубликованных до тех пор писем Толстого, а также с комментированием всего его эпистолярного наследства и с критической проверкой его текста в ряде случаев освобождаемого от цензурных искажений. В последние годы жизни Толстого большинство его писем сохранялось в Ясной Поляне в копиях машинописных, рукописных (чужой рукой) и оттиснутых в копировальных книгах, что, естественно, облегчило их выявление для Юбилейного издания, но необходимо было собрать сведения об адресатах Толстого, письма которых хранились в яснополянском архиве. О сложности и хлопотливости этой работы сказано в обзоре, посвященном письмам Толстого. Поиски не вошедших в Юбилейное издание толстовских писем неустанно продолжаются. Часть их, вновь обнаруженных, публикуется в настоящем томе «Литературного наследства».

Как характерную особенность Юбилейного издания следует отметить участие в редактировании и комментировании его, помимо опытных исследователей, зарекомендовавших себя в предшествовавшей редакторской, в частности текстологической и комментаторской работе, также и лиц, впервые привлеченных к такой работе и успешно, в довольно короткий срок, освоившихся с ней настолько, что они стали полноправными в научном отношении сотрудниками издания. Нужно сказать, что этому в большой мере содействовала образцово составленная силами главным

образом покойного М. А. Цявловского подробная инструкция для Юбилейного издания. Ценность этой инструкции не только в том, что она в качестве руководства легла в основу работы над изданием, но и в том, что она, как и само издание, явилась крупным шагом в дальнейшем развитии текстологической теории и практики, использованных в ряде советских изданий, начавших выходить в свет в пору, когда в появившихся в печати томах сочинений Толстого определились основные особенности усвоенных ими текстологических приемов.

В заявлении Государственной редакционной комиссии, учрежденной для наблюдения за ходом издания сочинений Толстого, открывающем первый том его, вышедший в юбилейный 1928 год, сказано: «Приступая к изданию собрания сочинений Л. Н. Толстого, Советское правительство признало необходимым обеспечить совершенно полное и объективное издание этих сочинений, поручив непосредственную работу по редактированию тому другу покойного писателя, которого он сам выбрал для этой цели и который привлек к сотрудничеству с собой наиболее подходящие силы. Государство считало себя, тем не менее, обязанным установить контроль, направленный именно к сохранению такой полноты и объективности».

Подтвердив далее, что Государственная редакционная комиссия «не имеет ни намерения, ни полномочия что-нибудь скрывать или сокращать в наследстве Толстого», она все же предвидит, что «могут встретиться обстоятельства, препятствующие опубликованию тех или других документов, касающихся еще живых людей, или другие обстоятельства, заставляющие задуматься о включении в полное собрание сочинений какого-нибудь слова или фразы».

Состоя около тридцати лет членом Редакторского комитета данного издания и внимательно следя за этапами его прохождения, могу подтвердить, что Государственная редакционная комиссия содействовала осуществлению не только безусловной полноты издания, но и возможно точного воспроизведения всех толстовских текстов, тем самым выполняя указания на этот счет В. И. Ленина.

Разумеется, не исключена возможность нахождения или выявления новых, еще не обнаруженных черновых набросков, приступов к художественным или публицистическим произведениям Толстого или более или менее значительных вариантов к произведениям опубликованным. Частично это уже осуществилось, и обнаруженные новые материалы публикуются в «Литературном наследстве». Однако все, что в состоянии был обнаружить редакторский коллектив в процессе работы над Юбилейным изданием,— все это уже увидело свет; что же касается возможной точности в воспроизведении толстовских текстов, то и это, по мере сил и умения редакторов, соблюдалось. Сознательные исключения делались в дневниках лишь для слов и выражений, как правило, не употребляемых в печати и для некоторых хозяйственных записей и цифровых расчетов в записных книжках. Нет надобности говорить о том, что все следы цензурного вмешательства, даже не легко порой обнаруживаемые, как, например, в заграничном издании «Воскресения», в Юбилейном издании были обнаружены и устранены. По возможности были устранены также случаи самоцензуры, впрочем, довольно редкие у Толстого.

Как бы ни относиться к отдельным недостаткам и просчетам Юбилейного издания, нельзя не учитывать больших его достоинств и больших достижений, отмечаемых как в настоящих обзорах, так и в критических отзывах на издание, появившихся в печати еще до написания обзоров, публикуемых ныне в «Литературном наследстве». Благодаря Юбилейному изданию мы получили *всего Толстого* в его подлинном, не искаженном, не прикрашенном и не ущемленном внутреннем облике, во всем величии гения,

которому наряду с высочайшими проявлениями его художественного дара, его ума и сердца, духовной его силы, были свойственны и слабости, проистекавшие в первую очередь от исторических условий эпохи, в какую жил и действовал Толстой.

Привлечение к Юбилейному изданию огромного рукописного материала, относящегося к произведениям Толстого, сыграло большую положительную роль не только потому, что оно помогло установить подлинный текст его художественного наследства, его статей и трактатов, но и потому, что, благодаря обилию толстовских рукописей и напряженнейшей работе над ними автора, мы получаем возможность проследить творческий процесс, сопровождавший написание многих произведений Толстого. Достаточно ознакомиться с черновыми редакциями и вариантами его автобиографической трилогии, «Казаков», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Крейцеровой сонаты», «Воскресения», «Хаджи-Мурата», ряда статей, чтобы уразуметь всю сложность и богатство творческих исканий Толстого и тот огромный по силе и глубине процесс художественного и идейного обогащения, какой сопровождал его взыскательнейший труд. Этот процесс становится зримым и ощутимым только после знакомства со всем ходом работы Толстого над его произведениями, чему содействуют обстоятельные комментарии к его сочинениям, излагающие историю их создания и печатания и содержащие описание относящихся к ним рукописей и корректур.

В комментариях к Юбилейному изданию впервые со всей очевидностью показано, какое порой неожиданное для самого Толстого и непредвиденное им воплощение получали первоначальные его замыслы, как расширялась, углублялась и наполнялась животрепещущим, злободневным содержанием тема его писаний по мере работы над ними, когда неустанно бодрствовавший ум его и все возраставший внутренний опыт руководили им в его поисках жизненной и исторической правды. Большая работа умственного и нравственного сознания и живой общественный инстинкт, всегда отличавшие Толстого, держали его мысль в постоянном напряжении и открывали перед ним такие горизонты в его творческом труде, о которых он первоначально и не догадывался.

Осуществление Юбилейного издания Толстого является одним из ярких показателей общего культурного и научного уровня в Советском Союзе. Следует иметь в виду, что в первые же годы после Октябрьской революции у нас обращено было усиленное внимание на издание критически проверенных, научно установленных текстов русских классиков. Можно с полным основанием говорить о том, что текстологическая наука в применении к произведениям русской классической литературы в советскую эпоху сделала огромный шаг вперед сравнительно с дореволюционным положением дела в этой области. И как раз Юбилейное издание служит весьма убедительным доказательством крупных достижений советской текстологии, несмотря на критические оговорки, сделанные по его поводу. Существенно, что сами принципы, положенные в основу его редактирования, независимо от того, насколько последовательно они применялись, определили пути дальнейшего развития советской текстологической науки.

Ценность Юбилейного издания заключается и в том, что благодаря ему возрос и без того живейший интерес к творчеству Толстого не только на его родине, но и во всем культурном мире. Невзирая на весьма скромные тиражи издания, оно получило широкую известность за рубежом и стимулировало там научную работу над произведениями Толстого и его биографией. Нет нужды указывать, какое выдающееся значение это издание приобрело в развитии отечественного толстоведения. Большое количество монографий, статей, диссертаций основано на его материале, далеко еще не использованном для всестороннего научного освоения.

Работа над литературным наследством Толстого, разумеется, не может и не должна ограничиваться тем, что сделано в Юбилейном издании. Это издание следует рассматривать как своего рода генеральную репетицию к будущему академическому изданию сочинений Толстого. Едва ли можно предполагать, что это будущее издание включит в себя все рукописные варианты, вышедшие из-под пера Толстого, вплоть до отдельных слов, как это сделано в академических изданиях сочинений Пушкина, Гоголя и Лермонтова: ни с чем не сравнимое обилие рукописей и корректур, относящихся к толстовскому литературному наследию, такую задачу сделало бы крайне трудно выполнимой, а само издание непомерно громоздким. Однако совершенно очевидна необходимость пополнения — по сравнению с Юбилейным изданием — материала черновых вариантов, о чем свидетельствует самый факт публикации новых вариантов из толстовских произведений в настоящем томе «Литературного наследства».

Кое-что в подступах к академическому изданию — в плане критической проверки окончательного толстовского текста — делается уже в настоящее время. В последние годы на основе Юбилейного издания вышли массовыми тиражами три издания избранных художественных произведений Толстого, предназначенные для широкого читателя,— двенадцатитомное в 1948 г., в библиотеке «Огонек», четырнадцатитомное в 1951—1953 гг. в Гослитиздате, двенадцатитомное в 1959 г. в том же издательстве. В них сделаны исправления некоторых ошибок Юбилейного издания.

Дальнейший крупный шаг в этом направлении должен быть сделан в упомянутом широко комментированном двадцатитомном издании избранных сочинений Толстого. В это собрание включаются все его художественные произведения, в том числе не только незавершенные, но и лишь предварительно набросанные, статьи по вопросам литературы и искусства, избранные публицистические статьи, избранные дневники и письма. В основу издания кладется Юбилейное, но с новой, возможно более тщательной проверкой всех публикуемых текстов по рукописям и корректурам и вообще с посильным устранением текстологических недочетов Юбилейного издания. «Литературное наследство», выпустившее в 1939 г. томы 35-36 и 37-38, содержащие в себе ценные материалы и исследования, относящиеся к творчеству и биографии Толстого, в выпускаемом ныне новом томе, посвященном Толстому, отводит значительное место неопубликованным еще ранним редакциям и вариантам его художественных и публицистических произведений, а также печатает некоторые неопубликованные еще, незавершенные наброски его художественных произведений и, как сказано выше, неизданные письма.

В дальнейшей работе над литературным наследством Толстого должны продолжаться разыскания его рукописей и исправление всех тех действительных недочетов, которые указаны в критической литературе о Юбилейном издании. Для наибольшей плодотворности такая работа должна вестись организованно, будучи сосредоточена в авторитетном научном центре, естественнее всего — в Толстовском музее. Существенное место в этой работе должно занять решение спорных текстологических проблем, возникающих при редактировании и публикации текстов Толстого, а также при их комментировании. Одной из таких очередных текстологических проблем является сложная, далеко не решенная проблема так называемого канонического текста «Войны и мира», не говоря уже о других вопросах, выдвинутых обстоятельнее всего в связи с Юбилейным изданием в настоящих обзорах. Можно надеяться, что дальнейшая работа над подготовкой академического издания сочинений Толстого будет вестись с той же энергией и с той же живой заинтересованностью в ее доброкачественности, с какими она велась во все время подготовки и печатания Юбилейного издания.

Н. Гудзий

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ОТЗЫВОВ О ЮБИЛЕЙНОМ ИЗДАНИИ *

Составила Н. Г. Шеляпина

1928

1. Бонч-Бруевич В. Д. Первое полное юбилейное собрание сочинений Л. Н. Толстого.— «Читатель и писатель», 1928, № 2, от 21 января, стр. 4.

О постановлении Советского правительства в связи с 100-летней годовщиной рождения Толстого. В числе мероприятий, предусмотренных постановлением,— издание полного собрания сочинений писателя. О Редакционной комиссии издания и ее задачах. О подготовке текста и комментариев. Проспект издания по сериям: произведения, дневники и письма.

2. Луначарский А. В. По поводу юбилейного издания сочинений Л. Н. Толстого.— «Правда», 1928, № 35, от 10 февраля; «Известия ВЦИК'а СССР», 1928, № 35, от 10 февраля.

О задачах Государственной редакционной комиссии по изданию полного собрания сочинений Толстого. О правильном толковании творчества Толстого на основе оценки его В. И. Лениным. О предстоящем 100-летии со дня рождения Толстого **.

1935

3. Пахомов Н. П. Охотничий язык Л. Н. Толстого и его комментаторы.— «Литературная газета», 1935, № 57, от 15 октября.

Критика пояснений отдельных охотничьих терминов из повести «Детство», помещенных в «Словаре трудных для понимания слов» (т. 1).

4. Шкловский В. Б. Юбилейное издание Толстого.—«Литературный критик», 1935, № 11, стр. 185—195.

О первых томах Юбилейного издания: «Детство», «Отрочество» и «Севастопольские рассказы». О текстах «Войны и мира» (тт. 9—12), о характере комментария и о новонайденных корректурах и рукописных копиях «Воскресения», не попавших в тома с текстом романа. Критика комментариев, помещенных т. 85 (письма Толстого к Черткову 1880–1886).

1936

5. Гудзий Н. К. Письмо в редакцию.— «Литературный критик», 1936, № 2, стр. 236.

О новых корректурах «Воскресения», обнаруженных после выхода томов с текстом романа. Ответ на статью В. Б. Шкловского («Литературный критик», 1935, № 11).

1938

6. Н. Р⟨одионов⟩. Юбилейное издание Л. Н. Толстого.— «Книжные новости», 1938, № 15-16, стр. 19—21.

Об особенностях Юбилейного издания. О работе Редакторского комитета за десять лет.

---

* Статьи и отзывы расположены в хронологическом порядке. В пределах года — по алфавиту авторов.

** О Юбилейном издании говорится также в статье Н. Н. Гусева «О редакционной работе по подготовке произведений Л. Н. Толстого второго периода».— В кн.: «К столетию Л. Н. Толстого. Сборник комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения Л. Н. Толстого». М., 1928, стр. 12—13.

1939

7. Попов П. С. Новые тексты «Анны Карениной».— «Литературное обозрение», 1939, № 23, стр. 50—56.

Об эволюции образов романа на основе черновых вариантов, подготовленных к печати Н. К. Гудзием в Юбилейном издании.

1940

8. Бонч-Бруевич В. Д. Ленин и культура.— «Литературная газета», 1940, № 4, от 21 января.

Забота В. И. Ленина о собирании подлинников рукописей классиков. Об искажениях царской цензурой «Воскресения». Упоминание об интересе В. И. Ленина к программе издания полного собрания сочинений Толстого.

9. Эльсберг Я. Е. Черновики «Анны Карениной».— «Литературная газета», 1940, № 30, от 30 мая.

О вариантах «Анны Карениной», опубликованных в т. 20 под редакцией и с комментариями Н. К. Гудзия.

1947

10. Гудзий Н. К. Работа над литературным наследством Льва Толстого за годы Советской власти.— В кн.: «Академия наук СССР. Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2. М.— Л., 1947, стр. 806—821.

О текстологической работе при подготовке текстов в Юбилейном издании, в частности, романа «Воскресение», о недостатках издания, частично о комментариях и вступительных статьях.

1948

11. Рюриков Б. С. О творчестве Л. Н. Толстого и некоторых его истолкователях.— «Культура и жизнь», 1948, № 2, от 21 января (вошло в кн.: Б. Рюриков. Литература и жизнь. Статьи критические и публицистические. М., 1953, стр. 339—340).

Критика комментариев в Юбилейном издании. В числе примеров рассматриваются комментарии Б. М. Эйхенбаума к статье «О „Вехах“» (т. 38)

1950

12. Опульский А. И. Новые томы академического издания Л. Н. Толстого.— «Советская книга», 1950, № 11, стр. 106—111.

О Юбилейном издании и возобновлении выхода его томов: т. 13 («Война и мир». Черновые редакции и варианты); т. 60 (письма Толстого, 1856—1862) и т. 84 (письма к С. А. Толстой, 1887—1910). О комментариях к тт. 60 и 84. Анализ предисловия С. П. Бычкова к т. 60. Кратко о т. 13.

1953

13. Гудзий Н. К. и Жданов В. А. Вопросы текстологии.— «Новый мир», 1953, № 3, стр. 239—241.

Частично о текстологической работе над произведениями, напечатанными в Юбилейном издании.

14. Фридлендер Г. М. Новые тома Л. Н. Толстого.— «Новый мир», 1953, № 9, стр. 213—217.

О вышедших из печати томах: т. 34 (произведения 1900—1903); т. 53 (дневники и записные книжки 1895—1898) и т. 66 (письма за июль — декабрь 1891—1893). О художественных произведениях и статьях Толстого, входящих в т. 34, и в част-

ности, об образах и окончательном тексте пьесы «Живой труп». О мыслях Толстого об искусстве, выраженных в дневниках. Положительная оценка вступительных статей к т. 34 (К. Н. Ломунова) и к т. 53 (К. Н. Ломунова и А. И. Шифмана). Кратко о т. 66.

1956

15. Виноградов В. С. Выдающееся событие в культурной жизни страны. К выходу в свет полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах.— «Грозненский рабочий», 1956, № 166, от 28 августа.

О преследованиях Толстого царской цензурой. Об изданиях Толстого в годы Советской власти и увековечении его памяти. О Редакционной комиссии издания и ее задачах. Частично о комментариях к изданию и справедливой их критике в печати.

16. Горький А. М. Письмо к Ромену Роллану от 22 марта 1928 г.— М. Горький. Полн. собр. соч., т. 30. М., 1956, стр. 84.

О выходе томов 1 и 2 Юбилейного издания.

1957

17. Опульская Л. Д. Некоторые итоги текстологической работы над полным собранием сочинений Л. Н. Толстого. — «Вопросы текстологии. Сборник статей». М., 1957, стр. 247—288.

О работе Толстого над рукописями своих произведений. Творческая история романа «Война и мир». История его публикации. Выбор подлинного авторского текста. Цензурные и редакторские искажения текста романа «Воскресение». О разногласиях текстологов в вопросе об исправлении ошибок и искажений по рукописям. О текстах произведений, не законченных писателем. Статья снабжена многочисленными примерами из разных произведений Толстого.

18. Пришвин М. М. Из дневников последних лет.— М. М. Пришвин. Собр. соч., т. VI. М., 1957, стр. 512.

Отклик на возобновление работы по выпуску томов Юбилейного издания.

1958

19. Григоренко В. В. Вклад в сокровищницу русской культуры. Завершено издание Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.— «Советская культура», 1958, № 89, от 26 июля.

Краткий обзор издания, его достоинств и недостатков.

20. Закончено издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Сообщение ТАСС.— «Советская культура», 1958, № 76, от 26 июня.

21. Петряков А. Педагогические тома Юбилейного издания сочинений Л. Н. Толстого.— «Учительская газета», 1958, № 104, от 30 августа.

Краткий обзор тт. 21 («Новая азбука») и 22 («Азбука»). Частично о вступительной статье Н. А. Константинова и А. К. Петрова, а также о комментариях В. С. Спиридонова и В. С. Мишина.

22. Родионов Н. С. Первое полное собрание сочинений Л. Н. Толстого.— В кн.: Л. Толстой. Материалы и публикации. Тула, 1958, стр. 31—45.

История работы над подготовкой Юбилейного издания. О постановлениях Совета Народных Комиссаров СССР от 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г. об издании. Обзор издания. О конференции в Ленинграде 10—11 ноября 1935 г., посвященной изданию.

1959

23. Гудзий Н. К. По поводу полных собраний сочинений писателей.— «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 200—201.

О Юбилейном издании и о соотношении в нем (и вообще в собраниях сочинений) томов произведений, дневников и писем.

24. Зайденшнур Э. Е. По поводу текста «Войны и мира».— «Новый мир», 1959, № 6, стр. 278—282.

Об ошибках в тексте романа «Война и мир», вызванных переписчиками, наборщиками и т. д. Примеры ошибок в печатном тексте романа.

25. Федин К. А. Речь.— В кн.: Первый учредительный съезд писателей Российской федерации 7—13 декабря 1958 г. Стенографический отчет. М., 1959, стр. 546 (вошло в статью под заглавием «Мысли о мастерстве».— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1959, т. XVIII, вып. 1, стр. 3—8).

Об уникальном значении Юбилейного издания.

26. Эйхенбаум Б. М. 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого. (Критические заметки).— «Русская литература», 1959, № 4, стр. 216—223.

Девяносто томов. «Молодой Толстой». Толстой и петрашевцы. Толстой и «люди сороковых годов». Об основном тексте романа «Война и мир». О комментариях к «Войне и миру».

1960

27. Опульская Л. Д. Монументальное издание.—«Вопросы литературы», 1960, № 2, стр. 93—115.

О значении Юбилейного издания. О работе советских текстологов при его подготовке. Публикация вариантов и черновых редакций в издании. О дневниках Толстого, записных книжках и эпистолярном наследии. О комментариях и их недостатках. Все затронутые вопросы рассмотрены на примерах из произведений Толстого.

Академия наук СССР. Институт русской литературы. Конференция Отдела новой русской литературы по обсуждению академического издания сочинений Л. Н. Толстого (Бюро стенографов при МО Ленсовета).

10 ноября 1935 г. Вступительное слово председателя Н. К. Пиксанова. Доклады: 1. Н С. Родионова. История, организация и современное положение академического издания Толстого; 2. Н. К. Гудзия. Текстологическая работа в академическом издании; 3. Н. Н. Гусева. Комментирование в академическом издании.

Второй день конференции. 11 ноября 1935 г. Выступления: Н. К. Пиксанова, Б. М. Эйхенбаума, В. В. Гиппиуса, Б. М. Энгельгардта, В. А. Десницкого, Ю. Г. Оксмана, Н. К. Пиксанова, А. И. Никифорова, Н. С. Родионова (заключительное слово), Н. К. Гудзия (заключительное слово), Н. Н. Гусева (заключительное слово). Резолюция конференции

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Все ссылки на тексты Толстого даются по изданию: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений (в 90 томах). Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.—Л, Гослитиздат, 1928—1959, с указанием только томов и страниц.

«Летопись», I — Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого (1828—1890). М., 1958.

«Летопись», II — Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. М., 1960.

АТ — Архив Толстого Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

ГМТ — Государственный Музей Л. Н. Толстого (Москва).

ГПБ — Государственная Публичная библиотека РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ДП — Департамент полиции (фонд).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ОО — Особый отдел Департамента полиции (фонд).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва)

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

ЦГИАМ — Центральный государственый исторический архив (Москва).

УКАЗАТЕЛИ
К ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ КНИГАМ

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

(Составила Т. Г. Динесман

I. ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА С УПОМИНАНИЯМИ О ТОЛСТОМ

Письмо к А. М. Горькому от 3 января 1911 г. с высказыванием о Толстом и о буржуазных критиках Толстого. Листы 1 об.-2. ИМЛ — I, 193 **.

Письмо к М. А. Ульяновой от 19 января 1911 г. с упоминанием о чтении в Париже реферата о Толстом и о предполагаемой поездке с этим рефератом по Швейцарии. Лист 1 об. ИМЛ — I, 203.

II. ПОРТРЕТЫ ТОЛСТОГО

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК

Толстой. Рис. Н. Н. Ге, 1884 (?) г. ИРЛИ — I, 67.

Толстой в кабинете дома в Хамовниках. Рис. Н. Н. Ге, 1884 г. Хамовники — II, 27.

Толстой. Рис. И. Н. Крамского, 1885—1887 гг. (по фотографии Шерера и Набгольца 1884 г.). МТ — I, 295.

Толстой. Набросок И. Н. Крамского, 1885—1887 гг. (по фотографии Шерера и Набгольца, 1884 г.). ИРЛИ — II, 71.

Толстой. Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, 19 ноября 1889 г. МТ — II, 99.

Толстой. Рис. И. Е. Репина, Ясная Поляна, 16 июля 1891 г. МТ — II, 17.

Толстой за роялем. Рис. П. И. Нерадовского, Никольское-Обольяново, январь 1895 г. Хамовники — II, 127.

Толстой. Рис. Н. Л. Аронсона (уголь), 1901 г. МТ — I, фронтиспис.

Толстой. Этюд маслом И. П. Похитонова, Ясная Поляна, лето 1905 г. Собрание А. П. Скафтымова (Саратов) — II, 184.

Толстой. Пастель И. П. Похитонова, Ясная Поляна, лето 1905 г. МТ — II, 185.

Толстой. Рис. В. Е. Маковского, 7 апреля 1906 г. Хамовники — II, 405.

Толстой. Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, 8 ноября 1908 г. МТ — II, 241.

Толстой на прогулке верхом. Акв. И. А. Владимирова, Ясная Поляна, 1908 г. С автографом Толстого. ГПБ — II, 107.

Толстой. Эскиз маслом П. П. Трубецкого, Ясная Поляна, лето 1909 г. На портрете надпись рукой С. А. Толстой: «Набросок скульптора кн. Трубецкого. Лето 1909 г. С. Толстая». МТ — I, цветная вклейка между стр. 240—241.

Толстой. Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, Ясная Поляна, 1 марта 1910 г. М. Т.—I, 207.

Толстой в своем кабинете. Пастель В. Н. Мешкова, Ясная Поляна, март 1910 г. С автографом Толстого. МТ — I, 15.

---

*Список условных сокращений:
АТ — Архив Толстого Государственного музея Л. Н. Толстого, Москва.
ГЛМ — Государственный Литературный музей, Москва.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
ГРМ — Государственный Русский музей, Ленинград.
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва.
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва.
ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР, Ленинград.
ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва.
МГУ — Библиотека Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова.
МИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва.
МР — Государственный музей Революции, Москва.
МТ — Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва.
Музей МХАТ — Музей Московского Художественного академического театра им. А. М. Горького.
Хамовники — Дом-музей Л. Н. Толстого в Хамовниках, Москва.
ЦГАК - Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов, Москва.
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства, Москва.
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив, Ленинград.
ЦГИАМ — Центральный Государственный исторический архив, Москва.
ЯП — Государственный музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна».
** Римские цифры (I, II) обозначают книги тома 69, арабские — страницы.

ЛИТОГРАФИИ

Толстой за работой в яснополянском кабинете. Автолитогр. Л. О. Пастернака, 1908 г. С дарственной надписью художника С. Н. Дурылину, декабрь 1910 г. Собрание И. А. Дурылиной (Москва) — II, 443.

Толстой на отдыхе после работы. Литогр. с рис. Д. О. Видкопфа.— «Газета-копейка», СПб., 1910 (иллюстрированное приложение № 98). МТ —I, 199.

Толстой. Автолитогр. П. Пикассо. Фронтиспис французского издания романа «Война и мир» (Léon T o l s t o ï. La Guerre et la Paix. Paris, 1956) — I, 145.

ФОТОГРАФИИ

Толстой. Фото 1856 г. с дарственной надписью Д. В. Григоровичу, 18 февраля 1856 г. ГЛМ — I, 233.

Толстой. Фото 1884 г. с дарственной надписью В. А. Ислявину. Собрание И. С. Зильберштейна (Москва) — I, 261.

Толстой. Фото Шерера и Набгольца, Москва, 1892 г. с дарственной надписью П. И. Вейнбергу, 7 декабря 1899 г. ИРЛИ — I, 449.

Толстой. Фото Шерера и Набгольца, Москва, 1892 г., подаренное П. Ф. Вимпфену, с автографической подписью Толстого, 20 января 1907 г. АТ — II, 9.

Толстой. Фото Шерера и Набгольца, Москва, 1892 г., с дарственной надписью П. И. Нерадовскому. АТ — II, 525.

Толстой. Фото Шерера и Набгольца, Москва, 1896 г., с дарственной надписью П. В. Безобразову, 24 июня 1902 г. ИРЛИ — II, 145.

Толстой. Фото Шерера и Набгольца, Москва, 1896 г., с автографической подписью Толстого, 27 июня 1907 г. ИРЛИ — I, 401.

Толстой в Ясной Поляне. Фото С. А. Толстой, 1900 г., с дарственной надписью К. А. Берсу, 8 марта 1901 г. ГЛМ — II, 493.

Толстой в Ялте на даче Иловайского, декабрь 1901 г. МТ — II, 157.

Толстой. Фото С. А. Толстой, Ясная Поляна, 1902 г. с дарственной надписью М. А. Маклаковой, 29 августа 1902 г. АТ — I, 525.

Толстой. Гаспра, 1902 г. МТ — I, 39.

Толстой в Яснополянском парке, 1903 г. МТ — I, 107.

Толстой. Фото 1906 г. с дарственной надписью московскому студенчеству, 29 октября 1908 г. МГУ — II, 323.

Толстой. Фото В. Г. Черткова, Ясная Поляна, 1906 г. Репродукция с дарственной надписью внуку Ване (И. М. Толстому), 21 февраля 1909 г. АТ — II, 413.

Толстой на прогулке верхом в окрестностях Ясной Поляны. Фото В. Г. Черткова, февраль 1908 г. МТ — II, 291.

Толстой на прогулке верхом в окрестностях Ясной Поляны. Фото В. Г. Черткова, 1908 г. МТ — I, 489.

Толстой. Фото О. Ренара, 1909 г., с дарственной надписью И. А. Белоусову, 18 октября 1909 г. ГЛМ — II, 391.

Толстой. Фото Мебиуса, Ясная Поляна, 1909 г. МТ — I, 565.

Толстой. Фото В. Г. Черткова, 1909 г. МТ — II, 153.

Толстой. Фото Т. Тапселя, Крекшино, 1909 г. с дарственной надписью Н. Н. Гусеву, 25 октября 1910 г. Собр. Н. Н. Гусева (Москва) — I, 189.

Толстой. Фото Т. Тапселя, сделанное по заказу В. Г. Черткова, Крекшино, 1909 г. МТ— II, вклейка между стр. 288—289.

Толстой. Фото Т. Тапселя, сделанное по заказу В. Г. Черткова, Кочеты, 1910 г. МТ—II, фронтиспис.

Толстой у моря в Гаспре. Фото В. С. Молчанова, 1959 г. (со снимка 1901 г.) ГЛМ —II, 169.

ПОРТРЕТЫ ТОЛСТОГО В ГРУППАХ

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК

Толстой и А. М. Олсуфьева за роялем. Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, Никольское-Обольяново, 1886 г. МТ — II, 137.

Толстой и Чехов. Рис. И. К. Крайтора, 1902—1904 гг. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с фото, принадлежащего А. К. Крайтор (Москва) — I, 115.

Толстой с дочерью М. Л. Толстой-Оболенской в Ясной Поляне. Пастель И. П. Похитонова, лето 1905 г. МТ — II, 181.

Толстой и М. С. Сухотин за шахматами. Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, Ясная Поляна, 15 апреля 1908 г. МТ — II, 149.

Толстой и Н. Н. Ге. Рис. И. П. Ульянова, 1944 г. МТ — II, 85.

ФОТОГРАФИИ

Толстой в кругу семьи. Ясная Поляна, 1892 г. МТ — II, 37.
Толстой с дочерью Т. Л. Толстой-Сухотиной. Фото С. А. Толстой, Гаспра, 1902 г. МТ — II, 253.
Толстой и Горький. Открытка, изданная в 1902 г. за границей и запрещенная русской цензурой. ЦГИАЛ — II, 165.— Иллюстрация предоставлена И. Ф. Ковалевым.
Толстой перед отправлением почты. Ясная Поляна. 1903 (?) г. ИРЛИ — II, 257.
Толстой с внучкой Таней Сухотиной на руках и М. С. Сухотин. Фото С. А. Толстой, Ясная Поляна, 30 марта 1906 г. МТ — II, 193.
Толстой и С. А. Толстая в Ясной Поляне, 23 сентября 1907 г., с автографами Толстого и С. А. Толстой. Сняты в день сорокапятилетия со дня свадьбы. А.Т.— I, 501.
Толстой идет на открытие народной библиотеки в Ясной Поляне. 31 января 1910 г. ИРЛИ — II, 223.
Толстой и Леонид Андреев. Фото В. Ф. Булгакова, Ясная Поляна, 22 апреля 1910 г. ИРЛИ — I, 123.
Толстой, Т. Л. Сухотина-Толстая, М. С. Сухотин, В. Г. Чертков и др. за завтраком в Кочетах, май 1910 г. МТ — II, 217.

III. АВТОГРАФЫ ТОЛСТОГО

РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО

«Анна Каренина». Листы черновой рукописи романа, 1873 г. Начало второго наброска; конец первого наброска; первый набросок, переработанный Толстым для второго наброска; предпоследний лист первого наброска, первый план романа. АТ — I, 25, 421, 429, 437, 439.
«Война и мир». Лист черновой рукописи начала романа, 1863—1864 гг. Вариант шестой. АТ — I, 339.
„Война и мир". Листы черновой рукописи романа, 1864 г. Вариант седьмой, вариант девятый, вариант тринадцатый. АТ — I, 327, 347, 375.
Записи русских пословиц и поговорок, сделанные Толстым на полях рукописи романа «Война и мир» (лист ранней редакции текста о Каратаеве), 1868 г. АТ — I, 577.
Записи русских пословиц и поговорок. Лист, находящийся среди черновых рукописей романа «Война и мир», 1868 г. АТ — I, 603.
«Казаки». Лист черновой рукописи ранней редакции повести. Третье письмо Ржавского, 1858 г. АТ — I, 253.
«Холстомер». Первый лист черновой рукописи ранней редакции повести, 1861—1863 гг. АТ — I, 269.

ПИСЬМА, ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ И ДР. РУКОПИСИ ТОЛСТОГО

Письмо к А. А. Васильеву от 15 января 1895 г. ЦГИАМ — I, 545.
Письмо к К. С. Станиславскому от 6 октября 1898 г. Листы первый и последний. Музей МХАТ — I, 549.
Памятная записка о деле крестьян-сектантов села Павловки Сумского уезда Харьковской губ., ноябрь 1901 г. Собрание Э. Ф. Ципельзона (Москва) — II, 155.
Страница дневника Толстого с записью от 26 марта 1910 г. о статье В. Г. Короленко «Бытовое явление». АТ — I, 127.
Последнее завещание Толстого, написанное 22 июля 1910 г. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с фото, снятого В. Г. Чертковым. АТ — II, 269.

АВТОРСКАЯ ПРАВКА ТОЛСТОГО НА СПИСКАХ И КОРРЕКТУРАХ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ДРУГИХ ДОКУМЕНТАХ

Правка на первом листе биографического очерка Толстого, составленного С. А. Толстой. Вторая редакция, 25 октября 1878 г. АТ — I, 509.
Правка на первом листе биографического очерка Толстого, составленного С. А. Толстой. Третья редакция, 1878 г. АТ — I, 511.
Правка на листе списка «Войны и мира», сделанного С. А. Толстой. Начало романа. Вариант пятнадцатый, 1864 г. АТ — I, 383.
Проект договора на первое отдельное издание романа «Война и мир» с вычерками и вставками Толстого (март 1867 г.). АТ — I, 391.
Страницы первого издания романа «Война и мир» (т. VI, 1869) с правкой, сделанной Толстым при подготовке третьего издания его «Собрания сочинений» (1873). АТ — II, 449.
Страница первого издания романа «Война и мир» (т. VI, 1869) с правкой Н. Н. Страхова и вставкой Толстого, сделанной при подготовке третьего издания его «Собрания сочинений» (1873). АТ — II, 453.

Правка корректуры предисловия к роману В. Поленца «Крестьянин», 1901 г. АТ — I, 131.
Правка на листе списка первоначальной редакции статьи «Рабство нашего времени» («Самый дешевый товар»), декабрь 1899 — январь 1900 г. АТ — I, 481.
Правка на листе списка повести «Холстомер», сделанного С. А. Толстой, 1885 г. АТ — I, 283.
Правка на листе списка трактата «Царство божие внутри вас», сделанного Е. И. Поповым. Гл. XII. Вариант третий, 1892 г. АТ — I, 459.
Правка и вставки на листе списка трактата «Царство божие внутри вас», сделанного Е. И. Поповым. Гл. XII. Вариант одиннадцатый, 1892 г. АТ — I, 471.

IV. РИСУНКИ ТОЛСТОГО

Мужские лица и др. зарисовки пером на листе рукописи «Анны Карениной», 1870-е годы. АТ — I, 411.
Т. Л. Толстая-Сухотина. Рис. карандашом, 4 февраля 1895 г. АТ — II, 245.
План старого яснополянского дома, в котором родился Толстой. Рис. карандашом, 1898 г. АТ — I, 505.
Рисунок карандашом, сделанный для внучки Тани Сухотиной, 5 мая 1910 г. АТ — II, 273.

V. ДОКУМЕНТЫ

Счет за книги, приобретенные Толстым в первые годы работы над «Войной и миром», 1863—1864 гг. АТ — I, 307.
Обложка дела Петербургского цензурного комитета о запрещении портретов Толстого, 1901 г. ЦГИАЛ — II, 160.— Эта и следующая иллюстрация предоставлены И. Ф. Ковалевым.
Отношение председателя Центрального Комитета иностранной цензуры начальнику Главного управления по делам печати о запрещении открыток с изображением Толстого и Горького, 27 января 1903 г. ЦГИАЛ — II, 161.
Телеграмма социал-демократической фракции Государственной думы на имя В. Г. Черткова по поводу смерти Толстого, 7 ноября 1910 г. АТ — II, 385.
Резолюция сходки студентов Петербургского университета, созванной 8 ноября 1910 г. в связи со смертью Толстого. Отобрана при обыске у студента Мясоедова. ЦГИАМ — II, 343.
Доклад начальника петербургского охранного отделения министру внутренних дел о выступлениях социал-демократов 9—10 ноября 1910 г. в связи со смертью Толстого. ЦГИАМ — II, 349—350.
Телеграмма рабочих Николаевского судостроительного завода на имя С. А. Толстой по поводу смерти Толстого, 11 ноября 1910 г. АТ — II, 363.
Бюллетень Ярославского Комитета РСДРП (№ 10, от 19 ноября 1910 г.) со статьей, посвященной Толстому. Лист 1. ИМЛ — II, 335.
Немецкий перевод «Предисловия к рассказу „Убийцы“» Толстого, переписанный рукой Генриха Манна, 1940-е годы. Немецкая Академия искусств, Берлин (ГДР) — I, 149.

VI. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ТОЛСТОГО

«Анна Каренина». М., 1878. Титул. лист первого тома с дарственной надписью М. Н. Толстой (сестре). АТ — I, 407.
«Власть тьмы». М., 1887. Титул. лист с дарственной надписью Е. И. Менгден. ИРЛИ — II, 299.
«Круг чтения». Одесса, 1910. Титул. лист с дарственной надписью А. Соловьеву, 25 февраля 1910 г. ИРЛИ — II, 13.
«На каждый день». СПб., 1909. Титул. лист с дарственной надписью М. Н. Толстой (сестре), 6 ноября 1909 г. АТ — I, 531.
«О просвещении — воспитании и о первоначальном образовании — обучении». М., 1907. Титул. лист с дарственной надписью Ф. Ф. Фидлеру, 22 января 1908 г. ГЛМ — II, 55.
«Смерть Ивана Ильича». СПб., 1895. Титул. лист с дарственной надписью С. Д. Дрожжину, 30 апреля 1897 г. АТ — I, 53.
Сочинения графа Л. Н. Толстого, т. XII. М., 1886. Шмуцтитул с дарственной надписью В. В. Чиркову. АТ — II, 41.
Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. М., 1891. Титул. лист с дарственной надписью Л. А. Сулержицкому, 26 августа 1901 г. Книга утеряна, воспр. с фото. Музей МХАТ — I, 85.
Сочинения графа Л. Н. Толстого, т. I. М., 1893. Титул. лист с дарственной надписью В. В. Мате. АТ — II, 95.

VII. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО. ИЗДАНИЯ, ВЫХОДИВШИЕ ПРИ ЕГО УЧАСТИИ, КНИГИ О НЕМ

«Воскресение». Первопечатный текст романа.— «Нива», 1899, № 11, стр. 1 — I, 111.

«Непротивление». Рецензия С. М. Степняка-Кравчинского на книгу Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина с предисловием Л.Н.Толстого».— «Летучие листки» (Лондон), № 28, от 18 января 1896, стр. 12 и 16. ИМЛ — II, 313.

«Первый винокур». М., изд-во «Посредник», 1886. Обложка с рис. М. Малышева.— II, 103.

Полное собрание сочинений Толстого («Юбилейное»). Обложки т. 1 (М.— Л., 1928) и т. 90 (М., 1958) — II, 436, 437.

«Помощь голодающим». М., 1892. Сборник, изданный при ближайшем участии Толстого. Шмуцтитул с рисунком В. Е. Маковского — I, 455.

«Русские мужики. Картины художника Н. Орлова, с предисловием Л. Н. Толстого». СПб., 1909. Экземпляр из личной библиотеки В. И. Ленина. Титул. лист с дарственной надписью художника Ленину от 23 сентября 1918 г. и последняя страница предисловия Толстого с восстановленными Орловым цензурными купюрами. Кабинет В. И. Ленина в Кремле — I, 215, 216.

VIII. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ТОЛСТОГО

«АННА КАРЕНИНА»

Кити-невеста. В деревне. Левин на балконе. Раскр. гравюры Н. И. Пискарева, 1933 г. Иллюстр. к изд. романа на английском языке — I, 415, 425, 433.

«БОГ ПРАВДУ ВИДИТ, ДА НЕ СКОРО СКАЖЕТ»

Арест. Акв. В. И. Сурикова, 1882 г. МТ — I, 60.

В остроге. Фототипия с акв. В. И. Сурикова из книги «Рассказы для детей И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого». М., 1883. Местонахожд. ориг. неизвестно — I, 61.

«ВОЙНА И МИР»

Дорога на Смоленск. Наташа-невеста. Пьер Безухов. Соня. Автолитогр. А. Доббенбурга (Dobbenburgh). Иллюстр. к изд. романа на голландском языке. L. N. Tolstoï. Oorlog en Vrede. Arnheim, 1949— I, 155, 163, 169, 175.

Наташа Ростова. Николай Ростов. Князь Андрей на Аустерлицком поле. Гуашь А. В. Николаева, 1960 г. МТ — I, 343, 353, 363.

Князь Андрей (1945—1948); Элен (1947); Долохов (1945). Акв. К. И. Рудакова. МТ —I, 359, 369, 379.

Встреча князя Андрея с Алпатычем в Смоленске. Акв. Д. А. Шмаринова, 1953 г. МТ — II, 467.

Наташа, Пьер и князь Андрей на балу. Князь Андрей в день Бородинской битвы. Акв. Д. А. Шмаринова, 1954—1955 гг. ГТГ — I, 387; II, 459.

«ВРАЖЬЕ ЛЕПКО, А БОЖЬЕ КРЕПКО»

Раскрашенная литогр. И. Е. Репина, 1886 г. МТ — II, 77.

«СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ»

Рисунок для титульного листа. Акв. А. В. Кокорина, 1953 г. МТ — II, 499.

«ТОЛСТОЙ О ПРИРОДЕ»

Цветные литогр. Н. И. Пискарева к неосуществленному изд., 1940 г. Собр. А. Н. Пискаревой (Москва) — II, 505, 511, 517.

«ТРИ ВОПРОСА»

Гравюра П. Живаго в книге: «Л. Н. Толстой. Рассказы и сказки», изд. Горбунова-Посадова, 1909 — II, 531.

«ТРИ СТАРЦА»

Акварель М. В. Нестерова, 1896 г. МТ — I, 79.

«ХОЗЯИН И РАБОТНИК»

Метель. Рис. П. О. Ковалевского, 1890-е годы. МТ — II, 318.
Метель. Акв. А. Н. Комарова, 1930 г. МТ — II, 319.

«ХОЛСТОМЕР»

Холстомер на службе у гусара. Конец Холстомера. Акв. Г. К. Савицкого, 1947 г. МТ — II, 475, 483.
Холстомер в молодости. Холстомер в старости. Акв. Н. Г. Сверчкова, подаренные художником Толстому, 1887 г. Хамовники — I, 276, 277.
Холстомер. Этюд маслом В. А. Серова на сюжет повести Толстого, 1892 г. ГТГ — I, 97 .

«ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ»

Фототипия с рис. Н. Н. Ге из альбома: «Л. Н. Толстой. Чем люди живы. В рисунках Н. Н. Ге. Изд. М. Панова». М., 1886 — II, 81.
Рис. Л. О. Пастернака, 1904 г. МТ — I, 91.

* * *

Доктор, отсасывающий дифтерийные пленки у больного ребенка. Рис. И. Е. Репина, 1887 г. Сюжет был подсказан художнику Толстым, который предполагал издать серию иллюстрированных книг о безвестных героях (см. т. 85, с. 174). ГТГ — I, 73.

IX. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТОЛСТОГО В ТЕАТРЕ

«Власть тьмы» на сцене Московского Художественного театра, 1902 г. (Действие IV, явл. 6). Фото. Музей МХАТ — II, 297.
«Власть тьмы». Планировка IV действия для постановки в Московском Художественном театре, 1902 г. Рис. К. С. Станиславского в режиссерском экземпляре драмы. Музей МХАТ — II, 301.

X. ПОРТРЕТЫ ЛИЦ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ТОЛСТОГО И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Блохин Г. Ф. («Князь Блохин»). Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, 1891 г. МТ — II, 51.
Ге Н. Н. Художник читает свои записки редактору журнала «Северный вестник» Л. Я. Гуревич. Рис. Л. О. Пастернака, 1894 г. С дарственной надписью Толстому, 28 августа 1908 г. МТ — II, 91 .
Горький А. М. Фото, 1902 г. Олеиз. С автографом Л. А. Сулержицкого, 15 января 1902 г. Собрание Д. Л. Сулержицкого (Москва) — II, 173.
Маковицкий Д. П. Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, 1911 г. МТ — II, 205.
Свердлов Я. М. Фотография на учетной карточке жандармского управления, сделанная в петербургской тюрьме предварительного заключения, ноябрь 1910 г. МР — II, 339.
Семенов С. Т., фото. МТ—I, 537.
Толстая М. Л. Портрет маслом работы Т. Л. Толстой-Сухотиной, 1893 г. Хамовники — II, 261.
Толстая С. А. Рис. Л. О. Пастернака, 1901 г. МТ — II, 47.
Толстая С. А. Фото, 1900-е годы. На обороте набросок портрета С. А. Толстой, сделанный Л. О. Пастернаком. Частное собрание (Москва).— II, 198.
Толстая С. А. Набросок карандашом Л. О. Пастернака на обороте фото С.А. Толстой, 1900-е годы. Частное собрание (Москва).— II, 199.
С. А. Толстая в Астапове, у дома начальника станции Озолина, где лежал умирающий Толстой, ноябрь 1910 г. Кадр из кинофильма Дранкова и Патэ «Похороны Л. Н. Толстого», 1910 г. ЦГАК — II, 281.
Толстая Т. Л. Рис. И. Е. Репина, 1891 г. МТ — II, 61 (см. также рис. Толстого).
Толстой Л. Л. Рис. И. Е. Репина, 1891 г. МТ — II, 65.
Толстой С. Л. Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, 1890-е годы. МТ — II, 23.
Чертков В. Г. Рис. Т. Л. Толстой-Сухотиной, 1908 г. МТ — I, 555.

XI. КАРИКАТУРЫ

«Выше бессмертные, ниже смертные». Карикатура на русских писателей. Акв. Д. С. Стеллецкого, 1900 г. Из «Альбома обеденных благоглупостей российских беллетристов», принадлежавшего Д. Л. Мордовцеву. ГПБ — I, 135.

Заседание Синода 22 февраля 1901 г., на котором Толстой был отлучен от церкви. Карикатура. Была снята со стены в Московском Техническом училище и доставлена министру народного просвещения 27 февраля 1901 г. ЦГИАЛ — II, 377.— Иллюстрация предоставлена И. Ф. Ковалевым.

«В погоне за миллионами». Рис. неизв. художника. Среди лиц, изображенных на карикатуре, Толстой, распинаемый Победоносцевым и митрополитом Антонием. Иллюстрированное приложение к «Искре», 1901, № 8 — I, 211.

«Страшный суд». Сатирический отклик на отлучение Толстого от церкви. Рис. неизвестного художника, 1901 г. ИРЛИ — I, 221.

Толстой и Куприн. Акв. П. Н. Троянского, 1908 г. Собрание И. С. Зильберштейна (Москва) — I, 119.

«Накануне юбилея» (80-летия Толстого). Акв. А. Тавица, 1908 г. ИРЛИ — II, 421.

Толстой и Николай II. Акв. неизвестного художника, 1900-е годы. ИРЛИ — II, 177.

XII. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

Астапово. Комната, где умер Толстой. Акв. В. А. Симова, 1910 г. С автографом Г. С. Бурджалова. Музей МХАТ — II, 277.

Никольское-Обольяново, имение Олсуфьевых. Вид дома со стороны сада. Фото, 1890-е годы. Собрание П. И. Нерадовского (Москва) — II, 133.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Кабинет Толстого в Ясной Поляне. Рис. (тушь, перо) И. Я. Гинцбурга, 1892 г. ГПБ — I, 333.

Вид яснополянского дома. Акв. П. А. Сергеенко, 1895 г. Наклеена на обложку его книги «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой», подаренной П. П. Гнедичу. ГПБ —II, 31.

Въезд в парк. Этюд маслом И. П. Похитонова, 1905 г., с пометой художника. Собрание И. С. Зильберштейна (Москва) — I, 44.

Чепыж. Этюд маслом И. П. Похитонова, 1905 г. ЯП — I, 45.

Уголок зала в яснополянском доме. Рис. цветным карандашом Т. Л. Сухотиной-Толстой, 1908 г. МТ — II, 249.

Уголок зала в яснополянском доме. Рис. В. Н. Мешкова, 1910 г. МТ — I, 513.

Лестница в яснополянском доме. Рис. (пастель) В. Н. Мешкова, 1910 г. МТ — II, 265.

Столовая в яснополянском доме. Рис. (пастель) В.Н. Мешкова, 1910 г. МТ — II, 189.

XIII. РОССИЯ ЭПОХИ ТОЛСТОГО

Казачий пост на Северном Кавказе. Рис. А. П. Дьяконова, 1840-е годы. ГРМ — I, 249.

Казачья сторожевая вышка. Казак. Типы казаков. Фототипии с рис. Т. Горшельдта, 1860 г. из альбома: «Кавказские походные рисунки Т. Горшельдта», 1895. МИИ — I, 237, 242, 243.

Столовая для голодающих. Раздача хлеба голодающим. Фото М. Дмитриева из альбома «Неурожайный 1891—1892 год в Нижегородской губернии». Н.-Новгород, 1893. ГЛМ — I, 464, 465.

Недоимки. Картина Н. В. Орлова, воспр. из книги «Русские мужики, картины художника Н. Орлова с предисловием Л. Н. Толстого» (СПб., 1909) — II, 211.

Настасья. Картина маслом П. И. Нерадовского, заслужившая одобрение Толстого. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с фото. Собрание П. И. Нерадовского (Москва) — II, 131.

XIV. ПОХОРОНЫ ТОЛСТОГО

Студенческая демонстрация в Петербурге в связи со смертью Толстого. Фото, ноябрь 1910 г. МТ — II, 357.

Похоронная процессия по дороге со станции Засека в Ясную Поляну. Фото, 9 ноября 1910 г. МТ — II, 327.

Студенты у входа в яснополянский дом в день похорон. Кадр из кинофильма Дранкова и Патэ «Похороны Л. Н. Толстого», 1910. ЦГАК — II, 369.

XV. ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ ТОЛСТОГО

Торжественное заседание 19 ноября 1960 г. в Большом театре СССР в Москве, посвященное 50-летию со дня смерти Толстого. Фото М. Трахмана — I, 8—9.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составил А. Д. Левин

«А», не установленное лицо — II, 368.
Абамелек-Лазарев, Семен Семенович — II, 46, 112, 529.
Абрамов, Федор Андреевич — I, 587, 623.
Абрамов, Яков Васильевич — I, 475; II, 474.
Абрикосовы, Хрисанф Николаевич и Наталья Леонидовна — II, 236.
Августин, Аврелий Блаженный — I, 14.
Авилова, Лидия Алексеевна — II, 439.
Аврелий, Марк — I, 57; II, 81, 93, 120.
Авсеенко, Василий Григорьевич — II, 164.
Агафья Михайловна, горничная Толстых — II, 48-49, 56-57, 113-114.
Адрианов, Александр Александрович — II, 374.
Азаров, Иван П. — II, 370, 400.
Айхенвальд, Юлий Исаевич — I, 208.
Акимов, Михаил Григорьевич — II, 324.
Аксаков, Иван Сергеевич — I, 514, 518; II, 232.
Аксаков, Константин Сергеевич — I, 514, 518; II, 514.
Аксаков, Сергей Тимофеевич — I, 315, 514, 518; II, 94, 147, 202, 409, 514, 517.
Аксаковы — II, 494.
Аксельрод-Ортодокс, Любовь Исааковна — I, 188.
Александр I — I, 293-94, 296-97, 299-300, 303-04, 306, 309, 315-16, 319-20, 322, 325, 331-32, 337, 346, 356-57, 364, 366, 368, 377-78, 380, 382, 389, 395-96; II, 148, 164, 179, 224, 230, 250, 315, 412, 468.
Александр II — I, 366; II, 11-12, 14, 36, 57, 111, 151, 154, 225, 512.
Александр III — II, 11, 56-57, 115-16, 148, 151, 154, 156, 179, 225, 512.
Александр Македонский — I, 247.
Александр Михайлович, в. к. — II, 148-49.
Александров, Анатолий Александрович — II, 502.
Александров, Иван Федорович — II, 375-77.
Александров, Николай Александрович — I, 607.
Алексеев, Василий Иванович — I, 599; II, 21-22, 31, 33-34, 36, 39, 42—43, 45, 77, 83, 93, 97, 108, 110.
Алексеев, Никита Петрович — I, 504, 507, 517.
Алексей («товарищ Алексей»), не установленное лицо — II, 380.
Алехин (Олехин), Аркадий Васильевич — II, 226.
Алешин, кучер — II, 134.
Алкивиад — I, 377.
Алмазов, Борис Николаевич — I, 517.
Алсуфьевы — см. Олсуфьевы.
Алферов, Георгий Борисович — II, 376.
Алферов, Г. Т., священник — II, 322.
Альбертини, Татьяна Михайловна — см. Сухотина (в замуж. Альбертини), Т. М.
Альтман, Иоганн Львович — I, 227.
Альтшуллер, Исаак Наумович — I, 113, 139; II, 158, 165, 167-69, 227.
Алябьев, Александр Александрович — II, 526.
Амвросий (Гренков, Александр Михайлович) — II, 92, 120.
Амвросий (Ключарев, Алексей Иосифович) — II, 152, 226.
Амфитеатров, Александр Валентинович — II, 166, 228.
Ананд, Мульк Радж — I, 176.
Ананьева, преподавательница Высших женских курсов — II, 346.
Анархист-экспроприатор, не установленное лицо — II, 191, 231.
Андерсен, Чарльз — II, 510.
Андреев, Иван Дмитриевич — II, 339, 352, 358, 360.
Андреев, Леонид Николаевич — I, 104-05, 114, 119, 121-27, 138-40; II, 195, 355, 368, 397-98, 506.
«Андрей» — см. Свердлов, Яков Михайлович.
Андрианов, Сергей Александрович — I, 126, 139; II, 367, 398-99.
Аниканов, Тимофей — см. Базыкин, Тимофей Ермилович.
Аниканова, Аксинья — см. Базыкина, Аксинья Александровна.
Анисимов, Иван Иванович — I, 227.
Аничков, Виктор Михайлович — II, 517.
Анке, Николай Богданович — II, 117.
Анна Егоровна, крестьянка — II, 216, 235.

Анна Иоанновна, императрица —II, 315.
Анненков, Георгий Семенович — II, 104, 123.
Анненков, Павел Васильевич — I, 206; II, 50, 78, 512, 519-20, 530.
Анненкова (в замуж. Вогюэ), Александра Николаевна — II, 59, 115.
Анненкова, Леонила Фоминишна — I, 546.
Антоний, митрополит (Вадковский, Александр Васильевич) — I, 211, 221; II, 168, 228, 322.
Антоний (Медведев), схимник —II, 254.
Анучин, Дмитрий Николаевич —II, 210.
Аполлонов, Виктор Васильевич — II, 359.
Аполлонов, Николай Васильевич —II, 338, 351, 360.
Апраксина, Марфа Матвеевна («царица») —II, 136.
Апраксины, владельцы Ольгова — II, 136-38.
Апулей — II, 37.
Апухтин, Алексей Николаевич — I, 128; II, 80, 119.
Арабажин, Константин Иванович —I, 134, 140; II, 362, 398-99.
Арагон, Луи — I, 142, 150, 161, 165, 182, 184.
Аракчеев, Алексей Андреевич —I, 26; II, 315.
Аралов, Гавриил Максимович — II, 400.
Арапов, А., не установленное лицо —II, 10.
Арбузов, Сергей Петрович — II, 44, 112.
Аристотель — I, 492.
д'Арк, Жанна — см. Жанна д'Арк.
Армфельд, Анна Васильевна — II, 499.
Армфельд, Наталья Александровна —II, 67, 116, 499.
Арнольд (Arnold), Мэтью —II, 46, 56, 75, 103-04, 112.
Арсеньева, Валерия Владимировна —I, 513, 518, 591, 624; II, 495-96, 509, 528.
Архип, крестьянин, спасший жизнь Толстому —I, 514.
Арцимович, Михаил Викторович («губернатор») — II, 207.
Арцыбашев, Михаил Петрович —I, 119, 126, 137.
Асмус, Валентин Фердинандович —I, 5, 15, 35-102; II, 522.
Астафьев, офицер — II, 316.
Ауэр, Леопольд — II, 114.
Ауэрбах, Бертольд — II, 496.
Афанасьев, Александр Николаевич — I, 564; II, 81, 119, 469.
Афросимов, не установленное лицо —II, 131.
Ахматов, Сергей, сын Е. Н. Ахматовой—I, 520.
Ахматова, Елизавета Николаевна —I, 519-21.
Ачинский, Даниил — см. Делиенко, Даниил Корнильевич.
Ашенбреннер, Михаил Юльевич — II, 59, 115.
Б. Н. Г. — см. Голицын, Б. Н.
Бабореко, Александр Кузьмич — I, 138-39.
Багратион, Петр Иванович —I, 162, 299, 346, 351-52, 354.
Базаров В. (Руднев, Владимир Александрович) — I, 68-69; II, 324, 358, 398.
Базилевский, Борис Аркадьевич — I, 530; II, 469.
Базыкин, Тимофей Ермилович (Тимофей Аниканов) — II, 213.
Базыкина (рожд. Сахарова), Аксинья Александровна (Аксинья Аниканова) —II, 213-15, 235.
Байдак, Николай Дмитриевич — II, 194, 230.
Бакал, художник — II, 129.
Бакова, Зинаида Ивановна — II, 355.
Бакунин, Михаил Александрович —II, 225, 410, 415.
Бакунин, Павел Александрович — II, 149-50, 225.
Бакунина, жена П. А. Бакунина — II, 150.
Баллу (Ballu), Адин — I, 447; II, 212, 234.
Балмашев, Степан Валерианович —II, 228.
Балта — см. Исаев Б.
Бальзак де, Оноре — I, 6, 93, 151-52, 156, 166-67, 183.
Бальмонт, Константин Дмитриевич —I, 105, 128-29, 134, 136-37, 140; II, 150-52.
Бантыш-Каменский, Дмитрий Николаевич — I, 314.
Баранов, Николай Михайлович — I, 450, 469.
Баранова, студентка —II, 346.
Баратынский (Боратынский), Евгений Абрамович — I, 99; II, 202.
Барбюс, Анри —I, 162-65, 178, 182.
Барсов, Елпидифор Васильевич —I, 519, 529-32, 576.
Бартенев, Петр Иванович — II, 59, 115 447-48, 452, 506, 532.
Баршева, Ольга Алексеевна —II, 102, 104, 122.
Барятинская (рожд. Орлова-Денисова), Елена (Нелли) Михайловна —II, 148, 168, 227.
Барятинский, Александр Иванович —I, 512, 517.
Басков, Борис Сократович —II, 344.
Башилов, Михаил Сергеевич —II, 527
Беатриса, не установленное лицо — II, 71.
Бегичев, Дмитрий Никитич — II, 491.
Бегичев, Никита Степанович — II, 491.
Безбородов, Дмитрий Ильич —II, 371.
Безобразов, Владимир Павлович — II, 12, 20, 495.
Безобразов, Павел Владимирович —II, 145.
Бейлис, Мендель — II, 400.
Беликов, П. П., писатель —II, 68, 117.
Белинский, Виссарион Григорьевич —I, 10, 28; II, 98, 121, 190, 485, 504, 530.
Белль, Генрих —I, 174.

Белостоцкий, Евгений Львович —II, 373.
Белоусов, Иван Алексеевич —II, 391.
Белый, Андрей (Бугаев, Борис Николаевич) — I, 134, 137-38; II, 114.
Бельская, студентка —II, 340.
Беляев, Юрий Дмитриевич —II, 184-85, 230.
Бенецкий, Стефан Филиппович —II, 387.
Березникова, Анона, племянница П. П. Воейкова —II, 12.
Бернштейн-Коган, Сергей Владимирович —II, 341, 344.
Беррийская (Berry) герц. (Луиза Сицилийская) —I, 380.
Берс, Андрей Евстафьевич —I, 315, 514, 636; II, 72, 242, 247, 250.
Берс, Елизавета Андреевна —I, 314-15, 324.
Берс, Константин Андреевич —II, 493.
Берс (рожд. Ислявина), Любовь Александровна —I, 499, 516, 636.
Берс, Петр Андреевич —II, 28-29, 109.
Берс, Софья Андреевна — см. Толстая (рожд. Берс), С. А.
Берс, Степан Андреевич —I, 515, 518.
Берс, Татьяна Андреевна — см. Кузминская, Т. А.
Берсы —II, 72, 117, 497.
Бертенсон, Лев Бернардович —II, 168.
Бестужев-Марлинский, Александр Александрович —I, 9.
Бетховен ван, Людвиг —I, 130, 143; II, 31-32, 110, 412, 452.
Бехер, Иоганес Р. —I, 174.
Бибиков, Алексей Алексеевич —II, 110, 464.
Бибиков, не установленное лицо —II, 83.
Биконсфильд (Дизраэли), Бенжамен —II, 16.
Билль — см. Beal, Samuel.
Бирс, Амброз —I, 162.
Бирюков, Павел Иванович (Поша) —I, 184, 200, 205-06, 227, 475, 498, 516, 552, 569, 598, 616, 621, 633, 636; II, 72, 74, 106, 118, 123, 128, 146, 223-24, 237, 266, 276, 278, 307-08, 439, 456-57, 470, 473, 482, 487-89, 506, 516.
Бирюков, Сергей Иванович—I, 519, 552.
Бирюков, преподаватель кадет. корпуса—II, 156.
Блинчевская, Минна Яковлевна —I, 529-33, 537-39.
Блок, Александр Александрович —I, 8, 120, 137-39.
Блок, Жан Ришар —I, 146, 183.
Блохин, Адриан Григорьевич —II, 63, 116.
Блохин, Григорий Федотович («Чинов окончил», «Князь Блохин») —II, 51-52, 54, 56, 113.
Бобринские, графы —I, 446, 453, 466.
Бобринский, Алексей Алексеевич —I, 450.
Бобринский, Алексей Павлович —I, 450.
Бобринский, Владимир Алексеевич —I, 445, 450.
Богаевская, Ксения Петровна —I, 6.
Богдасаров, Богдасар, студент —II, 346, 360.
Боголепов, Николай Павлович —II, 171, 229.
Боде (в замуж. Сухотина), Мария Михайловна —II, 226.
Бодиско, В., знакомый Толстого —II, 513.
Бодянский, Александр Михайлович —I, 635; II, 193, 231.
Бодянский, фотограф —II, 528.
Бокль, Генри Томас —I, 42.
Болдырева (рожд. Черкасская), Мария А. —II, 200.
Болдыревы, помещики —II, 183.
Больдт, Федор Федорович —II, 351-52.
Бонапарт, Люциан —I, 377.
Бондарев, Тимофей Михайлович —I, 611; II, 54, 114, 516.
Бонсал, Стивен —I, 557.
Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич — II, 147, 226, 370, 400, 406, 430-33, 435, 537-38.
Боратынские, родственники М. С. Сухотина —II, 177.
Боргаль, Клеман —I, 152.
Боргман, Иван Иванович (ректор университета) —II, 358.
Борис Владимирович, в. к. —II, 180.
Борисов, Иван Петрович —I, 633.
Борисов-Мусатов, Виктор Елпидифорович —II, 129.
Борисова, преподавательница Высших женских курсов —II, 346.
Бородин, Сергей Михайлович —II, 26.
Бороздна (рожд. Стромилова), Любовь Степановна —II, 13, 15, 20.
Борткевич, Елена Михайловна —II, 370, 400.
Борщев, домовладелец —I, 553.
Боткин, Василий Петрович —I, 533; II, 78, 495, 506, 528.
Боткин, Петр Петрович —I, 519, 533.
Бочаров, Сергей Григорьевич —I, 138.
Брайан, Вильям Дженнинг —I, 178.
Брейтбург, Семен Моисеевич —II, 121, 295, 475, 521-23.
Бригс (Briggs), знакомый В. Г. Черткова —I, 554.
Брисбен, Артур — I, 557.
Брискорп, генерал —II, 179.
Бродский, Лазарь Израилевич —I, 615.
Бреддон, Мери Елизабет —II, 50, 113.
Брюллов, Карл Павлович — II, 20.
Брюсов, Валерий Яковлевич —I, 105 128, 132-34, 137.
Буайе (Boyer), Поль —II, 496.
Буало (Boileau), Никола —I, 380.
Бугаев, Николай Васильевич —II, 58.
Бугров, Николай Александрович —II, 171.
Будберг, Андрей Романович —II, 376.
Будда —I, 7, 57, 63; II, 94, 114, 422.
Буксгевден, Фридрих Вильгельм —I, 318, 354.
Буланже, Жорж Эрнест —II, 526.
Буланже, Павел Александрович —I, 634; II, 170-71, 221, 228-29, 473, 516, 526.
Булатович, Владимир Григорьевич —I, 632.

Булгаков, Валентин Федорович —I, 123, 139, 201, 530, 569, 635; II, 219, 224, 234-36, 238, 240, 279, 282, 295-306, 392, 452, 505, 509.
Булгаков, Сергей Николаевич —II, 322, 329.
Булгаков, Федор Ильич —I, 398.
Булычев, П. В., литературовед —II, 442.
Буль, Лилиан — см. Войнич, Лилиан.
Бунин, Иван Алексеевич —I, 104-05, 114, 118-21, 139.
Бунин, Юлий Алексеевич —I, 120.
Бунина-Муромцева, Вера Николаевна — I, 120.
Буняковский, Виктор Яковлевич —II, 509.
Бурджалов, Георгий Сергеевич —II, 277.
Буренин, Виктор Петрович —II, 169, 511.
Бурмистров, Максим Федорович —II, 400.
Буров, офицер —II, 316.
Бурсов, Борис Иванович —I, 213.
Бурцев (Бурцов), Александр Васильевич —II, 230.
Бусс, Ревека Яковлевна —I, 546.
Бутлеров, Александр Михайлович —II, 162, 228.
Бутовский, Иван Григорьевич — II, 232.
Бутурлин, Александр Сергеевич —I, 110; 175, 229.
Буфф, Шарлотта —I, 170.
Бухгейм, Лев Эдуардович —I, 260.
Бушмин, Алексей Сергеевич —I, 228.
Быков, Григорий Васильевич —II, 400.
Бычков, Сергей Петрович — I, 210-11, 228, 324; II, 521-22, 538.
Бычковский, Болеслав Генрихович —II, 375.
Бютер, Мишель —I, 151.
Бэлио (?), не установленное лицо —I, 523.
Бялик, Борис Аронович — I, 138, 228.
Бялый, Григорий Абрамович —I, 114.

«В'...в», не установленное лицо —II, 234
Вагнер, Николай Петрович —I, 132, 573; II, 162, 228.
Вагнер, Рихард —I, 43, 173-74.
Вайнштейн, Михаил Яковлевич —II, 370, 400.
«Валентин» — см. Ягджиянц, Гаик Степанович.
Вальдес, Альберт Рихардович —II, 354.
Варсонофий, игумен Оптиной пустыни —I, 7; II, 322.
Васильев, Антон Антонович —I, 519, 545-46.
Васька, яснополянский крестьянин —II, 84.
Вахрамеев, Иван Александрович —II, 331.
Вебер, Карл Мария —II, 110.
Везенберг, фотограф —II, 529.
Вейдемюллер, Карл Людвигович —II, 348, 397.
Вейнберг, Петр Исаевич —I, 449.
Вейнберг, Самуил Лазаревич —II, 374.
Вейротер, Франц —I. 319, 322.
Вейсбейн, Николай (Weisbein, Nicolas)— I, 58, 101.
Великовский, Самарий Израилевич —I, 183.
Величкина, Вера Михайловна —I, 546.
Величко, Василий Львович —I, 128.
Венгеров, Семен Афанасьевич —II, 355, 397.
Вергилий — см. Виргилий.
Вересаев В. (Смидович, Викентий Викентьевич) —I, 104, 114-15, 139; II, 195-96, 232.
Верещагин, Василий Васильевич —II, 76, 118.
Верещагин, Михаил Николаевич —I, 609.
Вержбилович, Александр Валерианович —II, 114.
Веригин, Петр Васильевич —I, 591; II, 188-89, 195, 231.
Верховская, Вера Александровна — II, 510.
Веселитская, Лидия Ивановна (В. Микулич) —I, 595.
Веселовский, Александр Николаевич — II, 170.
Вестерлунд, Теодор —II, 199.
Виардо-Гарсиа, Мишель Полина —I, 404.
Вивекананда, Свами —II, 233.
Видкопф, Д. О., художник —I, 199.
Видмар, Иосип —I, 195, 209.
Вилло, переводчик статьи «Неделание» на фр. яз. —II, 474.
Вильгельм II —I, 147, 452, 486; II, 66.
Вилье (Вилие), Яков Васильевич —II, 164.
Вимпфен (рожд. Воейкова), Любовь Петровна —II, 8, 10-11, 15, 18-19.
Вимпфен фон, Макс —I, 319.
Вимпфен, Петр Федорович —II, 7-20.
Вимпфен, жена П. Ф. Вимпфена —II, 19.
Вимпфен, сын П. Ф. Вимпфена —II,18.
Виноградов, Борис Степанович —I, 228; II, 539.
Виноградов, Виктор Владимирович —I, 226, 228.
Винтен, Петр Янович —II, 354.
Винценгероде, Фердинанд Федорович —I, 395.
Виргилий (Вергилий), Публий Марон —I, 162.
Висс, Федор Евгеньевич —II, 376.
Витте, Сергей Юльевич —II, 148, 225.
Владимир Мономах — II, 24.
Владимиров, Иван Алексеевич —II, 107.
Вогюэ де (de Vogüé), Мельхиор Эжен —I, 168, 184; II, 59, 69, 115.
Водовозова, Мария Ивановна —I, 114; II, 159, 227.
Воейков, Александр Сергеевич —II, 7, 189, 231.
Воейков, Петр Петрович —II, 11-14, 19-20.
Воейкова, Любовь Петровна — см. Вимпфен (рожд. Воейкова), Любовь Петровна.
Воейкова (рожд. Стромилова), Мария Степановна (Стефановна) — II, 7-8, 10-15, 20.
Воейковы —II, 8, 15.

Войнаровский, Павел Дмитриевич —II, 344.
Войнич (Буль), Лилиан —II, 307.
Войнич, Михаил —II, 307.
Волжанина, О., литератор —II, 237.
Волжина, Наталья Альбертовна —I, 184.
Волков, Гавриил Андреевич —I, 292, 324; II, 445, 461.
Волков, Константин Васильевич—I, 135, 140; II, 158-59, 164, 167-69, 227.
Волкова, Клавдия Владимировна —II, 164.
Волкова, Мария Аполлоновна —I, 315, 324.
Волкова, Татьяна Николаевна — I, 521-29, 541-43, 547-48, 556-57; II, 461.
Волконская (рожд. Звегинцева), А. Н., дочь соседки Толстого —II, 200.
Волконская (Волхонская), Варвара Александровна —I, 514, 518; II, 296.
Волконская (рожд. Трубецкая), Екатерина Дмитриевна —II, 496.
Волконская (рожд. Трузсон), Луиза Ивановна —I, 302.
Волконский, Григорий Михайлович —II, 228.
Волконский (Волхонский), Николай Сергеевич —I, 499; II, 526.
Волконский, Петр Михайлович —II, 164.
Волконский, Сергей Григорьевич —II, 146, 152, 156, 226-27.
Волховский, Феликс —II, 307.
Волхонская, Варвара Александровна — см. Волконская (Волхонская), Варвара Александровна.
Волхонский (Волконский), Николай Сергеевич — см. Волконский (Волхонский), Николай Сергеевич.
Волынский А. (Флексер, Аким Львович) —I, 132.
Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари (Аруэ) —I, 48, 330, 380, 382.
Вольф, Людовик Маврикиевич —II, 520.
Вольф, Николай Иванович —I, 506, 517.
Воровский, Вацлав Вацлавович —II, 484.
Воронцов, Михаил Семенович —I, 517, 631.
Вырубов, Григорий Николаевич —II, 77, 118.
Вышнеградский, Иван Алексеевич —I, 540-41.
Вяземский, Леонид Дмитриевич —II, 152, 226, 483.

Гагарин, Григорий Григорьевич —II, 7, 11.
Гагарины, владельцы Сергиевского —II, 189.
Гайден (Гейден), Иосиф —I, 328.
Гайчман, преподаватель Тульской гимназии —II, 39.
Галле, Владислав Францевич —II, 352, 359-60.
Гальперина, Евгения Львовна —I, 183.
Ганди, Мохандас Кармчанд —I, 227.
Ганзен, Константин Михайлович —II, 371.
Ганицкий-Петрашкевич, Павел Михайлович —II, 341.
Гар дю, Роже Мартен —I, 142, 152-59, 183-84.
Гарбузов, Сергей Петрович — см. Арбузов, Сергей Петрович.
Гарин, Виталий Петрович —II, 354.
Гарленд, Хэмлин —I, 144, 146, 183.
Гаррисон, Вильям Л. — I, 447, 487, 543.
Гаррисон, Френсис Д. —I, 519, 543.
Гартман, Эдуард —II, 110.
Гаршин, Всеволод Михайлович —I, 124, 547.
Гаршин, Евгений Михайлович —II,135.
Гастев, Петр Николаевич —II, 192, 231.
Гауптман, Гергард —I, 12, 177, 548, 550.
Гаярин, Иван Федорович —II, 61, 115.
Ге, Николай Николаевич (отец) —I, 67, 86, 99, 448, 635; II, 27, 78-81, 85, 91, 104, 118-19, 122, 128, 132, 134, 506, 527.
Ге, Николай Николаевич (сын) — I, 448, 451, 626, 633; II, 78, 89-90, 118.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих —II, 110, 410.
Гейнс (Фрей В.), Владимир Константинович — I, 519, 533-36; II, 76-77, 87-88, 110, 118, 120.
Гейнс (Фрей) (рожд. Славинская), Мария Евстафьевна —I, 534, 536; II, 77, 118.
Гейтс, Сюза Юнг —II, 114.
Гемпден, Джон —II, 312.
Генкель, Вильгельм (Василий Егорович) — I, 519, 547-48.
Гервинус, Георг —I, 492.
Геродот — II, 111.
Герсон (Gerson), Жан —II, 115.
Герцева, Софья Наумовна —II, 359.
Герцен, Александр Иванович —I, 99, 137, 534, 547; II, 7, 20, 54, 113, 132, 409-10, 415, 498, 528.
Герценштейн, Михаил Яковлевич —II, 332, 395.
Герцик, Евгений Васильевич — II, 473.
Гёте, Иоганн Вольфганг —I, 43, 143, 169-70, 220, 382, 493; II, 56, 101, 429.
Гзовский, Владимир Владимирович —II, 372.
Гиллер, Героним, студент —II, 359.
Гиляк, Иван Иванович —II, 116.
Гиляров, Алексей Никитич —II, 93, 120.
Гиляровский, Владимир Алексеевич —I, 529-30.
Гинцбург, Илья Яковлевич —I, 333; II, 527.
Гиппиус, Василий Васильевич —II, 540.
Гиппиус, Зинаида Николаевна —I, 136-37.
Гитович, Нина Ильинична —II, 317-20.
Глаголев, Николай Александрович —I, 227.
Гладков, Федор Васильевич — 224.
Глебов, Владимир Петрович —II, 219, 236.
Глебова, Софья Николаевна — см. Трубецкая (в замуж. Глебова), Софья Николаевна.
Глебовы, семья В. П. Глебова — II, 219.

Гливенко, Иван Иванович —II, 470, 530.
Глинка, Сергей Николаевич —I, 314.
Гнедич, Петр Петрович —II, 31, 319.
Гоббс, Томас —II, 417.
Готенлое князь, Фридрих Людвиг —I, 319.
Гоголь, Николай Васильевич —I, 6, 11, 14, 16, 89, 99, 101, 137-38, 219, 221; II, 25, 63, 96, 98, 101, 117, 121, 169, 212, 216, 228, 244, 462, 485, 530, 536.
Голенищев-Кутузов, Арсений Аркадьевич —I, 135.
Голицын Б. Н., сосед М. С. Сухотина—II, 196, 232.
Голицын, Валерьян Михайлович —II, 12-14, 20.
Голицын, Григорий Сергеевич —II, 179.
Голицын, Лев — I, 499, 516.
Голицын, Сергей Федорович —I, 499, 516.
Голицыны, родственники Вимпфена и Толстого —II, 7.
Голохвастов, Дмитрий Дмитриевич — II, 12(?), 20.
Голохвастов, Дмитрий Павлович —II, 20, 506.
Голохвастов, Павел Дмитриевич —I, 95, 530, 594; II, 12(?), 20.
Голсуорси, Джон—I, 142-43, 147, 159, 183.
Гольденвейзер, Александр Борисович—I, 7, 99, 122, 124, 138-40, 201, 569; II, 219, 227, 233, 237, 277, 279, 285-86, 505.
Гольдсмит, Оливер —II, 101.
Гольцев, Виктор Александрович —I, 87; II, 123, 179.
Гомер —I, 7, 95.
Гонкур, Жюль —I, 179.
Гонкур, Эдмон —I, 179.
Гончаров, Иван Александрович —I, 89, 518; II, 492, 513.
Гончаров, не установленное лицо—II, 197.
Гораций, Флакк Квинт —II, 101.
Горбачев, Николай Васильевич —I, 445, 447-74; II, 479, 484.
Горбунов-Посадов, Иван Иванович —I, 538, 592; II, 222, 236, 266, 392, 476, 514, 531.
«Гореши», не установленное лицо —II, 363.
Горохов, Павел Митрофанович —I, 500, 516.
Горчаков, Михаил Дмитриевич —I, 512, 517.
Горшельд, Т. (Федор Федорович) —I, 237, 242—43.
Горький, Максим (Пешков, Алексей Максимович) — I, 6, 16, 18-19, 23, 82, 102, 104-05, 108-15, 117-19, 122, 138-39, 150, 152, 178, 182, 191, 193, 210, 223-24, 226, 228; II, 8, 19, 146, 150-51, 154, 156, 159, 161, 164-66, 170-71, 173-74, 195, 225, 227-29, 238, 418-19, 472, 539.
Горяин — см. Гаярин, Иван Федорович.
Горяинова (Энери), Ирина —II, 216.
Госницкий, Павел, студент —II, 344.
Готгейнер, Фридрих —II, 310.
Гоуэллс, Уильям Дэн —I, 147-48, 183.
Грановский, Тимофей Николаевич —II, 111.
Грачевский, Михаил Федорович — II, 171, 229.
Гремиславский, Яков Иванович—II, 129.
Грессер, Петр Аполлонович —II, 66.
Грибоедов, Александр Сергеевич —II, 25, 106, 530.
Грибунин, Владимир Федорович—II, 297.
Григоренко, Владимир Васильевич —II, 455, 539.
Григорович, Дмитрий Васильевич —I, 87, 219, 233, 260, 518; II, 492, 495, 513.
Григорович, Константин Петрович —II, 341, 361.
Громека, Михаил Степанович —II, 69, 117.
Гроссман, Леонид Петрович —II, 120.
Грот, Николай Яковлевич —I, 609; II, 93, 105, 109, 120, 123, 448, 478-79.
Груздев, Илья Александрович —I, 228; II, 225.
Грузинский, Алексей Евгеньевич —I, 235, 238, 245, 250, 324; II, 434, 442, 461, 465, 506, 519.
Гудзий, Николай Калинникович —I, 6, 205, 207-08, 397; II, 230, 302-06, 429, 434-35, 442, 444, 447-48, 450-51, 453, 455, 478-79, 482, 530-40.
Гумберт — см. Умберто I, король Италии.
Гуревич, Любовь Яковлевна (Л. Горев) — I, 130, 132; II, 91.
Гуревич, Эммануил (Мануил) Л. — см. Смирнов Е.
Гус. Ян —II, 63-64, 116.
Гусев, Николай Николаевич —I, 6, 125, 136, 139-40, 188, 200-01, 205-07, 227, 498, 519-21, 532, 632; II, 21, 26-124, 198, 201-02, 215, 231-33, 429, 434, 441-42, 451, 453, 474, 479, 481, 483, 487-505, 509, 533, 537, 540.
Гусева, Варвара Дмитриевна —II, 453, 479.
Гуцков, Карл Фридрих —II, 224.
Гучков, Александр Иванович —II, 322, 480.
Гюбар (Hubbard), Г. —II, 123.
Гюго, Виктор —I, 162, 176, 222, 494; II, 439, 526.

Давид Святославич, князь —II, 119.
Давыдов, Николай Васильевич —I, 548, 633; II, 509.
Давыдов, знакомый Воейковых —II,12.
Даль, Владимир Иванович —I, 561-62, 566, 568-76, 578-627; II, 458.
Даниил Ачинский — см. Делиенко, Даниил Корнильевич.
Данилевская, Наталья Михайловна —I, 635.
Данилевский, Николай Яковлевич —II, 59, 89, 115.
Данте, Алигьери —I, 19, 43, 130.
Дарвин, Чарльз —II, 36, 50, 59, 115.
Дашков, Василий Андреевич —II, 95, 121.
Дебагорий-Мокриевич, Владимир Карпович —II, 116.
Делиенко, Даниил Корнильевич (Даниил Ачинский) —II, 83, 119.
Дельсаль, Варвара Ивановна —II, 135.
Делянов, Иван Давыдович — II, 398.

Дементьев, Константин Григорьевич («директор») —II, 390.
Демон (Demont), А., корреспондент Толстого —I, 524, 526.
Ден, Владимир Эдуардович —II, 344.
Державин, Гавриил Романович —I, 315, 382; II, 100.
Десницкий, Василий Алексеевич —I, 228; II, 540.
«Детеныш», не установленное лицо —II, 355.
Дешевый, Михаил Семенович —II, 368.
Джойс, Джемс —I, 165-66.
Джордж, Генри —II, 45, 48, 50-51, 75, 112, 184, 196, 201, 216, 232.
Дибич, Иван Иванович —I, 298, 331.
Дидро (Дидерот), Дени — I, 382.
Дизраэли — см. Биконсфильд, Бенжамен.
Диккенс, Чарльз —I, 152, 176, 179, 222, 494; II, 25, 54, 72, 75-76, 267.
Динесман, Татьяна Георгиевна —I, 6, 542.
Диоген —I, 503.
Дитерихс, Иосиф Константинович —II, 195, 232.
Дитерихс, Ольга Константиновна —см. Толстая, О. К.
Дмитриев, М., фотограф —I, 464-65.
Дмитриев, Сергей Логгинович —II, 192, 231.
Дмоховская (рожд. Воронец), Анастасия Васильевна —II, 15, 20.
Дмоховский, Лев Адольфович —II, 20.
Днепров, Владимир Давидович —I, 173, 183.
Доббенбург ван, Аарт —I, 155, 163, 169, 175.
Добрановы, Илья и Иван Андреевичи — II, 328, 397.
Добровольский-Михайлов, Н., гувернер в семье В. А. Соллогуба —I, 260.
Добролюбов, Александр Михайлович — II, 224, 231, 236.
Добролюбов, Николай Александрович — II, 518.
Добрынин, Михаил Кузьмич —I, 209.
Доде, Альфонс —II, 70.
Долгов, не установленное лицо —II, 100.
Долгов, И.М., товарищ И. М. Ивакина —II 26, 98.
Долгов, Сергей Михайлович — II, 122.
Долгорукий (Долгоруков), Петр Петрович —I, 321, 324, 356, 593.
Долгоруков, Павел Дмитриевич —II, 210-11, 217.
Долгоруков, кн.—см. Долгорукий, П. П.
Достоевский, Федор Михайлович —I, 24, 28, 99, 136-37, 150, 176-77, 221, 547; II, 30, 90, 94, 110, 115, 120, 202, 216, 221, 288-89, 424, 503.
Дохтуров, Дмитрий Сергеевич —I, 301.
Драган (Дараган), Петр Михайлович — —II, 507.
Драгомиров, Михаил Иванович —II, 158.
Драйзер, Теодор —I, 142, 144, 172, 183.
Драчевский, Даниил Васильевич (градоначальник) —II, 351-53.
Дрентельн, Вера Николаевна —II, 379.
Дрожжин, Евдоким Никитич — II, 309 — 16.
Дрожжин, Спиридон Дмитриевич —I, 53.
Дроз (Droz), Гюстав —I, 519, 522-23.
Дружинин, Александр Васильевич —I, 206, 518; II, 494, 513, 528.
Дубовиков, Алексей Николаевич —I, 6.
Дубровский, издатель —II, 473.
Дудкин, Николай Михайлович —II, 400.
Дудоров, Николай Владимирович —II, 375.
Дудченко, Митрофан Семенович —II, 153, 226, 286, 510.
Дудышкин, Степан Степанович —I, 206, 517; II, 492.
Дунаев, Александр Никифорович —II, 106, 109, 124, 139, 154, 166, 210, 226.
Дурылин, Сергей Николаевич —I, 131; II, 443.
Дурылина, Ирина Алексеевна —II, 443.
Дьяков, Дмитрий Алексеевич —II, 202, 233, 494.
Дьяконов, А. П., художник —I, 249.
Дюбюк, Александр Иванович —II, 101, 122.
Дюма, Александр (сын) — II, 59, 474.
Дюпюи, Эрнест —II, 69, 117.
Дягилев, Сергей Павлович —I, 519, 541. 544.

Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская — см. Ольденбургская, Евгения Максимилиановна.
Евгеньев-Максимов, Владислав Евгеньевич —II, 512.
Евлахов, Александр Михайлович —II, 406.
Еврипид —I, 136.
Еголин, Александр Михайлович —I, 209.
Ежов, Николай Михайлович—II, 317-20.
Екатерина I—II, 315.
Екатерина II —I, 294, 325, 329, 356-57, 366, 380, 382, 503, 510; II, 314-15, 468, 488.
Елизавета, королева Английская — II, 314.
Елизавета Алексеевна (Луиза; принцесса Баденская), имп., жена Александра I —II, 164.
Елизавета Петровна, имп.—II, 315.
Елпатьевский, Сергей Яковлевич —I, 116; II, 164, 356, 398.
Енгиенский, герцог — см. Энгиенский, герцог.
Епишка — см. Сехин, Елифан.
Ергольская, Татьяна Александровна —I, 499-500, 502-04, 506-07, 510-11, 516-17, 574; II, 7, 10, 248-49, 464, 492, 496, 516, 526.
Ергольский, Дмитрий Александрович — II, 526.
Ермилов, Владимир Владимирович — I, 5, 23-32, 187, 226-27; II, 425.
Ермилова, Пелагея, ученица яснополянской школы —II, 439.
Ермолов, Алексей Петрович —I, 301, 318, 320-21; II, 46, 112.
Ернефельт (Järnefelt), Арвид Александрович —II, 222, 236.

Ернефельт, Елизавета Арвидовна —II, 222.
Ернефельт, Эро Арвидович —II, 222.
Еропкин, Виктор Васильевич —I, 540-41.
Ерошка — см. Сехин, Епифан.
Ершов, Андрей Иванович —II, 107, 124.
Ещенко, Емельян Максимович —I, 593.

Жанна, д'Арк —II, 203, 233.
Жданов, Владимир Александрович—I, 397-442; II, 429, 436-71, 487, 506, 509, 538.
Жебунев, Леонид Николаевич —II, 114.
Желябов, Андрей Иванович —II, 229, 332.
Жемчужников, Алексей Михайлович —I, 135, 518; II, 120, 202.
Жемчужников, Владимир Михайлович — II, 94, 120.
Жемчужникова (рожд. Дьякова), Елизавета Алексеевна —II, 202.
Жерюзе, И., фотограф —II, 529.
Живаго, П., художник—I, 531.
Жид, Андрэ —II, 406.
Жирарден — см. Сен-Марк-Жирарден, Франсуа Огюст.
Жиркевич, Александр Владимирович—I, 617.
Жихарев, Степан Петрович —I, 215.
Жокин, Антон Никитич —II, 388.
Жокин, Петр Никитич —II, 388.
Жуленников, Иван Васильевич —II, 379.
Журавлев, студент —II, 360.
Журов, Петр Алексеевич—I, 231-56. —II, 379.

Забелин, Иван Егорович —I, 569, 581, 591, 593, 610.
Заборова, Роза Борисовна —I, 227, 544.
Загоскин, Михаил Николаевич —I, 315.
Загоскина (рожд. Мертваго), Екатерина Дмитриевна —I, 504, 517, 519, 532.
Загрубский, Николай Николаевич —II, 372.
Зайденшнур, Эвелина Ефимовна —I, 212, 228, 291-396, 561-639; II, 429, 436-71, 506, 509, 540.
Закревский, Алексей Андреевич—II, 11.
Залюбовский, Алексей Петрович —II, 74, 118.
Зарубин, Александр Алексеевич —II, 151, 225.
Зарудный, Александр Сергеевич —II, 368, 397, 400.
Зарудный, Сергей Сергеевич —II, 361.
Засодимский, Павел Владимирович —II, 518.
Засосов, Владимир Иванович —II, 223-24.
Засулич, Вера Ивановна —II, 499.
Захарьин, Григорий Антонович —II,129.
Захарьин-Якунин, Иван Николаевич — II, 466.
Звегинцев, Евгений Александрович —II, 210.
Звегинцева, Анна Евгеньевна —II, 200, 205, 232.
Зволянский, Сергей Эрастович —II, 156, 226.
Зегерс, Анна—I, 142, 150, 179-81, 184, 225, 228.
Зельдович, Владимир Давыдович —II, 403, 406-26.
Зернов, Филат Д., дед И. М. Ивакина — II, 22.
Зильберберг, М. Я. — II, 354.
Зильберштейн, Илья Самойлович —I, 44, 119, 261; II, 519-20.
Зиновьев, Николай Алексеевич —I, 450-52, 468.
Златовратский, Николай Николаевич — II, 72, 499.
Зозуля, Михаил Никитич —I, 445-47.
Золотова, Татьяна, румынская крестьянка —II, 176, 230.
Золотухина, А. Я. — II, 381.
Золя, Эмиль —I, 160, 173, 177; II, 25, 50, 69-70, 73, 474.
Зонина, Ленина Александровна —I, 183-84.
Зотов, Рафаил Михайлович —I, 315.
Зубатов, Сергей Васильевич —II, 159.
Зуев, Нил Петрович (директор Департамента полиции) — II, 356, 358, 360 365.
Зуттнер фон, Берта —II, 512.
Зыкова, Анна Степановна —II, 494.
Зябрев, Евстигней Титович —II, 452.

Ибрагимов, Николай Мисаилович —II, 491.
Ибсен, Генрик —I, 146.
Ивакин, Иван Михайлович —I, 6, 534; II, 21-124, 231.
Ивакин, Михаил Федорович —II, 22.
Ивакина, Анна Михайловна —II, 24-25.
Ивакина (рожд. Зернова), Анна Филатовна —II, 22, 24, 29, 82.
Ивакина, Павла Михайловна —II, 24-25.
Иван IV Грозный — II, 314.
Иван, кучер —II, 213.
Иванов, Александр Петрович —II, 33, 57, 74-75, 98, 100, 110.
Иванов, Анатолий Борисович —II, 353.
Иванов, Борис Семенович —II, 341.
Иванов, Василий Васильевич —I, 519, 540-41.
Иванов, Вячеслав Иванович —I, 134.
Иванов, Гавриил Афанасьевич —II, 39, 111.
Иванов, Иван Иванович —II, 499.
Иванов, Николай Никитич —I, 569.
Иванов, сын В. В. Иванова —I, 540.
Иванов, член ЦБ профсоюзов в 1910 г.— II, 397.
Иванова, Зинаида Николаевна —I, 539-40.
Иванцов-Платонов, Александр Михайлович —II, 477.
Игнатьев, Николай Павлович —II, 170, 227, 229.
Игнатьев, Н. В., председатель Крапивенской земской управы —II, 210.
Игумнова, Юлия Ивановна —I, 556; II, 198, 200, 202, 206, 232.
Иерон, настоятель Нового Афона —II, 38.
Изюмченко, Николай Трофимович —II. 309.

Илиодор (Труфанов, С. М.), иеромонах — II, 322.
Иллюстров, Иакинф Иванович —I, 562.
Илья, камердинер —II, 215.
Иоанн Богослов —II, 41-42.
Иоанн-евангелист —II, 32-33, 40, 42, 111.
Иоанн Кронштадтский (Сергеев, Иван Ильич) —II, 159.
Иоанн V (Иван) Алексеевич, царь, брат Петра I —II, 315.
Иоанн VI Антонович, имп. —II, 315.
Иорданский (Негорев), Николай Иванович —II, 348, 370, 397, 400.
Исаев, Балта —II, 46, 89, 112, 120.
Исаков, Николай Васильевич —II, 13.
Ислявин, Владимир Александрович —I, 261, 632
Ислявин, Константин Александрович —II 62-63, 66, 69, 73-76, 116.
Исленьев, Александр Михайлович —I, 499-500, 516.
Исократ —I, 46.
Исув, Иосиф Андреевич —II, 370, 400.

Кавеньяк, Луи Эжен —II, 410.
Казакевич, Эммануил Генрихович —I, 184.
Калашникова, Евгения Давыдовна —I, 184.
Калмыкова (рожд. Чернова), Александра Михайловна —II, 119, 510.
Кальдерон де ла Барка, Педро —I, 135; II, 151.
Каменев, Александр Константинович — II, 365, 397.
Камю, Альбер —I, 152, 183.
Кандиев, Богдан Иванович —I, 228.
Кант, Иммануил —I, 68-69; II, 41, 101, 109.
Капнист, Павел Алексеевич —II, 58, 115.
Караваев, Александр Львович —II, 332, 395.
Каракозов, Дмитрий Владимирович —II, 110.
Карамзин, Николай Михайлович —II, 38.
Карамзина, Екатерина Николаевна (в замуж. Мещерская) — I, 513, 518.
Карамзина, Елизавета Николаевна —I, 513, 518.
Карвер, автор статей по эстетике —I, 492.
Карл I, английский король —II, 315.
«Карл», не установленное лицо —II, 338-39, 345, 358-59.
Карлейль, Томас —II, 409.
Каро, Эльм Мари —II, 58, 115.
Карпинский, Александр Петрович—II, 115.
Карпович, Петр Владимирович —II, 171, 229.
Карр, Альфонс —II, 527.
Картавцев, Андрей Ильич —II, 201.
Картавцев, Петр Кузьмич —II, 368.
Картушин, Петр Прокофьевич —II, 192, 231.
Касаткин, Владимир Николаевич —II, 353.
Касаткин, Николай Алексеевич —II,128.
Кассо, Лев Аристидович —II, 356, 382, 398.
Катаев, Валентин Петрович —I, 224.
Каталани, Анжелика —I, 341.
Катков, Михаил Никифорович —I, 234, 391; II, 24, 60, 73, 95, 117, 121, 147, 202, 495, 506, 511.
Кауфман, Мария Яковлевна —II, 392.
Кауфман, Михаил Петрович —I, 540-41.
Качаровский, Николай Климентьевич— II-344.
Кашкин, Иван Александрович —I, 181.
Кейхель, Эрнст —II, 505.
Кемпийский, Фома — см. Фома Кемпийский.
Кенворти (Kenworthy), Джон —I, 475; II, 111, 308.
Кеннон (Cannon), Джордж —II, 114.
Кизеветтер, Георг —II, 493.
Кинеловский, Борис Леонидович —II, 361.
Киреева, Александра Васильевна —I, 514, 518; II, 497.
Киреевский, Иван Васильевич —II, 406.
Кирилл Владимирович, в. к. —II, 180.
Киркегор, Серен Обю —II, 88.
Кирпотин, Валерий Яковлевич —I, 209, 227.
Кичеев, Петр Иванович —I, 315.
Клейгельс, Николай Васильевич —II, 174, 178, 229.
Клейн, профессор французской Высшей инженерной академии —II, 396.
Клерк (Clerc), Эдуард —I, 519, 523-24, 526-29.
Клодт, Петр Карлович —II, 527.
Клопский (Клобский; «Клоповский»), Иван Михайлович —II, 108, 124.
Клыков, Митрофан Яковлевич —II, 369.
Ключарев, Алексей Иосифович — см. Амвросий.
Ключевский, Василий Осипович—II, 170.
Клячко, С. А., участник кружка Маликова —II, 110.
Книпович, Лидия Михайловна —II, 370, 400.
Кноринг, Ф. Г., офицер, с которым служил Толстой —I, 507, 517.
«Князь Блохин» — см. Блохин, Григорий Федотович.
Ковалев, Иван Федорович —I, 227; II, 321, 351-53, 382-84, 544, 545, 548.
Ковалевский, Александр, студент —II, 361.
Ковалевский, Евграф Петрович —II, 509.
Ковалевский, Максим Максимович —II, 193, 231, 344, 355, 367-68, 398-99.
Ковалевский, Павел Осипович —II, 318.
Ковальский, Федор Ксенофонтович —II, 341.
Ковнер, Альберт (Авраам Урия) Григорьевич —II, 90, 120.
Кожевников, Алексей Яковлевич —II, 98, 122.
Козаков, гусарский офицер —II, 374.
Коленкур, Арман Огюстен Луи —I, 293, 331.
Колотовский, не установленное лицо —II, 386.

Кольридж, Сэмуэль —II, 94, 120.
Комаров, Алексей Никанорович —II, 319.
Комаров, Матвей —II, 121.
Комарова (рожд. Стасова), Варвара Дмитриевна (псевд. Владимир Каренин) —II, 112.
Коменский, Ян Амос —II, 104-05, 123.
Комиссаржевская, Вера Федоровна —II, 220.
Кондратьев, И. А., рабочий завода Бромлей —II, 400.
Коневский, А. И.—I, 623.
Кони, Анатолий Федорович —I, 135, 553; II, 179-80.
Коновалов, Иван Андреевич (в тексте ошиб. Н. А.) — II, 348, 397.
Кононов, Иван Михайлович —II, 400.
Конопницкая, Мария —I, 147, 183.
Константин V, византийский император —I, 63.
Константин Константинович, в. к. —II, 222.
Константин Павлович, в. к. —II, 315.
Константинов, Константин Иванович — I, 513, 517.
Константинов, Николай Александрович— II, 539.
Конт, Огюст —I, 533-35.
Конфуций (Кун-цзы) — I, 57, 63; II, 111.
Корейш, Андрей Петрович («воинский начальник») —II, 504.
Корейш (в зам. Хвощинская), Варвара Андреевна —II, 504.
Корелин, товарищ И. М. Ивакина —II, 24, 28, 99-100.
Корелина, жена товарища И. М. Ивакина —II, 28.
Коренев («Корень»), Борис Евгеньевич —II, 358-60.
Коренев, Михаил Матвеевич —II, 434.
Корнель (Corneille), Пьер —I, 380, 382.
Корнман, Э., пастор из Одессы —I, 519, 541-42.
Королев, Ефим Ефимович —II, 494.
Короленко, Владимир Галактионович — I, 24, 104-05, 108-09, 112, 114, 126-27, 135, 138, 223; II, 154, 156, 164, 222, 226, 236, 423, 499, 505.
Корсина, Александра Александровна — II, 526.
Костенко, студент —II, 344.
Костюкан, Ефим Ефремович —II, 400.
Котляревский, Нестор Александрович — I, 208.
Коттен фон, Михаил Фридрихович — II, 340-41, 345, 347, 351, 358-59.
Кохановская — см. Соханская, Н. С.
Кочубей, Виктор Павлович —I, 356.
Крайтор, Иван Кондратьевич —I, 115.
Крамской, Иван Николаевич —I, 295; II, 16, 62, 71, 134-35, 527.
Краснов, Платон Николаевич —II, 520.
Краснокутская (рожд. Загоскина), Варвара Николаевна —I, 532.
Красовский, Иван Иванович —II, 28, 32, 109.
Крейн, Стивен —I, 147-48, 160, 162, 183
Кривенко, Сергей Николаевич —I, 266.
Кривцов, помещик —II, 66.
Кронштадтский, Иоанн — см. Иоанн Кронштадтский.
Кропоткин, Петр Алексеевич —I, 534; II, 7, 12-14.
Кросби (Crosby), Эрнест Хоуард —I, 487-88, 633; II, 502.
Круглик, Вячеслав Онуфриевич —II, 377-78.
Крузенштерн, Иван Федорович —II, 124.
Крутиков (Крутик), Исаак Соломонович —II, 234.
Крутовские, не установленные лица —II. 379.
Крюи де, Поль — I, 55.
Ксантиппа —II, 222.
Ксения, в. к. —II, 149.
Ксенофонт —I, 46, 527, 529; II, 111.
Кубиков, Иван Николаевич (псевдоним И. Н. Дементьева) —I, 209.
Кудрявцев, Дмитрий Ростиславович —I, 585.
Кудряшева, А., литературовед —I, 228.
Кузина, Лия Николаевна —II, 7-20, 141-236.
Кузминская (рожд. Берс), Татьяна Андреевна —I, 258-60, 266, 523, 526, 533, 624; II, 45, 52-54, 64, 66-67, 70-71, 73, 86-87, 92, 112-13, 196-97, 250, 255, 258-60, 267-68, 270, 285-86, 440, 469, 497.
Кузминские —II, 67, 506.
Кузминский, Александр Михайлович —I, 260, 546, 616; II, 64, 66, 68, 73, 84, 86-88, 116, 118, 498.
Кузминский, Михаил Александрович—II, 67.
Кузнецов, А. А., корреспондент Толстого —II, 225.
Кузнецов, Александр Петрович —I, 635.
Кузьмич —см. Федор Кузьмич.
Кукольник, Нестор Васильевич —I, 9.
Куни, японский принц —II, 212.
Купреянова, Елизавета Николаевна —I, 227-28; II, 522
Куприн, Александр Иванович —I, 104-05, 114, 116-19, 121, 126, 139; II, 144, 190.
Куракин, Алексей Борисович —I, 297.
Курлов, Павел Григорьевич (товарищ министра)—II, 340, 345, 352, 382, 384.
Куропаткин, Алексей Николаевич —II, 179-80.
Кутузов, Михаил Илларионович —I, 72, 164, 296, 299-301, 309, 318-23, 346, 354, 377-78, 380-81, 390, 396, 567, 584, 616, 633, 635-36; II, 417, 446, 455.
Кювье, Жорж —II, 59.

Л. И. П., не установленное лицо —I, 633.
Лабковская, Раиса Самуиловна —I, 582.
Лаборд, Розалия —II, 497.
Лаврин, Янко —I, 227.
Лавров, М. Н., работник типографии —I, 391.
Лавров, Петр Лаврович —I, 534.
Ладыженская, Вера Ивановна —II, 340.

Ладыжников, Иван Павлович —II, 473.
Лажечников, Иван Иванович —I, 314.
Лазарев, Егор Егорович —II, 70, 117.
Лазарев, Иван Федорович —II, 54, 114.
Лазарев, Михаил Михайлович —II, 400.
Лазурский, Владимир Федорович —I, 109, 138, 140, 539; II, 112-13.
Ланжерон, Александр Федорович—I, 319.
Ланская (рожд. Одоевская), Варвара Ивановна —I, 315, 324.
Лаотсе (Лао-Цзы) —I, 57; II, 111, 422.
Лао-Шэ —I, 225.
Лапин, Александр Михайлович —I, 324.
Лафатер (Lafater), Иоганн Каспар —I, 390.
Лебедев, Алексей Васильевич —II, 125.
Лебедев, Василий Степанович —II, 114.
Лебедев, Дмитрий Петрович —II, 82, 95-96, 119.
Лебедев, Иван Михайлович —II, 397.
Лебедева, Ольга Сергеевна —I, 202.
Лебрен, Виктор Анатольевич —I, 636; II, 286, 509.
Лёвенфельд, Рафаэль —I, 519, 551, 636; II, 519.
Левин, М., корреспондент норвежской газеты —II, 218, 235.
Левина, Софья —II, 364.
Левинский-Левицкий, Исаак Маркович— II, 387, 401.
Левитан, Исаак Ильич —I, 132.
Левицкая (рожд. Олсуфьева), Анна Васильевна —II, 132, 134.
Левицкие —II, 131-33.
Левицкий, Рафаил Сергеевич —II, 131-35.
Левицкий (Львов-Левицкий), Сергей Львович — II, 131, 528.
Ледерле, Михаил Михайлович —II, 491.
Лежнев, Александр Иванович — II, 341.
Лежнев, Андрей Иванович —II, 361.
Лежнев, Исай Григорьевич —I, 223, 228.
Лейбниц, Готфрид Вильгельм —II, 109.
Лейкин, Николай Александрович —I, 135.
Лелевель, Иоахим —II, 54, 113.
Леман, Анатолий Иванович —II, 97, 121.
Ленин, Владимир Ильич —I, 6, 10, 16, 21, 23, 31-32, 35, 37-38, 40, 47, 50, 59, 67-70, 77, 79, 81-83, 101-03, 108, 138-39, 142, 183, 185, 188, 190-200, 203, 210, 212-13, 215-16, 226-27, 446-48; II, 135, 141, 144, 225, 238, 308, 321-22, 324-25, 328-29, 396, 403-04, 407, 425-26, 430-34, 483-85, 521-23, 534, 537-38.
Ленский, Аркадий — см. Файнберг, Моисей Борисович.
Лентовский, Михаил Васильевич —II, 94, 121.
Леонардо да Винчи —I, 17.
Леонов, Леонид Максимович —I, 5, 7-22, 224.
Леонтьев, Борис Николаевич —II, 192, 231.
Леонтьевский, Николай Алексеевич —I, 548-51.
Лермонтов, Михаил Юрьевич —I, 6, 99, 101, 128, 137; II, 202, 216, 408, 530, 536.
Лесаж, Алэн Ренэ —I, 222.
Лесгафт, Петр Францевич —II, 367.
Лесков, Николай Семенович — I, 96, 104; II, 503, 512, 518.
Леушева, Софья Ивановна —I, 228, 324.
Ливий, Тит —I, 162.
Линдер, Исаак Максович —II, 468.
Липкин (Череванин Н.), Федор Андреевич —II, 370, 400.
Лист, завод в Москве —II, 326.
Лист, Ференц (Франц) —II, 114.
Литтре, Эмиль —II, 77, 118.
Лифшиц, Герман Михайлович —I, 227; II, 321-402.
Лихтенштейн, Иоганн Иосиф —I, 319.
Лобачевский, Николай Иванович —II, 162, 227.
Лозинский, Евгений Иустинович (псевд. Устинов) —I, 634.
Ломоносов, Михаил Васильевич —I, 382; II, 38, 100, 530.
Ломунов, Константин Николаевич —I, 5, 140, 185-228, 477; II, 403-05, 522-23, 539.
Лонг, Давид (?), англ. миссионер —II, 49, 113.
Лонгинов, Михаил Николаевич —I, 324.
Лопатин, Владимир Михайлович —II, 129.
Лопатин, Герман Александрович —II, 146, 156, 227.
Лопатин, Лев Михайлович —II, 105-06, 123.
Лопухин, Виктор Александрович —II, 201.
Лористон (Lauriston), Александр Жак Бернар —I, 293, 297, 331.
Лоскутов, Михаил, ученик воен. училища —I, 130.
Лохвицкая (Лохвицкая-Скалон), Мария Александровна —II, 347.
Лубенцов, полковник —II, 214.
Лукач, Георг —I, 188, 209, 227.
Луначарский, Анатолий Васильевич —I, 6, 209; II, 403-26, 430-35, 537.
Луппол, Иван Капитонович —II, 435.
Лучицкий, Иван Васильевич —II, 392, 402.
Лысенко, Николай Витальевич —II, 387, 401.
Львов, Алексей Владимирович —II, 100-01, 122.
Львов, студент —II, 374.
Львов-Рогачевский, Василий Львович (псевдоним В. Л. Рогачевского)—I, 209.
Львович, Давид Владимирович —II, 346.
Льюис, Джордж Генри —II, 59.
Льюис, Синклер —I, 179.
Людовик XI —II, 312.
Людовик XVI —I, 376; II, 315.
Людовик Святой —I, 376.
Людовик-Филипп —II, 315.
Люксембург, Роза —II, 484.
Лютер, Мартин —I, 7; II, 33, 40.

Магомет —I, 57.
Мадзини (Mazzini), Пьетро —II, 225.
Мазаев, Петр Абрамович —II, 193, 231.
Майер, Гаек —I. 183.

Майков, Аполлон Николаевич —I, 128, II, 517.
Майков, Леонид Николаевич —II, 520.
Макарий (Булгаков, Михаил Петрович), митрополит —I, 36; II, 39, 111, 254.
Макаров, Иван Осипович —II, 440.
Макаров, Степан Осипович —II, 179.
Маккензи, Комптон —I, 161.
Маклаков, Василий Алексеевич —I, 519, 552-54.
Маклакова, Мария Алексеевна —I, 519, 525, 552-54.
Маковицкий, Душан Петрович —I, 109, 117-18, 121, 126, 129, 137-40, 200, 227, 518; II, 125, 190, 194, 203, 205, 212, 215, 224, 230-31, 234-35, 275-76, 279, 281, 290, 322, 390.
Маковский, Владимир Егорович —I, 455; II, 128, 405.
Маковский, Константин Егорович —II, 132.
Максимилиан Габсбург, император Мексики —II, 315.
Максимов, издатель —II, 473.
Маликов, Алексей Капитонович —II, 31, 59, 77, 110, 115, 516.
Маликова, Елизавета Александровна —II, 31, 110.
Мальтус, Томас Роберт —II, 50-51, 113.
Малышев, Михаил Егорович (Георгиевич) —II, 103.
Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович —I, 104.
Манджос, Борис Семенович —II, 235, 286.
Манн, Генрих —I, 144, 146, 149, 165, 183.
Манн, Томас —I, 142-44, 147, 159, 168-70, 173-74, 183-84.
Мануилов, Александр Аполлонович —II, 356.
Мануйлов, Иван Антонович —II, 345, 358-59.
Мануйлов, Петр Леонидович—II, 159, 227.
Маракуев, Владимир Николаевич —II, 122.
Марио (Mario di Candia), Джузеппе —II, 63, 116.
Мария Николаевна, в. к. —II, 228.
Мария Федоровна, имп.—I, 304, 315, 356, 375-76, 383-86, 390, 394-395; II, 179.
Марк Аврелий — см. Аврелий, Марк.
Марков, Евгений Львович —II, 61, 115-16, 485.
Маркс, Адольф Федорович —I, 616; II, 164, 228, 528.
Маркс, Карл —I, 46, 102, 188; II, 325, 334, 403, 409, 484.
Марлинский — см. Бестужев-Марлинский, А. А.
Маров, Афанасий Степанович —I, 597.
Мартынова, Софья Михайловна—II, 166, 214, 228.
Марья Герасимовна, юродивая —I, 502.
Массарик (Masaryk), Томаш Гарриг —II, 123, 223, 236.
Массон, Мориц —I, 569, 634, 636.
Матвеева, домовладелица —II, 24.
Матвей (Константиновский, Матвей Александрович), священник —I, 14; II, 212.
Мате, Василий Васильевич —II, 95.
Матусевич, Антон Федорович —II, 367.
Матусевич, Евгения Антоновна —II, 367.
Матфей, евангелист —II, 40, 43, 112.
«Махровый» — см. Свердлов, Яков Михайлович.
Мгалоблишвили, Сергей Алимисханович —II, 370, 400.
Медведев, Антоний — см. Антоний (Медведев), схимник.
Мейер, Дмитрий Иванович —I, 503, 510, 517.
Мейерхольд, Всеволод Эмилиевич —I, 548.
Мейлах, Борис Соломонович —I, 5, 185-228; II, 237-43, 321, 522-23.
Меморский, Михаил Федорович —II, 94, 121.
Менгден, Елизавета Ивановна —II, 299.
Мендельсон, Николай Михайлович —II, 465-66, 498.
Мендельсон-Барттольди, Феликс—II, 58.
Меньшиков, Александр Данилович —II, 315.
Меньшиков, Михаил Осипович —I, 553, 584, 598; II, 191, 207-08, 231, 233, 503.
Мережковский, Дмитрий Сергеевич —I. 130, 136-37; II, 219, 355, 368, 397, 503.
Мерхалев, Дмитрий Николаевич —II, 362, 373.
Метерлинк, Морис —I, 12.
Метуэн, лорд —II, 169, 171, 228.
Мешков, Василий Никитич —I, 15, 513; II, 189, 265.
Мещерский, Владимир Петрович —II, 141.
Мещеряков, Николай Леонидович —II, 434.
Микельанджело Буонарроти —I, 92.
Микешин, Михаил Осипович —II, 502.
Миклашевский, Михаил Петрович — см. Неведомский, Михаил Петрович.
Милль, Джон Стюарт —II, 53, 56, 59, 114.
Милюков, Павел Николаевич —II, 362, 367, 398-99, 480.
Милютин, Юрий —II, 178.
Минор (Залкинд), Соломон Алексеевич —II, 111.
Минский, не установленное лицо—II, 376.
Мирабо, Оноре Габриель Рикетти —I, 360.
Мисербиев, Садо —I, 506-07, 517.
Митрофан, тульский викарий —II, 322.
Митрофанов, Алексей Митрофанович —II, 400.
Михаил Федорович, царь —II, 192.
Михаил Фомич, слуга в Ясной Поляне —II, 83.
Михайлов, Константин Анемподистович —II, 155.
Михайлов, Михаил Анемподистович —II, 159, 227.
Михайловский, Борис Васильевич —I, 139.
Михайловский, Николай Константинович —II, 89, 105.
Михайловский-Данилевский, Александр Иванович —I, 313-14, 316-19, 321-22, 324; II, 464.

Михеев, Василий, яснополянский крестьянин —II, 88.
Мишин, Виктор Степанович —I, 443-44, 475-76, 536-39, 552-54; II, 21, 26-124, 429, 470, 475, 479, 484, 506, 509-10, 512, 523-27, 539.
Модзалевский, Борис Львович —II, 112.
Модль, Владимир Францевич —II, 375, 378.
Молоствов, Владимир Германович —II, 218-19, 235.
Молоствова (рожд. Бер), Елизавета Владимировна —II, 218, 235, 499.
Молоствова, Елизавета Модестовна —II, 489.
Молоствова, Зинаида Модестовна —II, 489, 491.
Молочников, Владимир Айфалович—I, 591.
Молчанов, Виктор Сергеевич —II, 169.
Мольер (Поклен, Жан Батист) —I, 494, 500.
Монморанси, французский дворянский род —I, 380, 385, 390.
Монтескье, Шарль Луи —I, 503.
Моод, Эйльмер —I, 597, 610, 632; II. 478-79.
Мопассан де, Ги —I, 6, 86, 94, 99, 113, 162, 179; II, 25, 59, 69, 117, 176, 287-89, 523.
Мораки, Владимир Николаевич —II, 352.
Мордовцев, Даниил Лукич —I, 135.
Моро, Жан Виктор —I, 374, 396.
Морозов, Василий Степанович —I, 514, 518; II, 440.
Морозов, Михаил Семенович —I, 534.
Морозов, Николай Александрович —II, 367, 399.
Мортье, Эдуард Адольф —II, 497.
Моруа, Андре —I, 148, 159, 161, 183, 184.
Мотылева, Тамара Лазаревна —I, 5, 141-84, 198, 218-19, 228.
Мохаммед-Ахмед —II, 116.
Моцарт, Вольфганг Амадей —II, 110, 527.
Мочалов, Павел Степанович —II, 220.
Мумин, член ЦБ профсоюзов в 1910 г.— II, 397.
Муратов, Михаил Васильевич —II, 487, 506.
Муратова, Ксения Дмитриевна —I, 228.
Муромцев, Сергей Андреевич—II, 58, 114, 192, 231, 321, 338, 380, 395-96.
Мусоргский, Модест Петрович —II, 44, 112.
Муций, не установленное лицо —II, 216.
Мышкин, Ипполит Никитич — II, 60, 115.
Мышковская, Лия Моисеевна —I, 257, 266, 324.
Мюллер, Фридрих Макс —II, 85, 120.
Мюрат, Иоахим —I, 299, 346, 380.
Мясоедов, Григорий Григорьевич —II, 158, 227.
Мясоедов, Марк Николаевич —II, 341-43, 358-59.
Набгольц — см. Шерер и Набгольц.
Нагорнов, Ипполит Михайлович —II, 31, 110.
Нагорнов, Николай Михайлович —I, 598, 609, 624, 635; II, 515.
Надсон, Семен Яковлевич —I, 128.
Наживин, Иван Федорович —I, 112, 140, 623, 634; II, 200, 217, 233.
Наживина, А., автор книги о Г. Джордже —II, 196, 232.
Наполеон I —I, 26, 71-72, 158, 163-64, 218, 293-94, 296-306, 308, 310-12, 315-19, 321-22, 324, 331, 334-37, 345, 351-52, 354-57, 364-65, 370, 373-78, 380-82, 384-86, 388-89, 397, 499; II, 250, 256, 314, 412, 414, 455.
Нарышкин, Константин Павлович —II, 496.
Нарышкина, Александра Николаевна — I, 634.
Нарышкина (в замуж. Оболенская-Нелединская-Мелецкая), Мария Константиновна —II, 496.
Нарышкина (рожд. Ушакова), Софья Петровна —II, 496.
Нарышкины —II, 496.
Настасья, прачка —II, 129, 131.
«Настя», не установленное лицо —I, 534.
Неведомский (Миклашевский), Михаил Петрович —II, 324, 348, 358, 397-98.
Негорев — см. Иорданский Н. И.
Неклюдов, орловский губернатор — I, 450, 469.
Некрасов, Николай Алексеевич —I, 16, 128, 160, 508, 513, 517; II, 25, 72, 132, 411, 494-96, 512, 516-17, 528.
Некрасова, Екатерина Степановна —II, 440.
Нексе, Мартин Андерсен —I, 178.
Немирович-Данченко, Василий Иванович —I, 135; II, 68.
Немирович-Данченко, Владимир Иванович —I, 548-49.
Неплюев, Николай Николаевич —I, 562, 617.
Нерадовский, Петр Иванович —I, 521; II, 125-40, 228, 525.
Нестеров, Михаил Васильевич —I, 79; II, 191, 231.
Неуймина, Нина Николаевна —II, 340.
Нечаев, Сергей Геннадиевич —II, 38, 111.
«Ник...», не установленное лицо —II, 355.
Никитин, Дмитрий Васильевич —II, 191.
Никитин, Николай Никанорович —II, 353.
Никифоров, Александр Исаакович —II, 540.
Никифоров, Лев Павлович —II, 229.
Никола Святоша — см. Святослав Давидович, Черниговский князь.
Николаев, Андрей Владимирович —I, 343, 353, 363.
Николаев, Сергей Дмитриевич —II, 196, 232.
Николай I (Николай Павлович; Николай Палкин) —I, 173, 204, 218; II, 179, 194, 230, 314-15, 468.

Николай II —I, 211, 227: II, 115, 121, 148, 151, 166, 168, 177, 181, 225, 322, 324, 395, 480, 512.
Николай Михайлович, в. к. —I, 580, 633-34; II, 148, 152, 158, 166, 168, 178-80, 224, 226-27, 230.
Нильсон, Кристина —I, 404, 424.
Ницше, Фридрих —I, 146; II, 236.
Новгородцева, Клавдия Тимофеевна — см. Свердлова, Клавдия Тимофеевна.
Новиков, Иван Алексеевич, писатель—II, 526.
Новиков, Иван Алексеевич, телятинский крестьянин —II, 526.
Новицкий, студент —II, 344.
Новоселов, Михаил Александрович —II, 111, 166-67, 228.
Новосильцевы, семья П. П. Новосильцева —II, 10.
Новосильцов, Николай Николаевич —I, 356, 382, 386, 388-89, 395-96.
Нойес, Джон —II, 114.
Нордман-Северова, Наталья Борисовна—II, 196.
Норрис, Франк —I, 150, 183.
Нусинов, Исаак Маркович —I, 188.
Ньютон, Исаак —II, 56.
«Нюта», не установленное лицо —II, 362.

Оболенская (рожд. Дьякова), Александра Алексеевна —II, 494.
Оболенская, Елизавета Валерьяновна — I, 532; II, 149, 198, 206, 225, 439.
Оболенская, Мария Львовна — см. Толстая (в замуж. Оболенская), М. Л.
Оболенские, владельцы с. Храброво—II, 136.
Оболенский, Алексей Дмитриевич —II, 150, 225.
Оболенский, Дмитрий Александрович — I, 508, 517; II, 225.
Оболенский, Дмитрий Дмитриевич — I, 204, 227.
Оболенский, Евгений Петрович —II, 136.
Оболенский, Леонид Дмитриевич —I, 531-32; II, 109, 158, 227.
Оболенский, Леонид Егорович —II, 62, 64, 116, 123.
Оболенский, Николай Леонидович —I, 552; II, 188, 194, 231, 272, 274, 487.
Оболенский, студент —II, 372.
Обручев, Сергей Николаевич —II, 344.
Овсова, М. Н., врач —I, 552.
Овсянико-Куликовский, Дмитрий Николаевич —I, 208; II, 324, 340, 359, 367, 396.
Оголина (рожд. Загоскина), Софья Николаевна —I, 532.
Огранович, Михаил Петрович —II, 267.
Одарченко, Георгий Павлович —II, 362.
Озеров, Виталий Михайлович —I, 228.
Озеров, Владислав Александрович —I, 9.
Озмидов, Николай Лукич —II, 91, 100-01, 120, 122, 516.
Озолин, Иван Иванович —II, 281.
Оксман, Юлиан Григорьевич —II, 509, 540.
Олифер, штабс-капитан —I, 507, 517.
Олсуфьев, Адам Васильевич—II, 130, 132, 165, 228, 233.
Олсуфьев, Василий Александрович —I, 519, 521-22.
Олсуфьев, Дмитрий Адамович —I, 633; II, 130, 135, 200, 210, 233.
Олсуфьев, Михаил Адамович —II, 126, 130-31.
Олсуфьева (рожд. Есипова), Александра Григорьевна —I, 266, 521.
Олсуфьева, Анна Васильевна —I, 521.
Олсуфьева, Анна Михайловна —II, 130, 132, 135-37.
Олсуфьева, Елизавета Адамовна —II, 131-32.
Олсуфьева (рожд. Ребиндер), Мария Алексеевна —I, 521-22.
Олсуфьева (рожд. Нарышкина, по первому мужу де Бальмен), Мария Васильевна —I, 522.
Олсуфьева, не установленное лицо —II, 51.
Олсуфьевы, семья Адама Васильевича — II, 133, 137, 259, 262.
Ольденбург, Сергей Федорович —II, 64, 66, 116.
Ольденбургская, Евгения Максимилиановна —II, 164, 228.
Ольденбургский принц, Петр Фридрих Георг —I, 294, 316.
Ольминский, М. (псевдоним Михаила Степановича Александрова) — I, 209; II, 433.
Опульская, Лидия Дмитриевна —I,5, 103-40, 213, 227, 257-90; II, 116, 429, 446, 469, 508-09, 512, 521-23, 539-40.
Опульский, Альберт Игнатьевич —II, 429, 479, 527-29, 538.
Орлов, Александр Иванович —II, 121.
Орлов, Владимир Федорович —II, 26, 37-38, 78, 80, 88-93, 98, 106, 108, 111, 226, 235.
Орлов, Константин Васильевич—II, 282.
Орлов, Николай Алексеевич —I, 513, 518.
Орлов, Николай Васильевич —I, 215-16, 578; II, 19, 144, 205, 211, 233.
Орлов, сын Н. В. Орлова —II, 19.
Орлова (рожд. Трубецкая), Екатерина Николаевна —I, 513, 518.
Орфано, Александр Герасимович —I, 539.
Остен-Сакен фон-дер (рожд. Толстая), Александра Ильинична — I, 499-501, 516; II, 438.
Остен-Сакен фон-дер, Карл Иванович — I, 500, 516.
Островский, Александр Николаевич —I, 260, 518; II, 25, 63, 85-86, 120, 492, 514, 528.
Офенбах (Оффенбах), Жак—I, 406, 428.

Павел I — I, 306, 325, 356-57, 366, 377, 379, 381-82; II, 230, 315.
Павленков, Флорентий Федорович —I, 536.
Павлов, домовладелец —II, 371.
Павлов, Павел Андреевич —II, 341, 359.

Павлушин — см. Полушин, Николай Абрамович.
Палацкий, Франц —II, 105, 123.
Палей, Екатерина —II, 119.
Пален, Петр Алексеевич —II, 179, 230.
Пален, Петр Петрович —I, 396.
Панаев, Иван Иванович —II, 50, 113, 516, 528.
Панкратова, Анна Михайловна —II, 435.
Панов, М., издатель —II, 119.
Парамонов, Н., издатель —II, 232.
Парфений (Левицкий, Памфил) —II, 322.
Паскаль, Блез —II, 56, 196, 232.
Паскевич, Иван Федорович —II, 179, 462.
Пастернак, Леонид Осипович —I, 91; II, 47, 91, 134, 198-99, 443, 527.
Пастрана, Юлия —II, 63, 116.
Пастухов, Николай Иванович —II, 151, 169, 225.
Патэ, кинофирма —II, 281, 369.
Пахомов, Николай Павлович —II, 537.
Пашенька, воспитанница А. И. Остен-Сакен—I, 449, 501.
Пашков, Василий Александрович —II, 229, 494.
Пашков, член ЦБ профсоюзов в 1910 г. —II, 397.
Пейкер, Мария Григорьевна —II, 494.
Пекарский, Петр Петрович —I, 503, 517.
Пеладан, Сар —I, 148, 183.
Первов, Павел Дмитриевич —II, 118.
Переверзев, студент —II, 373.
Перов, Василий Григорьевич —II, 132.
Перовская, Софья Львовна —II, 67, 76, 234, 332.
Перпер, Мирра Иосифовна —I, 533-36; II, 307-16.
Перро (Perrot), Максимилиан —I, 519, 523-24, 526-29
Перфильев, Василий Степанович —II, 109.
Пестель, Павел Иванович —II, 227.
Петр I — I, 515, 518, 530-31, 566-67, 579, 581-82, 612, 616; II, 110, 315, 467-69, 492.
Петр III —II, 315.
Петр, товарищ И. М. Ивакина —II, 30, 32, 37.
Петражицкий, Лев Иосифович —II, 234.
Петрашкевич, Марцелий Густавович —II, 341, 344, 359, 361.
Петрашкевич, Софья Петровна —II, 340, 346.
Петрищев, А. П., журналист —II, 357, 398.
Петров, А., священник, настоятель русской церкви в Женеве —II, 495.
Петров, Анатолий Ксенофонтович —II, 539.
Петров, Павел Яковлевич —II, 495.
Петров, полицейский офицер —II, 378.
Петрович, Андж Мита —II, 208, 233.
Петровский, Алексей Сергеевич —II, 441, 489, 496, 506, 510.
Петряков, А., журналист —II, 539.
Пешехонов, Алексей Васильевич —II, 357, 398.
Пешков, Максим Алексеевич —II, 159.
Пешкова, Екатерина Павловна —II, 159.
Пикард, Альфред —II, 396.
Пикассо, Пабло —I, 145.
Пиксанов, Николай Кириакович —II, 434, 471, 540.
Пиотровская, Астра Генриховна —I, 183.
Пирамидов, начальник царской охраны —II, 152.
Пирогова, Анна Степановна —II, 494.
Писарев, Рафаил Алексеевич —I, 633.
Писемский, Алексей Феофилактович —I, 550.
Пискарев, Николай Иванович —I, 415, 425, 433; II, 505, 511, 517.
Пискарева, Анна Илларионовна —II, 505, 511, 517.
Плаксина, Екатерина Николаевна —II, 366.
Пламеневский, Ипполит Иванович — II, 364.
Платон —I, 46, 85; II, 39.
Платонов, фабрикант в Петербурге—II, 353.
Плеве, Вячеслав Константинович —II, 64, 179, 480.
Плеханов, Георгий Валентинович —I, 93, 212, 227; II, 325, 329, 404, 425, 484.
Плещеев, Алексей Николаевич —II, 497.
Плюснин, Василий Васильевич —II, 202, 233.
Победоносцев, Константин Петрович —I, 136, 211, 221; II, 24, 59, 115, 123.
Погодин, Михаил Петрович —I, 259, 314, 324.
Погожева, Анна Васильевна —II, 159, 227.
Погосский, Александр Фомич —II, 119.
Подьячев, Семен Павлович —I, 115.
Покровская, Ирина Алексеевна —I, 552, 554-56.
Покровская, Наталья Дмитриевна —II, 506.
Покровский, Иван Петрович —II, 374, 397.
Покровский, Иосиф Алексеевич —II, 352.
Покровский, Михаил Николаевич —II, 404, 406, 432-33, 435.
Поленов, Василий Дмитриевич —II, 133.
Поленц, Вильгельм —I, 95, 98, 128, 131.
Поликарпов, В. Д., литературовед —I, 227.
Полин, Михаил Титович —II, 292.
Полин (Пелагеюшкин), Тит Иванович — II, 292.
Полонская (рожд. Рюльман), Жозефина Антоновна —II, 518.
Полонский, Александр Яковлевич — II, 518.
Полонский, Яков Петрович —I, 128-30, 140; II, 494, 518.
Полушин, Николай Абрамович —II, 104, 123, 440.
Помялова, Александра Ивановна —II, 297.
Попов, Евгений Иванович —I, 89, 90, 459, 471, 592, 616, 619; II, 208, 227, 310, 313, 506.
Попов, Егор Иванович — II, 19.
Попов, Павел Сергеевич—II, 467, 479, 538.

Посников, прокурор судебной палаты — II, 151.
Поссарт, Эрнст —II, 63, 67, 116.
Постников, Александр Сергеевич —II, 344.
Поступаев, Федор Емельянович —I, 134, 140.
Потапенко, Игнатий Николаевич —II, 164.
Потемкин, Григорий Александрович —I, 380, 382.
Потехин, Алексей Антипович —I, 135.
Похитонов, Иван Павлович —I, 44, 45; II, 181, 184-85.
Предкальн, Андрей Янович —II, 365.
Прескотт, Уильям Х. —I, 162.
Пржибышевский, Игнатий Яковлевич — I, 319.
Приселков, Аполлон Васильевич —II, 121.
Приселкова В. Н., жена А. В. Приселкова — II, 121.
Пришвин, Михаил Михайлович —II, 539.
Протасов, Александр Иванович —II, 352.
Пругавин, Александр Степанович —II, 78, 118.
Пругавина, К. С., участница кружка Маликова —II, 110.
Прудковский, Андрей Тимофеевич —II, 375.
Прус, Болеслав —I, 147, 150, 183.
Пруст, Марсель —I, 153, 165-68, 184.
Прянишников, Илларион Михайлович — II, 62, 64, 68, 116, 134.
Прянишников, брат художника И. М. Прянишникова —II, 68.
Пуанкаре, Анри —II, 396.
Пугачев, Емельян Иванович —II, 311, 315, 411.
Пузин, Николай Павлович —II, 494. 514.
Пуйманова, Мария —I, 142, 150, 181.
Пуришкевич, Владимир Митрофанович — I, 226; II, 340, 369, 396.
Пушешников, Николай Алексеевич —I, 120.
Пушкин, Александр Сергеевич —I, 6, 9-10, 19, 26, 95-96, 99, 101, 128, 137-38, 185, 220-21, 224, 397-98, 438, 498-99, 515-16; II, 25, 30, 38, 49, 56, 64, 72, 80, 108, 110, 171, 177, 189, 190, 202-03, 216, 229, 231, 235, 319-20, 408, 462, 502, 520, 530, 536.
Пущин, Иван Иванович —II, 520.
Пущин, Михаил Иванович —I, 513, 518; II, 520.
Пущина, Мария Яковлевна —I, 513, 518.
Пьовене, Гвидо —I, 187.
Пыпин, Александр Николаевич —II, 104, 121, 123.

Радклиф (Redcliff), Анна —I, 380.
Радожицкий, Илья Тимофеевич —I, 314.
Радченко, Любовь Николаевна —II, 354, 369-70, 400.
Раевский, Иван Иванович —I, 448, 540.
Раевский, Николай Николаевич, генерал —I, 378.
Раевский, Николай Николаевич, шестидесятник —II, 12-14, 20.
Разин, Степан Тимофеевич —II, 411.
Райгородский, Яков —I, 633.
Райт, Чарльз Теодор Хогберг —II, 207, 233.
Рамакришна, шри-Парамагамза—II, 233.
Раних, Хорст —I, 551.
Раппопорт, С., переводчик статьи Толстого о духоборах на англ. яз.—II, 308.
Расин (Racine), Жан —I, 380, 382.
Распутин (Новых), Григорий Ефимович — II, 322.
Рафаилов, студент —II, 344.
Рафаэль, Санти —I, 19, 88, 130.
Рачинский, Сергей Александрович — I, 573; II, 7.
Рашель, Элиза —II, 63, 220.
Ре (Rey), Жюль —I, 526.
Ре, гувернантка, сестра Жюля Ре —I, 526.
Ребровский, Николай, студент—II, 359.
Редсток, Гренвиль —II, 229.
Рейс (Reuss), Эдуард —II, 36, 111.
Реклю (Reclus), Жак Элизе —II, 210, 234.
Ренан, Эрнест —I, 139; II, 33, 36, 40, 43, 57, 67, 111, 117-18.
Репин, Илья Ефимович —I, 73, 132; II, 8, 17-19, 61, 65, 76-77, 104, 118, 122, 129, 132, 134-35, 139, 196, 506, 527.
Репин, член ЦБ профсоюзов в 1910 г. — II, 397.
Ресель, Федор Иванович —I, 500, 502, 510.
Рёскин, Джон —II, 104, 172, 229, 409, 476.
Римский-Корсаков, Николай Андреевич —II, 112.
Ристори, Аделаида —II, 220.
Ритсон, Жозеф —II, 527.
Рихтер, В., литограф —I, 538.
Ричард III —I, 490.
Ричль (Ritschl), Фридрих Вильгельм — II, 32, 110.
Роб-Грийе, Ален —I, 151.
Роганы, французский дворянский род — I, 380, 385, 390.
Родионов, Николай Сергеевич —I, 324; II, 429-36, 461, 499, 504, 506, 537, 539-40.
Родичев, Федор Измайлович —II, 362, 367, 398-400.
Розанов, Иван Никанорович —II, 491.
Розанова, Сусанна Абрамовна —I, 227, 532-33; II, 429, 505-19, 522.
Роллан, Ромен —I, 142-44, 146-48, 150, 159-60, 172, 179, 183-84, 198, 224; II, 539.
Романов, Константин Константинович, в. к. —I, 135.
Романовы —II, 148, 166.
Ропшин — см. Савинков, Борис Викторович.
Россет, знакомая Толстого —II, 10-11.
Россинский, Владимир Иллиодорович — II, 128.
Ростопчин, Федор Васильевич —I, 26.
Рубан, Даниил Гаврилович —I, 583.
Рубинштейн, Антон Григорьевич —II, 105, 114, 129.

Рубинштейн, Николай Григорьевич —II, 22.
Рубцов, Василий Денисович —II, 365, 397.
Рудаков, Константин Иванович —I, 369, 359, 379,
Рузвельт, Теодор —I, 162.
Румянцев, Николай Михайлович —II, 117.
Русанов, Андрей Гаврилович —I, 138, 551.
Русанов, Гавриил Андреевич —I, 551; II, 448, 450, 502.
Руссо (Rousseau), Жан Жак —I, 10, 13, 40, 48, 380, 382; II, 78, 118, 518-19.
Руфин, Александр Александрович —I, 635.
Рыбаков, Федор Ильич (Юрий Пригорский) —II, 518.
Рыбников, Павел Николаевич —I, 564.
Рыдзевская (рожд. Стахович), Мария Александровна — см. Стахович (в замуж. Рыдзевская), Мария Александровна.
Рылеев, Кондратий Федорович —II, 136.
Рысаков, Николай Иванович —II, 76.
Рюриков, Борис Сергеевич —I, 228; II, 484, 538.
Рябинин, Михаил Андреевич —I, 513, 518.

Саблин, Владимир Михайлович —II, 473.
Сабуров, Андрей Александрович —I, 183, 220, 222, 228.
Савари (Savary), Анн Жан Марп Рене, герцог Ровиго —I, 324.
Савельев, Максимилиан Александрович —II, 435.
Савина, Мария Гавриловна —II, 220.
Савинков (Ропшин), Борис Викторович — II, 137.
Савихин (Иванов), Василий Иванович — II, 68, 117.
Савицкая, Маргарита Георгиевна —II, 277.
Савицкий, Георгий Константинович — II, 475, 483.
Саводник, Владимир Федорович —II, 483, 492.
Савонарола, Джироламо —I, 20.
Садо — см. Мисербиев, Садо.
Садовников, Дмитрий Николаевич —II, 469.
Садовский, Пров Михайлович —II, 63, 220.
Сазонов, полицейский офицер —II, 159.
Сакулин, Павел Никитич—II, 434, 470.
Салинари, Карло —I, 151, 183.
Салтыков, Сергей Сергеевич —II, 495.
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович —I, 6, 108; II, 25, 63, 72, 79, 152, 495.
Салтыкова (рожд. Безобразова), Наталья Александровна —II, 495.
Сальвини, Томмазо —II, 63, 67.
Самарин, Юрий Федорович —II, 147.
Самсонов, Иван Алексеевич —I, 631.
Саркисов, студент —II, 344.
Саррот, Натали —I. 151.
Свербеев, Дмитрий Дмитриевич —II, 175-76, 230, 498.
Свердлов, Яков Михайлович —II, 326, 328, 330-31, 334, 339, 348, 351, 358, 365, 395-96, 400.
Свердлова (Новгородцева), Клавдия Тимофеевна —II, 330, 396.
Сверчков, Николай Егорович —I, 276-77.
Свечина, Мария Петровна —II, 370, 400.
Свешникова, Елизавета Петровна —I, 535-36.
Святополк-Мирский, Петр Дмитриевич — II, 174, 229.
Святослав Давидович, Черниговский князь (Никола Святоша) — II, 81, 119.
Северянин, Игорь (Лотарев, Игорь Васильевич) —I, 137.
Севинье (Sévigné), Мари де Рабютен-Шанталь —I, 392.
Сейрон (Seuron), Альсид —II, 84, 92, 119.
Сейрон (Seuron), Анна —II, 54, 84, 88, 92, 113-14.
Семевский, Михаил Иванович —I, 534.
Семенов, Николай Владимирович —II, 375.
Семенов, Сергей Терентьевич —I, 110, 112, 122, 132, 519, 536-39, 581; II, 514.
Сементковский, Ростислав Иванович —II, 45, 228.
Сенкевич, Генрик —II, 135.
Сенковский, Осип Иванович —I, 9.
Сен-Марк-Жирарден (Girardin), Франсуа Огюст —II, 526.
Сен-Симон, Анри Клод —II, 105, 123, 410.
Сен-Франсуа де, Анжел —I, 635.
Серафим Саровский —II, 175, 229.
Серафимович (Попов), Александр Серафимович —I, 114-16, 126, 224.
Сербка — см. Петрович, Анджа Мита.
Сервантес де Сааведра, Мигель —I, 222. 494.
Сергеев, Иван Ильич — см. Иоанн Кронштадтский.
Сергеенко, Алексей Петрович —I, 557; II, 287-92, 468.
Сергеенко, Петр Алексеевич —I, 117, 139. II, 31. 190, 204, 217, 221-22, 231, 235-36, 506.
Сергей Александрович, в. к. —II, 159, 222.
Серебровская, Екатерина Сергеевна —I, 227, 477-94, 497-518; II, 453, 479. 481, 484.
Серебряков, К., литературовед —I, 541.
Серебрянский, Марк Исаакович —I, 227.
Серов, Валентин Александрович —I, 97.
Сехин, Епифан (Епишка) —II, 46, 89, 112.
Сеченов, Иван Михайлович —II, 67.
Сибиряков, Константин Михайлович — II, 91, 93, 120.
Сивицкий, Иван Моисеевич —II, 152, 226.
Сиксне, Карл Петрович —I, 554.
Сиксне, Рудольф Петрович —I, 554.
Симов, Виктор Андреевич —II, 277.
Симонсон, Мария Федоровна —II. 153, 226.
Сиповский, Василий Васильевич —I, 208.

Сипягин, Дмитрий Сергеевич —II, 164, 166-67, 170, 228, 524.
Сипягина, жена Д. С. Сипягина —II, 170.
Сисмонди, Жан —I, 195-96; II, 409.
Сказка, И. П. —II, 380.
Скафтымов, Александр Павлович —I, 139; II, 184.
Скворцов-Степанов, Иван Иванович —II, 406, 432, 435.
Скиталец (Петров, Степан Гаврилович) — I, 114-15.
Скобелев, Михаил Дмитриевич —II, 107.
Сковорода, Григорий Саввич —I, 18.
Скотт, Вальтер —II, 49.
Славинская, Мария Евстафьевна — см. Гейнс (Фрей), Мария Евстафьевна.
Слепцов, Василий Алексеевич —I, 575.
Смагин, Николай Петрович —II, 400.
Смирнов Е. (Гуревич, Эммануил Львович) —II, 348, 370, 397, 400.
Смит, Адам —II, 417.
Смит (Smith), Джозеф —II, 114.
Смоляк, Анна Львовна —I, 227, 521-22; II, 321, 330-402.
Снегирев, Иван Михайлович —I, 562, 564, 566, 568-76, 578-627.
Соболев, Леонид Сергеевич —I, 224.
Соколов, Владимир Иванович —II, 129.
Соколов, Н. А., литературовед —II, 237.
Соколов, Юрий Матвеевич —II, 113.
Соколова, Мария Васильевна —II, 346.
Сокольников, фотограф —II, 529.
Сократ —I, 52, 54, 57; II, 80, 81, 119, 222.
Солдатенков, Козьма Терентьевич —I, 538.
Соллогуб, Владимир Александрович —I, 257, 259-60; II, 11-12, 72, 491-92.
Соловьев, Александр Николаевич —II, 13.
Соловьев, Владимир Сергеевич —I, 135; II, 30, 36, 58-59, 110, 129, 151, 177, 225-26.
Соловьев, Евгений Андреевич —I, 228, 536.
Соловьев, Иван Ильич —II, 204, 233.
Соловьев, Сергей Михайлович, историк — II, 30, 110.
Соловьев, Сергей Михайлович, писатель— I, 137.
Сологуб, Федор (Тетерников, Федор Кузьмич) — I, 132, 134, 137; II, 177.
Соломон, Шарль —I, 633.
Сомов, Николай Львович —I, 519, 539-40.
Сонина, Евгения, не установленное лицо —II, 381.
Сорокин, член ЦБ профсоюзов в 1910 г.— II, 397.
Софья Алексеевна, царица —II, 315.
Соханская (Кохановская), Надежда Степановна —II, 497-98.
Спасович, Владимир Дмитриевич —II, 123.
Спасский, художник, — II, 129.
Спенсер, Герберт —II, 59, 85.
Сперанский, Михаил Михайлович —I, 356, 358, 360, 588; II, 59, 115, 460, 463-64.
Спиноза, Бенедикт (Барух) — I, 68.
Спиридонов, Василий Спиридонович —I, 210; II, 470-71, 479, 484, 539.
Спиридонов, Николай Петрович —II, 352.
Срезневский, Всеволод Измайлович —II, 434, 441-42, 469, 480, 489, 492, 530.
Сталь де, Анна Луиза Жермен —I, 382.
Станислав-Август Понятовский, король польский —I, 48.
Станиславский, Константин Сергеевич —I, 519, 548-51; II, 229, 295, 301, 305-06.
Стасов, Владимир Васильевич —I, 132, 140, 204, 447, 581, 631, 634; II, 43-44, 112-13, 118, 287, 468, 506, 528.
Стасов, Дмитрий Васильевич —II, 112.
Стасюлевич, Михаил Матвеевич —I, 497-98; II, 89.
Стахович, Александр Александрович —I, 258-59, 266, 569; II, 48, 52, 62-63, 110, 113, 116.
Стахович (в замуж. Рыдзевская), Мария Александровна —II, 62-63, 116, 223.
Стахович, Михаил Александрович, писатель —I, 258-59, 266.
Стахович, Михаил Александрович —I, 258, 632, 635; II, 142, 150, 158, 178, 192. 206-07, 220, 223, 225, 227, 236, 262, 464,
Стахович, Софья Александровна —I, 257, 266, 600; II, 62-63, 116, 189, 220, 230, 461.
Стед (Stead), Уильям—II, 114.
Стеллецкий, Дмитрий Семенович—I, 135.
Стелловский, Федор Тимофеевич —II, 472.
Стендаль (Бейль, Анри Мари) —I, 161.
Стендер-Петерсен (Stender - Petersen), Адольф —I, 78, 102.
Степанов-Скворцов, И. И. — см. Скворцов-Степанов, И. И.
Степняк-Кравчинский, Сергей Михайлович —I, 534-35; II, 307-16.
Стерн (Sterne), Лоренс —I, 504-05, 517.
Стокгэм (Stockham), Алиса —II, 102, 122.
Столыпин, Александр Аркадьевич —I, 632.
Столыпин, Аркадий Дмитриевич —II, 214.
Столыпин, Петр Аркадьевич —II, 194, 201, 209, 214-16, 224, 233-34, 322, 338, 342, 348-50, 480.
Стороженко, Николай Ильич —II, 94, 105, 121, 123.
Страхов, Иван Владимирович —I, 184.
Страхов, Николай Николаевич—I, 36, 87, 92, 98, 101, 130, 324, 398, 450, 497-98, 541, 573, 581-82, 585, 599, 602, 616, 624-26, 634, 636; II, 21-22, 36, 39, 42, 53, 56, 59, 67-69, 76, 111, 113, 115, 117-18, 121-22, 252, 288-91, 444-45, 447-48, 453, 494, 506, 532.
Страхов, Федор Алексеевич —I, 634; II, 223, 236.
Стрельцов, Сергей Александрович —II, 374.
Строев, П. А., корреспондент А. С. Бутурлина —I, 110.
Струве, Глеб Петрович —I, 188, 190.
Струве, Петр Бернгардович —I, 227, 634; II, 324, 327, 329.

Суворин, Алексей Алексеевич —II, 317-18.
Суворин, Алексей Сергеевич —I, 132, 135, 140; II, 124, 169, 228, 317, 320.
Суворов, Александр Васильевич —I, 380; II, 202, 319-20.
Суза (Souza), Аделаида Мария Эмилия — I, 380, 382.
Сулержицкий, Дмитрий Леопольдович — II, 173.
Сулержицкий, Леопольд Антонович —I, 85, 583, 616, 621; II, 128, 173.
Сумароков, помещик, сосед С. Л. Толстого —II, 291.
Суриков, Василий Иванович —I, 60-61; II, 319-20.
Сухозанет, Николай Онуфриевич —II, 179.
Сухотин, Александр Михайлович —II, 494.
Сухотин, Лев Михайлович —II, 154, 226.
Сухотин, Михаил Сергеевич —I, 6, 125, 316, 324, 562; II, 141-236, 274-75.
Сухотина (рожд. Дьякова), Мария Алексеевна —II, 202.
Сухотина, Татьяна Львовна —см. Толстая, Т. Л.
Сухотина (в замуж. Альбертини), Татьяна Михайловна —II, 193, 208, 273.
Сухотины —II, 217.
Сытин, Иван Дмитриевич —I, 519, 536; II, 76, 80, 94, 118, 123, 205, 470, 473, 487.

Т., графиня —II, 106.
Т. В., не установленное лицо—II, 311.
Тавиц, А., художник—II, 421.
Талейран, Шарль Морис —I, 296, 377, 381.
Тальма, Франсуа Жозеф —I, 337.
Танеев, Сергей Иванович —II, 270.
Тапсель, Томас —II, 224.
Теккерей, Уильям Мейкпис —I, 159.
Темяшев (Тимяшев), Александр Алексеевич —I, 500, 516.
Тенишев, Вячеслав Вячеславович —II, 216.
Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс—I, 16.
Тетерникова, жена Фед. Сологуба —II, 177.
Тиблен, Ольга Николаевна —II, 52-53.
Тимирязев, Климент Аркадьевич —II, 115.
Тимофеев, Алексей Васильевич —I, 9.
Тихомиров, Василий Петрович —II, 371.
Тихонравов, Николай Саввич —II, 118, 530.
Тищенко, Федор Федорович —I, 86, 110, 112, 138, 619-20, 624; II, 502, 513.
Того, Хейхациро —II, 179.
Токмаков, студент —II, 159.
Толмачев, Владимир Афанасьевич —II, 193.
Толстая, Александра Андреевна —I, 200, 448, 513, 518, 523-24, 541, 586, 609, 621, 634, 636; II, 116, 151, 164, 170, 191, 220-21, 236, 487, 495, 506, 508.
Толстая (рожд. Глебова), Александра Владимировна —II, 236.
Толстая, Александра Львовна —I, 188, 556; II, 194, 200, 206, 208-09, 213, 218, 232, 239-40, 260, 265, 274-76, 278-84, 292, 390, 434, 505.
Толстая, Варвара Валерьяновна —II, 110.
Толстая, Варвара Сергеевна —II, 80, 82, 119.
Толстая, Вера Сергеевна —II, 80, 82, 119, 267.
Толстая (рожд. Вестерлунд), Дора Федоровна —II, 203.
Толстая, Екатерина Васильевна —II, 237.
Толстая (рожд. Ергольская), Елизавета Александровна —I, 503, 516.
Толстая (в замуж. Оболенская), Елизавета Валериановна —II, 227.
Толстая (в замуж. Оболенская), Мария Львовна —I, 117, 137, 475, 547, 556, 603, 609, 633; II, 21, 85, 139, 147, 158-59, 165-67, 181, 183, 188, 206, 227, 231, 260-61, 264, 266-68, 272, 274, 431, 469, 500, 506, 509-10.
Толстая (рожд. Шишкина), Мария Михайловна —I, 504; II, 45.
Толстая (рожд. Волконская), Мария Николаевна —I, 202, 499, 500, 509-10; II, 496.
Толстая, Мария Николаевна —I, 259, 407, 500, 502, 508, 510, 514, 516-17, 519, 531-33; II, 81, 119, 225, 251, 268, 386, 492, 494, 502.
Толстая (в замуж. Бибикова), Мария Сергеевна —II, 80, 82, 119.
Толстая (рожд. Дитерихс), Ольга Константиновна —I, 555-56; II, 158, 203, 217, 232, 528.
Толстая (рожд. Горчакова), Пелагея Николаевна —I, 499, 500, 516; II, 113.
Толстая (рожд. Берс), Софья Андреевна— I, 5, 44-45, 61, 130, 139-40, 201, 257-60, 266, 283-85, 289, 324, 366, 383, 497-518, 521, 523, 569, **571**, 588, 598, 607, 624, 631-33; II, **18**, 21-22, 32, 34-36, 38, 43-47, 49, 55-56, 68-69, 72-73, 75, 78, 80-84, 89, 92, 94-96, 106, 109, 112-13, 117-22, 124, 132, 139-40, 154, 158, 168, 190, 193-94, 196-99, 203, 206-08, 210-11, 213-15, 218, 220-22, 224, 228, 231-40, 242-47, 249-52, 254-68, 270, 272-85, 295, 303, 363, 415, 418, 431, 440-41, 447, 452, 469, 472-73, 479, 487, 489, 494, 497-98, 501, 505-06, 508, 512, 516, 529, 533, 538.
Толстая, Софья Николаевна —II, 233.
Толстая (в замужестве Сухотина), Татьяна Львовна —I, 6, 201, 207, 523, 542-43, 547, 555, 582, 631-33, 636; II, 19, 21-23, 30, 33-35, 51, 61, 80, 99, 102, 113, 122, 128-31, 135, 137, 139, 141, 148-49, 152, 154, 158, 165, 170, 174, 187, 196, 204-06, 208-09, 214, 217, 220, 234, 237-86, 395, 469, 500, 510.
Толстая, не установленное лицо —II, 10.
Толстая-Есенина, Софья Андреевна —II, 217, 447.
Толстая-Попова, Анна Ильинична —II, 122, 203, 233.
Толстой, Алексей Константинович —I, 128, 550; II, 72 319.

Толстой, Алексей Николаевич —I, 152, 224-25; II, 435.
Толстой, Андрей Львович —I, 556, 598; II, 21, 80, 158, 183, 193, 203, 224, 227, 239-40, 469, 528.
Толстой, Валерьян Петрович —I, 517.
Толстой, Дмитрий Андреевич —II, 24, 28, 109, 509.
Толстой, Дмитрий Николаевич —I, 500, 503, 511; II, 203, 492.
Толстой, Иван Львович (Ванечка) —I, 548; II, 264-65, 267-68, 270, 284.
Толстой, Иван Михайлович —II, 413.
Толстой, Илья Андреевич —I, 512, 517; II, 217.
Толстой, Илья Львович —I, 201, 519, 523, 556-57, 607, 635; II, 21-22, 28, 33, 35, 43, 46, 49, 55-57, 60, 72, 80, 83-84, 87, 100, 106, 108, 110-11, 113, 117, 119, 122, 124, 158,164, 170, 182, 206, 227, 229, 233, 260, 265, 267-68.
Толстой, Лев Львович (Лёля) — I, 108, 201, 542, 582, 633, 635; II. 21, 28, 43, 33, 55-56, 65, 84, 90, 100, 154, 192, 199, 207, 209-11, 226, 239-40, 258, 260, 264-65, 267, 276, 281-82, 503.
Толстой, Михаил Львович —II, 21, 80, 192-93, 236, 469, 488.
Толстой, Николай Ильич —I, 499-500, 509, 516; II, 220.
Толстой, Николай Львович —II, 251.
Толстой, Николай Николаевич —I, 502-04, 506-07, 509-12, 514, 516-17, 626; II, 89, 112, 188, 513, 516.
Толстой, Сергей Львович —I, 201, 521, 523, 549, 561, 569, 636; II, 21-25, 28-29, 33, 43-44, 46, 53, 62, 69-70, 75, 83-84, 87-88, 90, 92-95, 100, 108-10, 112-20, 123-24, 139, 147, 229, 239, 243, 249-50, 252, 257, 267, 281, 283-84, 286, 291-92, 465, 505.
Толстой, Сергей Николаевич —I, 117, 503-04, 511, 622, 626, 633; II, 22, 34, 45, 52, 64, 66, 69, 80, 82, 87, 106, 112, 119, 124, 188, 190-91, 466, 497, 504, 516.
Толстой, Федор Иванович —II, 106, 124.
Толстой, Федор Петрович —II, 117.
Толстые, братья Л. Н. Толстого —II, 528.
Толстые, дворянский род—II, 527.
Толстые, семья Л. Н. Толстого —II, 11, 74, 88, 105-06, 204, 207-08, 256-57, 502, 509, 518.
Томашевич, фотограф —II, 529.
Топер, Павел Максимович —I, 184.
Трегубов, Иван Михайлович —I, 573, 578; II, 224.
Трепов, Дмитрий Федорович —II, 159.
Трескин, Владимир А., московский нотариус — II, 119.
Трескин, Владимир Владимирович —II, 80, 119.
Третьяков, Павел Михайлович —II, 128.
Тригони, Михаил Николаевич —II, 171-72, 229.
Троицкий, Дмитрий Егорович —II, 288, 291.
Тропинин, Василий Андреевич —II, 20.
Трофимов, Иван Трофимович —II, 495.
Трофимов, Сергей Семенович —II, 400,
Троянский, П. Н., художник —I, 119.
Трубецкая, Анна Андреевна —I, 513, 518.
Трубецкая (в замуж. Глебова), Софья Николаевна —II, 236.
Трубецкой, Николай Иванович —I, 513, 518.
Трубецкой, Павел Петрович —II, 527.
Трузсон, Федор Иванович —II, 495.
Тулинов, Николай Иванович —II, 106, 124.
Тургенев, Иван Сергеевич —I, 6, 8, 21, 61, 87, 89, 99, 114, 129, 219, 259, 266, 513, 517-18, 547; II, 25, 45, 49, 62, 72, 80, 101,109, 117, 132, 135, 176-77, 194-95, 201-02, 216, 221, 230, 232, 423, 492, 494, 498, 503-04, 506, 513-14, 518-20, 528.
Турутин, Степан Григорьевич —II, 369-70, 396, 400.
Тучков, Павел Алексеевич —I, 378; II, 11-14.
Тьер (Thiers), Адольф —I, 314, 318, 321, 324.
Тыл, Иозеф Каэтан —II, 116.
Тэн, Ипполит —II, 67, 117.
Тютчев, Федор Иванович —I, 99, 128, 137; II, 202.
Тютчева, Анна Федоровна —II, 497.
Тютчева, Екатерина федоровна —II, 497.
Тяпушкин, А. Д., ярославский рабочий—II, 331.

д'Убриль (Убри), Петр Яковлевич —I, 294, 316-17, 355, 366, 382.
Уваров, Борис Семенович —II, 344.
Улыбышев, Владимир Иванович —I, 138.
Ульянинов, Николай Павлович —II, 85.
Ульянов, Александр Ильич —II, 226.
Ульянова, Мария Александровна —I, 203.
Умберто I, король Италии —II, 524.
Умма-хан (Умар-хан) —II, 464.
Урусов, Леонид Дмитриевич —I, 617, 632; II, 26, 44-45, 112, 114, 229, 259, 286, 468, 472.
Урусов, Сергей Семенович —I, 616; II, 468.
Урусова, Ирина Леонидовна —II, 44, 57, 60.
Урусова, Мария Леонидовна (Мери)—I, 44, 57-60, 114.
Урусова (рожд. Мальцева), Мария Сергеевна —II, 44, 57-58, 60, 114-15.
Урусова, Станислава Леонидовна —II, 44, 57, 60.
Усов, Сергей Алексеевич —II, 58, 64, 114.
Успенская, Александра Васильевна —II, 499.
Успенская (рожд. Засулич), Александра Ивановна —II, 499.
Успенский, Глеб Иванович —I, 108, 121; II, 25, 78-79, 119, 499.
Успенский, Д. И., автор статьи о Толстом —I, 518.
Успенский, Петр Гаврилович —II, 499.

Успенский, Петр Леонидович —II, 193, 231
Успенский, не установленное лицо—II, 100.

Фадеев, Александр Александрович —I, 152, 178, 224, 228; II, 424, 435.
Файнберг, Моисей Борисович (Ленский, Аркадий) —II, 346, 360.
Файнерман,Исаак Борисович (Борисыч)—II, 47-48, 64, 70, 75, 82-92, 113.
Файнерман, Эсфирь Борисовна —II, 75, 82-83; 85-87, 113.
Фалес —I, 10.
Фальборк, Генрих Адольфович —II, 367, 398-99.
Фаминцын, Андрей Сергеевич —II, 115.
Фаррар, Уильям Фредерик —II, 102, 122.
Федин, Константин Александрович —I, 152, 184, 224-25, 228; II, 435, 540.
Федор Кузьмич («старец») —II, 148, 164, 179, 224.
Федоров, Евграф Степанович («директор») —II, 360.
Федоров, Иван —II, 376.
Федоров, Николай Федорович —II, 26, 45, 51, 78, 83, 86,94-100,105,109,112,123.
Федоров, Яков —II, 35.
Федосеенко(?) —II, 153, 225.
Федосова, Ирина —I, 576.
Федот Мартынович, крестьянин, знакомый Толстого —II, 182, 230.
Фейербах, Людвиг —I, 68-69.
Фейхтвангер, Лион —I, 142-43, 150, 152, 170-71, 174, 179, 183-84.
Фельдман, Осип Ильич—II, 105-06, 123.
Фельтен, Николай Евгеньевич —II, 506.
Феокритова, Варвара Михайловна —II, 209, 233, 242, 505.
Фергюсон, Джемс —I, 48.
Феррер, Гаурдия —II, 332, 395.
Фет (Шеншин), Афанасий Афанасьевич —I, 6, 13, 56, 87, 93, 95, 98, 128, 259-60, 324, 533, 575, 583, 585, 598-99, 634; II, 36, 98, 111, 176-78, 195, 202, 222, 236, 495, 504-06, 511-14, 516, 518.
Фет (Шеншина, рожд. Боткина), Мария Петровна —I, 533; II, 195, 222.
Фигнер, Вера Николаевна —II, 206, 234.
Фидлер, Федор Федорович —II, 55.
Филарет (Дроздов, Василий Михайлович), митрополит —II, 13, 41.
Филарет, вятский епископ —II, 322.
Филиберт, домовладелец —II, 66.
Филимонов, не установленное лицо —II, 100.
Филиппов, Русин —I, 143, 183.
Филиппов, Тимофей —II, 72.
Филипов, нижегородский булочник — II, 156.
Филиппова, дочь нижегородского булочника —II, 156.
Филон, Августин —I, 177, 184.
Философов, Дмитрий Владимирович —I, 544.
Фильдс, Люк —II, 130.
Флобер, Гюстав —I, 164, 179.
Фолкнер, Уильям —I, 162.
Фома Аквинский —I, 58.
Фома Кемпийский —II, 115.
Фомина, Надежда Дмитриевна —I, 626.
Фонвизин, Иван Сергеевич —II, 496.
Фонвизина (рожд. Погонина), Варвара Николаевна —II, 496.
Фофанов, Константин Михайлович —I, 128-29.
Франк, Леонгард —I, 165.
Франклин, Вениамин (Бенджамен) —II, 491.
Франс, Анатоль (Тибо) — I, 144, 146, 183; II, 203, 233.
Франц II —I, 300, 309, 319, 321, 346.
Франциск Ассизский —II, 172.
Фрей, Вильям — см. Гейнс, В. К.
Фридлендер, Георгий Михайлович —II, 538.
Фридрих Великий —I, 329, 380, 382.
Фридрихс, Николай Николаевич —II, 235.
Фриче, Владимир Максимович —I, 209, 227.
Фурманов, Дмитрий Андреевич —I, 178, 224.
Фурье, Шарль —II, 410.
Фучик, Юлиус —I, 150, 181, 184.
Фюлеп-Мюллер, Рене —I, 188.

Хаджи-Мурат —I, 627-28; II, 502.
Халабаев, Константин Иванович—II, 530.
Харито, студент —II, 388.
Харламов, Алексей Алексеевич —II, 132.
Хейсин, Миней Леонтьевич —II, 369-70, 400.
Хельчицкий, Петр —I, 18; II, 104-06, 122-23.
Хемингуэй, Эрнест —I, 142, 150, 159, 161-64, 172, 181, 184.
Хилков, Дмитрий Александрович —I, 573, 590, 635; II, 151-52, 195, 225-26, 310.
Хилкова, Юлия Петровна —II, 226.
Хилковы, дети Д. А. Хилкова —II, 151, 225-26.
Хирьяков, Александр Модестович —I, 116, 634; II, 213.
Хмелева, Ольга Нионовна —II, 79, 119.
Хоецкий, Степан Львович —II, 344.
Хомяков, Алексей Степанович —II, 94, 116, 409.
Хомяков, Дмитрий Алексеевич —II, 64, 116.
Хомяков, знакомый М. С. Сухотина—II, 206.
Хомякова (рожд. Ушакова), Анна Семеновна —II, 64, 116.
Храпченко, Михаил Борисович —I, 209, 217.
Худяков, Иван Александрович —I, 564.

Цапенко, Мстислав Николаевич —II, 370, 400.
Цвейг, Арнольд —I, 150, 152, 159, 165, 178, 184.
Цвейг, Стефан —I, 147, 150, 177, 183-84.
Цезарь, Юлий — см. Юлий Цезарь.
Цертелев, Дмитрий Николаевич —II, 177.
Ципельзон, Эммануил Филиппович —II, 155.

Циперович, Григорий Владимирович—II, 370, 400.
Цитович, Николай Мартинианович (Маркович) —II, 387-88.
Цявловский, Мстислав Александрович — II, 434-35, 445, 460, 465, 470, 489, 492, 495, 506, 512, 519, 530, 534.

Чаговец, Всеволод Андреевич —II, 387, 401.
Чайковский, Николай Васильевич —II, 110.
Чайковский, Петр Ильич —II, 63.
Чарторыжский, Адам Георг —I, 303, 356, 364, 368.
Чекальский, Е. И. —II, 234.
Череванин, Н. — см. Липкин, Федор Андреевич.
Черевков, К., литературовед —I, 227.
Чернов, Егор, ученик яснополянской школы —I, 514, 518.
Чернышевский, Николай Гаврилович — I, 24, 27, 108, 534; II, 411, 518, 528.
Чертков, Вадим Владимирович —I, 554.
Чертков, Владимир Григорьевич —I, 324, 450, 475, 487, 519, 537-38, 554-58, 562, 569, 572, 575-76, 583, 585-86, 594, 597-98, 600, 607, 611, 621, 626, 633-36; II, 54, 58, 68, 72, 74-78, 102, 120, 142-44, 146, 151, 166-68, 170, 187, 196-98, 201-02, 204-05, 207-18, 224, 227-29, 232-38, 240, 266, 269, 275-80, 282, 286, 288-89, 325, 340-41, 347, 367, 385, 390, 392, 430-34, 444, 448, 450, 473, 478-79, 481-82, 487, 489, 497, 500-01, 506, 508-10, 512, 514, 516, 521-22, 528-29, 532, 537.
Черткова (рожд. Дитерихс), Анна Константиновна —I, 266, 586, 634; II, 198, 232, 292.
Черткова (рожд. Чернышева-Кругликова), Елизавета Ивановна — II, 234.
Честнекова, Александра Васильевна—II, 378-79.
Чехов, Антон Павлович —I, 6-7, 10, 29, 104-05, 108-10, 112-16, 118, 124-25, 135, 137-39, 150, 223-24, 547-48; II, 101, 122, 150-51, 171, 216, 225, 424.
Чижевский, Владислав —II, 387.
Чижов, В. П. —II, 121.
Чингисхан, Темучин —II, 58.
«Чинов окончил» — см. Блохин, Георгий Федотович.
Чириков, Евгений Николаевич —I, 114-15, 139.
Чирков, Василий Васильевич —II, 41.
Чистякова, Марина Матвеевна —II, 434.
Чичерин, Алексей Владимирович —I, 190, 219-20, 226, 228.
Чичерин, Борис Николаевич —II, 36, 64, 111, 116.

Шабунин, студент —II, 360.
Шаликов, Петр Иванович —I, 314.
Шамиль —I, 592, 627.
Шаховской, Дмитрий Иванович —II, 64, 6 116, 176, 230.
Шаховской, Николай Владимирович—II, 164, 170, 229.
Шацкий, Борис Евгеньевич —II, 339, 358-59.
Шацкий, Станислав Теофилович —II. 419.
Шварценбург, генерал —II, 410.
Шварцман, Лев Исаакович —см. Шестов, Лев.
Шевелев, Василий Петрович (Петрович, Щеголенок) —II, 48, 55, 81, 113.
Шевырев, Петр Яковлевич —II, 226.
Шекспир, Вильям —I, 5, 19, 30, 43, 86. 130, 143, 177, 190, 487-94, 550; II, 16, 56, 64, 101, 116, 175-76, 178.
Шедлинг (Шеллинг), Феликс Максимилианович —II, 346.
Шелягина, Нина Георгиевна —II, 537-40.
Шемельфеник, художник —II, 128.
Шенрок, Владимир Иванович —II, 96, 121.
Шепелева, Зинаида Сергеевна —I, 228.
Шервашидзе, Георгий Дмитриевич —II, 148, 224.
Шереметев, Борис Петрович —II, 315.
Шерер и Набгольц, фотогр.—II, 529.
Шестов, Лев (Шварцман, Лев Исаакович) — II, 219, 235-36.
Шиллер, Фридрих —I, 48, 101, 448; II, 518.
Шильдер, Николай Карлович —II, 179, 230.
Шифман, Александр Иосифович—I, 6, 183, 202, 227; II, 429, 472-86, 539.
Шишков, Александр Семенович —I, 314.
Шкарван, Альберт —II, 440.
Шкловский, Виктор Борисович —II, 537.
Шлейермахер (Schleiermacher), Эрнест Даниель Фридрих—II, 76, 118.
Шлиппе, Владимир Карлович (губернатор) — II, 187.
Шмаринов, Дементий Алексеевич —I, 387; II, 459, 467.
Шмидт, Мария Александровна —II, 122, 214-15, 234, 266, 510.
Шмидт, Петр Петрович —II, 400.
Шмит, Евгений —II, 506.
Шолохов, Михаил Александрович —I, 152, 178, 182, 223-25, 228; II, 435.
Шопен, Фредерик —II, 31, 32, 58, 126, 219, 527.
Шопенгауер, Артур—I, 56, 139, 515; II, 36, 48, 101, 111.
Шор, Давид Соломонович —II, 126.
Шостак, Роман Агеевич —II, 374.
Шоу, Бернард —I, 86, 142-44, 146, 150, 174-76, 183.
Шохор-Троцкий, Константин Семенович —II, 125, 434, 466, 503.
Штевен, Александра Алексеевна —I, 633.
Штейниц, Гуго —II, 473.
Штраус, Давид —II, 40, 43.
Штульц, Христиана —I, 511.
Шуберт, Франц —II, 110.
Шувалов, Николай Николаевич —I, 503, 517.
Шувалова, Елена Ивановна —II, 118.
Шукаев, крестьянин —II, 213.
Шульце, Виктор Вильгельмович —II, 344.
Шуман, Клара —II, 101 122.
Шуман, Роберт —II, 58, 101.

Щапов, Афанасий Прокофьевич —II, 36.
Щеглов, Марк Александрович —II, 522.
Щегловитов, Иван Григорьевич —II, 234, 480.
Щеголенок — см. Шевелев, Василий Петрович.
Щедрин, Н. — см. Салтыков-Щедрин, М. Е.
Щепкин, Михаил Семенович —II, 220.
Щербак — см. Щербаков, Антон Петрович.
Щербаков (Щербак), Антон Петрович —I, 632; II, 194, 231.
Щуровский, Владимир Андреевич —II, 164, 168, 228.

Эджертон, Вильям —I, 557-58.
Эдисон, Томас Алва —I, 519, 557-58.
Эзоп —II, 470.
Эйхенбаум, Борис Михайлович —I, 188, 190, 259-60, 266, 324; II, 446, 453,466, 476, 479, 485, 512, 530, 538, 540.
Экслер, Исаак Борисович —I, 228.
Элпидин, Михаил Константинович —I, 535; II, 110, 122, 308, 442, 473, 478, 487.
Эльсберг, Яков Ефимович —II, 538.
Энгельгардт, Борис Михайлович —II, 540.
Энгельгардт, Михаил Александрович—II, 259, 286.
Энгельс, Фридрих —I, 93, 102; II, 402.
Энгиенский, Людовик Антон Анри де Бурбон, герцог —I, 294, 303-04, 351, 355, 366, 376-77, 380-81, 385, 390, 395.
Энфиаджианц, Арташез Амбарцумович — II, 363.
Эпиктет —I, 57; II, 54, 56, 93, 101, 113.
Эркман-Шатриан (Эркман, Эмиль и Шатриан, Александр) —II, 224.
Эрнефельдт — см. Ернефельт, Арвид Александрович.
Эртель, Александр Иванович —I, 104; II, 218, 235.
Эршлер, Арон Соломонович —II, 389.
Эршлер, Яков Соломонович —II, 389-92.
Эссен, Иван Иванович —I, 354.
д'Эстурнель де Констан (d'Estournelles de Constant) Поль Анри Бенжамен—II, 218, 235.
Эткинд, Е., литературовед —I, 228.
Эфрос, Наталья Давыдовна —I, 6.

Юдин, Павел Федорович —I, 209.
Юлий Цезарь Гай —I, 162; II, 212.
Юм, Давид —II, 524.
Юнг, Брайгам —II, 114.
Юнге (рожд. Толстая), Екатерина Федоровна —I, 584; II, 67, 117.
Юрьев, Сергей Андреевич —II, 22, 94, 121.
Юшков, Владимир Иванович —I, 500, 502, 516.
Юшкова (рожд. Толстая), Пелагея Ильинична —I, 500, 502-03, 508, 516; II, 7, 10.

Ягджиянц, Ганк Степанович («Валентин») —II, 372-73.
Языков, Семен Иванович —I, 499, 516.
Якименко, Лев Григорьевич —I, 223, 228.
Якимова (в замуж. Диковская), Анна Васильевна —II, 234.
Якобсон, Сергей Осипович —II, 519.
Яковлева, Анна Петровна —II, 354.
Якуб, акушер, товарищ И. М. Ивакина — II, 98.
Якушкин, Павел Иванович —II, 497.
Янжул, Иван Иванович —II, 104, 123.
Янковский, Платон Константинович — II, 345.
Яремич, Степан Петрович —I, 634.
Ярошенко, Николай Александрович —II, 128, 527.

Aragon — см. Арагон, Л.
d'Arc, Jeanne — см. Жанна д'Арк.
Ballou, Adin — см. Баллу, Адин.
Beal, Samuel —II, 94, 121.
Bienstock, J. W. —II, 172, 229.
Bloch, Jean-Richard — см. Блок, Жан Ришар.
Boileau — см. Буало, Никола́.
Bonsal, Stephen — см. Бонсал, Стефен.
Boyer, Paul — см. Буайе, Поль.
Brisbane, Arthur—см. Брисбен, Артур.
Cannon, Georg — см. Кеннон, Джордж.
Chopin — см. Шопен, Фредерик.
Corneille—см. Корнель, Пьер.
Crane, Stephen — см. Крейн, Стивен.
Daix, Pierre — I, 184.
Dupuy — см. Дюпюи, Эрнест.
Düringsfeld, Ida —I, 569, 631-35.
Dreiser — см. Драйзер, Теодор.
Edel, L. —I, 184.
D'Estournelles de Constant — см. д'Эстурнель де Констан, Поль Анри Бенжамен.
Feuchtwanger, Lion — см. Фейхтвангер, Лион.
Filon, A. — см. Филон, Августин.
France, Anatole — см. Франс, Анатоль.
Galsworthy, J. — см. Голсуорси, Джон.
Gard du, Roger Martin — см. Гар дю, Роже Мартен.
Garnier —II, 526.
Garland, Hamlin — см. Гарленд, Хэмлин.
Gibson, miss — II, 54.
Girardin — см. Сен-Марк Жирарден, Франсуа Огюст.
Hemingway, Ernest — см. Хемингуэй, Эрнест.
Hozlitt W. Carew —I, 569, 631-32.
Howells, W. D. — см. Гоуэллс, Уильям Дэн,
Hubbard, G. — см. Гюбар, Г.
Hugo — см. Гюго, Виктор.
Hume — см. Юм, Давид.
Jabot — I, 406, 428.
Järnefelt, Arvid — см. Ернефельт, Арвид Александрович.
Lafater — см. Лафатер, Иоганн Каспар.
Lake, miss — II, 71.
Le Roux de Lincy—I, 569, 632-33, 635-36.
Mann, Heinrich —см. Манн, Генрих.

Mann, Thomas — см. Манн, Томас.
Mario di Candia — см. Марио, Джузеппе.
Martel, L. — I, 569, 633-36.
Masaryk, Thomas Garigue — см. Масарик, Томаш Гарриг.
Maude, Aylmer —I, 183.
Maurois, André — см. Моруа, Андре.
Mazzini, Pietro — см. Мадзини, Пьетро.
Montels, Jules — II, 29, 110.
Montesquieu — см. Монтескье, Шарль Луи.
Montmorency — см. Монморанси.
Neff — см. Montels, J.
Nief — см. Montels, J.
Norris, Frank — см. Норрис, Франк.
Péladan, Sar — см. Пеладан, Сар.
Perks — II, 200.
Proust, Marcel — см. Пруст, Марсель.
Prus, B. — см. Прус, Болеслав.
Racine — см. Расин, Жан.
Radcliff — см. Радклиф, Анна.
Reinsberg-Düringsfeld von, Otto Freiherrn —I, 569, 631-35.
Right — см. Райт, Чарльз Теодор Хогберг.
Rohan — см. Роганы.
Rolland, Romain — см. Роллан, Ромен.
Rousseau — см. Руссо, Жан-Жак.
Sainte-Beuev — I, 184.
Schiller — I, 448.
Schleiermacher — см. Шлейермахер, Эрнест Даниель Фридрих.
Seghers, Anna — см. Зегерс, Анна.
Seuron, Anna — см. Сейрон, Анна.
Sévigné —см. Севинье, Мари.
Shaw, Bernard — см. Шоу, Бернард.
Smith, Joseph — см. Смит, Джозеф.
St. Thomas M. (Сен-Тома) — I, 500, 510, 516.
Staël —см. Сталь, Анна Луиза Жермен.
Stead, W.— см. Стед, Уильям.
Stender-Petersen, A. — см. Стендер-Петерсен, Адольф.
Sterne — см. Стерн, Лоренс.
Stockham — см. Стокгэм, Алиса.
Suza (Souza) —см. Суза, Аделаида Мария Эмилия.
Tapsel — см. Тапсель, Томас.
Thiers, A. — см. Тьер, Адольф.
Vogüéde — см. Вогюэ, Эжен Мельхиор.
Voltaire — см. Вольтер, Франсуа Мари (Аруэ).
Wander, Karl Friedrich Wilhelm — I, 569, 632.
Weisbein, Nicolas — см. Вайсбейн, Николай.
Zweig, Arnold — см. Цвейг, Арнольд.
Zweig, Stefan — см. Цвейг, Стефан.

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО

Составил А. Д. Левин

〈«Аггей»〉 〈«Драматическая обработка легенды об Аггее»〉 —I, 614, 637; II, 468.
«Азбука» — I, 515, 518, 564, 568, 570-76, 578-603, 605-07, 609-27, 637; II, 76, 112, 438, 440, 470, 476, 509, 523, 527.
«Акула» — II, 471.
«Алеша Горшок» —I, 120; II, 528.
«Альберт» —I, 513; II, 460, 493, 495, 528.
«Анна Каренина» — I, 5, 10, 25, 28-31, 35-36, 60, 88, 99, 104, 146, 148, 153-55, 166, 169, 186, 195, 211-12, 214, 217, 219, 223-24, 258, 397-442, 515, 570, 574-76, 578, 584, 593-94, 599, 602, 606, 608-09, 616-18, 621, 631-34, 636-37; II, 8, 15-16, 39, 55, 73, 113, 117, 134, 195-96, 414-15, 442, 444, 448, 453-56, 458, 462-63, 494, 498, 527-28, 535, 538.
«Арифметика» —II, 470-71.
«Ассирийский царь Ассархадон» —II, 439, 468.

«Бабья доля» (рассказ Т. А. Кузминской переработанный Толстым) — II, 440.
«Беглец» — см. «Казаки».
«Беседа досужих людей» —I, 598, 637; II, 460.
«Беседа с детьми по нравственным вопросам» —I, 608, 611, 637.
«Бессмысленные мечтания» (незавершенная статья. Заголовок редакции Юбилейного издания) — II, 480.
«Благодарная почва» — I, 600, 637; II, 437.
«Бог правду видит, да не скоро скажет» — I, 60-61, 566, 572, 590, 602, 637.
«Богу или маммоне?» — I, 604, 637; II, 486.
«Божеское и человеческое» — I, 111, 126, 575, 597, 609, 637; II, 146, 439, 453, 523.
«Большая медведица» —II, 439, 468.
«Брат Иван Палечек, шут чешского короля Юрья» (очерк А. Шкарвана, испр. и перераб. Толстым) —II, 440.
«Было старцу искушение...» — II, 439.

«В некотором царстве...» — II, 439.
«В чем моя вера» —I, 62, 539; II, 73, 117, 123, 254, 285.
«Великий грех» — I, 217, 597, 626, 637.
«Вечерние повести» —II, 438.
«Власть тьмы» —I, 110, 120, 146, 177, 539, 548, 566-67, 570-73, 575-76, 579, 581-84, 586-89, 591, 594-95, 599, 601-02, 604-05, 607-08, 611-15, 617-18, 621-22, 624, 637; II, 8, 16, 25, 94, 121, 266, 295-306, 452-53, 496, 526.
«Военные рассказы» — II, 44, 112, 438, 442, 472.
«Война и мир», материалы к «Войне и миру» —I, 5, 10, 23-24, 26-28, 31, 36, 71, 83-84, 98, 104, 116, 145, 148, 151-53, 155-56, 158-59, 161-64, 166, 169, 171, 175-77, 180, 182, 186, 205, 211-12, 217-20, 222-23, 225, 228, 234, 260, 266, 291-396, 514-15, 518, 549, 551, 561, 566-68, 571-86, 588, 590, 592-93, 595-606, 608-14, 616-20, 622-23, 625-27, 631-37; II, 15, 55-56, 70, 72, 87, 117, 144, 179, 200, 210, 212, 233, 250, 404-05, 411-12, 414, 444-47, 449, 451-53, 455-56, 459-61, 463-64, 467-68, 470, 476, 503, 527-28, 535-40.
«Волк и мужик» — I, 617, 637.
«Воскресение» — I, 10, 14, 31, 36, 104-06, 108-09, 111-12, 124-25, 132, 144, 146, 167, 170-71, 178, 182, 213, 214, 452, 567, 570, 575, 581, 588, 592, 595, 605, 609, 611-12, 614, 637; II, 8, 17-18, 138, 144, 149, 151, 211, 236, 319, 418, 423, 442, 444, 448, 450, 453-54, 458, 461, 466, 496, 502, 528, 534-35, 537-39.
«Воспитание и образование» — I, 593, 637.
«Воспоминания» —I, 635, 637.
«Вражье лепко, а божье крепко» —I, 566, 578, 637; II, 76-77, 118.
«Встреча в отряде с московским знакомым»—см. «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный».

«Где любовь, там и бог» — I, 566, 579, 601, 637.
«Голод или не голод?» —I, 451, 600, 637.
«Грамматика для сельской школы» —I, 570, 572, 575, 594, 604, 606, 621, 637; II, 471, 528.

«Два брата» — I, 578, 589, 603, 610, 637.
«Два гусара» —I, 263, 266, 513, 518; II, 438, 465.
«Два пути» — см. «О значении русской революции».
«Два старика» —II, 53, 55, 63, 74, 113.
«Две дороги» — см. «О значении русской революции».

«Две различные версии истории улья с лубочной крышкой» —II, 437.
«Девочка и разбойники» — II, 471.
«Действительное средство» — II, 482.
«Декабристы» (неосуществленный замысел) — I, 204, 569, 592, 637; II, 32, 110, 146, 227, 467-68, 498, 528.
«Детская мудрость» — I, 585, 607, 632, 637; II, 279.
«Детство» —I, 180, 185, 213, 498, 506-08, 512, 515, 517, 608, 633, 637; II, 132, 411, 437-38, 441, 458, 460-61, 465, 472, 475, 489-91, 524, 527, 535, 537.
«Для души» —I, 572, 637.
«Для чего люди одурманиваются» —I, 625, 637; II, 473.
‹«Доклад, приготовленный для Конгресса мира в Стокгольме»› — II, 528.
«Дорого стоит» — I, 608, 637.
‹Драматическая обработка легенды об Аггее› — см. «Аггей».
«Дьявол» —I, 106, 592, 637; II, 214-15, 234-35, 469, 528.

«Единое на потребу» — II, 482.
«Единственное возможное решение земельного вопроса» — I, 617, 637; II, 184, 230, 481.
«Единственное средство» —I, 592, 617, 632, 637; II, 486.
«Епископ Мириель» (изложение Е. В. Оболенской отрывка из «Отверженных» Гюго, исправленное Толстым) — II, 439.
«Ермак» — I, 582, 637; II, 440.

«Живой труп» —I, 119, 175, 179, 549, 583, 633, 636-37; II, 437, 528, 539.
«Жил в селе человек праведный...» —I, 591, 595, 637.

«За что?» — II, 439, 453, 468, 523.
Заключение к «Катехизису» Адина Баллу и «Декларации» Вильяма Гаррисона» —I, 447.
«Закон насилия и закон любви» —I, 579 581, 637; II, 204, 233, 479.
«Заметка о смертной казни» — I, 605.
«Записка о переформировании армии»—II, 480,.
‹«Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера»› — см. «Записка о переформировании армии».
«Записки маркера» — I, 583, 637; II, 438, 460, 465, 528.
«Записки священника» —I, 5, 443-44; II, 439.
«Записки сумасшедшего» — I, 620, 637.
«Записки христианина» —I, 611, 616, 638.
«Зараженное семейство» —I, 260, 567, 570, 572, 575, 587, 598, 610, 622, 625, 638; II, 528.
‹«Заявление об аресте Гусева»› — II, 480.
«Зерно с куриное яйцо» —II, 439, 441, 469.

«И свет во тьме светит» — I, 549, 583, 606, 609, 632-35, 638; II, 528.
«Идиллия»—I, 259, 565, 601, 607, 623, 638; II, 438, 498.
«Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» — I, 513, 518, 599, 635, 639; II, 438, 527.
«Ильяс» — I, 625, 638.
«Исповедь» —I, 13-14, 36, 60-62; II, 244, 252, 285.
«Исследование догматического богословия» — I, 62, 64, 635, 638; II, 111.
«Истинная свобода» —II, 476.
«История вчерашнего дня» — II, 490.
«История моего детства» — см. «Детство».
«История одной лошади» — см. «Холстомер»

«К группе шведской интеллигенции» —II, 508.
«К духовенству» — II, 482.
«К издателям „Московских ведомостей“» —II, 508.
«К рабочему народу» —I, 617, 626, 638; II, 482.
«К редактору английской газеты» — см. «Послесловие к статье П. И. Бирюкова „Гонение на христиан в России в 1895 году“».
«Кавказская повесть» — см. «Казаки».
«Кавказский пленник» — II, 45, 112.
«Казаки» — I, 5, 10, 84, 104, 179, 231-56, 260, 266, 506, 514, 517, 576, 580, 583, 592, 608, 622, 638; II, 46, 89, 112, 117, 442, 458, 461, 465, 470, 472, 498, 503, 528, 535.
«Казачья повесть» — см. «Казаки».
«Как мы уезжали из Москвы» —I, 608-09, 638.
«Как освободиться рабочему народу» —II, 476.
«Как чертенок краюшку выкупал»—II, 119.
«Календарь с пословицами на 1887 год» — I, 563, 568-69, 572, 584, 587, 638.
«Камни» — II, 439.
«Карма» — II, 468.
«Кающийся грешник» — II, 119, 439.
«Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?» —I, 36, 569, 593, 638.
«Конец века» — II, 181, 230.
«Корней Васильев» —I, 592, 626, 638; II, 439, 451, 453, 523.
«Краткое изложение Евангелия» — II, 121.
«Крейцерова соната» — I, 31-32, 35, 106, 121, 136, 144, 146-47, 171, 572, 575, 586, 588, 600, 620, 638; II, 122, 234, 418-19, 442, 447, 451-54, 466, 528, 535.
«Крестник» — II, 119.
«Критика догматического богословия» — См. «Исследование догматического богословия».
«Круг чтения» — I, 563, 579, 583, 586, 594, 606, 608-09, 611-12, 614-16, 618, 628-31, 636, 638; II, 13, 111, 115, 436, 439, 441, 473, 476, 479, 523.
«Кто прав?» —I, 634, 638.
«Кто убийцы? Павел Кудряш» — I, 576, 592, 638; II, 458, 528.

«Ложкой кормит, стеблем глаз колет» (сочинение Толстого и учеников Яснополянской школы) — II, 440.
«Любите друг друга» — I, 574, 611-12, 638.
«Люцерн» — I, 40, 514, 518; II, 78.

«Материнское сердце» (французская сказка с исправлениями Толстого) — II, 440.
«Мать» (неосуществленный замысел) — I, 625, 638.
«Метель» — I, 518, 567, 598, 638; II, 438, 465, 472, 492.
«Миташа» — I, 613, 638.
«Много ли человеку земли нужно?» — I, 570, 623, 638.
«Молитва» — I, 595, 638; II, 439.
‹«Молитва внучке Сонечке»› — II, 477.
«Молодец-баба» — см. «Анна Каренина».
«Море» — I, 592, 638.
«Мысли мудрых людей на каждый день» — I, 563, 578, 592, 594, 628-30, 638.

«На каждый день» — I, 531, 563, 571-72, 579, 586, 592, 594, 602, 607-09, 611-12, 615, 618, 626, 628-31, 633, 635-36, 638; II, 476, 528.
«Набег» — I, 70, 84, 179, 506; II, 438, 441, 460, 491.
‹Народные рассказы›› — II, 8, 25.
«Наука и искусство» — см. «Так что же нам делать?»
‹Начало фантастического рассказа› — I, 638.
«Наше жизнепонимание» — I, 601, 638.
«Не могу молчать» — I, 126, 217, 584, 638; II, 332, 338, 379, 383, 395, 479-81, 484, 523, 528.
«Не убий» — II, 482.
«Неделание» — II, 473-74.
«Неизбежный переворот» — I, 632, 634, 638; II, 235.
«Неправедный суд»(сказка, редактированная Толстым) — II, 440.
«Нет в мире виноватых» — I, 566, 571, 612, 619, 638; II, 438.
«Неужели это так надо?» — I, 600, 608, 638; II, 528.
«Нечаянно» — II, 528.
«Николай Палкин» — I, 204; II, 228, 466, 481.
«Новая азбука» — I, 564, 568, 570-73, 576, 580-82, 584-92, 594-602, 604-09, 612-20, 624, 638; II, 470, 476, 515.
«Номер газеты» — II, 117.

«О безумии» — I, 582, 601, 638.
«О браке и развитии женщины» — см. «Война и мир».
‹О «Вехах›› — II, 484, 538.
«О войне» — см. «Одумайтесь!»
«О воспитании» — II, 234.
«О Гоголе» — II, 485.
«О голоде» — I, 448; II, 479, 528.
«О жизни» — II, 122, 263, 473.
«О жизни и смерти» — см. «О жизни».
«О значении русской революции» — I, 626, 638; II, 186, 230, 528.
«О молитве» — см. «Детство».
«О назначении науки и искусства» — II, 473.
«О народном образовании» — I, 514-16, 518; II, 116, 473, 482.
«О науке» — I, 587, 623, 638.
«О переписи в Москве» — I, 36; II, 473.
«О переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками» — II, 477.
«О помощи при переписи» — II, 478.
«О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» — II, 234.
«О прогрессе и образовании» — I, 580, 638; II, 475.
«О прогрессе образования» — см. «О прогрессе и образовании».
«О просвещении — воспитании и о первоначальном образовании — обучении» — II, 55.
«О свободном возникновении и развитии школ в народе» — I, 625, 638.
«О социализме» — I, 632, 638.
«О том, что называют искусством» — I, 605, 636, 638.
«О Шекспире и о драме» — I, 5, 94, 487-94, 626, 635-36, 638; II, 175-76, 178, 229, 482, 486, 528.
«Об искусстве» — II, 123.
«Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» — II, 184, 230.
«Объяснительная записка к завещанию» — II, 430.
«Одумайтесь!» — I, 555-56; II, 230, 482.
«Орел» — II, 438.
«Ореховая ветка» — II, 471.
«Осуждение» — I, 585.
«От ней все качества» — I, 566, 576, 584, 596, 602, 616, 624, 638; II, 462.
«Ответ на определение Синода» — II, 120, 162, 227, 482, 484.
«Отец Василий» — I, 119, 572-73, 638.
«Отец Сергий» — I, 106, 119; II, 468, 528.
«Отрочество» — I, 213, 506, 512-13, 515-17, 564, 609, 624, 638; II, 132, 411, 438, 460-61, 465, 472, 527, 535, 537.
‹Отрывки рассказов из деревенской жизни› — I, 582, 597, 615, 623, 638.
«Отчего зло на свете» — I, 606, 638.
«Офицерская памятка» — II, 158-61, 167-68, 227-28, 482.
«Охота пуще неволи» — I, 518, 566, 608, 638.

«Памятки» — см. «Офицерская памятка», «Солдатская памятка».
«Патриотизм или мир?» — I, 635, 638.
«Первая русская книга для чтения» — II, 470.
«Первая ступень» — I, 547.
«Первое горе» (соч. Л. А. Авиловой, исправленное и переработанное Толстым) — II, 439.
«Первый винокур» — I, 582, 584, 599, 606, 626, 638; II, 103, 441.
«Письмо к индусу» — II, 475, 508.
«Письмо к китайцу» — II, 508.
«Письмо к фельдфебелю» — II, 476.

«Письмо к шведской интеллигенции о Гаагской мирной конференции» —II, 528.
«Письмо крестьянину о земле» — II, 476.
«Письмо студенту о „праве“» — II, 234.
«Плоды просвещения» — I, 144, 175, 177, 550, 567, 576, 581, 609-10, 617, 639; II, 528.
‹По поводу статьи П. Струве› — I, 634, 639.
«Поликушка» — I, 260, 498, 514, 516, 518, 583, 589, 591, 604-05, 608, 617, 639; II, 460, 472.
«Понятие жизни» — I, 601, 606, 620, 624, 639.
«Пора понять» — I, 594, 639.
«После бала» — I, 199; II, 437, 466, 504.
«Послесловие к брошюре В. Г. Черткова „Наша революция. Насильственное восстание или Христианское освобождение“» — II, 233.
«Послесловие к статье П. И. Бирюкова „Гонение на христиан в России в 1895 году“» —I, 475; II, 486, 526.
«Послесловие к статье Я. В. Абрамова „О гонении на духоборов“» —II, 474.
«Пословицы на каждый день» — см. «Календарь с пословицами на 1887 год» —I, 563.
«Посмертные записки старца Федора Кузмича» —II, 468.
«Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении?» — I, 590, 639.
«Праздник просвещения 12-го января» — II, 98, 122.
«Предисловие к альбому картин Орлова „Русские мужики“» —II, 144, 147, 205, 233.
«Предисловие к „Катехизису“ Баллу и к „Декларации чувств“ Гаррисона» — I, 447.
«Предисловие к книге „Japanese notion of european political economy“» — I, 603, 639.
«Предисловие к „Памяткам“» — II, 144, 167-68, 228.
«Предисловие к рассказу „Матвей“» —II, 233.
«Предисловие к рассказу „Убийцы“» —I, 146, 149.
«Предисловие к роману А. И. Эртеля „Гарденины“» — II, 235.
«Предисловие к роману Поленца „Крестьяне“» — I, 98; II, 169.
«Предисловие к сборнику мыслей Джонна Рёскина „Воспитание. Книга. Женщина„» — II, 476.
«Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана» — II, 230, 473, 523.
«Предисловие к статье В. Г. Черткова „О революции„» — I, 634, 639.
«Предисловие к статье Е. А. Берс „Магомет“» — II, 233.
«Предисловие к "Токологии, или Науке о рождении детей" Алисы Стокгэм» —II, 122.
«Предисловие к "Учению двенадцати апостолов„» —II, 111.
«Прежде всех в селе узнали...» — II, 438.
«Приближение конца» —I, 547; II 526.
«Прогресс и определение образования» — I, 623, 639; II, 116, 475, 485.
«Проект о переформировании батарей» — II, 476.
«Путь жизни» —I, 563, 570, 572-73, 579, 586, 602, 605, 607-09, 611-12, 614, 618, 626, 628-31, 639; II, 476, 528.

«Работник Емельян и пустой барабан» — I, 602, 639; II, 442, 469.
«Рабство нашего времени» —I, 5, 36, 217, 477-86, 633, 639; II, 479, 481, 484, 486.
«Разжалованный» —см. «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный».
«Рассказы дедушки» — II, 438.
«Религия и наука» —I, 607, 639; II, 474.
«Религия и нравственность» — I, 547-48; II, 486.
«Речь о народных изданиях» — I, 573, 619, 639.
«Рождественские колокола» (изложение А. А. Рутцен сказки Ч. Диккенса, исправленное и дополненное Толстым) —II, 440.
Роман из времени Петра I — I, 579, 582, 612, 616, 639; II, 110, 467-69, 528.
Роман о русских богатырях — II, 438-39.
«Роман русского помещика» — I, 506, 508, 512, 517, 625, 639; II, 231, 439, 528.
«Рубка леса» — I, 84, 512-13, 517; II, 438.
«Руководство для учителя» — II, 470.
«Русские книги для чтения» —II, 476, 523.
«Русские пословицы. Собрал Л. Н. Толстой» — I, 563.
«Ручной труд и умственная деятельность» —II, 473.

«Самый дешевый товар» — см. «Рабство нашего времени».
«Сборник пословиц». Материалы — I, 571, 573, 575-76, 578-86, 588-89, 591-98, 600-02, 604-26.
«Свечка» — I, 589, 610, 626, 639; II, 49, 67, 113.
«Святочная ночь» — II, 528.
«Севастополь в августе 1855 года» —I, 513, 517-18, 624, 639; II, 438, 492, 526-27.
«Севастополь в декабре» —I, 512; II, 438, 442.
«Севастополь в мае» — I, 512; II, 438, 442.
«Севастопольские рассказы» — I, 83-84, 147, 161, 180, 217, 512-13, 517-18, 624, 639; II, 438, 442, 472, 492, 527-28, 537.
«Семейное счастье» —I, 148, 514, 634, 639; II, 460, 466, 472, 528.
«Сестры» — II, 439.
«Сказка об Иване дураке» — I, 592, 613-14, 639; II, 74, 118, 452.

«Славянскому съезду в Софии» — II, 482.
«Смерть Ивана Ильича» — I, 18, 36, 53, 106, 120, 144, 146, 157, 167, 258, 547, 590, 634, 639; II, 25, 65, 116, 464, 528.
«Собеседники» — I, 607, 639.
«Сокол» — II, 438.
«Солдаткино житье» (сочинение ученика Яснополянской школы В. Морозова, исправленное Толстым) — II, 440.
«Солдатская памятка» — II, 158-59, 161, 167-68, 227-28, 482.
«Сон» — II, 142, 216, 235, 288.
«Сон» — см. также «Три дня в деревне».
«Сон», стих. в прозе — II, 495.
‹Стихотворение-эпитафия А. И. Остен-Сакен› — II, 438.
«Сто лет» — I, 572, 574, 579-80, 602, 606-07, 625, 639.
«Суратская кофейная» — II, 439.
«Сусойчик» — I, 634, 639.

«Так что же нам делать?» — I, 36, 40, 86, 217, 258, 535, 571, 574, 593, 596, 599, 614, 617, 636, 639; II, 76, 78, 110, 112-14, 118, 258, 285, 472-73, 477-78, 481, 486-528.
«Терская линия» — см. «Казаки».
«Тихон и Маланья» — I, 259; II, 438.
«Тревога» — II, 498.
«Три вопроса» — II, 531.
«Три дня в деревне» — I, 572, 639; II, 216, 235, 461.
«Три медведя» — II, 471.
«Три поры» — см. «Война и мир».
«Три притчи» — I, 547.
«Три сестры» (переделка сказки, отредактированная Толстым) — II, 440.
«Три смерти» — I, 36, 120, 266, 514, 518.
«Три старика» — см. «Три старца».
«Три старца» — I, 79; II, 79, 113, 119.
«Три сына» — II, 442.
«Труждающиеся и обремененные» — II, 528.
«Тысяча восемьсот пятый год» — см. «Война и мир».

«Уж» — II, 471.
«Упустишь огонь — не потушишь» — I, 566, 625-26, 639; II, 67.
«Утро помещика» — I, 512-13, 517-18; II, 438.

«Фальшивый купон» — II, 278, 528.

«Хаджи-Мурат» — I, 116, 119-20, 173, 180, 204, 218, 567, 574, 585, 592, 606, 611-12, 623, 627-28, 631, 635, 639; II, 157, 287, 437, 458, 461-62, 464, 468, 502, 522, 528, 535.
«Характеры и лица» — II, 439.
«Хлыстомер» — см. «Холстомер».
«Ходите в свете, пока есть свет» — II, 442, 460.
«Хозяин и работник» — I, 547-48, 582, 600, 639; II, 131, 138-39, 318-19, 441, 458.
«Холстомер» — I, 5, 26, 97, 257-90; II, 64, 116, 231, 458, 462-63, 475, 483, 528.
«Христианство и патриотизм» — I, 547; II, 486, 526.

«Царство божие внутри вас» — I, 5, 36, 62, 80, 129, 445-74, 547, 602, 613, 639; II, 116, 123, 479, 481, 484, 519, 528.
«Царю и его помощникам» — II, 226, 472, 482-83, 486.
«Церковь и государство» — II, 111, 142.

«Чего желает прежде всего большинство русского народа» — II, 482.
«Чем люди живы» — I, 91, 571, 580, 594, 599, 611, 639; II, 41, 46, 48, 55, 79, 81, 113, 119, 452.
«Четыре эпохи развития» (неосуществленный замысел) — II, 458.
«Что такое жена» (пьеса Н. А. Полушина, исправленная Толстым) — II, 440.
«Что такое искусство?» — I, 36, 40, 83, 125, 130, 132, 148, 150, 178, 487, 602, 624, 636, 639; II, 176, 473, 477-78, 480, 484, 486.
«Что такое религия и в чем сущность ее» — II, 161.
«Что я видел во сне?» — II, 288, 528.

«Шуточные сцены для детского спектакля» — II, 469.

«Это ты» — II, 468.

«Юлиания Лазаревская» (повесть Е. С. Некрасовой, исправленная Толстым) — II, 440.
«Юность» — I, 213, 291, 513, 515, 517, 532, 634, 639; II, 132, 438, 460-61, 465, 493, 527, 535.

«Ягоды» — II, 439, 453, 523.
«Ясная Поляна», журнал — II, 477.
«Ясная Поляна. Книжки» — II, 200, 233, 440.
«Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» — I, 41, 324, 569.

«Carthago delenda est» (1896) — II, 526.
«Carthago delenda est» (1898) — II, 526.
«Carthago delenda est» — см. также «Приближение конца» и «Послесловие к статье П. И. Бирюкова. „Гонение на христиан в России в 1895 году“».

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ

ИЗ РУКОПИСИ ВОСПОМИНАНИЙ ХУДОЖНИКА П. Ф. ВИМПФЕНА О ТОЛСТОМ
Публикация Л. Н. Кузиной 7

ТОЛСТОЙ В 1880-е ГОДЫ
ЗАПИСКИ И. М. ИВАКИНА
Вступительная статья С. Л. Толстого
Публикация Н. Н. Гусева и В. С. Мишина 21

ВСТРЕЧИ С ТОЛСТЫМ
Воспоминания П. И. Нерадовского 125

ТОЛСТОЙ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ
ПО ЗАПИСЯМ В ДНЕВНИКЕ М. С. СУХОТИНА
Публикация Л. Н. Кузиной 141

ДОЧЬ ТОЛСТОГО ОБ ЕГО УХОДЕ И СМЕРТИ
ВОСПОМИНАНИЯ Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ
Предисловие Б. С. Мейлаха 237

ПОСЛЕДНИЕ СЮЖЕТЫ
Из воспоминаний А. П. Сергеенко 287

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ ДРАМЫ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ»
ДВЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ:
1. ПОПРАВКИ ТОЛСТОГО В ИЗДАНИИ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» 1887 г.
Сообщение В. Ф. Булгакова 295
2. ПО ПОВОДУ СООБЩЕНИЯ В. Ф. БУЛГАКОВА
Реплика Н. К. Гудзия 304

РЕВОЛЮЦИОНЕР-НАРОДНИК О ТОЛСТОМ
ДВЕ ЗАБЫТЫЕ СТАТЬИ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО
Публикация М. И. Перпер 307

ТОЛСТОЙ О СТУДЕНЧЕСКОЙ СТАЧКЕ 1899 г.
ПИСЬМО Н. М. ЕЖОВА К А. А. СУВОРИНУ
Сообщение Н. И. Гитович 317

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ СМЕРТИ ТОЛСТОГО
Вступительная статья Г. М. Лифшица
Публикация Г. М. Лифшица и А. Л. Смоляк 321

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ О ТОЛСТОМ
НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ЛЕКЦИЯ 1928 г.
Предисловие К. Н. Ломунова
Публикация В. Д. Зельдовича 403

ОБЗОРЫ

О ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО («ЮБИЛЕЙНОМ»)

ИСТОРИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ.— ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.— СТАТЬИ И ТРАКТАТЫ.— ДНЕВНИКИ.— ПИСЬМА.— ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ. — ИЛЛЮСТРАЦИИ.— ЗАКЛЮЧЕНИЕ. — БИБЛИОГРАФИЯ ОТЗЫВОВ О ЮБИЛЕЙНОМ ИЗДАНИИ.

Критический обзор: Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, В. А. Жданова, Э. Е. Зайденшнур, В. С. Мишина, А. И. Опульского, Л. Д. Опульской, Н. С. Родионова, С. А. Розановой и А. И. Шифмана 429

Список условных сокращений 541

УКАЗАТЕЛИ К ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ КНИГАМ

Указатель иллюстраций

Составила Т. Г. Динесман 542

Именной указатель

Составил А. Д. Левин 549

Указатель упоминаемых произведений Толстого

Составил А. Д. Левин 573

В КНИГЕ 101 ИЛЛЮСТРАЦИЯ И ДВЕ ВКЛЕЙКИ

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ, ОДНОВРЕМЕННО ВЫХОДЯЩЕЙ В СВЕТ

ОТ РЕДАКЦИИ

СЛОВО О ТОЛСТОМ
Речь, произнесенная Л. М. Леоновым 19 ноября 1960 г. в Большом театре СССР на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти Толстого

ТОЛСТОЙ-ХУДОЖНИК
Доклад, прочитанный В. В. Ермиловым 30 июня 1960 г. на Международной конференции памяти Толстого в Венеции

СТАТЬИ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ТОЛСТОГО
Статья В. Ф. Асмуса

ТОЛСТОЙ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.
Статья Л. Д. Опульской

ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ
Статья Т. Л. Мотылевой

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ТОЛСТОГО
Статья К. Н. Ломунова [и Е. С. Мейлаха

ИЗ ИСТОРИИ ТВОРЧЕСТВА

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «КАЗАКОВ»
Неизвестные страницы «Кавказского романа» и «Казачьей повести» (1856—1858)
Публикация П. А. Журова

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ «ХОЛСТОМЕР»
Ранняя редакция (1861—1863)
Статья и публикация Л. Д. Опульской

ПОИСКИ НАЧАЛА РОМАНА «ВОЙНА И МИР»
Пятнадцать набросков (1863 — 1864)
Статья и публикация Э. Е. Зайденшнур

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»
Два ранних наброска романа (1873)
Статья и публикация В. А. Жданова

НАЧАЛО НЕЗАВЕРШЕННОГО РАССКАЗА «ЗАПИСКИ СВЯЩЕННИКА» (1909)
Публикация В. С. Мишина

ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА

«ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС»
Из рукописей двенадцатой главы (1890)
Предисловие М. Н. Зозули
Статья и публикация Н. В. Горбачева

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ О ГОНЕНИИ НА ДУХОБОРОВ (1895)
Публикация В. С. Мишина

«РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ»
Неизвестные страницы (1900)
Предисловие К. Н. Ломунова
Публикация Е. С. Серебровской

ИЗ РУКОПИСЕЙ СТАТЬИ «О ШЕКСПИРЕ И О ДРАМЕ» (1903—1904)
Публикация Е. С. Серебровской

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ПИСЬМА

ТРИ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКА ТОЛСТОГО

Очерки, составленные Софьей Андреевной со слов Толстого и им выправленные

Публикация Е. С. Серебровской

ПИСЬМА ТОЛСТОГО

Е. Н. Ахматовой, Е. В. Барсову, С. И. Бирюкову, П. П. Боткину, А. А. Васильеву, Ф.-Д. Гаррисону, В. К. Гейнсу (В. Фрею), В. Генкелю, Г. Дрозу, С. П. Дягилеву, Е. Д. Загоскиной, В. В. Иванову, Э. Клерку, Э. Корнману, Р. Лёвенфельду, В. А. и М. А. Маклаковым, В. А. Олсуфьеву, М. Перро, С. Т. Семенову, Н. Л. Сомову, К. С. Станиславскому, И. Д. Сытину, И. Л. и М. Н. Толстым, В. Г. Черткову, Т. А. Эдисону

Публикация М. Я. Блинчевской, Р. Я. Бусс, Т. Н. Волковой, Н. Н. Гусева, Р. Б. Заборовой, З. Н. Ивановой, Н. А. Леонтьевского, В. С. Мишина, М. И. Перпер, И. А. Покровской, Л. С. Пустильник, Х. Раппиха, С. А. Розановой, А. Л. Смоляк и В. Эджертона

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ, ДНЕВНИКАХ И ПИСЬМАХ ТОЛСТОГО

Публикация Э. Е. Зайденшнур

«Литературное наследство», том 69, кн. 2-я
Лев Толстой

*

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарева*

*

РИСО АН СССР № 1-101В. Сдан в набор 6/II 1961 г.
Подписано к печати 30/X1961 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 36,25+2 вкл. Усл. печ. л. 49,66+2 вкл.
Уч. изд. л. 50,9(5),7+0,2 вкл.) Тираж 7000 экз.
Т-07442 Изд. № 10 Тип. зак. № 1625

Цена 6 руб. за две книги

*

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер. 10

Цена за две книги
6 руб.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ 69
В ДВУХ КНИГАХ

Цена за две книги
6 рублей

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР